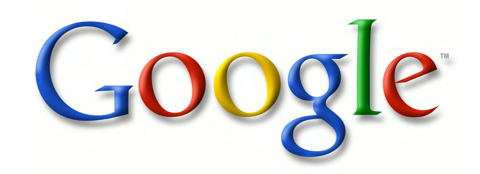
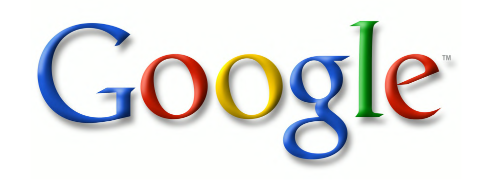
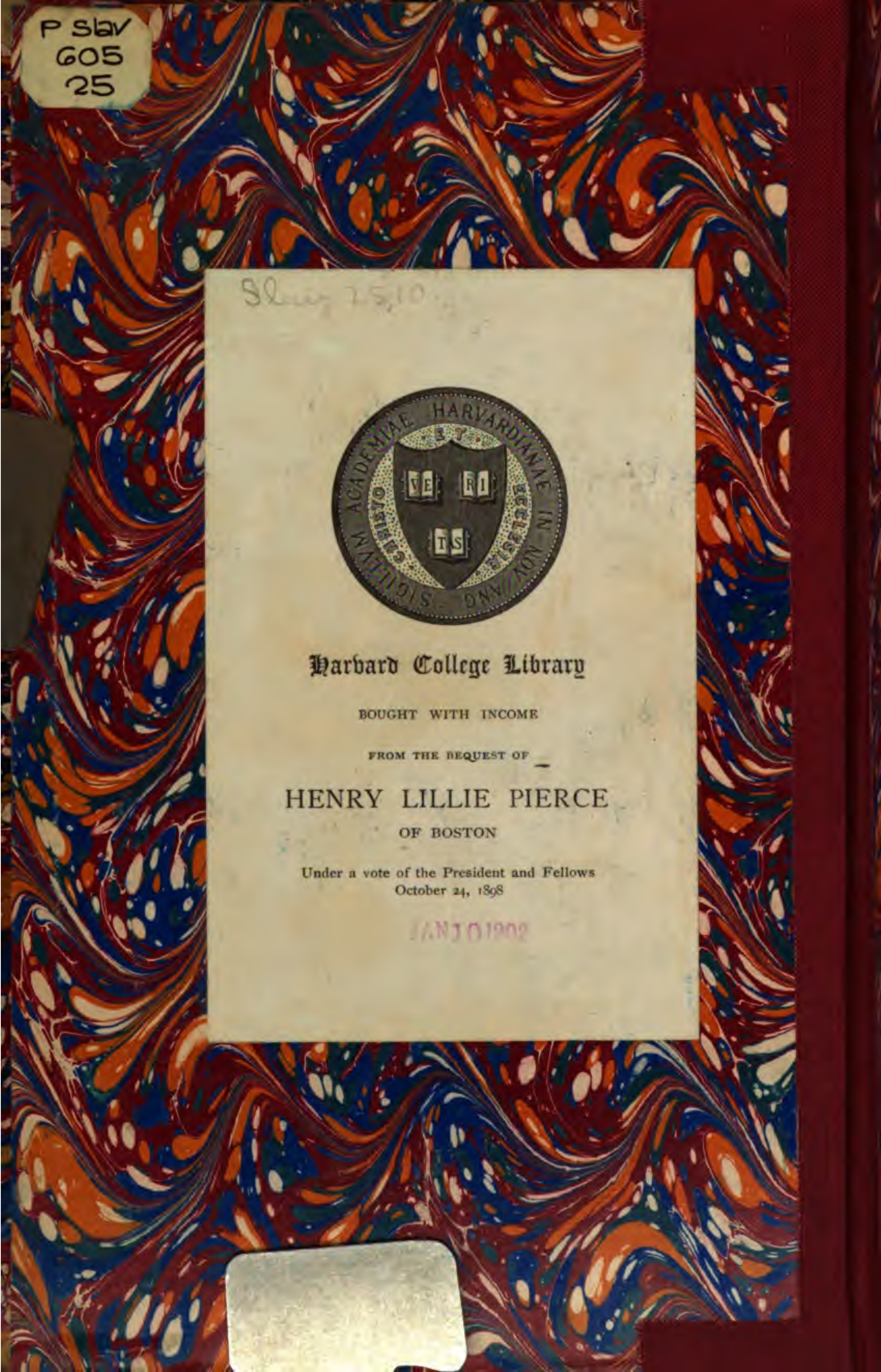
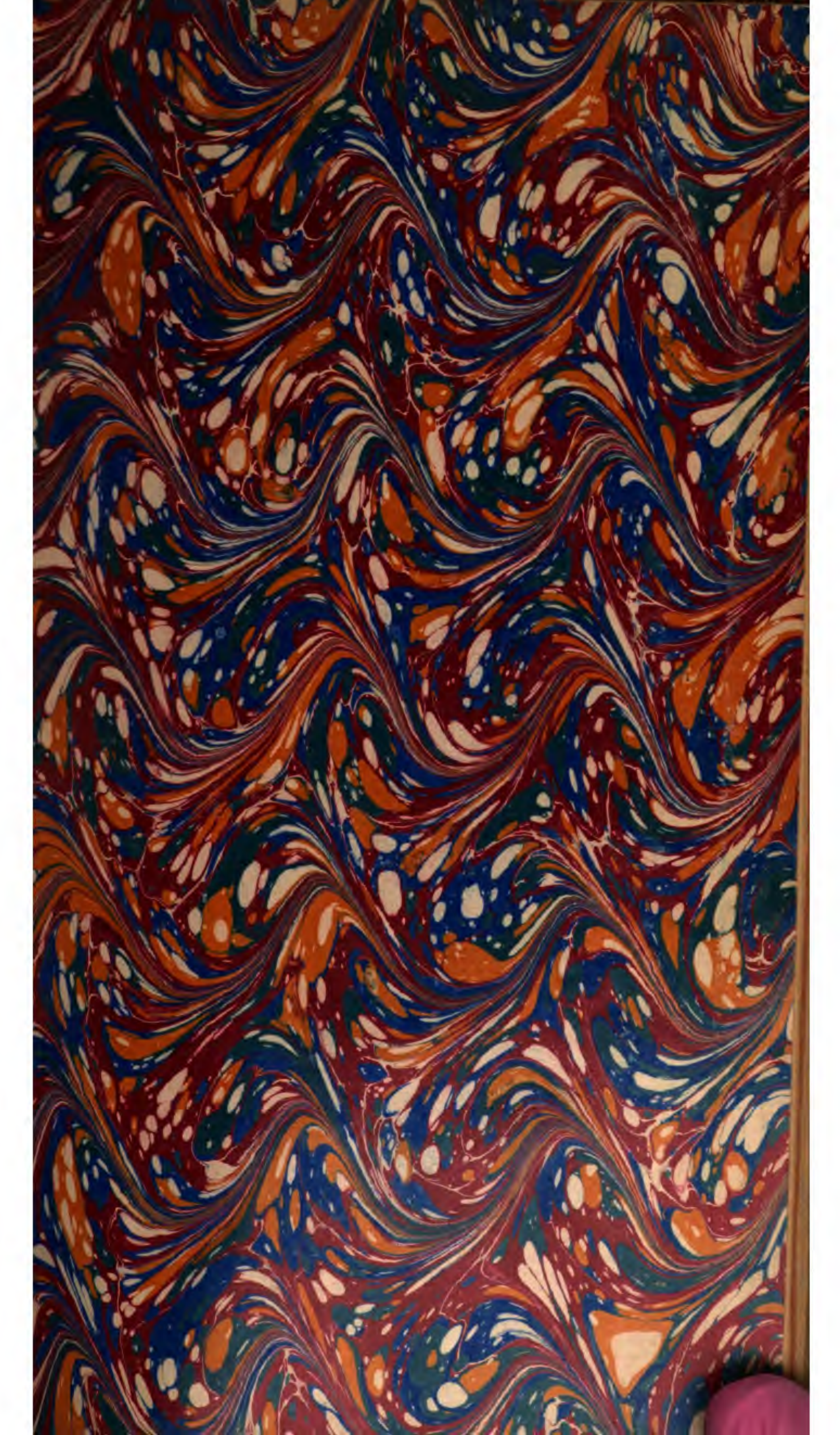



Google


P Slav 605 25
Slav 25,10
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG



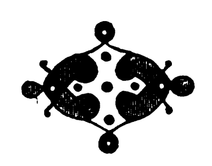
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.



1892 г.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 80.
1892.

РУССКАЯ СТАРИНА
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
1892.
АРТ. МАТВѢЕВЪ
БОР. ГОЛИЦЫНЪ
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВЪ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВЪ
КОКОРИНОВЪ
БОРТНЯНСК.
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВЪ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
Состав. Л. Шарлемань
рис. К. Брожъ
Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 10 декабря 1888 г.
Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. ЯНВАРЬ. 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ императрицы **Маріи Александровны** († 1880 г.), гравировалъ на мѣди художн. Θ. А. Меркинъ. — II. Портретъ-группа старѣйшихъ русскихъ сценич. артистовъ въ Спб., 1858 г., фототипич. снимокъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.
1892.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1892 г.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1888 годъ. Спб. 1891.

Въ отчетахъ Библіотеки уже не въ первый разъ заявляется о тѣснотѣ помѣщенія ея и затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при размѣщеніи поступающихъ въ нее книгъ. Въ отчетномъ 1888 году переполненіе Библіотеки произведеніями печати было особенно чувствительно въ отдѣленіи русскихъ книгъ, гдѣ за недостаткомъ мѣста книги складывались на полъ, и—въ отдѣленіи иностранныхъ дублетовъ. На содержаніе Библіотеки въ 1888 году получено 92,873 р. 32 к.; израсходовано 89,073 р. 32 к., въ томъ числѣ на пріобрѣтеніе рукописей и книгъ и доставку ихъ изъ за границы 31,662 р. 41 к. и на переплетъ 5,935 р. 81 к. Замѣчательное пріобрѣтеніе Библіотеки въ отчетномъ году составляютъ девятнадцать коллекцій рукописей. 1) Первое мѣсто между этими коллекціями занимаетъ принесенное въ даръ крестьяниномъ Новгородской губерніи, Устюженскаго уѣзда, Охоновско-Остраченской волости, деревни Гуськовъ, Павломъ Дмитріевичемъ Богдановымъ собраніе славяно-русскихъ рукописей XIV—XVIII вѣковъ. Въ приложеніи къ отчету напечатанъ подробный и весьма обстоятельный каталогъ этого собранія, составленный библіотекаремъ отдѣленія рукописей И. А. Бычковымъ, которымъ сообщаются свѣдѣнія о пріобрѣтеніяхъ рукописнаго отдѣленія, помѣщаемыя и въ самомъ текстѣ отчета. Въ предисловіи составитель сообщаетъ интересныя біографическія свѣдѣнія о дарителѣ Богдановѣ, который расходовалъ послѣднія заработанныя деньги на покупку рукописей и при самыхъ скудныхъ средствахъ составилъ коллекцію изъ 275 экземпляровъ. Изъ этой коллекціи 125 рукописей принесены имъ въ даръ Библіотекѣ, а остальныя 150, главнымъ образомъ относящіяся къ исторіи раскола, куплены у него Библіотекою въ 1890 году. Въ числѣ рукописей, подаренныхъ Богдановымъ, заслуживаютъ вниманія, между прочимъ, нѣкоторые отрывки изъ богослужебныхъ книгъ XIII и XIV вв., писанные на пергаменѣ, лицевой списокъ Козмы Индикоплова XVI в., данный вкладомъ въ Соловецкій монастырь протопопомъ Сильвестромъ, и сорокъ одинъ сборникъ XV—XVIII вѣковъ. Прочія коллекціи слѣдующія: 2) Принесенное въ даръ Библіотекѣ ея почетнымъ членомъ, преосвященнымъ Угличскимъ Амфилохіемъ, собраніе рукописныхъ церковно-славянскихъ Апостоловъ XV, XVI и XVII вв. 3) купленная Библіотекою часть переписки графовъ Румянцовыхъ. Здѣсь находятся письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому, графа С. П. Румянцова къ отцу-фельдмаршалу, гр. Сергѣя Петровича Румянцова къ брату Николаю Петровичу Румянцову, письма къ канцлеру графу Н. П. Румянцову Аракчеева, Батюшкова, И. И. Дмитріева, Н. М. Карамзина (и его же письмо къ Бантышъ-Каменскому), и др., черновые отпуски и копіи писемъ и донесеній графа Н. П. Румянцова, преимущественно относящихся къ его дипломатической дѣятельности, и разныя бумаги, принадлежавшія фамиліи Диковыхъ, у которыхъ хранилась названная переписка Румянцовыхъ. 4) Собраніе матеріаловъ для исторіи раскола частью въ XVIII вѣкѣ, главнымъ же образомъ въ текущемъ столѣтіи, а также изслѣдованій и оффиціальныхъ записокъ по исторіи раскола. 5) Принесенныя Библіотекѣ въ даръ А. Н. Хвостовымъ бумаги по крестьянскому дѣлу, оставшіяся послѣ брата дарителя Б. Н. Хвостова, завѣдывавшаго дѣлами при предсѣдателѣ редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ графѣ В. Н. Панинѣ. 6) Небольшое собраніе собственноручныхъ писемъ митрополита Московскаго Филарета. 7) Собраніе бумагъ, оставшихся послѣ сенатора Егора Петровича Ковалевскаго, служащее дополненіемъ къ собранію его бумагъ, принесенному въ 1884 году въ даръ Библіотекѣ сенаторомъ Е. Е. Ковалевскимъ; въ томъ числѣ — Видѣніе въ какой-то оградѣ, изд. обществомъ ученыхъ людей—извѣстное произведеніе графа Д. Н. Блудова, написанное въ 1815 году по поводу «Липецкихъ Водъ» кн. Шаховскаго и давшее прозвище обществу «Арзамасъ». 8) Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ барону Г. В. Розену, бывшему съ 1831 по 1837 годъ главноуправляющимъ Кавказомъ. 9) Принесенное Библіотекѣ въ даръ почетнымъ опекуномъ Н. П. Корниловымъ собраніе писемъ къ нему отъ разныхъ лицъ, служащее продолженіемъ коллекціи писемъ,

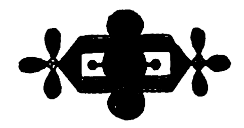
„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

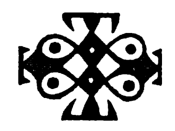
Подписка на „Русскую Старину“, изд. 1892 года, принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Михаила Ивановича Семевскаго — издателя-редактора „Русской Старины“—по Большой Подьяческой, домъ № 7, и у А. Ѳ. Цинзерлинга—Невскій проспектъ, д. 20 (фирма Мелье и комп.).



☞ Изданная ред. „Русской Старины“ книга: **Россія и Русскій дворъ** въ первую половину XVIII-го вѣка, записки графа Эрнста **Миниха**, сына фельдмаршала, — **сполна разошлась до послѣдняго экземпляра.**

Оставшійся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ: **„Альбомъ портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей“**, изд. ред. „Русской Старины“ — собраніе вполнѣ художественно выполненныхъ гравюръ, выпуски III-й (тридцать гравюръ) и IV (десять гравюръ на мѣди)— можно получить по цѣнѣ **ОДИНЪ** рубль за выпускъ и **три почтовые марки** на пересылку.

☞ Также можно получить **V-й выпускъ „Альбома портретовъ“**— десять геліогравюръ — снимковъ съ лучшихъ гравюръ на мѣди пор-…въ русскихъ императрицъ съ 1724-го по 1880-й годъ. Цѣна **ОДИНЪ** …ь, 21 коп. на пересылку (три марки).



ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА

въ ея заботахъ о дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста.

I.

Въ концѣ іюня 1866 года, въ отдаленной, и, въ то время, беднѣйшей части столицы, а именно на 3-й улицѣ Песковъ, въ ветхомъ зданіи бывшаго полицейскаго управленія Рождественской части, оставленномъ полиціею за негодностью и предназначавшемся къ сломкѣ, открытъ холерный пріютъ, за недостаткомъ инаго, болѣе удобнаго помѣщенія на этой, въ то уже отдаленное отъ насъ время, мало населенной окраинѣ города [1]).

Возникшая, впервые, при бывшей городской распорядительной думѣ городская санитарная комиссія, имѣвшая своимъ предсѣдателемъ гласнаго Думы, покойнаго графа П. А. Шувалова, благодаря трудамъ ея членовъ и энергіи предсѣдателя, вполнѣ съумѣла стать на высотѣ нелегкой задачи, предстоявшей ей рѣшить, въ виду значительнаго распространенія въ столицѣ эпидеміи азіятской холеры.

Эпидемія эта, начавшаяся въ первыхъ числахъ іюня, стала постепенно угасать къ концу августа; городскіе холерные пріюты

---

[1]) Пріютъ этотъ былъ ввѣренъ Іосифу Васильевичу Бертенсону, составителю настоящаго очерка.—какъ старшему врачу пріюта.

стали закрываться одинъ за другимъ. Не закрытымъ остался лишь одинъ пріютъ, на 100 кроватей, именно Рождественскій, на Пескахъ. Это произошло по той причинѣ, что вслѣдъ за холерою въ столицѣ появилась новая, дотолѣ незнакомая болѣзнь, возвратная горячка. Бывшій холерный пріютъ Рождественской части началъ быстро наполняться больными, одержимыми какъ возвратною горячкою, такъ равно и одержимыми другими заразными болѣзнями. Наплывъ больныхъ былъ столь великъ, а въ городскихъ больницахъ такой недостатокъ въ свободныхъ кроватяхъ, что городская санитарная комиссія вынуждена была ходатайствовать о сохраненіи, въ виду крайней нужды, означеннаго пріюта, въ видѣ временной больницы. Ходатайство это было уважено городскою думою; пріютъ не былъ закрытъ и попечителемъ больницы былъ назначенъ второй, послѣ графа П. А. Шувалова, предсѣдатель городской санитарной комиссіи, гласный Думы, П. В. Жуковскій.

По примѣру своего предмѣстника, убѣдясь въ несомнѣнной пользѣ, приносимой бѣдному населенію одной изъ отдаленныхъ окраинъ столицы этимъ скромнымъ учрежденіемъ, П. В. Жуковскій вошелъ въ городскую думу съ новымъ ходатайствомъ, объ обращеніи этой временной больницы въ постоянную. Ходатайство это, постановленіемъ бывшей городской думы, состоявшимся 7-го февраля 1867 г., было также уважено и, затѣмъ, 1 декабря того-же года уставъ городской Рождественской больницы былъ Высочайше утвержденъ.

Возникновеніе городской Рождественской больницы, а равно и ея уставъ, значительно отличающійся отъ еще и нынѣ дѣйствующаго устава больницъ гражданскаго вѣдомства, были привѣтствованы и въ обществѣ, и въ печати. Какъ городское учрежденіе, исключительно, въ то время, зависѣвшее отъ городскаго управленія и ему непосредственно подчиненное, безъ ограниченій и посторонняго вмѣшательства, больница эта вскорѣ и вполнѣ оправдала свое назначеніе, служа въ то-же время нагляднымъ доказательствомъ необходимости въ ея дальнѣйшемъ существованіи и расширеніи, по возможности, ея дѣятельности. Уже и тогда, четверть вѣка тому назадъ, не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что городское общественное управленіе не встрѣтило-бы затрудненій въ завѣдываніи и осталь-

ными больницами столицы, не ограничиваясь, какъ это имѣло мѣсто при существованіи попечительнаго совѣта, лишь ассигнованіемъ значительныхъ суммъ на содержаніе больныхъ, въ безотчетное завѣдываніе совершенно посторонняго вѣдомства.

1871 годъ ознаменовался для Рождественской больницы совершенно неожиданнымъ событіемъ, благодаря которому учрежденіе это сдѣлалось предметомъ общаго вниманія.

Франко-германская война 1870—71 годовъ внесла повсюду въ общественное сознаніе убѣжденіе въ необходимости улучшенія положенія больныхъ и раненыхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій; необходимость прочной военной санитарной организаціи сдѣлалась для всѣхъ очевидною. Россійское общество Краснаго Креста не осталось, съ своей стороны, равнодушнымъ къ успѣхамъ военно-санитарнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что, согласно Высочайше утвержденному уставу своему, цѣль общества—принимать и въ мирное время всѣ закономъ дозволенныя мѣры къ увеличенію своихъ средствъ, къ приготовленію личнаго санитарнаго состава, устройству лазаретнаго помѣщенія и т. п.

Доходившія до императрицы Маріи Александровны извѣстія изъ театра военныхъ дѣйствій, касавшіяся попеченія о раненыхъ и больныхъ въ германской арміи, вполнѣ овладѣли вниманіемъ Августѣйшей покровительницы Россійскаго общества Краснаго Креста. Во время самаго разгара франко-германской войны, государыня вызвала нашего знаменитаго хирурга Н. И. Пирогова изъ его деревенскаго уединенія и поручила ему отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, для обозрѣнія санитарныхъ учрежденій, равно какъ и для участія въ поданіи помощи раненымъ.

Пишущему эти строки выпала счастливая доля сопровождать Н. И. Пирогова и состоять при немъ, въ качествѣ его ассистента; сверхъ того, намъ было поручено, какъ бывшему редактору „Вѣстника Россійскаго общества Краснаго Креста" 1870-хъ годовъ, быть корреспондентомъ видѣннаго па театрѣ военныхъ дѣйствій.

Сопровождая Н. И. Пирогова по всѣмъ военнымъ госпиталямъ, лазаретамъ и гражданскимъ больницамъ Германіи и занятой ея войсками части французской территоріи, я находился все время подъ обаяніемъ поразительнаго зрѣлища великихъ завоеваній науки, благодаря которымъ идеи, вложенныя Пирого-

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 80.
1892.

РУССКАЯ
СТАРИНА
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
1892.
АРТ. МАТВѢЕВЪ
БОР. ГОЛИЦЫНЪ
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ
ФЕОФАН. ПРОКОПОВ. ЯК. ДОЛГОРУКОВ. МЕНШИКОВ. ШЕРЕМЕТЕВ.
ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ВТОРОЙ
КАНТЕМИР
ВОЛЫНСКІ
ИМПЕРАТРИЦА
АННА-ІОАННОВНА
ЛОМОНОСОВ. ЯК. ШАХОВСК. БЕСТУЖЕВ-РЮМ. ИВ. ШУВАЛОВ.
ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
ДАШКОВА. ОРЛОВЫ. ПОТЕМКИН. РУМЯНЦОВ. СУВОРОВ. БЕЗБОРОДКО. БЕЦКОЙ. НОВИКОВ.
ЖУКОВСК. БѢЛИНСК. ПАСКЕВИЧ. ВОРОНЦОВ. ЛЕРМОНТОВ. ГОГОЛ. М. ГЛИНКА.
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
Состав. Л. Шарлемань
рис. К. Брожъ.
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 декабря 1888 г.
Экспедиція заготовленія государственныхъ бумаг

германскую войну состояніе госпиталей и временныхъ лазаретовъ въ тылу германской арміи съ состояніемъ тѣхъ-же учрежденій въ мѣстностяхъ, оставленныхъ потерпѣвшею небывалое пораженіе французскою арміею, мы не могли отдѣлаться отъ подавляющаго впечатлѣнія: не побѣдъ германскаго оружія надъ французскимъ, а значительнаго превосходства германской культуры тогдашняго времени надъ таковою-же наполеоновской Франціи. Это было дѣйствительно, какъ тогда говорилось, „побѣда приходскаго учителя грамотной Германіи“.

Франко-германская война, на театрѣ которой трудилось немало русскихъ врачей, равно какъ и нѣсколько сестеръ Краснаго Креста, послужила нашему „Обществу“ указаніемъ къ расширенію его дѣятельности и въ мирное время; императрица Марія Александровна горячимъ участіемъ своимъ много содѣйствовала развитію этого общества со дня самаго его основанія (18-го мая 1868 года.) Извѣстно, что покойная императрица символомъ этого Общества избрала слова: „сила не въ силѣ, сила въ любви“ и любвеобильное отношеніе къ близкому ея сердцу учрежденію выразилось въ извѣстной и памятной запискѣ, одобренной ея величествомъ 12-го мая 1878 года. Записка эта напечатана въ отчетѣ главнаго управленія общества Краснаго Креста за 1880 г.

Высоко гуманныя мысли и сердечныя заботы императрицы Маріи Александровны о судьбахъ больныхъ и раненыхъ не замедлили осуществиться въ фактическихъ дѣяніяхъ, несомнѣнно свидѣтельствовавшихъ о живомъ сочувствіи русскаго общества ко всему тому, что предначертано и предпринимаемо было покойною государынею во имя любви къ народу.

30-го апрѣля 1871 года, по волѣ государыни, въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ и великой княжны Маріи Александровны, при Рождественской больницѣ была совершена закладка перваго въ Россіи барака (Маріинскаго).

Вслѣдъ затѣмъ, въ теченіе лѣта того-же года, возведены четыре постоянные барака не только для лѣтняго, но и зимняго помѣщенія въ нихъ больныхъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ о пользахъ и нуждахъ Россійскаго общества Краснаго Креста его Августѣйшей покровительницы, на долю городской Рождественской больницы выпало неожиданное счастіе, которое

положило начало къ дальнѣйшему развитію и преуспѣянію этого учрежденія, состоящаго и понынѣ подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ расширеніемъ помѣщеній для больныхъ, переведенныхъ изъ старыхъ каменныхъ построекъ въ бараки, дана была возможность устроить и привести въ приличный видъ и остальныя больничныя помѣщенія.

Приступая по высочайшему повелѣнію впервые къ постройкамъ госпитальныхъ бараковъ въ столицѣ и перенося на нашу родную почву новую госпитальную систему, намъ, не смотря на поспѣшность, съ которою строились наши бараки, предстояла не маловажная забота—устранить не только тѣ неудобства, съ которыми мы были по опыту знакомы и съ которыми, казалось, неизбѣжно связана была, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, барачная система по тѣмъ именно образцамъ, которые намъ довелось видѣть на западѣ, но, достигнувъ достаточнаго тепла, гарантировать одновременно больнымъ широкое провѣтриваніе— и достигнуть этого не помощью дорогой искусственной вентиляціонной системы, но простою каминною тягою. Изъ этой диллемы, въ связи съ суровостью и непостоянствомъ петербургскаго климата, нельзя было иначе выйти, какъ или путемъ опыта, потребовавшимъ много времени, или путемъ счастливой технической комбинаціи. Проектъ, предварительно препровожденный на заключеніе Н. И. Пирогова, вызвалъ со стороны его нѣсколько замѣчаній, которыя, разумѣется, были приняты во вниманіе при постройкѣ этихъ первыхъ, по времени, въ Россіи больничныхъ бараковъ.

За послѣдовавшимъ освященіемъ первыхъ четырехъ сооруженныхъ бараковъ, открытіе ихъ въ высочайшемъ присутствіи имѣло мѣсто 20-го декабря 1871 года и на слѣдующій день начался пріемъ больныхъ и перемѣщеніе таковыхъ изъ каменныхъ старыхъ зданій. По волѣ ея величества, при баракахъ было учреждено постоянное дежурство изъ дамъ патронессъ; въ этихъ дежурствахъ принимали участіе: графиня М. И. Паленъ, баронесса А. К. Пиларъ-фонъ-Пильхау, Е. Д. Милютина и др. Учрежденъ былъ благотворительный отдѣлъ, состоявшій первоначально въ вѣдѣніи великой княжны Маріи Александровны. Кромѣ того, въ виду настоятельной необходимости въ оказаніи

безплатной помощи приходящимъ больнымъ, комитетъ впослѣдствіи испросилъ разрѣшеніе на открытіе безплатной лечебницы для приходящихъ больныхъ; уставъ ея 30-го октября 1876 года высочайше утвержденъ и лечебницѣ этой присвоено названіе: „Лечебница ея императорскаго высочества государыни великой княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, для приходящихъ больныхъ", въ память вниманія ея высочества къ учрежденіямъ с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета.

Но съ открытіемъ первыхъ четырехъ бараковъ далеко не исчерпана была задача, которую предначертала с.-петербургскому дамскому лазаретному комитету августѣйшая покровительница россійскаго общества Краснаго Креста. Предстояло еще создать институтъ для образованія опытнаго санитарнаго персонала, который въ мирное время могъ-бы быть полезнымъ на службѣ земства и при городскихъ больницахъ, а въ военное время на перевязочныхъ пунктахъ и госпиталяхъ, что весьма озабочивало покойную государыню.

Извѣстно, что систематическое преподаваніе медицинскихъ наукъ въ Россіи введено Петромъ Великимъ (1706 г.) одновременно съ учрежденіемъ перваго большаго госпиталя въ началѣ прошлаго столѣтія; цѣлью ученья поставлена была „медическая и хирургическая практика", наглядная сторона медицины и хирургіи, безъ разъясненія основныхъ теоретическихъ началъ, которыя должны полагаться въ основаніе всякой практики. По словамъ почтеннаго автора очерковъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣт. покойнаго профессора Я. А. Чистовича, слово „физіологія" не произносилось даже въ школахъ почти цѣлыя 50-лѣтъ первоначальнаго ихъ существованія, до самаго основанія московскаго университета. Ученикъ умѣлъ кое-какъ перевязать рану, приложить пластырь и связать переломъ и его дѣлали лекарскимъ подмастерьемъ и выпускали въ армію. Практичность школьнаго ученія сгубила самую школу отразила свое вредное вліяніе на отдаленныхъ послѣдующихъ временахъ и еще долго русская медицина не могла освободиться изъ-подъ гнетущей ферулы исключительно практическаго направленія.

Въ вопросѣ образованія у насъ фельдшеровъ въ существовавшихъ и существующихъ по-нынѣ фельдшерскихъ школахъ,

Марія

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1891 г.

[illegible] 16 ноября 1891 года. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

какъ извѣстно, преобладали традиціи и существовали направленія, не имѣвшія ничего общаго съ дѣйствительными нуждами учащихся и потребностями общества. Повальное невѣжество фельдшеровъ достаточно извѣстно; отсюда явленія такого-же повальнаго недовѣрія со стороны народа къ фельдшерамъ и ихъ знаніямъ и, отсюда-же, наконецъ, необходимость обращаться въ селахъ и деревняхъ за врачебною помощью къ любому знахарю или повитухѣ и страхъ простолюдина ко всякому врачеванію фельдшеровъ, этихъ лже-адептовъ врачебной науки.

Когда с.-петербургскій дамскій лазаретный комитетъ, по волѣ покойной государыни, въ лицѣ предсѣдательницы своей, А. Н. Мальцевой, обратился къ намъ съ заявленіемъ о желаніи августѣйшей покровительницы общества Краснаго Креста основать школу для образованія женскаго санитарнаго персонала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалъ намъ честь, довѣривъ и предоставивъ намъ организацію этой школы и веденіе учебно-образовательной ея части, мы вполнѣ были знакомы съ затрудненіями, предстоявшими на этомъ пути. Время это совпадало съ эпохою наибольшаго у насъ развитія вопроса о женскомъ трудѣ вообще и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крайнимъ скептицизмомъ, распространившемся въ обществѣ о цѣлесообразности этого труда, особенно, въ приложеніи къ медицинѣ, какъ къ наукѣ совершенно реальной. Затѣмъ, предстояло устраненіе немаловажныхъ практическихъ затрудненій, обусловливавшихся въ то время какъ недостаточною школьною подготовкою лицъ, желавшихъ посвятить себя врачебной профессіи, такъ равно и со стороны самаго характера преподаванія. Привлекая молодыхъ женщинъ къ врачебно-профессіональному труду, необходимо было положить въ основаніе ихъ спеціальнаго образованія, по возможности, осмысленное отношеніе къ дѣлу и въ интересѣ этого-же дѣла требовалась, при основаніи у насъ подобнаго учрежденія, большая осторожность и постепенность, тѣмъ болѣе, что съ понятіемъ о призваніи женщинъ къ служенію страждущему человѣчеству, императрица Марія Александровна соединяла понятіе о женственности, нравственной устойчивости, милосердіи и христіанской любви, во имя того, кто явилъ примѣръ самой высшей божественной любви.

Нѣтъ ничего удивительнаго посему, что въ день открытія

училища, 27-го іюля 1872 г., ея императорское величество сердечно отнеслась къ этому событію и почтила члена комитета, покойную княгиню Марію Аркадіевну Вяземскую, заступившую, временно, мѣсто предсѣдательницы Анастасіи Николаевны Мальцевой, телеграммою, изъ Ливадіи, нижеслѣдующаго содержанія:

„Душевно радуюсь открытію школы и желаю отъ всего сердца успѣха сему учрежденію“.

Это было такимъ счастливымъ предзнаменованіемъ для школы, которое останется навсегда незабвеннымъ въ исторіи возникновенія этого учрежденія.

Особенное сердечное отношеніе къ судьбамъ этого учрежденія покойная государыня явила при дальнѣйшемъ его развитіи.

Въ знаменательную послѣднюю турецкую войну нашу, ея величество была обрадована прекрасными отзывами о дѣятельности фельдшерицъ ея школы на театрѣ военныхъ дѣйствій. Сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, что одного желанія посвятить себя дѣлу милосердія бываетъ далеко недостаточно; требуется знаніе какъ помочь раненымъ и больнымъ, требуются навыкъ устойчивость въ трудѣ и вполнѣ сознательное отношеніе къ дѣлу. Это было вполнѣ замѣчено ея величествомъ и, озабочиваясь о судьбахъ воспитанницъ училища, по окончаніи ими полнаго курса наукъ, покойною императрицею Маріею Александровною была предусмотрѣна необходимость расширенія программы курса и обращенія его изъ трехлѣтняго въ четырехлѣтній, со включеніемъ въ число общихъ медицинскихъ предметовъ еще и преподаваніе акушерства, женскихъ, дѣтскихъ и накожныхъ болѣзней.

Для этой цѣли, построенный во время войны обществомъ с.-петербургскихъ архитекторовъ новый, пятый, баракъ, предназначавшійся для леченія раненыхъ, былъ, по окончаніи войны, обращенъ въ спеціально гинэкологическій баракъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ сооруженъ на собственныя средства государыни Маріи Александровны шестой баракъ, предназначавшійся для роженицъ. Баракъ этотъ, помѣщенный вдали отъ другихъ больничныхъ зданій, представляетъ собою первый и вполнѣ удачный опытъ примѣненія барачной системы къ нуждамъ родильницъ; онъ не только построенъ на собственныя императрицы Маріи Александровны средства, но и снабженъ, на тѣ-же средства,

всѣмъ необходимымъ, какъ-то: инвентаремъ, инструментами, научными пособіями и всею обстановкою.

Ко времени открытія названнаго барака императрица Марія Александровна, будучи почти на смертномъ одрѣ, сердечно интересовалась всѣмъ, что относилось къ сооруженію больничнаго барака и внутреннему его устройству и, вообще, черезъ личнаго своего секретаря, П. А. Морица, ея величествомъ постоянно было оказываемо необыкновенно теплое участіе и милостивое вниманіе ко всѣмъ нуждамъ любимаго ею учрежденія.

Съ расширеніемъ программъ и обращенія трехлѣтняго курса въ четырехлѣтній, въ училищѣ, переименованномъ въ „Училище лекарскихъ помощницъ", могло быть введено полное клиническое преподаваніе по внутреннимъ, хирургическимъ и спеціально женскимъ болѣзнямъ, равно и по акушерству.

Затѣмъ, бывшая городская Рождественская больница, по постановленію городской распорядительной думы, 21-го января 1878 г. состоявшемуся, и въ виду высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 22-й день августа 1879 года, согласно положенію комитета министровъ, передана окончательно въ вѣдѣніе с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета и кромѣ того, на основаніи высочайшаго-же соизволенія переименована въ „Городской барачный лазаретъ въ память въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Маріи Александровны".

Бросивъ взглядъ на прошлое, мы убѣждаемся, что быстрое возникновеніе въ нашемъ отечествѣ во многихъ городахъ, вслѣдъ за открытіемъ Рождественскихъ бараковъ, госпиталей по барачной системѣ, въ томъ числѣ и городской Александровской барачной больницы; требованія, предъявляемыя нынѣ въ отношеніи средствъ, которыми обезпечиваются правильные леченіе и уходъ за больными; устройство безплатныхъ лечебницъ для приходящихъ, больныхъ при больницахъ и, наконецъ, созданіе института, основательно приготовленныхъ къ врачебной дѣятельности лекарскихъ помощницъ—беретъ свое начало изъ того незабвеннаго періода нашей общественной жизни, когда сознаніе въ необходимости идти на встрѣчу нуждамъ больныхъ и раненыхъ было вызвано указаніями и примѣрами, явленными съ высоты престола. Не подлежитъ сомнѣнію, что участіе, которымъ покойная госу-

дарыня императрица Марія Александровна являла дѣлу преуспѣянія въ нашемъ отечествѣ частной помощи, подъ сѣнью Краснаго Креста, на пользу больныхъ и раненыхъ, подвинуло это святое дѣло значительно впередъ.

Съ глубокою сердечною признательностью, памятуя о высокомъ вниманіи, которымъ государыня дарила учрежденія с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета, должно вспомнить о словахъ, всенародно объявленныхъ, по окончаніи войны 1877—1878 гг., съ высоты престола незабвенною императрицею Маріею Александровною:

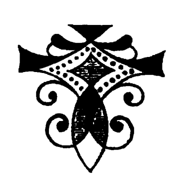
— „Почитаю себя счастливою, что промыслъ Божій судилъ мнѣ стоять, въ великую для Россіи годину брани, во главѣ учрежденія, послужившаго столь достойно и съ такимъ успѣхомъ къ облегченію бѣдствій войны для храбрыхъ воиновъ. Я увѣрена, что во всякое время, когда-бы по волѣ Божіей ни потребовалось обществу Россійскаго Краснаго Креста стать на чреду своего служенія, на зовъ его отзовутся съ тою-же горячностью русскія сердца, исполненныя вѣры и любви къ отечеству“.

I. В. Вертенсонъ,
докторъ медицины, почетный лейбъ-медикъ Двора Е. И. Величества.

От Редакціи. При настоящей книгѣ „Русской Старины“ приложенъ, съ особеннымъ тщаніемъ выполненный, въ прекрасной гравюрѣ на мѣди, портретъ императрицы Маріи Александровны. Гравюра эта исполнена художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ съ фотографіи С. Л. Левицкаго, благосклонно врученной намъ въ Царскомъ Селѣ, 28-го іюля 1880-го года, Е. И. В. великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ.

Напомнимъ при этомъ, что другой портретъ императрицы Маріи Александровны, именно за время бытности ея цесаревною, приложенъ при „Русской Старинѣ“ изд. 1881-го года, томъ XXXI, въ отличномъ геліогравюрномъ снимкѣ г. Скамони съ гравюры 1842-го года; тотъ-же снимокъ помѣщенъ нами и въ пятомъ томѣ „Альбома гравюръ“, вмѣстѣ съ жизнеописаніемъ императрицы Маріи Александровны (род. 1824 г., † 1880 г.).

Ред.



АДРІАНЪ ГРИБОВСКІЙ, СОСТАВИТЕЛЬ ЗАПИСОКЪ

О ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Въ ряду мемуарныхъ источниковъ для исторіи конца XVIII вѣка „Записки о Екатеринѣ Великой" Грибовскаго занимаютъ довольно видное мѣсто: ими пользуются историки, изслѣдователи на нихъ ссылаются, любители провозгласили ихъ „любопытнѣйшими мемуарами, показывающими умъ и наблюдательность" автора. Записки Грибовскаго были изданы два раза, въ 1847 г. и въ 1864 г., оба раза въ Москвѣ и оба раза чрезвычайно небрежно. Издатели ничего не говорятъ ни объ авторѣ записокъ, ни о рукописи, съ которой печатались записки; въ обоихъ изданіяхъ краткія замѣтки, изъ которыхъ позже составлялись записки, смѣшаны съ самыми записками, и статьи переводныя не отдѣлены отъ оригинальныхъ произведеній автора. Нечего и говорить, что текстъ не всегда прочитанъ вѣрно и въ обоихъ изданіяхъ нѣтъ ни одного объяснительнаго примѣчанія.

Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій родился въ 1766 году— упоминая подъ 1792 годомъ о своемъ представленіи Платону Зубову, онъ прибавляетъ: „мнѣ было тогда отъ роду 26 лѣтъ". Въ запискахъ нѣтъ никакихъ автобіографическихъ указаній ни о воспитаніи, ни о первыхъ его шагахъ по службѣ. Этотъ пробѣлъ пополненъ П. И. Бартеневымъ: „Грибовскій, родомъ малороссъ, воспитанникъ московскаго университета, поступилъ

на службу къ Державину въ 1784 году изъ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, куда ему открыли доступъ его начитанность и познаніе во французскомъ языкѣ“ [1]). Къ сожалѣнію, г. Бартеневъ не указалъ источника этихъ свѣдѣній, которымъ, конечно, не обязательно вѣрить, но которыя легко могутъ ввести въ заблужденіе. Что Грибовскій былъ родомъ малороссъ — это весьма вѣроятно; что онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ—и это очень возможно; но чтобъ Грибовскій служилъ въ законодательной комиссіи—это невѣроятно и невозможно, и вотъ почему:

Указъ объ открытіи комиссіи изданъ 14-го декабря 1766 года, въ годъ рожденія Грибовскаго. Два года спустя, 18 декабря 1768 г., послѣдовалъ высочайшій указъ о распущеніи большаго собранія, т. е. комиссіи, по случаю предстоявшей войны съ турками. Это распущеніе не касалось членовъ частныхъ комиссій и подкомиссій, которыя должны были продолжать свои занятія попрежнему. Насколько намъ извѣстно, самый поздній слѣдъ занятій частныхъ комиссій относится къ 1774 году: членъ комиссіи о разборѣ государственныхъ жителей, епифанскій депутатъ Свѣтушкинъ въ октябрѣ того года представилъ свои замѣчанія на проектъ правамъ третьяго рода людей [2]). Въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 29 декабря 1774 г., Екатерина писала: „Чрезъ нѣсколько дней отправлюсь въ Москву; тамъ я опять примусь за великое дѣло законодательства“ [3]). Однако, не принялась, и послѣднее извѣстіе о законодательной комиссіи относится къ 1775 году: въ числѣ учрежденій, прибывшихъ съ императрицею изъ Петербурга въ Москву, упомянута и „уложенная комиссія“. Она никогда не была закрыта; но съ 1775 г. она была забыта и забыта навсегда. Въ 1775 г. Грибовскому было девять лѣтъ; когда-же онъ могъ быть въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія?

Воспитывался-ли Грибовскій въ московскомъ университетѣ, и сколько лѣтъ провелъ онъ въ немъ, мы не знаемъ. Несомнѣнно одно: въ 1784 году, когда Грибовскому было 18 лѣтъ, въ

---

[1]) Записки Державина, изд. „Русской Бесѣды“, Москва, 1860, стр. 249; Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ, Спб., 1871, т. VI, стр. 562.

[2]) Сборникъ, XXXVI, 7.

[3]) Сборникъ, XXVII, 14.

Петербургѣ появился его переводъ съ французскаго повѣсти Арно [1]): „Опасность городской жизни", съ посвященіемъ перевода княгинѣ Е. П. Барятинской и съ эпиграфомъ:

Блаженъ, кто можетъ утѣшаться
Простой природы красотой;
Не будетъ вѣчно тотъ прельщаться
Мятежной свѣтской суетой.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, быть можетъ, цѣлаго года Грибовскій трудится надъ переводомъ идиллической повѣсти, прославляющей сельскую жизнь и восторгающейся пэйзанами. „Человѣкъ рожденъ жить въ деревнѣ, говоритъ авторъ, но шумъ городовъ отнялъ его у него самого и предалъ его замѣшательству состояній и страстей, спорящихъ и вредящихъ себѣ взаимно, и, оставивъ земледѣльческое убѣжище, онъ потерялъ наслажденіе истинныхъ удовольствій". На этомъ фонѣ вышита крайне наивная картинка, въ которой французская аристократка признаетъ, что „земледѣліе есть первая должность и первое достоинство", а деревенская баба убѣждается, что „парижскіе господа не смѣютъ показать, что у нихъ есть сердце". Сдѣлать изъ этого какой-либо выводъ относительно самого переводчика было бы слишкомъ рискованно. Выборъ разсказа для перевода могъ быть сдѣланъ совершенно случайно, вполнѣ независимо отъ взглядовъ Грибовскаго: повѣсти, разсказы и трагедіи Арно читались всѣми; въ „Epreuves du sentiment" или въ „Délassements de l'homme sensible" ихъ помѣщено нѣсколько, но всѣ они сшиты, болѣе или менѣе, на одну мѣрку. Выборъ разсказа также мало можетъ служить біографическимъ показателемъ, какъ и посвященіе: изъ того, что переводъ посвященъ кн. Барятинской [2]), нельзя еще заключать, что Грибовскій зналъ ее,

[1]) Thomas Marie d'Arnaud. Boculard, 1718—1805 гг. про котораго Руссо сказалъ: „до него всѣ писали умомъ и руками, Арно первый сталъ писать сердцемъ". Вольтеръ поддерживалъ Арно и похвалами, и деньгами. Одно время онъ былъ кореспондентомъ Фридриха II, совѣтникомъ французскаго посольства въ Дрезденѣ, но отказался отъ всего, предпочитая быть писателемъ.

[2]) Принцесса Екатерина Голштейнъ-Бекъ, 1750—1811, вышла замужъ за кн. И. С. Барятинскаго, 1738—1811, но вскорѣ покинула мужа, Россію, и жила въ Берлинѣ, гдѣ и умерла. Она была очень дружна съ А. О. Бобрищевой-Пушкиной, теткой Козодавлева, гдѣ Грибовскій и могъ видѣть „принцессу Барятинскую".

былъ вхожъ къ ней въ домъ; посвященія дѣлались, по большей части, просто имени. Изъ самого-же посвященія можно, кажется, вывести заключеніе, что переводчикъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ княгинею Е. П. Барятинскою, въ противномъ случаѣ онъ не написалъ-бы ей: „Названіе друга человѣковъ, названіе лестное и предпочтительнѣйшее всѣмъ пышнымъ именамъ, единогласно приписывается вашей свѣтлости".

Внимательно прочитывая „Опасность городской жизни", необходимо придти къ убѣжденію, что Грибовскій легко владѣлъ перомъ и хорошо зналъ французскій языкъ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ для того времени русскимъ языкомъ, галлицизмы встрѣчаются сравнительно весьма рѣдко и фразы построены довольно удачно [1]). О своемъ знаніи французскаго языка Грибовскій упоминаетъ и въ своихъ запискахъ: онъ или графъ Марковъ, какъ знающіе французскій языкъ, призывались читать императрицѣ иностранную почту.

Въ томъ-же 1784 году, Г. Р. Державинъ былъ назначенъ губернаторомъ и, отправляясь въ Петрозаводскъ, взялъ молодаго Грибовскаго себѣ въ секретари, вѣроятно, какъ человѣка письменнаго. Надо полагать, что Грибовскій старательно исполнялъ въ Петрозаводскѣ возлагавшіяся на него обязанности и внушалъ къ себѣ довѣріе: вскорѣ по пріѣздѣ въ Петрозаводскъ, Державинъ именно его назначилъ исправляющимъ должность казначея приказа общественнаго призрѣнія. Конечно, обѣ эти должности, секретаря и казначея, не особенно значительны въ чиновной іерархіи, даже и провинціальной; но въ виду молодости Грибовскаго, которому шелъ тогда 19-й годъ, необходимо признать, что онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, вѣроятно вслѣдствіе добросовѣстнаго служенія. Онъ, кажется, былъ на хорошемъ счету и въ петрозаводскомъ обществѣ: по крайней мѣрѣ, такіе чиновные люди въ Петрозаводскѣ, какъ вице-губернаторъ

[1]) Ни въ построеніи цѣлыхъ фразъ, ни въ написаніи отдѣльныхъ выраженій мы не встрѣтили ни одного указанія на малороссійское происхожденіе Грибовскаго; не замѣтно оно и въ девяти письмахъ Грибовскаго, напечатанныхъ Я. К. Гротомъ въ V т. Соч. Державина. Кн. Васильчиковъ и Н. Григоровичъ указали въ своихъ изслѣдованіяхъ о Разумовскихъ и Безбородко эти слѣды ихъ малороссійскаго происхожденія, и даже въ дѣловыхъ бумагахъ, не только въ частной перепискѣ.

Зиновьевъ, губернскій прокуроръ Грейцъ и предсѣдатель уголовной палаты Антроповъ водятъ съ нимъ компанію, играютъ въ карты. Никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на то, что Грибовскій, въ сущности мелкій чиновникъ, проигрываетъ крупные куши и всегда немедленно расплачивается. Вскорѣ все раскрылось.

15-го декабря 1785 г. состоялся указъ о переводѣ Державина изъ Олонецкой въ Тамбовскую губернію. Находясь „въ контрахъ“ съ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ, Державинъ, конечно, принялъ мѣры, чтобы сдача Олонецкой губерніи прошла гладко. Вотъ что самъ Державинъ разсказываетъ по этому поводу въ своихъ „Запискахъ“:

„Такъ какъ Олонецкую губернію надобно было такъ сдать или къ сдачѣ приготовить, чтобы послѣ, а особливо по недоброжелательству намѣстника, прицѣпокъ или взысканія не было, то осмотрѣлъ Державинъ вновь подчиненныя губернскому правленію мѣста и все, что неисправно, исправилъ, и какъ, между прочимъ, приказъ общественнаго призрѣнія въ особливой былъ зависимости губернатора, то, осматривая оный, примѣтилъ въ поданной денежной вѣдомости отъ секретаря Грибовскаго, который отправлялъ должность казначея, что итоги невѣрны. Державинъ приказалъ повѣрить вѣдомость одному изъ засѣдателей, который донесъ о дѣйствительной невѣрности и явное сумнѣніе въ нецѣлости казны. Державинъ приказалъ сличить съ документами, по которымъ нашлось, что по опредѣленіямъ, подписаннымъ однимъ губернаторомъ безъ совѣтниковъ, выдано денегъ купцамъ заимообразно, безъ росписки ихъ въ шнуровыхъ книгахъ, 7,000 рублей, да въ самомъ дѣлѣ недоставало наличныхъ болѣе 1,000 рублей. Таковое открытіе потому болѣе было важно, что намѣстникъ всякими бездѣлицами подыскивался подъ губернаторомъ, то и легко могъ сказать, что губернаторъ самъ похитилъ деньги, ибо опредѣленія на выдачу ихъ подписаны были одною его рукою, а росписокъ отъ пріемщиковъ въ полученіи денегъ не было. Притомъ зналъ Державинъ, что въ угожденіе намѣстника прокуроръ и стряпчіе, да и прочіе чины того и смотрѣли, чтобъ что-нибудь на него донесть, то и надобно было исправить сей безпорядокъ такъ искусно и безъ канцелярскаго производства, чтобъ зажать ротъ всѣмъ, восхо-

тѣвшимъ поступить на какое-либо шиканство и ябеду. А потому Державинъ призвалъ къ себѣ Грибовскаго и лицо на лицо пріятельскимъ увѣщаніемъ извлекъ изъ него искреннее признаніе въ тратѣ казенныхъ денегъ. Грибовскій сказалъ, что проигралъ ихъ въ карты, ведя игру съ вицъ-губернаторомъ, съ губернскимъ прокуроромъ и съ уголовной палаты предсѣдателемъ, которые были всѣ любимцы намѣстнику. О розданныхъ купцамъ деньгахъ Грибовскій объяснилъ, что для того подписаны однимъ губернаторомъ опредѣленія, что онъ у купцовъ просилъ денегъ изъ занимаемыхъ ими суммъ, но какъ они на то не согласились иначе какъ взять безъ росписокъ, а когда заплатятъ, то тогда уже росписаться въ книгахъ, что Грибовскій и сдѣлалъ, а для того и не подавалъ прочимъ членамъ къ подпискѣ опредѣленій, чтобъ они при выдачѣ денегъ не потребовали къ своему усмотрѣнію ихъ росписокъ въ книгѣ. Державинъ велѣлъ Грибовскому искреннее сіе признаніе положить на бумагу, въ видѣ письма къ губернатору, въ которомъ Грибовскій, раскаявшись во всѣхъ своихъ шалостяхъ, чистосердечно признался, написавъ по именамъ кому что проигралъ. Получивъ такую бумагу, Державинъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ вицъ-губернатора, и какъ уже былъ седьмой часъ вечера, то его весьма удивило таковое необыкновенное приглашеніе. Сначала, разговаривая о постороннихъ матеріяхъ, губернаторъ въ видѣ дружеской откровенности объявилъ ему несчастіе, случившееся въ приказѣ общественнаго призрѣнія, и требовалъ совѣта что дѣлать. Вицъ-губернаторъ, услышавъ сіе, принялъ важный видъ, сталъ вычислять многія свои замѣчанія насчетъ неосторожности губернаторской, что Грибовскій не стоитъ его довѣренности и тому подобное, и что надобно поступить по всей строгости закона съ нимъ и со всѣми тѣми, кто съ нимъ былъ соучастникъ. Тогда Державинъ просилъ его, чтобъ онъ лежащую на столѣ бумагу прочелъ и тогда-бы далъ ему свой совѣтъ что дѣлать. Вицъ-губернаторъ взялъ письмо, и коль скоро увидѣлъ свое имя между строками, то сначала взбѣсился, потомъ обробѣлъ и въ крайнемъ замѣшательствѣ уѣхалъ домой. Того только и было надобно, чтобъ, увидя себя замѣшаннымъ, не предпринялъ какихъ съ своей стороны доносовъ и другихъ шикановъ. То-же сдѣлано съ прокуроромъ и съ предсѣдателемъ палаты.

Всѣ они перетрусились, кромѣ что прокуроръ началъ было крючками вывертываться и каверзить. Между тѣмъ губернаторъ послалъ по купцовъ, которые взяли казенныя деньги, не росписавшись въ книгахъ, представилъ имъ ихъ дурной поступокъ во всей ясности и сказалъ, что отошлетъ онъ ихъ тотчасъ въ уголовную палату, коль скоро не роспишутся въ книгахъ. Они то безъ всякаго прекословія исполнили. Тысячу рублей Державинъ внесъ свою; книги исправили и вѣдомости сочинили по документамъ, какъ быть имъ должно" [1]).

Вскорѣ по воцареніи, въ 1763 году, Екатерина предписываетъ уже принять мѣры противъ „разорительной азартной игры", борется съ этимъ зломъ во все свое царствованіе и незадолго до смерти, въ 1796 году, приказываетъ слѣдить за „игрокомъ первой степени", чтобъ онъ „отъ игры воздержался". Императрица сама играла въ карты и почти ежедневно проводила часъ и болѣе за карточнымъ столомъ; но она рѣшительно возставала противъ всякой азартной игры, какъ-бы она ни называлась [2]). „Картежный долгъ — не долгъ", говоритъ Екатерина, и векселя, выданные въ обезпеченіе карточнаго долга, признаются недѣйствительными. Съ игроками она также строга: „карточные академики достойны наказанія", писала она, и приказала „иностранныхъ академиковъ высылать за-границу", а доморощенныхъ „унимать" и имена ихъ публиковать въ газетахъ, „дабы всякой отъ нихъ остерегался" [3]).

---

[1]) Соч. Державина, VI, 573.

[2]) Приводимъ въ азбучномъ порядкѣ названія карточныхъ игръ, употреблявшихся въ царствованіе Екатерины II и упоминаемыхъ въ документахъ и мемуарахъ того времени: банкъ, берланъ, бирибй, бостонъ, вистъ, квинтичъ, ла-мушъ, ломберъ, макао, памфелъ, реверсисъ, рокомболь, тароки, тресетъ и фараонъ. Въ запискахъ Болотова упоминается еще одна игра—аглинскій вискъ (II, 661); но намъ чуется здѣсь простая опечатка, хотя и дважды повторенная: вискъ вм. вистъ, whist, которымъ Екатерина развеселила великую княгиню Наталью Алексѣевну, въ день отъѣзда ея матери, ландграфини гессенъ-дармштадтской Каролины (Walther, Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen. Wien, 1877, B. I, S. 338).

[3]) Карточная игра имѣетъ извѣстное значеніе для культурной исторіи русскаго общества второй половины XVIII вѣка, и мы надѣемся посвятить ей особую статью въ „Русской Старинѣ"; теперь представляемъ точное указаніе распоряженій Екатерины II по вопросу о карточной игрѣ: Госуд. Архивъ, VII, 2204; X, 187, 280; Архивъ Сената, т. 116, л. 350; т. 131, л. 423, 500, 542; т. CIV, л. 152; Полн. Собр. Зак., №№ 10,669, 11,877, 12,530,

Эти взгляды императрицы на картежную игру и карточные, долги были извѣстны въ Петрозаводскѣ. Конечно, мѣстныя власти, участвовавшія въ карточной игрѣ: вице-губернаторъ, прокуроръ, предсѣдатель палаты, были вынуждены, спасая себя, молчать о растратѣ казенныхъ денегъ казначеемъ приказа; губернаторъ долженъ былъ, обѣляя себя, внести въ приказъ выкраденныя суммы [1]). Этимъ былъ спасенъ формулярный, но не „кондуитный" списокъ Грибовскаго, нравственный обликъ его опредѣлился теперь вовсе не двусмысленно. Отъ картежной игры, даже азартной, преслѣдуемой законами, очень еще далеко до растраты казенныхъ денегъ; тѣмъ не менѣе, Грибовскій, будучи всего лишь 20-ти лѣтъ, легко прошелъ этотъ длинный путь, провинился въ томъ и другомъ.

Съ отъѣздомъ Державина, Грибовскій не могъ оставаться въ Петрозаводскѣ—мѣстное общество не простило ему его поведенія. Объ отношеніи петрозаводскаго общества къ Грибовскому свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: „Директоръ экономіи въ Петрозаводскѣ, А. А. Ушаковъ, требовалъ, чтобъ Грибовскій при всякой встрѣчѣ снималъ предъ нимъ шляпу. На одномъ гдѣ-то гуляньи Грибовскій поупорствовалъ противу его требованія; Ушаковъ сердился, началъ бранить всенародно

12,593, 12,887, 13,677, 16,440; Переписка Екатерины съ разными лицами, Спб., 1802, стр. 3,154; Чтенія, 1863, II, 143; III. 181; Русскій Архивъ, 1863, 158; 1864, 461, 534; 1872, 278, 335, 869, 870, 872; 1878, I, 389; III, 181; 1886, III, 15, 30; Сборникъ русск. ист. общ., XIII, 137; XXIII, 511; XXVII. 235; XCII, 310; Смирдинъ, Соч. Екат., III, 363, 404; Осмнадц. Вѣкъ, I, 80; Walther, I, 338; Зритель, 1863, XIV, 435.

Въ хронологическомъ порядкѣ эти распоряженія слѣдуютъ такъ: 7-го іюля 1763 г., 9-го февраля и 7-го декабря 1765 г., 16-го января и 10-го марта 1766 г., 28-го апрѣля 1767 г., 24-го іюля 1768 г. 26-го іюля, 6-го и 13-го октября 1771 г., 1-го сентября 1772 г., 16-го октября 1773 г., 5-го ноября 1779, 16-го октября 1786 г., 3-го января 1790 г., 5-го марта и 22-го апрѣля 1791 г., 3-го мая, 4-го іюня, 7-го іюля и 7-го августа 1795, и осенью 1796 года.

[1]) Отъ 7-го сентября 1786 г. Державинъ пишетъ А. П. Васильеву: „Отдать тысячу рублевъ Сергію Никитичу Зиновьеву, занятую мною у него для платежа за секретаря Грибовскаго въ олонецкомъ приказѣ общественнаго призрѣнія. Они у Грибовскаго казенныя деньги выиграли, а я, избавляя себя отъ нареканія, что подъ моимъ начальствомъ то случилось, а ихъ отъ стыда и суда, принялъ грѣхъ ихъ на себя и удовлетворилъ своимъ карманомъ". Соч. Державина, V, 561.

В. Б.

послѣдняго и хотѣлъ было слугѣ своему приказать сшибить съ него шляпу палкою. Грибовскій не упустилъ при семъ случаѣ высказать всѣ свои грубости. Сія брань обратилась въ процессъ. Грибовскій былъ истцомъ у генералъ-губернатора Тутолмина, который, противъ воли своей, долженъ былъ сдѣлать чрезъ губернатора выговоръ директору экономіи“ [1]). Не смотря на выговоръ „противъ воли“, нелѣпое требованіе Ушакова свидѣтельствуетъ, какъ низко упалъ въ его мнѣніи Грибовскій.

Въ мартѣ-же 1786 г. Грибовскій былъ уволенъ отъ должности казначея олонецкаго приказа общественнаго призрѣнія и въ іюнѣ былъ уже въ Петербургѣ. Безъ мѣста, безъ средствъ, онъ жилъ изъ милости у писателя О. П. Козодавлева, будущаго министра внутреннихъ дѣлъ. Свое положеніе въ то время Грибовскій довольно обстоятельно изложилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Державину отъ 2-го августа 1786 года [2]):

„Ваше превосходительство, милостивый государь! Его сіятельство графъ Александръ Романовичъ [3]), бывши въ Петрозаводскѣ для осмотру присутственныхъ мѣстъ, велѣлъ мнѣ по полученіи отставки, явиться къ себѣ. Сіе было новый опытъ милостиваго промысла обо мнѣ вашего превосходительства. Будучи уволенъ отъ службы и пріѣхавъ въ Петербургъ, я принятъ былъ отъ него благосклонно. Его сіятельство обнадежилъ меня принять къ себѣ, заставлялъ писать для опыта нѣкоторыя письма и удостоилъ оныя одобреніемъ. Но какъ подъ начальствомъ[4]) его мѣста порозжаго никакого не случилось и скоро не можетъ открыться, то онъ велѣлъ мнѣ подать прошеніе въ Герольдію для опредѣленія въ какую-нибудь губернію. Ожидая рѣшенія отъ графа Александра Романовича, не осмѣлился я писать къ вашему превосходительству и безпокоить васъ, какъ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, такъ и новымъ изъявленіемъ глубочайшей благодарности моей за содѣланныя мнѣ отъ

---

[1]) Изъ письма Поспѣлова къ Державину, отъ 15-го іюня 1786 г. Разсказъ передается со словъ какъ самого Грибовскаго, такъ и С. Н. Зиновьева, бывшаго олонецкаго вице-губернатора. Ibid., 487.

[2]) Соч. Державина, V, 523.

[3]) Воронцовъ.

[4]) Онъ былъ въ то время президентомъ коммерцъ-коллегіи (Мѣсяцословъ на 1786 г., стр. 18). В. Б.

васъ толикія благодѣянія. Удостовѣрившись-же, что Герольдія сама собою безъ представленія генералъ-губернаторовъ не опредѣляетъ къ должностямъ, осмѣливаюсь прибѣгнуть паки къ вамъ, милостивый государь, къ вамъ, которому я обязанъ жизнію и честію, къ вамъ, наилучшему изъ человѣковъ. Позвольте, ваше превосходительство, неусыпными трудами, усердіемъ и прилежаніемъ, хотя нѣсколько загладить предъ глазами вашими нанесенныя легкомысленностію моею вамъ огорченія. Не лишите меня чести и счастія принять отъ единыхъ рукъ вашихъ все состояніе и благополучіе мое. Всякое мѣсто, гдѣ угодно будетъ вашему превосходительству меня опредѣлить, пріиму я съ несказанною радостію и благодарностію, вѣдая благодѣтельную и великую душу вашу. Благодѣянія вашего превосходительства пребудутъ во всю жизнь мою первѣйшимъ и пріятнѣйшимъ для меня чувствіемъ, а желаніе изъявить за оныя благодарность мою—главнѣйшею заботою.

„Ея превосходительству, милостивой государынѣ, Катеринѣ Яковлевнѣ [1]) осмѣливаюсь засвидѣтельствовать всенижайшее мое высокопочитаніе. При семъ влагаю, по просьбѣ Николая Ѳедоровича [2]), къ вашему превосходительству письмо и комедію его сочиненія. Я, по милости Осипа Петровича [3]), живу въ домѣ его и пользуюсь въ нужномъ состояніи моемъ возможнымъ отъ него вспомоществованіемъ.

„Впрочемъ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и вѣчною благодарностію имѣю честь на всю жизнь мою пребыть вашего превосходительства всенижайшій слуга Адріянъ Грибовскій".

Не было, кажется, серьезныхъ основаній заподозрѣвать искренность этого письма: Державинъ дѣйствительно спасъ „жизнь и честь" Грибовскаго. Это письмо не единственное, впрочемъ, и всѣ они въ томъ-же „униженномъ смыслѣ" [4]). Между

---

[1]) Рожд. Бастидонъ, первая жена Державина.

[2]) Эмина. Онъ издалъ тогда комедію въ 5 дѣйствіяхъ: „Магометъ мудрецъ", которую самъ называлъ „глупымъ вздоромъ" въ письмѣ къ Державину отъ 16-го іюня 1786 г. Соч. Державина. V, 488.

[3]) Козодавлева. Онъ состоялъ при директорѣ Академіи Наукъ, кн. Е. Р. Дашковой, „по экономическимъ дѣламъ" и былъ директоромъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи.

[4]) Письма Грибовскаго Державину отъ 10-го, 14-го, 17-го и 28-го августа, 4-го сентября, 2-го октября и 11-го декабря 1786 г. Соч. Державина, V, 535, 538, 541, 552, 559, 587, 651.

В. В.

тѣмъ, искренности раскаянія Грибовскаго вѣрили только Козодавлевы, мужъ и жена, у которыхъ онъ жилъ, ей не вѣрили ни Д. М. Свистуновъ, совѣтникъ академіи наукъ, ни М. Ф. Поспѣловъ, сослуживецъ Державина, ни Бастидонова, теща Державина, и менѣе всего княгиня Е. Р. Дашкова, которая не выносила имени Грибовскаго.

„Графъ Александръ Романовичъ, пишетъ Свистуновъ, хотѣлъ было взять Грибовскаго къ себѣ и далъ ему ужъ обнадеженіе, но княгиня, узнавъ, такъ сильно наступила на графа, что тотъ принужденъ былъ, въ угодность ей, отказать ему". Мѣсто въ Герольдіи, тоже обѣщанное, равнымъ образомъ не было получено Грибовскимъ. Козодавлевъ проситъ, наконецъ, Державина назначить Грибовскаго директоромъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи: „Нашъ Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, видно несчастіями исправившійся, теперь живетъ у меня; онъ безъ мѣста и бѣдностію согбенный, готовъ-бы былъ пойти подъ иго службы, но никто еще не нашелся, кто-бы наложилъ на него сіе иго, а всякій только что обѣщаетъ. Уставъ народныхъ училищъ на сихъ дняхъ будетъ конфирмованъ, по которому будутъ въ каждой губерніи директоры народныхъ училищъ, зависящіе отъ губернаторовъ. Вотъ-бы мѣсто нашему Грибовскому. Постарайтесь, право, изліять благодѣяніе ваше на сего вѣтреннаго, но весьма благодарнаго человѣка, который сверхъ того къ вамъ всею душою привязанъ". А. П. Козодавлева, рожд. княжна Голицына, просила о томъ-же Е. Я. Державину. Спустя мѣсяцъ или два, Державинъ такъ отвѣчалъ на эти просьбы: „я рекомендовалъ по сущей справедливости Адріяна Моисеевича генералъ-губернатору [1]) и ежели онъ кого не нашелъ своего достойнѣйшимъ, то, конечно, опредѣлить его въ директоры въ училище не отречется. Но ежели тутъ не удастся его помѣстить, то скажи ему, чтобы онъ прислалъ прошеніе, что въ здѣшнемъ намѣстничествѣ служить желаетъ: то секретарское мѣсто ему охотно доставлю, а притомъ онъ можетъ имѣть и тѣ здѣсь выгоды, что по знанію его правописанія и хорошему почерку охотно позволю ему въ учреждаемомъ здѣсь для благородныхъ дѣвицъ пансіонѣ преподавать означенныя свои знанія, за что

[1]) Графу Ивану Васильевичу Гудовичу, 1741—1820.

можетъ имѣть по крайней-мѣрѣ сотню излишняго доходу". Узнала объ этихъ переговорахъ княгиня Дашкова, и „такъ сильно наступила" на Державина, что и онъ отрекся отъ Грибовскаго: „Княгиня Екатерина Романовна, писалъ ему Свистуновъ, приказала мнѣ къ вамъ отписать, что она слышала будто Козодавлевъ хвалится, что онъ Грибовскому мѣсто доставитъ опять при васъ; то ежели вы это сдѣлаете, послушаете Козодавлева и возьмете его опять къ себѣ, то будетъ ужъ очень вѣтрено, и притомъ приказала приписать вамъ, что это будетъ ей весьма непріятно. Боже мой, какъ она не терпитъ Грибовскаго". То же, но въ болѣе рѣзкой формѣ писала Державину и теща его М. Д. Бастидонова: „Слыша, что убѣждаютъ васъ просьбами о Грибовскомъ, чтобы вы его приняли, то я прошу тебя, Гаврило Романовичъ, ради самого Бога, не слушай никого и не бери къ себѣ такого злодѣя. Княгиня Екатерина Романовна знаетъ, что Козодавлевъ тебя убѣждаетъ, и говорила, что я де не думаю, чтобы Гаврило Романовичъ могъ къ себѣ взять его. Даже Александръ Романовичъ хотѣлъ его къ себѣ взять, но она не велѣла, а княгиня нынче такъ усилилась, что князь Вяземской у ней руки цѣлуетъ". Державинъ внялъ этимъ совѣтамъ: „Увѣрьте княгиню Екатерину Романовну, писалъ онъ Свистунову, что когда она не изволитъ, чтобъ я Грибовскому далъ здѣсь мѣсто, то онъ никакого здѣсь не получитъ. Я ея воли съ Козодавлевой просьбою не смѣняю". Нѣсколько дней спустя, Державинъ самъ увѣрилъ княгиню Дашкову въ томъ-же: „Напрасно г. Козодавлевъ хвалился, чтобъ я противъ воли вашего сіятельства опредѣлилъ къ какой-либо должности Грибовскаго" [1]).

Узнавъ объ отказѣ Державина, Грибовскій писалъ ему, отъ 11-го декабря 1786 г.: „Не могу изъяснить горести моей, что не допустили меня загладить хоть нѣсколько предъ глазами вашего превосходительства причиненныя вамъ легкомысленностію моею огорченія. Я не знаю, кто могъ перемѣнить великодушное ваше въ разсужденіи меня намѣреніе, но извѣстенъ, что имѣю сильныхъ и малодушныхъ недоброжелателей" [2]).

Мы рѣшительно не знаемъ „доброжелателей" Грибовскаго. Даже Козодавлевъ находитъ его въ концѣ концовъ „страннымъ

[1]) Соч. Державина, V, 525, 533, 538, 566, 601, 603, 617, 632.
[2]) Ibid., 651.

человѣкомъ"; Свистуновъ убѣжденъ, что „строптивый, заносчивый и неблагодарный" Грибовскій причинитъ Державину много безпокойства; Поспѣловъ сердится на Грибовскаго, который „чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбилъ его семейство", и находитъ, что онъ „милостей Державина недостоинъ"; Бастидонова пишетъ Державину: „О Грибовскомъ я наслышалась, что онъ Тимоѳея Ивановича [1]) возноситъ выше небесъ, а о тебѣ, когда дойдетъ, то „Державинъ", а больше нѣтъ имя, да и то съ гримасами; сіе по пословицѣ: не споя не скормя, ворога не видать. Такъ-то Грибовскій чувствуетъ хлѣбъ-соль" [2]). Ни одного добраго отзыва о Грибовскомъ отъ лицъ, его знавшихъ, и даже Державинъ вскорѣ убѣдился, что спасенный имъ Грибовскій „есть первый его непріятель" [3]).

Въ то именно время, когда Грибовскій, безъ мѣста, безъ средствъ, „согбенный бѣдностію", жилъ изъ милости у Козодавлева и хлопоталъ объ опредѣленіи на службу, 24-го іюля 1786 года появился № 30-й еженедѣльнаго журнала „Зеркало Свѣта" съ „письмомъ, присланнымъ къ издателю", за подписью Адреяна Грибовскаго. Онъ проситъ въ этомъ письмѣ напечатать его „Благодареніе г. Фелдингу за Томаса Іонесса", въ которомъ онъ старался выразить, по его собственнымъ словамъ, „чувствованія великости г. Фелдинга и моей малости". Вслѣдъ за письмомъ (стр. 228) напечатано и Благодареніе (стр. 229—232); это — патетическое изліяніе восторга отъ чтенія знаменитаго романа Фильдинга „Tom Iones" [4]).

Черезъ два года послѣ пасторальной повѣсти Арно, восторженное восхваленіе Фильдингу, къ тому-же, по поводу романа, не имѣющаго ничего общаго съ пасторалью, не даетъ возможности заключить о впечатлѣніи, какое производили на Грибовскаго его литературныя занятія. Его „Благодареніе" — наборъ

---

[1]) Тутолмина, архангелогородскаго и олонецкаго генералъ-губернатора враждебно относившагося къ Державину.

[2]) Соч. Державина, V, 601, 603, 640; IX, 299.

[3]) Записки Державина, 1860, стр. 382; Соч. Державина, VI, 696.

[4]) Henry Fielding, 1707—1754, англійскій писатель. Tom Iones появился, въ 1750 г.; Грибовскій пользовался, вѣроятно, французскимъ переводомъ „Tomas Iones ou l'enfant trouvé, trad. par Laplace. Paris, Didot l'ainé, 1780 4 v. in 8°. Изъ произведенія англійскаго романиста на русскій языкъ былъ переведенъ только „Ionathan Wild" и то съ нѣмецкаго: „Фелдингъ, Дѣянія господина Іонафана Вильда Великаго". Перев. Иванъ Сытенковъ. Спб., 2 т., 1772 г. Съ легкой руки Сытенкова, и Грибовскій пишетъ всегда Фелдингъ.

В. В.

фразъ, по большей части довольно складныхъ, но всегда напыщенныхъ, дѣланныхъ, не искреннихъ. Tom Iones произвелъ громадное впечатлѣніе на современниковъ; послѣдующія произведенія Фильдинга раскупались уже въ первый-же день по выходѣ изъ типографіи. Лагарпъ находилъ, что „Tom Iones est le premier roman du monde et le livre le mieux fait en Angleterre". Этотъ романъ не вызываетъ въ умѣ и сердцѣ Грибовскаго, ни одного живаго слова, ни одного теплаго отзыва, кромѣ патетическихъ, въ сущности крайне пустыхъ, фразъ. Это объясняется, кажется, тѣмъ, что все „Благодареніе" написано съ заднею мыслью — лестью Державину добиться мѣста въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ [1]).

Мѣста въ Тамбовѣ Грибовскій не получилъ. „Сожалѣю о несчастіи Грибовскаго, писалъ по этому поводу Козодавлевъ, который, впрочемъ, отъ сего несчастія не будетъ такъ несчастливъ, какъ представляетъ себѣ княгиня Дашкова... Сіе приключеніе открыло безъ сумнѣнія путь къ его счастію [2]). Козодавлевъ былъ правъ: онъ доставилъ ему мѣсто при кн. Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ и тѣмъ, дѣйствительно, обезпечилъ Грибовскому блестящую карьеру.

Съ 1787 г. Грибовскій занимается въ канцеляріи кн. Потемкина подъ начальствомъ правителя канцеляріи В. С. Попова. Съ открытіемъ въ 1787 г. военныхъ дѣйствій противъ турокъ, Грибовскій находился въ военно-походной канцеляріи кн. Потемкина, спеціально для сочиненія журнала военныхъ дѣйствій, по которому главнокомандующій составлялъ свои донесенія императрицѣ. Грибовскій оставался при кн. Потемкинѣ до самой его смерти, всегда и всюду сопровождая его канцелярію: онъ не только переѣзжалъ съ главною квартирою во время второй турецкой войны, но сопровождалъ кн. Потемкина и въ Петер-

---

[1]) „Твой Алворти, сей благотворительный, кроткій, незлобивый и справедливый смертный, котораго ты представилъ въ образецъ слабому человѣчеству и которому, противъ чаянія твоего, знаю я совсѣмъ подобнаго и благодѣяніями своими ко мнѣ и ко многимъ несчастнымъ ему равнаго, сей вельможа, котораго добродѣтели и правила толико чужды его званію. наконецъ, сей Алворти овладѣлъ моею душою" и т. д. (стр. 231). Державинъ самъ помѣщалъ свои произведенія въ „Зеркалѣ Свѣта", читалъ этотъ журналъ, но Благодаренія не читалъ, такъ какъ журналъ разсылался неакуратно: въ декабрѣ было прислано только по 29 мая" (Соч. Державина, V, 640).

[2]) Соч. Державина, V, 640. **В. Б.**

бургъ зимою 1789 г. [1]). „Въ четырехлѣтнюю службу мою при генералъ-фельдмаршалѣ кн. Потемкинѣ-Таврическомъ, отмѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ, получилъ я два чина: коллежскаго ассесора и надворнаго совѣтника съ переименованіемъ въ подполковники въ Изюмскій легкоконный полкъ, орденъ Владиміра 4-й степени и 4.000 десятинъ земли въ Екатеринославской губерніи“.

5-го октября 1791 года Потемкинъ умеръ. Грибовскій былъ въ это время въ Яссахъ, откуда и писалъ Державину о смерти главнокомандующаго, „которая составляла тогда весьма любопытную новость“. Это письмо Державинъ показалъ П. А. Зубову, которому „письмо полюбилось“, быть можетъ, и не само-по-себѣ, а по заключавшемуся въ немъ извѣстію [2]). Въ Яссахъ-же были открыты переговоры о мирѣ, причемъ Грибовскій исполнялъ обязанности конференцъ-секретаря.

29-го декабря 1791 г. заключенъ ясскій миръ. Грибовскому только 25-ть лѣтъ, но онъ уже знаетъ людей, знаетъ жизнь. Нѣтъ Потемкина—есть Зубовъ, и Грибовскій въ Яссахъ еще хлопочетъ уже о доступѣ къ П. А. Зубову. По просьбѣ одного изъ уполномоченныхъ при мирныхъ переговорахъ, контръ-адмирала де-Рибаса, прибывшій изъ Петербурга для заключенія мира гр. А. А. Безбородко далъ Грибовскому рекомендательное письмо къ Зубову. Съ этимъ письмомъ явился Грибовскій, 15-го января 1792 г., къ Зубову, и на другой-же день, 16-го января, былъ опредѣленъ правителемъ канцеляріи по дѣламъ, порученнымъ гр. Зубову по отъѣздѣ гр. Безбородко въ Яссы. Грибовскій получилъ при этомъ казенную квартиру и ему „назначено на столъ, кромѣ напитковъ, отъ придворной конторы по 50-ти руб. въ день“. Какъ правитель канцеляріи, Грибовскій „ежедневно являлся по утру къ гр. П. А. Зубову съ представленіемъ заготовленныхъ бумагъ и для полученія новыхъ“. Мало по малу Грибовскій сталъ приближеннымъ лицомъ, правою рукою фаворита Зубова. Грибовскому повѣряютъ государственныя тайны: президентъ военной коллегіи гр. Н. И. Салтыковъ не могъ сообщить княгинѣ Дашковой свѣдѣній о ея сынѣ, князѣ Павлѣ, такъ какъ „извѣстія изъ Польши составляютъ секретъ, скрываемый

---

[1]) Соч. Державина, V, 751, 753.

[2]) Письмо это не сохранилось или, во всякомъ случаѣ, еще не издано.

даже отъ гр. Безбородко", Грибовскій-же знаетъ эти извѣстія и передаетъ подробности изъ польскихъ реляцій [1]). Съ Грибовскимъ совѣтуются, въ немъ заискиваютъ: адмиралъ А. С. Шишковъ, назначенный правителемъ канцеляріи по дѣлалъ черноморскаго флота, находитъ необходимымъ „сблизиться" съ Грибовскимъ [2]). Грибовскаго награждаютъ предпочтительно предъ другими: при назначеніи наградъ ко дню коронаціи въ 1794 г., Екатерина „собственнымъ подвигомъ" пожаловала Трощинскому крестъ „при случаѣ представленіи ей о Грибовскомъ" [3]). Въ спорѣ вице-адмирала Мордвинова съ де-Воланомъ, гр. Зубовъ поступаетъ согласно указаніямъ Грибовскаго [4]).

Очевидно, Грибовскій сталъ вліятельнымъ человѣкомъ у всесильнаго Зубова. Изъ кабинета Зубова одинъ шагъ въ покои Екатерины: изготовляемые указы подносятся императрицѣ къ подписанію Д. П. Трощинскимъ, а въ случаѣ его болѣзни, Грибовскимъ; иностранную почту читаетъ императрицѣ или гр. Марковъ, или тотъ-же опять Грибовскій; наконецъ, 11-го августа 1795 г., Грибовскій былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы, или, какъ тогда говорили, „при ея императорскомъ величествѣ у принятія прошеній".

Екатеринѣ II шелъ тогда 67-й годъ; она уже 33 года занимала престолъ. Она устала, по ея собственнымъ словамъ, „въ долговременной службѣ государству" одряхлѣла, утеряла прежнюю энергію, чаще и полнѣе стала подчиняться посторонней воли. Этимъ только и можно объяснить назначеніе Грибовскаго статсъ-секретаремъ, послѣ такихъ статсъ-секретарей, какъ Храповицкій или Трощинскій. Екатерина, уваживъ рекомендацію Зубова, хорошо поняла, однако, что Грибовскій—не Трощинскій. Графъ А. А. Безбородко писалъ гр. А. Р. Воронцову, отъ 11-го октября 1795 года: „Дмитрій Прокофьевичъ (Трощинскій) очень занемогъ, однакожъ поправляется. Болѣзнь его дала мѣсто Грибовскому входить со многими дѣлами и хотя по обычаю хвалятъ его общимъ изреженіемъ, но частые вопросы о здоровьѣ Дмитрія

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 333.
[2]) Записки Шишкова, I, 6, 7.
[3]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 310.
[4]) Русскій Архивъ, 1871, стр. 1524.

Прокофьевича доказываютъ, что сей новый его замѣнить не въ состояніи“ [1]).

Грибовскій — статсъ-секретарь императрицы, правая рука кн. Зубова; онъ, по словамъ Эмина, „первый фаворитъ перваго фаворита“. Прежде, его поступки могли быть объясняемы, если не оправдываемы, стремленіемъ составить карьеру, выбиться изъ „гнета бѣдности“, какъ писалъ Козодавлевъ; теперь онъ, по словамъ того-же Козодавлева, „достигъ счастія“ и вполнѣ уже отвѣтственъ за свои дѣянія. Они весьма характерны и вполнѣ оправдываютъ княгиню Дашкову, „дышащую противо него злобою“. Въ письмѣ гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 22 февраля 1796 года, встрѣчается такое указаніе: „Третьяго дня, извѣстный Коваленскій, бывшій первый секретарь военной коллегіи, выгнанный изъ службы императрицы за воровство и грабежъ, назначенъ губернаторомъ въ Рязань, единственно благодаря тому, что его братъ, такой-же негодяй, друженъ съ Грибовскимъ, правителемъ канцеляріи графа Платона Зубова“ [2]). За нѣсколько часовъ до смерти Екатерины, въ письмѣ отъ 5-го ноября 1796 г., сообщается новая черта къ біографіи Грибовскаго: „Вице-адмиралъ Мордвиновъ, командиръ черноморскаго флота, доведенный до крайности происками де-Рибаса, прислалъ формальную на него жалобу. Онъ жалуется и на извѣстнаго Грибовскаго, секретаря императрицы, который управляетъ канцеляріею Зубова и старается вредить Мордвинову. Кажется, жалоба услышана, такъ какъ у Грибовскаго отняли уже завѣдываніе дѣлами черноморскаго флота“ [3]).

Съ 1792 г. по день кончины Екатерины II, Грибовскій получилъ: „чинъ полковника, орденъ св. Владиміра 3-й степени,

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 362.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 133. Kovalinsky vient d'être nommé gouverneur à Рязань. Это свѣдѣніе подтверждается въ Сборникѣ, LX, 412, гдѣ сказано, что Михаилъ Ивановичъ Коваленскій былъ при Екатеринѣ II „рязанскимъ намѣстникомъ“, позже, при Павлѣ I и Александрѣ I, до 1804 г.— кураторомъ московскаго университета. Между тѣмъ, по „Ежегоднику“ кн. Туркестанова губернаторомъ въ Рязани, съ 1794 г. по 1796 г., былъ И. О. Селифонтовъ. Вѣроятно, кн. Туркестановымъ не внесены перемѣны въ личномъ составѣ, происшедшія въ 1796 г.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 153. Это обвиненіе Грибовскаго вполнѣ подтверждается въ Запискахъ Шишкова. В. В.

650 душъ въ Подольской губерніи [1]), и въ прибавокъ къ жалованью 600 рублей серебромъ ежегодно; сверхъ сего имѣлъ квартиру и жилъ отъ придворной конторы".

Черезъ два мѣсяца по смерти императрицы, 14-го января 1797 года, Грибовскій былъ высланъ изъ Петербурга. Онъ поселился въ своей подольской деревнѣ, изъ которой свободно ѣздилъ въ Одессу, Бѣлгородъ, Кіевъ. Въ апрѣлѣ 1798 г. онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и заточенъ въ крѣпость. Спустя годъ, прошелъ слухъ, будто Грибовскаго освободили [2]); слухъ не оправдался: Грибовскаго только переселили изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургскую, въ тотъ самый казематъ, въ которомъ былъ убитъ Иванъ Антоновичъ и въ которомъ до смерти Екатерины содержался Новиковъ. Грибовскій былъ освобожденъ только императоромъ Александромъ въ 1801 году: „освобожденъ и опять въ подольскую деревню съ курьеромъ отправленъ". Отправка съ курьеромъ не означала, вѣроятно, воспрещенія выѣзжать изъ деревни; по крайней мѣрѣ, въ погодныхъ отмѣткахъ Грибовскаго записано: „Въ 1802 году, пріѣхалъ въ Вишневчинъ, польское мое имѣніе, и продалъ его, а въ 1803 году, въ февралѣ, пріѣхалъ въ Москву".

Этими словами обрываются „Записки" Грибовскаго. Онъ окончательно сходитъ со служебной сцены и послѣдующая его жизнь намъ совершенно неизвѣстна [3]). Онъ умеръ, какъ говорятъ [4]), въ 1833 году.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 356.

[2]) L'on me dit que Gribowski a été élargi avec ordre de vivre sur ses terres. Ce gueux a des terres, tandis qu'alors les Zouboff ont refusé d'obtenir du pain quotidien à des pauvres officiers qui avaient perdu bras ou jambes. Изъ письма кн. Дашковой гр. А. Р. Воронцову, отъ 30 марта 1799 г. Архивъ кн. Воронцова, V, 274.

[3]) Упоминаемый въ письмѣ князя И. В. Васильчикова къ кн. П. М. Волконскому, отъ 3 декабря 1820 года, библіотекарь главнаго штаба гвардіи и начальникъ канцеляріи комитета о раненыхъ Грибовскій (Русск. Архивъ, 1875, II, 436), даже не родственникъ, а только однофамилецъ автора „Записокъ". Этотъ-то библіотекарь былъ тайнымъ агентомъ, пославшимъ кн. Васильчикову, по поводу „семеновской исторіи", три письма въ августѣ и сентябрѣ 1821 г., напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" (1875, III, 418—440). Если не ошибаемся, это былъ Михаилъ Кирилловичъ Грибовскій, авторъ изслѣдованія „О состояніи господскихъ крестьянъ въ Россіи", составленнаго въ 1816 г., и переводчикъ книги Жомини: „Общія правила военнаго искусства", изданной въ 1817 г. Позже, въ 1827—28 гг., онъ былъ начальникомъ Слободско-Украинской губерніи (Сборникъ. LX, 172).

[4]) Записки Державина, изд. 1860, стр. 249. Источники свѣдѣнія не указаны.

В. Б.

Изъ собранныхъ нами, довольно скудныхъ, правда, біографическихъ свѣдѣній о А. М. Грибовскомъ видно, что на его глазахъ протекала государственная дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни сперва кн. Потемкина Таврическаго, потомъ императрицы Екатерины II. Если Грибовскій, дѣйствительно, отличается „наблюдательностью“, онъ повѣдаетъ намъ много интереснаго и о второй турецкой войнѣ, во время которой онъ находился въ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго, и о послѣднихъ годахъ жизни Екатерины II, когда онъ былъ начальникомъ канцеляріи гр. Зубова и статсъ-секретаремъ императрицы. На недостатокъ матеріала для разсказа онъ жаловаться, во всякомъ случаѣ, не можетъ. Конечно, какъ человѣкъ не военный, Грибовскій, быть можетъ, не особенно интересовался журналомъ военныхъ дѣйствій, который онъ составлялъ; но, какъ человѣкъ умный и образованный, онъ хорошо понималъ свое положеніе, какъ правой руки любимца императрицы; онъ даже пользовался своимъ значеніемъ, раздавая губернаторскія мѣста, интригуя съ де-Рибасами противъ Мордвиновыхъ. Какъ составитель записокъ онъ былъ поставленъ въ завидное положеніе. До самой смерти Екатерины, Грибовскій оставался „при ея императорскомъ величествѣ у принятія прошеній, занимаясь и дѣлами, на князя Зубова возложенными“. Дѣятельность Грибовскаго была крайне разнообразна, интересна и вліятельна: въ его вѣдѣніи находятся дѣла польскія и персидскія, онъ устраиваетъ губерніи въ областяхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, и въ герцогствѣ курляндскомъ, онъ заботится о переклеймeніи мѣдной монеты, онъ составляетъ новые штаты запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ; въ его вѣдѣніи устройство Вознесенской губерніи и Одесскаго порта, водвореніе поселенцевъ въ южныхъ губерніяхъ и черноморскаго войска въ новопожалованныхъ ему областяхъ, не говоря уже о многихъ государственныхъ и частныхъ дѣлахъ, которыя возлагались императрицею на Зубова и исполнялись Грибовскимъ. Сверхъ того, по званію статсъ-секретаря, онъ трудился надъ составленіемъ новаго устава для сената, разсматривалъ представленія отъ синода, давалъ заключенія по дѣламъ, лично ему отъ императрицы поручаемымъ. Ему есть что повѣдать міру.

Что-же даютъ намъ „Записки“ Грибовскаго?

Въ бумагахъ Грибовскаго было найдено, послѣ его смерти,

нѣсколько написанныхъ его рукою листовъ съ небольшими замѣтками, касавшимися, по большей части, времени Екатерины II. Листы эти были не сшиты, многіе даже не перенумерованы. Тутъ были и краткія погодныя отмѣтки, и наброски мыслей съ намеками на вызвавшія ихъ обстоятельства, и болѣе обстоятельныя записи, и, наконецъ, цѣльная, совершенно обдѣланная статья, даже съ заглавіемъ. По счастію, эти листки попали въ надежныя руки: профессоръ московскаго университета, дороживщій всякимъ историческимъ памятникомъ, М. П. Погодинъ тщательно пересмотрѣлъ рукопись, привелъ ее въ порядокъ и что̀ признавалъ интереснымъ, издалъ въ „Москвитянинѣ" за 1847 годъ, № 2-й, въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историческихъ". Въ то-же время появилось и отдѣльное изданіе, дословно перепечатанное изъ журнала, подъ заглавіемъ: „Записки о Екатеринѣ Великой состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаря и кавалера Адріана Моисеевича Грибовскаго. Съ присоединеніемъ отрывковъ изъ его жизни. Москва, 1847 г.". Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1864 г., появилось второе изданіе, „съ дополненіями", т. е. съ присовокупленіемъ того, что М. П. Погодинъ отбросилъ, какъ, по его мнѣнію, излишнее. Въ этомъ второмъ изданіи, неизвѣстно кѣмъ сдѣланномъ, отдѣльныя части помѣщены въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ рукописи, въ листахъ несшитыхъ, т. е. совершенно случайно. Это второе изданіе даетъ возможность прослѣдить черновую работу автора и опредѣлить до извѣстной степени самый составъ оставшихся послѣ него бумагъ.

Поступивъ въ 1787 году въ военно-походную канцелярію кн. Потемкина, Грибовскій сталъ дѣлать погодныя отмѣтки о военныхъ событіяхъ, очень краткія и чисто формальныя. Это не болѣе какъ конспектъ того журнала военныхъ дѣйствій, который составлялся Грибовскимъ и на основаніи котораго главнокомандующій писалъ свои реляціи къ императрицѣ. Переселясь въ Петербургъ, Грибовскій продолжалъ отмѣчать важнѣйшія событія, такъ-же кратко, формально, одни голые факты, безъ сужденія о нихъ, безъ всякаго толкованія. Эти отмѣтки обнимаютъ время съ 1787 г. по 1803 годъ и названы авторомъ „Записки прежнихъ лѣтъ". Нельзя думать, чтобъ Грибовскій предполагалъ составить впослѣдствіи свои записки по этимъ отмѣткамъ, до того они общи, кратки и лишены

всякаго даже намека на личныя его впечатлѣнія; онѣ представляются не болѣе, какъ календарными отмѣтками.

На особыхъ листахъ Грибовскій записалъ рядъ замѣтокъ, относящихся ко времени состоянія его при императрицѣ. Замѣтки вписаны очень кратко, намеками, какъ-бы себѣ для памяти; въ нихъ нѣтъ ни одной даты. Это, по большей части, замѣтки о словахъ Екатерины, объ ея взглядахъ, распоряженіяхъ. Замѣтки начинаются словами: „Указъ о бытіи у принятія прошеній" — указъ этотъ состоялся 11-го августа 1795 года; онѣ оканчиваются такъ: „Назначеніе Суворова во Францію съ арміею", о чемъ, какъ извѣстно, сочинялся, въ половинѣ ноября 1796 г., проектъ рескрипта. „Записки прежнихъ лѣтъ" писались постепенно, по годамъ и мѣсяцамъ; отмѣтки статсъ-секретаря сдѣланы сразу, нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Екатерины, составлены на память. Въ самомъ началѣ отмѣтокъ, упоминая объ арестѣ Новикова, Грибовскій прибавляетъ: „Новиковъ до кончины императрицы содержался въ Шлиссельбургѣ, въ томъ казематѣ, гдѣ и мнѣ судилъ Богъ быть". Такимъ образомъ, замѣтки составлены послѣ освобожденія Грибовскаго, т. е. позже 1801 года. По этимъ-то краткимъ замѣткамъ, Грибовскій началъ составлять тѣ листы, которые Погодинъ озаглавилъ „Нѣкоторыя записки изъ жизни Екатерины Великой". До какой степени при этомъ замѣтки распространялись—можно видѣть изъ слѣдующаго:

Въ самомъ началѣ замѣтокъ написано: „Указъ о бытіи у принятія прошеній. Представленіе для принесенія благодарности приватное. Слова ея при представленіи моемъ". Изъ этихъ „замѣтокъ для памяти" составленъ такой разсказъ: „Въ первый разъ имѣлъ я счастіе услышать разговоръ императрицы, когда представился для принесенія ей благодарности за удостоеніе меня быть при ея величествѣ. Это было въ Таврическомъ дворцѣ, въ 10 часовъ утра. Государынѣ было угодно, чтобъ я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ она находилась, не чрезъ уборную, а чрезъ камеръ-юнгферскую комнату. Государыня сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ, въ утреннемъ платьѣ. „Вы такъ много трудитесь", сказала она, взглянувъ на меня своими голубыми глазами благосклонно, и вмѣстѣ съ тѣмъ подала мнѣ руку, которую я, вставъ на колѣни, поцѣловалъ. „Хорошо,

прибавила она, съ этого времени мы часто будемъ видѣться, а теперь подите съ Богомъ". Послѣднія слова были почти обыкновенная ея рѣчь при разставаніи. Когда хотѣлъ я выйти прежнимъ путемъ, то она сказала: „Позовите сюда графа Алексѣя Григорьевича", и взглянула на противоположную дверь, почему изъ кабинета вышелъ я въ уборную, гдѣ тогда давно находились уже въ собраніи всѣ бывшіе при собственныхъ ея величества дѣлахъ или имѣвшіе для доклада дѣла, или по другому случаю пріѣхавшія особы, какъ-то: гр. Безбородко, Поповъ, Трощинскій, Турчаниновъ, и между ними у камина стоялъ посѣдѣвшій чесменскій богатырь, со шрамомъ на щекѣ, въ военномъ отставномъ мундирѣ".

Въ бумагахъ Грибовскаго оказались, сверхъ того, небольшой листокъ, который, по содержанію, Погодинъ озаглавилъ: „Мысли Екатерины Великой о французской революціи", и довольно объемистая тетрадь, озаглавленная: „Изображеніе Екатерины II". Это уже не самостоятельныя произведенія Грибовскаго, а переводы.

Извѣстенъ взглядъ Екатерины на французскую революцію. Въ своихъ письмахъ къ Густаву III и князю де-Линь, къ Сенакъ-де-Мельяну, Гримму, Штакельбергу и др., императрица постоянно высказывала, что въ судьбѣ французской королевской семьи заинтересованы всѣ коронованныя особы, такъ какъ революція угрожаетъ монархическому принципу всей Европы [1]). „Мысли", очевидно, переводъ изъ какого-либо письма Екатерины, еще неизданнаго.

„Изображеніе Екатерины II" есть не болѣе, какъ переводъ „Portrait de Catherine le Grand" князя де-Линь [2]). Ни въ одномъ изданіи „Записокъ" Грибовскаго объ этомъ не упомянуто; въ изданіи-же 1864 г., на которое всѣ ссылаются, какъ на позднѣйшее, статьи размѣщены такъ, что невольно вводятъ читателя въ заблужденіе, чему не мало содѣйствуетъ и самъ Грибовскій. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, упомянувъ о томъ, что

---

[1]) Русская Старина, III, 615, 627; Сборникъ, XXIII, 551; XLII. 181, 202, 207, 208, 229 sqq.

[2]) Portrait de feu Sa Majesté Catherine II, impératrice de toutes les Russies. 1797.

„остроумный принцъ де-Линь начерталъ бѣглою и смѣлою кистью краткое изображеніе свойства Екатерины“, Грибовскій, нѣсколько строкъ ниже, прибавляетъ: „вознамѣрился я описать нѣкоторыя событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ и которыя можно назвать дополненіемъ къ учиненному г. принцемъ де-Линь общему изображенію Екатерины Великой“. Мало того: такъ какъ кн. де-Линь ведетъ разсказъ отъ своего лица, то переводчикъ сперва тщательно измѣнялъ форму изложенія, ставя, напр., **она говорила**, вмѣсто elle m'a dit, **принцъ де-Линь писалъ**, вмѣсто je lui écrivis; но потомъ это забылось и въ концѣ встрѣчается, напр., такое извѣстіе: „Я имѣлъ случай видѣть неробкость духа императрицы: передъ въѣздомъ въ Бахчисарай, двѣнадцать лошадей слабыхъ не могли на скатѣ горы поддержать большой нашей шестимѣстной кареты, понесли насъ или, лучше, унесены были сами каретою и, казалось, что мы всѣ сломаемъ себѣ шеи. Я тогда гораздо-бы имѣлъ болѣе страха, если-бы не хотѣлъ видѣть, испугалась-ли императрица: но она была также спокойна, какъ и на завтракѣ, за которымъ мы недавно сидѣли“. Кто-же это я? Конечно, не Грибовскій; во время таврическаго путешествія Екатерина не знала даже о его существованіи и онъ никогда не завтракалъ съ императрицею. Тѣмъ не менѣе, многіе признаютъ „Изображеніе“ за самостоятельный трудъ Грибовскаго [1]), не подозрѣвая даже, что это переводъ.

Дословнымъ переводомъ это назвать нельзя, въ немъ кое-что исключено, кое-что прибавлено, какъ показываютъ первыя-же строки:

Portrait:	Изображеніе:
Catherine le Grand (j'espère que l'Europe confirmera ce nom que je lui ai donné), Catherine le Grand n'est plus. Ces deux mots sont affreux à prononcer. Je n'aurais pas pu hier les écrire; mais je tâcherai aujourd'hui de donner d'elle l'idée qu'on doit en avoir.	Екатерина Великая не существуетъ. Слова ужасныя! Вчера не могъ-бы я написать ихъ, но сегодня, въ свободнѣйшемъ духѣ, представлю то понятіе, какое имѣть о ней должно.

Иногда трудно указать, почему Грибовскій исключалъ то или другое извѣстіе изъ своего перевода, но всегда приходится пожалѣть объ этихъ исключеніяхъ, составляющихъ пятую часть французскаго текста.

---

[1]) „Всемірный Трудъ“, 1869, № 6, стр. 162—188.

„Остроумный принцъ“ замѣчаетъ: „Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, не смотря, что убавила у него богатства и власти“. Грибовскій переводитъ это замѣчаніе и выпускаетъ приводимое кн. де-Линь очень оригинальное доказательство этой любви: „Когда Пугачевъ, во главѣ своихъ разбойниковъ, рыскалъ по деревнямъ, врываясь съ обнаженною саблею въ сельскіе храмы Божіи, одинъ священникъ, взявъ Св. Дары, подошелъ къ Пугачеву и громко сказалъ ему: „Умножь свои преступленія, злодѣй, убей меня съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только что молился за нашу матушку-императрицу“.

Упомянувъ о томъ, что фавориты не имѣли „ни власти, ни кредита“, кн. де-Линь прибавляетъ, что тѣ изъ нихъ, которые „были пріучены къ государственнымъ дѣламъ самою императрицею“, получали „право говорить правду и были выслушиваемы“. Все это переведено Грибовскимъ, но слѣдующій за этимъ примѣръ исключенъ: „Я видѣлъ, какъ графъ Мамоновъ пользовался этимъ правомъ; я слышалъ, какъ онъ противорѣчилъ императрицѣ, оспаривалъ ея мнѣнія, защищалъ свои взгляды, настаивалъ; я замѣчалъ, что императрица была этимъ очень довольна, восхищаясь его правдивостью, честностью, его стремленіемъ творить добро по мѣрѣ силъ“.

Князь де-Линь находитъ, что Марія-Терезія превосходила Екатерину II очаровательностію своего обхожденія, Грибовскій оставляетъ это замѣчаніе безъ перевода, быть можетъ, изъ патріотизма; но почему не переведенъ отзывъ Екатерины объ Іосифѣ II? Вотъ какъ онъ записанъ княземъ де-Линь: „Императрица увѣряла меня, что кромѣ удовольствія, которое Іосифъ II доставлялъ намъ своимъ присутствіемъ, она любитъ его особенно за нѣкоторое сходство съ Петромъ I: какъ и Петръ, Іосифъ дѣятеленъ, жаждетъ всему научиться и научить другихъ, и всецѣло преданъ своему государству. „У него умъ серьезный, говорила она, но въ то-же время пріятный; онъ вѣчно занятъ полезными предпріятіями и его голова постоянно работаетъ“.

Исключенія могутъ быть, конечно, объясняемы, если не оправдываемы, требованіями цензуры при изданіи рукописи Грибовскаго; но чѣмъ оправдать вставки? Кому и зачѣмъ могло понадобиться объясненіе, что Екатерина покупала рѣдкости

въ предметахъ изящныхъ наукъ и художествъ?“ Къ любимымъ авторамъ Екатерины, къ Лесажу, Мольеру и Корнелю, Грибовскій присоединяетъ „Виланда“. Объ этомъ Виландѣ Екатерина не упоминаетъ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ; въ позднѣйшемъ изданіи записокъ Грибовскаго его тоже нѣтъ.

Любопытно въ этомъ отношеніи сравненіе обоихъ изданій „Записокъ“ Грибовскаго, 1847 и 1864 годовъ. Оба изданія совершенно сходны только въ одномъ—въ преслѣдованіи слова фаворитъ. Французское выраженіе les favoris переведено такъ: „тѣ, которые во время ея отдохновенія или для раздѣленія ея трудовъ, удостоивались ея самой близкой довѣренности, и по чувствительности ея сердца жили въ ея дворцѣ“. Кромѣ этого сходства, необходимо отдать предпочтеніе изданію 1847 г., какъ болѣе близкому къ подлиннику[1]): въ 1847 г. выраженіе despotisme передано словомъ деспотизмъ, а въ 1864 г. деспотизмъ обратился въ деликатную повелительность; въ 1847 году Екатерина называется гордою (fière), а въ 1864 г. становится правдивою; въ 1847 г. дословно переведено: „Анна и Елизавета были-бы посредственные мужчины; но какъ женщины, царствованія ихъ было не безславно“, между тѣмъ все это исчезло въ изданіи 1864 г. Такихъ примѣровъ нѣсколько.

Вслѣдствіе произвольныхъ исключеній и вставокъ и невольныхъ измѣненій текста, объясняемыхъ цензурными требованіями, переводъ „Portrait de Catherine II“, сдѣланный Грибовскимъ, теряетъ всякую цѣну, и тѣмъ, кто желаетъ ознакомиться съ „Портретомъ Екатерины“, нарисованнымъ дѣйствительно „остроумнымъ принцемъ“, необходимо обратиться къ подлиннику.

Такимъ образомъ, въ бумагахъ Грибовскаго находятся, во-первыхъ, двѣ статьи, переведенныя съ французскаго, слѣдовательно, не составляющія произведеній Грибовскаго; во-вторыхъ, двѣ тетради замѣтокъ, изъ которыхъ позже составлялись записки, и, въ-третьихъ, собственно записки, еще Погодинымъ раздѣленныя на двѣ части—записки объ Екатеринѣ и записки

[1]) Къ сожалѣнію, изданіе 1847 года очень небрежно въ типографскомъ отношеніи. Въ немъ встрѣчаются невозможныя опечатки. Такъ, напримѣръ, французское выраженіе une Gauloise du Nord, переведенное Грибовскимъ „сѣверная Галла“, въ изданіи 1847 года передано: скверная голова.

В. В.

о Грибовскомъ и другихъ лицахъ. Всѣ эти бумаги изданы Погодинымъ въ извѣстномъ порядкѣ, между тѣмъ, какъ въ изданіи 1864 года онѣ смѣшаны и перепутаны до крайности. Укажемъ порядокъ изданія 1847 г. съ обозначеніемъ соотвѣтствующихъ страницъ позднѣйшаго изданія. Изданіе Погодина открывается краткимъ введеніемъ (55—56), затѣмъ идутъ: „Изображеніе Екатерины II“ (33—47), „Нѣкоторыя записки изъ жизни Екатерины II“ (48—53, 23—33), „Мысли Екатерины II о французской революціи“ (48), „Записки о службѣ статсъ-секретаря Грибовскаго и прочихъ лицъ“ (3—23, 56—72). Въ изданіи 1864 г., въ видѣ дополненія, помѣщены „Записки прежнихъ лѣтъ“ (72—94) и отмѣтки статсъ-секретаря (94—100).

Собственно „Записки“ Грибовскаго остались неоконченными. Онъ воспользовался лишь очень малою частью своихъ отмѣтокъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что его „Записки“, доведенныя до конца, представили-бы значительный интересъ для исторіи послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія Екатерины. Судя по словамъ самого Грибовскаго, задуманный имъ планъ „Записокъ“ былъ весьма интересенъ и очень широкъ: „Много писано о Екатеринѣ Великой, но никто почти изъ писавшихъ о ней не былъ при ея особѣ, а многіе изъ нихъ никогда съ нею и не говорили. Всѣ они заимствовали свѣдѣнія о сей монархини изъ публичныхъ происшествій или изъ ея законовъ, уставовъ и другихъ сочиненій. Отъ сего она представлена въ сихъ описаніяхъ торжествующею побѣдительницею, премудрою законадательницею, одаренною величайшимъ геніемъ и проч. Все сіе, конечно, справедливо; но изображеніе прекрасныхъ свойствъ ея души и сердца, отъ которыхъ проистекли всѣ великія ея дѣянія, увѣнчавшія ее неувядаемою славою, изображеніе которыхъ наиболѣе для человѣчества поучительно и для каждаго вожделѣнно, почти непримѣтно въ означенныхъ сочиненіяхъ... Чтобы узнать и понять приватный характеръ сей необыкновенной особы, надобно было видѣть ее каждый день съ 9-го часу утра, когда она, сидя въ своей спальнѣ, въ утреннемъ уборѣ, за выгибнымъ маленькимъ столикомъ, занималась государственными дѣлами съ докладчиками, когда рѣчь шла о мѣрахъ безопасности и благосостоянія государства, о военныхъ дѣйствіяхъ во время войны, о пополненіи недостатка въ государственныхъ доходахъ,

о новыхъ рекрутскихъ наборахъ, объ исправленіи упущеній высшихъ или судебныхъ мѣстъ, или начальствующихъ лицъ— тогда и власть, и величіе императрицы чудно сливались съ чувствами человѣка, и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея. Только въ сихъ случаяхъ можно было сдѣлать справедливое о характерѣ сей монархини заключеніе. Бывъ нѣсколько времени въ нѣкоторыхъ изъ сихъ засѣданій, по должности статсъ-секретаря, вознамѣрился я описать нѣкоторыя случившіяся при мнѣ событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ".

Программа, поистинѣ, замѣчательная, и остается только пожалѣть, что исполненіе ея оказалось не по силамъ Грибовскаго. Въ своихъ „Запискахъ изъ жизни Екатерины II", онъ, кромѣ двухъ-трехъ изреченій императрицы, дѣйствительно рисующихъ „свойства души и сердца" ея, останавливается преимущественно на чисто внѣшней сторонѣ жизни: онъ описываетъ туалетъ императрицы, выслушиваніе ею докладовъ, ея обѣды, выходы, пріемы. При этомъ бросаются въ глаза повторенія. Такъ, напримѣръ, дважды описано, какъ Суворовъ представлялся государынѣ:

стран. 35 (строка 52):	стран. 45 (строка 28):
Фельдмаршалъ Суворовъ вошедши дѣлалъ три земныхъ поклона предъ образомъ; а потомъ, обратясь, дѣлалъ земной поклонъ Государынѣ, которая никакъ не могла его уговорить такъ низко не кланяться. „Помилуй, Александръ Васильевичъ, что ты дѣлаешь!" говорила она, поднимая и усаживая его.—„Матушка! отвѣчалъ онъ: послѣ Бога ты одна моя надежда".	Фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земные поклона предъ образомъ Казанской Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, предъ которымъ лампада горѣла неугасимая; потомъ, обратясь къ Государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать, и говорила, поднимая его за руку: „Помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать!" Но герой обожалъ ее и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе.

Погодинъ обратилъ вниманіе на эти повторенія, но оставилъ ихъ, „тѣмъ болѣе, что при нихъ встрѣчаются обыкновенно новыя обстоятельства". Иногда, однако, эти „новыя обстоятельства" противорѣчатъ прежде сообщеннымъ фактамъ. Такъ,

въ одномъ мѣстѣ сказано, что вице-канцлеръ имѣлъ докладной день по четвергамъ, генералъ-прокуроръ по воскресеньямъ; въ другомъ-же, вице-канцлеръ по субботамъ, генералъ-прокуроръ по понедѣльникамъ и четвергамъ. Объяснить эти повторенія возможно только послѣ изученія самой рукописи.

Наконецъ, для правильной оцѣнки „Записокъ изъ жизни Екатерины II" необходимо имѣть въ виду цензурныя искаженія текста, для возстановленія котораго необходимо пользоваться обоими изданіями. Нерѣдко то, что было уже напечатано въ 1847 г., въ журналѣ и въ отдѣльномъ изданіи, воспрещалось цензурою въ 1864 г., и наоборотъ. Такъ, напр., въ первомъ изданіи о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ говорится: „Прежде наслѣдникъ съ супругою часто у государыни кушали и въ вечернихъ собраніяхъ бывали; но въ послѣднія пять лѣтъ дѣлали это въ одни только чрезвычайныя торжества" (стр. 50)... „Въ большія торжества находился тутъ-же и наслѣдникъ съ супругою и стоялъ въ далекомъ разстояніи, держа ее за руку и наблюдая молчаніе, и не прежде къ государынѣ приближался, какъ когда она сама къ нему подходила, чтобы сказать два слова, на которыя онъ отвѣчалъ съ глубокимъ почитаніемъ" (стр. 52). Въ изданіи 1864 г. ничего этого нѣтъ, зато въ немъ есть Зубовъ, котораго нѣтъ въ первомъ изданіи. „Во время докладовъ, какъ скоро показывался графъ П. А. Зубовъ, то каждый изъ насъ немедленно въ уборную уходилъ; онъ приходилъ всегда съ заготовленными къ подписанію бумагами" (стр. 28)... „Тѣ, кои съ нею кушали, были каждый разъ приглашаемы, исключая П. А Зубова, который всегда безъ приглашенія съ государынею кушалъ" (стр. 30). Только читая оба изданія, получается полный текстъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстъ, которыя были воспрещены цензурою и въ 1847 и въ 1864 годахъ; но были-ли такія мѣста можно опредѣлить только по сличеніи обоихъ изданій съ рукописью.

Такимъ-же характеромъ, чисто внѣшнимъ, формальнымъ, отличаются и „Записки, касающіяся до службы Грибовскаго и прочихъ лицъ". Какъ всѣ составители записокъ, Грибовскій говоритъ о себѣ значительно болѣе, чѣмъ „о прочихъ лицахъ", но все-же крайне мало, очень сухо и слишкомъ уже формулярно. Къ своему послужному списку онъ прибавилъ только сухой перечень

дѣлъ, производившихся въ управляемой имъ канцеляріи графа П. А. Зубова. Изъ этого перечня можно уже заключить, что мы имѣемъ право ожидать отъ него разъясненія многихъ сторонъ внутренней и внѣшней политики Россіи за послѣдніе годы царствованія Екатерины II; Грибовскій и въ этомъ отношеніи ограничился, однако, чисто канцелярскою стороною вопросовъ, не сообщивъ даже въ чемъ собственно состояло его личное участіе въ разрѣшеніи ихъ. Изъ „прочихъ лицъ" Грибовскій хорошо зналъ кн. Потемкина и гр. Зубова, при которыхъ онъ служилъ и съ которыми находился въ частыхъ сношеніяхъ, особенно съ Зубовымъ. Между тѣмъ, въ своихъ „Запискахъ" онъ говоритъ о графахъ Н. И. Салтыковѣ, И. А. Остерманѣ, А. А. Безбородко и А. И. Марковѣ, о статсъ-секретаряхъ В. С. Поповѣ и Д. П. Трощинскомъ, даже о рагузинцѣ Алтести, но не обмолвился ни единымъ словомъ ни о Потемкинѣ, ни о Зубовѣ. Представленныя Грибовскимъ характеристики названныхъ семи лицъ составлены всѣ по одному шаблону: указаны года, измѣренъ ростъ, описано платье, приведенъ формулярный списокъ и все это непремѣнно пересыпано злословіемъ о доходахъ, грѣшныхъ и безгрѣшныхъ, и о любовныхъ похожденіяхъ, всегда безусловно грѣховныхъ. Нужно отдать справедливость Грибовскому: нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ подробностей весьма интересны, но всѣ онѣ живописуютъ только внѣшняго человѣка. Много вредитъ при этомъ Грибовскому и его злословіе. Конечно, упоминаемыя имъ „прочія лица", какъ и онъ самъ, не были безсребренниками и въ своей домашней жизни не гонялись за монтіоновскою преміею; но у всѣхъ ихъ были заслуги, у нѣкоторыхъ и весьма значительныя. Грибовскій-же выставляетъ только недостатки, прибѣгая для этого нерѣдко къ сплетнямъ, но вовсе не упоминаетъ о достоинствахъ, какъ будто ихъ и не было. Кому интересно знать и какое значеніе могутъ имѣть такія, хотя-бы и достовѣрныя, извѣстія, что гр. Марковъ жилъ съ французскою актрисою Гюсъ, что Поповъ имѣлъ „много дѣтей отъ актрисы Каролины", что Безбородко, кромѣ пѣвицы Давіи, актрисы Свистуновой и танцовщицы Ленушки, любилъ бывать въ „вольныхъ домахъ у прелестницъ" и тому подобныя гадости? Въ этомъ отношеніи мы не лучше дѣдовъ своихъ, но среди насъ не видно что-то Трощинскихъ, Остермановъ, Безбородко, и не

намъ интересоваться скандалезною хроникою ихъ жизни. Никто изъ современниковъ Грибовскаго не записалъ его „любовныхъ похожденій“, но въ ихъ запискахъ встрѣчаются указанія, позорящія его болѣе всякихъ Каролинъ и Ленушекъ. Въ запискѣ гр. Ростопчина о воцареніи Павла Петровича разсказывается: „Безбородко объяснилъ мнѣ, что уже восьмой день, какъ подписанъ указъ о пожалованіи Трощинскаго, но не отосланъ Грибовскимъ въ сенатъ. Я получилъ повелѣніе отослать въ сенатъ указъ. Грибовскій, въ видѣ человѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а князь Зубовъ“ [1]).

„Записки о службѣ Грибовскаго и прочихъ лицъ“ равнымъ образомъ значительно пострадали отъ помарокъ цензуры. Въ разсказѣ о второмъ раздѣлѣ Польши, цензура 1864 года воспретила перепечатать изъ изданія 1847 г. слѣдующее невинное извѣстіе: „Послѣ вышеозначеннаго раздѣла, въ слѣдующемъ году, а именно въ ночь на 6-е число апрѣля, поляки внезапно сдѣлали нападеніе на наши войска и въ то-же самое время мятежъ въ Вильнѣ и по всѣмъ областямъ польскимъ распространился“ (стр. 93). Цензура замѣнила поляковъ именами любовницъ, которыя были изгнаны изъ изданія 1847 года, за слѣдующимъ исключеніемъ:

изд. 1847 г.	изд. 1864 г.
„Мнѣ самому случалось сочинять отъ имени Попова французскія записки къ графинѣ Витъ (вышедшей послѣ за графа Потоцкаго), за которою онъ въ Яссахъ волочился“.	„Мнѣ самому случалось сочинять отъ имени Попова французскія записки къ одной графинѣ (вышедшей послѣ за одного графа), за которою онъ въ Яссахъ волочился“.

Изъ словъ Грибовскаго и изъ цензурныхъ помарокъ очевидно, что ни Грибовскій, ни цензура не знали за кѣмъ именно волочился Поповъ въ Яссахъ. Они не могли знать графини Виттъ, такъ какъ такой графини въ Яссахъ никогда не было. Здѣсь рѣчь идетъ о знаменитой своею красотою гречанкѣ, о которой въ свое время ходили чисто легендарные разсказы.

Французскій дипломатъ, по однимъ—чиновникъ посольства, по другимъ—„самъ посолъ“, встрѣтилъ въ Константинополѣ,

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 166.

въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ, красивую дѣвочку, горько плакавшую. Пораженный красотою ребенка, французъ приласкалъ дѣвочку, привелъ въ посольскій домъ, гдѣ дѣвочка сказала, что она турецкая рабыня, гречанка Софія, что турки похитили ее съ о. Хіоса и продали въ гаремъ какого-то паши, откуда она бѣжала, такъ какъ старый паша мучилъ ее своими ласками. Въ домѣ французскаго посольства въ Константинополѣ дѣвочка воспитывалась, росла, стала дѣвицею, научилась говорить по-французски, была обращена въ католичество. Она поражала всѣхъ своею красотою. Ей шелъ уже 15-й годъ, когда французскій дипломатъ долженъ былъ отправиться, по дѣламъ службы, изъ Константинополя въ Петербургъ. Опасаясь преслѣдованій турецкаго паши, который давно уже искалъ свою рабыню, дипломатъ взялъ красавицу-гречанку съ собою. Онъ благополучно достигъ пограничной польской крѣпости Каменца-Подольска, гдѣ и остановился въ домѣ коменданта, по другимъ — бессарабскаго губернатора, генерала польской службы Витта. Теперь и польскій генералъ, въ свою очередь, былъ пораженъ красотою гречанки Софіи и вскорѣ страстно влюбился въ нее. Чтобъ вѣрнѣе обмануть бдительность своего гостя, комендантъ устроилъ въ честь его большую охоту и, въ моментъ отъѣзда охотниковъ, извинился, что не можетъ принять участія въ охотѣ, такъ какъ только что пріѣхалъ изъ Варшавы гонецъ съ важными бумагами, требующими немедленно отвѣта. Едва охотники удалились изъ глазъ, какъ ворота крѣпости были заперты и началось торжественное вѣнчаніе коменданта Витта съ гречанкою Софіею. Только поздно вечеромъ возвратились охотники. Ворота крѣпости были заперты. Выѣхавшій изъ крѣпости парламентеръ сообщилъ охотникамъ о совершившемся бракѣ. Французскій дипломатъ, нечего дѣлать, призналъ fait accompli и принялъ участіе въ свадебномъ пиршествѣ.

Въ подобныхъ разсказахъ Dichtung und Wahrheit такъ переплетены, что трудно сказать, гдѣ кончается истина и начинается вымыселъ. Въ данномъ разсказѣ несомнѣнно одно— поразительная красота Софіи Виттъ. Во время второй турецкой войны, князь де-Линь, этотъ испытанный знатокъ женской красоты, видѣлъ ее и такъ отозвался о ней въ письмѣ къ сыну:

„Главная квартира фельдмаршала Румянцева въ Польшѣ.

8-го іюня 1788 г.

„Если вы меня спросите, милѣйшій Карлуша, какъ я себя чувствую, я вамъ отвѣчу: все такъ-же. Я летаю отъ одной арміи къ другой, отъ одного фельдмаршала къ другому, чтобъ заставить ихъ дѣйствовать, но, очевидно, дьяволъ одолѣлъ ихъ, не смотря на ихъ крестныя знаменія по русскому обычаю.

„Я рѣшился, наконецъ, покинуть Потемкина, этого насмѣшника, льстеца, моего обожателя, какъ онъ говоритъ, и прибылъ сюда, въ Каменецъ-Подольскъ. Ахъ, еслибъ у меня было еще сердце, какъ-бы я влюбился! Командирша, прелестная гречанка, извѣстная красавица, обожаемая всѣми, свезла меня, въ своей колясkѣ, подъ стѣны Хотина, гдѣ турки привѣтствовали насъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами, причемъ ядра перелетали черезъ наши головы. Каюсь: я предпочелъ-бы произвесть рекогносцировку и найти слабыя мѣста для атаки моей сосѣдки, а не турецкой крѣпости [1]).

„Я остановился въ ея домѣ, но, Богъ мой, живу среди адскаго шума. Всю ночь слышенъ шумъ цѣпей. Ужъ не привидѣнія-ли какія? Нѣтъ, это ея мужъ, комендантъ крѣпости, пользуется даровою прислугою изъ каторжниковъ въ кандалахъ. Какой контрастъ: рожи каторжниковъ и неземная красота, которой они служатъ изъ-подъ палки! Даже поваръ — закованный въ цѣпи каторжникъ. Это экономно, но, поистинѣ, ужасно".

Спустя два года, указомъ отъ 28-го февраля 1790 г., „польской службы генералъ-поручикъ, бывшій комендантъ въ Каменцѣ-Подольскомъ Виттъ" принятъ въ русскую службу генералъ-маіоромъ; въ маѣ 1791 г. онъ былъ уже генералъ-поручикъ русской службы [2]). За женою этого-то генералъ-поручика, по официальнымъ бумагамъ Іосифа де-Витта, „волочился" Поповъ въ Яссахъ, и такъ какъ Софія де-Виттъ не понимала порусски, а Поповъ не могъ писать пофранцузски, то Грибовскій и сочинялъ отъ его имени billets-doux.

---

[1]) Та-же мысль, но въ иной формѣ, высказана имъ въ письмѣ отъ 1-го іюня 1788 года: Les janissaires ont eu la vue assez bonne pour trouver que madame de Witte était meilleure à enlever qu'un général autrichien. Lettres et pensées du prince de Ligne, Paris, 1809, p. 157.

[2]) Сборникъ, XLII, 60; Русск. Архивъ, 1874, II, 261.

Замѣчаніе, высказанное нами по поводу первой части „Записокъ“ Грибовскаго, относится въ полной мѣрѣ и ко второй: вслѣдствіе цензурныхъ искаженій необходимо пользоваться обоими изданіями 1847 и 1864 годовъ.

Конечно, „Записки о Екатеринѣ Великой“ Грибовскаго подлежатъ оцѣнкѣ сами по себѣ; нельзя судить о томъ, что̀ Грибовскій могъ-бы разсказать, но чего, по какимъ-либо причинамъ, не разсказалъ. Эго, однако, чрезвычайно важно для оцѣнки личности автора. Современникъ Грибовскаго, извѣстный А. М. Тургеневъ [1]) сдѣлалъ свои отмѣтки на поляхъ перваго изданія записокъ. Тургеневъ былъ 24-хъ-лѣтнимъ вахмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, когда умерла Екатерина. По своему общественному положенію, онъ могъ многое слышать объ Екатеринѣ; его отмѣтки составлены не по личнымъ наблюденіямъ, но по разсказамъ другихъ лицъ; тѣмъ не менѣе, онѣ очень важны и, дополняя Грибовскаго, указываютъ намъ, что̀ онъ могъ разсказать, на что́ онъ не обратилъ вниманія. Такъ, напр., Грибовскій пишетъ: „увѣряютъ, что смерть императрицы приключилась единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ“; Тургеневъ по этому поводу отмѣчаетъ: „Платонъ Зубовъ рекомендовалъ Екатеринѣ грека Ламбро-Качони [2]), который взялся вылечить ноги Екатерины отъ ранъ. Онъ предложилъ ей ставить ноги въ морскую воду утромъ и вечеромъ. Леченію этому лейбъ-медикъ Рожерсо́нъ противился и говорилъ о могущихъ быть для здоровья и самой жизни бѣдственныхъ слѣдствіяхъ. Екатерина не послушалась Рожерсона. Раны на ногахъ въ іюлѣ закрылись, а въ ноябрѣ Екатерина умерла отъ апоплексіи. А воду морскую привозили отъ Красной Горки, за Петергофомъ“. Грибовскій, статсъ-секретарь императрицы и, что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, близкій человѣкъ къ Зубову, не могъ удовольствоваться своимъ „увѣряютъ“, если онъ дѣйствительно былъ человѣкъ наблюдательный и понималъ свое значеніе, какъ составителя записокъ.

Надо, однако, быть справедливымъ и къ Грибовскому. Одна

---

[1]) Александръ Михайловичъ, 1772—1863, писатель, тобольскій и казанскій губернаторъ, директоръ медицинскаго департамента.

[2]) Lambro-Cacioni, знаменитый корсаръ, участвовавшій въ первой и второй турецкой войнѣ, маіоръ русской службы. В. В.

изъ отмѣтокъ Тургенева можетъ подать поводъ къ незаслуженному обвиненію автора „Записокъ о Екатеринѣ Великой". Вотъ въ чемъ дѣло:

Представляя характеристику гр. А. А. Безбородко, Грибовскій упоминаетъ, между прочимъ, что въ послѣднее время Безбородко былъ совсѣмъ не у дѣлъ, настолько, что съ 1792 года „не было почти никакой причины ему ко двору пріѣзжать". Это, однако, едва-ли справедливо. Въ письмѣ недружелюбно относившагося къ Безбородко графа П. В. Завадовскаго, отъ 29 апрѣля 1794 года, говорится: „При настоящихъ обстоятельствахъ графа А. А. (Безбородко) въ дѣла употребляютъ и сказали сновa ему, что къ кому въ важныхъ нуждахъ прибѣгаютъ, тотъ не можетъ жаловаться, что къ нему нѣтъ возрѣнія" [1]). Какъ-бы ни было, Грибовскій, оканчивая характеристику Безбородко, повторяетъ: „таковое его бездѣйствіе продолжалось по самую кончину государыни". Тургеневъ по этому поводу замѣчаетъ: „Здѣсь нельзя согласить того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хоть и не въ опалѣ, однако-жъ, внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное свое завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему". По критическомъ разсмотрѣніи всѣхъ данныхъ, касающихся этого вопроса [2]), мы должны обѣлить Грибовскаго, который не могъ говорить въ своихъ запискахъ о томъ, чего не было.

Нельзя, конечно, сравнивать „Дневникъ" Храповицкаго съ „Записками" Грибовскаго, но необходимо признать, что, судя по дневнику и по запискамъ, получается совершенно иное представленіе о Храповицкомъ и о Грибовскомъ. Получившій хорошее для своего времени образованіе, трудолюбивый, одаренный свѣтлымъ умомъ и литературнымъ талантомъ, А. В. Храповицкій стяжалъ похвалы Ломоносова, Сумарокова, Новикова,

[1]) Изъ напечатанныхъ источниковъ необходимо имѣть въ виду, между прочимъ: а) Записки Державина, изд. „Русской Бесѣды", стр. 322; Соч. Державина, VI, 635, и замѣтку его на оду на восшествіе на престолъ Александра I, въ соч. Державина, II, 359; б) Записки Л. Н. Энгельгардта, Москва, 1867, стр. 195; в) Воспоминанія о дворѣ и временахъ Павла I, въ Русск. Архивѣ, 1869, стр. 1882—1889, и г) Преданія, сообщенныя П. И. Бартеневымъ голословно, въ Русск. Архивѣ, 1871, стр. 2072. Изъ рукописей—„Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ", наиболѣе рѣшительно опровергающая печатные слухи и преданія.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 112. В. В.

отозвавшагося о немъ: „острый человѣкъ; любитель словесныхъ наукъ“; его цѣнили всѣ, подъ начальствомъ кого ему довелось служить—гр. К. Г. Разумовскій, кн. А. А. Вяземскій, Екатерина II, готовая „руку свою дать на сожженіе, что Храповицкій не беретъ взятокъ“. Своимъ „дневникомъ“ Храповицкій дѣйствительно „вводитъ насъ въ самый внутренній образъ жизни Екатерины, въ ея кабинетъ, гдѣ видимъ, какъ она безъ короны и порфиры, въ ежедневной одеждѣ, понимаетъ дѣло управленія обширною имперіею и какъ безустально предается разнороднымъ трудамъ для блага своего народа“ [1]). Мы собрали нѣсколько данныхъ изъ жизни Грибовскаго: они начинаются доносомъ на партнеровъ карточной игры, которымъ Грибовскій думалъ извинить свое похищеніе казенныхъ денегъ, и оканчиваются доносомъ на кн. Зубова въ такую минуту, когда Грибовскій надѣялся, что оговоръ „послѣдняго фаворита“ будетъ выгоденъ. Храповицкій, по смерти кн. Вяземскаго, рекомендовавшаго его императрицѣ, молится на его могилѣ; Грибовскій, при жизни Державина, спасшаго ему „жизнь и честь“, отворачивается отъ своего благодѣтеля. Храповицкаго всѣ любили; о Грибовскомъ никто не обмолвился добрымъ словомъ.

Грибовскій всѣмъ платитъ тѣмъ-же. У него, очевидно, не доставало ни ума, ни образованія, чтобъ воздать „коемуждо по дѣламъ его“, и его наблюдательность не простиралась далѣе платьевъ и экипажей. Его нельзя и сравнивать съ Бантышъ-Каменскимъ, одновременно съ нимъ составлявшимъ свой „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“.

Отмѣтки изъ времени статсъ-секретарства Грибовскаго сдѣланы имъ, какъ мы говорили, лишь пять лѣтъ спустя по смерти Екатерины, послѣ 1801 года; только тридцать лѣтъ послѣ того Грибовскій началъ писать по этимъ отмѣткамъ свои записки. Въ небольшомъ введеніи Грибовскій говоритъ: „Бывшіе приближенные къ особѣ императрицы по дѣламъ государственнымъ, князь Потемкинъ, Зубовъ, графъ Безбородко и статсъ-секретари ея: Поповъ, Трощинскій и другіе имѣли, конечно, возможность узнать ее во всѣхъ отношеніяхъ, вѣрно и подробно, но оставили земное свое поприще, не оставя для публики

[1]) Отзывы издателя Н. П. Барсукова, Дневникъ Храповицкаго, 1874, стр. VIII.

никакихъ о великой благотворительницѣ ихъ записокъ". Послѣднимъ изъ названныхъ лицъ умеръ Д. П. Трощинскій, въ 1829 году; слѣдовательно, Грибовскій составлялъ свои записки позже 1829 года. Ему въ то время было болѣе 60-ти лѣтъ и онъ, конечно, многое уже позабылъ. Только чисто внѣшніе факты, воспринимаемые внѣшнимъ чувствомъ, записаны имъ вполнѣ вѣрно; что же касается рѣчей, которыя онъ влагаетъ въ уста Екатерины, онѣ вѣрны только по смыслу, въ нихъ заключающемуся. Ему не было надобности извращать, тѣмъ менѣе выдумывать; но онъ не могъ вспомнить точныя выраженія рѣчей, слышанныхъ 35 лѣтъ назадъ.

Наблюдательность Грибовскаго то-же чисто внѣшняя. Онъ не замѣчаетъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ и проходитъ мимо предметовъ, полныхъ указаній и намековъ, не понимая ихъ значенія. Около пяти лѣтъ находился онъ при князѣ Зубовѣ, видѣлъ его ежедневно, былъ свой человѣкъ въ покояхъ послѣдняго фаворита, и въ своихъ „Запискахъ" отмѣтилъ только, что Зубовъ носилъ „шлафрокъ, обшитый собольими хвостами" и „сидѣлъ въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что было всегдашнею его привычкою", и больше ничего. Адмиралъ Шишковъ былъ у П. А. Зубова лишь нѣсколько разъ, даже избѣгалъ бывать у него, и, тѣмъ не менѣе, оставилъ намъ слѣдующее описаніе помѣщенія кн. Зубова: „Онъ жилъ во дворцѣ. Въ покояхъ его достопримѣчательны были три комнаты, изъ которыхъ въ первой могъ быть всякъ, кто хотѣлъ; во вторую входили только знатныя особы и находившіеся при немъ главные чиновники. Третья комната составляла его кабинетъ или спальню, куда никто кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей не могъ входить. Изъ ней, по маленькой лѣстницѣ, былъ ходъ во внутренніе императрицыны покои" [1]).

Погодинъ былъ вполнѣ правъ, назвавъ бумаги Грибовскаго „Записками о Екатеринѣ Великой". Все, что сообщается въ нихъ объ Екатеринѣ, какъ она одѣвалась, какъ работала, принимала докладчиковъ, какъ обѣдала, словомъ, какъ проводила свой день, все это крайне интересно и, по большей части, совершенно вѣрно. Сама Екатерина подтвердила намъ слова

---

[1]) Записки Шишкова, I, 8.

Грибовскаго. Въ письмѣ отъ 6 ноября 1764 года, она писала извѣстной г-жѣ Жоффренъ: „Я встаю ровно въ 6 часовъ утра; читаю или пишу совершенно одна до 8-ми; потомъ приходятъ докладывать мнѣ дѣла; всѣ, кому нужно переговорить со мною, входятъ по очереди, одинъ вслѣдъ за другимъ. Это продолжается до 11-ти часовъ и долѣе; потомъ я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ я иду къ обѣднѣ; въ другіе-же дни выхожу въ пріемную, гдѣ обыкновенно дожидается меня много народа; поговоривъ полъ-часа или три четверти, я сажусь обѣдать; по выходѣ изъ-за стола является гадкій генералъ [1]) съ своими наставленіями; онъ берется за книгу, я—за работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до половины шестаго; потомъ я или отправляюсь въ театръ или играю, или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который кончается ранѣе 11-ти часовъ, и я ложусь спать, а на другой день продѣлываю то-же самое, какъ по нотамъ". Ко временамъ Грибовскаго въ этихъ отмѣткахъ произошли лишь перемѣны, наложенныя 30-ю годами: Екатерина встаетъ уже не въ 6, а въ 7 и даже 8 часовъ; на мѣсто Бецкаго, уже сошедшаго со сцены, явились другія лица; болтовня по вечерамъ смѣнилась картами, ужины совсѣмъ прекратились; словомъ, произошли тѣ перемѣны, которыя такъ подробно описаны составителемъ записокъ Грибовскимъ и за которыя мы должны быть ему благодарны.

В. А. Вильбасовъ.

---

[1]) Le vilain général, т. е. И. И. Бецкій. Сборникъ, I, 261.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА-ЧЕРНОВА

1783—1866 гг.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVII, кн. сентябрь. стр. 657—666, напечатаны матеріалы къ біографіи Н. А. Дуровой, сообщенные Ѳ. Ѳ. Лашмановымъ. Имъ-же сообщенъ намъ фотографическій портретъ Н. А. Дуровой, въ замужествѣ Черновой, снятый съ нея за нѣсколько дней до ея смерти, въ городѣ Елабугѣ, Вятской губерніи. Портретъ весьма характеренъ и вполнѣ передаетъ выраженіе лица въ высокой степени своеобразной и крайне добродушной старушки, до послѣдняго часа своей жизни не мирившейся съ тѣмъ, что она женщина и потому не скидывавшей своего мужскаго костюма и именовавшейся постоянно штабсъ-ротмистромъ Александровымъ. Портретъ этотъ приложенъ къ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г. томъ LXXI, августъ, въ гравюрѣ, исполненной И. И. Матюшинымъ по фотографическому снимку.

Со словъ князя Н. Н. Голицына („Словарь русскихъ писательницъ“), мы приняли за годъ рожденія Надежды Андреевны—1790 г., по послужному списку шт.-ротм. Александрова (1817 г.) (стр. 664 „Русск. Стар.“) ему или ей 24 года; наконецъ Е. С. Некрасова, ссылаясь на выписку изъ метрическихъ книгъ, утверждаетъ, что Н. А. Дурова родилась въ 1783 году [1]).

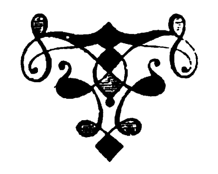
Это показаніе, кажется, болѣе вѣрное.

Что касается до года смерти, то Ѳ. Ѳ. Лашмановъ, кажется, ошибочно показываетъ на 1863 годъ. Е. С. Некрасова въ томъ-же очеркѣ, на основаніи точной справки, говоритъ, что Надежда Андреевна скончалась въ г. Елабугѣ, 23 марта 1866 года.

Такъ и поправимъ: вмѣсто 1863 г. читай 1866 г.

Въ помянутомъ-же сообщеніи о Н. А. Дуровой въ „Русской Старинѣ“ (1890 г.. т. LXVII, сентябрь, стр. 663, примѣчаніе) типографская погрѣшность, которую, исправя, надо читать такъ: гражданинъ г. Елабуги П. К. Ушковъ заказалъ скульптору П. П. Забѣлло бюстъ этой замѣчательной женщины для постановки его, т. е. бюста, на могилѣ знаменитой кавалеристъ-дѣвицы..

Ред.



[1]) Ист. Вѣстн.“ 1890 г. „Біографія Н. А. Дуровой“. стр. 588.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ въ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

V [1]).

Выѣздъ изъ Смоленска 15-го ноября 1812 г.—Красный.—Встрѣча съ полковникомъ и старшими офицерами 84-го линейнаго полка Италіянской арміи, отъ котораго остались только нѣсколько сотенъ людей. — Снятіе съ древка орла и знамени полковаго. — Сраженіе подъ Краснымъ. — 16-го ноября я раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Я пустился въ дорогу съ своимъ денщикомъ въ сильный морозъ и при нестерпимомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Во весь день только и видѣли, что самыя жалкія сцены: брошенныя повозки, замерзшихъ лошадей, несчастныхъ пѣшеходовъ, опиравшихся на палку, съ продранною обувью или замѣненною тряпками. Не было сомнѣнія, что всѣ отставшіе раненые давно погибли отъ стужи и голода или подъ ударами казаковъ. Въ этомъ общемъ бѣдствіи чувство жалости и состраданія притупилось; равнодушіе замѣняло всякое обыкновенное и естественное въ человѣкѣ участіе Люди равнялись звѣрямъ, готовымъ растерзать другъ друга, чтобъ утолить свой голодъ. Едва-ли, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ войнахъ встрѣчались ужасы, подобные тѣмъ, которыми отмѣ-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475, т. LXXII, октябрь, стр. 39—60, декабрь, стр. 565—586. Названіе поселеній сохраняемъ тѣ-же, какъ ихъ пишетъ авторъ.

чено наше отступленіе изъ Москвы. Я могу упомянуть только о томъ, что видѣлъ собственными глазами. Особенно поражали меня толпы невоенныхъ людей съ женами и дѣтьми, тащившихся по глубокому снѣгу. Кто были эти люди? Вѣроятно, французы, жившіе постоянно въ Москвѣ, но бѣжавшіе поневолѣ, отъ страха быть убитыми. Слѣдуя за французскою арміею, они попали изъ огня да въ полымя [1]).

Ввечеру я съ денщикомъ своимъ пріѣхалъ въ выгорѣвшую деревню. Пріискали уголокъ въ развалинахъ, развели огонь и стали стряпать кушанье. У денщика моего было взято съ собою хлѣба, муки и сальныя свѣчи, добытыя въ Смоленскѣ. Изъ этой муки денщикъ состряпалъ какую-то кашу, въ которой распустилъ сальную свѣчку намѣсто масла. Мы съѣли эту спартанскую похлебку, не поморщась, и, несмотря на холодъ, заснули около огня, защищеннаго отъ вѣтра заборомъ.

16-го ноября, денщикъ мой приготовилъ такую-же похлебку, что наканунѣ. Потомъ онъ пошелъ къ рѣкѣ напоить лошадей, взявъ съ собою топоръ, которымъ необходимо было пробить ледъ. Безъ этого орудія невозможно-бы достать воды. Выпивъ остатокъ водки, отправились далѣе. Мы повстрѣчались съ полками, которыхъ видъ не представлялъ ничего воинственнаго. Солдаты и офицеры большею частію были закутаны въ байковыя одѣяла, взятыя изъ лазаретныхъ фургоновъ. По дорогѣ все тѣ-же печальныя сцены. Нельзя забыть нѣкоторыя изъ нихъ.

Вотъ трое дѣтей: старшему лѣтъ пятнадцать, онъ несетъ на рукахъ трехлѣтнюю сестру, мальчикъ восьми лѣтъ идетъ за нимъ. При нихъ ни родителей, никого. Мать и отецъ, навѣрное, ужъ не существуютъ. Никто не позаботится помочь дѣтямъ; да и имѣлъ-ли кто на это возможность! Я даже опасался взглянуть на нихъ, потому что не въ состояніи былъ имъ помочь. Не забуду также красиваго молодаго офицера, въ чистенькомъ мундирѣ, но безъ шинели. Раненый въ ногу, онъ несъ ее на перевязи, опираясь на костыли, и съ трудомъ подвигаясь по снѣгу. Со слезами на глазахъ умолялъ онъ о помощи и мѣстечкѣ въ проѣзжавшихъ саняхъ. Но ему не отвѣчали. Сколько такихъ раненыхъ погибло въ снѣгу въ мучительной смерти!

Вскорѣ я увидалъ впереди на большой дорогѣ нѣсколько

---

[1]) Эти несчастные погибли на берегу рѣки Березины, павъ или отъ ядеръ, или отъ голода и стужи, потому что въ роковую ночь не позволено было разводить огонь. Авторъ.

остановившихся колоннъ войска. Я узналъ, что это были полки 4-го корпуса, которыми командовалъ принцъ Евгеній. Ихъ ставили влѣво въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ непріятель собирался насъ атаковать, чтобы отрѣзать намъ путь къ Березинѣ. Я объѣхалъ полки и прибылъ въ Красный. Этотъ городъ не горѣлъ, и лишь только мы въѣхали въ него, какъ за нами послышались пушечные выстрѣлы. Городъ былъ уже переполненъ войсками. Я направился на край города отыскивать себѣ квартиру, и нашелъ ее въ уединенной избѣ. Въ ней были двѣ комнаты, съ печкою въ одной изъ нихъ, тутъ-же въ углу стояла ручная мельница. Денщикъ мой, убравъ лошадей въ конюшню, затопилъ печь, потомъ пустился шарить по избѣ, и, найдя гдѣ-то пшеницы, принялся молоть ее. Я помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ, что случилось въ первый разъ въ моей жизни. Покуда мы по-очереди вертѣли мельницу, вошли къ намъ два солдата 84-го линейнаго полка, въ которомъ я служилъ въ Италіи. Они намъ разсказали, что полкъ ихъ дрался въ теченіе всего дня, что онъ потерялъ много солдатъ и офицеровъ и что остальная часть его идетъ на Красный. Эти солдаты помогли намъ въ нашей работѣ, выпросивъ за то долю хлѣба, который спеченъ изъ намолотой муки. За печенье этого хлѣба принялся мой денщикъ, не хуже булочника. Спустя нѣсколько часовъ, когда хлѣбъ спекся и вынутъ былъ изъ печи, вдругъ на улицѣ появились войска, и вслѣдъ затѣмъ въ избу нашу вошли три сапёра и объявили мнѣ, что квартира эта назначена полковнику 84-го полка и его штабу. Когда я имъ сказалъ, что я принадлежалъ прежде къ ихъ полку, они меня узнали и увѣряли, что, конечно, полковникъ не выпустить меня изъ этой квартиры. Затѣмъ вошли три офицера: изъ нихъ одинъ былъ полковникъ, который извинился передо мною, что принужденъ занять мою квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ уступилъ мнѣ часть ея. Прибывшій вслѣдъ за нимъ докторъ Трастуръ, мой прежній начальникъ, отрекомендовалъ меня этому новому обществу. Выставленные только что испеченные хлѣбы обратили на себя вниманіе офицеровъ. Я поспѣшилъ предложить имъ нѣсколько, отъ чего они не отказались, такъ какъ хлѣбъ становился рѣдкостью. Гренадеры внесли въ комнату полковое знамя съ орломъ, на которомъ значился девизъ: 1 противъ 10, данный полку послѣ славнаго похода 1809 г. Я еще былъ свидѣтелемъ, когда девизъ этотъ отдѣлывали въ Герцѣ, въ Штиріи.

Одинъ изъ капитановъ полка былъ раненъ въ ногу въ бывшемъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ дѣлѣ. Онъ едва могъ ходить, и случай этотъ огорчалъ офицеровъ. Докторъ Трастуръ сообщилъ

мнѣ, что 84-й полкъ потерялъ въ этотъ день почтивсѣхъ своихъ людей. Онъ назвалъ мнѣ имена многихъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, павшихъ на полѣ битвы. Армія въ 25.000 человѣкъ, подъ командою принца Евгенія съ товарищами, маршалами Даву и Неемъ, была атакована непріятелемъ втрое ея сильнѣе; потеряно множество орудій, и три четверти кавалеріи погибли; тѣмъ не менѣе, наши дрались съ успѣхомъ и генералы выказали столько неустрашимости и военнаго искусства, что количественное превосходство непріятеля не послужило ему въ пользу.

Погода внезапно смягчилась и наступила оттепель. Солдаты развели на дворѣ дома огонь и готовили ужинъ для полковника и офицеровъ. Кушанье было не важное, отварной рисъ, который мы и поѣли изъ общаго блюда, по-солдатски.

Послѣ обѣда, поразсказавъ многія подробности послѣдняго дѣла и назвавъ многихъ убитыхъ, полковникъ сказалъ, что при такомъ маломъ числѣ оставшихся отъ полка невозможно держать полковое знамя развернутымъ. Поэтому онъ послалъ звать къ себѣ старшихъ офицеровъ на военный совѣтъ. Они пришли въ числѣ восьми человѣкъ. Я хотѣлъ было удалиться, но полковникъ оставилъ меня въ качествѣ бывшаго офицера полка. Когда кромѣ насъ никто не остался въ комнатѣ, а къ дверямъ поставленъ былъ часовой, полковникъ всталъ и объявилъ, что намѣреніе его—спасти знамя отъ опасности попасть въ руки непріятеля; потомъ онъ началъ говорить такъ:

— „Храбрые мои товарищи! Я созвалъ васъ сюда для совѣта. Съ тѣхъ поръ, что я имѣю честь вами командовать, вы постоянно поддерживали славу нашего полка. Изъ сердца Италіи я привелъ васъ въ Россійскую имперію. Отъ самаго города Бергама вы совершали исполинскіе походы, переносили небывалые труды, терпѣливо, не жалуясь, не ропща. Я только удивлялся вамъ. Нашъ славный орелъ сопровождалъ насъ, и подъ сѣнью его крыльевъ вы одерживали побѣды. Когда предшественникъ мой, графъ Гамбэнъ, вами командовалъ, императоръ, въ благодарность за Ваграмское дѣло, далъ вамъ девизъ, начертанный золотыми буквами на вашихъ знаменахъ: „1 противъ 10“. Вы оправдали этотъ девизъ во всѣхъ битвахъ съ русскими, начиная отъ береговъ Нѣмана, и не въ одномъ полку не было такой убыли людей, какъ въ нашемъ. Вчера и сегодня насъ поразили роковые удары, но слава осталась за нами. Кровь ваша лилась рѣкою, много вашихъ пало, все-же мы отразили непріятеля. Теперь, что остается намъ дѣлать съ уцѣлѣвшею горстью людей? Прежде всего, надо позаботиться о сохраненіи император-

скаго орла съ его славнымъ девизомъ. Ему уже нельзя развѣваться надъ нашими головами; я предлагаю вамъ, мои товарищи, снять орелъ съ древка и спрятать въ солдатскій ранецъ, который я надѣну на себя; также и знамя снимемъ и я накрою имъ грудь свою. Тогда вы будете постоянно меня окружать, зная, что я ношу на себѣ славу полка, и если меня убьютъ, вы тогда только меня покинете, когда возьмете у меня этотъ императорскій трофей. Я спрашиваю вашего согласія на это потому, что не считаю себя вправѣ одинъ рѣшить это дѣло. Вы получили знамя и девизъ безъ меня, заслуживъ его собственнымъ мужествомъ; слѣдовательно, оно вполнѣ принадлежитъ вамъ".

На это всѣ офицеры отвѣчали: „Мы довѣряемъ вамъ знамя полковникъ; вы также храбры, какъ былъ мужественъ графъ Гамбэнъ, который сохранилъ всѣ баталіонныя знамена [1]) и мы будемъ вашими тѣлохранителями во всѣхъ опасностяхъ".

Затѣмъ стали отвинчивать орелъ, отвязали знамя, а древко бросили въ огонь въ топившуюся печь. Многіе изъ офицеровъ исполняли это со слезами на глазахъ. Одинъ офицеръ нарвалъ ельнику на дорогѣ и, принеся его, сказалъ: „Нашему орлу приличнѣе было-бы покоиться на лаврахъ, но какъ здѣшній край не производитъ ихъ, то мы завернемъ его хотя въ вѣтви вѣчнозеленаго дерева". Сдѣлавъ это, положили орелъ въ ранецъ; полковникъ примѣрилъ ранецъ на себѣ; потомъ, сложивъ знамя, покрылъ имъ грудь. Съ этимъ сокровищемъ на сердцѣ, полковникъ обошелъ офицеровъ и обнялъ каждаго. Офицеры ушли; затѣмъ всѣ улеглись спать по лавкамъ, устроеннымъ вдоль стѣнъ горницы. Только раненый капитанъ не могъ уснуть, и стоны его по нѣсколько разъ будили насъ [2]).

17-го ноября въ воздухѣ носился туманъ и была сильная оттепель. Когда мы встали, полковникъ приказалъ сварить кофе; мы пили его съ ромомъ. На ту пору пришли намъ сказать, что слышны пушечные выстрѣлы. Полковникъ велѣлъ тотчасъ-же готовиться къ отъѣзду. Полкъ ушелъ и я одинъ остался въ квартирѣ, не

---

[1]) Передъ походомъ, въ полку каждый баталіонъ имѣлъ по одному знамени, но потомъ велѣно оставить одно на весь полкъ, такъ какъ большее число знаменъ требовало лишнихъ солдатъ для ихъ охраны.

Авторъ.

[2]) Мнѣ говорили, будто на могилѣ Кутузова въ одной изъ петербургскихъ церквей выставлены французскіе орлы и на одномъ изъ нихъ девизъ: „1 противъ 10".—Это требуетъ подтвержденія.

Позднѣйшее примѣчаніе автора.

зная, ѣхать-ли изъ Краснаго или выжидать свой полкъ. Я вышелъ на улицу и прислушивался къ пальбѣ, а между тѣмъ послалъ денщика верхомъ узнать, что происходитъ въ городѣ. Онъ скоро возвратился съ извѣстіемъ, что 1-й гренадерскій полкъ только-что вступилъ въ городъ и направляется въ нашу сторону. Нѣсколько минутъ спустя, подошелъ полкъ, но безъ музыки и барабана, такъ какъ запрещено было во время отступленія давать знать о себѣ такимъ образомъ. Я поспѣшилъ на встрѣчу полковнику, который очень радъ былъ видѣть меня при полку; я повелъ его въ мою квартиру. Солдатамъ велѣно было размѣститься по домамъ, но быть наготовѣ выступить при первой тревогѣ. Къ вечеру пальба стихла. Когда настали сумерки, солдаты, за неимѣніемъ свѣчей, зажгли лучины, которыя горѣли всю ночь. Мы легли спать, не раздѣваясь, въ ожиданіи тревоги.

18-го ноября встали задолго до разсвѣта, раздѣлили между собою испеченный наканунѣ хлѣбъ, и отправились. Туманъ и темнота не позволяли различать предметы; встрѣчаясь съ другими полками, мы натыкались другъ на друга. Когда разсвѣло, туманъ стоялъ такой густой, что не видать было въ четырехъ шагахъ отъ себя; это очень затрудняло выходъ изъ города по извилистымъ улицамъ. Однако выбрались. На большой дорогѣ снова встрѣтились толпы, которыя встрѣчались въ прошлые дни, повторялись тѣ-же сцены страданій и людей, и лошадей. Влѣво отъ насъ послышалась пальба. Полковникъ приказалъ мнѣ идти по лѣвой сторонѣ полка, съ лазаретными фургонами и нѣсколькими телѣгами, въ которыхъ везли гренадеръ, отморозившихъ себѣ ноги. Ихъ провожали походные носильщики. Мы подвигались медленно, пальба какъ-будто приближалась къ намъ. Вдругъ слышу позади себя, кто-то скачетъ верхомъ. Оглядываюсь и узнаю адъютанта. Онъ тотчасъ-же обращается ко мнѣ, говоря, что искалъ меня и проситъ тотчасъ-же ѣхать назадъ на помощь брату генерала Бертезена, которому ядро разбило ногу. Я отвѣчалъ, что не могу оставить полка безъ согласія начальника. Адъютантъ тотчасъ-же поспѣшилъ къ полковнику, который самъ прискакалъ сказать мнѣ, чтобы я, не мѣшкая, слѣдовалъ за офицеромъ, взявъ съ собою одинъ рессорный фургонъ. Я такъ и сдѣлалъ; взялъ съ собою двухъ походныхъ носильщиковъ, а своему денщику приказалъ слѣдовать за полкомъ, такъ какъ отсутствіе мое не могло продлиться. Адъютантъ, пріѣхавшій за мною, торопясь къ генералу, отправился впередъ. По его указанію, я долженъ былъ на четвертой верстѣ взять вправо по боковой дорогѣ, по которой я и прибылъ-бы къ капитану Бертезену.

Дѣйствительно, на указанномъ разстояніи я увидалъ по правой рукѣ проселочную дорогу, но попасть на нее нельзя было иначе, какъ через глубокій ровъ, полный воды. Самъ я перескочилъ черезъ него на лошади, а фургонщику велѣлъ проѣхать дальше, поискать болѣе удобнаго перехода, а тамъ догнать меня. Вдали слышались пальба и ружейная перестрѣлка. Проѣхавъ нѣсколько впередъ, въ густомъ туманѣ, я разглядѣлъ сквозь его нѣсколько людей верхомъ, ѣхавшихъ мнѣ на встрѣчу. Предпологая, что это наши, я направился къ нимъ. Каково-же было мое удивленіе, когда я услышалъ разговоръ на незнакомомъ для меня языкѣ. Я тотчасъ-же вынулъ саблю и собирался поворотить назадъ, какъ четыре русскіе драгуна меня окружили. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета. Видя, что мнѣ не отбиться одному отъ четырехъ, я подалъ свою саблю, которую одинъ изъ нихъ и взялъ, тогда какъ прочіе собирались меня изрубить, онъ-же не допустилъ ихъ до этого, взялъ мою лошадь за поводъ и повелъ меня къ генералу, находившемуся по близости въ рощѣ около огня съ нѣсколькими офицерами. Я слѣзъ съ лошади и представился генералу. Онъ заговорилъ со мною по-французски, а офицеры окружили меня. Узнавъ, кто я такой и какая моя служба, онъ сказалъ: „вы можете быть намъ полезны, такъ какъ нашъ полковой лекарь убитъ".

Генералъ разспрашивалъ меня о многомъ, на что я не умѣлъ отвѣтить, между прочимъ, о принцѣ Евгеніи; но, какъ я постоянно находился впереди его корпуса, служившаго арріергардомъ при нашемъ отступленіи, то я и не зналъ о немъ ничего. Генералъ приказалъ подвести ко мнѣ одного изъ раненыхъ офицеровъ, прося меня перевязать его. Это былъ красивый молодой человѣкъ, хорошо говорившій по-французски. Пуля пробила ему два пальца на рукѣ; я объявилъ, что ихъ надобно отнять, на что офицеръ съ трудомъ согласился. Инструменты были со мною, такъ что я могъ немедленно сдѣлать операцію. Офицеры удивились быстротѣ, съ какою я ее исполнилъ, и нашли, что ихъ прежній операторъ не такъ былъ ловокъ. Только-что я перевязалъ руку офицеру, какъ замѣтилъ, что лѣвая моя рука полна крови. Сначала я принялъ ее за слѣды крови отъ раны офицера, но, вглядѣвшись пристальнѣе, нашелъ, что я самъ былъ раненъ. Странно только, что я раньше не почувствовалъ боли. Отойдя въ сторону, я перевязалъ свою рану съ помощью солдата, потомъ вернулся къ генералу. Это былъ честный воинъ, понимавшій, что непріятель только тотъ, кто вооруженъ, и потому обходился со мною ласково, также какъ и офицеры. Онъ

разговорился со мною о Наполеонѣ, порицая его за войну съ Россiею. Нѣкоторыя разсужденiя его были справедливы, но съ другими я не соглашался, и потому молчалъ. Пальба прекратилась. Я заключилъ, что нашъ арріергардъ, отбросивъ русскихъ, продолжалъ свой путь. Я видѣлъ, какъ нѣсколько русскихъ кавалерiйскихъ полковъ удалялись по направленiю къ ближайшей деревнѣ. Генералъ отправился туда, въ сопровожденiи нѣсколькихъ офицеровъ, приказавъ и мнѣ слѣдовать за нимъ. Онъ вошелъ въ домъ и изъ одной изъ комнатъ вышла молодая дама, его жена, и отъ радости, что видитъ его здравымъ и невредимымъ, бросилась обнимать его. Вскорѣ подали довольно порядочный обѣдъ. Жена генерала, казалось, заинтересовалась мною. Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, она поднесла мнѣ водки. Такъ какъ она не говорила по французски, то я только поклонами могъ выразить ей мою признательность. За столомъ подавали отличное сладкое вино. Генералъ указалъ мнѣ квартиру въ избѣ съ четырьмя офицерами. Эти господа оказывали мнѣ гостепрiимство, но я не могъ съ ними бесѣдовать, такъ какъ они говорили только по-русски.

19-го ноября, вставъ отъ сна, офицеры велѣли подать самоваръ и заварили чай, котораго каждый изъ насъ выпилъ нѣсколько стакановъ по обычаю страны. Вскорѣ потомъ меня позвали къ генералу. У дверей его стояли на часахъ два казака, а въ комнатѣ я встрѣтился съ четырьмя плѣнными офицерами французами. которыхъ привелъ казацкiй офицеръ не изъ регулярнаго полка, Генералъ приказалъ всѣмъ намъ подать водки и хлѣба, потомъ объявилъ, что, по приказанiю высшаго начальства, какъ тѣ офицеры, такъ и я должны его оставить, о чемъ онъ очень сожалѣетъ, но онъ прикажетъ офицеру, который насъ будетъ провожать, обращаться съ нами человѣколюбиво и велитъ посадить насъ въ сани. Потомъ онъ обратился къ офицеру и что-то строго ему наказывалъ. Можетъ быть, этому генералу мы обязаны были жизнью. Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, съ которымъ генералъ особенно долго говорилъ, состоялъ при особѣ маршала Нея, какъ я узналъ послѣ.

VI.

Страданія французскихъ плѣнныхъ, ихъ умерщвленіе казаками.—Монастерщи.—Мстиславль.—Миславищи.—Рославль.—Рудня.—Руханъ. — Свардъ.—Мглинъ. Трупы плѣнныхъ, объѣденные волками и собаками.—Квартира въ деревнѣ близъ Мглина въ крестьянской семьѣ.—Эпидемія среди плѣнныхъ и казаковъ (т. е. ратниковъ народнаго ополченія).

Мы оставили генерала въ сопровожденіи нерегулярныхъ казаковъ [1]), одѣтыхъ покрестьянски и вооруженныхъ пикою и кожаною плетью, называемою кнутомъ. Офицеровъ разсадили въ сани. Пройдя нѣсколько верстъ, пришли къ деревнѣ, и глазамъ нашимъ представилось жалостное зрѣлище толпы плѣнныхъ французскихъ солдатъ, которыхъ окружали до тридцати казаковъ (ополченцевъ [2]), занимаясь перечисленіемъ ихъ. Плѣнныхъ было слишкомъ триста человѣкъ всякихъ полковъ и всякаго оружія. Все это было измучено, истощено; многіе едва держались на ногахъ, другіе опирались на костыли. Имъ раздали немного сухарей изъ грубаго ржанаго хлѣба. Казаки тормошили ихъ безжалостно и по временамъ били ихъ кнутомъ безъ всякой причины. Начальникъ казацкій былъ человѣкъ необразованный, съ грубыми замашками. Когда генералъ давалъ ему приказанія, онъ стоялъ передъ нимъ во фронтѣ, какъ низшаго званія служащій. Поэтому я заключаю, что онъ очень немного значилъ. Въ первый день онъ помѣстилъ съ собою въ избѣ четырехъ офицеровъ, и меня въ томъ числѣ, приказалъ сварить супъ изъ картофеля и обѣдалъ съ нами. Мы могли объясняться только знаками, и если онъ оказывалъ намъ нѣкоторое уваженіе, то, очевидно, по приказанію генерала.

Товарищи моего плѣна оказались: молодой полковой лекарь Бископъ, маіоръ Ландрэнъ, кирасирскій ротмистръ Баратье и подполковникъ Бретонъ, бывшій адъютантъ маршала Нея. Бретонъ былъ самый старшій изъ насъ и лѣтами, и чиномъ. Видя наше уныніе, онъ старался ободрять насъ, и собственнымъ примѣромъ поддерживалъ въ насъ мужественный взглядъ на судьбу нашу. Ко мнѣ полковникъ обнаруживалъ особенную симпатію. Увидавъ мою рану, которая теперь только стала чувствительна, онъ предложилъ мнѣ перевязывать ее самъ каждый день. Впослѣдствіи мы стали друзьями и я нашелъ въ немъ благороднаго человѣка

[1]) Безъ сомнѣнія, это были ратники народнаго ополченія.

[2]) Авторъ вездѣ ихъ далѣе называетъ ошибочно казаками. Ред.

вѣка и отличнаго офицера. Прочіе офицеры не отличались ни такими достоинствами, ни такимъ воспитаніемъ. Кирасиръ былъ порядочный музыкантъ на флейтраверсѣ; инструментъ свой онъ сохранилъ при себѣ, и, благодаря ему, мы забывали на нѣсколько минутъ свое положеніе. Разыгрываемыя кирасиромъ патріотическія пѣсни полюбились и нашему казаку. Отъ нечего дѣлать Бретонъ придумалъ вырѣзать шахматы и начертить на столахъ шахматныя доски. Мы играли и отгоняли тѣмъ скуку.

25-го ноября, вечеромъ, когда мы собирались лечь спать, вышло приказаніе отправиться въ путь. Эта ночная поѣздка удивила насъ. Подъѣхали сани и мы усѣлись. Прочіе плѣнные были собраны въ колонны и казаки погоняли ихъ словами: „ступай, ступай! пошелъ!“ и хлестали кнутомъ отстававшихъ. Намъ пришлось переѣзжать нѣсколько узкихъ плотинъ, по которымъ пѣшимъ людямъ трудно было пробираться между лошадей черезъ бревна, положенныя поперегъ. На каждомъ шагу несчастные спотыкались и падали. Слѣдовавшіе за ними, понукаемые казаками, давили упавшихъ. Казаки, выждавъ время, когда колонна пройдетъ, слѣзали съ лошадей, срывали съ несчастныхъ одежду и закалывали ихъ пикою. Жестокій ихъ начальникъ не мѣшалъ имъ въ этой гнусности. Мы замѣтили, что они особенно нападали на тѣхъ плѣнныхъ, у которыхъ на мундирѣ воротникъ и обшлага были изъ краснаго сукна,—видно было, что они очень имъ дорожили.

Пройдя нѣсколько верстъ, пришли на еврейскій постоялый дворъ; тутъ нашъ вожатый велѣлъ подать намъ водки и хлѣба. Между тѣмъ, со мною приключилось обстоятельство, которое могло-бы навлечь на меня большую бѣду. На одномъ сапогѣ у меня отстала подошва, такъ что приходилось ступать на голую ногу. Сидя на постояломъ дворѣ, я думалъ, что непремѣнно отморожу ногу, когда поѣдемъ дальше; а между тѣмъ помочь бѣдѣ положительно нечѣмъ было. Въ этомъ тяжеломъ раздумьѣ, смотрю, подъ лавкою лежитъ сапогъ французскаго покроя, и съ виду кажется совсѣмъ новый. Не смѣя завладѣть имъ самовольно, я обратился къ молоденькой еврейкѣ, обитательницѣ дома, и спросилъ ее по-нѣмецки—чей это сапогъ? Она мнѣ отвѣчала, что сапогъ этотъ снятъ былъ съ французскаго плѣннаго, котораго казаки наканунѣ убили. Показавъ еврейкѣ мою босую ногу, я этимъ хотѣлъ дать ей понять, что я желалъ-бы обуться въ тотъ сапогъ. Она поняла меня. Къ счастію, что никто не обращалъ на насъ вниманія въ это время. По знаку еврейки, я вышелъ въ темныя сѣни, тамъ еврейка дала мнѣ сапогъ, который оказался мнѣ въ пору, какъ-бы былъ шитъ на меня. Я не

зналъ, какъ довольно поблагодарить дѣвушку за это одолженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я видѣлъ въ этомъ случаѣ и милосердіе Промысла, пощадившаго мою жизнь.

Поѣхали далѣе, и были свидѣтелями умерщвленія многихъ нашихъ солдатъ; только насъ, офицеровъ, не трогали; да и то одинъ казакъ вздумалъ бить кнутомъ ѣхавшаго позади насъ молодаго лекаря Бископа. На крики его прибѣжалъ казацкій офицеръ и своимъ кнутомъ далъ нѣсколько ударовъ этому казаку. Такимъ образомъ, прочіе казаки уже не смѣли насъ трогать, зная, что за насъ заступается ихъ начальникъ. Среди ночи прибыли въ большое село. Нашимъ бѣднымъ солдатамъ велѣно было оставаться ночевать въ полѣ, гдѣ и разведенъ былъ огонь. Мы, между тѣмъ, оставались въ саняхъ и полагали, что тутъ и переночуемъ, однако намъ позволили въѣхать въ деревню и ввезли во дворъ какого-то большаго деревяннаго дома. Отсюда насъ ввели во флигель и дали въ наше распоряженіе одну комнату. Потомъ раздали намъ ржанаго хлѣба. Можно себѣ представить, каково было намъ на душѣ послѣ видѣнныхъ нами въ ту ночь жестокостей!

На другое утро шелъ снѣгъ. Изъ окна нашего мы видѣли, какъ входили и выходили изъ большаго дома русскіе офицеры, принадлежавшіе къ регулярному войску. Двое изъ нихъ вошли къ намъ. Они обошлись съ нами учтиво и много разспрашивали насъ по-французски. Бретонъ разсказалъ имъ объ ужасахъ прошедшей ночи; офицеры пришли въ негодованіе и обѣщали приказать нашему вожатому, чтобы онъ сдерживалъ своихъ казаковъ и обращался съ нами человѣколюбиво. Они тотчасъ-же пошли въ другую комнату къ нему, и мы слышали ихъ громкій разговоръ. Когда эти офицеры удалились, нашъ вожатый тотчасъ-же позвалъ насъ и подалъ намъ борщъ съ хлѣбомъ и водку, присланные тѣми офицерами. Мы замѣтили, что онъ обращался съ нами уже не такъ жестко. Подъѣхали сани и мы догадались, что надо снова въ дорогу. Тутъ опять не обошлось безъ грустной сцены. Выѣхавъ изъ села, мы остановились у того мѣста, гдѣ наши солдаты ночевали. Огни у нихъ погасли; казаки раздавали имъ сухари и кнутомъ отгоняли тѣхъ солдатъ, которые получили свою порцію. А когда казакамъ надоѣло раздавать каждому по одиночкѣ, тогда они бросили всю провизію въ толпу плѣнныхъ солдатъ, а тѣ голодные набросились на сухари, и кто по-ловчѣе былъ, тому болѣе и досталось. На этомъ мѣстѣ ночлега солдатъ мы замѣтили во многихъ мѣстахъ какія-то возвышенія, прикрытыя выпавшимъ снѣгомъ и похожія на могилы. Дѣйствительно, это были тѣла погибшихъ въ эту ночь. Мы отъѣ-

хали отъ этихъ печальныхъ мѣстъ подъ казацкимъ конвоемъ, слѣдуя за санями нашего вожатаго, ѣхавшаго на тройкѣ. Наши-же солдаты, товарищи нашего злополучія, шли позади насъ, такъ что мы не знаемъ, что сталось съ тѣми, которые отставали.

Монастерищи, 26-го ноября 1812 г.

Въѣхавъ въ городъ (?) Монастерищи, мы были встрѣчены жителями очень равнодушно; но евреи со свойственною имъ жадностью къ наживѣ, не смотря на нашу явную нищету, спрашивали насъ по-нѣмецки, не купимъ-ли мы у нихъ хлѣба, водки, да солдатскаго платья, вѣроятно снятаго или съ живаго или съ мертваго нашего солдата. Насъ помѣстили на постояломъ дворѣ вмѣстѣ съ вожатымъ нашимъ.

Только что мы вошли въ указанную для насъ комнату, какъ навѣстили насъ два русскихъ офицера и учтиво обратились къ намъ. Но мы не понимали другъ друга. Позвали хозяина еврея въ переводчики, и черезъ него офицеры передали намъ свое приглашеніе на обѣдъ. Сперва они приказали намъ подать водки и бѣлаго хлѣба, а потомъ повели насъ въ домъ, гдѣ они квартировали. Здѣсь мы встрѣтились еще съ нѣсколькими офицерами, собравшимися принять насъ. Изъ нихъ только двое говорили немного по-французски, а всѣ выказывали столько участія къ нашему положенію, что мы отъ души благодарили ихъ. Въ добавокъ, они собрали еще между собою пятьдесятъ рублей ассигнаціями на наши нужды. Однако Бретонъ, принявъ это пособіе, объявилъ, что раздастъ его нашимъ солдатамъ, у которыхъ недостатокъ во всемъ, особенно въ сапогахъ. Слыша это, офицеры въ ту-же минуту послали въ лавки купить дюжину паръ сапогъ, и передали ихъ намъ. Эти офицеры говорили намъ, что по пріѣздѣ нашемъ въ Мстиславль, куда насъ везутъ, намъ будетъ заплачено жалованье, какъ повелѣлъ императоръ Александръ. Они поручили насъ вниманію нашего вожатаго. Къ сожалѣнію, они не знали, какія неистовства совершили казаки; а мы удержались разсказать ихъ, чтобъ не навлечь на себя мести нашего вожатаго. Я всегда сожалѣлъ о томъ, что не узналъ фамилій этихъ добрыхъ офицеровъ, но великодушный ихъ поступокъ всегда останется мнѣ памятенъ. Прощаясь съ нами, они обнимали насъ. Мы возвратились ночевать на постоялый дворъ.

Полковникъ Бретонъ предупредилъ насъ, что у него есть еще въ запасѣ нѣсколько наполеондоровъ, зашитыхъ въ сюртукѣ, и что онъ готовъ ссудить насъ деньгами, если намъ что нужно. А офицерскія деньги онъ раздастъ несчастнымъ солдатамъ. По этому

судя, видно сколько въ немъ было благородства. На другое утро мы отправились въ путь. Наши солдаты говорили, что многіе изъ нихъ умерли въ домахъ, куда ихъ помѣстили. Погода стояла морозная; это было причиною, что многіе изъ нашихъ солдатъ отстали отъ колонны и, вѣроятно, погибли на дорогѣ.

Мстиславль, 27-го ноября.

Пріѣхали въ Мстиславль, небольшой городъ, полный евреевъ. Солдатъ размѣстили по обывательскимъ домамъ, а насъ въ гостинницѣ. Нашъ полковникъ размѣнялъ одинъ наполеондоръ и велѣлъ намъ подать изрядный столъ. Вскорѣ пришли гражданскіе чиновники и объявили намъ, (одинъ изъ нихъ говорилъ по-французски), что получено изъ казны для плѣнныхъ жалованье, по 50-ти коп. мѣди на офицера, и по 10-ти коп. на солдата, ежедневно. Они записали наши имена и чинъ каждаго. Вожатый нашъ подалъ имъ списокъ плѣнныхъ, которыхъ ему поручили; чиновники удивились значительному недочету въ показанномъ въ спискѣ числѣ. Не понимая языка, мы могли только замѣтить, что чиновники какъ будто выговаривали что-то вожатому, и мы такимъ образомъ не узнали, сколько именно убыло у насъ людей со дня нашего путешествія.

На другой день тѣ-же чиновники пришли къ намъ въ сопровожденіи солдатъ, которые несли въ рукахъ мѣшки, полные мѣдной монеты, называемой **пятаками**. Этою монетою намъ отсчитали каждому по пяти рублей. Вожатому нашему вручили сумму денегъ также для солдатъ. Итакъ намъ дали содержаніе на десять дней, считая со дня плѣна. Каждый изъ насъ долженъ былъ расписаться въ полученіи денегъ, послѣ чего чиновники удалились, видимо довольные окончаніемъ скучнаго дѣла.

Какъ ни ничтожно было количество полученныхъ денегъ, однако онѣ отягощали насъ грузностью своею. Мы уже готовились накласть ихъ въ мѣшки, какъ хозяинъ-еврей, чуткій ко всему, что можетъ клониться къ его выгодѣ, предложилъ намъ размѣнять мѣдь на ассигнаціи съ платою за размѣнъ. Положенное на каждаго жалованье, какъ ни было мало, а въ складчину его было довольно для всѣхъ. Нашъ полковникъ предложилъ завѣдывать столомъ. По его просьбѣ нашъ казакъ согласился отпустить къ намъ трехъ французскихъ солдатъ для нашихъ услугъ. Одинъ изъ нихъ предложилъ себя въ повара. Закупивъ хлѣба, мяса и проч., онъ приготовилъ намъ изрядный походный обѣдъ.

28-го ноября, Мыславищи.

Отправились въ путь довольно поздно; морозъ былъ сильный. Нашъ вожатый сжалился надъ солдатами, которымъ трудно было идти пѣшкомъ, и посадилъ ихъ въ сани. Проѣхавъ большіе лѣса, прибыли въ городокъ Мыславищи. Остановились въ еврейской гостинницѣ, гдѣ и провели день.

29-го ноября выѣхали оттуда рано утромъ. Сани пріѣхали до разсвѣта и числомъ ихъ потребовали больше, оттого что число больныхъ прибывало. Въ эту ночь нѣсколько нашихъ плѣнныхъ солдатъ умерло. Былъ очень сильный морозъ. Пріѣхавъ въ деревню, помѣстились у крестьянъ, которые оказывали намъ столько же почтенія, сколько русскимъ офицерамъ. Они насъ накормили и дали пить водки. Безъ нихъ, намъ было-бы трудно достать что-либо поѣсть, какъ во всѣхъ деревняхъ.

30-го ноября мы поѣхали дальше. Намъ сказали, что между нашими много умерло, и многіе такъ худы, что должны вскорѣ также кончить, и ихъ оставили на мѣстѣ. Одни умирали отъ тифа, у другихъ члены были отморожены; несчастныхъ бросали въ снѣгъ, а крестьяне убивали ихъ. Насъ застигла мятелица, отъ которой многіе изъ нашихъ товарищей перемерзли. Ихъ тоже бросили въ снѣгъ. Хотя казаки уже не закалывали ихъ пиками, однако достаточно было и мороза, чтобы причинить брошеннымъ немедленную смерть. Ѣхали цѣлый день, наконецъ прибыли въ Рославль, городокъ, котораго жители съ участіемъ отнеслись къ нашимъ солдатамъ. Больныхъ отвезли въ госпиталь; остальнымъ дали приличныя квартиры, а насъ, по обыкновенію, помѣстили въ еврейской гостинницѣ. Тутъ насъ накормили довольно хорошо; но евреи, которыми городъ былъ полонъ, такъ надоѣли намъ предложеніями купить у нихъ всякую всячину, что мы принуждены были запереться отъ нихъ въ своей комнатѣ.

1-го декабря (1812 г.), оставивъ въ госпиталѣ двадцать человѣкъ больныхъ солдатъ, мы отправились рано утромъ въ дальнѣйшій путь. Погода стала мягче. Проѣхавъ нѣсколько обширнымъ сосновымъ лѣсомъ, мы прибыли въ деревню Рудню, расположенную въ центрѣ его. Тутъ былъ стеклянный заводъ. Солдатъ размѣстили по избамъ, а насъ принялъ хозяинъ завода, нѣмецъ. Онъ тотчасъ-же велѣлъ подать намъ обѣдъ, потомъ отвелъ одну комнату нашему вожатому, къ которому онъ былъ особенно внимателенъ, и двѣ комнаты рядомъ съ тою, для насъ. Мы ходили осматривать заводъ, а ввечеру, когда нашъ вожатый легъ спать, хозяинъ завода пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Живя уже давно въ Россіи, онъ сообщилъ намъ многое о

мѣстныхъ обычаяхъ. Разговорившись съ нимъ, мы спросили его, отчего онъ такъ предупредителенъ къ нашему вожатому? Онъ признался, что въ качествѣ иностранца ему необходимо быть внимательнымъ къ казацкимъ офицерамъ, такъ какъ они часто позволяютъ себѣ насилія всякаго рода, особенно съ иностранцами. Онъ говорилъ намъ, что находится на службѣ у помѣщика, владѣльца завода и нѣсколькихъ деревень въ окрестности, и жалѣлъ, что намъ не придется проѣзжать черезъ ту, въ которой живетъ помѣщикъ. Какъ человѣкъ благородный и великодушный, любящій французовъ, которыхъ у него и въ домѣ и на фабрикахъ живетъ нѣсколько, онъ навѣрное всячески помогъ-бы намъ. Мы остались очень довольны пріемомъ этого иностранца.

Оттепель продолжалась. Потребовано было для насъ большое число саней; въ нихъ разсадили многихъ нашихъ солдатъ, нѣкоторыхъ-же трудно больныхъ оставили въ деревнѣ. Нѣмецъ-заводчикъ обѣщалъ позаботиться о нихъ. Мы позавтракали у него и простились. Пріѣхали въ другую деревню, расположенную также въ серединѣ сосноваго лѣса. Тутъ были желѣзо-плавильные заводы. Насъ помѣстили въ квартирѣ управляющаго имѣніемъ, поляка, съ женою и дѣтьми. Онъ принялъ насъ съ какою-то сдержанностью, однако накормилъ насъ хорошо своими національными кушаньями. Онъ очень ухаживалъ за нашимъ казакомъ, болталъ съ нимъ очень много, а съ нами обращался весьма сдержанно, какъ-бы боясь показать намъ участіе. Впрочемъ, онъ не говорилъ по-французски, такъ и мы ничего не могли сказать ему. Жена и дѣти его не выходили къ намъ. Замѣтно было, что онъ не довѣряетъ казаку, а между тѣмъ, старался угождать ему. Ему онъ уступилъ свою лучшую комнату, а насъ помѣстилъ въ мастерской. Заводъ стоялъ на рѣкѣ, довольно далеко отъ дома управляющаго; однако, оттуда явственно раздавались удары молота. Управляющій повелъ туда нашего казака, который потомъ возвратился съ какими-то вещами, завернутыми въ солому, вѣроятно издѣліями завода.

2-го декабря мы собрались въ дорогу довольно рано. Полякъ проводилъ казака съ низкими поклонами. Садясь въ сани, мы узнали, что на этотъ разъ никто изъ нашихъ солдатъ не остался: всѣ были въ сборѣ. При легкомъ морозѣ, солнце ярко свѣтило. Мы проѣзжали почти сплошными лѣсами. Къ вечеру прибыли въ мѣстечко Свардъ, населенное евреями. Казакъ нашъ занялъ квартиру въ одной гостинницѣ, а насъ помѣстили въ другой напротивъ, и къ дверямъ нашимъ поставили казаковъ, хотя мы не помышляли о бѣгствѣ. Евреи намъ говорили, что къ вечеру мы придемъ

въ Мглинъ, и что мы проведемъ зиму въ этомъ городѣ, а не то въ его окрестностяхъ. Эту вѣсть мы приняли съ удовольствіемъ, такъ какъ уже порядочно утомились отъ продолжительной и безпокойной дороги. Я думаю, если-бы она еще протянулась, то не многіе изъ насъ дожили-бы до окончанія нашего пути.

3-го декабря морозъ усилился. Отправились въ дорогу довольно рано. Въ этотъ день ожидало насъ печальное зрѣлище: большое число труповъ нашихъ товарищей валялось на дорогѣ; изъ чего мы заключили, что передъ нами слѣдовали еще колонны плѣнныхъ. На каждой верстѣ лежало или по одному, или по нѣсколько труповъ. Одни были обнажены, другіе покрыты лохмотьями мундировъ. Около этихъ труповъ возились собаки и, когда мы проходили мимо, онѣ бросались на насъ съ лаемъ, какъ-бы грозя истерзать насъ, если мы тронемъ ихъ добычу. Мы насчитали до пятидесяти тѣлъ по этой дорогѣ.

Пройдя нѣсколько лѣсовъ, пришли къ Мглину. Остановились; но одинъ вожатый нашъ въѣхалъ въ городъ, а мы еще долго оставались на дорогѣ. Наконецъ, онъ возвратился и повезъ насъ въ деревню Вергину, верстахъ въ пяти отъ Мглина. Насъ помѣстили въ крестьянской хатѣ, въ которой были двѣ горницы, но только въ одной изъ нихъ можно было оставаться; другая была не топлена. Въ этой первой горницѣ, кромѣ насъ, оставались хозяинъ избы, его жена, сестра и ребенокъ; тѣснота эта очень насъ безпокоила. Вообще въ этой деревенькѣ мало было простору людямъ. Только-что мы тутъ водворились, какъ явился хозяинъ мѣстной еврейской гостинницы съ предложеніемъ доставлять намъ каждый день всякую провизію, какую пожелаемъ. Мы съ нимъ сговорились, а поваръ нашъ приготовилъ намъ обѣдъ въ той-же печи, въ которой хозяева варили свое кушанье. Вечеромъ горницу освѣтили щепками изъ смолистой сосны, втыкая ихъ въ уголъ печи и часто замѣняя однѣ другими. На ночь намъ послали на полъ соломы, и мы хорошо-бы выспались, если-бы не будили насъ по временамъ крики ребенка.

4-го декабря морозъ былъ весьма силенъ; было, по крайней мѣрѣ, 25° ниже 0. Окна заволокло сплошнымъ льдомъ. На утро встали безъ обыкновенной душевной тревоги, такъ какъ знали, что остаемся на мѣстѣ до весны и избавлены отъ путешествія въ такую суровую погоду.

Въ слѣдующіе дни мы такъ ужъ обжились всѣ вмѣстѣ съ крестьянскою семьею, что никто никого не стѣснялъ, насколько

это было возможно. На второй день нашего пребыванія въ этой деревнѣ, нашъ казацкій офицеръ пришелъ къ намъ въ сопровожденіи переводчика-еврея, и черезъ него просилъ меня полечить нѣсколькихъ больныхъ казаковъ и ихъ унтеръ-офицера. Кромѣ того, и между нашими было много больныхъ. Меня повезли на квартиру, гдѣ стояли казаки, и я нашелъ почти всѣхъ зараженныхъ тифомъ. А между тѣмъ подъ рукою не было никакихъ медикаментовъ. Я прежде всего требовалъ перевезти больныхъ въ одно мѣсто, французовъ и казаковъ отдѣльно. Написалъ, какія нужны лекарства, также вино и уксусъ, и офицеръ хотѣлъ послать за всѣмъ этимъ въ городъ. На другой день все это было доставлено, и еще дали мнѣ фельдшера-казака въ помощники. Нашихъ было до пятнадцати солдатъ, почти всѣ уже при смерти. Между ними была и молодая женщина, вѣроятно, маркитанка, сопровождавшая ихъ въ походѣ. Я раньше не замѣтилъ ея присутствія между плѣнными, такъ какъ на ней была солдатская шинель. Эта женщина и мужъ ея лежали другъ подлѣ друга безъ памяти, и на другой день въ одно время умерли. Должно-быть, казаки заразились тифомъ чрезъ платье больныхъ нашихъ солдатъ, которое они сдирали съ нихъ для своего употребленія. Четверо казаковъ испустили духъ въ страшномъ бреду, напоминавшемъ варварства, съ которыми они поступили съ нашими товарищами. Мнѣ удалось вылечить унтеръ-офицера и другихъ казаковъ, и также нѣсколькихъ нашихъ солдатъ.

По приказанію, данному изъ города, устроена была лазаретная кухня. Каждый день я раздавалъ вина, кому нужно было. Между тѣмъ, тѣла умершихъ тифомъ валялись въ кучѣ на дворѣ дома, обращеннаго въ госпиталь, и никто не заботился объ ихъ погребеніи. Мое леченіе внушило казакамъ и ихъ офицеру нѣкоторое ко мнѣ уваженіе. Увидавъ на мнѣ ветхую шинель, они принесли мнѣ другую, по-новѣе, отобранную, вѣроятно, не то у живаго, не то у мертваго изъ нашихъ.

Съ нѣкотораго времени, каждый день слышался по деревнѣ колокольный звонъ, и затѣмъ мимо насъ проходила погребальная процессія съ попомъ бородатымъ впереди, за которымъ слѣдовали хоругви, развивавшіяся по вѣтру. Занесенный солдатами нашими тифъ заразилъ мѣстныхъ обывателей, а какъ у нихъ не водится ни докторовъ и никакихъ раціональныхъ мѣръ, то болѣзнь эта похищала много жертвъ. Покойника везли обыкновенно на саняхъ, запряженныхъ волами и въ открытомъ гробѣ. Толпа крестьянъ и крестьянокъ, съ плачемъ и причитываніемъ какихъ-то словъ музыкальнымъ размѣромъ, слѣдовала за гробомъ; а въ то-же время

священникъ пѣлъ похоронныя молитвы. Не смотря на то, что мы довольно приглядѣлись къ смерти, это ежедневное зрѣлище наводило уныніе, особенно при видѣ несчастныхъ сиротъ, съ отчаяніемъ провожавшихъ отца или мать до могилы.

Де-ла-Флизъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДНЕВНИКЪ ЛЕЙБЪ-МЕДИКА БАРОНЕТА Я. В. ВИЛЛІЕ

1825 г.

(Переводъ съ французскаго).

Представляемый здѣсь дневникъ д. т. с. баронета Якова Васильевича Виллie († 1854 г., въ С.-Петербургѣ), извѣстнаго лейбъ-хирурга при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, главнаго инспектора медицинской части по арміи, перваго президента Императорской медико-хирургической академіи, веденъ во время сопровожденія имъ Александра I въ послѣднемъ путешествіи этого государя на югъ Россіи; дневникъ написанъ Вилліе на французскомъ языкѣ, въ видѣ бѣглыхъ путевыхъ замѣтокъ, не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ, въ „Памятной книжкѣ на 1825 годъ", отпечатанной въ С.-Петербургѣ въ томъ-же маленькомъ карманномъ форматѣ и съ присовокупленіемъ такого-же рода свѣдѣній: о высшихъ чинахъ, о церковныхъ и полковыхъ праздникахъ, почтовыхъ и другихъ извѣстій, какъ ежегодно издаются эти книжки и въ настоящее время типографіею Главнаго Штаба.

Означенная памятная книжна 1825 г., съ собственноручными въ ней замѣтками баронета Вилліе сохранилась въ библіотекѣ генералъ-адъютанта Ивана Васильевича Анненкова († 3-го іюня 1887 г.), расположеніемъ котораго мы пользовались въ теченіе многихъ лѣтъ; имъ и подарена эта книжка мнѣ на память. Отъ кого и когда получилъ ее, въ свою очередь, Ив. Вас. Анненковъ, намъ неизвѣстно [1]).

И. Г. Даниловъ,
почетн. членъ Археологич. института.

[1]) Авторъ „Исторіи Коннаго полка", И. В. Анненковъ, родился въ 1814 г. и происходилъ изъ дворянъ Симбирской губерніи. По окончаніи курса наукъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (Николаевское Кавалерійское училище), онъ вступилъ въ службу въ лейбъ-гвардіи конный полкъ въ февралѣ 1831 г. юнкеромъ, въ 1833 г. произведенъ въ корнеты; въ 1846 г., будучи ротмистромъ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ императору Николаю Павловичу; 17-го апрѣля 1855 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назна-

Сентября 1-го (1825 г.). Листья начали блекнуть, опадаютъ, трава пожелтѣла; утро было холодное, погода прекрасная. Подобно перелетнымъ птицамъ, мы начали свой полетъ — время отъѣзда для пріисканія болѣе теплаго климата наступило. Его величество одобрилъ реестръ лекарствъ.

2-го. Прошедшую ночь 3 градуса мороза; день прекрасный и свѣжій. Я отдалъ сегодня вечеромъ Гейроту [1]) приказъ явиться гг. Рейнгольду и Струту. Бовицкій прибылъ со своимъ сыномъ.

3-го. Хорошая погода держится; ночь была холодна, но днемъ не такъ свѣжо, какъ вчера; обѣдали у Мульна въ Дотровнѣ. Прибыли въ Сокольники. Гаврила Спиридоновъ съ моимъ мальчикомъ спали у артиллерійскаго полковника Лаврова, который владѣетъ здѣсь тремя стами крестьянъ съ землею.

4-го. Мы прибыли въ Веліоли, гдѣ находится третья артиллерійская бригада, гдѣ четверо больныхъ. Въ свитѣ всѣ здоровы, кромѣ меня самого, имѣвшаго холеру (?) [2]). Квартира съ клопами, вслѣдствіе сборища народа и военнаго ученья.

5-го. Мы прибыли довольно поздно въ Дорогобужъ; мое нездоровье еще продолжается; хорошая погода держится; дороги сухи и прекрасны. Его величество увѣрялъ меня вчера, что онъ не чувствуетъ ни малѣйшей боли въ своей ногѣ [3]). Этотъ городъ ведетъ торговлю преимущественно съ Ригою.

ченіемъ въ свиту Его Величества; съ 15-го марта 1862 г. по 17-е апрѣля 1866 г. занималъ должность с.-петербургскаго оберъ-полицмейстера, а съ 9-го іюня 1867 г.—с.-петербургскаго коменданта; вскорѣ затѣмъ высочайшимъ приказомъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. И. В. Анненковъ отличался глубокою религіозностью и рѣдкою душевною добротою, которая невольно привлекала къ себѣ его сослуживцевъ и тѣхъ немногихъ близкихъ къ нему лицъ, въ кругу которыхъ онъ проводилъ часы своего досуга.

[1]) Вице-директоръ медицинскаго департамента дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гейротъ. Ив. Д.

[2]) Вѣроятно, кишечный катарръ, ибо съ холерою нельзя продолжать путешествія. Н. З.

[3]) Объ ушибѣ ноги императора Александра Павловича, о болѣзни, отъ этого происшедшей и леченіи оной подробно разсказано почетнымъ лейбъ-хирургомъ Д. К. Тарасовымъ, въ его „Запискахъ“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., томъ IV, стр. 612 и слѣдующія. Ред.

6-го. Все идетъ прекрасно: погода, дороги, лошади соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Разговоръ вращался сегодня на политической экономіи. Вотъ мы вступаемъ во владѣнія **Рѣпнина**.

7-го. Погода перемѣнилась: туманная и дождливая. Къ моему пріѣзду я нашелъ 12 больныхъ, оставленныхъ въ госпиталѣ шестой дивизіи, они очень больны, но зато и очень тщательно содержатся. Докторъ Корбовъ (22-го стрѣлковаго) хорошій.

8-го. Дороги довольно скверныя и погода дождливая; весь сегодняшній день мы въ Новгородѣ (Сѣверскомъ?) — торговое мѣсто, городъ малозначущій.

9-го. Въ Шербюри (?) госпиталь въ хорошемъ положеніи; архіерей прекрасно совершалъ службу въ соборѣ; погода поправилась; дороги въ Орловской и Курской губерніяхъ далеко превосходятъ черниговскія дороги.

10. Ночь провелъ въ Богатомъ. Люди Дюка (de Duca) тамъ присутствовали. Я видѣлъ **Бибикова**. Мы отправились оттуда въ Чугуевъ.

11-го. Мы въ Чугуевѣ, во дворцѣ. Прибыли **Леонтовичъ** и **Шибановъ** изъ Харькова. Больница слишкомъ отдалена отъ воды, окна очень высоки, кровельныхъ жолобовъ нѣтъ у зданія; пользованіе больныхъ плохо.

12-го. Мы въ дрянномъ мѣстѣ Бахмута у Марка Рейны (Mark Reina); жена Ивана Сопина разбита параличемъ.

13-го. За слѣдующею первою станціею мы прибыли въ Таганрогъ, гдѣ оканчивается первая часть путешествія; погода перемѣнчивая. Finis.

14-го. Въ Таганрогѣ. Погода весьма хорошая; легкій вѣтерокъ, юго-западный; lacus miotis полонъ; теплота пріятная.

15-го. Погода хорошая и теплая.

16-го. Хорошая погода продолжаетъ стоять, но тучи скопляются и предвѣщаютъ перемѣну.

17-го. Горизонтъ потемнѣлъ, воздухъ сталъ свѣжѣе, вѣтеръ перемѣнился и дуетъ съ сѣверо-востока; вода убываетъ и суда тамъ и сямъ стоятъ на мели. Затѣмъ проливной дождь, который шелъ цѣлую ночь.

18-го. Дурная и дождливая погода. Вѣтеръ сталъ сильнѣе и дуетъ попрежнему съ сѣверо-востока.

19-го. Дурная погода продолжается по вчерашнему и, судя по горизонту, нѣтъ ни малѣйшаго признака скорой перемѣны; вѣтеръ тотъ-же. Квартиры непріятныя и плохо защищенныя.

20-го. Въ теченіе всего этого времени, столь перемѣнчиваго, холодъ никогда не былъ чувствителенъ, но отсутствіе солнца, сѣверные вѣтры вмѣсто легкихъ вѣтерковъ больше утомляютъ, чѣмъ вредятъ.

22-го. Комета надъ горизонтомъ на юго-западѣ въ разстояніи нѣсколькихъ градусовъ; хвостъ на верху.

23-го. Карантинъ, какъ мнѣ кажется, здѣсь безполезенъ, тѣмъ болѣе, что таковой имѣется въ Керчи, гдѣ корабли вынуждены останавливаться на недѣлю.

24-го. Распри изъ-за ловли осетровъ и бѣлуги сильны между здѣшними жителями и илирійцами, янинцами и донецкими киргизами.

25-го. Вывозъ зерна отсюда довольно значительный, но способъ нагружать корабли посредствомъ телѣжекъ (charettes), которыя входятъ въ воду часто за версту, могъ-бы быть улучшенъ примѣненіемъ нѣсколькихъ пароходовъ съ плотами; также нужны пароходы, чтобы подниматься и спускаться до Керчи, которая должна быть разсматриваема, какъ передовой, выдвинутый отъ Таганрога, портъ и гдѣ торговцы со временемъ будутъ имѣть хлѣбные магазины для покупателей, могущихъ являться во всѣ времена года, потому что у Керчи Босфоръ не знаетъ зимы, мѣшающей прибытію или отъѣзду кораблей; равнымъ образомъ Донъ будетъ имѣть надобность въ пароходахъ.

29-го. Виноградъ здѣсь очень хорошъ, но изъ него не умѣютъ хорошо приготовлять вино; виноградъ очень дешевъ. Съ Дону отправляютъ ежегодно двѣсти тысячъ ведеръ винограднаго сока для выдѣлки изъ него шампанскаго. Гавань Ѳеодосіи Каиффа (Caiffa) никогда не будетъ значительна, за исключеніемъ отправки произведеній изъ Крыма.

Октября 1-го. Сегодня погода прекрасная; жаркое солнце пятый разъ со времени нашего прибытія; большой обѣдъ третій разъ. Есть основаніе предполагать, что Азовское море, слѣдовательно и Черное море, очень опустились со времени царствованія Петра I, потому что портъ, который онъ повелѣлъ здѣсь построить, имѣетъ противъ города не болѣе двухъ, трехъ футовъ глубины. Небо то ясно, то пасмурно прошлою ночью.

3-го. День холодный, сухой; вѣтеръ съ сѣверо-востока. Ночью возобновилась моя боль въ боку. Болѣзнь Миллера. Перепела готовятся къ отлету. Осмотръ гимназіи очень мало благопріятенъ для нея. Вѣроятно, наступитъ перемѣна погоды, смотря по тому, что произошло съ мелкимъ дождикомъ вчера вечеромъ. Небо пасмурно, погода стала потеплѣе, но сырая. Орловъ вернулся съ Дона. Донъ (Танаисъ), Донецъ киргизскій, Танаисъ иллирійскій образуютъ Бугъ. Hippanis—Днѣстръ Ивасъ. Днѣпръ Bovy и Hunes и Волга Раа. Janadarum potuis.

5-го. Всѣ эти дни погода довольно перемѣнчива, но не холодная. Deteriora nobiliorum causa existunt, nobiliora vero sunt ea, qua ordinem naturae sequuntur perstudiosa.

6-го. Адмиралъ Грейгъ прибылъ въ нашъ городъ и утверждаетъ, что нѣтъ такого мѣста во всей Европѣ, гдѣ-бы шло такъ мало дождей, какъ въ Николаевѣ.

7-го. Погода туманная и сырая; улицы портятся.

8-го. Сегодня мы обѣдали у губернатора г. Данаева.

9-го. Обѣдалъ сегодня у его величества государя императора.

10-го. Погода превосходная и довольно теплая; солнце жжетъ; улицы живо просыхаютъ. Завтра мы отправляемся послѣ обѣдни на Донъ. Обѣдъ на второй станціи, а ночлегъ будетъ въ Нахичеванѣ; оттуда мы въѣдемъ въ Черкасскъ. Сегодня седьмой день болѣзни бѣднаго моего Устинова, который, я надѣюсь, поправится къ моему возвращенію.

12-го. Я ночевалъ у полковника Ярасова, обѣдалъ у атамана. Больница въ хорошемъ состояніи. Гимназія отвратительна. Канцелярія посредственная.

13-го. Тюрьма хорошая, но плохо расположена; приговоры слишкомъ медленны. Мы были въ Старомъ Черкасскомъ, гдѣ я видѣлъ Самохина и его жену. Исаевъ передалъ мнѣ, что Камбеловъ умеръ нынѣшнимъ лѣтомъ.

14-го. (День рожденія ея вел. и. Маріи Ѳедоровны). Его величество былъ у обѣдни. Мы переправились въ Азовъ, а оттуда въ Нахичевань, чтобы тамъ переночевать.

15-го. Оттуда при прекрасной погодѣ въ Таганрогъ. Сегодня погода прекрасная, солнечная. Мой мальчикъ поправляется, но ему должно опасаться рецидива.

16-го. Погода стоитъ ужасная. Въ свитѣ оживленный споръ съ придворными за столомъ у Волконскаго.

17-го. Сегодня обѣдалъ у генерала Чернышева, у котораго милая жена. Погода дождливая и дороги портятся быстро.

18-го. Я ошибся. Слѣдовало написать подъ 19-мъ (числомъ то, что я написалъ подъ 17-мъ, и это сегодня и завтра, что у насъ была дурная погода.

19-го. Я видѣлся вчера съ графомъ Виттомъ одну минуту. То, что онъ говорилъ, было довольно замѣчательно. Устиновъ снова чувствуетъ легкое лихорадочное состояніе.

20-го. Лишь только императоръ сѣлъ въ коляску для отъѣзда въ Крымъ, солнце снова появилось на горизонтѣ. Ночь провелъ въ Маріуполѣ у одного грека; сынъ его боленъ.

21-го. Погода хорошая, дороги стали суше. Ночь провелъ въ Нагаицѣ у Кобезова; его падчерица Анна Ивановна. На первой станціи множество стрепетовъ.

22-го. Сегодня въ прусскихъ колоніяхъ Ельбина. Ночь у Дизена изъ Альтенау,—мѣста, откуда они прибыли изъ Пруссіи двадцать лѣтъ тому назадъ. Ихъ число въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской и Таврической—80 тысячъ; они оплачиваютъ только 15 поземельныхъ за десятину навсегда; другіе черезъ 20 лѣтъ будутъ сравнены съ государственными крестьянами. Они всѣ менониты въ этихъ мѣстахъ; крестятся въ 18 лѣтъ, избираютъ изъ среды себя священниковъ.

25-го. Мы находимся въ Перекопѣ. Разстояніе между Сивашемъ (Гнилое море) и лиманомъ отъ 8-ми до 9-ти верстъ. Больницу слѣдуетъ устроить внѣ крѣпости. Молодой врачъ очень хорошъ для 60-ти человѣкъ. Провелъ ночь у Мендова.

26-го. Сегодня на 17-й верстѣ мы видѣли соленое озеро, а передъ тѣмъ армянскій симферопольскій госпиталь. Госпиталь превосходный, врачи дѣйствительно хороши. Городъ очень украсился. Ланге, Шулеръ и Ицедетовъ.

27-го. Бо̀льшую часть (проѣхали) хорошею дорогою до 10-ти верстъ южной стороны. Мы прибыли верхомъ (чрезъ) 35 верстъ въ Юрзуфъ къ графу Воронцову-Башмакову. Докторъ Лее разсказывалъ про Sultaneum Gegray.

28-го. (Проѣхали) верхомъ 27 (верстъ) вѣрныхъ въ Алупку къ князю Воронцову, миновавъ Никитку у Стефана и Оріанду, которую императоръ купилъ у князя Безбородко, очень красивую.

29-го. Нашъ переѣздъ совершился благополучно и оттуда 20 верстъ чрезъ спускъ (escalier) адмирала Мордвинова, гдѣ

моя лошадь упала, чуть не сломавъ мнѣ ноги. Байдаръ, Севастополь 27 и 29 Бахчисарай.

30-го. Чуфутъ-Кале. Евреи караимы. Обѣдалъ съ великимъ мирзою. Церемоніи въ мечети. Монастыри и синагоги. Императоръ слегка захворалъ. Одна унція du v-b-re. Къ его благу пріятныя новости отъ императрицы.

31-го. Все это время стояла хорошая погода, изрѣдка облачная и два или три раза шелъ небольшой дождь: въ Байдарѣ, на берегу, въ Севастополѣ. Дорогою отсюда мы были у графа Завадовскаго. Англійскій капитанъ Бойдъ 2-го гвардейскаго полка на половинномъ жалованьѣ, съ кормилицею шотландкою. Я имѣю также ея письмо; успѣхъ.

Ноября 1-го. Налѣво осадки озера, домъ въ развалинахъ, направо другое озеро, вонючее, ни прѣсное, ни соленое. Вчера мы были въ Козловѣ на берегу моря. Бардаковскій въ таможнѣ славный малый. Магометъ Ибрагимъ.

2-го. Мы сдѣлали сегодня 182 версты въ Знаменку къ священнику. Больница въ Насліеробоми (Naslierobomy) (?) находится въ хорошемъ состояніи. Буликовскій на берегахъ Днѣпра хорошъ; страна плодородна. Здѣсь живетъ одинъ дворянинъ, у котораго 70 тысячъ овецъ.

3-го. Знаменковскій артиллерійскій госпиталь содержится очень хорошо. Полковникъ желаетъ удержать у себя молодаго врача. Орѣховъ уѣздный городъ. Я помѣстилъ тамъ Сепорковича, гусарскаго офицера.

4-го. Вчера погода была вполнѣ хорошая, небо облачное, рѣдко показывалось солнце, почти все время сухо; превосходно для путешествія. Климатъ очень замѣчательный въ отношеніи перемежающихся лихорадокъ. Мы будемъ сегодня въ нашихъ таганрогскихъ предѣлахъ благополучно. Вчера только его величество позвалъ меня, отъ Маріуполя въ первый разъ.

5-го. Пріѣздъ въ Таганрогъ. Ночь скверная. Отказъ отъ лекарствъ. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло-бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій.

6-го. Императоръ обѣдалъ у ея величества императрицы и вышелъ изъ-за стола. Федоровъ позвалъ меня изъ-за стола, чтобы объявить мнѣ, что его величество имѣлъ испарину и непроизвольно, таково отвращеніе отъ медицины. Послѣ борьбы онъ согласился, между 5 и 6 часами, принять дозу пилюль.

7-го. Эта лихорадка имѣетъ сходство съ эндимическою крымскою болѣзнью. „Les exacerbations“ (ожесточенія болѣзни) слишкомъ часто повторяются, чтобы я позволилъ себѣ утверждать, что это Hemitritaeus Semitertiana, хотя эта чрезвычайная слабость, эта апатія, эти обмороки имѣютъ большое отношеніе съ нею.

8-го. Эта лихорадка, очевидно, Febris gastrica biliosa; эта гнилая отрыжка, это воспаленіе въ сторонѣ печени, des press-cordes, рвота sine vomitu nec dolore fortiter comprimendo, требуетъ, чтобы premières voies (кишки?) были хорошо очищены. Надо (доить?) traire (?) печень. Я сказалъ Стофрегену.

9-го. Императору немножко легче сегодня, но онъ съ полною вѣрою въ Бога ждетъ совершеннаго выздоровленія отъ недуговъ. Состояніе viscera chylopoetica можетъ въ настоящій моментъ служить указаніемъ на поносъ, такъ не кстати остановленный въ Бахчисараѣ.

10-го. Начиная съ 8-го (числа) я замѣчаю, что что-то такое занимаетъ его болѣе, чѣмъ его выздоровленіе, и волнуетъ его душу post hoc ergo propter hoc. Ему сегодня хуже и Мюллеръ, по его словамъ, тому причина. Князю Волконскому, вслѣдствіе сего, препоручено побранить бѣднаго Мюллера.

11-го. Болѣзнь продолжается; внутренности еще довольно нечисты ructus, inflatio. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостоиваетъ говорить со мною. Сегодня мы, Стофрегенъ и я, говорили объ этомъ и совѣтовались.

12-го. Какъ я припоминаю, сегодня ночью я выписалъ лекарства (??) для завтрешняго утра, если мы сможемъ посредствомъ хитрости убѣдить его употребить ихъ. Это жестоко. Нѣтъ человѣческой власти, которая могла-бы сдѣлать этого человѣка благоразумнымъ. Я несчастный.

13-го. Все пойдетъ скверно, потому что онъ не дозволяетъ, не слушаетъ дѣлать то, что безусловно необходимо. Такое направленіе очень плохое предзнаменованіе. Его пульсъ очень неправильный, слабъ и будетъ escudativo (выпотъ) безъ des mercuriaux (ртутныхъ средствъ), saigne (кровопусканія), мушки, горчицы, мочегоннаго и очистительнаго.

14-го. Все очень нехорошо, хотя у него нѣтъ бреда. Я намѣренъ былъ дать acide muriatique съ питьемъ, но получилъ

отказъ по обыкновенію. „Уходите“ (allez-vous-en). Я заплакалъ и, видя это, онъ мнѣ сказалъ: „Подойдите, мой милый другъ. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это? У меня свои причины (Venez, mon cher ami. J'éspere, que vous ne m'en voulez pas pour cela. J'ai mes raisons)“.

15-го. Сегодня и вчера, что за печальная моя должность объявить ему о грядущемъ его разрушеніи въ присутствіи ея величества императрицы, которая отправилась предложить ему вѣрное лекарство. Причащеніе Ѳедотовымъ. Его слово послѣ того.

16-го. Все мнѣ кажется слишкомъ поздно. Только вслѣдствіе упадка силъ физическихъ и душевныхъ и уменьшенія чувствительности удалось дать ему нѣкоторыя лекарства послѣ Святаго Причастія и напутствія Ѳедотова.

17-го. Отъ худаго къ худшему. Смотрите исторію болѣзни. Князь (Волконскій) въ первый разъ завладѣлъ моею постелью, чтобы быть ближе къ императору. Баронъ Дибичъ находится внизу.

18-го. Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и князей Волконскаго и Дибича, которые находились: первый у него, а послѣдній внизу у камердинеровъ.

19-го. Ея величество императрица, которая провела много часовъ, вмѣстѣ со мною, одна у кровати императора всѣ эти дни, оставалась до тѣхъ поръ, пока наступила кончина въ 11 часовъ безъ 10-ти минутъ сегодняшняго утра. Князь (Волконскій), баронъ (Дибичъ), доктора, дежурные de vita aeterna gauderi spero.

20-го. Какъ скоро его величество скончался, даже до того, нѣкоторыя лица удостовѣрились въ вещахъ и въ короткое время бумаги были запечатаны; обмѣнивались замѣчаніями зависти, горечи объ отсутствующемъ.

22-го. Вскрытіе и бальзамированіе, которыя подтверждаютъ все то, что я предсказывалъ. О, если-бы я имѣлъ его согласіе, если-бы онъ былъ сговорчивъ и послушенъ, эта операція не происходила-бы здѣсь.

23-го. Жалобы медиковъ на тѣхъ, которымъ поручена экономическая часть, очень основательны.

Декабря 3-го. Съ экстренною почтою всѣ документы съ исторіею болѣзни (historia morbi) sent of to day to D-r Klinle for the Dowager Empress и четыре дня до отъѣзда кн. Гагарина.

7-го. Отъѣздъ отсюда князя Гагарина.

11-го. Выносъ въ соборъ греческаго монастыря, гдѣ я присутствовалъ.

12-го. Большая служба въ монастырѣ, гдѣ я присутствовалъ съ печалью.

13-го. Сегодня намекъ князя, что я могу отправляться. Тѣмъ не менѣе, мнѣ нуженъ приказъ барона Дибича для исполненія сего. Пріѣздъ Реада изъ Петербурга.

14-го. Я былъ нѣсколько разъ у ея величества императрицы. Въ день рожденія [1]), третьяго дня, у нея былъ для меня самый трогательный и печальный въ моей жизни. Эта государыня тысячу и тысячу разъ достойна сожалѣній; никакого другаго нѣтъ желанія, какъ умереть.

15-го. Я оставался дома съ болью въ боку.

16-го. Я нахожусь дома съ докторомъ Нестеровымъ.

17-го. Я вышелъ къ столу и чтобы повидать княженъ Волконскихъ и трехъ адъютантовъ. Я писалъ сегодня доктору Клинле, посылая ему послѣднюю инструкцію о сохраненіи.

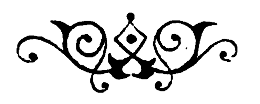
18-го. Въ теченіе нѣсколькихъ дней зима водворилась и море замерзло настолько, что сдѣлалась возможною переправа на саняхъ.

25-го. Я былъ занятъ весь вечеръ съ 7-ми до 10½ часовъ упаковкою тѣла его величества. Великій Боже, какой гробъ, никуда не годится; начали вновь работать въ соборѣ новый гробъ. Я опасаюсь, чтобы свинецъ не раздавилъ голову; все сдѣлано кое-какъ. Но четыре адъютанта, генералы, Сазоновъ, князь, княжны убѣдились, что до сего времени все въ сохранности.

28-го. Я иду сегодня къ императрицѣ для полученія ея приказаній.

29-го. Я послѣдній разъ видѣлъ на землѣ моего обожаемаго повелителя. Вслѣдствіе ненависти ко мнѣ, я лишенъ удовольствія сопровождать его всю дорогу.

Я. Вилліе.



[1]) Т. е. день рожденія почившаго императора (12-го декабря) Александра I.

Примѣчаніе. Къ изложенному кстати будетъ присовокупить описаніе таганрогскаго дворца, гдѣ опочилъ императоръ Александръ Благословенный, сдѣланное на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ, по нашей просьбѣ, однимъ лицомъ, посѣтившимъ этотъ городъ въ прошломъ (1890) году.

Дворецъ въ Таганрогѣ состоитъ изъ небольшаго одноэтажнаго каменнаго домика, имѣющаго 13 оконъ на улицу; направо ворота, ведущія во дворъ, гдѣ имѣется подъѣздъ во дворецъ, а на лѣвой сторонѣ небольшой садъ. Фасадъ дома окрашенъ желтою охрою, а украшенія на немъ бѣлою краскою; крыша, какъ надо полагать, была зеленаго цвѣта. Вообще по наружному своему, весьма скромному, виду, зданіе не походитъ на дворецъ. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ 12; онѣ маленькія до чрезвычайности, не высоки; окна небольшія; меблировка старинная, краснаго дерева, сохраняемая въ чехлахъ со временъ Александра I. Нѣкоторыя комнаты окрашены, нѣкоторыя оклеены обоями. Планъ внутренній дворца слѣдующій: маленькая передняя въ одно окно во дворъ и рядомъ съ нею пріемная въ два окна; изъ нея ходъ въ зало, имѣющее на улицу и во дворъ по три окна; въ залѣ стулья, два стола и часы въ углу. Изъ зала направо дверь въ домовую церковь, устроенную послѣ кончины Александра I въ той комнатѣ, въ которой онъ скончался, а налѣво въ гостиную и затѣмъ спальню императора и другія комнаты. Живопись на иконахъ церкви настолько закопчена и загрязнена въ настоящее время, что судить объ ея достоинствѣ весьма трудно; въ алтарѣ весьма плохое изображеніе Іисуса Христа, несущаго крестъ. Иконостасъ зеленаго цвѣта, съ написанными бѣлыми колоннами, съ золотыми украшеніями и надписью: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы—и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“. Подъ алтаремъ, въ подвальномъ помѣщеніи, имѣется памятникъ, сдѣланный изъ бута; онъ какъ-бы поддерживаетъ потолокъ. На памятникѣ вдѣлана бронзовая доска съ изображеніемъ кончины Александра; барельефъ, но очень плохой. Памятникъ окружаютъ девять колоннъ, окрашенныхъ бѣлою краскою. По разсказамъ, подъ этимъ памятникомъ погребены внутренности Александра.

Служащіе при дворцѣ ошибочно нынѣ указываютъ на комнатку, гдѣ будто-бы скончался императоръ; эта комнатка имѣетъ

два окна на улицу и находится между государевой гостиной, прилегающей къ залу, и опочивальнею императрицы; но этотъ покой не болѣе какъ одна изъ комнатъ, входившихъ въ число апартаментовъ императрицы Елисаветы Алексѣевны [1]). Въ углу этой комнатки помѣщается большой турецкій диванъ, обитый когда-то розовою матеріею, нынѣ выгорѣвшею и сдѣлавшеюся желтаго цвѣта. У дивана ширмы изъ той-же матеріи. У того-же дивана въ головахъ столъ, покрытый ковромъ, вышитый, по разсказамъ, самою императрицею. Надъ столомъ въ настоящее время помѣщенъ портретъ въ старинной рамѣ императора Александра II. Въ противоположномъ углу печь; около нея бюро, съ мраморнымъ бюстикомъ Александра I. Ковры старые. Въ спальнѣ императрицы: кровать, столъ, кресла, наугольникъ и портретъ ея масляными красками, повидимому, копія. Изъ спальни этой входъ въ гостиную государыни; оттуда въ комнату дежурнаго генерала и затѣмъ въ библіотеку, имѣющую одно окно во дворъ и вдоль стѣнъ книжные шкафы. Государь скончался въ той комнатѣ, въ которой помѣщена теперь церковь.

Сообщ. **И. Г. Даниловъ**,
почетный членъ Археологическаго института.

Гравир. Ѳ. Солнцевъ.

---

[1]) Такъ свидѣтельствуетъ историкъ Александра I—Н. К. Шильдеръ.

СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КУЗЬМИЧЪ

въ 1836—1864 гг. [1]).

I.

Осенью 1836-го года къ одной изъ кузницъ, находящейся около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ какой-то мужчина, лѣтъ 60-ти, и попросилъ кузнеца подковать бывшую подъ нимъ верховую лошадь. Кузнецъ, исполняя желаніе проѣзжаго, заинтересовался красивою лошадью и самою личностью старика, одѣтаго въ обыкновенный черный крестьянскій кафтанъ, не гармонировавшій съ чрезвычайно мягкими, такъ сказать не крестьянскими, манерами проѣзжаго, обратился къ нему съ обычными въ этакихъ случаяхъ вопросами о цѣли путешествія, принадлежности лошади и, наконецъ, о его имени и званіи. Уклончивые отвѣты проѣзжаго возбудили подозрѣнія собравшагося около кузницы народа и неизвѣстный безъ всякаго съ своей стороны сопротивленія былъ тутъ-же задержанъ и доставленъ въ городъ. На допросѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, объяснилъ, что лошадь принадлежитъ ему, отказался отъ дальнѣйшихъ показаній и объявилъ себя не помнящимъ родства бродягою, слѣдствіемъ чего былъ арестъ и затѣмъ судъ по

---

[1]) См. о немъ-же въ „Русской Старинѣ“, изд 1880 г., кн. XI, замѣтка кн. Н С. Голицына; изд. 1887 г., замѣтки В. Долгорукова и И. Смирнова; изд. 1891 г., книга октябрь, стр. 233—240, — очеркъ епископа Петра. Въ третьемъ выпускѣ изданнаго нами Альбома портретовъ достопамятныхъ русскихъ людей, Спб., 1889 г.—помѣщенъ портретъ Ѳеодора Кузьмича и при немъ біографическая замѣтка. Ред.

тогдашнимъ законамъ за бродяжество. Говорятъ, что необыкновенно симпатичная наружность этого человѣка, добродушное выраженіе лица его, изящныя манеры, умѣнье говорить и проч., обнаруживая въ немъ хорошее воспитаніе и какъ-бы знатное происхожденіе, вызвали общее сочувствіе и состраданіе; были употреблены всѣ мѣры уговорить его открыть свое настоящее званіе и происхожденіе, но всѣ увѣщанія и гуманныя попытки въ этомъ отношеніи оказались тщетными, и неизвѣстный упорно продолжалъ называть себя бродягою.

Въ томъ-же году Ѳеодоръ Кузмичъ, какъ бродяга, былъ наказанъ 20-ю ударами плетей, высланъ изъ Красноуфимска на поселеніе въ Сибирь, въ Томскую губернію, близъ г. Ачинска, и приписанъ къ деревнѣ Зерцалы, Боготольской волости (въ то время округа), куда и прибылъ съ 43-ею партіею 26-го марта 1837 года [1]).

Во время этого длиннаго слѣдованія этапнымъ порядкомъ по сибирскимъ дорогамъ, Ѳеодоръ Кузьмичъ своимъ поведеніемъ, услужливою заботливостью о слабыхъ и больныхъ арестантахъ, теплыми бесѣдами и утѣшеніями расположилъ къ себѣ всю партію злосчастныхъ путешественниковъ и, выпущенный на свободу съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по пути, положилъ залогъ своей будущей популярности.

Изъ помѣщенныхъ на страницахъ „Русской Старины“ замѣтокъ, по поводу этого старца, наиболѣе вниманія заслуживаетъ, разумѣется, сообщеніе И. Смирнова, какъ очевидца, хотя въ немъ довольно ясно проглядываетъ преобладаніе личнаго убѣжденія автора надъ дѣйствительностью, и сдѣланы слишкомъ смѣлыя заключенія; что-же касается сообщенія В. Долгорукова, основаннаго, по его-же собственному признанію, на народной молвѣ, можно сказать, что оно даетъ только отдаленное понятіе о существовавшемъ въ Сибири въ 1860-хъ годахъ какомъ-то старцѣ, при чемъ всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія представляютъ изъ себя, ни болѣе ни менѣе, какъ ни на на чемъ неоснованныя и, какъ увидимъ ниже, совершенно невѣрные слухи и предположенія.

Чтобы не быть голословнымъ, начну съ портрета. Приложенный къ стр. 216, т. LIV-го, октябрьской книги „Русской Старины“, изд. 1887 г., портретъ, а также прилагаемый при семъ снимокъ съ лежащаго въ гробу старца ясно указываютъ на то, что обѣ фотографіи сняты съ рисунка, слѣдовательно, дѣлать какія-либо заключенія относительно сходства его съ кѣмъ-бы то ни было

[1]) Справка въ экспедиціи о ссыльныхъ въ г. Томскѣ.

слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, крайне осмотрительно [1]). Замѣчаніе В. Долгорукова—будто близкими къ старцу лицами, только хитростью, удалось снять съ него фотографію, оказывается поэтому совершенно неосновательнымъ. Правда, Θеодоръ Кузьмичъ не позволялъ снимать съ себя при жизни фотографической карточки, но это можно объяснить или нежеланіемъ, какъ увидимъ ниже, привлекать къ себѣ излишнее вниманіе и возбуждать неумѣстные толки народа, или въ силу личныхъ религіозныхъ на этотъ предметъ убѣжденій [2]).

Изъ сообщеній лицъ, хорошо знавшихъ Θеодора Кузьмича, напримѣръ, архимандритовъ Алексѣевскаго монастыря: о. Лазаря, о. Виктора, нѣкоторыхъ монаховъ, Хромова и др., безошибочно можно сдѣлать приблизительно слѣдующее описаніе его наружности:

Ростъ его былъ выше средняго, около 2 арш. 9—10 в., плечи широкія, грудь высокая, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замѣчательно бѣлое, волосы на головѣ кудрявые (на карточкѣ они изображены невѣрно), борода длинная, разумѣется, немного вьющаяся, совершенно сѣдая [3]), вообще черты лица чрезвычайно правильныя, красивыя и симпатичныя. Характеръ добрый и мягкій, немного вспыльчивый, но въ общемъ скорѣе всего флегматическій.

Костюмъ его состоялъ обыкновенно изъ длинной, грубой, толстой холщевой рубахи (только въ двухъ экземплярахъ), подпоясанной тоненькимъ ремешкомъ или веревочкою, такихъ-же штановъ, 3—4-хъ паръ бѣлыхъ бумажныхъ чулковъ, ежедневно смѣняемыхъ, и обыкновенныхъ кожаныхъ туфель. Сверхъ рубахи надѣвалъ онъ иногда длинный темно-синій суконный халатъ, а зимою старую сибирскую доху, (шуба мѣхомъ наружу) съ облинявшею шерстью.

Не смотря на такой незначительный гардеробъ, одежда на немъ была постоянно чистая, вообще старецъ былъ чрезвычайно акуратенъ,

---

[1]) По единогласному заявленію всѣхъ знавшихъ Θеодора Кузьмича, прилагаемый при семъ снимокъ имѣетъ несравненно больше сходства съ оригиналомъ,чѣмъ тотъ, гдѣ старецъ изображенъ во весь ростъ, такъ какъ художникъ, рисовавшій портретъ съ лежащаго въ гробу покойника съ натуры, впослѣдствіи уже воспроизвелъ его во весь ростъ, руководствуясь притомъ портретомъ императора Александра I.

[2]) Извѣстно, напримѣръ, что митр. Филаретъ и нѣкоторыя другія высокопоставленныя лица того времени смотрѣли на фотографію съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, объясняя дѣйствія ея извѣстнымъ колебаніемъ частицъ воздуха нечистымъ духомъ.

[3]) По заявленію арх. Лазаря, видѣвшаго Θеодора Кузьмича въ 1862 году, волосы на его головѣ покрылись уже легкою желтизною, признакъ старости.

держалъ себя и свою келію въ неподражаемой чистотѣ и не выносилъ вообще никакого безпорядка.

Первое время по прибытіи въ Сибирь, Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ помѣщенъ на существовавшій тогда казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ, въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго, Боготольской волости, и въ 15-ти верстахъ отъ мѣста приписки, деревни Зерцалъ, гдѣ и прожилъ около 5-ти лѣтъ, не употребляемый, впрочемъ, ни на какія принудительныя работы.

О жизни его на этомъ заводѣ мнѣ не удалось собрать болѣе или менѣе точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній; говорятъ, что обходились съ нимъ вообще очень хорошо, смотритель любилъ его и доставлялъ ему все необходимое, а прочіе служащіе и рабочіе относились къ нему съ особою заботливостью.

Около 1842 года одинъ изъ сосѣднихъ жителей, нѣкто казакъ Семеонъ Николаевъ Сидоровъ, замѣтивъ въ старцѣ желаніе удалиться куда-нибудь подальше отъ народа, построилъ около своего дома въ Бѣлоярской станицѣ, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Краснорѣчинскаго въ сторону къ Ачинску, небольшую избушку, и уговорилъ старца переселиться къ нему, на что онъ и согласился очень охотно. Узнавъ объ этомъ, крестьяне сосѣднихъ деревень наперебой начали заманивать къ себѣ старца, предлагая ему бо̀льшія удобства, очевидно съ разсчетомъ имѣть около себя свѣдущаго человѣка и добросовѣстнаго руководителя. Просьбы эти, не давая ему покоя, заставили его, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣлоярской станицѣ, переѣхать въ деревню Зерцалы, т. е. поселиться на мѣстѣ своей приписки. Въ этой деревнѣ Ѳеодоръ Кузьмичъ, не смотря на приглашенія нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, прожилъ цѣлую зиму въ избѣ одного добродушнаго и скромнаго поселенца Ивана Иванова, только-что отслужившаго срокъ въ каторжныхъ работахъ, человѣка семейнаго и очень бѣднаго, но съ большимъ радушіемъ принявшаго старца въ свою хижину.

Замѣтивъ, что жизнь въ общей избѣ видимо тяготитъ старца, Иванъ Ивановъ предложилъ крестьянамъ устроить ему отдѣльную келію, гдѣ-нибудь возлѣ деревни, что и было общими силами тотчасъ-же очень охотно, по указанію самого старца, изъ стараго овечьяго хлѣва для него сдѣлано.

Надо замѣтить, что въ Сибири лѣсъ вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣетъ никакой цѣнности, слѣдовательно постройка такихъ келій, кромѣ затраченнаго труда, не представляетъ для крестьянъ никакихъ затрудненій и матеріальныхъ ущербовъ.

Въ этотъ періодъ времени Өеодоръ Кузьмичъ часто посѣщалъ сосѣднія деревни, нерѣдко гостилъ въ Бѣлоярской станицѣ, а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ простаго рабочаго. Поповскими пріисками управлялъ тогда извѣстный впослѣдствіи всей Сибири золотопромышленникъ Асташевъ, обратившій вниманіе на старца и отзывавшійся о немъ съ большимъ уваженіемъ.

По возвращеніи съ пріисковъ, старецъ окончательно поселился во вновь устроенной келіи въ Зерцаловѣ и прожилъ въ этой деревнѣ около 6-ти лѣтъ, постоянно навѣщая сосѣднія.

Въ 1849 году одинъ богатый и богобоязненный краснорѣченскій крестьянинъ Иванъ Гавриловичъ Латышевъ, пользовавшійся всеобщею любовью за свою доброту, устроилъ около своей пасѣки на живописномъ мѣстѣ, верстахъ въ двухъ отъ села Краснорѣчинскаго внизъ по р. Чулыму, на самомъ берегу рѣки, новую маленькую келійку и переманилъ къ себѣ получившаго уже общую извѣстность богомольнаго старца.

Съ этого времени личность Өеодора Кузьмича начинаетъ уже привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, а таинственныя посѣщенія, внезапные пріѣзды къ нему какихъ-то господъ возбуждать всеобщее любопытство и разнаго рода догадки относительно его происхожденія. Никакихъ, однако, серьезныхъ намековъ на будто-бы царственное происхожденіе его, какъ увѣряетъ В. Долгоруковъ, ни Өеодоромъ Кузьмичемъ, ни его окружающими въ это время не дѣлалось и народная молва считала его какимъ-то сосланнымъ или добровольно оставившимъ свой постъ митрополитомъ, хотя весь его образъ жизни не заключалъ въ себѣ ни одной характеристической черты, по которой можно было-бы предположить принадлежность его къ духовному званію.

Самъ онъ всячески избѣгалъ разговоровъ о своемъ происхожденіи и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ самозванства. Ни цесаревичемъ Константиномъ, ни Александромъ и никѣмъ инымъ не называлъ онъ себя, и отъ предлагаемыхъ вопросовъ старался всячески уклоняться.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Сибири вообще мало интересуются первоначальною исторіею вновь прибывшаго. Русское коренное населеніе ведетъ свою исторію, въ большинствѣ случаевъ, отъ ссыльныхъ прадѣдовъ, и въ народѣ, какъ-бы изъ деликатности, установился тенденціозный обычай не бередить иногда только-что залѣченныя въ этомъ отношеніи семейныя раны. Огромное количество

непомнящихъ родства бродягъ разныхъ званій постоянно поддерживаетъ этотъ обычай и сибирское населеніе, привыкшее оцѣнивать всякаго пріѣзжаго человѣка, не касаясь его исторіи, весьма мало интересуется такими бродягами. Всякіе намеки даже и на очень высокое происхожденіе и отмѣнную когда-то дѣятельность принимаются въ Сибири съ чрезвычайною критикою и притомъ съ необыкновеннымъ равнодушіемъ.

Нужно поэтому обладать рѣдкими качествами и имѣть за собою достаточно блестящее прошлое, чтобы возбудить въ Сибири всеобщее вниманіе и уваженіе. Даже въ наше время вы встрѣтите не мало бывшихъ севастопольскихъ героевъ, отставныхъ генераловъ въ полинявшихъ николаевскихъ шинеляхъ съ капюшонами, разстриженныхъ архимандритовъ, свихнувшихся съ жизненнаго пути предводителей и предсѣдателей разныхъ обществъ и учрежденій, и массу другихъ всевозможнаго рода болѣе или менѣе значительныхъ кабинетныхъ и государственныхъ дѣятелей, имѣвшихъ въ свое время и власть и положеніе, но теперь, такъ сказать, политически совершенно умершихъ и утратившихъ всякое общественное значеніе. Если они и находятъ еще иногда слушателей, то бесѣды ихъ заключаютъ въ себѣ только горькія воспоминанія минувшаго или безсильныя ожесточенныя проклятія своей судьбѣ и неоцѣнившему ихъ способности и плодотворные труды человѣчеству. Почти всѣ они отживаютъ здѣсь вѣкъ свой всѣми забытые и оставленные, и сибирскія вьюги замѣтаютъ слѣды ихъ прежней дѣятельности...

Личность Ѳеодора Кузьмича, помимо своего происхожденія, заслуживаетъ уже серьезнаго вниманія, какъ продуктъ религіозныхъ движеній начала нынѣшняго столѣтія. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ типами старинныхъ юродствующихъ обличителей, или пессимистическими религіозными мистиками въ родѣ, напримѣръ, Ѳеодосія Левицкаго и ему подобныхъ, ни проповѣдывалъ никакихъ богословскихъ теорій и не выказывалъ никакихъ признаковъ принадлежности къ сектантству или массонскимъ ложамъ и вообще, какъ видно, обнаруживалъ вполнѣ здравое современное отношеніе къ религіознымъ ученіямъ. Хромовъ, въ домѣ котораго умеръ Ѳеодоръ Кузьмичъ, причисливъ его къ лику святыхъ, исказилъ его свѣтлую личность своими записками до неузнаваемости, и съ помощію всевозможныхъ странниковъ распространилъ интересныя, только въ изученіи съ психологической стороны натуры самого Хромова, повѣствованія о немъ далеко за предѣлами Сибири.

Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ далеко не такимъ святошею и ханжею, какимъ изображаетъ его въ своихъ запискахъ услужливый Хромовъ.

Получившій несомнѣнно высокое для тогдашняго времени образованіе, движимый гуманными идеями, цѣлями и побужденіями, человѣкъ этотъ, какъ видно, не мало потрудился на вѣку своемъ на пользу дорогому его сердцу отечеству и до самой своей смерти не измѣнилъ своимъ, если можно такъ выразиться, альтруистическимъ убѣжденіямъ.

Изучая жизнь этого старца, невольно приходитъ на мысль: неужели этотъ развитой, съ такимъ богатствомъ знаній и тактичности, человѣкъ не могъ въ то время занять соотвѣтствующее своимъ способностямъ мѣсто и не заявить себя ничѣмъ особеннымъ? Неужели онъ въ цвѣтѣ лѣтъ совершилъ какое-нибудь преступленіе и принужденъ былъ, удалившись отъ міра, бродить по городамъ и селамъ великой имперіи, отыскивая по монастырямъ временный пріютъ и кой-какую пищу?!...

Но, повторяю, если отбросить все прошедшее этого человѣка, т. е. всю его жизнь до прибытія въ предѣлы Сибири, то и тогда онъ заслуживаетъ вѣчной памяти потомства, какъ одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ муравьиныхъ тружениковъ, неутомимо разбрасывающихъ сѣмена гуманныхъ идей въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ нашей великой родины.

Нечего и говорить, какое огромное воспитательное значеніе въ средѣ неразвитой массы народа имѣютъ такіе безкорыстные труженники, подавая примѣръ безупречной жизни и наглядно указывая на способы ея упорядочиванія.

Переходя изъ деревни въ деревню, Ѳеодоръ Кузьмичъ дѣлалъ все, что только можетъ дѣлать хорошо воспитанный и образованный человѣкъ, поставленный въ необходимость жить въ массѣ неразвитаго крестьянскаго населенія. Онъ училъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, знакомилъ съ священнымъ писаніемъ, съ географіею и исторіею и во всемъ этомъ не было ничего тенденціознаго, преувеличеннаго; всѣ свѣдѣнія и поученія, сообщаемыя имъ, всегда отличались правдивостью, глубоко врѣзывались въ головы учениковъ его и сохранились до сихъ поръ. Взрослыхъ онъ увлекалъ религіозными бесѣдами, занимательными разсказами изъ событій отечественной исторіи, въ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, при чемъ, незамѣтно для себя самого, вдавался иногда въ такія мелкія подробности, напримѣръ, въ эпизодахъ войны 1812-го года, что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ, сравнительно развитыхъ, какъ-то: мѣстнаго духовенства и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ ссыльныхъ.

Тонкое пониманіе человѣческой натуры и въ особенности духовной

стороны ея въ связи съ необыкновеннымъ даромъ слова позволяли ему исцѣлять душевные недуги, подмѣчать и указывать слабыя стороны человѣка, угадывая иногда тайныя намѣренія, что въ связи съ его образомъ жизни, умѣньемъ обращаться съ больными, облегчать ихъ страданія и пр., возвысили его въ глазахъ простого народа и возбудили о немъ впослѣдствіи, какъ о великомъ угодникѣ Божіемъ, всевозможные толки далеко за предѣлами его мѣстопребыванія. Кромѣ того, онъ обнаруживалъ не малое знаніе крестьянской жизни, отдавалъ предпочтеніе земледѣльцамъ, дѣлалъ цѣнныя сельско-хозяйственныя указанія относительно выбора и обработки земли, устройства огородовъ и всякаго рода посѣвовъ. Говорилъ о значеніи земледѣльческаго класса въ государственномъ строѣ, знакомилъ крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ уважать власть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низводилъ великихъ государственныхъ дѣятелей до степени обыкновеннаго человѣка.

„И цари, и полководцы, и архіереи — такіе-же люди, какъ и вы,—говорилъ онъ,—только Богу угодно было однихъ надѣлить властью великою, а другимъ предназначилъ жить подъ ихъ постояннымъ покровительствомъ“...

Отношенія его къ окружающимъ вполнѣ гармонировали съ подобнымъ воззрѣніемъ; онъ никогда не отдавалъ предпочтенія званію, и оцѣнивалъ человѣка по его личнымъ качествамъ.

Частная жизнь Ѳеодора Кузьмича отличалась особою строгостью, правильностью и воздержностью. Обстановка всѣхъ его маленькихъ келій указывала на крайнюю неприхотливость самого хозяина. Жесткая постель, двѣ или три скамейки и небольшой столикъ—составляли всю его мебель. Въ правомъ углу висѣло нѣсколько образовъ: Печерской Божіей Матери, маленькій образокъ Александра Невскаго и др.; кромѣ того, онъ вѣшалъ въ этомъ углу нѣкоторыя картинки религіознаго содержанія, приносимыя ему разными странниками, но выбиралъ изъ нихъ только болѣе приличныя и осмысленныя по содержанію, напр., виды монастырей, портреты митрополитовъ и евангельскія притчи. Никакихъ изображеній „страшнаго суда“, „семи смертныхъ грѣховъ“ и имъ подобныхъ у него не было, и это до нѣкоторой степени указываетъ на его умственное развитіе. На столѣ стояло небольшое распятіе, лежало Евангеліе, акаѳистъ Живоначальной Троицѣ, Псалтирь, маленькій кіевопечерскій молитвенникъ и небольшая книжка подъ заглавіемъ „Семь словъ на крестѣ Спасителя“. Никакихъ лубочныхъ изданій и жизнеописаній святыхъ отцовъ онъ не имѣлъ у себя, и отзывался о большинствѣ изъ нихъ какъ о сочиненіяхъ, недостойныхъ серьезнаго вниманія.

По имѣющимся даннымъ можно заключить, что Ѳеодоръ Кузьмичъ имѣлъ обширную переписку съ разными лицами, чрезъ различныхъ странниковъ [1]) и постоянно получалъ всякаго рода свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи, но тщательно скрывалъ отъ постороннихъ чернила и бумагу.

Вставалъ Ѳеодоръ Кузьмичъ очень рано и все свободное время посвящалъ, вѣроятно, молитвѣ. Никто, однако, не видалъ когда онъ молился, потому что дверь его кельи была постоянно заперта; только послѣ смерти колѣни его оказались покрытыми толстыми мозолями, что заставляетъ предполагать продолжительное и усердное стояніе на нихъ.

Пищу онъ принималъ самую скудную; его обѣдъ состоялъ изъ сушеныхъ сухарей, вымоченныхъ въ обыкновенной водѣ, для чего въ кельи его постоянно находился маленькій туисокъ (родъ большой кружки изъ березовой коры,—весьма распространенная по Сибири посуда) и деревянная ложечка. Почитатели Ѳеодора Кузьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а въ особенности по праздникамъ, заваливая пирогами, лепешками и т. п. Старецъ охотно принималъ все это, но, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ онъ выражался, для „гостей" и раздавалъ затѣмъ заходившимъ къ нему бродягамъ и странникамъ. Строго соблюдая посты, онъ никогда, однако, не рисовался этимъ. Однажды, одна изъ его почитательницъ принесла ему жирный пирогъ съ нельмой (вкусная сибирская рыба) и выразила сомнѣніе въ томъ, будетъ-ли онъ его кушать.

„Отчего же не буду — возразилъ ей на это старецъ — я вовсе не такой постникъ, за какого ты принимаешь меня!"

Вообще-же онъ не брезгалъ никакою пищею и приводилъ обыкновенно извѣстное евангельское выраженіе, что всякую предлагаемую пищу слѣдуетъ принимать съ благодарностью; хотя и просилъ постоянно, чтобы ему не приносили никакихъ яствъ, такъ какъ онъ уже давно отвыкъ отъ жирной и сладкой пищи. Ѳеодоръ Кузьмичъ не отказывался даже отъ мяса, но ѣлъ его очень немного, очевидно, только для виду, а въ особенности любилъ жареныя оладьи съ сахаромъ. „Отъ такихъ оладей и самъ-бы царь не отказался!"—говорилъ онъ, когда ему стряпали ихъ.

Навѣщая своихъ любимцевъ, онъ не отказывался ни отъ какого

[1]) Многіе странники и въ наше время, посвятивъ себя бродячей жизни, переходятъ изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, и служатъ для передачи тайной переписки между нѣкоторыми духовными лицами. Нѣкоторыя, даже очень высокопоставленныя, лица принимаютъ у себя такихъ уже извѣстныхъ имъ странниковъ и даютъ имъ иногда кое-какія порученія.

угощенія, охотно пилъ чай, выпивая только два стакана, но до вина никогда не дотрогивался и строго порицалъ пьянство.

У себя въ келіи Ѳеодоръ Кузьмичъ принималъ всѣхъ приходящихъ къ нему за совѣтами и рѣдко отказывалъ кому-нибудь въ пріемѣ. Денегъ онъ ни съ кого никогда не бралъ и не имѣлъ ихъ у себя. Всякаго рода совѣты давалъ, разумѣется, безвозмездно и разговаривалъ съ незнакомыми всегда стоя или прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, держа обыкновенно руки на бедрахъ или придерживая одною изъ нихъ грудь [1]). Съ нѣкоторыми, въ особенности съ бродягами [2]) и странниками, бесѣдовалъ иногда подолгу, а иныхъ оставлялъ ночевать у себя. Церковную службу Ѳеодоръ Кузьмичъ посѣщалъ очень аккуратно, всегда становился на правой сторонѣ поближе къ двери. У себя въ селѣ, не смотря на свою религіозность, онъ никогда не ходилъ къ исповѣди и причастію, чѣмъ и возбудилъ было къ себѣ негодованіе мѣстнаго духовенства. На неоднократныя предложенія священника причаститься, онъ отвѣчалъ обыкновенно:

„Господь удостоилъ меня принимать эту пищу!“

Впослѣдствіи-же оказалось, что у Ѳеодора Кузьмича былъ постоянный духовникъ—протоіерей Красноярской кладбищенской церкви отецъ Петръ, человѣкъ очень хорошей жизни, получившій хорошее образованіе, горячо любимый своею паствою. Священникъ этотъ заѣзжалъ къ старцу раза два — три въ году, иногда подолгу оставался у него, бесѣдовалъ о немъ съ крестьянами и уговаривалъ ихъ относиться къ старцу съ особеннымъ уваженіемъ, такъ какъ это былъ, по его словамъ, „великій угодникъ Божій“. Его личныя отношенія къ Ѳеодору Кузьмичу ограничивались единственно принятіемъ отъ него исповѣди [3]).

---

[1]) Указываю на такія подробности потому, что группировка такихъ мелочей можетъ, до нѣкоторой степени, выяснить принадлежность его къ извѣстному сословію, напр. въ этомъ случаѣ—къ военному.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что слово „бродяга“ не звучитъ диссонансомъ въ средѣ мѣстнаго населенія въ Сибири. Классъ этотъ, заключая въ себѣ людей различныхъ сословій, вызываетъ со стороны многихъ большое сочувствіе. Между бродягами попадаются люди даже весьма порядочные, такъ или иначе поставленные въ необходимость забывать свое происхожденіе; всѣ они имѣютъ свою длинную, занимательную исторію, полную трагизма или до невѣроятности несправедливыхъ ударовъ судьбы, наконецъ, между ними есть люди дѣйствительно преступные, раскаявшіеся, люди съ оригинальнымъ складомъ ума, полупомѣшанные и т. п.

[3]) Протоіерей Красноярской кладбищенской церкви, отецъ Петръ Поповъ, впослѣдствіи красноярскій епископъ Павелъ, † въ Красноярскѣ, въ 1880 г.

Разсказываютъ, что мѣстный священникъ, не видя его у себя на духу, первое время относился къ нему очень недружелюбно, предостерегая крестьянъ и совѣтуя имъ держаться подальше отъ старца-раскольника. Однажды, выведенный изъ терпѣнья хладнокровіемъ и упорствомъ, съ которымъ Ѳеодоръ Кузьмичъ отказывался принять отъ него причастіе, священникъ назвалъ его при всемъ народѣ „безбожникомъ". Въ тотъ-же день священникъ этотъ почувствовалъ себя очень плохо и къ вечеру слегъ въ постель. Призванный изъ Ачинска врачъ объявилъ его безнадежнымъ. Тогда, по совѣту односельчанъ, семейство священника обратилось къ Ѳеодору Кузьмичу и со слезами стало просить его помочь ихъ горю. Старецъ, осмотрѣвъ больнаго, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, какъ нужно относиться къ людямъ, которые никому не дѣлаютъ никакого зла и какъ осторожно слѣдуетъ дѣлать заключенія и произносить надъ людьми приговоры, и объявилъ, что больной скоро поправится. Чрезъ нѣсколько времени ему, дѣйствительно, сдѣлалось лучше и старецъ пріобрѣлъ въ немъ съ того времени искренняго почитателя.

По большимъ праздникамъ, послѣ обѣдни, Ѳеодоръ Кузьмичъ заходилъ обыкновенно къ двумъ старушкамъ, Маріи и Марѳѣ, и пилъ у нихъ чай [1]). Въ день Александра Невскаго въ этомъ домѣ приготовлялись для него пироги и другія деревенскія яства. Старецъ проводилъ у нихъ все послѣ-обѣденное время и вообще, по сообщеніямъ знавшихъ его, весь этотъ день былъ необыкновенно веселъ, вспоминалъ о Петербургѣ, и въ этихъ воспоминаніяхъ проглядывало нѣчто для него родное и задушевное.—„Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ, разсказывалъ онъ, стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе и общая радость наполняла сердца человѣческія..."

Вообще знаніе петербургской придворной жизни и этикета, а также событій начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтія онъ обнаруживалъ необычайное; зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и высказывалъ иногда довольно вѣрныя характеристики ихъ. Съ большимъ благоговѣніемъ отзывался онъ о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Разсказывалъ объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, о его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Про Кутузова говорилъ, что онъ былъ великій

---

[1]) Старушки эти, Марія и Марфа, нынѣ умершія, жили ранѣе около Печерскаго монастыря, Новг. губ., между Изборскомъ и Псковомъ, занимаясь огородничествомъ. Сосланныя въ Сибирь своими господами (кѣмъ именно — неизвѣстно) за какую-то провинность, пришли со старцемъ въ одной партіи.

полководецъ и Александръ завидовалъ ему. Всѣ подобныя воспоминанія и сужденія о людяхъ имѣли характеръ, если можно такъ выразиться, какой-то объективный, въ силу чего неразвитой народъ приписывалъ ему какую-то возвышенную способность смотрѣть на вещи съ какой-то необыкновенной, непонятной для нихъ точки зрѣнія. Замѣчательно, что Ѳеодоръ Кузьмичъ никогда не упоминалъ объ императорѣ Павлѣ I и не касался характеристики Александра Павловича. Только событія, тѣсно связанныя съ именемъ этого императора, неизбѣжно должны были вызывать въ немъ нѣкоторыя сужденія. „Когда французы подходили къ Москвѣ, разсказывалъ Ѳеодоръ Кузьмичъ,—императоръ Александръ припалъ къ мощамъ Сергія Радонежскаго и долго со слезами молился этому угоднику. Въ это время онъ услышалъ, какъ будто-бы внутренній голосъ сказалъ ему: „Иди, Александръ, дай полную волю Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать изъ Москвы французовъ!... Какъ Фараонъ погрязъ въ Чермномъ морѣ, такъ и французы на Березовой рѣкѣ". „Когда Александръ, разсказывалъ въ другой разъ старецъ, ѣхалъ изъ Парижа, купцы устилали дорогу сукномъ, а купчихи [1]) разными богатыми шалями, и ему это очень понравилось". Подобныхъ разсказовъ сохранилось не мало въ народной памяти.

Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ въ деревнѣ Зерцалахъ жилъ другой богомольный сподвижникъ, старецъ Даніилъ († 1843 г., въ Енисейскѣ), изъ сосланныхъ солдатъ, пользовавшійся также всеобщимъ уваженіемъ. Ѳеодоръ Кузьмичъ нерѣдко заходилъ, въ бытность Даніила въ Зерцалахъ, въ эту деревню, но, какъ говорятъ, никогда не встрѣчался съ нимъ и не имѣлъ съ Даніиломъ ничего общаго. Послѣ смерти этого старца, крестьяне деревни Зерцалъ, предполагая въ Даніилѣ великаго угодника Божьяго, выстроили на томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ и молился старецъ, маленькую часовню, а черезъ нѣсколько лѣтъ соорудили, вмѣсто нея, церковь. Ѳеодоръ Кузьмичъ заботливо посѣщалъ эту часовню и старался не заглушать въ народѣ добрую память о Даніилѣ. Когда ему показали печатное жизнеописаніе Даніила, онъ выразился такимъ образомъ:

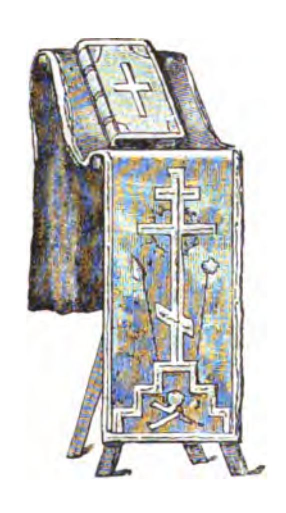
„Даніилъ былъ человѣкъ святой жизни и рѣдко кто могъ понимать его; книжка-же эта составлена (не по разуму) нехорошо и неумѣло". Впослѣдствіи, когда какой-то священникъ назвалъ Ѳеодора Кузьмича ученикомъ Даніила, онъ возразилъ на это: „Даніилъ не имѣлъ учениковъ, да и не могъ никого учить, потому что онъ былъ малообразованъ и едва грамотенъ!"

---

[1]) Вдова Маріанна Ивановна Ткачева.

Оставляя въ 1857 году навсегда селеніе Зерцалы, Θеодоръ Кузьмичъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню образъ Печерской Божіей Матери и Евангеліе. Въ день отъѣзда пригласилъ нѣсколько крестьянъ въ часовню и, по окончаніи молебна, поставилъ въ эту часовню раскрашенный разноцвѣтными красками вензель, изображавшій букву А, съ короною надъ нею и летящимъ голубкомъ, вмѣсто перечерка.

„Храните этотъ вензель пуще своего глаза“, сказалъ онъ при этомъ зерцаловскимъ крестьянамъ—и буква эта до сихъ поръ хранится въ часовнѣ, помѣщаясь за поставленнымъ Θеодоромъ Кузьмичемъ образомъ Печерской Божіей Матери.



II.

Во все время пребыванія Ѳеодора Кузьмича на пасѣкѣ Латышева 1848—1851 гг., народъ цѣлыми толпами осаждалъ его со всевозможными просьбами. У одного заболѣетъ корова, у другаго пропала лошадь, у третьяго приключилось еще какое-нибудь несчастіе и старецъ съ большою охотою надѣлялъ каждаго своимисовѣтами.

Замѣтивъ, что слухи о немъ распространяются все далѣе и далѣе, привлекая несмѣтныя полчища всякаго люда, иногда даже изъ простаго любопытства посмотрѣть на удивительнаго старца, Ѳеодоръ Кузьмичъ однажды, не сказавши никому, кромѣ Латышева, скрылся въ тайгу и, побродивши въ ней нѣсколько времени, выбралъ себѣ около деревни Коробейниковой, находящейся верстахъ въ 10-ти отъ Краснорѣченска къ сѣверу, въ самой тайгѣ, удобное мѣстечко и попросилъ Латышева перевести туда свою келью.

Мало по малу народъ узналъ, однако, новое мѣстопребываніе своего любимаго старца и снова началъ осаждать его разными просьбами. Не находя, очевидно, никакого другаго исхода и требуя соотвѣтствующаго лѣтамъ своимъ покоя, Ѳеодоръ Кузьмичъ сталъ чаще запирать свою келью и впускать въ нее только нѣкоторыхъ, большинству-же сталъ или вовсе отказывать въ пріемѣ или принималъ и разговаривалъ съ посѣтителями на улицѣ; въ этотъ періодъ времени онъ иногда по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ своей кельи и совершенно уже не показывался посѣтителямъ.

Проживши около Коробейниковъ три года (1851—1854 гг.) онъ снова переѣхалъ на Красную рѣчку, причемъ Латышевъ устроилъ ему въ сторонѣ отъ дороги, въ самой горѣ, надъ обрывомъ, въ густомъ кустарникѣ, новую келійку. Эта келійка была послѣднею его хижиною въ этой мѣстности. Здѣсь онъ продолжалъ вести такую-же затворническую жизнь и только рѣже сталъ посѣщать сосѣднія деревни. Очевидно, разшатанное здоровье его не позволяло ему уже совершать далекихъ прогулокъ и отнимало возможность работать физически. Окруженный истинными почитателями, старецъ, повидимому, тяготился пріобрѣтенною имъ популярностію и всячески старался укрываться отъ новыхъ посѣтителей. Особеннымъ расположеніемъ его пользовались только немногіе. Изъ крестьянъ онъ въ особенности любилъ бывшаго своего хозяина въ Зерцалахъ

Ивана Иванова, казака Симона Николаева Сидорова, крестьянина деревни Коробейниковой—Ивана Яковлева Коробейникова, жену его Θеклу Степанову и въ особенности маленькую дочь ихъ Θеоктисту, затѣмъ Ивана Гаврилова Латышева, сына его Архипа Иванова, крестьянина Ачинскаго округа деревни Мазули Ивана Θедотова Ерлыкова, дочь его Марью Иванову и маленькаго сына, котораго, между прочимъ, выучилъ въ 3 мѣсяца грамотѣ. Изъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ въ это время лучшимъ его другомъ былъ преосвященный Афанасій Иркутскій, неоднократно заѣзжавшій къ нему изъ Иркутска, останавливаясь иногда въ его кельѣ по нѣскольку дней сряду, и затѣмъ протоіерей о. Петръ, какъ сказано выше, духовникъ его.

Лучшимъ, однако, другомъ его, или, лучше сказать, единственный человѣкъ, котораго онъ окружалъ особою отеческою заботливостью, обращаясь съ нимъ какъ съ роднымъ дѣтищемъ, была одна молодая дѣвушка, дочь бѣднаго краснорѣченскаго крестьянина Александра Никифоровна, извѣстная теперь всему Томску подъ именемъ „Майорши“ Θедоровой. Жизнь и судьба этой, теперь уже 60-ти-лѣтней, женщины, тѣсно связанная съ жизнью обожаемаго ею старца, представляетъ сама по себѣ не малый интересъ, поднимая нѣсколько завѣсы подвижнической жизни и закулисной стороны тогдашней эпохи. Съ разрѣшенія этой простой, но доброй, всѣми уважаемой женщины, я позволю себѣ познакомить съ ея судьбою читателя.

Александра Никифоровна родилась въ 1827 году, въ селѣ Краснорѣченскомъ и, рано лишившись родителей, попала подъ покровительство мѣстнаго священника, о. Поликарпа. Находясь постоянно при церкви, подъ непосредственнымъ вліяніемъ священно-церковнослужителей, она скоро стала очень религіозной, а природный умъ, мягкое сердце и необыкновенная отзывчивость съ самыхъ раннихъ лѣтъ требовала всецѣло отдаться служенію на пользу ближняго. Ей было около 12 лѣтъ, когда она первый разъ увидала необыкновеннаго старца Θеодора Кузьмича. Толки о его строгой подвижнической жизни, чудодѣйственной силѣ, величественная фигура, общее къ нему уваженіе—какъ-то невольно заставляли ее смотрѣть на него, какъ на нѣчто высокое, таинственное и недосягаемое. Мало по малу чувство это перешло въ слѣпое, безсознательное почитаніе, и дѣтское любопытство возбудило желаніе поближе познакомиться съ нимъ. Нерѣдко видѣла она Θеодора Кузьмича работавшимъ въ огородѣ, вмѣстѣ съ крестьянскими дѣвушками, или окруженнаго толпою крестьянъ, внимательно слушавшихъ его поучительныя

бесѣды, и каждый разъ непреодолимая сила влекла ее къ нему поближе, ей хотѣлось послушать этого добраго старика, сдѣлать ему какое-нибудь удовольствіе или просто поболтать и приласкаться къ нему, но братья не пускали ее, говоря: „Нечего тебѣ безпокоить его, онъ съ тобой и говорить не будетъ".

Проходя какъ-то изъ лѣсу съ корзиночкою брусницы мимо сосѣдняго огорода, увидала она въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя копающаго картофель старца и не утерпѣла, быстро перепрыгнувъ черезъ заплотъ, она подбѣжала къ нему и, какъ она разсказывала съ какимъ-то затаеннымъ сердечнымъ трепетомъ протянула ему свою корзиночку съ словами:

„Не хочешь-ли, дѣдушка, ягодокъ?"

Старичекъ тотчасъ поднялъ голову, подошелъ къ смѣлой дѣвочкѣ и въ добрыхъ глазахъ показались слезы умиленія; онъ наклонился къ ней, взялъ обѣими руками ее головку и поцѣловалъ въ лобикъ.

„Спасибо, миленькая . . . развѣ ты не боишься подходить ко мнѣ, вѣдь тебя за это бранить будутъ"...

—„Пускай бранятъ, дѣдушка, я васъ полюбила, ягодокъ принесла, я давно хотѣла убѣжать къ вамъ, да все боялась, говорила, ласкаясь, къ нему дѣвочка".

Старикъ опять поцѣловалъ ее въ лобикъ, приласкалъ ее и велѣлъ приходить къ жившимъ на заводѣ двумъ сосланнымъ старушкамъ Аннѣ и Марфѣ, у которыхъ онъ бывалъ довольно часто.— Съ этихъ поръ Александра Никифоровна безотчетно отдалась доброму старичку и сдѣлалась его первою любимицею. Цѣлые дни проводила она у него, исполняя его порученія, сопровождала его во время прогулокъ, чинила его платье, а впослѣдствіи, когда старецъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Зерцалахъ, навѣщала его и тамъ почти ежедневно, ночуя около его кельи и всевозможными способами оказывала ему свое расположеніе.—Разсказы о жизни въ Россіи, о святыхъ мѣстахъ, монастыряхъ, великихъ подвижникахъ и богатствахъ лавръ совершенно вскружили голову молодой дѣвушкѣ. Ѳеодоръ Кузьмичъ зналъ рѣшительно всѣ монастыри и лавры и разсказывалъ о нихъ съ такими подробностями и такъ увлекательно, что Александра Никифоровна во что-бы то ни стало порѣшила въ своемъ умѣ отправиться странствовать по Россіи. Родные братья ни за что не хотѣли отпускать ее изъ родной семьи и чтобы измѣнить ее намѣреніе, стали подыскивать ей подходящую партію. Настроенная на лигіозный ладъ, она наотрѣзъ отказалась отъ мысли о замужествѣ. Ѳеодоръ Кузьмичъ оказалъ ей въ этомъ отношеніи немалую поддержку:

„Погоди, говоритъ онъ ей, успѣешь еще выйти замужъ, тебѣ негодятся эти женихи, ты непремѣнно выйдешь замужъ за какого-нибудь офицера.

Дѣвушка, привыкшая безпрекословно повиноваться своему покровителю, еще болѣе утвердилась въ своихъ намѣреніяхъ и воодушевляемая разсказами старца, однажды категорически заявила о своемъ неизмѣнномъ желаніи отправиться къ святымъ мѣстамъ на богомолье; тогда ей уже было болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

Өеодоръ Кузьмичъ составилъ ей подробный планъ путешествія, онъ отмѣтилъ монастыри, въ которыхъ она должна побывать во время своего странствованія, указалъ на лицъ, гостепріимно принимающихъ странниковъ, надѣлилъ всевозможными совѣтами и въ 1849 году благословилъ свою любимицу на дальнее странствованіе... Какъ-бы мнѣ увидать въ Россіи царя, спрашивала Александра Никифоровна старца Өеодора Кузьмича, собираясь въ дорогу и распрашивая его о разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ.

„А развѣ тебѣ хочется видѣть царя?"

—„Какъ-же, батюшка, не хочется, все говорятъ царь,—царь, а какой онъ изъ себя—и не знаешь".

„Погоди, задумчиво замѣтилъ ей на это старецъ, можетъ быть и не одного царя на своемъ вѣку увидать придется, Богъ дастъ и разговаривать еще съ нимъ будешь и увидишь тогда какіе цари бываютъ".

Много пришлось Александрѣ Никифоровнѣ испытать разныхъ передрягъ и дорожныхъ приключеній, прежде чѣмъ она добралась, наконецъ, до Почаевскаго монастыря, гдѣ, по указанію Өеодора Кузьмича, должна была встрѣтить какую-то „добрую и гостепріимную графиню".

Разспросивъ кое-кого изъ мѣстныхъ жителей, бойкая дѣвушка очень скоро отыскала эту графиню и, заинтересовавъ ее своимъ грандіознымъ странствованіемъ въ такія молодыя лѣта, расположила къ себѣ добрую женщину. Графиня эта, какъ оказалась впослѣдствіи, была жена извѣстнаго въ свое время богомольца графа Димитрія Ероөеевича Остенъ-Сакена.

Проживши нѣсколько дней въ Почаевскомъ монастырѣ, Александра Никифоровна вмѣстѣ съ графинею Остенъ-Сакенъ отправилась въ Кременчугъ, гдѣ Остенъ-Сакенъ жилъ въ это время со всѣмъ семействомъ и лѣчился отъ полученной имъ въ Венгріи раны. Графъ и его семейство съ большимъ радушіемъ приняли молодую странницу и съ любопытствомъ распрашивали ее о сибирской жизни и вскорѣ она пріобрѣла себѣ въ этомъ домѣ общую

любовь, и гостепріимные хозяева уговорили ее погостить у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сибирскую гостью угощали чѣмъ могли, и общество, собиравшееся у графа, забавлялось ея безхитростными повѣствованіями. Въ это время, то есть осенью 1849 года, въ Кременчугъ прибылъ императоръ Николай Павловичъ и остановился въ домѣ графа Остенъ-Сакена. Цѣлыя сутки Александра Никифоровна провела подъ одною кровлею съ своимъ царемъ при самомъ добродушномъ его къ ней отношеніи. Государь, очевидно, заинтересовался молодою богомолкою и возможностью познакомиться, благодаря ея еще дѣтской наивности, съ жизненною обстановкою крестьянъ далекаго уголка своего государства и закидывалъ ее всякаго рода вопросами: „И сколько у нихъ попъ за свадьбы беретъ, и какъ себя дѣвушки ведутъ!—разсказывала она—и чѣмъ народъ занимается, и что ѣстъ, и многое кое о чемъ распрашивалъ, и все я ему съ проста-то поразсказывала, а они (то есть государь и графъ) слушаютъ, да смѣются. „Вотъ, говоритъ государь Остенъ Сакену, какая у тебя смѣлая гостья-то пріѣхала".—„А чего-же мнѣ, говорю, бояться-то, со мной Богъ, да святыми молитвами великій старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, а вы всѣ такіе добрые, ишь какъ меня угощаете" [1]).

Уѣзжая, императоръ Николай Павловичъ приказалъ Сакену дать Александрѣ Никифоровнѣ записку-пропускъ, сказавъ ей: „если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи ту записку и нигдѣ не задержатъ,—разсказала-бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ, присовокупивъ: если тебѣ въ чемъ будетъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду"! (Записку она отъ Сакена получила, но въ ней надобности не имѣла).

Проживъ около трехъ мѣсяцевъ въ домѣ графа Остенъ-Сакена и посѣтивъ нѣкоторые затѣмъ сосѣдніе монастыри, Александра Никифоровна, въ 1852 году, воротилась на родину. Со слезами на глазахъ разсказываетъ она свое свиданіе съ ожидавшимъ ее съ нетерпѣніемъ старцемъ. Долго обнималъ меня Ѳеодоръ Кузьмичъ, прежде чѣмъ приступилъ ко мнѣ съ распросами о моихъ странствованіяхъ, и все-то я разсказала ему, гдѣ была, что видѣла и съ кѣмъ разговаривала; слушалъ онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ разспрашивалъ подробно, а потомъ сильно и задумался; смотрѣла, смотрѣла я на него, разсказываетъ дальше Александра Никифоровна, да и говорю ему спроста: „Батюшка Ѳеодоръ Кузьмичъ! Какъ вы на императора Александра Павловича похожи! Какъ я

---

[1]) Графъ только улыбнулся, а Николай Павловичъ какъ-бы насупился.

только это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурились, да строго такъ на меня. „А ты почемъ знаешь? Кто это тебя научилъ такъ сказать мнѣ?“ Я и испугалась.—„Никто, говорю, батюшка,—это я такъ спроста сказала, я видѣла во весь ростъ портретъ императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и также руку держите, какъ онъ!“ Ничего не сказалъ ей на это старецъ, повернулся только и вышелъ въ другую комнатку и, какъ она увидѣла, обтеръ рукавомъ своей рубашки полившіяся изъ глазъ его слезы“...

Далѣе исторія Александры Никифоровны принимаетъ уже совершенно сказочный характеръ, напоминая собою сверхъ-естественныя приключенія героевъ тысячи и одной ночи. Тѣмъ не менѣе, достовѣрность дальнѣйшихъ событій вполнѣ подтверждается неопровержимыми фактами и заставляетъ только удивляться съ такими, однако, обстоятельствами наводя на различныя размышленія: около 5 лѣтъ прожила она возлѣ старца, продолжая по прежнему окружать его нѣжною и безкорыстною заботливостію. Въ свою очередь, и старецъ отдавалъ ей предпочтеніе предъ всѣми другими дѣвушками, слѣдя за ней, какъ за родною дочерью, и руководилъ всѣми ея поступками. Это было нѣчто въ родѣ идеальной любви убѣленнаго сѣдинами старца къ молодой и цвѣтущей незапятнанной людскими дрязгами дѣвушки.

— „Погоди, успѣешь еще выйти замужъ, говорилъ онъ ей неоднократно, когда она сообщала ему о безпрестанно повторяющихся предложеніяхъ со стороны молодежи той деревни, гдѣ она жила. За твою доброту Богъ не оставитъ тебя и царь позаботится наградить тебя за твое обо мнѣ попеченіе“. То же самое говорилъ онъ и моимъ братьямъ: „Не трогайте ее, она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ, самъ царь наградитъ ее своею казною“.

Въ концѣ 1857 года Ѳеодоръ Кузьмичъ снова вызываетъ въ ней желаніе отправиться на богомолье въ Россію, снова указываетъ ей на мѣста, гдѣ она можетъ ожидать для себя особаго гостепріимства и помощи и въ особенности упиралъ на то, чтобы она побывала въ Кіево-Печерской лаврѣ.

— „Есть тамъ, говорилъ онъ ей, такъ называемыя пещеры, и живетъ въ этихъ пещерахъ великій подвижникъ старецъ Парфеній (умеръ 1864 года) и еще одинъ старецъ Аѳанасій; живутъ они: одинъ въ дальнихъ, а другой въ ближнихъ пещерахъ, отыщи ихъ ты непремѣнно, попроси ихъ помолиться за тебя, разскажи

имъ о житьѣ своемъ. Въ особенности не забудь побывать у Парфенія. Если онъ спроситъ тебя, зачѣмъ ты пришла къ нему, скажи, что просить его благословенія, ходила по святымъ мѣстамъ и пришла изъ Красной рѣчки; что-бы ни спрашивалъ онъ тебя, говори ему чистую правду, потому что великій это подвижникъ и угодникъ Божій. А что, Сашенька, ты меня не боишься?"

„Что-же мнѣ васъ бояться-то, Ѳеодоръ Кузьмичъ, вѣдь вы ласковы ко мнѣ всегда были, да и другихъ-то никого не обижаете!"

— Это только теперь я съ тобою такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, навѣрное, испугалась-бы меня!

Въ тотъ разъ много говорилъ о Петербургѣ, царѣ и войнахъ, которыя такъ губятъ безвинный народъ!

Не стану описывать подробностей этого странствованія, замѣчу только, что всѣ, на кого указывалъ ей Ѳеодоръ Кузьмичъ, принимали ее съ особеннымъ гостепріимствомъ, указывали дальнѣйшій путь и безопасные пріюты и ограждали отъ различныхъ случайностей. Въ Петербургѣ чрезъ генерала (фамилію его она забыла) ей пришлось проѣхаться въ Валаамъ на одномъ пароходѣ съ покойною императрицею Маріею Александровною, которая, узнавъ отъ своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала о Сибири.

Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій добралась она и до Кіева. Отстоявъ утреню и обѣдню въ лаврѣ, отправилась она въ скитъ и отыскала старца Парфенія. Схимникъ встрѣтилъ ее очень сурово, но узнавъ откуда она, обласкалъ и благословилъ ее.

— „Зачѣмъ тебѣ мое благословеніе, замѣтилъ онъ ей,—когда у васъ на Красной рѣчкѣ есть великій подвижникъ и угодникъ Божій! Онъ будетъ столпомъ отъ земли до неба!"

Послѣ этихъ словъ, о. Парфеній долго разспрашивалъ ее объ ея странствованіяхъ, намѣреніяхъ и жизни въ Сибири, а затѣмъ спросилъ долго-ли она думаетъ оставаться въ Кіевѣ? Получивъ отвѣтъ, что желаніе ея заключается въ томъ, чтобы поскорѣе добраться до родины, онъ сказалъ ей:

„Нечего тебѣ дѣлать въ Сибири, оставайся здѣсь, поговѣй у меня, а когда причастишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда отправиться".

Исполнивъ его приказаніе, Александра Никифоровна пришла къ нему за совѣтомъ.

„Если кто-нибудь будетъ звать тебя въ Почаевъ, то поѣзжай туда, сказалъ ей о. Парфеній,—и приходи ко мнѣ, я благословлю тебя".

— „Но, вѣдь, я уже была тамъ", замѣтила Александра Никифоровна.

„Все равно, поѣзжай!“

Грустно и страшно сдѣлалось Александрѣ Никифоровнѣ, однако, она не рѣшалась ослушаться. На другой день долго и горячо молилась она за обѣднею, слезы такъ и лились изъ глазъ ея.

Народъ уже выходилъ изъ церкви, когда она встала съ колѣнъ и оставила свою молитву. Смотритъ, въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ стоитъ какой-то пожилой офицеръ и пристально на нее смотритъ. Александрѣ Никифоровнѣ стало неловко.

Вдругъ офицеръ обращается къ ней и спрашиваетъ:

— „О чемъ вы такъ горько плакали?“

„Не знаю, куда идти, отвѣчала я ему: — хочется воротиться домой, а старецъ Парфеній совѣтуетъ отправиться въ Почаевъ!“

— „Поѣдемте вмѣстѣ въ Почаевъ, я тоже туда ѣду, а теперь пойдемте ко мнѣ чай кушать“.

Александра Никифоровна еще болѣе растерялась.

„А вы семейные?“ спрашиваетъ она въ замѣшательствѣ.

— „Да, у меня большое семейство, говоритъ офицеръ, замѣтивъ ея замѣшательство,—не бойтесь, у меня останавливаются разныя странницы, меня здѣсь всѣ знаютъ—я маіоръ Ѳедоровъ“.

Войдя въ домъ маіора, она тотчасъ увидѣла все его семейство, это была цѣлая толпа разныхъ странницъ и странниковъ. Вся квартира представляла нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома. Здѣсь находили пріютъ и даровое угощеніе многіе богомольцы и Александра Никифоровна почувствовала себя сразу, какъ у себя дома. Маіоръ Ѳедоровъ провелъ ее въ свои комнаты и позаботился накормить ее какъ можно получше. Дня черезъ два маіоръ собрался ѣхать въ Почаевъ. Александру Никифоровну очень безпокоила мысль, что она не имѣетъ паспорта, потому что старому срокъ давно уже истекъ, родные ея, требуя домой, не высылали нарочно новаго, а потому она и объяснила все это благодѣтелю своему.

— „Я вашъ паспортъ, отвѣтилъ ей маіоръ. — Со мной можете быть совершенно спокойны, васъ никто не обидитъ. Поѣдемте!“

По прибытіи въ Почаевъ, по совѣту маіора, Александра Никифоровна остановилась у двухъ старушекъ, ему знакомыхъ. На другой день, послѣ обѣдни, приходитъ какой-то и проситъ Александру Никифоровну пожаловать къ преосвященному Исидору (экзархъ Грузіи. архіепископъ тифлисскій, онъ пріѣзжалъ въ Почаевъ и живалъ тамъ по нѣскольку недѣль).

„Зачѣмъ я къ нему пойду, вѣдь преосвященный меня не знаетъ, не обманъ-ли это какой“, а потому и отказалась отъ приглашенія.

Чрезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго, тогда, скрѣпя сердце и недоумѣвая, отправилась Александра Никифоровна къ нему.

Преосвященный тотчасъ-же принялъ ее очень радушно, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофею и закидалъ ее разными вопросами.

— „Какъ это вы не боитесь, сказалъ онъ ей, между прочимъ, въ такихъ лѣтахъ (ей было тогда 32 года) пускаться въ такое дальнее странствованіе, мой совѣтъ: выходите-ка вы лучше замужъ, а я вамъ отыщу жениха хорошаго".

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архіерея набожную странницу. Преосвященный позвонилъ и велѣлъ пригласить дожидавшагося у него въ кабинетѣ маіора Ѳедорова:

„Вотъ, сказалъ преосвященный, вы очень понравились маіору Ѳедору Ивановичу и онъ непремѣнно хочетъ просить руки вашей. Мой отеческій совѣтъ—не отказывайтесь".

Преосвященный Исидоръ отъ себя вытребовалъ изъ Красной рѣчки ея метрику и Александра Никифоровна вышла замужъ за маіора Ѳедора Ивановича Ѳедорова.

Проживши въ Кіевѣ съ мужемъ пять лѣтъ, уже вышедшимъ въ отставку, она овдовѣла и воротилась на родину, а теперь проживаетъ въ городѣ Томскѣ, получая пожизненную пенсію—сто пятьдесятъ рублей въ годъ.

„Вотъ, замѣтила она, и сбылось предсказаніе старца Ѳеодора Кузьмича, который говорилъ: „Погоди, самъ царь наградитъ тебя своею казною за твою доброту и попеченіе обо мнѣ". Теперь я вдова, получаю пенсію и живу какъ мнѣ хочется".

Александра Никифоровна, по возвращеніи на родину, не застала въ живыхъ старца Ѳеодора Кузьмича; онъ въ ея отсутствіе переѣхалъ на житье въ городъ Томскъ, къ купцу Хромову, сначала въ домъ, а потомъ во вновь выстроенную для него келью. Тѣло старца похоронено при Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ, куда она почти ежедневно приходила послѣ церковной службы, на его могилку, и всякій разъ возносила молитвы ко Господу со слезами объ упокоеніи его души и молилась ему, считая его за великаго угодника Божьяго.

Въ послѣдніе годы пребыванія Ѳеодора Кузьмича на Красной рѣчкѣ, пріѣхала погостить къ какимъ-то своимъ знакомымъ изъ Красноярска очень богатая женщина, жена генерала Картухова, Анна Васильевна, женщина очень богомольная и набожная. Увидя старца и побесѣдовавъ съ нимъ, она совершенно очаровалась его

рѣчами и, во все пребываніе свое въ Краснорѣчинскѣ, не упускала ни одного случая побесѣдовать и чѣмъ-нибудь порадовать старца. Уѣзжая, она предложила ему переѣхать въ Красноярскъ, обѣщаясь окружить лучшими удобствами, чѣмъ онъ пользуется, и снабдить всѣмъ необходимымъ. Однако, Ѳедоръ Кузьмичъ наотрѣзъ отказался отъ какихъ-бы то ни было вспомоществованій и принялъ отъ нея только черный халатикъ изъ грубой матеріи, такъ какъ его халатъ давно износился до негодности, и носилъ этотъ халатъ до самой своей смерти.

Сильное впечатлѣніе произвелъ старецъ на красноярскаго священника Рачкова, который сразу, послѣ перваго разговора съ нимъ, призналъ его за великаго Божьяго угодника, обладавшаго необыкновенными познаніями, и на іеромонаха Израиля, прибывшаго изъ Аѳона за сборомъ подаяній, который вышелъ отъ Ѳедора Кузьмича съ рыданіями, разсказывая потомъ, что, не смотря на его далекія и многолѣтнія странствованія, такого великаго человѣка ему приходится видѣть въ первый разъ въ жизни.

Въ тотъ годъ, когда Александра Никифоровна отправилась второй разъ въ Россію на богомолье (1852 г.), старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ жилъ въ Краснорѣчинскѣ. Къ нему, однажды, пріѣхалъ томскій купецъ Семенъ Ѳеофантьевичъ Хромовъ, наслышавшись отъ отца Парфенія Аѳонскаго, который послѣ былъ гуслицкимъ игуменомъ. Подходя къ кельѣ, произнесъ громко обыкновенную молитву, какая принята между монашествующими лицами; дверь была не заперта; Ѳеодоръ Кузьмичъ спросилъ Хромова, откуда ѣдетъ. Отвѣтилъ ему, что ѣдетъ по дѣламъ золотопромышленности — „Охота тебѣ заниматься этимъ промысломъ и безъ него Богъ питаетъ тебя", — и затѣмъ старецъ дѣлалъ ему наставленія, какъ жить слѣдуетъ всякому христіанину, не заботиться о насущномъ хлѣбѣ, а болѣе думать о будущей жизни: „И пока владѣешь пріисками, то не обиралъ-бы рабочихъ". Хромову очень полюбился старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, а потому онъ всякій разъ, когда бывалъ въ той мѣстности, то считалъ своею священною обязанностію повидать такого благочестиваго старца и послушать его поученій; неотвязчивая мысль засѣла въ его головѣ уговорить старца переселиться къ нему на постоянное жительство. Съ этою мыслію онъ не разставался, повѣдалъ своей женѣ и порѣшили выстроить на своей заимкѣ, что въ 4-хъ верстахъ отъ города Томска, отдѣльную келію, гдѣ-бы о. Ѳеодору было покойно и уютно. Радостный для него день насталъ: старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ согласился и пріѣхалъ къ нему 31-го октября 1858 года.

Въ 1859 году старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ заболѣлъ довольно серьезно, тогда Хромовъ обратился къ нему съ вопросомъ—не откроетъ-ли онъ ему кто онъ?

„Нѣтъ, это не можетъ быть открыто никогда, объ этомъ меня просили преосвященный Иннокентій и Афанасій, и я имъ то-же сказалъ, что говорю тебѣ, панокъ".

Однажды, жена Хромова пріѣхала на заимку къ старцу и, войдя къ нему въ келію, увидѣла, что онъ сидитъ на лежаикѣ. Подозрѣвая кто онъ, ей стало грустно, что въ ту минуту представлялъ изъ себя старецъ, далеко отъ всѣхъ, какъ-бы забытый міромъ, и несетъ добровольно такой крестъ и смиреніе. Вдругъ старецъ обращается къ ней и говоритъ:

„Полно, любезная, это воля Божія"; немного помолчавъ, добавилъ: „Да, любезная, кто былъ, гдѣ былъ, и очутился здѣсь у васъ на полянкѣ". Иногда старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ любилъ койчто разсказывать и Хромову; вотъ, между прочимъ, что онъ ему повѣдалъ:

— „Когда въ Россіи, особенно въ высшемъ кругу, распространялась массонская ложа, то императоръ Александръ I созвалъ собраніе во дворцѣ изъ высшихъ и гражданскихъ и духовныхъ лицъ, то почти всѣ они пожелали участвовать въ той ложѣ. Входитъ архимандритъ Фотій и сказалъ только: „Да заградятся уста нечестивыхъ". Отъ этихъ словъ все собраніе не могло и слова выговорить, такъ и разошлось, а секта рушилась. Да, Фотій былъ мужъ благодатный!"

Памятны Хромову и слѣдующія слова: „Да, любезный, царская служба не безъ нужды". „Романовыхъ домъ крѣпко укоренился и глубокъ корень его, милостію Божіею, повторялъ онъ,—глубоко корень его сидитъ!"

Ѳеодоръ Кузьмичъ часто въ праздники ходилъ въ семинарскую домовую церковь и всегда становился у печи на одномъ мѣстѣ, а когда сталъ замѣчать, что на него большое обращается вниманіе, то и вовсе пересталъ ходить въ церковь.

Покойный архимандритъ томскаго мужскаго монастыря Викторъ, во время сорокалѣтняго своего управленія означеннаго монастыря, хорошо зналъ старца Ѳеодора Кузьмича и не раздѣлялъ мнѣнія большинства томскаго духовенства, что онъ будто-бы неходилъ на исповѣдь, а напротивъ, ему было извѣстно, что духовникомъ его былъ Воскресенской церкви іерей Николай Созуновъ. Также пріѣзжалъ на Хромовскую заимку бывшій иркутскій іеромонахъ Германъ, который также предъ своей кончиной говорилъ,

что у него на духу бывалъ старецъ Өеодоръ Кузьмичъ, о которомъ отзывался какъ о великомъ подвижникѣ, и знаетъ кто онъ.

20-го января 1864 г. Хромовъ пришелъ утромъ къ старцу Өеодору Кузьмичу провѣдать его, такъ какъ видно было, что онъ страдаетъ. Въ то время старецъ жилъ въ келіи, нарочно для него выстроенной около дома Хромова. Видя, что жизнь Өеодора Кузьмича угасаетъ, Хромовъ просилъ благословить его. „Господь тебя благословитъ и меня благослови"; жена Хромова сказала старцу: „Объяви хотя имя своего ангела", и на это онъ сказалъ: „Это Богъ знаетъ".

— „Батюшка, въ случаѣ вашей кончины, не надѣть-ли на васъ этотъ черненькій халатикъ?" спросилъ Хромовъ. Өеодоръ Кузьмичъ сказалъ: „Я не монахъ", а обратившись къ Хромову, добавилъ: „Панокъ меня не величь". Подъ этимъ словомъ Хромовъ понялъ, что старецъ желалъ не пышнаго одѣянія, а скромныхъ похоронъ. Въ продолженіе дня Хромовъ нѣсколько разъ входилъ провѣдывать угасающаго старца, и видно было, что Өеодоръ Кузьмичъ уже боролся со смертію: то ляжетъ на одинъ бокъ, то привстанетъ, то опять поворотится на другой бокъ, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Много приходило разнаго люда въ келію старца, чтобы испросить у него для себя благословенія и видѣть конецъ его жизни. Послѣ 8 часовъ вечера, когда всѣ посторонніе люди ушли, старецъ, обращаясь къ Хромову и показывая ему на маленькій мѣшечекъ, висѣвшій на стѣнѣ, сказалъ:

— „Въ немъ моя тайна".

Потомъ онъ попросилъ себя поднять, посидѣлъ немного, опять положили его на лѣвый бокъ, немного полежалъ, вдругъ самъ поворотился на спину, три раза вздохнулъ рѣдко, а четвертый тихо, и предалъ душу свою Богу въ $8^{3}/_{4}$ часовъ пополудни того-же дня 20-го января 1864 г.

Өеодоръ Кузьмичъ похороненъ на кладбищѣ Томскаго Богородице-Алексѣевскаго мужскаго монастыря. Могилка его обнесена деревянною рѣшеткою, выкрашенною бѣлою краскою, по угламъ посажены четыре кедровыхъ дерева, а внутри ограды крестъ, тоже деревянный, выкрашенный бѣлою краскою, и на немъ надпись:

„Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Өеодора Кузьмича, скончавшагося 20-го января 1864 года".

По приказанію бывшаго начальника Томской губерніи Мерцалова, надпись черною краскою: „Великаго Благословеннаго" приказано было закрасить бѣлою краскою, но отъ времени бѣлая краска

слиняла и теперь закрашенное явственно можно прочесть, какъ было написано прежде.

Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ умеръ и никому изъ знавшихъ его не открылъ кто онъ.

Послѣ смерти старца, найдено въ его мѣшечкѣ, про который онъ сказалъ: „въ немъ моя тайна", снимокъ, какъ полагаютъ, ключъ къ его перепискѣ съ другимъ лицомъ.

Къ настоящему очерку прилагается портретъ, снятый карандашемъ, когда тѣло Ѳеодора Кузьмича лежало на столѣ.

Другой портретъ во весь ростъ, снятый на память, какъ онъ вообще стоялъ, придерживаясь къ подлинному портрету, снятому съ покойника,—былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ", изд. 1887 г., томъ LVI, стр. 217.

Планъ и рисунокъ келiи при домѣ Хромова, гдѣ старецъ скончался—въ городѣ Томскѣ, воспроизведенъ въ снимкахъ при этомъже очеркѣ.

Настоящiй очеркъ составилъ потомственный дворянинъ Тверской губернiи, Корчевскаго уѣзда,

Михаилъ Ѳедоровичъ Мельницкiй.

Примѣчанiе. Составитель житiя Ѳеодора Кузьмича Михаилъ Ѳедоровичъ Мельницкiй, скончался въ началѣ 1891 г. въ Томскѣ. Родитель покойнаго монахъ Алексѣевскаго въ Томскѣ монастыря, Ѳеофилъ, препроводилъ къ намъ, въ редакцiю „Русской Старины", оставшiйся по смерти сына трудъ, каковой и помѣщенъ нами выше, какъ интересное народное сказанiе, легенда, окружавшая благочестиваго старца-отшельника тайною будто-бы высокаго происхожденiя.

Тамъ-же, въ Западной Сибири, гдѣ, безъ сомнѣнiя, память о Ѳеодорѣ Кузьмичѣ проживетъ еще очень долго, распространено еще болѣе любопытное, по поводу его, также всеконечно фантастическое, сказанiе:

Предъ смертiю старца Ѳеодора Кузьмича, дочь Хромова, Анна Семеновна, къ которой старецъ былъ расположенъ, просила его открыть ей кто онъ.

— „Пресвятая Богородица скажетъ послѣ моей смерти" (указывая на икону Почаевской Божiей Матери).

Послѣ смерти старца оказалось, что назади за иконою скрыта была переписка, которую Хромовъ въ скоромъ времени повезъ показать покойному Филарету, митрополиту московскому, а затѣмъ въ Петербургъ и чрезъ шефа жандармовъ, князя Василiя Андреевича Долгорукова, Хромовъ будто-бы просилъ свиданiя съ покойнымъ императоромъ Александромъ II; свиданiе не послѣдовало, бумаги отъ Хромова отобраны, а его за болтливость будто-бы посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, продержавъ нѣсколько мѣсяцевъ, отпустили, съ тѣмъ, чтобы онъ болѣе не болталъ.

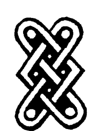
Намъ пишутъ, что у Хромова и теперь имѣются тѣ Записки, которыя онъ нашелъ у иконы, подлинныя-ли онѣ или только копiи—неизвѣстно, но онъ будто-бы ихъ показывать боится.

Ред.

Ключъ къ переписке Өеодора Кузьмича.

Христосъ имя есть —„ Духъ Нѣбесный божѣствѣнный—„ воплотился вчѣловѣчество—„ отъ Святаго духа—„ бысть помазанну—„ безʼвсякия меры сего ради—„ почиваетъ нанемъ—„ духъ божій—„ духъ прѣмудрости—„ духъ разума—„ духъ совета—„ духъ крѣпости—„ духъ познанія—„ духъ благочестия—„ духъ страха божия—„

1849го Г. Июня 24го нынѣ Отупу„ преД Цари= ОДѣсе тебѣ.



1„ 2, 3, 4„
о„ в„ а ж„
Ꙇ„ Д„ се, ео а м в„ р„
С„ З„ Д *Я

А. Крыютъ„ Сгруфианъ.

1837го. Г. Мар„ 26го„ в„ вол.
43˘. Пар„,

Видишили Наковое васъ бѣз словѣсие счастие слово изʼнѣсе.

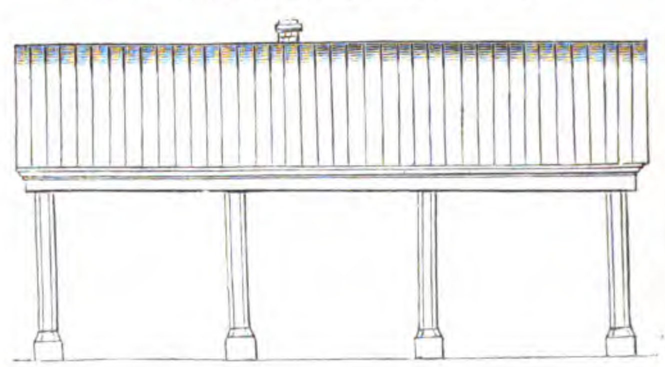
Но егда убо„ **А**„ молчатъ, **П**, нѣвозвѣщаютъ.

Келія старца Ѳеодора Кузьмича въ городѣ Томскѣ

съ южной стороны:

съ восточной стороны:

Навѣсъ надъ кельей съ восточной стороны.



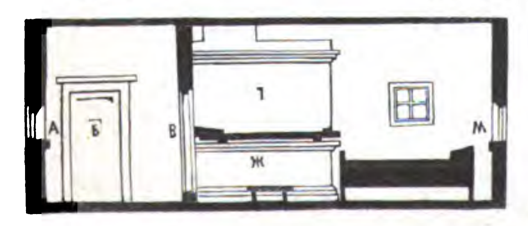
пояснение.

А. Разрѣзъ окна.
Б. Дверь въ сортиръ.
В. Разрѣзъ двери.
Г. Печь.
Д. Постель.
Е. Подушка
Ж. Лежанка
З. Скамеечка.
К. Подушка.
Л. Кровать.
М. Разрѣзъ окна.

поясненіе.

1. Крестъ въ кіотѣ.
2. Образъ.
3. Икона въ кіотѣ.
4. Образъ на бумагѣ.
5. Просфора.
6. Скатерть.
7. Угольникъ.
8. Окно.
9. Портретъ покойнаго.
10. Скамья.
11. Разрѣзъ двери.
12. Дверь съ улицы.
13. Разрѣзная скамья.
14. Полка.
15. Разрѣзъ окна.

Планъ кельи.



РОССІЯ и РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г.[1]

Записки французскаго путешественника Кюстина.

Письмо четырнадцатое.

Петербургъ 22-го іюля 1839 г.

Населеніе Петербурга простирается до 450,000 человѣкъ, не считая войскъ, если вѣрить словамъ русскихъ добрыхъ патріотовъ, но люди хорошо освѣдомленные и поэтому слывущіе здѣсь за неблагонамѣренныхъ, увѣряли меня, что оно не доходитъ до этой цифры, считая въ ней даже войска. Что дѣйствительно безспорно, то это то, что этотъ городъ дворцовъ, со своими огромными пустырями, называемыми площадями,

---

¹) См. „Русскую Старину" изд. 1886 г., томъ LI, іюль, стр. 21—22; изд. 1891 г., томъ LXIX, январь, стр. 145—184; февраль, стр. 407—420. „Русская Старина" уже ознакомила своихъ читателей съ жизнью, личностью и первыми главами пресловутаго сочиненія маркиза де Кюстина. („Рус. Ст." изд. 1886 г., т. LI, стр. 21; изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 145 и 407. Нынѣ представляя въ сообщеніи Н. К. Шильдера еще нѣсколько выдержекъ изъ того-же сочиненія, мы едва-ли должны оговаривать, что поверхностныя замѣтки маркиза, не лишенныя мѣстами остроумія и наблюдательности, но болѣе забавныя по своей скороспѣлости, самоувѣренности автора, а иногда и прямо нелѣпости оныхъ, имѣютъ интересъ, между прочимъ, потому, что по нимъ читающая Европа полъ-вѣка тому назадъ составляла свои не всегда вѣрныя понятія о Россіи, русскихъ людяхъ и русскихъ учрежденіяхъ. Сочиненіе маркиза де-Кюстина имѣло долго и вполнѣ незаслуженный успѣхъ за рубежомъ Россіи, что объясняется исключительно тогдашнимъ малымъ знакомствомъ Европы съ нашимъ отечествомъ. Ред.

походитъ на поле, раздѣленное перегородками. Маленькіе деревянные домики преобладаютъ въ удаленныхъ отъ центра частяхъ города.

Русскіе, происходя изъ семьи народовъ, долгое время остававшихся бродячими и непремѣнно воинственными, не вполнѣ еще забыли бивуачную жизнь. Всѣ народы, недавно явившіеся изъ Азіи, подобно туркамъ, живутъ въ Европѣ, какъ въ лагерѣ. Петербургъ—главная квартира арміи, а не столица народа. Какъ ни великолѣпенъ этотъ военный городъ, онъ кажется пустымъ европейцу.

— „Разстоянія—бичъ Россіи", сказалъ мнѣ императоръ Николай, и справедливость этого замѣчанія можно провѣрить даже на улицахъ Петербурга. Здѣсь визитъ — цѣлое путешествіе, и ѣзда четверикомъ является необходимостью для всякаго, кто захочетъ посѣщать свѣтъ. Но не всѣ имѣютъ право впрягать четверку лошадей въ свою карету; подобное разрѣшеніе дается лишь лицамъ съ извѣстнымъ положеніемъ.

Въ Петербургѣ до того много дворцовъ и похожихъ на дворцы казармъ, что, право, мнѣ кажется, что на площадяхъ его, вѣчно безмолвныхъ и угрюмыхъ, по причинѣ ихъ размѣровъ, а главное, ихъ неприкосновенной правильности, больше колоннъ, чѣмъ людей. За отсутствіемъ живаго понятія искусства и свободнаго творчества фантазіи, пользующейся данными народной жизни и вновь воспроизводящей ее, въ основу петербургской архитектуры легла математическая вѣрность глаза. Поэтому-то, осматривая это отечество безвкусныхъ памятниковъ, ни на минуту не можешь забыть, что этотъ городъ созданъ волею одного человѣка, а не самимъ народомъ. Нѣтъ широкихъ замысловъ, хотя размѣры всего колоссальны. Это доказываетъ только, что все можетъ получиться по заказу, исключая граціи, родной сестры воображенія.

Главная улица въ Петербургѣ—Невскій проспектъ. Красивый, тянущійся на цѣлое лье, широкій какъ наши бульвары, мѣстами усаженный деревьями (1839 г.), съ тою же печальною участью, какъ въ Парижѣ, онъ служитъ мѣстомъ прогулокъ и свиданій для всѣхъ незанятыхъ людей города. Собственно говоря, ихъ здѣсь немного, потому что здѣсь не двигаются просто для того, чтобы двигаться, а каждый шагъ имѣетъ свою цѣль, независимую отъ удовольствія. Идти съ приказаніемъ, прислуживаться, повиноваться кому бы то ни было — вотъ что приводитъ въ движеніе бо̀льшую часть Петербурга и всей имперіи. Прекрасные каменные тротуары сильно разнятся отъ жалкихъ деревянныхъ мостковъ, еще донынѣ (1839 г.) позорящихъ отдаленныя улицы. Великолѣпный городъ, созданный Петромъ, украшенный Екатериною и выровненный другими монархами, на

болотистой и почти постоянно затопленной мѣстности теряется, наконецъ, въ ужасной кучѣ лавчонокъ и мастерскихъ, смѣшанной массѣ неопредѣленныхъ зданій, обширныхъ безформенныхъ площадей, которыя, благодаря природной безпорядочности русскихъ и ихъ врожденной неопрятности, въ теченіи цѣлаго столѣтія, загромождаются разнаго рода остатками и нечистотами. Эта дрянь изъ года въ годъ накопляется въ русскихъ городахъ, чтобы протестовать противъ стремленій лицъ, льстящихъ себя надеждою истинно просвѣтить славянскія народности. Природный характеръ этихъ народовъ, какъ бы онъ искаженъ ни былъ, все таки пробивается въ какомъ-либо уголкѣ города или дома, и если у нихъ есть то, что называютъ городами или домами, то не потому, чтобы любили ихъ или чувствовали въ нихъ надобность, но потому лишь, что имъ сказали, что нужно ихъ имѣть или, лучше сказать, сносить, чтобы не отставать отъ коренныхъ націй цивилизованнаго запада. Главная же причина этому та, что если-бы они вздумали противорѣчить людямъ, руководящимъ ими чисто по военному и являющимся для нихъ одновременно капралами и педагогами, то ихъ палочными ударами прогнали-бы на ихъ родину въ Азію. Эти несчастныя залетныя птички, посаженныя въ клѣтку европейской цивилизаціей, жертвы маніи или, лучше сказать, глубоко разсчитаннаго честолюбія покорителей въ будущемъ міра, прекрасно сознающихъ, что прежде чѣмъ покорить насъ, надо подражать намъ.

Калмыцкую орду, расположившуюся подъ стѣнами бароновъ, вокругъ массы античныхъ храмомъ, греческій городъ съимпровизированный для татаръ, какъ декорація для театра, декорація великолѣпная, но безвкусная, предназначенная служить обстановкою дѣйствительной и страшной драмы — вотъ что прежде всего замѣчаешь въ Петербургѣ.

Въ русской цивилизаціи природа и исторія—нулевыя величины; ничто не связано ни съ почвою, ни съ народомъ: не было прогресса, но въ одинъ прекрасный день все было перенесено отъ иностранцевъ. Въ этомъ торжествѣ подражательности болѣе мастерства, чѣмъ искусства, та-же разница, что между гравюрою и рисункомъ. Талантъ изощряется только на идеяхъ другихъ.

Послѣ полдня Невскій проспектъ, большая дворцовая площадь, набережныя, мосты наполняются довольно большимъ количествомъ экипажей различныхъ родовъ и странныхъ формъ; это движеніе оживляетъ немного обычную печальную физіономію этого города, самаго монотоннаго изъ всѣхъ столицъ Европы.

Внутренность домовъ одинаково угрюма, потому что, не смотря

на великолѣпіе мебели, по англійски нагроможденной въ нѣкоторыхъ комнатахъ, назначенныхъ для пріема, проглядываетъ домашняя пестрота, природная и глубокая безпорядочность, напоминающая Азію.

Мебель, менѣе всего употребляемая въ русскомъ домѣ — это кровать. Женская прислуга ночуетъ на полатяхъ, похожихъ на находившіяся въ старинныхъ дворницкихъ Франціи, а мужская располагается на лѣстницѣ, въ прихожихъ и, говорятъ даже, въ гостинной, на подушкахъ, которыя они на ночь сбрасываютъ на полъ.

Сегодня утромъ я сдѣлалъ визитъ князю ***. Этотъ вельможа, раззорившійся, больной, страдающій водянкою, страдаетъ до невозможности вставать, и, не смотря на это, ему не иа чемъ лежать; этимъ я хочу сказать, что у него нѣтъ того, что называется кроватью въ странахъ, гдѣ цивилизація зародилась ранѣе. Онъ живетъ въ домѣ сестры, въ настоящее время отсутствующей. Одинъ въ пустынномъ дворцѣ онъ проводитъ ночь на деревянной скамейкѣ, покрытой ковромъ и нѣсколькими подушками. Это не можетъ быть приписано особенному вкусу единичной личности. Во всѣхъ русскихъ домахъ, гдѣ я былъ только, видно, что, ширмы необходимы постели славянъ, равно какъ ихъ тѣлу свойственենъ запахъ мускуса: поразительная нечистоплотность, не всегда исключающая наружную элегантность. Иногда имѣется парадная кровать, предметъ роскоши, выставляемый изъ уваженія къ европейской цивилизаціи, но не служащій для употребленія.

Украшеніемъ, свойственнымъ домамъ нѣкоторыхъ изящныхъ русскихъ, является искусственный маленькій садикъ въ углу гостинной. Только два или три человѣка могутъ войти одновременно въ это уединенное мѣсто, не слишкомъ глубокое, но достаточно прикрытое, чтобы плѣнять воображеніе.

Впечатлѣніе, производимое этою комнатною рощицею, пріятно, и идея ея благоразумна въ странѣ, гдѣ каждый интимный разговоръ долженъ прикрываться тайною. Я полагаю этотъ обычай вынесеннымъ изъ Азіи.

Славяне, когда они красивы, высоки, со стройною, изящною наружностью, производящею однако-же впечатлѣніе силы. У нихъ вѣки миндалеобразно прорѣзанныя и безпокойный хитрый взглядъ азіатскихъ народовъ. Ихъ глаза, черные или голубые, всегда прозрачны, въ нихъ много жизни, движенія, много прелести, потому что они смѣются. Этотъ народъ серьезенъ скорѣе по необходимости, чѣмъ по природѣ, осмѣливается смѣяться только взглядомъ, но

благодаря принужденному молчанію, взглядъ этотъ оживленный имъ замѣняетъ краснорѣчіе, до того онъ придаетъ страстность выраженію лица. Оно почти постоянно остроумно, иногда мягко, лѣниво, еще болѣе часто печально и угрюмо, даже свирѣпо; оно напоминаетъ выраженіе дикаго звѣря, попавшаго въ западню.

Въ Россіи жизнь тяжела буквально всѣмъ; самъ императоръ, какъ и послѣдній изъ его подданныхъ, не свободенъ отъ бремени усталости. Мнѣ показывали его кровать: жесткость ея поразила бы даже нашихъ рабочихъ. Здѣсь всѣ принуждены повторять суровую истину: что цѣль нашей жизни не на землѣ и что удовольствія средствомъ достиженія ея не служатъ.

Неумолимый образъ долга и покорности является вамъ на каждомъ шагу и не позволяетъ позабыть суровое условіе человѣческой жизни — трудъ и горе. Въ Россіи жизнь возможна при единственномъ условіи — жертвовать всѣмъ земному отечеству, освященному вѣрою въ отечество небесное.

У Россіи нѣтъ прошлаго (?!), говорятъ любители старины. Это вѣрно, но будущее и протяженность ея даютъ здѣсь пищу самому горячему воображенію. Участь философа плачевна въ Россіи, но поэтъ можетъ и долженъ здѣсь нравиться.

Безспорно, природа вложила глубоко поэтическое чувство въ душу русскихъ, народа насмѣшливаго и меланхоличнаго, если они нашли возможность придать оригинальный и живописный видъ городамъ, построеннымъ людьми, окончательно лишенными воображенія, и при томъ въ странѣ самой печальной, самой монотонной и пустынной на земномъ шарѣ. Безконечныя равнины, угрюмыя и низменныя пустыни — вотъ Россія. Но если-бъ я могъ показать вамъ Петербургъ, съ его улицами и обитателями, такимъ, какъ я его вижу, я на каждой строчкѣ далъ-бы вамъ жанровую картину. Въ такой сильной степени геній славянской націи противодѣйствовалъ безплодной маніи ея правительства. Это правленіе достигаетъ успѣха, благодаря военнымъ движеніямъ: оно напоминаетъ Пруссію при ея первомъ королѣ.

Я описалъ вамъ городъ безъ опредѣленнаго характера, скорѣе пышный, чѣмъ грандіозный, болѣе обширный, чѣмъ красивый, наполненный зданіями, лишенными стиля, вкуса, историческаго значенія. Но чтобы быть обстоятельнымъ, т. е справедливымъ, слѣдовало бы одновременно заставить двигаться передъ вашими глазами, внѣ этихъ претенціозныхъ и смѣшныхъ декорацій, людей по природѣ изящныхъ и съумѣвшихъ принаровить для себя городъ, построенный для людей, нигдѣ не существующихъ, потому

что Петербургъ созданъ для людей богатыхъ, умъ которыхъ развился отъ сравненій, безъ особенной основательности, различныхъ странъ Европы. Этотъ легіонъ путешественниковъ, болѣе или менѣе утонченныхъ, болѣе опытныхъ, чѣмъ образованныхъ, составляетъ искусственную націю, наборъ умовъ развитыхъ и гибкихъ, набранныхъ у всѣхъ народовъ міра: это не русскій народъ, послѣдній хитеръ, какъ рабъ утѣшающійся въ своемъ рабствѣ скрытымъ смѣхомъ, суевѣренъ, хвастливъ, храбръ и лѣнивъ, какъ солдатъ, поэтиченъ, музыкаленъ и обдуманъ, какъ пастухъ, потому что привычки бродячихъ народовъ надолго останутся отличительными среди славянъ; все это не соотвѣтствуетъ ни стилю зданій, ни распланировкѣ петербургскихъ улицъ,—здѣсь очевидно разногласіе между архитекторомъ и обитателемъ. Европейскіе инженеры явились и указали москвитамъ, какъ должно построить и украсить столицу, достойную удивленія Европы, и тѣ, съ ихъ военною покорностью, уступили силѣ команды. Петръ Великій скорѣе противъ шведовъ, чѣмъ собственно для русскихъ, построилъ Петербургъ, но природа народа сказывается, не смотря на его уваженіе къ затѣямъ правителя и на недовѣріе къ себѣ самому, — и вотъ этому-то невольному ослушанію обязана Россія отпечаткомъ своей оригинальности; ничто не могло лишить народъ его природнаго характера; это торжество врожденныхъ качествъ надъ дурно направленнымъ воспитаніемъ—интересно для каждаго путешественника, способнаго оцѣнить его.

По счастію для живописца-поэта, русскіе глубоко религіозны: ихъ церкви, по крайней мѣрѣ, неоспоримо принадлежатъ имъ; неизмѣнная форма храмовъ благочестія составляетъ часть ихъ культа, и вѣра защищаетъ эти религіозныя крѣпости противъ страсти къ математическимъ фигурамъ, тесаннымъ изъ камня длинныхъ четвереугольниковъ, плоскихъ поверхностей и прямыхъ линій; наконецъ, онѣ скорѣе военной, чѣмъ классической архитектуры, придающей каждому городу этой страны видъ лагеря, созданнаго лишь на нѣсколько недѣль, на время большихъ маневровъ.

Духъ кочеваго народа сказывается также въ экипажахъ, сбруѣ и упряжи русскихъ.

Если вы схватите хорошенько картину, представляемую Петербургомъ, вы поймете насколько безконечно живописенъ Петербургъ, не смотря на дурной вкусъ занятой у другихъ архитектуры, не смотря на болотистую окраску окружающихъ его полей, не смотря на совершенное однообразіе почвы и блѣдность прекрасныхъ лѣтнихъ дней подъ сѣрымъ сѣвернымъ климатомъ.

Посмотрите на могущество природныхъ качествъ народовъ: въ продолженіе болѣе ста лѣтъ русскіе хорошо воспитанные, вельможи, ученые, администраторы—какъ милостыню собирали идеи и подражали примѣрамъ, даваемымъ обществами всей Европы и что-же? эта фантазія правителей и царедворцевъ не помѣшала народу остаться самобытнымъ [1]).

Эта одаренная умомъ нація слишкомъ утонченна по своей природѣ, обладаетъ слишкомъ развитымъ тактомъ, чтобы она могла слиться съ тевтонскими народностями. И донынѣ еще нѣмецкая буржуазія болѣе чужда Россіи, чѣмъ Испанія съ своимъ населеніемъ арабской крови. Духу славянъ антипатичны медленность, постепенность, грубость, робость, неловкость. Они легче перенесли-бы месть и тиранію; нѣмецкія добродѣтели сами по себѣ ненавистны русскимъ, поэтому-то послѣдніе, не смотря на ихъ политическія и религіозныя звѣрства, болѣе успѣли во мнѣніи Варшавы, чѣмъ пруссаки съ ихъ рѣдкими и устойчивыми качествами, отличающими тевтонскую расу: я не говорю, чтобъ это было хорошо, но я отмѣчаю это лишь какъ фактъ: не всѣ братья любятъ другъ друга взаимно, но каждый понимаетъ другаго.

Что же касается до аналогіи, какъ мнѣ кажется существующей въ нѣкоторомъ отношеніи между русскими и испанцами, она просто объясняется сношеніями, которыя могли существовать между арабскими племенами и нѣкоторыми изъ ордъ, перешедшихъ изъ Азіи въ Московію. Мавританская архитектура имѣетъ общее съ византійской—служащей типомъ истинной архитектуры московской. Духъ азіатскихъ народовъ, блуждающихъ по Африкѣ, не могъ-бы быть противнымъ духу прочихъ восточныхъ народовъ, только что водворившихся въ Европѣ; исторія объясняется прогрессивнымъ вліяніемъ расъ, это необходимость соціальная, какъ характеръ есть необходимость личная.

Не будь различія религіи, различныхъ нравовъ народовъ, я подумалъ-бы, что нахожусь на самой высокой и самой безплодной равнинѣ Кастиліи. И дѣйствительно, здѣсь африканская жара; въ продолженіе двадцати лѣтъ въ Россіи не было такого палящаго лѣта.

Русскій народъ въ высшей степени ловокъ; лишь противно цѣлямъ природы эта нація была отброшена къ полюсу человѣческими столкновеніями и удержана здѣсь силою политической

[1]) Этотъ упрекъ, падающій на Петра I и его непосредственныхъ преемниковъ, дополняетъ славу императора Николая, начавшаго удерживать этотъ порывъ. Прим. автора.

необходимости. Кто внимательнѣе вникъ-бы въ цѣли Провидѣнія, тотъ понялъ бы, что борьба съ природою—тяжелое испытаніе, которому Господу Богу было угодно подвергнуть этотъ народъ, предназначенный имъ для торжества въ будущемъ. Борьба—школа Провидѣнія.

Дрова становятся рѣдки въ Россіи, и здѣсь, въ Петербургѣ, также дороги, какъ въ Парижѣ....

Вообще русскіе проявляютъ свои способности скорѣе въ умѣніи пользоваться плохими орудіями, чѣмъ въ улучшеніи уже имѣющихся у нихъ. Не слишкомъ одаренные изобрѣтательностью, они терпятъ недостатокъ въ машинахъ, годныхъ для преслѣдуемой ими цѣли. Этотъ народъ, такъ широко надѣленный изяществомъ и добротою, лишенъ создающаго начала. Еще разъ повторяю: русскіе—римляне сѣвера. И тѣ, и другіе почерпнули свои науки и искусства изъ-заграницы. Они одарены умомъ, но этотъ умъ чисто подражательный, и слѣдовательно, скорѣе ироническій, чѣмъ плодотворный: онъ все поддѣлываетъ, но ничего не выдумаетъ.

Русскіе вносятъ съ собою непріятный запахъ, чувствуемый еще издали. Свѣтскіе люди отдаютъ мускусомъ, народъ же—кислою капустою, смѣшанною съ виномъ и старыми вонючими кожами.

Вы поймете поэтому, что тридцать тысячъ подданныхъ, являющихся въ день новаго года съ поздравленіями повсюду и часть которыхъ, тысячъ шесть или семь, мы увидимъ завтра толпящимися въ Петергофѣ и у его дворца, должны оставлять на своемъ пути ужасный запахъ (!?)

Ни одна изъ всѣхъ встрѣченныхъ мною до сихъ поръ крестьянокъ не показалась мнѣ красивою, но бóльшая часть изъ нихъ удивительно безобразны и отталкивающе нечистоплотны. Невольно удивляешься при мысли, что это жены именно тѣхъ самыхъ мужчинъ со столь не правильными чертами лица, съ греческимъ профилемъ, съ изящнымъ и гибкимъ станомъ, которыхъ встрѣчаешь даже между низшими классами народа. Ничего нѣтъ красивѣе стариковъ и безобразнѣе русскихъ старыхъ женщинъ. Я мало видѣлъ мѣщанокъ; къ особенностямъ Петербурга относится то, что въ сравненіи со столицами другихъ странъ—женщинъ въ немъ значительно меньше мужчинъ.

Въ общемъ русскія женщины менѣе показываются публично, чѣмъ во Франціи. Впрочемъ, недалеко то время, когда ихъ держали подъ ключемъ.

Самое прекрасное зрѣлище въ Петербургѣ—парады, и это еще болѣе подтверждаетъ мою мысль о русскихъ городахъ-лагеряхъ.

Если страхъ дѣлаетъ здѣсь людей серьезными, онъ ихъ дѣлаетъ

и очень вѣжливыми. Я нигдѣ не видѣлъ, чтобы такая масса людей обходилась съ такимъ взаимнымъ уваженіемъ, и это притомъ во всѣхъ классахъ общества. Быть можетъ, эта вѣжливость притворная; я ее считаю, по меньшей мѣрѣ, принужденною, но даже форма сама по себѣ способствуетъ бо̀льшему удовольствію въ жизни.

Письмо пятнадцатое.

Петергофъ, 23-го іюля 1839 г.

Петергофскій праздникъ должно разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: внѣшней и нравственной, тогда одно и то-же зрѣлище производитъ два различныхъ впечатлѣнія.

Я ничего еще не видѣлъ столь пріятнаго для глазъ и столь тягостнаго для мысли, какъ это такъ называемое народное собраніе придворныхъ и крестьянъ, сталкивающихся въ однихъ и тѣхъ же залахъ, не сближаясь между собою сердцемъ. Здѣсь при этихъ общихъ торжествахъ не говорится землепашцу: „ты таковъ же, какъ я", но говорится вельможѣ: „ты такой же рабъ (?), какъ они".

. . . .

„Царствованіе Екатерины Великой и Александра лишь продолжили систематически дѣтство этого народа, существующаго лишь по имени.

„Екатерина устроила школы лишь для удовлетворенія французскихъ философовъ, чьихъ похвалъ искало ея тщеславіе. Губернаторъ Москвы, одинъ изъ ея старыхъ фаворитовъ, вознагражденный пышнымъ изгнаніемъ въ древнюю столицу имперіи, писалъ ей, что никто не посылаетъ въ школу дѣтей; императрица отвѣтила ему приблизительно слѣдующее: „Дорогой князь, не сѣтуйте на то, что у русскихъ нѣтъ стремленья къ просвѣщенію; если я устраиваю школы, то не для насъ, а для Европы, гдѣ нужно поддерживать себя въ общественномъ мнѣніи, но если бы наши крестьяне пожелали образованья, то ни вы, ни я не сохранили бы своего положенія".

Это письмо было прочтено однимъ лицомъ достойнымъ моего довѣрія (!!); безъ сомнѣнія, императрица была разсѣянна, когда писала его, а именно благодаря тому, что она была подвержена подобнымъ разсѣянностямъ, ее находили столь любезной и она

пользовалась столь могущественнымъ вліяніемъ на умы людей впечатлительныхъ.

Русскіе, слѣдуя ихъ обыкновенной тактикѣ, отвергнутъ достовѣрность этого анекдота, но если я не ручаюсь за точность словъ, я вполнѣ увѣренъ, что они выражаютъ истинную (!!) мысль государыни. Для васъ-же и для меня этого вполнѣ достаточно.

Это злосчастное мнѣніе Европы—призракъ, преслѣдующій ихъ въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ ихъ мысли и сводящій для нихъ цивилизацію на степень фокуса, продѣлываемаго съ большею или меньшею ловкостью.

Императоръ Николай, со своимъ здравымъ смысломъ и яснымъ умомъ, увидѣлъ эту преграду, но въ силахъ-ли онъ будетъ избѣгнуть ея? Необходимо больше, чѣмъ могущество Петра Великаго, чтобы поправить зло, причиненное этимъ первымъ губителемъ (!!) русскихъ.

Теперь же трудность двойная: умъ крестьянина, оставшагося грубымъ и варварскимъ, противится культурѣ, а между тѣмъ его привычки, его нравъ накладываютъ на него узду; въ то-же время ложный лоскъ вельможъ стоитъ въ противорѣчіи съ народнымъ характеромъ, на который слѣдовало-бы опереться, желая облагородить народъ: какое усложненіе? кто распутаетъ этотъ новый Гордіевъ узелъ?....

Я восхищаюсь императоромъ Николаемъ: лишь геніальный человѣкъ въ состояніи выполнить задачу, которую онъ взялъ на себя. Онъ увидѣлъ зло, предугадываетъ лекарство и пытается употребить его: просвѣщеніе и воля—вотъ что̀ образуетъ великихъ монарховъ.

Должно сказать правду, русскіе всѣхъ классовъ общества съ удивительнымъ единодушіемъ стараются доставить у себя торжество двуличности. Они владѣютъ искусствомъ лжи, естественности въ лживости, и эти успѣхи настолько же ужасаютъ меня, насколько возмущаютъ мое чистосердечіе....

Россія—тѣло безъ жизни, колоссъ, живущій одной лишь головою, у котораго всѣ члены, одинаково лишенные жизни, мертвѣютъ. Это страна, гдѣ люди менѣе всего дѣйствительно счастливы.

Въ Россіи нѣтъ средняго класса. Купцы, которые могли бы составить его, до того малочисленны, что не могутъ выдѣляться въ государствѣ; впрочемъ, почти всѣ они иностранцы. Писателей насчитываютъ по одному или по два на каждое поколѣніе, артистовъ столько-же, какъ писателей; ихъ малочисленность доставляетъ

имъ уваженіе, но въ то-же время вредитъ ихъ соціальному вліянію. Адвокатовъ нѣтъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ справедливости (!), и гдѣ-же тогда найти то среднее сословіе, составляющее силу государства и безъ котораго народъ является стадомъ.

Я не упомянулъ еще о разрядѣ людей, которыхъ нельзя причислять ни къ высшимъ, ни къ низшимъ: это сыновья духовныхъ, почти исключительно дѣлающихся маленькими чиновниками, и эта толпа—настоящая язва Россіи: она образуетъ родъ темнаго дворянства, въ высшей степени враждебнаго вельможамъ, дворянство съ самымъ антиаристократическимъ направленіемъ, въ полномъ политическомъ значеніи этого слова, и тѣмъ не менѣе очень обременительное для крѣпостныхъ; именно эти неудобные для государства люди, плодъ ереси (!!), позволяющей священнику имѣть жену, начнутъ будущую революцію въ Россіи.

Классъ этого второстепеннаго дворянства набирается также среди артистовъ, чиновниковъ, прибывшихъ изъ за границы, и ихъ дѣтей, получившихъ дворянство: видите-ли вы во всемъ этомъ хоть частичку народа, дѣйствительно русскаго, достойнаго и способнаго оправдать и оцѣнить народническое направленіе императора Николая?

Повторяю еще разъ—въ Россіи обманъ во всемъ (!?). Здѣсь не извѣстны ни истинныя радости умовъ культивированныхъ, ни полная и жестокая свобода дикихъ, ни независимость дѣйствій полудикаря, варвара; для родившагося здѣсь я не вижу иного вознагражденія за это несчастіе (!) — какъ гордые помыслы и надежда на господство; я всегда думаю объ этой страсти, когда принимаюсь анализировать нравственную жизнь русскихъ. Россія думаетъ и живетъ, какъ солдатъ.... какъ солдатъ побѣдоносный.

Напрасны труды и усилія русскихъ: каждый чистосердечный наблюдатель найдетъ въ нихъ лишь грековъ, обученныхъ новѣйшей стратегіи пруссаками XVIII и французами XIX вѣковъ.

Николай I выступилъ защитникомъ монархическаго начала въ Европѣ, и извѣстно съ какимъ чистосердечіемъ онъ поддерживаетъ эту роль. Онъ не дѣйствуетъ, подобно нѣкоторымъ государствамъ, въ каждой мѣстности слѣдуя иной политикѣ, руководствуясь при этомъ чисто эгоистическими выгодами,—совершенно напротивъ, онъ всюду инстинктивно покровительствуетъ принципамъ, согласующимся съ его системою; вотъ до какой степени онъ абсолютный роялистъ. Подобнымъ-же образомъ Англія есть государство либеральное, конституціонное и благопріятное филантропіи.

Императоръ Николай ежедневно читаетъ самъ отъ начала до

конца только одинъ журналъ: французскій „Journal des Débats“. Онъ прочитываетъ другія газеты, когда ему укажутъ въ нихъ на интересную статью.

Поддерживать власть, чтобы спасти общественный строй, — вотъ цѣль лучшихъ умовъ Франціи, и таково постоянное направленіе „Journal des débats“, мысль, проводимая съ большимъ искусствомъ, объясняющимъ уваженіе, которымъ пользуется эта газета у насъ и въ остальной части Европы...

Вечеромъ былъ фейерверкъ. Деревья исчезали подъ блестящими украшеніями: въ каждой аллеѣ было столько же лампочекъ, какъ и листьевъ: это Азія, но Азія не современная, не дѣйствительная, но сказочный Багдадъ изъ „Тысячи и одной ночи“, или еще болѣе достославный Вавилонъ Семирамиды.

Въ Россіи императоръ Николай заставляетъ поблѣднѣть солнце.

Во всякой другой странѣ такое громадное скопленіе людей произвело бы давку, поразительную сумятицу. Въ Россіи-же все дѣлается со средоточенностью, все принимаетъ характеръ церемоніала: тамъ молчаніе—въ обычаѣ.

Въ Петергофѣ много войскъ стоятъ лагеремъ. Въ лагерѣ солдатъ подчиненъ болѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ въ казармахъ; столько строгости въ мирное время, на открытомъ полѣ и въ праздничный день напоминаетъ мнѣ слова великаго князя Константина Павловича: „я не люблю войны, она портитъ солдатъ, пачкаетъ платья и разрушаетъ дисциплину“.

Вечеромъ-же костюмированный балъ. Благородная фигура Николая Павловича возвышалась надъ всѣми и внушала уваженіе этому волнующемуся морю головъ — это просто виргиліевскій Нептунъ.

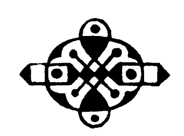
Нельзя быть болѣе императоромъ, чѣмъ онъ.

На другой день утромъ былъ смотръ кадетскимъ корпусамъ. Его Величество казался довольнымъ; онъ взялъ за руку одного маленькаго кадета, подвелъ его къ императрицѣ, представилъ его ей и поднялъ потомъ на рукахъ на высоту своей головы, т. е, надъ головами всѣхъ собравшихся, и публично обнялъ его.

Затѣмъ была еще джигитовка казаковъ.

Пер. съ франц. К. Плавинскій.

Сообщ. **Н. К. Шильдеръ**.



ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ НАРТОВА,

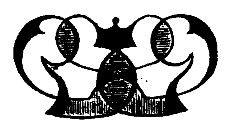
его учителя въ токарномъ мастерствѣ

въ 1712—1725 гг.

Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ—Л. Н. Майкова. Спб., 1891 г., въ б. 8 д., стр. XX+138.

Этому интересному собранію 162-хъ историческихъ разсказовъ, академикъ Л. Н. Майковъ предпослалъ цѣлое критическое изслѣдованіе, изъ котораго отнынѣ, между прочимъ, несомнѣнно явствуетъ, что помянутое собраніе или, какъ оно до сихъ поръ именовалось въ печати: «Достовѣрныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго», хотя и служило изслѣдователямъ эпохи Петра Великаго однимъ изъ источниковъ, но было извѣстно въ печати не вполнѣ; самыя «повѣствованія», по крайней мѣрѣ, половина ихъ, ошибочно приписывались Андрею Нартову († 1756 г.), — механику и токарнаго искусства учителю императора Петра І-го, при которомъ Нартовъ состоялъ съ 1712 года; далеко не всѣ разсказы этого собранія основаны на личныхъ воспоминаніяхъ составителя, но многіе извлечены изъ письменныхъ, русскихъ и иностранныхъ печатныхъ источниковъ. Академикъ Л. Н. **Майковъ** опредѣляетъ и указываетъ эти источники по отношенію къ 35-ти разсказамъ. Разсказовъ, взятыхъ изъ устныхъ преданій, нашъ изслѣдователь насчитываетъ до 40. Наконецъ, лишь около половины «Повѣствованій» представляетъ непосредственныя воспоминанія Андрея Нартова и несомнѣнно являются, по отношенію къ личности Петра I и его времени,—**первоисточникомъ**.

«Таковое значеніе, по мнѣнію академика Л. Н. Майкова, имѣютъ не менѣе 35 разсказовъ этого сборника, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Андрей Нартовъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ; въ другихъ онъ упоминается только какъ очевидецъ и молчаливый слушатель; въ третьихъ его присутствіе при описываемомъ только подразумѣвается, но съ полнымъ вѣроятіемъ, ибо дѣйствіе разсказа происходитъ въ токарной, нерѣдко замѣнявшей Петру кабинетъ...» Подробно доказывая, что редакція и этихъ, наиболѣе важныхъ по своей достовѣрности и значенію для исторіи, разсказовъ токаря Андрея Нартова не могла принадлежать «учителю Петра Великаго въ токарномъ искусствѣ»,—Л. Н. Майковъ высказываетъ весьма основательную догадку, что собирателемъ и излагателемъ «Повѣствованій» былъ не кто иной, какъ сынъ помянутаго токаря, именно Андрей Андреевичъ Нартовъ (р. 1737 г., † 1813 г., въ Спб., въ званіи президента россійской академіи). Общее заключеніе изслѣдованія академика Майкова то, что на «Повѣствованія» Нартова нельзя смотрѣть какъ на историческій памятникъ, принадлежащій непосредственно Петровскому времени: это произведеніе болѣе позднее, и притомъ сложнаго состава, въ которомъ необходимо отдѣлить нѣсколько литературныхъ наслоеній въ зависимости отъ его различныхъ источниковъ. Нѣкоторыя части «Повѣствованій» Нартова не имѣютъ никакого историческаго значенія, будучи повтореніемъ чужихъ печатныхъ извѣстій; другія, воспроизводящія преданія о Петрѣ, приравниваются къ позднѣйшимъ анекдотическимъ сборникамъ, и только за тѣми статьями нашего памятника должна быть по мнѣнію, Л. Н. Майкова, признана несомнѣнная цѣнность, въ которыхъ мы слышимъ голосъ очевидца, къ сожалѣнію, звучащій не всегда съ желаемою отчетливостью.



Приведемъ изъ настоящаго сборника, какъ образецъ дѣйствительно личныхъ воспоминаній Андрея Нартова, современника и одного изъ учителей царя и императора Петра I, шесть нижеслѣдующихъ разсказовъ:

О царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, когда онъ привезенъ былъ обратно изъ чужихъ краевъ, государь Толстому говорилъ такъ: «Когда-бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ-бы на такое зло неслыханное. «Ой, бородачи, многому злу корень—старцы и попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевидѣцъ и судія вѣроломцамъ! Я хотѣлъ ему (царевичу) благо, а онъ всегдашній мнѣ противникъ». На сіе Толстой его величеству отвѣчалъ:

«Кающемуся и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуху». На это повторилъ его величество: «Не будутъ летать скоро, скоро!» И потомъ, взмахнувъ головою кверху и въ горести пожавъ плечами, велѣлъ позвать Ушакова и Румянцева, которымъ далъ по особой бумагѣ.

Примѣчаніе. Разговоръ Петра съ П. А. Толстымъ, сообщенный въ этомъ разсказѣ, историкъ С. М. Соловьевъ пріурочиваетъ ко второй половинѣ апрѣля 1718 г., когда допрошена была Афросинья Ѳедоровна и своими показаніями окончательно изобличила виновность царевича Алексѣя въ глазахъ царя (Исторія Россіи, XVII, 216). Л. М.

По тому-же слѣдствію Толстому государь сказалъ: «Едва-ль кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я! Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ несносенъ: она глупа. Сынъ меня ненавидитъ! онъ упрямъ. Все зло отъ подпускателей».

Примѣчаніе. Слова Петра, приведенныя въ этомъ разсказѣ, слѣдуетъ отнести ко второй половинѣ апрѣля 1718 г. Л. М.

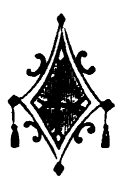
По тому-же дѣлу государь говорилъ: «Страдаю, а все за отечество! Желаю ему полезное, но враги демонскія пакости дѣютъ. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зритъ правду».

Примѣчаніе. Сообщенныя въ этомъ разсказѣ слова Петра, по мнѣнію С. М. Соловьева, выражаютъ состояніе духа царя въ то время, когда, послѣ допроса Афросиньи и собственныхъ признаній царевича Алексѣя, 13-го іюня 1718 года, опредѣленіе виновности послѣдняго было предоставлено на судъ знатнѣйшаго духовенства, министровъ, сенаторовъ и генералитета (Исторія Россіи, XVII, 216). Л. М.

Корабельные мастера, подъ предводительствомъ Баса Ивана Михайловича Головина, сдѣлали пирушку, на которую приглашенъ былъ посторонній знатный чиновникъ, бывшій прежде стрѣлецкимъ головою и нѣсколько замѣшанъ

въ ихъ бунтахъ, но чистосердечнымъ раскаяніемъ получилъ прощеніе и потомъ за долговременную службу и особенно оказанныя услуги обрѣлъ у его величества милость, а по отличному уму—любовь и употребляемъ былъ въ важныя дѣла. На той пирушкѣ, послѣ обѣда, гости слишкомъ подвеселились и другъ друга частымъ подношеніемъ стаканъ за стаканомъ подчивали,—то, вышеупомянутый человѣкъ, уклоняясь отъ хмѣля, сѣлъ противъ комелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шаталъ головою и снялъ съ себя парикъ; въ самомъ-же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другіе подгулявшіе откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ, и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темю раза два и сказалъ: «Притворство, господинъ Толстой!» Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: «Эта голова ходила прежде за иною головою, повисла, — боюсь, чтобъ не свалилась съ плечъ». А притворщикъ, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: «Не опасайтесь, ваше величество! она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; что̀ было прежде—не то послѣ, теперь и впредь».—«Видите», сказалъ государь, «онъ притворялся, а не пьянъ! Поднесите ему стакана три добраго флина [1]), такъ онъ поравняется съ нами и будетъ также сорочить» [2]).

Примѣчаніе. Варіантъ этого разсказа находится въ Запискахъ Порошина (изд. ред. „Русской Старины", 1881, стр. 18, 19) въ слѣдующемъ видѣ: „О Толстомъ говорилъ его превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ), какъ онъ вмѣшанъ былъ въ бунтахъ стрѣлецкихъ противъ государя... Случалось, когда государь Петръ Великой въ компаніи подвеселится, и Толстой тутъ, то государь, снявши съ него парикъ и колотя его по плѣши, говаривалъ: „Голова, голова, кабы не такъ умна ты была, давно-бъ я отрубить тебя велѣлъ".
Л. М.



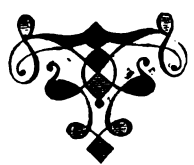
Государь призвалъ къ себѣ въ чертежную генералъ-поручика Миниха и приказалъ ему сдѣлать проектъ укрѣпленій въ разныхъ удобныхъ мѣстахъ съ здѣшней лѣвой стороны отъ Риги по Двинѣ, а съ правой стороны отъ Риги къ морю до Пернова, отъ Пернова до Ревеля, отъ Ревеля до Нарвы и

1) Флинъ — грѣтое пиво съ коньякомъ, съ леденцомъ и съ лимоннымъ сокомъ.

2) Сорочить, то есть болтать, какъ сорока. Л. М.

до самаго Петербурга, сказавъ ему: «Я надѣюсь въ этомъ по искусству вашему получить желаемое удовольствіе скоро».

Примѣчаніе. Разсказъ этотъ относится къ 1721 г. Л. М.



Его императорское величество, присутствуя въ собраніи съ архіереями, примѣтивъ нѣкоторыхъ усильное желаніе къ избранію патріарха, о чемъ неоднократно отъ духовенства предлагаемо было, вынувъ одною рукою изъ кармана къ такому случаю приготовленный Духовный Регламентъ и отдавъ, сказалъ имъ грозно: «Вы просите патріарха; вотъ вамъ духовный патріархъ, а противомыслящимъ сему (выдернувъ другою рукою изъ ноженъ кортикъ и ударя онымъ по столу) вотъ булатный патріархъ!» Потомъ вставъ пошелъ вонъ. Послѣ сего оставлено прошеніе о избраніи патріарха и учрежденъ святѣйшій синодъ.

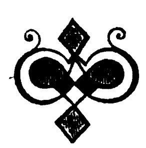
Съ намѣреніемъ Петра Великаго объ установленіи духовной коллегіи согласны были Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Новгородскій, которые въ сочиненіи регламента его величеству помогали, изъ коихъ перваго опредѣлилъ въ синодѣ предсѣдателемъ, а другаго—вицепрезидентомъ, самъ-же сталъ главою церкви государства своего и нѣкогда, разсказывая о распряхъ патріарха Никона съ царемъ родителемъ его Алексѣемъ Михайловичемъ, говорилъ: «Пора обуздать не принадлежащую власть старцу; Богу изволившу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обое—государь и патріархъ; они забыли, въ самой древности сіе было совокупно».

Примѣчаніе. Нѣчто подобное разсказано въ „Анекдотахъ“ Штелина, стр. 352 — 354, при чемъ происшествіе отнесено къ 1721 году и сдѣлана ссылка на графа А. П. Бестужева-Рюмина и на И. А. Черкасова. Ср. также преданіе, записанное священникомъ П. Алексѣевымъ (Р. Архивъ 1863 г., ст. 697, и Р. Вѣстникъ 1861 г., № 1, стр. 320—333). Вѣроятнѣе, однако, отнести разсказъ Нартова къ 1720 году, когда, въ февралѣ мѣсяцѣ, Духовный Регламентъ былъ разсматриваемъ сперва государемъ, а потомъ духовными властями и сенатомъ. Л. М.

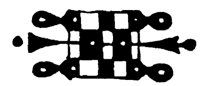
Нижеслѣдующія «Повѣствованія», очевидно записанныя на основаніи устныхъ преданій и признаваемыя Л. Н. Майковымъ либо очень сомнительной достовѣрности, либо неточными, либо заимствованными изъ иностранныхъ источниковъ—впервые имъ помѣщены въ изданіи разсказовъ Нартова:

Его величество хаживалъ въ Сардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ завтракать сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяина находилась въ прислугахъ одна молодая, рослая и пригожая дѣвка. А какъ государь былъ охотникъ до женщинъ, то и была она предметомъ его забавы. Чрезъ частое свиданіе познакомилась она съ нимъ, и когда государь тамъ ни бывалъ, встрѣчала и провожала его пріятно. Въ воскресный день по утру случилось ему зайти туда одному; хозяинъ и прочіе были тогда въ церкви; онъ не хотѣлъ пропустить удобнаго времени, котораго было довольно, для того что предики и служба продолжалась часа три; сѣлъ, завелъ съ нею полюбовный разговоръ, приказалъ налить себѣ покалъ вина, который, принимая одною рукою, а другою обнявъ ее, говорилъ: «Здравствуй, красавица, я тебя люблю!» Выпивъ, поцѣловалъ ее, потомъ поподчивалъ тѣмъ-же виномъ ее, вынулъ изъ кармана кошелекъ, полный червонцевъ, отсчиталъ десять червонцевъ и подарилъ дѣвкѣ на ленты. Дѣвушка, принявъ подарокъ, смотрѣла на него пристально и продолжала къ нему рѣчь свою такъ: «Я вижу, ты, Питеръ, богатъ, а не простой человѣкъ!» «Я присланъ сюда отъ московскаго царя учиться корабельному мастерству», отвѣчалъ онъ. «Неправда! Я слышала, здѣсь говорятъ, что ты царь». «Нѣтъ, милая дѣвушка, цари не плотничаютъ и такъ не работаютъ, какъ я; я отъ утра до вечера все на работѣ». «Это не мѣшаетъ; сказываютъ, что ты учишься для того, чтобъ послѣ учить свой народъ». «Ложь, душа, не вѣрь!» Между тѣмъ прижималъ онъ ее къ себѣ крѣпче, а она продолжала любопытствовать и убѣждала, чтобъ онъ сказалъ ей истину. Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ: «Любовь не разбираетъ чиновъ, такъ вѣдай, я—московскій дворянинъ». «Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня», отвѣчала она; — «вольнаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ». При семъ словѣ хотѣлъ было онъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержалъ и спросилъ ее: «А сардамскаго корабельщика и русскаго царя полюбила-ли-бы ты?» На сіе улыбнувшись, весело вдругъ сказала: «Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду». «Такъ люби-же во мнѣ и того, и другаго, только не сказывай никому, буде впредь видѣться со мною хочешь»— что она ему и обѣщала. Потомъ онъ далъ ей пятьдесятъ червонцевъ и пошелъ съ удовольствіемъ домой. Послѣ сего, во все пребываніе свое въ Сардамѣ, когда надобно было, (видѣлъ) ее въ своей квартирѣ и при отъѣздѣ на

приданое пожаловалъ ей тристѣ талеровъ. Картина сего любовнаго приключенія нарисована была масляными красками въ Голландіи, на которой представленъ его величество съ тою дѣвушкою весьма похожимъ. Сію картину привезъ государь съ собою и въ память поставилъ оную въ Петергофскомъ дворцѣ, которую и понынѣ тамъ видѣть можно.



Царь Петръ Алексѣевичъ во младыхъ лѣтахъ, въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, познакомился чрезъ Меншикова, который неотлучно при немъ въ путешествіи находился и въ роскоши и въ сладострастіи утопалъ, съ одною комедіанткою, по прозванію Кроссъ, которую во время пребыванія своего въ Англіи иногда для любовныя забавы имѣлъ; но никогда однакожъ сердца своего никакой женщинѣ въ оковы не предавалъ, для того чтобъ чрезъ то не повредить успѣхамъ, которыхъ монархъ ожидалъ отъ упражненій, въ пользу отечества своего воспріятыхъ. Любовь его не была нѣжная и сильная страсть, но единственное только побужденіе натуры. А какъ при отъѣздѣ своемъ съ Меншиковымъ послалъ къ сей комедіанткѣ пятьсотъ гиней, то Кроссъ, будучи симъ подаркомъ недовольна, на скупость Россійскаго царя жаловалась и просила его, чтобъ онъ государю о семъ пересказалъ. Меншиковъ просьбу ея исполнилъ, донесъ его величеству, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующую резолюцію: «Ты, Меншиковъ, думаешь, что и я такой-же мотъ, какъ ты! За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердіемъ и умомъ, а эта худо служила ....». На сіе Меншиковъ отвѣчалъ: «Какова работа, такова и плата».



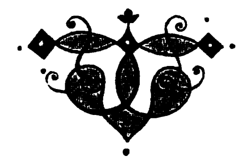
По кончинѣ перваго любимца генерала-адмирала Лефорта мѣсто его заступилъ у царя Петра Алексѣевича графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а по особливой милости—Меншиковъ, но онъ безпокоился еще тѣмъ, что видѣлъ себѣ противоборницу свою при его величествѣ Анну Ивановну Монсъ, которую тогда государь любилъ и которая казалась быть владычицею сердца младаго монарха. Сего ради Меншиковъ предпріялъ, всячески стараяся о томъ какимъ, бы образомъ ее привесть въ немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монсъ была дочь лифляндскаго купца, торговавшаго винами, чрезвычайная красавица, пріятнаго вида, ласковаго обхожденія, однакожъ посредственной остроты и разума, что̀ слѣдующее происхожденіе доказываетъ.

Не смотря на то, что государь нѣсколько лѣтъ ее при себѣ имѣлъ и безмѣрно обогатилъ, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложеніе Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замужъ, если только царское на то будетъ благословеніе. Представьте себѣ: не сумашествіе-ли это? Предпочесть двадцатисемилѣтнему, разумомъ одаренному и видному государю чужестранца, ни тѣмъ, ни другимъ не блистающаго! Здѣсь скажутъ мнѣ, что любовь слѣпа: подлинно такъ, ибо она на самомъ верху благополучія дѣвицу сію нелѣпой и необузданной страсти покорила. Ко исполненію такого намѣренія положила она посовѣтовать о томъ съ Меншиковымъ и просить его, чтобъ онъ у государя имъ споспѣшествовалъ. Кейзерлингъ нашелъ случай говорить о томъ съ любимцемъ царскимъ, который внутренно сему радовался, изъ лукавства оказывалъ ему свое доброхотство, въ такомъ предпріятіи болѣе еще его подкрѣплялъ, изъясняя ему, что государю, конечно, не будетъ сіе противно, если только она склонна; но прежде, нежели будетъ онъ о семъ дѣлѣ его величеству говорить, надлежитъ ему самому слышать сіе отъ нея и письменно показать, что она желаетъ вступить въ бракъ съ Кейзерлингомъ. Для сего послалъ онъ къ ней вѣрную ея подругу Вейдель, чтобъ она съ нею обо всемъ переговорила, которой призналась Монсъ чистосердечно, что лучше-бы хотѣла выйти за Кейзерлинга, котораго любитъ, нежели за иного, когда государь позволитъ. Меншиковъ, получивъ такую вѣдомость, не упустилъ самъ видѣться съ сею дѣвицею и отобрать подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получилъ онъ такое отъ нея прошеніе немедленно пошелъ къ государю и хитрымъ образомъ сказывалъ ему такъ: «Ну, всемилостивѣйшій государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монсъ васъ паче всего на свѣтѣ любитъ: но что̀ скажете теперь, когда я вамъ противное доложу?» «Перестань, Александръ, врать», отвѣчалъ государь; — «я знаю вѣрно, что она одного меня любитъ, и никто инако меня не увѣритъ; развѣ скажетъ она то мнѣ сама». При семъ Меншиковъ, вынулъ изъ кармана своеручное ея письмо и поднесъ государю. Монархъ, увидя во ономъ такую неожидаемую переписку, хотя и прогнѣвался, однако не совсѣмъ по отличной къ ней милости сему вѣрилъ. А дабы вящше въ дѣлѣ семъ удостовѣриться, то его величество, посѣтивъ ее въ тотъ-же день, разсказывалъ ей безъ сердца о той вѣсти, какую ему Меншиковъ отъ нея принесъ; она въ томъ не отрицалась. И такъ государь, изобличивъ ее невѣрностію и дурачествомъ, взялъ отъ нея алмазами украшенный свой портретъ, который она носила, и при томъ сказалъ: «Любить царя—надлежало имѣть царя въ головѣ, котораго у тебя не было; и когда ты обо мнѣ мало думала и невѣрною стала, такъ не для чего уже имѣть тебѣ мой портретъ». Но былъ такъ великодушенъ, что далъ уборы, драгоцѣнныя вещи и все пожалованное оставилъ ей для того, чтобъ она, пользуясь оными, со временемъ почув-

ствовала угрызеніе совѣсти, колико она противъ него была неблагодарна. Вскорѣ послѣ того вышла она замужъ за Кейзерлинга, но опомнясь о неоцѣненной потерѣ, раскаявалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно такъ, что получила гектическую болѣзнь, отъ которой въ томъ-же году умерла.

Такою-то хитростію и лукавствомъ генералъ-маіоръ Меншиковъ, свергнувъ съ себя опасное иго, сдѣлался потомъ игралищемъ всякаго счастія и былъ первымъ государскимъ любимцемъ, ибо при ней таковымъ еще не былъ. Послѣ сего приключенія государь Петръ Великій никакой уже прямой любовницы не имѣлъ, а избралъ своею супругою Екатерину Алексѣевну, которую за отличныя душевныя дарованія и за оказанныя его особѣ и отечеству заслуги при жизни своей короновалъ.

Петръ Великій имѣлъ частое въ Варшавѣ свиданіе съ одною умною и доброю старостиною, которая, будучи въ родствѣ съ первыми польскими магнатами, вѣдала политическую связь и разныя дѣла королевства, а особливо кардинала и примаса Радзіевскаго интриги и къ королю шведскому наклонность, и государю по дружеской привязанности много открывала. Старостина зная, что его величество жаловалъ иногда быть въ бесѣдѣ съ польскими красавицами, пригласила къ себѣ нѣсколько госпожъ, женъ польскихъ вельможъ, и сего знаменитаго гостя вечернимъ столомъ, при огромной музыкѣ, угощала. А какъ разговоръ нечаянно зашелъ о Карлѣ XII, предпріявшемъ вступить съ войсками чрезъ Польшу въ Украинскія земли, и одна изъ нихъ, противной стороны Августа, слѣдовательно, и Петра Великаго, бывъ по любовнымъ интригамъ съ королемъ въ ссорѣ, подъ видомъ учтивой шутки на счетъ обоихъ монарховъ нѣчто остро сказала, то государь, обратясь къ ней, говорилъ: «Вы шутите, сударыня, за столомъ при всѣхъ, такъ позвольте мнѣ послѣ ужина пошутить съ вами наединѣ». Сія экивочная рѣчь привела ее въ такое смятеніе, что послѣ не могла она ничего уже промолвить. Но государь умѣлъ такъ сію загадку переворотить, смягчить и обласкать сію госпожу, что въ самомъ дѣлѣ съ нею былъ наединѣ и послѣ имѣлъ ее своею пріятельницею.



О духовныхъ имѣніяхъ разсуждалъ Петръ Великій такъ: «Монастырскіе съ деревень доходы употреблять надлежитъ на богоугодныя дѣла и въ пользу государства, а не для тунеядцевъ. Старцу потребно пропитаніе и одежда, а архіерею—довольное содержаніе, чтобъ сану его было прилично. Наши (старцы) зажирѣли. Врата къ небеси—вѣра, постъ и молитва. Я очищу имъ путь къ раю хлѣбомъ и водою, а не стерлядями и виномъ. Да не дастъ пастырь Богу отвѣта, что худо за заблудшими овцами смотрѣлъ.

О семъ учрежденіе вышло 31 генваря 1724 г.

Примѣчаніе. Упоминаемый въ этомъ разсказѣ высочайшій указъ напечатанъ въ П. Собр. Зак., за № 4450, подъ заглавіемъ „о званіи монашескомъ, объ опредѣленіи въ монастыри отставныхъ солдатъ и объ учрежденіи семинарій и госпиталей“.

ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

профессоръ Казанскаго и Новороссійскаго университетовъ,

род. 30 апрѣля 1815 г., † 19 декабря 1876 г.

Въ числѣ немногихъ піонеровъ юной науки, — славистики, поставленной лишь съ полвѣка назадъ на каѳедрѣ нашихъ университетовъ, имя профессора Григоровича, вмѣстѣ съ незабвенными именами профессоровъ Срезневскаго и Бодянскаго, занимаетъ почетное мѣсто и навсегда сохранится въ лѣтописяхъ славянской науки. Они, какъ истые строители новой храмины, добывали и приводили, по возможности, въ порядокъ матеріалъ, необходимый для созиданія новаго зданія науки, помня, что „заботливость о родной старинѣ есть признакъ жизненности въ цивилизаціи народовъ“ [1]).

Хотя Григоровичъ и не оставилъ по себѣ многотомныхъ сочиненій, какъ этого можно было-бы ожидать при той обширнѣйшей эрудиціи, которою обладалъ профессоръ-славистъ; но его многолѣтняя университетская дѣятельность, полная энергіи и любви къ дѣлу, его отзывчивость на все доброе, чуткость ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ,—все это не могло не оказывать благотворнаго вліянія на цѣлыя поколѣнія учащейся молодежи, которая, пріобрѣтая научныя знанія, получала вмѣстѣ съ тѣмъ и особый интересъ

[1]) Григоровичъ: „Изъ лѣтописи науки славянской“, стр. 13. Одесса, 1887 г.

къ родному славянскому міру, благодаря той искренности, той любви, которою было согрѣто каждое слово, произносимое съ каѳедры незабвеннымъ сѣятелемъ науки о славянствѣ.

Прошло уже болѣе 15-ти лѣтъ со времени кончины Виктора Ивановича. Въ замѣткахъ, появившихся тогда о немъ на страницахъ журналовъ и газетъ, было, между прочимъ, сказано, что Григоровичъ заслуживаетъ вниманія не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ. Съ этой именно стороны я и намѣренъ нѣсколько характеризовать личность Виктора Ивановича, предпославъ нѣкоторыя біографическія данныя, а также и свѣдѣнія объ его археологической дѣятельности.

Родина Григоровича—Подолія, г. Балта, гдѣ онъ родился 30-го апрѣля 1815 года и получилъ первыя сѣмена просвѣщенія въ школѣ своего роднаго захолустья. Затѣмъ воспитаніе его, въ теченіе семи лѣтъ, проходитъ въ уніатскомъ училищѣ монаховъ-базиліанъ, существовавшемъ тогда въ г. Умани. Пятнадцати-лѣтнимъ юношею Григоровичъ поступаетъ въ Харьковскій университетъ и, окончивъ тамъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, отправляется въ Петербургъ, поступаетъ на службу, но скоро бросаетъ чиновничью карьеру и уѣзжаетъ въ Дерптъ, гдѣ въ то время процвѣтала классическая филологія. Насколько глубоки были филологическія познанія Виктора Ивановича, видно изъ его разсказовъ намъ, студентамъ, о томъ, какъ не разъ приходилось ему выручать изъ бѣды молодыхъ ученыхъ, которые тогда должны были представлять диссертаціи на латинскомъ языкѣ; а затѣмъ глубокое знаніе древнихъ языковъ послужило ему важнѣйшимъ орудіемъ при его многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ славянскаго міра.

Наступаетъ знаменитое, въ исторіи русскаго просвѣщенія, время—министерство Уварова; тогда-же возбуждается вопросъ объ установленіи въ русскихъ университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій. Въ славянскія земли отправляются наши піонеры новой науки: Бодянскій, Преисъ, Срезневскій, а также и Григоровичъ, приглашенный въ 1839 г. въ казанскій университетъ первоначально преподавателемъ греческаго языка и, по предложенію казанскаго попечителя Мусинъ-Пушкина начавшій затѣмъ готовиться къ занятію каѳедры славянскихъ нарѣчій.

Еще до поѣздки заграницу явилось первое сочиненіе Григоровича: „Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ“ (1841 г. Зап. каз. ун.), и затѣмъ его магистерская диссертація: „Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ“ (1842 г.). Вотъ что говоритъ по поводу этого сочиненія покойный профессоръ

кіевскаго университета, извѣстный славистъ Котляревскій [1]: „Матеріалъ для подобнаго труда въ то время былъ еще малъ, трудности были почти неодолимыя, но не по отношенію къ выполненію задачи онъ замѣчателенъ, а по мысли, необыкновенно смѣлой, можно сказать, творческой для того времени, живой и плодотворной и въ настоящую минуту: онъ предположилъ разсмотрѣть литературу славянскихъ народовъ, какъ организмъ, какъ одно стройное цѣлое, т. е., такъ сказать, панславистскимъ образомъ, о чемъ мечталъ знаменитый Павелъ Шафарикъ. Объ „Опытѣ“ Григоровича можно поэтому сказать, что это было первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности“.

Вскорѣ послѣ вступленія своего на каѳедру, молодой славистъ отправляется въ ученое путешествіе за-границу (1844 г.), именно въ земли славянъ Балканскаго полуострова, которыя до того времени совсѣмъ не были изслѣдованы; онѣ-то и послужили ему предметомъ тщательнаго изученія. Неутомимо обозрѣвая церкви и монастыри, Григоровичъ вездѣ ищетъ слѣдовъ древне-славянской письменности, и только благодаря его пытливости, много чрезвычайно важныхъ письменныхъ памятниковъ, извлеченныхъ имъ изъ-подъ спуда заброшенныхъ монастырскихъ библіотекъ, не погибло безслѣдно для науки. Покончивъ съ изслѣдованіемъ въ земляхъ балканскихъ славянъ, Викторъ Ивановичъ проводитъ нѣкоторое время у австрійскихъ славянъ и въ самой Вѣнѣ обработываетъ важные для исторіи русской церкви „Протоколы константинопольскаго патріархата“. Въ 1847 году онъ возвращается въ Россію и, какъ результатъ ученой поѣздки, является „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи“,—сочиненіе весьма интересное по разнообразію археологическихъ свѣдѣній объ излѣдованныхъ имъ земляхъ, а богатая коллекція спасенныхъ имъ отъ погибели древнихъ рукописей становится лучшимъ украшеніемъ его замѣчательной библіотеки и предъявляется аудиторіи, при чтеніи на лекціяхъ фрагментовъ древне-славянскихъ памятниковъ.

Профессорская дѣятельность Григоровича въ казанскомъ университетѣ прерывается на короткое время отъѣздомъ его въ Москву, когда Бодянскій, по распоряженію министра нар. просв., былъ перемѣщенъ, въ 1848 г., на службу въ Казань, а на его мѣсто былъ

[1] „Славянскій ежегодникъ“, Кіевъ, 1877 г. Статья проф. Котляревскаго по случаю кончины Григоровича.

назначенъ Григоровичъ; но Бодянскій въ Казань не поѣхалъ, а подалъ въ отставку; съ 1850 года онъ снова занимаетъ каѳедру въ московскомъ университетѣ, а Григоровичъ переходитъ обратно въ казанскій [1]), гдѣ и занимаетъ каѳедру славянскихъ нарѣчій до 1865 года, т. е. до времени приглашенія его въ открытый тогда въ Одессѣ новороссійскій университетъ. Здѣсь, на югѣ, неутомимый труженникъ, славистъ энергично принялся за свои ученыя изысканія, не смотря на свой старческій возрастъ, и почти до самой смерти, постигшей его въ Елисаветградѣ, онъ не переставалъ трудиться надъ дорогимъ ему русско-славянскимъ міромъ.

Подвизаясь много лѣтъ на каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій и славянскихъ древностей, Викторъ Ивановичъ долженъ былъ твердо стать на археологической почвѣ, какъ объ этомъ заявляетъ онъ самъ: „Обнимая собою цѣлое, уставляя на мѣстѣ всѣ явленія жизни славянской, она (т. е. славянская наука) дорожитъ и буквою, и словомъ, и заржавѣлымъ преданіемъ, и загадочнымъ намекомъ лѣтописи, и перломъ поэзіи, и правдою закона“.

Во время своего одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Одессѣ, Григоровичъ почти каждое лѣто предпринималъ экскурсіи съ археологическою цѣлію. Его привлекало и побережье Днѣстра и историческая Калка, манила его мѣстность, гдѣ была запорожская сѣчь, а еще болѣе—священный Корсунь. Цѣлію всѣхъ этихъ поѣздокъ, по словамъ самого Виктора Ивановича, было желаніе найти слѣды древняго пребыванія славянъ въ тѣхъ южнорусскихъ окраинахъ, гдѣ появились позже новыя наслоенія народностей. „Побережье Днѣстра—говоритъ въ одномъ изъ сочиненій Викторъ Ивановичъ—въ той-же мѣрѣ привлекаетъ пытливость антиквара, какъ и Таврида. Если тамъ отношенія русскаго народа къ старожиламъ грекамъ темны и загадочны, то отношеніе его къ румынскому племени на Днѣстрѣ, какъ въ старое, такъ и въ новое время, подтверждаются фактами, требующими особеннаго вниманія. Сила давленія другихъ народовъ заслонила лишь эти отношенія. Теперь нельзя сомнѣваться, что славянское племя заселяло искони побережье Днѣстра совмѣстно съ румынами. Можетъ быть, оно имѣло преимущество давности. Не говоря объ антахъ, довольно вспомнить о тиревцахъ или тиверцахъ и объ угличахъ или улучахъ,—этихъ толковинъ, т. е. помощниковъ, союзниковъ русскихъ“. Здѣсь кстати замѣтить, что, еще въ свое путешествіе по славянскимъ землямъ, Григоровичъ посѣтилъ древній румынскій монастырь

[1]) „Русская Старина“ 1879 г., кн. 5-я.

Поянa-Мърулуй [1]), находящійся между Бузео и Фокшанами; въ этомъ монастырѣ находили часто пріютъ и русскіе монахи. Здѣсь Виктору Ивановичу удалось найти русскія книги и рукописи. Потомъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, онъ изслѣдуетъ древности Аѳона, гдѣ пріобрѣтаетъ драгоцѣнные письменные памятники, отсюда отправляется въ Солунь, тщетно розыскивая тамъ слѣдовъ почитанія памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія. „Почти трехмѣсячные поиски мои, говоритъ Григоровичъ, оставили во мнѣ убѣжденіе, что византійская культура Солуня равнодушно относилась къ славнымъ уроженцамъ этого города". Только въ западной Македоніи нашелъ онъ живую память объ этихъ славянскихъ апостолахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашелъ въ рукописяхъ намеки на русскія письмена, русскій языкъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣми греческими документами, найденными въ Вѣнѣ, которые касаются черноморскихъ окраинъ, заставило Виктора Ивановича предположить, что въ исторіи славянской письменности имѣетъ важное значеніе древній Корсунь, гдѣ св. Кириллъ и Меѳодій подвизались около 862, т. е. около времени сложенія русскаго государства. „Не призваніемъ, слѣдовательно, варяговъ на сѣверѣ началось русское государство, но и благовѣстію на югѣ, въ Херсонѣ, славянскихъ апостоловъ", говоритъ Григоровичъ [2]).

Занятый мыслію о важности Корсуня для славянской науки, пытливый археологъ стремится посѣтить этотъ древній пунктъ греческой цивилизаціи въ нашихъ предѣлахъ, но осуществленію его плановъ встрѣчается много препятствій, такъ что только въ 1861 г. онъ могъ посѣтить Севастополь, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ произвести никакихъ изысканій, по независящимъ лично отъ него обстоятельствамъ, и съ глубокимъ огорченіемъ долженъ былъ возвратиться въ Казань. Осуществленіе завѣтнаго желанія произошло только съ переходомъ В. Ив. изъ Казанскаго университета въ Новороссійскій, да и то не сразу. Только въ 1868 году онъ началъ знакомиться съ Севастополемъ и затѣмъ въ 1870 году. Мнѣ лично приходилось слышать отъ В. Ив—ча объ этой поѣздкѣ, при чемъ онъ съ особымъ удовольствіемъ разсказывалъ о той помощи, какую оказали ему матросы, „эти правдивые рапсоды великаго событія", какъ онъ ихъ называетъ. При этомъ онъ показывалъ мнѣ небольшой мѣдный крестъ съ старинною славянскою надписью. „Это

[1]) Поянa-Мърулуй (долина яблони); ъ послѣ *М* поставленъ самимъ авторомъ „Записки антиквара".

[2]) Замѣтки о Солуни и Корсунѣ, стр. 7.

нашелъ мнѣ севастопольскій матросъ“ — говорилъ, какъ-бы подчеркивая послѣднія слова, Викторъ Ивановичъ.

Въ 1873 г., трудясь для предстоящаго тогда археологическаго съѣзда, Григоровичъ предпринялъ путешествіе въ разные пункты южной Россіи. Имъ были посѣщены берега Азовскаго моря, Крымъ и часть побережій Днѣпра и Днѣстра. Отчетъ объ этой археологической экскурсіи сдѣланъ В. Ив. въ весьма интересномъ, хотя и небольшомъ, его трудѣ: „Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и побережья Днѣпра и Днѣстра. Одесса 1874 г.“. Представляя въ своей „Запискѣ“ много остроумныхъ историко-этнографическихъ догадокъ, авторъ дѣлится съ читателемъ тѣми впечатлѣніями, какія онъ вынесъ изъ своего путешествія; сочувственно относится къ лицамъ, помогавшимъ ему въ изысканіяхъ [1]) и сѣтуетъ на пренебреженіе и полное равнодушіе къ былому чужестранныхъ поселенцевъ на южно-русской землѣ. „Только надежда на поощреніе правительства, на сочувствіе коренныхъ русскихъ можетъ ободрить поиски, предпринятые съ цѣлію отвѣчать современнымъ задачамъ русской исторіи“, говоритъ въ концѣ своей записки нашъ знаменитый антикваръ. Въ другомъ мѣстѣ въ словахъ почтеннаго археолога-слависта слышится негодованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство горечи, по поводу пренебреженія новыхъ поселенцевъ къ былому: „Съ высоты своего самовожделѣнія потребители не внемлютъ, что та-же земля нуждается не только въ эксплуатаціи, но и въ бытовомъ ея изученіи. Они равнодушны къ голосу науки, призывающей тружениковъ сознательнѣе изучать родную землю; они глумятся, слыша, что антикварамъ самимъ приходится лѣзть въ реторту разноплеменныхъ отношеній и попадать подъ микроскопъ соглядатаевъ, дабы быть жертвою ихъ коварныхъ взысканій“.

Въ 1875 году я уѣхалъ изъ Одессы. Чрезъ годъ В. Ив. оставилъ свою профессорскую дѣятельность и удалился на покой въ Елисаветградъ, гдѣ и застигла его безвременная кончина. Мнѣ неизвѣстно, надъ чѣмъ работалъ въ послѣдній годъ своей жизни неутомимый труженикъ науки, слышалъ только, что до послѣдней минуты онъ не разставался съ излюбленнымъ своимъ вопросомъ о происхожденіи кирилловскаго и глаголическаго письма въ старославянскомъ языкѣ.

---

[1]) Упоминаетъ, напримѣръ, о бывшемъ директорѣ Бердянской гимназіи г. Коловичѣ, нынѣ директорѣ Тифлисскаго Александровскаго учительскаго института, помогшемъ ему въ нахожденіи старины у тамошнихъ старовѣровъ.

Ученая дѣятельность Григоровича прекрасно характеризуется словами покойнаго профессора кіевскаго университета Котляревскаго, также замѣчательнаго дѣятеля въ области славяновѣдѣнія: „Какъ ученый, онъ (т. е. В. Ив.) имѣлъ свои великія и неотъемлемыя заслуги: онъ былъ у насъ рѣдкимъ знатокомъ чистаго древне-славянскаго языка, на которомъ писалъ и даже произносилъ рѣчи. Ему принадлежитъ заслуга объясненія многихъ существенныхъ вопросовъ древне-славянскаго языка, письменности и древности. Обладая замѣчательною способностью выучиваться языкамъ (кромѣ европейскихъ, знакомыхъ ему въ совершенствѣ, онъ говорилъ по-турецки, по-новогречески и по-румынски; древнегреческій языкъ зналъ настолько основательно, что въ теченіе полутора года преподавалъ его въ казанскомъ университетѣ), онъ умѣлъ поставить свою науку на широкую почву; онъ зналъ источники ея и притомъ изъ самыхъ источниковъ: глубокое знаніе славянства соединялось въ немъ съ знаніемъ Византіи и западной науки. Но сдѣланное имъ видимое далеко не перевѣшиваетъ того, что сдѣлано имъ и невидимо, что хранится въ его ученикахъ: любовь къ славянству, славянская идея взрощены имъ широко и прочно въ сердцахъ и умахъ многихъ поколѣній“ [1]).

Теперь я намѣренъ представить В. Ив—ча въ его отношеніяхъ къ учащейся молодежи, представить его какъ человѣка, въ подтвержденіе только-что приведенныхъ словъ о томъ, какимъ путемъ незабвенный профессоръ умѣлъ вселить „въ сердцахъ и умахъ“ своихъ слушателей любовь къ наукѣ.

Еще до поступленія въ студенты Новороссійскаго университета мнѣ приходилось слышать много разсказовъ о Григоровичѣ отъ бывшихъ его слушателей. Говорили о немъ и какъ о замѣчательномъ ученомъ, и какъ о большомъ оригиналѣ по образу жизни, разсказывали о прекрасныхъ качествахъ его души, о простотѣ его отношеній къ студентамъ. Эти разсказы тѣмъ болѣе меня интересовали, что, задумавъ поступить на историко-филологическій факультетъ, я долженъ былъ въ скоромъ времени познакомиться съ этимъ незабвеннымъ сѣятелемъ славянской науки.

Въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть Григоровича, такъ сказать, ex officio. 30-го августа каждогодно происходитъ торжественный актъ въ новороссійскомъ университетѣ. Въ актовой залѣ, среди множества мундировъ и фраковъ, мнѣ невольно бросилась въ глаза

---

[1]) Славянскій ежегодникъ, Кіевъ, 1877 г., стр. 316.

одна личность въ профессорскомъ мундирѣ, пожилая, но еще довольно бодрая, съ живыми, бѣгающими глазами, съ почтенною лысиною и небольшими бакенбардами. Я обратился къ своему сосѣду-студенту съ вопросомъ, кто этотъ префессоръ, и получилъ отвѣтъ, что это Григоровичъ. Черезъ нѣсколько дней я имѣлъ удовольствіе быть на первой лекціи знаменитаго слависта. Насъ на первомъ курсѣ было немного, всего 7 человѣкъ, что дало возможность Василію Ивановичу обратиться къ каждому изъ его слушателей съ вопросомъ о томъ, гдѣ онъ учился, какой мѣстности уроженецъ. Это не были сухія, полуофиціальныя фразы, какія обыкновенно предлагаются въ подобныхъ случаяхъ: въ словахъ, съ которыми онъ обратился къ намъ, было столько привѣтливости, въ самыхъ глазахъ профессора просвѣчивала такая доброта, видно было такое участіе къ намъ, неофитамъ науки, что эта краткая бесѣда, а затѣмъ и самая лекція надолго остались въ памяти моей и моихъ товарищей.

Лекціи Виктора Ивановича часто носили характеръ бесѣды. Приносилъ онъ какой-нибудь памятникъ славянской письменности и предлагалъ переводить извѣстное мѣсто кому-нибудь изъ студентовъ, а затѣмъ, по поводу переводимаго фрагмента начиналась живая, столь интересная для насъ, начинающихъ знакомиться съ славянскою филологіею, бесѣда. Прошло ужъ много лѣтъ, а личность Виктора Ивановича живо представляется мнѣ на каѳедрѣ или у доски, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы форменномъ сюртукѣ, съ слѣдами на немъ стеарина, пыли и мѣлу. Почтенный профессоръ выводитъ на доскѣ цѣлые ряды словъ старо-славянскаго и современнаго русскаго языка. Какое-нибудь архаическое слово какъ будто оживаетъ предъ слушателями, теряетъ свою отвлеченность, посредствомъ цѣлаго ряда сравненій, быстро приводимыхъ увлекающимся лекторомъ, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ математиковъ становятся какъ-бы конкретными, дышатъ жизнію отвлеченныя математическія выкладки.

Быстро пролетѣлъ первый семестръ. Наступило время полугодовыхъ контролей для желающихъ получить стипендію. Болѣе всего насъ смущало испытаніе по русской исторіи, такъ какъ покойный профессоръ Смирновъ былъ слишкомъ требователенъ, а затѣмъ опасались и за славянскія нарѣчія. Хотя намъ и было извѣстно о всегдашней снисходительности на экзаменахъ со стороны Григоровича, но масса прочитаннаго имъ матеріала, а также и новизна самого предмета невольно заставляли насъ порядочно потрухивать. Испытанія, какъ теперь помню, производились въ факультетскомъ засѣданіи, вечеромъ, разомъ по всѣмъ предметамъ. Всѣ профессора, за исключеніемъ Григоровича, сидѣли вокругъ стола, къ которому съ

тайнымъ трепетомъ приближался каждый изъ насъ, а Викторъ Ивановичъ стоялъ у окна и велъ бесѣду съ подходящими къ нему для испытанія моими собратьями. Пришелъ, наконецъ, и мой чередъ. Подхожу.

„Вы интересуетесь славянскими нарѣчіями?", послѣдовалъ неожиданный для меня вопросъ со стороны профессора.

— „Да", могъ только я отвѣтить въ смущеніи.

„Какъ-же вамъ дается изученіе ихъ?" спрашиваетъ далѣе Викторъ Ивановичъ.

Я отвѣчалъ, какъ мнѣ помнится, въ такомъ родѣ, что пока еще не могъ серьезно остановиться на какомъ-либо изъ пройденныхъ нарѣчій, что въ первое полугодіе приходилось только поверхностно знакомиться вообще съ предметами своего курса, готовиться къ полугодовому экзамену и т. п. Послѣ моей довольно нескладной рѣчи, Викторъ Ивановичъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ изъ грамматики сербскаго языка и отпустилъ съ миромъ. Подобно тому какъ на первой лекціи, такъ равно и на этомъ первомъ для насъ университетскомъ экзаменѣ простое, неоффиціальное отношеніе покойнаго профессора къ испытуемымъ произвело на всѣхъ самое отрадное впечатлѣніе.

Въ концѣ учебнаго года намъ пришлось еще ближе познакомиться съ Викторомъ Ивановичемъ, узнать его какъ человѣка, въ простой его домашней обстановкѣ. Искреннее участіе профессора къ своимъ слушателямъ простиралось до того, что онъ удѣлялъ по нѣскольку часовъ для насъ въ теченіе цѣлой недѣли предъ экзаменомъ по его предмету, чтобы помочь намъ въ повтореніи пройденнаго курса. Здѣсь онъ резюмировалъ намъ свои лекціи, указывалъ на важнѣйшія стороны въ прочитанномъ имъ курсѣ славянскихъ нарѣчій, помогалъ намъ въ переводѣ извѣстныхъ образцовъ; при этомъ каждый изъ насъ имѣлъ право обращаться къ нему за разъясненіемъ какихъ-либо трудныхъ мѣстъ. Наши занятія прерывались обыкновенно чаемъ, который торжественно вносилъ въ домашнюю аудиторію Виктора Ивановича его старый слуга, имѣвшій, какъ говорили, на благодушнаго своего господина большое вліяніе и представлявшій изъ себя типъ обломовскаго Захара. Чай былъ всегда превосходнаго качества,—этимъ даже любилъ щегольнуть покойный профессоръ, равно какъ и дорогими сигарами, которыми, при случаѣ, и насъ угощалъ. За чаемъ шла обыкновенно посторонняя бесѣда. Викторъ Ивановичъ большею частію разсказывалъ намъ о своихъ поѣздкахъ съ археологическою цѣлію, о томъ, гдѣ онъ добылъ болѣе или менѣе цѣнное пріобрѣтеніе для науки, сообщалъ о своихъ занятіяхъ для

предстоящаго археологическаго съѣзда, часто разспрашивалъ насъ о мѣстахъ нашего жительства, и въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что онъ зналъ о нихъ больше, чѣмъ мы, коренные обитатели. Иногда показывалъ намъ Викторъ Ивановичъ свои коллекціи старинныхъ монетъ, крестиковъ и другихъ археологическихъ рѣдкостей, старался обратить наше вниманіе на рѣдкіе экземпляры, при чемъ сообщалъ исторію ихъ нахожденія. Съ особымъ удовольствіемъ показывалъ онъ намъ драгоцѣнныя пергаментныя рукописи, пріобрѣтенныя имъ во время путешествія по землямъ Балканскаго полуострова Кончалось чаепитіе, прекращалась эта экскурсія въ область археологіи, и мы снова принимались за повтореніе пройденнаго, за чтеніе славянскихъ образцовъ и за переводы. Подобныя репетиціи, продолжавшіяся нѣсколько дней, при особыхъ еще нашихъ домашнихъ занятіяхъ, настолько возобновляли въ памяти курсъ славянскихъ нарѣчій, что можно было безбоязненно шествовать на экзаменъ. Никогда я не забуду этихъ репетицій на дому у почтеннаго профессора, не забуду той незатѣйливой, вѣрнѣе сказать, чисто книжной обстановки его жилища; не забыть намъ всѣмъ, тѣмъ болѣе, самого добродушнаго хозяина, въ его стареңькомъ пальто, замѣнявшемъ халатъ, а иногда сидящаго и въ кожухѣ, съ трубкою въ зубахъ, среди неизмѣримаго количества книгъ, рукописей, газетъ, представлявшихъ какой-то поэтическій безпорядокъ въ комнатѣ знаменитаго слависта.

Разъ какъ-то, во время лѣта, зашелъ я съ товарищами къ Виктору Ивановичу, и мы застали его сидящимъ въ шубѣ и, по обыкновенію, съ трубкою въ зубахъ. Замѣтивъ, вѣроятно, наше удивленіе, онъ повелъ такую рѣчь:

„Эхъ, господа, господа! Какими-бы панами вы ни были, не забывайте русскаго кожуха. Вы не знаете, какъ онъ благодѣтеленъ“.

При этомъ дорогой старикъ сталъ распространяться о пользѣ шубы или, какъ онъ обыкновенно называлъ, „кожуха“, къ которому онъ всегда прибѣгаетъ лишь посѣтитъ его какой-нибудь недугъ.

Вмѣстѣ съ помощью научною, Викторъ Ивановичъ часто оказывалъ студентамъ и матеріальную поддержку; особенно по началу онъ благодѣтельствовалъ студентамъ изъ славянъ, прибывавшимъ въ Одессу изъ Болгаріи и Сербіи; двое изъ нихъ получали отъ него настоящую субсидію въ родѣ стипендіи, но не всегда эти господа отплачивали благодарностію профессору-славянофилу.

Будучи нѣкоторое время секретаремъ Одесскаго славянскаго, имени св. Кирилла и Мефодія, благотворительнаго общества, Гри-

горовичъ долженъ былъ стать въ близкое отношеніе къ тѣмъ бѣднякамъ изъ славянъ, которые получали пособіе отъ названнаго общества. Такъ какъ не всегда возможно было удовлетворить нуждающихся изъ общественнаго капитала, то Викторъ Ивановичъ часто помогалъ имъ изъ своего кармана, при чемъ его трудовыхъ денегъ перешло на это благотвореніе не малое количество, какъ мнѣ объ этомъ передавали въ Одессѣ, хотя самъ Викторъ Ивановичъ, разсказывая многое изъ отношеній своихъ къ братьямъ-славянамъ, никогда и словомъ не обмолвился о своей благотворительности.

Кто изъ одесситовъ не помнитъ Григоровича, какъ оратора, на торжественныхъ собраніяхъ въ университетѣ, на защитахъ диссертацій или въ собраніи славянскаго благотворительнаго общества? Какъ теперь вижу его на каѳедрѣ въ университетской залѣ, переполненной разнообразною публикою. Парадный костюмъ его слишкомъ выдѣляется среди другихъ таковыхъ-жъ костюмовъ: фракъ стараго покроя, широкій галстухъ 1840-хъ годовъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ воротнички старомодной манишки, придающіе какой-то оригинальный видъ его физіономіи, окаймленной старомодными-же бакенбардами. Но все это кажется нѣсколько страннымъ только по началу, пока не заговоритъ профессоръ; тогда вы невольно увлекаетесь фигурою оратора, умные глаза котораго горятъ огнемъ, голосъ становится все сильнѣе и сильнѣе, лицо его раскраснѣлось отъ волненія, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣчь дѣлается увлекательнѣе и невольно приковываетъ вниманіе всей публики.

Я не могу не привести теперь одного мѣста изъ рѣчи Виктора Ивановича, въ которой этотъ почтенный представитель славянской науки откровенно высказываетъ свой взглядъ на пресловутый панславизмъ.

„Прежде и паче всего считаемъ долгомъ своимъ отъ имени науки славянской засвидѣтельствовать, что столь возлюбленный врагамъ нашимъ панславизмъ, въ какомъ-бы смыслѣ намъ его ни бросали въ лицо, есть изобрѣтеніе іезуитовъ, давно стращавшихъ европейскіе народы, даже самихъ славянъ, горгоною панславизма, угрожающею будто съ сѣвера ихъ свободѣ... Русскому именно народу вреденъ какъ фиктивный, такъ и фактическій панславизмъ. Своеобразность его развитія не нуждается ни въ новыхъ воплощеніяхъ, ни въ перестроѣ, нарушающемъ его самобытность“ [1]).

Громкіе апплодисменты раздались со всѣхъ сторонъ на эти прекрасно сказанныя слова оратора, но тѣмъ не менѣе, не всѣмъ присутствовавшимъ пришлись они по нраву.

---

[1]) „Что принесъ намъ прошедшій годъ?“, стр. 6-я, Одесса, 11 мая 1873 г.

„Однако, почтенный профессоръ не совсѣмъ-то справедливо изволилъ рѣчь вести“, замѣтилъ мнѣ, при выходѣ изъ залы, одинъ знакомый не русскаго происхожденія.

— „Въ чемъ-же онъ неправъ?“ спросилъ я.

„Да на счетъ панславизма. Какъ онъ изволилъ его изобразить?... Не даромъ-то онъ и брюшко себѣ отростилъ“, ворчалъ мой знакомый, сходя съ лѣстницы.

Я нашелъ излишнимъ дѣлать какія-либо возраженія, такъ какъ понятно мнѣ было это ворчанье; но заподозривать Григоровича въ какихъ-бы то ни было своекорыстныхъ цѣляхъ было совсѣмъ нелѣпо, и насколько былъ правъ въ своемъ сужденіи мой знакомецъ, предоставляю на размышленіе всякому, кто хоть сколько-нибудь зналъ благородную личность Виктора Ивановича. Что-же касается приведенныхъ только-что его словъ, то не являются-ли они теперь какъ-бы пророческими, когда спасенные нами отъ турецкаго ига и вызванные къ политической жизни братья-славяне отплатили только неблагодарностію.

При всей своей неустанной, энергичной работѣ по славянской филологіи, Григоровичъ зорко слѣдилъ за злобою дня, за разнообразными явленіями общественной жизни, какъ у себя дома, такъ и за границею. Часто приходилось слышать въ рѣчахъ его: „земство“, „земское дѣло“, „земскій вопросъ“. Въ этихъ словахъ высказывалось то, какое значеніе придавалъ покойный профессоръ земской, народной силѣ, обновленной благодѣтельными реформами Царя-Освободителя. Не разъ высказывалъ онъ, что отъ народнаго самосознанія зависитъ и его умственный ростъ, и развитіе матеріальнаго благосостоянія. Какъ часто онъ возмущался тою эксплуатаціею, которой подвергается сельское населеніе со стороны разныхъ кулаковъ еврейскаго и не еврейскаго происхожденія. Однажды я зашелъ къ Виктору Ивановичу, чтобы взять программу для предстоящаго на другой день экзамена по его предмету. Голова моя была полна въ то время всякихъ суффиксовъ, корней и т. д., а почтенный профессоръ предлагаетъ мнѣ для прочтенія одну изъ кіевскихъ газетъ.

„Вотъ прочтите, что господа евреи [1]) продѣлываютъ съ рабочими на сахарныхъ заводахъ“.

— „Викторъ Ивановичъ, возражаю я.—да вѣдь завтра экзаменъ“.

[1]) Евреевъ, а также и грековъ В. Ив. всегда чествовалъ словомъ: „господа“; это встрѣчается даже въ его „Запискѣ антиквара“, на 44 стр.

„Ничего, ничего, отвѣчаетъ добродушно профессоръ,—вы дома прочтете статью, а завтра отдадите мнѣ газету въ университетѣ“.

Volens-nolens долженъ былъ я взять эту газету и пробѣжать рекомендованную статью, о которой Викторъ Ивановичъ не преминетъ побесѣдовать.

Вообще, по своей гуманной натурѣ, Викторъ Ивановичъ не могъ равнодушно смотрѣть на то, что носило въ себѣ отпечатокъ нечестности. Рѣчь его, полная негодованія, одинаково безпощадно бичевала и еврея, и грека, и славянина. Какъ часто онъ возмущался духомъ изъ-за поступковъ молодежи изъ сербовъ и болгаръ.

„Помилуйте, говорилъ намъ въ своей бесѣдѣ незабвенный профессоръ, развѣ это честно? Являются эти господа къ намъ съ искреннимъ заявленіемъ, что хотятъ пріобрѣсть извѣстныя знанія для пользы своего народа, а въ концѣ-концовъ дѣло оканчивается тѣмъ, что, заручившись у насъ дипломами, они и думать не хотятъ о своей родинѣ, а предпочитаютъ оставаться въ Россіи и получать приличные оклады. Конечно, это выгоднѣе!“ При этомъ Викторъ Ивановичъ всегда иллюстрировалъ подобное замѣчаніе частыми случаями изъ своего многолѣтняго общенія съ славянскимъ людомъ.

Мирная, повидимому, жизнь Григоровича носила въ себѣ, насколько я могъ замѣтить, нѣкоторый трагическій оттѣнокъ. Этимъ только и можно объяснить то странное явленіе, что почтенный профессоръ, отличавшійся вообще необыкновенною добротою и чисто христіанскою кротостью, говорилъ очень часто раздраженнымъ тономъ, а подчасъ изъ устъ его исходила даже озлобленная рѣчь. Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ ужъ, такъ сказать, на закатѣ дней, когда Викторъ Ивановичъ былъ удрученный жизнію и лѣтами старикъ; мнѣ неизвѣстны тѣ ранніе годы его дѣятельности, когда онъ, еще молодой славистъ, былъ полонъ энергіи и силы; но, судя по его-же разсказамъ, житейскія передряги не разъ вторгались въ мирную храмину мужа науки и онѣ-то, быть можетъ, и произвели въ немъ извѣстную ломку, сдѣлали его тѣмъ оригиналомъ, тѣмъ чудакомъ, какимъ обыкновенно представлялся онъ людямъ, мало знавшимъ покойнаго профессора, людямъ, незнакомымъ ни съ его міросозерцаніемъ, ни съ его любвеобильною душею. Трагизмъ положенія увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Викторъ Ивановичъ, подобно герою безсмертной грибоѣдовской комедіи, зналъ, что его считаютъ чудакомъ, видѣлъ, что его не понимаютъ, зналъ даже и то, что его считаютъ чуть-ли не сумашедшимъ. Какъ это ни странно, но мнѣ пришлось отъ самого-же Виктора Ивановича услышать объ этомъ печальномъ фактѣ. Случилось это слѣдующимъ

образомъ: прихожу я однажды на домъ къ покойному профессору и замѣчаю въ немъ какую-то раздражительность во все время бесѣды. Положеніе мое было довольно неловкое. Я ужъ хотѣлъ было ретироваться во-свояси, но любезный хозяинъ удержалъ меня и вскорѣ, за чаемъ, онъ самъ разрѣшилъ мое недоумѣніе. „Представьте, заговорилъ Викторъ Ивановичъ, весь въ волненіи, меня обвиняютъ въ отсталости! Григоровичъ, молъ, кромѣ старинныхъ памятниковъ ничѣмъ не интересуется, не слѣдитъ за вопросами современной науки... Да лгутъ-же они, горячился все болѣе и болѣе почтенный славистъ. Эти господа, что меня обвиняютъ въ отсталости, сами-же они не разъ пользовались моими указаніями". Въ такомъ родѣ, какъ теперь я помню, выражалъ свое негодованіе на неизвѣстныхъ мнѣ своихъ противниковъ Викторъ Ивановичъ и затѣмъ уже, съ усмѣшкою, сказалъ и о томъ, что нѣкоторые господа считаютъ его чуть-ли не сумашедшимъ.

Видно ужъ слишкомъ тяжело было на душѣ у незабвеннаго профессора, если онъ не вытерпѣлъ, чтобы не подѣлиться своимъ чувствомъ горечи съ подвернувшимся ему подъ-руку студентомъ. Что научныя занятія не разобщали знаменитаго слависта и съ современною ему жизнію, ея интересами, насущными вопросами, это видно изъ цѣлой вереницы тѣхъ многочисленныхъ рѣчей, которыя часто приходилось произносить Виктору Ивановичу въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ и на учено-офиціальныхъ собраніяхъ. Въ рѣчахъ этихъ сказывается не только ученый, но и человѣкъ, который далеко не объективно относился къ текущимъ общественнымъ вопросамъ, а напротивъ, весьма чутко прислушивался къ нимъ и съ чисто юношескимъ увлеченіемъ трактовалъ о злобѣ дня. Это былъ ораторъ, искренно повѣдующій публикѣ свои мысли, глубоко прочувствованныя, часто довольно оригинальныя, иногда не всѣмъ приходившіяся по вкусу. Очень часто слышались изъ устъ Григоровича слова: „земство", „земское дѣло", „земскій вопросъ". Въ этихъ словахъ сказывалось именно то, какое значеніе придавалъ профессоръ земской, народной силѣ, обновленной благодѣтельными реформами Царя-Освободителя.

Въ то время (въ началѣ 1870-хъ годовъ) только-что завершилась гимназическая реформа. Споры о классицизмѣ и реализмѣ еще не умолкли тогда въ обществѣ, и Григоровичъ въ своихъ рѣчахъ не разъ затрогивалъ школьный вопросъ. Склоняясь въ пользу классическаго образованія, Викторъ Ивановичъ разсуждалъ о немъ совершенно такъ, какъ трактуется въ настоящее время этотъ вопросъ въ учебной литературѣ.

Смотря на насъ, студентовъ, какъ на будущихъ учителей, Викторъ Ивановичъ иногда допускалъ съ нами бесѣды чисто педагогическаго содержанія. Какъ живо вспоминается мнѣ одинъ вечеръ, проведенный въ книжной храминѣ дорогаго профессора, зимою. На дворѣ злится вьюга, а въ комнатѣ Виктора Ивановича такъ тепло и уютно; самъ онъ сидитъ у стола въ своемъ кожухѣ и, покуривая трубочку, привѣтливо глядитъ на юныхъ своихъ гостей. Рѣчь зашла о пріемахъ преподаванія русскаго языка, при чемъ Викторъ Ивановичъ сталъ громить сухія, схоластическія формы преподаванія. „Да, говоритъ онъ, педагоги стараются обыкновенно подвести все подъ извѣстныя рубрики; желаютъ, напримѣръ, всякій русскій глаголъ подвести подъ извѣстный залогъ и видъ, а главное—этого-же требуютъ отъ ученика. Ну развѣ это возможно? Развѣ-же можно живой языкъ вставить въ извѣстныя рамки? Да я вамъ любаго преподавателя поставлю втупикъ на самыхъ, повидимому, простыхъ вещахъ“. Скоро намъ пришлось на практикѣ убѣдиться въ справедливости словъ незабвеннаго учителя.

Радушный хозяинъ по отношенію къ студентамъ, Викторъ Ивановичъ былъ таковымъ-же и къ постороннимъ лицамъ. Пріѣхалъ какъ-то въ Одессу знакомый мнѣ учитель К. изъ Екатеринослава и пожелалъ познакомиться съ Григоровичемъ. Отправились мы вмѣстѣ. Встрѣтивъ насъ, по обыкновенію, привѣтливо, Викторъ Ивановичъ обратился къ моему знакомому съ вопросомъ: „Не сердитесь-ли вы на меня за рецензію?“ Дѣло заключалось въ томъ, что учитель К. нѣсколько раньше представилъ въ округъ свою записку относительно церковно-славянской грамматики Колосова, не давно тогда введенной, какъ руководство, въ гимназіяхъ одесскаго учебнаго округа, и разборъ этой записки порученъ былъ попечителемъ Григоровичу. На этотъ весьма деликатно предложенный профессоромъ вопросъ г. К. отвѣтилъ, что онъ никакихъ претензій имѣть не можетъ, но что ему показалось страннымъ, почему не возражалъ на записку самъ Колосовъ. Затѣмъ разговоръ сосредоточился на Екатеринославѣ, который Викторъ Ивановичъ посѣтилъ въ одну изъ своихъ археологическихъ поѣздокъ, при чемъ онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ тѣхъ лицъ, которыя оказывали ему и радушный пріемъ, и посильную помощь въ ученыхъ изысканіяхъ. Бесѣда затянулась до полуночи. На другой день г. К., по приглашенію Виктора Ивановича, побывалъ въ университетѣ, гдѣ почтенный профессоръ ознакомилъ его съ библіотекою, затѣмъ еще пригласилъ къ себѣ на домъ, такъ что мой добрый землякъ

уѣхалъ изъ Одессы съ самымъ отраднымъ воспоминаніемъ о Викторѣ Ивановичѣ.

И не только интеллигентный гость пользовался любезнымъ обращеніемъ Григоровича, онъ равно былъ внимателенъ ко всякому посѣтителю, начиная отъ своего собрата-профессора и кончая бѣднякомъ-славяниномъ, приходившимъ къ нему за субсидіею. При своей добротѣ, Викторъ Ивановичъ былъ слишкомъ снисходительнымъ господиномъ въ отношеніи своихъ слугъ. Я упоминалъ раньше, что его старый камердинеръ, олицетворявшій собою обломовскаго Захара, имѣлъ на своего хозяина извѣстное вліяніе. Случилось, что этотъ Захаръ былъ въ отсутствіи и Григоровичу попался въ лакеи какой-то продувной парень. Пользуясь крайнею снисходительностью своего барина и полнѣйшимъ его невѣдѣніемъ практической жизни, этотъ новый камердинеръ сталъ продѣлывать всякаго рода фокусы.

Прихожу я разъ къ Виктору Ивановичу и застаю слѣдующую сцену. Камердинеръ возится въ своей комнатѣ около сундука, очевидно приготовляясь къ уходу. Въ другой Викторъ Ивановичъ роется въ книжкахъ и вытаскиваетъ изъ одной книги деньги, которыя онъ обыкновенно хранилъ въ своихъ фоліантахъ.

„Вотъ тебѣ, любезнѣйшій, плата за мѣсяцъ“, говоритъ онъ своему слугѣ, вручая нѣсколько кредитныхъ билетовъ. Малый принимаетъ деньги нехотя и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Проходитъ нѣсколько минутъ. Викторъ Ивановичъ замѣчаетъ, во время разговора со мною, что слуга его не удаляется, и полагая, что тотъ хочетъ еще стянуть что-нибудь, вновь достаетъ изъ книжки деньги и направляется съ ними въ комнату слуги.

„Вотъ тебѣ, голубчикъ, на извощика, только пожалуйста уходи скорѣе!“ Викторъ Ивановичъ продолжаетъ прерванный разговоръ со мною, а слуга все-таки не выходитъ изъ своей комнаты, видимо не желая разстаться съ такимъ рѣдкимъ бариномъ. Старикъ-профессоръ, весьма взволнованный, подымается съ дивана и идетъ къ слугѣ, убѣждая его опять убраться, но малый, попрежнему, упорствуетъ. Меня, наконецъ, возмутило это нахальство и я пошелъ на подмогу добродушному хозяину.

„Какъ тебѣ не стыдно? обратился я къ упорствующему камердинеру. Ты видишь, что баринъ не хочетъ тебя держать. Ты получилъ отъ него больше, чѣмъ заслужилъ. Теперь вѣдь ничего ужъ не получишь. Уходи-же скорѣе подобру-поздорову!“

Почему-то мои слова возымѣли надлежащее дѣйствіе. Упрямый

слуга, не говоря ни слова, схватилъ свой сундучекъ и быстро удалился.

„Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ, какъ благодаренъ! восклицалъ добродушный Викторъ Ивановичъ. Знаете, вы меня избавили отъ ужаснаго негодяя. Представьте, онъ совершенно ничего не дѣлалъ, и только обкрадывалъ меня. Если-бъ не вы, я не знаю, какъ-бы я съ нимъ развязался".

„Я очень радъ, Викторъ Ивановичъ, что мой приходъ случился такъ кстати",—отвѣтилъ я на его слова. Черезъ нѣсколько дней старый камердинеръ возвратился изъ своего вояжа въ родную деревню, и домашняя жизнь Виктора Ивановича пошла своимъ обычнымъ порядкомъ.

Въ студенческой средѣ ходило много разсказовъ, часто анекдотическаго характера, о Григоровичѣ. Разсказы эти, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, конечно, видоизмѣнялись, принимали различную окраску, но въ общемъ они обрисовывали личность почтеннаго профессора, какъ человѣка простаго въ своей домашней жизни и въ отношеніяхъ къ людямъ, увлеченнаго до крайности своимъ излюбленнымъ дѣломъ, разсѣяннаго и небрежнаго къ своей внѣшности. Однажды (гласитъ студенческое преданіе) отправляется Викторъ Ивановичъ отыскивать себѣ новую квартиру. Ходилъ онъ обыкновенно въ неказистомъ, потертомъ пальто, въ простой фуражкѣ (цилиндръ надѣвался въ рѣдкихъ оффиціальныхъ случаяхъ), часто простая ситцевая рубаха выглядывала изъ-подъ рукавовъ его сюртука. Въ такомъ костюмѣ, конечно, трудно было угадать въ немъ генерала и разныхъ орденовъ кавалера. Вотъ подходитъ профессоръ къ одному дому и освѣдомляется у дворника объ отдающейся въ наемъ квартирѣ.

„Да вы кто будете?" спрашиваетъ дворникъ, подозрительно осматривая неказистую фигуру нанимателя.

— „Я чернорабочій!" аттестуетъ себя излюбленнымъ своимъ названіемъ Викторъ Ивановичъ.

„Э, братъ, уходи! Это квартира не для чернорабочаго", отвѣчаетъ дворникъ, несомнѣвающійся теперь въ томъ, что видитъ предъ собою бѣднаго ремесленника.

— „Но ты однакожъ покажи; можетъ быть я и найму", возражаетъ дворнику Григоровичъ.

„Да нѣтъ, любезный, что глазѣть-то по пустому? говорятъ тебѣ, что эта квартира дворянская".

Долго-ли, коротко-ли препирался съ дворникомъ профессоръ, но недоразумѣніе, наконецъ, разрѣшилъ стоявшій по близости

извозчикъ, не разъ отвозившій Виктора Ивановича въ университетъ, и суровый привратникъ, изумленный неожиданнымъ открытіемъ, долженъ былъ показать квартиру знаменитому чернорабочему.

Довольно характерный разсказъ часто приходилось мнѣ слышать о неудачной попыткѣ Виктора Ивановича устроить свое семейное счастіе. Если этотъ разсказъ и недостовѣренъ, то, сообразно характеру Григоровича, весьма правдоподобенъ.

Въ дни молодости, когда Викторъ Ивановичъ былъ профессоромъ въ Казани, ему приглянулась одна юная дѣвица. Дѣло клонилось ужъ къ свадьбѣ. Составилась какъ-то загородная прогулка, въ которой долженъ былъ принять участіе и Григоровичъ, давшій наканунѣ обѣщаніе невѣстѣ быть непремѣнно. Но какъ на бѣду, въ самый день этой прогулки прибыли съ почты новыя книги. Овладѣвши ими, молодой ученый забылъ и про загородную прогулку, и про свою невѣсту; только наступившія сумерки прервали его чтеніе и тогда-то Викторъ Ивановичъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи. Но уже отправляться за-городъ было поздно и онъ предпочелъ, зажегши свѣчу, продолжать свое чтеніе. На другой день онъ явился съ извиненіемъ къ своей невѣстѣ, но та встрѣчаетъ его весьма холодно и на извиненіе отвѣчаетъ такъ:

„Если вы, ради вашихъ книжекъ, забыли меня, такъ и оставайтесь съ ними. Замужъ я за васъ не пойду“.

И остался Викторъ Ивановичъ, весь свой вѣкъ, бобылемъ, сохраняя въ себѣ до конца своихъ дней неугасаемую любовь къ наукѣ.

Археологическій съѣздъ въ Москвѣ (1890 г.), этомъ сердцѣ Россіи, явился для меня одною изъ побудительныхъ причинъ къ тому, чтобы почтить живымъ словомъ воспоминанія свѣтлую личность незабвеннаго археолога-слависта, благородный образъ котораго, вѣроятно, еще не изгладился изъ памяти современныхъ дѣятелей науки, хорошо знавшихъ покойнаго профессора. Его многолѣтняя дѣятельность на университетской каѳедрѣ и на почвѣ археологіи сама за себя говоритъ; а его всегдашнее стремленіе къ пробужденію нашего національнаго самопознанія,—стремленіе, вытекавшее изъ глубокой любви къ своему отечеству, прекрасно характеризуется слѣдующими словами Виктора Ивановича:

„Дóроги, конечно, земли славянскія, но еще дороже земля родная. И всякій разъ, какъ съ любовью кто проникнетъ къ своей родинѣ, она подскажетъ свою забытую быль, отъ которой встрепенется ретивое“ [1]).

---

[1]) Изъ рѣчи В. Ив. Григоровича: „Что принесъ намъ прошедшій годъ“.— Одесса, 11 мая 1871 г.

Дѣйствительно, тотъ періодъ времени, въ продолженіе котораго подвизался на поприщѣ науки профессоръ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ и его товарищи-сѣятели, представляетъ собою такое отрадное явленіе, такую замѣчательную быль въ исторіи нашего просвѣщенія, что не забыть ее истинно-русскому человѣку до тѣхъ поръ, „пока солнце сіяетъ, пока міръ стоитъ!“

А. Колянковскій.

г. Кутаисъ,
1889 г.

Рисов. профес. Ѳ. Солнцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ А. И. ТУРГЕНЕВА.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ, скончавшійся въ 1803 г., былъ второй сынъ Ивана Петровича Тургенева и родной братъ Александра и Николая, столь извѣстныхъ въ исторіи русскаго образованнаго общества. Андрей Тургеневъ, сколько извѣстно, въ 1795 г. перевелъ сочиненіе Якова Федерсена: „Библейская нравственная книжка“ (въ „Опытѣ библіографіи“ Сопикова она не помѣщена). Онъ былъ любимцемъ своего отца и другомъ поэта В. А. Жуковскаго. Вотъ немногія біографическія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ Андреѣ Тургеневѣ [1]). Намъ случайно попалась довольно рѣдкая книжка, подъ заглавіемъ: „Литературныя занятія“ (Спб. 1836 г. Въ тип. Имп. Академіи Наукъ, въ 8 д. л., 252 стр.). На первой страницѣ этой книжки напечатано стихотвореніе за подписью: Ан. Тургеневъ, служащее эпиграфомъ къ повѣсти: „Непостоянство счастія“ [2]). Гдѣ первоначально было напечатано это стихотвореніе Андрея Тургенева—намъ неизвѣстно; сообщаемъ его на страницахъ „Русской Старины“:

Что счастіе? Быстрый лучъ сквозь мрачныхъ тучъ осеннихъ:
Блеснетъ—и только лишь несчастный въ восхищеньи
Къ нему объятія и взоры устремитъ:
Уже сокрылось всё, чѣмъ бѣдный веселился,
Отрадный лучъ исчезъ, и мракъ надъ нимъ спустился;
И онъ обманутый, растерзанный стоитъ,
И небо горестной слезою укоряетъ...
Такъ счастія въ мірѣ нѣтъ.

Сообщ. изъ Казани 2-го мая 1873 г. П. И. Васильевъ (†).

[1]) О родѣ Тургеневыхъ см. статьи: И. С. Тургенева—„Николай Ивановичъ Тургеневъ. Некрологъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1871 г., № 12, стр. 913); Пыпина „Русскій путешественникъ въ 1820-хъ годахъ“ по поводу изд. писемъ Н. И. Тургенева („Вѣстникъ Европы“ 1872 г., № 2, стр. 708—709); тоже въ „Справочномъ энциклопедическомъ лексиконѣ“ Толля (т. III, стр. 373).

[2]) Содержаніе книжки слѣдующее:

А) Проза: I) Непостоянство счастія. Повѣсть. II) Верницкій. Разсказъ. Б) Стихи: два лирическихъ стихотворенія и пять эпиграммъ.

Сообщеніемъ этой книжки мы обязаны З. П. Рязанову, содержателю книжнаго магазина и библіотеки въ Казани. П. В.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1869 г. [1]).

нварь 1. Среда. Канунъ новаго года дома. Зашелъ И. А. Гончаровъ; съ нимъ и съ семьей и встрѣтилъ новый годъ. Въ природѣ распутно и мокро.

Думаю много о томъ, чтó слѣдуетъ въ себѣ исправить: подлежащаго такому исправленію много.

Есть книги, содержаніемъ которыхъ убѣждаешься во время самого чтенія, а потомъ, такъ сказать, очнувшись и обдумавъ его, разочаровываешься и теряешь къ нему довѣріе. Но есть такія книги или сочиненія, идеи которыхъ сперва принимаешь съ недовѣріемъ, а уже послѣ, припоминая ихъ, вдумываясь въ

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—686.

нихъ, углубляясь въ нихъ, все больше и больше проникаешься ихъ достоинствомъ и радуешься, что съ ними познакомился.

Роль старшихъ не останавливать порывы и стремленія младшихъ, а пріостанавливать: во-первыхъ для того, чтобы, необузданно стремясь къ лучшему, они не надѣлали худшаго, а, во-вторыхъ, потому, что нельзя-же дать міру наклониться на одинъ бокъ, и послѣ извѣстныхъ кризисовъ или волненій надобно подумать и о равновѣсіи. Если міръ обновляется младшими, то старшими онъ живетъ и поддерживается.

6. Понедѣльникъ. Студенты опять начинаютъ дурить: они предъявили свои требованія о дозволеніи имъ сходокъ и проч.

13. Понедѣльникъ. Твердость характера есть признакъ здоровой нравственной организаціи и сильной воли; упрямство-же—признакъ ограниченнаго ума.

14. Вторникъ. „Военный Сборникъ“ 1869 г. январь — „Записки герцога Евгенія Виртембергскаго, 1855 г.“. Между многими умными мыслями о Россіи тутъ есть одно замѣчаніе, поразительное по своей вѣрности:

„Нѣтъ болѣе вѣрнаго средства сдѣлать Россію страшнымъ противникомъ, какъ заставить ее, противъ воли, привести въ движеніе всѣ ея дремлющія силы“.

15. Среда. А. Г. Тройницкій прислалъ мнѣ двѣ внесенныя въ государственный совѣтъ записки министра народнаго просвѣщенія: одна заключаетъ въ себѣ проектъ лицея Каткова и Леонтьева, а другая касается измѣненія параграфа университетскаго устава, чтобы избраніе профессоровъ на пятилѣтіе зависѣло не отъ двухъ третей голосовъ, а отъ абсолютнаго большинства. Онъ просилъ меня сдѣлать мои замѣчанія на эти записки. Проектъ лицея удивительно страненъ. Я отмѣтилъ всѣ его несообразности. Что касается измѣненія вышеупомянутаго параграфа университетскаго устава, то о немъ я намѣренъ еще поговорить.

16. Четвергъ. Вечеромъ у Тройницкаго. Отдалъ ему мои замѣчанія и сообщилъ мои соображенія, съ которыми онъ безусловно согласился.

23. Четвергъ. Сегодня въ половинѣ четвертаго часа пополудни скончался Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Это меня глубоко огорчило. За исключеніемъ того времени, или, по край-

ней мѣрѣ, второй половины его, когда онъ стоялъ во главѣ министерства, Авраамъ Сергѣевичъ былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ. Мѣсяца два тому назадъ онъ заболѣлъ легкою простудою. Но болѣзнь, повидимому, скоро прошла, и онъ началъ выѣзжать. Въ это время мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили въ Смольный монастырь на праздникъ обновленія церкви. Потомъ онъ опять слегка заболѣлъ. Можетъ быть, и это недомоганіе скоро прошло-бы, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Сергіевскій монастырь на могилу своей жены, гдѣ окончательно простудился и за обѣдомъ у архимандрита лишнее съѣлъ. На третій день послѣ этого я засталъ его уже въ постели. Это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ. Ему съ каждымъ днемъ становилось хуже. Умеръ онъ почти безъ физическихъ страданій, сохранивъ память часовъ за пять до роковаго часа и полное присутствіе духа. Да, я очень огорченъ. Я не хочу въ немъ помнить слабаго, малодушнаго министра и не могу не помянуть добрымъ словомъ хорошихъ, гуманныхъ свойствъ его сердца и дружескаго отношенія лично ко мнѣ. Вѣдь, ничто не возстановляетъ такъ человѣка противъ человѣка, какъ зло, которое онъ ему сдѣлалъ. Забыть это, протянуть обиженному руку, принять его прощеніе, право, требуетъ не малой доли великодушія. Таковъ, по крайней мѣрѣ, общій ходъ вещей на землѣ.

25. Суббота. Выносъ тѣла Авраама Сергѣевича: онъ будетъ преданъ могилѣ въ Сергіевскомъ монастырѣ, возлѣ праха его двухъ дѣтей и жены Варвары Егоровны. На панихидѣ были: Государь, Наслѣдникъ, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Константинъ Николаевичъ, принцъ Ольденбургскій и много другихъ почетныхъ лицъ. Изъ академиковъ были только я, Я. К. Гротъ, А. Ѳ. Бычковъ и Н. И. Кошкаровъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы завтра поѣхать къ Сергію на самое погребеніе, но докторъ не пускаетъ изъ-за моего катарра. За меня и за себя поѣдетъ жена отдать этотъ послѣдній долгъ бѣдному Аврааму Сергѣевичу.

Я отправилъ нѣсколько словъ къ Краевскому о Норовѣ для напечатанія въ „Голосѣ“.

26. Воскресенье. Избѣжимъ-ли мы войны и на этотъ разъ? Греція отказывается послѣдовать рѣшенію Парижской конференціи. Можемъ-ли мы не поддерживать Грецію, въ случаѣ войны

ея съ Турціею? Если это случится, то неизбѣжна всеобщая европейская война. Между тѣмъ, мы, говорятъ, къ войнѣ не готовы: у насъ даже нѣтъ ружей новой системы. Чего-же смотрѣло военное министерство? Желѣзныя дороги тоже недостроены. А финансы наши? Вся надежда на народный духъ и на испытанную стойкость нашихъ солдатъ. Впрочемъ, Россія видала и не такія бѣды. Вѣдь, и борьба съ Наполеономъ I въ царствованіе Александра I застала насъ не въ лучшемъ положеніи.

Странныя происходятъ во мнѣ психологическія явленія. То въ чувствѣ высшаго міросозерцанія и сознанія своей нравственной силы, я устанавливаюсь на твердыхъ точкахъ опоры и готовъ смотрѣть въ лицо всякимъ превратностямъ вещей внѣшнихъ и внутреннихъ; то опять, срываясь съ этихъ основъ, упадаю духомъ и дѣлаюсь игралищемъ самыхъ постыдныхъ колебаній, просто становлюсь малодушнымъ и робкимъ. И эти переходы отъ одного состоянія къ другому безпрерывны: подъемъ на гору и низверженіе внизъ, чтобы подняться снова на гору и снова съ нея свалиться.

29. Среда. Во вчерашнемъ номерѣ „Голоса" напечатана моя статейка объ А. С. Норовѣ.

31. Пятница. Министръ внутреннихъ дѣлъ далъ третье предостереженіе газетѣ „Москва", слѣдствіемъ чего, по закону, должно-бы быть пріостановленіе ея на шесть мѣсяцевъ. Но, дѣлая объ этомъ представленіе сенату, министръ обвинилъ Аксакова въ противозаконномъ и вредномъ направленіи его изданія, послѣ чего сенату предстояло уже формально осудить редактора, запретивъ ему всякое изданіе на пять лѣтъ или выразить мысль, что такого направленія въ газетѣ онъ не видитъ. Аксаковъ представилъ въ сенатъ (1-й департаментъ) свое оправданіе. Сенатъ его принялъ, и отсюда начинается уже родъ тяжбы между министромъ и редакторомъ газеты. Это производитъ большой шумъ въ публикѣ. Сегодня мнѣ говорили, что за разногласіемъ въ 1-мъ департаментѣ дѣло переходитъ въ общее собраніе сената. Часъ отъ часу не легче.

Февраль 1. Суббота. Правду сказать, русская исторія представляетъ мало свѣтлыхъ сторонъ, и Карамзинъ, со всѣмъ своимъ талантомъ, могъ сдѣлать всего занимательнѣе въ своемъ

родѣ картину времени Іоанна Грознаго. Я теперь занимаюсь чтеніемъ разныхъ монографій временъ послѣ Петровскихъ. Что за ужасная картина деспотическаго произвола, казней, олигархическихъ козней и интригъ, кнутобитія, застѣнковъ и т. п. Отдыхаешь только на эпохѣ Екатерины II.... Вѣкъ Александра I является въ трагической борьбѣ за существованіе съ Наполеономъ и представляетъ нѣсколько утѣшительныхъ страницъ, но и тутъ кончилось Аракчеевщиной и генералъ-губернаторствомъ Балашова. Но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Мы находимся въ періодѣ очищенія отъ всякія скверны и въ началѣ шествія нашего къ лучшему будущему. Можно-ли удивляться, однако, разнымъ нашимъ нынѣшнимъ неурядицамъ, деморализаціи и проч. Чудовище прежняго мрака и безобразія, кажется, убито навсегда; но хвостъ его еще тянется. Ужасно трудно поправляются ошибки исторіи.

5. Среда. Умъ можетъ умствовать, какъ хочетъ, но сердце человѣческое не можетъ вынести ужасной мысли, чтобы вселенная могла пребывать безъ высочайшаго Существа, живаго и безконечно разумнаго.

7. Пятница. Празднованіе пятидесятилѣтія с.-петербургскаго университета. Это еще только первый день. Сегодня панихида по государямъ Александрѣ I и Николаѣ I и по умершимъ профессорамъ, обѣдня въ университетской церкви и молебенъ, который служилъ митрополитъ кіевскій.

8. Суббота. Актъ въ залѣ дворянскаго собранія. Великолѣпное торжество совершилось въ полномъ порядкѣ. Наканунѣ боялись, мнѣ говорилъ товарищъ министра, что студенты сдѣлаютъ какую-нибудь демонстрацію. Однако, все обошлось какъ нельзя лучше, и всякій разъ, когда съ каѳедры раздавалось имя Государя, зала оглашалась громкими рукоплесканіями и криками ура. По прочтеніи рескрипта загремѣлъ народный гимнъ: два раза потребовали его повторенія. Была объявлена самая важная изъ щедротъ Государя: сто стипендій, по триста рублей каждая. Наградъ на профессоровъ было высыпано многое множество: чиновъ, орденовъ и проч.

Послѣ акта долженъ былъ послѣдовать студенческій обѣдъ. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать. Однако, я пересилилъ себя и уже одѣлся, но вдругъ почувствовалъ себя дурно и остался

дома. Видно рѣшимость моя была недолжная. Но отчего такое сильное нежеланіе ѣхать? Право, я и самъ не знаю хорошенько. Главное, мнѣ кажется, что я на этихъ многолюдныхъ и шумныхъ собраніяхъ лишній. Мнѣ говорили, что меня жаждутъ видѣть въ кругу своемъ мои бывшіе университетскіе слушатели. Но въ моемъ сегодняшнемъ настроеніи духа мнѣ это кажется скорѣй любезными словами, чѣмъ настоящимъ добрымъ желаніемъ. Кто изъ нихъ чувствуетъ, кто изъ нихъ понимаетъ, какъ я старался, какъ я хотѣлъ быть имъ полезнымъ? Да и точно-ли былъ я полезенъ кому-нибудь?

Мнѣ хотѣлось разослать профессорамъ къ восьмому числу мою книжонку о Галичѣ. Но типографія Головина такъ поздно доставила мнѣ экземпляры, что только немногіе изъ профессоровъ получили книжку во-время.

Ректоръ предлагалъ мнѣ участвовать въ завтрашнемъ обѣдѣ, который даютъ профессора. Я отказался: нездоровъ тѣломъ и духомъ.

Но такъ какъ и на солнцѣ бываютъ пятна, то и въ юбилейномъ университетскомъ торжествѣ были свои темныя стороны. Такъ, напримѣръ, записка о дѣятельности университета заключала въ себѣ такія восхваленія ему, что они и въ устахъ стороннихъ показались-бы грубою лестью, а въ собственныхъ его устахъ оказывались, по меньшей мѣрѣ, нескромными и неумѣстными. И безъ того уже адресы накадили столько ѳиміаму, что становилось душно отъ него; но тутъ, по крайней мѣрѣ, говорили другіе, а не самъ университетъ о себѣ.......

Но это не все. Университетъ въ рѣчи, сочиненной Вас. Вас. Григорьевымъ и прочитанной Ив. Еф. Андреевскимъ, восхваляя выше мѣры самого себя, въ то-же время бросилъ камень во всѣ другія спеціальныя учрежденія, представители которыхъ сидѣли тутъ-же и только что поднесли свои поздравительные адресы. Въ рѣчи была выражена та мысль, что спеціальныя учрежденія не имѣютъ никакого важнаго значенія и не приносятъ государству пользы, а приносятъ ее только университеты.

А нѣкоторые находятъ еще непристойность въ томъ, что въ одно и то-же время были провозглашены почетными членами университета: московскій митрополитъ Иннокентій и профес-

соръ медицинской академіи (Ив. Мих.) Сѣченовъ, представитель религіи и церкви и извѣстный матеріалистъ(??)

15. Суббота. Большой вечеръ у князя П. А. Вяземскаго. Тутъ была читана драма N. N., слабое и скучное произведеніе, всѣмъ надоѣвшее своею длиннотою. Въ ней обвинялись журналы наши во всевозможныхъ гадостяхъ и даже злодѣйствахъ, имъ приписаны даже петербургскіе пожары 1862-го года. Я возвратился домой въ два часа ночи усталый и недовольный.

На вечерѣ я, между прочимъ, познакомился съ адмираломъ **. Надъ нимъ былъ наряженъ судъ, по случаю крушенія фрегата „Александръ Невскій", на которомъ плылъ великій князь Алексѣй Александровичъ. Вчера состоялся приговоръ: ** строгій выговоръ, капитану корабля арестъ на мѣсяцъ.

18. Вторникъ. Массамъ принадлежитъ сила производительная, но организующей и устрояющей силы у нихъ нѣтъ. По справедливости, первую изъ этихъ силъ можно назвать брюхомъ, а вторую—головою.

Въ сѣверной Америкѣ всеобщее равенство, всеобщая свобода; но законодательствуютъ, управляютъ и руководятъ всѣмъ лучшіе, т. е. люди, надѣленные высшими способностями и умѣвшіе развить ихъ, поставить на высоту общихъ возвышенныхъ видовъ и задачъ. Дровосѣкъ Линкольнъ, портной Джонсонъ, наборщикъ Франклинъ вышли изъ народа и на этомъ только основаніи принадлежали къ массѣ, по дарованіямъ-же своимъ и развитію они стояли неизмѣримо выше ея. Дѣло въ томъ, что тамъ, т. е. въ Америкѣ, всякому открыты пути быть и дѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ.

20. Четвергъ. Обѣдъ у Д. Продолжительный разговоръ съ министромъ. Тутъ были ректоръ нашего университета, попечитель харьковскаго округа, графъ Сиверсъ и проч.

21. Пятница. Излишнія любезности и милости похожи на паръ жарко натопленной бани, который уже не грѣетъ, а разслабляетъ.

25. Вторникъ. Внизу пьянство и грубое невѣжество, въ серединѣ неурядица и броженіе умовъ, въ верхнемъ слоѣ отсутствіе способностей, патріотизма и характеровъ. Право, иногда готовъ отчаяться въ будущности Россіи, но не отчаеваешься.

Дочь покойнаго Греча, Александра Николаевна, приходила

благодарить меня за мое содѣйствіе тому, чтобы ей дарована была пенсія въ 400 рублей, въ уваженіе ученыхъ и литературныхъ заслугъ ея отца. Содѣйствіе мое заключалось въ томъ, что я составилъ о ней записку, которая имѣла успѣхъ, чему, какъ кажется, помогъ и мой біографическій очеркъ о Гречѣ, напечатанный въ академическомъ отчетѣ. Вотъ и все мое содѣйствіе. Но она благодарила меня такъ, какъ будто я былъ главный виновникъ оказанной ей милости. Вотъ ужъ плата, никоимъ образомъ не соотвѣтствующая цѣнности самой вещи.

Мартъ 7. Пятница. Посредствомъ популяризаціи нѣкоторыхъ высшихъ вопросовъ человѣчества, жизни и науки, многіе получаютъ несовершенныя о нихъ понятія; это-бы еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ они усваиваютъ себѣ и высокомѣрное мнѣніе, будто они знаютъ вполнѣ то, что знаютъ мало, поверхностно или чуть-чуть знаютъ. Вслѣдствіе этого они и требуютъ себѣ такихъ преимуществъ, какія или вовсе не принадлежатъ человѣку или принадлежатъ ему только на высшихъ ступеняхъ нравственнаго и умственнаго развитія.

16. Воскресенье. Парадный обѣдъ въ римско-католической академіи. Обыкновенное изъявленіе чувствъ уваженія, любви и прочихъ принадлежностей католическо-польскаго обихода. Впрочемъ, на этотъ разъ я имѣю слабость вѣрить искренности этихъ изъявленій.

Еще одно происшествіе не успѣло даже объясниться (кронштадтская драка солдатъ), какъ на сцену является другое: медико-хирургическая академія закрыта. Разумѣется, толкамъ нѣтъ конца, но никто ничего не знаетъ вѣрнаго о причинахъ и обстоятельствахъ этого печальнаго событія.

18. Вторникъ. Герцогъ Лейхтенбергскій, Николай Максиміліановичъ, давалъ сегодня обѣдъ академикамъ, по случаю избранія его въ почетные члены ея, съ правомъ голоса въ собраніяхъ. Герцогъ угостилъ насъ на славу: кушанья, вина сервировка—все было царское. Но всего лучше были привѣтливость, добродушіе и простота самого хозяина. Этикетъ здѣсь вполнѣ отсутствовалъ, и была простая, общечеловѣческая любезность и радушіе. Вечеръ закончился жженкою. Герцогъ съ каждымъ находилъ о чемъ побесѣдовать. Со мною онъ распространился о Малороссіи, говорилъ, что очень ее любитъ за при-

роду и за людей, съ которыми успѣлъ лично и хорошо познакомиться.

19. Среда. О происшествіи въ медицинской академіи все еще (нѣтъ) ничего достовѣрнаго. Впрочемъ, говорятъ, что здѣсь нѣтъ ничего политическаго. Давай Богъ! Однако, Нарановичъ уволенъ, а на мѣсто его опредѣленъ Козловъ.

Мимо окошекъ поутру промчались два отряда жандармовъ, говорятъ, для усмиренія Технологическаго института.

20. Четвергъ. Да, въ Технологическомъ институтѣ вчера, дѣйствительно, произошли безпорядки, для усмиренія которыхъ потребовалось содѣйствіе жандармовъ.

Въ „Голосѣ“ напечатано извѣстіе, что и въ Московской Петровской академіи прекращены лекціи.

У самаго безумнаго дѣла, у преступленія есть своя логика, способная обольстить или увѣрить слабодушныхъ и слабоумныхъ.

Надо различать въ консервативномъ началѣ двѣ силы. Одна изъ нихъ вредная, задерживающая, обращающая ходъ вещей вспять, противящаяся всякому движенію впередъ, всякому успѣху; другая, воздерживающая или сдерживающая движеніе искусственное, возбуждаемое страстями, стремящееся сломя голову къ какому-то неопредѣленному, мечтательному, утопическому совершенству.

21. Пятница. Вотъ и въ университетѣ поднялось наше благовоспитанное юношество. У меня былъ профессоръ Б. и разсказалъ мнѣ печальныя вещи. Студенты грубо приступили къ ректору и къ нѣсколькимъ находившимся въ университетѣ профессорамъ, въ числѣ коихъ былъ и Б., съ требованіемъ дозволить имъ сходки въ стѣнахъ университета. Никакія увѣщанія и объясненія не помогли. Шумъ, крикъ раздавались въ стѣнахъ мирнаго убѣжища науки. Наконецъ, надо было обратиться къ полиціи. Когда пріѣхалъ Треповъ, шумъ нѣсколько уже поутихъ. „Что вы, господа, тутъ затѣваете?“ спросилъ у толпы оберъ-полицмейстеръ.—„Ничего! Вотъ мы беремъ здѣсь наши шинели, чтобы разойтись“.

Происходили, напримѣръ, такія сцены: профессоръ читаетъ лекцію, вдругъ поднимаются нѣсколько студентовъ и требуютъ прекращенія лекціи, потому что имъ теперь некогда слушать

ее,—они должны отправиться на сходку. Но когда профессоръ не послушался ихъ и продолжалъ свое дѣло, буяны вышли, стали стучаться снаружи въ двери аудиторіи, а потомъ, пріотворивъ ихъ, обратились съ криками къ тѣмъ студентамъ, которые еще оставались въ ней.

Глупѣе всего—это печатныя прокламаціи, которыя студенты разбрасывали по городу и разсылали по нѣкоторымъ редакціямъ газетъ. „Вѣсть“ напечатала такую прокламацію, разумѣется, съ надлежащими коментаріями не въ похвалу сочинителей ея. Студенты обращаются къ обществу, чтобы оно поддержало ихъ требованія, т. е. чтобы имъ дозволены были сходки для совѣщаній, будто-бы, объ „ихъ дѣлахъ“ и чтобы ихъ освободили отъ полицейской опеки, которую они считаютъ для себя позорною.

23. Воскресенье. Академики сегодня давали обѣдъ герцогу Лейхтенбергскому въ отелѣ Донона. Обѣдъ оживленный и веселый. Герцогъ былъ въ высшей степени любезенъ. Меня заставили провозгласить тостъ, но я былъ не въ ударѣ и исполнилъ это плохо.

Человѣкъ, поощряемый наукою, особенно химіею, въ бѣшеной погонѣ своей за наслажденіями, такъ называемымъ комфортомъ, не замѣчаетъ, какъ онъ натыкается на множество такихъ невзгодъ и страданій, о какихъ прежде люди не имѣли понятія. Я увѣренъ, что множество новыхъ болѣзней нервныхъ, мозговыхъ и т. д., или усложненія старыхъ произошли отъ разныхъ усовершенствованій матеріальнаго быта.

Апрѣль 11. Пятница. Либералы враждуютъ противъ абсолютизма властей.... Но зачѣмъ-же они ограничиваются ненавистью къ одному только этому абсолютизму, а не распространяютъ ея и на абсолютизмъ собственныхъ мнѣній или той школы, къ которой принадлежатъ они сами?

13. Воскресенье. Дѣло Аксакова въ государственномъ совѣтѣ кончено. Опредѣлено: воспретить ему изданіе „Москвы“. Два члена подали голосъ противъ этого опредѣленія—Владиміръ Павловичъ Титовъ и Александръ Максимовичъ Княжевичъ. Они видятъ въ газетѣ только неловкость, рѣзкость сужденія, но не признаютъ вреднымъ ея направленія, за что газета только и можетъ подлежать запрещенію.

Погодинъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ обоихъ

Аксаковыхъ, умершаго и нынѣ живущаго[1]): оба лѣзутъ на ножъ, но одинъ какъ слѣпой, а другой, издатель „Москвы", съ открытыми глазами бросается на него.

Май 1. Четвергъ. Вотъ уже шесть дней продолжается небывало прекрасная лѣтняя погода. Три дня уже 20 градусовъ въ тѣни. Нынѣшній день такой-же.

3. Суббота. Вечеръ у (Вас. Ив.) Кельсіева. Жена его[2]) устроила у себя музыкальный вечеръ. Сама она играла на фортепіано, и играла превосходно, да еще два юноши, одинъ на віолончели, а другой на скрипкѣ, и тоже хорошо. Самъ Кельсіевъ отправляется въ Америку искать хлѣба. Тамъ онъ намѣренъ читать лекціи о Россіи. Положеніе его здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, становится невозможнымъ.... Онъ хотѣлъ издавать газету,— ему это не позволили. Тутъ, положимъ, есть основательныя причины. Но были ваканціи по службѣ, которыя онъ могъ-бы занять съ пользою для себя и для дѣла,—ему отказано во всѣхъ мѣстахъ.

(Апол. Никол.) Майковъ разсказывалъ свой планъ поэмы изъ русской исторіи или, лучше сказать, русской исторіи въ стихахъ, проведенной по значительнѣйшимъ ея эпохамъ. Поэма эта предназначается для народнаго чтенія. Планъ хорошъ.

Таково печальное ничтожество человѣческое, что лишь только начнемъ мы тщеславиться или возноситься умомъ своимъ, такъ тотчасъ и попадемъ въ дураки и начнемъ дѣлать глупости; лишь только возгордимся своимъ благосостояніемъ, богатствомъ, чинами, удачами въ предпріятіяхъ, вообще успѣхами, сейчасъ съ нами приключится что-нибудь отмѣнно дурное.

8. Четвергъ. Вчера былъ на международной цвѣточной выставкѣ. Великолѣпное собраніе цвѣтовъ. Но все это невольники, выросшіе въ тепличныхъ тюрьмахъ.

Власть ума есть самая законная изъ всѣхъ властей. Если это деспотизмъ, такъ пусть его будетъ; онъ все-таки лучше деспотизма массъ или партій.

То, что можетъ произойти хорошаго отъ всѣхъ этихъ теорій,

---

[1]) Константина и Ивана Сергѣевичей Аксаковыхъ.

[2]) Зинаида Алексѣевна Вердеревская, по первому мужу Агренева, отличная музыкантша и весьма образованная женщина. По смерти своего сожителя В. И. Кельсіева—уѣхала въ Америку. Ред.

утопій, проповѣдуемыхъ этими строителями и перестроителями человѣческихъ обществъ, очень сомнительно и, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ отдаленному будущему, а зло, ими порождаемое, дѣлается теперь-же, каждый день. Мудрено-ли, что такъ называемые консерваторы и разумные либералы относятся ко всему этому критически, осторожно. И какое вы имѣете право жертвовать настоящими поколѣніями въ видахъ сомнительнаго блага будущихъ поколѣній?

15. Четвергъ. Переѣздъ на дачу въ Павловскъ. Вотъ уже шестой годъ живемъ мы на одной и той-же дачѣ генерала Мердера. И нынѣ, не смотря на возвышеніе цѣнъ на дачи въ Павловскѣ, я плачу то-же, что и въ прежніе годы. А цѣны возвысились, по причинѣ нашего глупаго пристрастія ко всему иностранному, потому что музыкою будетъ дирижировать великій Штраусъ! Дирекція желѣзной дороги, говорятъ, заплатила ему за сезонъ страшныя деньги и чуть не на колѣняхъ просила его осчастливить насъ своимъ присутствіемъ.

19. Понедѣльникъ. Надъ людьми должны господствовать законъ и страхъ, охраняющій законъ. Всѣ должны, хоть немного, чего-нибудь бояться: правители—революцій, вельможи—немилостей, чиновникъ—своего начальства, богатый — воровъ, бѣдные—богатыхъ, злоумышленники—судовъ и проч. Многіе еще боятся чорта, и, наконецъ, всякій человѣкъ боится Бога и смерти. Только подъ вліяніемъ и прикрытіемъ страха спасается небольшое количество человѣческихъ добродѣтелей, и люди не погружаются совсѣмъ съ головою въ омутъ безнравственности.

Сердце мое преисполнено любви къ людямъ, но мой разсудокъ внушаетъ мнѣ къ нимъ часто презрѣніе, а всегда сожалѣніе.

А отечество? Я люблю его, и какъ горячо люблю, хотя разсудокъ мой изобличаетъ въ немъ, съ одной стороны, глубокое варварство, а съ другой, пожалуй, цивилизацію, но какую шаткую, фальшивую, чисто показную!

На дняхъ судъ оправдалъ какого-то Павленкова по дѣламъ печати и, говорятъ, совершенно согласно съ законами; его выслали изъ С.-Петербурга административнымъ порядкомъ....

Самое трудное, но и самое существенное дѣло въ анализѣ нашихъ духовныхъ явленій это отдѣлить въ нихъ первона-

чальные естественные элементы отъ наносныхъ, пришлыхъ, встрѣчныхъ, такъ сказать, рождающихся отъ разныхъ вліяній времени и обстоятельствъ.

23. Пятница. Всякій вѣкъ разрабатываетъ извѣстную идею, наслѣдованную имъ отъ прежняго или историческаго хода событій. Но всякая такая идея состоитъ изъ двухъ элементовъ: одинъ есть не иное что, какъ сознаваемая или чувствуемая истина жизни, влекущая къ себѣ людей силою существенныхъ потребностей настоящаго; другой—присущее всякой идеѣ начало безконечнаго. Содѣйствовать развитію перваго элемента —долгъ всякаго разумнаго дѣятеля, и въ этомъ заключается настоящій разумный прогрессъ. Второй остается на долю тѣмъ псевдогеніямъ, реформаторамъ и радикаламъ, которые рвутся изъ всѣхъ силъ вести человѣчество къ благамъ и совершенству невѣдомаго будущаго и тонутъ во всевозможныхъ абстрактахъ и утопіяхъ. Почему не дозволить имъ и этого? Пусть только они не выдаютъ своихъ метафизическихъ грезъ за дѣло и не обольщаютъ ими невѣжественныя головы, не заставляютъ ихъ ловить воздухъ и заниматься игрою въ агитаціи и революціи.

Мы вмѣняемъ себѣ въ достоинство и собственное непризнаніе своего достоинства.

Право-же, мы должны считать себя счастливыми и благодарить Бога за то, что живемъ въ такое богатое умами время: въ наши дни нѣтъ юноши, который не считалъ-бы себя способнымъ управлять вселенною.

Іюнь 8. Воскресенье. В. А. Б.—вотъ образчикъ женщины, получившей поверхностное образованіе безъ опредѣленнаго назначенія, съ однимъ стремленіемъ къ чему-то высшему, далекому, все и ничего не объемлющей женщины, имя которой легіонъ. Я провелъ съ нею часа полтора. Она утомила меня безконечными жалобами на жизнь. Она въ отчаяніи, что умъ ея не можетъ разрѣшить вопросовъ, которые толпою лѣзутъ ей въ голову; она, по ея словамъ, не испытала въ жизни ничего, кромѣ страданія отъ неудовлетворенныхъ желаній. Она спрашивала у меня совѣта, что̀ ей дѣлать съ ея страшнымъ душевнымъ недугомъ. Я присовѣтывалъ ей принять нѣкоторую дозу вѣрованій и, въ погонѣ за своими мечтами, не уклоняться отъ исполненія ближайшихъ обязанностей. Конечно, она этому не послѣдуетъ,

потому что вѣрованія не растутъ какъ грибы отъ одного теплаго дождя: они требуютъ продолжительнаго ухода и зрѣлости; а исполненіе обязанностей не можетъ обойтись безъ усилій воли, отъ которыхъ умъ ея, носясь въ безпредѣльныхъ пространствахъ, совершенно отвыкъ.

10. Вторникъ. На западѣ люди еще вѣрятъ во что-нибудь, они вѣрятъ въ деньги или капиталъ, въ трудъ, комфортъ, нѣкоторые сильно вѣрятъ въ науку. Мы ни во что не вѣримъ серьезно. У насъ все какъ-то и мыслится, и дѣлается шутя, съ какимъ-то юморомъ и ироніею.

Во мнѣ происходитъ сильное колебаніе. Появилась у меня мысль съѣздить на свою родину, поклониться могилѣ моей матери, память которой я чту высоко, свидѣться съ послѣдними оставшимися у меня родными, которыхъ не видалъ лѣтъ двадцатьпять и пошататься по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прошло мое дѣтство и первые годы моей юности. Соблазнъ къ этому великъ: желѣзная дорога до самаго Воронежа, а тамъ всего сто верстъ до Острогожска. Но желаніе это сильно оспаривается экономическими соображеніями. Вѣдь, собственно говоря, къ поѣздкѣ меня ничто не обязываетъ, ни долгъ, ни польза какая-нибудь, хотя Бессеръ (докторъ мой) сильно напираетъ на послѣднюю; это просто „сентиментальное путешествіе" à la Іорикъ, или, говоря нѣсколько поэтичнѣе, потребность сердца. Но сердце сердцемъ, а не надо упускать изъ виду и другихъ прочихъ соображеній. Все это приводитъ мою голову и сердце въ сильное броженіе.

Я часто поступаю съ собою словно католическій фанатикъ; бичую себя немилосердно изъ уваженія къ какой-то истинѣ, которая является мнѣ въ туманѣ, въ какомъ-то сѣромъ и непривлекательномъ видѣ. Право, слѣдовало-бы меньше умствовать и больше жить. Вѣдь, часто наши умствованія бываютъ похожи на умничанье. Боясь быть обманутымъ иллюзіями, попадаешь въ когти такого скептицизма, въ которомъ ни истины, ни радости.

11. Среда. Кому неизвѣстно, что мы лишены духа ассоціаціи, что лишь только сойдется насъ трое или четверо, чтобы предпринять какое-нибудь общее дѣло, общими силами, тотчасъ является духъ раздора, то въ формѣ сребролюбія, то тщеславія и самолюбія, и говоритъ: „вотъ и я среди васъ".

Каждому дню довлѣетъ злоба его: мы какъ нельзя больше придерживаемся этого правила. Одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ нашихъ—именно прилѣпленность къ настоящему. Насладимся, напьемся сегодня, какъ свиньи до упаду, а завтра хоть трава не рости. Дайте мнѣ сегодня сбыть мой гнилой товаръ и получить рубль на рубль барыша, нѣтъ нужды, что завтра во мнѣ увидятъ плута и мошенника и будутъ уже избѣгать моей лавки, да сегодня-то я поживился.

Есть два рода презрѣнія: одно соединено съ негодованіемъ и отвращеніемъ, это, такъ сказать, дѣятельное, положительное презрѣніе. Другое соединено съ сожалѣніемъ и болѣе отрицательнаго свойства. Оно скорѣе невниманіе, чѣмъ что-нибудь другое.

Обыкновенно, мы чѣмъ бываемъ сильны, тѣмъ и грѣшимъ. Сила наклонна къ крайностямъ, а крайности сходятся съ злоупотребленіемъ, или, лучше сказать, онѣ-то и есть злоупотребленіе.

12. Четвергъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристика Россіи: массы народныя—это полудикость; интеллигенція—это полуобразованность. Противъ первой надо вооружиться элементарными школами; противъ второй—строгою университетскою наукою.

15. Воскресенье. Деньги—вотъ гдѣ, между прочимъ, одно изъ началъ общественнаго разврата, отсутствіе духа чести и проч.

18. Среда. Тамъ, гдѣ человѣкъ не заслуживаетъ презрѣнія, онъ возбуждаетъ сожалѣніе.

Въ Варшавѣ открывается университетъ. Многіе этимъ недовольны, боясь, чтобы университетъ въ Польшѣ не сдѣлался очагомъ самыхъ зловредныхъ замысловъ противъ Россіи. Я полагаю, что это преувеличено.

Говорятъ, что преподаватели въ этомъ университетѣ будутъ все русскіе. Да гдѣ ихъ возьмутъ, когда въ нашихъ собственныхъ университетахъ остается столько незанятыхъ каѳедръ по недостатку людей. Опредѣлить-же въ новый университетъ кого попало значило-бы сдѣлать себя всеобщимъ посмѣшищемъ. По мнѣ пусть открываютъ университетъ, но прежде позаботятся о средствахъ устроить хорошій университетъ. Но мы всегда были богаты заднимъ умомъ.

19. Четвергъ. Бывали, конечно, и со мною припадки глупѣйшаго изъ тщеславій: желаніе шума, народной молвы, рукоплесканій, но я старался тотчасъ подавить въ себѣ эти влеченія слабой натуры и теперь совершенно окрѣпъ въ своемъ равнодушіи ко всѣмъ подобнымъ проявленіямъ популярности. Это не то, чтобы я сдѣлался нечувствительнымъ къ одобренію общественнаго мнѣнія, какъ-бы оно ни было у насъ шатко, но раздаваемые имъ, такъ сказать, знаки отличія меня рѣшительно не прельщаютъ. И это опять не потому, чтобы я въ принципѣ ихъ не цѣнилъ, но потому что раздача эта сдѣлалась у насъ похожею на раздачу орденовъ и чиновъ, которые какъ дождь сыплются на всѣхъ безъ разбора, на достойныхъ и недостойныхъ. Всѣ эти торжественныя манифестаціи и оваціи съ разными спичами, восхваленіями, пожеланіями часто подгулявшихъ пріятелей и т. п. до крайности опошлились, и сдѣлаться предметомъ — ихъ вовсе не значитъ быть признаннымъ въ своихъ заслугахъ, а только быть поводомъ къ болѣе или менѣе шумному препровожденію времени, а чаще всего — къ насыщенію тщеславія ихъ изобрѣтателей и участниковъ.

24. Вторникъ. Отправляюсь въ путь въ два часа съ почтовымъ поѣздомъ въ Москву.

Іюль 21. Понедѣльникъ. Возвратился въ Петербургъ [1]).

Августъ 14. Четвергъ. Они хотятъ устроить такъ бытъ человѣческій, чтобы въ немъ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни умныхъ, ни глупыхъ, ни даровитыхъ, ни посредственностей, т. е. они хотятъ уничтожить всѣ различія, которыя даетъ жизнь, всякое движеніе, все то, изъ чего состоитъ исторія. Это выходитъ соціальный нигилизмъ, почище нигилизма нашихъ бѣдныхъ студентовъ.

---

[1]) По краткости замѣтокъ, заносимыхъ авторомъ въ „Дневникъ“ во время его настоящаго путешествія, мы считаемъ лишнимъ ихъ здѣсь приводить. Поѣздка его продолжалась около мѣсяца, но въ теченіе его онъ такъ мало принадлежалъ самому себѣ, что у него не хватало времени для болѣе обстоятельнаго изложенія фактовъ и впечатлѣній. Упомянемъ только, что посѣщеніе родины, котораго онъ такъ страстно желалъ, на мгновеніе какъ бы спрыснуло его живой водой. Воспоминанія былаго, ласки родныхъ, уваженіе, съ какимъ его встрѣтили мѣстные обыватели,—все это въ немъ нѣсколько подняло духъ, сильно угнетенный бременемъ всего пережитаго и физическимъ недомоганіемъ, которое уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его не покидало.

С. Н.

Впрочемъ, и всѣ эти затѣи что-же такое, какъ не то-же вѣчное движеніе, которымъ живетъ человѣчество? Дѣло не въ томъ, чтобы исполнилось по всѣмъ этимъ ученіямъ, а въ томъ, чтобы эти ученія существовали, какъ одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ вырабатывается истина.

Всякая, такъ называемая, культура имѣетъ право на вниманіе, если она образовалась исторически.

15. Пятница. Вечеромъ, возвратясь съ прогулки, я совершенно неожиданно засталъ у себя Михаила Владиміровича Юзефовича, пріѣхавшаго изъ Кіева. Это одинъ изъ самыхъ раннихъ моихъ друзей—другъ юности, съ которымъ я въ первый разъ встрѣтился въ Ельцѣ, гдѣ я жилъ у дяди его, дивизіоннаго генерала Юзефовича. Послѣ того, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ. Теперь это одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей и поборниковъ русскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ.

16. Суббота. Былъ въ Царскомъ Селѣ, чтобы повидаться съ Юзефовичемъ. Не засталъ его дома, но познакомился съ его женою и дочерью.

Недавно объявлено было въ печати, что одинъ изъ почтальоновъ городской почты пойманъ въ воровствѣ почтовыхъ марокъ. У него нашли восемь тысячъ распечатанныхъ и брошенныхъ писемъ, съ которыхъ онъ снялъ марки. Говорятъ также, что учинено воровство марокъ и съ писемъ, отправленныхъ за-границу и въ провинцію. Вообще наше почтовое управленіе представляетъ неслыханный образецъ безобразія (1869) г., съ тѣхъ поръ, какъ оно присоединилось къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Письма, деньги пропадаютъ на почтѣ; газеты и журналы не доходятъ по своему назначенію въ губерніи. Это сдѣлалось до того обычнымъ, что и жалуются на это только слегка. Между тѣмъ, сколько интересовъ терпитъ отъ этого гнуснаго безпорядка въ одномъ изъ важнѣйшихъ отправленій общественной жизни! [1])

---

[1]) Если все это было справедливо двадцать два года тому назадъ, то въ настоящее время почтовое управленіе и вообще почтовое дѣло въ нашемъ отечествѣ почти стоитъ на одной высотѣ съ состояніемъ этого дѣла въ наиболѣе просвѣщенныхъ государствахъ западной Европы.

Ред.

18. Понедѣльникъ. Лучшее положеніе, какого съ помощью успѣховъ науки и цивилизаціи, можетъ желать и можетъ достигнуть человѣчество, это то, когда оно сдѣлается довольнымъ тѣмъ, что есть, и перестанетъ думать о томъ, что будетъ. Но чтó произойдетъ тогда съ пресловутымъ прогрессомъ?

20. Среда. Отправилъ письмо къ воронежскому епископу Серафиму и книжку мою о Галичѣ.

Юзефовичъ читалъ мнѣ свою драму „Мазепа"; она не лишена драматическаго интереса.

22. Пятница. Присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля и чего-то въ родѣ воспріемника при обращеніи католика въ православіе Б. А. П—ча, кандидата кіевскаго университета. Обрядъ совершалъ священникъ университетской церкви Солярскій.

29. Пятница. Счастливъ тотъ, кто одаренъ богатымъ воображеніемъ и умомъ, властнымъ настолько, чтобы созидать въ себѣ и для себя иллюзіи. Онъ творецъ своего блага. Но пусть онъ умѣетъ отличать эти иллюзіи отъ дѣйствительнаго хода вещей—это необходимо, иначе онъ станетъ въ слишкомъ явное противорѣчіе съ дѣйствительностью и сдѣлается жертвою ея натиска. Но это умѣнье отличать одного отъ другаго не помѣшаетъ ему наслаждаться своимъ творчествомъ и притуплять язвительное жало этой самой дѣйствительности.

31. Воскресенье. Вотъ нѣкоторые находятъ панацею противъ всѣхъ золъ—современныхъ умственныхъ шатаній, матеріализма, нигилизма и проч. — въ греческомъ языкѣ. Я вчера сильно оспаривалъ это. Мнѣ доказывали даже, что безъ греческаго языка нельзя правильно мыслить.

Я всегда принадлежалъ къ одной партіи, партія эта—человѣчество и Россія, и ей старался я служить честно.

Сентябрь 9. Вторникъ. Переѣздъ съ дачи.

Человѣкъ живетъ своимъ творчествомъ, т. е. способностью созидать себѣ иллюзіи.

Массы могутъ быть проводниками свободы, но не могутъ быть хранителями ея. Да и проводниками онѣ бываютъ на подобіе судоходныхъ каналовъ, которые несутъ грузы отъ мѣста къ мѣсту, но не знаютъ, какіе это грузы и изъ чего они состоятъ. Поэтому-то на массы или на демократію могутъ съ равною для себя выгодою опираться самый суровый деспотизмъ и самый крайній либерализмъ.

Едва какое-нибудь ученіе или идея сверкнутъ въ европейской наукѣ или жизни, мы, русскіе, съ жадностью бросаемся на нихъ и чуть не идола дѣлаемъ себѣ изъ нихъ Но вотъ является новое ученіе, новая идея, и мы, не успѣвъ даже хорошенько заглянуть въ лицо первымъ, бросаемъ ихъ и, сломя голову, мчимся вслѣдъ за новыми съ тѣмъ, чтобы поступить и съ ними такъ, какъ поступлено съ прочими. Вчерашнее у насъ уже отсталое; только сегодняшнее достойно удивленія и хвалы. Но пройдетъ нѣсколько часовъ, сегодняшнее сдѣлается вчерашнимъ и т. д. Не такъ-ли поступаютъ дѣти со своими игрушками.

25. Четвергъ. Мы слишкомъ регламентировали и формулировали развитіе наше со времени Петра и теперь приходимъ часто въ недоумѣніе, что все въ Россіи идетъ какъ-то иначе, чѣмъ предписывалось и предполагалось........

Но есть множество такихъ дѣлъ, которыя не стòятъ того, чтобы ихъ дѣлали умные люди.

Но если человѣкъ въ своемъ развитіи не насилуетъ и не извращаетъ природы, онъ всетаки меньше терпитъ.

Октябрь 8. Среда. Сегодня навѣстилъ меня А. В. Тимофѣевъ, съ которымъ мы не видались лѣтъ двадцать пять. Онъ когда-то много писалъ, и его читали, а Сенковскій было произвелъ его даже чуть не въ геніи. Впрочемъ, онъ не лишенъ дарованія и уменъ, только не было твердости въ его идеяхъ и обдуманности въ распорядкѣ ихъ. Да онъ и мало имѣлъ познаній. Съ нравственной стороны онъ всегда отличался добротою и благородствомъ. Мы были съ нимъ близки, когда онъ жилъ въ Петербургѣ. Онъ женился на богатой дѣвушкѣ и затѣмъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и поднесь живетъ въ независимости и спокойствіи.

Оргія идей—нашъ вѣкъ богатъ ими до излишества. Многіе упиваются ими и, такъ называемыми, доктринами до чортиковъ, когда имъ начинаютъ мечтаться такія чудеса, которымъ и мѣста нѣтъ на земномъ шарѣ, а есть только мѣсто въ мозгу ихъ изобрѣтателей, да развѣ въ домѣ сумасшедшихъ. Да еще въ восторгѣ всевозможныхъ равенствъ, равенства достояній умовъ, и Викторъ Гюго требуетъ изъ Лозанны всеобщей рѣзни, какъ залога будущихъ неисповѣдимыхъ благъ. Странно, что никто не спроситъ у этого яраго защитника демократіи и бѣдныхъ,

почему онъ своихъ полмильона франковъ, взятыхъ съ книгопродавцевъ за плохой романъ, не раздѣлитъ между собою и страждущею меньшею братіею? Хотьбы половину отдалъ имъ! Но онъ даже пожалѣлъ ста франковъ на памятникъ Ламартина, который, хоть былъ тоже порядочный мечтатель, но былъ честный человѣкъ и не былъ ни такимъ свирѣпымъ кровопроливцемъ, ни такимъ пустозвоннымъ защитникомъ низшихъ братьевъ. Фразы, фразы и фразы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ приготовилъ ко внесенію въ государственный совѣтъ проектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о печати стѣснительнаго свойства. Нѣсколько времени тому назадъ начали появляться по этому поводу статьи въ газетахъ: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Голосѣ", въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", сильно нападавшія на этотъ проектъ, извѣстный въ публикѣ, впрочемъ, еще только по слухамъ. Теперь министръ остановился съ нимъ и не далъ ему ходу. Говорятъ, причиною тому былъ N. N., который даже выразился, что мы, то есть общество и правительство, многимъ обязаны печати и что потому было-бы крайне несправедливо и неблагоразумно ограничивать ее новыми стѣсненіями.

14. Вторникъ. Древо жизни зеленѣетъ и цвѣтетъ подъ вліяніемъ свѣтлыхъ надеждъ и теплыхъ вѣрованій юности, но недолго. Потомъ холодъ опыта и бури общественныхъ превратностей поражаютъ его, листья опадаютъ; обнаженное, ободранное дерево жизни стоитъ одинокимъ и пугаетъ прохожаго своимъ безобразіемъ.

25. Суббота. Вечеръ у Ивана Петровича Корнилова. Исполненіе по циркуляру Потапова насчетъ земли крестьянъ сѣверо-западнаго края пріостановлено.—Но Потаповъ остается во всемъ своемъ блескѣ и могуществѣ. Батюшковъ и Шестаковъ уволены.—Проектъ N. N. о нѣкоторыхъ органиченіяхъ по дѣламъ печати, говорятъ, опять пойдетъ въ ходъ. Все это производитъ много толковъ и неудовольствій въ извѣстной части публики, то есть интеллигентной и патріотической.

Человѣкъ не былъ-бы человѣкомъ, еслибы онъ не дѣлалъ глупостей, не работалъ, не страдалъ, не умиралъ.

. . . .

У Норова, Авраама Сергѣевича, былъ старшій братъ, Василій,

человѣкъ очень умный, какъ о томъ свидѣтельствуютъ находившіяся у меня письма его къ роднымъ, Исторія 1812 и 1813-хъ годовъ (напечатана, но у меня была въ рукописи) и многія его литературныя замѣтки, находившіяся у меня также въ рукописи.

Ноябрь 1. Суббота. Пишу біографію А. С. Норова къ 29-му декабря. Ужасно трудно добывать свѣдѣнія.

Пота́повъ явился въ новомъ блескѣ славы и придворнаго величія, хотя и доказано въ Главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, что онъ дѣйствовалъ неумно и вредно. Виленскій губернаторъ Шестаковъ и Б* смѣнены, говорятъ, за то, что они сообщали точныя свѣдѣнія о Потаповскихъ дѣяніяхъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей". Первый, сверхъ того, пріѣхалъ въ Петербургъ и подалъ записку, сущность которой въ томъ, что онъ затрудняется исполнять предписанія генералъ-губернатора, извращающія высочайшія повелѣнія.

2. Воскресенье. Туча, грозящая печати, все ближе и ближе надвигается.

Князю (Сергѣю Никол.) Урусову поручено составить комиссію для начертанія новыхъ законовъ о печати. Но такъ какъ комиссіи этой заранѣе дана задача составить законы репрессивнаго свойства, то немного находится охотниковъ быть ея членами. Приходится назначать членовъ, не спрося предварительно ихъ согласія. Такъ князь Урусовъ и поступаетъ. Онъ, между прочимъ, назначилъ кассаціоннаго сенатора, моего благороднаго „дядю" Марка (Любощинскаго). Сегодня онъ заѣзжалъ ко мнѣ повѣдать свое горе. Онъ былъ у министра юстиціи для объясненій, но выходитъ такъ, что ему, кажется, не миновать этой чаши.

5. Среда. Указъ князю Урусову о назначеніи его предсѣдателемъ комиссіи для составленія правилъ о печати.

Князю Урусову поручено отыскать философскій камень, т. е. издать такіе законы о печати, которые-бы равно удовлетворяли и правительство, и общество и, ограничивая свободу мысли, въ то-же время не мѣшали-бы ходу науки и образованія.

Надо поставить вопросъ честно и ясно: хотятъ-ли раздѣлить съ обществомъ, т. е. съ интеллигентною частью его, заботы о безопасности и благѣ народа или думаютъ достигнуть этого единственно посредствомъ администраціи?

Есть пороки омерзительно гнусные, есть страшные, пагубные, есть грубые, но глупѣе гордости нѣтъ ни одного.

11. Вторникъ. Печать есть символъ времени.

Хотите-ли, чтобы въ обществѣ уважались и исполнялись законы? Уважайте и исполняйте ихъ сами.

Въ высшей степени (не логично) заставлять другихъ исполнять то, чего я самъ не признаю и не уважаю.

Я знаю много глупыхъ вещей на свѣтѣ, но глупѣе гордости нѣтъ ничего.

20. Четвергъ. Начинать многое и ничего не кончать—это одно изъ свойствъ нашей русской натуры.

22. Суббота. Превосходная статья (Александра Дмитріевича) Градовскаго въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, въ которой разбирается вопрось: совмѣстна-ли свобода печати съ самодержавіемъ? Авторъ рѣшаетъ вопросъ, конечно, утвердительно.

Обычный вечеръ у Ивана Петровича Корнилова. Много посѣтителей. Всѣ умы заняты однимъ, судьбою печати. Самые зловѣщіе слухи ходятъ.....

Газеты становятся видимо блѣднѣе и блѣднѣе. Я говорилъ объ этомъ съ Краевскимъ. „Невозможно“, отвѣчалъ онъ.....

23. Воскресенье. Скверно внутри. Нельзя быть равнодушнымъ къ общественнымъ дѣламъ, а онѣ изъ рукъ вонъ плохи, хотя, по всегдашнему настроенію моего духа и по воззрѣнію моему на жизнь и на человѣка вообще, я мало путнаго отъ нихъ ожидаю. А всетаки никакъ нельзя освободиться отъ грустныхъ и досадныхъ впечатлѣній, отъ всей этой чепухи, Ш.....вщины и проч.

Впрочемъ, не все-же пѣть іереміады: или духъ человѣческій живучъ, такъ онъ все это передѣлаетъ (перемелется—будетъ мука), или, выбившись изъ силъ, онъ распустится и исчезнетъ,—ну, такъ тогда туда ему и дорога.

Въ четвергъ на этой недѣлѣ былъ собранъ совѣтъ для сужденія о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и вообще о печати. Отъ каждаго изъ членовъ взято слово, что онъ не передастъ никому того, что будетъ говорено въ этомъ совѣтѣ. Въ обществѣ боятся, что изъ этого выйдетъ что-нибудь нехорошее для печати. Говорили, даже, что „Московскія Вѣдомости“ уже запрещены.

Едва-ли не одной несообразительности австрійскаго правительства мы обязаны тѣмъ, что славяне оказываютъ намъ расположеніе: приласкай ихъ только-оно, и эти братья не преминутъ отлично напакостить намъ.

Декабрь 13. Суббота. „Московскія Вѣдомости“ на этотъ разъ устояли. На нихъ, говорятъ, была поднята жестокая буря Шуваловымъ Государь составилъ подъ своимъ председательствомъ совѣщательное собраніе изъ разныхъ довѣренныхъ лицъ и велѣлъ ему разсмотрѣть обвинительную Шуваловско-N. записку. По выслушаніи ея въ защиту печати вообще и „Московскихъ Вѣдомостей“ въ особенности, выступилъ князь А. М. Горчаковъ. Онъ, между прочимъ, объявилъ, что, при настоящемъ положеніи международныхъ дѣлъ въ Европѣ, у насъ необходимо существованіе независимой печати. Тѣмъ дѣло и кончилось.

15. Понедѣльникъ. Опять какія-то гнусныя прокламаціи, обращенныя къ массѣ народа. Книгопродавецъ Ч** арестованъ. Говорятъ, арестованы и еще нѣсколько человѣкъ. Въ московской Петровской академіи убитъ одинъ студентъ, говорятъ, своими-же товарищами. Преступленіе это, будто-бы, имѣетъ политическую подкладку.

28. Воскресенье. Второе отдѣленіе академіи наукъ избрало въ адъюнкты свои извѣстнаго славянофила Александра Ѳедоровича Гильфердинга. Общее собраніе забалотировало его. И вотъ поднялась страшная буря между славянофилами, которые осыпали академію ругательствами. Тутъ нѣмцы всему виною, т. е. нѣмцы-академики, которые не выбрали Гильфердинга потому, будто-бы, что онъ ратуетъ противъ нихъ и отстаиваетъ интересы славянъ. Тутъ видятъ цѣлый заговоръ этихъ нѣмцевъ противъ русскаго патріотизма. Старикъ (Ѳедоръ Ив.) Тютчевъ разразился стихами, которые напечатаны въ „Голосѣ“.

Ко мнѣ заѣзжалъ (одинъ академикъ) склонить меня, чтобы я не былъ завтра на обѣдѣ, на который обыкновенно собираются академики каждый годъ послѣ акта, т. е. чтобы второе отдѣленіе учинило демонстрацію большинству, неизбравшему Гильфердинга. Я отвѣчалъ, что на обѣдѣ собираюсь быть. „Я очень сѣтую, какъ и вы, сказалъ я, что нашъ выборъ не прошелъ въ общемъ собраніи. Но, вѣдь, мы члены не одного отдѣленія,

а члены академіи и не должны быть участниками раздора, который въ ней хотятъ возбудить. Наша демонстрація, особенно теперь, была-бы именно такого свойства, что должна была-бы быть сочтена за объявленіе войны съ нашей стороны всей академіи. Прилично-ли, полезно-ли вносить эти дрязги въ ученую корпорацію? Иные видятъ здѣсь какой-то заговоръ антинаціональной партіи, а я вижу обыкновенный случай, одинъ изъ тысячи случающихся въ коллегіяхъ, особенно большихъ, гдѣ большинство не соглашается съ меньшинствомъ и кассируетъ его рѣшенія и выборы. Всякій клалъ свой шаръ по своему разумѣнію и совѣсти", и т. д., и т. д. Товарищъ уѣхалъ отъ меня недовольный, сказавъ, что онъ самъ на обѣдѣ не будетъ. Черезъ нѣсколько часовъ, однако, онъ прислалъ мнѣ записку, въ которой говоритъ, что, обдумавъ все послѣ разговора со мною, онъ рѣшается быть на обѣдѣ.

29. Понедѣльникъ. Актъ въ академіи наукъ. Читали: Веселовскій общій отчетъ, Гротъ о присужденіи Далю за словарь Ломоносовской преміи, я біографическій очеркъ Норова. По программѣ я долженъ былъ читать второй; но вице-президентъ просилъ меня, не соглашусь-ли я читать послѣ Грота, такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ государственнаго совѣта хотѣли пріѣхать изъ засѣданія послушать мою рѣчь. Мнѣ рѣшительно было все равно когда читать. Чтеніе Грота было очень интересно въ филологическомъ, или, лучше сказать, въ лингвистическомъ отношеніи. Моя рѣчь была принята очень хорошо, и я получилъ многое множество рукопожатій. А, правду сказать, эта рѣчь стоила мнѣ большой работы, и я радъ, что она сошла такъ успѣшно.

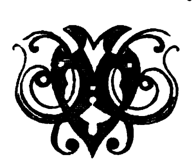
Послѣ акта обѣдъ у Донона, какъ обыкновенно, простой семейный, дружескій. Я уѣхалъ домой въ девять часовъ, очень довольный, что дѣло обошлось безъ всякихъ демонстрацій.

Каждый готовъ грызться за свою кость.

31. Среда. Конецъ 1869-го года.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).



ЛАШО—ЗАЩИТНИКЪ БЕРЕЗОВСКАГО

1867 г.

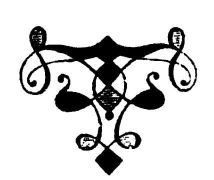
Въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины" изд. 1891 г. помѣщено продолженіе въ высокой степени интереснаго дневника покойнаго академика А. В. Никитенко. Говоря о дѣлѣ Березовскаго, судившагося въ Парижѣ, въ 1867 г., по обвиненію въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ государственныхъ преступленій, авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ защиту подсудимаго.

„Рѣчь Араго, въ защиту Березовскаго,—говоритъ А. В. Никитенко, —образецъ того ребяческаго, безобразнаго краснорѣчія, гдѣ что слово, то ложь", и т. д.

Тутъ очевидная описка. Березовскаго защищалъ не Араго, а Лашо, не особенно давно умершій. Maître Lachaud пользовался, въ свое время, большою извѣстностью не только во Франціи, но и далеко за ея предѣлами.

Лашо участвовалъ во многихъ громкихъ процессахъ, считался присяжнымъ защитникомъ всѣхъ бонапартистовъ, попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Ему пришлось защищать ненавистнаго маршала Базена, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ, а именно: въ сдачѣ непріятелю крѣпости Меца съ 200 тысячнымъ гарнизономъ. Лашо былъ человѣкъ безспорно даровитый, но разборчивость въ дѣлахъ не принадлежала къ числу его добродѣтелей. Не смотря на выдающійся успѣхъ многихъ его защитъ, репутація Лашо была довольно двусмысленная. Его никоимъ образомъ нельзя причислить къ фалангѣ блестящихъ представителей французской ораторской трибуны, въ родѣ Берье, Шэ-д'Эстанжа, Жюль Фавра, Кремьё, Гамбетты и другихъ. Maître Лашо скорѣе примыкалъ къ тому типу уголовныхъ защитниковъ, яркимъ представителемъ которыхъ былъ у насъ покойный А. В. Лохвицкій.

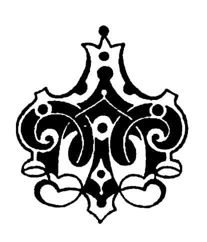
Л.



Х. Я. Гюббенетъ, профессоръ-хирургъ

Въ „Русской Старинѣ“ изд 1889 г., т. LXI, стр. 99, Адольфъ Як. и О. Як. Гюббенетъ спрашиваютъ, какое назначеніе получили фотографіи съ нѣкоторыхъ сложныхъ операцій, произведенныхъ въ Севастополѣ профессоромъ хирургіи Х. Я. Гюббенетъ, и гдѣ они находятся? На этотъ вопросъ имѣю отвѣтить слѣдующее: фотографіи эти (вся-ли коллекція, не знаю) находятся въ Москвѣ, въ историческомъ музеѣ, какъ-бы временно, на храненіи, и помѣщаются въ залахъ, для публики не открытыхъ. Кромѣ этихъ фотографій, есть много вещей изъ бывшаго „Севастопольскаго Отдѣла“ московской политехнической выставки 1872 г., какъ-то: картины, бюсты героевъ Севастополя, модели кораблей, потопленныхъ въ Севастопольскомъ рейдѣ, фотографіи и проч., и проч. Но что всего драгоцѣннѣе, это мундиръ, въ которомъ убитъ Корниловъ на Малаховомъ курганѣ, и этому мундиру (какъ равно и всѣмъ предметамъ напоминающимъ Севастополь 1855 г.), —мѣсто, конечно, не въ Москвѣ, а въ Севастополѣ, въ военномъ музеѣ, рядомъ съ фуражкою и шпагою Нахимова (фуражка прострѣлена съ бока у виска). Всѣ эти вещи или, вѣрнѣе сказать, весь „Севастопольскій Отдѣлъ“ цѣликомъ поступилъ, по закрытіи выставки, въ россійскій историческій музей, какъ-бы для храненія; военнаго-же музея въ Севастополѣ тогда (1872 г.) еще не существовало; по открытіи-же музея въ Севастополѣ, часть вещей поступила изъ историческаго музея туда, а часть осталась въ Москвѣ. И думается, что остались онѣ потому, что въ Севастопольскомъ военномъ музеѣ, дѣйствительно нѣтъ свободнаго вершка, хотя, впрочемъ, для витрины съ мундиромъ Корнилова мѣсто-бы и нашлось.

Сообщ. въ 1889 г. **А. П. Вахрушинъ**.



ИЗЪ ЭПОХИ УНИЧТОЖЕНІЯ ОТКУПОВЪ.

Воспоминанія перваго, по времени назначенія, акцизнаго чиновника

1862—1863 гг.

Не задаваясь никакими широкими задачами, я хочу въ настоящемъ воспоминаніи познакомить читателя съ обстановкою, въ которой мнѣ пришлось вводить акцизное дѣло въ одной изъ нашихъ черноземныхъ губерній, и дать ему нѣкоторое понятіе о пріемахъ и обычаяхъ дореформенной администраціи, которые многимъ теперь уже незнакомы.

Начало 1860-хъ годовъ ознаменовалось многими реформами въ государственномъ и общественномъ строѣ Россіи. Эта эпоха составляетъ какъ-бы рубежъ между двумя совершенно различными мірами: старымъ, въ основѣ котораго лежало крѣпостное право съ своими извращенными понятіями о взаимныхъ людскихъ отношеніяхъ и своеобразнымъ взглядомъ на честь и долгъ, и новымъ, проникнутымъ гуманными идеями, духомъ равноправности и широкой терпимости. Уничтоженіе крѣпостнаго права внесло въ жизнь столько новыхъ вопросовъ и требованій, что явилась настоятельная потребность въ коренномъ преобразованіи многихъ частей государственнаго управленія. Старые законы, порядки и обычаи оказались непригодны и началась торопливая работа реформъ, соотвѣтствующихъ новымъ потребностямъ общественной и народной жизни.

Новыя идеи выдвинули и новыхъ людей, горячо и по убѣжденію желавшихъ послужить на пользу обновленной Россіи,—людей, имена которыхъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи нашего отечества. Въ числѣ этихъ дѣятелей былъ Константинъ Карловичъ Гротъ, творецъ акцизной реформы.

Въ этой реформѣ, замѣнявшей откупную систему и проводившей въ жизнь свободу торговли взамѣнъ средневѣковыхъ заставъ, строгую законность на мѣсто неслыханнаго самоуправства и увеличившей государственные доходы одновременно съ пониженіемъ цѣны на вино, вполнѣ выразился выдающійся государственный умъ и честный взглядъ на дѣло К. К. Грота. Чтобы составить себѣ понятіе о громадномъ значеніи акцизной реформы, надо вспомнить положеніе откупнаго дѣла.

Государство, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, вынуждено было эксплоатировать свою питейную регалію возможно для себя выгоднѣе; испробовавъ въ этомъ дѣлѣ своего казеннаго хозяйства, и выйдя съ большимъ недочетомъ, правительство поневолѣ принуждено было принять предложенія откупщиковъ, обѣщавшихъ огромныя выгоды для казны и народа. Финансовыя потребности отодвинули на второй планъ нравственные запросы, и народъ попалъ въ кабалу откупщиковъ.

Правда, были изданы законы „объ откупномъ комиссіонерствѣ", ограждавшіе интересы народной нравственности и благосостоянія отъ эксплоатаціи откупщиковъ, но законы оставались въ теоріи, въ дѣйствительности-же была выработана своя неписанная практика такого свойства, что чиновники, желавшіе поступать по закону, оказывались чуть не государственными преступниками. Тѣ, кто были свидѣтелями откупной оргіи, вѣроятно не забыли ея до сихъ поръ; откуплено было не одно вино: на откупу состояли, за малыми исключеніями, и администраціи, и суды; въ уѣздномъ городѣ не было служащаго на государственной службѣ, который не получалъ-бы положенной лепты деньгами и виномъ; никто не стѣснялся брать „по чину". Конечно, откупщикъ платилъ несравненно щедрѣе, чѣмъ правительство, напримѣръ: винные пристава, поставленные правительствомъ для охраны интересовъ казны, получали казеннаго содержанія 114 р. въ годъ, а отъ откупщиковъ—по 800 и до 1000 р., кромѣ вина и наливокъ, по нѣсколько ведеръ въ мѣсяцъ...... Во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ откупщикъ былъ какъ у себя дома; неугодные ему чиновники безпощадно изгонялись со службы; неправда творилась на каждомъ шагу; сколько возмутительныхъ дѣлъ предано было „волѣ Божьей"; сколько народу томилось по

тюрьмамъ, якобы за контрабанду, и ссылалось на поселеніе въ Сибирь по настоянію откупщиковъ. Одному Богу извѣстно, сколькими слезами и человѣческими жертвами окуплены тѣ многіе милліоны, которые были добыты откупщиками съ русскаго народа. За то и мало кому изъ нихъ пошли эти награбленныя деньги въ прокъ: бо́льшая часть колоссальныхъ откупныхъ состояній пошла прахомъ въ рукахъ самихъ грабителей или наслѣдниковъ ихъ!

И вотъ, на смѣну такихъ-то хищническихъ порядковъ, явилось новое управленіе—акцизное, созданное К. К. Гротомъ. Оглядываясь за 26 лѣтъ назадъ отъ знаменательной эпохи уничтоженія откуповъ и введенія акцизныхъ учрежденій, невольно удивляешься той энергіи и проницательности, съ какою К. К. Гротъ съумѣлъ подобрать и воодушевить новыхъ акцизныхъ дѣятелей, призванныхъ имъ съ разныхъ должностей, не подготовленныхъ къ этому дѣлу, и даже не имѣвшихъ о немъ никакого понятія. Можетъ быть, въ эпоху 1860-хъ и предшествующихъ годовъ молодежь была болѣе воспитана, развита умственно и подготовлена къ реальному труду; тогда не спрашивали: знаетъ-ли назначаемый поручаемое ему дѣло, и выходило какъ-то такъ, что съ дѣломъ скоро осваивались, здравый смыслъ и нравственная дисциплина помогали уразумѣть и толково исполнять свои новыя обязанности.

Однимъ изъ такихъ новичковъ былъ и я. На 30-мъ году жизни мнѣ, подготовленному совершенно къ другой спеціальности и совершенно незнакомому съ провинціальною жизнью, пришлось принять крупный постъ управляющаго акцизными сборами и организовать новое дѣло въ Курской губерніи, одной изъ самыхъ трудныхъ губерній, гдѣ откупами ворочали нѣсколько очень богатыхъ и вліятельныхъ лицъ.

Вспоминая теперь ту борьбу, которую привелось мнѣ вынести съ этими, поддерживаемыми провинціальною администраціею, личностями, я удивляюсь, что мнѣ удалось уцѣлѣть и не лишиться мѣста Я, въ ихъ глазахъ, являлся представителемъ новыхъ порядковъ и, черезъ одно это уже, былъ имъ ненавистенъ; кромѣ того, мнѣ пришлось разоблачить и оказать дѣятельное противодѣйствіе послѣднимъ попыткамъ откупщиковъ обобрать казну и народъ; оба эти обстоятельства достаточно объясняютъ ту массу сплетенъ, доносовъ и извѣтовъ, мишенью которыхъ я оказался. Признаюсь, что, при всей энергіи молодыхъ лѣтъ, и не смотря на суровую житейскую школу, пройденную мною, подъ руководствомъ одного нашего великаго дѣятеля, на дальнихъ окраинахъ Россіи, я не вынесъ-бы непосильной борьбы, если-бы судьба не послала мнѣ помощи въ лицѣ мѣстнаго губер-

натора, генерала В. И. Дена (нынѣ покойнаго), съ весьма интересными записками котораго читатели „Русской Старины“ знакомы [1]), принадлежавшаго къ исчезающему уже теперь типу „самодуровъ“. Бѣшенный, деспотическій, не знавшій отпора своимъ капризамъ, онъ однако-же обладалъ большимъ здравымъ смысломъ, и честно, хотя на свой образецъ, служилъ государству. Прибывъ въ губернію, онъ засталъ полную анархію во всѣхъ отрасляхъ управленія; ему пришлось водворять законность „огнемъ и мечемъ“, что онъ и началъ практиковать въ совершенствѣ. Объ его дѣятельности ходятъ самые невѣроятные разсказы, которые, по нынѣшнимъ временамъ, кажутся какими-то легендами. Ни министерскія напоминанія, ни указы сената не могли удержать этого пылкаго человѣка въ законныхъ границахъ.

По пріѣздѣ въ городъ мнѣ надлежало представиться этому „льву рыкающему“. Какъ теперь помню всѣ обстоятельства этого оригинальнаго представленія. При первомъ-же появленіи я былъ огорошенъ цѣлымъ залпомъ рѣзкихъ и пренебрежительныхъ словъ, такъ что, выведенный изъ себя, я принужденъ былъ напомнить ему, при всѣхъ бывшихъ въ пріемной залѣ, о необходимости бо̀льшаго уваженія къ занимаемому мною служебному посту, и замѣтилъ ему, что я не становой, на которыхъ онъ привыкъ кричать. Отъ этого возраженія онъ совершенно остолбенѣлъ и крикнулъ: „я донесу министру!“ Я отвѣчалъ: „можете доносить, но я вправѣ требовать должнаго уваженія къ себѣ и къ занимаемой мною должности“. Губернаторъ, оглянувшись на окружающихъ, видимо, растерялся отъ неожиданнаго отпора, и рѣзко проговорилъ: „прошу въ кабинетъ“. Тамъ онъ, уже болѣе спокойнымъ и мягкимъ тономъ, началъ разспрашивать о моей предшествующей службѣ; бесѣда наша была непродолжительна, и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и данныхъ мною отвѣтовъ, я раскланялся и уѣхалъ домой съ страшною мигренью,—результатомъ пріятнаго знакомства.

Не успѣлъ я дома снять мундиръ, какъ пріѣхалъ губернаторъ и настойчиво сталъ просить ѣхать къ нему обѣдать. Какъ ни отговаривался я головною болью, онъ всетаки настоялъ на своемъ, забралъ меня въ свой экипажъ и увезъ къ себѣ.

Это мое представленіе губернатору въ минуту его служебнаго раздраженія послужило мнѣ въ пользу. При своемъ бѣшенномъ характерѣ, онъ все-же былъ человѣкъ въ высшей степени порядочный; ничѣмъ не вызванная его рѣзкость относительно меня,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., тт. LXV—LXVII, Записки ген.-лейт. В. И. Дена.

видимо, его нравственно тяготила, къ тому-же онъ, ненавидя зло, казнокрадство и взяточничество, былъ естественно противникомъ откупной системы, развратившей весь чиновничій людъ; обѣ эти причины вызывали его симпатію къ моимъ служебнымъ начинаніямъ, идущимъ въ разрѣзъ интересамъ откупщиковъ.

Я всегда сознавалъ и сознаю, что успѣшнымъ исполненіемъ возложеннаго на меня дѣла и правильнымъ введеніемъ акцизной системы въ столь трудной губерніи, какъ Курская, я всецѣло обязанъ этому замѣчательному губернатору. Миръ праху его! Многіе и многіе ненавидѣли его и проклинали, я-же навсегда сохранилъ къ нему чувства уваженія и благодарности, хотя, послѣ двухлѣтней службы въ управляемой имъ губерніи, я больше съ нимъ не встрѣчался.

На мѣсто своего служенія я прибылъ за полгода до окончательнаго введенія акцизной системы. За это время мнѣ нужно было устроить управленіе, выбрать чиновниковъ и выработать программу будущей дѣятельности. По прибытіи на мѣсто, я прежде всего началъ, такъ сказать, оглядываться и присматриваться къ откупнымъ порядкамъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло цѣлые шесть мѣсяцевъ.

Прежде всего, мое вниманіе обратилось на то обстоятельство что откупщикамъ было выгодно въ послѣдніе мѣсяцы ихъ существованія увеличить до наибольшаго предѣла продажу своего вина. Этотъ пріемъ практиковался ими постоянно при переходѣ откупа изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ виду чего новый хозяинъ всегда платилъ извѣстное отступное старому для того, чтобы тотъ къ концу срока не понижалъ цѣнъ на вино и тѣмъ не заставлялъ-бы народъ дѣлать запасъ дешеваго вина на первое время новаго откупнаго хозяйства. Ясно, что для казны это было-бы убыточно, такъ какъ доходъ съ продажи вина, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, былъ-бы очень малъ. Вотъ я и боялся этого для новаго акцизнаго дѣла, въ виду того, что цѣны такъ называемыхъ „спеціальныхъ" водокъ (будто-бы высшей очистки, а въ сущности—низкопробной сивухи) по закону были произвольны и держались около 12 руб., а простое полугарное вино откупщики обязаны были продавать не дороже трехъ рублей за ведро, но такого вина въ продажѣ вовсе не было, хотя и было закономъ установлено имѣть его. Пониженіе цѣнъ къ концу года до 3-хъ рублей ясно заставило-бы потребителей закупать его на всѣ наличныя средства въ запасъ, тѣмъ болѣе, что откупными агентами распускались въ народѣ разные зловѣщіе слухи относительно предстоящей казенной продажи и дороговизны

акцизнаго вина, которое будто-бы должно дойти до 20-ти рублей за ведро.

Для предупрежденія этого необходимо было принять мѣры заблаговременно. Вскорѣ послѣ открытія акцизнаго управленія, сдѣлано было мною распоряженіе о наружномъ осмотрѣ торговли виномъ въ трехъ уѣздныхъ городахъ. Сущность осмотра состояла въ томъ, чтобы убѣдиться: нѣтъ-ли незаконныхъ мѣстъ продажи вина, не поименованныхъ въ сенатскомъ реестрѣ (списокъ откупныхъ питейныхъ заведеній), имѣется-ли въ законныхъ питейныхъ домахъ для продажи, кромѣ спеціальныхъ водокъ, и обязательное 3-хъ рублевое полугарное вино, и, наконецъ, есть-ли, установленныя закономъ, табели цѣнъ на вино и спеціальныя водки.

Опасаясь какихъ-бы то ни было недоразумѣній, я просилъ разрѣшенія губернатора о совмѣстномъ съ полиціею осмотрѣ откупныхъ питейныхъ заведеній, такъ чтобы акцизный чиновникъ одинъ, безъ полиціи, и не переступалъ порога кабака.

Хотя это мое распоряженіе никоимъ образомъ не могло нанести никакого ущерба откупщикамъ, они, догадываясь, чѣмъ оно было вызвано, подняли ужасный шумъ и повернули дѣло такимъ образомъ, что я оказывался явнымъ нарушителемъ казенныхъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что откупщики въ этихъ уѣздахъ оставались должниками казны на милліонныя суммы; воспользовавшись этимъ моимъ распоряженіемъ, они затѣяли кляузное дѣло: мѣстная казенная палата, подъ ихъ давленіемъ, составила и утвердила постановленіе, что незаконными дѣйствіями акцизнаго управляющаго откупныя кондиціи существенно нарушены, и откупà, не имѣя возможности удержаться до окончанія своего срока, передаютъ дѣло въ руки казны, слагая съ себя отвѣтственность передъ казною. Услужливая казенная палата постановила: принять откупа по упомянутымъ тремъ уѣздамъ и поручить своимъ чиновникамъ завѣдывать этимъ дѣломъ до окончанія откупнаго договора.

Это кляузное постановленіе такъ-бы и разразилось надъ моею головою, если-бы губернаторъ не вступился въ это дѣло. Когда казенная палата потребовала отъ него назначенія своихъ чиновниковъ для участія въ передачѣ откуповъ въ казенное управленіе, грозный губернаторъ разразился гнѣвомъ, крикнулъ: „не бывать этому!“ и обругалъ, кого слѣдовало, подлецами и мошенниками. Немедленно-же командировалъ онъ своихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ въ эти города для производства секретныхъ дознаній о дѣйствіяхъ акцизнаго надзора, и затѣмъ результатъ слѣдствія представилъ министру финансовъ, какъ доказательство подкупности

казенной палаты, принявшей сторону откупщиковъ въ столь кляузномъ дѣлѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что весь составъ казенной палаты былъ смѣненъ.

Пока казенная палата работала на мѣстѣ противъ меня, сами откупщики подняли гвалтъ въ Петербургѣ, и я, въ теченіе однѣхъ сутокъ, получилъ отъ К. К. Грота пять крайне тревожныхъ телеграммъ: „Откупщики жалуются; не трогайте ихъ дѣла". „Министръ приказываетъ немедленно возстановить существовавшій откупной порядокъ, разрушенный вами" и т. д.

Я, не зная въ чемъ дѣло, отвѣчалъ телеграммами, что мною ни въ чемъ не затронуты откупные интересы, и затѣмъ послалъ подробное донесеніе о томъ, что̀ именно сдѣлано было мною, и притомъ съ вѣдома и согласія губернатора.

Когда улеглось это дѣло, я получилъ отъ главнаго откупщика въ этой губерніи, В. А. Кокорева, вліятельнаго человѣка, письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ мнѣ принять откупное дѣло раньше срока, въ видахъ его желанія помочь мнѣ въ правильномъ и успѣшномъ переходѣ къ новому порядку вещей, вводимому съ 1-го января 1863 года. На это письмо, бывшее тоже ловушкою, данъ былъ отвѣтъ, что я не уполномоченъ входить съ нимъ въ подобныя сдѣлки, и что если онъ считаетъ себя несостоятельнымъ, то законъ указываетъ порядокъ передачи откупнаго дѣла, по несостоятельности, въ казенное управленіе.

Тогда посыпались со всѣхъ сторонъ доносы на меня и извѣты; шефъ жандармовъ и III отдѣленіе были забросаны ими; даже былъ присланъ жандармскій полковникъ для секретной провѣрки этихъ доносовъ. Объ этомъ я только черезъ два года узналъ отъ мѣстнаго жандармскаго штабъ-офицера. Губернаторъ энергично меня отстаивалъ и, только благодаря его защитѣ, я уцѣлѣлъ.

Однако, откупщики продолжали расчитывать, что народъ, напуганный слухами о дороговизнѣ акцизнаго вина, набросится и начнетъ закупать ихъ вино въ запасъ, въ особенности, если цѣна понизится до казенной 3-хъ рублевой нормы. Ожидая большаго расхода вина, они потребовали отъ министерства финансовъ усиленной заготовки его въ количествѣ 200 тыс. ведеръ сверхъ имѣвшихся запасовъ. Заготовка эта была поручена губернатору, по совѣщанію со мною; такъ какъ въ казенныхъ подвалахъ оказывалось количество вина, съ избыткомъ покрывающее потребности откупщиковъ, то было рѣшено, для большей осторожности, заготовить только 35 тыс. ведеръ вмѣсто требуемыхъ 200 тыс.

Тогда-же я, для ознакомленія народа съ предстоявшею рефор-

мою, отпечаталъ 12 тыс. экземпляровъ объявленій о существѣ ея и о приблизительныхъ цѣнахъ на вино, какія могутъ быть послѣ 1-го января 1863 г. При посредствѣ полиціи объявленія эти разсылались частями, періодически, въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1862 г., и доходили до всѣхъ селеній. Откупные агенты начали эти листки перехватывать и уничтожать; сначала думая, что ихъ выпущено мало, они даже покупали ихъ для этой цѣли, и цѣна на нихъ доходила до нѣсколькихъ рублей за экземпляръ. Но вскорѣ они, конечно, должны были бросить надежду на полное истребленіе непріятныхъ имъ листковъ, тѣмъ болѣе, что народъ ими заинтересовался и охотно читалъ; такимъ образомъ, онъ вполнѣ ознакомился съ предстоявшею реформою, и хотя откупщики къ концу года и понизили цѣны до трехъ рублей за ведро, какъ я предвидѣлъ, но никто не сталъ дѣлать большихъ запасовъ вина на новый годъ; при пріемѣ мною отъ откупщиковъ остатка вина на 1863 г., его оказалось на лицо болѣе 135 тыс. ведеръ.

Помню знаменательную для меня ночь подъ новый 1863 годъ, которую мнѣ самому пришлось провести на конторскомъ откупномъ дворѣ для принятія вина, свозимаго изъ откупныхъ кабаковъ; опредѣлялось количество вина, затѣмъ бочки опечатывались и подъ охраною отправлялись въ казенный подвалъ. Вся полиція, жандармы и многіе чиновники были откомандированы въ мое распоряженіе.

Когда на зарѣ была опечатана мною послѣдняя бочка и я выходилъ съ конторскаго двора, ко мнѣ подошелъ главноуправляющій откупными дѣлами М**, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Забудемъ прошлое". Руку я подалъ, но забыть всѣ тѣ непріятности и гадости, которыя онъ мнѣ сдѣлалъ, было, конечно, невозможно. Можно было отдать справедливость его уму и нѣсколько, если не извинить, то хоть объяснить его нечестныя отношенія ко мнѣ, ничего дурнаго ему не сдѣлавшему. И дѣйствительно: чего можно было ожидать отъ человѣка, всю свою жизнь дававшаго и бравшаго взятки, обманывавшаго и друзей и враговъ и привыкшаго видѣть вокругъ себя личностей далеко не идеальной чистоты. Некрасивая житейская обстановка вырабатывала и соотвѣтствующихъ людей! М**, уѣзжая навсегда изъ Курска, задалъ банкетъ своимъ бывшимъ друзьямъ изъ чиновнаго міра, и нѣсколькими словами, высказанными по моему адресу, выразилъ свое уваженіе къ стойкости моихъ служебныхъ правилъ, которая могла-бы послужить примѣромъ и для... другихъ. Этими словами, покидая своихъ друзей, онъ далъ имъ понять, что, хотя нерѣдко и покупалъ ихъ

расположеніе, но слишкомъ большаго уваженія къ нимъ съ собою не уноситъ. Эта горькая пилюля, проглоченная хотя и съ шампанскимъ, была понята всѣми.

Такъ закончилась борьба съ откупнымъ міромъ, но зато послѣ 1-го января пришлось вести новую, едва-ли не труднѣйшую, съ легіономъ лицъ, кормившихся около откуповъ, во главѣ которыхъ были чиновники. Всѣ возстали на акцизный міръ съ единодушіемъ, достойнымъ лучшей участи. Полиція, хотя и сдерживаемая страхомъ передъ грознымъ начальникомъ губерніи, всетаки, гдѣ только могла, проявляла свое недоброжелательство и распускала подъ рукою разныя сплетни. Даже и почтовое вѣдомство не упустило случая сыграть роль „моськи" въ извѣстной баснѣ. Принявъ акцизныхъ дѣятелей за агентовъ какъ-бы новаго откупнаго хозяина, почтовые чиновники потребовали своего мѣсячнаго жалованья, а не получивъ таковаго, стали притѣснять ихъ при выдачѣ и пріемѣ корреспонденціи; нѣкоторые-же почтмейстеры отказывали даже въ пріемѣ казенной акцизной корреспонденціи. Въ свое время, по требованію министерства финансовъ, почтовымъ вѣдомствомъ было издано даже особое объ этомъ разъясненіе, въ которомъ выяснялось, что акцизное управленіе есть такъ-же органъ правительственной власти. Какъ характерный образчикъ тогдашнихъ нравовъ, разскажу по этому поводу одинъ смѣшной и грустный казусъ.

Въ одномъ уѣздномъ городкѣ почтмейстеромъ былъ прямой потомокъ гоголевскаго Шпекина—Б—въ. Этотъ господинъ никакъ не могъ переварить мысли, что ежемѣсячное откупное жалованье и даровыя наливочки отъ него ускользнули; не теряя надежды вернуть ихъ обратно, онъ сталъ всячески притѣснять, по своей спеціальности, мѣстнаго акцизнаго чиновника Энгельгардта, и началъ съ отказа въ пріемѣ казенной корреспонденціи; получивъ за это порядочную головомойку отъ своего начальства, онъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на частную переписку г. Энгельгардта: задерживалъ, терялъ и перепутывалъ его письма; когда-же послѣдній приходилъ по своимъ дѣламъ въ контору, почтмейстеръ встрѣчалъ его самою неприличною руганью. Избѣгая глупыхъ скандаловъ, г. Энгельгардъ пересталъ показываться въ контору и сталъ посылать своего писаря.

Однажды приходитъ писарь за полученіемъ посылки на 14 р. отъ бывшаго товарища г. Энгельгардта по драгунскому полку, капитана Руссау, ушедшаго въ походъ въ Ковенскую губ., во время польскаго возстанія. Капитанъ Руссау, возвращая товарищескій долгъ Энгельгардту, вмѣсто денегъ послалъ ему разныя бездѣлушки и, между

прочимъ, четыре малыя коробки только-что появившихся зажигательныхъ спичекъ для закуриванія сигаръ на вѣтру. Почтмейстеръ, выдавая посылку, призналъ нужнымъ вскрыть ее; расшивъ ее, онъ нашелъ незапечатанное письмо и сталъ громко въ почтовой конторѣ читать его; къ сожалѣнію его, въ немъ заключалось только описаніе походной и боевой жизни. Окончивъ чтеніе, онъ занялся осмотромъ самой посылки, порылся и нашелъ спички; одну спичку онъ вытащилъ изъ коробки и сталъ тереть ее объ особую бумажку (на манеръ шведскихъ). Спичка воспламенилась съ большимъ шумомъ и трескомъ, а любознательный почтмейстеръ, не ожидавшій такого эффекта, перетрусилъ и сталъ ее скорѣе тушить. Тутъ-же онъ воскликнулъ: „вотъ откуда происходятъ по деревнямъ пожары"! Заарестовалъ посылку, составилъ протоколъ и донесъ по начальству. Не знаю содержанія донесенія, но благодаря стараніямъ доброжелателей, 4 малыя коробки спичекъ, бывшія въ посылкѣ, вѣсящей 10 ф., обратились сначала въ 10 пуд., а затѣмъ въ 10 возовъ сильно воспламеняющагося состава; дѣло, видимо, пахло „внутреннею политикою". Въ такомъ видѣ сплетня дошла до губернатора, бывшаго очень подозрительнымъ въ вещахъ такого рода. Получивъ это серьезное донесеніе, онъ призываетъ меня къ себѣ, таинственно запирается въ кабинетѣ, и предъявляетъ мнѣ требованіе, чтобы я, въ охрану себя и всего акцизнаго управленія, немедленно уволилъ чиновника Энгельгардта отъ службы, такъ какъ необходимо сейчасъ-же посадить его въ острогъ. Я сильно испугался, не зная, въ чемъ собственно обвиняется мой юный сослуживецъ, пользовавшійся въ обществѣ и въ полку, гдѣ служилъ, самою лестною репутаціею. Губернаторъ не желалъ объяснить мнѣ этого, и на настоятельныя мои просьбы, разсердившись, сказалъ:

— „Если вы не хотите принять дружескаго совѣта, то сами будете раскаиваться, что отклонили мое желаніе выгородить васъ изъ этого скверного дѣла; одно могу вамъ сказать, что Энгельгардтъ обвиняется въ тайныхъ революціонныхъ сношеніяхъ съ западомъ".

Не смотря на страшное обвиненіе, я все-же не могъ рѣшиться удалить со службы Энгельгардта, не разобравъ предварительно въ чемъ дѣло; для этого я порѣшилъ вызвать Энгельгардта для объясненій. Но губернаторъ предупредилъ меня; его такъ безпокоило это дѣло, что, не смотря на сильную распутицу, онъ поскакалъ чуть-ли не на перекладныхъ за 130 верстъ въ тотъ уѣздный городъ, подъѣхалъ прямо къ почтовой конторѣ и потребовалъ заарестованную посылку. Зная неукротимую вспыльчивость губернатора, воображаю, какая сцена разыгралась въ конторѣ, когда обнаружи

лась вся пошлость этого доноса. Почтмейстеръ Бибишевъ бѣжалъ отъ собственноручной расправы разъяреннаго начальства.

Въ то время по губерніи было дѣйствительно много пожаровъ, происходившихъ видимо отъ поджоговъ. Съ легкой руки почтмейстера, народная молва начала приписывать ихъ акцизнымъ чиновникамъ; какъ ни нелѣпо было это обвиненіе, однако оно повторялось не только между простонародіемъ, но даже въ обществѣ чиновной интеллигенціи. Одинъ акцизный чиновникъ Бабашинскій со страха сошелъ съ ума, услыхавъ шуточное, будто, подозрѣніе, падавшее на него по поводу одного большаго пожара въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ. Впослѣдствіи Бабашинскій умеръ въ одной изъ больницъ для умалишенныхъ въ С.-Петербургѣ.

Представители губернскаго общества на первыхъ порахъ атаковали меня просьбами объ опредѣленіи на службу разныхъ ихъ родственниковъ и протеже; но когда оказалось, что просьбы ихъ не могли быть удовлетворены, всѣ обрушились на меня съ негодованіемъ, и масса некрасивыхъ корреспонденцій полетѣла въ столичныя газеты. Когда-же мнѣ пришлось завести уголовное дѣло о злоупотребленіяхъ на одномъ помѣщичьемъ заводѣ, озлобленіе противъ меня перешло всякія границы логики......

Всѣ на насъ ополчились; нѣкоторыя газеты стали нападать на акцизныхъ дѣятелей и наполнять свои столбцы разными пасквилями недоброжелательныхъ корреспондентовъ; провинціальные санитары стали кричать, что народъ спивается, а каждый случай скоропостижной смерти относили къ запою. Экономисты и моралисты заявляли, что народъ развращается, что необходимо принять мѣры противъ народнаго пьянства, стѣснить и ограничить торговлю и пр. Стали раздаваться серьезные голоса противъ акцизныхъ дѣятелей, говорили, что дѣятельность ихъ направляется не къ обузданію пьянства, а къ распространенію его. Спрашивается: что можетъ сдѣлать акцизный чиновникъ въ области этого вопроса? Тѣ, которые просвѣщеніемъ и проповѣдью могли-бы принести пользу въ этомъ дѣлѣ, ничего не предпринимали и ограничивались только нападками на акцизную систему и акцизныхъ дѣятелей. Тѣ изъ нашихъ недоброжелателей, которые относились къ вопросу честно, упускали изъ виду, что зло отъ пьянства стало развиваться какъ естественное послѣдствіе долгаго существованія у насъ крѣпостнаго рабства и пресловутыхъ откуповъ.

Таково было наше положеніе послѣ откуповъ. Хотя откупщики и исчезли, но главный врагъ остался: это былъ откупной духъ, глубоко вкоренившійся въ обществѣ и, можетъ быть, даже по

настоящее время не совсѣмъ исчезнувшій. Трудное было положеніе, приходилось взвѣшивать каждый шагъ, каждое слово и безустанно отбиваться отъ нападеній безчисленныхъ враговъ. Даже губернаторъ Денъ, вначалѣ оказывавшій намъ покровительство, слыша со всѣхъ сторонъ нападки на насъ, сталъ относиться какъ-то недовѣрчиво и по временамъ давалъ чувствовать свою тяжелую руку. Изо дня въ день живя въ такой обстановкѣ, измученный, не видя подъ собою никакой точки опоры, я въ 1866 году поѣхалъ въ Петербургъ просить свое начальство о переводѣ въ другую губернію.

Выслушавъ мою просьбу, К. К. Гротъ потребовалъ, чтобы я на другой день представился М. Х. Рейтерну, и передалъ ему все съ полною откровенностью. Явясь къ министру, я засталъ тамъ и К. К. Грота; позванный въ кабинетъ, я разсказалъ, какъ тяжело мнѣ живется, до чего доходитъ злоба ко мнѣ моихъ недоброжелателей, и просилъ его какъ особой милости перевести меня въ другую губернію. Въ отвѣтъ я услышалъ слова, которыя до сихъ поръ вспоминаю съ признательностью:

— „Напрасно вы тревожитесь и принимаете къ сердцу людскую злобу; я цѣню людей по ихъ поступкамъ, и потому можете быть увѣрены въ моей всегдашней поддержкѣ; что-же касается вашей провинціальной жизни, то повѣрьте, что вездѣ вы встрѣтите подобное злословіе и недружелюбіе, и на новомъ мѣстѣ вамъ придется снова пройти сквозь строй людскихъ сплетенъ и доносовъ; оставаясь въ той-же губерніи, гдѣ вы нужны для служебнаго дѣла, вы должны показать полное равнодушіе ко всѣмъ нападкамъ и тогда васъ, наконецъ, оставятъ въ покоѣ“.

Эти мудрыя слова оправдались; возвратясь изъ своей поѣздки, я замкнулся въ своемъ служебномъ кружкѣ, порвалъ всѣ частныя сношенія съ недоброжелательнымъ обществомъ и долго еще прожилъ въ той средѣ, такъ что пережилъ и злобу, и всѣ служебныя передряги, стоившія мнѣ многихъ горькихъ минутъ въ жизни и отравившія мнѣ нѣсколько лучшихъ годовъ моей молодости.

Теперь [1]) все, мною разсказанное, вспоминается съ удовольствіемъ, какъ боевое время, а при воспоминаніи сердце наполняется чувствомъ глубочайшей благодарности къ такимъ начальникамъ, какъ М. Х. Рейтернъ и особенно К. К. Гротъ, благодаря которому я уцѣлѣлъ въ борьбѣ новаго порядка съ старыми.

Отголосокъ этой борьбы и теперь еще чувствуется. Акцизная

[1]) Почти тридцать лѣтъ спустя, когда я остаюсь единственнымъ въ Россіи на своемъ посту перваго, такъ называемаго, набора К. К. Грота, управляющимъ акцизными сборами. В. К.

система, стойко выдерживая ожесточенные нападки, все-же принуждена была пойти на нѣкоторые уступки... Основной принципъ—свобода торговли—былъ нарушенъ почти въ самомъ началѣ; послѣ паденія откуповъ появилась масса питейныхъ заведеній и этотъ фактъ показался угрожающимъ; тогда начали стѣснять право открытія кабаковъ, вмѣсто того, чтобы дать дѣлу, послѣ нѣсколькихъ неправильныхъ колебаній, неизбѣжныхъ сначала, самому установиться на разумныхъ началахъ; естественная конкуренція сама повела-бы къ уменьшенію питейныхъ заведеній, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Мѣропріятія, клонившіяся къ уменьшенію народнаго пьянства и упорядоченію торговли виномъ, не достигли цѣли и только вызвали появленіе новой силы—кулаковъ-міроѣдовъ, прямыхъ наслѣдниковъ откупной системы. Только радикальная реформа въ раздробительной торговлѣ виномъ можетъ поправить дѣло.

Сообщ., 1-го янв. 1889 г., **Б. К. Кукель.**

СПЕРАНСКІЙ ПОДЪ ЦЕНЗУРОЮ 1844-го года.

[Къ матеріаламъ по исторіи цензуры].

Предъ нами рукопись „Правилъ высшаго краснорѣчія“ Сперанскаго, процензурованная и дозволенная къ печатанію, какъ видно изъ собственноручной подписи цензора профессора А. В. Никитенко, 23-го февраля 1844 года [1]). Рукопись вся писана профессоромъ с.-петербургской духовной академіи Иродіономъ Вѣтринскимъ, дѣдомъ автора настоящей замѣтки. Многія отмѣтки цензора очень любопытны для характеристики требованій тогдашней цензуры. „Правила высшаго краснорѣчія“ составлены Сперанскимъ въ 1792 году, когда ему былъ всего 21-й годъ и онъ только-что кончилъ академію.

Въ предисловіи издателя цензору кажется сомнительною слѣдующая фраза:

„...кто знаетъ, менѣе-ли добра сдѣлалъ-бы Михаилъ Сперанскій на поприщѣ словесности, физико-математическихъ наукъ и философіи, нежели дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, на поприщѣ службы государственной!“ Вторая половина фразы отъ „нежели“ вся зачеркнута. Цензора не ввели въ заблужденіе большія буквы относительно той мысли издателя, что „на поприщѣ словесности, физико-математическихъ наукъ и философіи“ можно быть полезнѣе, чѣмъ „на поприщѣ службы государственной“.

На стр. 31-й рукописи (глава о „доказательствахъ“ въ ораторской рѣчи находимъ первую помарку мыслей самого Сперанскаго. Говоря о томъ, какъ можно доказывать положеніе „помогай бѣднымъ“, авторъ упоминаетъ о „той великой и окруженной мраками эпохѣ, въ которую возникли общества, когда законы въ первый разъ свинцовымъ своимъ и тяжелымъ скипетромъ указали блудящему человѣку единое счастіе“. Слова „свинцовымъ“ и „тяжелымъ“ вычеркнуты.

На стр. 32-й, изслѣдуя, куда можно придти, разбирая вышеуказанное положеніе, Сперанскій восклицаетъ:

---

[1]) Автору настоящей замѣтки неизвѣстно—была-ли книга напечатана.

„Мы придемъ къ священной гробницѣ вольницѣ... Здѣсь обойметъ насъ ужасъ и покроетъ тьма. Разсѣявъ пламенникомъ ума и то и другое, мы сквозь великій рядъ столѣтій проникнемъ даже до того мѣста, гдѣ прежде сооруженъ былъ престолъ первобытнаго равенства. Мы облобызаемъ священные его остатки и, проходя обратно, примѣтимъ, что, если не можно было въ обществѣ поставить равенству того-же престола, по крайней мѣрѣ, тамъ воздвигнуть жертвенникъ его идолу. Тамъ заступило мѣсто равенства взаимное обязательство". За исключеніемъ послѣдней фразы, вся эта тирада вычеркнута.

На стран. 37-й и 38-й въ той-же главѣ вычеркнута слѣдующая фраза: „Предметы церковнаго слова безспорно велики; но проходя чрезъ руки тысящи проповѣдниковъ низкихъ, они теряютъ нѣчто отъ своего величества, и дѣлаются сами низки".

Стр. 60-я. Глава „о природѣ страстей". Вычеркнуто: „Тотъ, кто писалъ дѣянія апостоловъ, умѣлъ чувствовать и умѣлъ наблюдать". Авторъ дѣяній апостоловъ и проч.

Стр. 65. Фраза Сперанскаго: „Церковная каѳедра есть ѳеатръ великихъ страстей, говоритъ д'Аламберъ", обращается въ слѣдующую подъ безпощадными красными чернилами: „Ораторская каѳедра есть ѳеатръ великихъ движеній духа, говоритъ д'Аламберъ". Замѣтимъ здѣсь-же, что далѣе повсюду церковная каѳедра обращена просто въ ораторскую или даже въ „ораторскую свѣтскую", проповѣдникъ церковный обращенъ въ оратора свѣтскаго и т. д.

На стр. 102-й „наши тяжело-ученые проповѣдники и писатели" обращаются просто въ тяжело-ученыхъ писателей.

На стран. 169-й и 170-й, въ главѣ объ „источникахъ высокаго" не мало выраженій возбудило сомнѣнія цензора. „Знай, говоритъ сей мученикъ вольности (Муцій Сцевола)", писалъ Сперанскій; подъ перомъ цензора „мученикъ вольности" обратился въ „мученика патріотизма". „Какимъ образомъ рабъ, подавленный всею тяжестью своихъ оковъ, можетъ возвыситься къ симъ великимъ понятіямъ?..." спрашиваетъ Сперанскій. Вмѣсто картины раба, подавленнаго оковами, цензоръ пишетъ просто: Какимъ образомъ „человѣкъ угнетенный" и т. д. Немного ниже цензоръ замѣняетъ словомъ „общественныхъ" слово „политическихъ" во фразѣ „Великія сопряженія обстоятельствъ политическихъ отъ него (раба) сокрыты", и совершенно вычеркиваетъ тутъ-же слѣдующее: „въ религіи онъ (рабъ) смотритъ очами жрецовъ, и смотритъ на все съ суевѣріемъ; въ нравственномъ онъ знаетъ только, что онъ рабъ и что онъ осужденъ навсегда страдать". Далѣе (стр. 170) вычеркнуто: „Какъ можно быть рабомъ—и не льстить? и какъ можно льстить и мыслить возвышенно?"

Въ главѣ „о свойствахъ слога высокаго" говорится, что слогъ возвышается, когда мысли берутся отъ Бога и религіи, и въ примѣръ приводятся оды Гораціо. Стр. 332 и 333 вычеркнуты цѣликомъ; вмѣсто нихъ цензоромъ надписано сверху 334-й стр.: „Не смотря на нелѣпость языческой религіи, у древнихъ писателей лучшія красоты заимствованы изъ религіозныхъ понятій, или близкихъ къ нимъ".

Далѣе выключено введеніе къ изслѣдованію „о видѣ оратора", гдѣ авторъ сравнилъ проповѣдника съ актеромъ.

Стр. 362. „ангелъ истины"—поправлено „вѣстникъ истины".

Въ концѣ нашей тетрадки помѣщены „Краткія свѣдѣнія о графѣ М. М. Сперанскомъ“. Здѣсь исключено слѣдующее мѣсто: „Знаки ордена св. Андрея возложены были на графа Сперанскаго лично государемъ императоромъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по окончаніи разсужденій о пользѣ и порядкѣ введенія въ дѣйствіе Общаго Свода Законовъ Имперіи; государь императоръ, вставъ съ своего мѣста, изволилъ подойти къ графу Сперанскому, изъявилъ ему въ благосклоннѣйшихъ выраженіяхъ свою благодарность за совершеніе сего великаго труда подъ непосредственнымъ руководствомъ его величества, снялъ съ себя знаки ордена св. Андрея и возложилъ ихъ на него“.

Сообщ. **Василій Чешихинъ.**

Примѣчаніе. Мы напечатали эту замѣтку, какъ матеріалъ къ исторіи цензуры, но сообщеніе это нимало не можетъ служить укоризною А. В. Никитенко, который, какъ въ данномъ случаѣ, вычеркивалъ особенно напыщенныя тирады, либо то, что, по общимъ требованіямъ тогдашней цензуры, не могъ пропустить въ печать, какъ, напримѣръ, разсказъ о личномъ награжденіи Сперанскаго императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Ред.

С. Я. Марковецкій. А. М. Максимовъ. И. М. Сосницкій. К. Н. Полтавцевъ. Л. Л. Леонидовъ.
Ѳ. А. Бурдинъ. А. А. Яблочкинъ. А. Е. Мартыновъ. П. С. Степановъ.

АРТИСТЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

въ 1840 — 1860 гг.

МАКСИМЪ ДРЕНЯКИНЪ,

одинъ изъ воиновъ великаго Суворова.

Въ бумагахъ покойной моей матери, скончавшейся два года тому назадъ, на 98-мъ году отъ рожденія, въ городѣ Бѣлгородѣ, нашелъ я представляемый здѣсь указъ императрицы Екатерины II, отъ 27-го апрѣля 1792 года, за подписомъ и печатью генералъ-аншефа графа А. Суворова-Рымникскаго, объ отличіи, оказанномъ прапорщикомъ Максимомъ Дренякинымъ, при взятіи приступомъ крѣпости и города Измаила 11-го декабря 1790 года. Уцѣлѣлъ тоже и указъ объ отставкѣ моего отца уже въ чинѣ полковника. Въ указѣ этомъ, отъ 8-го декабря 1815 года, выданномъ изъ бывшаго инспекторскаго департамента военнаго министерства, между прочимъ, видно, что отецъ мой, въ рядахъ 7-го Егерскаго полка, былъ и при взятіи штурмомъ Очакова 6-го декабря 1788 года. По паденіи-же Измаила, находясь въ вспомогательномъ для австрійскихъ войскъ корпусѣ противъ французовъ, подвигаясь въ чинахъ, быль въ сраженіяхъ: при Баченіано и Тицето; контуженъ въ правое плечо и лѣвый вздохъ; потомъ былъ въ дѣлѣ при р. Требіи. При мѣстечкѣ Новіи и селеніи Мутенталь, гдѣ раненъ въ ногу пулею на вылетъ. При Кларисѣ и при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Альпійскія горы. Въ 1805 году въ Аустерлицкомъ сраженіи, раненъ пулею въ грудь на вылетъ, и наконецъ въ 1807 году, въ сраженіи подъ Прейсишъ-Элайу, лишился отъ картечнаго выстрѣла правой руки по самое плечо и, по награжденіи его орденомъ св. Георгія 4-го класса

„за храбрость", уволенъ отъ службы за тяжкими ранами полковникомъ, 27-го апрѣля того-же года.

По излеченіи раны въ Кенигсбергѣ, гдѣ пользовался у лейбъ-медика короля прусскаго, полковникъ Максимъ Дренякинъ, возвратясь на родину, не нашелъ уже въ живыхъ своего отца, отставнаго прапорщика Бѣлгородскаго гарнизона, благословившаго его, не совершеннолѣтняго, на службу въ 1782 году; воинъ великаго Суворова — Максимъ Дренякинъ женился, полюбилъ сельское хозяйство, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, пріятнымъ былъ собесѣдникомъ и до обожанія любилъ Суворова. Въ разсказахъ о немъ былъ неистощимъ и воодушевлялся до того, что забывалъ свои боли отъ ранъ, не рѣдко о себѣ ему напоминавшія. Слѣдилъ за воспитаніемъ и образованіемъ своихъ дѣтей. Сыновей готовилъ въ военную службу, пріучалъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ пистолета и, взысканный милостями императоровъ: Александра и Николая Павловичей, проживъ болѣе 80-ти лѣтъ, тихо скончался, въ 1851 году, оставивъ по себѣ добрую память какъ семьянинъ, воинъ и гражданинъ.

А. М. Дренякинъ,
генералъ-лейтенантъ 80-ти лѣтъ.

18-го октября 1891 года,
г. Бѣлгородъ, Курской губ.

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы Всероссійской, и проч., и проч., и проч.

Лифляндскаго егерскаго корпуса прапорщикъ Максимъ Дренякинъ, проходя съ усердіемъ и ревностію теченіе всеподданнѣйшей ея императорскому величеству службы, пріобрѣлъ особливое къ себѣ уваженіе подвигомъ своимъ при взятьи приступомъ крѣпости и города Измаила и истребленіи многочисленной арміи турецкой въ 11-й день декабря 790-го года. Онъ тогда, бывъ въ дѣлѣ, и отличился. О таковой его отличности всеподданнѣйше донесено

было ея императорскому величеству. И по высочайшему ея императорскому величеству повелѣнію, данъ ему сей листъ во ознаменованіе, какъ всемилостивѣйшаго монаршаго благоволенія, такъ и пожалованнаго ему преимущества уменьшеніемъ трехъ лѣтъ изъ срочнаго времяни къ полученію ордена военнаго. Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 27-го дня 1792-го года.

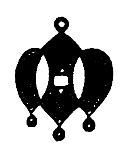
Ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни отъ арміи генералъ-аншефъ, полковъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго подполковникъ, Фанагорійскаго гранодерскаго шефъ, главнокомандующій финляндскою дивизіею роченсальтскимъ портомъ и саимскою флотиліею, орденовъ: россійскихъ св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія, св. Равноапостольнаго князя Владиміра первыхъ степеней и великокняжескаго Голстинскаго св. Анны кавалеръ. обѣихъ имперій. Граѳъ Александръ Суворовъ Рымникскій.

Старѣйшіе артисты императорскаго русско-драматическаго театра въ С.-Петербургѣ въ 1858 г.

Въ 1858 году русскіе драматическіе артисты императорскаго театра въ С.-Петербургѣ, восхищенные талантомъ славнаго артиста-мавра Айръ - Ольриджа — и выполняя его просьбу— сняли съ себя въ двухъ группахъ портреты въ превосходной фотографіи извѣстнаго художника г. Деньера (Невскій проспектъ, близь Полицейскаго моста).

Одна изъ этихъ группъ—именно старѣйшихъ—по талантамъ и продолжительности службы на сценѣ отечественнаго театра въ Спб., воспроизведена здѣсь съ экземпляра, весьма обязательно подареннаго намъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 г., для приложенія къ „Русской Старинѣ", другомъ г. Деньера, художникомъ Г. Н. Скамони. Фотографія эта воспроизведена въ снимкѣ и отпечатана въ извѣстной фототипической мастерской фирмы Шерера и Набгольца въ Москвѣ. Снимокъ этотъ приложенъ при настоящей книгѣ „Русской Старины".

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 года одинъ изъ артистовъ, изображенныхъ въ этой интересной группѣ, Леонидъ Львовичъ Леонидовъ († 5-го августа 1889 г.), отпраздновавъ за годъ передъ тѣмъ полувѣковой юбилей своей артистической службы, одинъ изъ очерковъ своихъ записокъ, составленныхъ имъ для „Русской Старины" [1]), посвятилъ воспоминанію о помянутой группѣ своихъ товарищей. Очеркъ этотъ мы сохранили въ нашемъ архивѣ и помѣстимъ его въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины".



[1]) См. изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 217—272, изд. 1889 г., т. LXIII.

Ред.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II и ФРАНЦІЯ въ 1875 г.

[Переводъ съ французскаго].

Много было уже писано и много говорено, смѣю сказать нѣсколько наугадъ и не сообразуясь особенно строго съ истиною и справедливостью, по поводу дипломатическихъ столкновеній, вызвавшихъ въ 1875 году благополучное и рѣшительное вмѣшательство Россіи въ интересахъ мира, которому угрожала серьезная опасность. Теперь настала, можетъ быть, уже пора, и, во всякомъ случаѣ, будетъ своевременно пролить разъ навсегда нѣкоторый свѣтъ на историческій фактъ, затрогивающій честь многихъ; однако я рѣшаюсь на это послѣ довольно долгаго колебанія и съ нѣкоторымъ опасеніемъ; не говоря о высшихъ интересахъ отечества, это сообщеніе будетъ съ моей стороны, прежде всего, благоговѣйною данью драгоцѣнной и высокочтимой памяти благороднаго и великодушнаго императора Александра II.

Слухи о предстоявшей войнѣ, такъ сильно взволновавшіе Францію и всю Европу весною 1875 года, начали распространяться съ ужасающею быстротою уже съ января 1874 года, вызванные нѣкоторыми печатными заявленіями со стороны нашихъ епископовъ и въ особенности пастырскимъ посланіемъ епископа Нимскаго, которое весьма разсердило кн. Бисмарка. Но это былъ

лишь одинъ предлогъ: настоящая причина, побуждавшая его искать съ нами ссоры, заключалась въ томъ, что изумительная быстрота, съ которою мы приступили къ преобразованію нашей арміи и къ улучшенію ея матеріальной части, послѣ поразительно быстрой уплаты нашей огромной военной контрибуціи, внушала въ Берлинѣ серьезныя опасенія. Волненіе было чрезвычайное, но въ Петербургѣ ему не придали серьезнаго значенія.

— «Все это, говорилъ мнѣ кн. Горчаковъ, не болѣе какъ комедія, которая окончится сама собою за неимѣніемъ актеровъ, такъ какъ Бисмаркъ не можетъ безконечно разыгрывать ее одинъ».

Таково-же было и мнѣніе императора:

— «Между нами будь сказано, сказалъ мнѣ е. в., это особый способъ отвлечь всеобщее вниманіе, чтобы выйти изъ затруднительныхъ внутреннихъ обстоятельствъ. (Въ это время возникалъ уже вопросъ о септенатѣ). Успокойтесь! Никто не желаетъ войны и ея не будетъ».

Кн. Орловъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Александровны, и имѣвшій, проѣздомъ черезъ Берлинъ, продолжительные и крайне интересные разговоры съ кн. Бисмаркомъ, увѣрялъ меня въ томъ-же и, наконецъ, императоръ австрійскій, посѣтивший Россію въ февралѣ мѣсяцѣ, сказалъ мнѣ:

— «Въ Берлинѣ были нѣсколько раздражены, но теперь, кажется, значительно поуспокоились».

Я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что оба великіе монарха, о которыхъ я только-что упомянулъ, сообща дали кому слѣдуетъ совѣтъ дѣйствовать болѣе умѣренно.

Какъ-бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря доброжелательному сочувствію, выказанному къ намъ всѣми дворами Европы, а также благодаря искусной и мудрой политикѣ нашего правительства буря разсѣялась или была, по крайней мѣрѣ, предотвращена и Европа, казалось, могла вздохнуть свободно. Что касается Россіи, тамъ были вполнѣ увѣрены въ томъ, что миръ нарушенъ не будетъ; кн. Горчаковъ и государь Александръ Николаевичъ не упускали случая высказывать мнѣ это.

Однако, во Франціи въ этомъ не были еще вполнѣ увѣрены и канцлеръ неоднократно повторялъ мнѣ:

— «Постарайтесь, ради Бога, успокоить ваше правительство; Орловъ пишетъ намъ, что оно продолжаетъ, вопреки всему, бредить о предстоящей войнѣ, и высказываетъ эту мысль при всякомъ удобномъ случаѣ; эта слабость, повѣрьте мнѣ, можетъ уронить ваше значеніе въ глазахъ всей Европы; повторяю: вамъ не грозитъ никакая опасность; но, во всякомъ случаѣ, вамъ нужно только быть сильными, весьма сильными».

Точно также смотрѣлъ на дѣло и я, и подъ этимъ впечатлѣніемъ оставилъ Россію 15-го февраля 1875 года, вызванный во Францію въ качествѣ

депутата, чтобы принять участіе въ подачѣ голосовъ при утвержденіи конституціонныхъ законовъ. Въ то время это былъ важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди, и онъ поглощалъ всѣ прочія заботы. Когда это великое дѣло было окончено, то я отправился къ моей семьѣ въ Бретань, откуда возвратился лишь въ первыхъ числахъ апрѣля съ тѣмъ, чтобы направиться въ Петербургъ. Между тѣмъ, въ Парижѣ волненіе улеглось, министерство было вновь образовано, оффиціальный міръ былъ доволенъ и покоенъ, по крайней мѣрѣ на видъ, и я могъ откланяться маршалу-президенту и моему непосредственному начальнику, герцогу Деказу, съ совершеннымъ спокойствіемъ, не получивъ ни отъ того, ни отъ другаго никакого новаго сообщенія, а слѣдовательно и никакой иной инструкціи, кромѣ совѣта соблюдать, въ сношеніяхъ моихъ съ Россіею, особенную сдержанность въ дѣлахъ, касающихся Берлина.

На слѣдующій день, назначенный для моего отъѣзда, я долженъ былъ завтракать у кн. Орлова, и когда входилъ въ его кабинетъ:

«Ахъ, какъ вы кстати, сказалъ онъ, я пишу кн. Горчакову и какъ разъ только-что говорилъ о васъ».

— «Могу я узнать, в. сіят-во, что̀ именно вы высказали обо мнѣ?»

«Это не тайна, прочтите сами».

Это письмо было повтореніемъ того, что было говорено уже неоднократно, о постоянномъ и прискорбномъ настроеніи умовъ нашихъ правительственныхъ лицъ, по поводу угрожающей намъ будто-бы войны; Орловъ ничуть не довѣрялъ этимъ слухамъ, что, между прочимъ, было весьма странно, и, будучи всею душою преданъ Франціи, искренно огорчался ими; я страдалъ не менѣе его и хотя меня считали уже уѣхавшимъ, однако я рѣшилъ еще разъ повидать маршала и объясниться съ нимъ безъ обиняковъ.

Часъ спустя послѣ завтрака, я поспѣшилъ въ Елисейскій дворецъ; президента тамъ не оказалось; тогда я направился въ министерство; герцога Деказа тамъ не было, онъ куда-то вышелъ; оставался еще одинъ человѣкъ, къ которому я могъ обратиться, директоръ политическихъ дѣлъ, Депре; но онъ былъ на свадьбѣ. Не падая духомъ, я направился вновь къ Елисейскому дворцу, однако, по-прежнему безъ успѣха,—президентъ еще не возвращался и, такимъ образомъ, мнѣ поневолѣ пришлось ожидать до слѣдующаго дня. Въ девять часовъ утра я былъ у маршала и, говоря съ нимъ вполнѣ откровенно, не скрылъ отъ него тяжелаго впечатлѣнія, которое все это произвело на меня; я чувствовалъ себя оскорбленнымъ и высказалъ это съ большимъ волненіемъ.

«Но, любезный генералъ, сказалъ мнѣ мой высшій начальникъ, вамъ слѣдовательно, неизвѣстно, что̀ теперь происходитъ»?

— «Я знаю, в. пр-во, лишь то, что̀ мнѣ говорятъ, и не могу предполагать, чтобы отъ меня что-либо скрывали».

«Прочтите это», сказалъ онъ мнѣ на это, подавая мнѣ связку бумагъ.

Я прочелъ ихъ съ изумленіемъ. Это былъ цѣлый рядъ донесеній или секретныхъ документовъ, изъ которыхъ иные были помѣчены самыми недавними числами и не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ непреложномъ намѣреніи Германіи немедленно открыть противъ насъ враждебныя дѣйствія, объявивъ намъ войну или безъ предварительнаго ея объявленія. Между ними я обратилъ особенное вниманіе на два письма одного изъ самыхъ важныхъ лицъ Европы,—монарха, объ имени котораго я обязанъ умолчать; въ одномъ изъ этихъ писемъ говорилось:

— «На васъ нападутъ весною», а въ другомъ: «планъ измѣненъ, война отложена до сентября».

Удивленіе мое было безмѣрно.

«Какъ! сказалъ я маршалу, подобныя вещи существуютъ, я имѣю честь быть аккредитованнымъ при великомъ монархѣ, который одинъ можетъ придти намъ на помощь, и мнѣ не сообщаютъ о нихъ! Какое-же довѣріе имѣете вы ко мнѣ»!..

Вечеромъ того-же дня, въ восемь часовъ, я отправился въ Петербургъ, глубоко огорченный, но рѣшивъ окончательно руководствоваться впредь лишь моимъ патріотизмомъ, который въ состояніи, какъ я полагалъ, внушить мнѣ то, что̀ будетъ болѣе соотвѣтственно интересамъ и достоинству моей страны. Мнѣ хотѣлось въ особенности поразить какъ можно скорѣе императора Александра извѣстіемъ объ этомъ серьезномъ и опасномъ положеніи дѣла,—я былъ увѣренъ, что онъ не отнесется къ нему равнодушно.

Случай къ тому не замедлилъ представиться.

На другой-же день послѣ моего пріѣзда, 10-го апрѣля, когда я находился еще въ кровати, отдыхая отъ утомленія семидесяти двухъ часовъ, проведенныхъ мною на желѣзной дорогѣ, швейцаръ доложилъ мнѣ, что кн. Горчаковъ ожидаетъ въ моемъ кабинетѣ. Я поторопился встать.

«Ахъ, князь, привѣтствовалъ я его, какое пріятное пробужденіе! Но какое событіе могло быть причиною столь ранняго посѣщенія вашего»?

— «Ничто иное, кромѣ желанія узнать что-нибудь о васъ».

«Весьма тронутъ вашимъ вниманіемъ; но безъ сомнѣнія, в. сіят-во н потревожились-бы изъ-за такой бездѣлицы».

— «Ну, если хотите, есть и другая причина!»

И князь тотчасъ-же коснулся щекотливаго вопроса о нашихъ печальныхъ отношеніяхъ къ Германіи.

Я прервалъ его на первыхъ-же словахъ и разсказалъ ему о моемъ послѣднемъ свиданіи съ маршаломъ-президентомъ и все то, что я видѣлъ, слышалъ и узналъ во время этой бесѣды.

Разговоръ, завязавшійся между нами по этому поводу, приведенъ цѣликомъ въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, писанномъ мною къ герцогу Деказу послѣ аудіенціи, которую я имѣлъ у императора.

С.-Петербургъ, 20-го апрѣля 1875 года.

«Ваше пр-во, вамъ извѣстно уже изъ моей телеграммы, отъ 15-го числа сего мѣсяца, вкратцѣ, о весьма успокоительной бесѣдѣ, которою императоръ удостоилъ меня. Я возвращусь къ ней болѣе подробно въ настоящей депешѣ, но полагаю, что мнѣ слѣдуетъ прежде дать вамъ отчетъ о разговорѣ, который я имѣлъ третьяго дня съ кн. Горчаковымъ. Итакъ, я имѣлъ уже честь сообщить вамъ, что канцлеръ, не дожидаясь моего визита, весьма любезно посѣтилъ меня въ посольствѣ, на другой-же день послѣ моего пріѣзда, и вслѣдъ за обычными привѣтствіями сдѣлавъ нѣсколько одобрительныхъ замѣчаній, по поводу нашего внутренняго положенія, которое, по его мнѣнію, весьма улучшилось и кажется гораздо утѣшительнѣе послѣ принятія конституціонныхъ законовъ, онъ прибавилъ:

— «Я прошу васъ только не обращать такого усиленнаго вниманія на то, что говорится или дѣлается въ Берлинѣ. Орловъ писалъ намъ, что вы чрезвычайно тревожитесь этимъ; повѣрьте, вы преувеличиваете значеніе тѣхъ фактовъ, которые отнюдь не измѣнились замѣтнымъ образомъ въ послѣднее время, и безпокойство, проявляемое вами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезнымъ, а можетъ только умалить ваше значеніе. На всѣ эти мнимыя угрозы долженъ быть только одинъ отвѣтъ: старайтесь быть сильны, весьма сильны».

«Я готовъ раздѣлить этотъ образъ мыслей, отвѣчалъ я, въ особенности я совершенно согласенъ съ послѣднимъ замѣчаніемъ. Ваше сіят-во, не можете, однако, отрицать тѣ многознаменательные симптомы, которые стали обнаруживаться въ послѣднее время особенно часто со стороны нашихъ противниковъ. Не затрогивая вновь вопроса о запрещеніи вывоза лошадей, по поводу котораго вы уже высказались, вамъ не безъизвѣстна та лихорадочная дѣятельность, съ которою производятся въ Германіи всякаго рода вооруженія. Я могъ-бы указать вамъ на таковыя, произведенныя весьма недавно и цѣль которыхъ совершенно ясна. Вы удивляетесь нашимъ опасеніямъ; но подумайте, князь, что война, которая застигнетъ насъ въ разгаръ нашихъ военныхъ, финансовыхъ и административныхъ преобразованій, будетъ самою бѣдственною катастрофою, какая можетъ постигнуть насъ, и я могу утверждать, что всякій французъ, къ какой-бы партіи онъ ни принадлежалъ, проникнутъ этою печальною истиною. Доказательство тому вы видите въ осмотрительности и мудрости правительства, а еще болѣе въ изумительной сдержанности, проявляемой всѣми безъ исключенія органами общественнаго мнѣнія.

— «Это правда, возразилъ князь, въ этомъ отношеніи всѣ съ удовольствіемъ отдаютъ вамъ полную справедливость».

«Въ такомъ случаѣ, развѣ нельзя назвать самою жалкою комедіею то обстоятельство, что вся нѣмецкая пресса указываетъ на насъ ежедневно, какъ на враговъ мира въ Европѣ, одушевленныхъ лишь одною мыслію о возможно скоромъ реваншѣ!»

— «Согласенъ съ вами, но не вы одни являетесь предметомъ этихъ смѣшныхъ исторій. Развѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не распространяли вездѣ слухъ и не говорили, что мы находимся наканунѣ разрыва съ Англіею? Вы были свидѣтелемъ этого и знали насколько въ этомъ было правды! Но что можетъ быть вамъ неизвѣстно и въ чемъ мы, однако, увѣрены, это то, что всѣ эти слухи исходили изъ того-же берлинскаго источника. Съ какою цѣлью это дѣлалось? Одинъ Богъ знаетъ!»

Возвратясь нѣсколько минутъ спустя къ вопросу о войнѣ, я счелъ долгомъ высказать князю, что въ концѣ концовъ въ Германіи могутъ удивительно ошибаться на нашъ счетъ: безъ сомнѣнія, мы не въ состояніи вести наступательную войну, но, во всякомъ случаѣ, мы сможемъ защищаться, и видя дикое и ничѣмъ не вызванное нападеніе, Франція и теперь очень скоро встанетъ на ноги и будетъ готова на всякія жертвы, и такъ какъ я распространился довольно горячо на счетъ тѣхъ средствъ, которыя можетъ выставить раздраженный и доведенный до крайности народъ, который, чтобы ни говорили нѣкоторые пруссаки, не утратилъ еще своихъ воинскихъ доблестей, то князь перебилъ меня съ живостью:

«А вы не думаете о всеобщемъ осужденіи, которое вызвало-бы въ Европѣ подобное нападеніе, и которымъ, будьте увѣрены, нѣмцы не могутъ пренебрегать»!

«Съ условіемъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я улыбаясь, чтобы это нужденіе не было только на словахъ. Во всякомъ случаѣ, мы-бы расчитывали на это; мы расчитывали-бы въ особенности на сочувственное и умиротворительное вмѣшательство Е. В. государя императора, а равно и на вліяніе в. сіят-ва, наконецъ, мы стали-бы расчитывать и на справедливость другихъ кабинетовъ и на ихъ личные интересы. Ибо не слѣдуетъ заблуждаться! Подобная война продлится не шесть мѣсяцевъ, она можетъ затянуться лѣтъ на десять и не будетъ лишь дуэлью двухъ соперниковъ, а вызоветъ вскорѣ всеобщее вооруженное столкновеніе».

Таково дѣйствительно мнѣніе, раздѣляемое здѣсь весьма многими и которое чрезвычайно благопріятно для насъ. Князь все время слушалъ меня съ видимою благосклонностью. Въ теченіе дальнѣйшей бесѣды я напомнилъ ему, какой серьезный выводъ дѣлаютъ обыкновенно въ Берлинѣ изъ нашей упорной надежды возвратить со временемъ Эльзасъ и Лотарингію, вслѣдствіе чего, по мнѣнію нѣмцевъ, весьма мало гарантіи на сохраненіе мира, который является въ ихъ глазахъ не болѣе какъ перемиріемъ.

— «Ахъ! въ этомъ отношеніи, сказалъ канцлеръ, они не имѣютъ права жаловаться, они сами того желали! Поистинѣ, васъ нельзя упрекать за то, что вы лелѣете въ глубинѣ души подобную надежду, и если-бы я былъ французъ, я-бы желалъ этого точно также, какъ и вы».

«Эльзасъ и Лотарингія являются дѣйствительно между нами и Герма-

ніею самымъ существеннымъ вопросомъ, и я надѣюсь, что въ интересахъ Европы этотъ вопросъ разрѣшится со временемъ мирнымъ путемъ, посредствомъ дипломатіи. Мы не имѣемъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, иного желанія».

— «Вопросъ времени и случая, возразилъ князь. Я раздѣляю ваше мнѣніе относительно того, что это дѣло можетъ уладиться такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, что касается Лотарингіи. Эльзасъ, въ которомъ такъ много нѣмецкихъ элементовъ, можетъ представить нѣкоторыя затрудненія. Между тѣмъ, увѣряю васъ еще разъ, что всѣ усилія России будутъ направлены къ тому, чтобы сдержать раздраженіе, проявляемое въ Берлинѣ, и добиться того, чтобы тамъ одержала верхъ идея миролюбія и умѣреннаго образа дѣйствій».

Князь, съ которымъ я видѣлся вторично сегодня утромъ, сообщилъ мнѣ секретно, что онъ будетъ сопровождать императора въ предстоящей поѣздкѣ Его Величества въ Берлинъ, гдѣ онъ остановится на два дня, лишь съ цѣлью повліять въ этомъ смыслѣ на Бисмарка, между тѣмъ какъ Его Величество употребитъ все свое вліяніе на образъ мыслей императора Вильгельма.

Возвращаюсь теперь, в. пр.-во, къ аудіенціи, данной мнѣ на прошлой недѣлѣ Государемъ, и для бо̀льшей ясности прошу вашего позволенія воспроизвести вновь главнѣйшія мѣста моей телеграммы отъ 15-го числа. Его Величество предложилъ мнѣ, прежде всего, цѣлый рядъ вопросовъ, весьма доброжелательныхъ и сочувственныхъ касательно нашего внутренняго положенія и разныхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ вотированію закона о сенатѣ и провозглашенію республики—двухъ актовъ, которые Его Величество одобряетъ, полагая, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ они послужатъ новымъ залогомъ общественной безопасности и могутъ сообщить болѣе прочности правительству. Императоръ высказалъ мнѣ по этому поводу самое лестное мнѣніе о маршалѣ. Я съ горячностью благодарилъ Его Величество и воспользовался случаемъ высказать ему, что дѣйствительно въ умахъ замѣтно уже значительное успокоеніе, и что не было эпохи, въ которую спокойствіе было-бы столь обезпечено внутри государства и духъ арміи былъ-бы такъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ; но что, къ несчастію, Бисмарку доставляетъ удовольствіе пріумножать за-границею цѣлый рядъ зловѣщихъ признаковъ (points noirs), которые волнуютъ страну и могутъ возбудить живѣйшія опасенія.

— «Я понимаю эту тревогу, отвѣчалъ Его Величестро, и сокрушаюсь о причинахъ, вызвавшихъ ее. Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что Германія далека отъ того, чтобы желать войны, и что всѣ эти крайне прискорбныя дѣйствія со стороны Бисмарка не болѣе какъ хитрость, съ помощью которой онъ хочетъ утвердить свою власть, заставляя считать себя болѣе необходимымъ, вслѣдствіе выставки мнимыхъ опасностей. Я знаю отлично, что императоръ Вильгельмъ положительно противъ новой войны и если-бы императора Вильгельма не стало, мнѣ кажется и наслѣдный принцъ также былъ-бы противъ нея

какъ и его отецъ. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что я желаю мира, точно также какъ и вы, и употреблю всѣ старанія къ тому, чтобы онъ не былъ нарушенъ».

«Франція надѣется на это, Ваше Величество, отвѣчалъ я, и чтобы предотвратить угрожающія ей опасности, она расчитываетъ на могущественное вмѣшательство ваше, такъ какъ всѣми уважаемое слово Вашего Величества имѣетъ нынѣ огромное вліяніе на Европу.

Я присовокупилъ къ этому, что къ чести Россіи слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что она достигла безъ пушечныхъ выстрѣловъ, единственно благодаря мудрости ея правительства и личному характеру императора, такого вліянія, которое хотя и можетъ еще до нѣкоторой степени быть оспариваемо въ Берлинѣ, но не можетъ быть игнорировано тамъ, и на которое мы, вмѣстѣ со всѣми прочими кабинетами, какъ нельзя болѣе уповаемъ.

Его Величеству, повидимому, было весьма пріятно слышать этотъ комплиментъ, который былъ высказанъ мною, впрочемъ, вполнѣ искренно. Возвращаясь затѣмъ къ признакамъ враждебнаго настроенія, указаннымъ мною, Императоръ замѣтилъ, что заказъ 40 милліоновъ металлическихъ трубокъ для патроновъ, сдѣланный въ Вѣнѣ, объясняется, напримѣръ, введеніемъ новаго ружья Маузера, къ которому старыя трубки могутъ не быть пригодны, и желаніемъ пополнить такимъ образомъ вооруженіе новаго образца въ резервѣ въ томъ-же размѣрѣ, въ какомъ оно существовало въ прежней арміи. Подобное-же замѣчаніе сдѣлано имъ относительно ежемѣсячной поставки заводомъ Крупа 400 пушекъ новаго образца, при чемъ Государь присовокупилъ, впрочемъ весьма милостиво, что тотъ-же самый упрекъ, который мы дѣлаемъ въ этомъ случаѣ Пруссіи, высказывается ею не безъ основанія противъ насъ самихъ (т. е. противъ Франціи).

— «Это не значитъ, сказалъ Государь, что я нахожу незаконною ту дѣятельность, съ которою вы стараетесь увеличить военныя силы вашей арміи, но подобный доводъ возникаетъ слишкомъ естественно, чтобы Бисмаркъ не воспользовался имъ противъ васъ».

«Положеніе наше, однако, не вполнѣ одинаково, В. В., ибо военныя силы Германіи остались нетронуты послѣ войны. Онѣ, можетъ быть, даже увеличились, тогда какъ наши силы были совершенно разстроены и какъ-бы уничтожены до тла.

— «Это правда, сказалъ императоръ, я сознаю это и даже не осуждаю васъ. Какъ-бы то ни было, повторяю вамъ, не можетъ быть объявлена война до тѣхъ поръ, пока вы не подадите къ тому серьезнаго повода, а вы таковаго, разумѣется, не подаете. Если-бы дѣло случилось иначе, т. е. если-бы Германія вздумала начать войну безъ всякой причины или подъ ничтожнымъ предлогомъ, то она поставила-бы себя по отношенію къ Европѣ въ такое-же положеніе, въ которомъ находился Бонапартъ въ 1870 году».

Затѣмъ, понизивъ голосъ и говоря сквозь зубы, Его Величество добавилъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: «и ей пришлось-бы сдѣлать это на свой страхъ», причемъ выраженіе лица Императора передавало смыслъ этой рѣчи яснѣе, нежели самыя слова.

Я заканчиваю это сообщеніе, в. пр—во, повторяя еще разъ послѣднія фразы моей бесѣды съ Его Величествомъ, которыя были уже приведены въ моей телеграммѣ отъ 15-го числа:

— «Итакъ, генералъ, не тревожьтесь и успокойте ваше правительство; передайте ему мою надежду на то, что наши отношенія останутся всегда такими-же искренно дружескими, какъ и въ настоящее время. Вамъ извѣстно, какъ я уважаю васъ лично; я отношусь къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, вѣрю всему, что вы говорите: относитесь ко мнѣ такъ-же довѣрчиво. Наши государства имѣютъ общіе интересы и если-бы вамъ угрожала серьезная опасность, чего я никакъ не могу допустить, то вы тотчасъ узнали-бы объ этомъ».

Помолчавъ немного, какъ-бы послѣ минутнаго колебанія, Императоръ присовокупилъ: «и узнали-бы объ этомъ отъ меня».

Если, в. пр—во, примите во вниманіе характеръ Его Величества и обыкновенно сдержанный тонъ его рѣчи, то вы увидите, надѣюсь, въ этомъ разговорѣ, подобно мнѣ, несомнѣнный залогъ безопасности.

Примите, в. пр., и пр., французскій посланникъ, генералъ Лефло».

II.

Выжидая отвѣта на это письмо, который долженъ былъ служить мнѣ указаніемъ того, какъ мнѣ слѣдовало дѣйствовать далѣе, я дѣятельно старался выяснить себѣ всѣ признаки, по которымъ я могъ-бы судить о настроеніи, господствовавшемъ въ общественномъ мнѣніи и въ оффиціальномъ мірѣ.

Со всѣхъ сторонъ и со стороны всего дипломатическаго корпуса я видѣлъ самыя несомнѣнныя проявленія симпатіи къ намъ и энергичнаго порицанія назойливой политики Берлина. Очевидно, всѣ были утомлены постоянною тревогою, возбуждаемою кн. Бисмаркомъ и тѣмъ натянутымъ положеніемъ, которое ему нравилось поддерживать во всей Европѣ, отъ Брюсселя до Рима и отъ Вѣны до Парижа и Гааги, возводя этотъ образъ дѣйствій какъ-бы въ систему.

«Безъ сомнѣнія, вы правы отчасти, высказался однажды въ разговорѣ одинъ изъ рѣдкихъ сторонниковъ германскаго канцлера, но надобно взять также во вниманіе плохое здоровье и нервное состояніе кн. Бисмарка».

«Ахъ, я не зналъ, отвѣчалъ собесѣдникъ, что нервное и желчное состояніе государственнаго дѣятеля должно считаться дипломатическимъ аргументомъ".

Императоръ Александръ и кн. (А. Мих.) Горчаковъ продолжали также говорить со мною въ самомъ успокоительномъ тонѣ. Его Величество, съ которымъ я встрѣтился на прогулкѣ, нѣсколько дней спустя послѣ моей аудіенціи, сказалъ мнѣ: «что-же, тамъ понемногу успокоиваются!»

Тамъ! на что намекалъ императоръ? На Парижъ или на Берлинъ? Понявъ что онъ намекаетъ на Парижъ, я отвѣчалъ:

«Тѣмъ лучше, В. В., это спокойствіе вызвано, весьма естественно, извѣстіемъ о предстоящемъ путешествіи Вашего Величества въ Берлинъ, гдѣ вы подадите, какъ всѣ увѣрены, совѣтъ дѣйствовать умѣренно и миролюбиво».

— «О, разумѣется, возразилъ императоръ, я буду тамъ элементомъ умиротворяющимъ».

Между тѣмъ, во время моего отсутствія совершился одинъ фактъ, весьма характеристичный въ двухъ отношеніяхъ. Я говорю о назначеніи чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ гр. Радовича, одного изъ довѣренныхъ агентовъ кн. Бисмарка. Въ чемъ заключалась его миссія? Она имѣла двоякую цѣль: первая, гласная, касалась нѣкоторыхъ вопросовъ общей политики, назрѣвшихъ въ то время въ Европѣ; вторая, конфиденціальная, касалась непосредственно насъ. Г. Радовичу было поручено разузнать намѣренія Россіи на тотъ случай, если-бы въ Берлинѣ рѣшились начать войну съ Франціею и указать или только намекнуть, смотря по обстоятельствамъ, на тѣ уступки, которыя Германія могла-бы сдѣлать на Востокѣ, взамѣнъ помощи или невмѣшательства со стороны Россіи. Дѣйствительно, имъ были сдѣланы, хотя безуспѣшно, нѣкоторыя предложенія въ этомъ смыслѣ, и не подлежитъ сомнѣнію, что на коварный вопросъ, предложенный имъ, какъ-бы шутя, въ простомъ разговорѣ: «Что-же могло-бы быть вамъ пріятно и что потребовали-бы вы со стороны Турціи?», — ему было отвѣчено:

— «Мы не желаемъ имѣть ничего болѣе того, что у насъ уже есть, и преслѣдуемъ на Востокѣ лишь поддержаніе существующаго порядка съ обезпеченіемъ мира, который столь-же необходимъ для несчастнаго христіанскаго населенія этихъ странъ, какъ и для всѣхъ остальныхъ народовъ».

Вотъ еще одна подробность, свидѣтельствующая о совершеннѣйшей неудачѣ попытки войти въ соглашеніе съ Россіею: желая хотя по наружности сохранить приличіе и ссылаясь на общепринятый при дворахъ обычай, Берлинскій кабинетъ пытался исходатайствовать своему посланнику какой-нибудь знакъ отличія, хотя-бы крестъ, который послужилъ-бы ему лестнымъ воспоминаніемъ и какъ-бы одобреніемъ его миссіи. Императоръ отказалъ наотрѣзъ.

Итакъ благосклонное сочувствіе императорскаго кабинета, а равно и мнѣніе всего общества все болѣе и болѣе склонялось въ нашу пользу и, повидимому, насталъ часъ ускорить, какою-нибудь смѣлою попыткою, рѣшеніе императора. Случай къ этому представился мнѣ, по поводу одного совершенно частнаго письма, полученнаго мною отъ герцога Деказа. Это письмо,

въкоемъ многочисленныя помарки и вставки свидѣтельствовали объ озабоченности его автора, повергло меня въ большое недоумѣніе. Я переписываю его здѣсь, не предпосылая ему ни малѣйшаго замѣчанія; всѣ-же выраженія, которыя оно вызвало съ моей стороны, и окончательное рѣшеніе, принятое мною подъ вліяніемъ этого письма, заключались въ отвѣтѣ, написанномъ мною нѣсколько дней спустя, который я приведу вслѣдъ затѣмъ дословно

Частное. Парижъ, 29-го апрѣля 1875 года.

«Любезный генералъ, послѣ моей оффиціальной и конфиденціальной корреспонденціи мнѣ остается сказать вамъ весьма немногое; однако, я хочу съ минутку побесѣдовать съ вами, хотя-бы для того, чтобы высказать вамъ насколько мы цѣнимъ энергію и дѣйствительность вашего участія въ дѣлахъ и какія мы возлагаемъ надежды на сочувствіе, выраженное вамъ императоромъ и его канцлеромъ. Какъ видите, я не колеблюсь приписать имъ мирное вѣяніе, обнаружившееся два дня тому назадъ въ Берлинѣ, которое стало столь очевидно, что г. Гонто не задумывается считать миновавшимъ тотъ кризисъ, который, по его мнѣнію, былъ въ высшей степени острый.

Императоръ Вильгельмъ сказалъ нѣсколько дней тому назадъ кн. Полиньяку: «Насъ хотѣли поссорить»...

Не могу понять на кого онъ этимъ намекаетъ и кто именно былъ причиною этихъ недоразумѣній, но вполнѣ сознаю, что только твердость русскаго двора предотвратила отъ насъ неминуемую опасность, и прошу васъ выразить по этому поводу кому слѣдуетъ нашу глубочайшую благодарность. Отъ Его Императорскаго Величества зависитъ дополнить и укрѣпить дѣло, начатое имъ. Я говорилъ вамъ не разъ, что въ моихъ глазахъ Императоръ Россіи является властителемъ мира во всемъ свѣтѣ: онъ можетъ нынѣ обезпечить его надолго тѣмъ, что̀ онъ заявитъ во время своего проѣзда въ Берлинѣ, и тою энергіею, съ какою онъ выскажетъ свою рѣшимость не допустить, чтобы миръ былъ нарушенъ.

Странныя правила, высказанныя г. Радовичемъ, должны болѣе всего возмутить честную и прямую натуру этого великаго монарха, и ему приличествуетъ отнестись къ нимъ, какъ они того заслуживаютъ. Я не настолько спокоенъ, какъ того желаетъ и какъ совѣтуетъ кн. Горчаковъ, но это происходитъ отнюдь не потому, чтобы я сомнѣвался въ поддержкѣ, которую его монархъ можетъ оказать намъ противъ пагубныхъ стремленій, или во вліяніи, которое имѣло-бы его вмѣшательство, если-бы оно произошло своевременно.

Но такъ какъ миролюбивыя стремленія Его Величества хорошо извѣстны въ Берлинѣ и тамъ увѣрены, что онъ будетъ энергично протестовать противъ ихъ злостныхъ намѣреній, потому-то именно я и опасаюсь, что эти цѣли будутъ тщательно скрыты отъ него и что тамъ рѣшатся когда-нибудь прямо заявить ему о совершившемся фактѣ.

Я-бы оставилъ эти опасенія и былъ-бы вполнѣ спокоенъ въ томъ случаѣ, если-бы Его Величество заявилъ, что онъ будетъ считать для себя оскорбленіемъ всякое неожиданное нападеніе и не допуститъ совершиться этой несправедливости.

Это слово обезпечило-бы миръ въ Европѣ и Императору Александру вполнѣ подобаетъ произнести его. Что касается меня, то я не колеблюсь присовокупить къ тому, что уже высказано вами вполнѣ справедливо относительно нашихъ плановъ и миролюбивыхъ намѣреній, что я готовъ дать Государю ту гарантію, какую онъ сочтетъ нужною въ подтвержденіе того, что мы отнюдь не помышляемъ о какомъ-либо нападеніи или о посягательствѣ на европейскій миръ и что я готовъ предоставить на его августѣйшій судъ всякое могущее возникнуть несогласіе, поставивъ, такимъ образомъ, подъ охрану высочайшей его воли то умиротвореніе сердецъ, умовъ и интересовъ, которое онъ съумѣлъ уже взять подъ свое могущественное покровительство.

Его Величеству благоугодно было сказать вамъ, что въ день опасности мы будемъ предупреждены, и предупреждены имъ. Мы принимаемъ это увѣреніе тѣмъ болѣе довѣрчиво, что въ этотъ день мы обратимся къ его заступничеству. Но если е. в. не будетъ предупрежденъ своевременно, то онъ заблагоразсудитъ, конечно, признать и согласиться съ тѣмъ, что его точно также обманули и застигли врасплохъ и что онъ сдѣлается, такимъ образомъ, какъ-бы невольнымъ соучастникомъ разставленной намъ западни. Я долженъ быть также увѣренъ въ томъ, что онъ отомститъ оскорбленіе, нанесенное этимъ и ему лично, и обнажитъ мечъ въ защиту тѣхъ, кто полагался на его заступничество.

Вотъ, любезный генералъ, увѣренность, которую я хотѣлъ-бы почерпнуть изъ вашихъ словъ.

Увы! я отлично знаю, в. пр-во, что вы не достигнете ничего подобнаго, но я знаю также, что вы лучше всякаго инаго добьетесь всего возможнаго. Къ тому-же, вы можете говорить съ е. в. настолько свободно, что вы будете въ состояніи высказать ему почти отъ слова до слова все вышесказанное или хотя-бы часть этого. Можетъ быть, вы могли-бы даже прочесть кое-что изъ этого письма кн. Горчакову. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что поѣздка императора въ Берлинъ представляетъ для насъ случай, которымъ важно воспользоваться по мѣрѣ возможности, ибо черезъ него, главнымъ образомъ, мы можемъ узнать дѣйствительныя намѣренія и дерзкіе замыслы Пруссіи.

Искренно вамъ, любезный генералъ, преданный Деказъ».

Это письмо было получено мною 2-го мая, а 4-го числа я отправилъ герцогу Деказу слѣдующую телеграмму:

Письмо ваше отъ 29-го апрѣля, любезный герцогъ, полученное третьяго дня въ ночь, чрезвычайно встревожило меня. Однако, по зрѣломъ обсужденіи,

я велѣлъ испросить вчера вечеромъ немедленно аудіенцію у канцлера, который долженъ былъ, какъ мнѣ было извѣстно, работать сегодня съ императоромъ; четверть часа спустя я сидѣлъ уже у него въ кабинетѣ, съ рѣшимостью читая ему ваше письмо, и такъ какъ я пропустилъ въ немъ изъ предосторожности нѣсколько строкъ, то князь, замѣтивъ это, сказалъ мнѣ съ большимъ волненіемъ:

— «Вы не все читаете; между нами не должно быть тайнъ; читайте все, вы можете все сказать мнѣ и мнѣ нужно все знать, такъ какъ я буду просить у васъ позволенія отправить это письмо императору».

Когда я замѣтилъ на это, что можетъ быть было-бы достаточно сдѣлать изъ него извлеченіе, то князь возразилъ:

— «Извлеченіе! къ чему дѣлать извлеченіе?... Надобно высказать всю правду; повѣрьте мнѣ, я знаю Государя и знаю, что онъ можетъ одобрить. Онъ весьма расположенъ къ вамъ и вы можете многое высказать ему; теперь не время обращать вниманіе на слова».

Видя столь энергичное настояніе со стороны канцлера, побудительныя причины и значеніе коего вы оцѣните, разумѣется, по достоинству, я долѣе не колебался; я прочелъ ему все и даже болѣе, я вручилъ ему весь мой портфель, не вынувъ изъ него ни одной бумаги. Сію минуту мнѣ возвратили его съ запискою канцлера слѣдующаго содержанія:

«Императоръ передалъ мнѣ изъ рукъ въ руки прилагаемыя при семъ бумаги и поручилъ мнѣ благодарить васъ за этотъ знакъ довѣрія. Его Величество прибавилъ, что онъ подтверждаетъ все то, что онъ высказалъ вамъ лично. Горчаковъ».

Это обстоятельство, происшедшее наканунѣ поѣздки Императора Александра въ Берлинъ, имѣетъ чрезвычайную важность.

Нижеслѣдующее письмо заключаетъ подробный отчетъ объ этомъ событіи и о томъ, что еще произошло въ теченіе нѣсколькихъ дней, предшествовавшихъ отъѣзду его величества.

«Весьма конфиденціально. С.-Петербургъ, 6-го мая 1875 г.

В. пр-во, въ телеграммѣ моей, отъ 4-го числа, я сообщилъ вамъ о довольно смѣлой съ моей стороны рѣшимости высказать все императору, за что кн. Горчаковъ взялъ, впрочемъ, отвѣтственность также и на себя, и о благопріятномъ результатѣ моего поступка. Этотъ шагъ, повѣрьте, былъ довольно рискованный, если вы примете во вниманіе нѣсколько подозрительный и нерѣшительный характеръ е. в., а также всѣмъ извѣстное расположеніе его къ королю прусскому. Въ вашемъ письмѣ отъ 29-го апрѣля, адресованномъ мнѣ лично и конфиденціально, заключались нѣкоторыя слова и рѣзкія выраженія, весьма естественныя, разумѣется въ бесѣдѣ со мною, но которыя было крайне, щекотливо повергнуть е. в. для прочтенія, такъ какъ они могли оскорбить его.

Но, съ другой стороны, нельзя было не признать, что серьезность положенія требовала категорическаго объясненія и что самыя выраженія вашихъ депешъ, если-бы онѣ были признаны, создавали для Россіи родъ нравственнаго обязательства, которое могло послужить намъ значительною гарантіею въ будущемъ.

Тѣмъ не менѣе, вы поймете, в. пр-во, въ какомъ затруднительномъ положеніи я находился: съ одной стороны, опасеніе возбудить неудовольствіе и испортить положеніе дѣлъ, само по себѣ довольно хорошее; съ другой — опасность упустить единственный случай высказать Императору со всѣмъ почтеніемъ и довѣріемъ, которое мы питаемъ къ нему, но въ то-же время безъ утайки и совершенно свободно какой важной услуги мы просимъ отъ него во имя европейскаго мира и человѣколюбія, зная его возвышенныя идеи и преобладающее вліяніе, которое онъ пріобрѣлъ уже у всѣхъ правительствъ.

Вынужденный сдѣлать выборъ, я не могъ долго колебаться и принялъ совѣтъ кн. Горчакова послать е. в. ваше частное письмо, столь ясное и точное, ничего не выпуская и не измѣняя въ немъ, а также вашу телеграмму отъ 29-го апрѣля за № 32 и полный отчетъ виконта де-Гонто. Къ тому-же, нельзя было долѣе медлить, такъ какъ императоръ уѣзжаетъ въ субботу въ Берлинъ. Канцлеръ долженъ былъ работать съ нимъ на слѣдующій день, въ послѣдній разъ въ этомъ сезонѣ въ Петербургѣ, и я имѣлъ надежду увидѣть его лишь въ четвергъ на парадѣ, а слѣдовательно не могъ разсчитывать на то, что мнѣ представится случай высказать е. в. довольно подробно все, что̀ мнѣ необходимо было довести до его свѣдѣнія.

Кромѣ того, канцлеръ сообщилъ мнѣ во время нашего разговора, что е. в. передавалъ ему сказанное мнѣ на аудіенціи 15-го числа, что если намъ будетъ угрожать опасность, то мы узнаемъ объ этомъ тотчасъ и узнаемъ черезъ него, прибавивъ: эти слова имѣютъ серьезное значеніе и я съ своей стороны не сказалъ-бы ихъ вамъ, такъ какъ они являются обязательствомъ по отношенію къ Франціи, которое можетъ въ свое время поставить императора въ щекотливое положеніе относительно Германіи.

Такимъ образомъ, можно было опасаться, что объ этихъ словахъ сожалѣютъ, а можетъ быть готовы даже взять ихъ обратно, и было весьма важно настаивать, по крайней мѣрѣ, на этомъ обѣщаніи. Уже одно это соображеніе могло вынудить меня къ принятію какого-нибудь рѣшенія, но на это была еще иная причина.

Я никогда не видѣлъ со стороны князя (А. М. Горчакова) столь сочувственнаго къ намъ настроенія, какъ въ эту минуту.

«Теперь не время обращать вниманіе на слова, говорилъ онъ; императоръ долженъ знать всю правду и подобные документы могутъ разъяснить ее Его Величеству лучше всѣхъ иныхъ. По-

вѣрьте мнѣ, я знаю государя—и онъ оцѣнитъ вашъ поступокъ; вы можете многое сказать ему.

Слѣдовало воспользоваться этою горячностью канцлера; событія показали, что онъ былъ правъ и что я хорошо сдѣлалъ, послѣдовавъ его совѣту. Во все время этой бесѣды князь лежалъ, растянувшись на кушеткѣ, весьма страдая отъ ушиба, полученнаго имъ при паденіи изъ кареты. Но когда я передалъ ему бумаги, то онъ вскочилъ съ кушетки какъ юноша и немедленно написалъ императору слѣдующую записку:

«В. в., генералъ Лефло только-что сообщилъ мнѣ депеши, полученныя имъ сегодня въ ночь отъ своего правительства. Побесѣдовавъ съ нимъ, я просилъ у него позволенія показать ихъ в. в., на что онъ согласился, и я имѣю честь препроводить ихъ вамъ. В. В. сами убѣдитесь въ ихъ значеніи».

Отвѣтъ уже извѣстенъ вамъ; для бо́льшей ясности я привожу его вновь:

«Генералъ, императоръ передалъ мнѣ, сегодня утромъ, изъ рукъ въ руки, тѣ бумаги, которыя вы мнѣ довѣрили, и поручилъ мнѣ благодарить васъ за этотъ знакъ довѣрія; Его Величество присовокупилъ, что онъ подтверждаетъ все то, что онъ высказалъ вамъ лично при свиданіи. Горчаковъ».

Безъ сомнѣнія, в. пр-во, это нельзя считать за обязательство обнажить за насъ мечъ, какъ вы выразились въ своемъ письмѣ; князь подчеркнулъ въ разговорѣ это выраженіе, замѣтивъ: «О! это сказано нѣсколько сильно; но все равно, оставьте эти слова: мы не обнажимъ меча и не будемъ къ этому вынуждены, дѣло обойдется безъ этого».

Итакъ, не слѣдуетъ заблуждаться и видѣть въ вышесказанномъ обязательство воевать, сообща съ нами; но это есть новое и весьма драгоцѣнное подтвержденіе чрезвычайно важнаго обѣщанія, которое остается, слѣдовательно, въ силѣ и служитъ для насъ залогомъ большой безопасности; ибо я почерпаю въ немъ почти несомнѣнно увѣренность въ томъ, что Россія вмѣстѣ съ Австріею, которая является въ настоящее время (1875 г.) ея ближайшею союзницею, не дозволитъ Пруссіи, я въ томъ убѣжденъ, нарушить безнаказанно законы цивилизованнаго міра и ввергнуть Европу во всѣ ужасы войны единственно для своего личнаго удовольствія и лишь изъ-за боязни, внушаемой ей до сихъ поръ этимъ бѣднымъ больнымъ львомъ, называемымъ Франціею который грозитъ излечиться со временемъ отъ нанесенныхъ ему тяжкихъ ранъ.

Итакъ, повторяю, по моему мнѣнію, мы достигли сегодня важнаго, можно сказать неожиданнаго, успѣха. Мы обезпечили себѣ, въ случаѣ войны съ Германіею, нравственное содѣйствіе и энергичное вмѣшательство со стороны Россіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказали императору совершенно ясно, безъ малѣйшей утайки, наше мнѣніе о высокомъ положеніи, занимаемомъ имъ въ Европѣ, и о величіи той роли, которую это положеніе, по нашему мнѣнію, возлагаетъ на него.

Отнынѣ послѣ обѣщаній, высказанныхъ Его Величествомъ, между нами существуетъ какъ-бы нѣкотораго рода секретъ, нѣчто болѣе близкое, волею-неволею создающее между нами общій интересъ и драгоцѣнную связь.

Для Императора Александра, монарха въ высшей степени честнаго и миролюбиваго, это послужитъ предметомъ самыхъ серьезныхъ размышленій, которыя, повѣрьте, послужатъ намъ въ пользу. Заслуга столь драгоцѣннаго улучшенія въ нашихъ отношеніяхъ принадлежитъ вамъ, в. пр-во, а равно и кн. Горчакову; его-же благосклонная симпатія къ нашей родинѣ не высказывалась до сихъ поръ при мнѣ ни разу такъ горячо и непринужденно.

Позвольте поблагодарить васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ въ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ.

Препровождаю вамъ при семъ переводъ телеграммы, отправленной мною третьяго дня и вашего собственнаго письма, съ котораго вы, можетъ быть, не приказали снять копіи. Я увѣренъ, что вамъ будетъ интересно перечесть и взвѣсить нѣкоторыя выраженія этого письма.

Я полагаю весьма важнымъ, чтобы все это осталось въ величайшей тайнѣ. Малѣйшая нескромность въ этомъ отношеніи могла-бы поставить въ затрудненіе и оскорбить императора, котораго наши интересы повелѣваютъ щадить болѣе, чѣмъ когда-либо.

Примите, в. пр-во, и пр. Генералъ Лефло».

Пятница, 7-го мая.

Я встрѣтилъ императора третьяго дня вечеромъ въ одномъ салонѣ и имѣлъ честь сопровождать его вчера на смотръ. Невозможно быть болѣе любезнымъ, привѣтливымъ и благосклоннымъ, нежели онъ былъ со мною. Его Величество началъ съ того, что, взявъ меня за обѣ руки съ короткостью, къ которой я не привыкъ, не смотря на его обычную доброту ко мнѣ, онъ высказалъ, что былъ весьма тронутъ довѣріемъ, оказаннымъ ему съ моей стороны сообщеніемъ документовъ, которые весьма заинтересовали его. Онъ чрезвычайно одобрилъ хладнокровіе и разумность отвѣтовъ, данныхъ г. Гонто на заявленныя ему странныя теоріи г. Радовича, и когда я замѣтилъ по этому поводу къ какимъ несообразностямъ и къ какому умопомраченію можетъ довести слѣпая страсть, «чтобы не сказать болѣе», живо возразилъ на это императоръ: «но я надѣюсь, что все это успокоится; во всякомъ случаѣ, вы знаете, что̀ я сказалъ Вамъ, я не забываю этого и сдержу свое слово».

Наконецъ, вчера, на маневрахъ, въ ту минуту, какъ я откланивался, благодаря Его Величество за его благосклонное расположеніе къ намъ, онъ сказалъ мнѣ:

«До свиданія, буду помнить», и, намекая на одно мѣсто вашего письма, онъ прибавилъ съ улыбкою: «и надѣюсь, что мы не будемъ застигнуты врасплохъ».

Излишне было-бы повторять то, что извѣстно нынѣ всему міру, а именно какимъ образомъ блаженной памяти императоръ Александръ II сдержалъ въ Берлинѣ обѣщанія, данныя имъ мнѣ. Нижеслѣдующее письмо служитъ тому доказательствомъ:

Частное. Парижъ, 17 мая 1875 г.

«Любезный генералъ, императоръ Александръ и кн. Горчаковъ пріобрѣли нынѣ блистательныя и неоспоримыя права на признательность со стороны Франціи. Они были въ Берлинѣ тѣмъ, чѣмъ они обѣщали вамъ быть.

По возвращеніи вашемъ примите нашу благодарность, ибо нынѣшнее положеніе есть дѣло вашихъ рукъ. Вы искусно подготовили его, поддерживая къ намъ довѣріе и симпатію, разъясняя кому слѣдуетъ опасность, грозившую европейскому миру со стороны Германіи и успокаивая умы относительно нашихъ собственныхъ намѣреній.

Искреннее и полное сообщеніе императору всего дѣла было съ вашей стороны смѣлымъ шагомъ, съ выполненіемъ коего я васъ поздравляю. Мнѣ-же, въ свою очередь, посчастливилось не написать въ моемъ письмѣ ничего такого, что не могло-бы быть прочитано. Вы поймете, какъ я радъ этому. Впрочемъ, для этого мнѣ слѣдовало писать лишь то, что я думалъ, и я такъ и сдѣлалъ.

Изъ объемистой переписки, препровождаемой мною къ вамъ, вы узнаете все то, что извѣстно намъ самимъ. Я обращу ваше вниманіе лишь на тѣ факты, о которыхъ въ ней не упоминается.

Какъ вы предугадали совершенно вѣрно, лордъ Дерби рѣшился искать содѣйствія Италіи и Австріи лишь послѣ своего перваго свиданія съ гр. Шуваловымъ и по требованію послѣдняго. Ему не удалось заручиться лишь содѣйствіемъ Австріи, которая слишкомъ опасалась лично за себя и не осмѣливалась дѣйствовать рѣшительно. Чтобы восторжествовать окончательно надъ сомнѣніями англійскаго кабинета, гр. Шувалову было разрѣшено сообщить ему послѣднія инструкціи, посланныя Каспійской арміи, коими воспрещалось дальнѣйшее движеніе ея на Мервъ.

Убѣдившись въ искренности и честности, съ какою Россія дѣйствовала по отношенію къ намъ, невольно изумляешься, видя съ какою осторожностью и съ какою тщательностью она подготовила въ Лондонѣ и при остальныхъ дворахъ Европы все то, что могло обезпечить успѣхъ ея ходатайствъ въ Берлинѣ. Всѣ ея дѣйствія отличаются замѣчательнымъ тактомъ и свидѣтельствуютъ въ то-же время объ энергичномъ желаніи, чтобы миръ въ Европѣ не былъ нарушенъ. Вообще, любезный генералъ, Европа проснулась нынѣ впервые послѣ шестилѣтняго усыпленія. Внявъ голосу Россіи, она рѣшила дѣйствовать единодушно и рѣшеніе, принятое ею, не допускало колебаній. Г. Бисмаркъ не пытался противорѣчить; онъ ограничился лишь тѣмъ, что при-

писалъ всѣ эти неблаговидные планы генералу Мольтке и выразилъ по поводу ихъ свое неодобреніе. Будутъ-ли эти планы оставлены? Я не думаю этого. Но, успокоившись на счетъ данной минуты, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, смотрѣть на будущее съ нѣкоторою увѣренностью. Императоръ Александръ заставитъ уважать дѣло своихъ рукъ, и Европа привыкла и сохранитъ привычку руководиться его словами.

Еще одно замѣчаніе! Вы поняли совершенно вѣрно, что Германія желала, главнымъ образомъ, обратить всеобщее вниманіе на наше военное положеніе и на быстрое его улучшеніе. Ей хотѣлось, чтобы ее одобрили въ томъ случаѣ, если-бы она вошла объ этомъ съ представленіемъ, и поощрили-бы ее дѣйствовать впредь въ этомъ духѣ. Очевидно, императоръ Александръ не допустилъ того, чтобы вопросъ былъ поставленъ на эту почву. Вы увидите, какъ рѣшительно онъ заявилъ о нашемъ правѣ дѣлать у себя, для преобразованія нашихъ военныхъ силъ все то, что мы найдемъ сообразнымъ съ нашими интересами. Между его словами какъ-бы проглядывали тѣ слова кн. Горчакова, которыя вы выслушали съ такимъ трепетомъ: «старайтесь быть сильны! Старайтесь быть сильны»! Итакъ, довѣріе, осторожность, терпѣніе.

Орловъ намѣренъ отправиться на дняхъ, для свиданія съ императоромъ Александромъ, въ Эмсъ. Маршалъ хочетъ вручить ему письмо къ государю, въ которомъ президентъ будетъ горячо благодарить Е. И. В., за тѣ чувства, которыя государь поручилъ высказать ему, и за то, что́ онъ сдѣлалъ для Франціи и для обезпеченія мира въ Европѣ. Я убѣжденъ, что вы одобрите этотъ шагъ.

Любезный генералъ, вы имѣете честь и счастіе быть акредитованнымъ при дворѣ великаго монарха, и, пользуясь съ его стороны довѣріемъ и расположеніемъ, имѣете возможность воспользоваться этими чувствами для величайшаго блага своей страны. Это большое счастіе для васъ, которое должно радовать васъ и которымъ вы должны гордиться. Весь вашъ Деказъ».

P. S. Кн. Горчаковъ велъ переговоры съ Ватиканомъ и подписалъ съ нимъ договоръ, опредѣлившій вопросы о католическихъ епископствахъ въ Польшѣ: это большой успѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ большой секретъ.

Это письмо было блистательною данью патріотической признательности со стороны нашего министра иностранныхъ дѣлъ Его Величеству Александру II и его знаменитому канцлеру; оно служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, несомнѣннымъ доказательствомъ тѣхъ скромныхъ услугъ, которыя мнѣ посчастливилось оказать моей странѣ во время этихъ затруднительныхъ и серьезныхъ обстоятельствъ.

Да будетъ мнѣ позволено, въ заключеніе этого длиннаго разсказа, прибавить къ нему свидѣтельство августѣйшаго благорасположенія, сдѣлавшее задачу мою легкою и которое составляетъ до сихъ поръ величайшую гордость моей жизни:

«Мы, Александръ II, милостью Божіей, императоръ и самодержецъ всея Россіи, царь Польскій, великій князь Финляндскій и проч., и проч.

Чрезвычайному и полномочному посланнику французской республики при нашемъ дворѣ, генералу Лефло.

Постоянная заботливость, съ какою вы способствовали во время продолжительнаго пребыванія вашего въ Россіи къ поддержанію дружескихъ отношеній и союза нашей имперіи съ французской республикой, пріобрѣли вамъ полное право на нашу искреннюю признательность.

Въ память этой признательности, мы жалуемъ вамъ знаки отличія императорскаго ордена Андрея Первозваннаго, коего орденскіе знаки при семъ прилагаемъ для ношенія оныхъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонный». На подлинномъ собственною рукою Е. В. «Александръ II».

С.-Петербургъ. 19-го февраля (3 марта) 1879 г.

Канцлеръ орденовъ гр. Адлербергъ.

Всѣ вышеприведенные факты, помѣщенные мною на страницахъ „Фигаро", благодаря любезности ея редакціи, съ цѣлью разъяснить кому моя страна обязана признательностью, достаточно поучительны и поэтому не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

Не могу, однако, закончить эту статью, не доведя до свѣдѣнія тѣхъ лицъ, кому надлежитъ заботиться о спасеніи Франціи, и не выяснивъ цивилизованной Европѣ доктрину германскаго канцлера—весьма странную, какъ по отношенію къ международному праву, такъ и съ точки зрѣнія должнаго уваженія къ трактату, оплоченному сполна двумя провинціями и пятью миллiардами франковъ. Я хочу сказать о неслыханномъ заявленіи, которое было сдѣлано кн. Бисмаркомъ кн. Орлову, въ разговорѣ съ нимъ о дѣлахъ Франціи во время пребыванія князя въ 1874 г. проѣздомъ въ Берлинъ:

— «Да нѣтъ-же, мы ничуть не думаемъ воевать, но Франція преобразуетъ слишкомъ скоро личный и матеріальный составъ своей арміи, и мы хотимъ имѣть «въ видѣ гарантіи крѣпость, которая будетъ у насъ въ залогѣ,—мы займемъ Нанси».

Генералъ Ле-Фло.

15-го мая 1887 г.

Перев. В. В. Тимощукъ.

Примѣчаніе ред. „Русск. Стар.". Помѣщенные выше въ переводѣ съ французскаго языка статья и документы появились въ газетѣ „Figaro" 1887 г., мая 21-го дня, и хотя извѣстны уже въ извлеченіяхъ, своевременно представленныхъ нашими газетами, но заслуживаютъ, по важности своей,

сохраненія на страницахъ „Русской Старины" именно въ виду того, что наше изданіе особенно дорожитъ матеріалами, относящимися къ личности и исторіи царствованія Государя-Освободителя. Генералъ Ле-Фло, въ 1887-мъ году 83-хъ лѣтній старецъ, доживалъ тогда свой вѣкъ во Франціи, въ замкѣ Nechoat. Генералъ былъ въ 1870-хъ годахъ военнымъ министромъ французской республики, а также посланникомъ въ Россіи въ 1848 г. и съ 1871-го по 1879 гг. включительно.

Ред.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

въ 1878—1888 гг.

Воспоминанія В. И. Роборовскаго [1]).

I.

Въ 1878 году, вскорѣ по выпускѣ моемъ изъ Гельсингфорскаго юнкерскаго училища и зачисленіи прапорщикомъ въ Новочеркасскій пѣхотный полкъ, я встрѣтился въ Петербургѣ съ бывшимъ товарищемъ моимъ по Введенской гимназіи, прапорщикомъ Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Эклономъ, который еще юнкеромъ сопровождалъ Н. М. Пржевальскаго въ его путешествіи на Лобъ-Норъ въ 1876 году.

[1]) Печатаемыя здѣсь воспоминанія есть стенографическая запись устныхъ разсказовъ у насъ, въ редакціи „Русской Старины",—доблестнаго сопутника и сподвижника Пржевальскаго—Всеволода Ивановича Роборовскаго, которые мы и печатаемъ съ любезнаго его разрѣшенія.

Вотъ автобіографическая его замѣтка въ нашемъ Альбомѣ „Знакомые": „Роборовскій, Всеволодъ Ивановичъ, родился въ 1856 году; произведенъ въ офицеры въ 1878 году, апрѣля 16-го; участникъ въ экспедиціяхъ генерала Н. М. Пржевальскаго въ 1879—1880 гг. и въ 1883—1885 гг.". (Альбомъ, изд. 1888 г., стр. 250).

В. И. Роборовскій былъ ближайшимъ помощникомъ и сотоварищемъ Пржевальскаго и въ послѣдней, пятой, его экспедиціи, въ 1888 году, прерванной въ самомъ началѣ кончиною знаменитаго путешественника; затѣмъ онъ-же, Роборовскій, принималъ участіе въ составѣ экспедиціи преемника Пржевальскаго, полковника, нынѣ ген.-маіора, генеральнаго штаба Мих. Вас. Пѣвцова въ Среднюю Азію (1889 $\frac{\text{14-го мая}}{\text{января 5-го}}$ 1891 гг.). Въ этомъ послѣднемъ

Эклонъ раньше меня оставилъ гимназію, поступивъ препараторомъ въ академію наукъ; тутъ познакомился съ нимъ Николай Михайловичъ и предложилъ ему отправиться въ экспедицію препараторомъ, въ качествѣ вольноопредѣляющаго. Увлекательные разсказы моего товарища о путешествіи въ Средней Азіи такъ заинтересовали меня, что во мнѣ загорѣлось сильное желаніе испытать самому все то, о чемъ я слушалъ съ такимъ любопытствомъ, и я просилъ Эклона познакомить меня съ Николаемъ Михайловичемъ.

Надобно замѣтить, что географія была съ малыхъ лѣтъ моимъ любимымъ предметомъ и что я имѣлъ въ гимназіи, у нашего учителя географіи Пьянкова, всегда круглую пятерку.

Когда я былъ представленъ Пржевальскому, то, не смотря на его любезный пріемъ, я не рѣшился съ перваго раза высказать ему мое желаніе принять участіе въ снаряжаемой имъ экспедиціи, но во второе или третье посѣщеніе я пришелъ къ нему раньше прочихъ гостей и, воспользовавшись этимъ случаемъ, высказалъ ему, что я счелъ-бы для себя величайшимъ счастьемъ сопутствовать ему въ экспедиціи.

Выслушавъ меня внимательно съ своею обычною любезностью, Николай Михайловичъ началъ рисовать мнѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ трудности, сопряженныя съ путешествіемъ по Средней Азіи: морозы, жары, пустыни и лишенія всякаго рода, совѣтовалъ хорошенько обдумать мое намѣреніе и, уклоняясь отъ рѣшительнаго отвѣта, прибавилъ: „Я самъ еще окончательно не рѣшилъ, возьму-ли я другаго спутника, кромѣ Эклона, такъ какъ брать спутника слѣдуетъ осмотрительно; ежели, заѣхавъ далеко, мы почему-либо съ вами не поладимъ, трудно будетъ отправить васъ назадъ и придется, такъ или иначе, идти вмѣстѣ“.

Неизвѣстность, въ которой я находился послѣ этого разговора, продолжалась довольно долго: весь августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы. Въ это время я часто посѣщалъ Николая Михайловича; онъ жилъ тогда (1878 г.) у Большаго театра, въ домѣ барона Кистера. Наша бесѣда вертѣлась, само собою разумѣется, исключительно на предметѣ, который одинаково интересовалъ насъ обоихъ — на его сборахъ въ предстоявшую экспедицію; при этомъ

научномъ путешествіи на В. И. Роборовскаго возложено было, между прочимъ, составленіе ботаническихъ коллекцій, каковыя и доставлены имъ въ Императорскій ботаническій садъ въ С.-Петербургѣ, въ маѣ 1891 года. Необходимо замѣтить, что г. Роборовскій отличный фотографъ и его трудамъ принадлежатъ превосходныя фотографическія коллекціи помянутыхъ экспедицій. Ред.

онъ всячески старался испытывать меня, желая убѣдиться въ искренности и твердости моего намѣренія.

Наконецъ, 10-го декабря 1878 г., Пржевальскій объявилъ мнѣ о своемъ согласіи взять меня съ собою.

— „Я съ вами хорошо познакомился, заявилъ онъ, долго и различно испытывалъ васъ, желая узнать вашъ характеръ и убѣдиться какое дѣло, какія именно занятія могутъ быть поручены вамъ и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ взять васъ съ собою“.

Можно себѣ представить, какъ я былъ обрадованъ его словами. Четыре дня спустя, именно 14-го декабря 1878 года, состоялось высочайшее повелѣніе о командированіи меня съ полковникомъ Пржевальскимъ, согласно его просьбѣ, въ экспедицію, имѣвшую цѣлью изслѣдованіе Тибета, страны до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной въ географическомъ, естественномъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

20-го января 1879 г. мы выѣхали изъ Петербурга, а 31-го числа были уже въ Оренбургѣ, откуда на двухъ тройкахъ продолжали нашъ путь въ Омскъ. Николай Михайловичъ ѣхалъ попеременно съ Эклономъ и со мною, а въ задней повозкѣ помѣщались унтеръ-офицеръ Егоровъ и ефрейторъ Румянцевъ.

27-го февраля мы прибыли въ постъ Зайсанскій (нынѣ городъ Зайсанъ Семипалатинской области), гдѣ были сосредоточены запасы и заготовлены верблюды; тутъ мы оставались болѣе трехъ недѣль и, снарядившись окончательно, двинулись 21-го марта изъ Зайсана мимо озера Улюнгуръ и р. Урунги черезъ города Баркуль и Хами въ Цайдамъ.

Путь въ Хлассу — цѣль нашего путешествія — шелъ далѣе по безлюдной пустынѣ. Двухъ-недѣльный переходъ по этой мѣстности, лишенной воды и растительности, былъ чрезвычайно труденъ и утомителенъ; масса верблюдовъ пала у насъ на этомъ пути отъ недостатка корма, остальные такъ исхудали и ослабли, что еле передвигали ноги; когда-же мы совершили съ неимовѣрнымъ трудомъ этотъ переходъ, перевалили черезъ горный хребетъ Танъ-ла, на высотѣ 16,700 ф., и спустились съ Танъ-ланскаго плато на равнину къ р. Санъ-чю, то Пржевальскій узналъ, къ величайшей его досадѣ, что населеніе Тибета крайне встревожено прибытіемъ въ ихъ страну путешественниковъ и положило не допускать ихъ въ свою столицу, тѣмъ болѣе, что китайцы, стараясь ревниво оберегать эту страну отъ иностранцевъ, распустили слухъ, будто русскіе идутъ въ Тибетъ съ цѣлью украсть Далай-Ламу.

На встрѣчу намъ выѣхали посланцы отъ Далай-Ламы: двое

тибетскихъ чиновниковъ, которые разспросили Николая Михайловича о цѣли его путешествія и категорически заявили ему, что идти далѣе намъ нельзя, потому что у нихъ есть законъ, въ силу котораго въ Хлассу допускаются только китайцы, тангуты и монголы.

— „Вы люди неизвѣстные, говорили они, а народъ тибетскій не желаетъ видѣть въ своей столицѣ людей, принадлежащихъ къ какой-либо иной, кромѣ трехъ названныхъ націй“.

Дѣлать было нечего, идти впередъ, вопреки желанію народа. фанатически настроеннаго противъ насъ, было немыслимо, это значило-бы безцѣльно подвергать опасности свою жизнь; къ тому-же при подобныхъ условіяхъ врядъ-ли экспедиція могла принести ту пользу, какую ожидали отъ нея въ научномъ отношеніи; поэтому Николай Михайловичъ, не смотря на свою всегдашнюю энергію и упорство въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, былъ вынужденъ покориться обстоятельствамъ. Отказавшись отъ посѣщенія Хлассы, мы расположились бивакомъ близь ручья Ніерчунча, заявивъ посланцамъ, что будемъ ожидать тутъ окончательнаго отвѣта отъ Далай-Ламы о томъ, можно-ли намъ идти далѣе, и ежели нельзя, то почему?

По прошествіи шестнадцати дней явился изъ Хлассы посланникъ, въ сопровожденіи представителей отъ 13 аймаковъ (округовъ) и заявилъ Пржевальскому, что правители Тибета и Далай-Лама не желаютъ допустить насъ въ Хлассу. Посланникъ умолялъ насъ какъ можно скорѣе вернуться обратно, но Николай Михайловичъ заявилъ рѣшительно, что онъ возвратится лишь въ томъ случаѣ, если ему будетъ выдана бумага, съ изъясненіемъ причины, по которой его не допустили въ Хлассу; „въ противномъ случаѣ. говорилъ онъ, мы двинемся немедленно впередъ и войдемъ въ вашу столицу!“

Угроза подѣйствовала; на слѣдующій день намъ была доставлена требуемая бумага, въ которой говорилось, что въ Тибетъ пришелъ такой-то со столькими-то людьми, но по желанію тибетскаго народа и Далай Ламы, онъ возвращается назадъ, потому что русскіе никогда еще не были въ Хлассѣ, они иной вѣры и по этой причинѣ Далай-Лама не желаетъ пускать ихъ къ себѣ.

Бумага эта была написана на тибетскомъ языкѣ, но у насъ былъ монголъ, съумѣвшій прочитать и перевести ее.

Съ грустью повернули мы обратно, не дойдя всего 250 верстъ до столицы Тибета; мы пошли назадъ другою дорогою, нѣсколько западнѣе, и затѣмъ вдоль южнаго берега Кукунора въ городъ Сининъ-

фу (фу—значитъ областной), гдѣ сдѣлали необходимые запасы для путешествія къ верховьямъ Желтой рѣки, закупили около 25 муловъ, по очень дорогой цѣнѣ (въ Китаѣ вездѣ дерутъ съ иностранцевъ) и, оставивъ пастись верблюдовъ, отправились на мулахъ на истоки этой рѣки.

Все лѣто 1880 г. было посвящено нами изслѣдованію бассейна верхней Хуанъ-хэ, гдѣ мы собрали массу, главнымъ образомъ, ботаническихъ коллекцій, и осенью, съ богатою добычею, черезъ Алашань, отправились въ Ургу и далѣе въ Кяхту; прибывъ туда, 29-го октября, мы переснарядили нашъ караванъ на почтовыя тройки и поѣхали обратно въ Петербургъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ маршрутъ третьей экспедиціи Пржевальскаго въ Среднюю Азію, которая для меня была первою.

Подробно описывать это путешествіе, продолжавшееся около двухъ лѣтъ, не входитъ въ мою задачу, тѣмъ болѣе, что съ описаніемъ этой экспедиціи и добытыхъ ею научныхъ результатовъ желающіе могутъ познакомиться въ увлекательномъ разсказѣ самого Н. М. Пржевальскаго, изданномъ въ 1883 г. Моею цѣлью было, взявшись за перо, только отдать дань признательности горячо нами любимому начальнику экспедиціи и почтить его память, сохранивъ на этихъ страницахъ нѣкоторыя личныя воспоминанія о немъ и о нашей совмѣстной съ нимъ жизни въ двухъ экспедиціяхъ въ Среднюю Азію.

II.

Итакъ, мы пробыли въ 1879 — 1880 годахъ въ предѣлахъ Китая ровно двадцать мѣсяцевъ; не смотря на испытанное нами въ пути утомленіе, не смотря на страшный зной пустыни, на стужу, снѣжныя бури и мятели, которые преслѣдовали насъ на горныхъ вершинахъ, мы были все это время совершенно здоровы и у насъ хворалъ только одинъ разъ казакъ Джамбалъ Гармаевъ, но огромные пріемы хины быстро его вылѣчили.

Наше здоровье зависѣло, безъ сомнѣнія, не только оттого, что мы всѣ были молоды и крѣпкаго сложенія, но и отъ самыхъ условій нашей походной жизни, которая отличалась замѣчательною простотою и регулярностью.

Путевой день начинался у насъ обыкновенно очень рано; не задолго до восхода солнца казакъ будилъ всѣхъ насъ; пока мы пили чай, солдаты снимали свой бивакъ и вѣшали термометръ; до восхода солнца производилось наблюденіе температуры, затѣмъ мы завьючивали верблюдовъ и пускались въ путь. Мы шли обыкновенно часовъ семь, проходя въ это время отъ 20 до 25 верстъ. По пути производились нами разныя наблюденія, Николай Михайловичъ дѣлалъ съемку, а я ѣхалъ позади каравана и подгонялъ отставшихъ.

По приходѣ на бивакъ, мы раскладывали вещи и каждый изъ насъ приводилъ въ порядокъ все то, что было собрано имъ дорогою. Я укладывалъ ящерицъ, насѣкомыхъ, Николай Михайловичъ записывалъ все то, что было настрѣляно дорогою, отдавалъ убитыхъ птичекъ препаратору и садился вычерчивать съемку. Между тѣмъ поспѣвалъ чай; напившись его, мы раскладывали растенія, собранныя наканунѣ, и отправлялись на охоту и въ экскурсіи. Николай Михайловичъ самъ выбиралъ мѣсто для этихъ экскурсій и говорилъ куда направиться каждому изъ насъ; но мы не всегда строго придерживались указаннаго имъ направленія, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ никогда не стѣснялъ насъ, имѣя въ виду болѣе обильные результаты экскурсій. Я отправлялся обыкновенно за растеніями; какъ-то само собою случилось, что ботаническія экскурсіи сдѣлались мнѣ особенно симпатичны и были вмѣнены мнѣ въ исключительную обязанность; увлеченіе ботаникою доходило у меня до того, что за-частую я съ опасностью жизни взбирался на горы и доставалъ цвѣточекъ, до котораго добраться казалось почти невозможнымъ; но если я его раньше не

видалъ или мнѣ думалось, что это новый видъ растенія, то я напрягалъ всѣ усилія: камни валились у меня изъ-подъ ногъ, казалось, вотъ-вотъ свалюсь въ пропасть, но все-таки я доставалъ интересовавшій меня цвѣтокъ.

Насѣкомыхъ въ это путешествіе мы не собирали, а только однѣхъ бабочекъ; по части зоологическихъ коллекцій спеціальнымъ помощникомъ Николая Михайловича былъ Эклонъ, для меня-же это было побочное занятіе; впрочемъ, иной разъ, отправляясь на ботаническую экскурсію, и я бралъ съ собою дробовикъ и убивалъ интересныхъ птичекъ, бралъ также склянку для насѣкомыхъ, мѣшокъ для образчика почвы и маленькія бумажки, чтобы собрать сѣмена; однимъ словомъ, приходилось заниматься всѣмъ понемножку.

Звѣрей мы ходили бить въ одиночку, преимущественно травоядныхъ; медвѣдей въ это путешествіе видѣли немного, намъ попадались чаще всего волки, антилопы (массами), яки, которыми мы продовольствовались, и хуланы—это особая порода ословъ.

Изъ экскурсій мы возвращались обыкновенно въ сумерки; если случалось убить много птичекъ, то приходили на бивакъ и раньше; когда всѣ были въ сборѣ, садились обѣдать; обѣдъ нашъ состоялъ обыкновенно изъ вареной баранины, съ примѣсью риса, иной разъ проса и консервовъ изъ зелени, сушеной капусты и т. п.; это обыденное блюдо видоизмѣнялось въ зависимости отъ охоты: ежели убивали антилопу, то варился изъ нея супъ; жаркое дѣлалось рѣдко, такъ какъ съ усталости пріятнѣе было поѣсть горячую похлебку. Хлѣбъ замѣняла намъ дзамба: жареное и смолотое зерно пшеницы, ячменя или овса; лучшая мука овсяная, за нею слѣдуетъ пшеничная, затѣмъ ячменная. Употребляется-же дзамба слѣдующимъ образомъ: въ чашку наливаютъ чай (настоящій кирпичный, такого-же качества, какой мы употребляли, только прессованный), или воду, къ ней прибавляютъ немного соли, масла, если оно есть, или бараньяго сала, и въ эту жидкость засыпаютъ жареную муку-дзамбу, такимъ образомъ получается нѣчто въ родѣ толокна; его можно замѣсить гуще и жиже, смотря по вкусу. Съ непривычки это кушанье казалось непріятнымъ, но когда проголодаешься, то ѣшь съ особенною жадностью. Дзамба хороша тѣмъ, что, придя на бивакъ, имѣешь сейчасъ-же горячую, довольно сытную, пищу, такъ какъ вода скоро вскипаетъ въ котлѣ.

Самоваровъ у насъ не было; вообще обстановка у насъ была самая спартанская: два котла, маленькій котелокъ, два ведра и чайникъ, да большая чашка для масла составляли всю нашу кухонную посуду; тарелокъ не полагалось, у насъ были только дере-

вянныя чашки съ узорами, удобныя тѣмъ, что онѣ не бьются и ихъ не горячо держать въ рукѣ съ чаемъ или супомъ, да и на морозѣ онѣ не трескаются; изъ нихъ мы пили чай, ѣли супъ, въ нихъ-же болтали дзамбу и хотя онѣ и принимали запахъ отъ этой разнообразной ѣды, но при нашемъ аппетитѣ и при всей нашей походной обстановкѣ мы не замѣчали этого недостатка.

Послѣ обѣда мы приводили въ порядокъ все собранное нами въ теченіи утра, сообщали Николаю Михайловичу наши наблюденія, а онъ заносилъ ихъ въ свой дневникъ, присѣвъ къ ящику съ инструментами, который замѣнялъ ему письменный столъ; отправляясь въ путь, мы всегда ограничивались только самымъ необходимымъ, не брали съ собою ничего лишняго, поэтому у насъ въ дорогѣ не было ни столовъ, ни стульевъ; мы сидѣли постоянно по-турецки и до того къ этому привыкли, что потомъ казалось неловко сидѣть на стулѣ, — хотя одну ногу, бывало, подожмешь подъ себя.

Дневникъ велъ, изъ всѣхъ насъ, одинъ только Николай Михайловичъ, по той причинѣ, что если-бы мы всѣ стали заниматься письмомъ, то это отняло-бы у насъ слишкомъ много времени, а оно было намъ дорого; къ тому-же, мы шли всѣ по одному пути, дѣлали одно дѣло, слѣдовательно, наши замѣтки были-бы повтореніемъ одного и того-же, только съ прибавкою личныхъ впечатлѣній, „это была-бы изба о семи углахъ“, какъ типично выразился нашъ препараторъ А. Ѳ. Коломейцевъ.

Дѣла у насъ, какъ я уже сказалъ, было у всѣхъ много: Николай Михайловичъ велъ дневникъ, дѣлалъ съемку, производилъ астрономическія и метеорологическія наблюденія, въ которыхъ и мы, со своей стороны, помогали ему, измѣряя температуру почвы, воды, колодцевъ и т. п. Въ началѣ мнѣ все казалось труднымъ, но мало по малу я сроднился съ нашею путевою жизнью и не раскаявался въ томъ, что рѣшился ѣхать въ экспедицію. Я собиралъ растенія, рисовалъ. Эклонъ охотился за птицами, собиралъ насѣкомыхъ, Коломейцевъ препарировалъ птицъ и разныхъ звѣрей, казаки также весь день были заняты: по утру встанутъ, вьючатъ, потомъ идутъ съ караваномъ; пришли на бивуакъ, начинаются хлопоты съ верблюдами, баранами, необходимо собрать дровъ для варки пищи, а это дѣло не легкое, такъ какъ лѣса и кустарниковъ въ той мѣстности, по которой мы шли, совсѣмъ не было; приходилось собирать аргалъ, звѣриный пометъ, и хотя звѣрей было много, но аргала не скоро набирешь, иной разъ казакамъ приходилось вырывать изъ земли маленькіе корешки, которые замѣняли намъ дрова. На это уходило не мало времени.

Отдыхъ наступалъ для насъ послѣ вечерняго термометрическаго наблюденія, въ то время, когда Николай Михайловичъ былъ занятъ своимъ дневникомъ. За обѣдомъ между нами обыкновенно шла бесѣда, слышались шутки, остроты; Николай Михайловичъ былъ веселаго нрава въ своемъ кружкѣ, любилъ посмѣяться надъ нами, въ случаѣ неудачной охоты, умѣлъ выставить насъ въ смѣшномъ видѣ и самъ охотно выносилъ шутки, никогда не обижаясь, такъ что и мы надъ нимъ иногда подсмѣивались.

Во время пути, когда было холодно, мы ходили обыкновенно пѣшкомъ, чтобы согрѣться; у насъ были войлочные сапоги, обшитые кожею. шерстяные носки, обыкновенные панталоны изъ бараньяго мѣха, а поверхъ рубашки мы надѣвали теплую, вязаную, шерстяную фуфайку и полушубокъ—лисій у Николая Михайловича, а у насъ бараній, черный. На головѣ мы носили сибирскаго образца небольшія шапки, съ отворачивающимися затыльниками, наушниками и съ барашковымъ козырькомъ. У каждаго изъ насъ имѣлся шарфъ и мѣховыя рукавицы, а въ нихъ шерстяныя варежки съ пальцами.

Спать мы ложились зимою въ $7^1/_2$, а лѣтомъ въ 8 часовъ; но въ хорошую погоду ложились нѣсколько позже, часовъ въ 10, не смотря на то, что вставали всегда рано. Въ такіе дни всѣ собирались вечеромъ въ кружокъ, пѣли пѣсни, а казакамъ выдавалась гармонія, которая возбуждала удивленіе и восторгъ туземцевъ, собиравшихся ее послушать.

Постелью служила намъ всѣмъ одинаково, зимою и лѣтомъ, такъ называемая, кошма, войлокъ, сложенный вдвое, и небольшая подушечка; казаки имѣли большія теплыя шубы, коими накрывались ночью, въ нихъ-же они дежурили по ночамъ, но мы не имѣли шубъ, потому что не несли ночныхъ дежурствъ; у насъ были обыкновенныя одѣяла лѣтомъ и подбитыя мѣхомъ зимою. Ложась спать, мы всѣ раздѣвались до бѣлья, даже зимою, когда температура внѣ юртъ доходила до 35° Ц., когда ртуть замерзала; конечно, приходилось ложиться точно въ холодный душъ, но подъ мѣховымъ одѣяломъ согрѣешься очень скоро и выспишься богатырскимъ сномъ. Я спалъ всегда съ непокрытою головою, а Николай Михайловичъ спалъ иногда въ шапкѣ, надѣвъ башлыкъ.

Зимою мы спали очень много, съ 8 часовъ вечера до 6 утра, лѣтомъ-же приходилось спать совсѣмъ мало: во время жары идти нельзя, поэтому мы уходили съ бивуака лѣтомъ въ восемь часовъ вечера, дѣлали привалъ около полуночи, отдыхали недолго, не развьючивая верблюдовъ, затѣмъ, поднявъ ихъ, трогались въ путь, чтобы до восхода солнца придти на мѣсто.

Ночью возлѣ бивака всегда ставились караульные, а днемъ назначался одинъ дежурный, онъ-же и помощникъ повара, который долженъ былъ наблюдать за порядкомъ на бивакѣ; поутру обязанность его состояла въ томъ, чтобы приготовить чай для людей въ большомъ котлѣ. Въ опасныхъ мѣстахъ назначалось двое дежурныхъ. Караульные смѣнялись ночью каждые три часа и будили другъ друга; это сопровождалось иногда уморительными сценами, такъ, напримѣръ, однажды, у насъ испортились карманные походные часы, вѣроятно, казаки, играя ими, порвали пружину: чтобы научить ихъ обращаться съ часами осторожнѣе, ихъ оставили на время безъ часовъ и они должны были будить другъ друга по созвѣздію—Медвѣдица; вечеромъ укажешь, бывало, караульному, что когда Медвѣдица перейдетъ туда-то, буди товарища: они такъ и дѣлали. Но вотъ дежурилъ одинъ разъ бурятъ, казакъ Дорджіевъ, а слѣдующимъ долженъ былъ стоять Ивановъ. Дорджіевъ сталъ на часы; между тѣмъ, небо заволокло, Медвѣдицы не видать: часовой терпѣливо прохаживается взадъ и впередъ, дежуритъ до утра, наконецъ, увидѣвъ, что начинаетъ свѣтать, будитъ Иванова и говоритъ:

— „Ванька, вставай, сегодня она (медвѣдица) не повернется“.

Любимымъ нашимъ препровожденіемъ времени была охота; тѣ изъ насъ, которые относились къ ней вначалѣ равнодушно, мало по малу также пристрастились къ этому развлеченію, видя, какъ товарищи возвращались на бивакъ съ богатою добычею.

Николай Михайловичъ стрѣлялъ прекрасно, къ охотѣ у него была положительная страсть, онъ считалъ ее отдохновеніемъ послѣ письменныхъ занятій и былъ избалованъ охотою въ Азіи, гдѣ птицъ и звѣрей такая масса, что ему ни разу не пришлось возвратиться на бивакъ безъ добычи; зато онъ былъ чуждъ хвастовства, столь свойственнаго всѣмъ охотникамъ, и, дѣйствительно, хвастать ему не было надобности: переполненный ягташъ былъ краснорѣчивѣе всякихъ разсказовъ. Въ Азіи Николай Михайловичъ охотился безъ собаки; въ Китаѣ вообще нѣтъ охотничьихъ собакъ, а при караванахъ у насъ бывали простыя собаки, которыхъ мы называли „добровольцами“. Передъ выступленіемъ каравана, мы выкидывали обыкновенно всѣ кухонные отбросы, которые привлекали массу голодныхъ собакъ; изъ нихъ мы выбирали штукъ пять лучшихъ и брали ихъ съ собою: въ началѣ приходилось держать ихъ на привязи, но современемъ онѣ такъ привыкали къ намъ, что не отходили отъ каравана.

Иной разъ мы пополняли комплектъ нашихъ собакъ въ китай-

скихъ деревняхъ, покупая ихъ у китайцевъ или прямо уводили хорошую собаку, приманивъ ее лакомымъ кускомъ.

III.

Въ самомъ началѣ нашего путешествія, когда мы стояли еще въ Зайсанѣ, заготовляя все нужное для экспедиціи, я отправился одинъ на охоту, на р. Бисень, за 15 верстъ отъ Зайсана; на охотѣ я заблудился и вернулся въ Зайсанъ на слѣдующій день, вечеромъ, когда Николай Михайловичъ собирался уже посылать на поиски за мною; это послужило мнѣ наукою, я сталъ присматриваться къ мѣсту, научился оріентироваться: въ незнакомой мѣстности всякая горка, всякій камень особаго цвѣта, каждый сколько-нибудь выдающійся предметъ служитъ для оріентировки, къ этому такъ привыкаешь, что потомъ кажется будто и вовсе нельзя заблудиться. Гораздо труднѣе оріентироваться въ лѣсной чащѣ, но ихъ въ Средней Азіи мало; поэтому послѣ перваго неудачнаго опыта на охотѣ, мнѣ не случалось болѣе быть въ затруднительномъ положеніи: только однажды на Желтой рѣкѣ я струсилъ, когда попалъ въ ущелье, образованное вертикальнымъ обрывомъ такъ называемой лессовой глины; лессъ весьма распространенъ во Внутренней Азіи и состоитъ изъ мелко землистой глины, мельчайшаго песка и углекислой извести; онъ имѣетъ ту особенность, что растрескивается всегда вертикально, образуя обрывы, иной разъ вышиною въ нѣсколько сотъ футовъ; я расчитывалъ спуститься по трещинѣ внизъ къ рѣкѣ, но въ этомъ ущельѣ лессъ неожиданно оборвался и шелъ далѣе въ горизонтальномъ направленіи. Я прыгалъ, прыгалъ, нако-

нецъ, подошелъ къ краю ущелья; передо мною былъ обрывъ, вышиною около 1,000 футъ; идти назадъ было трудно, пришлось спуститься по обрыву, и я возвратился на бивакъ очень поздно, съ ободранными локтями и носками, безъ каблуковъ, совершенно измученный.

Въ это-же путешествіе мы едва не лишились одного изъ лучшихъ людей экспедиціи, унтеръ-офицера Егорова, который заблудился также на охотѣ, въ горахъ Нанъ-шаньскихъ, въ погонѣ за раненымъ якомъ. Товарищи часто смѣялись надъ нимъ по поводу того, что многіе изъ нихъ убивали яковъ, а ему это не удавалось, и вдругъ онъ увидѣлъ этого огромнаго звѣря вблизи,—какъ не убить его! Егоровъ погнался за раненымъ якомъ, не обращая вниманія на мѣстность, отдалился отъ товарища, съ которымъ онъ былъ на охотѣ, и заблудился среди многочисленныхъ горныхъ вершинъ снѣговой цѣпи Нанъ-шаня; шесть дней пропадалъ несчастный, мы уже оплакивали его какъ погибшаго, такъ какъ всѣ наши поиски въ горахъ не привели ни къ чему; на шестые сутки мы двинулись далѣе, отчаяваясь увидѣть его въ живыхъ, какъ вдругъ казакъ Иринчиновъ, шедшій всегда во главѣ эшелона и отличавшійся замѣчательнымъ зрѣніемъ, простымъ глазомъ различилъ Егорова, который спускался, верстахъ въ 6 или 7 отъ насъ, съ горной вершины: какъ оказалось, онъ шелъ къ ручью съ тѣмъ, чтобы вымыть въ немъ свою рубашку и въ ней умереть. Онъ былъ до того истощенъ и измученъ, что не надѣялся прожить этотъ день.

Мы тотчасъ-же остановились, развьючили верблюдовъ и послали за Егоровымъ; онъ почти не могъ двигаться, былъ весь почернѣвши; съ утра ползалъ на четвереенькахъ, такъ какъ ноги его были всѣ ободраны, на подошвахъ не было уже кожи, а висѣло голое мясо; сапоги его давно сносились и были брошены. Ему пришлось много выстрадать въ эти шесть дней отъ страшной стужи въ горахъ по ночамъ, отъ чрезмѣрнаго утомленія и голода; трое сутокъ онъ ничего не ѣлъ, жевалъ только листья ревеня и пилъ воду, а на четвертый убилъ зайца и уллара (черная индѣйка) и ѣлъ ихъ по немногу сырыми, тѣмъ только и поддержалъ свою жизнь. Впрочемъ, онъ скоро поправился и недѣли черезъ три ходилъ опять какъ ни въ чемъ ни бывало, а потомъ былъ такой здоровый и толстый, что и узнать было нельзя.

Когда мы возвращались изъ Тибета въ 1880 г., Егоровъ опять заблудился въ погонѣ за якомъ, на Голубой рѣкѣ, и пришелъ на бивакъ только въ 12 часовъ ночи; впрочемъ, онъ не сознавался въ томъ, что заблудился, божился, что зналъ, куда идетъ, но видно

было, что онъ страшно усталъ и не признается только, желая избѣжать насмѣшекъ. Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, у насъ, во все время экспедиціи, да и въ послѣдующихъ двухъ путешествіяхъ, никакихъ несчастій съ людьми не было.

Стоя на бивакѣ, мы часто слышали ночью завыванія шакаловъ и другихъ хищныхъ звѣрей, но близко къ намъ они не подходили; правда, волки разбили у насъ однажды термометръ, но вообще они не были навязчивы. Зато особою назойливостью, въ особенности въ сѣверномъ Тибетѣ, отличались грифы; это громадныя птицы, величиною гораздо больше нашего орла, которыя живутъ въ горахъ и летаютъ надъ степями; поднявшись высоко, такъ что ихъ не видно въ облакахъ, и намѣтивъ добычу, онѣ стремглавъ бросаются внизъ, производя при этомъ своими крыльями рѣзкій свистъ; впрочемъ онѣ никогда не трогаютъ живыхъ звѣрей, а питаются исключительно падалью; говорятъ, будто они не добиваютъ даже умирающаго голубя, а ждутъ, пока онъ испуститъ духъ, и тогда только раздираютъ его. Яицъ грифовъ мы не ѣли, ихъ достать невозможно, потому что эти птицы гнѣздятся на утесахъ, на скалахъ, въ мѣстахъ, для человѣка недоступныхъ.

Въ Тибетѣ грифы такъ привыкли къ людямъ, что садятся шагахъ въ тридцати отъ кухни, нисколько не чуждаясь человѣка; ихъ тамъ не убиваютъ, а напротивъ того чтутъ и кормятъ тѣлами умершихъ людей. Для этого существуютъ у тибетцевъ особые рѣзаки, которые крошатъ трупы и бросаютъ ихъ грифамъ. Кости труповъ раздробляются и ихъ кидаютъ грифамъ особой породы, называемымъ „бородачи", потому что на нижней челюсти у нихъ растетъ борода.

Въ Ніерчунгѣ мы нарочно отравили кишки барана ціанистымъ кали, чтобы поймать грифовъ живьемъ. Надобно замѣтить, что эти птицы чрезвычайно любятъ кишки и поэтому первымъ дѣломъ раздираютъ у мертваго звѣря кожу на брюхѣ. Налетѣли на нашего барана грифы, наѣлись кишекъ, и тутъ-же упали полуживые; мы отпоили ихъ водою и они ожили совершенно; одному изъ грифовъ мы обстригли хвостъ и онъ преспокойно сидѣлъ на бивакѣ, не дѣлая даже попытки долбонуть кого-либо изъ насъ.

Снявшись съ бивака въ Тибетѣ, мы не успѣемъ, бывало, отойти шаговъ сорокъ, какъ уже слышимъ свистъ ихъ крыльевъ; грифы, какъ камни, летятъ внизъ подбирать добычу; ихъ налетитъ на покинутый бивакъ штукъ 50—100.

Однажды мы убили съ Козловымъ въ Тибэтѣ въ разъѣздѣ медвѣдя, вынули изъ него почку и кишки и положили ихъ на

тушу. Насъ интересовало, налетятъ-ли грифы къ тому времени, когда мы вернемся на это мѣсто.

Подъѣзжая туда обратно часа черезъ три, смотримъ: возлѣ убитаго медвѣдя расхаживаютъ грифы, точно стадо барановъ. Медвѣдь былъ съѣденъ до чиста; отъ его твердаго, мускулистаго мяса не осталось, по прошествіи трехъ часовъ, ни одного кусочка, ни одной жилки.

Это былъ совершенно особый видъ медвѣдя, ursus lagomiarius, который отличается образомъ жизни, живетъ не въ лѣсахъ, какъ нашъ медвѣдь, а на открытыхъ плоскогорьяхъ, зимуетъ въ скалахъ и по степи ходитъ совершенно свободно. У него всегда бываетъ бѣлая полоса вокругъ шеи, бѣлая грудь и длинная, красивая, пушистая шерсть; питается онъ мѣстными грызунами, живущими въ землѣ, которыхъ откапываетъ и поѣдаетъ. Однажды мы были свидѣтелями такой сцены: сидитъ медвѣдь, копаетъ землю, а вокругъ него, шагахъ въ пяти, усѣлось нѣсколько карсъ (не большія лисицы). Онѣ его не боятся, сидятъ спокойно, потому что медвѣдь очень занятъ своимъ дѣломъ, всунулъ голову въ яму и ничего не видитъ.

Мишка усердно копалъ землю, какъ вдругъ, грызунъ, у котораго бываетъ всегда нѣсколько выходовъ изъ норки, выскочилъ въ одну изъ нихъ и сдѣлался добычею лисицы. Хотя медвѣдь не могъ видѣть этого, но ухо у него чуткое, онъ понялъ что̀ случилось за его спиною, разсердился, заревѣлъ и съ остервенѣніемъ принялся копать землю въ другомъ мѣстѣ.

Въ музеѣ академіи наукъ, въ Петербургѣ, есть нѣсколько прекрасныхъ чучелъ этого степнаго медвѣдя; мы ихъ много убили въ Тибетѣ: въ послѣднее путешествіе бывали случаи, что въ одинъ день мы убивали до девяти штукъ медвѣдей. Охота на этого звѣря не представляетъ опасности, потому что онъ боится человѣка и убѣгаетъ при встрѣчѣ съ нимъ; при этомъ онъ громко кричитъ, голосъ у него сильный, громкій, и почти всегда встаетъ во весь ростъ, что весьма удобно для охотника, такъ какъ медвѣдь представляетъ собою, такимъ образомъ, большую мишень.

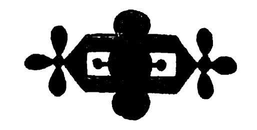
Раненый, онъ становится, разумѣется, совершенно инымъ звѣремъ. Однажды былъ такой случай: раненый медвѣдь убѣжалъ отъ насъ; часа черезъ полтора мы нашли его еще живаго, но отъ боли и злости онъ отъѣлъ себѣ всю переднюю лапу, и когда мы его убили и разрѣзали, то въ желудкѣ у него нашли когти. Шкура этого медвѣдя была великолѣпная, поэтому вмѣсто отъѣденной лапы къ нему была пришита лапа отъ другаго медвѣдя и онъ красуется теперь въ музеѣ академіи наукъ.

Шкуры убитыхъ звѣрей препарируются очень быстро: ихъ сдираютъ на мѣстѣ, каждый изъ насъ умѣлъ это дѣлать и зналъ опредѣленныя мѣста, гдѣ надобно ихъ разрѣзывать. На бивакѣ онѣ обдѣлывались окончательно, т. е. съ нихъ срѣзывался лишній жиръ и онѣ пересыпались квасцами, смѣшанными съ солью; такимъ образомъ шкура должна пролежать дня два, три, пока она не пропитается хорошенько квасцами, тогда ее высушиваютъ, свертываютъ акуратно и она считается готовою. Маленькія шкуры хранились въ ящикахъ, а большія зашивались въ тюки; два—три такихъ тюка составляли верблюжій вьюкъ.

Въ третьемъ путешествіи у насъ было отъ 23 до 40 верблюдовъ; это животное дѣйствительно полезное въ путешествіи и совершенно незамѣнимое въ пустынѣ, но за нимъ нужно болѣе ухода, нежели за лошадью, хотя онъ удобнѣе ея въ томъ отношеніи, что для него не нужно возить корма, за то нужно знать какъ съ нимъ обращаться, такъ, напр., верблюда нельзя уложить противъ вѣтра, онъ тотчасъ-же начнетъ кашлять; вставая, онъ легко можетъ сломать себѣ ногу, поэтому для его отдыха надобно выбирать ровное, гладкое мѣсто, надобно убрать изъ-подъ его ногъ камни, разгрести снѣгъ. У верблюда часто протираются подошвы и приходится подшивать ему искусственную подошву изъ куска толстой сыромятной кожи, что весьма непріятно, такъ какъ онъ реветъ при этомъ ужасно.

У насъ были верблюды, которые совершили съ нами всю экспедицію, были и такіе, которые проходили въ двухъ экспедиціяхъ; они пользовались особою симпатіею казаковъ, не были похожи на другихъ верблюдовъ, знали всѣхъ насъ, были ласковы, приходили къ кухнѣ за хлѣбомъ.

Ѣзда на верблюдѣ вначалѣ весьма утомительна; васъ раскачиваетъ взадъ и впередъ, такъ что съ непривычки даже тошнитъ, точно при морской болѣзни; сѣдла у верховыхъ верблюдовъ бываютъ обыкновенныя, только съ широкими подпругами. У иныхъ верблюдовъ горбы сближены, такъ что приходится привязывать сѣдло. Въ часъ, по ровному пути, верблюдъ идетъ 5 верстъ, по холмистому $4^1/_2$, по горамъ 4, а въ монгольскихъ караванахъ онъ идетъ всего четыре версты по гладкому мѣсту, но можетъ бѣжать рысью скорѣе лошади. Мы-же не могли идти на рысяхъ, такъ какъ отъ тряски портятся инструменты.



IV.

Третье путешествіе Пржевальскаго въ Среднюю Азію, во время котораго было пройдено нами отъ Зайсана до Тибета и обратно до Кяхты 7,200 верстъ, большею частью по мѣстности дикой, пустынной, иногда вовсе необитаемой и до тѣхъ поръ совершенно неизслѣдованной европейцами, было окончено въ октябрѣ 1880 г.

7-го января 1881 г. Пржевальскій возвратился въ Петербургъ.

Чрозвычайная важность этой экспедиціи и двухъ первыхъ путешествій Николая Михайловича въ научномъ отношеніи, отвага и смѣлость, съ какою имъ преодолѣвались всѣ трудности и лишенія, представлявшіяся на пути, обратили на него вниманіе ученаго міра и ему была оказана въ Петербургѣ блестящая встрѣча; онъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ овацій и чествованій.

10-го января 1881 г., черезъ три дня по пріѣздѣ, Николай Михайловичъ представлялся императору Александру II, который долго и съ большимъ интересомъ распрашивалъ его объ экспедиціи. 14-го января состоялось чрезвычайное, торжественное собраніе географическаго общества, для привѣтствія путешественника, возвратившагося въ столицу, послѣ трехлѣтняго изъ нея отсутствія; въ то-же время географическое и многія другія столичныя и провинціальныя ученыя общества избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Онъ получалъ ежедневно приглашенія отъ разныхъ обществъ и отъ частныхъ лицъ, желавшихъ чествовать его и слышать его сообщенія о только что оконченномъ путешествіи; поэтому первое время пребыванія въ Петербургѣ было для Николая Михайловича рядомъ празднествъ, которыя въ конецъ утомили его, совершенно отвыкшаго отъ свѣтской столичной жизни. Искреннія оваціи были для него, разумѣется, пріятны, хотя онъ вообще не любилъ шума и большаго общества, но бывали и такіе дома, гдѣ его чествовали и куда приглашали только для того, „чтобы устроить вечеръ съ Пржевальскимъ“, и притомъ только потому, „что на него была мода“, какъ онъ самъ выражался.

На такіе вечера онъ ѣздилъ крайне неохотно.

— „Чортъ возьми, долженъ одѣваться, ѣхать! говорилъ онъ. Всѣ порядочные люди спятъ, а тутъ изволь путаться“, а на другой день, разсказывая о проведенномъ вечерѣ, съ досадою прибавлялъ:

— „Вотъ, подлецы! Я-бы выспался, написалъ-бы страницы три,

четыре, а теперь голова болитъ, ничего не сдѣлалъ, вечеръ пропалъ даромъ".

У себя Николай Михайловичъ принималъ по субботамъ; на эти субботники собирались всѣ его хорошіе знакомые. Особенно близки къ нему были въ то время: подполковникъ Іосафъ Львовичъ Фатѣевъ, служившій въ главномъ управленіи казачьихъ войскъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ съ юнкерскаго училища; М. П. Степановъ, служившій въ томъ-же управленіи и сошедшійся съ Н. М. въ бытность его на Амурѣ; докторъ Сердечный, который воспитывался съ нимъ въ гимназіи, но, къ сожалѣнію, мало сохранилъ воспоминаній о Пржевальскомъ, потерявъ его изъ вида, по окончаніи курса, но въ 1881 г. они встрѣтились какъ старые друзья и видѣлись часто.

Пржевальскій весьма уважалъ и былъ очень хорошъ съ генераломъ Ѳедоромъ Александровичемъ Фельдманъ, управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета, и бывалъ у него и въ его семействѣ въ Петербургѣ почти каждую недѣлю; Н. М. былъ также друженъ съ начальникомъ Павловскаго училища Акимовымъ и съ генераломъ А. А. Бильдерлингомъ (нынѣ помощникъ начальника главнаго штаба).

Кромѣ этихъ петербургскихъ друзей, у Николая Михайловича были друзья и пріятели почти въ каждомъ городѣ, въ которомъ ему приходилось бывать по нѣсколько разъ, такъ, напр., въ Кяхтѣ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ купцомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Лушниковымъ, всегда состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и обращался къ нему въ случаѣ надобности. Лушниковъ—человѣкъ весьма образованный, не похожій на большинство нашихъ купцовъ, человѣкъ весьма начитанный и развитой.

Кромѣ обязательныхъ выѣздовъ и знакомствъ, въ Петербургѣ Пржевальскому не было покоя отъ просителей: его осаждали неудачники всякаго рода, актеры, актрисы, чиновники, не имѣвшіе мѣста, искавшіе или его покровительства, или желавшіе пристроиться къ будущей экспедиціи.

„Не пускай просителей", наказывалъ онъ швейцару, „они мѣшаютъ мнѣ заниматься", и швейцаръ отлично ихъ распознавалъ.

„Былъ кто-нибудь у меня"? спрашиваетъ Николай Михайловичъ, возвращаясь домой.

— „Нѣтъ, никого не было, отвѣчаетъ тотъ, просители тутъ только были".

„Ты почемъ знаешь?"

— „Да такъ, говоритъ, я по лицу ужъ вижу".

Многіе пользовались пребываніемъ Н. М. въ Петербургѣ и обращались къ нему со всевозможными просьбами письменно; между такими письмами попадалось не мало самаго курьезнаго свойства, такъ, напр., послѣ возвращенія изъ третьяго путешествія, Н. М. показывалъ намъ письмо одной вдовы, жившей на Петербургской сторонѣ, которая писала ему: „Вамъ, родимый мой, всѣ власти нашего города нынѣ бьютъ челомъ; кумъ мнѣ сказывалъ, что васъ повѣсили въ Думѣ [1]), что вы въ почетѣ въ нашемъ городѣ, что вамъ все сдѣлаютъ. Такъ, ради Бога, отыщите мою собачку, кличка ея Мурло... я не могу разыскать ее цѣлую недѣлю. Если вы съѣздите къ градоначальнику и попросите—навѣрно онъ прикажетъ ее разыскать.

Многія дамы присылали Пржевальскому свои карточки и портреты, такъ что родные подсмѣивались надъ нимъ. Въ томъ-же 1881 году онъ получилъ изъ Кіева письмо и кабинетный портретъ одной очень хорошенькой барышни. Въ Кіевѣ жилъ въ то время хорошій пріятель Н. М. — инженеръ Бѣльцовъ, и Пржевальскій увѣрялъ, что это письмо написано Бѣльцовымъ и только переписано женскою рукою, такъ какъ у него, кромѣ этого пріятеля, въ Кіевѣ нѣтъ знакомыхъ.

Самъ Н. М. былъ чуждъ увлеченій женщинами и на совѣты родныхъ о женитьбѣ всегда отвѣчалъ отрицательно, говоря, что женитьба есть дѣло, надъ которымъ надобно подумать серьезно, что это высшее счастье для человѣка, но что оно можетъ обратиться въ величайшее несчастье, если окажется неудачнымъ, и что при его кочевой жизни жениться немыслимо,—„я уѣду путешествовать, говорилъ онъ,—а жена будетъ скучать и тревожиться за меня, это не годится".

Отношенія Н. М. къ роднымъ были самыя сердечныя, теплыя, хотя онъ жилъ съ ними мало; только своего брата Евгенія Михайловича онъ пилилъ за то, что тотъ черезъ чуръ много заставлялъ свою дочь заниматься англійскимъ языкомъ, такъ что она хворала.

— „Вѣдь это прихоть ваша родительская, говорилъ онъ брату во-первыхъ, никогда не можетъ случиться, чтобы ей пришлось быть учительницею, такъ какъ средствъ у насъ достаточно, а гораздо полезнѣе, если она не будетъ знать англійскаго языка, а будетъ

[1]) С.-петербургская городская Дума ассигновала въ 1881 г. 1,500 р. на портретъ Пржевальскаго и его постановку, но Н. М. отказался отъ столь лестнаго для него вниманія и просилъ Думу употребить эти деньги на цѣль благотворительную—на стипендію или т. п.

здоровою матерью, чѣмъ такою измученною, съ которою мужу придется возиться и которая дѣтей еле живыхъ будетъ производить, и они будутъ умирать, не смотря на ея знаніе англійскаго языка".

Его племянница подслушала однажды подобный разговоръ, вбѣгаетъ и говоритъ:

— „Не буду больше учиться англійскому языку".

Ея мать была въ большой претензіи за это на Николая Михайловича.

Пржевальскій съ трудомъ привыкалъ къ людямъ, но разъ привыкнувъ, не могъ порвать съ ними отношеній, хотя-бы человѣкъ оказался не заслуживающимъ его дружбы; точно также онъ привыкалъ и къ мѣсту, такъ, напр., въ Петербургѣ онъ привыкъ жить въ Столярномъ переулкѣ, и въ другомъ мѣстѣ ему было трудно пріискать квартиру и онъ не оставался въ ней надолго.

Однажды я былъ въ Петербургѣ, а онъ пишетъ мнѣ изъ деревни:

„Пріищи мнѣ небольшую квартиру, удобную, но не въ Столярномъ...", а въ концѣ письма была приписка: „нѣтъ, здѣсь хорошій швейцаръ и прислуга, попроси, чтобы мнѣ приготовили комнату".

Онъ нанималъ обыкновенно двѣ комнаты, въ одной спалъ и занимался, а черезъ корридоръ была комната, въ которой хранились всякія „ошурки", ящики, ящички, всякія мелочи; если кто-нибудь пріѣзжалъ къ нему гостить, то ночевалъ въ этой комнатѣ. Когда набиралось много ящиковъ, то онъ бралъ для нихъ двѣ комнаты.

V.

По возвращеніи изъ путешествія, у Н. М., кромѣ выѣздовъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, и чтеній, въ разныхъ обществахъ, лекцій о его путешествіи, была масса всякаго дѣла; ему надо было привести въ порядокъ свои коллекціи, для представленія ея государю и для выставки публикѣ; надобно было заняться составленіемъ описанія своего путешествія, за что онъ никакъ не могъ приняться въ Петербургѣ, такъ какъ его постоянно отвлекали отъ занятій, поэтому онъ рѣшилъ, какъ можно скорѣе, искать уединенія въ своемъ родовомъ имѣніи Отрадное, Смоленской губерніи, и уѣхалъ туда въ самомъ началѣ лѣта 1881 года.

Жизнь въ Отрадномъ, болѣе близкая къ природѣ, была по сердцу Николаю Михайловичу и дала ему необходимый досугъ для его письменныхъ занятій, но она не доставила ему той „отрады“, которой онъ въ ней искалъ: въ окрестности имѣнія не было хорошей охоты. Проведя нѣсколько ночей въ лѣсу, онъ возвратился домой безъ добычи. Притомъ это имѣнье не было уже тѣмъ тихимъ уголкомъ, гдѣ Пржевальскому жилось прежде вполнѣ привольно: возлѣ его усадьбы прошла желѣзная дорога, мѣстность оживилась, стала болѣе людною, мужики испортились, начали пить и воровать. Николай Михайловичъ очень любилъ арбузы; выростилъ ихъ, а смотришь—ѣсть нечего, садъ разворовали, яблоки отрясли. Наскучивъ этими новыми условіями жизни въ Отрадномъ, онъ задумалъ купить другое имѣнье.

— „Поищите, чтобы имѣнье подальше было отъ желѣзной дороги, гдѣ-бы попроще были люди“, писалъ онъ своему вотчиму Ив. Демьян. Толпыгѣ, обращаясь къ нему съ просьбою пріискать для него подходящую усадьбу.

Подумалъ, подумалъ Иванъ Демьяновичъ, какъ-бы выполнить эту просьбу, взялъ да и напечаталъ въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ“ объявленіе, что полковникъ Пржевальскій ищетъ такое имѣніе, чтобы поменьше сосѣдей было, а побольше рыбы и звѣря.

За это объявленіе Н. М. на него разсердился; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ вскорѣ то, чего искалъ: въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи было куплено имъ за 26,000 р. имѣнье Слобода, принадлежавшее отставному артиллеріи поручику Леонтію Алексѣевичу Глинкѣ; въ имѣніи было два озера, двѣ рѣки и 700

десятинъ лѣсу, „да и лѣсъ, какъ Сибирская тайга“, писалъ Пржевальскій Эклону (9-го іюня 1881 г.), въ немъ въ изобиліи водились глухари, тетерева, рябчики, медвѣди, попадались даже лоси.

Въ восторгѣ отъ своей покупки, Пржевальскій переселился туда и усердно принялся за письменную работу, отъ которой онъ отдыхалъ на охотѣ и въ бесѣдѣ съ мужиками; разговоръ съ людьми простыми, безхитростными доставлялъ ему всегда удовольствіе, но онъ не любилъ фабричныхъ и мужиковъ, побывавшихъ въ городѣ, да и спутниковъ своихъ: солдатъ и казаковъ онъ выбиралъ изъ самыхъ простыхъ людей, не испорченныхъ городскою цивилизаціею. Настоящей военной дисциплины ему не требовалось, поэтому онъ обращалъ вниманіе, главнымъ образомъ, на то, чтобы человѣкъ былъ молодъ и здоровъ; притомъ рекомендаціями никогда не руководился.

Для послѣдняго путешествія ему было приготовлено пятнадцать семирѣченскихъ казаковъ; онъ на нихъ и не взглянулъ.

— „Приготовлено, значитъ, негодяевъ прислали, говорилъ онъ. Высшее начальство напишетъ, чтобы лучшихъ людей дали, а ближайшее разсчитываетъ весьма основательно: тутъ возьмутъ пять человѣкъ лучшихъ, черезъ два года еще пять лучшихъ, останется одна дрянь, спасибо,—и назначаетъ такихъ, отъ которыхъ хочетъ отдѣлаться, съ которыми приходится возиться“.

Руководствуясь этимъ взглядомъ, Пржевальскій самъ выбиралъ спутниковъ изъ числа желающихъ, и выборъ его всегда былъ замѣчательно удачный; всѣ служили ему самымъ честнымъ, добросовѣстнымъ образомъ.

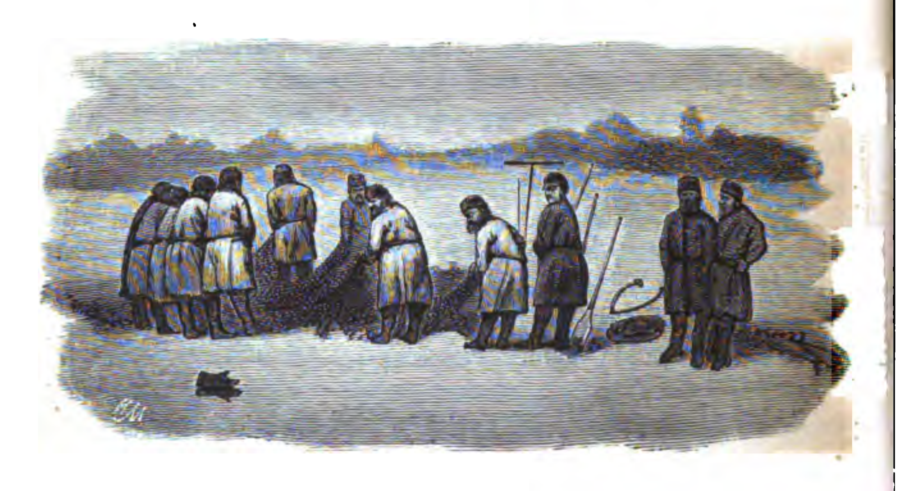
Иной разъ явится къ нему двое желающихъ.

— „Нѣтъ, говоритъ онъ, этого возьму“, какъ будто сердце ему подсказывало.

Выбирая людей, Н. М. не сулилъ имъ наградъ, напротивъ того, рисовалъ все въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, обстоятельно распрашивалъ, что̀ именно побуждало солдата проситься въ экспедицію и старался брать такихъ людей, которые не имѣли почти никакихъ родственныхъ связей, которые жили дома не богато, слѣдовательно не были избалованы и легче могли перенести всякія невзгоды.

Если у новаго спутника были живы родители, то Николай Михайловичъ писалъ имъ обыкновенно самое утѣшительное письмо, убѣждая ихъ не бояться за своего сына и не забывать, что дѣло, предпринимаемое экспедиціею, такое хорошее дѣло, что если-бы юношѣ даже пришлось погибнуть за него, то имъ будетъ служить утѣшеніемъ, что это несчастіе постигло ихъ во имя науки и т. д.

Подобное сердечное письмо было написано имъ въ 1878 г., передъ отправленіемъ въ третью экспедицію, и отцу моему, жившему тогда въ своемъ имѣніи, въ Тверской губерніи. Матери моей, во время моего отправленія въ экспедицію, уже не было въ живыхъ, а мой отецъ скончался во время моего перваго путешествія.



Н. М. Пржевальскій на рыбной ловлѣ зимою на Петроковскомъ озерѣ въ Слободѣ, Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи. 3 января 1887 г. Сним. В. И. Р.

В. И. Роборовскій.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ИВАНЪ ЕФИМОВИЧЪ АНДРЕЕВСКІЙ,

заслуженный профессоръ, ректоръ С.-Петербургскаго университета, директоръ Археологическаго института

род. 1831 г., † 20-го мая 1891 г.

Рѣчь, читанная проф. С. В. Ведровымъ въ торжественномъ собраніи Археологическаго института въ полугодовой день кончины И. Е. Андреевскаго 20-го ноября 1891 г.

По порученію совѣта археологическаго института, столь для меня лестному, я долженъ представить очеркъ дѣятельности покойнаго директора института Ив. Еф. Андреевскаго,—задача трудная, почти невыполнимая въ непродолжительномъ чтеніи. Я не считалъ себя, однако, вправѣ уклониться отъ почетнаго этого предложенія, такъ какъ память уважаемаго моего учителя и, позже, друга мнѣ такъ священна, что я не могъ отстраниться отъ участія въ его посмертномъ чествованіи, хотя дѣятельность профессора Андреевскаго мнѣ менѣе всего извѣстна, именно по отношенію къ археологическому институту.

Однако, большую роль игралъ археологическій институтъ въ жизни покойнаго; избранный послѣ смерти знаменитаго основателя института Н. В. Калачева его преемникомъ, проф. Андреевскій, со свойственною ему горячностью, принялся ?

дѣло и, не смотря на свою разнообразную дѣятельность, смѣю думать, достигъ многаго. Озабоченный, особенно первое время, матеріальными затрудненіями, Иванъ Ефимовичъ не только успѣшно преодолѣвалъ ихъ,—объ этомъ могутъ сказать ближайшіе его сотрудники,—но и старался поставить высоко научное преподаваніе въ институтѣ, открывая новые курсы, привлекая къ преподаванію новыя силы, показывая все время примѣръ личною неутомимою дѣятельностью. Оставивъ университетъ въ 1887 году, онъ отдался исключительно институту и связаннымъ съ нимъ архивнымъ комиссіямъ; ему хотѣлось поставить высоко въ Россіи архивное дѣло, во главѣ котораго долженъ былъ стоять институтъ. Особенно радовало Ивана Ефимовича, что ему удалось уже видѣть въ средѣ преподавателей института его бывшихъ питомцевъ.

Біографія покойнаго, безъ сомнѣнія, извѣстна, хотя-бы въ общихъ чертахъ, уважаемому собранію, но я не могу не коснуться ея, какъ потому, что жизнь проф. Андреевскаго была столь богата самыми разнообразными проявленіями его кипучей дѣятельности, что трудно укладывается въ рамки одного біографическаго очерка,—всегда можно прибавить что-либо новое, такъ и потому, что въ событіяхъ его жизни находимъ мы часто объясненіе дѣламъ его.

Всегда тяжело, невыразимо грустно присутствовать при смерти дорогаго человѣка, но особенно тяжко это въ томъ случаѣ, когда неумолимая смерть вырываетъ изъ нашей среды человѣка, полнаго жизненныхъ силъ, прерываетъ его дѣятельность какъ-бы на полпути. Великъ и славенъ путь, совершенный покойнымъ въ его шестьдесятъ лѣтъ жизни, но многое еще могъ-бы онъ совершить, много свѣтлыхъ предначинаній умерло съ Иваномъ Ефимовичемъ, многое онъ только намѣтилъ, другое началъ, но не довелъ до конца.

Родился Иванъ Ефимовичъ 13-го марта 1831 года, умеръ 20-го мая 1891 года. По странному совпаденію скончался въ тотъ день, когда онъ былъ назначенъ ассистентомъ на экзаменѣ по полицейскому праву, его любимой науки, въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія.

Получивъ прекрасное домашнее образованіе, Ив. Еф. въ

совершенствѣ зналъ новые языки и, окончивъ курсъ съ серебряною медалью въ первой с.-петербургской гимназіи. Ив. Еф., семнадцати лѣтъ, поступилъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета и всею душою отдался изученію юридическихъ и особенно политическихъ наукъ. Съ 1848 года Ив. Еф. принадлежитъ с.-петербургскому университету, съ которымъ и оффиціально не прекращалъ служебныхъ связей до самаго выхода въ отставку отъ должности ректора, 28-го мая 1887 г. Во время студенчества Ив. Еф., въ петербургскомъ университетѣ преподавали К. А. Неволинъ гражданскіе законы и П. Д. Калмыковъ энциклопедію; послѣдній зналъ Ив. Еф. еще какъ своего питомца по первой гимназіи, гдѣ онъ былъ директоромъ.

Подъ руководствомъ этихъ двухъ выдающихся ученыхъ, съ которыми Ив. Еф. оставался дружнымъ до самой ихъ смерти, и выработался замѣчательный талантъ проф. Андреевскаго; но, высоко цѣня своихъ уважаемыхъ руководителей, Ив. Еф. очень рано обнаруживаетъ и значительную самостоятельность: противно совѣтамъ К. А. Неволина, видѣвшаго въ немъ достойнаго себѣ преемника, онъ не пожелалъ посвятить себя гражданскому праву, но избралъ политическія науки, въ то время слабо представленныя въ курсѣ преподаванія. Окончивъ университетъ, Ив. Еф., для приготовленія себя къ чтенію русскаго государственнаго права, поступилъ въ камеру губернскаго прокурора (Н. Г. Богуславскаго), чтобы ознакомиться съ практикою нашего административнаго механизма, самъ-же ревностно углублялся въ тоже время въ изученіе родной исторіи. Противоположности совмѣщались при живомъ характерѣ покойнаго ученаго: днемъ разбиралъ онъ отношенія разныхъ правительственныхъ учрежденій въ камерѣ губернскаго прокурора, а вечера посвящалъ изученію памятниковъ объ отношеніи русскихъ къ иностранцамъ въ древній періодъ нашей исторіи. Результатомъ была магистерская диссертація: „О правахъ иностранцевъ въ Россіи до половины XV столѣтія“ (Спб. 1854 г.)

И въ этомъ трудѣ, и въ послѣдующихъ, весьма многочисленныхъ, почтенный профессоръ съ особою любовью относится къ нашей родной старинѣ. Далекій отъ кваснаго патріотизма, онъ не примкнулъ и къ тѣмъ порицателямъ русской жизни за

то только, что она русская, напротивъ, всѣ его сочиненія дышутъ любовью къ русскому народу, и если онъ особенно охотно изучаетъ періодъ древній, удѣльно-вѣчевой, то потому, что тамъ особенно сказываются коренныя основанія русскаго быта.

Добросовѣстно работая надъ своими историческими изслѣдованіями, не чуждался Ив. Еф. и такъ называемой черной работы по изданію мало извѣстныхъ памятниковъ юридическаго быта: въ 1855 г. онъ выпускаетъ: „О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году".

13-го февраля 1855 года началъ Ив. Еф. свою преподавательскую дѣятельность въ петербургскомъ университетѣ и продолжалъ ее безъ перерыва въ теченіе 32-хъ лѣтъ; начавъ съ чтенія „законовъ о государственныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи", онъ въ слѣдующемъ-же учебномъ году, 12-го сентября 1855 г., открываетъ курсъ „законовъ государственнаго благоустройства и благочинія", результатомъ котораго и была обработка его знаменитаго курса полицейскаго права. Одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдователей исторіи русскаго права, пр. Загоскинъ такъ характеризуетъ въ своемъ перечнѣ литературы по исторіи русскаго права этотъ трудъ пр. Андреевскаго: „множество историческихъ указаній", но мы скажемъ болѣе: по нѣкоторымъ вопросамъ есть цѣлыя историческія монографіи. И въ предъидущихъ своихъ трудахъ Ив. Еф. является, главнымъ образомъ, историкомъ права" (въ 1864 г. „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ"). Онъ самъ говорилъ въ этомъ отношеніи: „невозможно понять нынѣшняго государства безъ пониманія общества, его составляющаго; невозможно понять ни того, ни другаго, ни существующей между ними связи, безъ ихъ прошедшаго" (Сборн. Археол. инст., кн. 2-я, 1879 г., стр. прил. 24).

Въ историческихъ своихъ изслѣдованіяхъ особенное значеніе даетъ Андреевскій началу земскому, зародившемуся въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи и не утратившемуся и въ московскій; отрицательно относится онъ вездѣ къ господству подьячаго на Москвѣ, но съ любовью выдвигаетъ обращеніе московскаго правительства къ старой системѣ выбора излюбленныхъ людей самимъ земскимъ обществомъ. Эти, дорогія сердцу Ив. Еф.,

начала получили широкое развитіе въ реформахъ 1860-хъ годовъ, и трудъ его „Полицейское право“, первый томъ котораго появился въ свѣтъ въ 1870 году, исполненъ самымъ искреннимъ горячимъ сочувствіемъ къ этой сторонѣ отечественнаго законодательства. Въ своемъ предисловіи онъ пишетъ: „русское общество, призванное новѣйшими великими реформами къ самостоятельной полицейской дѣятельности, уже успѣло не только поставить новые совершенно вопросы, но и направить надлежащее ихъ разрѣшеніе. Немного лѣтъ дѣйствующія земскія собранія представляютъ многіе труды, мало еще разсмотрѣнные. Изучить эту полицейскую дѣятельность общества рядомъ съ полицейскою дѣятельностью правительства и разъяснить начала, связывающія въ самомъ законодательствѣ эти двѣ вѣтви органически, было задачею моего труда“. Проф. Андреевскій далъ впервые полную научную систему полицейскаго права въ Россіи, онъ-же одинъ изъ первыхъ принялся за разработку того обширнаго матеріала, который представляетъ дѣятельность земства, и при томъ не съ точки зрѣнія исключительнаго преклоненія передъ тѣмъ, что дѣлаетъ новое земство, но съ достойнымъ критическимъ анализомъ, указывая и недостатки этой дѣятельности, и возможность болѣе плодотворнаго ея развитія.

Благодаря усиліямъ проф. Андреевскаго и его авторитету, было положено въ университетѣ начало библіотеки земскихъ изданій. Сдѣлавъ въ имп. вольно-экон. обществѣ сообщеніе о необходимости болѣе близкаго ознакомленія съ земскою дѣятельностью и предложивъ для этой цѣли ежегодное, съ 1876 года, изданіе „Земскаго Ежегодника“, И. Е. Андреевскій сдѣлался редакторомъ этого ежегодника за первый годъ его существованія; по его плану слѣдовало еще издать общій сводъ дѣятельности земствъ за первое десятилѣтіе ихъ существованія, но этого не послѣдовало. Вопросы мѣстнаго управленія были излюбленными для уважаемаго профессора еще со времени его докторской диссертаціи „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“ (1864 г.), въ которой онъ прекрасно сопоставляетъ три эпохи въ развитіи мѣстнаго управленія; къ тому-же вопросу возвращается онъ въ Сборникѣ госуд. знаній, въ редактированіи котораго съ акад. Влад. Павл. Безобразовымъ онъ участвовалъ, въ статьѣ своей „О реформѣ исполнительной полиціи въ Россіи“ (т. V, 1878 г.)

„Самый важный элементъ, который должна провести реформа, это—открытіе возможности для созданія такой полицейской административной практики, при которой могла-бы родиться гармонія полицейской дѣятельности общины (села и волости), земства и органовъ земской полиціи“.

Достиженіе этой цѣли онъ видитъ въ поставленіи для должности губернатора „опредѣленнаго ценза политическаго образованія и постепенное подниманіе этого ценза“, что дастъ возможность установить впослѣдствіи опредѣленный подобный-же цензъ и для должностей уѣзднаго исправника, и становаго пристава. Любимыя мысли свои о мѣстномъ управленіи мечталъ провести покойный профессоръ и въ комиссіи статсъ-секретаря Каханова, въ которую онъ былъ приглашенъ и въ трудахъ которой онъ принималъ самое горячее участіе.

Создавая ученіе объ управленіи, Ив. Еф. Андреевскій особенно интересовался тѣмъ, что было ближе всего его собственному административному положенію: для него были дороги судьбы народнаго просвѣщенія въ Россіи, вопросы образованія, болѣе всего—высшаго, университетскаго. Въ отношеніяхъ проф. И. Е. Андреевскаго къ родному университету кроется цѣлая эпопея, и величаво выдвигается личность покойнаго во всѣхъ его дѣлахъ, навсегда занесенныхъ въ хронику с.-петербургскаго университета. На похоронахъ проф. Андреевскаго группа студентовъ (прибавимъ, лично мало знавшихъ покойнаго,—со времени его оставленія должности ректора, въ 1887 г., прошло четыре года) возложила вѣнокъ съ надписью: „идеальному ректору, любимому профессору и честному человѣку“, и этимъ прекрасно охарактеризовала университетскую его дѣятельность. Три университетскихъ устава пережилъ Ив. Еф.; дольше всего дѣйствовалъ при господствѣ устава 1863 года, въ составленіи котораго и самъ участвовалъ; прошелъ всѣ ступени профессорской и административной іерархіи въ университетѣ, и всегда во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявлялъ одно и то-же неизмѣнное стремленіе къ чести и благу университета, въ которомъ онъ видѣлъ залогъ просвѣщенія Россіи.

Въ 1855 году, февраля 13-го, выступилъ молодой магистръ государственнаго права на университетской каѳедрѣ преподава-

телемъ русскаго государственнаго права, и въ 1887 г., мая 28-го, покинулъ университетъ заслуженный профессоръ, докторъ государственнаго права, занимавшій должность ректора съ 1883 г. (октября 3-го). Въ эти тридцать два года своего служенія университету, сдѣлалъ многое Ив. Еф. Андреевскій. При вступленіи его въ факультетъ, науки политическія были представлены весьма слабо въ юридическомъ факультетѣ, а со смертью К. А. Неволина то-же можно было сказать и о знаніяхъ юридическихъ. И вотъ начинается составленіе юридическаго факультета, въ которомъ вліяніе Ив. Еф., безспорно, играло наиболѣе выдающееся мѣсто. При немъ, и благодаря во многомъ его стараніямъ, юридическій факультетъ становится на небывалую высоту; привлекаются новыя силы и изъ другихъ университетовъ, уже опытные преподаватели; приготовляются воспитанники самого факультета и составъ его обогащается рядомъ славныхъ именъ; при уставѣ 1863 г. часто вліяли на систему закрытыхъ баллотировокъ и побочныя соображенія, помимо научнаго значенія лица и его пользы для преподаванія; никогда проф. Андреевскій не выступалъ на этотъ скользкій путь — онъ могъ ошибаться, но для него всегда на первомъ мѣстѣ стояла забота объ увеличеніи научныхъ силъ факультета. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ навсегда и свое научное значеніе, и свое обаяніе относительно студентовъ, безграничнымъ довѣріемъ которыхъ онъ пользовался. И по служебному своему положенію, какъ секретарь факультета сперва (съ 1856 г.), потомъ какъ членъ университетскаго суда (1861, 1863—1869 гг.) имѣлъ профес. Андреевскій постоянныя сношенія со своими слушателями, но, сверхъ того, онъ живо интересовался и самъ ихъ успѣхами, велъ весьма часто практическія занятія по своему предмету, разбиралъ важнѣйшія явленія литературы, приглашалъ и на домъ для собесѣдованія. Въ тяжелое для университета время его закрытія въ 1861 г. и суда надъ виновными студентами, проф. Андреевскій, какъ членъ университетскаго суда и уполномоченный университета, оказалъ весьма много услугъ разъясненію дѣла и смягченію участи многихъ студентовъ, особенно въ виду своихъ сношеній съ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ. Въ юридическомъ факультетѣ

долго игралъ Ив. Еф. роль посредника, всѣми уважаемаго, къ которому обращались студенты не только съ научными вопросами, но и просто за совѣтомъ въ трудномъ житейскомъ дѣлѣ. Но особенно выяснилось значеніе Ив. Еф. въ должности ректора,—онъ напомнилъ собою средневѣковыхъ представителей университета, какъ Universitatis magistrorum et discipulorum: одинаково дороги его сердцу были интересы каждаго изъ студентовъ, равно стоялъ онъ на стражѣ университета, кого-бы ни касалось дѣло — преподающихъ или студентовъ. Въ высшей степени доступный, онъ выслушивалъ всѣ заявленія, старался удовлетворить всѣмъ разумнымъ и законнымъ желаніямъ, выражая такимъ образомъ на практикѣ осуществленіе одного изъ главныхъ положеній полицейской науки.

Нельзя не отмѣтить при этомъ замѣчательно симпатичное, сердечное отношеніе ко всѣмъ обращающимся къ нему; Ив. Еф. настолько владѣлъ собою, что ни усталость, ни раздраженіе, ни даже разстройство, которыя онъ могъ чувствовать, ничѣмъ не выражались въ его сношеніяхъ: всегда одинаково привѣтливо встрѣчалъ и провожалъ онъ имѣющаго до него нужду; со студентами-же его нѣжность, другаго слова я не могу найти, въ сношеніяхъ доходила до того, что казалось, что отецъ бесѣдуетъ съ дорогимъ его сердцу сыномъ; все, что было въ силахъ ректора, всегда было къ услугамъ учащейся молодежи.

Высоко цѣня культурное значеніе университета, Ив. Еф. давалъ особенное значеніе объединенію всего ученаго персонала университета и видѣлъ наилучшее тому выраженіе въ университетскомъ совѣтѣ, и при уставѣ 1863 года, и позже, при дѣйствующемъ 1884 года, онъ всегда искалъ опоры, поддержки въ совѣтѣ и никогда не рѣшался на какую-нибудь мѣру, не обратившись предварительно къ совѣту. И не только оффиціальными были отношенія большинства членовъ совѣта къ ректору: въ его комнатѣ въ университетѣ собирались и профессора между лекціями, и послѣ совѣтовъ охотно продолжалась многими дружеская бесѣда за чайнымъ столомъ ректора. Безпристрастіе ректора было всѣмъ извѣстно, въ своихъ рѣшеніяхъ онъ руководился лишь благомъ университета, забывая все личное. Все свое время посвящалъ университету Ив. Еф. и только краткій

двухмѣсячный лѣтній отпускъ прерывалъ его неустанную дѣятельность. Всѣ учрежденія, близкія университету, были дороги его сердцу, такъ, особенно, общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, дѣятельность котораго столь часто сталкивалась съ помощью самого ректора. Постоянно безпокоился онъ объ увеличеніи средствъ этого общества и первый обратилъ вниманіе совѣта на необходимость удѣлять изъ гонорара профессоровъ извѣстную для того часть.

Много заботился Иванъ Ефимовичъ и о внѣшнемъ расширеніи университета ради его научныхъ цѣлей: устройство новыхъ аудиторій, перенесеніе библіотеки, осуществившееся уже послѣ его смерти, сооруженіе новой химической лабораторіи были задуманы имъ.

И высоко цѣнили эту любовь проф. Андреевскаго къ родному университету всѣ, кому дороги были интересы университетскіе: ежегодно день 8-го февраля былъ торжественнымъ чествованіемъ излюбленнаго ректора; начиналось оно на актѣ, какъ только вступалъ онъ на каѳедру для того, чтобы, по обычаю, имъ установленному, прочитать о трудахъ студентовъ, получающихъ медали; долго не смолкали восторженныя рукоплесканія; а затѣмъ весь день, и особенно товарищескій обѣдъ бывшихъ студентовъ, были отмѣчены рядомъ овацій ректора: привѣтствовали его и давно покинувшіе стѣны университета, видѣвшіе въ его лицѣ выраженіе вѣчно юной многообѣщающей идеи нашей almae matris, съ восторгомъ принимали его и студенты, имѣвшіе въ немъ нѣжнаго, заботливаго попечителя о своихъ нуждахъ, и вездѣ находчивое, веселое, но вдумчивое слово ректора находило отголосокъ въ душѣ каждаго слушателя; вечеромъ онъ возвращался, измученный физически, но свѣтлый и радостный душою. Немногимъ суждено переживать такіе дни, но Иванъ Ефимовичъ Андреевскій подвергался такому восторженному пріему не только всѣ годы, пока онъ былъ и оффиціальнымъ представителемъ университета, и прежде, какъ популярный профессоръ, и послѣ своего удаленія изъ университета, какъ бывшій его дѣятель, испытывалъ онъ то-же отношеніе. Масса телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи была ему лично адресована. Онъ являлся выразителемъ симпатій къ универси-

тету весьма многихъ, разсѣянныхъ по всей русской землѣ, его питомцевъ.

Если въ университетѣ была извѣстна дѣятельность Ив. Еф. не только Россіи, но и Европѣ, въ виду частыхъ сношеній съ западными университетами и учеными, то скромною, сравнительно, но не менѣе плодотворною представляется эта дѣятельность въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Замѣнивъ въ 1855 году знаменитаго К. А. Неволина, проф. Андреевскій успѣлъ сдѣлать весьма многое по преподаванію энциклопедіи и исторіи русскаго права въ училищѣ. Онъ умѣлъ возбудить интересъ къ своимъ чтеніямъ: на школьной скамьѣ, въ третьемъ классѣ училища, задумывались планы дальнѣйшихъ работъ воспитанниковъ, восторженно слушавшихъ краснорѣчиваго лектора, когда передъ ихъ глазами проходили одна за другою стройною чередою картины минувшаго юридическаго строя Россіи. Идеальное въ правѣ находило себѣ выраженіе въ его энциклопедіи, прекрасно подготовлявшей къ слушанію важнѣйшихъ юридическихъ дисциплинъ. Да и вообще самый складъ ума Ивана Ефимовича Андреевскаго былъ склоненъ къ идеализаціи: любилъ онъ все человѣчество и часто идеализировалъ такія явленія и положенія, которыя казались съ перваго взгляда совсѣмъ того не заслуживающими, но проф. Андреевскій умѣлъ находить ихъ симпатичныя стороны и, слушая его, невольно приходилось становиться на его точку зрѣнія. Русское общество охраненія народнаго здравія, въ которомъ покойный дѣйствовалъ со времени его основанія, какъ предсѣдатель секціи школьной гигіены, а позже какъ вице-предсѣдатель всего общества, служитъ наилучшимъ доказательствомъ, какъ умѣлъ поставить новое дѣло проф. Андреевскій, благодаря тому горячему душевному отношенію, которое онъ обнаруживалъ во всякомъ интересующемъ его дѣлѣ: устройство дѣтскихъ лечебныхъ колоній, организація школы кухоннаго искусства, а главное—постоянное прогрессивное развитіе всѣхъ работъ „Общества“ были результатомъ его неутомимой кипучей дѣятельности. Онъ вызывалъ къ жизни новыя силы, изыскивалъ средства, твердо вѣря въ будущность дѣла. Заботы о проведеніи въ нашемъ обществѣ здравыхъ началъ гигіены, о предупрежденіи многихъ опасностей, угрожающихъ жизни чело-

вѣка, живо его интересовали; и въ своемъ курсѣ, и въ своихъ рефератахъ, и лекціяхъ въ обществѣ, какъ и въ печатныхъ трудахъ общества неоднократно проводитъ Ив. Еф. свои мысли о борьбѣ съ разными болѣзнетворными началами путемъ ихъ предупрежденія.

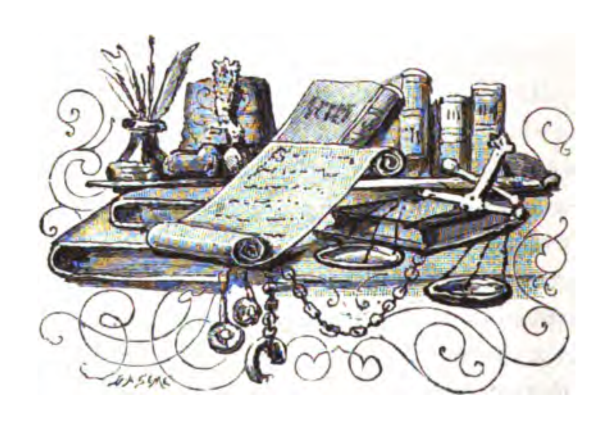
Столь незамѣтно и быстро подкравшаяся къ нему смерть какъ-бы хотѣла доказать, что всѣ заботы, предупреждающія смертность въ массѣ, безсильны въ единичныхъ случаяхъ. Неопасная въ началѣ простуда, не смотря на самый тщательный медицинскій уходъ, свела въ могилу того, кто такъ бодро боролся со смертью для другихъ, обезпечивая санитарныя условія современнаго общества.

Въ лицѣ Ив. Еф. Андреевскаго угасъ доблестный представитель науки въ русскомъ обществѣ: не той науки академической, которая безстрастно и свысока смотритъ на окружающую земную обстановку, но науки, идущей нераздѣльно съ общественною жизнью, ея не чуждающейся. Всегда отзывчивый на всякій представляемый жизнью запросъ, Иванъ Ефимовичъ былъ дорогимъ сотрудникомъ по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, къ разработкѣ которыхъ онъ привлекался (законы о печати, реформа духовныхъ академій, реформа университетовъ въ 1863 г., преобразованіе военно-учебныхъ заведеній и мн. друг.).

Лѣтомъ, отдыхая отчасти отъ своихъ постоянныхъ служебныхъ занятій, Ив. Еф. старался внести и въ ту сельскую обстановку, въ которой онъ находился послѣдніе годы своей жизни (Харьковской губ., Зміевскаго уѣзда, хуторъ въ 300 слишкомъ десятинъ „Приволье“), тѣ здравыя (полицейскія) начала жизни и хозяйства, которыя его интересовали. Медленно, не спѣша, но вѣрно шелъ почтенный ученый къ намѣченной цѣли въ своихъ изслѣдованіяхъ и печатныхъ произведеніяхъ. Замѣчательная добросовѣстность изслѣдованія, логичность и послѣдовательность выводовъ отличаютъ все вышедшее изъ-подъ пера проф. Андреевскаго, а увлекательная, живая, остроумная рѣчь еще возвышала прелесть всего, что онъ передавалъ лично. Въ области юридической науки онъ относится къ достойнѣйшимъ представителямъ стараго историческаго направленія, но я думаю, что по отношенію къ нему съ полною справедливостью можно

привести тотъ доводъ, которымъ онъ самъ объясняетъ избраніе „лучшихъ людей“ на „вѣрныя должности“ въ московскій періодъ: „красота городу старые мужи“. И, дѣйствительно, гдѣ-бы ни поставила судьба проф. Ив. Еф. Андреевскаго, онъ украшалъ собою то дѣло, въ которомъ участвовалъ. Миръ праху твоему, незабвенный дѣятель, многихъ и многому доброму научившій.

Профессоръ **С. В. Ведровъ.**



ВСЕВОЛОДЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ КОХОВСКІЙ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи членовъ Педагогическаго музея въ полугодовой день кончины В. П. Коховскаго

1-го декабря 1891 г.

I.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Человѣческія общества развиваются постепенно, послѣдовательно, безостановочно, безъ перерыва. Этотъ незамѣтный ростъ иногда ускользаетъ даже отъ подготовленнаго наблюдателя: общество, какъ будто, находится въ застоѣ, въ состояніи дремоты; но уже a priori можно заключить, что этотъ сонъ только кажущійся, что процессъ развитія продолжается и что наступитъ благопріятный моментъ—и незримая духовная дѣятельность проявится съ тѣмъ бóльшею силою, чѣмъ продолжительнѣе былъ видимый отдыхъ.

Такимъ пробужденіемъ для русскаго общества была эпоха конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ. Правительство, а за нимъ и общество сознали потребность новыхъ порядковъ, новыхъ общественныхъ формъ. Мысль крѣпла, развивалась логично, и дѣятельность во всѣхъ сферахъ нашей жизни закипѣла съ лихорадочною поспѣшностью, какъ-бы стараясь наверстать потерянное время. Увлеченіе было всеобщее, подъемъ духа высокій.

Среди массы вопросовъ, предъявленныхъ самою жизнью,

возникавшихъ естественнымъ путемъ и поднятыхъ искусственно, вопросъ объ образованіи и общества и народа выдвинулся на первый планъ. Признавалось всѣми, что реформы тогда только могутъ быть жизненными, плодотворными, когда къ нимъ будутъ относиться сознательно всѣ—отъ тѣхъ, кому выпало на долю проводить ихъ въ жизнь, до тѣхъ, для кого онѣ предназначались; что общество, на какой-бы высокой ступени развитія ни находилось, роковымъ образомъ отражаетъ на себѣ невѣжество массъ; что чѣмъ прочнѣе культура, чѣмъ она равномѣрнѣе распространена въ народѣ, тѣмъ выше уровень образованія массъ.

Благодаря этимъ взглядамъ, усвоеннымъ всѣмъ классомъ образованныхъ людей, преобразованіе коснулось высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, которыя въ теченіе короткаго промежутка времени по нѣскольку разъ измѣнили свой внутренній строй, а нѣкоторыя даже и свой типъ. Благодаря тѣмъ-же стремленіямъ, возникла, развилась и достигла процвѣтанія и начальная народная школа.

Военное министерство, наиболѣе испытавшее несостоятельность существовавшихъ тогда порядковъ, необыкновенно отзывчиво откликнулось на насущныя потребности и съ рвеніемъ принялось за преобразованіе арміи, военно-учебныхъ заведеній, а съ сокращеніемъ сроковъ службы нижнихъ чиновъ—устройствомъ полковыхъ школъ оно значительно содѣйствовало распространенію грамотности среди народа. Кадетскіе корпуса преобразуются въ военныя гимназіи, имъ придается типъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній реальнаго характера; въ нихъ обращается особое вниманіе на методъ преподаванія, признается важное значеніе, особенно въ младшихъ классахъ, принципу наглядности. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ корпусовъ кладется основаніе педагогической библіотеки, педагогическаго музея наглядныхъ пособій, основываются педагогическіе курсы при второй военной гимназіи и учительская семинарія военнаго вѣдомства въ Москвѣ для подготовки учителей; позднѣе при педагогическомъ музеѣ устраиваются чтенія для нижнихъ чиновъ и вмѣстѣ съ ними чтенія для народа.

Съ развитіемъ Педагогическаго музея и народныхъ чтеній тѣсно связано имя перваго его директора, Всеволода Порфирьевича Коховскаго, почтить память котораго мы и собрались сегодня.

II.

Всеволодъ Порфирьевичъ родился 2-го марта 1835 года, образованіе свое получилъ въ Дворянскомъ полку. 18-тилѣтнимъ юношею онъ былъ произведенъ въ офицеры 13-го августа 1853 г. въ 5-й стрѣлковый баталіонъ и чрезъ мѣсяцъ отправляется въ дѣйствующую армію, гдѣ, состоя въ отрядѣ генералъ-адъютанта Лидерса, участвуетъ въ переправѣ черезъ Дунай, въ движеніи нашихъ войскъ на Силистрію, въ осадѣ этой крѣпости и въ отступленіи арміи въ предѣлы Россіи. Во время наступательнаго движенія на Силистрію и во время ея осады Всеволодъ Порфирьевичъ былъ въ дѣлахъ противъ турокъ, и при отраженіи ихъ вылазокъ имѣлъ случай выказать храбрость и хладнокровіе.

Пылкій и воспріимчивый, только-что оставившій школьную скамью, проникнутый вѣрою въ силу и могущество Россіи, наэлектризованный тогдашнимъ общественнымъ настроеніемъ, что мы непобѣдимы, что мы врага шапками закидаемъ, онъ долженъ былъ вынести горькое разочарованіе изъ этого, съ небольшимъ годъ, продолжавшагося похода.

Вернувшись въ Петербургъ, онъ тотчасъ-же переходитъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Сильное одушевленіе, охватившее все мыслящее и чувствующее, послѣ коронованія Ихъ Величествъ, стремленіе къ свѣту и знанію увлекло и В. П. Коховскаго. Онъ серьезно занялся самообразованіемъ, учился, много читалъ и въ 1860 г. поступилъ въ Николаевскую Академію генеральнаго штаба.

Окончаніе курса въ академіи, въ 1862 г., совпало съ тѣмъ временемъ, когда поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній и когда предварительныя работы близились уже къ концу.

Все общество, но особенно военные, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за развитіемъ этого преобразованія; все молодое, живое, мыслящее было на сторонѣ реформы. Наиболѣе воспріимчивые готовы были посвятить свою дѣятельность на воспитаніе подрастающаго поколѣнія, пробудить въ немъ любовь къ знанію, къ труду, подготовить его къ дальнѣйшему самообразованію.

Черезъ два съ половиною мѣсяца, по окончаніи курса въ академіи, В. П. прикомандировывается къ Павловскому кадетскому корпусу, а черезъ полгода назначается командиромъ первой роты. Когда-же Павловскій корпусъ былъ упраздненъ и изъ него было образовано Павловское военное училище, онъ былъ перечисленъ въ училище, съ утвержденіемъ въ должности ротнаго командира. Но строевая служба въ училищѣ, мало чѣмъ отличающаяся отъ службы въ полку, не удовлетворяла В. П. Онъ искалъ болѣе широкой дѣятельности и, спустя полгода послѣ назначенія его ротнымъ командиромъ, онъ уже хлопочетъ о болѣе педагогическихъ занятіяхъ. 14-го апрѣля 1864 г. онъ получаетъ назначеніе состоять при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній для приготовленія къ занятію должности инспектора классовъ.

Выдающіяся способности вновь причисленнаго къ управленію обращаютъ на себя вниманіе главнаго начальника, и въ февралѣ 1865 г. онъ предлагаетъ В. П. занять мѣсто начальника втораго, т. е. учебнаго, отдѣленія. Это предложеніе вполнѣ отвѣчало желаніямъ В. П. Въ періодъ проведенія преобразованій военно-учебныхъ заведеній въ жизнь, при возникновеніи военныхъ гимназій, съ ихъ своеобразнымъ курсомъ, съ введеніемъ новыхъ методовъ, при томъ живомъ отношеніи всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу воспитанія и обученія, когда стремились рѣшать вопросы не по буквѣ устава, а по его существу, роль начальника учебнаго отдѣленія, въ рукахъ котораго сосредоточивалось учебное дѣло всѣхъ заведеній, могла быть выдающеюся. Имѣя докладъ у главнаго начальника, онъ могъ направлять, объединять воспитательное и учебное дѣло. Такъ и понималъ В. П. задачи занятой имъ должности. Получая отчеты военныхъ гимназій и прогимназій, журналы педагогическихъ и воспитательныхъ комитетовъ, характеристики воспитанниковъ, онъ дѣлалъ изъ нихъ выдержки, группировалъ ихъ, освѣщалъ съ тѣмъ, чтобы руководить, и помѣщалъ въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ подъ псевдонимомъ Нуо.

Въ ноябрѣ 1868 г., по предложенію В. П., главный начальникъ приказалъ при главномъ управленіи образовать, подъ предсѣдательствомъ полковника Коховскаго, комиссію, которой было поручено выработать общую инструкцію по воспитательной части военныхъ гимназій и прогимназій.

Приступая къ своей работѣ, комиссія предварительно обсудила вопросъ, какой характеръ должна носить эта инструкція, и остановилась на томъ, что она должна объяснить основы воспитательнаго дѣла, дать каждому дѣятелю возможность сообразить, что̀ именно отъ него требуется и насколько всякая принимаемая имъ мѣра цѣлесообразна, а не упорядочивать внѣшнее проявленіе жизни учебно-воспитательнаго заведенія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она закрѣпила-бы за заведеніями только извѣстныя внѣшнія формы веденія дѣла, по существу своему весьма подвижныя; основы-же попрежнему оставила-бы неуясненными.

Работа этой комиссіи, состоявшей изъ выдающихся педагоговъ того времени, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ серьезно смотрѣли тогда на задачи воспитанія и какія высокія требованія предъявляли тѣмъ, которые желали посвятить себя этому трудному и отвѣтственному дѣлу. По трудамъ этой комиссіи мы можемъ судить и о взглядахъ В. П. Коховскаго на дѣло воспитанія, такъ какъ взгляды предсѣдателя, притомъ живаго и энергичнаго, не могли не отразиться на работѣ комиссіи.

Въ то-же время его интересуетъ и учебное дѣло. Принципъ наглядности, получившій право гражданства въ преподаваніи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, требовалъ наглядныхъ пособій. Чѣмъ эти пособія цѣлесообразнѣе и доступнѣе для пріобрѣтенія, тѣмъ съ бо̀льшею успѣшностью этотъ принципъ могъ примѣняться въ жизни учебныхъ заведеній.

Генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ, ставшій во главѣ военно-учебныхъ заведеній, при возникновеніи мысли объ ихъ преобразованіи, своимъ просвѣщеннымъ умомъ ясно понималъ значеніе хорошихъ пособій для успѣшнаго преподаванія. По его почину, 9-го февраля 1864 г., было положено основаніе педагогической библіотеки и педагогическаго музея. Н. И. Константиновъ, въ іюлѣ 1865 г. опредѣленный на должность библіотекаря и завѣдующаго музеемъ, приложилъ особую заботу о пополненіи музея и о приведеніи въ систему имѣвшихся въ немъ пособій, такъ что въ 1866 г. уже представилась возможность устроить первую въ Россіи педагогическую выставку.

Но В. П. Коховскому казалось, что и пополненіе музея идетъ не достаточно быстро, и извѣстность музея среди родителей,

воспитателей, преподавателей — недостаточно распространенна. И вотъ, чтобы познакомить и съ пособіями и съ ихъ употребленіемъ болѣе широкій кругъ лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ, онъ рѣшается воспользоваться всероссійскою мануфактурною выставкою 1870 года, устроенною въ зданіи Солянаго Городка.

Получивъ отъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній порученіе организовать участіе музея въ выставкѣ, В. П. пополнилъ пособія музея коллекціями, взятыми у петербургскихъ, а также у нѣкоторыхъ провинціальныхъ военныхъ гимназій, привлекъ къ участію въ выставкѣ книжные магазины Глазунова, Меллье, Шмицдорфа, картографическое заведеніе Ильина, эстампный магазинъ Беггрова и нѣкоторыхъ производителей учебныхъ пособій, привелъ всѣ выставленные предметы въ строгій порядокъ; при помощи преподавателей военныхъ гимназій составилъ описаніе ихъ и издалъ довольно объемистый „Каталогъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій педагогическаго отдѣла военнаго министерства. Выставка 1870 г.“.

Въ сравнительно короткое время, только благодаря неусыпнымъ трудамъ устроителя, его энергіи, его ясному и быстрому пониманію, педагогическій отдѣлъ военнаго министерства былъ составленъ въ такой полнотѣ и строгой системѣ, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Одно изданіе объяснительнаго каталога было важною услугою дѣлу обученія. Здѣсь были поименованы съ обозначеніемъ цѣнъ, съ краткою, но обстоятельною оцѣнкою пособія, примѣнимыя на всѣхъ ступеняхъ обученія и воспитанія, употребляемыя и въ до-школьный періодъ, и въ дѣтскихъ садахъ, и въ начальной школѣ, и въ среднемъ общеобразовательномъ заведеніи. При пособіяхъ, трудно объяснимыхъ словами, были приложены чертежи, такъ что этотъ каталогъ давалъ возможность, при устройствѣ начальной или средней школы, сдѣлать правильный выборъ всѣхъ необходимыхъ пособій.

Но В. П. не довольствовался такимъ полнымъ успѣхомъ, онъ смотрѣлъ шире на свою задачу, ему хотѣлось провести въ жизнь пользованіе учебными пособіями, вызвать производство въ Россіи тѣхъ пособій, которыя до того времени получались исключительно изъ-за границы, при чемъ удешевить ихъ насколько

возможно. Для достиженія этой послѣдней цѣли, пользуясь выставкою, онъ вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ производителями, и по его указаніямъ, даннымъ имъ моделямъ и чертежамъ, употребляя, гдѣ можно, болѣе дешевый матеріалъ, стали приготовлять пособія вдвое-втрое дешевле, чѣмъ это было до тѣхъ поръ.

Начало было положено. Надо было удержать это дѣло въ своихъ рукахъ. Для этой цѣли состоялся приказъ главн. начальника военно-учебныхъ заведеній, отъ 9-го ноября 1870 г., за № 44.

„Для дальнѣйшаго успѣха и развитія Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, учреждается при главномъ управленіи сихъ заведеній постоянная комиссія, подъ предсѣдательствомъ полковника Коховскаго, изъ членовъ постоянныхъ: члена педагогическаго комитета коллежскаго секретаря Весселя и завѣдующаго педагогическою библіотекою и музеемъ надворнаго совѣтника Константинова, и временныхъ—изъ лицъ учебно-воспитательнаго состава петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній, по приглашенію комиссіи. Въ засѣданія комиссіи могутъ быть приглашаемы и постороннія лица, если это будетъ признано необходимымъ для пользы дѣла".

Дѣлопроизводителемъ комиссіи былъ назначенъ Н. П. Животовскій.

III.

Съ учрежденіемъ постоянной комиссіи при Педагогическомъ музеѣ, Всеволодъ Порфирьевичъ, какъ предсѣдатель ея, сдѣлался полнымъ хозяиномъ всего дѣла.

Первою его заботою было, по возможности, пополнить музей, собравъ, по крайней мѣрѣ на первое время, всѣ тѣ предметы, которые были описаны и поименованы въ каталогѣ 1870 г. При этомъ его старанія были направлены на то, чтобы эти пособія были русскаго приготовленія; гдѣ представлялась возможность, съ ними рядомъ помѣщали для сравненія пособія, полученныя изъ-за границы, обозначая цѣны тѣхъ и другихъ.

Но собираніе и систематизація пособій, по мысли предсѣдателя постоянной комиссіи, не должны быть цѣлью,—они только

средства, при помощи которыхъ музей долженъ знакомить посѣтителей, педагоговъ и учебныя заведенія, какъ должно быть обставлено преподаваніе для достиженія болѣе плодотворныхъ результатовъ. А потому, какъ только музей достигъ извѣстной полноты, В. П. приступилъ къ устройству публичныхъ чтеній по методикѣ общеобразовательныхъ предметовъ въ примѣненіи къ употребленію наглядныхъ пособій и публичныхъ бесѣдъ для дѣтей при помощи тѣхъ-же пособій. Всѣхъ чтеній въ 1871 г. было девятнадцать.

При осуществленіи этой мысли встрѣтились большія затрудненія: залъ главнаго управленія, гдѣ чтенія происходили, былъ малъ; пособія къ каждому чтенію приходилось переносить изъ музея въ помѣщеніе главнаго управленія, причемъ пособія портились, ломались. Съ пополненіемъ коллекцій музея помѣщеніе для нихъ оказалось недостаточнымъ, не было возможности ихъ размѣстить такъ, чтобы посѣтители съ полнымъ удобствомъ могли ихъ обозрѣвать и легко находить то, что желали видѣть. Благопріятныя обстоятельства помогли устранить эти неудобства.

Послѣ выставки 1870 г. явилась мысль устроить въ томъ-же Соляномъ Городкѣ постоянный музей прикладныхъ знаній. Генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ сочувственно отнесся къ этой мысли и своимъ вліяніемъ способствовалъ къ ея осуществленію. Въ концѣ 1871 г. былъ уже открытъ музей прикладныхъ знаній, педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній вошелъ въ составъ его, сохранивъ полную свою самостоятельность.

Теперь музей имѣлъ прекрасное, довольно обширное помѣщеніе, могъ пользоваться двумя залами для публичныхъ чтеній. Вмѣстѣ съ этимъ расширяются и планы Всеволода Порфирьевича. У него является мысль устроить чтенія для солдатъ и вмѣстѣ съ ними чтенія для народа. Получивъ одобреніе главнаго начальника и заручившись содѣйствіемъ тогдашняго градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова для осуществленія этихъ чтеній, В. П. дѣятельно сталъ подготовлять эти чтенія съ осени 1871 г. въ особо назначенной комиссіи, и когда Высочайше было разрѣшено, въ видѣ временной мѣры, открыть чтенія для народа въ аудиторіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, какъ обладающаго необходимыми для того пособіями, то 28-го декабря было прочтено первое чтеніе протоіерея В. Г. Пѣвцова: „О святой землѣ". Съ 28-го декабря по май 1872 г. было прочтено

84 чтенія и три публичныхъ лекцій, на которыхъ перебывало 24 тысячи слушателей.

Съ открытіемъ въ мартѣ 1872 г. при педагогическомъ музеѣ склада и магазина для продажи книгъ и наглядныхъ учебно-воспитательныхъ пособій, возникшаго по мысли В. П., онъ передаетъ этому учрежденію часть своихъ заботъ о пріисканіи производителей учебныхъ пособій и объ удешевленіи ихъ.

Московская политехническая выставка 1872 г. даетъ педагогическому музею случай предстать на судъ и на поученіе цѣлой Россіи. Явившись на выставку въ большой полнотѣ и системѣ, музей, дѣйствительно, произвелъ большое впечатлѣніе.

В. П. вполнѣ воспользовался благопріятными условіями, чтобы широко проявить свою дѣятельность. По приглашенію администраціи выставки, онъ организовалъ курсы для учителей начальныхъ школъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи, открылъ въ Москвѣ первую народную аудиторію рядомъ выработанныхъ комиссіею чтеній, устроилъ выставку пособій для семейнаго обученія и воспитанія, далъ примѣръ пользованія кустарнымъ производствомъ для приготовленія пособій. Для этой-же выставки былъ составленъ и изданъ объяснительный каталогъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій.

Испытавъ свои силы въ двухъ русскихъ выставкахъ, В. П. рѣшается выступить и передъ Европою. Въ 1874 г. онъ образуетъ особую географическую комиссію, которая должна была произвести оцѣнку пособій по географіи и космографіи, опредѣлить ихъ относительное достоинство, составить планъ преподаванія географіи въ начальныхъ школахъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, разработать нѣкоторые теоретическіе вопросы по преподаванію географіи. Эти работы предназначались для международной географической выставки въ Парижѣ въ 1875 г.

Занятія географической комиссіи шли необыкновенно дружно, одушевленіе среди членовъ было полное, и достигнутые результаты вознаградили за понесенные труды. Педагогическій музей заслужилъ высшую награду, а парижскій географическій конгрессъ отнесся съ полнымъ одобреніемъ къ работамъ музея и постановилъ выразить желаніе, „чтобы во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ были устроены педагогическіе музеи по образцу русскаго педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“.

Такой успѣхъ побуждаетъ В. П. тотчасъ-же по возвращеніи изъ Парижа дѣятельно готовиться одновременно къ тремъ международнымъ выставкамъ: къ гигіенической въ Брюсселѣ, къ педагогической въ Лондонѣ и къ всемірной въ Филадельфіи. При содѣйствіи производителей, музей былъ прекрасно обставленъ на всѣхъ трехъ выставкахъ, такъ что повсюду обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Для выставки въ Брюсселѣ школьно-гигіеническая комиссія, проработавшая пять мѣсяцевъ, создала гигіеническій кабинетъ, равнаго которому нѣтъ до сихъ поръ; а образцовый классъ, выработанный при особомъ участіи покойнаго А. П. Доброславина и Ѳ. Ѳ. Эрисмана, признанъ Брюссельскимъ конгресомъ, дѣйствительно, образцовымъ. Затѣмъ музей участвовалъ во всемірной парижской выставкѣ 1878 г., въ бельгійской національной 1880 г. и въ географической въ Венеціи 1881 года.

Путемъ этихъ выставокъ репутація педагогическаго музея была прочно установлена не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ.

Труды предсѣдателя постоянной комиссіи педагогическаго музея далеко, однако, не ограничивались работами, вызываемыми участіемъ въ той или другой выставкѣ. Когда, по высочайшему повелѣнію, 1-го апрѣля 1872 г., дѣло народныхъ чтеній было передано въ руки министра народнаго просвѣщенія, а музею было предоставлено право только продолжать народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ, В. П. обратилъ особое вниманіе на обстановку самыхъ чтеній, на приготовленіе картинъ, на улучшеніе и удешевленіе фонаря, на строгій выборъ самыхъ чтеній и на болѣе широкое распространеніе ихъ въ народѣ. Пріемы прилагались тѣ-же, что и при производствѣ пособій. Благодаря неутомимой настойчивости, эти заботы увѣнчались успѣхомъ. Волшебные фонари улучшены, и самые совершенные изъ нихъ теперь по цѣнѣ доступны почти каждому среднему учебному заведенію, картины по своему достоинству близки къ англійскимъ, а по дешевизнѣ могутъ конкурировать съ какими угодно заграничными; чтенія въ періодъ шестнадцати лѣтъ разошлись въ количествѣ милліона двухсотъ тысячъ экземпляровъ; въ музеѣ чтенія стали сопровождаться сперва пѣніемъ, а потомъ музыкою, что вызвало возникновеніе сперва классовъ хороваго пѣнія, а

потомъ музыкальныхъ, которые быстро развились. Нѣкоторыя чтенія по физикѣ и технологіи были обставлены такъ полно, такъ наглядно, какъ это можетъ сдѣлать только музей. Но сборъ съ народныхъ чтеній не покрывалъ расходовъ, съ ними сопряженныхъ, и для того, чтобы имѣть необходимыя средства, стали устраивать публичныя лекціи. Дѣятельность музея постоянно возрастала, усложнялась...

Съ 1881 г. она, однако, нѣсколько измѣняетъ свой характеръ: народныя чтенія какъ-бы отступаютъ на второй планъ, возникаютъ комиссіи по предметамъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, музей болѣе не участвуетъ въ заграничныхъ выставкахъ, онъ даже отказывается отъ участія въ двухъ московскихъ.

IV.

Посвящая свою рѣчь личности В. П. Коховскаго, я невольно принужденъ говорить о дѣятельности педагогическаго музея, такъ какъ на всей этой дѣятельности рѣзко отражается личность перваго директора, скажу болѣе, они составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, душою котораго былъ всегда Всеволодъ Порфирьевичъ. Въ двадцатилѣтній періодъ дѣятельности его въ этомъ учрежденіи до тысячи дѣятелей прошли черезъ различныя комиссіи, работавшія подъ его предсѣдательствомъ; одни приходили, другіе уходили, одни работали болѣе продолжительный періодъ, другіе—короткій, одни шли на эту работу безкорыстно, ради только дѣла, другіе руководились самыми разнообразными побужденіями и разсчетами; а онъ во весь этотъ двадцатилѣтній періодъ времени оставался одинъ, безсмѣнно у своего дѣла, ясно сознавая поставленныя имъ цѣли и твердо преслѣдуя ихъ, не смотря на препятствія и затрудненія, преодолѣвая или умѣло обходя ихъ, все и всѣхъ объединяя.

Обладая умомъ живымъ, воспріимчивымъ, воображеніемъ пылкимъ, онъ мыслилъ образами, увлекался самъ и увлекалъ своихъ сотрудниковъ, глубоко вѣрилъ въ жизненность своихъ начинаній и умѣлъ передавать свою вѣру тѣмъ, кому приходилось съ нимъ работать. Онъ умѣлъ не только привлекать, но и выбирать необходимыхъ для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей дѣятелей

умѣлъ ихъ очаровывать своею необыкновенною любезностью, полною благородства и чуждою всякой приторности; онъ входилъ въ виды и планы цѣннаго сотрудника, вполнѣ проникался его идеями, легко ихъ усваивалъ и такъ при этомъ незамѣтно на него дѣйствовалъ, что тотъ и не подозрѣвая являлся исполнителемъ завѣтныхъ желаній искренно уважаемаго предсѣдателя.

Чутко относился Всеволодъ Порфирьевичъ ко всѣмъ вопросамъ дня, занимавшимъ и волновавшимъ общество, и отзывчиво откликался на нихъ чтеніемъ, лекціею, докладомъ или бесѣдою. Онъ сочувствовалъ всему полезному, всему, что можетъ удовлетворить насущныя потребности общества, и съ полнымъ радушіемъ открывалъ двери музея, гостепріимно принимая лице, учрежденіе, кружокъ подъ эгиду музея. Но при такой доступности, при такомъ широкомъ гостепріимствѣ, онъ умѣлъ твердо, энергично отстаивать интересы музея, съ тактомъ настойчиво удалять все то, что могло-бы уронить достоинства музея, или причинить какую-либо опасность его существованію.

Влагая всѣ свои силы въ дѣятельность, которая должна была содѣйствовать процвѣтанію музея, создать его славу, онъ былъ чуждъ узкихъ цѣлей: на всякое свое начинаніе онъ смотрѣлъ широко, стремился осуществить такъ, чтобы оно служило не только музею, не только тому вѣдомству, къ которому музей принадлежалъ, не только Петербургу, но по возможности всему народу русскому, даже болѣе—всему человѣчеству.

Предсѣдателемъ онъ былъ идеальнымъ. При основательномъ многостороннемъ образованіи, при большой начитанности, при гибкости ума, онъ чрезвычайно легко вникалъ въ суть чужой мысли, даже при изложеніи предмета, мало ему знакомаго; свободно владѣя рѣчью, онъ всегда могъ изящно изложить все существенное, иногда яснѣе самого докладчика. Онъ такъ мягко, спокойно, щадя самолюбіе оратора, могъ остановить его во-время, приготовить ему почетное отступленіе, прекратить пренія, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда все за и противъ было высказано, сдѣлать точный выводъ и дать притомъ желаемое освѣщеніе. Его проницательность и находчивость не давали никому и никакому вопросу застать его врасплохъ: не теряясь, онъ могъ побѣдоносно отразить всякую непріятную неожиданность.

Трудолюбіе его было безгранично, стóитъ только взглянуть на массу отчетовъ, составленныхъ имъ о дѣятельности музея, обратить вниманіе на его занятія въ различныхъ засѣданіяхъ музея; однако, его работы по музею далеко не поглощали всего его времени. Какъ предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи, онъ присутствуетъ на экзаменахъ ищущихъ правъ на преподаваніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, посѣщаетъ пробные уроки; какъ членъ педагогическаго комитета при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, онъ участвуетъ въ его засѣданіяхъ; какъ состоявшій при главномъ начальникѣ, исполняетъ возлагаемыя на него порученія, присутствуетъ на экзаменахъ въ военныхъ училищахъ, ревизуетъ корпуса, предсѣдательствуетъ въ разныхъ комиссіяхъ, время отъ времени учреждаемыхъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ. Съ 1871 года по 1881 годъ онъ получилъ девять командировокъ: двѣ въ Москву и семь за-границу; съ 1879 по 1888 годъ восемь разъ командированъ для осмотра во всѣхъ частяхъ кадетскихъ корпусовъ, причемъ имъ осмотрѣно шестнадцать заведеній, въ томъ числѣ онъ два раза ѣздилъ въ Сибирь.

Такая усиленная дѣятельность надорвала его здоровье; у него не хватило силъ побороть серьезную болѣзнь, закравшуюся къ нему въ послѣднее время; безжалостная смерть унесла благороднаго, честнаго дѣятеля, жизнь свою положившаго въ излюбленное имъ дѣло....

Педагогическій музей и съ нимъ все русское общество понесли тяжелую утрату.

П. И. Роговъ.

От ъ Редакціи. Память Всеволода Порфирьевича Коховскаго была вполнѣ почтена въ стѣнахъ имъ устроеннаго и доведеннаго до высокой степени совершенства одного изъ наиполезнѣйшихъ учрежденій, каковъ есть и, надо надѣяться, каковымъ навсегда пребудетъ Педагогическій музей въ С.-Петербургѣ.

По приглашенію преемника В. П. Коховскаго, ген.-лейт. А. Н. Макарова, 1-го декабря 1891 года, въ полугодовой день кончины Всеволода Порфирьевича Коховскаго, было устроено торжественное собраніе членовъ Педагогическаго музея, при громадномъ стеченіи лицъ изъ всѣхъ слоевъ русскаго общества, знавшихъ и

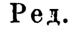
чтившихъ покойнаго. Была отслужена панихида, при пѣніи народнаго превосходнаго хора, созданнаго подъ сѣнью Педагогическаго музея; затѣмъ, послѣ вступительнаго слова ген.-л. А. Н. Макарова, открывшаго засѣданіе, четырьмя лицами, духовнымъ и свѣтскими, ближайшими сотрудниками покойнаго директора, были послѣдовательно сказаны краткія, но полныя содержательности и чувства рѣчи, всесторонне освѣтившія прекрасную личность Всеволода Порфирьевича и его многолѣтнюю, смертью лишь прерванную, дѣятельность.

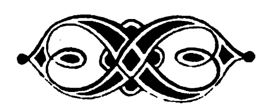
Эта угасшая жизнь дѣятеля, глубоко, горячо любившаго отечество и славный народъ, его населяющій, всецѣло была отдана дѣлу упроченія и развитія образованія въ этомъ народѣ.

Одинъ изъ достойныхъ друзей и сотрудниковъ В. П. Коховскаго, Павелъ Игнатьевичъ Роговъ, особенно хорошо освѣтилъ личность и дѣятельность покойнаго, и приведенная выше рѣчь, прекрасно, съ глубокимъ чувствомъ прочитанная г. Роговымъ, произвела сильное впечатлѣніе и была покрыта долго несмолкавшимися рукоплесканіями.

„Русская Старина“ глубоко чтила покойнаго В. П. Коховскаго и выразила свое уваженіе къ нему и къ учрежденію, можно сказать, имъ созданному,—„С.-Петербургскій Педагогическій музей“,— въ очеркѣ по поводу двадцатипятилѣтней годовщины этого учрежденія (см. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXI, стран. 645—658); тамъ-же приведены и біографическія свѣдѣнія о первомъ директорѣ музея.

„Русская Старина“ не одинъ еще разъ возвратится къ личности покойнаго Всеволода Порфирьевича [1]), такъ какъ это былъ полный представитель одного изъ тѣхъ учрежденій, которое мы безошибочно назвали, въ привѣтствіи, къ нему обращенномъ на торжествѣ 9-го февраля 1889 года, „однимъ изъ самыхъ дорогихъ свѣточей науки и знанія, и доколѣ будутъ горѣть таковые свѣточи яркимъ огнемъ, доколѣ огонь этотъ не ослабнетъ, дотолѣ каждый можетъ мириться съ недостатками настоящаго и съ надеждою взирать на лучшее будущее“ („Русск. Стар.“, изд. 1889 г.. т. LXI, стр. 654—655).


Ред.



[1]) Мы озаботились поручить одному изъ лучшихъ русскихъ художниковъ-граверовъ на мѣди исполнить портретъ В. П. Коховскаго, каковая гравюра и будетъ, по ея исполненіи, приложена къ „Русской Старинѣ“.

Ред.

Уваженіе Петра Великаго къ памятникамъ старины

1701 г.

Пораженіе русскихъ войскъ шведами при Нарвѣ имѣло послѣдствіемъ, какъ извѣстно, потерю всей нашей артиллеріи. Для продолженія борьбы съ Карломъ XII нужно было вновь ее создать, и для этого со стороны монарха были употреблены всевозможныя усилія и даже принята мѣра, дотолѣ неслыханная, именно повелѣно знатнымъ церквамъ и монастырямъ доставить въ Москву на Пушечный дворъ четвертую часть находящихся въ нихъ колоколовъ для перелитія ихъ въ пушки [1]). Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія, Троице-Сергіевъ монастырь прислалъ слѣдующую съ него часть колоколовъ, изъ которыхъ одинъ послужилъ предметомъ ниже помѣщаемаго доклада артиллерійскаго приказа:

„Въ нынѣшнемъ 1701 году, по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, велѣно быть у пріему колоколовъ четвертой части столнику Тимоѳею Кудрявцову. И февраля въ 6 день привезено ис Троицкого Сергіева монастыря болшіе колокола, пудъ по сту и болши; и ис тѣхъ колоколъ одинъ колоколъ

[1]) Кромѣ колоколовъ, повелѣно было на Пушечный дворъ прислать изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей „пивоваренные и квасоварные котлы и винокуренные кубы и иную мѣдную застойную посуду, опричь самыхъ нужныхъ поваренныхъ и столовыхъ судовъ“. **А. В.**

по подписи явился, что онъ литъ въ лѣто 6935-е [1]) при благочестивѣйшемъ великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ и при архіепископѣ Фотіи Кіевскомъ и всеа Росіи во обители преподобнаго отца Сергія при настоятелствѣ отца игумена-жъ Никона. И за такимъ подписаніемъ и древними лѣты тотъ колоколъ въ четвертую часть принимать-ли или впредь для памятства Троицкого Сергіева монастыря властямъ отдать и вмѣсто того колокола взять у нихъ, властей, въ четвертую часть иными колоколами или котелною мѣдью, и о томъ что великій государь укажетъ?

1701 г., марта въ 10 день, великій государь указалъ, по имянному своему государеву указу, тотъ колоколъ отдать имъ безъ зачету, и за тотъ колоколъ иной мѣди колокольной или какой не имать, и велѣть имъ тотъ колоколъ въ монастырѣ беречь. И о томъ къ нимъ послать государеву грамоту, а къ Тимоѳею Кудрявцову память".

На оборотѣ слѣдующая замѣтка: „1701-го, марта въ 10 день таково писмо подалъ столникъ Тимоѳей Кудрявцовъ выписать въ докладъ тотчасъ".

Колоколъ этотъ, какъ видно изъ приложенія къ статьѣ іеромонаха Арсенія: „О Царь-колоколѣ Святотроицкой Сергіевой лавры" (Записки отд. русск. и славянск. археологіи имп. русск. археологическаго общества, т. III, стр. 111), находится доселѣ во второмъ ярусѣ лаврской колокольни въ числѣ зазвонныхъ и, вѣроятно, тотъ самый, который въ описи 1642 г. названъ „колоколъ чюдотворцовъ, благовѣстятъ въ него въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ".

Сообщ. академ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

---

[1]) 1427 года отъ Р. Х.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСѢЕВНА,

ПИСЬМА ЕЯ КЪ КОМЕНДАНТУ ЦИГЛЕРУ

(1786 — 1787 гг.).

Въ помѣщаемыхъ далѣе трехъ собственноручныхъ письмахъ императрицы Екатерины II къ шлиссельбургскому коменданту Циглеру рѣчь идетъ о маіорѣ Карлѣ Герсдорфѣ, состоявшемъ при принцѣ Виртембергскомъ Фридрихѣ.

Принцъ Фридрихъ, братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, оставивъ прусскую службу, пріѣхалъ въ Россію въ 1782 г. и назначенъ былъ выборгскимъ генералъ-губернаторомъ. Пріѣхалъ онъ съ своею женою, Августою, рожденною принцессою Браупшвейгскою, съ которою жилъ не въ ладахъ. Домашнія несогласія ихъ кончились тѣмъ, что въ декабрѣ 1786 г. принцесса Августа обратилась къ заступничеству императрицы. Результатомъ этого было то, что принцъ Фридрихъ покинулъ тогда-же Петербургъ и уѣхалъ на родину, а принцесса Августа отправлена была въ Эстляндію, гдѣ и умерла 16-го сентября 1788 года.

Подробности объ этомъ можно найти въ моей книгѣ: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ" (3-е изд., 1887 г., стр. 314—321), и въ статьѣ г. Брикнера „Зельмира" („Ист. Вѣстн." 1890 г., №№ 8 и 9].

Герсдорфъ пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ принцемъ Фридрихомъ и тогда-же принятъ былъ въ русскую службу [1]); затѣмъ, когда въ декабрѣ 1786 года принцъ уѣхалъ изъ Петербурга, Герсдорфъ былъ арестованъ.

---

[1]) Сборникъ XVIII вѣка, изд. Бартенева. Москва, 1868 г., I, 403—404.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, кромѣ обвиненія въ жестокомъ обращеніи съ женою, надъ принцемъ Фридрихомъ тяготѣли обвиненія болѣе серьезнаго свойства. Петербургскій повѣренный князя Потемкина, Гарновскій, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ („Русская Старина“ 1876 г., т. XV, стр. 19), что въ Петербургѣ „стеченіе разныхъ обстоятельствъ подало поводъ шептать другъ другу въ уши, будто-бы принцъ имѣлъ съ шведскимъ дворомъ опасную здѣшнему государству переписку, о которой г. Шпренгпортенъ преподалъ ея имп. в—ву первое извѣстіе, и какъ графъ Ангальтъ ѣздилъ недавно въ Финляндію, то думаютъ, что и сей посыланъ былъ туда для того только, чтобы развѣдать обстоятельнѣе о подозрительныхъ дѣяніяхъ принца и о взятіи надлежащихъ противу оныхъ предосторожностей. Говорятъ, яко-бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся“.

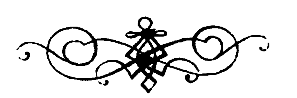
Первое письмо императрицы, которымъ она сообщаетъ Циглеру о пріемѣ арестанта, препровождаемаго къ нему комендантомъ петербургской крѣпости Чернышевымъ, помѣчено 29-го декабря 1786 года. Любопытно, что подъ этимъ-же числомъ Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что „говорено о принцѣ, что заслужилъ онъ кнутъ, ежели-бы не закрыли мерзкихъ дѣлъ его“.

Второе письмо, изъ Кіева, отъ 26-го марта 1787 г., содержитъ обѣщаніе императрицы, что заключеніе извѣстнаго арестанта продолжится не далѣе возвращенія ея изъ таврическаго путешествія.

Изъ путешествія этого императрица вернулась въ Царское Село 11-го іюля 1787 г., и третьимъ письмомъ, 11-го сентября того-же года, повелѣваетъ Циглеру, допустивъ къ Герсдорфу генералъ-адъютанта графа Ангальта, освободить его.

Затѣмъ, рескриптомъ князю Потемкину 15-го сентября 1787 г. (Сборн. И. Русск. Ист. Общ., XXVII, 423), Володимірскаго драгунскаго полка премьеръ-маіоръ Герсдорфъ отправленъ въ армію, для употребленія его къ службѣ въ полку, но, какъ собственноручно приписано императрицею, не присылая его въ столицы. Замѣчательно, что въ чинъ премьеръ-маіора онъ произведенъ въ этотъ-же день, 15-го сентября 1787 г., какъ-бы въ вознагражденіе за содержаніе въ крѣпости Дальнѣйшая его судьба мнѣ неизвѣстна. Въ послѣдній разъ имя его встрѣтилось мнѣ въ спискѣ воинскому департаменту на 1792 годъ (стр. 168), гдѣ онъ показанъ въ томъ-же чинѣ премьеръ-маіора Владимірскаго полка, сверхъ комплекта.

Ц. Ѳ. Кобеко.



I. [1]).

Шлиссельбурхской крепости коменданту и кавалеру полковнику фонъ Сиглеру.

Секрѣтнейше.

Господинъ шлиселбурхской крѣпости комендантъ фонъ Сиглеръ. Вручитель сего письма отдасть вамъ отправленнаго отъ Санктпетербурхской крѣпости оберкоменданта Чернышева, арестанта, котораго вы имѣетѣ принять и содержать въ Шлисселбурхской крѣпости подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ, не давая ему ни чернилъ, ни бумаги и не допуская до него никого, и старайтесь, чтобъ до возвращенія моего въ Санктпетербурхъ никто объ немъ не узналъ.

При семъ посылаю къ вамъ двѣсти рублей, изъ которыхъ имѣетѣ ему производить на день пищи и питья безъ излишества, по вашему усмотреніе. О его же состояніе и содержаніе репортуйте прямо ко мнѣ двоижде въ месяцъ, аддрессуя ваши репорты ко мнѣ, въ пакѣтѣ къ Почтъ-директору Эка въ Санктпетербурхъ.

Въ прочемъ пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Декабря 29-го числа 1786 года.

II.

Бригадиру и шлиссельбурскому коменданту и кавалеру фонъ Цыглеру въ Шлиселбурхѣ.

По секрету.

Господинъ бригадиръ и шлиселбурской комендантъ фонъ-Цыглеръ, репорты ваши чрезъ двѣ недели я получаю изсправно. Изъ послѣдняго отъ 16-го марта я усмотрѣла, что извѣстной арестантъ находится въ крайной горести и часто плачетъ. Освѣдомитесь у него о причинѣ его горѣсти, буде впредь услышете, что онъ продолжаетъ печалится и обнодеживаетѣ его, что его заключеніе не

[1]) Письма напечатаны здѣсь съ точнымъ сохраненіемъ правописанія подлинниковъ.

продолжится далѣе моего возвращенія, лишь бы тогда престалъ упрямится. Пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Изъ Кіева марта 26-го числа 1787.

III.

Господинъ брегадиръ и шлиселбурской комендантъ и ковалеръ фонъ Цыглеръ. По полученіе сего вы имѣетѣ генерала поручика графа Ангалта, моего генералъ-адъютанта, до находящагося у васъ арестанта маіора Герсдорфа допустить, и приказаніи его освобожденіе того арестанта испольнитъ.

Пребываю къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Сентября 11-го числа 1787 года.

Сообщ. **Д. Ѳ. Кобеко.**

МИХАИЛЪ ЛЬВОВИЧЪ ФАНТОНЪ-ДЕ-ВЕРРАІОНЪ,

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ.

Въ статьѣ о Т. Г. Шевченко, напечатанной въ майской книгѣ „Русской Старины" 1891 г., упомянуто было о начальникѣ штаба Оренбургскаго корпуса, причемъ фамилія его была написана: „Фонтанъ-де-Верройонъ". Въ сентябрьской книгѣ г. Старовъ поправилъ опечатку и объяснилъ, что настоящая фамилія начальника штаба писалась „Фонтонъ-де-Веральонъ" (стр. 476).

Въ ноябрьской книгѣ изд. 1891 г. „Русской Старины", стр. 473, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, подтверждая поправку г. Старова, привелъ нѣсколько свѣдѣній о М. Л. Фонтонъ-де-Верральонѣ и, между прочимъ, сообщилъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ, любя французскую игру словъ, въ шутку прозвалъ М. Л. Фонтона призракомъ зеленыхъ лучей—fantôme des verts rayons.

И г. Старовъ и баронъ Бюлеръ неправильно пишутъ фамилію того лица, о которомъ говорятъ. Фамилія бывшаго начальника штаба Оренбургскаго корпуса была не Фонтонъ-де-Веральонъ, а Фантонъ-де-Верраіонъ, такъ онъ самъ всегда подписывалъ и подъ такою фамиліею значился въ служебныхъ документахъ, а между прочимъ и въ спискѣ генеральнаго штаба, напечатанномъ въ 1884 г. (стр. 8).

Михаилъ Львовичъ родился въ 1804 г. въ католической семьѣ. Въ 1821 г. онъ вышелъ изъ школы колонновожатыхъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части. Потомъ былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и состоялъ при

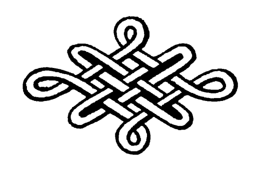
Главномъ штабѣ. Участвовалъ въ войнѣ 1828—1829 гг. Генералъ-лейтенантомъ былъ съ 30-го августа 1858 г.

Послѣ Крымской войны, генералъ-маіоръ Фантонъ-де-Верраіонъ, вмѣстѣ съ ген. шт. полковникомъ барономъ Штакельбергомъ, участвовалъ въ международной комиссіи по отграниченію отошедшей, по Парижскому миру, части Бессарабіи. Затѣмъ онъ былъ бессарабскимъ губернаторомъ, числился съ 1874 г. въ запасныхъ войскахъ и умеръ не такъ давно въ глубокой старости.

Михаилъ Львовичъ любилъ говорить остроты и каламбуры на русскомъ и французскомъ языкахъ. Это, можетъ быть, и дало поводъ къ шуткѣ великаго князя Михаила Павловича, если, впрочемъ, не самъ Михаилъ Львовичъ авторъ каламбура, приводимаго барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ. При произнесеніи правильно написанной фамиліи Михаила Львовича каламбуръ становится еще понятнѣе.

Д. Г. Анучинъ,
генер.-отъ-инфантеріи.

С.-Петербургъ.
6-го ноября 1891 г.



Капиталъ стипендій бывшихъ воспитанниковъ

Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и 2-го военнаго училища

1807 — 1882 г. 14-е марта — 1892 [1]).

Въ день 75-тилѣтія Дворянскаго полка, 14-го марта 1882 года, бывшіе воспитанники этого заведенія, собравшись въ Петербургѣ на товарищескій обѣдъ для чествованія памяти дорогаго ихъ сердцу питомника, порѣшили осуществить возникшую на этомъ обѣдѣ мысль объ учрежденіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для приходящихъ учениковъ и ученицъ, нѣсколькихъ стипендій, подъ наименованіемъ „стипендій бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и втораго военнаго Константиновскаго училища".

Тогда-же присутствовавшіе на обѣдѣ положили основаніе капиталу для этихъ стипендій единовременнымъ взносомъ посильной лепты и избрали изъ своей среды трехъ уполномоченныхъ для исходатайствованія, въ установленномъ порядкѣ, разрѣшенія на учрежденіе означенныхъ стипендій согласно особому Положенію, главныя основанія котораго опредѣлены были участниками собранія.

Путемъ единовременныхъ-же взносовъ на товарищескихъ трапезахъ, бывающихъ ежегодно 14-го марта, предназначенный для стипендій капиталъ возросъ, въ теченіе девяти лѣтъ, до 3,000 руб., которые хранятся въ процентныхъ бумагахъ въ Главномъ Казначействѣ и находятся въ депозитѣ Константиновскаго военнаго училища.

---

[1]) Настоящее заявленіе подписано, вмѣстѣ съ ген. Гольмдорфомъ, — генер.-лейт. Ник. Ник. Гавриловымъ, умершимъ въ Спб. 10-го дек. 1891 г.
Ред.

Но какъ суммы этой далеко еще недостаточно для учрежденія предположенныхъ стипендій, а приращеніе ея одними процентами на собранный до сихъ поръ капиталъ не сулитъ скораго осуществленія мысли закрѣпить добрымъ дѣломъ имя Дворянскаго полка въ памяти потомковъ его благодарныхъ питомцевъ, то уполномоченные, для исходатайствованія разрѣшенія намѣченныхъ съ этою цѣлью стипендій, обращаются ко всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и 2-го военнаго Константиновскаго училища съ покорнѣйшею просьбою оказать возможное, по ихъ достаткамъ, содѣйствіе къ скорѣйшему доведенію капитала до тѣхъ размѣровъ, при которыхъ проценты съ него составляли-бы ежегодно сумму, необходимую для учрежденія означенныхъ стипендій.

Денежныя пожертвованія лицъ, сочувствующихъ предположенному доброму дѣлу, могутъ быть, во всякое время, препровождаемы во 2-е Военное Константиновское училище, на имя начальника онаго, съ извѣщеніемъ о семъ, для сообщенія на ежегодныхъ товарищескихъ обѣдахъ 14-го марта, уполномоченнаго, находящагося въ С.-Петербургѣ, генералъ-маіора Михаила Густавовича Гольмдорфа (Пантелеймоновская, 5).

Арматура Кадетскаго корпуса 1842 г.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

---

* **Аленарiусъ**, В. П. Васильки и колосья. Разсказы и очерки для юношества. Спб. 1892. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Александренко, В. Н. О правахъ и преимуществахъ дипломатическихъ агентовъ. М. 1891. Ц. 30 к.

Александровъ, В. А. Краткое руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Спб. Ц. 30 к.

Аріостъ. Неистовый Роландъ. Съ гравюрами. Переводъ подъ редакц. В. Р. Зотова. Со статьею его о значеніи этого творенія. Спб. Ц. 4 р.

Армейскіе вопросы. Вып. 1-й. Редакторъ-издатель Кошкаровъ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

* **«Артистъ»**. Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 17. М. 1891. Ц. 2 р.

* **Багалѣй**, Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ, 1889. Ц. 80 к.

* **Багалѣй**, Д. И. Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Харьковъ, 1888. Ц. 30 к.

* **Багалѣй**, Д. И. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.). Томъ 1-й, Харьковъ, 1886. Ц. 2 р. Томъ 2-й, Харьковъ, 1890. Ц. 2 р. 50 к.

* **Багалѣй**, Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Реценз. на кн. А. М. Лазаревскаго. Спб., 1891. Ц. 1 р.

* **Багалѣй**, Д. И. Общій очеркъ древностей Харьковской губерніи. Харьковъ, 1890 Ц. 25 к.

* **Багалѣй**, Д. И. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго госуд. Т. I. М., 1887. Ц. 3 р.

* **Багалѣй**, Д. И. Сочиненія, матеріалы статьи и замѣтки, относящіяся къ исторіи Слободской Украйны (критико-библіографич. очеркъ). Вып. 2-й, 1885—1890. Ч. 1-я. Обзоръ источниковъ. Харьковъ, 1891. Ц. 25 к.

Барбашевъ. А. Очерки литовско-русской исторіи XV вѣка. Витовтъ, послѣднія двадцать лѣтъ княженія, (1410—1430). Спб. 1891. Ц. 3 р.

Батюшковъ, П. Н. Подолія. Историческое описаніе. Съ рисунками и картами. Спб. 1891. Ц. 3 р.

* **Бернгардтъ Таннеръ**. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго И. Ивакина. Съ 5-ю фототипіями. М. 1891. Ц. 1 р. 50 к.

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семевскаго („Русской Старины").

Богдановичъ, В. И. Мистическіе знаки руки и ихъ значеніе. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

* **Брикнеръ**, А. Г. Потемкинъ. Съ 2 портретами. Спб. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. XIV. М. Ц. 6 р.

Вернъ, Ж. Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Съ рисунками и картами. Изданіе 2-е. Спб. Ц. въ хромолитогр. папкѣ 3 р.

Вернъ, Ж. Приключеніе капитана Гатераса. Необыкновенное путешествіе. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Спб. Ц. въ хромолитограф. папкѣ 2 р. 50 к.

Вернъ, Ж. Путешествіе вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Съ рисунками. Издан. 2-е. Спб. Ц. въ хромолитограф. папкѣ 1 р. 50 к.

Влезковъ, А. По вопросу объ утилизаціи товарныхъ вагоновъ. Спб. Ц. 20 к.

Волховская, А. Тяжелый годъ. Четыре разсказа изъ народнаго быта. Въ пользу голодающихъ. Спб. 1891. Ц. 20 к.

* **Врангель**, Ф. Ф. Бар. Колебанія климата. Лекція въ Имп. Александровскомъ музеѣ. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб. Ц. 30 к.

Вуальоме, А., и Даратье, Ш. Власть мужа и подчиненность жены. Спб. 1891. Ц. 60 к.

Вѣрунинъ, Ив. Народно-солдатскій театръ. Харьковъ. Ц. 85 к.

* **Гаршинъ, Всеволодъ.** Третья книжка разсказовъ. Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и біографіи, написанной А. М. Скабичевскимъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 1 р.

Голицынъ, Д., кн. (Муравлинъ). Судъ идетъ... — Иванъ. — Вальсъ. — Холодовъ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Гольденвейзеръ, А. С. Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи. Кіевъ, 1891. Ц. 1 р.

Горбуновъ. Новые учебные планы и примѣрныя программы мужскихъ гимназій и прогимназій. М. 1891. Ц. 50 к.

Гранстремъ. Синее знамя. Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Заимствовано съ французскаго. Съ рисунк. Спб. Ц. 2 р.

Греченинovъ, А. проф. Атласъ конструктивныхъ чертежей къ курсу устройства паровыхъ машинъ. Ч. I. Харьковъ. Ц. 7 р.

Гринъ, Дж. Р. Исторія англійскаго народа. Т. I. М. 1891. Ц. 3 р.

Гусевъ, А., проф. Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Н. Толстого и его руководителей. Казань. Ц. 60 к.

Гюго, Викторъ. Театръ. Анжело, драма.— Лукреція Борджіа, трагедія. Изданіе 2-е. Одесса, 1891. Ц. 80 к.

Десять тысячъ лѣтъ въ ледяной глыбѣ. Спб. 1891. Ц. 60 к.

Догель, И. М., проф. Предѣлъ человѣческой жизни. Публичная лекція. Казань. 1891. Ц. 30 коп.

Доброправовъ, В. А., д-ръ. 2-й выпускъ лекцій по діагностикѣ женскихъ болѣзней. Кіевъ. Ц. 1 р.

Дружининъ, Н. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Спб. Ц. 1 р.

Dujardin-Beaumetz, проф. Леченіе болѣзни желудка. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Ермаковъ, В. П. Варіаціонное исчисленіе въ новомъ изложеніи. Кіевъ, 1891. Ц. 30 к.

Ждановъ, Г. С. Краткое руководство для выѣздки верховой лошади. Съ рисунками. Спб. 1891. Ц. въ перепл. 1 р. 35 к.

* **«Живая Старина»**. Періодич. изд., подъ редакц. В. И. Ламанскаго. Вып. IV. Спб. 1891. Ц. 2 р.

* **Загоскинъ**, Н. П. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань, 1892. Ц. 60 к.

Залшупинъ, А. С. Очерки теоріи государственнаго кредита. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Зандъ, Жоржъ. Сочиненія. Т. I. Замокъ Вильпрэ. М. Ц. 1 р. 75 к.

Зарницкій, Я. И. Сборникъ проповѣдническихъ образцовъ. Опытъ гомилетической хрестоматіи. Спб. 1891. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М. Ц. 25 к.

Зичи, М. А., художн. Живописное приложеніе къ роману М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери». Фотографическіе снимки съ рисунковъ. Спб. Ц. 20 р.

Игнатовичъ, Л. Л. Учебникъ географіи. Спб. Ц. 50 к.

* **Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ**, съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакц. Л. Георгіевскато и С. Манштейна:—

I. **Вергилій**, Энеида. I п. съ введ., примѣчан., 27 рис. и географич. картою. Объясн. проф. Д. И. Нагуевскій. Изданіе четвертое. Ц. 50 к.

II. **Вергилій**, Энеида. II п. съ введ., примѣчан., 13 рис. и географич. картою. Объясн. проф. Д. И. Нагуевскій. Изданіе третье. Ц. 50 к.

III. **Корнелій Непотъ**. Избранныя біографіи съ введ., примѣч., 48 рис. и географич. картою. Объясн. Л. А. Георгіевскій. Ц. 70 к.

IV. **Ливій**, I кн., съ введ., примѣч., 40 рис., 2 географич. картами и планомъ Рима. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. Ц. 80 к.

V. **Ливій**, XXI кн. съ введ., примѣч., 27 рис. и 2 географич. картами. Объясн. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Ц. 1 рубль.

VI. **П. Овидій Назонъ**. Избранныя стихотворенія съ введ., примѣч., 56 рис. и картою звѣзднаго неба. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. Ц. 1 рубль.

VII. **Саллюстій**. Югуртинская война съ введ. примѣч., 24 рис. и географич. картою. Объясн. К. А. Зембергъ. Изданіе второе. Ц. 70 к.

VIII. **Г. Юлій Цезарь**. Записки о гальской войнѣ. Кн. I, съ введ., примѣч., 32 рис., 2 планами сраженій и географич. картою. Объясн. С. А. Манштейнъ. Изданіе второе. Ц. 60 к.

IX. **М. Туллій Цицеронъ**. Рѣчи противъ Катилины съ введ., примѣч., 7 рис., географ. карт. и планами Рима и римскаго форума. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. Ц. 70 к.

X. **Гомеръ**. Иліада. I п. съ введ., примѣч., 15 рис. и географич. картою. Объясн. С. А. Манштейнъ. Изданіе второе. Ц. 50 к.

XI. **Гомеръ**. Иліада. III п. съ введ., примѣч., 22 рис. и географич. картою. Объясн. Ст. Ос. Цибульскій. Ц. 50 к.

XII. **Гомеръ**. Одиссея. I п. съ введ., примѣч. и 17 рис. Объясн. С. А. Радецкій. Изд. второе. Ц. 50 к.

XIII. **Гомеръ**. Одиссея. II п. съ введ., примѣч. и 12 рис. Объясн. С. А. Радецкій. Ц. 50 к.

XIV. **Ксенофонтъ**. Анабасисъ. I кн. съ введ., примѣч., 47 рис. и картою М. Азіи. Объясн. Л. А. Георгіевскій. Изданіе второе. Ц. 50 к.

XV. **Ксенофонтъ**. Анабасисъ. II кн. съ введ., примѣч., 32 рис. и картою М. Азіи. Объясн. Л. А. Георгіевскій. Изданіе второе. Ц. 40 к.

XVI. **Ксенофонтъ**. Воспоминанія о Сократѣ. I кн. съ введ., примѣч. и 3 рис. Объясн. К. В. Гибель. Ц. 40 коп.

XVII. **Платонъ**. Апологія Сократа съ введ., примѣч. и 5 рис. Объясн. А. О. Поспишиль. Изданіе третье. Ц. 70 к.

Иностранные беллетристы. М. Ц. 1 р.

Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891. Ц. 60 к.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Изслѣдованіе. Одесса, 1891. Ц. 2 р. 50 к.

* **Карницкій**, А. О. Уходъ за дѣтьми перваго возраста. Кіевъ, 1880. Вып. 1-й. Ц. 10 к. Вып. 2-й Ц. 10 к. Вып. 3-й Ц. 25 к.

* **Квачевскій**, А. Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и Бѣлорусскихъ. Варшава, 1888. Ц. 1 р. 50 к

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ практическаго курса нѣмецкаго языка Э. Керковіуса. Изд. 3-е, исправл. Спб. Ц. 40 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й части II-го изд. концентрическаго учебника французскаго языка В. С. Игнатовича. Одесса, 1891. Ц. 20 к.

* **Кондратовичъ**, Ѳ. Задунайская сѣчь. Кіевъ. 1883. Ц. 1. р.

* **Конспектъ по энциклопедіи права**. По программѣ для окончат. испытаній. Составленъ по соч. Н. К. Ренненкампфа, Аренса и др. Кіевъ, 1888. Ц. 30 к.

* **Конспектъ римскаго гражданскаго права** по программѣ юридической коммиссіи. Кіевъ, 1889. Ц. 1 р. 25 к.

Коншинъ, М. Н. Общій уставъ желѣзн дорогъ. Дополнен. узаконеніями и распоряж. Правит. по 15-е октября 1891. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р.

* **Корженевскій**, Петръ. Разсказы о раціональномъ пчеловодствѣ. Кіевъ, 1884. Ц. 1 р.

Кренке, В. Д. О сельскомъ хозяйствѣ. Вып. 5-й. Т. III. 3-е, исправл. и дополнен. изданіе. Спб. 1891. Ц. 60 к.

«Круглый Годъ». Календарь и записная книжка на 1892 г. Спб. Ц. 75 к.

Kunze, C., и **Schilling, F.** Руководство къ частной терапіи. Спб. Ц. 4 р.

* **Лабутинъ**, И. Ариеметическія правила для повторенія полнаго курса ариеметики. Спб. 1891. Ц. 15 к.

* **Лабутинъ**, И. Къ экзаменамъ. Вопросникъ для повторенія исторіи русской словесности. Спб. 1891. Ц. 15 к.

* **Лабутинъ**, И. Сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Звѣздочка на небѣ ясномъ». Спб. 1891. Ц. 15 к.

* **Лаврецкій**, М. Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта. Ревель, 1891. Ц. 50 к.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Зимнее движеніе 1891—92. Спб. Ц. 60 к.

* **Лацинскій**, А. С. Хронологія русской военной исторіи отъ Петра I до новѣйшаго времени. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к.

* **Лашкаревъ**, П. Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Кіевъ, 1889. 2-е изд. Ц. 1 р. 75 к.

* **Лилеевъ**, Н. В. Симеонъ Бекбулатовичъ Ханъ Касимовскій, великій князь всея Руси, впослѣдствіи великій князь Тверской, 1567—1616. Тверь. 1891. Ц. 1 р.

Лимбергъ, А. К. Современная профилактика и терапія костоѣды зубовъ. Спб. 1891. Ц. 2 р.

Линскій, Г. Г. Учебникъ и грамматика польскаго языка. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

* **Личность Лермонтова** въ его жизни и поэзіи. Кишиневъ, 1891. Ц. 10 к.

Ломброзо, Ц. Геніальность и помѣшательство. Съ портретомъ, таблицами и рисунками. Спб. Ц. 1 р.

* **Майковъ**, Л. Н. акад. Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Спб., 1884. Ц. 1 р.

* **Майковъ**, Л. Н. академ. Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева. Спб., 1886. Ц. 3 руб.

* **Майковъ**, Л. Н. акад. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Спб., 1891. Ц. 1 р.

* **Макавѣевъ**, А. Θ. Курсъ геометрическаго черченія. Отд. I и II. Вып. I. Спб. 1890. Ц. 90 к. Отд. III. Вып. II. Ц. 1 р.

* **Макавѣевъ**, А. Θ. Атласъ къ курсу геометрическаго черченія. Вып. I. Спб. 1889. Ц. 90 к. Вып. II. Спб. 1890. Ц. 1 р.

* **Макавѣевъ**, А. Рисованіе и черченіе въ нашихъ школахъ. Спб. 1891. Ц. 20 к.

* **Мантегацца**, П. Физіономія и выраженіе чувствъ. Перев. съ франц. Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886. Ц. 2 р. 50 к.

* **Мемуары**, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Перев. К. Мельникъ. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р. 30 к.

Мерчингъ, Г. К. О движеніи жидкостей— воды, керосина и нефти въ трубахъ. Съ чертежами. Спб. 1891. Ц. 90 к.

Мерчингъ, Г. Электрическое освѣщеніе Одесскаго порта съ вопросомъ объ усиленіи отпускной способности русскихъ коммерческихъ портовъ. Спб. 1891. Ц. 60 к.

Михайловъ, А. Эсеирь. Историческая повѣсть изъ древне-персидской жизни. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

* **Могилевъ**, М. Повторителвный курсъ русскаго государственнаго права. Кіевъ, 1890. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

* **Могилевъ**. М. Церковное право примѣнительно къ программѣ Юридической коммиссіи. Житоміръ, 1889. Ц. I р.

* **Настольный энциклопедическій словарь**. Издан. А. Гарбель и Комп. Вып. 36. М. 1891. Ц. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Начала міросозерцанія при свѣтѣ науки. Краткое обозрѣніе природы. Спб. 1891. Ц. 85.

Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій. Восемь бесѣдъ. Съ портретомъ. Одесса. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Никитинъ, В. Н. Болѣзни носовой полости. 2-е испр. и дополн. изданіе. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к.

* **Нолькенъ**, бар., А. Ученіе о поручительствѣ по римскому праву и новѣйшимъ законодательствамъ. Т. I. Спб., 1884. Ц. 2 р.

Оисъ, В. А., д-ръ. Календарь для акушерокъ на 1892 г. Ц. 1 р.

* **Описаніе Слободско-украинской** Харьковской губ. 1802 г. Съ предисл. Д. И. Багалѣя. Харьковъ, 1889. Ц. 25 к.

Орловъ, В. М. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ Тамбовской губерніи при участіи Е. П. Якубенко, положенныя на 4 голоса, для смѣшаннаго хора. Спб. 1890. Ц. 60 к.

Острогорскій, М. Юридическій календарь на 1892 г. Спб. Ц. 1 р.

Перельсъ, Ѳ., проф. Руководство къ выбору и употребленію сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій. Кіевъ. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

Пинкусъ, д-ръ. Гигіена волосъ и средства противъ преждевременнаго сѣдѣнія и выпаденія ихъ. Изд. 2-е. Спб. 1891. Ц. 40 к.

Рейнкосъ. Европейскіе монархи и ихъ дворы. Съ портретами. Спб. Ц. 1 р.

Полный карманный путеводитель. Зима и весна, 1891—92. Ц. 50 к.

Поль, Викентій. Могортъ. Рыцарскій рапсодъ. Варшава. 1891. Ц. 1 р.

* **Похилевичъ**, Лаврент. Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистич. и историч. замѣтки. Кіевъ, 1887. Ц. 2 р. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Бахчисарайскій фонтанъ. Роскошное изданіе, иллюстрированное художникомъ С. С. Соломко. Спб. Ц. 3 р.

Пыляевъ. М. И. Старая Москва. Разсказы изъ былой жизни первопрестольной столицы. Съ рисунками. Вып. XVI и XVII. Спб. Ц. вып. 50 к.

Пыляевъ, М. И. Старое житье. Очерки и разсказы о бывшихъ въ отшедшее время обрядахъ, обычаяхъ и порядкахъ въ устройствѣ домашней и общественной жизни. Спб. Ц 2 р.

* **Раевскій**, П. И. Повѣсти. Кіевъ, 1891. Ц. 1 р.

Рейнеръ, К. И. Кессонъ. Его изготовленіе, спускъ и погруженіе. Съ рисунками и таблицами. М. Ц. 2 р.

* **Ренненкампфъ**, Вл. Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка. Кіевъ, 1890. Ц. 2 р.

* **Ренненкампфъ**, Н. К. Юридическая энциклопедія. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р. 25 к.

* **Русская классная библіот.**, издав. подъ редакц. А. Н. Чудинова. Вып. VI. А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. 1891. Ц. 45 к.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4-й. Спб. 1891. На веленевой бум. Ц. 4 р.

Рыжовъ, И. Г. Пособіе для преподаванія двойной итальянской бухгалтеріи. Харьковъ, 1891. Ц. 75 к.

Саронъ. Сборникъ исторіи, литературы и общественной жизни. Спб. Ц. 3 р.

* **Сборникъ узаконеній** и распоряженій по землевладѣнію въ западныхъ губерніяхъ. Кіевъ, 1885. Ц. 1 р.

Синицынъ, Н. Полный конспектъ по исторіи русской литературы. Пермь, 1891. Ц. 65 к.

Скворцовъ, Д. Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря (нынѣ лавры). Историч. изслѣдованіе. Тверь, 1890. Ц. 2 р. 50 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Маленькія дѣти. Съ рисунками. Спб. Цѣна въ папкѣ 40 к.

Сосницкій, А. Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ, съ біографич. и поясиит. примѣч. М. Ц. 2 р. 50 к.

Сравнительныя таблицы русскихъ мѣръ съ французскими и англійскими мѣрами. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Ст—къ, Я. Тридцатые-сороковые годы. (Эпизодъ изъ исторіи нашего сельскаго хозяйства). Спб. 1891. Ц. 1 р.

Степановскій, И. К. Вологодская старина. Историко-археологическій сборникъ. Вологда. 1890. Ц. 4 р.

Столыпинъ, Д. А. Очерки философіи и науки. Нашъ земледѣльческій кризисъ. М. 1891. Ц. 30 к.

Теличенко, И. И. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской комиссіи. Кіевъ, 1891. Ц. 80 к.

Техническое черченіе. Краткое руководство. Составл. по соч. А. Ц. Мегеде русскимъ инженеромъ. Спб. 1891. Ц. 80 к.

Тило, Марія, д-ръ Гигіена женщины. Спб. Ц. 40 к.

Тихановъ, В. А. Въ наши дни. Повѣсти и разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Тихановъ, В. А. Военные и путевые очерки и разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества. Съ предисл. и примѣч. Д. И. Багалѣя. Харьковъ. 1888. Ц. 50 к.

* **Третьяковскій**, М. Я. Сводъ изданныхъ министерствомъ юстиціи циркулярныхъ распоряженій и правилъ о разборѣ хранящихся въ архивахъ окружныхъ судовъ дѣлъ и документовъ, переданныхъ изъ упраздненныхъ судебныхъ установленій. Кіевъ, 1891. Ц. 30 к.

* **Третьяковскій**, М. Я. Указатель срочныхъ вѣдомостей о денежной и дѣлопроизводственной отчетности, а также и разныхъ свѣдѣній, подлежащихъ представленію окружными судами, предсѣдателями оныхъ, старшими нотаріусами, судебными слѣдователями и судебными приставами. Кіевъ, 1891. Ц. 40 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. Съ рисунками. М. Ц. 2 р. 30 к.

Уставы и правила объ акцизныхъ сборахъ. Ч. IV. Правила объ акцизѣ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ. Спб. 1891. Ц. 2 р.

Фармацевтическій календарь на 1892 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Фламмаріонъ, К. Общедоступная астрономія. Съ рисунками. Спб. Ц. 1.

* **Хрущовъ**, И. П. Настольная книга для народа, въ четырехъ отдѣлахъ. Спб., 1891. Ц. 1 р. 50 к.

Цируль, К., и **Касаткинъ**, Н. Систематическое руководство по ручному труду. Работы изъ дерева. Спб. 1891. Ц. 3 р.

Чернушенко, Д. Лекціи всемірнаго языка Volapüca. М., 1891. Ц. 30 к.

Чертежи и описаніе ульевъ Амброжевича Дубини, Зубарева и золотаго улья Кулланда. Съ рисунками. Спб. Ц. 60 к.

* **Чтенія** въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1891 г., книга 3-я, изданіе подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1891. Ц. 3 р.

Schlotne, I. Курсъ графической статики. Съ таблицами. М., 1891. Ц. 2 р.

Шарнгорстъ, К. Начальныя основанія астрономіи и математической географіи. Спб., 1891. Ц. 2 р.

Шопенгауэръ, А. Міръ какъ воля и представленіе. Изд. 3-е. М. Ц. 3 р.

Штукенбергъ, Л. А. Производство желѣзнодорожныхъ изысканій. Съ рисунками. Спб. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

Щегловъ, Д. Исторія соціальныхъ системъ. Т. I. Изданіе 2-е. Спб. 1891. Ц. 2 р. 50 к.

* **Эйхельманъ**, О. Обзоръ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій управленія въ Россіи и устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р. 25 к.

* **Ясинскій**, М. Н. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губ. въ *1855 г.* Кіевъ, 1890. Ц. 50 к.

* **Ясинскій**, М. Н. Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. Кіевъ 1889. Ц. 1 р. 50 к.

* **Ясопольскій**, Н. П. О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи. Часть 1-я, Кіевъ 1890. Ц. 2 р.

* **Ѳаворовъ**, Н. Очерки нравственнаго православно-христіанскаго ученія. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р.

* **Ѳаворовъ**, Н. Руководство къ церковному собесѣдованію или Гомилетика. Кіевъ, 1891. Ц. 80 к.

* **Ѳаворовъ**, Н. Чтенія о догматическихъ истинахъ православно-христіанской вѣры. Кіевъ, 1890. Ц. 1 р.

Ѳеоктистовъ, И. Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Спб., 1891. Ц. 1 р. 15 к.

По желанію гг. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетѣ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются Магазиномъ «Русской Старины» (Мих. Ив. Семевскаго) безъ малѣйшаго замедленія.

Изданія Воронежскаго статистическаго комитета.

Воронежскій губернскій статистическій комитетъ давно занимаетъ видное мѣсто въ ряду нашихъ губернскихъ комитетовъ. Разысканіе и печатаніе архивныхъ матеріаловъ, изслѣдованія по исторіи края, мѣстныя древности составляютъ предметъ его постояннаго вниманія и изученія. Такъ образовался цѣлый рядъ изданій, заключающихъ въ себѣ обширную коллекцію «актовъ», относящихся къ Воронежской и сосѣднимъ губерніямъ, и монографій, посвященныхъ исторіи гор. Воронежа и губерніи или представляющихъ статистическіе очерки различныхъ видовъ общественной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи Воронежскій статистическій комитетъ, благодаря установившейся въ его средѣ прекрасной традиціи, давно выступилъ за предѣлы весьма узкой программы, связанной съ его первоначальнымъ назначеніемъ, и сталъ на болѣе плодотворную историческую почву. Такимъ образомъ, онъ весьма удачно выполняетъ ту роль, которая въ другихъ мѣстностяхъ выпала на долю только губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Еще въ 1887 г. комитетомъ предпринято было новое изданіе, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній», первый томъ котораго составили «воронежскіе акты», отчасти извлеченные изъ прежняго изданія того-же имени, а отчасти вновь напечатанные, о чемъ мы сдѣлали замѣтку въ свое время. Въ недавно вышедшемъ II-мъ томѣ (Ворон., 1891, 296 стр.) помѣщены «Воронежскія писцовыя книги», 1615—1629 гг., съ приложеніемъ указателя личныхъ и географическихъ именъ—трудъ тѣхъ-же лицъ, которымъ принадлежитъ и редактированіе перваго тома «Матеріаловъ», а именно Л. Б. Вейнберга и А. Полторацкой. Въ томъ-же году появился другой трудъ Л. Б. Вейнберга: «Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи» — это альбомъ памятниковъ воронежской старины, воспроизведенныхъ Е. Л. Марковымъ и Л. Г. Соловьевымъ и сопровождаемыхъ изслѣдованіемъ Л. Б. Вейнберга, но авторъ называетъ свой трудъ далеко еще незаконченнымъ, не болѣе какъ результатомъ предварительныхъ работъ. Въ настоящемъ вопросѣ, кромѣ собственно памятниковъ древности, обращаютъ на себя вниманіе статьи: «Слѣды хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губерніи» и «Памятники дѣяній Петра I въ Воронежѣ». Пользуясь случаемъ, упомянемъ здѣсь и о весьма интересномъ изданіи того-же комитета, подъ заглавіемъ «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей». Историческій очеркъ (1838—1888), Ворон., 1888—1890 гг. Уже самыя рамки этого труда, составл. Н. В. Воскресенскимъ (т. I, стр. 623+32, цѣна 1 руб. 50 к.), показываютъ, что онъ выходитъ изъ ряда подобныхъ предпріятій. Въ своемъ трудѣ авторъ даетъ очерки: Воронежской губернской типографіи до 1888 г.; объ умственной жизни въ Воронежскомъ краѣ до возникновенія «Губерн. вѣдомостей»; содержаніе статей неоффиціальнаго отдѣла «Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей»; объ умственномъ движеніи въ Воронежѣ въ 1860-хъ годахъ; краткій обзоръ умственной дѣятельности въ Воронежскомъ краѣ за послѣднія 20 лѣтъ; мѣстная пресса (журналы и газеты); издательская дѣятельность въ Воронежѣ, типографіи и литографіи въ Воронежской губерніи; книжные магазины и библіотеки; Воронежская публичная библіотека; дѣло народнаго образованія; литературныя общества и т. п. Отдѣльная статья посвящена дѣятельности Воронежскаго статистическаго комитета. Изданіе сопровождается алфавитнымъ указателемъ именъ, встрѣчающихся въ немъ. Во второй томъ должны войти біографіи нѣкоторыхъ редакторовъ и сотрудниковъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и лѣтописныя свѣдѣнія за 50 лѣтъ, составленныя на основаніи оффиціальнаго отдѣла «Губернскихъ Вѣдомостей» и другихъ данныхъ. Остается пожелать, чтобы и въ другихъ мѣстахъ нашлись

подражатели этого предпріятія Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета, составляющаго цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Проф. В. И.

С. М. Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russian Common Wealth», какъ историческій источникъ. Спб. 1891. VI+399.

Герберштейнъ, Флетчеръ, Олеарій и Мейербергъ — вотъ тѣ иностранные писатели, извѣстія которыхъ о Россіи составляютъ основныя данныя, необходимыя для ознакомленія съ ея исторіею въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Безъ нихъ, какъ-бы ни былъ пристрастенъ къ своимъ отечественнымъ матеріаламъ изслѣдователь, не можетъ обойтись ни одинъ историкъ. Достоинство названныхъ писателей заключается именно въ томъ, что они не ограничиваются одною какою-либо стороною жизни, а даютъ довольно полную картину политическаго и общественнаго состоянія страны въ извѣстный періодъ. Авторъ изслѣдованія посвятилъ свои труды изученію англійскихъ извѣстій о Россіи въ XVI—XVII стол., а въ настоящемъ изданіи даетъ обстоятельную оцѣнку сочиненія Флетчера о Россіи. Предоставивъ въ своемъ введеніи обзоръ англійскихъ извѣстій о Россіи второй половины XVI вѣка, онъ въ послѣдующихъ отдѣльныхъ главахъ разсматриваетъ: 1) историко-географическія извѣстія Флетчера, 2) извѣстія о населеніи (о внѣшнемъ бытѣ, о нравственныхъ и умственныхъ силахъ народа, о бытѣ соціальномъ и экономическомъ), 3) извѣстія о власти, 4) извѣстія объ управленіи, которому посвящено нѣсколько главъ, а именно административному управленію, церковному управленію, судопроизводству, финансовому управленію и военному управленію.

Историческія данныя Флетчера г. Середонинъ постоянно сопровождаетъ сопоставленіемъ съ русскими источниками и другими извѣстіями, причемъ выясняются личныя воззрѣнія этого писателя на свой предметъ въ болѣе крупныхъ вопросахъ (стр. 236—241, 286—288). Въ особенности цѣнны выводы автора относительно цифровыхъ данныхъ Флетчера, провѣренныхъ по русскимъ источникамъ (актамъ и писцовымъ книгамъ), касающіеся финансовыхъ средствъ и военныхъ силъ государства.

Сочиненія Герберштейна, Олеарія, Мейерберга давно сдѣлались достояніемъ русской литературы. Сочиненіе Флетчера имѣетъ у насъ свою, можно сказать, неприглядную исторію. Въ свое время (1848) былъ сдѣланъ переводъ этого сочиненія для изданія общества исторіи и древностей Россійскихъ, появленіе котораго сопровождалось печальными послѣдствіями для общества и его секретаря (О. М. Бодянскаго), тѣмъ болѣе печальными, что въ этомъ дѣлѣ отразились личныя отношенія, ничего общаго съ Флетчеромъ и исторической наукою не имѣющія (см. Дневникъ Бодянскаго и матеріалы о Флетчерѣ, напечатан. въ «Русской Старинѣ» 1890, LV, стр. 54, 428; Записки Никитенко, ibid., стр. 386—388, 396—397). Правда, переводъ этотъ все-таки распространялся въ публикѣ и затѣмъ вновь отпечатанъ заграницею, но записки Флетчера все еще остаются запретнымъ плодомъ для русскаго читателя. Въ книгѣ г. Середонина онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ обстоятельнымъ изложеніемъ этого сочиненія, хотя и не въ полной передачѣ.

Проф. В. И.

Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ. М. 1891. 268 стр. Ц. 2 р.

Настоящій трудъ не есть произведеніе, основанное на нетронутыхъ еще архивныхъ матеріалахъ; напротивъ, онъ весь основанъ на печатныхъ источникахъ, находящихся въ общемъ пользованіи. Издателю принадлежитъ лишь сводъ этихъ данныхъ и общее направленіе, оцѣнка лицъ, дѣлъ и событій въ тѣхъ главныхъ отно-

шеніяхъ, на которыя указываетъ заглавіе книжки (266—267). Современемъ онъ обѣщаетъ пополнить существующій пробѣлъ въ литературѣ новымъ трудомъ, основаннымъ на архивныхъ источникахъ и другихъ еще не тронутыхъ матеріалахъ. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ своемъ видѣ «Историческій очеркъ г. Иркутска» даетъ постороннему читателю весьма много, благодаря именно «общему направленію» и «оцѣнкѣ лицъ, дѣлъ и событій», проходящимъ чрезъ всѣ страницы очерка, весьма живо и интересно изложеннаго его авторомъ. Значительный періодъ времени (почти $2^1/_2$ столѣтія), а затѣмъ и административное значеніе этого пункта все еще мало отразились на пріобщеніи его къ болѣе цивилизованной части имперіи. Главный интересъ книги сосредоточивается на двухъ выдающихся дѣятеляхъ его: гр. Сперанскомъ и гр. Муравьевѣ-Амурскомъ, а затѣмъ на текущемъ періодѣ жизни города, на его роли въ дѣлѣ изученія Восточной Сибири и смежныхъ съ *нею странъ*, на учебно-воспитательномъ дѣлѣ и т. п. вопросахъ. Въ живыхъ очеркахъ автора мы наглядно знакомимся и съ лихорадочною дѣятельностью «любителей легкой наживы» (138) и съ примитивными условіями городской жизни («нѣтъ ни мостовыхъ, ни водопровода; освѣщеніе крайне слабо; санитарное положеніе города также неудовлетворительно», стр. 146). Ссылка, по прежнему, тяжелымъ гнетомъ лежитъ на населеніи: въ 1886 году въ Иркутской губ. одинъ ссыльный приходится на двухъ взрослыхъ коренныхъ жителей, причемъ ссыльные заниматься земледѣліемъ не любятъ, а идутъ или на пріиски, или въ бѣга, или въ городъ... (148). За воротами города кончается сфера дѣйствія мѣстнаго самоуправленія. Тамъ судъ, полиція, слѣдователь, мировой посредникъ, блюститель земскихъ дѣлъ, судебный приставъ, пожалуй, даже и нотаріусъ—всѣ въ одномъ лицѣ земскаго засѣдателя (153). Управленіе крестьянъ, повсемѣстно въ Россіи примѣненное въ 1861 г., какъ будто забыто было ко введенію въ Сибири (155). Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, отъ «учрежденія» Сперанскаго остались одни только обломки (159—160). Предпріимчивость «русскаго Колумба» Шелехова нашла себѣ потомъ болѣе строгаго судью въ лицѣ скромнаго ученаго Лагуса (177—179). Обширныя изслѣдованія края, совершенныя учеными наблюдателями и мѣстными изслѣдователями, остаются пока большею частью подъ спудомъ (215—216), безъ прямаго результата для края. Собственная литературная производительность этого послѣдняго въ значительной степени затрудняется отсутствіемъ въ Иркутскѣ цензурнаго учрежденія, отъ чего издательская дѣятельность здѣсь немыслима. До сихъ поръ почти всѣ книги, касающіяся Восточной Сибири, издавались въ Петербургѣ или въ Москвѣ, между тѣмъ авторы многихъ изъ этихъ книгъ живутъ въ Иркутскѣ, гдѣ имѣются свои довольно удовлетворительныя типографіи (213—214). Въ Восточной Сибири сознаны и потребности въ среднемъ, и высшемъ, и женскомъ, и собственно народномъ образованіи, имѣется весьма значительный и разнообразный музей Географическаго отдѣла (а въ мужской гимназіи находится изваяніе Антокольскаго «Іоаннъ Грозный», принесенное ей въ даръ А. М. Сибиряковымъ); наконецъ, дѣлаются значительныя пожертвованія на образовательныя цѣли, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, но результаты всего этого сказываются какъ-то медленно, вяло (223, 224, 226, 241, 250—51, 254, 259). Частная учебная практика въ Иркутскѣ не особенно развита. Книжной торговли почти нѣтъ; книги продаются съ канцелярскими принадлежностями, игрушками и т. п., да и то большею частію учебники или случайно попавшія книги. Притомъ учебныя пособія и книги обходятся въ Иркутскѣ очень дорого и добыть ихъ не всегда бываетъ легко и удобно (255). Такимъ образомъ, историку Иркутска приходится возлагать большія надежды въ будущемъ на вліяніе Томскаго университета, съ открытіемъ въ немъ всѣхъ факультетовъ (265) и на проведеніе Сибир-

ской железной дороги (159). Были въ средѣ администраторовъ этого края люди, ратовавшіе за объединеніе его съ коренными русскими губерніями, но начала этого обширнаго дѣла только пока намѣчены (155—162). Вообще книга г. Сукачева, хотя имѣетъ общій характеръ, но затрогиваетъ много вопросовъ и вызываетъ на многія соображенія.

Проф. В. И.

В. В. Святловскій. Вопросы общественнаго здоровья. Варшава. 1891. 16 д., 375 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

У насъ въ Россіи, гдѣ смертность особенно велика и гдѣ гигіеническія условія городской жизни оставляютъ желать слишкомъ многаго,—вопросы общественнаго здоровья имѣютъ такой жизненный, такой практическій интересъ, что не говорить о нихъ, не интересоваться ими—значитъ закрыть глаза на все окружающее. Конечно, именно въ подобнаго рода вещахъ „слова“ отнюдь не достаточно, но если оно ежечасно съ особливою назойливостью и твердостью напоминаетъ намъ о несовершенствахъ „дѣла“, тѣмъ самымъ роль его становится почтенною и полезною, такъ что никто уже не въ правѣ укоризненно совѣтовать тамъ „словъ не тратить по пустому, гдѣ нужно власть употребить“. Повторенія пережевываніе—тутъ неизбѣжны и даже желательны: только постоянно и въ одно мѣсто падающая капля можетъ просверлить камень... Всякому вотъ вѣроятно понятно, что зловоніе нечистотъ, небрежно удаляемыхъ въ большинствѣ русскихъ городовъ, не служитъ ко благу ихъ обывателей, но развѣ не поучительно будетъ узнать этимъ послѣднимъ, что въ то время, какъ у насъ даже столицы продолжаютъ все еще довольствоваться своими примитивными выгребными ямами, одинъ Лондонъ уже затратилъ на урегулированіе этого дѣла 180 милліоновъ франковъ, а въ Данцигѣ, какъ оказывается, послѣ введенія сплавной канализаціи въ 1869 году смертность среди населенія упала сразу съ 49 чел. на тысячу до 28 ?! Точно также ни для кого не новость, конечно, что санитарныя условія нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній крайне неудовлетворительны, но едвали хоть одинъ изъ читателей могъ раньше подозрѣвать, что напр. воздухъ класcной комнаты женской гимназіи содержитъ подчасъ не меньше углероду, чѣмъ удушливая атмосфера въ какомъ-нибудь ночлежномъ пріютѣ Вяземской лавры (см. стр. 327). Такихъ фактовъ изъ книги г. Святловскаго мы могли бы привести не мало; фактовъ, иллюстрирующихъ часто довольно общеизвѣстную мысль, но тѣмъ не менѣе дающихъ ей новую силу и доказательность. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ слѣдующія три статьи: „Гигіена большихъ городовъ“, содержаніе которой явствуетъ изъ самаго заглавія: „Въ защиту подростающаго поколѣнія“, обстоятельный разборъ санитарной стороны учебнаго дѣла въ Россіи съ указаніемъ наиболѣе насущныхъ реформъ въ данномъ направленіи, и, наконецъ, „Жилище рабочаго“ прекрасный очеркъ современнаго состоянія рабочихъ помѣщеній какъ на западѣ, такъ и у насъ. Послѣдняя статья цифрами и фактами рисуетъ печальную картину грязи зловонія и ужасающей тѣсноты. Читая ее мы вспоминали невольно слова, съ которыми въ одной англійской драмѣ вдова вора обращается къ богатому помѣщику: „Наши дочери рождаютъ въ позорѣ дѣтей, но, сквайръ, еслибъ ваши миссисъ спали тамъ, гдѣ спятъ наши дочери, онѣ были бы не лучше“. И не въ одномъ этомъ случаѣ, а, если подумать, то очень и очень часто вопросы общественнаго здоровья окажутся въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ состояніемъ общественной нравственности. Вотъ почему представляется намъ какъ нельзя болѣе удачнымъ эпиграфъ первой статьи, заимствованный авторомъ у Дидро: „Toute question d'hygiène est aussi une question morale“.

При всей своей несомнѣнной содержательности и полезности, книга г. Святловскаго отличается однимъ существеннымъ недостаткомъ: какой-то фельетонною манерою изложенія. Шутливый тонъ слишкомъ

соблазняетъ автора; о женщинахъ онъ говоритъ не иначе, какъ называя ихъ прекраснымъ поломъ, про Римскую имперію сообщаетъ, что она погибла отъ несваренія желудка (стр. 85), кабакъ именуетъ крестьянскимъ парламентомъ и проч. въ томъ же родѣ. Едва-ли кому по нравится этотъ развязный тонъ, это балагурство, когда дѣло идетъ о вопросахъ серьезныхъ и научныхъ; справедливость требуетъ однако сказать, что означеннымъ недостаткомъ страдаютъ только нѣкоторые очерки, тѣ самые, если не ошибаемся, которые помѣщены были сначала въ газетныхъ фельетонахъ. Во всякомъ случаѣ, обиліе интересныхъ свѣдѣній и важность трактуемаго во всѣхъ статьяхъ предмета примирятъ съ авторомъ и самаго строгаго читателя.

Н. В. В—въ.

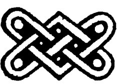
Томасъ Карлейль. Герои и геройское въ исторіи. Переводъ съ англійскаго **В. И. Яковенко.** Съ приложеніемъ статьи переводчика о Карлейлѣ. Изд. *Павленкова.* Спб. 1891 г., стр. 352, XVI въ м. 8 д. Цѣна 1 р. 50 к.

Настоящее сочиненіе Карлейля составилось изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Лондонѣ въ 1840 году, значитъ написано болѣе, чѣмъ полъ-столѣтія тому назадъ. Такой промежутокъ времени вполнѣ достаточенъ, чтобы многіе и многіе томы совсѣмъ сошли съ литературной сцены, чтобы, потерявъ весь интересъ современности, они заняли подобающее имъ мѣсто на полкахъ библіофила-историка. О Карлейлѣ нельзя сказать того-же, напротивъ: его и до сихъ поръ охотно читаютъ въ Англіи, онъ переводится на всѣ европейскіе языки. А все-же, время, пощадившее его книгу отъ «плѣсени забвенья», не оставило ея вовсе свободною отъ своей ядовитой печати. Теперь, право, не нужно обладать большою дерзостью, чтобы признать многіе взгляды Карлейля отсталыми, его критическіе пріемы—мало научными, его историческіе приговоры и предсказанія—близорукими. Мы не хотимъ быть голословными въ своихъ утвержденіяхъ и потому спѣшимъ примѣрами подтвердить только что сказанное; это будетъ тѣмъ болѣе полезно, что авторитетное имя (какъ можно убѣдиться лишній разъ изъ статьи русскаго переводчика) очень и даже слишкомъ долго способно сохранять свое ослѣпляющее обаяніе... Посвятивъ цѣлый рядъ лекцій разсмотрѣнію геройства и героевъ, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись (герой какъ божество, герой какъ пророкъ, герой какъ поэтъ, какъ пастырь, какъ писатель, какъ вождь), Карлейль такими словами опредѣляетъ отношеніе массы, толпы къ этимъ выдающимся личностямъ: „Великій человѣкъ, съ его свободною силою, исходящею прямо изъ рукъ Божіихъ, есть молнія. Все воспламеняется вокругъ этого человѣка, разъ онъ ударяетъ своимъ словомъ, и все пылаетъ огнемъ, подобнымъ его собственному. Думаютъ, что его вызвали къ существованію сухія, превращающіяся въ прахъ вѣтви. Конечно, онъ былъ для нихъ крайне необходимъ, но что касается до того, чтобъ они вызвали!»... И въ другомъ мѣстѣ еще яснѣе: «Герой—не продуктъ времени» (стр. 18 и 343). Онъ не продуктъ времени по мнѣнію автора и потому порождается простою случайностью, такъ было, напр., съ Шекспиромъ: «быть можетъ мы никогда не услышали-бы о немъ, какъ о поэтѣ, еслибы варвикскій сквайръ не вздумалъ преслѣдовать его за охоту на своей землѣ!» (стр. 142). Такого рода ненаучный, неисторическій взглядъ въ настоящее время не требуетъ даже опроверженія, онъ вызываетъ только одну улыбку... Но вотъ образчикъ историческихъ приговоровъ Карлейля: «Восемнадцатый вѣкъ (читаемъ мы на стр. 239)—вѣкъ скептицизма. Въ этомъ маленькомъ словѣ заключается цѣлый Пандоровъ ящикъ бѣдствій. Скептицизмъ означаетъ не только умственное сомнѣніе, но и нравственное; онъ означаетъ всякаго рода невѣріе, неискренность, духовный параличъ... Героизмъ прошелъ навсегда; наступила тривіальность, формализмъ, общія мѣста наступили, чтобъ остаться навсегда». Для характеристики извѣстныхъ

политическихъ убѣжденій, знаменательны еще слѣдующія слова: «Герои ушли. Настало время шарлатановъ... Міръ изобилуетъ олухами, а вы добились всеобщаго голосованія». Таковы теоретическіе взгляды Карлейля, таковы его историческія сужденія. Въ нихъ много просто устарѣлаго, много отвергнутаго либо исторіею, либо наукою, не чужды они также и предразсудковъ, а кромѣ того насквозь проникнуты теологіей («должна-же была природа имѣть что-либо въ виду?» см. стр. 147 и многія другія мѣста). Полемизировать съ авторомъ, исправлять его ошибки—дѣло критика, не рецензента; нашей задачей было только указать въ книгѣ тѣ или иныя ея особенности. Sapienti sat.

Вообще-же должно сказать, что «Герои и геройское въ исторіи» Карлейля—это отнюдь не научное сочиненіе, это даже, если хотите, не историко-литературный трактатъ, всего вѣрнѣе будетъ назвать это рядомъ апологій великихъ людей, апологій, блещущихъ талантомъ, умомъ и наблюдательностью, но зато, какъ и всякія апологіи, полныхъ пристрастія и преувеличеній. Сильный, выразительный языкъ и неподдѣльное чувство англійскаго писателя дѣлаютъ то, что его лекціи читаются съ особеннымъ удовольствіемъ, мы не можемъ къ сожалѣнію прибавить: «и съ особенною пользой». Однако, въ виду малаго знакомства у насъ съ сочиненіями Карлейля, въ виду популярности настоящей книги на Западѣ, въ виду, наконецъ, самой темы, чрезвычайно любопытной, но еще такъ мало разработанной [1]),—лежащій передъ нами тщательно исполненный русскій переводъ, окажется, вѣроятно, не безполезнымъ. «Нѣсколько словъ о Карлейлѣ», сказанныхъ переводчикомъ отъ себя, не много прибавляютъ къ самымъ лекціямъ. Здѣсь г. Яковенко старается оградить «великаго историка-художника» отъ возможныхъ обвиненій въ отсталости, старается провести ту мысль, что обычные критеріи къ нему почему-то не приложимы, и при этомъ довольно-таки грубо, но должно признаться, безъ большой убѣдительности полемизируетъ съ проф. Н. И. Карѣевымъ, который, въ послѣдней своей работѣ, «Сущность истор. процесса», рѣзко осудилъ взгляды Карлейля на героевъ и ихъ значеніе въ исторіи. **Н. В. В.**

[1]) Съ иной, болѣе глубокой, точки зрѣнія соціологической, разсматривается этотъ вопросъ въ статьѣ Н. К. Михайловскаго «Герои и толпа», а также въ сочиненіи французскаго ученаго Тарда: «Законы подражанія». Н. В.



Въ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ библіографическомъ листкѣ „Русской Старины“, изд. 1891 г., т. LXXII, книга декабрь, за недостаткомъ мѣста при вёрсткѣ опущено понѣсколько строкъ въ отзывахъ о двухъ книгахъ. Возстановляемъ эти строки:

К. М. Станюковичъ. Моряки. Очерки и разсказы. Спб. 1891 г. Цѣна 1 руб.

Авторъ „морскихъ разсказовъ“ не пейзажистъ, не поэтъ, его настоящая сфера—изображеніе быта моряковъ, картины изъ ихъ будничной жизни; въ этомъ направленіи всѣ очерки перваго сборника, каждый въ своемъ родѣ, даютъ много интереснаго и типичнаго. Но „Моряки“ и тутъ, не говоря уже о меньшей свѣжести, значительно уступаютъ „Морскимъ разсказамъ“. За исключеніемъ „отмѣны тѣлесныхъ наказаній“, небольшой, но въ высшей степени характерной картинки, другіе разсказы настоящаго сборника прибавляютъ мало новаго къ тому, что уже было описано раньше; по временамъ это рядъ мелкихъ эпизодовъ или случайныхъ сценъ, всегда талантливо и живо разсказанныхъ, но часто совершенно пустыхъ по содержанію. Особое мѣсто въ сторонѣ занимаетъ только „Грозный адмиралъ“, повѣсть, въ которой дѣйствіе происходитъ на сушѣ, и море не играетъ никакой роли, а изображается, и притомъ яркими красками, старая помѣщичья семья, съ деспотомъ-отцемъ во главѣ. Центральная фигура—„грозный“ адмиралъ—выхваченъ прямо изъ жизни и на-

рисованъ во весь ростъ; типичны также и его дѣти. Это, безъ сомнѣнія, лучшая вещь во всемъ сборникѣ.

Въ общемъ „Моряки“ г. Станюковича всѣми вѣроятно прочтутся съ удовольствіемъ: задушевный тонъ и гуманныя тенденціи автора, его отличное знакомство съ изображаемымъ предметомъ, а также своеобразный характеръ самой жизни на морѣ,—все это выдѣляетъ настоящіе разсказы изъ пестрой и сѣренькой массы нашей обычной журнальной беллетристики.

Н. Карышевъ. Экономическія бесѣды. Второе, исправленное изданіе. Москва, 81 стр.

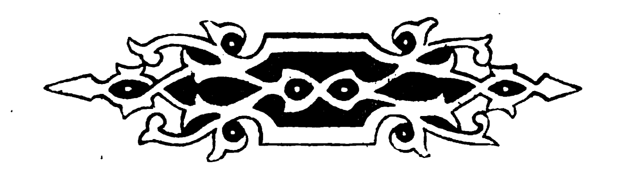
...Нами сдѣлано по поводу этой брошюры нѣсколько, пожалуй, мелочныхъ замѣчаній, (Рус. Стар. 1891 г. кн. 12) но мы ихъ сдѣлали только потому, что въ популярномъ изданіи „всякое лыко въ строку“, намъ не хотѣлось бы, чтобъ несомнѣнныя достоинства настоящей работы страдали отъ неудачныхъ выраженій или случайныхъ промаховъ. Надо надѣяться, что третье изданіе этой полезной книги (оно, вѣроятно, послѣдуетъ за вторымъ съ такой-же скоростью, какъ второе за первымъ) будетъ избавлено отъ всѣхъ досадныхъ недосмотровъ и дополнено тѣмъ общимъ теоретическимъ введеніемъ, которое положительно необходимо. Однако, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Экономическія бесѣды“ проф. Карышева могутъ быть рекомендованы, какъ лучшее, вполнѣ толковое и обстоятельное руководство для лицъ, не подготовленныхъ къ чтенію строго научныхъ сочиненій.

Н. В. В.

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Съ пятью фототипіями. Москва. 1891 г. въ 8 д., стр. XI+202. Цѣна 1 р. 50 к. (Оттискъ изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и древностей Росс.“ при Московскомъ унив.).

Родомъ чехъ, дворецкій въ свитѣ польскаго посла князя Михаила Черторыйскаго, Таннеръ пробылъ, въ составѣ этого посольства, въ Москвѣ съ 15-го мая по 24-ое августа 1678 г. Въ 1689 году вышла въ Нюрембергѣ его книга, извѣстная доселѣ въ русской исторической литературѣ, по большимъ или меньшимъ отрывкамъ, разсѣяннымъ въ пяти періодическихъ русскихъ изданіяхъ (съ 1826 по 1849 г.), да по ссылкамъ и выдержкамъ изъ нея въ нѣсколькихъ историческихъ трудахъ (Берхъ, професс. Е. Е. Замысловскій и друг.); книга Таннера нынѣ впервые является въ полнѣ, въ русскомъ переводѣ. Наряду съ извѣстіями вздорными и грубо ошибочными Таннеръ сообщаетъ на многихъ страницахъ замѣтки весьма любопытныя, какъ, напр., одно изъ самыхъ подробныхъ описаній Москвы, притомъ описаніе довольно обстоятельное, а также черты нравовъ москвитянъ, порядковъ, принятыхъ при пріемѣ пословъ, наконецъ, весь ходъ переговоровъ того польпосольства, при которомъ онъ провелъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ. Примѣчанія и приложенія г. Ивакина придаютъ его труду нѣкоторое научное значеніе и дѣлаютъ его еще болѣе интереснымъ.

А. П.



ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ МИХ. ИВ. СЕМЕВСКАГО

С.-Петербргъ, Большая Подьяческая, д. 7,

продаются слѣдующія изданія:

I. **„Русская Старина“** изд. 1891-го года, 12 книгъ, съ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Цѣна **ДЕВЯТЬ** рублей съ пересылкою (*осталось 50 экземп.*).

II. **Систематическая Роспись** содержанія „Русской Старины“ за первыя пятнадцать лѣтъ, 1870—1884 гг. Книга въ 8 д., 300 стр., украшена многими отлично выполненными гравюрами. Цѣна **3 руб.** съ пересылкою.

III. **Первое прибавленіе къ этой Росписи**, 1885—1887 гг., съ 12 гравюрами. Спб., 1888 г. Цѣна **1 руб.**, пересылка 21 коп. марками.

IV. **Второе прибавленіе къ этой Росписи**, 1888—1890 гг., съ 12 гравюрами. Спб., 8 д., 1891 г. Цѣна **2 руб.**, пересылка 21 коп. марками.

V. **Слово и дѣло!** Историческіе очерки М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8 д., 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное. Цѣна **2 руб.** съ пересылкою.

VI. **Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ.** Историческій очеркъ М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8 д., 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ. Цѣна **2 руб. 50 коп.** съ пересылкою.

VII. **«Знакомые»**—альбомъ М. И. Семевскаго, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старина»—автобіографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг. Спб., 450 стр. Цѣна **2 руб.** съ пересылкою.

VIII. **Пятое собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей.** Сборникъ превосходныхъ геліогравюръ съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ, портреты: императрицъ—Екатерина I,—Анна Іоанновна,—Елисавета Петровна,—Екатерина II,—Марія Ѳеодоровна (два портрета),—Елисавета Алексѣевна,—Александра Ѳеодоровна (фототипія),—Марія Александровна,—великая княгиня Елена Павловна († 1873 г.). Всѣ эти снимки вполнѣ художественно исполнены—девять портр. въ Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ художникомъ *Г. Н. Скамони* въ Спб. и одинъ—фирмою *Набгольцъ* и *Шереръ* въ Москвѣ. Портреты съ большими и обстоятельно составленными біографическими очерками. Спб. въ 8 д. 1891 г.

Цѣна *V-го вып.* „Альбома гравиров. портретовъ“ — для подписчиковъ „Русской Старины“ **одинъ** руб., за пересылку 3 почт. марки (21 коп.), для прочихъ лицъ **три** руб.

сжертвованныхъ имъ Библіотекѣ въ 1886 г. 10) Переданное въ Библіотеку изъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій собраніе документовъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ изъ библіотеки упраздненнаго въ 1886 г. Люблинскаго римско-католическаго монастыря доминиканцевъ. 11) Собраніе рукописныхъ картъ и плановъ послѣдней четверти прошлаго вѣка, хранившихся въ Рѣшетиловскомъ архивѣ В. С. Попова, принесенное Библіотекѣ въ даръ его правнукомъ А. В. Поповымъ. 12) Коллекція бумагъ В. П. Гаевскаго, который представилъ ихъ въ библіотеку незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 2 марта 1888 г., съ тѣмъ, чтобы бумаги эти были распечатаны не ранѣе ста лѣтъ со дня рожденія жертвователя именно 22 января 1926 года. Изъ отдѣльныхъ рукописей и автографовъ, поступившихъ въ Библіотеку, назовемъ слѣдующія: пергаменный свитокъ Моисеева Пятокнижія, писаннаго на древне-еврейскомъ языкѣ, поднесенный Государю Императору еврейскимъ обществомъ Елисаветграда во время пребыванія Ихъ Величествъ въ этомъ городѣ въ 1888 г.; переданный г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода томъ бумагъ Московскаго митрополита Филарета; составленный въ 1751 году компилятивный трудъ по русской исторіи, переданный въ Библіотеку по опредѣленію археографической коммиссіи, южно-русскій хронографъ XVII вѣка, одинаковой редакціи съ Хроникою Бобоквинскаго; Описаніе Сибирскихъ горныхъ заводовъ, составленное извѣстнымъ генераломъ де-Геннинымъ и посвященное имъ въ 1734 году императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, — роскошный, подносный экземпляръ этого громаднаго, замѣчательнаго труда, украшенный множествомъ чертежей и рисунковъ; собственноручный журналъ А. Т. Болотова за 1813 и 1814 годы; любопытный сборникъ историко-литературнаго содержанія конца XVIII и начала XIX вѣка; сборникъ бумагъ, относящихся до иллюстраціи пасекъ въ Россіи въ 1813, 1817 и 1818 гг.; нѣсколько автографовъ (сочиненій и писемъ) императрицы Екатерины II; собственноручное стихотвореніе А. С. Пушкина черновые автографы нѣкоторыхъ произведеній И. А. Гончарова (въ томъ числѣ «Обломова»); двадцать писемъ И. С. Тургенева къ В. В. Стасову; автобіографія скульптора Антокольскаго, и др. Въ текстѣ отчета напечатаны нѣкоторые изъ пріобрѣтенныхъ библіотекою въ этомъ году автографовъ. Между произведеніями печати, поступившими въ Библіотеку заслуживаютъ вниманія, между прочимъ: а) собраніе книгъ на галицко-русскомъ языкѣ, принесенное въ даръ Вс. Я. Головацкимъ, сыномъ покойнаго предсѣдателя Виленской коммиссіи для разб. древнихъ актовъ Я. Ѳ. Головацкаго; б) первое изданіе 1481 года описанія путешествія въ Іерусалимъ, совершеннаго въ 1480 году миланскимъ герцогскимъ канцлеромъ Санта Браска; в) изданіе 1611 г. на латинскомъ яз. путевыхъ записокъ Гаспара де-Бернардино, португальскаго путешественника, посѣтившаго Іерусалимъ по пути въ Индію; г) первое изданіе 1650 г. путешествія римскаго патриція Пістро делла-Валле въ Турцію, Египетъ, Палестину, Персію и Остъ-Индію; д) продолженіе литературно-художественной коллекціи, приносимой въ даръ Библіотекѣ почетнымъ членомъ ея И. Е. Бецкимъ подъ названіемъ «Appendice» къ «Флорентинской славѣ» въ количествѣ 60 томовъ. Въ теченіе 1888 года въ Библіотеку поступило всего: а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 26,538 сочиненій въ 30,066 томахъ и б) рукописей, автографовъ и актовъ 5,801. Билетовъ для занятій въ Библіотекѣ выдано было 11,127 (въ 1887 г.—11,234). Общее число книгъ и періодическихъ изданій взятыхъ посѣтителями, 289,577 томовъ и номеровъ (въ 1887 г.—259,358). Изъ историческихъ повременныхъ изданій были выданы: «Вѣстникъ Европы» за 1888 г. 2132 и за прежніе годы 2481, «Историческій Вѣстникъ» 394 и за прежніе годы 627, «Русская Старина» 372 и 1018, «Кіевская Старина» 65 и 274, «Русскій Архивъ» 59 и 372, «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» за 1888 г. 24 и за прежніе годы 428. По исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ было всего выдано 1914 сочиненій 2765 томовъ. Въ прилож.: а) высокаго интереса письма митрополита Филарета; и б) рѣчь Д. Н. Блудова въ одномъ изъ засѣданій «Арзамаса».

И. К. Х—скій.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. **ФЕВРАЛЬ.** 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Его Императорскаго Высочества вел. кн. **Константина Николаевича**, фотогравюра Г. Н. Скамони, съ портрета, исполнен. съ натуры въ Экспедиціи заготовл. Госуд. бумагъ, 1876 г. — II. Портретъ-группа писателей: **И. А. Крыловъ, В. А. Жуковскій, А. С. Пушкинъ и Н. И. Гнѣдичъ**—въ 1832 г., фототипія Шерера-Набгольца съ картины, писалъ съ натуры художникъ Чернецовъ въ 1832 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1892 г.

Подолія. Историческое описаніе. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромолитографіею, 2 фототипіями, 46 гравюрами и 2 картами. С.-ПБ. 1891. Цѣна 3 руб.

Съ выпускомъ въ свѣтъ настоящей книги приступлено къ завершенію предпринятаго съ высочайшаго соизволенія изданія «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Съ окончаніемъ нынѣ этого труда всѣ девять, такъ называемыя, западныя губерніи и двѣ, входящія въ районъ варшавскаго генералъ-губернаторства (Люблинская и Сѣдлецкая) получили обстоятельное, основанное на документахъ и личныхъ изслѣдованіяхъ людей науки, описаніе. Къ этимъ губерніямъ (описаннымъ въ очеркахъ: «Холмская Русь—С.-ПБ. 1887, «Волынь»—С.-ПБ. 1888, «Бѣлоруссія и Литва»—С.-ПБ. 1890) Государю Императору благоугодно было повелѣть присоединить двѣнадцатую — Бессарабскую (стр. XI), которая, граничa съ Румыніею и Галиціею, составляетъ послѣднее южное звено въ длинной цѣпи нашихъ пограничныхъ областей отъ Балтійскаго моря до Чернаго и описаніе которой составитъ содержаніе отдѣльнаго тома. «Подолія» составлена по той-же программѣ, что и первые три очерка «Памятниковъ». Составъ книги слѣдующій: отъ издателя (XI—XXXI стр.), введеніе (1—4 стр.), десять главъ текста (5—264), въ которыхъ исторически доказывается, что Подолія съ незапамятныхъ временъ была населена славяно-русскимъ племенемъ, которое, не смотря на то, что долго находилось подъ чужеземнымъ игомъ (турецкихъ племенъ и поляковъ), не утратила особенностей земли русской: сохранило до нынѣ языкъ, вѣру и обычаи. Текстъ принадлежитъ проф. кіевской духовной академіи Н. И. Петрову и изобилуетъ ссылками на разные, по преимуществу печатные, матеріалы и источники, которые и указываются въ примѣчаніяхъ. Книга украшена прекрасными рисунками въ текстѣ (изображеніями историческихъ мѣстностей, лицъ и предметовъ), описаніе которыхъ занимаетъ вторую часть ея, и принадлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, М. И. Городецкому. Кромѣ того, въ книгѣ приложены двѣ превосходныя фототипіи В. И. Класена: портреты императрицы Маріи Александровны († 1880 г.) и цесаревича Николая Александровича († 1865 г.), отчетливая хромолитографія—грамота подольскаго господаря Александра Коріатовича 1375 г. Смотричскому доминиканскому монастырю о правахъ монастыря на мельницу, двѣ карты: географическая — Подоліи и синхронистическая — древнихъ княжествъ з.-рус. края и алфавитный указатель. По внѣшности—книга издана весьма изящно.

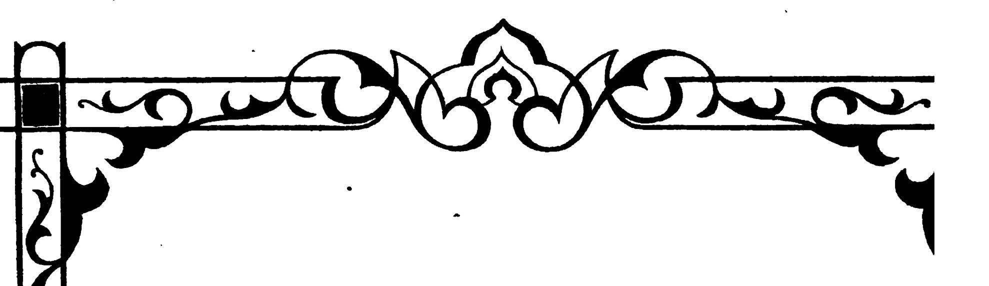
Г. А. Воробьевъ.

Сборникъ въ пользу голодающихъ. Изданіе ред. журнала „Русская Мысль". Москва. 1892 г., въ 8 д., стр. 279. (Напечатано 3,000 экз.). Ц. 1 руб. Складъ изданія въ Москвѣ, въ редакціи „Русской Мысли".

Редакція одного изъ лучшихъ научно-литературныхъ журналовъ, нашего „Русская Мысль", издала живой, вполнѣ интересный сборникъ съ вышеизложенною доброю цѣлью. Почти всѣ статьи прочтутся съ любопытствомъ, нѣкоторыя съ удовольствіемъ: очень хороши — стихотвореніе В. Величко „Голодъ", статья А. Исаева: „Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской мысли", разсказъ Салова: „Скупой рыцарь", „Право и политическая экономія" В. Гольцева, „Гражданское правосудіе въ духѣ судебныхъ уставовъ" г. Джаншіева, „Чернецъ"—очеркъ В. Короленко и проч. Словомъ, проза и стихи, безплатно сообщенные на страницы этого сборника сотрудниками „Русской Мысли" для святаго дѣла, вполнѣ хороши и, повторяемъ, живы, талантливы, интересны, а потому сборникъ, даже и не въ виду предназначенія выручки отъ продажи, вполнѣ заслуженно, быстро разойдется.

Л. Д. Бражниковъ. Идеи русскихъ писателей XIX вѣка. Матеріалы къ исторіи русской литературы. Спб. 1892 г., въ 8 д., стр. VIII+357. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣль настоящаго сборника, какъ она, между прочимъ, выясняется его составителемъ, — изложить въ систематическомъ по возможности порядкѣ и собственными словами авторовъ идеи нашихъ знаменитыхъ писателей нынѣшняго вѣка и на-



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

1827 род. 9-го сентября / † января 13-го **1892.**

Въ полночь съ 12-го на 13-ое января 1892-го года въ г. Павловскѣ угасла жизнь Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. Сошелъ въ могилу государственный дѣятель, съ именемъ котораго соединены воспоминанія о наиболѣе важныхъ преобразованіяхъ Царя-Освободителя, въ которыхъ нынѣ почившій вѣчнымъ сномъ смерти Великій Князь принималъ непосредственное участіе, въ разработку которыхъ онъ внесъ и личный трудъ, и личное самое живое одушевленіе и сочувствіе.

Одаренный отъ природы замѣчательнымъ умомъ, унаслѣдовавъ отъ своего Державнаго Родителя энергію, настойчивость и необыкновенное трудолюбіе, получивъ въ высшей степени основательное и многостороннее образованіе и расширивъ горизонтъ своихъ знаній продолжительными путешествіями, въ теченіе которыхъ все достойное вниманія имъ было изучаемо, наконецъ, окруживъ себя людьми весьма образованными и способными,

великій князь Константинъ Николаевичъ вполнѣ заслуженно сталъ во главѣ ближайшихъ сподвижниковъ императора Александра II съ самыхъ первыхъ дней достопамятнаго царствованія.

„Русская Старина“ много страницъ посвятила прекрасной личности и дѣяніямъ наигуманнѣйшаго Государя, какого когда-либо имѣла Россія; неоднократно наше изданіе останавливало вниманіе своихъ многочисленныхъ читателей и на свѣтлой личности Августѣйшаго сподвижника императора Александра II—великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Государственная дѣятельность его хорошо извѣстна: въ дни, послѣдовавшіе за его кончиною, вся печать, и русская и иностранная, въ своихъ наиболѣе уважаемыхъ и распространенныхъ органахъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія посвятила памяти опочившаго самые сочувственные отзывы, именно о его личныхъ достоинствахъ и объ его жизни, въ значительно бо̀льшей ея половинѣ самоотверженно отданной на служеніе отечеству, на пользу и славу русскаго народа.

Но еще двадцать одинъ годъ тому назадъ главнѣйшіе труды великаго князя Константина Николаевича, именно въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, были оцѣнены по достоинству и притомъ въ глубоко прочувствованныхъ выраженіяхъ, съ высоты трона, императоромъ Александромъ II. А именно, 19-го февраля 1861-го года, покойный Государь, какъ самъ выразился въ извѣстномъ рескриптѣ, на имя своего брата даннымъ, пожелалъ „и по влеченію сердца и по долгу“ своему „изъявить въ самый достопамятный для Россіи день живѣйшую, глубокую признательность“ в. к. Константину Николаевичу „за точное, скорое и вполнѣ волѣ и ожиданіямъ“ Его Величества „соотвѣтствующее окончаніе сего государственнаго дѣла“—дѣла „дарованія помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей...“ „Я не забуду и со Мною, конечно, вся Россія не забудетъ, писалъ Государь, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество... Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его святой, всегда благостной, воли. Но мы можемъ нынѣ-же съ покойною совѣстью сказать себѣ, что Нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти Нашей средства, и со смиреніемъ уповать, что

покровительствующее любезному Нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе Нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна...“

Чистоту намѣреній и самоотверженіе внесъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ и въ служеніе на высокомъ посту намѣстника Царства Польскаго, подвергая самую жизнь свою смертельной опасности. Исторія вскроетъ въ будущемъ государственные акты того времени и, ознакомясь съ ними, сотретъ тѣ обвиненія, каковыя взводимы были на великаго князя, въ нѣкоторыхъ органахъ печати, за событія 1862—1863 годовъ.

Призванный 1-го января 1865-го года на постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, в. кн. Константинъ Николаевичъ соединилъ съ того момента, на протяженіи болѣе шестнадцати лѣтъ, свое имя со всѣми государственными законоположеніями и мѣропріятіями, каковыя исходили изъ сего высшаго законодательнаго въ Россіи учрежденія, внося во все свое пылкое желаніе принести пользу и благо отечеству.

Есть множество свидѣтелей (въ числѣ ихъ былъ и пишущій эти строки, служившій въ званіи помощника статсъ-секретаря), множество свидѣтелей того непрерывнаго, большаго и упорнаго труда, каковой несъ на себѣ въ Государственномъ Совѣтѣ великій князь Константинъ Николаевичъ: каждое, сколько-нибудь важное, дѣло изучаемо имъ было лично, нерѣдко безъ посредства докладчика; занимая предсѣдательское мѣсто, — было-ли то въ Главномъ Комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, въ Главномъ присутствіи по воинской повинности или, наконецъ, въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта ,— великій князь всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія со всѣмъ тѣмъ, что подлежало обсужденію и рѣшенію. Въ началѣ своего служенія на посту предсѣдателя Государственнаго Совѣта, пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто проявлялись, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія, быстро усваивая суть обсуждавшихся докладовъ, — личнымъ разъясненіемъ разсѣевая возникавшіе вопросы и недоумѣнія, сглаживая оттѣнки разномыслія и превосходно приводя собраніе къ единогласнымъ рѣшеніямъ. Память великаго князя была поразительна: весьма бывало часто, напр. въ Главномъ

Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, что Великій Князь, остановивъ докладчика, продолжалъ докладъ самъ и съ поразительною ясностью излагалъ самыя запутанныя подробности какого либо спорнаго дѣла.

Видя иногда утомленіе въ лицѣ Августѣйшаго Предсѣдателя, мы спрашивали близкихъ къ нему о причинахъ и узнавали, что наканунѣ, до глубокой ночи, Его Высочество читалъ дѣла, предназначенныя къ докладу, изучалъ ихъ, причемъ зачастую справлялся въ нѣкоторыхъ книгахъ его обширной библіотеки. Да, это былъ труженникъ государственный, труженникъ замѣчательныхъ способностей, дѣятель всею душою желавшій пользы и блага горячо-любимой имъ Россіи.

Точность въ ежедневномъ распредѣленіи своихъ занятій, даже во всѣхъ мелочахъ обыденной жизни у вел. кн. Константина Николаевича была необыкновенная; къ этому онъ, впрочемъ, привыкъ съ самой ранней юности, также какъ и всѣ члены Августѣйшей семьи императора Николая Павловича... Извѣстно, между прочимъ, что едва-ли не съ конца 1830-хъ годовъ, великій князь Константинъ Николаевичъ уже велъ „Дневникъ", и велъ его во всю свою, столь богатую трудами и всевозможными волненіями, жизнь; велъ его до кануна того дня, 7-го іюля 1889-го года, когда онъ былъ пораженъ недугомъ, два съ половиною года спустя низведшимъ его въ могилу. Легко представить себѣ какой драгоцѣнный матеріалъ впослѣдствіи, когда лица и событія отступятъ на историческую даль, представитъ помянутый дневникъ вел. кн. Константина Николаевича по отношенію къ эпохѣ императора Александра II...

Историческая даль! Она, несомнѣнно, будетъ благопріятна для великаго князя Константина Николаевича, такъ какъ это одна изъ тѣхъ личностей, для правильной, вполнѣ безпристрастной оцѣнки которой необходима историческая даль; въ ней разсѣятся, напр., тѣ чувства, каковыя были вызваны у сторонниковъ крѣпостной до-реформенной Россіи противъ великаго князя Константина Николаевича въ эпоху созданія Положеній 19-го февраля и затѣмъ при введеніи ихъ въ жизнь русскаго народа. И чѣмъ позже настанетъ это время суда исторіи, тѣмъ выше и выше поднимется, повторяемъ, свѣтлая личность великаго князя Константина Николаевича.

Заслуги покойнаго Великаго Князя въ званіи генералъ-адмирала, заслуги по отношенію къ русскому флоту—громадны, и имъ воздана дань признательности съ высоты трона 23-го февраля 1880 г. и 22-го апрѣля 1881 г. послѣдовательно двумя Монархами Россіи въ высочайшихъ рескриптахъ, на имя великаго князя данныхъ.

Впервые отправившись въ морское плаваніе въ 1835-мъ году, в. кн. Константинъ Николаевичъ, какъ видно изъ его послужнаго списка, до 1877-го года включительно, совершилъ до пятидесяти плаваній и пробылъ, въ теченіе ихъ, на морѣ до 1,375 дней, т. е. почти 42 съ половиною мѣсяцевъ или болѣе трехъ съ половиною лѣтъ. Это былъ истинный морякъ, горячо преданный морскому дѣлу...

Въ заключеніе нашихъ, отъ всей души вылившихся строкъ‘ мы долгомъ считаемъ напомнить отношенія великаго князя Константина Николаевича къ печати.

Это былъ государственный мужъ—съ глубокимъ убѣжденіемъ признававшій необходимость возможно болѣе широкой свободы печати и права обсужденія общественной и государственной дѣятельности всѣхъ и каждаго. Убѣжденіе это сохраняемо было Великимъ Княземъ во всю его жизнь, и оно было до того сильно, что его не поколебали даже тѣ нападки и обвиненія, которыя сыпались на него, въ русской печати напр., за время польской смуты изъ обоихъ лагерей...

Миръ праху твоему, вполнѣ достопамятный сподвижникъ Монарха-Освободителя! Ред.

13-го января 1892 г.
Спб.

Примѣчаніе. Портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, приложенный при настоящей книгѣ „Русской Старины“, есть третье изданіе фотогравюры, воспроизведенной въ художественной мастерской—Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ художникомъ Г. Н. Скамони; оригиналомъ для гравюры послужила фотографія, исполненная въ Экспедиціи въ 1876 г. съ великаго князя Константина Николаевича во время посѣщенія его императорскимъ высочествомъ этого учрежденія. Первыя два изданія этой, позволяемъ себѣ сказать, превосходной фото-гравюры, приложены при „Русской Старинѣ“, изд. 1884 года, т. XLI, и въ IV-мъ выпускѣ альбома: „Русскіе дѣятели въ портретахъ“, изд. ред. „Русской Старины“. Спб. 1890 г.

Послужной списокъ е. и. в. государя великаго князя генералъ-адмирала, генералъ-адъютанта КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

[Состав. 9-го сентября 1881 г.]

Е. И. В. в. к. Константинъ Николаевичъ; генералъ-адмиралъ; генералъ-адъютантъ; предсѣдатель государственнаго совѣта; предсѣдатель адмиралтействъ-совѣта; предсѣдатель Александровскаго комитета о раненыхъ; членъ и предсѣдатель главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія; почетный президентъ Николаевской морской академіи; предсѣдатель императорскаго русскаго музыкальнаго общества; предсѣдатель императорскаго русскаго географическаго общества; почетный предсѣдатель императорскаго с.-петербургскаго яхтъ-клуба; почетный членъ: императорской медико-хирургической академіи, Михайловской артиллерійской академіи, императорской академіи наукъ, императорскаго с.-петербургскаго, казанскаго и дерптскаго университетовъ и членъ совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества; шефъ: морскаго училища и полковъ—лейбъ-гвардіи финляндскаго и гвардейскаго экипажа, армейскихъ: имени его высочества, 6-го уланскаго Волынскаго, 13-го гусарскаго Нарвскаго, 5-го драгунскаго Каргопольскаго, 14-го гренадерскаго Грузинскаго и 21-го пѣхотнаго Муромскаго, 1-го флотскаго его императорскаго высочества генералъ-адмирала экипажа, 1-го черноморскаго флотскаго его императорскаго высочества генералъ-адмирала экипажа, полковъ имени его высочества: прусскаго Рейнскаго гусарскаго № 9, австрійскаго 18-го пѣхотнаго и Баварскаго 6-го легкоконнаго; числится въ полкахъ лейбъ-гвардіи: конномъ, кирасирскомъ его высочества, Измайловскомъ, лейбъ-гвардіи во 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, лейбъ-гвардіи въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ императорской фамиліи, въ полкахъ лейбъ-гвардіи въ Литовскомъ, уланскомъ Его Величества и Волынскомъ, лейбъ-гвардіи въ Гродненскомъ гусарскомъ полку, въ 1-ой гвардейской батареѣ 3-й гвардейской и гренад. артиллерійской бригады и въ 3-й батареѣ гвардейской конно-артиллерійской бригады.

Кавалеръ орденовъ россійскихъ: св. Андрея Первозваннаго, св. Владиміра 1-ой ст., св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Анны 1-ой ст., св. Станислава 1-ой ст., св. Георгія 4-ой ст.; имѣетъ медали: золотую за труды по освобожденію крестьянъ, за венгерскую кампанію, за войну 1853—1856 гг. и въ память усмиренія польскаго мятежа 1863—1864 гг.

Родился 9-го сентября 1827 г. Назначенъ шефомъ грузинскаго гренадерскаго полка 1827 г. сентября 9-го. Записанъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ 1827 г. сентября 9-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ шефомъ польскаго 3-го линейнаго полка, съ переименованіемъ онаго въ полкъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича 1827 г. сентября 9-го. Назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и состоять въ лейбъ-гвардіи конномъ полку 1831 г. іюня 25-го. Назначенъ генералъ-адмираломъ и шефомъ гвардейскаго экипажа 1831 г.

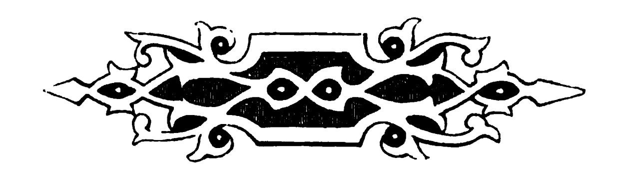
августа 22-го. Произведенъ въ мичманы 1834 г. сентября 9-го. Назначенъ шефомъ Каргопольскаго драгунскаго полка 1842 г. сентября 9-го. Произведенъ въ капитаны и назначенъ командующимъ бригомъ „Улиссъ". Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорской академіи наукъ 1844 г. декабря 29-го. По избранію императорскаго русскаго географическаго общества высочайше назначенъ предсѣдателемъ онаго 1845 г. августа 6. Назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству 1845 г. сентября 9. Произведенъ въ капитаны 1-го ранга 1846 г. іюня 25-го. Назначенъ почетнымъ предсѣдателемъ императорскаго с.-петербургскаго Яхтъ-клуба 1845 г. августа 31-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго гражданина города Перта въ Шотландіи 1847 г. іюля 26-го. Назначенъ командующимъ фрегатомъ „Паллада" 1847 г. августа 1-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ шефомъ Волынскаго уланскаго полка 1847 г. сентября 30-го. Назначенъ командующимъ по наружности первымъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка 1847 г. ноября 28-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго с.-петербургскаго университета 1848 г. января 19-го. По званію командовавшаго лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ, за маневры, произведенные 28-го, 29-го и 30-го сентября, гвардейскимъ корпусомъ, съ прикомандированными къ оному частями, получилъ Монаршее благоволеніе, 1848 года сентября 30-го. Повелѣно грузинскому гренадерскому полку именоваться гренадерскимъ полкомъ е. и. в. в. кн. Константина Николаевича 1848 г. февраля 6-го. Произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ въ свиту и шефомъ морскаго кадетскаго корпуса, нынѣ (1880 г.) морскаго училища, 1848 г. августа 30-го. Назначенъ командующимъ Финляндскимъ полкомъ по наружной части 1848 г. сентября 1-го. Назначенъ шефомъ 18-го пѣхотнаго полка австрійской арміи 1848 г. декабря 14-го. Назначенъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, не принимая участія въ рѣшеніи дѣлъ, 1849 г. января 3-го. Назначенъ присутствовать въ адмиралтействъ-совѣтѣ 1849 г. января 5-го. По избранію одесскаго общества исторіи и древностей, принялъ на себя званіе почетнаго члена общества 1849 г. февраля 19-го. Въ воздаяніе неустрашимости въ бою и хладнокровнаго презрѣнія опасностей, получилъ отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею, вслѣдствіе предоставленной ему власти, орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертой степени 1849 г. августа 3-го. Назначенъ командиромъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады 1849 г. сентября 6-го. Назначенъ шефомъ гусарскаго его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича полка, съ переименованіемъ онаго въ полкъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича, 1849 г. сентября 19-го.

Состоялась высоч. грамота, въ коей изображено слѣдующее: „Въ воздаяніе неустрашимости въ бою и хладнокровнаго презрѣнія опасностей, оказанныхъ вашимъ императорскимъ высочествомъ въ Венгріи, гдѣ ваше высочество, со вступленіемъ войскъ Нашихъ въ оную, находясь постоянно при главныхъ силахъ арміи и раздѣляя съ войсками всѣ труды похода, принимали личное участіе въ сраженіяхъ противъ мятежныхъ венгровъ, 3-го и 5-го іюля сего года подъ гор. Вайценомъ, 13-го и 14-го іюля при устройствѣ переправы чрезъ рѣку Тейсу у Тисса-Фюретъ и 21-го іюля при г. Дебречинѣ, и въ дѣлахъ подъ Вайценомъ и подъ Дебречиномъ оставались подъ смертоноснымъ дѣйствіемъ непріятельскихъ батарей, а при Тисса-Фюретѣ находились подъ самымъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, отличаясь мужествомъ и самоотверженіемъ,—утверждая

опредѣленную вашему высочеству главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, по предоставленной ему отъ Насъ власти, награду, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ указомъ, въ 21-й день сентября 1849 года капитулу даннымъ, кавалеромъ ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертой степени, 1849 г. сентября 21-го. „Назначенъ предсѣдателемъ комитета для пересмотра, дополненія и общаго свода морскихъ уставовъ 1850 г. сентября 3-го. Высочайшимъ указомъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта 1850 г. сентября 5-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорской с.-петербургской медико-хирургической академіи 1850 г. сентября 16-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній 1850 г. декабря 21-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена Лондонскаго географическаго общества 1851 г. ноября 11-го. Назначенъ товарищемъ начальника главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества 1852 г. іюня 25-го. Назначенъ членомъ Сибирскаго комитета 1852 г. августа 15-го. Высочайшимъ приказомъ назначенъ генералъ-адъютантомъ 1852 г. ноября 26-го. Высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ предсѣдателемъ археологическаго общества 1852 г. ноября 27-го. Получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена дерптскаго университета 1852 г. декабря 13-го. Назначенъ дѣйствительнымъ членомъ импер. человѣколюбиваго общества и попечителемъ общества посѣщенія бѣдныхъ 1853 г. января 18-го. Произведенъ въ вице-адмиралы 1853 г. апрѣля 19-го. Состоялась высочайшая грамота, въ коей изображено слѣдующее: „Назначивъ васъ товарищемъ начальника главнаго морскаго штаба и слѣдя внимательно за ходомъ служебной дѣятельности вашей, пріятно Намъ было удостовѣриться, что вы, вникая во всѣ отрасли сей многосложной части, соотвѣтствуете тѣмъ Нашему довѣрію. Возложенный на васъ важный трудъ составленія устава морской службы совершили вы съ отличнымъ успѣхомъ, какъ засвидѣтельствовалъ предъ Нами генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ; вступая-же, за отсутствіемъ его, въ управленіе морскимъ министерствомъ, успѣли въ короткое время значительно уменьшить расходы по коммисаріатскому департаменту. Все сіе, радуя родительское сердце, даетъ вамъ право на особенное Наше благоволеніе, въ ознаменованіе котораго жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Владиміра первой степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію. Мы увѣрены, что, продолжая съ тѣмъ-же рвеніемъ дѣйствовать на служебномъ поприщѣ вашемъ, вы доведете управляемую вами часть до желаемаго во всѣхъ отношеніяхъ совершенства и содѣлаетесь достойнымъ, если обстоятельства того потребуютъ, вести флоты Наши противъ враговъ отечества къ новой славѣ“. 1853 г. декабря 6-го.

[Продолженіе послужнаго списка слѣдуетъ].

Примѣчаніе. Послужной списокъ великаго князя Константина Николаевича приводится здѣсь лишь въ извлеченіи.



ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1892 г.

Дозволено цензурою. С.-Пб. 16 января 1892 г. Геліогравюра Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ.

КНЯЗЬ де-ЛИНЬ ВЪ РОССИИ

въ 1780 и 1787—1788 гг.

Князь Карлъ-Іосифъ де-Линь, обычно титулуемый принцемъ, былъ послѣднимъ въ Европѣ военнымъ петиметромъ XVIII вѣка. Этотъ родъ петиметровъ исчезъ съ первыми волнами французской революціи и не былъ воскрешенъ вѣнскимъ конгрессомъ. Екатерина II не любила петиметровъ [1]), но высоко цѣнила князя де-Линь. Отъ отца и дѣдовъ своихъ унаслѣдовалъ онъ любовь къ военному дѣлу; какъ отецъ, какъ дѣды его, такъ и онъ личными военными заслугами въ рядахъ

[1]) Екатерина не любила петиметровъ какъ за ихъ щеголеватость костюма такъ и еще болѣе за ихъ слишкомъ вольное обращеніе съ женщинами; petit-maître, въ ея глазахъ, недоросль, никуда негодный и никому ненужный „Никита Ивановичъ, пишетъ она Панину, примѣчайте, пожалуй, не петиметръ-ли Митусовъ и не имѣетъ-ли съ французами знакомства“ (Сборникъ, X, 247). Въ 1765 году, отказывая кн. Репнину въ просимой имъ ссудѣ, Екатерина, перечисляя мотивы отказа, пишетъ Елагину: „Сверхъ того Репнинъ всякой день принимаетъ всякихъ распудренныхъ дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ окромѣ петиметрства“ (Ibid., VII, 404). Въ 1766 году, Екатерина писала фельдмаршалу гр. Миниху: „Я прочла длинное и странное письмо нарвскаго магистрата. Эти добрые люди подписываютъ то, чего они не понимаютъ; письмо ихъ писано по французски. Вы сдѣлали-бы мнѣ удовольствіе, вразумивъ ихъ, что мнѣ было-бы пріятнѣе получать впредь отъ нихъ бумаги на русскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ я предпочитаю имѣть въ городахъ добрыхъ гражданъ и зажиточныхъ купцовъ, чѣмъ петиметровъ. Опасаюсь, чтобъ съ языкомъ они не перемѣнили нравовъ, отъ чего и они и я можемъ только потерять“ (Ibid., X, 66).

австрійскихъ войскъ добылъ себѣ фельдмаршальскій жезлъ. Это была чисто „военная косточка“, но вполнѣ своеобразная, въ которой сказалась богато одаренная натура князя Карла. Пройдя суровую школу отца, грубаго вояки, онъ воспользовался и уроками бабки своей, женщины образованной и всегда романически настроенной. Благодаря бабушкѣ, князь де-Линь и въ вѣкъ невѣрія былъ добрымъ католикомъ; онъ получилъ отличное образованіе, зналъ нѣсколько языковъ, свободно говорилъ по латыни, любилъ искусство, понималъ музыку. Послѣ шпаги, онъ болѣе всего любилъ книгу, послѣ книги—женщинъ. Не было книги, которую князь Карлъ не прочелъ-бы; не было мысли, надъ которою онъ не задумался-бы, не было юбки, за которою онъ не волочился-бы. Онъ много путешествовалъ,—былъ во Франціи и Турціи, въ Австріи и Германіи, въ Англіи, Россіи и Польшѣ; много писалъ, въ стихахъ и прозѣ,—его „Произведенія“ изданы въ 32-хъ томахъ и многія изъ нихъ напечатаны въ его собственной типографіи, въ замкѣ Бель-Эль [1]), въ австрійскихъ Нидерландахъ, гдѣ онъ родился. Красивый, знатный, богатый, онъ отличался даже при версальскомъ дворѣ своимъ веселымъ остроуміемъ и привѣтливымъ обхожденіемъ. Ему были открыты всѣ парижскіе салоны, до кабинета Маріи-Антуанеты включительно; его мѣткія замѣчанія, его остроты повторялись всѣми, и всюду онъ былъ желаннымъ гостемъ—въ Брюсселѣ и Вѣнѣ, въ Берлинѣ и Петербургѣ. Онъ лично зналъ, былъ уважаемъ и велъ переписку съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II, съ Екатериною II и Маріею-Терезіею, съ энциклопедистами и философами, съ Вольтеромъ и Руссо, которому предлагалъ убѣжище въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Князь де-Линь пережилъ всѣхъ своихъ знаменитыхъ современниковъ: оплакалъ Іосифа II, воспѣлъ Екатерину II, имѣлъ несчастіе дожить до французской революціи, которая разрушила всѣ его убѣжденія, надругалась надъ его вѣрованіями, и умеръ въ Вѣнѣ, когда въ ней собрался конгрессъ европейскихъ государей. Всѣ коронованныя особы посѣтили его, всѣ дипломаты являлись къ нему на поклонъ, и остроты, мѣткія замѣчанія 80-тилѣтняго старца повторялись теперь, какъ и прежде, всею Вѣною. Слѣдя за балами, театрами и увеселеніями, которые устраивались въ Вѣнѣ въ честь государей, умирающій князь де-Линь сказалъ: „Конгрессъ танцуетъ, но не двигается. Когда будутъ исчерпаны всѣ роды

---

[1]) Послѣдняя книга, вышедшая изъ этой типографіи „Instruction secrette. derobée à S. M. le roi de Prusse. Bel-Oeil. 1787“.

зрѣлищъ, я предложу ему еще невиданное—погребеніе фельдмаршала". Кн. де-Линь сдержалъ свое слово: онъ умеръ 13-го декабря 1814 года.

Князь де-Линь два раза посѣтилъ Россію. Въ первый разъ, въ 1780 году, онъ пріѣзжалъ по поводу значительной денежной претензіи къ русскому правительству, возникшей вслѣдствіе женитьбы его сына на княжнѣ Еленѣ Массальской, племянницѣ князя-епископа виленскаго. Онъ проѣхалъ тогда изъ Петербурга въ Вильну и оттуда въ Варшаву, гдѣ шутя мечталъ о польской коронѣ и принималъ серьезныя мѣры къ осуществленію этой мечты. Во второй разъ, въ 1787 году, онъ пріѣзжалъ въ Россію по приглашенію императрицы: онъ сопровождалъ Екатерину въ таврическомъ путешествіи въ качествѣ, по его собственнымъ словамъ, „дипломатическаго жокея"; онъ участвовалъ потомъ во второй турецкой войнѣ въ качествѣ, по словамъ Екатерины, военнаго „шпіона". Всего онъ пробылъ въ Россіи около трехъ лѣтъ, и въ это время видѣлъ, бесѣдовалъ и переписывался съ императрицею Екатериною, посѣщалъ многихъ русскихъ вельможъ, жилъ съ Потемкинымъ и Румянцевымъ, преклонялся предъ русскимъ солдатомъ, видѣлъ Петербургъ и Москву, проѣхалъ по всей Россіи до Бахчисарая, видѣлъ русскіе города и русскія деревни, и обо всемъ, что видѣлъ и узнавалъ, писалъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ, и въ этихъ письмахъ сообщалъ свои наблюденія, замѣтки и впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, кн. де-Линь не оставилъ своихъ мемуаровъ [1]). Они были-бы весьма интересны, что сознавалъ и самъ кн. де-Линь: „Отеческая заботливость обо мнѣ добраго императора Франца I, материнская—великой Маріи Терезіи и почти братская—безсмертнаго Іосифа II, полное довѣріе ко мнѣ фельдмаршала Ласси и почти полное фельдмаршала Лаудона, близость моя къ прелестной французской королевѣ Маріи-Антуанетѣ, лестное вниманіе ко мнѣ великой Екатерины и уваженіе, которымъ чтилъ меня Фридрихъ II, придали-бы большой интересъ моимъ мемуарамъ". Но и помимо мемуаровъ, въ письмахъ, очеркахъ и разсказахъ князя де-Линь сообщено много интересныхъ свѣдѣній, разбросано много любопытныхъ замѣтокъ, между прочимъ—и о Россіи, о русскихъ людяхъ, особенно-же о Екатеринѣ II.

[1]) Michaud, въ Biographie Universelle, XXIV. 528. говоритъ: „Le prince de Ligne a laissé des Mémoires, qui ne doivent] être publiés que cent ans après sa mort, mais dont des extraits ont paru dans la Revue Nouvelle en 1846". Это извѣстіе взято изъ журнала-же „Revue Nouvelle", изъ предисловія издателя, и не оправдывается самими письмами князя де-Линь.

Этимъ, конечно, объясняется то вниманіе, съ которымъ относились въ Россіи къ произведеніямъ князя де-Линь. Когда, еще при жизни автора, баронесса Сталь-Голштейнъ издала „Lettres et Pensées du maréchal prince de Ligne", Paris, 1809, въ Москвѣ, въ томъ-же году, появились „Письма и мысли маршала принца де-Линь, изданныя въ свѣтъ баронессою Стаэль-Голштейнъ", въ двухъ томахъ. Мало того: въ томъ-же 1809 году появился въ Москвѣ-же и второй переводъ, сдѣланный болѣе тщательно. Очевидно, книга читалась, если въ одинъ годъ потребовалось два ея изданія. Въ 1810 году, вышли „Избранныя философическія, политическія и военныя творенія принца де-Линь, изданныя однимъ изъ его пріятелей и служащія продолженіемъ къ Твореніямъ его, изданнымъ г-жею Стаэль-Голстейнъ". Полвѣка спустя, въ 1866 году, появился третій переводъ „Писемъ принца де-Линя" [1]), но, къ сожалѣнію, изуродованный уже цензурою до того, что даже Клеопатра обратилась въ „сѣверную повелительницу".

Что-же даетъ намъ кн. де-Линь? Почему въ Россіи интересуются его письмами?

I.

Польскіе интересы князя де-Линь.

Въ Парижѣ прошлаго вѣка, въ Rue de Sève, что со времени революціи и понынѣ называется Rue de Sèvres, находилось лучшее воспитательное заведеніе для дѣвицъ аристократическаго происхожденія—Abbaye aux Bois. Сенъ-Сиръ, такъ плѣнившій Екатерину II, вышелъ въ то время уже изъ моды; къ тому-же онъ былъ основанъ г-жею де Ментенонъ для безплатнаго воспитанія дѣвицъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей; для знатныхъ-же французскихъ фамилій, для представительницъ богатой аристократіи, въ Парижѣ было только два заведенія: Abbaye aux Bois и Penthemont. Вся французская аристократія того времени воспитывалась въ одномъ изъ этихъ заведеній, видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ даже принцессъ крови: герцогиня Бурбонская, рожденная принцесса

[1]) Въ „Литературной Библіотекѣ", начиная съ 1-го тома. Переводъ довольно хорошъ и точенъ, но съ большими цензурными пропусками. При описаніи извѣстнаго свиданія въ Каневѣ, куда польскій король Станиславъ-Августъ явился подъ именемъ графа Понятовскаго, цензурою уничтожено его невинное обращеніе къ русскимъ вельможамъ: „Messieurs, le Roi de Pologne m'a charge de vous recommander le comte Pomatowski" и т. п.

Орлеанская, воспитывалась въ Penthemont. Директриссами Abbaye aux Bois, носившими титулъ аббатиссъ, были дамы знатнѣйшихъ родовъ, какъ герцогиня Орлеанская, внучка Людовика XIV, и герцогиня Ришелье, сестра знаменитаго маршала; воспитательницами—представительницы французской аристократіи, какъ Монморанси, Люинь, Рошшуаръ. Не смотря на то, въ аббатствѣ воспитывали не только свѣтскихъ барышень, но и добрыхъ хозяекъ: титулованныя дѣти, дочери маркизовъ и герцоговъ, стирали бѣлье въ прачешной, шили платья, стряпали на кухнѣ, послѣ чего Новерръ и Добервалъ, первые танцоры королевскаго театра, учили ихъ танцамъ, а Молэ и Ларивъ, изъ Comédie Française, декламаціи.

Въ 1771 году, въ эту-то Abbaye aux Bois была опредѣлена хилая, блѣдная дѣвочка, только-что привезенная изъ Польши, восьмилѣтняя княжна Елена Массальская [1]). Подруги заинтересовались ею: „Бѣдняжка, она даже не говоритъ по-французски! Послушаемъ польскій языкъ—любопытно, что это такое. Ah, que c'est drôle d'être une Polonaise!“

Малютку-княжну привезъ въ Парижъ ея дядя, князь-епископъ виленскій. Онъ принималъ участіе въ недавнихъ польскихъ смутахъ и бѣжалъ за границу съ племянницею-сироткою, дочерью брата. Это были едва-ли не первые польскіе эмигранты въ столицѣ Франціи.

Виленскій епископъ былъ сынъ князя Массальскаго, великаго гетмана литовскаго. Молодой епископъ [2]) пользовался въ Польшѣ большимъ вліяніемъ. Мемуары того времени рисуютъ его человѣкомъ образованнымъ, даже ученымъ; онъ обладалъ свѣтлымъ умомъ, легко схватывавшимъ самыя сложныя комбинаціи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ легкомысленный, непостоянный, съ крайнею робостью соединявшій стремленіе вмѣшиваться во всевозможныя дѣла и участвовать во всякаго рода предпріятіяхъ. Съ горячностью брался онъ за всякое дѣло и, не доведя до конца, охладѣвалъ, при чемъ нерѣдко его поведеніе противорѣчило тѣмъ принципамъ, которые онъ проповѣдывалъ. Князь-епископъ былъ азартный игрокъ: въ три года онъ проигралъ болѣе 100,000 дукатовъ, и

[1]) „Mémoires d'Appoline Hélène Massalska en l'Abbaye Royale de Notre Dame-aux-Bois rue de Sève, Faubourg Saint-Germain“ напечатаны L. Perey Histoire d'une grande dame au XVIII siècle, Paris, 1889, въ первомъ томѣ, озаглавленномъ: „La princesse Hélène de Ligne“, стр. 18—247.

[2]) Князь Игнатій Массальскій родился въ 1729 году; посвященъ въ виленскіе епископы въ 1762 году. Его старшій братъ, отецъ княжны Елены, былъ женатъ на княжнѣ Радзивиллъ.

постоянно нуждался въ деньгахъ, хотя его „литовскія владѣнія были необозримы“.

Въ Литвѣ только два рода соперничали изъ-за преобладанія — Массальскихъ и Радзивилловъ. Массальскіе поддерживали партію Чарторижскихъ и всею своею властью, значеніемъ, богатствомъ содѣйствовали, согласно съ видами Екатерины, избранію графа Станислава Понятовскаго, племянника Чарторижскихъ, въ короли Польши. Радзивиллы, напротивъ, были заклятыми врагами Чарторижскихъ: они защищали древнія формы Рѣчи Посполитой, были враждебны видамъ Россіи и противодѣйствовали избранію Станислава-Августа. Польскіе магнаты властвовали въ своихъ земляхъ, какъ феодальные владѣтели: у нихъ былъ свой дворъ изъ камергеровъ, егермейстеровъ и шталмейстеровъ, своя лейбъ-гвардія изъ драгунъ, казаковъ и пѣхоты, свое многочисленное войско, въ которомъ офицеры были тѣхъ-же ранговъ, что и въ королевской арміи [1]). Понятно, что

Трактатъ мира между Россіею и Польшею, подписанный въ Варшавѣ, въ 1768 году, вызвалъ сильное неудовольствіе въ католическомъ духовенствѣ: по этому трактату, православные, кальвинист-

король долженъ считаться съ этою знатію, болѣе, чѣмъ онъ, могущественною, долженъ быть признателенъ къ тѣмъ, кто содѣйствовалъ его избранію; но даже содѣйствовавшіе избранію короля не рѣдко возставали противъ усиленія королевской власти. Въ такомъ именно положеніи оказался князь-епископъ виленскій, рисковавшій своею жизнью [2]) ради избранія Станислава-Августа.

---

[1]) Епископъ виленскій содержалъ на свой счетъ „массальскій легіонъ“, численностью въ 16,000 человѣкъ; князь Радзивиллъ, дядя княжны Елены Массальской по матери, содержалъ 20,000 своего войска; графъ Потоцкій, воевода кіевскій, имѣлъ отрядъ въ 25,000 человѣкъ и т. п. Для правильной оцѣнки этихъ цифръ необходимо помнить, что армія польскаго короля была въ 18,000 человѣкъ.

[2]) При выборахъ депутатовъ на избирательный сеймъ, стараніями князей Массальскихъ, не жалѣвшихъ ни денегъ, ни угрозъ, ни одинъ изъ сторонниковъ дома Радзивилла не прошелъ въ депутаты. Узнавъ объ этомъ, князь Радзивиллъ прискакалъ въ Вильно съ своею эскортою въ 200 всадниковъ, ворвался въ епископскій дворецъ, разогналъ избранныхъ депутатовъ и, обращаясь съ дерзкою рѣчью къ князю-епископу, быстро перечислилъ всѣхъ епископовъ, убитыхъ князьями Радзивиллами, и закончилъ рѣчь словами: „Если еще когда-нибудь вамъ придетъ охота вмѣшиваться въ политику, то вспомните, господинъ прелатъ, что у меня всегда найдется 100,000 дукатовъ, чтобы получить изъ Рима разрѣшеніе въ смертоубійствѣ“. Князь-епископъ опѣшилъ; онъ настолько растерялся отъ наглыхъ угрозъ кн. Радзивилла, что далъ ему спокойно уйти изъ дворца. Придя въ себя, князь-епископъ велѣлъ ударить въ набатъ, вооружилъ депутатовъ и изгналъ Радзивилла изъ Вильны.

скіе и протестантскіе диссиденты пріобрѣтали всѣ тѣ права, которыми до того пользовались исключительно сыны римско-католической церкви. Шляхта, съ своей стороны, была недовольна допущеніемъ диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, прежде для нихъ закрытымъ. Повсюду начали собираться вооруженныя конфедераціи противъ придворной партіи и Россіи, войска которой, въ видахъ защиты королевской власти, занимали многія укрѣпленныя позиціи въ Польшѣ. Во главѣ важнѣйшей изъ конфедерацій, Барской, предводимой Пулавскимъ и Красинскимъ, стояли два Массальскихъ: гетманъ литовскій и его сынъ, князь-епископъ виленскій. Въ это время князь-гетманъ умеръ; гетманомъ литовскимъ сталъ графъ Огинскій [1])—князь-епископъ привлекъ и его въ конфедерацію. Въ іюнѣ 1771 года, князь-епископъ покинулъ Варшаву, спѣша на помощь Огинскому. Ему не удалось, однако, достигнуть Вильны: услышавъ о пораженіи Огинскаго и о наступленіи русскихъ войскъ на Вильно, князь Массальскій бѣжалъ изъ Польши. Едва переѣхавъ границу родины, князь-епископъ прочелъ въ „Gazette de Hollande“ слѣдующее извѣстіе: „Русскія войска, предводимыя маіоромъ Салтыковымъ, заняли Вильно; всѣ имущества виленской епископской каѳедры секвестрованы; на личное-же имущество князя епископа наложено запрещеніе и оно сдано въ управленіе кастеляну новогрудскому“. Наложено было запрещеніе и на всѣ имѣнія его покойнаго брата, отца княжны Елены, которую онъ привезъ съ собою въ Парижъ и помѣстилъ въ Abbaye aux Bois.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Хилая и больная дѣвочка обратилась въ красивую, статную дѣвицу. Въ Парижѣ, особенно-же въ Версали, стали говорить о польской княжнѣ, какъ о завидной невѣстѣ. Она была наслѣдницею обширныхъ земель своего отца, князя Массальскаго; ея мать, рожденная княжна Радзивиллъ, завѣщала ей 1,800.000 польскихъ флориновъ; бездѣтный князь-епископъ виленскій, примирившійся съ своимъ королемъ, ни отъ кого не скрывалъ, что племянница его, княжна Елена, назначена имъ единственною наслѣдницею всѣхъ его земельныхъ богатствъ въ Литвѣ, Польшѣ и Галичинѣ. Начиная съ 1777 года, когда княжнѣ Еленѣ минуло только 14 лѣтъ, дѣлались уже всевозможныя брачныя предложенія, причемъ, по обычаю того времени, наиболѣе заинтересованная въ этихъ предложеніяхъ „польская принцесса“ и ея воля вовсе не принимались во вниманіе. Къ чести князя-епископа

[1]) Графъ Огинскій, женатый на дочери князя Михаила Чарторижскаго, былъ двоюроднымъ братомъ короля Станислава-Августа.

должно сказать, что онъ во всѣхъ переговорахъ подобнаго рода прямо заявлялъ, что ставитъ свое личное согласіе на бракъ племянницы въ полную зависимость отъ ея выбора. Въ числѣ претендентовъ на руку княжны Елены былъ, между прочими, князь де-Линь, старшій сынъ князя Карла де-Линь, тоже Карлъ. Елена, увидѣвъ его въ первый разъ въ пріемной своего аббатства, записала въ дневникѣ: „Онъ блондинъ, статный; очень похожъ на свою красавицу-мать; у него пріятное выраженіе, прекрасныя манеры; онъ очень серьезенъ, но въ немъ есть что-то нѣмецкое".

25-го іюля 1779 года, въ Версали, король Людовикъ XVI, королева Марія-Антуанета и всѣ члены королевской фамиліи подписали брачный контрактъ князя Карла де-Линь и княжны Елены Массальской. Въ контрактѣ значилось, что князь де-Линь отецъ предоставляетъ своему сыну, со дня свадьбы, 30,000 ливровъ ежегоднаго дохода и безвозмездное содержаніе въ своихъ дворцахъ и замкахъ въ Брюсселѣ, Вѣнѣ и Бель-Элѣ; послѣ рожденія перваго ребенка ежегодный доходъ удваивается. Княжна Елена приносила слѣдующее приданое: обширное земельное владѣніе Могиляны, два дворца въ Краковѣ и одинъ въ Варшавѣ, какъ наслѣдство отца; 1,800,000 флориновъ, отъ матери; отъ дяди, князя-епископа виленскаго—60,000 ливровъ годоваго дохода и безвозмездное содержаніе въ Парижѣ. Въ день подписанія контракта, Елена получила отъ дяди на 500,000 франковъ бѣлья, платьевъ и мѣховъ, отъ князей де-Линь, отца и сына — на такую-же сумму брильянтовъ и кружевъ. 29-го іюля состоялась свадьба.

Эта свадьба, вѣрнѣе, этотъ брачный контрактъ былъ главною причиною первой поѣздки кн. де-Линь въ Россію: „Мой сынъ Карлъ женится на хорошенькой полячкѣ. Ея родня даетъ намъ документы вмѣсто наличныхъ денегъ — претензіи къ русскому двору" [1]. Князь Радзивиллъ, дядя Елены по матери, могъ признать 1.800,000 флориновъ, должныхъ племянницѣ, но уплатить ихъ не былъ въ состояніи, такъ какъ земли, которыми обезпечивался этотъ долгъ, находились подъ секвестромъ русскаго правительства. Князь де-Линь рѣшился личнымъ ходатайствомъ въ Петербургѣ разъяснить этотъ денежный вопросъ и, если окажется возможнымъ, обратить документы въ наличныя деньги.

Въ маѣ 1780 года, князь де-Линь отправился изъ Парижа, „прямо

---

[1]) Oeuvres, XXI, 33. Такъ, сокращенно, дѣлаемъ мы ссылки на всѣ 32 тома „Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires du prince de Ligne". Dresde, 1795.

отъ герцогини Полиньякъ, гдѣ обѣдалъ вмѣстѣ съ королевою", черезъ Вѣну и Берлинъ, въ Петербургъ. Въ Вѣнѣ онъ не засталъ уже императора Іосифа II, который находился въ это время въ Могилевѣ, въ гостяхъ у Екатерины. Но если австрійскій императоръ въ Россіи, то кн. де-Линь, австріецъ, будетъ-ли принятъ прусскимъ королемъ въ Берлинѣ? Вопреки ожиданіямъ, Фридрихъ II не только милостиво принялъ его, но не позволилъ себѣ никакой злой насмѣшки, ни даже наивной шутки по адресу имперіи и императора. „Не смотря на благосклонность ко мнѣ Фридриха II, я смертельно боялся, чтобъ онъ не вспомнилъ, что я австріецъ [1]). Какъ, думалось мнѣ, ни одной эпиграммы на нашъ счетъ. ни на счетъ императора? Какая перемѣна!"

Эта перемѣна объясняется могилевскимъ свиданіемъ Іосифа II съ Екатериною. Въ маѣ 1780 г., въ Могилевѣ, было положено основаніе коренной перемѣнѣ въ политикѣ русскаго правительства относительно ея нѣмецкихъ сосѣдей на западной границѣ: наклонность къ Пруссіи была замѣнена наклонностью къ Австріи. Съ самаго восшествія Екатерины на престолъ, въ теченіе 18-ти лѣтъ, внѣшняя политика Россіи тяготѣла болѣе къ Пруссіи, чѣмъ къ Австріи. Фридрихъ II зналъ цѣну Россіи и поддерживалъ дружественныя отношенія съ Екатериною, что давало ему извѣстный вѣсъ въ глазахъ Англіи и Франціи; въ то-же время, прусскій король интриговалъ противъ Россіи въ Константинополѣ и всѣми мѣрами противодѣйствовалъ русскимъ интересамъ при всѣхъ дворахъ. Еще въ 1770 году, когда Россія вела войну съ Турціею, Фридрихъ II, союзникъ Россіи, предлагалъ Іосифу II-му принять мѣры противъ возможнаго усиленія Россіи [2]). Между тѣмъ, политика Екатерины вполнѣ зависѣла отъ реальныхъ интересовъ Россіи: для польскаго вопроса ей нужна была Пруссія, для турецкаго, точнѣе, крымскаго — Австрія. Съ 1772 года, послѣ перваго раздѣла Польши, Екатерина обратила преимущественное вниманіе на дѣла турецкія, и свиданіемъ въ Могилевѣ повернула политическій фронтъ отъ Пруссіи къ Австріи. Фридрихъ II предвидѣлъ этотъ поворотъ и, насколько могъ, старался ему противодѣйствовать. При первомъ-же извѣстіи о предстоявшемъ свиданіи, онъ пугаетъ имъ Францію, увѣряя версальскій дворъ, что Іосифъ II ѣдетъ въ Россію, чтобы возстановить Екатерину противъ Бурбоновъ и склонить Россію въ пользу Англіи [3]). „Поѣздка

[1]) Ibid., VI, 151.

[2]) Arneth, Maria-Theresia und Joseph II, I, 300.

[3]) Vous ferez observer au ministère de Versailles, que l'Empereur selon des avis de très bonne part se proposait trois objets dans cette visite: 1) de faire

императора въ Россію, для свиданія съ русскою императрицею, очень не нравилась прусскому королю; Фридрихъ II подозрѣвалъ уже, что русскій дворъ ускользаетъ изъ его рукъ" [1]), но не зная еще результатовъ свиданія въ Могилевѣ, рѣшился сдѣлать bonne mine au mauvais jeu и очень хорошо принялъ австрійскаго генерала князя де-Линь.

„Король принялъ меня чрезвычайно ласково. Когда я ему представилъ сына Карла, онъ замѣтилъ, что не ожидалъ, что у меня былъ такой большой сынъ".

„— Онъ, ваше величество, уже годъ, какъ женатъ.

„— Осмѣлюсь спросить на комъ?

„— На полячкѣ, на Массальской.

„— Какъ, на Массальской? Да вы знаете-ли, что̀ сдѣлала ея бабушка?

„— Нѣтъ, ваше величество, не знаю, отвѣтилъ Карлъ.

„— При осадѣ Данцига, она сама прикладывала фитиль къ пушкѣ, стрѣляла, заставляла стрѣлять другихъ и защищалась, когда ея партія, потерявъ голову, думала лишь о сдачѣ" [2]).

Двѣ недѣли пробылъ кн. де-Линь въ Потсдамѣ, причемъ Фридрихъ II ежедневно приглашалъ его къ столу, говорилъ съ нимъ рѣшительно обо всемъ и только разъ, случайно, упомянулъ о могилевскомъ свиданіи: „однажды, за столомъ, когда зашла рѣчь о путешествіяхъ Іосифа II, король сказалъ мнѣ, но такъ, что я не понялъ, была-ли это насмѣшка или просто историческая справка [3]):

„— Императоръ счастливѣе Карла XII—онъ тоже вошелъ въ Россію чрезъ Могилевъ, но, мнѣ кажется, онъ дойдетъ до Москвы".

Въ началѣ августа кн. де-Линь съ сыномъ прибылъ въ Петербургъ [4]). Екатерина никогда не видѣла его; она слышала о немъ

sa cour à l'impératrice et de la désabuser à force de protestations et de cajoleries sur l'esprit de conquêtes et d'agrandissement qu'on lui prêtait: 2) de gagner la confiance et l'appui du prince Potemkin et 3) d'aigrir l'impératrice et son favori contre les maisons de Bourbon et de les disposer à favoriser l'Angleterre et à l'assister dans sa guerre actuelle. Изъ инструкціи короля Гольцу, отъ 6-го апрѣля 1780 года, въ Берлин. Архивѣ, Repos. XI, vol. VI, № 62.

[1]) Oeuvres, XI, 151.

[2]) Ibid., VI, 140.

[3]) Ibid., VI, 152.

[4]) „Князь де-Линь былъ оставленъ въ Россіи уѣхавшимъ императоромъ". Эта фраза самопроизвольно и вполнѣ ошибочно вставлена „Литературною Библіотекою" (I, 217) въ переводъ депеши англійскаго посланника Гарриса, отъ 15-го сентября 1780 года (Harris, Diaries and correspondence, I, 332).

отъ Гримма, отъ Іосифа II; она читала о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ газетахъ, читала его извѣстное письмо къ Ж. Ж. Руссо, такъ заинтересовавшее Фридриха II [1]). Это письмо еще болѣе заинтересовало Екатерину: она, русская императрица, предлагала нѣкогда энциклопедистамъ переселиться въ Россію, чтобы избѣжать преслѣдованій, которымъ подвергалась во Франціи „Энциклопедія"; теперь нидерландскій князь предлагаетъ Руссо поселиться въ одномъ изъ своихъ замковъ, обезпечивая ему полную свободу.

Въ 1770 году, когда генеральный прокуроръ разрѣшилъ Ж. Ж. Руссо жить въ Парижѣ, но подъ условіемъ „ничего не писать" и во всякомъ случаѣ ничего не печатать и не показываться „ни въ кофейняхъ, ни въ какихъ-либо публичныхъ мѣстахъ", кн. де-Линь два раза навѣстилъ Ж. Ж. Руссо на чердакѣ въ Rue Platrière, бесѣдовалъ съ нимъ [2]), и нѣсколько дней спустя прислалъ ему слѣдующее письмо:

„Милостивый государь.

„Я тотъ, который навѣстилъ васъ надняхъ и, зная, какъ вы не любите надоѣдливыхъ людей, не навѣщу васъ болѣе. хотя страстно желалъ-бы этого.

„Подумайте о томъ, что̀ я предлагалъ вамъ. Такъ какъ на моей родинѣ не умѣютъ читать, то вами не будутъ восторгаться, но не будутъ и преслѣдовать васъ. У васъ будетъ ключъ отъ моихъ книгъ и отъ моихъ садовъ. Вы будете видѣться со мною или не будете со мною видѣться, какъ пожелаете. У васъ будетъ небольшой домикъ, только для васъ однихъ, въ верстѣ отъ моего. Вы будете тамъ сажать, сѣять, дѣлать все, что вамъ вздумается. Жанъ-Батистъ [3]) и его духъ переселились во Фландрію, чтобъ умереть, но онъ писалъ только стихи; пусть-же Жанъ-Жакъ поселится во Фландріи, чтобъ жить. Живите у меня, вѣрнѣе, у себя и продолжайте vitam impendere vero [4]). Если вы хотите еще бо̀льшей свободы—у меня есть уголокъ земли, ни отъ кого не зависимый, но небо тамъ прекрасно, воздухъ чистъ, и всего въ трехстахъ вер-

[1]) Le roi me demanda si ma lettre à Jean Jacques Rousseau, qui avait été imprimée dans les papiers publiques, était de moi. Je lui dis: „Sire, je ne suis pas assez célebre pour que l'on prenne mon nom". Il sentit ce que je voulais dire. Oeuvres, VI, 119.

[2]) Mes conversations avec Jean-Jacques. Oeuvres, X, 268.

[3]) Jean-Baptiste Rousseau, 1671—1741, лирическій поэтъ.

[4]) Juvenal, sat. IV, v. 91. Это былъ девизъ Руссо и эпиграфъ многихъ революціонныхъ журналовъ.

стахъ отсюда. Тамъ нѣтъ у меня ни архіепископа, ни парламента [1]), но тамъ вскармливаются лучшіе бараны въ мірѣ.

„Въ другомъ хуторѣ есть у меня пчелы, и его я предлагаю вамъ. Если вы любите пчелъ, я оставлю ихъ; если не любите, я переведу ихъ въ другое мѣсто. Пчелы примутъ васъ лучше, чѣмъ Женева, которой вы оказали столько добра, столько чести. Какъ и вы, я не люблю ни троновъ, ни властей; вы не будете никѣмъ управлять, но и вами никто управлять не будетъ.

„Если вы принимаете мои предложенія, я пріѣду за вами и самъ отвезу васъ въ Храмъ Добродѣтели—таково будетъ названіе вашего жилища; но мы его такъ называть не будемъ: я избавлю вашу скромность отъ всѣхъ тріумфовъ, которыхъ вы заслуживаете. Если ни одно изъ моихъ предложеній вамъ не по душѣ—считайте, что я ихъ вамъ вовсе не дѣлалъ.

„Я не увижу васъ болѣе, но не перестану читать васъ и удивляться вамъ, не говоря вамъ о томъ" [2]).

Екатерина не любила Руссо и имѣла на то, конечно, серьезныя причины [3]); но Руссо уже умеръ и остался только великодушный поступокъ князя де-Линь, такъ подкупившій Екатерину.

Екатерина приняла князя де-Линь очень милостиво, даже любезно. „Здѣсь теперь князь де-Линь, писала она, человѣкъ веселый, милый, съ которымъ легко живется. Это оригинальная голова: при всемъ своемъ глубокомысліи, онъ способенъ дурачиться, какъ ребенокъ. Я очень довольна его обществомъ; онъ другъ герцога

---

[1]) По требованію парижскаго архіепископа де-Бомона и по опредѣленію парламента Жанъ-Жакъ Руссо подвергся преслѣдованію.

[2]) Tourneux, Correspondance, IX, 92. J'écrivis à Jean-Jacques la lettre qu'il donna à lire, ou à copier assez mal-à-propos et qui se trouva enfin, je ne sais comment, imprimée dans toutes les gazettes, Oeuvres, X, 273.

[3]) Ж. Ж. Руссо, 1712 — 1778. Изъ всѣхъ философовъ прошлаго вѣка Руссо наиболѣе скептически относился къ Екатеринѣ и Россіи; его „пророчества", какъ называла Екатерина сужденія Руссо о русскихъ дѣлахъ, раздражали императрицу, что и выразилось въ ея отзывахъ о Руссо, встрѣчающихся въ письмахъ къ Вольтеру (Oeuvres de Voltaire, LXXVIII, 3, 143: Фабіянъ, I, 3, 152; Сборникъ, XIII, 67). Смерть Руссо охладила нѣсколько это раздраженіе и въ письмахъ къ Гримму, въ 1778 и 1780 годахъ, Екатерина довольно спокойно вспоминаетъ о немъ (Сборникъ, XXIII, 117, 167). Въ это именно время кн. де-Линь, покровитель Руссо, впервые явился къ Екатеринѣ въ Петербургъ. Позже, въ 1782 году, въ письмѣ къ графу и графинѣ Сѣвернымъ, Руссо обвиняется уже въ женевскихъ „безпорядкахъ" (Сборникъ, IX, 148), а послѣ революціоннаго взрыва онъ является однимъ изъ главныхъ виновниковъ французскихъ „безумій" (Сборникъ, XXIII, 520).

Браганцскаго" [1]). Императрица часто бесѣдовала съ нимъ, приглашала его къ своему столу. Изысканная вѣжливость обхожденія, остроумная рѣчь, обширныя познанія, свѣтлый умъ и веселый нравъ князя произвели впечатлѣніе на придворное общество. Воронцовы и Шуваловы, князь Бѣлосельскій и князь Путятинъ, Долгорукіе, Панинъ, Голицыны, всѣ русскіе вельможи, подражая императрицѣ, ухаживали за княземъ де-Линь; но особенно близко сошелся онъ съ княземъ Потемкинымъ. Они видѣлись каждый день, то во дворцѣ, то въ домѣ будущаго князя Тавриды, то у его племянницы А. В. Энгельгардтъ. Князь де-Линь зналъ всѣ картины въ домѣ Потемкина [2]), и когда покидалъ Петербургъ, кн. Потемкинъ провожалъ его до Дерпта [3]). Петербургъ очень понравился князю де-Линь, видѣвшему уже Парижъ и Лондонъ, Вѣну, Венецію и Берлинъ. Онъ съ восторгомъ говорилъ о Невѣ, о ея гранитной набережной, о церквахъ и дворцахъ. Въ обществѣ императрицы и русскихъ вельможъ посѣтилъ онъ Царское Село, Петергофъ, Павловскъ, и описалъ загородные парки и сады, причемъ сравниваетъ Царское Село съ Версалью, а Петергофъ ставитъ выше ея. Какъ человѣкъ наблюдательный, много видѣвшій, онъ не только подмѣтилъ цѣлованіе рукъ у дамъ въ высшемъ обществѣ и русскіе хороводы въ крестьянской средѣ, но отмѣтилъ глубокую религіозность русскаго народа и особенности православнаго духовенства, относясь съ уваженіемъ и къ митрополиту Платону, благословляющему княгиню Голицыну розой, и къ русскому мужику, взывающему во всѣхъ случаяхъ жизни къ помощи святителя Николая [4]).

Князь де-Линь былъ тѣмъ болѣе желаннымъ гостемъ для Екатерины, что прибылъ въ Петербургъ вслѣдъ за отъѣздомъ императора Іосифа II и незадолго до пріѣзда прусскаго наслѣднаго принца Фридриха Вильгельма.

Визитъ, сдѣланный императоромъ Іосифомъ II—Екатеринѣ, взволновалъ всю Европу, особенно-же Пруссію. Представитель прусскаго короля въ Петербургѣ былъ убѣжденъ, что такое „снисхожденіе" императора, „перваго государя въ Европѣ" и къ тому-же изъ „столь

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 185. Позже, въ 1781 г., Екатерина опять повторила: sa tête est trés originale. Ibid., 208.

[2]) Oeuvres, XX, 117.

[3]) Le prince Potemkine est parti pour Dorpat sous pretexte d'y accompagner le prince de Ligne, avec lequel il a été fort lié et qu'il a retenu tout ce temps. Депеша графа Гёрца отъ 25-го сентября 1780 г. въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 112.

[4]) Oeuvres, XII, 300: XIII, 150, 168, 196; XXI, 59; XXII, 80, 81.

гордаго австрійскаго дома", увеличитъ надменность Екатерины [1]) и полагалъ, что впечатлѣніе, какое произведетъ императоръ, можно было-бы парализовать посылкою въ Петербургъ наслѣднаго принца прусскаго, племянника Фридриха II. Графъ Гёрцъ очень ловко привелъ свой планъ въ исполненіе, убѣдивъ кн. Потемкина, что самая мысль о поѣздкѣ Фридриха-Вильгельма въ Петербургъ принадлежитъ ему [2]), князю Потемкину.

Мысль, поистинѣ, вполнѣ несчастная. Фридрихъ-Вильгельмъ, молчаливый педантъ, угрюмый формалистъ, занимавшійся только муштровкою солдатъ и никогда не выѣзжавшій изъ Пруссіи, долженъ былъ, конечно, много потерять при сопоставленіи съ Іосифомъ II, веселымъ собесѣдникомъ, разносторонне образованнымъ, много путешествовавшимъ. Неуклюжій принцъ прусскій своимъ пріѣздомъ только усугубилъ сожалѣніе объ отъѣздѣ элегантнаго императора германскаго. Въ этомъ только смыслѣ донесенія англійскаго посланника Гарриса вполнѣ справедливы: даже въ присутствіи Фридриха-Вильгельма, Екатерина отдавала рѣзкое предпочтеніе бесѣдѣ съ княземъ де-Линь и нерѣдко разсыпалась въ похвалахъ Іосифу II [3]) Разсчетъ графа Гёрца на кн. Потемкина тоже не оправдался: именно во время пребыванія Фридриха-Вильгельма въ Петербургѣ, Екатерина была недовольна кн. Потемкинымъ [4]) и это неудовольствіе отражалось на всей придворной жизни.

---

[1]) L'entrevue de l'impératrice de Russie avec l'Empereur augmentera certainement la présomption de cette cour et surtout celle de la souveraine même et c'est bien l'effet le plus essentiel, qu'elle produira et dont on se ressentira le plus longtemps. C'est d'ailleurs le caractère propre de la souveraine de se livrer aux sentiments de vanité et tout a contribué sous ce règne à l'augmenter Il ne manquait que ce phenomène que l'Empereur d'Allemagne, le premier Souverain de l'Europe, issu de cette maison d'Autriche, d'ailleurs si fière, vint de si loin rendre hommage à l'impératrice. Une pareille condescendance etc. Депеша отъ 8-го апрѣля 1780 г. въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 63.

[2]) Je viens de chez le Prince Potemkine, auprès duquel j'ai executé les ordres de votre majesté au sujet du voyage du prince de Prusse, ajoutant que comme vous n'aviez consenti à ce voyage et au désir du prince, que sur les idées de lui, prince Potemkine, le tout était à regarder comme son ouvrage. Депеша гр. Гёрца отъ 20-го марта, въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI, P. S ad relationem № 58.

[3]) Her behaviour to the Prince de Ligne, which is clearly designed, is the strongest contrast to her conduct towards the Prince of Prussia, and nothing hurts him and his friends so much as the pleasure she express in his society... She is profuse to the Prince of Ligne in her expressions of regard and admiration for the Emperor. Harris, l. c., 332, 333.

[4]) La volonté de changer de favori, l'opposition qu'y met le prince Potemkine, dans le même temps ce nouveau scandale d'une seconde nièce du prince devenue enceinte à la Cour par l'oncle même et ce crime est sensible à la

Если ко всему этому прибавить соображенія чисто политическія, заставлявшія императрицу склоняться болѣе къ Австріи, чѣмъ къ Пруссіи, то станетъ вполнѣ понятнымъ то незавидное впечатлѣніе, которое Екатерина вынесла отъ личнаго знакомства съ племянникомъ Фридриха II. Это впечатлѣніе она сообщила Гримму въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Іосифъ II вполнѣ мастеръ; Фридриху-Вильгельму далеко еще и до подмастерья. Бѣдняга! Совсѣмъ не знаешь, что̀ онъ такое. Онъ только бормочетъ что-то или ужъ онъ такъ не привыкъ разсуждать, что изъ его рѣчей ничего не выходитъ. Онъ очень сдержанъ, что крайне неудобно для окружающихъ и имѣющихъ съ нимъ дѣло. Говорятъ, онъ хорошо думаетъ—можетъ быть, но вѣдь это-же можно сказать и объ индѣйскомъ пѣтухѣ, а быть индѣйскимъ пѣтухомъ или разыгрывать его роль — это, опять-же, не всегда выгодно [1]).

Князь де-Линь встрѣтился въ Петербургѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, какъ съ старымъ знакомымъ. „Нѣсколько мелкихъ услугъ, оказанныхъ мною ему относительно денежныхъ счетовъ, любовныхъ похожденій, и любезное ухаживаніе за дамою его сердца давно уже сблизили насъ. На далекой чужбинѣ иностранцы легко сходятся, не смотря на все различіе ихъ положенія, интересовъ и цѣлей. Между нами установились добрыя отношенія, въ которыхъ преобладали два чувства: дружба съ его стороны и неблагодарность съ моей, какъ только являлся случай принизить его въ Россіи“ [2]). Это даже не коварство со стороны кн. де-Линь: прусскій принцъ присланъ въ Петербургъ для противодѣйствія Іосифу II; австрійскій вельможа обязанъ по возможности ослабить, если не уничтожить вполнѣ это противодѣйствіе. Въ данномъ случаѣ задача не представляла большихъ трудностей и значительно облегчалась самимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

Прусскій посланникъ, конечно, былъ правъ, извѣщая Фридриха II, что его племянникъ долженъ былъ такъ вести себя, чтобы понравиться всѣмъ партіямъ при русскомъ дворѣ; но гр. Гёрцъ положительно ошибается, увѣряя короля, что принцъ прусскій вполнѣ

personne de l'impératrice même, ... tout cela, ajouté à tant d'autres mécontentements, que le favori et les siens donnent à tout le monde, tout cela, dis-je, bouleverse dans ce moment l'âme de cette souveraine... On assure que l'impératrice et le prince Potemkine ont eu des explications encore avant hier et hier matin. Депеша графа Гёрца отъ 25-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI, № 112.

[1]) Сборникъ, XXIII, 190.

[2]) Oeuvres, XXI, 33.

достигъ этого[1]). Изъ донесеній самого-же Гёрца, составляющихъ особую папку въ Берлинскомъ Архивѣ[2]), приходится вывести совершенно противное заключеніе. Такъ, напримѣръ, Іосифъ II былъ съ визитомъ у г-жи Энгельгардтъ, племянницы князя Потемкина; Фридрихъ-Вильгельмъ призналъ такой визитъ слишкомъ унизительнымъ для себя[3]), чѣмъ едва-ли могъ расположить въ свою пользу партію, наиболѣе значительную и вліятельную. Противная Пруссіи партія пользовалась всякимъ вольнымъ или невольнымъ случаемъ, чтобы уронить значеніе „высокаго гостя"; кн. де-Линь не щадилъ его своими насмѣшками. Одинъ изъ его каламбуровъ особенно удаченъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей столицы иностраннымъ гостямъ всегда показывали академію наукъ, для чего устраивались особенно торжественныя засѣданія. Посѣтилъ академію наукъ Іосифъ II, назначено было засѣданіе и для Фридриха-Вильгельма. Едва началось засѣданіе, какъ съ прусскимъ принцемъ сдѣлалось дурно; обморокъ скоро прошелъ, но, конечно, засѣданіе былъ прервано. На этомъ засѣданіи присутствовалъ и князь де-Линь. Когда Екатерина спросила его о посѣщеніи академіи, князь сказалъ: „Le prince royal s'est trouvé, madame, sans connaissance à l'académie de sciences". Екатерина расхохоталась, передала каламбуръ приближеннымъ, и острота князя стала передаваться изъ дому въ домъ. Опасаясь, что острота дойдетъ до принца прусскаго и оскорбитъ его, кн. де-Линь самъ передалъ ее Фридриху-Вильгельму, но съ слѣдующею перестановкою словъ: „Le prince royal s'est trouvé au milieu de l'académie sans connaissance". Ничего не зная о перестановкѣ словъ, наивный принцъ самъ-же передавалъ императрицѣ и хвалилъ этотъ каламбуръ. Екатерина пересилила себя на этотъ разъ и не разсмѣялась [4]).

---

[1]) Il a fallu la plus grande prudence à monseigneur le prince de Prusse pour tenir une conduite qui put plaire à tous les partis et pour ne donner ombrage à aucun. Son altesse royale y a parfaitement réussi. Депеша отъ 25-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Rep. XI, № 112.

[2]) Dépêches du comte de Goertz touchant le séjour du Prince de Prusse S. A. R. Frédéric-Guillaume à St. Pétersbourg en 1780.

[3]) Je ne dois pas laisser ignorer à votre majesté jusqu'où l'orgueil a enivré la famille du prince Potemkine. Ont est venu me dire tout uniment que la demoiselle Engelhardt, sa nièce, s'attendait à une visite du prince de Prusse parce que le comte de Falkenstein lui en avait fait une. Si on aurait condescendu, on aurait fait crier la cour et la ville et on aurait sûrement désobligé la jeune cour. Депеша графа Гёрца отъ 29-го сентября, въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 113.

[4]) Serge Ouvaroff, Le prince de Ligne. St.-Ptrsbrg, 1842, p. 26.

Болѣе мѣсяца оставался князь де-Линь въ Петербургѣ, видѣлся съ императрицею ежедневно, бесѣдовалъ, спорилъ съ нею, но ни разу даже не коснулся того денежнаго вопроса, для котораго имъ было предпринято это далекое путешествіе. «Пріѣхавъ въ Россію, я прежде всего забылъ о существенной цѣли моего пріѣзда: мнѣ казалось неделикатнымъ воспользоваться милостями, которыми меня ежедневно осыпали, для полученія новыхъ милостей"[1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что вслѣдствіе этой-же деликатности, кн. де-Линь ни разу не говорилъ съ Екатериною о Польшѣ, судьбы которой такъ теперь интересовали его — жена его сына была польскою землевладѣлицею.

Откланиваясь императрицѣ, кн. де-Линь долженъ былъ принять отъ нея подарокъ. „Вы не разъ говорили мнѣ, сказала ему на прощанье Екатерина, что продадите, проиграете или потеряете дорогіе брильянты, если я дамъ ихъ вамъ; примите-же отъ меня всего лишь на сто рублей брильянтовъ, которыми окруженъ мой портретъ въ этомъ перстнѣ"[2]). Изъ кабинета были доставлены подарки женѣ князя де-Линь, его дочерямъ, причемъ не была забыта и княгиня Елена, рожденная княжна Массальская.

Изъ Петербурга кн. де-Линь отправился въ Вильну. Князь-епископъ виленскій, дядя Елены, устроилъ „пиръ горой" въ честь родныхъ гостей. Пользуясь тѣмъ, что въ это время былъ созванъ виленскій сеймикъ для выбора депутатовъ на сеймъ, кн. Массальскій пригласилъ въ свой замокъ Верки, близь Вильны, до 80-ти литовскихъ шляхтичей въ ихъ національныхъ костюмахъ. Передъ обѣдомъ каждый изъ нихъ кланялся князю-епископу и почтительно цѣловалъ „конецъ его одежды". Въ концѣ обѣда, при громѣ пушекъ, провозглашали тосты: князь-епископъ называлъ здравицу, выпивалъ золотой кубокъ, опрокидывалъ его, въ знакъ, что не осталось ни капли, передавалъ кубокъ сосѣду справа, и кубокъ шелъ въ круговую. Пили только шампанское и токайское, причемъ князь де-Линь только дивился, „какъ много пьютъ въ Польшѣ".

За обѣдомъ князь Массальскій разсказывалъ гостямъ о милостяхъ Екатерины къ князю де-Линь, причемъ, намеками, несвязно, упоминалъ о значеніи этихъ милостей для Польши, говорилъ непонятными для гостей загадками. Вскорѣ загадка разъяснилась.

Еще при первыхъ переговорахъ о сватовствѣ княжны Елены Массальской, въ перепискѣ князя-епископа съ его другомъ марки-

[1]) Oeuvres, XXI, 34.
[2]) Ibid., X, 248.

зомъ Мирабо, упоминается, что мужъ Елены можетъ стать королемъ польскимъ. Эта мысль крѣпко засѣла въ мозгу князя-епископа. Когда-же онъ узналъ, какъ милостиво Екатерина принимала князя де-Линь, онъ уже видѣлъ въ немъ будущаго короля Польши. „Епископъ, дядя моей невѣстки, вообразилъ, что я пользуюсь вліяніемъ на императрицу Россіи, потому только, что былъ ласково принятъ ею, и что стоитъ мнѣ только получить польское гражданство, чтобъ стать королемъ Польши. Какой переворотъ, говорилъ онъ, въ дѣлахъ Европы! Какое счастье, восклицалъ онъ, для де-Линей и для Массальскихъ!“ Князь де-Линь улыбался, но не противорѣчилъ, и вмѣстѣ съ княземъ-епископомъ отправился въ Варшаву искать права гражданства.

„Мнѣ хотѣлось, пишетъ кн. де-Линь, получить одобреніе польской націи, собранной въ сеймъ, и я представился депутатамъ и маршалу“. Епископъ виленскій, князь Массальскій, выставилъ кандидатуру князя де-Линь на польское гражданство.

Сейму были предложены 25 кандидатовъ, искавшихъ правъ польскаго гражданства. Изъ нихъ 24 были устранены; принятъ только одинъ кн. де-Линь. Для этого требовалось, однако, единогласное рѣшеніе сейма; у князя-же оказалось три оппонента. Поднялся страшный шумъ. „Ихъ едва не зарубили саблями. Одинъ изъ депутатовъ схватился уже за эфесъ и произнесъ страшные угрозы“... Я обратился къ моимъ противникамъ и мнѣ удалось на столько разсѣять ихъ предубѣжденіе, что они въ изысканныхъ выраженіяхъ изъявили свое согласіе на принятіе меня въ свою семью. Тогда я, вопреки обычаю, бросился въ залу засѣданій, произнесъ по латынѣ пламенную рѣчь, которая такъ наэлектризовала сеймъ, что неистовые крики Zgoda! потрясли собраніе и мое имя было покрыто такими рукоплесканіями, что, казалось, стѣны дрожали“.

Уже въ качествѣ поляка, кн. де-Линь сближается съ Станиславомъ-Августомъ. „Я интригую въ пользу польскаго короля, который самъ интриганъ. какъ всѣ короли, занимающіе престолъ съ обязанностью исполнять волю сосѣдей или своихъ подданныхъ. Станиславъ-Августъ добръ, любезенъ, привлекателенъ; я даю ему совѣты; мы дѣлаемся друзьями“ [1]). Въ качествѣ друга, онъ ведетъ съ нимъ переписку, въ которой сообщаетъ любопытныя подробности о своихъ бесѣдахъ съ Фридрихомъ II, „сосѣдство котораго

---

[1]) Oeuvres. XXI, 34.

принесло столько зла Польшѣ“ [1]). Письма кн. де-Линь къ польскому королю относятся къ 1785 и 1786 годамъ, когда кн. де-Линь не могъ еще и предвидѣть насколько велико это зло. Оно обнаружилось лишь годъ спустя, вслѣдъ за таврическимъ путешествіемъ Екатерины.

Осенью 1786 года, императрица увѣдомила кн. де-Линь о своемъ путешествіи на югъ Россіи. „Я выѣду отсюда въ первыхъ числахъ января; февраль и мартъ проведу въ Кіевѣ; въ началѣ апрѣля отправлюсь водою по Днѣпру; май употреблю на обзоръ края, въ которомъ жила нѣкогда, говорятъ, Ифигенія. Вѣрно то, что уже одно названіе этой страны возбуждаетъ воображеніе, и потому нѣтъ такого рода измышленій, которыя не распускались-бы по поводу моего путешествія и пребыванія въ Тавридѣ. Вѣрно и то, что я очень буду рада снова увидѣть васъ“ [2]). Князь де-Линь не только принялъ столь любезное приглашеніе, сопровождалъ императрицу въ путешествіи, не только описалъ его въ девяти письмахъ къ маркизѣ де-Куаньи [3]), но и выступилъ публичнымъ защитникомъ Россіи отъ нападокъ, которыя появились въ западно-европейскихъ газетахъ при сообщеніи извѣстій объ этомъ путешествіи [4]). Въ Кіевѣ князь де-Линь сблизился со многими польскими вельможами: съ Браницкими и Потоцкими, Сапѣгами, Четвертинскими, Мнишками; въ Каневѣ встрѣтился онъ съ королемъ Станиславомъ-Августомъ.

Это путешествіе въ Тавриду закончилось войною съ Турціею. Приглашая князя де-Линь къ поѣздкѣ въ Тавриду, Екатерина увѣряла его, что съ нею поѣдетъ „нѣсколько министровъ мира, въ присутствіи которыхъ не можетъ произойти никакой битвы“, и просила его „умѣрить свой воинственный пылъ“; теперь, по окончаніи путешествія, Екатерина съ удовольствіемъ приняла предложеніе князя де-Линь вступить въ ряды ея войска для борьбы съ Турціею. Обстоятельства сложились такъ, что въ началѣ второй турецкой войны, когда кн. де-Линь находился въ русскомъ лагерѣ,

---

[1]) Въ полномъ собраніи сочиненій князя де-Линь, имъ самимъ изданномъ въ 1795 году, письма къ Станиславу-Августу изданы въ видѣ „Mémoire sur le roi de Prusse Frédéric le Grand“ (VI, 117 — 140), причемъ въ предисловіи объяснено, что изданіе писемъ, вышедшее въ Берлинѣ и Вѣнѣ, сдѣлано не точно и съ рукописи, которую какая-то полячка выпросила у князя только для прочтенія, а не для изданія.

[2]) Сборникъ, XXVII, 379.

[3]) Oeuvres, XXI, 3—62.

[4]) Tourneux, XV, 105.

ему пришлось имѣть дѣло не столько съ русскими или турками, сколько съ поляками.

Въ XVIII столѣтіи исходъ всякой войны съ Турціею много зависѣлъ отъ Польши. Застигнутый теперь врасплохъ, Потемкинъ писалъ Екатеринѣ: „Примите мое усерднѣйшее предложеніе, рѣшите съ Польшею, обѣщайте полякамъ пріобрѣтеніе; несказанная польза, чтобы они были наши; ей-ей, они тверже будутъ всѣхъ другихъ". Екатерина, вполнѣ понимая значеніе Польши, отвѣчала: „Касательно польскихъ дѣлъ въ скоромъ времени пошлются приказанія, кои изготовляются для начатія соглашенія; выгоды имъ обѣщаны будутъ" [1]). О подобномъ „соглашеніи" была рѣчь еще въ Каневѣ; выработанный позже проектъ русско-польскаго союза предоставлялъ Рѣчи слѣдующія „выгоды": обезпеченіе ея владѣній и, въ случаѣ успѣшной войны, присоединеніе къ Польшѣ части Бессарабіи и Молдавіи. Этому союзу не суждено было осуществиться: прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ вошелъ въ соглашеніе съ польскою партіею реформы, обѣщалъ ей возвращеніе Галичины, пугалъ польскихъ патріотовъ зависимостью отъ Россіи, обѣщалъ полякамъ всевозможныя блага, если только они согласятся уступить ему Торнъ и Данцигъ, интриговалъ въ Константинополѣ, мутилъ въ Польшѣ. Рѣчь Посполитая увидѣла себя въ исключительномъ положеніи: тѣ-же державы, которыя такъ еще недавно подѣлили между собою ея окраины, предлагаютъ теперь присоединить къ ней цѣлыя области. Такія предложенія со стороны Россіи и Пруссіи вызвали въ Польшѣ цѣлую бурю политическихъ страстей. Представители русской партіи, съ княземъ Четвертинскимъ во главѣ, прибыли въ лагерь кн. Потемкина, совѣщались съ княземъ де-Линь, стоявшимъ, въ февралѣ 1788 года, въ Елизаветградѣ. Вотъ что кн. де-Линь [2]) писалъ по этому поводу императору Іосифу II:

„Европа въ такомъ положеніи, что не слѣдуетъ терять ни минуты и необходимо воспользоваться обстоятельствами. Прусскій король обидѣлся, когда императрица велѣла передать ему, что онъ самъ такъ еще недавно на тронѣ, что не можетъ обсуждать интересы другихъ престоловъ и что онъ не долженъ разсчитывать, что ему позволятъ распоряжаться тремя имперіями такъ, какъ онъ распоряжался Голландскою республикою, или мутить ихъ, какъ въ Польшѣ.

---

[1]) Письмо отъ 26-го февраля 1788 г., въ Сборникѣ, XXVII, 478.

[2]) Oeuvres, XXIV, 44. Весь этотъ томъ озаглавленъ: „Rélations de ma campagne de 1788 contre les turcs", но въ немъ письма къ Іосифу II значительно сглажены противъ изданій, сдѣланныхъ не самимъ княземъ де-Линь.

„Ваше императорское величество можете помѣшать Польшѣ предаться въ руки прусскаго короля, если удостоите написать мнѣ оффиціальное письмо съ заявленіемъ, что двѣ изъ участвовавшихъ въ раздѣлѣ державы вооружатся противъ третьей, еслибъ она вздумала захватить хотя-бы малѣйшее староство. Подъ предлогомъ защиты отъ турокъ, я уговорилъ князя Потемкина выдать полякамъ 40,000 ружей, если они захотятъ составить конфедерацію, подъ покровительствомъ обѣихъ имперій.

„Многіе польскіе магнаты, мною поддерживаемые, ждутъ только этого, чтобы уничтожить прусскую партію. Я прошу ихъ только не присоединяться къ прусской партіи и оставаться поляками. Князь Четвертинскій, ревностный и просвѣщенный полякъ, тоже хлопочетъ объ этомъ, и вчера еще соглашался со мною, что всякая иностранная партія можетъ только погубить Польшу. Я имъ твержу одно: не ходите, господа, ни въ Вѣну, ни въ Петербургъ, ни въ Берлинъ, и, стараясь избавиться отъ ига Россіи, не ищите еще худшаго ига—палки прусскаго капрала“.

Заинтересованный судьбою Польши, князь де-Линь предварялъ объ опасности и Станислава-Августа. „Надняхъ я писалъ польскому королю: Государь, громъ гремитъ надъ вашею головою. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ обычными ему находчивостью и остроуміемъ, что постарается устроить громоотводъ“ [1]).

Князь Четвертинскій сообщилъ князю де-Линь письмо прусскаго министра г. Герцберга къ князю Сулковскому и нѣсколько писемъ одинаковаго содержанія, которыя прусскій король прислалъ польскимъ магнатамъ для подписи только: въ этихъ письмахъ каждый изъ магнатовъ обращался къ прусскому королю съ просьбою взять Польшу подъ свое покровительство и защитить ее отъ невыносимаго ига Россіи. „Письма составлены превосходно. Стремленіе уловить поляковъ въ свои сѣти такъ ловко прикрыто! Я списалъ копію съ этихъ писемъ и послалъ ихъ императору, извиняясь заранѣе, что сую свой носъ, гдѣ меня не спрашиваютъ“ [2]).

Сторонники русской партіи въ Польшѣ ѣздили въ Петербургъ, гдѣ, однако, не были услышаны. Князь Четвертинскій горько жаловался князю де-Линь на холодность русскаго двора, отъ которой „руки опускаются“ у польскихъ партизановъ Россіи. Князь де-Линь не былъ посвященъ въ политическія дѣла русскаго правительства; ни защищать его холодность, ни осуждать ее онъ не

---

[1]) Lettres, p. 117. Это мѣсто исключено авторомъ изъ собранія писемъ въ Oeuvres, XXIV.

[2]) Oeuvres, XXIV, 127.

могъ, какъ не имѣлъ основаній отказаться и отъ своихъ взглядовъ на судьбы Польши. Онъ высказалъ князю Четвертинскому и сопровождавшимъ его польскимъ магнатамъ свои взгляды на поляковъ, свои убѣжденія относительно современнаго положенія Польши, свои вѣрованія о предстоявшей ей будущности. Князь де-Линь говорилъ имъ, убѣждалъ ихъ, и просилъ передать всѣмъ польскимъ патріотамъ эти результаты его знакомства съ Польшею, его политической опытности. Мало того: не полагаясь на память своихъ слушателей, князь де-Линь составилъ небольшую записку о Польшѣ[1], которую передалъ имъ и увѣщалъ ихъ прочесть ее всѣмъ полякамъ. Вотъ эта

„Записка о Польшѣ".

„Развѣ можно не любить Польшу, поляковъ, особенно полячекъ? Развѣ можно не любить умъ и отвагу поляковъ, граціозность и красоту полячекъ, которыя всѣ, даже наименѣе любезныя, обладаютъ прелестью обхожденія, изяществомъ манеръ, плѣнительностью и очарованіемъ въ значительно большей степени, чѣмъ женщины другихъ странъ? Кто-же не предпочтетъ всѣмъ другимъ городамъ пребываніе въ Варшавѣ, гдѣ царитъ французская изысканность и восточная безпечность, вкусы Европы и Азіи, утонченные нравы наиболѣе цивилизованныхъ странъ и гостепріимство земель некультурныхъ? Кто не удивляется націи, среди которой замѣчаются образы благородные и пріятные, манеры мягкія и простыя, вѣжливость, прямота и предупредительность въ городахъ, добродушная простота въ селахъ, вездѣ понятливость, пріятность бесѣды, благовоспитанность, всѣ умственныя дарованія, всѣ тѣлесныя упражненія, просвѣщенность, краснорѣчіе? Кого не восхищаетъ польская любовь къ зрѣлищамъ, склонность къ искусствамъ, роскошь празднествъ, національные танцы, своеобразные костюмы, оригинальные обычаи, доброта, благодарность?

„Моя благодарность къ полякамъ безгранична. Честь, которую вы оказали мнѣ допущеніемъ меня въ свою среду, принятіемъ меня въ члены прекрасной и великой націи, рукоплесканія, которыми встрѣчено было мое единодушное избраніе, никогда не изгладятся изъ моего сердца.

„Только отдавшись вамъ всѣмъ сердцемъ, дерзаю я предложить

---

[1]) Oeuvres, XXI, 330.

вамъ нѣсколько соображеній касательно нашего общаго отечества. Если-бъ Польша, вмѣсто трехъ имперій и одного королевства, была окружена океаномъ, она, спокойная среди моря и наслаждаясь своею организаціею, заставила-бы завидовать своимъ законамъ, во многомъ болѣе разумнымъ, чѣмъ законы того острова, который признается обиталищемъ мудрецовъ — англійская конституція не могла-бы просуществовать столько вѣковъ, сколько существуетъ польская. Это родъ чуда, но берегитесь, чтобъ это чудо не прекратилось. Малѣйшее пристрастіе къ одному изъ вашихъ сосѣдей послужитъ для остальныхъ трехъ предлогомъ стереть васъ съ лица земли: не терзая другъ друга и даже не терзая васъ, подѣлятъ они между собою, захватятъ ваши отчины, права, земли. Отъ умѣреннаго воздѣйствія политическаго вліянія очень еще далеко до тяжкаго ярма государственнаго владычества. Не подлежитъ сомнѣнію, что Россія, вслѣдствіе своей матерьяльной силы, племеннаго родства и географическаго положенія, прикрываетъ васъ крылами своего двуглаваго орла; она вашъ покровитель, когда вы мирволите ей, и бичъ когда вы оскорбляете ее.

„Если иногда когти этого орла довольно чувствительны, то теперь, когда Россія желаетъ вамъ добра, не смотря на то, что вы стремитесь избавиться отъ нея, пеняйте на себя, если вашъ бѣлый орелъ, слишкомъ слабый, чтобъ противостоять орлу двуглавому, пострадаетъ. Вѣроломство. неискренность, противленіе, всегда безполезное и ежегодно возобновляемое, заставляли Россію употреблять силу, чтобъ противодѣйствовать вашему окончательному паденію, къ которому влечетъ васъ духъ партій.

„Силу, не жестокость. Если жестокость иногда и проявлялась, то вопреки воли императрицы, которая не любитъ жестокости и никогда не прибѣгаетъ къ ней. Исходатайствуйте у ея императорскаго величества учрежденіе особаго трибунала или назначеніе особаго комиссара, который преслѣдовалъ-бы тѣхъ изъ ея чиновниковъ въ польскихъ или сосѣднихъ областяхъ, которые угнетаютъ или безчестятъ васъ. Пусть отнимется власть у агентовъ, назначенныхъ, быть можетъ, для вашего-же покровительства, но оказавшихся жестокими. Доведите до свѣдѣнія государыни о малѣйшихъ злоупотребленіяхъ, безъ ея вѣдома совершаемыхъ въ Польшѣ ея чиновниками и генералами, и она удовлетворитъ васъ. Къ тому-же русскіе генералы ушли уже изъ Польши вмѣстѣ съ русскими войсками. Въ первый еще разъ съ начала нынѣшняго столѣтія не видно зеленыхъ мундировъ въ польскихъ городахъ и на польскихъ поляхъ, которыя нерѣдко бывали для нихъ полями побѣдъ: вы

помните, что еще въ 1716 году Петръ I, отчасти силою, отчасти хитростью, низвелъ численность вашей арміи до 18,000 человѣкъ. Благословляйте наступившій моментъ воздержанія вражьей силы. который, быть можетъ, долженъ былъ-бы явиться ранѣе, но не злоупотребляйте имъ.

„Императрица не разъ говорила мнѣ: „Мнѣ многое сообщаютъ о полякахъ и вынуждаютъ меня говорить о нихъ. Но я не обращаю никакого вниманія на то, что жена такого-то каштеляна въ связи съ офицеромъ моей арміи, жена воеводы—съ русскимъ сановникомъ, а сестра такого-то старосты принадлежитъ къ противной партіи. Ну, такъ что-же! Чтó мнѣ до ихъ тяжебныхъ дѣлъ, зачѣмъ хотятъ они, чтобы я въ нихъ вмѣшивалась? Зачѣмъ имъ мои ордена, мои ленты? Развѣ у нихъ нѣтъ своихъ? Я-же не дѣлаю различія между орденами св. Анны и св. Станислава! Зачѣмъ-же эта погоня за моимъ св. Андреемъ? Когда мнѣ пишутъ: такая-то польская фамилія противна русскимъ интересамъ, я говорю себѣ: Россію. значитъ. предупредила Австрія или Пруссія, и смѣюсь надъ Россіею".

„Мораль этихъ словъ императрицы ясна, господа: не забѣгайте ни въ Вѣну, ни въ Берлинъ, ни въ Петербургъ—будьте поляками. Вотъ одно, о чемъ я васъ прошу.

„Россія, дѣйствительно, больше занималась вами, чѣмъ остальныя двѣ державы, которыя слишкомъ много занимаются другъ другомъ. Если которая-либо изъ этихъ двухъ державъ скажетъ вамъ, что это дурно со стороны Россіи—не вѣрьте ей или будьте убѣждены, что она говоритъ это въ своихъ интересахъ.

„Я отвѣчаю вамъ за императора Іосифа II—я уполномоченъ имъ объявить вамъ это. Я показывалъ вамъ его письма ко мнѣ по этому поводу. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, котораго я считаю человѣкомъ правдивымъ, пообѣщаетъ вамъ, вѣроятно, то-же, если вы попросите его высказаться категорически, и сдержитъ свое слово. если вы сами не втянете его въ какую-либо ловушку. Поэтому, не пеняйте на прусское министерство, если вы, обманывая себя, вовлечете его въ какія-либо опасныя предпріятія—повторяю, еще разъ: пеняйте только на самихъ себя.

„Не плачьте о бывшемъ раздѣлѣ, но опасайтесь новаго.

„Я былъ свидѣтелемъ очень интереснаго свиданія вашего короля, лучшаго, любезнѣйшаго и милѣйшаго изъ королей, съ великою Екатериною, и могу засвидѣтельствовать, что это свиданіе было трогательнымъ возобновленіемъ знакомства, дружбы, политическаго союза.

„Въ прошломъ году, при встрѣчѣ Станислава-Августа съ Іосифомъ II, вашъ король, ободренный императоромъ, спросилъ его:

„— Могу я быть увѣреннымъ, что ваше величество не желаете, чтобы я умеръ съ горя, видя, что еще какія-либо области отдѣляютъ отъ моего несчастнаго королевства?"

„— Я вамъ обѣщаю, сказалъ императоръ. Я вамъ отвѣчаю за себя".

„Ни единаго деревца—это собственныя его слова. Оба, императоръ и король, повторили мнѣ ихъ.

„— Дайте мнѣ вашу руку", сказалъ король, до слезъ тронуты, искренностью рѣчи императора.

„— Извольте, отвѣчалъ императоръ, вотъ моя рука: но что еще вѣрнѣе—даю вамъ честное слово благороднаго человѣка".

„Вы, князь Четвертинскій, и вы, господа, вы знаете, что я, при посредствѣ князя Потемкина, обѣщалъ вамъ 40,000 ружей, которыя вамъ пришлютъ изъ Тулы для вооруженія ими конфедераціи, собираемой только подъ предлогомъ противодѣйствія туркамъ, на самомъ-же дѣлѣ для вашей защиты даже противъ самой-же Россіи, если-бы она вздумала отнять у васъ хотя-бы ничтожнѣйшее староство. Чтобы доказать вамъ, что Россія не страшится васъ, какъ стороны нападающей, но что она желаетъ, чтобы уважали васъ, какъ сторону защищающуюся, я беру на себя исходатайствовать у императрицы разрѣшеніе довести польскую армію до 100,000 человѣкъ, если это вамъ по силамъ. Передайте эти мои слова вашей прекрасной націи, которую я боготворю, и пусть она позаботится о возстановленіи своего древняго величія, при помощи мудрыхъ распоряженій военными силами и единодушно принятыхъ народомъ реформъ внутреннихъ.

„Никакихъ заднихъ мыслей, господа, особенно по отношенію къ Россіи. Никакихъ колебаній въ принципахъ. Вражда знатныхъ родовъ должна прекратиться. Патріоты не должны себя обманывать и не должны допускать, чтобы ихъ обманывали измѣнники. Не обвиняйте другъ друга, говоря: этотъ—русскій, тотъ—пруссакъ; вслѣдствіе такихъ обвиненій, даже добрый патріотъ, всегда остававшійся полякомъ, можетъ войти въ ряды русской или прусской партіи. Забудьте ваши частные споры, ваши недоразумѣнія, изгоните изъ среды себя мелкихъ интригановъ, которые, поссоривъ двѣ фамиліи, смѣются потомъ надъ обѣими, и попросите вашихъ дамъ, чтобы онѣ оставили политику и занялись исключительно ухаживаніемъ за вами.

„Прежде всего, необходима крѣпкая королевская власть. Стани-

славъ-Августъ, которому всѣ противорѣчатъ и котораго всѣ оскорбляютъ, не король. Теперь нельзя имѣть на тронѣ подобіе короля. Посмотрите, что станетъ съ Франціею, гдѣ король, созвавъ нотаблей, сталъ уже польскимъ королемъ и, быть можетъ, созоветъ и государственные чины. Сдѣлайте себѣ французскаго короля такого, который имѣлъ-бы власть. Если онъ злоупотребитъ ею, сеймъ [1]) всегда можетъ ограничить его власть; но не лишайте короля возможности дѣлать добро.

„Вашъ король не можетъ сдѣлать своимъ подданнымъ столько добра, сколько каждый изъ васъ своимъ несчастнымъ крестьянамъ. Вы станете сами болѣе богаты, если предоставите крестьянамъ болѣе свободы и дадите имъ средства для заведенія своихъ усадебъ, которыя составляютъ государственное богатство и умножаютъ населеніе. У васъ теперь нѣтъ ни республики, ни королевства. Ваша польская республика заключается теперь въ правѣ 500 или 600 подданныхъ короля публично говорить ему всякія глупости. Охрипнувъ на сеймѣ отъ крика, единственно для стяжанія аплодисментовъ публики, они вѣрноподданнически цѣлуютъ руку своего короля, просятъ у него прощенія и, въ то-же время, выпрашиваютъ себѣ новыхъ милостей. На что-же это похоже? И какъ ихъ легко исправить: спросите любаго магната, захотѣлъ-ли-бы онъ имѣть у себя сеймъ, гдѣ его крестьяне могли-бы обходиться съ нимъ также, какъ онъ обходится съ королемъ на варшавскомъ сеймѣ?

„Изъ моихъ прежнихъ трудовъ извѣстно, какъ я смотрю на администрацію, на народное образованіе, на финансы. Именно въ Польшѣ скорѣе всего примѣнимы мои взгляды. Польшѣ необходимъ заемный банкъ, въ которомъ магнаты могли-бы кредитоваться изъ 6%: кто не внесъ подлежащей съ него суммы, того земли отходятъ къ коронѣ, которая будетъ уплачивать за нихъ 6% своему-же банку. Тогда не будетъ уже древнихъ, родовитыхъ домовъ, доведенныхъ до нищеты; кровь Ягеллоновъ не оскудѣетъ. Ваша шляхта избавится отъ жидовъ, которые теперь, съ кнутомъ въ рукахъ, высасываютъ кровь у вашихъ крестьянъ. Поддерживая магнатовъ и шляхту, усильте и королевскую власть. Король долженъ быть выше и независимѣе всѣхъ: всѣ должны ему подчиняться, выше его одинъ только законъ.

„Польша должна имѣть свою сильную армію. Численность ея

[1]) „Сеймъ не парламентъ: у членовъ сейма сабля на боку, которой нѣтъ у членовъ парламента“.

легко довести до 100,000 пѣхоты и 50,000 кавалеріи; кромѣ этой регулярной арміи, необходимо имѣть до 50,000 милиціи. Не забудьте, что Польша должна имѣть три лагеря: въ сторонѣ Галичины, въ сторонѣ Бѣлоруссіи и у Грауденца. Сильный лагерь гораздо надежнѣе самой неприступной крѣпости. На содержаніе арміи нужны средства. Ихъ легко найти: конфискуйте церковныя имущества, введите налоги на роскошь, обложите налогомъ подоходнымъ всякаго, до получающаго два флорина заработка въ день, сократите всѣ ненужные и нерѣдко пустые расходы по внутреннему управленію, упраздните представительства при чужестранныхъ дворахъ. Вамъ нужно имѣть только трехъ представителей: въ Вѣнѣ, Петербургѣ и Берлинѣ. На что вамъ министръ въ Лиссабонѣ, напримѣръ, гдѣ едва знаютъ о существованіи Польши?

„Всѣ эти преобразованіи, предлагаемыя мною, не могутъ возбудить неудовольствія Россіи, а только ея отношенія къ Польшѣ важны, только съ ними необходимо считаться. Правда, въ настоящее время Польша должна сообразоваться съ мнѣніями не одной Россіи, но трехъ державъ, должна опасаться мщенія трехъ сосѣдей: Австріи, Пруссіи и Россіи; но между ними необходимо дѣлать различіе. Всѣ три державы одинаково желаютъ видѣть въ Польшѣ естественную, нейтральную между ними территорію, причемъ одна только Россія не желаетъ раздробленія Польши, и по очень простой и понятной причинѣ—ей это невыгодно: теперь Россія имѣетъ вліяніе на всю Рѣчь Посполитую, послѣ-же раздѣла ее вліяніе ограничится только тѣмъ участкомъ, который достанется ей; какъ бы этотъ участокъ ни былъ великъ, онъ все-же будетъ менѣе всей Рѣчи Посполитой.

„Не желаетъ пріобрѣтеній въ Польшѣ и Австрія. Годъ назадъ, многіе изъ васъ, господа, представляясь Іосифу II, заявляли, что они австрійцы; императоръ отвѣтилъ вамъ на это: „Благодарю васъ, господа, но разрѣшаю отъ привязанности Австріи: я желаю только, чтобы поляки Галичины были вѣрными австрійцами—мнѣ этого довольно". Дѣйствительно, императоръ не желаетъ „ни деревца" отъ Польши, но не обманывайтесь: если императрица Екатерина сдѣлаетъ вамъ какое-либо даже зло, мой императоръ не защититъ васъ—онъ союзникъ русской императрицы, союзникъ вѣрный, и ради васъ ссориться съ нею не станетъ.

„Остается Пруссія. Вы, князь Четвертинскій, показывали мнѣ письма прусскаго министра Герцберга къ князю Антонію Сулковскому. Я не извѣстилъ объ этихъ письмахъ русское правительство, но копіи ихъ послалъ его величеству императору, который, какъ

добрый сосѣдъ, поручилъ мнѣ предостеречь поляковъ. Я писалъ по этому поводу вашему королю безъ королевства: „Государь, громъ гремитъ надъ вашею головою". Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я постараюсь устроить громоотводъ". Это не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что въ политикѣ иногда услуга опаснѣе угрозъ. Нѣтъ, господа, если какая-либо изъ трехъ державъ станетъ предлагать вамъ свои услуги, въ видѣ покровительства, отвѣчайте: Timeo Danaos et dona ferentes [1]). И когда-же дѣлаются эти предложенія? Когда Россія занята войною съ Турціею, какъ будто Порта можетъ отвлечь или ослабить русское вниманіе! Но вы, князь Четвертинскій, бывшій въ русскомъ лагерѣ, можете засвидѣтельствовать, что Турція не въ силахъ бороться съ Россіею. Нужно быть, дѣйствительно, туркомъ, чтобъ объявить войну державѣ, которая можетъ выслать 60,000 казаковъ для грабежа и 100,000-ные корпуса для осады крѣпостей и борьбы въ полѣ! Россія, конечно, выйдетъ изъ этой войны побѣдительницею; не раздражайте-же ее, не давайте ей предлога отнестись къ вамъ враждебно.

„Вольтеръ сказалъ: „Dieu ne doit point pâtir des sottises du prêtre. Императрица не должна лишиться вашей дружбы изъ-за того, что князь Потемкинъ, принимая надняхъ многихъ изъ васъ въ Елисаветградѣ, вышелъ къ нимъ безъ панталонъ. Кто знаетъ князя, тотъ понимаетъ, что это съ его стороны только знакъ довѣрія. Очень жаль, конечно, что многіе поляки приглашались къ императорскому столу въ Кіевѣ не такъ часто, какъ того желали, что не всѣ ихъ жены получили орденъ св. Екатерины; но согласитесь, господа, изъ-за такихъ мелочей нельзя-же заставлять страдать восьмимилліонный народъ!

„Передайте все это вашимъ землякамъ и да остерегутся они отъ опаснаго шага, который можетъ дорого стоить Польшѣ. Говорю это со слезами на глазахъ. Я сообщалъ эти опасенія князю Адаму Чарторижскому, къ которому привязанъ съдѣтства, который хорошо знаетъ положеніе своей родины, и онъ призналъ мои опасенія основательными. Другой вашъ соотечественникъ, Феликсъ Потоцкій, такъ сильно говорившій противъ Россіи на послѣднемъ сеймѣ, услышавъ о прусскихъ замыслахъ, воскликнулъ: „продамъ земли, заложу брилліанты, отдамъ послѣднюю рубашку, но не допущу, чтобъ Польша потеряла хоть пядь земли"! Положивъ руку на сердце, скажите: безпокоитъ-ли васъ въ такой-же мѣрѣ вліяніе Россіи? Вѣдь вы его часто и не замѣчаете. Ваши сеймовые ора-

---

[1]) Virgil., Eneid., l. II, v. 49.

торы называли иногда это вліяніе „зависимостью", за что имъ много аплодировали; но къ вечеру-же все это забывалось: ораторы по прежнему отплясывали мазурку, а ихъ жены влюблялись въ русскихъ офицеровъ. Откуда-же теперь такая неукротимая ненависть къ русскому вліянію? Не хотятъ-ли ваши горячія головы, вѣрнѣе легкомысленныя, воспользоваться войною Россіи съ Турціею? Но, вопервыхъ, это неделикатно; а вовторыхъ — невыгодно: у Россіи всегда найдется какой-нибудь корпусъ въ 20,000 человѣкъ, чтобъ разбить ваши войска и нанести смертельный ударъ нашей Польшѣ.

„Вотъ послѣднія мольбы вашего соотечественника, который любитъ васъ и вскорѣ, по долгу службы, удалится отъ васъ. Посвященный въ европейскія дѣла и лично знакомый съ государями, съ ихъ министрами, я заслуживаю вашего вниманія, даже болѣе, вашего довѣрія. Позвольте указать вамъ, напримѣръ, князя Потемкина: сильный милостью русской императрицы, богатый, вліятельный, онъ, при свиданіи съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, почтительнѣйше цѣловалъ его руку! Вотъ вамъ доказательство, господа, что въ настоящее именно время королямъ должна быть предоставлена полная власть. Предоставьте возможно бо̀льшую Станиславу-Августу—онъ, повторяю, не злоупотребитъ ею. Если вы всѣ будете истинными поляками, онъ не будетъ ни русскимъ, ни пруссакомъ.

„Если хотите, то, пока есть время, пока король въ вожделѣнномъ здравіи, упросите его избрать среди васъ будущаго себѣ преемника. При жизни еще Станислава-Августа вы увидите хорошъ-ли его преемникъ, любъ-ли вамъ, угоденъ-ли сосѣднимъ державамъ, достоинъ-ли быть со временемъ польскимъ королемъ. Пусть онъ путешествуетъ, изучаетъ страну, знакомится съ населеніемъ, помогаетъ королю, какъ старшій сынъ въ семьѣ.

„Вы иногда говорите, что желали-бы сдѣлать королевскую власть наслѣдственною. Переходъ отъ избранія къ наслѣдованію не такъ легокъ, какъ иные думаютъ. Нація не отречется даромъ отъ дорогаго ей права; она потребуетъ серьезныхъ уступокъ и, прежде всего, выговоритъ себѣ право отказывать въ людяхъ и деньгахъ, когда, быть можетъ, то и другое наиболѣе необходимо. Въ какомъ-же положеніи окажется король, хотя и наслѣдственный, но лишенный поддержки націи? Умираетъ король польскій, избранный—всѣ дворы въ движеніи, среди поляковъ интриги и подкупы и все оканчивается избраніемъ нерѣдко весьма случайнымъ. Вы, господа, любите писать законы — создайте законъ объ избраніи будущаго преемника. Возьмите его отъ двора или отъ плуга, все равно, но

предоставьте ему власть деспотическую. Если выраженіе „деспотическая власть“ возмущаетъ васъ, предоставьте ему власть военную: уполномочьте его сдѣлать, вслѣдъ за избраніемъ, народную перепись и по рекрутскому набору составить армію хоть въ 100,000 человѣкъ для начала.

„А до тѣхъ поръ, повторяю: оставайтесь спокойными, не двигайтесь. Если вы шевельнетесь—вы погибли“.

Этими строками обрывается „Записка о Польшѣ“, а вмѣстѣ съ ними и всякое доброе воспоминаніе князя де-Линь о Польшѣ и полякахъ. Вскорѣ поляки и Польша нанесли князю де-Линь тяжкія, никогда незабываемыя, оскорбленія.

Вопреки увѣщаніямъ князя де-Линь, польскіе патріоты рѣшились воспользоваться временными затрудненіями Россіи, созданными войною сперва съ одною Турціею, потомъ съ Турціею и Швеціею. Многіе польскіе магнаты, соблазненные прусскими обѣщаніями, склонны были къ заключенію оборонительнаго союза съ Пруссіею; польскіе патріоты мечтали о выработкѣ новой конституціи, болѣе согласной съ дѣйствительными нуждами Польши; всѣ обсуждали, волновались, шумѣли. Созванный королемъ на 6-е октября 1788 г. сеймъ обѣщалъ быть особенно интереснымъ. Депутаты изъ ближнихъ и отдаленныхъ воеводствъ и ихъ многочисленная свита оживили Варшаву; заботы о судьбахъ родины воодушевили варшавянъ.

Варшава въ дни сейма становилась дѣйствительною столицею Рѣчи Посполитой. За исключеніемъ небольшихъ вакацій, сеймъ 1788 г., вопреки обычая, засѣдалъ безъ перерыва и безъ новыхъ выборовъ вплоть до 1792 года. Въ эти четыре года, несмотря на всю серьезность политическихъ вопросовъ, обсуждавшихся сеймомъ [1], дворъ короля и салоны магнатовъ отличались блескомъ, пышностью и такимъ оживленіемъ, какого прежде не замѣчалось и которое современные мемуаристы приписывали присутствію многихъ красивыхъ дамъ.

Въ массѣ красивыхъ польскихъ дамъ выдѣлялись въ то время: княгиня **Любомірская**, жена маршала, дочь князя **Чарториж-**

[1] Это такъ называемый **великій** или **конституціонный сеймъ**; на немъ были приняты слѣдующія начала: наслѣдственность престола, свобода вѣроисповѣданій, созданіе постояннаго войска и новое распредѣленіе податей, касавшееся всѣхъ классовъ. См. Kalinka, Seym czteroletni, 3 t., Lwow, 1888, изъ котораго нами заимствованы нѣкоторыя подробности.

скаго, княгиня Потоцкая, жена кравчаго, рожденная графиня Оссолинская, и княгиня Чарторижская, рожденная Флеммингъ, жена брата княгини Любомірской.

Говорили, будто княгиня Любомірская обогащала тѣхъ, кому позволяла пользоваться своею любовью, княгиня Чарторижская обирала своихъ любовниковъ, а княгиня Потоцкая наслаждалась любовью ради наслажденія. Кромѣ этихъ трехъ „царицъ двора и общества“, обращали на себя вниманіе княгиня Ланцкоронская, графиня Браницкая, княгиня Понятовская, жена князя Андрея, невѣстка короля, княгиня Любомірская, рожденная Гаддикъ, и красавица герцогиня Курляндская, жена герцога Карла. Въ концѣ 1788 года, среди этого блестящаго общества, появилась княгиня Елена де-Линь; ей предшествовала молва объ ея красотѣ умѣ и любезности, обратившая на нее общее вниманіе. Ея польская, кровь, ея дарованія, ея богатство, ея искреннее удовольствіе видѣть себя опять на родинѣ очаровали поляковъ.

Живая, веселая княгиня Елена скучала лѣтомъ въ прелестномъ Бель-Элѣ, скучала зимою въ чопорномъ Брюсселѣ. Она была уже девять лѣтъ замужемъ и изъ нихъ только три зимы провела въ любимомъ ею Парижѣ. Тамъ встрѣчала она бо̀льшую часть своихъ монастырскихъ подругъ; представленная высшему парижскому обществу княземъ де-Линь, отцомъ, пользовавшимся высокою репутаціею, она получила доступъ всюду и всюду была замѣчена: въ Шантильи у принца Конде, въ Пти-Буръ у герцогини Бурбонской, въ Тампль у принца Конти. Къ концу третьей зимы, естественное и давно уже жданное семьею князей де-Линь событіе удалило ее изъ Парижа: Елена была въ интересномъ положеніи, а по традиціямъ княжескаго дома, роды должны совершаться въ родовомъ Бель-Элѣ. 8-го декабря 1786 г. Елена родила дочь, которую назвали Сидоніею. Вскорѣ, однако, народное волненіе заставило князей де-Линь покинуть Бель-Эль, Брюссель и даже Бельгію. Князь-отецъ былъ въ Россіи, князь-сынъ—въ Вѣнѣ, куда былъ вызванъ фельдмаршаломъ Ласси, готовившимся къ войнѣ съ Турціею. Княгини де-Линь, спасаясь отъ бельгійской революціи, бросились тоже въ Вѣну, еще болѣе скучную, болѣе чопорную, чѣмъ Брюссель. Какъ парижанка въ душѣ, Елена чувствовала себя чужою въ Вѣнѣ. Единственно чѣмъ могла она развлекаться въ Вѣнѣ, была музыка, которую Елена страстно любила. Вѣна славилась тогда своими концертами, на которыхъ симфоніи Моцарта и Гайдна безукоризненно исполнялись оркестромъ Сальери. Въ ту зиму, въ Вѣнѣ, впервые былъ исполненъ „Донъ-Жуанъ“, поставленный самимъ Моцартомъ. По окончаніи спек-

такля, за ужиномъ у графини Тунъ, княгиня Елена де-Линь восторгалась оперою; другіе находили музыку геніальною, но темною и непонятною. Явился Гайднъ. Спросили его мнѣніе. „Я не въ состояніи рѣшить такого серьезнаго спора, сказалъ онъ зло, я могу только утверждать, что Моцартъ величайшій изъ композиторовъ".

Прошла зима. Съ началомъ весны, князь Карлъ де-Линь отправился къ своему корпусу, на границѣ Турціи. Едва онъ покинулъ Вѣну, какъ княгиня Елена послала въ догонку письмо, въ которомъ просила разрѣшить ей ѣхать къ своему дядѣ, князю Массальскому въ Варшаву, гдѣ собирался сеймъ: она поѣдетъ въ Варшаву и уладитъ тамъ кое-какія дѣла по землямъ и капиталамъ, окончитъ кое-какіе счеты съ княземъ-епископомъ. Просимое разрѣшеніе тотчасъ-же было дано, подъ условіемъ, что маленькая княжна Сидонія останется на попеченіи тетки. Въ сентябрѣ 1788 г княгиня Елена де-Линь покинула Вѣну, направляясь въ Варшаву.

Въ Варшавѣ, въ своемъ дворцѣ, она вздохнула свободнѣе. Здѣсь не было уже надзора, тяготѣвшаго надъ нею въ Бель-Элѣ, Брюсселѣ и Вѣнѣ. Тамъ ей запрещали кататься верхомъ, въ виду ея слабаго здоровья—здѣсь князь-епископъ прислалъ ей лучшихъ скакуновъ своей конюшни и она каждое утро отправлялась на прогулку, эскортируемая польскими наѣздниками; тамъ находили неприличнымъ появленіе ея на сценѣ—здѣсь она выстроила въ своемъ дворцѣ театральный залъ и участвовала въ спектакляхъ, вызывая шумныя рукоплесканія во французскихъ комедіяхъ. Здѣсь, среди удовольствій польскаго двора, она забыла не только семью князей де-Линь, но мужа и дочь; она стала даже именоваться княгинею Еленою Массальскою. Зима пролетѣла такъ быстро, что княгиня Елена не успѣла даже и подумать о возвращеніи въ Вѣну. Семья князей де-Линь, въ свою очередь, оскорбленная ея столь продолжительнымъ отсутствіемъ, хранила презрительное молчаніе.

Въ Варшавѣ находились въ это время всѣ придворные чины и, въ числѣ ихъ, оберъ-камергеръ графъ Викентій Потоцкій. Онъ принадлежалъ къ знатнѣйшему польскому роду, владѣвшему обширными помѣстьями; дворецъ Потоцкихъ въ Варшавѣ былъ больше, роскошнѣе, богаче королевскаго. Его отецъ, графъ Станиславъ, воевода кіевскій, былъ племянникомъ короля Станислава Лещинскаго и двоюродный братъ французской королевы. Графу Викентію было въ это время 38 лѣтъ; онъ все еще слылъ самымъ красивымъ мужчиною при польскомъ дворѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Урсулѣ Замойской, племянницѣ короля Станислава-

Августа [1]). Отъ этого брака не было дѣтей и, спустя нѣсколько лѣтъ, послѣдовалъ разводъ, бывшій въ польскихъ нравахъ того времени. Вскорѣ послѣ развода, бывшая графиня Урсула Потоцкая вышла замужъ за графа Мнишка, а графъ Викентій женился на графинѣ Аннѣ Мичельской.

Здѣсь-то, въ Варшавѣ, княгиня Елена де-Линь встрѣтилась съ графомъ Викентіемъ Потоцкимъ и полюбила его. Польское высшее общество прошлаго вѣка имѣло своеобразный взглядъ на брачныя узы. Графиня Мнишекъ, первая супруга графа Викентія, продолжала видѣться съ своимъ бывшимъ мужемъ, интересовалась его сердечными дѣлами, ревновала его къ своей преемницѣ и была готова, при случаѣ, отмстить ей и ему, особенно-же ей. Графиня Мнишекъ охотно помогала княгинѣ Еленѣ въ уловленіи ея бывшаго мужа; измѣна графа Викентія его второй супругѣ представлялась графинѣ Мнишекъ своего рода местью къ ея замѣстительницѣ. Въ концѣ 1790 года, княгиня Елена покинула Варшаву и уѣхала въ Малороссію, въ Немировъ, въ имѣніе Потоцкихъ.

Внезапный отъѣздъ Елены въ Украйну, въ Немировъ, произвелъ впечатлѣніе въ Варшавѣ. Княгиня Любомирская и другія знатныя полячки, посѣщая Вѣну, разсказывали тамъ о ея „бѣгствѣ за возлюбленнымъ“, и разсказывали, конечно, съ обычными прикрасами. Князья де-Линь были глубоко оскорблены такимъ поведеніемъ княгини де-Линь. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, графъ Потоцкій явился въ Парижъ, чтобы получить согласіе князя Карла де-Линь на разводъ. Князья де-Линь не приняли его и изъ отвѣта князя-отца можно уже видѣть, насколько измѣнился его взглядъ на поляковъ.

15-го іюня 1791 г.

„Такъ какъ мы не знаемъ, жива-ли княгиня Елена де-Линь, и такъ какъ она, кажется, умерла уже для насъ и для маленькой Сидоніи, то мы не можемъ входить съ нею ни въ какія соглашенія. Женщина, заточенная какимъ-то глупымъ польскимъ тираномъ, не можетъ препятствовать князю Массальскому, епископу виленскому, которому Сидонія приходится внучатою племянницею, уплатить вексель, выданный имъ и предназначенный для выкупа въ Галичинѣ земель, составляющихъ приданое матери княжны Сидоніи де-Линь. Когда княгиня Елена освободится отъ ига, подъ которымъ она теперь живетъ, и переселится въ Парижъ, Вѣну или

[1]) Старшая сестра короля, графиня Луиза Понятовская, вышла замужъ за графа Михаила Замойскаго; отъ этого брака родилась графиня Урсула.

Варшаву, или въ какое-либо изъ моихъ помѣстій, она будетъ получать ежегодно 30.000 франковъ, которые мужъ предоставляетъ въ полное ея распоряженіе.

„Такъ какъ княгиня Елена, выйдя замужъ за графа Потоцкаго, будетъ еще болѣе несчастлива, чѣмъ теперь, то мужъ ея, князь Карлъ де-Линь, мой сынъ, въ интересахъ ея собственныхъ и ея дочери, никогда на разводъ не согласится.

„Князь де-Линь".

Спустя годъ, въ августѣ 1792 года, инженерный полковникъ, князь Карлъ де-Линь былъ убитъ при защитѣ дефиле Аргоннскаго Лѣса отъ атаки французскихъ республиканскихъ войскъ. Три мѣсяца спустя, въ ноябрѣ 1792 года, въ церкви бернардинскаго монастыря, близь Вильны, вдова княгиня Елена де-Линь была повѣнчана вторымъ бракомъ съ графомъ Викентіемъ Потоцкимъ.

Княгиня Елена де-Линь привязывала своего тестя, князя де-Линь, къ интересамъ Польши; графиня Елена Потоцкая отталкивала его отъ поляковъ. „Для меня, писалъ онъ, какъ и для моей внучки, княжны Сидоніи, ея мать умерла". Умерла мать, живъ ея дядя, князь Массальскій, поручитель за матерьяльные интересы княжны Сидоніи де-Линь, живъ князь Четвертинскій, личный другъ князя де-Линь, живъ уважаемый имъ король Станиславъ-Августъ, и князь де-Линь продолжаетъ интересоваться судьбами Польши и поляковъ.

Четырехлѣтній сеймъ закончился; онъ выработалъ новую конституцію лишь послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій. Главнѣйшіе пункты хартіи 3-го мая 1791 г. заключались въ слѣдующемъ: наслѣдственность короны, уничтоженіе liberum veto и постояннаго совѣта, въ которомъ виленскій епископъ былъ непремѣннымъ членомъ, распространеніе шляхетскихъ правъ на всѣхъ поляковъ. Князь Массальскій, какъ епископъ виленскій, оспаривалъ на сеймѣ новую конституцію и подалъ голосъ противъ закона 3-го мая. Король Станиславъ-Августъ, поддерживаемый Пруссіею, старавшеюся подъ рукою вредить Россіи, всецѣло былъ за новую конституцію. Екатерина рѣшилась, въ случаѣ надобности, силою меча возстановить прежнее свое вліяніе на Польшу, устранить которое имѣлось въ виду новою конституціею. Наканунѣ вотированія новаго закона, 29-го апрѣля 1791 г., она писала: „Сейчасъ получила письма изъ Варшавы. Меня извѣщаютъ, что 22-го апрѣля тамъ произошелъ переворотъ, но не сообщаютъ подробностей. Судя по слухамъ, дворъ и шляхетство побратались и предоставили королю самодержавную власть. Подождемъ подробностей. Что-бы, однако,

тамъ ни произошло, мы ко всему готовы и не отступимъ даже передъ самимъ чортомъ" [1]).

Такимъ „чортомъ" являлась Екатеринѣ польская конституція 3-го мая 1791 года. „Польскій сеймъ, писала она 10-го мая 1791 года, превзошелъ все своимъ безуміемъ: изъ любви къ свободѣ, поляки отдали себя, связанными по рукамъ и по ногамъ, въ кабалу польскому королю, уничтоживъ liberum veto (этотъ palladium польской свободы), конфедераціи и установивъ наслѣдственность королевской власти. Нужно дѣйствовать совершенно очертя голову, чтобъ возстать противъ своего-же жизненнаго принципа; надо потерять послѣдніе мозги, чтобъ дать себя обмануть, и къ тому-же такъ грубо, относительно наиболѣе существенной личной выгоды. Довольно было польскому королю сказать имъ, будто сосѣди хотятъ вновь подѣлить между собою Польшу, чтобъ всѣ немедленно согласились предоставить ему неограниченную власть" [2]).

Читая это письмо, даже ничтожный Гриммъ заподозрилъ искренность Екатерины! Онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ самодержавная императрица возстаетъ противъ неограниченной власти и высказывается за liberum veto. Скромно, осторожно, но Гриммъ все-же рѣшился написать Екатеринѣ нѣсколько строкъ въ защиту поляковъ и просить ее предоставить Польшу своей судьбѣ. Вотъ что отвѣчала ему императрица:

„Поляки стерли съ лица земли моего стараго союзника и друга — Польскую Республику, уничтожили всѣ договоры, заключенные ею съ Россіею, и вотъ уже четыре года, какъ они не перестаютъ всячески поносить и оскорблять Россію, до того, что, во время моей войны съ Турціею, они послали въ Константинополь посла для заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Портою. Еслибъ я не имѣла доказательствъ въ рукахъ, я никогда не повѣрила-бы, чтобъ король польскій могъ быть такимъ неблагодарнымъ и такимъ неблагоразумнымъ, какимъ онъ выказалъ себя въ эти четыре года. Нужно быть совершенно глупымъ, чтобъ позволить такъ увлечь себя и рѣшиться на поступки, столь вредные благосостоянію Польши и столь противные чувствамъ чести и благодарности. Наконецъ, всѣ эти польскія нововведенія также идутъ къ полякамъ, какъ „коровѣ сѣдло", по русской пословицѣ... Нѣтъ, я побью поляковъ и разъ, и два въ самой-же Польшѣ" [3]).

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 519.
[2]) Ibid., 534.
[3]) Ibid., 567.

Это письмо помѣчено 9-мъ мая 1792 г., а 14-го мая русская партія составила въ Тарговицахъ конфедерацію противъ новой конституціи. Русскія войска вошли въ предѣлы Польши для поддержанія конфедераціи, къ которой принадлежалъ и епископъ виленскій, князь Массальскій. Екатерина настойчиво и смѣло, какъ всегда, шла къ предположенной ею цѣли. Прусскій король вскорѣ измѣнилъ полякамъ и присоединился къ Россіи. Станиславъ-Августъ созвалъ новый сеймъ, уже въ Гродно, на 25-е марта 1793 года. Сеймъ созывался для совмѣстнаго объявленія Россіею и Пруссіею новаго раздѣла Польши. 9-го апрѣля раздѣльный актъ былъ подписанъ большинствомъ депутатовъ и, между прочимъ, княземъ-епископомъ виленскимъ. Со времени оппозиціи князя-епископа новой конституціи, польскіе патріоты отшатнулись отъ него; теперь, за согласіе на новый раздѣлъ, они причислили его къ партизанамъ Россіи и поклялись отомстить за измѣну родинѣ.

Раздѣленная, униженная Польша волновалась. Повсюду составлялись заговоры. 24-го марта 1794 года вспыхнуло общее возстаніе. Поляки избрали диктаторомъ Костюшко, который напалъ на русскій отрядъ близъ Рославицъ и разбилъ его; 17-го апрѣля русскіе вновь были разбиты. Поляки овладѣли Варшавою, въ которой вспыхнуло возмущеніе.

Князь-епископъ виленскій прибылъ въ Варшаву мѣсяца за два до возмущенія. Нѣсколько лѣтъ назадъ, возвратясь изъ Парижа, куда онъ отвозилъ свою восьмилѣтнюю племянницу, княжну Елену, онъ чванился въ варшавскомъ обществѣ своими реформаторскими идеями, и имена Мирабо, Бодо, Дюпона не сходили у него съ языка; теперь онъ высказывался противъ всякихъ реформъ, противъ конституціи 3-го мая 1791 года, подписалъ актъ втораго раздѣла Польши. Обвиняемый народомъ въ государственной измѣнѣ, князь Массальскій былъ арестованъ, 18-го апрѣля, въ своемъ дворцѣ и, вмѣстѣ съ другими сенаторами, заключенъ въ брюллевскомъ дворцѣ, временно обращенномъ въ государственную тюрьму. Особая слѣдственная комиссія должна была опредѣлить ихъ вину и назначить наказаніе. Два мѣсяца уже князь Массальскій и другіе сенаторы содержались въ тюрьмѣ, когда пришло извѣстіе о битвѣ поляковъ съ пруссаками. Костюшко былъ разбитъ и пруссаки овладѣли Краковомъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть, что пруссаки идутъ на Варшаву, куда только-что укрылся Костюшко съ остатками своего войска.

Вѣсть эта распространилась по Варшавѣ 28-го іюня. Чернь заволновалась. Народъ давно уже роптадъ на медленность слѣд-

ственной комиссіи. По улицамъ собирался народъ, кричалъ, что за пруссаками придутъ русскіе и освободятъ измѣнниковъ. Чернь бросилась къ брюллевскому дворцу, выломала двери, овладѣла заключенными. Съ связанными руками, съ веревкою на шеѣ, ихъ потащили по улицамъ Варшавы, останавливались на каждомъ перекресткѣ, искали удобнаго столба для казни чрезъ повѣшеніе, не находили и тащили далѣе. Наконецъ, толпа остановилась передъ церковью, сооруженною самимъ-же епископомъ виленскимъ. Наскоро были сколочены четыре висѣлицы и князь Массальскій и Четвертинскій [1]) были повѣшены первыми.

Пруссаки обложили Варшаву. Поляки защищались отчаянно. Пруссаки два мѣсяца стояли подъ Варшавою и, измученные постоянными вылазками, изнуренные партизанскими набѣгами, полуголодные, сняли осаду и отступили. Екатерина никогда не отступала. 4-го октября 1794 г. русскія войска, предводимыя Суворовымъ, на голову разбили поляковъ; Костюшко былъ взятъ въ плѣнъ. Мѣсяцъ спустя, Варшава сдалась и русскія войска заняли польскую столицу. 3-го января 1795 года былъ подписанъ договоръ о третьемъ, послѣднемъ, раздѣлѣ Польши.

Исполнились слова князя де-Линь — Польша погибла.

Просвѣщенный, гуманный кн. де-Линь не безъ горечи слѣдилъ за судьбами Польши. Страшная казнь его друзей, кн. Массальскаго и кн. Четвертинскаго, менѣе поразила его сердце, чѣмъ вѣсть о двухъ раздѣлахъ Польши, наступившихъ вслѣдъ за его увѣреніемъ поляковъ, что о „новомъ“ раздѣлѣ Польши ни Россія, ни Австрія и не думаютъ.

Безъ удивленія и безъ злобы услышалъ князь де-Линь объ отреченіи польскаго „короля безъ королевства“ отъ короны—это событіе прошло незамѣченнымъ въ Европѣ, послѣ того потрясенія, какое произвела мученическая кончина французской королевской семьи. Только спустя три года, въ 1798 г., услышавъ о смерти Станислава-Августа, котораго кн. де-Линь такъ искренно любилъ и глубоко уважалъ, онъ оплакалъ потерю своего „послѣдняго польскаго

[1]) Le prince Massalski, évêque de Vilno, le prince Czetwertinsky, Pierre Ozarovoski, grand-général de Pologne, et un quatrième accusé virent se terminer leur effroyable agonie par la mort infamante du gibet. Депеша саксонскаго резидента отъ 30-го іюля 1794 г. въ Дрезд. Архивѣ, vol. XX, № 94. Lagarde p. 217; Araminski, 302; Ferrand, III, 440.

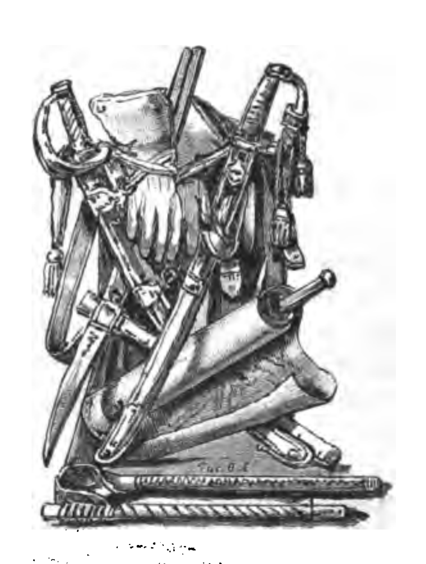
друга“ въ поэтическомъ стихотвореніи „Sur la mort du roi de Pologne“ [1]), начинающемся слѣдующими строками:

Roi, soulève ta tombe et vois nos pleurs couler.
Ton repos éternel peut seul nous consoler.
Digne par les vertus d'un plus beau diadème
Tu jugeas trop souvent les hommes par toi-même.
Jouet de la fortune et des événements,
Par la constance, au sors tu résistat longtemps,
Mais l'intrigue au dedans, mais au dehors l'envie,
Vinrent empoisonner et terminer ta vie.

Безучастно слѣдилъ уже князь де-Линь за послѣдними потугами поляковъ въ періодъ „наполеоновскихъ войнъ“, за судьбами Герцогства Варшавскаго, и умеръ, не доживъ лишь нѣсколько дней до присоединенія герцогства къ Россіи подъ видомъ Царства Польскаго...

Професс. **В. А. Вильбасовъ.**

[Продолженіе слѣдуетъ].



1) Oeuvres, XXI. 116, 243.

ПРИМѢНЕНІЕ НАКАЗАНІЙ ВЪ СРЕДѢ ДУХОВЕНСТВА

Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ [1]).

I.

Тѣлесныя наказанія были, въ XVII—XVIII вв., въ нашихъ монастыряхъ обычнымъ средствомъ дисциплинированія монашествующей братіи. Любопытнѣйшее свидѣтельство объ этомъ дается въ письмѣ архіепископа сибирскаго и тобольскаго Нектарія къ нѣкоему Ивану Михайловичу, покровителю его при дворѣ царя Михаила Өеодоровича, въ которомъ (письмѣ) авторъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о тѣхъ, можно сказать, истязаніяхъ, которыми любвеобильный начальникъ въ Ниловой пустынѣ спасалъ его грѣшную душу: „И како терпѣлъ отъ начальника моего съ первыхъ дней два года; по дважды на всякій день въ два времени битъ былъ, а не воедино время на день бои были. Но и въ Свѣтлое Воскресеніе Христово дважды битъ былъ. И того сочтено у меня на два года, по два времени на всякій день, боевъ тысяча четыреста и тридесятъ.

[1]) Епархія Бѣлгородская, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней губерніи Харьковской и частію Курской (изъ послѣдней входили въ нее четыре уѣзда: Бѣлгородскій, Обоянскій, Курскій и Оскольскій) учреждена въ 1667 г. До того-же времени жители этого раіона по духовному управленію зависѣли частію отъ Москвы, частію отъ Кіева. Существовала эта епархія до самаго конца XVIII-го вѣка, когда раздѣлилась на двѣ: Харьковскую и Курскую.

Профес. **Амф. Лебедевъ.**

А сколько ранъ и ударовъ на всякій день было отъ рукъ его честныхъ, и тѣхъ не считаю, Богъ вѣсть, и не помню: отъ ранъ великихъ едва дыханіе бысть во мнѣ. Пастырь мой плоть мою сокрушалъ, а душу мою спасалъ, что ему въ рукахъ прилучилось, тѣмъ и жаловалъ мене, своего сиротку и малаго птенца. Училъ клюкою и остномъ, прободалъ и мелномъ, коимъ въ жерновы мелютъ муку, и пестомъ, что въ ступѣ толкутъ, и кочергою, что въ печи угліе гребутъ, и поварнями, что ѣству варятъ, и рогатками, что растворъ на хлѣбы или на просфоры и на пироги въ сосудѣхъ бьютъ, чтобъ хлѣбы или просфоры и пироги бѣлы были. Того ради и тѣло мое начальникъ билъ, чтобъ душа моя темная свѣтла была и бѣла, а не черна. И въ ушатахъ, что двоя воду носятъ, моторъ, и тѣмъ древомъ изъ ногу моею икра выбита, чтобы ноги мои на послушаніе Христа ради готовы были. И не токмо древомъ всякимъ, но и желѣзомъ и каменіемъ, и за власы рваніемъ, но и кирпичемъ, и что прилучилося въ рукахъ его, чѣмъ раны дать, и что тогда очи его узрятъ, тѣмъ душу мою спасалъ, а тѣло мое смирялъ. И въ то время, персты моихъ рукъ изъ суставовъ выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и нынѣ немощенъ и скорбенъ, чаю себѣ вскорѣ смерти“ [1]). Эта практика тѣлесныхъ наказаній въ древне-русскихъ монастыряхъ перешла, вполнѣ какъ наслѣдіе старины, и въ XVIII-е столѣтіе. Въ архивахъ курской и харьковской духовныхъ консисторій, а также монастырей—курскаго Знаменскаго, Николаевскаго Бѣлогородскаго и другихъ, намъ попадалось множество документовъ, изъ которыхъ видно, какое широкое примѣненіе, даже въ это относительно позднее время (XVIII-е стол.), имѣли тѣлесныя наказанія въ монастыряхъ Бѣлогородской епархіи; точно также, конечно, какъ практиковались они въ монастыряхъ и другихъ епархій [2]). Изъ множества случаевъ и примѣровъ этого рода приведемъ нѣсколько.

Въ 1745 году іеромонахъ Ново-Оскольскаго Преображенскаго монастыря, присланный въ харьковскій Покровскій училищный монастырь (вѣроятно, подъ началъ—для исправленія)

---

[1]) Русск. Арх. 1873 г., стр. 1773—74.

[2]) Н. Розанова, Ист. Моск. еп. упр. Ч. 1, § 59, стр. 82. Ч. 2., кн. 1, § 43, стр. 66.

вошелъ къ преосвященному Антонію съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Какъ я нижайшій изъ Бѣлагорода пріѣхалъ въ харьковскій Покровскій училищный монастырь и явился того монастыря отцу архимандриту и ректору, Гедеону Антонскому, и оный архимандритъ безъ всякія моея вины учалъ меня нижайшаго бранить: „плутъ де ты ....“, и закричалъ зѣло велегласно злобно: „дайте плетей!“ а потомъ велѣлъ меня взять и посадить въ большую чепь въ пекарню, въ которой чепи сидѣлъ я нижайшій близь недѣли, отъ которой большой чепи я нижайшій для тѣлесной своей нужды ходилъ съ великою трудностію; а потомъ велѣлъ меня привесть въ той чепи въ трапезу предъ себя и велѣлъ конюхамъ въ той трапезѣ положить, которые меня и положили, и приказалъ было бить плетьми, отъ котораго бою у него, архимандрита и ректора, братія едва меня упросили; а послѣ того, незнаемо чего ради или какого ради умышленія, того харьковскаго монастыря въ келіи іеромонаха Варсанофія искалъ келейныхъ моихъ вещей, и на другой день ходилъ я нижайшій къ оному архимандриту и ректору объ отпускѣ меня къ вашему высокопреосвященству о таковой своей нуждѣ просить, и оный архимандритъ и ректоръ бранилъ меня всячески, и пырялъ въ носъ кукошками, и говорилъ при братіи: „я-де поѣду къ вашему высокопреосвященству, и возьму указъ, то-де тогда съ тебя кожу буду драть до реберъ“,—въ чемъ во всемъ шлюсь того монастыря на всю братію, и я нижайшій, убоясь таковыхъ его угрозительныхъ словъ, чтобъ напрасно изувѣчену не быть, изъ того монастыря пошелъ я нижайшій въ Бѣлгородъ къ вашему высокопреосвященству подъ милостивое призрѣніе и неоставленіе. Того ради, вашего высокоархипастырства, павъ предъ стопы вашего высокопреосвященства, слезно прошу о милостивоотеческомъ защищеніи и оборонѣ свое высокоархипастырское милостиво-отеческое призрѣніе и разсмотрѣніе учинить“.

Въ 1754 году строитель Лпиновской пустыни (находившейся верстахъ въ 25-ти отъ Курска и зависѣвшей по управленію отъ курскаго Знаменскаго монастыря), Серапіонъ отправился съ своимъ Лпиновскимъ іеромонахомъ Паисіемъ въ Курскъ для испрошенія у компанейщика Григорія Михайлова церковнаго вина и прочаго. Прибывъ въ Курскъ, они взяли себѣ квартиру у какого-то

плотника и тотчасъ-же отправились по дѣлу къ означенному компанейщику Григорію Михайлову; угостившись здѣсь порядкомъ, пошли отъ него совсѣмъ уже пьяные: Серапіонъ—къ купцу Григорію Венедиктову, у котораго и ночевалъ, а Паисій хотѣлъ было идти на квартиру къ плотнику, но сдѣлавшись, по его собственному выраженію, весьма немощенъ, до квартиры не дошелъ, а зашелъ на монастырскій дворъ къ огороднику Леону; здѣсь „немощный" инокъ, хотя вполнѣ уже удовольствованный, вынулъ изъ кармана запасную стклянгицу вина и пригласилъ распить ее съ нимъ огородника Леона, а также и какую-то подвернувшуюся тутъ бабу... Затѣмъ отправился въ клеть для отдохновенія... Но бывшіе на этотъ разъ на монастырскомъ дворѣ для рубки въ монастырь капусты монастырскіе крестьяне, замѣтивъ, что отецъ Паисій отправился въ клеть не одинъ, захотѣли учинить дурно и, не смотря на противодѣйствіе огородника Леона, силою ворвались въ клеть, били отца Паисія оглоблею, связали ему назадъ руки и о случившемся дали знать въ монастырь. По разборѣ дѣла, совѣтъ монастырскихъ старцевъ далъ слѣдующее любопытное опредѣленіе,—любопытное въ томъ отношеніи, что оно выражаетъ верхъ желаній монастырскаго начальства относительно пьянствующей братіи: „Іеромонаха Паисія за то, что онъ пьяный волочился и ночевалъ на монастырскомъ дворѣ мимо монастыря, при братіи наказать плетьми, дабы впредь другимъ монахамъ пьянствовать и въ мірскіе домы, гдѣ не подлежитъ, ходить не повадно было; а когда монахъ гдѣ напился пьянъ, то-бъ и шолъ въ монастырь, а за монастыремъ нигдѣ-бы не ночевалъ и не спалъ; огородника-же Леона наказать за то, чтобы онъ впредь монаховъ во дворъ монастырскій не принималъ и во дворѣ имъ спать не пущалъ-бы".

Въ томъ-же 1754 году, генваря 10-го дня, монастырскій совѣтъ того-же курскаго Знаменскаго монастыря сдѣлалъ слѣдующее не менѣе любопытное постановленіе: „въ курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ нами, нижеподписавшимися (намѣстникъ и десять іеромонаховъ), усмотрѣно, что нашего курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря нѣкоторые монахи не содержатъ монашеской своей должности: въ неуказные часы безъ вѣдома онаго монастыря начальника по разнымъ мѣстамъ шатаются; такъ, сего генваря противъ 3-го

числа ночнымъ временемъ монахъ Авксентій изъ монастыря самовольно, безъ вѣдома и дозволенія настоятеля, во дворъ церковнослужителя монастырскаго Михаила Халезева отлучился и тамо команды господина бригадира Полозова, здѣсь въ Курскѣ квартирующаго, гренадеры нѣсколько человѣкъ, его, Авксентія, на скверномъ и богомерзкомъ дѣлѣ поймавъ, до нага его ободрали и какъ въ избѣ онаго Халезева, такъ и по улицамъ, прямо къ монастырю волоча, били, и сняли его чернеческую одежду, надѣвъ на него женское платье, и снявъ клобукъ и камилавку и наложивъ на голову женскій кокошникъ, водили по тѣмъ-же улицамъ, отъ чего происходитъ монастыря нашего всей братіи немалый афронтъ и конфузія воспослѣдовала. Таковое-же непотребное сквернодѣйствіе произошло отъ единой онаго Авксентія шалости и въ неуказное время безъ вѣдома начальническаго изъ монастыря отлучки, ибо предъ симъ днемъ Авксентій многія чинилъ шалости и многихъ монаховъ въ монастырѣ билъ и сквернословилъ непотребными словами публично, и не токмо на монаховъ, но и на самого настоятеля, въ разныхъ неучтивыхъ нареканіяхъ, нападки чинилъ безчестно, за которые его непорядочные поступки никакого наказанія ему и понынѣ не учинено; того ради въ прекращеніе таковыхъ непорядочныхъ монаха Авксентія поступковъ въ курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ опредѣлено: онаго Авксентія въ страхъ другимъ за то первѣе при собраніи всей братіи въ трапезѣ наказать плетьми нещадно, а потомъ для исправленія его отослать въ Коренную пустынь подъ началъ, а особливо и строителю оной пустыни съ прописаніемъ сего опредѣленія написать, чтобы его, Авксентія, содержать въ крѣпкомъ наблюденіи, дабы никакихъ шалостей и сквернодѣйствій онъ долѣе не чинилъ".

Опредѣленіемъ того-же монастырскаго совѣта, отъ 9-го октября 1757 года, относительно іеродіакона Ѳеофила, „паче чаянія по многимъ наказаніямъ явившагося неисправнымъ", постановлено: „іеродіакона Ѳеофила отдать подъ присмотръ ризничему іеродіакону Гавріилу, и ему Гавріилу его Ѳеофила ежедневно послѣ вечерни въ келліи своей заковывать на цѣпь и спускать до утрени или до всенощной (то-есть, освобождая отъ узъ, пускать къ этимъ службамъ), а оттоль до вечеренъ быть свободнымъ; однакожь ему Гавріилу его Ѳеофила

изъ келліи бродить никуда и за иконою ходить (чудотворною, которая носима была по домамъ) не допущать, но содержать въ страхѣ Божіемъ и въ чтеніи богодухновенныхъ книгъ и молитвъ и о состояніи его ежедневно, кому слѣдуетъ, письменно репортовать; буде-же несмотрѣніемъ и послабленіемъ его ризничаго онъ Ѳеофилъ въ монастырѣ или за монастыремъ продерзость и соблазнъ учинитъ, то оба будутъ по достоинству наказаны".

Тѣлесныя наказанія употреблялись не только въ мужскихъ, но и въ женскихъ монастыряхъ.

Указомъ преосвященнаго Іосафа, отъ 4-го октября 1754 г., игуменьѣ Троицкаго дѣвичьяго, въ Курскѣ, монастыря повелѣно: „наказать плетьми монахинь означеннаго монастыря: Александру, Елизавету, Марью, Матрену, Анисью, Маргариту, Александру, Евфимію, Марфу, Евфросинію, Горгонію, Елену, Любовь, Софью, Вѣру, Надежду, Аполлинарію, Митродору, при собраніи всѣхъ монахинь за то, что онѣ безъ указа выбрали себѣ въ игуменью изъ бѣлицъ московскую помѣщицу Марью Гергетову, чтобы впредь безъ указа не избирали, а наипаче изъ бѣлицъ".

Иногда прегрѣшившіе иноки наказывались и въ консисторіи, въ присутствіи и въ поученіе всей братіи того-же монастыря, нарочно для такого зрѣлища вызываемой.

Такъ, указомъ отъ консисторіи отъ 24-го мая 1767 года, по доношенію игумена бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря Лаврентія, объ іеродіаконѣ Варсанофіи, что онъ самовольно изъ монастыря неоднократно отлучался и по нѣскольку дней проводилъ въ мірскихъ домахъ, а также и за чинимые имъ Варсанофіемъ въ церкви нѣкоторые соблазны, о чемъ того монастыря честная братія въ консисторіи допросами засвидѣтельствовала, велѣно означенному іеродіакону, при собраніи всей монастырской братіи, учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе, и обязавъ его подпискою о честномъ и неисходномъ въ монастырѣ пребываніи, отослать къ игумену съ таковымъ предписаніемъ, дабы означеннаго іеродіакона Варсанофія и прочихъ, ежели таковы окажутся, поручать въ смотрѣніе честнымъ іеромонахамъ или монахамъ къ общему вмѣстѣ пребыванію въ келлію, коимъ за ними смотрѣть, дабы они всегда находились,

въ силѣ духовнаго регламента и ея и. в. присланнаго изъ св. прав. синода, отъ 5-го декабря 1764 года указа, изъ монастыря безотлучны; а когда кто въ такомъ преступленіи явится, таковаго игумена съ честною братіею, по изслѣдованіи, наказывать поклонами, цѣпью и плетьми по состоянію оказавшейся погрѣшности, съ прописаніемъ оной въ журналъ; а ежели уже тѣмъ, кого исправить и воздержать отъ худыхъ поступковъ будетъ невозможно, тѣхъ представлять на разсмотрѣніе его преосвященству.

Консисторія предписывала, такимъ образомъ, игумену съ честною братіею смирять „волочащихся" по мірскимъ домамъ монаховъ цѣпью и плетьми, въ то время, когда св. синодъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, уже издалъ въ томъ-же 1767 г. указъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для священниковъ и іеромонаховъ; только указъ не былъ еще полученъ въ консисторіи.

Но, и по обнародованіи этого указа, цѣпи и плети не вдругъ были забыты и вышли изъ употребленія въ монастыряхъ.

Въ 1771 году харьковскаго Покровскаго монастыря монахъ Логгинъ за продерзость архимандриту Лаврентію былъ присужденъ къ епитиміи „бить поклоны"; а такъ какъ этой епитиміи онъ исполнять не хотѣлъ, то посаженъ былъ въ цѣпь, 9 затѣмъ приговоренъ былъ къ своеобразному тѣлесному наказанію, можетъ быть, не особенно тяжкому, но для монашеской чести, нужно полагать, весьма чувствительному, именно, опредѣлено было: „всей братіи призвать Логгина въ собраніе въ трапезу и наказать полегче четками".

Въ 1782 г. Сумскаго Успенскаго монастыря іеромонахъ Арсеній жаловался на архимандрита Іустина, что, по его архимандричьему приказанію, четверо сторожей, положивъ его, Арсенія, на землю и завернувъ рубашку на шею, сѣкли обнаженнаго розгами по спинѣ и по бокамъ немилостиво до пролитія крови, и затѣмъ онъ, Арсеній, посаженъ былъ въ большую цѣпь и приставлены были къ нему четверо караульныхъ, подъ каковою стражею на цѣпи въ крайней отъ оныхъ побоевъ болѣзни и изнуреніи обращался еще трое сутокъ.

Въ 1796 году монахъ Хотмыжскаго Знаменскаго монастыря Мартиніанъ, по обвиненію его въ томъ, будто онъ билъ безвинно іеромонаха Галактіона въ его кельѣ, далъ въ консисторію такое объясненіе, что онъ, Мартиніанъ, Галактіона въ кельѣ

не обижалъ и безчеловѣчно не билъ, а произошло между ними слѣдующее: онъ, Мартиніанъ, за подачу его пр-ству прошенія о переводѣ его изъ Хотмыжскаго монастыря въ другой, по приказанію строителя Веніамина, посаженъ былъ въ цѣпь, и когда оная, по отлучкѣ строителя изъ монастыря, съ шеи его, Мартиніана, спала, какъ видно изъ того, что замокъ не замкнутъ былъ, тогда онъ, Мартиніанъ, вышелъ изъ кельи на дворъ, гдѣ увидя его, Галактіонъ, бывшій тогда весьма пьянъ, закричалъ на него весьма азартно: „для чего-де ты ходишь по двору безъ цѣпи", и имѣвшеюся у него въ рукахъ палкою ударилъ его, Мартиніана, по спинѣ, отчего онъ, Мартиніанъ, побѣжалъ въ свою келью и въ оной заперся, онъ же, Галактіонъ, взявъ топоръ, прибѣжалъ съ нимъ къ кельѣ его, Мартіана, и началъ въ двери бить сильно, крича: „отвори", и, отбивъ двери, хотѣлъ его топоромъ ударить, но онъ, Мартиніанъ, не допустилъ до удару и вывелъ его изъ своей кельи".

Въ 1797 году іеродіаконъ Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря Мельхиседекъ вошелъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніемъ, въ которомъ изъяснялъ, что, находясь въ коренномъ общежительномъ монастырѣ и примѣняяся пустынному монашескому уставу и обученію, онъ нашелъ, что отъ чтенія многихъ древнихъ отеческихъ книгъ и отъ разсужденія, какову должно быть монаху, приключилась ему ипохондрія, въ которой, будучи болѣе уже двухъ лѣтъ, претерпѣвалъ безпамятство и боль въ головѣ, почему и не можетъ онъ подвига монашескаго совершить; хотя же онъ, Мельхиседекъ, сего года мая 30 дня его преосвященство и просилъ о снятіи съ него, за означенными болѣзнями, монашескаго чина, но его преосвященство опредѣлилъ его въ означенный Бѣлогородскій Николаевскій монастырь съ тѣмъ, чтобы увѣщевать его, Мельхиседека, игумену съ братіею; но какъ онъ, Мельхиседекъ, въ своемъ намѣреніи пребылъ непоколебимъ, то іюня 26 дня Николаевскаго монастыря казначей іеромонахъ Іеронимъ, незнаемо по какой винѣ, взявъ его изъ келіи съ конюхами на конюшню, посадилъ на стѣнную цѣпь для стражи лошадей, что не точію въ монашествѣ, но и въ мірскихъ не водится. Указомъ Святѣйшаго Синода повелѣно іеродіакона Мельхиседека лишить, согласно желанію его, монашескаго и іеродіаконскаго чиновъ, а преосвященный революціею

на томъ указѣ опредѣлилъ: „начальнику Бѣлоградскаго Николаевскаго монастыря велѣть оштрафовать казначея іеромонаха Іеронима, буде подлинно онаго Мельхиседека для стражи лошадей сажалъ на стѣнную цѣпь и впредь дѣлать подобныя шалости запретить, но поступать во всемъ по законамъ строго притвердить“.

Такимъ образомъ, не смотря на отмѣну закономъ тѣлесныхъ наказаній для монашествующихъ, наказанія эти, въ особенности, сажаніе въ цѣпь, практиковались по малости до самаго конца 18-го столѣтія.

II.

Приходское духовенство, по части тѣлесныхъ наказаній предъ монашествующимъ, въ XVIII в. не было изобижено. Въ 1729 г. курскіе разныхъ чиновъ обыватели Григорій Шиловскій, Любимъ Авдѣевъ съ товарищи, тридцать семь человѣкъ, подали преосвященному Епифанію на сборщика, соборнаго попа Іакова, челобитную въ томъ, что онъ, попъ, „обижаетъ и разоряетъ крестьянъ, беря съ вѣнечныхъ памятей лишнія деньги, сверхъ указнаго числа, а также наноситъ ущербъ и казнѣ, не записывая всѣхъ взимаемыхъ съ вѣнечныхъ памятей денегъ и оставляя эти незаписанныя деньги у себя; отягощаетъ взятками и поборами приходскихъ священниковъ и церковныхъ причетниковъ при непрестанной ѣздѣ съ братомъ своимъ Іаковомъ по уѣзду и постоянныхъ посылкахъ по духовенству своихъ дворовыхъ людей и разныхъ приставовъ; содержитъ священниковъ въ домѣ своемъ подъ карауломъ въ цѣпяхъ и въ колодахъ долгое время, отъ чего въ приходѣхъ ихъ многіе люди и роженицы безъ покаянія умираютъ, бьетъ смертно поповъ плетьми, батоги и кнутьемъ собственными руками, задавая имъ страхъ, чтобъ его преосвященству на него, сборщика, не били челомъ, отъ чего они, священники и причетники, бить челомъ и не смѣютъ“. Вслѣдствіе этой челобитной, должность сборщика поручена новоопредѣленному протопопу Ивану Спасскому, причемъ, однакожъ, право наказывать подвѣдомственное духовенство не только не отнято, напротивъ внушительно, въ смыслѣ даже прямой обязанности,

подтверждено въ слѣдующихъ словахъ указа, которымъ онъ, протопопъ, опредѣлялся на означенную должность: „а градскихъ и уѣздныхъ священниковъ, и дьяконовъ, и церковныхъ причетниковъ ему, протопопу, вѣдать судомъ и расправою и, по достоинству винъ ихъ, наказывать желѣзнымъ и чепнымъ кованіемъ и тѣлеснымъ наказаніемъ, какъ о томъ духовный регламентъ повелѣваетъ". Духовный регламентъ, впрочемъ, на этотъ счетъ ничего не повелѣваетъ и ссылка на него сдѣлана или ошибочно—безъ надлежащей справки или просто съ цѣлію узаконить существующій обычай.

Въ позднѣйшихъ инструкціяхъ протопопамъ это суровое протопопское право нѣсколько смягчается. Такъ, въ инструкціи отъ 6 сентября 1735 года, города Изюма управителю духовныхъ дѣлъ, соборной церкви попу Стефану Богодуховскому, между прочимъ значится: „§ 22. Напередъ всего тебѣ, управителю, надлежитъ имѣть образъ всякихъ добродѣтелей и съ подчиненными поступать не по жестокости своего сердца, но со всякимъ вниманіемъ и кротостію и никому обидъ и раззореній не чинить, опасаясь за то, по правиламъ святыхъ отецъ и по духовному регламенту и по указамъ ея и. в., по сыску, истязанія безъ всякой пощады. § 23. Буде-же кто изъ подчиненныхъ священниковъ и изъ церковныхъ причетниковъ явится въ чемъ подозрителенъ, а именно—пьянствующій и о церкви и о своемъ житіи нерадящій, таковыхъ сыскивая, наказывать арестомъ и содержаніемъ въ цѣпяхъ по важности винъ ихъ, а не напрасно, причитая винности по злобѣ насильствомъ или изъ какого принужденія, и которые явятся весьма противны и непокоряющіеся и безчинно живущіе, на таковыхъ писать въ консисторію, показавъ вины и противности".

Такимъ образомъ, здѣсь, какъ видимъ, предоставляется протопопамъ только право подвергать аресту и сажать въ цѣпь подвѣдомственное духовенство, но ничего не говорится о боѣ плетьми или кнутомъ и другими орудіями, что собственно и называлось тогда тѣлеснымъ наказаніемъ.

Въ дѣйствительности, конечно, бывали отъ протопоповъ, не смотря на такія запрещенія, и тѣлесные бои духовенству.

Города Ольшанска, Троицкой церкви, священникъ Іоаннъ Андреевъ Паславскій въ челобитьѣ на имя государыни императ-

рицы Елизаветы Петровны—отъ іюля дня 1751 года—жаловался на Ново-Оскольскаго протопопа Павла Трухманова въ слѣдующемъ:

„1) Сего 1751 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, въ бытность мою въ Бѣлгородѣ для взятья отъ его преосвященства изъ слободы Никольской въ городъ Ольшанскъ перехожей грамоты, означенный протопопъ, по злобѣ своей на меня, увѣдомясь, что я поѣхалъ въ Бѣлгородъ и якобы не зная, прислалъ за мною въ домъ, не знаю для чего, сторожа Марку, который сторожъ въ домѣ меня не изъ-ѣхалъ и за ѣздъ пограбилъ книгу „Николаевникъ", цѣна 1 рубль 20 коп.

2) Тогожъ мѣсяца февраля оный же протопопъ вторично послалъ другаго сторожа Ивана Костромитина, и той, не получа меня въ домѣ, взялъ за ѣздъ же казанокъ мѣдный, который того города Ольшанска воевода, по просьбѣ жены моей, у онаго посланнаго приказалъ уряднику отнять и отдать женѣ моей попрежнему, который и отданъ.

3) Яжъ, нижайшій, получивши отъ его преосвященства въ оный городъ Ольшанскъ къ Троицкой церкви перехожую грамоту, для записи заѣхалъ до помянутаго протопопа, точію его въ домѣ не засталъ, понеже оный протопопъ былъ въ Бѣлгородѣ, а жена его, протопопица, объявила мнѣ, что за мною двѣ посылки было и хотѣла задержать меня подъ карауломъ до пріѣзду его, протопопа, токмо я у оной протопопицы отпросился на квартиру, и оная протопопица прислала ко мнѣ на квартиру двороваго своего человѣка, цыгана, который пришелъ ко мнѣ и объявилъ: „прислала-де протопопица увѣдомиться о твоей квартирѣ, котораго я скоро отправивши съ оной квартиры самъ съѣхалъ на другую квартиру, и оная протопопица того часу ночью прислала двухъ человѣкъ для взятія у меня лошадей, точію не застала; токмо я, услыша такое страшесловіе, не дожидая протопопа, поѣхалъ въ домъ свой, а въ пріѣздъ его, протопопа, съ оною грамотою хотѣлъ явиться къ нему, протопопу.

4) Сегожъ 1751 года марта 21 дня помянутый протопопъ, какъ скоро пріѣхавши изъ Бѣлгорода, прислалъ за мною вышепомянутаго сторожа Ивана Костромитина по инструкціи, и по той инструкціи велѣно имъ, протопопомъ, оному сторожу взять

понятыхъ изъ церковно-служителей человѣкъ пятнадцать, который, собравъ команду немалую, вошелъ ко мнѣ въ домъ и взялъ меня оный Иванъ, заковалъ въ цѣпь и билъ меня немилостиво, въ которое время я, нижайшій, только отъ церкви Божіей пришелъ, и выволокъ изъ избы, и взложили на возъ, и при томъ боѣ грабежемъ взяли воровски пожитковъ моихъ, а имянно— кафтанъ сукна зеленаго тонкаго, цѣна семь рублевъ, два кожуха, одинъ мужской, другой женскій, цѣна 2 руб. 50 коп., тулупъ черныхъ барановъ, цѣна 1 руб. 50 коп., двѣ лошади, цѣна 15 р., свита сукна сермяжнаго, цѣна 80 коп., сѣдло черкасское, цѣна 2 р.; котораго грабежу жена моя возбраняла брать, точію оный Иванъ Костромитинъ взялъ жену мою бить смертнымъ же боемъ, отъ котораго бою и страху и понынѣ одержима болѣзнію, и повезли меня до помянутаго протопопа въ слободу Михайловку и, недоѣзжая той слободы, оный Иванъ Костромитинъ меня расковалъ, а когда взвезли къ протопопу, и оный протопопъ приказалъ меня въ цѣпь и въ колодки засадить, въ которыхъ я узахъ содержался чрезъ ночь, а по утру пришелъ ко мнѣ оный протопопъ, гдѣ я содержался подъ карауломъ, и я данную мнѣ отъ его преосвященства грамоту объявилъ ему, протопопу, которую онъ у меня принялъ, а меня сталъ бранить непотребными словами и не далъ мнѣ никакого оправданія предъ собою принести и приказалъ меня бить плетьми во всѣхъ тѣхъ узахъ, гдѣ самъ стоялъ и кричалъ, дабы били неослабно, отъ котораго боя меня подняли, ибо самъ встать не могъ, и я отъ того его бою и до нынѣ къ первому здравію придти не могу, и послѣ онаго бою требовалъ оный протопопъ у меня денегъ десять рублей, незнаемо за какую вину, которыхъ мнѣ, нижайшему, взять было негдѣ, и за оныя деньги содержался я подъ карауломъ апрѣля до 3 числа, за которымъ отъ его, протопопа, утѣсненіемъ прихода моего жители въ то время не исповѣдались и святыхъ таинъ не сообщались!..“

Но такого рода протопопская расправа, во всякомъ случаѣ, была уже злоупотребленіемъ, превышеніемъ власти. Къ тѣлесному наказанію могли присуждать только консисторія и архіерей, которые и пользовались широко этимъ правомъ. Вотъ нѣсколько относящихся сюда примѣровъ:

Въ 1751 г. преосвященный Іосафъ Горленко, во время объѣзда епархіи, усмотрѣвъ въ селѣ Изюмцѣ, Изюмскаго вѣдомства, у священника въ домѣ въ углу нѣчто въ родѣ рукоумывальницы, въ которой въ зимнее время священникъ дѣтей крестилъ,— опредѣлилъ: „наказать попа въ духовномъ правленіи плетьми, чтобы онъ вымысловъ не чинилъ, а содержалъ бы мѣсто къ тому потребное по правиламъ въ церкви“.

Карповской протопопіи, села Черкасскаго, Пятницкой церкви священникъ Іоаннъ Кудрявцевъ доношеніемъ въ консисторію (декабря 1762 г.) объявлялъ, что, бывши въ слободѣ Протопоповкѣ, онъ, разговаривая о разныхъ вещахъ съ дьячкомъ той слободы Лукою Кудрявцевымъ, да пономаремъ Іосифомъ Гладкимъ, узналъ отъ нихъ, что той же слободы приходской ихъ Екатерининской церкви священникъ Михаилъ Тонконосый билъ своего роднаго отца черкашенина Григорія Тонконосова и послѣ того побоя сѣлъ въ хатѣ своей подъ святыя на лавку, тогда со стѣны свалился на его голову образъ, который подхватя онъ, священникъ, въ немалой своей запальчивости, ударилъ о земь и раскололъ; а котораго мѣсяца и числа тотъ образъ имъ, священникомъ, расколоть и насколько частей и во имя котораго святаго онъ былъ, о томъ могутъ достовѣрно показать, изъяснялъ доноситель, упомянутые отецъ его Григорій и дьячекъ съ пономаремъ. Консисторія, допросивъ свидѣтелей, приговорила: „Понеже дьячекъ Кудрявцевъ и пономарь Іосифъ допросами въ консисторіи показали, что о томъ боѣ и расколотіи образа какъ ему священнику не сказывали, такъ и сами не знаютъ, и ни отъ кого не слыхали, а отецъ реченнаго священника Михаила показалъ, что оный сынъ его никогда не билъ и озлобленія ему никакого не чинилъ, изъ чего видно, что доносилъ онъ, Кудрявцевъ, по злобѣ за то, что означенный Михаилъ произведенъ въ священники на его мѣсто,— для того за таковый ложный доносъ и ближняго оклеветаніе, по силѣ церковныхъ правилъ и гражданскихъ правъ лишить его, Ивана Кудрявцева, священства вовсе и отобравъ отъ него ставленную грамоту пріобщить къ дѣлу“. Архіерей же положилъ слѣдующую резолюцію: „Священства вовсе не лишаемъ, а на мѣстѣ ни на какомъ вовсе ему, клеветнику, плуту и лживцу попишку Кудрявцеву, не быть, съ какимъ видомъ, наказавъ его

въ консисторіи нещадно плетьми и отпустить, а въ село Черкасское опредѣлить священника отъ дву-попныхъ мѣстъ".

Отставной полковникъ Степанъ Кондратьевъ въ жалобѣ на священника Воскресенской, въ городѣ Сумахъ, церкви Михаила Ставровскаго его преосвященству заявлялъ (въ 1759 г.): съ самаго начала построенія означенной церкви учиненъ предками его склепъ, гдѣ оные предки похоронены, и склепъ сей до послѣдняго времени былъ нерушимъ, а нынѣ той церкви священникъ Михаилъ Ставровскій, для одной ему, полковнику, обиды, на томъ самомъ мѣстѣ не токмо дерево и каменную стѣну повредилъ, но и кости предковъ его, полковника, выбросивши, похоронилъ купца, говоря: „теперь-де фамилія Кондратьевыхъ съ шумомъ пала: къ тому-же Ставровскій чрезъ повседневное свое пьянство должности своей править не можетъ". По слѣдствію оказалось, что священникъ Ставровскій дѣйствительно приказалъ въ склепѣ Кондратьевыхъ каменную стѣну разобрать и выбросить изъ того склепа кости, и построилъ вмѣсто того деревянный склепъ, въ которомъ и похоронилъ умершаго купца Василія Данилова, къ тому же, бываетъ, пьяный отправляетъ священнослуженіе, и о всемъ этомъ письменно засвидѣтельствовали прихожане 8 человѣкъ. Преосвященный опредѣлилъ: (18 февр. 1759 г.): „за вышеписанное дерзновеніе священникъ Ставровскій, что церковное строеніе ломалъ и мертвыя кости предковъ полковника Кондратьева изъ склепа выбросилъ и купца похоронилъ, також и за пьянственное житіе, хотя по силѣ церковныхъ правилъ и подлежалъ не малому штрафу и запрещенію, но вмѣсто того, и для прекращенія ссоры съ полковникомъ, отрѣшить его, Ставровскаго, отъ Воскресенской церкви и быть ему въ томъ же городѣ Сумахъ при церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на половинной части, а на мѣсто его при Воскресенской церкви быть Рождественской церкви священнику Максиму". Побывъ недолго при этой Рождественской церкви, Ставровскій настойчиво, хотя и безуспѣшно, просилъ преосвященнаго о переводѣ въ прежній приходъ, о чемъ самъ всюду разглашалъ слѣдующее: „его-де преосвященство на таковую его, Ставровскаго, просьбу сказалъ, что въ той (Воскресенской) церкви не быть, а быть тамъ, гдѣ опредѣленъ, послѣ чего онъ, Ставровскій, сталъ говорить: „я-де тѣмъ приходомъ недо-

воленъ, и просилъ уволить для подачи просьбы въ Святѣйшій Синодъ; почему его преосвященство приказалъ написать паспортъ, который отъ секретаря принявши, пошелъ онъ, Ставровскій, къ его преосвященству благодарить, но при семъ завелъ такіе хорошіе разговоры, что его преосвященство паспортъ у него отобралъ, да и образумился де преосвященный, что отобралъ у него паспортъ, а то-бы де онъ, поѣхавши въ Петербургъ, наварилъ пива хорошенькаго, и гдѣ бы похотѣлъ, тамъ бы и былъ протопопомъ". Консисторія, поставивъ въ справкѣ 55 апостольское правило: „аще который причетникъ досадитъ епископу, да извержется, писано бо есть: князю людей своихъ да не речеши зла", постановила: „Священникъ Михаилъ Ставровскій за произнесеніе вышеписанныхъ продерзностныхъ словъ въ досаду и поношеніе чести епископской, по силѣ прописаннаго св. апостолъ правила, хотя и подлежалъ изверженію или запрету священства, но въ разсужденіи его, Ставровскаго, впредь отъ того лучшаго исправленія, отъ изверженія и запрещенія освободить, а вмѣсто того, въ исправленіе ему и другимъ подобнымъ ему священникамъ въ страхъ, чтобы знали, какъ должно почитать по апостолу Павлу своего пастыря и епископа, въ Сумскомъ духовномъ правленіи, при собраніи всѣхъ градскихъ и сумскихъ священниковъ, учинить ему, Ставровскому, тѣлесное наказаніе плетьми и дать ему сто и три удара и, по учиненіи того наказанія, обязать его подпискою, чтобы впредь таковыхъ поносительныхъ епископской чести словъ не произносилъ, и оную подписку прислать въ консисторію при доношеніи".

Изъ дѣлъ архивныхъ не видно, чтобы и послѣ указа 1767 года, отмѣнявшаго тѣлесныя наказанія для духовенства, „тѣлесный бой" примѣнялся къ приходскимъ священнослужителямъ, подобно тому, какъ таковый бой, не смотря на запрещеніе, продолжался въ монастыряхъ. Былъ только, насколько извѣстно намъ изъ этихъ дѣлъ, одинъ случай угрозы плетьми, но случай весьма внушительный, показывающій, какъ глубоко эти плети коренились въ административныхъ понятіяхъ и нравахъ тогдашняго священно-началія.—Въ 1768 году, члены консисторіи старохарьковскаго Преображенскаго монастыря игуменъ Ѳеофанъ и бѣлогородскій протопопъ Орловскій жаловались въ Синодъ (за небытіемъ въ это время въ епархіи, послѣ смерти преосвященнаго

Порфирія, новаго архіерея) на архимандрита Николаевскаго бѣлогородскаго монастыря Нарциса, члена-же консисторіи — первоприсутствующаго, что сей Нарцисъ въ самомъ присутствіи консисторіи грозилъ ихъ сѣчь плетьми, крича: „подайте плетей", а протопопа при этомъ билъ своими руками по шеѣ.—Высѣчь архимандриту Нарцису своихъ сочленовъ по консисторіи не пришлось; но краснорѣчиво уже и одно воззваніе къ плетямъ! (Дѣло это, съ пріѣздомъ новаго архіерея на епархію, Самуила Миславскаго, по его старанію кончилось мировою; обиженные простили Нарцису по-христіански.)

Впрочемъ, оставивъ „тѣлесный бой" (розгами, плетьми, батогами), какъ явно воспрещенный закономъ, духовное начальство, повидимому, не считало противозаконнымъ практиковать такъ называемое „цѣпное смиреніе," вѣроятно полагая, что простое содержаніе виновнаго на цѣпи, безъ тѣлеснаго боя, не есть еще тѣлесное наказаніе. По крайней мѣрѣ, изъ дѣлъ харьковской духовной консисторіи намъ извѣстенъ, даже въ началѣ текущаго столѣтія, одинъ случай такого „смиренія". Именно въ 1805 году преосвященный Христофоръ на журналѣ харьк. дух. консисторіи резолюціею опредѣлилъ: „священника харьковской Вознесенской церкви Ш—го за ругательства и обиды, чинимыя имъ причту и прихожанамъ и въ исправленіе его самаго и въ страхъ другимъ, продержать цѣлые сутки въ сторожевской избѣ при консисторіи на цѣпи и затѣмъ обязать строжайшею подпискою, чтобы онъ велъ себя порядочно и съ опасеніемъ болѣе тяжкаго наказанія".

III.

Тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались по духовному суду не только духовные, но и міряне, по крайней мѣрѣ изъ простолюдиновъ, по тѣмъ дѣламъ, которыя подлежали этому суду. Въ судныхъ дѣлахъ бывшей Бѣлгородской епархіи (т. е. консисторій курской и харьковской) мы всего болѣе встрѣчали примѣровъ тѣлесныхъ наказаній, за преступленія противъ святости брака и цѣломудрія, за второбрачіе, блудъ и прелюбодѣяніе. По церковнымъ правиламъ за таковыя преступленія должна-бы слѣ-

довать болѣе или менѣе продолжительная епитимія (на 7-мь лѣтъ и болѣе), но въ Бѣлгородской епархіи принято было для простолюдиновъ замѣнять ее, для ихъ-же удобства, болѣе короткою расправою—наказаніемъ плетьми; для женщинъ, въ уваженіе слабости пола, въ особенности при старости лѣтъ, плети иногда замѣнялись розгами.

Ландмилицкаго украинскаго корпуса протопопъ Симеонъ Сулима, доношеніемъ въ консисторію отъ 14-го іюля 1759 года изъяснялъ, что „однодворецъ слободы Шиболинки, на Украинской линіи, Изотъ Слядневъ женился—тому близко пятьдесятъ лѣтъ—на однодворческой дѣвкѣ Маріи Ильиной, дочери Пушкаревой, которая, поживъ съ нимъ полтора года, ушла безвѣстно, и послѣ ея побѣга, не имѣя о женѣ своей никакого извѣстія, черезъ десять лѣтъ женился на однодворческой дѣвкѣ Матренѣ, которая, живя съ нимъ до сорока лѣтъ, 757-го года умре, послѣ чего онъ, Изотъ, будучи въ Бѣлгородѣ, провѣдалъ, что первая жена его Марья за отставнымъ драгуномъ, а какъ его звать и прозванія, не знаетъ".—Женка Марья допросомъ показала: „выдана она замужъ матерью своею за показаннаго однодворца Изота Сляднева, и жила съ нимъ одинъ годъ, и, за великими его нападками и побоями, сослана отъ онаго своего мужа вонъ, и, по умертвіи отца своего и матери, за сиротствомъ пошла она въ Бѣлгородъ и жила по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ десять, и увѣдавъ отъ свекра своего, что оный мужъ ея Изотъ женился на другой, пошла и она Марья за втораго мужа, драгуна Андрея Дашкова, и жила съ нимъ лѣтъ съ двѣнадцать и прижила трехъ сыновей и одну дочь, которые померли; а по смерти его, побывъ она вдовою съ годъ, вышла замужъ за третьяго мужа, солдата Андрея Жегулина, не сказавъ ему, что первый мужъ ея въ живыхъ находится, понеже и сама она про то подлинно не вѣдала, а уповала, что онъ умре, съ которымъ Жегулинымъ и жила понынѣ".—Консисторія опредѣлила: „женку Марію, съ упомянутымъ солдатомъ Жегулинымъ разлучивъ и отдавъ ее первому мужу въ сожитіе по прежнему,—учинить виновнымъ вмѣсто подлежащей по правиламъ епитиміи, которой они по простолюдимству и за всегдашнею черною работою исполнить не могутъ, въ показанной слободѣ Шиболинкѣ, при народномъ собраніи, отъ ландмилицкаго духовнаго правленія

жестокое наказаніе, Изоту — плетьми, а женѣ его Марьѣ — розгами, и отдать въ смотрѣніе приходскому ихъ священнику для того, чтобы они чрезъ полгода (то есть въ теченіе полугода) ходили къ церкви и стояли внѣ церкви и о своемъ прегрѣшеніи приносили Богу истинное покаяніе, а по прошествіи того времени сообщить ихъ божественныхъ таинъ". Женщинѣ, наказанной такимъ образомъ, должно было быть ужь во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ на седьмой десятокъ!

Въ 1755 г., Новооскольскаго уѣзда, слободы Бирючей, жительница вдова Ирина Курилова подала въ консисторію прошеніе, въ которомъ изъясняла, что той-же слободы житель мѣщанинъ Денисъ Граевскій, у котораго она по найму сидѣла въ коморѣ для торговли пивомъ и медомъ, отъ жены своей Акилины неоднократно и насильственно чинилъ съ нею, Ириною, прелюбодѣяніе, отъ каковаго прелюбодѣянія прижила она съ нимъ и сына Ивана. Допрошенный въ консисторіи Граевскій въ чиненіи съ Ириною прелюбодѣянія запирался. Ирина-же въ доказательство, что онъ дѣйствительно чинилъ съ нею насильственно и въ разное время прелюбодѣяніе, представляла свидѣтелей. На послѣдовавшей затѣмъ очной ставкѣ Граевскій въ прелюбодѣяніи съ Ириною признался, изъяснивъ только, что прелюбодѣйствовалъ съ нею во время бытія ея въ домѣ его шинкаркою по согласію, а не насильственно, притомъ только одинъ разъ, а не многократно. Консисторія опредѣлила: „Означенному малороссіянину Денису Граевскому за таковое съ оною жонкою Ириною прелюбодѣяніе, въ чемъ онъ на очной ставкѣ и самъ не запирался, тако-жь и оной жонкѣ Иринѣ за прелюбодѣйное съ онымъ Граевскимъ житіе, хотя она и показывала, якобы онъ чинилъ съ нею блудодѣйство насильно надъ сонною въ пьянствѣ, но понеже она показывала, что имѣла съ нимъ блудодѣйство неоднократно, изъ чего видно, что сама имѣла къ тому грѣхопаденію согласіе, учинить имъ въ консисторіи плетьми наказаніе и отпустить въ домы".

Строго наказывались также обиды духовному чину, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обиженные прощали обидчикамъ или когда даже и сами въ отношеніе къ обидчикамъ оказывались не безупречными.

Харьковской Рождественской церкви священникъ Іоаннъ

Млодзинскій подалъ, въ 1752 году, въ харьковскую полковую канцелярію на харьковскую жительницу Анну Кочержиху жалобу въ томъ, что она во время отправленія вечерняго пѣнія била его въ означенной церкви по щекамъ и за волоса за то, что онъ высылалъ ея дочь, дѣвку Ѳедосью, изъ церкви, „понеже, увѣдомился онъ, священникъ, отъ соборнаго звонаря Григорія, что показанная дѣвка родила трехъ дѣтей, прижитыхъ блудно, и покрыла сама собою голову“. На доношеніе протопопа о семъ происшествіи, преосвященный Іоасафъ положилъ такую резолюцію, что, по силѣ указа императора Петра Великаго, отъ 7-го іюля 1722 года, дѣло о дѣтяхъ, прижитыхъ въ блудодѣйствѣ, подлежитъ свѣтскому суду; а о боѣ священника Кочержихою предписалъ протопопу обстоятельно изслѣдовать. Но при слѣдствіи оказалось, что, по подачѣ жалобы, священникъ успѣлъ уже съ Кочержихою помириться. Кочержиха дала именно слѣдующее показаніе: 9-го іюня пошла она съ дочерью своею Ѳедосьею въ церковь къ вечернѣ и пришедши стала на мѣстѣ своемъ близь дверей; священникъ, по прочтеніи эктеніи, замѣтивъ въ церкви Ѳедосью, направился къ ней съ книгою и сталъ говорить ей: „зачѣмъ ты въ церковь пришла, недостойно тебѣ въ церковь Божію ходить, понеже ты въ недавнемъ времени дитя родила“; затѣмъ, взявъ Ѳедосью за плечо, началъ ее изъ церкви выводить; тогда Кочержиха, услыхавъ такія порочныя на ея дочь слова, подбѣжала къ священнику и ударила его правою рукою, одинъ только разъ, по щекѣ, а лѣвою схватила за волоса; подоспѣвшій къ священнику на помощь пономарь „оторвалъ отъ священника“ Кочержиху, и она съ дочерью вышла вонъ. А 15-го числа того-же іюля просила она, Кочержиха, вмѣстѣ съ такими-то харьковскими обывателями, священника о прощеніи, и по тому ихъ прошенію онъ, священникъ, за свое безчестье на церковь Божію взялъ три рубля, да себѣ сукна тонкаго шесть локтей, сафьянъ и козлину, и по взятіи оныхъ вещей простилъ ее, Кочержиху, и дочь ея Ѳедосью съ тѣмъ, чтобы впредь на нихъ нигдѣ челомъ не бить.

Преосвященный Іоасафъ, сославшись на правило святыхъ отецъ, въ кормчей книгѣ въ главѣ 42-й напечатанное: „аще кто, во святую церковь вшедъ, епископу или причетникамъ или инымъ слугамъ церковнымъ досаду нанесетъ, таковаго муками

казнити и въ заточеніе послать", а также и въ номоканонѣ: „аще кто укоритъ священника, да запретится лѣто едино; аще дастъ ему заушеніе, или деревомъ, да запретится три лѣта, аще и священникъ проститъ ему согрѣшеніе", указомъ отъ 5-го ноября 1753 года повелѣлъ: „упомянутую жонку Анну Кочержиху, сыскавъ въ харьковское духовное правленіе, учинить ей, по силѣ прописаннаго церковнаго правила, жестокое плетьми наказаніе и по наказаніи отослать съ нарочнымъ на ея коштѣ въ старооскольскій дѣвичій монастырь въ монастырскую работу на годъ".

Въ 1761 году, Валковскаго уѣзда, села Тарановки, черкашенинъ Никита Долговъ подалъ на своего приходскаго священника Никиту Самородскаго жалобу въ томъ, что священникъ въ день Новаго года, по отправленіи божественной литургіи, выскоча изъ дома своего съ топоромъ, напалъ на него, просителева брата, Ѳедора и раздробилъ ему „топоровымъ обухомъ" голову до мозга. Преосвященный опредѣлилъ произвести слѣдствіе, а на время слѣдствія воспретилъ священнику священнодѣйствіе. Слѣдствіе, производившееся, конечно, лицами изъ духовенства-же, выяснило, что голова Ѳедора пробита не попомъ, а попадьею, да и то не до мозгу, а слегка, самъ-же священникъ билъ „топоровымъ обухомъ" лишь по спинѣ и плечамъ, притомъ не безъ причины, а именно: еще съ 25-го декабря, т. е. съ праздника Рождества Христова, братья Долговы со множествомъ другихъ черкасъ того-же села Тарановки стали собираться близь попова гумна, чтобы чинить здѣсь зрѣлище, называемое „катель", для чего таскали съ одонка гумна снопы пшеницы, притомъ-же „по своему овчарному обычаю въ дуду играли и всякія неприличныя чинили шалости"; священникъ неоднократно отсылалъ чинившихъ зрѣлище, но его не слушали, а Ѳедоръ Долговъ, въ отпоръ этому требованію объ удаленіи, ударилъ даже священника дрюкомъ по головѣ; тогда священникъ, купно съ попадьею своею, и поучилъ бездѣльника: попадья—тѣмъ самымъ дрюкомъ, которымъ черкашенинъ Ѳедоръ ударилъ попа въ голову и который онъ тотчасъ-же бросилъ, увидавъ кровь на головѣ, а самъ священникъ—„топоровымъ обухомъ". На основаніи такого дознанія, консисторія приговорила: „братьямъ Долговымъ за дѣланіе зрѣлища и прочихъ неприличныхъ забавъ, а Ѳедору, сверхъ

того, и за бой священника въ кровь и досадительныя ему слова и брань, дабы и другимъ чинить того было неповадно, и прочіе отъ такихъ непотребныхъ шалостей воздерживались и имѣли страхъ и предосторожность, учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и затѣмъ отпустить ихъ въ домы; о священникѣ-же Никитѣ, который по прописанному дѣлу виновнымъ не оказуется, а находится долгое время въ запрещеніи, относительно разрѣшенія его отъ запрещенія консисторія передаетъ въ полное благоразсмотрѣніе его преосвященства". Преосвященный-же далъ такую резолюцію: „учинить по сему; а попъ Никита отъ запрещенія разрѣшается, ибо, хотя и оказывается что онъ Θедора топорищемъ билъ, но то сдѣлалъ въ ревности, которая и во всякомъ священникѣ быть должна". (Замѣчательно, что означенный приговоръ консисторіи и такая резолюція преосвященнаго даны послѣ обычной въ такихъ случаяхъ справки съ церковными правилами, въ которой на первомъ планѣ приведено изъ кормчей книги правило: „Святитель, вѣрнаго или невѣрнаго бивъ, да извержется", съ слѣдующимъ оттуда-же взятымъ толкованіемъ: „епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, аще бьетъ досадившаго ему вѣрнаго или невѣрнаго, таковый, яко творитъ противно евангельскому закону, повелѣвающему: „аще кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую, да извержется, понеже отъ гордости и неудержной ярости нанесе рану на искренняго").

Иногда архіереи, присуждая къ наказанію плетьми въ консисторіи такихъ преступниковъ, которые, по роду ихъ дѣяній, должны-бы подлежать казни гражданской, выставляли это даже какъ дѣло особаго пастырскаго милосердія, спасавшаго виновныхъ отъ болѣе тяжкаго наказанія.

1748 года, іюня 9-го дня, жители села Шалупковки, черкасы Петръ Зеленскій и Іосифъ Габа, допрошенные сначала, по обвиненію ихъ жительницею того-же села Евфросиніею Оробцевою въ иконоборствѣ и раздробленіи образа на малыя части, въ изюмской полковой канцеляріи, были пересланы потомъ въ консисторію, гдѣ въ распросахъ и на очной ставкѣ показали:

Петръ Зеленскій, приглашенный Габою быть воспріемникомъ его новорожденной дочери, по окончаніи обряда крещенія пировалъ вмѣстѣ съ прочими шалупковскими жителями въ домѣ

Габы; затѣмъ, когда гости разошлись, Зеленскій пригласилъ кума къ себѣ, а въ заключеніе всего, поздно уже вечеромъ, Зеленскій съ женою своею Параскевою и братомъ Корнѣемъ пришелъ опять къ Габѣ; здѣсь, среди пиршества и пріятельской бесѣды, усмотря на стѣнѣ четыре иконы, Зеленскій просилъ кума дать ему одну изъ нихъ „въ подарунокъ“, что Габа и сдѣлалъ. Получивъ икону, Зеленскій положилъ ее на столъ, „препоминая нѣкоего Никона“; вмѣстѣ съ женою своею онъ лилъ на икону пиво и вино, а потомъ онъ, Зеленскій, вынувъ ножъ свой, обстругалъ написанную на ней святость; а когда бывшая тутъ-же воспріемница ребенка Евфросинія Оробцева замѣтила ему, Зеленскому, что онъ худо дѣлаетъ, ударилъ ее иконою по головѣ, а Габа, вырвавъ у него икону изъ рукъ, ударилъ о землю и топталъ ногами, а потомъ оба они покололи икону ножами и разбросали по полу. Всѣ трое: Габа, Зеленскій и его жена заявляли, что все, что дѣлали они съ иконою, учинили не съ иного какого умысла, но будучи въ пребезмѣрномъ пьянствѣ.

Преосвященный (Іоасафъ Горленко) положилъ такую резолюцію:

„Хотя, по силѣ Уложенія и Морскаго устава напечатанныхъ пунктовъ, оные богохульники и ругатели образу Божію Петръ Зеленскій съ женою Параскевою и Іосифъ Габа за таковое учиненное въ противность церковнымъ правиламъ дерзновеніе и подлежали къ гражданскому наказанію; но его преосвященство пастырски милосердуя, дабы паствы его ни одинъ человѣкъ въ такомъ безчестномъ наказаніи не находился и разсуждая, какъ по обстоятельствамъ того дѣла ꙗвствуетъ, что они то учинили безъ всякаго противнаго умыслу, отъ своего невѣжества и, яко люди простые, будучи въ безобразномъ пьянствѣ, за таковое ихъ богопротивное дѣйствіе повелѣлъ учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и для чистаго покаянія о томъ содѣянномъ ими согрѣшеніи отослать ихъ при указѣ, съ нарочнымъ, въ Святогорскій Успенскій монастырь въ подначальство на два года и содержать въ томъ монастырѣ во всякихъ монастырскихъ тягчайшихъ трудахъ не исходныхъ и въ церковь Божію внутрь не допущать къ слушанію божественной литургіи, а велѣть имъ у дверей стоять и слушать божественнаго пѣнія со объявленіемъ

всѣмъ входящимъ въ церковь своего грѣха, такожъ божественныхъ таинъ не сообщать ихъ, кромѣ смертнаго случая, и о томъ въ страхъ прочимъ публиковать указами во всю епархію, которые должны прочитаться въ праздничные дни въ церкви при народѣ... А женку Просковею по объявленію оной сказкою, что она малолѣтнихъ дѣтей имѣетъ, отпустить по наказаніи въ домъ. Ноября дня 1748 г.".

Подобное-же „милосердое" постановленіе сдѣлано тѣмъ-же преосвященнымъ (отъ 2-го ноября 1749 г.) относительно бѣглыхъ монаховъ харьковскаго Покровскаго монастыря Дороѳея и Ѳеофана, пойманныхъ съ фальшивымъ составнымъ паспортомъ: „Хотя означенные монахи, за составленіе себѣ о пропускѣ воровскаго пашпорта, по силѣ Соборнаго Уложенія 4 главы 1 пункта и указа прошлаго года августа 31 дня, и подлежали по лишеніи монашескаго сана, къ отсылкѣ въ свѣтскій судъ для учиненія гражданскаго наказанія; но его преосвященство, милосердуя о нихъ, пастырски указалъ къ гражданскому наказанію не отсылать, а лиша іеромонашескаго и монашескаго чиновъ, снявъ клобуки, учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и сослать въ ссылку, Дороѳея въ Старооскольскій Троицкій, а Ѳеофана въ Вольновскій Троицкій-же монастырь съ тѣмъ, чтобы содержать ихъ въ тѣхъ монастыряхъ въ оковахъ даже до кончины живота ихъ неисходно".

IV.

„Тѣлесный бой" считался прекраснымъ средствомъ не только наказанія, но и открытія преступленія. Такъ называемые „пристрастные" допросы были тогда, какъ извѣстно, обычными пріемами слѣдованія съ цѣлію дознанія истины: судъ духовный практиковалъ ихъ едва-ли съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ судъ свѣтскій.

Вотъ характерный образчикъ такого рода допросовъ:

1745 года ноября 19-го дня валковскій намѣстникъ, попъ Дмитрій Григорьевъ, въ харьковское духовное правленіе рапортовалъ: „Октября 18-го дня получено мною отъ харьковскаго духовнаго правленія предложеніе изслѣдовать въ

селѣ Ковегахъ о прижитіи валковскимъ дьячкомъ Наумомъ съ дѣвкою Анною дитяти. По силѣ онаго предложенія, дѣвка Анна заразъ была призвана и о ея грѣхопаденіи съ кѣмъ и когда спрашивана, и точно на него, дьячка Наума, объявляла, онъ-же весьма запирался; того ради оную дѣвку мало плетьми спросилъ, и она въ томъ-же словѣ стояла; потомъ и его, дьячка, подобно-же плетьми спросилъ, а онъ паки запирался. А понеже оная дѣвка близко къ родамъ была, то оное слѣдствіе отложено было, покамѣсть родитъ, что и послѣдовало октября 28-го дня. А сего ноября 18-го дня оная дѣвка призвана и многократно словесно и со всякимъ устрашеніемъ спрашивана и попрежнему на него, дьячка Наума, показывала, дьячекъ-жъ по всякимъ словеснымъ допросамъ запирался, того ради оная дѣвка Анна плетьми весьма больно сѣчена, точію она въ томъ-же на дьячка показаніи стояла; того ради и его, дьячка, плетьми гораздо спросить надобно было, и оный дьячекъ какъ предъ сотникомъ, такъ и предъ прочими валковскими священниками въ томъ блудномъ дѣлѣ признался".

Слѣдователь, по тогдашнему времени, былъ, должно полагать, еще изъ осторожныхъ, такимъ, по крайней мѣрѣ, самъ себя признавалъ: онъ понималъ, гдѣ можно было только „мало спросить плетьми" и гдѣ слѣдовало „сѣчь плетьми весьма больно" или „спросить плетьми гораздо".

V.

Цѣпи, бывшія въ такомъ ходу въ монастыряхъ, протопопскихъ дворахъ и консисторіи, существовали, какъ видно изъ тѣхъ же архивныхъ документовъ, и при приходскихъ церквахъ (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ) въ распоряженіи мѣстныхъ священниковъ.

Въ 1753 году священникъ соборной Преображенской, въ городѣ Изюмѣ, церкви Иванъ Кудрицкій посадилъ какую-то „волочившуюся" по городу нищую старуху въ цѣпь при церкви близъ колокольни, въ которой цѣпи старуха, побывъ съ часъ, и умерла; наряжено слѣдствіе, а до разъясненія дѣла священнику запрещено священнодѣйствіе. Слѣдствіе, на основаніи

показанія самого подсудимаго священника, подтвержденнаго показаніями другаго той-же церкви священника и дьячка, дознало слѣдующее: священникъ Иванъ Кудрицкій означенную нищую, таскавшуюся по улицамъ въ пьяномъ видѣ, шумѣвшую съ своею братіею нищими и бранившую скверными словами тѣхъ, кто не давалъ ей милостыни, посадилъ для смиренія въ цѣпь, а тутъ незнаемо уже съ чего, стоя въ той цѣпи, опустясь, удавилась, бою-же и никакого наказанія ей чинено не было. Такъ какъ бою не было, а сажаніе въ цѣпь было въ предѣлахъ права священника, то онъ немедленно-же указомъ преосвященнаго, безъ всякихъ внушеній и предостереженій на будущее время, отъ запрещенія и разрѣшенъ.

Въ 1767 году прихожане села Лихачевки, Краснокутской протопопіи, Николаевской церкви, подали преосвященному на своего приходскаго священника Григорія Малкіевскаго жалобу, въ которой онъ обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что прихожанина Ивана Шаренко жестоко билъ и потомъ, приведя его къ себѣ въ свой поповскій домъ, посадилъ на цѣпь. Священникъ въ свое оправданіе показалъ: видя, что Шаренко, повѣдавшій ему, священнику, на духу одинъ тяжкій грѣхъ, въ покаяніе не приходитъ и съ самаго начала новаго года въ праздничные и воскресные дни, а также и въ четыредесятницу, въ церкви не бывалъ, онъ, священникъ, посылалъ къ нему съ увѣщаніемъ въ домъ дьячка Бондаренко, а когда Шаренко дьячка не послушалъ, то принужденъ былъ самъ, взявъ съ собою того-же дьячка Бондаренко съ товарищами, пойти въ домъ къ Шаренко и безъ всякаго спору звалъ его къ себѣ; когда-же онъ не послушалъ, то приказалъ пришедшимъ съ нимъ людямъ взять его, Шаренко, и вести его въ церковь въ цѣпь; а такъ какъ Шаренко въ руки не давался и, защищаясь, сталъ драться, между прочимъ и его, священника, схватилъ за бороду, отъ чего онъ могъ-бы и бороды лишиться, если-бы только догадливый дьячекъ не укусилъ зубами перста у Шаренко, то онъ, священникъ, и приказалъ вести его теперь вмѣсто церкви къ себѣ въ домъ для удобнѣйшей расправы съ нимъ за такое буйство, гдѣ и посадилъ его на цѣпь. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ священникъ также считалъ своимъ правомъ посадить нераскаяннаго грѣшника въ церковную цѣпь, а

потому нужно признать, что „цѣпное смиреніе“ практиковалось и въ приходахъ, служа въ рукахъ священниковъ средствомъ для дисциплинированія ихъ паствы, хотя мы и не имѣемъ обстоятельныхъ свѣдѣній, въ какихъ именно случаяхъ, при какихъ условіяхъ и въ какихъ размѣрахъ пастыри духовные могли, не превышая власти, примѣнять эту мѣру.

Профес. **Амфіанъ Лебедевъ.**

Харьковъ.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ въ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

VII [1]).

1-е января 1813 г.— Приглашеніе мглинскаго предводителя дворянства; я водворяюсь въ его домѣ.—Выгоды моего положенія.—Чиновникъ, посланный императоромъ Александромъ съ предложеніемъ плѣннымъ вступить въ русскую службу съ сохраненіемъ своего чина. — Самоубійство французскаго плѣннаго. — Посѣщеніе сосѣднихъ помѣщиковъ: Скляревича, Искрицкаго, Ширяя, Рославца и графа Завадовскаго. — Домъ вельможи. — Бронзовая статуя фельдмаршала Румянцова.

Въ одно утро нашъ казакъ приводитъ къ намъ троихъ чиновниковъ, присланныхъ изъ Мглина, вслѣдствіе ежедневныхъ рапортовъ, которыхъ требовали отъ нашего вожатаго. Меня удивило, что они назвали меня по фамиліи, хотя и не говорили по-французски. Съ ними былъ переводчикъ, черезъ котораго они благодарили меня за леченіе казаковъ, потомъ объявили, что страданія наши должны кончиться, такъ какъ императоръ Александръ приказалъ обходиться съ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475, т. LXXII, октябрь, стр. 39 — 60, декабрь, стр. 565 — 586; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 51—58.

нами человѣколюбиво и раздать намъ платье и шубы. Нашъ казакъ сталъ неузнаваемъ. Онъ, повидимому, опасался, что мы пожалуемся на допущенныя имъ жестокости. Чиновники обращались къ нему свысока и какъ-бы съ презрѣніемъ. Потомъ намъ роздали жалованье серебряною монетою и взяли съ насъ росписку. Пожавъ намъ руки, чиновники удалились. Мы начали надѣяться на облегченіе нашей участи.

Спустя нѣсколько дней, изъ Мглина пріѣхали три плѣнныхъ французскихъ офицера. Одинъ изъ нихъ называлъ себя капитаномъ и адъютантомъ маршала Даву, какимъ-то Дюбиньи. Онъ пріѣхалъ навѣстить нашего маіора, знакомаго ему; однако, этотъ не признавалъ его за адъютанта маршала, такъ какъ онъ зналъ его, напротивъ, простымъ унтеръ-офицеромъ. Тогда этотъ Дюбиньи сталъ увѣрять, что онъ повышенъ чиномъ во время похода, чему, однако, нашъ маіоръ плохо вѣрилъ. Какъ-бы ни было, Дюбиньи объяснилъ, что слыша о плѣнѣ и болѣзни нашего маіора, онъ сговорился съ товарищами и, нанявъ на общій счетъ сани, они пріѣхали подать ему помощь. Затѣмъ Дюбиньи угостилъ насъ привезеннымъ виномъ, а маіору, къ которому онъ особенно ластился, предложилъ и деньги. Эти пріѣзжіе офицеры сообщили намъ, что въ Мглинѣ находится большое число плѣнныхъ, до пятнадцати офицеровъ, включая сюда и ихъ, и одинъ полковникъ, что обыватели и, въ особенности, городскія власти и предводитель дворянства очень хорошо съ ними обращаются.

Посѣщеніе этихъ офицеровъ доставило намъ удовольствіе, подавъ надежду на поправленіе нашихъ обстоятельствъ.

Запасшись черезъ еврея нашего письменными матеріалами, мы каждый принялись за дѣло. Я взялся за продолженіе прерваннаго со дня плѣна дневника, съ помощью моихъ товарищей, которые припоминали мнѣ тотъ или другой эпизодъ послѣдняго времени. Полковникъ предался поэзіи и писалъ стихи на героическія темы изъ нашего похода. Онъ читалъ намъ свои стихи, а я читалъ имъ свой дневникъ. Музыкантъ-кирасиръ услаждалъ насъ искусною игрою на флейтраверсѣ. А въ долгіе зимніе вечера мы играли или въ карты или въ шахматы. Только маіоръ, да полковой лекарь, по болѣзни, мало участвовали въ нашихъ развлеченіяхъ и почти не вставали съ постели. Въ случаѣ недостатка въ чемъ, мы прибѣгали къ услужливости еврея, который снабжалъ насъ желаемымъ. Онъ досталъ мнѣ бѣлье. Была у меня квитанція на 500 франковъ, выданная мнѣ нашимъ полковымъ казначеемъ, но въ Россіи она не имѣла никакой цѣны; оставался у меня двойной наполеондоръ,

который я зашилъ въ сукно мундира. Пришлось его размѣнять еврею, который и далъ мнѣ за него старую ассигнацію въ 25 рублей, еще невиданную никѣмъ изъ насъ, и нѣсколько серебряной монеты. Далѣе разскажу исторію этой ассигнаціи.

Спустя двѣ недѣли послѣ перваго посѣщенія, русскіе чиновники изъ Мглина вторично были у насъ. Они привезли намъ тулупы на овечьемъ мѣху и сюртуки толстаго бураго сукна. Платье это было не щегольское, но зато теплое. Отсчитавъ каждому изъ насъ приходящееся по новый годъ жалованье и взявъ съ насъ росписку, они любезно съ нами раскланялись.

Я навѣщалъ госпиталь ежедневно; число больныхъ между нашими и казаками не убывало. Одинъ изъ нашихъ, въ бреду горячки, вырвался изъ госпиталя и убѣжалъ въ лѣсъ, никакъ не могли его тамъ отыскать, и, вѣроятно, его растерзали волки.

Съ нѣкоторыхъ поръ нашъ хозяинъ, особенно женщины, за что-то не взлюбили насъ; когда готовили намъ обѣдъ и когда мы ѣли, онѣ смотрѣли на насъ съ отвращеніемъ. Между нашимъ поваромъ и ими постоянно бывали ссоры изъ-за посуды. Мы никакъ не могли догадаться о причинѣ этого неудовольствія; но когда увидали, что онѣ перестали ѣсть мясное и молочное, то поняли, что онѣ постились, по обычаю греко-россійской церкви. А такъ какъ мы имъ не подражали и не крестились, какъ онѣ, передъ образами, стоявшими у нихъ въ одномъ углу, то онѣ принимали насъ за нехристей.

Конецъ года былъ близокъ, но какъ у насъ не было календаря, то полковникъ нашъ счелъ всѣ дни со дня нашего плѣна и такимъ образомъ могъ обозначить день, въ который наступитъ новый годъ.

1-го января 1813 г. мы поздравили другъ друга съ новымъ годомъ. Нашъ старшій сказалъ намъ нѣсколько словъ, которыми старался внушить намъ надежду на лучшее будущее и мужество къ перенесенію настоящаго, какъ требуетъ того наша воинская честь. По его желанію, мы отпраздновали этотъ день болѣе роскошнымъ обѣдомъ. Нашъ еврей, точно догадывался, принесъ намъ замороженную козулю и довольно изряднаго французскаго вина. Мы хотѣли было предложить первый тостъ за здоровіе нашего старшаго; но онъ настоялъ на томъ, чтобъ провозгласить тостъ за здравіе нашего императора. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что и въ жалкой настоящей обстановкѣ: въ русской избѣ, зарытой въ снѣгу, при 30 градусахъ мороза (дѣйствительно, въ этотъ день выйти нельзя было на улицу, по причинѣ сильной стужи), подъ

казацкимъ гнетомъ, мы въ новый годъ вспомнили о нашемъ императорѣ и пожелали ему здравія. Наши хозяева смотрѣли на насъ и удивлялись, не понимая, чему мы такъ восторгаемся. Изъ зрителей мы сдѣлали ихъ участниками нашихъ возліяній, и подѣлились съ ними нашимъ виномъ. Они не отказывались и, крестясь, выпивали подносимое. Сколько воспоминаній толпилось въ моей головѣ, по случаю этого дня новаго года!

Ровно годъ тому, я въ этотъ день ходилъ по паркету тюльерійскаго дворца, гдѣ окружало меня императорское великолѣпіе, какъ я описалъ это въ началѣ моего дневника [1]). Нынче-же сижу съ товарищами въ жалкой избѣ, подъ одною кровлею съ русскими рабами и сплю на соломѣ. Вотъ какъ измѣняется судьба человѣка, а между тѣмъ, послѣ зрѣлища гибели нашихъ братьевъ, мы могли еще почитать себя счастливыми.

Спустя нѣсколько дней, начался колокольный звонъ, не переставая ни днемъ, ни ночью. Нашъ полковникъ, имѣвшій нѣкоторое понятіе о русскомъ богослуженіи и ихъ календарѣ, объяснилъ намъ, что теперь у русскихъ празднуется Рождество Христово. Наши хозяева, принарядившись, ушли въ церковь, а возвратились оттуда со свѣчами; потомъ сѣли за столъ и ѣли рыбу. Передъ образомъ засвѣтили лампадку. Недѣли двѣ спустя, вошелъ къ намъ священникъ для освященія избы святою водою. Онъ далъ хозяевамъ поцѣловать крестъ, который несъ въ рукѣ, и окроплялъ и ихъ и стѣны водою. На насъ онъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на нехристей. Потомъ мѣломъ чертилъ крестики на дверяхъ и окнахъ. Крестьяне провожали священника съ низкими поклонами. Съ тѣхъ поръ, что постъ кончился, наши хозяева опять стали жить съ нами въ согласіи.

10-го января къ дверямъ нашей избы подъѣхали щегольскія сани, запряженныя четверкою красивыхъ лошадей; вслѣдъ за тѣмъ вошелъ прилично одѣтый слуга и вручилъ намъ записку слѣдующаго содержанія на французскомъ языкѣ: „Покорнѣйше просятъ французскаго доктора пожаловать въ Мглинъ, для поданія помощи заболѣвшему вчера брату предводителя дворянства, г. Скорупа“.

Я скоро былъ готовъ и сталъ прощаться съ моими товарищами. Подобно мнѣ, они воображали, что я ѣду къ одному изъ первыхъ сановниковъ въ имперіи [2]), у котораго я могу выпросить для насъ

---

[1]) Часть „Дневника“ де-ла-Флиза—до вступленія автора его въ Россію—нами опущенъ. Ред.

[2]) Предводитель на французскомъ: maréchal—отсюда заблужденіе французовъ. Прим. перев.

улучшеніе нашего положенія. Особенно хотѣлось имъ быть переведенными въ городъ. Словомъ, въ ихъ глазахъ я былъ Іосифъ, покидающій товарищей своего заключенія, чтобы предстать предъ Фараона.

На дворѣ гудѣла вьюга при сильномъ морозѣ. Товарищи вышли проводить меня до саней, и, желая мнѣ счастливаго пути, позавидовали моей долѣ. Ямщикъ далъ волю лошадямъ и онѣ пустились вскачь, звеня привязаннымъ къ дугѣ колокольчикомъ. Мнѣ казалось, я лечу на облакахъ, такъ лошади обдавали меня снѣгомъ. Закутанный въ тулупъ, я не ощущалъ стужи, и почти внезапно очутился въ городѣ, котораго не могъ ранѣе замѣтить, по причинѣ мятели.

Мглинъ, хотя и уѣздный городъ, однако, такъ плохо обстроенъ, что скорѣе походитъ на деревню. Проѣхавъ его вдоль, остановились передъ довольно красивымъ деревяннымъ домомъ. Я вышелъ изъ саней и удивлялся, что не вижу у крыльца часовыхъ, которые обыкновенно ставятся у входа въ домъ маршала. Вхожу, меня встрѣчаетъ дворецкій и провожаетъ черезъ гостиную въ комнату, гдѣ представляетъ меня хозяину дома, мужчинѣ тридцати пяти лѣтъ, высокаго роста и благородной наружности, но одѣтаго въ черный фракъ. Поклонившись мнѣ, онъ повторилъ сказанное въ запискѣ, что звалъ меня для брата, и затѣмъ повелъ меня къ нему въ другую комнату. Оба говорили немного по-французски, такъ что мы понимали другъ друга. Я нашелъ въ больномъ легкое нездоровье и потому обѣщалъ ему скорое выздоровленіе, съ помощью средствъ, которыя пропишу. Тутъ я узналъ также настоящее званіе господина, у котораго я находился; онъ былъ не болѣе, какъ уѣздный предводитель дворянства,—должность, равняющаяся должности подпрефекта во Франціи. Какъ начальникъ надъ всѣми плѣнными, находившимися въ Мглинѣ, онъ показалъ себя добрымъ человѣкомъ. По его приказанію были сдѣланы всѣ полезныя распоряженія относительно плѣнныхъ.

Послѣ осмотра мною больнаго, г. Скорупа повелъ меня въ свой кабинетъ и предложилъ трубку. Лакей подалъ мнѣ длинный чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ. Хозяинъ мой много расспрашивалъ меня о Наполеонѣ и о нашемъ отступленіи; говорилъ, что сочувствуетъ французамъ, и ко мнѣ имѣетъ такую симпатію, что желалъ-бы оставить меня на житье у себя въ домѣ, и тотчасъ-же повелъ меня въ комнату, которую хотѣлъ уступить мнѣ. Отъ такого пріема я точно ожилъ. Вскорѣ наѣхали гости: чиновники, подчиненные предводителю, люди приличные, и городничій — старый

гусарскій маіоръ, въ мундирѣ и съ саблею, человѣкъ честный, внимательный и добрый къ плѣннымъ. Затѣмъ явились двое изъ нашихъ товарищей: одинъ поручикъ, а другой тотъ-же Дюбиньи, что пріѣзжалъ къ намъ въ деревню. Оба были приняты предводителемъ съ учтивостью. Вскорѣ дворецкій доложилъ объ обѣдѣ. Общество направилось въ столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ, уставленный серебрянымъ сервизомъ. За столомъ служило нѣсколько слугъ и четыре мальчика казачка. Послѣ обѣда розданы были трубки, а хозяинъ съ городничимъ и двумя нашими офицерами сѣли играть въ бостонъ. Я, какъ неиграющій, ушелъ къ моему больному и провелъ съ нимъ вечеръ. Этотъ человѣкъ принадлежалъ къ хорошему обществу и бесѣда съ нимъ была для меня пріятна. Подали чай, потомъ довольно поздно ужинали, послѣ чего я пошелъ къ себѣ.

На другое утро, когда я, проснувшись, увидалъ себя въ хорошенькой комнатѣ, мнѣ показалось это сномъ и я хотѣлъ снова заснуть. Дворецкій принесъ мнѣ въ комнату чай и кофе и оказывалъ мнѣ большое почтеніе. Мой больной пожелалъ меня видѣть и объявилъ мнѣ, что лекарство мое ему помогло. Я очень былъ этому радъ, потому что расположеніе обоихъ братьєвъ было для меня важно. Они объявили мнѣ, что отнынѣ я принадлежу имъ и что я буду жить у нихъ, какъ родной. Такъ я и поселился въ ихъ домѣ.

Каждый день предводитель принималъ гостей; въ ихъ числѣ были и наши офицеры. Ввечеру играли въ карты.

Нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, въ одно утро къ предводителю приводятъ нашего вожатаго казака арестованнымъ. Предводитель, по прочтеніи принесенныхъ казакомъ бумагъ, сталъ ему что-то строго выговаривать, послѣ чего велѣлъ снова отвести его. По уходѣ казака, предводитель разсказалъ мнѣ, что одинъ генералъ (вѣроятно, тотъ самый, которому я былъ представленъ по взятіи меня въ плѣнъ) отправилъ съ казакомъ, для передачи, въ Мглинъ 326 человѣкъ французскихъ плѣнныхъ, а приведено только 130; что до него дошли слухи о жестокостяхъ, допущенныхъ казакомъ, что ему, предводителю, предстоитъ довести о томъ до свѣдѣнія императора, и что этого казака подвергнутъ военному суду. Разспросивъ меня еще обо всѣхъ видѣнныхъ мною случаяхъ, во время слѣдованія нашего въ Мглинъ, предводитель въ гнѣвѣ ударилъ по столу:

— „Этого варвара разстрѣляютъ, говорилъ онъ, онъ обезчестилъ русское имя, его надо примѣрно наказать за то, что онъ осмѣ-

лился ослушаться строгаго приказанія императора Александра, стараться всѣми силами спасти какъ можно болѣе плѣнныхъ".

Помня обѣщаніе, данное моимъ товарищамъ въ деревнѣ, и видя доброе расположеніе къ намъ предводителя, я рѣшился сказать ему о печальномъ ихъ положеніи въ ихъ настоящемъ мѣстопребываніи. Я изобразилъ ему благородный характеръ нашего полковника Бретона; сказалъ о музыкальномъ талантѣ нашего кирасира Баратье. Предводитель согласился вызвать ихъ изъ деревни: призвалъ городничаго и поручилъ ему приготовить въ городѣ квартиры, и затѣмъ привезти сюда нашихъ.

Предводитель каждый день приглашалъ кого-нибудь изъ плѣнныхъ къ столу. Между ними были четыре испанца; къ сожалѣнію, никто не умѣлъ говорить на ихъ языкѣ. На другое утро пріѣхали и наши четыре офицера; во главѣ ихъ нашъ полковникъ со звѣздою почетнаго легіона и толстымъ эполетомъ, который онъ не надѣвалъ, пока находился между казаками; а нашъ кирасиръ съ серебряными эполетами. Ихъ приняли радушно и посадили за столъ. Вниманіе, оказываемое хозяиномъ, приводило въ восторгъ нашихъ офицеровъ. Послѣ обѣда предводитель попросилъ капитана сыграть что-нибудь на своемъ инструментѣ. Игра его чрезвычайно понравилась, и предводитель увѣрялъ, что если-бы капитану вздумалось давать въ Россіи концерты, то онъ могъ-бы отъ нихъ разбогатѣть. Въ свою очередь, угостилъ насъ хозяинъ спектаклемъ. Казачки его отлично плясали казачка. По его приказанію, они вышли въ залу въ богатыхъ костюмахъ и красныхъ сапогахъ, съ гитарами въ рукахъ и, акомпанируя себѣ, начали исполнять танецъ съ такимъ совершенствомъ и граціею, что и на парижской сценѣ они заслужили-бы аплодисменты. Этотъ образчикъ русской хореографіи изумилъ насъ.

Понадобилось мнѣ размѣнять мою 25-ти-рублевую ассигнацію, данную мнѣ евреемъ. Не зная настоящей ея цѣны и опасаясь быть обманутымъ, я предпочелъ справиться у самого предводителя. Каково-же было мое удивленіе, когда онъ, разсмотрѣвъ ее, призналъ ее фальшивою. Онъ разсказалъ мнѣ при этомъ, что французовъ обвиняютъ въ привозѣ въ Россію большаго количества поддѣльныхъ ассигнацій, и прибавилъ, что дѣло изъ этого выйдетъ важное, если я не съумѣю указать лицо, отъ котораго эта ассигнація перешла въ мои руки. Я назвалъ еврея, давшаго мнѣ ассигнацію при свидѣтеляхъ. Предводитель взялъ ее у меня, призвалъ городничаго и велѣлъ ему, арестовавъ жида, немедленно привести его къ нему. Все это было исполнено такъ быстро, что черезъ два часа полицейскіе привели уже еврея. Сначала онъ отперся

отъ дачи мнѣ этой бумаги, но я сказалъ, что свидѣтелемъ былъ также хозяинъ избы, въ которой мы жили. Предводитель велѣлъ продержать еврея въ тюрьмѣ до другаго утра, а между тѣмъ позвали и крестьянина нашего. Этотъ показалъ, что ассигнація ему знакома, такъ какъ при немъ въ гостинницѣ еврея многіе отказывались принять эту бумажку. Товарищи мои и я утверждали, что это была первая ассигнація этого достоинства, которая попалась намъ на глаза. Призвали попа и заставили крестьянина подъ присягою подтвердить, что онъ говоритъ правду. Еврей смутился и обѣщалъ обнаружить отъ кого досталась ему ассигнація; между тѣмъ, его отвели въ тюрьму.

Оставшись наединѣ со мною, предводитель объяснилъ мнѣ важность этого дѣла, что оно пахнетъ Сибирью. Взамѣнъ фальшивой бумажки онъ далъ мнѣ новую. Я не зналъ, какъ довольно благодарить его, особенно за то, что онъ избавилъ меня отъ отвѣтственности, которой я непремѣнно подвергся-бы, если-бы не указалъ на еврея. Этотъ случай утвердилъ меня въ мнѣніи о жидахъ, которые вездѣ одинаково мошенничаютъ.

Прошло нѣсколько недѣль моего пребыванія у предводителя, когда изъ Петербурга пріѣхалъ чиновникъ съ порученіемъ отъ императора Александра, и остановился въ домѣ предводителя. Чиновникъ этотъ былъ невысокаго роста господинъ, въ шитомъ мундирѣ и съ орденами. Онъ отлично говорилъ по-французски. По его приказанію, собраны были въ залу всѣ плѣнные; ставъ посреди насъ, онъ объявилъ намъ, что присланъ его величествомъ съ предложеніемъ плѣннымъ вступить въ русскую службу, такъ что тотъ, кто на это согласенъ будетъ, сохранитъ въ новой службѣ и чинъ свой; потомъ прочелъ намъ указъ, по которому каждому офицеру предоставлялось право продолжать прежній родъ службы, по пѣхотѣ-ли, по кавалеріи или по артиллеріи.

За чтеніемъ этого указа послѣдовало общее молчаніе. Никто изъ насъ не отвѣчалъ. Заключая изъ этого, что предложеніе не принимается никѣмъ изъ плѣнныхъ, нашъ полковникъ, обращаясь къ чиновнику, началъ такъ: „Много чести оказываетъ намъ его величество, считая насъ достойными служить ему. Но честь воспрещаетъ намъ нарушать присягу, данную императору Наполеону. Мы останемся вѣчно благодарны вашему государю за его попеченія о плѣнныхъ. Когда миръ позволитъ намъ возвратиться въ наше отечество, мы поставимъ себѣ за долгъ объявлять во всеуслышаніе о человѣколюбіи императора Александра въ отношеніи къ плѣннымъ. Если мы и пострадали отъ жестокостей нерегулярнаго войска, то

онѣ не остались безъ возмездія, и виновники ихъ были наказаны какъ убійцы [1]). Зато, когда мы встрѣчались съ истинными воинами, они насъ жалѣли какъ братьевъ, и не признавали насъ за враговъ".

Потомъ чиновникъ подозвалъ испанцевъ и сообщилъ имъ на ихъ языкѣ, что они свободны, что, по повелѣнію императора, ихъ отвезутъ въ Петербургъ, откуда они, когда будетъ возможность, могутъ отправиться на кораблѣ въ свое отечество. Чиновникъ просилъ предводителя распорядиться о заготовленіи имъ новыхъ испанскихъ мундировъ, о награжденіи каждаго пятьюстами рублей, о покупкѣ экипажей для дороги и, наконецъ, о назначеніи чиновниковъ, которые должны сопутствовать испанцевъ и привезти ихъ прямо во дворецъ императора. Испанцы пришли въ восторгъ и со слезами на глазахъ готовы были цѣловать руки чиновника. Наши офицеры собирались уйти, но предводитель удержалъ ихъ, приглашая отобѣдать у него. Столъ былъ приготовленъ на тридцать приборовъ.

Кажется, что хозяинъ нашъ, да и пріѣзжій чиновникъ уважили наше нежеланіе служить противъ нашего отечества, равно и вѣрность нашу къ нашему государю. Нѣсколько дней спустя, мы увидѣли, какъ уѣхали испанцы въ новыхъ дорожныхъ экипажахъ, въ сопровожденіи русскихъ чиновниковъ.

Зима была на исходѣ; сани исчезли и ихъ замѣнили колесные экипажи. Наши плѣнные, просидѣвъ столько времени взаперти, стали выходить гулять по улицамъ. Но дѣти изъ простаго народа позволяли себѣ ругаться надъ ними и преслѣдовали ихъ словами: „французъ-капутъ" (Françous kapout). Узнавъ о томъ, городничій велѣлъ наказать этихъ ребятъ, и если мглинское простонародье не любило насъ, то, по крайней мѣрѣ, прекратило свои оскорбленія.

Въ одно утро предводитель вошелъ ко мнѣ въ комнату и сталъ приглашать ѣхать съ нимъ по всѣмъ офицерамъ нашимъ. Мы сѣли въ коляску, а впереди насъ ѣхалъ верхомъ полицейскій солдатъ и авозилъ насъ въ каждую квартиру. Первый нашъ визитъ былъ къ полковнику. Послѣ обычныхъ взаимныхъ учтивостей, предводитель предложилъ ему, не согласится-ли онъ переѣхать на житье къ одному знакомому ему знатному господину, гдѣ ему будетъ оказано большое уваженіе. Онъ прибавилъ, что сдѣлаетъ подобное-же предложеніе и другимъ офицерамъ, потому что въ тѣсномъ

[1]) Предводитель говорилъ намъ, что императоръ велѣлъ наказать нашего казака-офицера какъ убійцу. Авторъ.

городѣ невозможно пріискать для всѣхъ хорошія квартиры. Полковникъ благодарилъ и принялъ предложеніе. Не смотря на вѣжливое обхожденіе предводителя, я замѣтилъ въ немъ въ отношеніи къ полковнику какую-то холодность. Я не смѣлъ спросить его о причинѣ, но, когда мы поѣхали дальше, онъ самъ признался въ своей антипатіи къ этому военному. Онъ говорилъ, что читалъ въ какомъ-то французскомъ сочиненіи, что членъ конвента, по имени Эскюдье, какъ назывался и полковникъ, подалъ голосъ о казни Людовика XVI и, по его мнѣнію, это долженъ быть тотъ самый, такъ какъ ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Я не могъ ни опровергнуть, ни подтвердить этой догадки; можетъ быть, она и справедлива. Предводитель добавилъ, что, по его чувствамъ, человѣкъ, виновный въ смерти своего государя, внушаетъ ему омерзеніе, хотя и нѣтъ надобности тутъ выказывать это чувство. Далѣе поѣхали мы къ маіору Бретону. Къ этому предводитель имѣлъ особое уваженіе. И ему онъ сдѣлалъ предложеніе переѣхать къ помѣщику, который желалъ-бы дать его въ товарищи его единственному сыну. Это предложеніе было принято съ большою благодарностью. Такимъ образомъ, объѣхавъ и прочихъ офицеровъ, предводитель всѣмъ изъ нихъ дѣлалъ предложеніе переѣхать на житье къ уѣзднымъ помѣщикамъ, въ томъ числѣ и мнимому капитану Дюбиньи, къ которому предводитель, неизвѣстно почему, имѣлъ особое расположеніе. Дюбиньи долженъ былъ ѣхать къ помѣщику Скляревичу, превосходнѣйшему человѣку; но ему не суждено было выйти изъ Мглина.

Съ тѣхъ поръ, что погода стала хороша, наши французы по цѣлымъ днямъ разгуливали по городу. При этомъ солдаты вздумали не кланяться офицерамъ, говоря, что въ плѣну всѣ равны, нѣтъ военной подчиненности. Только одинъ Дюбиньи пожаловался на нихъ предводителю, который, по извѣстной въ Россіи военной дисциплинѣ, согласился съ нимъ и отдалъ приказаніе, чтобы солдаты непремѣнно отдавали офицерамъ честь при встрѣчѣ съ ними. Случилось Дюбиньи встрѣтить двухъ солдатъ, которые прошли, не кланяясь; держа въ рукѣ трость, онъ съ сердцовъ побилъ ихъ. Солдаты, долго не думая, вырвали у него изъ рукъ трость и самого побили, говоря при этомъ, что они его знаютъ, что онъ не болѣе какъ унтеръ-офицеръ, которому они не обязаны кланяться. Это происшествіе разгласилось; стали наводить справки и онѣ открыли, что Дюбиньи сержантъ, служившій писаремъ въ канцеляріи маршала Даву. Не зная о томъ, мы, конечно, признавали его за того, за кого онъ выдавалъ себя, хотя теперь и объяснялось, почему

Дюбиньи такъ ухаживалъ за маіоромъ: онъ хотѣлъ своими услугами склонить его къ признанію его офицеромъ. Побитые солдаты пошли всюду разглашать, что Дюбиньи не офицеръ, такъ что жившій съ нимъ на одной квартирѣ поручикъ выгналъ его отъ себя, говоря, что онъ можетъ раздѣлять свое помѣщеніе только съ равнымъ себѣ. Эти слова привели Дюбиньи въ отчаяніе. Укладывая свои вещи въ чемоданъ, онъ вынулъ бритву и порѣзалъ свое горло такъ, что залился кровью, прежде нежели офицеръ успѣлъ это замѣтить. Призвали городничаго, и съ перваго взгляда казалось, будто поручикъ вслѣдствіе ссоры зарѣзалъ Дюбиньи, но какъ этотъ еще въ силахъ былъ сказать нѣсколько словъ, то онъ объявилъ, что убилъ себя самъ, и спустя нѣсколько часовъ, умеръ. Это событіе насъ огорчило, и самъ предводитель пожалѣлъ о Дюбиньи, который съумѣлъ ему понравиться, такъ что не проходило дня, чтобы онъ не позвалъ его поиграть съ нимъ въ бостонъ.

Едва Дюбиньи скончался, какъ пришли доложить предводителю, что въ прудѣ у мельницы нашли утонувшаго француза, и именно того солдата, который служилъ покойному Дюбиньи и съ которымъ этотъ поссорился изъ-за подозрѣнія, что онъ самозванный офицеръ. Ссорясь, они вышли изъ квартиры и направились къ мельницѣ, гдѣ между ними произошла драка, послѣ чего Дюбиньи сбросилъ солдата въ воду. Мельникъ, свидѣтель этого случая, опасаясь за себя, спрятался и не хотѣлъ дать знать полиціи. Выслушавъ это донесеніе, предводитель отправился на мѣсто происшествія, взявъ меня съ собою для освидѣтельствованія трупа утопленника. Оказались дѣйствительно слѣды ушибовъ въ голову. Предводитель не сомнѣвался, что несчастный погибъ насильственною смертью отъ руки того, кому онъ служилъ, и поэтому нашелъ, что послѣ этого преступленія Дюбиньи только и оставалось что зарѣзаться. „А я почиталъ его за честнаго воина, прибавилъ предводитель, впрочемъ, не слѣдуетъ довѣрять рыжимъ, какимъ былъ Дюбиньи“.

Вскорѣ всѣ офицеры были развезены по помѣщикамъ, у которыхъ они пользовались всѣми удобствами жизни и вниманіемъ окружающихъ.

Къ концу марта мѣсяца 1813 г., братъ предводителя, который давно уже выздоровѣлъ и нѣсколько разъ уѣзжалъ въ свою деревню Молодково, въ десяти верстахъ отъ Мглина, пріѣхалъ оттуда съ извѣстіемъ, что въ его деревнѣ между крестьянами распространился тифъ, отъ котораго многіе умираютъ, и просилъ брата отпустить меня съ нимъ для леченія больныхъ. Предводитель согласился, тѣмъ болѣе, что самъ имѣлъ надобность ѣхать въ свою

деревню Алефино, въ сорока верстахъ оттуда, въ Стародубскомъ уѣздѣ.

На другое утро подали двѣ коляски. Предводитель уѣхалъ въ одну сторону, а мы — въ другую. Путь нашъ лежалъ по большой дорогѣ, по которой мы пришли въ Мглинъ, и на всемъ пространствѣ были разсѣяны объѣденные волками и собаками трупы нашихъ солдатъ. Впрочемъ, какъ говорилъ Скорупа, крестьянамъ приказано было около его деревни вырыть большую яму для погребенія остатковъ несчастнаго народа; а надъ могилою онъ хотѣлъ поставить крестъ. „Французы—христіане, говорилъ онъ, поэтому нельзя ихъ погребать какъ скотовъ. Но наши крестьяне, продолжалъ онъ, еще грубы и невѣжественны; они увѣрены, что кто не русскій, тотъ нехристь и называютъ нѣмцами (т. е. нѣмыми) всѣхъ иностранцевъ безъ разбора, въ особенности нашихъ сосѣдей германцевъ, и вотъ чему надо приписать ихъ жестокость въ отношеніи къ французамъ. Крестьяне, входящіе въ составъ войска, обыкновенно выбираются помѣщиками изъ самыхъ негодныхъ людей, часто даже преступныхъ; вотъ почему необходимо держать ихъ въ строжайшей дисциплинѣ. Благодаря ей, регулярныя войска не виновны въ такихъ жестокостяхъ, какія позволили себѣ наскоро набранные и вооруженные люди, съ ихъ импровизованными офицерами, не имѣющими понятія о воинской чести".

Ѣдучи далѣе, мы встрѣтили телѣги, нагруженныя трупами и направлявшіяся къ ямѣ, куда надлежало ихъ зарыть. Зловоніе и самый видъ этихъ труповъ заставляли г. Скорупу затыкать носъ и отворачивать глаза; впрочемъ, онъ приказалъ гнать лошадей сколько возможно, чтобы намъ оставить позади себя эту ужасную процессію.

Проѣхавъ еще большой сосновый лѣсъ, мы прибыли въ Молодково, за которымъ находился деревенскій господскій домъ. Жилище это было скромное по наружности и не обширное. Къ нему примыкали службы, образовавшія большой дворъ. Больные, числомъ двадцать человѣкъ, помѣщались въ большой избѣ со свѣтлыми окнами, вблизи винокуреннаго завода. Я тотчасъ-же навѣстилъ ихъ и прописалъ лекарства, которыя были со мною. Мнѣ помогалъ фельдшеръ изъ евреевъ. Однако, нѣсколько больныхъ такъ ужъ были худы, что они умерли, спустя нѣсколько часовъ Недѣли черезъ двѣ, мало-по-малу выздоровѣли остальные.

Насталъ великій постъ, который г. Скорупа наблюдалъ довольно исправно; но какъ ему извѣстно было, что французскіе военные люди издавна освобождены отъ поста, то онъ приказалъ приго-

товлять для меня особый столъ. Вообще, подобно брату своему, онъ оказывалъ мнѣ много добраго расположенія. Не взирая на нашу уединенную жизнь, такъ какъ никто не заѣзжалъ въ нашу лѣсную глушь, мы прогоняли скуку въ разговорахъ, иногда очень занимательныхъ, и засиживались въ этой бесѣдѣ часто до глубокой ночи. Видя въ усадьбѣ большую стаю гончихъ собакъ и замѣтивъ въ одной изъ комнатъ большое собраніе ружей, я догадался, что хозяинъ мой—охотникъ. Въ одно утро онъ предложилъ мнѣ сопровождать его на охоту съ борзыми собаками, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Насъ провожали егеря въ зеленыхъ кафтанахъ, державшіе на сворѣ гончихъ и борзыхъ собакъ. Пріѣхали въ лѣсъ, въ которомъ довольно большое пространство было обтянуто сѣтью. Мы остановились на опушкѣ лѣса. Вскорѣ лѣсъ огласился шумомъ множества голосовъ: это крестьяне съ крикомъ сгоняли звѣря въ сѣть. Егеря и я заняли мѣста противъ лѣса въ ожиданіи звѣря. Вдругъ изъ лѣса выскакиваютъ два волка; тотчасъ-же на нихъ спустили двухъ борзыхъ, и вслѣдъ за ними поскакали и егеря; я за ними. Послѣ долгой скачки во весь духъ черезъ вспаханныя поля, мы прискакали къ мѣсту, гдѣ собаки, нагнавъ волковъ, начали терзать ихъ. Отогнавъ плетью собакъ, егеря спѣшились и добили волковъ своими охотничьими ножами, потомъ отрубили у нихъ лапы и бросили собакамъ. Послѣ этой удачи, мы возвратились въ лѣсъ, гдѣ встрѣтили нѣсколько зайцевъ, удиравшихъ въ поле; за ними снова погнались, и троихъ изъ нихъ собаки поймали; отобравъ ихъ у собакъ, егеря привѣсили зайцевъ къ сѣдлу и воротились къ намъ. Звуками рожка созвали всѣхъ, и людей и собакъ, и собрались было ѣхать во-свояси, какъ пришли крестьяне объявить, что они видѣли въ лѣсу человѣческій трупъ, объѣденный волками. Г. Скорупа изъявилъ желаніе убѣдиться въ находкѣ самому, и мы воротились въ лѣсъ. Тутъ вскорѣ насъ привели къ болоту, гдѣ увидали только верхнюю часть человѣческаго трупа съ оторванными руками и обезображеннымъ лицомъ. Только по короткимъ волосамъ можно было догадаться, что это останки француза. Мы были поражены. Трудно было объяснить, здѣсь-ли именно попался несчастный въ добычу волкамъ или волки занесли сюда трупъ съ большой дороги, что́ было вѣроятнѣе, такъ какъ едва-ли кто-либо изъ нашихъ отважился-бы углубляться въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ никакой дороги. Сколько такихъ бѣдственныхъ случаевъ, никому невѣдомыхъ, выпали на долю нашимъ бѣднымъ воинамъ! Г. Скорупа приказалъ своимъ людямъ и этотъ трупъ свезти въ общую могилу прежде зарытыхъ труповъ.

Приближаясь на обратномъ пути къ деревнѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ еще одного грустнаго зрѣлища. Повернувъ на проселочную дорогу, г. Скорупа остановился передъ кабакомъ, съ намѣреніемъ приказать раздать водку крестьянамъ, сопровождавшимъ насъ на охотѣ. У входа въ кабакъ я замѣтилъ валявшимися два человѣческихъ черепа. Я обратилъ на нихъ вниманіе г. Скорупа, который призвалъ кабатчика и велѣлъ ему объяснить, что̀ значатъ эти черепа. Онъ разсказалъ, что разъ зимою, ночью, въ кабакъ постучались два солдата нѣмца (т. е. иностранцы), а люди, сидѣвшіе въ кабакѣ, убили ихъ; тѣла волки съѣли, а остались однѣ головы. Я замѣтилъ, что разсказчикъ при этомъ ухмылялся. Г. Скорупа передалъ мнѣ этотъ разсказъ, повторяя, что русскіе крестьяне по большей части еще свирѣпы. И эти головы онъ велѣлъ зарыть въ извѣстную общую могилу жертвъ варварства нецивилизованнаго народа.

Спустя нѣсколько дней, г. Скорупа повелъ меня къ возвышенію, сдѣланному надъ могильною ямою, чтобы отслужить панихиду по усопшимъ. Г. Скорупа говорилъ, что священникъ не хотѣлъ было служить панихиды по нехристямъ, но серіозно не смѣлъ отказать въ этомъ. Поступокъ г. Скорупа обнаруживалъ въ немъ человѣка религіознаго, но не фанатика, и я радовался знакомству и дружбѣ такого благороднаго человѣка.

Постъ подходилъ къ концу; наступала Пасха. Въ страстную субботу г. Скорупа повелъ меня въ деревенскую церковь, гдѣ я впервые увидѣлъ грекороссійское богослуженіе. Церковь была деревянная и маленькая съ отдѣльною колокольнею. Мы стали на возвышенное мѣсто за рѣшеткою, которая отдѣляла насъ отъ толпы крестьянъ, наполнявшей середину церкви. Всѣ держали въ рукѣ по зажженной свѣчкѣ. Священникъ въ парчевой ризѣ началъ служеніе обще съ діакономъ, читая молитвы и безпрестанно крестясь, чему подражали и молящіеся. Нѣсколько часовъ сряду читали евангеліе, съ перерывами, послѣ которыхъ, я замѣтилъ, каждый прилѣплялъ къ зажженной свѣчѣ восковый шарикъ, ведя такимъ образомъ счетъ прочитаннымъ евангеліямъ. Въ полночь загудѣли колокола, возвѣщая воскресенье Христово. Къ намъ подошелъ священникъ и сталъ цѣловать насъ по три раза, говоря: „Христосъ воскресъ!“, на что слѣдовало отвѣчать: „воистину воскресъ!“

На другое утро рано г. Скорупа разбудилъ меня, зовя въ церковь. Мы поѣхали, ради торжества, въ коляскѣ шестерней,—нужды нѣтъ, что церковь находилась не далѣе нѣсколькихъ саженъ. Отстоявъ обѣдню, продолжавшуюся два часа, какъ всѣ вообще

богослуженія у русскихъ очень продолжительны, мы возвратились домой. Здѣсь въ залѣ накрытъ былъ большой столъ со всякаго рода съѣстнымъ. Пришелъ священникъ, прочиталъ молитвы и окропилъ столъ святою водою.

Къ столу приглашены были управляющій имѣніемъ, полякъ, и еще разные приказчики. Хозяинъ началъ цѣлованіе съ меня, поднося мнѣ крашенныя яйца, и потомъ съ тѣмъ-же цѣлованіемъ обошелъ каждаго, не исключая и слугъ. Потомъ стали разгавливаться всякимъ скоромнымъ кушаньемъ, запрещеннымъ во время поста.

Послѣ праздниковъ Пасхи, г. Скорупа намѣревался навѣстить нѣсколькихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и предложилъ мнѣ сопутствовать ему, отъ чего я не отказался. Онъ предупредилъ меня, что мы пробудемъ въ отсутствіи около двухъ недѣль и что первый нашъ визитъ будетъ къ г. Скляревичу, съ которымъ я познакомился въ Мглинѣ у предводителя. Этотъ господинъ въ то время оказывалъ мнѣ много расположенія и звалъ меня къ себѣ въ деревню.

Въ прекрасное весеннее утро сѣли мы въ коляску шестерней и, проѣхавъ двадцать верстъ деревнями и березовыми рощами, прибыли въ Костеничи къ г. Скляревичу, который поблагодарилъ своего гостя за то, что онъ и меня привезъ. Это былъ средняго роста мужчина 40 лѣтъ, пріятной наружности и очень полный. У него было пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему шелъ 14-й годъ. Небольшой его домъ былъ хорошо расположенъ и комнаты меблированы со вкусомъ. Напротивъ былъ домъ, предназначенный для пребыванія гостей. Я нашелъ здѣсь и нашего маіора Ландрена, котораго хозяинъ принялъ на мѣсто Дюбиньи. Наѣхали сосѣди, между прочими, два господина Лишины, съ которыми я познакомился. Вообще всѣ оказывали мнѣ учтивость и радушіе, забывая, что я иностранецъ и бывшій непріятель. Обѣдъ былъ не роскошный, но вкусный, особенно хороши показались мнѣ національные ликеры. Послѣ обѣда гуляли въ обширномъ саду, богатомъ всякаго рода фруктовыми деревьями, яблоками, грушами, сливами и вишнями. Я не думалъ, чтобы они могли выдержать мѣстный климатъ. Послѣ прогулки, всѣ сѣли за игру въ бостонъ. Я остался наединѣ съ маіоромъ. Мы поговорили о Дюбиньи, и маіоръ не сомнѣвался, что это онъ убилъ солдата, такъ какъ онъ грозилъ ему этимъ, если онъ проговорится насчетъ его настоящаго званія. Слѣдовательно, если-бы онъ самъ не зарѣзался, то его разстрѣляли-бы. Игра въ карты продолжалась до глубокой ночи. Послѣ ужина, хозяинъ самъ повелъ гостей въ ихъ комнаты. Мы пробыли

у него двое сутокъ и все время эти господа только и дѣлали, что играли въ карты.

Отсюда мы отправились въ имѣніе Ляличъ къ графу Завадовскому. Съ нами поѣхалъ и одинъ изъ господъ Лишиныхъ. Мы проѣхали около 20 верстъ, когда по дорогѣ нашей потянулась, верстъ на пятнадцать, кирпичная стѣна, которою обнесенъ былъ лѣсъ, полный краснаго звѣря: оленей, кабановъ и козуль. Вдали на горѣ виднѣлись высокія зданія и большая церковь. Наконецъ, проѣхавъ село съ дрянными избами и бѣднымъ крестьянскимъ населеніемъ въ рубищѣ и лаптяхъ, мы очутились въ аллеѣ, усаженной большими деревьями, которая привела насъ въ нѣчто похожее на городокъ съ каменными красивой архитектуры домами въ нѣсколько этажей, съ зелеными крышами. Вскорѣ мы подъѣхали къ красивому дворцу въ три этажа съ колоннами и зеркальными, окнами изъ цѣльнаго стекла. Насъ встрѣтили дворецкій и множество слугъ въ ливреѣ съ золотымъ галуномъ и повели въ залу, украшенную мраморными статуями и историческими картинами, между прочимъ, и портретомъ кардинала Ришелье.

Доложили графу о нашемъ пріѣздѣ. Спустя нѣсколько минутъ, къ намъ вышли два наши офицера, поручикъ Ларокъ, изъ хорошей фамиліи, знакомый мнѣ по походу, и кирасирскій капитанъ Баратье. Оба были приняты въ домъ гостепріимнымъ графомъ, и не могли нахвалиться его обхожденіемъ. Заставивъ насъ довольно долго прождать, графъ, наконецъ, вышелъ. Съ особенною привѣтливостью встрѣтилъ онъ г. Скорупу, вѣроятно, коротко ему знакомаго. Графъ былъ молодой человѣкъ высокаго роста, рябой; на немъ былъ черный фракъ. Г. Скорупа представилъ меня графу, который сказалъ мнѣ нѣсколько словъ отличнымъ французскимъ языкомъ. Посадивъ насъ, графъ заговорилъ уже по-русски. Потомъ пріѣхали еще сосѣдніе помѣщики, между ними г. Искрицкій [1]), которому графъ оказывалъ особое предпочтеніе. Передъ обѣдомъ подали на серебрѣ закуску, затѣмъ сѣли за столъ. Насъ было двадцать человѣкъ. Я сѣлъ между нашими офицерами. Во время стола на хорахъ играла музыка. Столъ былъ чисто французскій; вина самыя лучшія, а за десертомъ удивлялся я множеству ананасовъ, во Франціи совершенно неизвѣстныхъ. Эти плоды разводили въ графскихъ оранжереяхъ. Общаго разговора не было, а какъ всѣ между собой говорили по-русски, то мнѣ оставалось только бесѣдовать съ моими товарищами.

---

[1]) Отецъ декабриста.

Послѣ обѣда, мы прошли черезъ нѣсколько комнатъ, съ позолоченною мебелью, и остановились въ гостиной, гдѣ разставлены были зеленые столы. Тутъ всѣ сѣли за игру, кромѣ насъ французовъ. Мои товарищи увели меня, чтобъ показать мнѣ всѣ чудеса графскаго дома. Я насчиталъ въ немъ до ста комнатъ. Въ такъ называемой Аполлоновой залѣ висѣлъ портретъ императрицы Екатерины II во весь ростъ, въ великолѣпной рамѣ съ императорскою короною. Другая зала, Лукуллова, была обита гобеленовыми обоями, изображавшими миѳологическія сцены,—это былъ подарокъ императрицы. Кругомъ стояли дорогія мраморныя статуи. Почти вездѣ развѣшаны были картины первыхъ мастеровъ; цѣнность имъ полагали въ сто тысячъ рублей. Меблировка всѣхъ этихъ комнатъ и нѣсколько полинявшая штофная матерія доказывали принадлежность свою прошлому вѣку. Отецъ графа, какъ сказывалъ мнѣ Скляревичъ, былъ однимъ изъ любимцевъ Екатерины II. Это былъ человѣкъ ученый и краснорѣчивый. Онъ началъ поприще свое съ военной службы подъ начальствомъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова. Ни одно правительственное дѣйствіе не совершилось безъ его участія. Онъ былъ статсъ-секретаремъ, а впослѣдствіи и министромъ народнаго просвѣщенія. Не болѣе года прошло со дня его кончины [1]). Далѣе мы осмотрѣли великолѣпную русскую церковь: образа иконостаса были писаны въ Италіи; одинъ изъ нихъ, изображеніе Богородицы, былъ портретъ графини Завадовской, славившейся своею красотою. Заходили въ большую оранжерею, состоявшую изъ цѣлой аллеи столѣтнихъ померанцовыхъ деревьевъ, полныхъ плодовъ; отсюда перешли въ теплицу, гдѣ разводились ананасы, этотъ тропическій плодъ. Погуляли и въ паркѣ около большаго искусственнаго пруда, но какъ весна еще не вполнѣ установилась, то прогулка эта, не развлекаемая пѣніемъ соловья, не могла еще представить большаго удовольствія. Зато мы полюбовались бронзовою колоссальною статуею Румянцова, поставленною посреди колоннады въ самомъ паркѣ.

Сумерки приближались, такъ что мы принуждены были возвратиться въ домъ. Оттуда слышалась музыка, которая играла все время, пока общество играло въ карты. Оркестромъ управлялъ итальянецъ-капельмейстеръ. Послѣдній попросилъ нашего Баратье сыграть соло изъ пьесы „Толедскій слѣпецъ“, и игра его такъ очаровала играющихъ, что они на время оставили игру. Послѣ

[1]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, умеръ 10-го января 1812 г. Ред.

орскошнаго ужина, снова сѣли за карты, а мы, не играющіе, удалились въ отведенныя намъ прекрасныя комнаты.

На другой день встали очень поздно. Кофе на серебряномъ сервизѣ подали намъ въ комнаты. Послѣ, когда все общество собралось въ гостиной, мы узнали, что графъ проигралъ очень много денегъ Скорупѣ и Скляревичу,

Г. Искрицкій пригласилъ г. Скорупу и меня въ свою деревню, сосѣднюю съ Ляличами, куда и графъ собирался съ господами де-Ларокъ и Баратье. Графъ еще не выходилъ изъ своихъ комнатъ. Тѣмъ временемъ г. Искрицкій разговорился съ нами французами. Такъ какъ я во все время пребыванія моего у братьевъ Скорупа не слыхалъ ни слова о политикѣ, и они не получали даже азетъ, явно не интересуясь происходящимъ въ свѣтѣ, то мнѣ и товарищамъ моимъ очень пріятно было, когда изъ разговора г. Искрицкаго увидали, что онъ посвященъ въ политическія дѣла посредствомъ различныхъ получаемыхъ имъ журналовъ. Нѣсколько сдѣланныхъ имъ мнѣ вопросовъ показывали. какъ любопытно было ему слышать подробности о Наполеонѣ и московскомъ походѣ изъ устъ француза. Но и мы любопытствовали знать, что̀ происходило въ промежуткѣ времени, что мы находились въ плѣну. Г. Искрицкій разсказалъ намъ трагическій переходъ французовъ черезъ Березину, бѣдствія отступавшей арміи и все, что происходило послѣ битвы у Краснаго. Г. Искрицкій ненавидѣлъ Наполеона. Вотъ что̀ онъ сказалъ о немъ въ заключеніе:

„Въ началѣ московскаго похода до Смоленска всѣ операціонныя дѣйствія Наполеона доказывали его знаніе дѣла и военный геній; но какъ скоро онъ вздумалъ двинуться на Москву, такъ онъ нарушилъ самыя элементарныя начала искусства, потому что малѣйшая неудача грозила повлечь за собою цѣлую катастрофу, по причинѣ слишкомъ отважной цѣли. Къ чему было ему оставаться въ Москвѣ безъ всякой славы, когда, напротивъ, приближеніе зимы должно-бы заставить его удалиться? И характера русскаго Наполеонъ не зналъ, тогда какъ наше отечество тѣмъ и сильно, что его защищаетъ не только климатъ, но и неизмѣнный обычай народа жечь города и селенія, чтобы не допустить непріятеля до захвата его земли. А какъ назвать это забвеніе всѣхъ предосторожностей для обезпеченія отступленія? Храбрая армія по его винѣ погибла отъ стужи и голода“. Затѣмъ Искрицкій намъ сообщилъ, что Наполеонъ, этотъ бѣглецъ, какъ онъ его называлъ, находился уже въ Парижѣ съ 20-го прошлаго декабря, и декретомъ повелѣлъ произвести новый наборъ въ 250 тысячъ человѣкъ, намѣреваясь предпринять вторую кампанію.

Тутъ-же мы узнали, что остатки французской арміи очистили Пруссію 20-го января. Императоръ Александръ обратился съ прокламаціею къ германскимъ народамъ, призывая ихъ свергнуть иго Франціи; Пруссія возобновила союзъ съ Россіею, и войска обѣихъ державъ незадолго передъ тѣмъ заняли Дрезденъ. Швеція тоже заключила союзъ съ Англіею противъ Наполеона. Всего болѣе удивило насъ извѣстіе, что бурбонскій принцъ, какой-то Людовикъ XVIII, существованія котораго мы и не подозрѣвали, обратился къ Европѣ съ объявленіемъ, что онъ готовится вступить на престолъ своихъ предковъ. Всѣ эти извѣстія навели на насъ страшное уныніе, и будущее тревожило насъ. Тутъ г. Искрицкій насъ оставилъ, спѣша домой въ свою деревню, приготовить все для нашего пріѣзда.

Наконецъ, графъ вышелъ изъ своихъ комнатъ и насъ позвали къ завтраку. Графъ былъ на этотъ разъ любезенъ съ нами, не такъ, какъ наканунѣ, и разсказалъ намъ, что находился въ походѣ 1812 г., въ качествѣ адъютанта генерала Кутузова; назвалъ намъ нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, но, не въ состояніи будучи долѣе переносить тяжелый походъ, онъ вышелъ въ отставку.

Стали собираться къ отъѣзду. Подали новомодную коляску на высокихъ рессорахъ, запряженную шестеркою великолѣпныхъ лошадей графскаго знаменитаго въ краѣ завода, и еще нѣсколько экипажей. Графъ взялъ съ собою г. Скорупу, а г. Скляревичъ и я сѣли въ другой экипажъ. Не смотря на дождь и грязь, лошади провезли насъ очень скоро, разстояніе въ 25 верстъ. Мы въѣхали въ село, получше обстроенное, нежели Ляличи, и крестьяне здѣшніе казались не столь бѣдными. Остановились передъ деревяннымъ домомъ, выкрашеннымъ желтою краскою, въ одинъ этажъ и со множествомъ большихъ оконъ. Г. Искрицкій спустился къ намъ по свѣтлой лѣстницѣ и ввелъ въ домъ. Проводивъ насъ по нѣсколькимъ покоямъ со скромною меблировкою, хозяинъ ввелъ насъ въ комнату, гдѣ мы встрѣтились съ дамами. Со дня моего прибытія въ Мглинъ, я еще не встрѣчался съ женщинами. Господа Скорупа были не женаты и въ общество ихъ дамы не появлялись; Скляревичъ былъ вдовъ, и графъ Завадовскій не женатъ. Г. Искрицкій тоже былъ холостъ, а дамы, встрѣтившія насъ, были его мать, три сестры и родственницы.

Г. Искрицкій, мужчина подъ сорокъ лѣтъ, росту средняго, съ благородною физіономіею, былъ отлично образованъ, говорилъ по-французски хорошо, также чисто, какъ мы, французы; когда-то онъ занималъ важную должность въ сенатѣ. Онъ представилъ насъ ма-

тери и сестрамъ. Первая, женщина хорошаго тона, уже въ лѣтахъ, обошлась съ нами весьма любезно; она не очень бѣгло говорилъ по-французски, однако мы понимали ее. Старшая ея дочь, 25 лѣтъ, и вторая—20-ти, не будучи красивы, имѣли въ себѣ много привлекательнаго; но вполнѣ красавицею была младшая дочь, 20-ти лѣтъ прелестная блондинка. Всѣ три сестры были одѣты одинаково и довольно нарядно. Онѣ хотя и говорили по-французски, но съ нѣмецкимъ акцентомъ. Мнѣ страннымъ казалось находиться въ женскомъ обществѣ. Я давно встрѣчалъ однихъ только мужчинъ и воображалъ, что нѣтъ женскаго полу между русскими дворянами (!?). Дѣвицы Искрицкія были очень предупредительны къ гостямъ, особенно къ графу, посѣщеніе котораго, казалось, очень льстило имъ. Все-же онѣ не пренебрегали и нами, а удостоивали насъ своимъ разговоромъ. Отвыкнувъ отъ общества дамъ, мы старались припомнить нашу французскую любезность; но кто изъ насъ лѣзъ изъ кожи, чтобы выказать свою грацію, такъ это кирасиръ Баратье. Онъ отпускалъ напыщенные комплименты, возбуждавшіе веселость общества. Подали обычную закуску и различныя водки въ графинахъ, на которыхъ были приклеены билетики, какъ на аптекарскихъ склянкахъ. Вскорѣ доложили объ обѣдѣ; графъ подалъ руку госпожѣ Искрицкой, прочіе господа дѣвицамъ, и капитанъ Баратье не упустилъ случая тоже подставить свой локоть дамѣ. Столъ отличался обиліемъ національныхъ блюдъ, но далеко не былъ такъ роскошенъ, какъ графскій. Дамы сѣли по одну сторону стола, а мужчины по другую, не по французскому обычаю, по которому мужчины садятся между двухъ дамъ. Пили шампанское за здоровье графа, а онъ предложилъ обществу тостъ въ честь хозяйки. Вставая изъ-за стола, каждый обратился лицомъ къ образу, висѣвшему въ одномъ углу залы, и крестился. Мужчины повели своихъ дамъ въ гостиную, куда подали кофе и варенья на нѣсколькихъ тарелочкахъ; на каждой тарелочкѣ было по одной ложкѣ. Открыли зеленые столы въ сосѣдней комнатѣ, и мужчины отправились туда, оставивъ дамъ. Мы, французы, не удалялись. Капитанъ Баратье вздумалъ возобновить свои любезности; онъ объявилъ себя обожателемъ женскаго пола, рабомъ женщинъ; говорилъ такъ восторженно о чувствѣ, которое онъ будетъ питать къ дамѣ своего сердца, что возбудилъ въ дамахъ искренній смѣхъ. Онѣ, я думаю, еще не встрѣчали такого страстнаго селадона. Однако, опасаясь, чтобы онъ не зашелъ слишкомъ далеко въ своей болтовнѣ, я подошелъ къ старшей дѣвицѣ и шепнулъ ей, что обожатель женщинъ въ то-же время отличнѣйшій музыкантъ, и склонилъ ее попросить его сы-

грать. Едва эта просьба была выражена, какъ Баратье пошелъ за своимъ инструментомъ. Игра его оказалась дѣйствительно лучше его любовнаго бреда. Онъ переходилъ отъ нѣжной мелодіи къ веселой, воинственной и производилъ ими большой эфектъ. Его очень благодарили за доставленное удовольствіе. Между тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ продолжалась игра на огромныя суммы. Столы были завалены золотомъ и ассигнаціями. Ужинали очень поздно, потомъ отвели насъ въ отдѣльный флигель, гдѣ были приготовлены постели, и каждому изъ насъ дали по слугѣ.

На другой день, мы только встали нѣсколько ранѣе другихъ; прочее-же общество, проигравъ всю ночь, еще спало и собиралось выйти не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько часовъ. Между тѣмъ, мы пошли гулять въ большой садъ, въ которомъ были длинныя липовыя аллеи, хотя деревья еще едва распускались. Пришли намъ сказать, что все общество собралось въ столовой къ завтраку. Мы нашли тутъ и мужчинъ и дамъ. Г. Скорупа сказалъ мнѣ, что надо собираться въ путь, чтобы поспѣть до вечера къ помѣщику Ширяю.

Раскланявшись съ обществомъ и поблагодаривъ г. Искрицкаго за гостепріимство, я послѣдовалъ за г. Скорупою. Съ нами ѣхалъ также г. Скляревичъ. На полдорогѣ мы остановились въ большой еврейской харчевнѣ, чтобы накормить лошадей; а сами пили чай. Проѣхавъ еще 25 верстъ и нѣсколько деревень, принадлежавшихъ г. Ширяю, богатому землевладѣльцу, мы прибыли вечеромъ въ село Гордѣевку, и подъѣхали къ дому въ два этажа. Окна и лѣстница были ярко освѣщены. Въ передней встрѣтилъ насъ хозяинъ, которому я былъ представленъ, какъ докторъ. Пройдя съ нами нѣсколько скромно меблированныхъ комнатъ, хозяинъ ввелъ насъ въ большую гостиную. Здѣсь мы нашли многочисленное общество мужчинъ и дамъ. Г. Ширяй представилъ насъ своей супругѣ, занимавшей съ другими дамами большой диванъ. Господа Скорупа и Скляревичъ подошли къ ней и поцѣловали у нея руку. Г. Ширяй былъ мужчина средняго росту, лѣтъ сорока и очень красный въ лицѣ. На немъ былъ изящный голубой фракъ, но манеры его были простоватыя, что̀ не мѣшало ему оказывать мнѣ учтивость. Жена его, немногимъ моложе его, но еще красивая собою, не отличалась нарядн ымъ туалетомъ. У нея были сынъ и дочь, 13-ти и 14-ти лѣтъ. Она посадила насъ около себя и вступила въ разговоръ съ г. Скорупою на русскомъ языкѣ. Я догадывался, что она распрашивала обо мнѣ; потомъ она обратилась ко мнѣ, говоря мнѣ по-французски, что въ домѣ ихъ живетъ фран-

цузскій полковникъ Эскюдье, который не вышелъ потому, что боленъ. Она отзывалась о немъ съ большою похвалою. Я замѣтилъ, что многіе изъ общества съ любопытствомъ меня разсматривали, но никто не обратился ко мнѣ ни съ единымъ словомъ. Общество состояло изъ 70—80 человѣкъ, на половину поляковъ. Такъ какъ я ни съ кѣмъ не говорилъ, то мнѣ оставалось только одно, дѣлать наблюденія. Мужчинъ было нѣсколько менѣе числомъ, нежели женщинъ; тутъ были разные возрасты, разные костюмы и разныя состоянія и, можно сказать, разныя степени образованія,—смѣсь, нерѣдко встрѣчающаяся въ провинціи. Пожилые поляки были въ усахъ, одѣты въ кафтаны съ откинутыми на плечи рукавами и въ желтыхъ или въ красныхъ сапогахъ; но молодежь польская щеголяла во французскомъ фракѣ и шелковыхъ чулкахъ. Русскіе-же, какъ пожилые, такъ и молодые, носили фраки всякихъ цвѣтовъ, но старомодные и высокіе, такъ называемые суворовскіе, сапоги съ шелковою кистью напереди. Изъ военныхъ были только три офицера въ мундирахъ. Вообще русскіе обходились безцеремонно, а поляки отличались предупредительностью. Между русскими и польскими дамами замѣчалась тоже не малая разница. Первыя, особенно не молодыя уже, сидѣли чинно на креслахъ вдоль стѣнъ. Платья на нихъ были темнаго цвѣта; волоса спрятаны подъ головнымъ уборомъ; на шеѣ никакихъ украшеній. Большая часть изъ нихъ отличались дородностью. Онѣ или молчали угрюмо, или говорили другъ съ другомъ вполголоса. Зато старыя польки щеголяли туалетомъ не по лѣтамъ, и очень живо между собою болтали. Онѣ были одѣты декольте, по тогдашней модѣ, и выказывали чрезмѣрныя и устарѣлыя прелести. На шеѣ носили жемчугъ или брильянты. Подъ кружевными косынками, завязанными у подбородка, виднѣлись густые, завитые волоса, или природные, или фальшивые. Лица у многихъ были набѣлены и нарумянены. Платья на этихъ дамахъ были яркихъ цвѣтовъ, или краснаго, или зеленаго, по тогдашней модѣ, а сверхъ платья надѣты были на нихъ кашемировыя шали, въ которыхъ онѣ кутали свои черезъ-чуръ пластичныя по причинѣ узкихъ юбокъ формы.

Перейду теперь къ русскимъ и польскимъ дѣвицамъ. Почти всѣ были хорошенькія, всѣ говорили по-французски получше маменекъ; у всѣхъ почти глаза были голубые или сѣрые; темнорусые или черные волосы, заплетенные въ косы, которыя положены были вокругъ головы и прикрѣплялись черепаховымъ съ золотыми украшеніями гребнемъ: передніе-же волосы были завиты и придерживались у висковъ крошечными гребешками: это очень шло къ

милымъ личикамъ. Узкія и почти прозрачныя платья выказывали прелестныя формы и давали дѣвицамъ видъ олимпійскихъ богинь. Польки были граціознѣе въ движеніяхъ и походкѣ, и сложены стройнѣе, нежели русскія. Мнѣ показалось, что онѣ посмѣивались надъ послѣдними, вѣроятно надъ ихъ туалетомъ, который уступалъ ихъ собственному. Однако, и между русскими были и кравыя и нарядныя. Онѣ тоже сходились въ кучку, перешептывались и громкимъ смѣхомъ заявляли, что и онѣ умѣютъ находить слабыя стороны въ своихъ соперницахъ. Мои наблюденія простирались и на нравственныя стороны общества, состоявшаго изъ двухъ сосѣднихъ и одноплеменныхъ націй, но вмѣстѣ съ тѣмъ и враждебныхъ другъ другу. Русскіе помнили старинныя гоненія поляковъ, а этимъ памятно было ихъ мщеніе. Поляки были въ отчаяніи, что подпали подъ иго презираемыхъ ими враговъ, но не смѣли обнаруживать своей злобы, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлось скораго освобожденія. Наружно они, напротивъ, показывали желаніе сойтись. Въ этомъ обществѣ происходила какъ-бы комедія, въ которой каждый игралъ какую-нибудь роль, потому что во всѣхъ ихъ взаимныхъ учтивостяхъ не было и тѣни правды. Русскіе косились на поляковъ за ихъ преимущество въ свѣтскомъ тонѣ и образованіи, не нравился имъ и костюмъ польскій, рѣзко выставлявшій ихъ національность. Но и надъ щегольствомъ польскихъ юношей они втихомолку посмѣивались. Между дамами обѣихъ націй происходилъ такой-же разладъ. Пуще всего гнѣвались русскія маменьки на своихъ сыновей и ихъ молодыхъ товарищей за то, что они ухаживали и увивались около польскихъ дѣвицъ. Правда, что эти дѣвицы обладали, кромѣ свойственной имъ притягательной силы, также умомъ, и такимъ образомъ вдвойне увлекали молодыхъ людей. Польскія матери, въ свою очередь, косо посматривали на свою молодежь, если она увлекалась русскими красавицами и намѣренно говорила съ ними по-русски. Каждое слово на этомъ ненавистномъ языкѣ, доходя до ихъ слуха, приводило ихъ въ гнѣвъ. И, не смотря на всѣ эти поводы къ презрѣнію, къ ненависти и отвращенію, каждый скрывалъ свои мысли подъ личиною лести и любезности, которая въ состояніи была обмануть непривычный глазъ насчетъ истинныхъ чувствъ общества. Только любовныя объясненія могли считаться искренними.

Вскорѣ въ столовой подали самоваръ и всѣхъ позвали къ чаю. Хозяйка любезно старалась услужить каждому. Къ концу чая, въ сосѣдней залѣ раздалась музыка. Всѣ отправились туда и разсѣлись по стульямъ, разставленнымъ какъ для театральнаго пред-

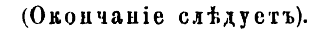
ставленія. Когда всѣ заняли свои мѣста, на сцену вышли четверо дѣвушекъ 14-ти и 15-ти лѣтъ, крѣпостныя г. Ширяя; онѣ были одѣты казачками и тотчасъ-же начали оживленную пляску, восхитившую все общество. Затѣмъ онѣ удалились и, немного погодя, воротились въ другихъ костюмахъ: двѣ изъ нихъ были одѣты въ сарафанахъ и въ кокошникахъ, двѣ другія мальчиками въ русской свиткѣ, обшитой золотымъ галуномъ, въ красной бархатной шапкѣ и въ красныхъ сапогахъ со шпорами. Онѣ протанцовали національный русскій танецъ, который поэтому и не удостоился отъ польской половины общества такихъ похвалъ, какъ казачекъ. Послѣ этого представленія, стулья были убраны и молодежь открыла балъ. Онъ начался съ полонеза, въ которомъ участвовали и пожилые мужчины и дамы. Когда пары нѣсколько разъ обошли залу кругомъ, продолжая шествіе черезъ другія комнаты, каждый кавалеръ привелъ свою даму обратно на мѣсто; затѣмъ заиграли краковякъ, и молодежь, точно встрепенувшись, бросилась выбирать себѣ дамъ. Поляки и польки танцовали съ особеннымъ увлеченіемъ и совершенствомъ; къ танцу примѣшали веселыя пѣсни, что̀ еще болѣе наэлектризовало молодежь, и не удивительно, если русскіе молодые люди влюбились тутъ въ прелестныхъ полекъ, а поляки въ русскихъ красавицъ. Впрочемъ, свадьбы между обѣими недружелюбными націями—не рѣдкость.

Позвали къ ужину. Онъ былъ накрытъ въ столовой, большой комнатѣ, лишенной всякаго украшенія, какъ и всѣ прочія комнаты. Столы были разставлены покоемъ и такъ узки, что я удивлялся тѣснотѣ, которая отъ этого происходила для сидѣвшихъ другъ противъ друга. И тутъ мужчины сѣли по одну сторону, а дамы по другую. Я замѣтилъ, что музыканты оркестра были служителями дома, такъ какъ они служили намъ за ужиномъ. Ужинъ былъ обильный, но далеко не изысканный. Когда встали изъ-за стола, каждый, перекрестившись передъ образомъ, пошелъ благодарить хозяйку дома. Танцы продолжались и послѣ ужина, когда служители успѣли убрать со стола и сами поужинать. Зато послѣ музыка своими нестройными звуками обличала слишкомъ усердное утоленіе жажды музыкантовъ. Но это не мѣшало молодежи съ новыми силами предаваться танцамъ почти до утра.

Господа Скорупа и Скляревичъ, чувствуя большую склонность отдаться морфею, предложили и мнѣ послѣдовать ихъ примѣру. Я согласился, и насъ повели въ сосѣдній флигель, гдѣ по сторонамъ коридора расположены были нумерованныя комнаты, какъ въ какомъ-нибудь отелѣ. Это были комнаты, назначенныя для

гостей. Каждому изъ насъ дали по одной комнатѣ съ постелью. На другое утро хотѣлось мнѣ повидать нашего полковника. Онъ находился въ этомъ-же флигелѣ и очень былъ радъ моему приходу, тѣмъ болѣе, что я подалъ ему совѣтъ насчетъ его здоровья. Но онъ не въ состояніи былъ много говорить, и потому я удалился. Нѣкоторые гости уѣхали домой прямо съ бала, другіе, переночевавъ, собирались уѣхать; такъ что къ завтраку оставались только человѣкъ двадцать, да и тѣ должны были скоро ѣхать.

Де-ла-Флизъ.



(Окончаніе слѣдуетъ).

Мусина-Юрьева.

Именной указъ 1-го августа 1801 г., данный сенату.

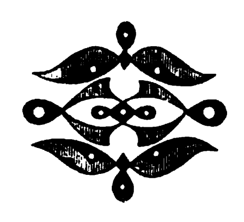
„По точной силѣ и словамъ завѣщанія Его Императорскаго Величества любезнѣйшаго родителя нашего, въ Бозѣ почивающаго государя императора Павла Петровича, всемилостивѣйше жалуемъ и возводимъ дѣвицу Марфу Мусину-Юрьеву въ дворянское всероссійской имперіи достоинство, повелѣвая правительствующему сенату заготовить на оное жалованную грамоту, въ которую и внесть фамиліи Мусиныхъ-Юрьевыхъ гербъ, по приложенному при семъ, высочайшей любезнѣйшаго родителя нашего конфирмаціи удостоившемуся, рисунку, съ девизою: „Сила Божія въ немощи совершается", и потомъ представить грамоту къ нашему подписанію, равнымъ образомъ гербъ сей внесть въ общій россійскихъ дворянскихъ родовъ гербовникъ".

Сенатъ далъ объ этомъ знать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ печатными указами 20-го августа 1801 года.

Висѣлицы въ 1799—1800 гг.

Въ городахъ, при публичныхъ мѣстахъ, поставлены были висѣлицы для прибитія къ нимъ имянъ разныхъ чиновъ, вслѣдствіе высочайшихъ повелѣній 1799 и 1800 гг. Висѣлицы эти уничтожены указомъ 8-го октября 1801 г. (Полн. Собр. Зак. № 19,824).

Сообщ. въ 1871 г. А. Г. Пупаревъ.



ЗАМѢТКИ ФОНЪ-ГЕРЛАХА О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

съ 18 января по 8 апрѣля 1826 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго].

Въ минувшемъ 1891 году изданъ въ Берлинѣ 1-й томъ Воспоминаній Леопольда фонъ-Герлаха, бывшаго генералъ-адъютанта прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV-го [1]). Германскія дѣла, конечно, занимаютъ бо́льшую часть этихъ «Воспоминаній», но въ нихъ встрѣчается нѣсколько интересныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ авторомъ во время неоднократныхъ посѣщеній имъ Петербурга, въ свитѣ прусскаго принца Вильгельма, которому впослѣдствіи суждено было стать германскимъ императоромъ и играть столь выдающуюся роль въ новѣйшей исторіи Европы.

Леопольдъ фонъ-Герлахъ родился въ 1790 г., въ Берлинѣ, гдѣ отецъ его былъ обербургомистромъ. Въ 1806 г. онъ вступилъ въ военную службу и раздѣлилъ печальную судьбу прусской арміи послѣ сраженія подъ Ауэрштедтомъ; въ 1813 и 1814 гг. онъ принималъ участіе въ войнѣ противъ французовъ, состоя въ свитѣ знаменитаго Блюхера, а затѣмъ, 1815 г.— въ составѣ генеральнаго штаба. Когда, въ 1824 г., принцъ прусскій Вильгельмъ назначенъ былъ командиромъ III армейскаго корпуса и тутъ ближе познакомился съ Герлахомъ (служившимъ при штабѣ корпуса), то сталъ замѣтно отличать его, и въ 1826 г. послѣдній былъ назначенъ личнымъ адъютантомъ принца, повсюду его сопровождалъ и пользовался его большимъ довѣріемъ. Въ 1838 г. Герлахъ произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ

[1]) Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Berlin, 1891.

начальникомъ штаба III корпуса; въ 1842 получилъ начальство надъ I-ю гвардейскою ландверною бригадою; въ 1844 произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1849—въ генералъ-лейтенанты, и назначенъ генералъ-адъютантомъ короля Фридриха Вильгельма IV, у котораго считался въ числѣ самыхъ приближенныхъ людей. Это доставило ему возможность оказывать значительное вліяніе въ пользу политической и церковной реакціи. Скончался Герлахъ 19 января 1861 г., въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи.

По своимъ убѣжденіямъ, Герлахъ былъ приверженцемъ консервативныхъ началъ, при томъ человѣкомъ строго-религіознымъ, нѣсколько склоннымъ къ піэтизму.

Въ Петербургѣ онъ былъ четыре раза: 1-й разъ—въ началѣ 1826 г., когда дворъ и русское общество находились еще подъ удручающимъ впечатлѣніемъ событій 14 декабря и производилось слѣдствіе надъ участниками заговора; второе пребываніе его въ нашей столицѣ—съ конца декабря 1827 г. по май 1828 г., совпало съ приготовленіями къ турецкой войнѣ; въ 3-й разъ онъ пріѣзжалъ лѣтомъ 1832 г. и, наконецъ, 4-й—въ 1834 г.; но объ этомъ послѣднемъ пребываніи въ Петербургѣ въ запискахъ его не осталось воспоминаній.

Записки Герлаха ведены въ формѣ дневника, довольно отрывочными и часто не имѣющими между собою прямой связи замѣтками. Сужденія его, какъ нѣмца и строгаго протестанта, о нашихъ порядкахъ, вообще, грѣшатъ тѣми-же недостатками, какъ и отзывы большинства другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію, но плохо понимавшихъ складъ нашей жизни и народный характеръ. Впрочемъ, у Герлаха подобныя разсужденія встрѣчаются лишь изрѣдка; записки его ограничиваются преимущественно фактическою стороною: что̀ онъ видѣлъ, что̀ слышалъ при дворѣ и въ обществѣ, то и заносилъ въ свой дневникъ. Принимая, однако, во вниманіе, что вращался онъ все больше около людей, у власти стоявшихъ и знавшихъ многое, что, въ то время, другимъ не было извѣстно—замѣтки его, при всемъ ихъ лаконизмѣ, не лишены занимательности. Поэтому мы и рѣшились представить здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ извлеченія.

И. И. Ореусъ.

С.-Петербургъ, 19 января [1]). Сегодня вечеромъ, въ 8 часовъ, мы, т. е. принцъ Вильгельмъ и его свита, къ которой присоединенъ генералъ Тиле (генер.-адъютантъ короля) прибыли сюда. При особѣ принца назначенъ состоять полковникъ Перовскій — человѣкъ, повидимому, ловкій и образованный. Генералъ Тиле въ восторгѣ отъ императора. Онъ (императоръ) сказалъ ему, что не знаетъ другихъ отношеній къ королю, какъ—сына къ отцу. «Я

[1]) Нов. стиля.

знаю (прибавилъ государь), что Е. В. король живетъ въ счастливыхъ семейныхъ обстоятельствахъ, но у него нѣтъ сына, который любилъ-бы его болѣе чѣмъ я. Скажите моимъ милымъ товарищамъ въ Берлинѣ, съ какимъ удовольствіемъ я думаю и буду думать о времени, проведенномъ съ ними».

20 января. Принцъ сказалъ мнѣ, что я долженъ тотчасъ-же идти къ императору. Генералъ, дежурившій при особѣ принца, повелъ меня въ Эрмитажъ, гдѣ императоръ теперь живетъ. Дорогою онъ выразился о заговорѣ такъ: «русскихъ солдатъ обольстили; они ничего не смыслятъ въ конституціи». Я замѣтилъ на это: «говорятъ, что солдаты тутъ смѣшали конституцію съ Константиномъ».—«Да, да, мой милый, это совершенно вѣрно; нѣкоторые изъ нихъ спрашивали: «да это что такое за конституція, о которой говорятъ?»—«Э, дуракъ! Это Константинова жена». — «А кто-же это Вето»? — «Ну этого я хорошенько не знаю; а ужъ вѣрно какой-нибудь важный баринъ». Императоръ принялъ меня весьма милостиво и заговорилъ по-нѣмецки: «Когда я васъ послѣдній разъ видѣлъ, то не думалъ, что придется вновь увидѣться съ вами по столь печальному поводу; я долженъ дойти до корней этого заговора, или умереть; и въ этомъ беру Бога въ свидѣтеля. Je ne transigerai jamais avec le crime [1]); а если я чрезъ это погибну, то есть еще мой братъ Константинъ, мой братъ Михаилъ, мой сынъ Александръ, и мы, наконецъ, добьемся своего. Меня за 4 дня извѣстили обо всемъ дѣлѣ; я зналъ, что готовится нѣчто противъ жизни моей и моего семейства; положеніе мое было ужасно; у меня не было другаго довѣреннаго лица, кромѣ моей жены». Послѣ полудня я пошелъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Она говорила о своемъ несчастіи, и сказала, что послѣдніе годы императора Александра были постояннымъ приготовленіемъ къ смерти. Императрица-мать, женщина еще очень видная, которой принцъ представлялъ насъ, говорила о своемъ миломъ усопшемъ сынѣ. «Онъ былъ лучшимъ другомъ вашего короля. Кажется, невозможно было-бы перенести все то, что мы перенесли со времени этого мрачнаго извѣстія; надо молить Бога, чтобы Онъ помогъ намъ переносить это съ достоинствомъ. Эти страшныя событія здѣсь, подъ моими окнами! Жизнь обоихъ сыновей моихъ въ опасности . . . несчастные, обольщенные солдаты, сбитые съ толку избыткомъ вѣрноподданничества!...... Утѣшеніемъ мнѣ служитъ то, какъ выказалъ себя мой сынъ Николай; и лучшею поддержкою ему служила его жена, которая держала себя превосходно. Милая, милая дочь моя!»

21 января. Предчувствіе смерти у императора Александра дѣйствительно представляло нѣчно странное. При своемъ отъѣздѣ онъ особенно грустно прощался съ родными; кучеръ его разсказываетъ, что не много лишь отъѣхавъ отъ города, онъ приказалъ остановиться, оглянулся еще разъ на

---

[1]) Я никогда не вступлю въ компромиссъ съ преступленіемъ.

Петербургъ, а затѣмъ велѣлъ ѣхать дальше. Каждый разъ, передъ отъѣздомъ, императоръ отправлялся молиться въ церковь; въ этотъ-же разъ онъ оставался въ Казанскомъ соборѣ три часа. Еще прежде онъ выражалъ желаніе умереть у своей супруги, вдалекѣ отъ Петербурга. Когда въ Таганрогѣ онъ заболѣлъ, то не хотѣлъ принимать лѣкарствъ, хотя врачъ заявилъ ему объ опасности. Когда, по прошествіи нѣкотораго времени, врачъ посовѣтовалъ ему причаститься, то онъ спросилъ: развѣ опасность такъ велика? и когда послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, то онъ пожалъ врачу руку, ничего болѣе не промолвилъ, и принялъ св. причастіе съ большимъ самообладаніемъ и покорностью. Всѣ генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты посланы въ Таганрогъ, для сопровожденія тѣла.

Принцъ велѣлъ намъ сказать, что императрица Александра Өеодоровна желаетъ намъ показать своихъ дѣтей. Мы видѣли трехъ великихъ княженъ и великаго князя Александра. Въ это время пришелъ туда императоръ, велѣлъ имъ попрыгать, а наконецъ, приказалъ великому князю маршировать. Эти, сами по себѣ веселыя, сцены, при современныхъ событіяхъ и холодѣ всего окружающаго, произвели на меня тяжкое впечатлѣніе.

Когда мы ѣхали сюда черезъ Варшаву, то великій князь Константинъ намъ не показывался; принцъ обѣдалъ у него безъ насъ, мы-же—у консула Шмидта, который сообщилъ намъ о немъ много страннаго. Со времени его женитьбы на княгинѣ Ловичъ, у него болѣе не случается досадныхъ сценъ съ поляками, прежде весьма частыхъ; онъ супругъ самый вѣрный и самоотверженный. Кончина императора глубоко потрясла его; съ рыданіями обнялъ онъ принца. Мысль императора Александра — не соединять Польши съ Россіею, я считаю въ высшей степени мудрою (?). И не только потому, что этимъ закупаются поляки, но и потому, что вносится новый государственный элементъ въ страшное однообразіе и отсутствіе свободныхъ учрежденій обширнаго русскаго царства.

24 января. Здѣшніе мятежники намѣревались произвести переворотъ главнымъ образомъ потому, что возбуждались (революціонными) доктринами; прочія жалобы ихъ (на современные порядки въ Россіи), согласно сдѣланнымъ признаніямъ, служили лишь предлогомъ. Къ сожалѣнію, въ этой странѣ, какъ и повсюду, не христіанскій образъ жизни въ широкой мѣрѣ распространенъ.

Со временъ Петра I дворянству навязаны чужеземные обычаи; крѣпостное крестьянское сословіе, управляемое погрязшими въ долгахъ, объиностранившимися господами, которые зачастую по 10 лѣтъ не пріѣзжаютъ въ свои имѣнія, сословіе, у котораго религія, по большей части, состоитъ въ мертвой внѣшней обрядности (?!) и мало свидѣтельствуетъ о той вѣрѣ, которая проникаетъ въ душу и сердце, борется съ ветхимъ человѣкомъ и научаетъ его ходить путями божьими. Старинныя учрежденія подавлены и стерты, правонарушенія со-

вершались такія, какъ, я полагаю, нигдѣ. Тираннически-грубыя реформы Петра I; его отвращеніе отъ отечественнаго склада жизни и обращеніе къ внѣшнимъ порядкамъ; насильственными мѣрами осуществленная постройка Петербурга; затѣмъ управленіе фаворитовъ при Аннѣ и Елисаветѣ; наконецъ, чисто псевдофилософическое правленіе Екатерины II, блистательныя завоеванія, дворскій легкій образъ жизни, соединенный съ Волтерьянскою философіею; извращенный либерализмъ, деспотизмъ любимцевъ; капризная контръ-революція Павла и Лагарповская псевдо-философія Александра—всѣмъ этимъ воздвиглось то зданіе, въ которомъ (Россія находиться 1826 г.). Одинъ курляндскій помѣщикъ, который въ Митавѣ разсказывалъ намъ исторію заговора, прибавилъ къ тому слѣдующее: «мы, курляндцы, конечно, за спокойствіе и легитимность, и конституція для Россіи есть вещь неподходящая». Однако, ясно, что и теперь дѣло не ладно, потому что, если Александръ съ его умомъ, съ тою славою, какую онъ даровалъ своему народу, не могъ воспрепятствовать подобнымъ явленіямъ, то какъ возмогутъ это другіе? — Оберъшталмейстеръ, князь Долгорукій, сказалъ генералу Тиле: «этотъ заговоръ позоренъ для русскаго дворянства, до сихъ поръ державшаго себя такъ незапятнанно; но императоръ Александръ Павловичъ, при наилучшихъ намѣреніяхъ, самъ имѣетъ долю вины въ этомъ. Нашимъ крестьянамъ онъ обезпечилъ права и даровалъ вольности, между тѣмъ какъ мы остались (забытыми).

Слѣдственная коммиссія собирается ежедневно въ 6 часовъ вечера и императоръ говоритъ съ каждымъ изъ обвиняемыхъ. Такъ какъ столь много значительныхъ лицъ причастно къ этому заговору, то онъ, очевидно, имѣлъ, кромѣ конституціонной, и еще иную тенденцію...

Сегодня пригласилъ меня къ себѣ великій князь Михаилъ, о которомъ генералъ Головинъ говоритъ, что у него много сердечной доброты, какъ и у всей фамиліи. Жалуясь на то, какъ его тяготитъ это слѣдствіе (надъ декабристами), великій князь сказалъ мнѣ: «ce n'est pas seulement une fatigue physique, mais aussi une fatigue morale; cela blesse le coeur. Ces messieurs parlent avec un sangfroid de ces horreurs, comme s'ils étaint en plein droit. Ou nous sommes des faquins et ces messieurs des honnêtes gens, ou ils sont des faquins et nous les honnêtes gens. Ils sont sans foi ni loi absolument, ils ne veulent que l'assassinat et le pillage» [1]).

---

[1]) Это утомленіе не только физическое, но и нравственное: сердце уязвляется этимъ. Эти господа хладнокровно говорятъ о такихъ ужасахъ, какъ будто-бы всѣ права на ихъ сторонѣ. Или мы дурные люди, а эти господа

Безстыдство этихъ людей подозрительно; изъ него можно заключать, что они еще имѣютъ надежду. Говорятъ, что одна партія имѣла планъ распустить армію, а другая тотчасъ-же повести ее за границу. Одна партія намѣревалась учредить славяно-русскую республику, другая — регентство съ великимъ княземъ Александромъ. Люди эти заимствуютъ отъ образованной Европы пагубныя ученія, повторяютъ ихъ, дѣйствуютъ согласно ихъ правиламъ, и для чего? для того, чтобы отдѣлиться отъ Европы и вернуться къ старому варварству. Это я называю лабиринтомъ.

28 января. Какъ прекрасно, однако, что Господь повсюду имѣетъ общины Своихъ почитателей. Третьяго дня я впервые поѣхалъ въ домъ сарептянъ къ проповѣднику Мортимеру, престарѣлому, достойному мужу, а затѣмъ— къ директору Шуберту, въ которомъ нашелъ истиннаго христіанина. Онъ разсказывалъ мнѣ съ какою силою Госнеръ проповѣдывалъ Евангеліе. Но Александръ началъ подозрѣвать Госнера, а также сталъ держаться мнѣнія, что всякій долженъ пребывать въ той религіи, въ которой родился; когда же удалось возстановить греческое (православное) духовенство противъ Госнера, то Александръ счелъ невозможнымъ удерживать его долѣе. Однако, онъ остался къ нему благосклоннымъ, далъ ему значительную сумму на дорогу и указалъ ему обращаться, въ случаѣ надобности, къ своему (русскому) посланнику. Библейскія общества, говорятъ, теперь изнемогаютъ, потому что предсѣдатель ихъ, здѣшній митрополитъ, имъ самый рѣшительный противникъ. Объ императорѣ онъ (Шубертъ) говорилъ, что ежедневно будто-бы приказываетъ себѣ читать изъ Библіи, и что доказанное имъ теперь мужество не обошлось безъ призванія помощи Божіей. Въ это несчастное время, говорятъ, и императрица искала убѣжища въ словѣ Божіемъ.

30 января. Управленіе государствомъ сдѣлалось императору Александру, подъ конецъ, настоящимъ бременемъ, вслѣдствіе чего въ немъ возникла мысль отказаться отъ престола, о чемъ онъ и говорилъ принцу Вильгельму. Въ намѣренія его, конечно, входило опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія и самому назначить своимъ преемникомъ нынѣшняго императора. О внутреннихъ дѣлахъ онъ, въ послѣдніе годы, весьма мало заботился, предоставивъ важнѣйшія изъ нихъ старому Аракчееву, завзятому русаку изъ гатчинской гвардіи Павла и вѣрному приверженцу своего благодѣтеля. Императоръ Николай до чрезвычайности занятъ, онъ долженъ еще во всемъ оріентироваться, докончить много недодѣланнаго, а кромѣ того онъ самымъ точнымъ образомъ наблюдаетъ за ходомъ слѣдственнаго дѣла. Сегодня принцъ бесѣдовалъ съ нами о заговорѣ. Допросъ важнѣйшихъ «malfaiteurs» (злоумышленниковъ),

---

люди честные, или же они негодяи, а мы честные люди. Они положительно безсовѣстны, они хотятъ лишь убійствъ и грабежа.

какъ называютъ ихъ въ императорской фамиліи, происходитъ въ Зимнемъ дворцѣ, рядомъ съ покоями императрицы-матери, откуда ясно можно разслышать, чтò они заявляютъ, и когда императоръ говоритъ съ ними. Вотъ, между прочимъ, черта изъ характера императора: одинъ молодой человѣкъ сознается во всемъ и, обливаясь слезами, падаетъ къ его ногамъ. Императоръ объявляетъ ему, что, во вниманіе къ его неразумію, онъ отправитъ его лишь на 6 мѣсяцевъ въ Выборгскую крѣпость. Когда молодой человѣкъ захотѣлъ отереть слезы, оказалось, что у него нѣтъ платка. Тогда императоръ подалъ ему свой собственный, и когда тотъ хотѣлъ возвратить ему платокъ, онъ сказалъ: «нѣтъ, оставь его при себѣ и вспоминай при этомъ, что ты проливалъ въ него слезы раскаянія».

2 февраля. Сегодня послѣ развода видѣлъ я стараго Аракчеева. Думаю, что въ прежніе времена всѣ старые русскіе люди были въ такомъ-же родѣ: что за изгибаніе спины и что за внимательное наблюденіе.... По возвращеніи домой, я поѣхалъ къ графу Ливену. Прекрасный человѣкъ этотъ кажется мнѣ твердымъ, чистосердечнымъ и вѣрнымъ рабомъ своего Спасителя и Господа. Я имѣлъ съ нимъ въ высшей степени интересный разговоръ о положеніи протестантскихъ церквей въ здѣшней странѣ. Бесѣдовали мы и о сектахъ въ русской церкви, объ отношеніи императора Александра ко всему этому и о князѣ Ал. Ник. Голицынѣ, о которомъ онъ (Ливенъ) отзывался, какъ объ отличномъ человѣкѣ и истинномъ христіанинѣ, но нѣсколько легковѣрномъ. Сегодня, на одномъ обѣдѣ, я сидѣлъ рядомъ съ саксонскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, находящимся здѣсь съ начала царствованія Павла. По его увѣреніямъ, Александръ былъ искреннимъ союзникомъ Наполеону, и послѣ Тильзитскаго мира онъ на нѣсколько дней заперся и никуда не показывался. Сегодня-же, принцъ разсказывалъ намъ еще многое о заговорѣ. Императоръ, въ своемъ семейномъ кругу, повторяетъ, что смотритъ на свою жизнь здѣсь, какъ оконченную, потому что, если противъ такого превосходнаго правителя, какъ императоръ Александръ, могъ возникнуть подобный заговоръ, то какъ можетъ разсчитывать онъ, что его пощадятъ. Каждый день принимаетъ онъ какъ даръ неба, ибо не можетъ скрывать отъ себя, что при томъ положеніи вещей, каково оно теперь, повсюду можетъ найтись для него убійца. Тотчасъ-же по принятіи правленія, онъ написалъ и утвердилъ свою послѣднюю волю. Планъ заговорщиковъ противъ всей царской фамиліи все болѣе и болѣе выясняется. Когда ожидалась поѣздка великаго князя Константина изъ Варшавы въ Таганрогъ, то онъ долженъ былъ быть убитымъ въ Новгородѣ, нѣсколькими заговорщиками.

3 февраля. На вечернемъ собраніи у г. фонъ-Адеркаса разговоръ шелъ, почти исключительно, о состояніи христіанства въ Россіи. Замѣчательно, какимъ оружіемъ здѣсь нападаютъ на протестанскую вѣру (?!). Дерптскій университетъ едва не палъ ихъ жертвою. Извѣстно, что у русскихъ совершенно

чуждая намъ культура и что въ нихъ живетъ несчастное соперничество съ иноземцами, занимающими важнѣйшія должности. Единственнымъ у нихъ сословіемъ, имѣющимъ національное образованіе, является духовенство; а оно-то находится въ глубочайшемъ упадкѣ. Когда здѣсь около Госнера собрались истинно-христіанскія общины, то сами собою стушевались и всѣ эти отличія, которыя теперь снова выступаютъ въ такихъ рѣзкихъ и ненавистныхъ чертахъ. Вчера вечеромъ былъ я у генерала Головина. Что это за милый человѣкъ, и какъ замѣтно, что слово Господне проникло ему въ самое сердце!

6 февраля. Говорятъ, что сегодня получено вѣрное извѣстіе о принесеніи присяги генераломъ Ермоловымъ и его арміею. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ генераловъ; онъ ввязался въ наступательную войну съ кавказскими народами, которая, какъ говорятъ, имѣла весьма плохой исходъ. Послѣ развода, принцъ, вмѣстѣ съ эрцъ-герцогомъ, осматривалъ Главный штабъ; учрежденіе это имѣетъ грандіозные размѣры.

8 февраля. Екатерининскій институтъ, который мы сегодня посѣтили и въ которомъ воспитывается 300 молодыхъ дѣвицъ, основанъ Павломъ и, вмѣстѣ со многими другими заведеніями, подчиненъ имъ надзору его супруги. Она сама была тамъ, показывала намъ все весьма усердно, съ большими подробностями, и съ 12 до 5 часовъ почти постоянно была на ногахъ. Она говорила съ большимъ оживленіемъ и сама бесѣдовала съ дѣтьми, между которыми татарскія физіономіи отличались своеобразною красотою. Во всѣхъ здѣшнихъ институтахъ царитъ поразительная чистота. За-частую до глубокой ночи, исполнивъ самымъ точнымъ образомъ этикетныя требованія на балахъ, императрица (у которой и бываетъ большинство придворныхъ празднествъ) занимается корреспонденціею съ этими заведеніями. Она посѣщаетъ ихъ во всякіе часы дня, неожиданно, и, не смотря на то, ее страшно обманываютъ.

9 февраля. Сегодня, въ день рожденія великаго князя Михаила, эрцъ-герцогъ появился на разводѣ въ своей венгерской шапкѣ съ султаномъ, при орденѣ Золотаго руна съ алмазами и съ саблею Стефана Баторія, подаренною ему англійскимъ королемъ. Онъ былъ великолѣпенъ. Замѣчательно, какъ теперь здѣсь, въ Россіи, зашевелилась ненависть къ иностранцамъ, какъ самъ императоръ это знаетъ и какъ нѣмцы не могутъ скрыть отъ себя, что къ нимъ относятся враждебно и съ завистью. Русскіе люди жалуются, что чужія области (имперіи) имѣютъ привиллегіи предъ ними. Если они стараго графа Ливена называютъ иноземцемъ, то къ таковымъ-же принадлежатъ (здѣсь многіе), равно какъ Дибичъ, Нессельроде, Бенкендорфъ, Витгенштейнъ, Сакенъ, а затѣмъ вся масса англійскихъ и французскихъ гувернантокъ, гувернеровъ, боннъ, нѣмецкихъ купцовъ, ремесленниковъ и т. д., которые здѣсь проживаютъ и дѣятельность коихъ проникла во всѣ общественныя отношенія. Уже въ X-мъ и XI-мъ столѣтіи мы видимъ многихъ иноземцевъ при велико-княжескомъ дворѣ и повсюду; и въ то время появились

названія: »гости» для иностранныхъ купцовъ, и «люди» для подданныхъ великаго князя не изъ благороднаго рода. Какъ тогда священниками были иностранцы, такъ теперь ученые, потому что настоящихъ русскихъ ученыхъ такое ограниченное число, что въ настоящее время, по случаю заговора, почти вся литература засажена въ крѣпость, какъ замѣтилъ кто-то. Докторами, какъ тогда, такъ и теперь, являются англичане и нѣмцы. Еще съ XII-го столѣтія, они (русскіе) вступали въ сношенія съ нѣмецкими торговыми домами; нѣмецкіе горнорабочіе открыли (имъ) первые серебряные и мѣдные рудники; черезъ посольство къ императору Фридриху III, въ 1489 г., они испрашивали для себя артиллеристовъ, зодчихъ и пр. Да и великіе князья, принявъ христіанство, вступали, какъ теперь, въ браки съ иноземками. Только въ эпоху распаденія (государства) и монгольскаго ига, значеніе великаго князя понизилось и браки съ иноземками стали рѣже. Стоило-бы, я полагаю, обратить побольше вниманія на церковно-историческую сторону бытоописанія русской земли. Обращеніе Россіи (въ христіанство) послѣдовало изъ Константинополя, и съ паденіемъ Восточной имперіи, она (Россія) какъ бы осиротѣла. Поэтому она не можетъ придти къ самостоятельности въ своемъ образованіи, — должна продолжать вызывать къ себѣ западныхъ учителей, ученыхъ, художниковъ, которые, конечно, не могутъ сдѣлать ее независимою отъ того источника, изъ коего они сами почерпали (свои знанія). Съ другой стороны, она походитъ на своего духовнаго отца, и ее скорѣе можно считать продолженіемъ Восточно-римской имперіи, нежели государство Карла Великаго—продолженіемъ Западной.

12 февраля. Во вчерашнемъ «Journal de St. Pétersbourg» опять есть статья о заговорѣ. Судя по ней, первыя собранія этихъ людей начались въ 1815 г., съ наружною цѣлью благотворительности, но только (однимъ) посвященнымъ была извѣстна цѣль политической реформы. Планъ — убить Александра задуманъ былъ уже въ 1817 году, — еще до соглашенія насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. На мой взглядъ, чтобы ввести порядокъ, согласіе и свободу въ это чудовищное (!) государство, слѣдовало-бы сначала учредить областную администрацію и областныя земскія собранія.

14 февраля. Сегодня утромъ генералъ Тиле разсказывалъ мнѣ, что былъ у Дибича, который откровенно сознался ему, что главною причиною меланхоліи Александра въ послѣдніе годы было то, что онъ отчаялся положить конецъ здѣшнимъ злоупотребленіямъ. О своемъ отреченіи, равно какъ и объ отказѣ Константина (отъ престола), онъ ему никогда, и даже на одрѣ болѣзни, не говорилъ; такъ что онъ (Дибичъ), послѣ смерти Александра обратился къ Константину, но тотъ отвѣчалъ ему: «я не императоръ; а то, что вы имѣете доложить императору, посылайте въ Петербургъ». Исторія о заговорѣ была Александру извѣстна, но о замыслахъ убійства точныя извѣстія пришли уже послѣ его кончины, и вслѣдствіе этихъ извѣстій Дибичъ приказалъ аресто-

вать Пестеля. Донесеніе объ этомъ, не принятое Константиномъ, онъ послалъ, затѣмъ, съ полковникомъ Фредериксомъ, въ Петербургъ, гдѣ Николай Павловичъ (тоже) не хотѣлъ принять депеши. Когда Фредериксъ заявилъ, что онѣ въ высшей степени важны, то онъ (Николай Павловичъ), прочитавъ ихъ, поручилъ Фредериксу передать Дибичу, что все необходимое будетъ сдѣлано. Дибичъ полагаетъ, что арестовано около 300 человѣкъ, и что этимъ все исчерпывается. Онъ полагаетъ даже, что доберутся до корня всего этого дѣла и истребятъ его въ конецъ. Въ народѣ распускаютъ слухи, что Александръ Павловичъ живъ еще, что гробъ пустой.

Сегодня мы обѣдали у графа Лебцельтерна [1]), который изъ-за Трубецкаго отзывается отсюда, со всѣмъ наличнымъ персоналомъ своего посольства. Гамбургскій повѣренный въ дѣлахъ Годефруа говорилъ мнѣ о внутреннихъ областяхъ Россіи, которыя, по его словамъ, въ послѣднія 50 лѣтъ очень поднялись. Совершенно противоположнаго мнѣнія объ этомъ прогрессѣ держится князь Шварценбергъ — человѣкъ ловкій и умный, который дѣлалъ путешествіе въ Астрахань, и отзывается о внутреннихъ порядкахъ въ странѣ съ рѣшительнымъ презрѣніемъ. Онъ говоритъ, что люди здѣсь должны быть хуже, чѣмъ гдѣ-либо и что императоръ Николай Павловичъ навѣрное не сыскалъ-бы въ обширномъ государствѣ своемъ и сотню честныхъ людей (!?).

Изъ здѣшнихъ разсказовъ узнаешь еще слѣдующее: въ 25-лѣтнюю годовщину императора Александра онъ долженъ былъ быть убитъ; 14 заговорщиковъ должны были отправиться въ Таганрогъ и совершить (это) убійство. Въ Петербургѣ (заговорщики) поднялись такъ рано, изъ боязни быть открытыми, и пользуясь колебаніями въ наслѣдствѣ престола. Кончина Александра такъ всѣхъ ошеломила, что не принято было ни малѣйшихъ мѣръ для сохраненія тѣла. Свинцовый гробъ оказался слишкомъ короткимъ, деревянный — слишкомъ длиннымъ. Въ городѣ опять ходятъ слухи объ арестахъ, вызванныхъ показаніями Кюхельбекера. Въ артиллерійскомъ училищѣ, которое мы сегодня осматривали, много воспоминаній о Петрѣ I, который, судя по находящейся тамъ мѣркѣ, былъ ростомъ въ $6^1/_2$ футъ.

21 февраля. Сегодня, въ $7^1/_2$ ч. утра, отправились мы по замерзшему морю въ Кронштадтъ, куда ѣхали 1 ч. 25 м.; черезъ полынью въ 3 ф. ширины перекинутъ деревянный мостъ. Принцу Вильгельму нездоровилось, и онъ не поѣхалъ съ нами. Мы видѣли всѣ три гавани и городскія укрѣпленія. Флотъ, какъ говорятъ, состоитъ изъ 20 линейныхъ кораблей, которые, видимо, находятся въ дурномъ положеніи. Изъ Кронштадта мы поѣхали въ Ораніенбаумъ. Здѣсь и въ Петергофѣ эрцъ-герцогу пришлось въ весьма холодныхъ комнатахъ принимать рапорты 8 ординарцевъ. Мы сдѣлали въ

[1]) Австрійскій посолъ, родственникъ кн. Сергѣя Трубецкаго, замѣшаннаго въ заговорѣ.

этотъ день 11 — 12 нѣмецкихъ миль на тѣхъ-же лошадяхъ,— en train de chasse,—проѣзжая милю, самое большое въ 20 минутъ.

24 февраля. Вчера, въ день рожденія наслѣдной великой герцогини Мекленбургской, мы поутру поздравляли принца, а затѣмъ—императрицу, которая соизволила пригласить насъ въ Аничковъ дворецъ и тамъ завтракала съ принцемъ и съ нами троими. Она показала намъ все помѣщеніе, и съ сладкимъ воспоминаніемъ говорила о томъ времени, когда проживала тутъ. Когда она говорила о своемъ супругѣ, то всегда называла его великимъ княземъ. Великій князь Александръ и обѣ великія княжны, Марія и Ольга, — всѣ трое дѣти необычайной красоты, — играли такъ весело, что отрадно было смотрѣть на нихъ. Императоръ все еще не совсѣмъ здоровъ но теперь онъ поправляется. Полковникъ Мердеръ, воспитатель великаго князя, свободно говорилъ объ Аракчеевѣ и о военныхъ поселеніяхъ, что, въ здѣшней странѣ, свидѣтельствуетъ о самостоятельности (характера).

Давно уже хотѣлъ я написать о Гриммахъ, которые напоминаютъ мнѣ тѣхъ (святыхъ) изъ Кесарева дома, о которыхъ говорится въ посланіи къ Филиппійцамъ (IV, 22). Эти четыре брата, родившіеся здѣсь въ Петербургѣ, всѣ состоятъ на службѣ у императора и у императорской фамиліи; но кромѣ того, они рабы, и рабы вѣрные своего Господа и Спасителя. Двое изъ нихъ, Петръ и Павелъ, которыхъ я ближе знаю, маленькіе ростомъ и до неузнаваемости похожи другъ на друга, завѣдуютъ гардеробной императора. Они были вѣрными приверженцами и слушателями Госнера, и постоянно заявляли себя его послѣдователями. Недавно принцъ сообщилъ мнѣ, что кто-то при дворѣ сказалъ ему, что очень не хорошо со стороны Госнера посылать сюда сочиненія, проповѣдующія революцію. Этому я рѣшительно противорѣчилъ, однако осторожно сообщилъ о томъ Павлу Гримму, который принесъ мнѣ все, что получалъ отъ Госнера. Я перечитаю эти превосходныя проповѣди и письма, а затѣмъ передамъ ихъ на благоусмотрѣніе принца. Отрадно слышать, съ какою любовью этотъ маленькій Павелъ Гриммъ говоритъ объ императорѣ и о всей его фамиліи и какъ призываетъ онъ на нихъ благословеніе Господне. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, императоръ Николай и великій князь Михаилъ читаютъ священное писаніе. Сегодня Павелъ Гриммъ принесъ мнѣ письмо (къ нему) отъ Госнера: «Ты, императорскій Павелъ! Адъютантъ фонъ-Герлахъ долженъ былъ привезти вамъ много писемъ и проповѣдь на новый годъ; не знаю, какъ это случается, что вы ничего не получаете. Итакъ, пишу тебѣ сегодня и говорю тебѣ: по милости Божьей, ты долженъ сердечно радоваться, брать твоего Спасителя въ спутники при твоемъ служеніи; повсюду, съ благословеніями, заботиться объ императорѣ и облекать его въ одежды... Когда ты видишь, что онъ куда-нибудь идетъ или ѣдетъ, то молись, чтобы Господь и Его ангелы сопутствовали ему... Короче: ты долженъ все дѣлать съ молитвою, иначе ты не

настоящій императорскій слуга... Часто вспоминай о томъ, что Богъ далъ тебѣ владыкою человѣка, которому онъ ввѣрилъ 50 милліоновъ людей... Богъ не напрасно поставилъ васъ, маленькіе Петръ и Павелъ, такъ близко къ императору; вы должны двумя ангелами стоять у его престола, тогда служеніе ваше будетъ богослуженіемъ, а не только одною придворною службою. Твой другъ, изгнанникъ».

25 февраля. Сегодня, на обратномъ пути изъ церкви, принцъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ письмѣ князя Витгенштейна, убѣдившемъ его въ существованіи и въ нашемъ отечествѣ (тайнаго) общества, замышляющаго объ истребленіи властительныхъ домовъ и введеніи республиканскихъ учрежденій. Я возразилъ, что не могу убѣдиться въ реальности (такихъ замысловъ), пока они остаются въ сферѣ студенческихъ и ученыхъ мечтаній. Въ письмѣ къ его выс-ву князь Витгенштейнъ обращалъ его вниманіе на либеральную клику Гарденберга, черезъ которую шли всѣ назначенія къ должностямъ. Это люди самыхъ зловредныхъ принциповъ и должны-бы быть замѣнены лучшими. Перовскій прервалъ этотъ разговоръ, заставившій меня сильно призадуматься; такъ что я намѣренъ подготовить себя основательнымъ размышленіемъ, дабы имѣть возможность высказать принцу мое мнѣніе объ этомъ.

27 февраля. Вчера, послѣ церковной службы, видѣли мы ледяныя горы и санный бѣгъ на Невѣ. Здѣсь мало ѣздятъ верхомъ; всѣ въ экипажахъ; кавалерійскіе офицеры тоже бываютъ верхомъ лишь въ строю, потому и ѣздятъ они, какъ портные (?!!).

Сегодня, у графа Блома, я обѣдалъ съ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковымъ, который тоже адмиралъ и у котораго отъ старости голова трясется. По его мнѣнію, министръ финансовъ самый важный человѣкъ въ Россіи.

1 марта. Съ нѣкотораго времени русскіе начинаютъ скрытничать относительно заговора. Не могу судить: служитъ-ли это предвѣстіемъ частной амнистіи, или-же они жалѣютъ, что такъ разблаговѣстили объ этомъ дѣлѣ. Императоръ и принцъ много говорятъ о развѣтвленіяхъ этого заговора за границею, а именно у насъ, въ Познани. Но страннѣе всего мнѣніе нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ русскихъ, которые полагаютъ, что заговоръ устроенъ тутъ Меттернихомъ, для разрушенія могущества Россіи и для подчиненія ея затѣмъ римской церкви, черезъ посредство іезуитовъ. Дипломаты сходятся въ мнѣніи, что Меттернихъ, при его боязни демагоговъ, склонилъ Александра къ (крутымъ) мѣрамъ противъ франкмасоновъ; между тѣмъ, какъ прежде онъ (Александръ) на все, что ему противъ нихъ ни говорили, отвѣчалъ: «laissez les francmaçons, ce sont de bons gens». Вскорѣ затѣмъ послѣдовали преслѣдованія братскихъ общинъ и библейскихъ обществъ. Какъ ни мало вѣрю я этимъ розсказнямъ, въ нихъ все-таки заключается доля правды. Теософическій цесаризмъ и политическо-католическая церковь

научаютъ человѣка, какъ земными орудіями дѣлать завоеванія насчетъ небеснаго; они наружно придаютъ священное значеніе государству, но вмѣстѣ съ тѣмъ профанируютъ эту святость земными элементами, отнимаютъ у нея силу содержать въ чистотѣ божественные законы Императоръ раздѣлилъ свою канцелярію на два отдѣленія. Сегодня поутру былъ разводъ, причемъ иностранцы были удалены императоромъ. Послѣ рѣчи, съ которою онъ обратился къ обоимъ бунтовавшимъ полкамъ и на которую тѣ отвѣчали единогласнымъ, дѣйствительно восторженнымъ ура, онъ сказалъ находившемуся тамъ инкогнито Дёрнбергу: «Эти будутъ опять за меня». Сегодня императоръ отдалъ повелѣніе, чтобы изъ людей, которые были въ числѣ мятежниковъ на Исаакіевской площади, сформировать два баталіона, которые и должны отправиться въ Грузію. Такъ какъ имъ объявлено прощеніе, то они остаются гвардейскими и (будутъ считаться) въ составѣ своихъ полковъ.

4 марта. Я только-что вернулся съ продолжительнаго визита у князя А. Н. Голицына, положительно истиннаго и глубоко-вѣрующаго христіанина. Я заявилъ, что мнѣ невозможно было-бы уѣхать отсюда, не познакомившись съ нимъ поближе, нежели при встрѣчахъ въ пріемныхъ покояхъ императора. Онъ очень откровенно говорилъ и объ императорѣ Александрѣ, который, по его словамъ, никогда не заблуждался въ своихъ вѣрованіяхъ, но объ этомъ заговорѣ имѣлъ лишь смутныя свѣдѣнія и воображалъ себѣ, что подъ маскою религіи дѣлается что-либо другое. «Я близокъ былъ къ императору Александру въ теченіе тридцати лѣтъ, сказалъ Голицынъ, и дружба наша началась еще со временъ императрицы Екатерины». Графъ Ливенъ говоритъ, что Голицынъ склоненъ къ мистицизму, какъ всѣ люди греческаго исповѣданія, обращающіеся къ Господу. Замѣчаніе это, конечно, не совсѣмъ невѣрно, потому что я самъ, кромѣ Голицына, замѣтилъ то-же и въ Головинѣ, единственныхъ членахъ православной церкви, съ которыми я бесѣдовалъ о христіанствѣ.

5 марта. Прибылъ Веллингтонъ. Вчера утромъ принцъ поѣхалъ къ нему, и мы съ нимъ. Ну, постарѣлъ-же этотъ человѣкъ! Ему на видъ лѣтъ 90. Сегодня на разводѣ мнѣ вспомнился разсказъ, будто англійскій король, споря съ нимъ однажды о преимуществахъ конницы передъ пѣхотою, выразился такъ: «Wellington is a very good fellow, но въ военномъ дѣлѣ онъ ничего не смыслитъ».

8 марта. Вчера мнѣ впервые пришлось здѣсь имѣть разговоръ о греческихъ дѣлахъ. По тому, что̀ я частью слышалъ еще въ Берлинѣ, дѣла эти приближались уже къ развязкѣ, когда Александръ скончался въ Таганрогѣ. Принять участіе въ грекахъ онъ намѣревался лишь въ томъ случаѣ, если-бъ это не угрожало спокойствію Европы, переговоры же съ турками онъ велъ такъ, что могъ свободно разорвать съ ними отношенія, на основаніи своихъ требованій и неудовольствій по поводу Молдавіи и Валахіи и по случаю испы-

танныхъ имъ оскорбленій. Хотя разногласія сами по себѣ были незначительны, но онъ въ послѣднее время хотѣлъ серьезно угрожать Турціи, а въ случаѣ надобности даже двинуть свои войска. И Пруссія была заодно съ нимъ. Согласится-ли теперь Николай съ воззрѣніями Александра—это вопросъ.

11 марта. Сегодня императоръ прощался съ назначенными на Кавказъ баталіонами. Принцъ долженъ былъ присутствовать при этомъ одинъ, но взялъ съ собою генерала Тиле. Говорятъ, что солдаты — 2,500 человѣкъ глядѣли совершенно весело; многіе изъ офицеровъ добровольно пошли съ ними Относительно военныхъ поселеній господствуетъ здѣсь лишь одно мнѣніе: всѣ ихъ осуждаютъ и проклинаютъ. Тиранство (въ военныхъ поселеніяхъ) доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, и подтверждается, что въ южныхъ поселеніяхъ пришлось употреблять силу. Офицеры поселенныхъ полковъ не осмѣливались выходить въ отставку; если-же они все-таки выходили, то Аракчеевъ, творецъ всего этого дѣла, препятствовалъ имъ въ полученіи мѣста, которое-бы обезпечивало ихъ. Кажется, вѣрно, что нынѣшній императоръ не будетъ увеличивать этихъ поселеній; работы (производившіяся тамъ), говорятъ, уже пріостановлены.

12 марта. Дворъ отправился въ Царское Село, для встрѣчи тѣла императора Александра и пребыванія при немъ. Принцъ поѣхалъ туда безъ насъ; намъ-же сказано, что будетъ пріятно, если и мы въ воскресенье прибудемъ туда, что̀, конечно, принято было нами за приказаніе. Когда мы прибыли то заговорили съ принцемъ, который былъ очень разстроенъ. Въ 3 часа императоръ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ, принцемъ Вильгельмомъ и принцемъ Оранскимъ поѣхалъ на встрѣчу траурному шествію. Подождавъ нѣсколько времени во дворцѣ, мы пошли въ церковь стѣны которой обиты были черною матеріею. Всѣ не послѣдовавшіе за императоромъ облеклись въ черныя мантіи. По срединѣ церкви возвышался разукрашенный катафалкъ. Въ одно изъ оконъ мнѣ удалось увидѣть процессію: она была очень не велика. На погребальной колесницѣ, запряженной шестирикомъ, сидѣлъ старый лейбъ-кучеръ, который всегда возилъ его. При пѣніи придворныхъ пѣвчихъ, донскіе казаки, прибывшіе съ тѣломъ изъ Таганрога, поставили на катафалкъ гробъ, за который придерживались всѣ генералъ-адъютанты. Во время поднятія гроба, старикъ Остерманъ положилъ на корону свою единственную руку; другой онъ лишился подъ Кульмомъ. Обѣ императрицы и вся императорская фамилія встрѣтили шествіе на лѣстницѣ, а (потомъ) вошли въ церковь, гдѣ остались и послѣ того, что всѣ прочіе, по окончаніи богослуженія, удалились оттуда. Вечеромъ мы поѣхали обратно въ городъ. Безлѣсная, мертвая, снѣжная равнина производила при лунномъ свѣтѣ, тяжелое, жуткое впечатлѣніе. Деревни, одна изъ коихъ населена нѣмецкими колонистами, имѣютъ видъ бѣдноватый.

14 марта. (Въ публикѣ) недовольны тѣмъ, что императоръ не выказы-

ваетъ бо̀льшаго презрѣнія «к—льѣ Аракчееву», для котораго жестокость есть отрада, и что его креатура, Муравьевъ, еще служитъ въ императорскомъ кабинетѣ. Теперь уже навѣрное извѣстно, что Константинъ не пріѣдетъ. Говорятъ, что отсутствіе его и императрицы Елисаветы на похоронахъ производитъ нехорошее впечатлѣніе.

16 марта. Принцъ разсказывалъ мнѣ, какъ былъ вскрытъ гробъ, и какъ императрица-мать нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго, приговаривая: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre; ah, comme il a maigri!» Трижды возвращалась она и подходила къ тѣлу. Принцъ былъ весьма разстроенъ при видѣ его.

19 марта. Вчера совершилось перенесеніе тѣла въ Казанскій соборъ. Мы шли въ черныхъ, шерстяныхъ мантіяхъ и съ опущенными полями шляпъ, а потому ничего не видали изо всей процессіи. Императоръ, командовавшій всѣмъ парадомъ, слѣдовалъ верхомъ, съ обнаженною шпагою, а Веллингтонъ—съ фельдмаршалскимъ жезломъ. Когда подъѣхала погребальная колесница, вся императорская фамилія опустилась на колѣни. Старый, бородатый лейбъ-кучеръ, который хотѣлъ даже пожертвовать своею бородою, такъ какъ требовалось, чтобы онъ надѣлъ ливрею—рыдалъ такъ, что у него все тѣло тряслось. Передъ каждою церковью, также и передъ католическою, стояло духовенство. При проѣздѣ погребальной колесницы всѣ осѣняли себя крестомъ. При входѣ въ Казанскій соборъ произошла сильная давка; затѣмъ было богослуженіе, подобно какъ въ Царскомъ Селѣ. Сегодня принцъ возвратилъ мнѣ бумаги Госнера, сказавъ, что нашелъ въ нихъ лишь истинно христіанское (ученіе). Онъ говорилъ тоже, что великій князь Михаилъ относится съ сомнѣніемъ къ библейскимъ обществамъ, потому что здѣшній народъ ни ученъ, ни образованъ. Духовенство того мнѣнія, что переводъ на русское нарѣчіе отнялъ у священнаго писанія его достоинство. Я возражалъ на подобное воззрѣніе, однако тоже убѣжденъ въ томъ, что библія безъ обученія остается недѣйствительною. Принцъ соглашался съ моими сужденіями.

21 марта. Говорятъ, что въ Варшавѣ (добились) у какого-то польскаго полковника сознаніе (въ преступныхъ замыслахъ). Въ какомъ колеблющемся положеніи находится бѣдный императоръ, окруженный предателями. Надняхъ, одно лице сказало генералу Тиле: «повѣрьте, что еще не всѣ злоумышленники въ крѣпости; таковыхъ еще достаточно между нами, и они ежедневно, вмѣстѣ съ нами, присутствуютъ въ пріемныхъ государя, и онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ доказательства ихъ измѣны». Когда я вижу выраженіе горести на честномъ лицѣ Николая, то упрекаю самого себя за свое стремленіе уѣхать отсюда, гдѣ онъ осажденъ такою массою заботъ. Великимъ утѣшеніемъ служатъ ему: его супруга, его добрая совѣсть и Господь Богъ. Императоръ собираетъ вокругъ себя всѣхъ, на вѣрность коихъ полагается: Кочубея, Строгонова и др. Александръ въ послѣднее время отдалилъ этихъ людей отъ себя и вполнѣ

предался Аракчееву. Сегодня, во время завтрака принцъ разсказывалъ, какъ императрица-мать нѣсколько разъ, когда рѣчь заходила о показаніяхъ злоумышленниковъ, обращалась къ нему съ вопросомъ: могъ-ли онъ предполагать такія гнусности? Точно также не понимаетъ принцъ, какъ Александръ могъ терпѣть около себя и на службѣ (нѣкоторыхъ лицъ). Сегодня мы, по указанію принца, были въ Казанскомъ соборѣ одновременно съ императорскою фамиліею: всѣ они (члены фамиліи) поднимались на катафалкъ, прикладывались ко гробу; лица православнаго исповѣданія цаловали руку священнику и осѣняли себя крестомъ.

22 марта. Сегодня мы рано по-утру поздравляли принца, по случаю дня его рожденія. Императрица прибыла безъ траура, также и дѣти ея; затѣмъ пришелъ самъ императоръ, въ кирасирскомъ мундирѣ, и самымъ задушевнымъ и привѣтливымъ образомъ обнималъ всѣхъ насъ; видъ онъ имѣлъ великолѣпный. «Бѣдняжка, сказала императрица (о принцѣ), какимъ печальнымъ образомъ приходится ему праздновать день своего рожденія».

26 марта. Сегодня принцъ, генералъ Тиле и я причащались въ Анненской церкви. Погребеніе, котораго здѣсь опасались, теперь дѣло конченное. Мы отправились въ Казанскій соборъ. Тамъ императоръ стоялъ противъ катафалка. Процессія дошла, безъ всякихъ происшествій, до Петро-Павловской церкви. Музыка была дивная; особенно-же хоры священно-служителей. Императрица-мать громко рыдала. Когда гробъ поднятъ былъ съ катафалка, обѣ императрицы удалились, и тогда гробъ былъ опущенъ въ тѣсную могилу, обитую чернымъ. Домой мы пошли по невскому льду. Я написалъ въ Берлинъ, гдѣ о насъ стали безпокоиться. Здѣсь тоже не обошлось безъ опасеній: войска были распредѣлены и разставлены особеннымъ порядкомъ. Императрица-мать, которая не мало приняла на себя мученій, ѣдетъ въ Калугу, къ императрицѣ Елисаветѣ.

27 марта. Теперь греческія дѣла начинаютъ играть главную роль, и по этому поводу всѣ перья и всѣ курьеры находятся въ движеніи. Веллингтонъ допустилъ убѣдить себя относительно правъ россійскаго императора, (должно быть такая ему была дана инструкція), и теперь, вѣроятно, въ Константинополѣ будетъ подана коллективная нота въ пользу грековъ, а въ случаѣ непринятія оной, станутъ угрожать вооруженнымъ вмѣшательствомъ со стороны Россіи. О хитрости турокъ при переговорахъ разсказывалъ князь Меншиковъ,—одинъ изъ самыхъ образованныхъ и ловкихъ русскихъ людей, съ которыми я здѣсь встрѣчался. Къ этому греческому кризису, котораго нынѣшнее появленіе можетъ доставить императору Николаю громкую славу, присоединилось опасное воспаленіе легкихъ у австрійскаго императора, котораго на третій день болѣзни соборовали. На пятый день (14 марта) ему стало полегче. Португальскаго короля поразилъ ударъ. Веллингтонъ, къ

совершенномъ восторгѣ отъ императора Николая, заявилъ, что онъ отдаетъ ему значительное предпочтеніе передъ его предшественникомъ.

30 марта. Сегодня, на парадѣ, прошло мимо меня 30.000 чел. войска. «Не полагайтесь на руки плотскія, а еще менѣе—на штыки», хотѣлось мнѣ воскликнуть императору, когда онъ, окруженный блестящею свитою, стоялъ передъ Салтыковскимъ подъѣздомъ... Пусть императоръ постоянно думаетъ о томъ, что вѣнецъ свой онъ пріялъ Божіею милостью, но что онъ, передъ этимъ строжайшимъ Судіею обязанъ гораздо бо́льшею отвѣтственностью, нежели всѣ, такъ называемые, отвѣтственные министры передъ палатою народныхъ представителей.

3 апрѣля. Принцъ разсказывалъ мнѣ, что императоръ, когда рѣчь коснулась Госнера, выразился такъ: «Эти люди надѣлали намъ много вреда». Тогда онъ (принцъ) сталъ защищать Госнера, причемъ ссылался на сообщенныя ему мною проповѣди. Императоръ возразилъ, что не о нихъ и рѣчь, но о скверной книгѣ, которую онъ (Госнеръ) хотѣлъ здѣсь напечатать, за что и пришлось его выслать. Въ защиту Госнера принцъ упомянулъ, насколько милостиво отнесся къ нему Александръ, выславшій его съ значительною денежною суммою. «Que voulez-vous, on ne peut pas mettre quelqu'un à sec, qu'on a fait venir à grands frais» [1]) (отвѣчалъ императоръ). Теперь принцъ велѣлъ мнѣ добыть названную книгу, чтобы основательно изслѣдовать этотъ вопросъ,—и я уже приступилъ къ дѣлу. Принцъ выразилъ императору и императрицѣ, что надо очень остерегаться того, чтобы пробуждающійся нынѣ религіозный духъ не обзывать тотчасъ-же мечтаніями и сектантствомъ. При этомъ случаѣ я опять услыхалъ новыя подробности относительно реакціи противъ христіанскихъ воззрѣній Александра. На заднемъ планѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Аракчеевъ, который самъ, можетъ быть, получалъ внушенія отъ монаха Фотія. Императоръ Александръ терпѣть не могъ обоихъ, чувствуя, что не можетъ противиться злой силѣ, двигавшей ими, а между тѣмъ одному цѣлуетъ руку, а другаго допускаетъ изъять у себя бразды правленія. Митрополитъ падаетъ къ его ногамъ, жалуясь, что Госнеръ подвергаетъ церковь опасности, что народъ убьетъ его, и — Госнера высылаютъ. Александромъ овладѣвалъ духъ уныния, когда онъ чувствовалъ, что его прекраснѣйшіе планы потерпѣли неудачу, ибо онъ часто говаривалъ, что хотѣлъ-бы собрать здѣсь христіанскую общину, не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій и партій. Императоръ Николай презираетъ Фотія. Сегодня я получилъ извѣстныя книги и передалъ ихъ принцу передъ разводомъ, но только послѣ онаго могъ ему сдѣлать докладъ о нихъ. Онъ вполнѣ убѣдился въ невинности (Госнера); я-же съ нетерпѣніемъ ожидаю

---

[1]) Что-же дѣлать! Нельзя же было разорять того, кого привезли съ большими издержками.

дальнѣйшаго хода этого дѣла. Затѣмъ Его Высочество бесѣдовалъ со мною о демагогическихъ проискахъ, о важности судебныхъ учрежденій, о моемъ братѣ Вильгельмѣ и пр.

6 апрѣля. Сегодня прибылъ курьеръ съ повелѣніемъ о нашемъ отъѣздѣ, который назначенъ на вторникъ вечеромъ. Поэтому мы сегодня ѣздили еще въ военныя поселенія, сдѣлавъ 140 верстъ въ 7 часовъ. Аракчеевъ, единственный въ своемъ родѣ человѣкъ: дуренъ собою, какъ нельзя болѣе, и кричитъ, какъ мужикъ.

7 апрѣля. Вчерашняго дня было достаточно, чтобы ознакомиться съ военными поселеніями во всей ихъ гнусности. Головинъ справедливо сказалъ, что «человѣкъ въ этихъ колоніяхъ дѣлается рабомъ капорализма (caporalisme) даже до мелочей своей частной жизни».

По возвращеніи мы нашли у себя подарки изъ малахита. Во время прощальной аудіенціи, императрица была очень растрогана и весьма милостива; императоръ, одѣтый въ сюртукъ, говорилъ о разводѣ; обѣ великія княжны совершенно спокойно дали поцаловать свои ручки. Императрица-мать говорила о военныхъ поселеніяхъ, какъ о любимомъ созданіи ея сына, и этимъ, повидимому, хотѣла сдержать всякое иное сужденіе о нихъ. Дибичъ сознается въ необходимости перемѣнъ въ этихъ поселеніяхъ. О Клейнмихелѣ, который хуже Аракчеева и есть его креатура, кто-то выразился такъ: «Araktscheyef l'a fait général et lui a donné deux ..., et plusieurs....».

Герлахъ.

РОССІЯ и РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г.[1]

Записки французскаго путешественника де-Кюстина.

Письмо шестнадцатое.

Петербургъ, 27-го іюля 1839 г.

Кюстину очень хотѣлъ осмотрѣть въ Петергофѣ коттэджъ, во время пребыванія въ немъ государя и государыни. Хотя это достигалось съ большимъ трудомъ, но баронесса *** устроила ему это. Въ условленный день, въ 11 часовъ утра, вмѣстѣ съ баронессою *** онъ былъ въ коттэджѣ. Вдругъ лакей доложилъ ей, что императрица Александра Ѳеодоровна, противъ своего обыкновенія, уже возвращается съ прогулки. „Какая перемѣна, я не успѣю ничего осмотрѣть!“ воскликнулъ Кюстинъ.

— „Быть можетъ: пройдите черезъ эту террасу въ садъ и ждите меня при входѣ въ садъ“.

„Не прошло и двухъ минутъ, какъ я находился тамъ, какъ увидѣлъ императрицу совершенно одну, быстро сходившую по ступенямъ крыльца и направлявшуюся ко мнѣ. Ея стройная, высокая фигура своеобразно граціозна; ея походка быстра, легка и вмѣстѣ съ тѣмъ благородна; ей свойственны нѣкоторыя движенія плечъ и рукъ, нѣкоторыя позы, которыя нельзя забыть. Она была одѣта въ бѣломъ; ея лицо, окаймленное бѣлымъ капотомъ, казалось отдохнувшимъ; въ глазахъ проглядывало выраженіе грусти,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ LI, іюль, стр. 21—22; изд 1891 г., томъ LXIX, январь, стр. 145—184; февраль, стр. 407—420; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 109—130.

кротости и спокойствія; граціозно приподнятый вуаль обрамлялъ ей лицо; сквозной шарфъ укутывалъ ей плечи и дополнялъ въ высшей степени элегантный утренній костюмъ. Еще никогда не казалась она мнѣ столь интересною: при подобномъ видѣ всѣ зловѣщія предположенія бала разсѣялись—императрица показалась мнѣ воскреснувшей, и меня охватило что то похожее на чувство спокойной увѣренности, являющейся днемъ послѣ тревожно проведенной ночи. Ея величество, подумалъ я, безъ сомнѣнія сильнѣе меня, если такъ перенесла третьеводнишнее празднество, вчерашніе смотръ и раутъ и сегодня встала такою блестящею, какъ я еще не видалъ ея.

— „Я сократила мою прогулку, потому что знала, что вы здѣсь".

„Ахъ, государыня, я былъ далекъ отъ мысли встрѣтить столько доброты".

— „Я ничего не сказала о моемъ намѣреніи ***, сейчасъ только что побранившей меня, что я явилась, не предупредивши васъ; она утверждаетъ, что я безпокою васъ въ вашемъ осмотрѣ. Значитъ, вы являетесь сюда, чтобы вывѣдать наши секреты".

„Я-бы очень желалъ этого, государыня, можешь только выспрашивать проникновенья въ мысли людей, такъ хорошо умѣющихъ выбирать между пышностью и изяществомъ".

— „Пребываніе въ Петергофѣ мнѣ невыносимо, и вотъ чтобъ имѣть возможность дать отдохнуть глазамъ отъ этого тяжелаго блеска, я просила императора объ этой избушкѣ. Я никогда не бывала такъ счастлива, какъ въ этомъ домикѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ моихъ дочерей вышла замужъ, а сыновья учатся въ другомъ мѣстѣ, онъ сталъ слишкомъ великъ для насъ".

Я улыбнулся безъ отвѣта, — я былъ очарованъ: мнѣ казалось, что эта женщина, столь отличная отъ той, въ чью честь третьяго дня давался пышный праздникъ, должна раздѣлять всѣ мои впечатлѣнія; какъ и я, думалось мнѣ, она чувствовала усталость, пустоту, понимала лживый блескъ этого офиціальнаго праздника и въ настоящую минуту сознаетъ, что достойна чего-нибудь лучшаго. Я сравнивалъ цвѣты коттэджа съ дворцовыми кострами, чудное солнечное утро съ освѣщенною торжественно ночью, тишину прелестнаго уединенія съ суматохою наполнявшей дворецъ толпы, праздникъ природы съ придворнымъ, женщину съ императрицею—и я былъ восхищенъ хорошимъ вкусомъ и умѣньемъ, съ которымъ эта царица съумѣла избѣжать скуки представительства и окружить себя всѣмъ, что составляетъ прелесть частной жизни. Это было

новое волшебство, плѣнявшее мое воображеніе еще болѣе, чѣмъ чары могущества и величія.

— „Я не хочу оправдать словъ М**, продолжала императрица: Вы можете осмотрѣть коттэджъ въ подробностяхъ, и вамъ его покажетъ мой сынъ. Я-же въ это время осмотрю свои цвѣты, и надѣюсь увидать васъ еще“.

Таковъ былъ пріемъ, встрѣченный мною у этой женщины, слывущей высокомѣрною не только въ Европѣ, гдѣ ея совершенно не знаютъ, но и въ Россіи, гдѣ ее близко видятъ.

Въ эту минуту присоединился къ своей матери великій князь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ; онъ былъ съ М** и со старшею ея дочерью, молодою дѣвушкою, лѣтъ четырнадцати, свѣжею какъ роза, и красивою какъ только были во Франціи во времена Буше. Она простой живой образецъ одного изъ самыхъ пріятныхъ портретовъ этого художника.

Императрица все не прощалась со мною и мы продолжали ходить взадъ и впередъ передъ домомъ.

Императрица знаетъ насколько я интересуюсь всѣмъ семействомъ М***, по происхожденію польки. Ей извѣстно также, что одинъ изъ братьевъ этой дамы живетъ въ Парижѣ. Она навела разговоръ на жизнь этого молодаго человѣка и долго съ замѣтнымъ интересомъ разспрашивала объ его характерѣ, чувствахъ, взглядахъ: для меня это было удобнымъ случаемъ высказать все то, къ чему побуждала моя привязанность къ нему. Она внимательно слушала меня. Когда я кончилъ, великій князь, обращаясь къ матери, продолжалъ въ томъ-же родѣ и сказалъ: „я недавно встрѣтилъ его въ Эмсѣ и онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе“.

„И все же такому человѣку не позволяютъ являться сюда, потому что онъ выѣхалъ въ Германію послѣ польской революціи“, воскликнула М*** подъ вліяніемъ любви къ брату и свободы выражаться, которую не могла заглушить въ ней привычка къ придворной жизни съ самаго малолѣтства.

— „Но что же онъ сдѣлалъ такого?“ спросила меня императрица съ неподражаемымъ оттѣнкомъ нетерпѣнія, смѣшаннаго съ добротою.

Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе отвѣчать на столь прямой вопросъ, потому что необходимо приходилось касаться деликатнаго предмета политики—и тѣмъ рисковать испортить все дѣло.

Великій князь явился ко мнѣ на помощь съ такою любезностью и изысканностью, что я оказался-бы просто неблагодарнымъ, аз-

бывши ихъ; безъ сомнѣнія, онъ подумалъ, что мнѣ предстоитъ слишкомъ много сказать, чтобы осмѣлиться отвѣчать, и предупреждая какую-либо уловку, способную выдать мое замѣшательство и погубить дѣло, за которое я ратовалъ, онъ горячо воскликнулъ: „кто же, матушка, спрашивалъ когда-либо съ пятнадцати-лѣтняго ребенка за то, что онъ творитъ въ политикѣ".

Этотъ отвѣтъ, полный души и ума, вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія и положилъ конецъ нашему разговору. Если-бы я рѣшился истолковывать молчаніе императрицы, я сказалъ-бы, что она думаетъ слѣдующее: „что-же въ концѣ концовъ я могла-бы сдѣлать для этого молодаго человѣка? у меня такъ мало власти!"

По знаку императрицы, великій князь, мадамъ *** и дочь ея вернулись въ коттэджъ. Мнѣ было-бы пріятнѣе встрѣтить въ этомъ домикѣ поменьше роскоши въ меблировкѣ и побольше произведеній искусства. Нижній этажъ совершенно напоминаетъ дома богатыхъ и фешенебельныхъ англичанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одной выдающейся картины, ни куска мрамора или терракота не обнаруживали въ хозяевахъ замѣтной наклонности къ шедеврамъ живописи и скульптуры. Этимъ не только болѣе или менѣе обрисовываешь себя самого, но любовь прекраснаго доказываетъ любовь и пониманіе искусства. Я всегда сожалѣю объ отсутствіи подобной страсти у людей, которымъ было-бы такъ легко удовлетворить ей.

Впрочемъ императоръ Николай—не императоръ Рима, онъ не считаетъ себя обязаннымъ любить искусство.

Нижній этажъ мы осмотрѣли быстро изъ опасенія наскучить нашему провожатому. Присутствіе августѣйшаго чичероне стѣсняло меня. Съ принцемъ серьезнымъ я могъ бы надѣяться спастись разговоромъ, но съ принцемъ молодымъ, изящнымъ и веселымъ я чувствовалъ себя безпомощнымъ. Но скоро онъ самъ вывелъ меня изъ этого затруднительнаго положенія. Остановившись на верху лѣстницы, онъ проговорилъ мнѣ съ вѣжливостью властелина, тайна которой извѣстна ему, не смотря на его совершенную молодость: „я увѣренъ, что вамъ было-бъ несравненно пріятнѣе осмотрѣть все это безъ меня, а я все это видѣлъ такъ часто, что признаюсь вамъ, охотно бы предоставилъ вамъ докончить этотъ осмотръ съ М***. Я присоединюсь къ матушкѣ и съ нею буду ждать васъ".

Затѣмъ онъ сдѣлалъ намъ полный граціи поклонъ и покинулъ меня очарованнаго его лестною свободою манеръ.

Чѣмъ объяснить застѣнчивость великихъ писателей и князей?

Къ счастью, князья русской императорской фамиліи нисколько не застѣнчивы, они вполнѣ дѣти своего вѣка; въ ихъ манерахъ и языкѣ не замѣчаешь и слѣдовъ того замѣшательства, которое долгое время составляло мученіе для хозяевъ Версаля и ихъ придворныхъ, потому что, что же можетъ быть болѣе стѣснительнымъ, какъ застѣнчивый князь.

Умѣть покинуть своего гостя, не огорчивъ его—своимъ уходомъ верхъ вѣжливости, шедевръ гостепріимства.

Когда великій князь уходилъ, mlle*** находилась позади своей матери; молодой князь, проходя мимо, остановился около нея съ очень серьезнымъ видомъ, нѣсколько насмѣшливымъ, и, не сказавши ни слова, сдѣлалъ глубокій поклонъ. Молодая дѣвушка. понимая, что этотъ поклонъ—иронія, осталась неподвижною, въ позѣ полной почтительности, но не отвѣчая на поклонъ.

Я восхищался этими оттѣнками, плодомъ прекраснаго воспитанія Я сомнѣваюсь, чтобы при этомъ дворѣ хоть одной особѣ лѣтъ. 25 свойственна была черта подобной храбрости: только невинности принадлежитъ умѣнье соединить истинное чувство своего, достоинства, котораго никто не долженъ терять, съ почтеніемъ должнымъ извѣстнымъ общественнымъ положеніямъ. Этотъ образецъ такта не прошелъ незамѣченнымъ:

— „Всегда одинакова", проговорилъ, удаляясь, великій князь.

Они вмѣстѣ росли; разница въ пять лѣтъ не мѣшала имъ часто играть въ общія игры. Подобная близость никогда не забывается даже при дворѣ.

Чтобы оцѣнить членовъ царской семьи императора Николая, должно видѣть ихъ вблизи: они созданы, чтобы стоять во главѣ своей страны, потому что во всѣхъ отношеніяхъ они первые въ своей странѣ. Императорская фамилія изъ всего видѣннаго мною въ Россіи болѣе всего способна возбудить удивленіе иностранца.

Окончивши бѣгло осмотръ коттэджа, я откланялся императрицѣ и отправился въ каретѣ въ Ораніенбаумъ, гдѣ осматривалъ развалины дворца, изъ котораго Петръ III былъ вывезенъ въ Ропшу".

Письмо семнадцатое.

Петербургъ, 29-го іюля 1839 г.

.... „До настоящаго времени я былъ убѣжденъ, что истина также необходима для ума. какъ воздухъ и солнце для тѣла, но путешествіе въ Россіи разубѣждаетъ меня. Истина является потребностью лишь для избранныхъ или для націй болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, толпа-же мирится съ ложью, удобною для ея страстей и привычекъ“....

Затѣмъ Кюстинъ долго останавливается на несчастьяхъ, причиненныхъ бурею, разразившеюся въ день тезоименитства государыни Александры Өеодоровны, и разсказываетъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ ему случаевъ.

Можете-ли вы представить себѣ ту массу разсказовъ, споровъ, догадокъ, криковъ, которые подняло бы подобное несчастіе въ какой-либо другой странѣ, особенно же у насъ? Сколько журналовъ напечатали-бы и сколько-бы повторяли, что полиція никогда не исполняетъ своихъ обязанностей, что судохозяева жадны (нѣкоторыя изъ судовъ не вынесли бури, вслѣдствіе большой нагруженности), что власти, далеко не облегчая несчастіе, лишь усугубляютъ его,—по своей безпечности или продажности, прибавили-бы, что свадьба великой княгини праздновалась подъ дурными предвѣщаніями какъ и свадьбы многихъ другихъ царственныхъ лицъ, и тогда посыпались бы числа, сближенія, выписки!... Здѣсь же ничего. Молчаніе болѣе страшное, чѣмъ само несчастіе. Двѣ строчки въ газетахъ безъ всякихъ подробностей, и при дворѣ, въ городѣ, въ салонахъ большаго свѣта—ни слова! Россія дала себѣ слово не говорить ничего того, что могло бы разстроить.

„Изъ всѣхъ умственныхъ способностей единственно признается здѣсь только тактъ. Представьте себѣ народъ, благоразумный, какъ дипломатъ, намѣревающійся сдѣлать карьеру, и вы поймете, что̀ за удовольствіе представляетъ изъ себя разговоръ въ Петербургѣ. Эта страна производитъ на меня впечатлѣніе двора спящей царевны: все здѣсь блестяще, горитъ золотомъ, великолѣпно, здѣсь не достаетъ только жизни“.

Затѣмъ Кюстинъ долго останавливается на частомъ бездѣйствіи полиціи въ то время, разсказываетъ о видѣнныхъ имъ дикихъ расправахъ на улицахъ, среди бѣла-дня (1839 г.).

„Я сознаюсь, что подобныя дѣйствія въ нравахъ русскихъ, потому что я не подмѣтилъ ни на чьемъ лицѣ знаковъ порицанія или

ужаса, а при этомъ присутствовали представители всѣхъ классовъ общества. Между тѣмъ изданъ сводъ законовъ. Если факты, приведенные мною, согласуются съ нимъ, тѣмъ хуже для закона; если они незаконны, тѣмъ хуже для администратора. Какое несчастіе быть только человѣкомъ, когда принимаешь на себя обязанности Бога!... иногда при томъ принужденъ бываешь принять ихъ для властелина.

Русскимъ врожденно стремленіе казаться европейцами, и пока эта тщеславная болѣзнь будетъ грызть ихъ сердце и мутить умъ,— у нихъ будетъ нѣсколько вельможъ, способныхъ играть въ изящество у насъ и у себя дома, но въ сущности они останутся варварами.

Императоръ Николай рано созналъ, что для Россіи пора одной лишь внѣшности миновала и что предстоитъ передѣлать въ странѣ все зданіе цивилизаціи.

Петръ, такъ называемый Великій, вторично-бы перевернулъ Россію, чтобы ее перестроить; Николай—искуснѣе. Онъ скрываетъ свою цѣль, чтобы тѣмъ вѣрнѣе осуществить ее. Я чувствую себя проникнутымъ уваженіемъ къ этому человѣку, всѣми силами своей души борящемуся противъ геніальныхъ трудовъ Петра Великаго; бросая вызовъ этому реформатору, онъ возвращаетъ естественный характеръ націи, болѣе чѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія терзаемой на пути рабскаго подражанія.

Мысль императора проявляется даже въ улицахъ Петербурга; онъ не забавляется поспѣшнымъ сооруженіемъ колонадъ — всюду кажущуюся внѣшность государь замѣняетъ реальностью, всюду камень изгоняетъ гипсъ, и массовыя, и прочныя зданія смѣняютъ блескъ ложнаго величія. Русскіе должны стать русскими. Природа призываетъ русскихъ къ великимъ подвигамъ, а ихъ между тѣмъ, съ водворенія мнимой цивилизаціи занимали вздоромъ. Императоръ Николай лучше своихъ предшественниковъ понялъ ихъ призваніе, и въ его царствованіе все возросло, благодаря возврату къ истинѣ.

Надъ Петербургомъ возвышается колонна; это самая большая глыба гранита, когда-либо обработанная рукою человѣка, не исключая даже и египетскихъ памятниковъ. Въ опредѣленный день 100,000 солдатъ, весь городъ и много народу изъ окрестностей стеклись, не толпясь, на площадь передъ царскимъ дворцомъ, чтобы въ религіозномъ молчаніи присутствовать при поднятіи этого баснословнаго памятника, задуманнаго, исполненнаго и доставленнаго на площадь французомъ Монфераномъ, потому что русскіе все еще не могутъ обходиться безъ французовъ. Изумитель-

ныя машины дѣйствуютъ съ успѣхомъ, механика оживляетъ камень, и въ тотъ моментъ, когда колонна, освободившись отъ подпорокъ, какъ бы произвольно двигаясь, какъ живая, поднялась въ воздухѣ, войска, народъ, самъ императоръ пали на колѣна, чтобы поблагодарить Всевышняго за подобное чудо и воздать ему хвалу за великія дѣла, которыя онъ помогаетъ имъ совершать. Вотъ что я могу назвать національнымъ празднествомъ: это не лесть, легко принимаемая за сатиру, подобно петергофскому маскараду, это не жанровая картинка, но возвышенная историческая картина. Великое, пошлое, дурное, возвышенное, всѣ противорѣчія совмѣщаются въ этой удивительной странѣ, молчаніе поддерживаетъ возможность чуда и предохраняетъ эту машину отъ ломки.

Императоръ Николай простираетъ реформу даже на языкъ окружающихъ его: онъ требуетъ, чтобы при дворѣ говорили по русски. Большинство свѣтскихъ барынь, въ особенности родившихся въ Петербургѣ, не знаютъ своего роднаго языка: онѣ выучиваютъ нѣсколько русскихъ фразъ, которыми изъ повиновенія и дебатируютъ передъ императоромъ Николаемъ, когда онъ проходитъ по заламъ дворца, гдѣ ихъ удерживаютъ ихъ обязанности; одна изъ нихъ всегда на сторожѣ, чтобы условнымъ знакомъ предупредить приходъ государя: тотчасъ-же всѣ французскіе разговоры смолкаютъ, и русская рѣчь, предназначенная для польщенья императорскаго слуха, раздается во дворцѣ. Николай Павловичъ гордится, видя, до чего простирается его могущество реформатора....

Не знаю, что меня болѣе поражаетъ при видѣ этой безграничной державы—ея могущество или безсиліе.

Какъ и всякій реформаторъ, императоръ Николай одаренъ упрямствомъ, которое въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ.

На концѣ площади, громадной, точно цѣлая область, на той же, гдѣ возвышается колонна, вы замѣчаете гранитную гору—Исаакіевскій соборъ. Это сооруженіе, менѣе пышное и менѣе обремененное украшеніями, чѣмъ соборъ св. Петра въ Римѣ, но столько-же поразительно. Оно еще не кончено (1839 г.) и нельзя судить объ общемъ впечатлѣніи, но оно будетъ выходить изъ ряда всего задуманнаго современнымъ духомъ другихъ народовъ. Матеріаломъ для него служатъ—гранитъ, бронза и желѣзо, и ничего больше. Видъ внушительный, но мрачный; начатый при Александрѣ, этотъ замѣчательный храмъ будетъ законченъ при Николаѣ тѣмъ же французомъ Монфераномъ, воздвигшимъ колонну.

Я извиняю скачки моэй мысли, потому что, позволяя ей свободно переходить съ одного предмета на другой, съ одной идеи на

другую—я рисую вамъ Россію всю цѣликомъ; при бо̀льшей систематичности мнѣ угрожала-бы опасность наталкиваться на слишкомъ рѣзкіе контрасты, а при желаніи избѣжать упрековъ въ путанности, отступленіяхъ или непослѣдовательности, я потерялъ-бы возможность представить вамъ истину, какъ она представляется мнѣ—лицомъ къ лицу. Положеніе народа, величіе императора, видъ улицъ, красота памятниковъ, притупленіе умовъ—слѣдствіе извращенія (?) религіознаго начала—все это поражаетъ меня одновременно и, такъ сказать, сразу переходитъ подъ мое перо, и все это—сама Россія, главныя черты жизни которой проявляются для меня въ самыхъ повидимому незначительныхъ явленіяхъ".

Затѣмъ Кюстинъ приводитъ длинный разговоръ съ однимъ французомъ, петербургскимъ обитателемъ. Послѣдній разсказывалъ ему о происходившихъ въ то время на Волгѣ возмущеніяхъ крестьянъ, неправильно понявшихъ слова государя Николая Павловича, сказанныя имъ прибывшей въ Петербургъ крестьянской депутаціи,—поднявшихся массами, съ криками: „да здравствуетъ царь-батюшка!" на высланныя противъ нихъ войска, видя въ солдатахъ лишь орудія помѣщиковъ. Зашла рѣчь и о кончинѣ Пушкина—„Русскаго Отелло." Признавая за нимъ, на основаніи разсказовъ, заслуги относительно стиля, Кюстинъ говоритъ, что въ Россіи это очень легкая заслуга, и что въ ней легко казаться оригинальнымъ, потому что всякое подраженіе будетъ казаться самостоятельнымъ творчествомъ. Говоря о той скорби, съ которою встрѣтило русское общество смерть Пушкина, путешественникъ прибавляетъ, что всѣ главнымъ образомъ оплакивали въ немъ свою славу, признанную всей Европой.

Петербургскій французъ, разубѣждая Кюстина въ возможности чисто русской цивилизаціи, высказалъ между прочимъ, что „импероторъ Николай совершаетъ въ настоящее время, только въ обратномъ смыслѣ, ту же самую ошибку, въ которую впалъ императоръ Петръ I. Онъ принимаетъ за ничто (?!) исторію цѣлаго вѣка Петра Великаго: исторія имѣетъ свои предопредѣленія, всегда и всюду прошедшее простираетъ свое зліяніе и на настоящее. Горе тому, кто не хочетъ подчиняться ему".

30-го іюля 1839 г.

„Вчера, кончивши писать, я принялся перечитывать нѣкоторые переводы стихотвореній Пушкина; они еще болѣе утвердили во мнѣ впечатлѣніе, оставленное первымъ чтеніемъ. Этотъ поэтъ заимствовалъ часть своихъ красокъ отъ новой школы западно-евро-

пейскихъ поэтовъ. Это не значитъ, чтобы усвоилъ анти-религіозные взгляды лорда Байрона, соціальныя идеи нашихъ поэтовъ или философію поэтовъ нѣмецкихъ, но онъ заимствовалъ у нихъ манеру рисовать. Я еще не вижу въ немъ истиннаго (московскаго) русскаго поэта. Полякъ Мицкевичъ кажется мнѣ болѣе славяниномъ, хотя онъ, подобно Пушкину, прошелъ чрезъ вліяніе западныхъ литературъ.

Впрочемъ, если бы истинно русскій поэтъ и существовалъ, онъ могъ-бы обращаться только къ народу; въ салонахъ его бы не поняли и не читали-бы. Гдѣ нѣтъ языка, не можетъ быть поэзіи, нѣтъ и писателей. Надъ требованіями, чтобы при дворѣ говорили по русски, только смѣются (!?), ихъ считаютъ минутнымъ капризомъ. Послѣдующее поколѣніе будетъ благодарно Николаю за эту побѣду здраваго смысла надъ большимъ свѣтомъ.

Оригинальность мысли, болѣе чѣмъ предполагаютъ это, зависитъ отъ чистоты языка. Вотъ что уже цѣлое столѣтіе забываютъ въ Россіи и начинаютъ съ нѣкоторыхъ поръ забывать во Франціи. Я убѣжденъ, что недостатокъ оригинальности новѣйшихъ славянскихъ литературъ зависитъ отъ усвоеннаго русскими и поляками обычая, начиная съ XVIII-го вѣка вводить въ свои семейства иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Когда русскіе, хорошо воспитанные, возвращаются къ своему родному языку, они не говорятъ, а переводятъ, и этотъ затруднительный стиль стѣсняетъ свободу мысли, уничтожая простоту выраженія.

Почему китайцы до настоящаго времени (1839 г.) болѣе сдѣлали для человѣчества въ области литературы, философіи, нравственности, законодательства, чѣмъ русскіе? Потому что эта нація никогда не переставала любить свой природный языкъ".

Письмо восемнадцатое.

Петербургъ, 30-го іюля 1839 г.

Происходившія въ 1839-мъ году волненія крестьянъ на Волгѣ даютъ возможность Кюстину разсказать цѣлую романическую исторію, описанную будто-бы какимъ-то княземъ. Героями этого романа являются: Ксенія, дочь одного управляющаго—человѣка грубаго и ненавидимаго крестьянами; дѣвушка характера во всемъ противоположнаго характеру отца, красавица N. N., любимая всѣми знающими ее, и ея молочный братъ, Өедоръ, молодой крестьянинъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ Ксеніей, но потомъ подвергшійся всяческимъ гоненіямъ

со стороны отца своей молочной сестры, подозрѣвавшаго въ немъ болѣе нѣжное чувство къ своей дочери, чѣмъ простую привязанность молочнаго брата. Не смотря на все это, тотъ же Өедоръ, когда крестьяне начали звѣрствовать, жечь помѣщичьи усадьбы, пытался спасти своего врага Теленева и его дочь, къ которой онъ дѣйствительно былъ неравнодушенъ, но ему это не удалось, и Теленевъ, страшно изувѣченный, былъ сожженъ живымъ; Ксенія, сошедшая съума при этомъ зрѣлищѣ, и Өедоръ избѣжали подобной участи, лишь благодаря усталости палачей. Въ концѣ концовъ, Өедоръ вмѣстѣ со своими однодеревенцами былъ сосланъ въ Сибирь.

Этотъ-то эпизодъ даетъ случай Кюстину сравнить ужасы французской революціи съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, часто (1839 г.) происходитъ въ Россіи.

„Потопленія въ Нантѣ, прозванныя Каррье республиканскими свадьбами, и случаи другихъ звѣрствъ, не отмѣченныхъ историками, могли бы служить доказательствомъ, что людская жестокость только дремлетъ даже въ самыхъ цивилизованныхъ націяхъ, но все таки есть разница между систематическою жестокостью мужиковъ—холодною и упорною—и мимолетнымъ бѣшенствомъ французовъ. Послѣдніе во время войны, объявленной ими Богу и человѣчеству, не находились въ своемъ естественномъ состояніи: привычка къ крови извратила ихъ характеръ, а непослѣдовательность, свойственная страстямъ, руководила ихъ дѣйствіями, потому что никогда они не были менѣе свободными, чѣмъ тогда, когда все совершалось у нихъ во имя свободы. Совершенно противное увидите у русскихъ, убивающихъ другъ друга, не измѣняя своему характеру: они какъ будто выполняютъ свой долгъ. Этой методичности, ровности въ выполненіи задуманнаго убійства способствуетъ даже однообразно-монотонный видъ поверхности Россіи.

Будущее никому неизвѣстно, но извѣстно лишь то, что міръ будетъ свидѣтелемъ удивительныхъ событій, которыя предстоитъ разыграть этой отмѣченной самою судьбою націи.

Если у русскихъ встрѣчаются лучшіе дипломаты, чѣмъ у прочихъ, болѣе цивилизованныхъ, народовъ, это объясняется тѣмъ, что наши журналы предупреждаютъ ихъ обо всемъ, что происходитъ и предполагается у насъ; вмѣсто того, чтобы благоразумно прикрывать наши слабости, мы каждое утро съ увлеченіемъ обнаруживаемъ ихъ, между тѣмъ, какъ русскихъ, византійская политика работающая въ тѣни, тщательно скрываетъ отъ насъ все, что думаютъ, дѣлаютъ и чего боятся въ этой странѣ. Неизвѣстность въ которой они оставляютъ насъ, мѣшаетъ намъ, наша же искрен-

ность помогаетъ имъ; у насъ слабость болтливости, у нихъ-же сила тайны: вотъ въ чемъ замѣчается ихъ искусство".

Въ приводимомъ Кюстиномъ мемуарѣ князя *** о происходившихъ на Волгѣ волненіяхъ среди крестьянъ, князь разсказывая о жестокости, съ какою крестьяне раздѣлывались со своими непріятелями, говоритъ: „всѣ эти безчеловѣчные люди большею частью поразительно красивы, у всѣхъ у нихъ отъ природы благородный и спокойный видъ:—это демоны съ небесными лицами".

Перев. съ франц. К. Плавинскій.

Сообщ. **Н. К. Шильдеръ.**

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1870 г. [1]).

Январь 3. Суббота. Дочь почтеннаго семейства, отецъ котораго состоитъ комендантомъ (въ одномъ городѣ), N. N. бѣжала въ Женеву, чтобы присоединиться тамъ къ революціонной партіи, дѣйствующей противъ Россіи подъ предсѣдательствомъ Бакунина. Извѣстно, что тамъ проживаетъ множество русскихъ мужчинъ и женщинъ революціоннаго закала, которые даже иностранцевъ удивляютъ своими неистовыми радикальными тенденціями.

Что хуже: злоупотребленіе свободы или злоупотребленіе власти?

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107--130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 27--296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160, августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575--626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX. январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701--761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—6`6; изд. **1892** г., т. LXXIII, январь, стр. 151—174.

Распущенность нравственная и отсутствіе дисциплины въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дошли до того, что когда въ симферопольской гимназіи необходимость побудила выключить изъ заведенія трехъ негодяевъ учениковъ, то начальство, при исключеніи ихъ по приговору педагогическаго совѣта, дало имъ хорошія аттестаціи въ поведеніи. Интересно, что въ протоколѣ совѣта всѣ продѣлки этихъ негодяевъ значатся, а поведеніе дѣлателей этихъ продѣлокъ одобрено оффиціально.

4. Воскресенье. Познакомился сегодня у Павла Ивановича Савваитова съ Іаковомъ, архимандритомъ Московскаго Даниловскаго монастыря, который вызванъ сюда для посвященія его въ архіереи. Онъ показался мнѣ человѣкомъ и умнымъ, и обширной учености.

Я не боюсь борьбы ни съ нѣмцами, ни съ самими чертями; но надо, чтобы, вопервыхъ, право было на моей сторонѣ, а вовторыхъ, чтобы борьба была необходимостью, а не слѣдствіемъ задора или, какъ то нынѣ въ модѣ, погони за популярностью.

9. Пятница. № 5 „Судебнаго Вѣстника" конфискованъ за статью, въ которой доказывается, что Третье отдѣленіе не должно существовать.

„Московскія Вѣдомости" получили предостереженіе, слѣдствіемъ чего, вѣроятно, будетъ ихъ прекращеніе.

10. Суббота. Я прочиталъ конфискованную статью „Судебнаго Вѣстника". Статья умная, хорошо и правдиво написанная. Редакторъ былъ призванъ къ Шувалову. Ему сдѣлано внушеніе.

„Московскимъ Вѣдомостямъ" сдѣлано предостереженіе: мѣсяцъ тому назадъ онѣ были найдены невинными и полезными. Редакторы, должно полагать, откажутся отъ изданія, и мы лишимся одного изъ лучшихъ нашихъ печатныхъ органовъ и само правительство—одной изъ своихъ силъ. Ретроградная партія работаетъ успѣшно.

Это переходное время, говорятъ. Мнѣ кажется, идея о переходномъ времени въ сущности совсѣмъ неосновательна. Всякое время есть переходное: оно всегда отходитъ отъ прошедшаго и идетъ къ будущему и стоитъ между тѣмъ и другимъ. Хотятъ-ли этимъ сказать, что оно приготовляетъ положеніе вещей въ будущемъ? Да какое-же время не дѣлаетъ этого? Что въ настоящемъ только начинается, то разрѣшается

въ будущемъ по законамъ развитія и постепенности. Можно только сказать одно, что въ иное время накопляется больше матеріаловъ для разрѣшенія въ будущемъ; но нельзя-же сказать, что настоящее только этимъ живетъ, что у него нѣтъ своихъ нуждъ и интересовъ, которые должны быть теперь-же удовлетворены. Было-бы странно дѣлать изъ настоящаго только какого-то докладчика будущему.

11. Воскресенье. Безконечные толки по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Судебнаго Вѣстника“.

13. Вторникъ. Умеръ (Александръ Ив.) Герценъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о немъ сказано нѣсколько недурныхъ словъ.

Что за путаница такая въ нашихъ современныхъ событіяхъ! Я прочиталъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“ во второмъ номерѣ, за которую сдѣлано имъ предостереженіе, и рѣшительно не понимаю, за что это лезвее Дамоклова меча дотронулось до головы Каткова и Леонтьева. Развѣ за одно мѣсто—о существованіи въ С.-Петербургѣ польскаго ржонда? Но объ этомъ уже столько было писано и говорено, что трудно себѣ представить, чтобы это было единственнымъ поводомъ къ предостереженію. Но еще удивительнѣе отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“: онъ наполненъ такимъ смиреніемъ, покаяніемъ, извиненіями, которыя совершенно несвойственны всему прошедшему этой газеты и характеру ея редакторовъ. Тутъ, вѣрно, кроется какая-нибудь, какъ говорится, штука. Но какая? Вотъ въ этомъ-то и штука. Не дано-ли знать редакціи подъ рукою отъ высшей власти, чтобы она не смущалась и не устрашалась, и отнюдь не прекращала своихъ дѣйствій, только въ болѣе умѣренномъ тонѣ?

18. Воскресенье. Я думаю, что такихъ людей, какъ Бакунинъ, Рошфоръ нельзя терпѣть въ обществѣ, такъ какъ они объявили себя передъ цѣлымъ свѣтомъ врагами общественнаго порядка и, слѣдовательно, врагами всѣхъ людей, живущихъ подъ покровительствомъ и законами этого порядка, чѣмъ сами себя исключили изъ круга этихъ законовъ. Но что съ ними дѣлать?

22. Четвергъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“ (22-мъ) появилась моя біографія А. С. Норова.

25. Воскресенье. Біологія Спенсера переведена на русскій

языкъ и напечатана. Управленіе по дѣламъ печати затѣяло процессъ, за то, что въ книгѣ есть мѣста, будто-бы подлежащія духовной цензурѣ, какъ, напримѣръ, мысли о твореніи, въ послѣднее время принятыя геологіею. Спрошена была духовная власть, подлежатъ-ли такія мѣста ея цензурѣ? Подлежатъ, отвѣчала она. Издатель, за то, что онъ не отослалъ этихъ мѣстъ въ духовную цензуру, преданъ былъ суду. Судъ оправдалъ его.

Управленіе по дѣламъ печати не умѣетъ (1870 г.) отличать ученыхъ вопросовъ и соображеній отъ пустой болтовни какихъ-нибудь невѣжественныхъ писуновъ.

26. Понедѣльникъ... Ничто столько не вредитъ успѣху свободы, какъ нелѣпыя требованія радикальныхъ преобразователей общества. Они дѣлаютъ врагами ея не только правительство, но и благомыслящихъ, разсудительныхъ ея поборниковъ, изъ которыхъ многіе лучше хотятъ оставаться такъ, какъ есть, чѣмъ идти по той опасной дорогѣ, куда влекутъ эти непрошенные благодѣтели человѣчества.

Совершенно фальшиво правило этихъ господъ: „требуй больше, чтобы получить что-нибудь". Ужасъ, который они наводятъ своимъ больше, служитъ предлогомъ къ тому, чтобы стѣснять всякій порывъ даже къ самому: меньше.

27. Вторникъ. Сильные толки и всеобщее неудовольствіе по поводу проекта объ усиленіи власти губернаторовъ. (Объ этомъ статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" № 19.)

Сдержанность въ мысляхъ и съ самимъ собою должна быть если и не такая, какъ въ бесѣдѣ съ другими, то все-же должна быть. И вотъ, за что я часто принужденъ дѣлать укоризны самому себѣ. Вѣдь, право, нелѣпо-же огорчаться и негодовать такъ, хоть-бы по случаю этого пресловутаго проекта. Разсуждать, такъ разсуждать надо спокойно, объективно, какъ принято нынѣ говорить у людей самаго кипучаго и безтолковаго образа мыслей. Мнѣ ненавистна ложь, а она ввергаетъ въ тотъ-же хаосъ безправія и беззаконія, въ какомъ были погружены нѣсколько вѣковъ. Такъ! Но почему-же лжи и не господствовать надъ обществомъ, надъ которымъ она господствовала столько времени, и общество это не только существуетъ, но даже, какъ пишутъ въ исторіяхъ, возвеличивается, крѣпнетъ и благоденствуетъ. Правда, было маленькое разочарованіе: Крымская

война, да вѣдь это ужъ прошло! Какъ-бы то ни было, а все-таки надо разсуждать спокойнѣе, объективнѣе.

Февраль 1. Воскресенье. Обѣдалъ у министра народнаго просвѣщенія (гр. Д. А. Толстого). Обѣдъ роскошный, гостей человѣкъ семнадцать или восемнадцать. Я тутъ, между прочимъ, познакомился съ двумя попечителями: одесскимъ, Голубцовымъ, и казанскимъ, Шестаковымъ. Министръ много говорилъ о духовенствѣ, и не все въ пользу его. Я замѣтилъ, что надо отличать бѣлое духовенство отъ чернаго: одно совершенно порабощено другому. Всѣмъ извѣстно, какъ деспотически распоряжаются архіереи въ своихъ епархіяхъ. Вотъ, напримѣръ они теперь сильно противятся введенію выборнаго начала между священниками и приведенію въ дѣйствіе новаго устава семинарій. Министръ вполнѣ согласился съ этимъ.

8. Воскресенье. Актъ въ университетѣ... ** хорошій добрый человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одаренъ способностью дѣлать самую добродѣтель смѣшною.

9. Понедѣльникъ. Нѣтъ хуже состоянія душевнаго, какъ недовольство самимъ собою, а изъ этого состоянія я почти не выхожу. Идеалы, къ которымъ я стремлюсь чуть ни съ дѣтства въ самообразованіи и самоуправленіи, строгій контроль, который я постоянно держу надъ каждымъ моимъ не только поступкомъ, но и помышленіемъ, дѣлаютъ то, что я кажусь самому себѣ крайне неудовлетворительнымъ, и презрѣніе, которое меня часто охватываетъ къ человѣку и къ человѣческой судьбѣ, прежде всего, тяжелымъ бременемъ обрушивается на самого меня.

Другая моя бѣда, что я не всегда выдерживаю съ достоинствомъ мою неприкосновенность къ разнымъ дрязгамъ и глупѣйшимъ мелочамъ внѣшней текущей жизни. Тьфу къ чорту! Да неужели-же такъ трудно настроить себя какъ слѣдуетъ по человѣчески и неужели это стоитъ такой долговременной борьбы? Вотъ ужъ и старость у порога, почти переступаетъ порогъ, по крайней мѣрѣ, старость физическая, а я все занимаюсь постройкою себя и все не дострою по плану, задуманному издавна, Да можетъ быть планъ дурно составленъ? Вѣроятно. Но какъ-же теперь перемѣнить его, когда уже давно свезены на мѣсто и бревна, и кирпичи, да и выведено кое-что, напримѣръ башня, да какая высокая! Какой широкій горизонтъ съ нея открывается!

Но жить все-таки негдѣ. Буря, непогода, и я прячусь въ какомъ-то убогомъ шалашѣ, посреди кучи наваленныхъ камней, гранита, даже кое-гдѣ попадающихся кусковъ мрамора. Да, жить негдѣ. Скверно думать быть человѣкомъ, болѣе, чѣмъ самъ человѣкъ.

14. Суббота. Пруссія нашъ естественный врагъ уже по одному тому, что мы ее дважды спасли.

Карамзинъ о Павлѣ: „онъ отнялъ у казни стыдъ, а у награды честь“.

15. Воскресенье. Міръ безъ Провидѣнія—какая страшная безконечная пустыня при всемъ разнообразіи и обиліи жизненныхъ процессовъ, силъ и явленій! Это все равно, что огромный домъ, наполненный слугами и гостями безъ хозяина, или корабль, брошенный въ неизмѣримый океанъ безъ кормчаго, безъ компаса, преданный бурямъ и обреченный погибнуть, не зная пристани и никакой цѣли своего блужданія, или это мастерская, въ которой работаютъ тысячи рукъ, машинъ безъ мастера, который-бы въ работахъ этихъ рукъ и этихъ машинъ видѣлъ исполненіе какого-то предпріятія. Наконецъ, это чудовищное тѣло съ костьми, кровью, дышащее и движущееся, но лишенное души—живой мертвецъ.

16. Понедѣльникъ. У насъ есть цѣлые полки чиновниковъ, а нѣтъ ни одного государственнаго человѣка.

Отчего-бы не дозволить у насъ воспитанникамъ реальныхъ гимназій вступать въ университеты въ факультетъ математическихъ и естественныхъ наукъ? Это не мѣшало-бы получать высшее образованіе тѣмъ, которые лишены способности къ изученію древней филологіи, и дало-бы удовлетвореніе общественному мнѣнію. Давать доступъ въ университетъ однимъ только воспитанникамъ классическихъ гимназій, право, невозможно. Для этого пришлось-бы превратить всѣ гимназіи въ классическія, а гдѣ-же тогда получали-бы общее образованіе лица съ техническими и реальными цѣлями въ жизни? Я вовсе не врагъ классическаго образованія, но оно должно имѣть свои границы, а не господствовать исключительно.

Мартъ 1. Воскресенье. Тотъ ничего не сдѣлалъ для людей, кто не далъ имъ средствъ меньше страдать или легче сносить страданія.

Вы шевелите только страсти, вы рисуете только мрачную и

дурную сторону вещей, конечно и это хорошо, если правдиво. Но не слѣдуетъ-ли также указывать и на то, какъ исправлять зло и дѣлать, чтобы и вещи, и люди были немножко получше?

3. Вторникъ. Сегодня въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ объявлено о появленіи въ Петербургѣ холеры.

6. Пятница. Петербургскую публику сильно занимаетъ адресъ остзейскаго дворянства государю о дарованіи ландтагу ихъ такихъ-же правъ, какія существуютъ въ Финляндіи, т. е. они требуютъ ни болѣе ни менѣе какъ отдѣльнаго отъ Россіи конституціоннаго управленія. Государь отказалъ и выразилъ свое недовольство.

Въ „Голосѣ“ было нѣсколько статей по поводу этого адреса, статей очень смѣлыхъ. Въ одной изъ нихъ, газета, между прочимъ, цитируетъ извѣстную записку Карамзина, поданную императору Александру I, о замышлявшемся этимъ государемъ образованіи самостоятельнаго польскаго государства съ присоединеніемъ къ нему провинцій, пріобрѣтенныхъ отъ Польши.

Пусть тѣло мое зависитъ отъ земли и ея законовъ, но духъ мой принадлежитъ Богу и мнѣ.

Все, что мы называемъ прекраснымъ, добрымъ и т. п., заключается въ идеалахъ, т. е. въ иллюзіяхъ, и способность къ иллюзіямъ есть собственно наше высочайшее благо. Пока личная твоя натура не потеряла способности снабжать тебя различными иллюзіями нравственными, эстетическими, общественными и проч., до тѣхъ поръ благо тебѣ.

Думать, что ты счастливъ и быть дѣйствительно счастливымъ, не все-ли это равно? И не больше-ли гораздо благъ въ мечтѣ о счастіи, чѣмъ въ счастіи, какъ понимаютъ его люди при ненасытности ихъ желаній.

10. Вторникъ. То, что для высшихъ серьезныхъ умовъ, руководимыхъ наукою, составляетъ въ настоящую эпоху потребность и законъ развитія, то для мелкихъ умовъ только мода. Поверхностному наблюдателю, пожалуй, и можетъ казаться, что тѣ и другіе сходятся въ своихъ стремленіяхъ и убѣжденіяхъ, и послѣдніе часто выигрываютъ тѣмъ, что снаружи кажутся похожими на первыхъ и какъ будто служатъ одному и тому-же дѣлу. Этимъ они часто и самихъ себя обманываютъ и раздуваются до безмѣрнаго величія въ собственныхъ глазахъ. Но въ

сущности это пустые люди, похожіе на мошекъ, крутящихся въ сіяніи солнечныхъ лучей. Они всего чаще вредятъ дѣлу и только затрудняютъ его успѣхъ.

Великое искусство требуется, чтобы направлять корабль въ морѣ нашей общественности среди различныхъ и противоположныхъ теченій ея.

Полноте, и вы, и я, кажется, настолько знаемъ людей, что не должны удивляться собственнымъ нашимъ глупостямъ.

Человѣкъ мечтаетъ о вѣчности какихъ-то чувствъ, какихъ-то благъ, а между тѣмъ ничто не соотвѣтствуетъ такъ мало его скоротечной природѣ, какъ постоянство и неизмѣнность чего-бы то ни было. Разнообразіе, новость,—вотъ потребность и законъ ея. Вѣдь человѣкъ самъ безпрестанно обновляется, и сегодняшній онъ далеко не тотъ, что былъ вчера. Нечего-же жаловаться на такъ называемую измѣну въ дружбѣ, въ любви: она въ человѣческой натурѣ.

17. Вторникъ. Злоупотребленія свободы ничѣмъ не лучше угнетенія деспотизма.

И что значитъ безграничная свобода, которой вы добиваетесь? Совмѣстима-ли она съ ограниченностью человѣка?

Я думаю, что человѣчество должно пройти еще черезъ одинъ фазисъ варварства, и къ этому фазису приведетъ его всеобщая демократизація.

22. Воскресенье. Сегодня неожиданно посѣтилъ меня старый другъ моей юности (Мих. Влад.) Юзефовичъ, пріѣхавшій вчера изъ Кіева. Онъ привезъ мнѣ милое письмо отъ Селина и собраніе юго-западныхъ актовъ, изданныхъ коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ Юзефовича.

Зима печальная. Рѣдкій домъ въ Петербургѣ гдѣ не переболѣли-бы всѣ. А умершихъ сколько! Газеты переполнены извѣщеніями въ черныхъ рамкахъ. Между тѣмъ, никакой эпидеміи нѣтъ, а такъ, случайныя болѣзни, которыя, такъ сказать, мимоходомъ рѣшаютъ судьбу людей въ нѣсколько дней, часовъ и даже минутъ.

23. Понедѣльникъ. Не по двумъ или тремъ ошибкамъ, сдѣланнымъ въ жизни, должно судить о человѣкѣ, а потому, какъ онъ вообще мыслитъ, говоритъ и дѣйствуетъ.

Всѣ люди носятъ въ себѣ физіологическую и психическую

возможность быть человѣкомъ, но не всякое недѣлимое достигаетъ роста и образа человѣческаго. Сколько людей являются и исчезаютъ, не успѣвъ проявить въ себѣ ничего человѣческаго,

26. Четвергъ. Вечеръ у Ѳ. И. Тютчева. Гостей было довольно. Я познакомился съ одною изящною и умною дамою Н—вою. Тутъ, между прочимъ, былъ и М. В. Юзефовичъ, который умно и живо разсказывалъ разныя свои воспоминанія о прошломъ: о войнѣ въ Малой Азіи, въ которой онъ участвовалъ, о Пушкинѣ, съ которымъ познакомился на Кавказѣ и былъ съ нимъ подъ Эрзерумомъ. Онъ говорилъ, что Пушкину очень хотѣлось побывать подъ ядрами непріятельскихъ пушекъ и особенно слышать ихъ свистъ. Желаніе его исполнилось, ядра однако не испугали его, не смотря на то, что одно изъ нихъ упало очень близко.

На вечерѣ были читаны славянофильскія стихотворенія Тютчева („Гуссъ"), Майкова и Полонскаго („Симеонъ Болгарскій"), приготовленныя ими къ живымъ картинамъ ча Пасху. Всѣ они недурны, особенно стихотвореніе (Ѳед. Ив.) Тютчева.

31. Вторникъ. На чемъ основана идея долга? Почему человѣкъ нравственно обязанъ дѣлать то или не дѣлать этого? Идея долга и обязанности вытекаетъ изъ моей человѣчности, моей человѣческой природы. Я долженъ поступить такъ, а не иначе, или не дѣлать того и другаго единственно потому, что я человѣкъ и потому что, поступая иначе, я измѣнилъ-бы моей человѣческой природѣ. Я существо разумно-свободное, слѣдовательно все, несогласное съ идеею свободной воли и разума, противно моей природѣ и было-бы нарушеніемъ долга.

Апрѣль 10. Пятница. Только три вещи опредѣляютъ превосходство одного человѣка надъ другимъ: знаніе, талантъ и характеръ. Три эти вещи рѣдко бываютъ соединены вмѣстѣ, но и каждая порознь имѣетъ право на уваженіе—больше-же всего, безъ сомнѣнія, характеръ.

20. Понедѣльникъ. Настоящій глубокій смыслъ движенія нашей интеллигенціи въ настоящее время есть, безъ сомнѣнія, вопіющая необходимость ограниченія произвола и утвержденія законности, какъ въ умахъ, такъ и на дѣлѣ. Безъ этого, конечно, все и самое благодѣтельное будетъ строиться на пескѣ.

23. Четвергъ. Есть люди, которые удовлетворяются только однимъ родомъ жизни, сильными ощущеніями и волненіями, Ихъ не можетъ удовлетворить ничто обыкновенное, нормальное, законное. Имъ нужны поразительные эффекты—не движенія, но гимнастическіе напряженные скачки, разнообразныя и новыя позы. Эти люди обыкновенно приводятъ въ замѣшательство и разстраиваютъ всякую среду, гдѣ живутъ. Говорятъ, это нужно. это оживляетъ и мѣшаетъ застою. Да, если это происходитъ не отъ личныхъ эгоистическихъ стремленій, не отъ простой необузданности дикой натуры, иначе это выйдетъ тоже, что „нраву нашему не препятствуй". Законъ ограничиваетъ своими предписаніями подобные порывы и увлеченія и наказываетъ виновниковъ ихъ. Цѣлое общество можетъ быть въ такомъ-же точно настроеніи.

Стремленіе къ абсолютной свободѣ, не ограниченной никакими законами, ни нравственными, ни гражданскими—вѣдь это анархія, а анархія то-же, что вѣчная кровавая революція, полная сильныхъ ощущеній, но и неизмѣримыхъ бѣдъ. Нѣтъ, говорятъ, тутъ кроются существенные, положительные интересы—свобода труда, правильное развитіе богатства, участіе въ мѣрахъ народнаго благосостоянія и т. д. Да, объ этомъ дѣйствительно думаютъ и серьезно нѣкоторые мыслящіе и благомыслящіе умы, но и тѣ часто погружаются въ такія утопіи, осуществленія которыхъ человѣчество никогда не въ состояніи добиться. Но это только нѣкоторые, большинство-же, прикрывшись пышными фразами, желаетъ только половить рыбу въ мутной водѣ, ищетъ сильныхъ ощущеній, а болѣе хладнокровные заботятся о томъ, чтобы прибрать власть въ свои руки. Это тѣ несчастныя самолюбія, изъ которыхъ каждое хочетъ одного—управлять, властвовать, а не быть управляему, не подчиняться какой-бы то ни было власти, хотя-бы то была власть закона и всеобщаго порядка.

Самое умное, самое злобное и самое несчастное существо на землѣ,—безъ сомнѣнія, человѣкъ.

Сила, дерзость и хитрость, право, единственныя ручательства всякаго успѣха и самые могучіе дѣятели міра сего. Всѣ прочія болѣе похвальныя качества составляютъ, кажется, не иное что, какъ только богатый матеріалъ для разговоровъ людей образованныхъ и для трактатовъ людей ученыхъ.

Есть божественныя вещи—идеи, истины, подобно солнцу и звѣздамъ плавающія въ далекой атмосферѣ надъ человѣчествомъ. Изрѣдка онѣ освѣщаютъ землю и служатъ людямъ путеводителями, но чаще онѣ затмѣваются тучами, безпрерывно образующимися изъ испареній земли.

Май 1. Пятница. Образованность или такъ называемая цивилизація смягчаетъ нравы, т. е. она множествомъ выработанныхъ ею впечатлѣній и понятій, нейтрализирующихъ другъ друга, препятствуетъ одному какому-нибудь изъ нихъ превратиться въ чувство или мысль огромнаго размѣра и тяжести. Душа расширяется, становится доступною многимъ и разнообразнымъ интересамъ, которые мѣшаютъ ей, такъ сказать, окаменѣть или заглохнуть въ одномъ какомъ-нибудь настроеніи. Но по этой-же самой причинѣ люди становятся морально слабѣе, имъ не достаетъ той внутренней сосредоточенности, того единства силъ, намѣреній и дѣйствій, которыя образуютъ характеръ.

10. Воскресенье. Видѣть вещи—не значитъ знать ихъ.

11. Понедѣльникъ. Вѣдь это грубое и глубокое варварство не уважать искусства, литературы. Истинная наука всегда была въ союзѣ съ искусствомъ и нерѣдко великіе двигатели ея искали въ немъ опоры для своей дѣятельности. Главный признакъ просвѣщеннаго народа—это то, что онъ ставитъ на одну линію науку и искусство. Это два крыла, на которыхъ человѣчество взлетаетъ на высоту усовершенствованій, и тамъ паритъ.

Ученая посредственность есть первый врагъ таланта.

21. Четвергъ. Наше время можно назвать эпохою колебаній.

23. Суббота. Былъ очень занятъ писаніемъ возраженій на статью *** о безпорядкахъ, происходившихъ въ Спб. университетѣ въ 1861 году, гдѣ упомянуто и мое имя, которое *** обставилъ невѣрными данными. Но появившіяся въ „Голосѣ“ рѣзкія и правдивыя замѣчанія на ту-же статью и прямо обличающія автора—меня остановили. Мнѣ показалось уже не великодушнымъ, да и излишнимъ выходить съ моими возраженіями: „лежачаго не бьютъ“. Да, притомъ, я питаю глубокое отвращеніе ко всѣмъ этимъ личнымъ спорамъ. Статья *** мнѣ повредить не можетъ, а мои возраженія, въ соединеніи съ замѣчаніями „Голоса“, могли-бы сильно насолить ему, изобличивъ его хотя-бы

то въ преднамѣренномъ искаженіи фактовъ. Правда, онъ этого заслуживаетъ, но роль палача мнѣ черезчуръ претитъ.

24. Воскресенье. Искусство извлекаетъ всѣ лучшія стихіи или высасываетъ изъ жизни чистѣйшіе соки и образуетъ изъ нихъ новые предметы.

На мануфактурной выставкѣ. Общій видъ величественъ и изященъ. Русская промышленность, кажется, оказала дѣйствительно значительные успѣхи, т. е. она доказала, что мы въ состояніи дѣлать хорошія вещи. Но что изъ этого: составляютъ-ли онѣ предметъ внѣшней торговли и всеобщаго внутренняго потребленія? Вѣдь въ такомъ только случаѣ промышленность имѣла-бы обогащающую и цивилизующую силу.

Странное и нелѣпое положеніе общества: живешь точно въ какомъ-то омутѣ, въ которомъ ни на что опереться нельзя. Ни на одну сдѣлку, ни на одно условіе положиться нельзя: на каждомъ шагу васъ встрѣчаютъ обманъ и мошенничество. Таковы наши нравы. Я уже года два, какъ отказался имѣть въ домѣ слугу мужчину: можно сказать, что между мужскою прислугою почти повально свирѣпствуютъ: пьянство и воровство. Между женщинами, по крайней мѣрѣ, не такъ сильно развито пьянство. Все это сильно усложняетъ и отравляетъ домашній бытъ.

28. Четвергъ. Переѣздъ въ Павловскъ, на этотъ разъ уже не на дачу Мердера, а на дачу Брауна, подъ дубками.

Іюнь 5. Пятница. Тамъ, гдѣ они хотятъ дѣлать добро, они ничего не могутъ; тамъ, гдѣ могутъ, они не хотятъ: вотъ вамъ нравственная характеристика людей.

7. Воскресенье. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ ропотъ и жалобы на людей, да и вообще всякій ропотъ и жалобы. Это признакъ глубокаго малодушія, которое не умѣетъ ни дѣйствовать тамъ, гдѣ можно и должно, ни терпѣть и сносить того, что неизбѣжно.

Впрочемъ, есть случаи, когда ропотъ и жалобы позволительны: это тогда, когда они произносятся съ намѣреніемъ произвести извѣстное впечатлѣніе въ пользу справедливости и въ осужденіе несправедливости. Но тогда ропотъ становится мнѣніемъ, голосомъ, который всякій членъ общества обязанъ подать въ дѣлахъ общественныхъ.

Худой тотъ хозяинъ, который такъ устроилъ или разстроилъ свой бытъ, что долженъ жить займами; точно также худой тотъ человѣкъ, который въ скорбяхъ и невзгодахъ жизни ищетъ утѣшенія у другихъ вмѣсто того, чтобы находить его въ самомъ себѣ.

9. Вторникъ. Мысли должны быть также серьезны и честны, какъ дѣла. Играть ими и съ ними недостойно человѣка мужественнаго.

10. Среда. Вчера былъ въ городѣ и узналъ о смерти (Николая Герас.) Устрялова, скончавшагося въ Царскомъ Селѣ.

Умъ удивительно удобное вмѣстилище для вкладыванія въ него всего, чего угодно—всякой лжи и истины.

Съ одинаковымъ стараніемъ надо избѣгать какъ ненависти, такъ и любви людей — одной потому, что она вредна, другой потому, что она обманчива.

18-го іюня. Четвергъ. Министръ юстиціи придумалъ было мѣру для подрыва новыхъ судовъ, вздумалъ изъять изъ ихъ круга всѣ слѣдственныя дѣла и подчинить послѣднія безусловно своимъ агентамъ—прокурорамъ. Для обсужденія этого проекта была составлена комиссія, которая, однако, не смотря на всѣ усилія министра, рѣшительно отвергла его. Второй проектъ ** заключался въ томъ, чтобы въ кассаціонномъ департаментѣ сената дѣла докладывались не сенаторами, какъ слѣдуетъ по новому закону, а оберъ-секретарями, по старому порядку. Государственный совѣтъ единогласно отвергъ и этотъ проектъ. Больше всѣхъ возставалъ противъ него министръ финансовъ. Интересно по этому поводу замѣчаніе (Конст. Владим.) Чевкина. По окончаніи засѣданія онъ сказалъ: „теперь, господа, намъ остается поблагодарить господина министра финансовъ за его ревностную и просвѣщенную защиту дѣла отечественнаго правосудія“. Это было сказано въ присутствіи министра юстиціи.

29. Понедѣльникъ. Вотъ, кажется, готова вспыхнуть война между Франціею и Пруссіею. Пруссія очень окрѣпла и Бисмаркъ очень силенъ. Что изъ этого выйдетъ?

Іюль 3. Пятница. Душа человѣческая похожа на гостинницу, куда, въ видѣ разнородныхъ впечатлѣній, лѣзетъ всякая

всячина—и порядочные люди, и пьяницы, и воры. Но хорошій хозяинъ выгоняетъ однихъ или, по крайней мѣрѣ, смиряетъ ихъ, чтобы они не бушевали и не безобразничали; съ другими-же поступаетъ учтиво и предупредительно, чтобы и впредь жаловали.

4. Суббота. Сегодняшнія телеграммы извѣщаютъ, что Франція объявила войну Пруссіи.

Когда человѣкъ намѣренъ сдѣлать какую-нибудь глупость, онъ всегда представляетъ ее самому себѣ въ видѣ очень умной и хорошей вещи.

10. Пятница. Война, война и война—только и толковъ, что о войнѣ. Но я еще ни отъ кого не слыхалъ, чтобы онъ желалъ нашего вмѣшательства въ нее.

12. Воскресенье. Всѣхъ обрадовало обнародованіе рѣшимости нашего правительства соблюдать строгій нейтралитетъ. Въ высшихъ сферахъ, говорятъ, однако обнаруживается симпатія къ пруссакамъ, между тѣмъ, какъ во всемъ обществѣ господствуетъ столь-же сильная къ нимъ непріязнь. Всѣ главныя газеты наши явно склоняются на сторону французовъ.

25. Суббота. На похоронахъ академика Рупрехта, умершаго третьяго дня. Онъ оставилъ по себѣ память честнаго дѣятеля науки и глубокую нищету съ большимъ семействомъ.

Печальныя извѣстія: пруссаки разбили французовъ въ сраженіи, гдѣ одна французская дивизія боролась съ тремя нѣмецкими корпусами. Начальникъ дивизіи Дуэ убитъ. Наши пруссоманы ликуютъ, особенно принадлежащіе къ высшимъ сферамъ.

28. Вторникъ. Успѣхи Пруссіи, одержавшей уже двѣ побѣды надъ французами—а война вѣдь едва еще началась—могутъ повести къ паденію Наполеона. Тогда Франція, конечно, провозгласитъ у себя республику. Будетъ-ли сосѣдство такой республики полезно и пріятно для quasi-конституціонной, въ сущности-же деспотической державы, какъ Пруссія? Едва-ли. Въ массахъ Германіи соціализмъ и демократизмъ пустили глубокіе корни, и кто знаетъ, какъ далеко время, когда и этихъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ постигнетъ та-же участь, которая, очевидно, уже виситъ надъ головою Наполеона и его династіи.

Августъ 3. Понедѣльникъ. Дѣла Франціи идутъ все хуже и хуже, а Пруссія все выше и выше поднимаетъ голову. Франція на краю пропасти. Тутъ доля и нашей вины. Мы дали Пруссіи

усилиться и, конечно, дадимъ еще больше усилиться, пока она наконецъ, не дастъ и намъ испытать своего гнета. А въ нашихъ, такъ называемыхъ, высшихъ сферахъ продолжаютъ радоваться успѣхамъ пруссаковъ. Тамъ носятъ прусскіе ордена, оттуда летятъ поздравленія пруссакамъ съ побѣдами, уступаются наши пушки, заказанныя въ Пруссіи. Зато въ обществѣ рѣшительная и всеобщая непріязнь къ пруссакамъ и сочувствіе къ Франціи.

Есть, впрочемъ, причины болѣе глубокія нашей симпатіи къ французамъ, чѣмъ ненависть къ пруссакамъ. Это то, что Франція, не смотря на упадокъ въ ней за послѣднее время свободы и на преобладаніе наполеоновскаго деспотизма, все-таки есть страна умственныхъ и политическихъ успѣховъ—особенно послѣднихъ. Мы отличаемъ и должны отличать французское правительство отъ французскаго народа. Насъ инстинктивно тянетъ къ послѣднему потому, что въ этомъ народѣ впервые началъ вырабатываться новый политическій и общественный строй, заключающій въ себѣ, если не образцы для подражанія, чему не слѣдуетъ и быть, то матеріалы для преобразованія другихъ народовъ.

9. Воскресенье. Телеграммы приносятъ чрезвычайно сбивчивыя свѣдѣнія съ театра войны. Но не подлежитъ сомнѣнію, что французы вездѣ проигрываютъ.

Съ Наполеонами, видно, кончено. Два раза приподняли они Францію на своихъ рукахъ для того, чтобы ввергнуть ее въ пропасть. Третьяго опыта въ сынѣ нынѣшняго Наполеона дожидаться нечего—итакъ Наполеоновской династіи не бывать.

11. Вторникъ. Есть люди, которыхъ хватаетъ ровно на одно доброе, разумное или мужественное дѣло, послѣ котораго они вдругъ, точно опомнившись, что взялись не за свое дѣло, становятся въ ряды самыхъ обыкновенныхъ и пошлыхъ людей своей категоріи и своего ремесла.

16. Воскресенье. Нѣмцы—не прусскіе—какъ вьючныя животныя возятъ камни и бревна для постройки зданія прусскаго величія и могущества Гогенцоллерновъ и позволяютъ выпускать изъ себя кровь для скрѣпленія этого зданія.

Нѣмецъ глубокомысленъ съ ногъ до головы—мы легкомысленны и болѣе остроумны, чѣмъ глубоки. Нѣмецъ устойчивъ и постояненъ—мы шатки и не способны къ выдержкѣ. Нѣмецъ

рабъ труда, какъ волъ—мы народъ веселый и разгульный, но способны въ одинъ день наработать больше, чѣмъ кто другой въ мѣсяцъ. Оттого, говорятъ, и работа наша не прочна, правда. но мы о томъ не тужимъ и готовы не плакать надъ развалинами своихъ зданій, а скорѣе смѣяться надъ тѣмъ, что долго себя мучили работою. Нѣмецъ эгоистъ до мозга своихъ костей—русскій добродушенъ и доступенъ всякимъ человѣчнымъ впечатлѣніямъ. Отъ нѣмца не ждите великодушія, самоотверженія, забвенія обидъ—русскій, подравшись со своимъ врагомъ, побратается съ нимъ, дастъ ему и хлѣба и денегъ, словомъ забудетъ, что у него морда была въ крови отъ кулака его противника.

22. Суббота. Изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ самый смѣшной—высокомѣріе, самый гнусный—лицемѣріе, самый глупый—скупость.

Получено извѣстіе, что Наполеонъ взятъ въ плѣнъ и армія Макъ-Магона сложила оружіе.

Да, это, конечно, великій прогрессъ, когда штыкъ замѣнился нарѣзными пушками и скорострѣльными ружьями, а надъ Европою диктаторствовать будутъ не Наполеоны и Габсбурги, а Гогенцоллерны.

25. Вторникъ. Во Франціи республика.

Знать въ половину или знать мало—судьба людей.

На дружбу отвѣчать дружбою,—предполагая, что она возможна,—на услугу—услугою, на учтивость—учтивостью вдвое, враждѣ противопоставлять мужественную и благоразумную защиту, но безъ малѣйшаго покушенія мстить, а затѣмъ полнѣйшее хладнокровіе—вотъ чего слѣдуетъ держаться въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми.

Сентябрь 1. Вторникъ. Нынѣшній годъ богатъ бѣдствіями—тутъ война и холера. Послѣдняя уже появилась въ Петербургѣ. Только голода, кажется, можно надѣяться, не будетъ. Въ Россіи урожаи вообще хороши.

Вотъ изъ самыхъ нѣдръ цивилизаціи, въ самомъ сердцѣ Европы, народилось, въ XIX вѣкѣ, чудовище матерьяльной грубой силы, не знающее мѣры своимъ притязаніямъ. Прославленная цивилизація дала только усовершенствованныя орудія убійствъ и софистическую діалектику для оправданія варварской политики завоеванія и грабежа. Что-же уважать въ человѣчествѣ?

Пока не нашли средства наложить узду на человѣческій эгоизмъ и на страсти, имъ возбуждаемыя, до тѣхъ поръ будетъ все одно и то-же: люди попеременно будутъ заслуживать то сожалѣнія, то презрѣнія.

5. Суббота. Печально заблуждались тѣ, которые думали, что Наполеонъ III нуженъ для Франціи, спасая ее отъ анархіи. Но вотъ грозныя и плачевныя обстоятельства окончательно разоблачили эту роковую личность и показали, что онъ думалъ не о Франціи, а только о владычествѣ своемъ надъ нею и о своихъ династическихъ интересахъ и, заботясь исключительно объ этомъ, довелъ до полнаго упадка громадныя силы благородной націи.

9. Среда. Грустно, невыразимо грустно смотрѣть на дѣла человѣческія! Сколько безнравственности, сколько малодушія и лжи! Сколько варварства среди пресловутой цивилизаціи и прогресса! Сколько ничтожества, наконецъ, въ самой наукѣ, которая не въ состояніи искупать зла, наносимаго ея-же открытіями.

Да, наука не дѣлаетъ людей лучшими. Примѣръ передъ глазами. У кого наука оказала столько успѣховъ, какъ у нѣмцевъ? И что-же? Посмотрите, каковы они въ упоеніи своихъ побѣдъ надъ австрійцами и французами! А мы, неужели за то, что Пруссія подаритъ намъ парижскій трактатъ, гарантируемъ ей Эльзасъ и Лотарингію? Поистинѣ, политика не знаетъ нравственности.

15. Вторникъ. Нынѣшняя война Бисмарка съ Франціею вовсе не есть война за границы и за единство Германіи. Франція, по справедливости считается центромъ и душою всѣхъ либеральныхъ движеній въ Европѣ. Наполеонъ III, сколько ни старался убить въ ней этотъ духъ, однако, не могъ съ ней справиться. Но вотъ явился на помощь Бисмаркъ. Война съ Франціею имъ начата вовсе не за единство Германіи, которое могло быть достигнуто и уже почти достигнуто безъ нея. Унизить Францію, омрачить престижъ ея идей—вотъ настоящій смыслъ войны и прусскихъ побѣдъ. Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что Франція со своимъ Наполеономъ не въ состояніи бороться съ полутора-милліонною, прекрасно организованною, нѣмецкою арміею. Однако, онъ и самъ не предвидѣлъ такого

исхода: судьба ужъ черезчуръ ему подслужилась. Францiя провозгласила у себя республику—это, конечно, не въ его видахъ. Но Бисмаркъ не унываетъ. Тѣмъ сильнѣе давитъ онъ Францiю, чтобы выжать изъ нея весь сокъ и ея душу—и если онъ успѣетъ въ этомъ, тогда диктатура Пруссiи въ Европѣ станетъ на твердую ногу—и бѣда свободѣ. Развѣ только сами нѣмцы опомнятся и поймутъ, что вовсе не лестно возить камни для постройки, по плану Бисмарка, собственной своей тюрьмы.

17. Четвергъ. Сегодня или завтра, говорятъ, Тьеръ представляется государю.

18. Пятница. Всякiй долженъ сдѣлать на своемъ мѣстѣ и въ своемъ кругу все какъ можно лучше, по крайнему своему разумѣнiю—вотъ единственная руководящая мысль для честнаго человѣка.

19. Суббота... Ну, изъ-за чего горячиться? Родъ человѣческiй управляется такъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Не будь глупцовъ, негодяевъ и эгоистовъ, не было-бы ни Наполеоновъ III, ни Бисмарковъ. Собственно говоря, на свѣтѣ все обстоитъ благополучно, т. е. дѣла идутъ такъ, какъ должны идти. А что многихъ убиваютъ, другихъ грабятъ и что люди страдаютъ то отъ насилiя, то отъ плутовства разныхъ господъ, то вѣдь это такъ—судьба, переходное состоянiе, и философiя исторiи найдетъ въ этомъ глубокiй смыслъ и прогрессъ.

А вотъ я глупости заношу въ мой дневникъ. Видно, время такое, никто не убережется; даже люди, старающiеся честно и здраво мыслить, и тѣ впадаютъ въ преувеличенiе и становятся невоздержны.

26. Суббота. Мих. Никол. Похвисневъ смѣненъ. Мѣсто его заступилъ Шидловскiй, военный генералъ. Говорятъ, онъ сильно отказывался отъ этого назначенiя, представляя, что ему вовсе незнакомъ ходъ литературныхъ дѣлъ и печати. Притомъ онъ прибавлялъ, что онъ человѣкъ горячiй и привыкъ дѣйствовать энергически, каковый способъ приличенъ въ полицейской сферѣ, но, можетъ быть, окажется неудобнымъ въ кругу науки и мысли.

27. Воскресенье. Мысль о „подтянутiи“ печати возникла первоначально въ головѣ министра народнаго просвѣщенiя, графа Д. А. Толстаго. Состоя не въ ладахъ съ министромъ

внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ, онъ представилъ записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывалъ слабому смотрѣнію за нею начальства, которому она подлежитъ. На это, въ отсутствіи Тимашева, отвѣчалъ товарищъ его, князь Алекс. Борис. Лобановъ-Ростовскій, что распущенности и зловредности въ печати никакихъ нѣтъ, а если онѣ гдѣ-либо существуютъ, такъ въ головахъ профессоровъ и учителей, за которыми худо смотритъ графъ Толстой. Сперва записка графа Толстаго, повидимому, не произвела впечатлѣнія.

29. Вторникъ. Сегодня новый начальникъ по дѣламъ печати Шидловскій принималъ въ первый разъ своихъ чиновниковъ. Вотъ какъ это происходило по свидѣтельству одного изъ нихъ, а именно Наля, который съ буквальною точностью передалъ мнѣ все, тотчасъ по возвращеніи отъ генерала Шидловскаго.

Послѣдній вошелъ въ залу въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, сдѣлалъ всѣмъ собравшимся отвѣтный поклонъ и обратился къ каждому чиновнику съ вопросами: кто онъ, чѣмъ занимается и давно-ли служитъ? Переспросивъ такимъ образомъ всѣхъ, онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, принялъ настоящую генеральскую позу и произнесъ слѣдующую рѣчь:—„господа, я очень жалѣю, что при самомъ началѣ моего знакомства съ вами, я долженъ сдѣлать вамъ замѣчаніе: во-первыхъ, вы явились ко-мнѣ въ вицмундирахъ, а не въ мундирахъ—это противно законамъ службы. Вы должны были одѣться въ мундиры. Во-вторыхъ, я вижу здѣсь нѣкоторыхъ съ бородами—бородъ не надо, я ихъ не потерплю. У нѣкоторыхъ я замѣчаю усы—и ихъ не надо; усы подобаетъ носить военнымъ. Даже и эти округлыя бакены, сильно напоминающія бороды, не должны быть. Я буду строго наблюдать чинопочитаніе. Затѣмъ, прощайте“.

Октябрь 2. Пятница. Земскія учрежденія, суды, печать и распространеніе первоначальнаго образованія въ массахъ на первый случай хоть грамотности—вотъ существеннѣйшіе и главные предметы, на которые должно быть обращено вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи.

Конференція академіи наукъ назначила меня депутатомъ въ высочайше учрежденную комиссію для сліянія всѣхъ казенныхъ типографій въ одну государственную. Я долженъ защищать необходимость для академіи имѣть свою собственную типографію, которая, собственно, казнѣ ничего не стоитъ.

Одно только: держись крѣпко тѣхъ законовъ, которые для тебя установила твоя совѣсть.

Самый лучшій другъ и самый бо́льшій врагъ человѣка— это онъ самъ.

Борьба между администраціею и интеллигенціею общества нескончаема. Я знаю только одно средство нѣсколько укрѣпить первую: это то, чтобы она старалась быть лучшею.

3. Суббота. Въ продолженіе моей жизни я видѣлъ много запретительныхъ мѣръ противъ печати, но ни одна не достигала своей цѣли, т. е. не останавливала потока мыслей, а только извращала его и заставляла уходить въ глубь, чтобы затѣмъ снова вырваться изъ-подъ земли уже бурливымъ ключемъ въ какомъ-нибудь темномъ углу.

Но да не смущается сердце ваше—вѣрьте въ живучесть и производительную силу мысли. Хорошо-ли, дурно-ли, что она живетъ, но только ей дано много живучести, много производительной силы, а если-бы не такъ, то давно-бы ее погасили.

Говорятъ, Шидловскій имѣетъ личные доклады. Итакъ, учредилось новое министерство по дѣламъ печати.

5. Понедѣльникъ. Надняхъ, говорятъ, государю представлялся предводитель дворянства одной изъ Остзейскихъ губерній. Государь сказалъ ему нѣсколько словъ по-русски. Предводитель потупилъ голову и молчалъ, а на повторенный государемъ вопросъ, отвѣчалъ, что не понимаетъ по-русски. Государь на это замѣтилъ, что надо говорить по-русски и отошелъ въ сторону. Забавнѣе всего, что этотъ господинъ ѣхалъ во дворецъ въ придворной каретѣ вмѣстѣ съ губернаторомъ какой-то губерніи, Клушинымъ, и все время говорилъ съ нимъ по-русски.

Самый хмѣльной напитокъ—это успѣхъ. Отъ него не только пьянѣютъ, но подчасъ и совсѣмъ дурѣютъ даже самыя крѣпкія головы.

10. Суббота. Объединеніе національностей, составляющее одну изъ основныхъ задачъ нашего высокопросвѣщеннаго и прогрессивнаго времени, есть источникъ и начало безконечныхъ международныхъ соперничествъ, распрей и войнъ.

13. Вторникъ. Англія, кажется, беретъ на себя иниціативу вмѣшательства въ войну и склоненія къ миру воюющихъ сторонъ. Отчего-же не мы?

16. Пятница. Мецъ взятъ. Сто пятьдесятъ тысячъ французовъ сдалось пруссакамъ.

17. Суббота. Современныя событія имѣютъ глубокое роковое значеніе: они вполнѣ объясняютъ, что значитъ цивилизація, прогрессъ XIX вѣка. Изъ передовыхъ націй мира одна достигла такой внутренней распущенности, такого хаоса понятій и нравовъ, что въ два мѣсяца очутилась на краю пропасти. Другая нація проявляетъ такія грубыя страсти въ войнѣ, которыя сильно напоминаютъ доброе старое время. Итакъ, не далеко ушло человѣчество по пути такъ называемаго прогресса! Куда дѣвались, напримѣръ, прославленныя, глубокія философскія, гуманныя стремленія въ наукѣ нѣмцевъ? И вообще, много-ли содѣйствовала наука къ истинному, существенному улучшенію человѣка, если онъ попрежнему остается такимъ-же рабомъ своихъ животныхъ влеченій. А что дѣлаетъ остальная цивилизованная Европа? При видѣ такого страшнаго кровопролитія и бѣдствія, она занимается дипломатическими сплетнями, вмѣсто того, чтобы дѣятельнымъ и твердымъ участіемъ положить конецъ этимъ безобразіямъ. Англіи хочется половить рыбы въ мутной водѣ; Россія благодушествуетъ и благоговѣетъ передъ Пруссіею! Все это, видите, политика, дипломатія, политическіе интересы и т. д. Нѣтъ! вся наша настоящая цивилизація, нашъ прогрессъ и наша наука, все это пустыя слова, и человѣчество находится еще на очень низкой степени развитія, не смотря на свои желѣзныя дороги, машины, свои фабрики и политическую экономію.

Я не спорю, что все, что есть,—есть такъ, какъ должно быть, что иначе оно и быть не можетъ. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ кричать о величіи вѣка, о чудныхъ успѣхахъ науки, о прогрессѣ и проч? Вѣдь все это грубая, пошлая ложь, блескъ снаружи, гниль и смрадъ внутри.

Позоръ мецской сдачи имѣетъ и свою выгодную сторону для Франціи: она, благодаря ей, выбросила изъ себя послѣдніе гнусные остатки имперіализма.

Только тогда человѣкъ заслуживаетъ уваженіе за сдѣланное имъ хорошее дѣло, когда онъ могъ его и не сдѣлать.

Уничтожить въ человѣкѣ разные предразсудки и иллюзіи еще не значитъ сдѣлать его довольнѣе, лучше и просвѣщеннѣе.

21. Среда. Обѣдалъ у „дяди“ Марка (Николаевича Любо-

щинскаго) и видѣлся тамъ съ (Никол. Иван.) Пироговымъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, я впервые познакомился съ нимъ у покойнаго Чевилева. Теперь ему, какъ онъ самъ сказалъ, уже семьдесятъ лѣтъ, но онъ довольно бодръ еще и свѣжъ. Онъ живетъ постоянно въ своемъ имѣніи въ Каменецъ-Подольской губерніи и теперь ѣдетъ туда, на возвратномъ пути изъ за-границы, гдѣ былъ, по порученію императрицы Маріи Александровны, для изученія разныхъ средствъ помощи раненымъ. Между прочимъ, онъ говорилъ, что Базенъ сдался съ своею арміею вовсе не отъ голода: въ лагерѣ его не было соли и было мало мяса, но хлѣба имѣлось вдоволь. Пироговъ узналъ объ этомъ подъ самымъ Мецомъ.

Отъ меня нерѣдко требовали услугъ по дѣламъ печати и народнаго образованія. Худо-ли, хорошо-ли я ихъ исполнялъ, но услуги эти всегда покоились на основѣ строгой честности, т. е. все, что я дѣлалъ и старался дѣлать, то было мною дѣлано не въ угоду какому-нибудь лицу или системѣ, не соотвѣтствовавшей моимъ понятіямъ о пользѣ общественной. Главною моею цѣлью было соглашеніе интересовъ государственныхъ съ общественными. Съ этою цѣлью принялъ я на себя и званіе члена комитета для учрежденія дѣлъ по печати, состоявшаго изъ графа Адлерберга, Муханова и Т*. Въ такомъ духѣ объяснялся я лично и съ самимъ государемъ. Также точно принялъ я на себя основаніе газеты: „Сѣверная Почта". Такъ поступалъ я и во время моего тѣснаго союза съ министерствомъ народнаго просвѣщенія подъ управленіемъ Норова. Успѣхи часто не соотвѣтствовали моимъ, говорю смѣло, поднявъ голову, честнымъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ. Но тутъ уже была не моя вина, да можетъ быть и ничья, а вотъ развѣ тѣхъ тревожныхъ и быстро смѣнявшихся обстоятельствъ, среди которыхъ вращались люди и вещи. Я никогда не былъ способенъ сдѣлаться ни радикаломъ, ни ультраконсерваторомъ. Глубокое, твердо укоренившееся во мнѣ съ дѣтства чувство справедливости и уваженіе къ правдѣ рѣшительно дѣлали меня неспособнымъ къ какимъ-бы то ни было одностороннимъ и преувеличеннымъ требованіямъ. Воздавать кесарю кесарево и Божье Богови—я всегда признавалъ за начало, въ силу котораго и должны устраиваться дѣла человѣческія. Меня часто упрекали въ идеализмѣ; но я

полагаю, что самые недоброжелатели мои не въ состоянiи обвинить меня въ своекорыстiи и въ анти-общественныхъ стремленiяхъ и вообще въ страстяхъ, которыя были-бы недостойны человѣка и гражданина. Вотъ что я могу, какъ говорится, положа руку на сердце, сказать съ полнымъ спокойствiемъ совѣсти [1]).

Что касается моего идеализма, то онъ состоялъ въ томъ, что я питалъ и продолжаю питать непреодолимое отвращенiе ко всякимъ дрязгамъ и мелочности въ жизни, наукѣ и литературѣ. Этого я нимало не вмѣняю себѣ въ достоинство, напротивъ, думаю, что въ житейскомъ и практическомъ смыслѣ это большой недостатокъ. Но, какъ говоритъ Манфредъ Байрона, въ этомъ „я не могъ преодолѣть моей природы“.

26. Понедѣльникъ. Деспоты думаютъ, что людьми нельзя управлять посредствомъ благости и правосудiя. Оставимъ въ сторонѣ благость, которая въ глазахъ многихъ слыветъ за качество, годное для устройства царства Божьяго, а не человѣческаго; но правосудiе это такое условiе, безъ котораго немыслимо человѣческое общество. Правосудiе, огражденное закономъ, есть главное основанiе общественныхъ отношенiй.

Надо признаться, что вражда нацiональностей вовсе не гуманное чувство. Это задатокъ будущихъ соперничествъ и войнъ.

Чрезвычайно вѣрны пословицы: „смѣлость города беретъ“ и „смѣлымъ Богъ владѣетъ“. Въ самомъ дѣлѣ, не тотъ правъ, кто правъ, а кто смѣлъ.

27. Вторникъ. Самый лучшiй способъ управляться съ нашими раскольниками состоитъ въ томъ, чтобы не преслѣдовать ихъ и не препираться съ ними, а оставить ихъ совершенно независимыми и заботиться только объ ихъ образованiи. Разумѣется, я отсюда исключаю нѣкоторыя вредныя раскольничьи секты.

Ноябрь 3. Вторникъ. Важное событiе: отмѣна части Парижскаго трактата. Объ этомъ напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

---

[1]) Здѣсь въ оригинальномъ текстѣ на поляхъ выноска рукою автора карандашемъ: „NB. Это часть моей чистосердечной исповѣди передъ Богомъ и людьми моего народа и моего времени“. Отрывокъ этотъ см. также въ кн. 12-й „Русск. Стар.“ 1891 г., стр. 716—717.

5. Четвергъ. Новое важное событіе: объявлено о введеніи новой системы воинской повинности.

6. Пятница. Прочелъ въ общемъ собраніи академіи наукъ составленный мною проектъ адреса Михайловской артиллерійской академіи и училищу, по поводу празднованія пятидесятилѣтія ихъ существованія. Проектъ одобренъ. Меня назначили депутатомъ для поднесенія адреса. Ассистентами моими избраны Савичъ и Бутлеровъ.

Безконечные толки въ публикѣ о деклараціи нашей въ отмѣну части Парижскаго трактата, а еще больше о всеобщей воинской повинности. Относительно послѣдней иные опасаются, чтобы распространеніе ея на всѣ сословія безусловно, въ томъ числѣ на ученое и учебное, не остановило-бы и даже не отодвинуло-бы назадъ нашего еще весьма юнаго просвѣщенія. Германскіе порядки, говорятъ, намъ не примѣръ. Образованіе тамъ такъ широко раскинулось и такъ утвердилось, что привлеченіе къ военной повинности ученыхъ и учащихся не можетъ повредить ему.

12. Четвергъ. Одинъ изъ первенствующихъ просвѣщенныхъ народовъ истребляетъ другой, подобный-же, съ ожесточеніемъ, достойнымъ варварскихъ временъ. И это прогрессъ, цивилизація! Какъ тутъ уберечься отъ презрѣнія къ человѣку и его судьбѣ! Боюсь, не купили-ли мы Черное море цѣною слишкомъ большаго соучастія съ пруссаками въ убійствѣ Франціи. Это было-бы оскорбительно для чувства русскаго народа, отъ природы великодушнаго.

Неужели это воздаяніе Франціи за крымскую войну? Но вѣдь мы не злопамятны. Да притомъ, за нее мы могли-бы мстить Наполеону, а не цѣлой націи французской.

19. Четвергъ. Пруссаки, продолжая терзать Францію, между прочимъ, оказываютъ услугу намъ. Они на вѣчныя времена закрѣпляютъ ненависть къ себѣ французовъ и въ случаѣ ихъ (пруссаковъ) столкновенія съ нами, что надо въ будущемъ считать неизбѣжнымъ—французы будутъ нашими естественными союзниками.

Капельманъ, редакторъ Спб. французской газеты, сошелъ съ ума. Онъ выказывалъ въ своей газетѣ сочувствіе пруссакамъ и особенно защищалъ Базена. Здѣшніе французы его жестоко преслѣдовали и даже, говорятъ, какъ-то и куда-то заманивъ

его, побили. Онъ принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга, и вотъ теперь за-границею помѣшался.

25. Среда. Пятидесятилѣтній юбилей Михайловской Артиллерійской академіи, гдѣ я нѣкогда читалъ русскую словесность. Обѣдня, молебенъ и роскошный царскій завтракъ. Государь пріѣхалъ къ молебну, затѣмъ изъ пріемной прошелъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ рядами стояли бывшіе и настоящіе воспитанники академіи и толпились сановники и разные приглашенные. Мы, бывшіе профессора, находились въ особой комнатѣ. Когда дошла до насъ очередь, государь очень привѣтливо благодарилъ насъ за то, что мы образовали отличныхъ офицеровъ. Ко мнѣ обращались многіе изъ моихъ бывшихъ слушателей съ самыми радушными воспоминаніями; почти всѣ уже генералы, украшенные орденами и сѣдиною. Товарищъ генерала фельдцейхмейстера Баранцевъ объявилъ мнѣ, что я избранъ почетнымъ членомъ академіи, и очень любезно прибавилъ, что мы теперь съ нимъ товарищи. Тосты за обѣдомъ предлагалъ великій князь Николай Николаевичъ. Первый тостъ, разумѣется, былъ въ честь государя и сопровождался оглушительнымъ ура! Второй въ честь великой княгини Елены Павловны, которую государь велъ подъ руку.

27. Пятница. Актъ въ Артиллерійской академіи. Депутаціи отъ двадцати двухъ учрежденій съ поздравительными адресами. Первая депутація отъ академіи наукъ. Я прочиталъ адресъ хорошо. Ассистентами моими были Савичъ и Бутлеровъ. Все сошло не только прилично, но и торжественно. Въ самомъ началѣ акта прочитаны были грамота государя и благодарственные рескрипты великихъ князей, избранныхъ въ почетные члены; потомъ списокъ наградъ. Мнѣ золотая съ брилліантами и съ вензелемъ государя табакерка, которую въ концѣ акта и вручилъ мнѣ великій князь Михаилъ Николаевичъ съ очень ласковымъ привѣтствіемъ.

28. Суббота. На панихидѣ по покойномъ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, какъ основателѣ академіи.

29. Воскресенье. Обѣдъ въ академіи. Послѣ обѣда расходившееся юношество произвело качаніе—досталось и мнѣ. Но все это было, хотя и шумно, однако, вполнѣ прилично. Меня юноши проводили до кареты и посадили въ нее.

Декабрь 1. Вторникъ. Вмѣстѣ съ другими представлялся государю для принесенія благодарности за полученную награду. Это было въ часъ по-полудни въ Зимнемъ дворцѣ. Когда дошла очередь до меня, государь съ своею ласковою улыбкою очень привѣтливо сказалъ:—„Благодарю васъ за вашу полезную службу; я увѣренъ, что вы съ такою-же пользою будете продолжать ее и впередъ".

Главная ошибка Наполеона III состояла въ томъ, что онъ думалъ играть только на дурныхъ страстяхъ, забывъ, что у людей бываютъ и хорошія.

Всякій долженъ говорить языкомъ своего сердца и своего ума. Тотъ слогъ хорошъ, который дѣлается самъ, а не тотъ, который дѣлаютъ.

3. Четвергъ. Три журнала задержаны цензурою: „Вѣстникъ Европы" „Русскій Архивъ" и „Отечественныя Записки".

4. Пятница. „Вѣстникъ Европы" вышелъ съ десятью вырѣзанными страницами, въ которыхъ заключалась конституція, во время оно писанная Новосильцевымъ. Статья эта (Александра Никол.) Пыпина и составляетъ продолженіе его статей объ Александрѣ I. Стасюлевичъ объяснялся, по этому поводу, съ министромъ А. Е. Тимашевымъ, который принялъ его очень ласково и, между прочимъ, сказалъ, что статья не была-бы задержана, еслибъ не московскій адресъ.

А что это за адресъ? Москва или московская дума проситъ въ немъ о свободѣ печати, свободѣ совѣсти и церкви. Иные называютъ его безтактнымъ. Я самъ его не читалъ и потому не знаю каковъ онъ.

Энгельгардта, его жену и жившую съ ними дѣвицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентовъ земледѣльческаго училища. Въ чемъ ихъ обвиняютъ, я еще не слышалъ. А мы въ сегодняшнемъ засѣданіи академіи наукъ присудили (Александру Никол.) Энгельгардту ломоносовскую премію за его трудъ по химіи.

11. Пятница. Вопросъ Бисмарка и вопросъ Франціи— это вопросъ деспотизма и свободы.

Подобные Піетри, изобрѣтатели заговора, были не въ одной Франціи—были и есть.

12. Суббота. Благо—это вымыселъ человѣческій; законъ—

это необходимость; долгъ—вотъ что существуетъ въ дѣйствительности.

17. Четвергъ. Это не пруссаки и французы сражаются—это бьется прошедшее съ будущимъ. Призракъ феодальнаго средневѣковаго консерватизма всталъ изъ гроба и грозитъ Европѣ.

Не мудрено презирать людей: они, можетъ быть, и заслуживаютъ этого. Но, прежде всего, надо имъ благотворить, потому что они еще больше заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія.

20. Воскресенье. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкая философія отыщетъ глубокій смыслъ, великій элементъ прогресса въ этой бойнѣ, которая производится теперь нѣмцами во Франціи. Бѣдное человѣчество! Оно даже не имѣетъ утѣшенія сѣтовать о своихъ страданіяхъ, а напротивъ должно радоваться и, слушая нѣмецкихъ и всяческихъ философовъ, что всѣ эти пожары, грабежи, избіенія—все это къ лучшему. Не цѣлесообразнѣе было-бы этимъ мыслителямъ совѣтовать своимъ гражданамъ меньше проливать крови, грабить и всячески свирѣпствовать въ угожденіе своему Бисмарку, который, чего добраго, ихъ-же самихъ закуетъ въ цѣпи, а разбить ихъ имъ опять помогутъ развѣ тѣ-же французы, если уцѣлѣютъ.

25. Пятница. Прекрасны слова Лагарпа: „обманывать людей можно и съ малымъ умомъ, но просвѣщать ихъ трудно и съ большимъ“.

Почему Гогенцоллерны будутъ лучше для человѣчества, чѣмъ Наполеоны? Эти похищали власть и думали поддерживать ее желѣзомъ и кровью, а тѣ развѣ иначе достигаютъ ея? Власть—все власть: одинъ возносится на высоту, другой старается его низвергнуть съ нея, чтобы самому занять его мѣсто, а иные глубокіе мыслители видятъ въ этомъ великія идеи и громадныя успѣхи прогресса—въ будущемъ. Сдается, что они употребляютъ умъ на выработку тумана для омраченія здраваго смысла, а будущее само за себя похлопочетъ и сдѣлаетъ все по своему.

29. Вторникъ. Актъ въ академіи наукъ. Я по обыкновенію читалъ обозрѣніе дѣйствій втораго отдѣленія за истекающій годъ. Прочиталъ хорошо—громко. Публика была довольна, само собою разумѣется, и тѣмъ, что я читалъ всего тридцать три минуты. Потомъ академики собрались на обычный годовой обѣдъ

къ Донону, въ томъ числѣ и герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. Онъ былъ очень милъ и любезенъ и образовалъ около себя небольшой отдѣльный кружокъ. Тутъ были: Овсянниковъ, Бутлеровъ, Гротъ, Безобразовъ, (Андрей Парфенов.) Заблоцкій, въ качествѣ нашего почетнаго члена, и я. Вернулся домой около десяти часовъ вечера.

31. Четвергъ. Конецъ 1870-го года.

А. В. Никитенко.

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ІОРДАНЪ [1]

въ 1850—1853 гг.

Семь его писемъ въ Римъ къ художнику А. А. Иванову.

Имя Ѳедора Ивановича Іордана неразрывно связывается съ двумя другими вѣчно достопамятными и любезными именами: Александромъ Андреевичемъ Ивановымъ и Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ. Всѣ трое долго жили въ Римѣ; всѣ трое съ необычайною любовью трудились въ стѣнахъ вѣчнаго города надъ созданіемъ своихъ излюбленныхъ твореній. Картина „Явленіе Христа", поэма „Мертвыя души" и гравюра „Преображеніе"—всѣ имѣютъ одну общую родину—Италію, Римъ. Всѣ три художника встрѣтились въ стѣнахъ „вѣчнаго города"; ихъ взаимная дружба скрѣплялась одинаковыми симпатіями къ искусству, красотѣ, любовью къ Италіи и одинаковымъ стремленіемъ къ совершенствованію своихъ созданій. Ѳ. И. Іорданъ, такъ-же какъ и Гоголь и Ивановъ, долго трудился надъ своею гравюрою „Преображеніе": онъ работалъ надъ ней больше 15-ти лѣтъ! Судьба его произведенія была такая-же печальная, какъ и судьба картины „Явленіе Христа".

Весной 1850 года Ѳ. И. Іорданъ везетъ свою оконченную ра-

---

[1]) Ѳ. И. Іорданъ — профессоръ гравированія и ректоръ живописи и ваянія въ Петербургской Академіи Художествъ. Родился 13-го августа 1800 г., умеръ — 19-го сентября 1883 г. въ Петербургѣ. (Интересныя записки Ѳ. И. Іордана напечатаны въ „Русской Старинѣ" изъ 1891 г., 6 кн.).

боту въ Петербургъ къ соотечественникамъ, гдѣ — какъ онъ слышалъ, какъ ему писали,—его ждутъ, нетерпѣливо желаютъ видѣть его работу. И вотъ въ маѣ онъ въ Петербургѣ, съ нимъ 300 экземпляровъ его гравюры; онъ выставляетъ на судъ общества и государя свое „Преображеніе". Его встрѣчаетъ тотъ-же пріемъ, тѣ-же несбывшіяся надежды тяжелою тоскою ложатся на душу художника, какъ и при появленіи на родинѣ картины Иванова. Императоръ Николай не пріобрѣлъ ни одного оттиска и не наградилъ ничѣмъ [1]) за долгій, изъ ряда вонъ выходящій по совершенству и добросовѣстности, трудъ,—трудъ, который въ художественномъ мірѣ западной Европы произвелъ восторгъ. Общество петербургское не заинтересовалось гравюрою... художника не ждали... онъ никому не нуженъ.

Вернувшись въ Россію послѣ 20-ти-лѣтняго пребыванія за-границею и встрѣтивъ такой холодный пріемъ своему дорогому труду, Іорданъ чувствуетъ себя на родинѣ далеко не по-себѣ—„такъ здѣсь холодно—и въ воздухѣ, и въ обществѣ, холодно и душѣ, и тѣлу: темно, сыро, холодно и скучно"... [2]). Неустойчивая петербургская зима, дождливая и темная осень въ конецъ опечаливаютъ художника и еще меньше оставляютъ надежды на примиреніе съ родиною, на возможность забыть когда-нибудь дорогую Италію, чудный Римъ, перестать скучать объ его ясной лазури, волшебномъ солнечномъ свѣтѣ и дружеской, товарищеской бесѣдѣ въ кафе Луиджи. Не смотря на свою природную мягкость и доброту, Іорданъ бранитъ Петербургъ съ его вѣчными сумерками и тоскуетъ, какъ дитя, по Италіи. Но ни одними только сумерками недоволенъ художникъ, а всею совокупностью непріятнаго: и недостачею денегъ, и невозможностью получить мѣсто, и неимѣніемъ заказовъ... Однимъ словомъ, все было не то въ Петербургѣ, чего онъ ждалъ. Если-бы не старушка Москва съ своимъ радушіемъ и неизмѣннымъ вниманіемъ къ произведеніямъ изящнаго, долго-бы пришлось лежать оттискамъ „Преображенія" въ портфелѣ художника. „Москва, добрая матушка Москва, по словамъ Рихтера, обѣщается дать мнѣ нѣсколько подписчиковъ; въ Петербургѣ-же совершенно ничего, почему и долженъ быть весьма осторожень въ издержкахъ" [3]).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 22-го января 1851 года онъ уже

---

[1]) „Русск. Старина" изд. 1891 г. томъ LXXII, записки Ѳ. И. Іордана, стр. 627--630.

[2]) Письмо Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову отъ 2-го октября 1850 года. Рукопись Моск. Рум. Музея № 2,202.

[3]) Письмо Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову безъ даты. (Тамъ-же).

радостно сообщаетъ своему другу и товарищу въ Римъ: „Странно, я ужасался моему количеству оттисковъ „Преображенія“, теперь-же оказалось, что ихъ не достанетъ... Добрый Рихтеръ и вообще Москва были большимъ меценатомъ моему дѣлу. Вчера посѣтилъ меня секретарь Общества Рѣзвый и сказалъ, что члены Общества потребуютъ около пятидесяти экземпляровъ, а негдѣ взять. Весьма радъ, что лучшіе оттиски останутся дома, и я поѣду порожнемъ въ Римъ, гдѣ мнѣ нужно будетъ отпечатать по крайней мѣрѣ 300 экземпляровъ, ибо съ Академіею вовсе еще не расплатился“ [1]).

Но и неожиданный успѣхъ оттисковъ „Преображенія“ не въ силахъ вытравить изъ души тоску по милой Италіи, не въ силахъ вытравить влеченія къ ея вѣчнымъ красотамъ и чудному солнцу. Іорданъ не перестаетъ скучать, проживши въ Петербургѣ цѣлыхъ два года: „Ахъ, какъ скучно, скучно, скучно! Какъ бы къ вамъ попить по утрамъ aqua cetosa, вечеромъ за Porta-Pia, посмотрѣть вашъ красивый народъ, полюбоваться вашею зеленью и небомъ!“ [2]).

По мнѣнію Ѳ. И., для художника на землѣ есть только одна родина, гдѣ онъ дѣйствительно у мѣста и гдѣ его искусство дѣйствительно можетъ процвѣтать и развиваться — это Италія: „для воина—Кавказъ, для художника—Италія“ [3]). „О, Италія! о, Римъ! И солнце, и земля твоя созданы для художника!“ [4]). А Петербургъ... Въ Петербургѣ „ужасъ какъ темно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; вы себѣ не можете дать даже идеи, только что теперь (въ генварѣ) начинаетъ разсвѣтать, да и то отъ снѣга и отъ тумана все имѣетъ фальшивый свѣтъ; нельзя не вспомнить Рима или Италіи безъ сердечнаго прискорбія. Теперь пошли холода въ 15 или 16 градусовъ. Ледъ трещитъ. Я сшилъ себѣ временный зипунъ или архалукъ, въ родѣ огромнаго одѣяла съ неимовѣрнымъ количествомъ ваты, — тяжесть ужасная, и всѣ удивляются, какъ я гуляю въ немъ, ибо они называютъ его лѣтнею одеждою; говорятъ, надобно имѣть шубу, я-же отвѣчаю, что шуба будетъ мнѣ стоить осьмимѣсячнаго райскаго пребыванія въ San-Vito у sera Marnicetta; хотя и подрогну, но зато лѣто di S. Vito согрѣетъ меня“ [5]).

Но съ успѣшною распродажею оттисковъ своей гравюры нахмуренное чело художника понемногу начало освѣщаться его обычною веселою улыбкою, которая въ Римѣ была его неотъемлемою при-

[1]) Москов. Румянц. Музей, рукопись № 2,202.
[2]) Письмо отъ 4-го мая 1852 г. (Тамъ-же).
[3]) Письмо отъ 17-го іюля 1852 г. (Тамъ-же).
[4]) Письмо отъ 3-го сентября 1852 г. (Тамъ же).
[5]) Письмо отъ 22-го января 1851 г. (Тамъ же).

надлежностью и обладала силою притяженія; непріятныя впечатлѣнія понемногу теряли свой острый характеръ, и если положеніе въ сущности не измѣнилось вполнѣ къ лучшему, то само петербургское общество, ближе ознакомившееся съ прекрасною личностью художника, который бы̀ъ замѣчателенъ, какъ талантливый и остроумный собесѣдникъ, замѣчательный разсказчикъ, — общество оцѣнило въ немъ человѣка, и полюбило его. Несомнѣнно, это должно было хотя нѣсколько залѣчивать тоску по Италіи, уда Ө. И. не переставалъ стремиться. И мы видимъ, что уже къ концу года онъ понемногу начинаетъ находить петербургское общество весьма пріятнымъ, прибавляя, что не требуется только трогать Рима: „Петербургъ начинаетъ нравиться,—народъ удивительный, съ сердцемъ въ рукахъ; общества весьма пріятныя, даже удивительный женскій полъ, съ удивительною наружностью, ласковый пріемъ съ тонкою улыбкою, только не требуется трогать Рима и его окрестностей, — одно воспоминаніе наводитъ скорбь и уныніе, будучи съ нимъ въ разлукѣ“ [1]).

Съ самыхъ первыхъ дней пріѣзда на родину—съ мая 1850 г.— Ө. И. Іорданъ ведетъ частую переписку съ своимъ другомъ и товарищемъ—художникомъ А. А. Ивановымъ. Эта переписка продолжается вплоть до желаннаго возврата знаменитаго гравера подъ синее небо Италіи—до весны 1853 года.

Извѣстно, что Ивановъ каждый годъ, съ наступленіемъ лѣта, покидалъ свою студію въ Римѣ для окрестностей Вѣчнаго города или же уѣзжалъ въ окрестности Неаполя или на островъ Искію. Такъ было и въ 1853 г. Но Іорданъ могъ-бы еще застать своего друга, если-бы проѣхалъ прямо въ Римъ, а онъ на этотъ разъ мѣстомъ для своей мастерской выбралъ Флоренцію, откуда и написалъ первое письмо по пріѣздѣ къ Иванову — отъ 18 апрѣля 1853 года, гдѣ говоритъ: „Я увѣренъ, А. А., что не похвалите мой поступокъ, но время и вамъ то покажетъ, и сами тогда увѣритесь въ моей истинѣ; впрочемъ, я отпущенъ только на шесть мѣсяцевъ, и время покажетъ—могу-ли я вновь обвыкнуться съ любимою мною страною—Италіею“... [2]).

Но и въ декабрѣ этого года мы его видимъ еще во Флоренціи,— онъ продолжаетъ еще оттуда переписываться съ Ивановымъ. Изъ обширной корреспонденціи Іордана съ Ивановымъ сохранилось въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ музеѣ около 40 писемъ и, ме-

---

[1]) Письмо отъ 19 сентября 1850 г. (Тамъ-же).

[2]) Тамъ-же.

жду прочимъ, одно письмо изъ Москвы о томъ радушномъ пріемѣ, какой сдѣлала граверу старушка Москва. Она такъ понравилась Ѳ. И. своимъ радушіемъ, хлѣбосольствомъ, своеобразною архитектурою церквей, кремлевскимъ видомъ, что передъ возвратомъ въ Италію онъ заглянулъ въ нее еще разъ. И опять остался доволенъ. У него мелькало даже разъ желаніе совсѣмъ перебраться въ Москву.

Н. В. Гоголь, составлявшій нѣкогда вечернее trio въ кафе Луиджи, у всѣмъ извѣстнаго теперь „Фальконе", съ обоими художниками, нерѣдко упоминается въ письмахъ Іордана. А письмо отъ 19-го марта 1852 года, вызванное внезапною смертью Николая Васильевича, почти всецѣло посвящается ему, изліянію той непритворной горести, которую вызвала въ душѣ Іордана внезапная, поразившая его вѣсть о смерти. Въ этомъ письмѣ онъ довольно подробно сообщаетъ о похоронахъ и досадливо, съ горечью, упоминаетъ о Булгаринѣ, „который еще въ день смерти ругалъ его (Гоголя) произведенія"... [1]). Все письмо чрезвычайно любопытно. Потому это письмо вмѣстѣ съ первымъ письмомъ изъ Петербурга, съ письмомъ изъ Москвы, съ двумя письмами изъ второй поѣздки въ Италію, собственно изъ Флоренціи, и еще двумя письмами съ родины, привожу ниже, какъ образчики любопытной обширной переписки двухъ друзей,—переписки, начатой уже на склонѣ лѣтъ. Ѳ. И. Іордану было уже около 50-ти лѣтъ, когда онъ началъ писать названныя письма, — а между тѣмъ сколько жизни, подвижности, ума, сердца! Сколько теплоты, молодости чувствуется въ ихъ строкахъ, — это какъ-бы сама никогда не старѣющая, не увядающая юность!

Во всей перепискѣ разсыпано много остроумія, теплоты и крайняго добродушія автора. Въ Іорданѣ-художникѣ не видимъ и тѣни того мелкаго самолюбія, которое нерѣдко бываетъ спутникомъ не только маленькихъ, но и большихъ талантовъ.

Сообщая своему другу новости изъ художественнаго міра, упоминая о появленіи чуть не каждой новой картины, новой статуи русской школы, Ѳедоръ Ивановичъ несказанно радуется открытію каждаго новаго таланта. Въ какое умиленіе онъ приходитъ отъ портретовъ Зарянко или пейзажей Лагоріо! Какъ радуется каждому новому произведенію искусства, хотя-бы его творцомъ былъ совсѣмъ неизвѣстный художникъ. „Нынче на экзаменѣ (въ Академіи Художествъ)—пишетъ онъ Иванову—былъ Маркова портретъ

---

[1]. Письмо отъ 19-го марта 1852 г. (Тамъ-же).

въ скульптурѣ,—вещь удивительная! Признаюсь—вещь ватиканская, вылѣплена на имя вольнаго художника какимъ-то Бахомъ,—финляндцемъ—сходство и лѣпка удивительныя! У меня на столѣ находится оттискъ. И, признаюсь, восхищаюсь“ [1]).

Зато какая скромность по отношенію къ себѣ, къ своимъ работамъ! „Несчастный граверъ“, „мѣдирѣзъ“—инымъ названіемъ онъ себя не называетъ. Много горькаго юмора сквозитъ въ строкахъ, когда онъ касается судьбы гравюры въ Россіи. Но когда фотографія вздумала было войти въ состязаніе съ его любимымъ искусствомъ, когда фотографія выступила впервые какъ-бы на бой съ гравюрою, онъ полонъ негодованія! Онъ негодуетъ на дерзость механизма. осмѣливающагося оспаривать святой огонь искусства и вступать съ нимъ въ состязаніе: „Все, что сдѣлано механикою,—есть механическая вещь, а не художественная; все, что сдѣлано умомъ или воображеніемъ художника, въ какомъ-бы то ни было родѣ, если совершенно,—то это есть произведеніе Божества, ибо человѣкъ носитъ ликъ Божій, фотографъ-же носитъ на себѣ ликъ Дагерра или другаго accidente“ [2]).

Новости художественнаго міра столицы, новости изъ жизни Академіи составляютъ собственно главный матеріалъ содержанія писемъ, и только рядомъ съ нимъ, какъ бы въ промежуткахъ, размѣщается масса взаимныхъ порученій, касающихся денежной части обоихъ художниковъ.

Письма прекрасно рисуютъ талантливую, до женственности мягкую и въ высшей степени симпатичную личность художника, потому я увѣрена, что и приводимыя ниже семь писемъ будутъ прочтены съ удовольствіемъ и интересомъ, не смотря на сохранившіеся мѣстами въ рѣчи слѣды чужаго языка. Живя такъ долго за-границею вообще, и въ особенности въ Италіи, Ө. И. Іорданъ не могъ уберечься отъ вліянія иностранной рѣчи; нѣкоторыя слова, обороты въ его письмахъ съ перваго раза кажутся какъ-бы непонятными: онъ часто, напримѣръ, употребляетъ слово „который“, „которое“, вмѣсто „что“ и „это“,—употребляетъ итальянскія слова, а иногда и цѣлыя итальянскія фразы... Но съ дальнѣйшимъ пребываніемъ на родинѣ эти слѣды долгой заграничной жизни мало-по-малу сглаживаются и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ.

Е. С. Некрасова.

---

[1]) Письмо отъ 19-го сентября 1850 г. (Тамъ-же).

[2]) Письмо отъ 20-го января 1853 г. (Тамъ-же).

Письма Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову [1]).

I.

С.-Петербургъ, 29-го мая 1850 г.

Любезнѣйшій Александръ Андреевичъ! Извините меня, что до сихъ поръ вы остались безъ моихъ извѣстій. Basta, если вамъ скажу, что я въ Петербургѣ,—которое [2]) уже довольно, чтобы извинить мое молчаніе, въ шумномъ и хлопотливомъ Петербургѣ, куда пріѣхалъ, какъ художникъ. Вы тотчасъ скажете: „зачѣмъ пріѣхалъ? зачѣмъ торопился оставить ввѣкъ незабвенный Римъ! Никому вы не нужны, и о художествѣ вовсе не помышляютъ". — Сдѣлавъ поѣздку весьма счастливо до Анконы и сѣвъ на пароходъ, я со слезами прощался съ счастливою Италіею. Пріѣхалъ въ Тріестъ, немедленно отправился въ Вѣну, гдѣ послѣ двухдневнаго пребыванія отправился чрезъ Варшаву на родину въ Петербургъ, куда прибылъ послѣ 18-ти-дневнаго путешествія и остановился у моего профессора Н. И. г. Уткина [3]) и у коего нахожусь до сихъ поръ. По пріѣздѣ посѣтилъ любезнѣйшую сестрицу Ѳ. Ѳ. Моллера [4]) и остался восхищенъ какъ пріемомъ, такъ и любезностью симъ небеснымъ существомъ; три раза прощался и три раза вновь оставался, дабы приложиться къ ея ангельской рукѣ. Поблагодарите и поклонитесь любезному Ѳедору Ѳедоровичу [5]), просите, чтобы онъ сохранилъ мой кладъ банка Боргезіева [6]), ибо будущій годъ—если не ранѣе, надѣюсь быть въ Римѣ, ибо Римъ есть жизнь и смерть художника, т. е. утро, полдень, вечеръ и, наконецъ, вѣчное успокоеніе. Петербургъ по привычкѣ васъ зазоветъ и говоритъ вамъ, что нужны. Какъ глупецъ или какъ неопытный, вы пріѣзжаете — и что-же находите? что вовсе ненужны. По крайней мѣрѣ, такъ поступлено со мною. Три недѣли, какъ шляюсь по улицамъ, все по пустому, и смертная печаль гонитъ изъ глазъ невольную слезу. Четыре художника украшены титуломъ превосходительнаго: графъ Толстой, В. Н. Шебуль, К. А. Тонъ, съ лентою и арендою, и

---

[1]) № рук. 2,202 (Московск. Публ. Румянц. музей).

[2]) Т. е. „и этого".

[3]) Н. И. Уткинъ, профессоръ гравированія въ Академіи художествъ.

[4]) Ѳ. А. (а не Ѳ. Ѳ.) Моллеръ—художникъ, жившій тогда въ Римѣ.

[5]) Должно быть, Ѳедору Антоновичу?

[6]) Въ банкѣ Боргезіо у Ѳ. И. Іордана лежала нѣкоторая сумма денегъ, билетъ или книжку на которую онъ оставилъ у Ѳ. А. Моллера въ Римѣ.

А. П. Брюловъ, А. Т. Марковъ, съ Анною на шеѣ, и все живется en grand ton. Былъ на именинахъ у К. А. Тона, на дачѣ, выстроенной въ швейцарскомъ вкусѣ; отличный обѣдъ на 100 человѣкъ съ бандою кавалергардской музыки; затѣмъ обѣдъ у П. В. Басина [1]), гдѣ изобиліе и отличный вкусъ украшали столъ у нашего собрата художника. Впрочемъ, все въ разъѣздѣ, всѣ живутъ на дачахъ,— которое [2]) крайне мнѣ прискорбно, ибо ничѣмъ не могу кончить мои дѣла. Е. с. князь П. М. г. Волхонскій принялъ меня весьма ласково, но безъ государя не могъ ничѣмъ обнадежить. Я въ ожиданіи избралъ себѣ картину нашего земляка Угрюмова: Янъ Усмовичъ—„Испытаніе его силы надъ быкомъ". Если не придется гравировать, то, по крайней мѣрѣ, буду занятъ рисункомъ.

Я посѣтилъ вашу наилюбезнѣйшую племянницу. Она съ сердечнымъ удовольствіемъ говорила о своихъ братцахъ и ждетъ съ нетерпѣніемъ вашего возвращенія. Я всѣмъ говорю, что вы будете къ намъ на будущій годъ [3]).

Былъ въ церкви Исакія. Бездна странныхъ чувствъ послѣ Рима, особенно живописи; однако, ужасъ, что намалевано, все на скорую руку и все на короткое время; ибо, будучи въ церкви съ г. Басинымъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что плечо одной изъ его фигуръ отпало, на что онъ мнѣ возразилъ, что это уже не въ первый разъ. О моей поѣздкѣ въ Москву все еще не рѣшаюсь, ибо прежде желаю представить государю мою работу. Слышалъ отъ г. Скотти [4]), что Н. В. Гоголь находится въ Москвѣ, что Рихтеръ [5]) весьма успѣшно занимается, кавалеръ св. Анны на шеѣ и статскій свѣтникъ. — О климатѣ скажу, что, при всей жарѣ, ношу ежедневно пальто или шинель и что, при всей жарѣ, я все зябну и льщу себя надеждою при окончаніи моего рисунка возвратиться опять въ Римъ.

Я повторяю мою просьбу къ любезнѣйшему Ө. А. г. Моллеру, чтобы онъ поберегъ мои билеты банка Боргезе, Сузѣ [6]) поклонитесь, я говорилъ объ ономъ с и нс пекторомъ, т. е. о дѣтяхъ, съ графомъ Толстымъ и В. И. Григоровичемъ [7]), только они, кажется,

[1]) П. В. Басинъ—художникъ.

[2]) Авторъ часто употребляетъ слово „которое" вмѣсто что.

[3]) Какъ извѣстно, А. А. Ивановъ вернулся въ Россію только черезъ 8 лѣтъ—въ 1858 году.

[4]) Скотти—художникъ.

[5]) Рихтеръ, издавшій „Церковныя древности Россіи".

[6]) Суза—итальянка, хлопотавшая о казенномъ содержаніи своихъ дѣтей послѣ смерти художника К., съ которымъ были прижиты дѣти.

[7]) В. И. Григоровичъ—конференцъ-секретарь академіи художествъ. О немъ въ дальнѣйшей перепискѣ Іорданъ дѣлаетъ самый теплый отзывъ: „Онъ

знать не хотятъ, по крайней мѣрѣ то видно изъ ихъ разговоровъ, и говорили, чтобъ она старалась имѣть дѣло съ нашимъ посольствомъ. Итакъ, до свиданія, любезный Александръ Андреевичъ, восхищайтесь послѣдніе мѣсяцы вашего пребыванія въ Римѣ, коего отсутствіе привыкшему неумолимо, и вы вздохнете, и вы найдете себя сиротою художественнаго рая. Поцѣлуйте отъ меня вашего братца [1]). Надѣюсь, отправлюсь вновь къ милой вашей племянницѣ.

Прощайте, будьте здоровы и счастливы

Ѳедоръ Іорданъ.

Адресъ: на Васильевскій островъ, въ имп. Академію художествъ, на квартиру г. проф. Уткина.

II.

Представьте себѣ, любезный Александръ Андреевичъ, видѣвъ Парижъ, Лондонъ и сдѣлавшись, наконецъ, гражданиномъ и солдатомъ Рима [2]), нахожусь, наконецъ, въ безсмертной матушкѣ Москвѣ и пишу къ вамъ въ домѣ и обществѣ любезнѣйшихъ нашихъ друзей, съ теплою московскою душою—братцевъ гг. Боткиныхъ.— Принятъ отлично и восхищенъ моимъ посѣщеніемъ; на каждомъ шагу что-то необыкновенное, что-то вовсе до сего времени невиданное, храмы съ удивительнымъ разнообразіемъ и богатствомъ, и обогащенные драгоцѣнными останками святыхъ мощей; самъ народъ носитъ прекрасныя черты славянской красоты. Не могу описать тѣ удивительныя головы, которыя встрѣчались и встрѣчаются въ Москвѣ, какъ и во время путешествія, однимъ словомъ, красавцы. Сожалѣю, что избралъ ненастное время и къ тому великій постъ. Москвичи-же добрые, богомольные, слѣдственно отъ колоколовъ (звона) до высшаго сословія—скромность въ поступкахъ и для умерщвленія плоти хранятъ въ строгости закономъ православія предписаннаго постъ.

одинъ, признаюсь, принялся довольно тепло за мое дѣло, и одни ласковыя его слова заставляютъ меня бодрствовать и надѣяться на хорошій результатъ". (Письмо отъ 4-го августа 1850 г. Рукопись Рум. Музея № 2,202). „Григоровичъ не человѣкъ —а божество, говорится въ другомъ письмѣ (отъ 2-го октября 1850 г.). Подобной теплоты души не видалъ".

[1]) Сергѣя Андреевича, жившаго въ Римѣ вмѣстѣ съ А. А. Ивановымъ.

[2]) Намекъ на то, какъ во время движенія Италіи въ концѣ 1840-хъ гг. Іордана, какъ давно живущаго въ странѣ, хотѣли было заставить стать въ ряды войска.

Вотъ, душа, все, что могъ сказать вамъ то, что могъ замѣтить или слышать о святой матушкѣ Москвѣ. Вскорѣ получите другое и поподробнѣе. И такъ, будьте здоровы и шлю изъ нутри сердца Россіи радостное „Христосъ Воскресе!" Братцу вашему мое почтеніе. Весь вашъ Іорданъ.

III.

Страстная пятница, 6-го апрѣля 1851 г.

Я только что возвратился изъ Москвы, и остался ею доволенъ, и восхищенъ; приняли меня съ Айвазовскимъ отлично, дали публичный обѣдъ, коему причиною были добрые профессора: гг. Погодины и Шевыревы [1]). Дай Богъ имъ здоровья! Вслѣдствіе чего и продажа эстамповъ [2]) пошла для меня повыгоднѣе. Былъ на лекціяхъ и восхищался Грановскимъ и Шевыревымъ; всѣ спрашивали о васъ, о вашемъ трудѣ и ждутъ съ нетерпѣніемъ возврата. Г-на Чижова я засталъ только что предъ его отъѣздомъ къ себѣ на свои плантаціи шелка. Жаль, не было Н. В. Гоголя, тѣмъ болѣе, день нашего обѣда, 19-е марта, былъ день его рожденія и вступленія побѣдоноснаго россійскаго войска въ Парижъ. Сколько событій въ одинъ день! Остановился я у Рихтера, у котораго премиленькая женочка и четверо ангеловъ-дѣтей; живетъ въ собственномъ отличномъ домѣ, прекрасный экипажъ, Анны на шеѣ и статскій совѣтникъ; только ему болѣе хотѣлось-бы быть въ Петербургѣ. Въ тамошней академіи ученики дѣлаютъ большіе успѣхи. Скотти всѣмъ завидуетъ и весьма прилеженъ и все смотритъ въ Италію. Рамазановъ [3])—молодецъ: пьетъ, поетъ, играетъ, стихи пишетъ и очень хорошо работаетъ. Логоновскій [4]) добръ какъ прежде, съ премилою женою, въ ожиданіи наслѣдника, съ удивительнымъ домомъ въ 200,000 р., отлично меблированнымъ, и съ работою, огромнымъ барельефомъ, весьма прилежно работаетъ. Москва восхитительна! Видъ изъ Кремля божественный — виды Рима, Неаполя, Венеціи — все, все уступаетъ, кромѣ Константинополя. Гостепріимство невѣроятное, калачи, растегаи, селянки и уха—баснословные, — такъ хороши.

---

[1]) А также надо прибавить и проф. Грановскій („Русск. Арх." 1883 г., 6 кн. Ө. И. Іорданъ).

[2]) Т. е. гравюры „Преображенія".

[3]) Рамазановъ—художникъ.

[4]) Логоновскій —художникъ.

Теперь поговоримте о дѣлѣ. Вы мнѣ не отвѣчали на мое послѣднее письмо, въ которомъ сказано, что деньги отъ mad. фонъ-Моллеръ [1]) мною получены—1,500 р. сер., которые вычтите изъ оставленныхъ мною у г. Моллера денегъ, и если желаете взять и остальныя, т. е. перевести, дабы получить изъ вашихъ, то дѣлайте, пока онѣ къ вамъ еще не пересланы, ибо у В. А. Моллера [2]) я еще съ пріѣзда не былъ, то и не знаю, имѣлъ-ли онъ отъ васъ письма по сему дѣлу, ибо мнѣ слѣдовало уже получить отвѣтъ на писанное мною къ вамъ письмо прежде отъѣзда въ Москву, гдѣ прошу—не желаете-ли получить и остальную часть моихъ денегъ, приказавши ихъ выдать здѣсь въ Петербургѣ, ибо я боюсь, что Рима мнѣ не видать, какъ своихъ ушей, а въ деньгахъ нуждаюсь. Сожалѣю, что Ѳ. А. Моллеръ мнѣ совсѣмъ не пишетъ, я-бы писалъ, если-бы зналъ его адресъ,—упомяните объономъ въ вашемъ письмѣ. Сестрица его Амалія Антоновна такъ мила и такъ гостепріимна ко мнѣ, что мнѣ весьма благодарить, по крайней мѣрѣ, братца, виновника сей для меня большой чести и удовольствія. У насъ выставка рѣдкимъ вещамъ имѣла хорошій успѣхъ, много собрано денегъ, ибо весьма много богатыхъ, любопытныхъ и отличныхъ вещей. Погода стоитъ удивительная—просто, лѣто! Тепло и свѣжо, только холодъ все продуваетъ и ледъ держится на Невѣ.

Жаль, что я былъ въ Москвѣ въ самое несносное время, три недѣли поста; грязь по колѣно, чистота улицъ преплохая и тротуары—cosi, cosi. Наружность церквей удивительная, внутренность-же — весьма часто самая неудовлетворительная. Познакомился съ знаменитымъ генераломъ Ермоловымъ, съ нимъ обѣдалъ и, принесши тостъ его здоровью, высказалъ малую рѣчь, и старикъ послѣ обѣда подарилъ меня поцѣлуемъ. Удивительная голова и удивительная память! Помнитъ Римъ какъ на яву, а самъ былъ не позже, какъ въ 1795 году, при Піи VI. Помнитъ Альбано, Фраскати, а болѣе всего Тиволи. У насъ сегодня заданы были программы для золотой медали на сентябрь мѣсяцъ. Историческихъ: Первые мученики христіанства и всемірный потопъ; другихъ программъ не знаю. Не знаю, придется-ли увидаться въ Римѣ нынѣшнее лѣто,—день и ночь думаю о немъ. Здѣсь вовсе нельзя работать,—бездна развлеченій,—можетъ быть, уѣду въ Кіевъ или въ Москву, куда [3]) надѣются или желаютъ

[1]) Отъ матери художника Ѳ. А. Моллера.
[2]) Брата Ѳ. А. Моллера—въ Петербургѣ.
[3]) Т. е. гдѣ.

открыть школу гравированія и хотятъ пригласить меня профессоромъ, только все-таки какъ ледъ тронется на Невѣ и увижу корабли начну проситься въ Италію; надѣюсь, можетъ быть, пустятъ, ибо здѣсь граверовъ вовсе не нужно. И такъ, прошу дать мнѣ отвѣтъ насчетъ перевода денегъ,—согласны-ли вы будете или нѣтъ, дать счетъ оставшимся моимъ деньгамъ, причисливъ къ онымъ взятыя Ѳ. А. Моллеромъ, который, я увѣренъ, такъ честенъ, что все возвратитъ съ точностію!

Христосъ воскресе!

Цѣлую васъ, братца, Андрей Андреевича [1]) и всѣхъ спрашивающихъ о мнѣ.

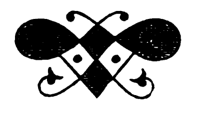
Будьте здоровы и благополучны. Весь вашъ и навсегда

Ѳедоръ Іорданъ.

Только-что намѣревался запечатать мое письмо, получаю ваше отъ 29-го марта и удивляюсь, что вы мое послѣднее письмо еще не получили, въ которомъ я извѣщаю, что мною получено отъ В. А. Моллера 1,500 р. сер. Вы не сердитесь на нихъ — они пречестнѣйшіе люди. Вы пользуйтесь вполнѣ моими деньгами и переведите остальное на Петербургъ. Меня удивляетъ только, что всѣ-ли тутъ деньги, т. е. и деньги, взятыя въ долгъ Ѳ. А. Моллеромъ, т. е. изъ оставленныхъ 2,000 скудъ. Съ полученіемъ прежде отъ васъ 1,000 р. асс.,—теперь всего у меня остается 1,350 скудъ 89 б. Пожалуйста, здѣсь включаются-ли, я повторяю, деньги, взятыя изъ моихъ денегъ Ѳ. А. Моллеромъ? Я увѣренъ, все вѣрно, но мнѣ казалось, я богаче, нежели точно есть.

Ваши деньги въ самыхъ вѣрныхъ рукахъ, — насчетъ векселя С. А. [2]) братца—я зайду завтра къ В. А. [3]).

Не на той сторонѣ запечаталъ и долженъ вложить въ конвертъ; другаго-же не пишу, дабы не заставить васъ ждать или потерять другой день полученія моего письма.



[1]) Андрей Андреевичъ Пищалкинъ—художникъ.
[2]) Сергѣя Андреевича Иванова.
[3]) В. А. Моллеру.

IV.

19-го марта 1852 г.

Съ будущимъ Христосъ воскресе! поздравляю всѣхъ. Въ предъидущемъ письмѣ я только-что получилъ извѣстіе изъ „Сѣверной Пчелы“ о неожиданной, прискорбной и бѣдственной для нашей литературы потерѣ Николая Васильевича Гоголя, который столько лѣтъ былъ нашимъ другомъ счастливыхъ дней Рима и благодѣтелемъ въ предпринятыхъ нашихъ трудныхъ работахъ. Никто не предполагалъ столь раннее несчастіе; во время масляной недѣли онъ говѣлъ и пріобщился Святыхъ Тайнъ. — Подѣйствовала-ли на него святость сей великой тайны или, какъ другіе предполагаютъ, что онъ простудился, только духовная и тѣлесная боль явно оказалась опасною въ виду своихъ пріятелей, средствъ земныхъ онъ не искалъ и отказался отъ всѣхъ пособій лучшихъ врачей первопрестольной матушки, снова пріобщился Святыхъ Тайнъ и долгое время питалъ себя одною просфорою, пока насталъ роковой день 21-го февраля, въ который день добрая и святая душа его отошла въ вѣчность. Московскій университетъ немедленно взялся на свой счетъ отдать послѣдній долгъ безсмертному нашему другу. Назначено четыремъ профессорамъ безсмѣнно дежурить каждому, въ свою очередь, у гроба отшедшаго. Ими-же на рукахъ перенесено было тѣло во гробѣ въ университетскую церковь, гдѣ равномѣрно продолжалось дежурство. Стеченіе народа въ продолженіи двухъ дней было невѣроятное. Рихтеръ, который живетъ возлѣ университета, писалъ мнѣ, что два дня не было проѣзда по Никитской улицѣ. Онъ лежалъ въ сюртукѣ, вѣрно, по собственной волѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, который, при закрытіи гроба, былъ снятъ и принесъ весьма много денегъ отъ продажи листьевъ сего вѣнка; каждый жаждалъ обогатить себя симъ памятникомъ, который украшалъ во истину въ Бозѣ почившаго. Въ день похоронъ все, что только имѣло какой-либо мундиръ, у каждаго онъ былъ на плечахъ; начиная съ генералъ-губернатора, каждый старался почтить внѣшнимъ знакомъ, отдавая тѣмъ послѣдній долгъ невозвратному. Ужасное стеченіе народа всѣхъ сословій и безсмѣтное число экипажей слѣдовало за гробомъ, который на рукахъ былъ несенъ профессорами и всѣмъ почетнымъ сословіемъ до могилы въ монастырь, гдѣ его положили возлѣ почившаго нѣсколькими годами раньше Н. М. Языкова [1]). День 24-го февраля былъ день воскресный и святая

[1]) Могила Языкова находится въ Даниловомъ монастырѣ, напротивъ

Москва, которая съ строгостью исполняетъ, святитъ день субботній, въ который день совершились его похороны, и посему случаю вся Москва, празднуя какъ день воскресный, вся пустилась отдать послѣдній долгъ тому, который ихъ веселилъ и въ то-же время высказывалъ пороки многихъ; имя его и сочиненія были всѣмъ извѣстны, и это умножило стеченіе народа до невѣроятности,—мнѣ пишутъ, что подобныхъ похоронъ не запомнятъ и старики. За два дня до своей смерти, ночью, топился у него [1]) камелекъ и онъ все рвалъ и жегъ, и что-то онъ сжегъ, которое [2]) ему оказалось сдѣлано ошибочно, онъ замѣтилъ слугѣ: „Жаль, что я это сжегъ, оно могло-бы послужить пользою по моей кончинѣ", на что лакей, съ обыкновенною простотою добраго прислужника, отвѣчалъ: „Ничего, баринъ, авось, поправитесь, тогда еще лучше напишете". „Мертвыхъ Душъ" второй части не находятъ, одни говорятъ, что и это сжегъ, другіе-же говорятъ, что „онѣ" въ Петербургѣ—время покажетъ.

Ничего не оставилъ, за нѣсколько дней до кончины онъ отослалъ къ сестрѣ 500 р.;—родныхъ никого не оказалось ни во время болѣзни, ниже при похоронахъ, такъ что онъ скончался въ Москвѣ, какъ нашъ братъ умираетъ въ Римѣ. Истинный талантъ сродняетъ, впрочемъ, со всею вселенною, и, я увѣренъ, каждый уголокъ, гдѣ-бы онъ ни былъ, узнавъ о смерти Николая Васильевича, вздохнетъ и пожелаетъ отъ души царствія небеснаго, кромѣ подлеца Булгарина, который еще въ день смерти ругалъ его произведенія. Дай Богъ, чтобы Булгаринъ могъ встрѣтить подобное соучастіе, всѣ громогласно произнесутъ: „околѣлъ, наконецъ, сей подлецъ!" Вчера я встрѣтилъ его [3]) портретъ, литографированный съ Моллера, чрезвычайно похожій; явился и другой, когда онъ лежитъ въ гробу съ лавровымъ вѣнкомъ, вѣрно, съ рисунка Скотти; снята была также маска. Вообще говорятъ, что онъ простудился и померъ отъ внутренняго воспаленія. Отъ роду ему было 44 года. Вѣчный покой и вѣчная память, добрая и великая душа, и тысячу признательностей за пособіе, оказанное мнѣ въ трудные дни моихъ занятій надъ „Преображеніемъ".

Были письма отъ В. А. Жуковскаго, который пораженъ и скорбитъ душевно отъ плачевнаго извѣстія. Я увѣренъ — и ваша слеза горячая, слеза искренней дружбы и признательности льется

могилы Н. В. Гоголя, на которой стоятъ не одинъ, а два памятника: одинъ въ видѣ гробницы, другой крестъ.

[1]) Т. е. у Н. В. Гоголя.

[2]) Т. е. „такое, что".

[3]) Т. е. Николая Васильевича Гоголя.

надъ другомъ, къ которому вы такъ искренно были привязаны съ перваго дня вашего свиданія и знакомства. Миръ, миръ праху его!

Новые пенсіонеры, архитекторы Штельбсъ, и Брюловъ, и живописецъ историческій Крюковъ готовятся къ вамъ въ Римъ; что-то будетъ съ Крюковымъ, который съ талантомъ, но не имѣетъ наклонности Рамазонова — жаль, если онъ исчезнетъ, поберегите его, хотя изъ практики знаемъ, что русскаго весьма трудно поберечь. Поклонитесь Ѳ. А. Моллеру. Жаль, что онъ мнѣ не пишетъ, всему причиною проклятыя деньги, и съ братцомъ его въ полуссорѣ, ибо все еще не могу получить мои, съ трудомъ и потомъ пріобрѣтенныя сильною экономіею,—деньги,—пусть добрый Ѳ. А. его усовѣститъ, народъ богатый и пресловутый и затрудняются раздѣлаться съ бѣднымъ, полуслѣпымъ отъ работы граверомъ [1]). О вашей племянницѣ не слыхалъ ничего, въ магазинъ совѣстно идти, а такъ не видать, ибо тамъ гардины на окнахъ. Въ академіи ничего новаго. А. А. Тонъ потерялъ свою жену Юлію Ивановну, которая умерла мученицею его капризовъ; чрезвычайно богатыя похороны сдѣлалъ ей, чтобы примириться. Умерла отъ воспаленія. Скотти подалъ въ отставку, получилъ три иконостаса отъ К. А. Тона и въ Москвѣ не хочетъ болѣе жить, гдѣ нѣтъ никакой награды, что весьма жаль, ибо онъ тамъ былъ дѣльный учитель. На его мѣсто просится несчастный Живаго и Серебряковъ [2]). Кто получитъ—неизвѣстно, а можетъ быть, и Скотти только шутитъ. Я сильно страдаю глазами отъ мерзкаго климата, посмотримъ, что скажетъ лѣто, не найдутся-ли денежки, чтобы уѣхать на старое, благодатное гнѣздышко—въ Римъ. Теперь стоитъ погода мерзко-мерзкая, сырость ужасная и бездна больныхъ. Сергѣю Андреевичу мой поклонъ, будьте здоровы и благополучны, и дайте хоть два слова насчетъ вашей картины. Прощайте. Вашъ другъ Іорданъ.

[1]) Ѳ. И. Іорданъ впослѣдствіи получилъ съ Моллеровъ всѣ свои деньги до копѣйки, какъ самъ потомъ свидѣтельствуетъ.

[2]) Оба художники.

V.

11-го декабря 1852 г.

Съ праздникомъ Рождества и съ Новымъ годомъ душевно поздравляю. Меня крайне удивляетъ, Александръ Андреевичъ, долгое ваше молчаніе, неужели дрянные банковые разсчеты могли повредить старой нашей дружбѣ? О присылкѣ оставшихся по разсчету малыхъ денегъ ни слова не упоминаю, ибо живу въ надеждѣ, съ открытіемъ навигаціи, отправиться къ вамъ; все кончится въ январѣ мѣсяцѣ, ибо при поданіи въ сентябрѣ мѣсяцѣ просьбы позволенія отправиться въ Италію, я столь долгое время не получалъ на оное отвѣта, что и предположилъ себѣ окончательнымъ отказомъ, почему и принялся хлопотать о полученіи при эрмитажѣ мѣста помощника у Н. И. Уткина при кабинетѣ эстамповъ, подалъ просьбу, а въ это самое время вышло разрѣшеніе на первую мою просьбу, т. е. дано право отправиться въ Италію. Вслѣдствіе этого друзья совѣтовали мнѣ ждать рѣшенія на вторую просьбу; къ оному времени наступила ранняя зима, Нева покрылась льдомъ, прекратилась навигація и въ октябрѣ я уже сидѣлъ, какъ ракъ на мели; ожидать благопріятнаго не могу надѣяться, ибо общая жалоба теперь на сильный недостатокъ денегъ, и казенныя мѣста скорѣе стараются сокращать, чѣмъ производить новыя, мое-же мѣсто будетъ совершенно новое и сверхштатное, почему всѣ мысли мои стремятся къ вамъ, въ благословенную Италію, хотя всѣ и кричатъ, что тамъ мы мало занимаемся, а здѣсь, отъ души скажу, что и сотой доли не дѣлаемъ, сидимъ въ тѣни сѣни смертной, шумимъ, кричимъ и думаемъ, что работаемъ, а все вздоръ, все это испыталъ самъ на себѣ и откровенно скажу, что послѣ благодатнаго климата Италіи и ея свѣта трудно будетъ и вамъ заниматься.

Вамъ уже извѣстно, что академія, со смертію своего президента, была обрадована царскою милостію—назначеніемъ въ президенты е. и. в. великой княгини Маріи Николаевны — и все, что живетъ здѣсь, что только дышетъ изящнымъ, въ лестныхъ надеждахъ, и дай Богъ, чтобъ онѣ совершились!

Государь удостоилъ выставку своимъ посѣщеніемъ и пріобрѣлъ двѣ картины: Князя Макгутова „Смерть генерала Слѣпцова" и Лагаріо—„Видъ на Кавказѣ"; кромѣ онаго, заказалъ вицъ-президенту графу Ѳ. П. Толстому исполненіе его эскиза „Наяда" изъ мрамора въ натуральную величину женской фигуры.

Тѣмъ наградились и кончились всѣ ожиданія дѣтей Аполлона

за 1852 годъ. Здѣсь-же находилась прекрасная картина П. Н. Орлова—„Октябрьскій праздникъ“, но не обратила особеннаго вниманія,—но, не смотря на это, будетъ представлена на личное е. и. в. благоусмотрѣніе. Но главное несчастіе наше долговременныхъ жителей Рима, что здѣсь вовсе теряется страсть къ занятіямъ—холодно, темно; равнодушіе и скука окружаютъ васъ всюду и мысль не оставляетъ васъ: ахъ, еслибы теперь былъ въ Римѣ! Ахъ, какъ они съ улыбкою на устахъ, въ Фальконэ или у Лепре отдыхаютъ теперь отъ дневныхъ занятій, преспокойно уничтожая макароны, или красуются уткою nel umido[1])! Ты-же держишь французскій словарь и пишешь по чистописальному каталогъ эстамповъ, Imaginativi si c'é una differenza [2])? Или вы преневинно смѣетесь съ Maddeu, или восхищаетесь станомъ какой-нибудь транстеверинки, любуясь ею за безцѣнокъ въ живыхъ картинахъ. А здѣсь едва соберешься, по причинѣ холода или худой погоды, при дорогой цѣнѣ, слушать французеньку Демерикъ—прегадкое пѣніе ея въ ченерентоллѣ. E pure cosi [3])! На васъ кричатъ не въ пару, а въ четверку, зачѣмъ не оканчиваете вашей картины? Я ихъ утѣшаю: Имате терпѣніе и все кончится, время все покажетъ, умоляя ихъ, чтобы они бдили и молились, да не внидутъ во искушеніе, ибо теперь они куражутся; можетъ быть, придетъ время, что имъ придется хвосты поджать. Не знаю, писалъ-ли къ вамъ Рихтеръ—онъ хотѣлъ. Его изданіе—Россійскія древности—достойнѣйшее изданіе и дѣлаетъ ему много чести,—жалуется на малый разборъ, кромѣ того, въ Москвѣ у него мало работы;—Логановскій разбогатѣлъ — и бездна работы; Рамазановъ бѣдный имѣетъ nichts. Гоголя портретъ замолкъ [4]) и ничего болѣе не слыхать, хотя и видѣлся съ М. П. Погодинымъ, который продалъ или, лучше сказать, императоръ пріобрѣлъ его богатую коллекцію русской древности за 150 тысячъ серебромъ и онъ собирается отдохнуть, сдѣлавъ путешествіе къ Свѣтлому празднику къ Святымъ мѣстамъ. Хотятъ основать въ Варшавѣ художественный [5]), равномѣрно г. Айвазовскій намѣревается то же сдѣлать въ Ѳеодосіи. О Серебряковѣ ничего не

---

[1]) Въ водѣ.

[2]) Подумайте, нѣтъ-ли тутъ разницы?

[3]) И притомъ еще!

[4]) Послѣ смерти Н. В. Гоголя, А. А. Ивановъ писалъ В. А. Жуковскому о желаніи покойнаго Гоголя, чтобы его портретъ былъ гравированъ искусною рукою Іордана; но В. А. Жуковскій пережилъ Гоголя всего на одинъ мѣсяцъ,—а съ его смертью заглохъ совсѣмъ вопросъ о портретѣ.

[5]) Вырвано слово.

слыхать, я думаю, пользуется остатками жирныхъ крохъ отъ стола своего свояка А. В. Логановскаго. А. И. Брюловъ восхищенъ Италіею, особенно Римомъ, помолодѣлъ и пободрѣлъ. Делядевезъ недавно возвратился и я съ нимъ нѣсколько разъ уже видѣлся и дѣлаетъ il noviziato [1]), т. е. безъ работъ. Работъ особенныхъ не слыхать. Марковъ [2]) получилъ мѣсто на Фарфоровомъ заводѣ главнаго смотрителя надъ живописью. А. А. Тонъ, хотя овдовѣлъ довольно поздно, но все-таки собирается, какъ говорятъ, вновь жениться.— Не знаю, познакомились-ли вы или вашъ братецъ съ племянникомъ К. П. Брюллова и сыномъ Ө. П. Брюлло—Николаемъ Өедоровичемъ, отличный молодой художникъ съ большими дарованіями и ангельскою душою,—подарите его вашею дружбою и совѣтами, чего онъ вполнѣ достоинъ.

Всѣмъ мое почтеніе, особенно братцу и Моллеру, и пишите, если будете имѣть время. Желаю всякаго здравія и благополучія. Вашъ Ө. Іорданъ.

VI.

18-го апрѣля 1853 г.

Судьба вновь меня бросила въ Италію и вотъ уже второй день, какъ нахожусь во Флоренціи. Какъ ни старался пріучить себя къ любезному моему отечеству, спокойно находясь въ домѣ моего почтеннаго профессора [3]), кромѣ онаго окруженный искренними и достойными друзьями и съ нѣкоторымъ одобреніемъ къ моему труду, но мысль объ Италіи не исчезала даже въ самые радостные часы тамошней моей жизни. Я увѣренъ, Александръ Андреевичъ, что не похвалите мой поступокъ, но время и вамъ то покажетъ, и сами тогда увѣритесь въ моей истинѣ; впрочемъ, я отпущенъ только на 6 мѣсяцевъ и время покажетъ, могу-ли я вновь свыкнуться съ любимою мною страною Италіею. По дѣламъ моимъ останусь или надѣюсь остаться нѣсколько времени во Флоренціи; со мною находятся обѣ доски, какъ „Преображеніе“, такъ и начатая съ картины Егорова [4]). Теперь ищу квартиры, дабы основаться и начать работать. Насчетъ мѣста, какъ ни хлопоталъ, все ока-

---

[1]) Выдерживаютъ искусъ.

[2]) Марковъ—художникъ.

[3]) Профессора Н. И. Уткина.

[4]) Картина Егорова: „Истязаніе Спасителя“, съ которой дѣлалъ гравюру Іорданъ.

залось тщетнымъ, ибо общій вопль у насъ дома, что не имѣется у насъ денегъ, и мѣста скорѣе сокращаются, нежели удерживаются; при всемъ томъ народъ веселится, и общества, можно смѣло сказать, суть единственныя въ Россіи, особенно въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ съѣздилъ въ матушку Москву, дабы проститься. Всѣ объ васъ у меня спрашивали и весьма интересуются видѣть оконченнымъ вашъ трудъ, особенно достопочтенный М. П. Погодинъ, съ которымъ не худо-бы было свести переписку, ибо рѣдкій русакъ, любитъ русское, толковалъ долго о рѣдкомъ вашемъ произведеніи и просилъ свидѣтельствовать свое почтеніе. Портретъ достославнаго Н. В. Гоголя остался втунѣ. Если я здѣсь останусь, то постараюсь увѣдомить моимъ адресомъ для пересылки остальныхъ имѣющихся у васъ моихъ денегъ, ибо ошибся въ разсчетѣ моего путешествія, которое обошлось мнѣ въ ненастное нынѣшнее время весьма дорогимъ, ибо холодъ не оставлялъ меня отъ Петербурга до самой Флоренціи и гдѣ пишу къ вамъ окутанный шинелью. Не знаю, что вамъ еще сказать. Дома оставилъ все по старому. Работъ почти вовсе не имѣется и не знаю какъ, кромѣ архитекторовъ, могутъ жить художники. Живописцевъ бездна, а учениковъ еще болѣе—и къ какой жизни они себя готовятъ, Богу извѣстно. Братцу вашему мое почтеніе, ему кланяются оба Тона, какъ А. А., такъ и К. А. Скажите мнѣ, находится-ли еще въ Римѣ Н. Ѳ. Брюлло, ибо говорено было, что онъ ѣдетъ въ Парижъ; у меня имѣется малое препорученіе отъ А. П. Брюлова, которое и передамъ письменно. Дайте мнѣ поскорѣе ваши извѣстія, адресуя — poste restante. Свидѣтельствую всѣмъ мое почтеніе — какъ вамъ, братцу вашему, Ѳ. А. г. Моллеру, Н. Ѳ. Брюлову, такъ и всѣмъ соотечественникамъ. Остаюсь душевно васъ уважающій Іорданъ.

Дайте мнѣ знать число имѣющихся у васъ моихъ денегъ, ибо вновь долженъ спрягать глаголъ: тратить или выдавать.

VII.

Флоренція, 2-го мая (1853 г.).

Благодарю васъ, Александръ Андреевичъ, за отвѣтъ; потрудитесь сохранить у себя мои деньги, ибо крайней нужды не имѣю, тѣмъ болѣе при размѣнѣ ассигнаціи на звонкую монету у васъ слѣдуетъ многимъ жертвовать. Здѣсь, во Флоренціи, хотя и скучненько, но зато въ деньгахъ по крайней мѣрѣ спокойно, не зная, что значатъ ассигнаціи. Кромѣ того, собираюсь къ вамъ въ Римъ,

какъ скоро покончу дѣла. Вчера, въ первый день праздника Пасхи, русскіе собрались въ церковь Демидова, которая блеститъ богатствомъ дорогаго металла и удивительнымъ удобствомъ. Богатство освѣщенія, вся прислуга въ ливреяхъ, которые казались мнѣ камергерами; вкусное и роскошное розговѣнье—все, все перенесло меня на минуту въ Петербургъ; но за то пѣвчій, венгерскій солдатъ, мѣшалъ своимъ выговоромъ и напѣвомъ Богу молиться; подобнаго я еще не видалъ—и ему во снѣ не приснилось [1]), чтобы въ жизни его пришлось ему едва не въ царской капеллѣ, въ странѣ пѣнія, имѣя публикою, въ теченіи двухъ съ половиною часовъ, аристократію сильной державы — быть ангеломъ-вѣщателемъ всемірной радости воскресшаго Христа, раздирая и муча слухъ христіанъ, вводя ихъ въ грѣхъ отъ неудержанія смѣха. Вашъ къ услугамъ Іорданъ.

Сообщ. **Е. С. Некрасова.**

[1]) Т. е. „и ему, навѣрно, во снѣ не снилось“.

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ,

замѣтки его въ календарѣ

въ 1762 году.

Предъ нами „Санктпетербургскій календарь на лѣта отъ Р. Х. 1762 г." Спб. въ м. 8 д., изданіе Академіи Наукъ. Въ этой книжечкѣ, принадлежавшей одному изъ сыновей князя Никиты Юрьев. Трубецкаго, дѣятеля первой половины XVIII-го вѣка, встрѣчаются замѣтки кн. Трубецкаго. При всей ихъ краткости, онѣ не лишены интереса, а потому мы ихъ и сохраняемъ на страницахъ „Русской Старины" [1]).

В. М. Юзефовичъ.

Число.		Генварь.
3	1	Въ Москву въ домъ.
—	1	Въ Саратовъ къ Сапожникову.
7	2	Въ Москву въ домъ.
10	3	Въ Москву въ домъ.
—	1	Въ Елцыно.
14	4	Въ Москву въ домъ.
—	2	Въ Елцыно.
—	2	Въ Саратовъ.
17	5	Въ Москву въ домъ.

Число.		
21	6	Въ Московскій домъ.
—	3	Въ Елцыно.
24	7	Въ Москву.
—	3	Въ Саратовъ.
—	4	Въ Елцыно.
28	8	Въ Москву.
—	4	Въ Саратовъ.
30	9	Въ Москву.

---

[1]) У князя Н. Ю. Трубецкаго, 1700—1768 гг., было семь сыновей; изъ нихъ только двое—князь Петръ и князь Николай—служили въ сенатѣ. Такъ какъ князю Николаю было въ 1762 г. всего 16 лѣтъ и онъ въ этомъ году не могъ быть оберъ-прокуроромъ, то остается предположить, что замѣтки на „Календарѣ" составлены княземъ Петромъ Никитичемъ, род. въ 1724 году, бывшимъ позже сенаторомъ и умершимъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. В. В.

Число.	
7	Первой разъ присутствовалъ въ Сенатѣ оберъ-прокуроромъ.
14	Положено тѣло Ея Императорскаго Величества Елисаветы Петровны въ парадную почивальню, на кровать клали камергеры. Я былъ дежурной.
17	Епакта вольности россійскихъ дворянъ. Въ той день я въ первой разъ съ батюшкой присутствовалъ въ сенатѣ.
25	Положено тѣло Ея Величества во гробъ; въ каструмъ долорисъ клали камергеры [1]).
27	Государь изволилъ кушать у батюшки.
28	Занемогъ я простудою.

17	Его Величество присутствовалъ въ первой разъ въ Сенатѣ.
27	Его Величество кушали у батюшки вечерній столъ.

Февраль.

Число.		
4	10	Въ Москву.
—	5	Въ Саратовъ.
—	5	Въ Елцыно.
7	11	Въ Москву.
11	12	Въ Москву.
—	6	Въ Саратовъ.
14	13	Въ Москву.
—	6	Въ Елцыно.
17	14	Въ Москву.
21	15	Въ Москву.
25	16	Въ Москву.
—	7	Въ Саратовъ.
—	7	Въ Елцыно.
26	17	Въ Москву.
28	18	Въ Москву.

Число.		
—	8	Въ Саратовъ.

Разлито актамовъ венгерскаго 133 полб. да 12 бут.

3 Сегодня чрезъ герольдовъ публиковано по всѣмъ улицамъ о погребеніи Ея Величества Императрицы Е. П.

На сей сторонѣ былъ Герольдъ Андрей Андреевичъ Волковъ, а за рѣкой на всѣхъ сторонахъ Кулебакинъ.

5 День погребенія Ея Императорскаго Велич. Государыни Императр. Елисаветы Петровны. Любопытства достойнаго вещь, что тѣло до сѣхъ поръ, почитай, никакого тлѣнія подвержено не было, кромѣ устъ, и то только что почернѣли. У рукъ концы пальцевъ ссохлись, какъ у мощей, протчее тѣло натуральной бѣлизны и мягкости, только что холодно, въ суставахъ вездѣ сгибалось и ничего не окостѣло. Боже, упокой праведную душу Ея въ ложѣ Авраамлѣ! Да будетъ заступница отечеству своему и да сохранитъ его отъ всѣхъ бѣдъ! Для опасности отъ большой комодіи пушки были свезены на Неву и полки поставлены тутъ-же, чтобъ, стрѣляя изъ всего онаго залпомъ, не потрясло церкви, которая послѣ пожару вновь перестроена въ прошедшемъ лѣтѣ. Я назначенъ былъ къ шлейфу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны къ правой сторонѣ, но за болѣзнію не былъ, а вмѣсто меня былъ Строгановъ. День

---

[1]) Castrum doloris—катафалкъ подъ траурнымъ балдахиномъ.

Число.

былъ сначала пасмурной, а какъ скоро понесли тѣло, просіяло солнце и продолжалося во все время церемоній, а въ ночь сдѣлался и дождь въ четвертой день. Примѣчанія достойно: и день коронаціи былъ весьма красной.

27 Опущено тѣло въ мѣдномъ грому въ могилу подле гроба... Опускали камергеры.

Съ 15-го на 16-ое видѣлъ курьезной сонъ.

Число.

Мартъ.

4 19 Въ Москву.
— 8 Въ Елцыно.
— 9 Въ Саратовъ.
7 20 Въ домъ.
— 9 Въ Елцыно.
11 21 Въ домъ.
14 22 Въ Москву.
— 10 Въ Саратовъ.
18 23 Въ Москву.
21 24 Въ Москву.
— 10 Въ Елцыно.
25 25 Въ Москву.
28 26 Въ Москву.
— 11
— 11 Въ Саратовъ.

---

31 Нева прошла пополудни въ 7 часовъ въ исходѣ.

---

31 Графъ Минихъ и Биронъ курьезно увидѣлись въ первый разъ во дворцѣ.

Число.

Апрѣль.

1 27 Въ Москву.
4 28 Въ Москву-жъ.

Число.

8 29 Въ Москву-жъ.
— 12 Въ Елцыно.
11 30 Въ Москву-жъ.
— 12 Въ Саратовъ.
15 31 Въ Москву.
18 38 Въ Москву.
22 33 Въ Москву.
23 13 Въ Саратовъ.
25 34 Въ Москву.
29 35 Въ Москву.
— 13 Въ Елцыно.

---

5 Его Величество изволилъ перейти въ новой Зимній Дворецъ пополудни въ 5-ть часовъ.

---

3 Исповѣдывался у отца Михаила попа Преображенскаго полку, пріобщался на Троицкомъ подворьѣ.

---

17 Былъ день жаркой и чистой такъ какъ въ Петровки.
18 Такой же и теплѣе.
9 Такой же и съ мглою.
20 По утру дождичекъ.
25, 26, 27, 28, 29 и 30 стужа и морозъ.

Число.

Маій.

2 36 Въ Москву.
6 37 Въ Москву.
9 38 Въ Москву.
13 39 Въ Москву.
16 40 Въ Москву.
— 14 Въ Елцыно
20 41 Въ Москву.
— 15 Въ Елцыно.
23 42 Въ Москву.
26 43 Въ Москву.
30 44 Въ Москву.
— 16 Въ Елцыно.

Число.

1 Снѣгъ.
2 Стало теплѣе.
Съ 22 по 29 великій жаръ.
сего въ ночи на 1-е іюня.

Число. **Іюнь.**

3 45 Въ Москву.
4 1 Въ слоб. Старо-Дмитріевскую.
6 46 Въ Москву.
13 47 Въ Москву,
— 17 Въ Елцыно.
17 48 Въ Москву.
— — 14: Въ Саратовъ і Крондштадъ.
20 49 Въ Москву.
25 50 Въ Москву.
27 51 Въ Москву.
— 18 Въ Елцыно.
Михаила Никитинъ.

9 Было торжество мира съ Пруссіею.
Полки подъ предводительствомъ Его Императорскаго Величества. Былъ въ строю, обѣдали во дворцѣ. Батюшка пожалованъ въ полковники въ полкъ Преображенской, о чемъ громко пили.

10 Былъ во дворцѣ ужинъ и очень хорошій и огромной фейерверкъ съ превеликимъ громомъ.

28 Благополучная перемѣна отечеству. Счастливое восшествіе на престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, избавительницы Имперіи Россійской.
По полуночи въ 9-мъ часу въ С.-Петербургѣ была понохида. годовая по покойной женѣ въ то время былъ въ Невскомъ, а пріѣхалъ во дворецъ въ 11-мъ часу того-жъ утра въ зимній новой.

---

1 Смотри въ Іюлѣ ошибку 2 № 2.

Число. **Іюль.**

1 52 Въ Москву.
4 53 Въ Москву.
7 54 Въ Москву.
8 55 Въ Москву.
11 56 Въ Москву.
— 15 Въ Саратовъ.
15 57 Въ Москву.
— 19 Въ Елцыно.
18 58 Въ Москву.
22 59 Въ Москву.
— 20 Въ Елцыно.
— 16 Въ Саратовъ.
25 60 Въ Москву.
30 61 Въ Москву.

Во 2 часу пополуночи въ исходѣ былъ великой громъ и зажгло подневскій хлѣбный амбаръ и шесть барокъ сгорѣло. Учинилось потери тѣмъ до 30 четвертей различнымъ людямъ. Это было въ іюлѣ въ первой день.

Число. **Августъ.**

1 68 Въ Москву.
— 17 Въ Саратовъ.
8 63 Въ Москву.
— 21 Въ Елцыно.
12 64 Въ Москву.
15 65 }
19 66 }
22 67 Въ Москву.
— 18 Въ Саратовъ.
23 2 Въ слоб. Старо-Дмитревскую.
26 68 Въ Москву.
29 69 Въ Москву.

---

20 Отправлена карета и посуда въ Москву, съ солдатомъ Иваномъ Менделѣевымъ.

23 Его Высочество Цесаревичъ отправился въ Москву, пополудни.

Число.		Сентябрь.
2	70	Въ Москву.
23	1	Въ Петербургъ.
26	2	Въ Петербургъ.
30	3	Въ Петерб. 19. Въ Саратовъ.

—

22 День коронаціи Ея Императорскаго Величества Государыни Императр. Екатерины Алексѣевны.

—

2 Ея Величество отправиться изволила въ Москву пополудни въ 4-мъ часу въ исходѣ.

7 Поѣхалъ въ Москву, съ дѣтьми по утру братъ К: и я, и Захаръ съ семьей. Съ 17 на 18 въ ночь пріѣхалъ въ Москву.

Число.		Октябрь.
2	20	Въ Саратовъ.
3	4	Въ П: б: (Петербургъ).
7	5	Въ П: б: (Петербургъ).
10	6	Въ П: б: (Петербургъ).
14	7	Въ П: б: (Петербургъ).
15	23	
24	8	Въ Сан: (Санктъ-Петербургъ).
—	9	Въ Сан: (Санктъ-Петербургъ).
28	10	
30	24	Въ Елцыно.
31	11	Въ С.-Петербургъ.

—

5 Принималъ слабительное.

Съ 10-го на 11-е число былъ пожаръ въ Петербургѣ подлѣ дома моего. Сгорѣлъ весь домъ фельдшера. У меня нѣсколько крышекъ сломано и погребъ

Число.		Ноябрь.
5	12	Въ С. П. Б. (С.-Петербургъ).
7	13	Въ С. П. Б. „
11	14	Въ С. П. Б. „
12	21	Въ Саратовъ.
14	15	Въ С. П. Б.
18	16	Въ С. П. Б.
—	22	Въ Саратовъ.
20	25	Въ Елцыно 26.
21	17	Въ С. П. Б.
25	18	Въ С. П. Б.
28	19	Въ С. П. Б.

—

9 Принималъ слабительное.

16 Великой снѣгъ.

21 Ея Величество въ Анненгофъ перейти изволила пополудни въ 4 часу, изъ Кремля.

Число.		Декабрь.
2	27	Въ Елцыно.
2	20	Въ С.-Петербургъ.
5	21	Въ С. П. Б.
9	22	Въ С. П. Б.
12	28	Въ Елцыно.
12	23	Въ С. П. Б.
16	24	Въ С. П. Б.
19	25	Въ С. П. Б.
23	12	Въ Нижегородскую.
—	26	Въ С.-Петербургъ.
26	27	Въ С.-Петербургъ.
30	28	Въ С.-Петербургъ.

—

1 Въ первой разъ опера въ дворцовомъ театрѣ послѣ погребенія покойной императрицы Елизаветы Петровны общей матери.

6 Въ другой оперѣ.

Въ термометрѣ стужа.

Число.		Число.	
7	Въ 1-мъ часу пополудни противъ 740 году большая стужа. По примѣтамъ нѣкоторыхъ любопытныхъ по Реомюрову расчету было 30 градусовъ. Делиль 206.	7	Въ термо...
27	Былъ первой маскарадъ при дворѣ въ Москвѣ.		

—

Я сего 1762 г. не переживу.

—

Не переживу я сего 1762 г.

Сообщ. **В. М. Юзефовичъ.**

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ XVII ВѢКА.

I.

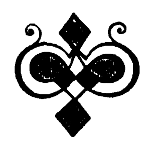
Звѣробой и кедровая смола

1638 г.

Отписка Тобольскихъ воеводъ кн. Михаила Темкина-Ростовскаго съ товарищи, въ декабрѣ 1638 г.: по государевой грамотѣ изъ Сибирскаго приказа „велѣно намъ, холопемъ твоимъ, травы звѣробою и цвѣту тое травы взявъ у сибирскихъ служилыхъ людей, у кого сыщетца, добрые и свѣжіе. которую они збирали себѣ про запасъ отъ ранъ и отъ убою нынѣшняго лѣта, вѣсомъ съ пудъ, да кедровой смолы съ пудъ, все прислать къ тебѣ государю къ Москвѣ, а будетъ, государь, тое травы звѣробою и кедровые смолы въ Тобольску нѣтъ, и велѣно, государь, изъ иныхъ сибирскихъ городовъ взявъ потомужъ, прислать къ тебѣ государю къ Москвѣ..... А будетъ, государь, тое травы звѣробою, которая имана нынѣшнимъ лѣтомъ, съ цвѣтомъ не сыщетца, и къ тебѣ государю велѣно намъ холопемъ твоимъ тое травы и безъ цвѣту прислать. А въ нынѣшнемъ, государь, во 147 г., какъ то время приспѣетъ, въ которую пору тое траву сибирскіе служилые люди про себя збираютъ, велѣть тое травы и съ цвѣтомъ въ Тобольску или Тобольсково розряду въ городѣхъ готовить, а изготовя потомужъ къ тебѣ къ государю прислать. И мы, холопи твои, у Тобольскихъ служилыхъ людей тое травы звѣробою спрашивали, и Тобольскіе, государь, служилые и всякіе люди такіе травы звѣробою нихто у себя не сказали и къ намъ, холопемъ твоимъ,

не принесли.....“ Воеводы написали тогда требованіе о присылкѣ звѣробою и кедровой смолы воеводамъ Верхотурья, Пелыми, Тюмени, Тары и др. Кромѣ того, какъ имъ, такъ и Тобольскимъ служилымъ людямъ предписано было изготовить запасъ травы урожая нынѣшняго года. „И какъ Тобольскіе служилые люди траву звѣробой и кедровую смолу къ намъ, холопемъ твоимъ, въ съѣзжую избу принесутъ, а изъ городовъ воеводы въ Тобольскъ пришлютъ, и мы, холопи твои, тое травы звѣробой и звѣробойнаго цвѣту и кедровую смолу къ тебѣ ко государю пришлемъ“. Помѣта: „отписать къ новымъ воеводамъ велѣть имъ тое травы и цвѣту и смолы прислать противъ прежнего государева указу“ [1]).

Но только въ 1642 г. Тобольскіе воеводы князь Петръ Пронской съ товарищи отписали государю, что въ генварѣ 1641 г. Тюменскій воевода кн. Григорій Борятинскій прислалъ въ Тобольскъ „звѣробойной травы и съ цвѣтомъ въ холщовомъ мѣшку“ 1 пудъ 26 гривенокъ, а Тарскій воевода Василій Чоглоковъ — звѣробою 1 пудъ 4 гривенки въ „кожаной сумѣ“ и 32 гривенки въ „оленьей сумѣ“. „А кедровые-де, государь, смолы на Тюменѣ и на Тарѣ не добыли, и Тюменскіе, и Тарскіе служилые и посадцкіе, и всякіе люди сказали имъ (воеводамъ), что около Тары-де и Тюмени смоленыхъ кедровъ нѣтъ и кедровые-де, государь, смолы добыть не мочно“. Присланный-же звѣробой воеводы отправили въ Москву, въ Сибирскій приказъ, съ Тобольскимъ боярскимъ сыномъ Даниломъ Аршинскимъ съ товарищи [2]).



[1]) Москов. Архивъ м-ва юстиціи: Сибир. приказа столбецъ № 81, лл. 138—142.

[2]) Ibid. столбецъ № 103, лл. 125—126.

II.

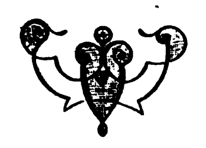
Бумашки съ табакомъ въ XVII в.

Въ „отпискѣ“ Ленскаго (Якутскаго) воеводы стольника Петра Головина, 1641 г., разсказывается, между прочимъ: когда воевода былъ проѣздомъ въ Енисейскомъ острогѣ, пришелъ къ нему Тобольскій пятидесятникъ Богданъ Лѣнивцевъ и доложилъ: „ходилъ-де онъ, Богдашка, по дворомъ, гдѣ стоятъ Тобольскіе служилые люди, для вынима зерновые игры, и пришли-де они къ Енисейскому палачю къ Ивашку Кулику, и въ той-де избѣ изъ бумашки пьетъ табакъ Енисейской служилой человѣкъ Ондрюшка Козловъ, и какъ-де онъ, Ондрюшка, увидѣлъ ево, Богдашку, и тое-де бумашку съ табакомъ вкинулъ въ ротъ и проглотилъ...“

Произведенный Головинымъ по этому извѣту розыскъ открылъ и другихъ „табатчиковъ“, которые также „пили (т. е. курили) табакъ изъ бумашки“. Одинъ изъ нихъ — „гулящій человѣкъ“ Семенъ Сулешъ „у пытки“ показалъ: „было-де у него 3 бумашки табаку, а купилъ-де онъ тотъ табакъ у Тобольского служилого человѣка у Мартынка Прокопьева Кислокваса, а далъ по гривнѣ за бумашку, и пилъ самъ тотъ табакъ дома, никому не продавывалъ...“ Кислоквасъ сознался въ продажѣ Сулешу 3 „бумашекъ табаку“.

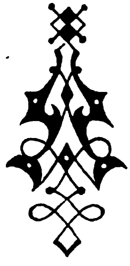
Весь табакъ, отобранный Головинымъ у этихъ и другихъ „табатчиковъ“, былъ сожженъ „на площади“, а съ „табатчиковъ“ взяты „заповѣди“ (денежный штрафъ за „заповѣдный товаръ“) и „поручныя записи“ въ томъ, что „имъ впредь не воровать, табаку самимъ не пить и никому не продавать“.

(Ibid. столбецъ № 75, лл. 581—582, 589, 590).



III.

„Цѣновная роспись“ товаровъ лавки Бориса Овдѣева въ „Манатейномъ ряду“, въ Москвѣ. 1641 г.



вѣ манатьи по 60 алтынъ, манатья 8 рубль 20 алтынъ, 2 манатьи по пол-два рубли, манатья 40 алтынъ, 3 манатьи по 26 алт. по 4 деньги, манатья 46 алт. 4 деньги, манатья 13 алт. 2 деньги.

5 клобуковъ—рубль.

4 ряски по 43 алт. по 2 деньги, 6 рясокъ по рублю, 5 рясокъ по рублю-жъ.

6 свитокъ—по 23 алт. по 2 деньги.

3 манатьи гробовыхъ по 10 алтынъ.

2 скимы—6 алт. 4 деньги.

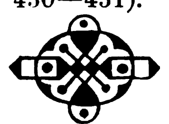
3 сукна манатейныхъ—6 рублевъ 10 алтынъ.

3 татаура [1])—4 алтына.

10 нагавки [2])—6 алт. 4 деньги.

И всего на 42 рубли на 24 алтына“.

(Ibid. столб. № 79, лл. 430—431).



IV.

Распоряженіе о евреяхъ

1643 г.

Царская грамота изъ Сибирскаго приказа, отъ 15-го іюля 151 г., Брянскому воеводѣ стольнику князю Григорью Даниловичу Долгорукову, предписывая ему принять разныя мѣры по поводу посылки на „Свинскую ярмонку“ государевой соболиной казны, съ московскими „купчинами“ Ив. Дени-

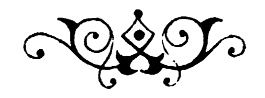
---

[1]) Татауръ—широкій, иногда росшитый поясъ священниковъ и монаховъ. Иначе: катауръ.

[2]) Нагавки (иначе: ногавки)—родъ штиблетъ или голенищъ, застегивающихся кругомъ икръ ноги.

совымъ и Степ. Левашовымъ, между прочимъ замѣчаетъ, что купчины должны „пріѣхавъ на Свинскую ярмонку, тою мягкою рухледью съ литвою, и съ арменью, и съ греки, и со всякими купецкими людьми опричь жидовъ торговати и на всякіе узорочные товары мѣняти безо всяково мотчанья“... Ниже предписывается воеводѣ: „а жидовъ-бы тебѣ одноличпо ни съ какими товары пропущати изъ-за рубежа не велѣти, для того что изстари николи жидове въ наше въ московское государство ни въ которые годы ни съ какими товары не въѣзживали, и впередъ-бы еси ихъ потомужъ ни съ чѣмъ отнюдь изъ-за рубежа во Брянескъ и въ Брянской уѣздъ на Свинскую ярмонку никуды пропущати не велѣлъ...“

(Ibid. столбецъ № 213, лл. 227—228).



V.

Смиренье шелепами

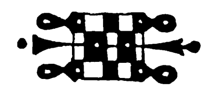
1645 г.

Государю, царю и великому князю Михаилу Θедоровичю всеа Русіи твой государевъ богомолецъ Герасимъ, архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, Бога молю и челомъ бью: въ нынѣшнемъ, государь, во 153-мъ году, генваря въ 3-й день, прислана твоя государева ..... грамота ко мнѣ твоему государеву богомольцу, за приписью твоего государева дьяка Григорья Протопопова, а по твоей государевой грамотѣ велѣно Тобольского города Успенского Дѣвича монастыря попа Θедота за ево безчинство, что онъ, попъ Θедотъ, въ прошломъ во 152 году канонъ празника преподобного Алексѣя человѣка Божія — Ангела сына твоего государева, государя нашего благовѣрного царевича и великого князя Алексѣя Михайловича — послѣ вечерни и молебна молилъ онъ, попъ Θедотъ, прежъ твоего государева заздравного медового канона воеводцкой князь Михайла Гагарина медовой канонъ. А на самъ празникъ преподобного Алексѣя человѣка Божія, онъ, попъ Θедотъ, на заутрени

псалма „Хвалите имя Господне“ и величанья пр. Алексѣю человѣку Божію пѣть не велѣлъ. И за то ево безчинство по твоей государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ ево, попа Өедота, смирять — бить шелепами нещадно, а бивъ шелепами—посадить въ смиренье въ чепь (на цѣпь) на мѣсяцъ.

И по твоему государеву ..... указу и по грамотѣ я, твой государевъ богомолецъ, ево, попа Өедота, за ево воровство и за безчинство при всѣхъ Тобольского города при попѣхъ и при дьяконѣхъ смирялъ шелепами—бить велѣлъ нещадно и въ чепи мѣсяцъ держать ево велѣлъ.

[Ibid. столбецъ № 139, л. 442].



VI.

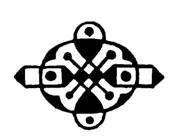
Посѣщеніе литовскаго посла

1647 г.

Память изъ Посольскаго приказа въ Сибирскій приказъ: „лѣта 7155 (1647)-го, февраля въ 2 день, по государеву... указу боярину князю Алексѣю Никитичю Трубецкому, да дьяку Григорью Протопопову, государь царь... указалъ: астараханца Ларіона Исупова, за его воровство, что онъ ходилъ на Москвѣ на дворъ къ литовскому посланнику къ Юрью Иличу и у него сидѣлъ долгое время, а ему было къ литовскому посланнику на дворъ ходить не велѣно, сослать въ Сибирь... Діакъ Алмазъ Ивановъ“.

Но наказанье Исупову было затѣмъ смягчено, какъ говоритъ слѣдующая помѣта на той-же памяти: „и Ларивонъ въ Сибирь не посланъ, а отосланъ въ Казанской Дворецъ, по государеву имянному приказу, марта въ 12 день, а велѣно ему, учиня наказанье, бивъ на козлѣ кнутомъ, послати въ дѣти боярскіе въ Астарахань по прежнему“.

(Ibid. столбецъ № 278, л. 113).



VII.

Сибирскій архіепископъ Герасимъ

1647 г.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичю... бьетъ челомъ твой государевъ богомолецъ Герасимъ, архіепископъ Сибирской и Тобольской: по твоему государеву... указу присланы съ табакомъ въ Сибирь головы Ив. Третьяковъ и Потапъ Загибаловъ. Милосердый государь!.. пожалуй меня своего государева богомольца не вели, государь, въ Соѳѣйскіе отчинки посылять табаку продавать! Царь-государь, смилуйся пожалуй!"

Помѣта: „въ столпъ" (т. е. сдать въ архивъ...).

(Ibid. столбецъ № 1402).

VIII.

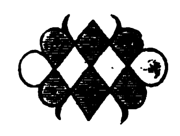
Доставка кедровъ въ Москву

1665 г.

Въ февралѣ 1665 г. Верхотурскій воевода отправилъ въ Москву, вслѣдствіе государева указа, „67 кедровъ небольшихъ деревъ, окопавъ съ землею и обшивъ въ рогожи съ мохомъ, и укрѣпя въ санѣхъ (на 20 подводахъ), обшивъ лубьями, какъ мочно довести до Москвы въ цѣлости"...

Сибирскій приказъ передалъ кедры въ приказъ Большаго дворца. Очевидно, кедры назначались для московскихъ дворцовыхъ садовъ.

(Ibid. столбецъ № 768).



IX.

Опасная игра

1686 г.

Въ генварѣ 1686 г. Сибирскій приказъ представилъ государямъ „докладъ", по поводу „отписки" Красноярскаго воеводы стольника Григорія Шишкова, прислалъ „отписку", писавшаго о слѣдующемъ „государевѣ дѣлѣ": „Красноярского уѣзду Верхнего Караульнаго острога служилой человѣкъ Тимошка Елѳимовъ извѣщалъ на служилого-жъ человѣка на Марчка Хомякова государево дѣло: игралъ-де онъ, Марчко, шахматы съ Андрюшкою Волынщикомъ, и взялъ-де онъ, Марчка, съ доски шахматъ и молылъ (т. е. молвилъ): „то-де я чаялъ ѳерзь, ано-де царь"! и царя (т. е. шахматную фигуру) избранилъ матерны. И то-де слышали красноярскихъ служилыхъ людей 3 человѣка. И Марчко роспрашиванъ, а въ роспросѣ заперся, а служилые люди, которые тутъ были, сказали, что то слышали"...

Красноярскій воевода донесъ объ этомъ происшествіи енисейскому воеводѣ, боярину кн. Константину Осиповичу Щербатову, который велѣлъ „пытать" Марка Хомякова, и „съ пытки" онъ „винился, что то непристойное слово говорилъ безъ вымыслу"... Послѣ пытки воевода посадилъ несчастнаго шахматиста въ тюрьму, „до указу".

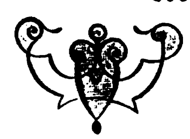
„Докладъ" Сибирскаго приказа заканчивается обычною формулою: „великіе государи, цари... о томъ что укажутъ?"

Въ царскомъ приговорѣ изображено: „194 году, генваря въ 13 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа великія и малыя, и бѣлыя Росіи самодержцы, сей выписки слушавъ, указали: того Марчка свободить, и о томъ изъ Сибирского Приказу въ Красноярской къ воеводѣ послать свою великихъ государей грамоту".

Грамота послана 15 генваря.

(Ibid. столбецъ № 749).

Сообщ. **Н. Н. Оглоблинъ.**



Письмо царевича Алексѣя Петровича къ кн. Матвѣю Петровичу Гагарину,

1707 г.

Въ книгѣ № 1458 Сибирскаго Приказа (въ Моск. Архивѣ м—ва юстиціи) среди разнообразныхъ документовъ этого приказа за 1707 г. (указы, выписи, памяти, и проч.) сохранилось, между прочимъ, собственноручное письмо (оригиналъ) царевича Алексѣя Петровича къ „генеральному президенту и сибирскихъ провинцій судіѣ“ князю Матвѣю Петровичу Гагарину (лл. 226—227 по славянской пагинаціи, причемъ послѣдній листъ 227-й ошибочно помѣченъ листомъ 127-мъ).

Письмо написано на уменьшенной четвертушкѣ листа, сложенной пакетомъ. На лицевой сторонѣ пакета находится адресъ, написанный рукою царевича: „Кнзь Матвею Петровичю Гагарину“ (л. 226).

На той-же сторонѣ пакета, гдѣ адресъ, находится печать красновосковая, почти вполнѣ сохранившаяся, но съ неясно вышедшимъ оттискомъ изображенія короны и какихъ-то не то буквъ, не то орнаментовъ.

Текстъ письма находится на первой страницѣ листа 227-го. Привожу его буквально, вставляя въ скобкахъ недостающія по смыслу буквы (въ трехъ мѣстахъ) и разставляя нѣкоторые знаки препинанія (подчеркиванія мои-же):

„Кнзь Матвей Петровичь!

Здравствуй!

Зѣло благодарствую за люб(овь) твою—освобождени(е) людей моихъ от работы, такождѣ блгодарствую и за учителя.

Алексѣй.

Із Смоленска, іюля въ 21 де(нь).

P. S.: о чем будет Василей Григорьевичъ от меня тебя просить—пожалуй не остави“.

На второй страницѣ л. 226-го стоитъ помѣта, написанная рукою кн. М. П. Гагарина:

„1 пара соболей 40 р., 6 касяковъ большихъ, два мѣха черевьи лисьи, да 2 бѣльи хрептовые“.

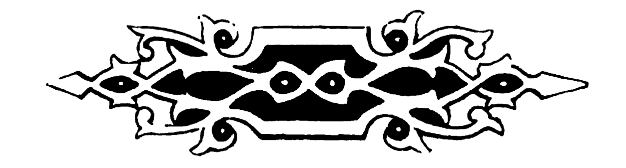
Очевидно, это перечень той мягкой рухляди, о выдачѣ которой изъ Сибирскаго Приказа словесно просилъ кн. М. П. Гагарина посланецъ царевича „Василей Григорьевичъ", дѣйствуя именемъ Алексѣя Петровича.

Къ письму приложенъ отдѣльный клочекъ бумаги (л. 228), на которомъ рукою кн. М. П. Гагарина написана слѣдующая записка, обращенная къ дьякамъ Сибирскаго Приказа:

„Гдамъ (т. е. господамъ) дьякамъ по сему отпустить къ гсдарю царевичу безъ умедленія".

Ниже на томъ-же клочкѣ другою рукою (очевидно — дьяка) написана помѣта: „отослать на дворъ къ Василью Григорьевичю Нарышкину".

Сообщ. **Н. Н. Оглоблинъ.**



ВЫСЫЛКА ИЗЪ РОССІИ ПРИНЦА ВЮРТЕМБЕРСКАГО ФРИДРИХА

1786 г.

Авторъ историческаго изслѣдованія „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", премированнаго академіею наукъ и публикою, потребовавшею уже третье изданіе, Дмитрій Ѳомичъ Кобеко, напечаталъ въ январской книгѣ „Русской Старины" изд. 1892 г. три интересныхъ указа императрицы Екатерины II шлиссельбургскому коменданту. Указы эти касаются заточенія, содержанія и освобожденія изъ крѣпости маіора Герсдорфа, адъютанта принца Фридриха вюртембергскаго, супруга несчастной принцессы Августы, прозванной Зельмирою. Какъ указы, они кратки, сухи, производятъ тяжелое впечатлѣніе; но какъ осколки драмы, разыгравшейся сто лѣтъ назадъ въ Петербургѣ, они проливаютъ новый свѣтъ на чисто материнскую заботливость Екатерины II о беззащитной женѣ, угнетаемой грубымъ мужемъ, и вполнѣ подтверждаютъ высказанную Д. Ѳ. Кобеко догадку [1]), что высылка принца Фридриха изъ Россіи была вызвана скорѣе политическими, чѣмъ семейными соображеніями.

Еще до пріѣзда вюртембергской четы въ Петербургъ, ей предшествовала дурная молва о семейныхъ раздорахъ. Екатерина отнеслась къ этой молвѣ вполнѣ безпристрастно: она не обвиняла Августы, не считавшей своего мужа „любезнымъ", но въ то-же время находила, что Фридрихъ „жестоко оклеветанъ". Императрица писала въ іюлѣ 1782 года: „Мы вовсе не подозрѣваемъ принца жестокимъ, способнымъ къ грубымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ; были случаи,

[1]) Д. Ѳ. Кобеко, 317.

когда онъ выказалъ сострадательное сердце, добродушіе и благородный образъ мыслей“ [1]). Спустя три мѣсяца, молва вполнѣ оправдалась, и Екатерина сама убѣдилась, что „они живутъ какъ кошка съ собакою“ [2]). Въ первое время императрица не принимала стороны ни жены, ни мужа, стараясь не вмѣшиваться въ чисто семейное дѣло; скоро, однако, семейное дѣло стало публичнымъ скандаломъ, соблазномъ, опаснымъ даже для невзыскательнаго въ этомъ отношеніи петербургскаго общества конца XVIII столѣтія. Въ 1785 году Екатерина писала уже: „принцъ Фридрихъ вюртембергскій—неуживчивый бездѣльникъ; надняхъ онъ билъ принцессу Августу, таскалъ ее за волосы и, наконецъ, заперъ на ключъ“ [3]). Это было уже слишкомъ даже для грубаго нѣмца; но этотъ нѣмецъ, сверхъ того, былъ выборгскимъ генералъ-губернаторомъ, и Екатерина должна была вмѣшаться: она выслала принца въ Выборгъ съ приказаніемъ не возвращаться въ столицу безъ ея разрѣшенія, а принцессу и ея дѣтей взяла съ собою въ Царское Село [4]). Разведя ссорящихся, Екатерина старается устранить по возможности даже малѣйшій поводъ къ семейнымъ раздорамъ въ вюртембергской четѣ. При этомъ-то въ бумагахъ Екатерины впервые появляется имя „дежуръ-маіора“ при принцѣ, барона фонъ-Герсдорфа.

Принцъ Фридрихъ ненавидитъ свою жену, и въ то-же время, какъ извѣстно [5]), ни въ кого не влюбленъ, никого не любитъ, не

---

[1]) Сборникъ, XXIII, 249.

[2]) Ibid, XXVII, 212.

[3]) Сборникъ, XXIII, 340.

[4]) Je dois porter à la connaissance de votre majesté l'éclat d'une disharmonie ouverte entre le prince Frédéric de Wurtemberg et son épouse, au point que le prince s'étant oublié jusqu'à frapper madame la princesse, et celle-ci ayant fait parvenir à l'impératrice ses plaintes de ce procedé violent, sa majesté impériale a fait partir le prince Frédéric pour son gouvernement de Wybourg avec ordre de n'en revenir que quand elle lui en donnera son agrément, au lieu que la princesse Auguste est allée avec ses enfans passer cet été à Czarsco Selo. Депеша гр. Гёрца прусскому королю, отъ 9-го мая 1785 года въ Берлин. Архивѣ, Repos. XI, № 600. Въ депешѣ отъ 4-го іюля, онъ-же пишетъ: L'harmonie entre le prince Frédéric de Wurtemberg et son épouse paraît entièrement rétablie. Ibid., № 616.

[5]) La princesse de Wurtemberg a temoigné beaucoup d'humeur à son époux d'une liaison qu'elle a prétendu avoir decouverte et le prince lui a fait des reproches sur l'inclination qu'on lui suppose généralement pour le prince Daschkoff. Депеша прусскаго посланника, барона Келлера, отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 25. Это извѣстіе не подтверждается ни изданною уже перепискою частныхъ лицъ, ни хранящеюся въ Государств. Архивѣ (разр. IV, №№ 150 и 151) перепискою Екатерины II съ

близокъ ни съ одною изъ дамъ придворнаго или не придворнаго общества; принцесса Августа—молода, умна, если не красива, то миловидна, интересна. Трудно было думать, чтобы единственною причиною раздора была необузданная натура принца [1]), и явилось предположеніе, что принцъ дѣйствуетъ подъ чьимъ-либо вліяніемъ, находится подъ нравственнымъ гнетомъ кого-либо изъ окружающихъ лицъ. Ближе всѣхъ стоялъ къ принцу баронъ Герсдорфъ: онъ прибылъ въ Россію въ свитѣ принца, состоитъ при немъ флигель-адъютантомъ, видится съ нимъ ежедневно, очень преданъ принцу, il est l'âme damnée de Don-Feroce [2]), какъ Екатерина называла принца. Обратили вниманіе на Герсдорфа.

Въ началѣ ноября 1785 года, баронъ Герсдорфъ спѣшно покинулъ Петербургъ, направляясь за-границу. 8-го ноября императрица предписываетъ графу Ю. Ю. Броуну, лифляндскому генералъ-губернатору, задержать Герсдорфа въ Ригѣ и допросить его: куда и на долго-ли ѣдетъ, „а пуще всего приводите въ ясность принужденно-ли онъ ѣдетъ или по своей волѣ, и нѣтъ-ли насилія въ его поѣздкѣ; буде найдете насиліе, остановите и мнѣ репортуйте; буде-же насилія нѣту, то отпустите его въ свой путь". На допросѣ въ Ригѣ Герсдорфъ показалъ, что „принужденія къ сей его поѣздкѣ не было, но просилъ увольненія и отпущенъ отъ принца по причинѣ тяжкой болѣзни его отца" [3]). Броунъ пропустилъ Герсдорфа за-границу, Тѣмъ не менѣе, за перепискою барона Герсдорфа былъ учрежденъ секретный надзоръ и всѣ его письма перлюстровались. Одно изъ этихъ писемъ представлено было императрицѣ при слѣдующей докладной запискѣ гр. А. А. Безбородко.

„Письмо сіе было прислано тѣмъ-же посредствомъ, какъ и два предпослѣднія. Высланный отсюда, какъ сказала госпожа Прецбургъ, писалъ къ принцу, что онъ былъ позванъ въ Ригѣ къ генералъ-губернатору, и у него спрашиванъ, какъ онъ высланъ. Они

роднымн принцессы Августы. Даже Е. Р. Полянская ничего не говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ С. Р. Воронцову, отъ 1-го января 1787 года, въ которомъ она упоминаетъ о высылкѣ принца Фридриха и разсказываетъ любовныя похожденія даже гр. А. А. Безбородко, ей совершенно чужаго, а вѣдь кн. Дашковъ приходился ей племянникомъ. Арх. кн. Воронцова, XXI, 466.

[1]) Le prince Frédéric se fâche difficillement, mais une fois qu'il est en colère, c'est avec une grande violence. Oberkirch, II, 171. Близость баронессы Оберкирхъ къ сестрѣ принца, великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, придаетъ этому извѣстію особенный вѣсъ.

[2]) Сборникъ, XXIII, 4[illegible]4.

[3]) XVIII Вѣкъ, I, 403, 404.

боятся, чтобъ принцъ не возъимѣлъ подозрѣнія, что принцесса о сей матеріи осмѣлилась писать вашему императорскому величеству, а фрейлина Прецбургъ призналась своему свойственнику, что положено было, по возвращеніи Герсдорфа, ей за него выйти" [1]).

Подозрѣнія не оправдались. Читая перлюстрованныя письма Герсдорфа, Екатерина пришла къ убѣжденію, что „все хозяйство гроша не стоитъ". Въ самомъ дѣлѣ, стоило-ли хлопотать изъ-за извѣстія, что Герсдорфъ влюбленъ въ фрейлину принцессы Августы и собирается жениться на ней! По возвращеніи Герсдорфа изъ Штутгардта, за нимъ продолжали слѣдить, и оказалось, что не онъ имѣетъ дурное вліяніе на принца Фридриха, но, наоборотъ, принцъ изъ него веревки вьэтъ, заставляя исполнять даже жестокія порученія: Don-Feroce a l'employé à une ou plusieurs actions dignes de son nom [2]), какъ писала Екатерина.

Среди такихъ-то обстоятельствъ, 17-го декабря 1785 года, въ четвергъ вечеромъ, по окончаніи спектакля, когда Екатерина пришла изъ эрмитажа въ свою опочивальню, принцесса Августа бросилась въ ноги императрицѣ и, рыдая, умоляла защитить ее отъ мужа.

По свидѣтельству современниковъ, эта „размолвка", вынудившая Августу просить Екатерину о защитѣ, была значительно слабѣе прошлогодней [3]); между тѣмъ императрица немедленно прибѣгла къ ряду крайне рѣшительныхъ мѣръ: принцъ Фридрихъ высланъ заграницу, отрѣшенъ отъ должности выборгскаго генералъ-губернатора, исключенъ изъ русской службы; принцесса Августа сперва помѣщена въ Зимнемъ дворцѣ, въ эрмитажѣ [4]), потомъ поселена въ

---

[1]) Сборникъ, XLII, 271.

[2]) Ibid., XXIII, 343.

[3]) Quoique cette dispute ait produit une scène beaucoup moins vive, qu'il n'y en a eu précédemment, la princesse de Wurtemberg s'est jettée jeudi dernier aux genoux de l'impératrice au sortir du spectacle de l'hermitage et sa majesté impériale l'y a gardée. Депеша барона Келлера, отъ 22 декабря 1786 г., въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 25. Въ этой-же депешѣ, dispute обращена уже въ brouille: La semaine passée le prince de Wurtemberg a eu avec son epouse une brouille, qui a engagé cette princesse de réclamer la protection de l'impératrice.

[4]) Въ весьма подробномъ и довольно тщательно составленномъ изслѣдованіи проф. Брюкнера „Зельмира", какъ сцена 17-го декабря, такъ и помѣщеніе Августы въ эрмитажѣ представлены, къ сожалѣнію, въ ложномъ свѣтѣ, какъ заранѣе подготовленная комедія („Историч. Вѣстникъ", XLI, 29С). Въ данномъ случаѣ ошибка произошла отъ смѣшенія г. Брюкнеромъ „покоевъ князя Потемкина" съ помѣщеніемъ эрмитажа. О потемкинскихъ комнатахъ въ Зимнемъ дворцѣ см. „Записки Шишкова", I, 8.

дворцовомъ имѣніи Лоде, близь Ревеля; баронъ Герсдорфъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость.

Эти рѣшительныя мѣры произвели сильное впечатлѣніе при дворѣ, особенно-же великокняжескомъ, и въ городѣ. Начались толки, догадки, предположенія [1]). Одни говорили, что принцъ высланъ за угрозу „переломать ноги и руки“ своей супругѣ; другіе, будто принцъ „впалъ въ преступленіе государственное“; иные знали даже и самое преступленіе: „принцъ имѣлъ со шведскимъ дворомъ опасную здѣшнему государству переписку“, о чемъ полковникъ Спренгпортенъ извѣстилъ императрицу, которая посылала гр. Ангальта въ Финляндію для провѣрки этого извѣстія; въ городѣ носились слухи, что „нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся“. Сама-же Екатерина говорила только, что „принцъ заслужилъ кнутъ, ежели-бъ не закрыли мерзкихъ дѣлъ его“ [2]).

Основываясь на этихъ показаніяхъ современниковъ, на словахъ императрицы и „судя по негодованію, съ которымъ впослѣдствіи Екатерина отзывалась о принцѣ Фридрихѣ“, г. Кобеко высказалъ мнѣніе, что въ слухѣ о государственномъ преступленіи вюртембергскаго принца „была извѣстная доля правды“ [3]). Кажется, трудно было сдѣлать болѣе осторожный выводъ и выразить его въ болѣе мягкой формѣ. Между тѣмъ, проф. Брюкнеръ не только отвергаетъ эту догадку г. Кобеко („мы не раздѣляемъ этого мнѣнія“), но глумится надъ нею: „Любопытно видѣть, какъ легко въ публикѣ рождаются слухи, лишенные всякаго основанія, и какимъ образомъ выдумываются историческіе факты, которымъ потомство приписываетъ нѣкоторое значеніе“ [4]). Къ сожалѣнію, такое свое рѣзкое до неприличія заявленіе г. Брюкнеръ ничѣмъ не подтверждаетъ, кромѣ личныхъ соображеній довольно сомнительнаго свойства. Приводимъ эти „соображенія“ г. Брюкнера изъ двухъ мѣстъ его статьи о „Зельмирѣ“:

„Мы не думаемъ, чтобы отправленіе Храповицкаго къ Ангальту [5]) и далѣе замѣчаніе о мерзкихъ дѣлахъ принца, заслуживаю-

---

[1]) Cette brouillerie occupe beaucoup le public. Депеша Келлера отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинск. Архивѣ, Rep. XI, № 25. C'était le sujet de toutes les conversations de la ville. Письмо Е. Р. Полянской отъ 1-го января 1787 г. въ Арх. кн. Воронцова, XXI, 467.

[2]) Записки Гарновскаго въ „Русской Старинѣ“, XV, 19; Дневникъ Храповицкаго, 21.

[3]) Кобеко, 317.

[4]) „Историч. Вѣстникъ, XLI, 302.

[5]) Это какое-то недоразумѣніе: о посылкѣ Храповицкаго къ Ангальту упоминаетъ самъ-же г. Брюкнеръ; этого дѣйствительно неважнаго обстоя-

щихъ наказанія кнутомъ, могли-бы считаться подтвержденіемъ слуха о какомъ-то государственномъ преступленіи принца, но считаемъ тѣмъ болѣе нужнымъ указать на этотъ источникъ, что г. Кобеко до извѣстной степени склоняется въ пользу правдоподобія этого слуха... Въ виду вышеупомянутыхъ слуховъ о какихъ-то государственныхъ преступленіяхъ принца, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ письмахъ, писанныхъ по поводу отставки супруга Зельмиры, мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на какой-либо неблаговидный поступокъ принца въ области политики. Зная за собою такую вину, принцъ, какъ намъ кажется, никогда-бы не выразилъ желанія возвратиться въ Россію. Имѣя возможность обвинить принца въ чемъ-либо помимо варварскаго обращенія съ женою и дерзкихъ писемъ къ Екатеринѣ, императрица не преминула-бы коснуться хотя-бы слегка этихъ дѣлъ" [1]).

Кто-же правъ въ данномъ случаѣ? Вопросъ чрезвычайно важный и имѣющій особенное значеніе для характеристики Екатерины II. Въ письмахъ къ принцу Фридриху и къ его сестрѣ, великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, императрица, говоря о семейномъ разладѣ въ вюртембергской четѣ, прямо и категорически заявляла: „Я не хочу и не буду судьею въ этомъ дѣлѣ" [2]), и въ то же время говорила Храповицкому, что „принцъ заслужилъ кнутъ", т. е. Екатерина готова была стать не только судьею, но даже палачемъ принца. Что-нибудь изъ двухъ: или Екатерина проявила въ данномъ случаѣ отталкивающее двоедушіе или она привлекательно разыграла роль государыни, не желая быть судьею въ чужомъ семейномъ дѣлѣ и будучи готова стать палачемъ въ государственномъ преступленіи, „опасномъ здѣшнему государству". Вотъ значеніе вопроса, такъ противоположно разрѣшаемаго гг. Кобеко и Брюкнеромъ. Въ этомъ только смыслѣ, только по отношенію къ моральной обрисовкѣ Екатерины II, интересовалъ насъ вопросъ о высылкѣ принца Фридриха изъ Россіи, и мы считаемъ необходимымъ привести изъ неизданнаго еще пятаго тома нашей „Исторіи Екатерины Второй" нѣкоторыя новыя данныя, несомнѣнно свидѣтельствующія, что догадка

тельства г. Кобеко вовсе не касается, такъ что въ данномъ случаѣ г. Брюкнеръ опровергаетъ самого себя. Замѣчаніе-же Гарновскаго о посылкѣ гр. Ангальта въ Финляндію г. Кобеко подтверждаетъ ссылкою на „Анекдоты о графѣ Ангальтѣ, Спб., 1789, 40", о чемъ г. Брюкнеръ вовсе умолчалъ.

[1]) „Историч. Вѣстникъ", XLI, 303 и 562.

[2]) Сборникъ, XV, 25, 26. Эти письма не составляли тайны: Le prince Frédéric me montra un billet où sa majesté impériale lui dit que sans s'ériger en juge etc. Депеша Келлера отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинск. Архивѣ, Repos. XI, № 25.

г. Кобеко вполнѣ основательна. Замѣчаніе г. Брюкнера, что въ письмахъ по поводу отставки принца Фридриха нѣтъ „ни малѣйшаго намека на какой-либо неблаговидный поступокъ принца въ области политики“, не имѣетъ никакого значенія: не о всѣхъ государственныхъ преступленіяхъ можно и нужно говорить въ письмахъ, даже „хотя-бы слегка“. Въ преступленіи такого именно рода обвинялся принцъ Фридрихъ вюртембергскій, и не только императрицею Екатериною, но даже великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

Осенью 1785 года прусскій посланникъ графъ Гёрцъ просилъ Фридриха II уволить его на всю зиму изъ Петербурга, мотивируя свою просьбу потребностью въ отдыхѣ [1]). 29-го сентября гр. Гёрцъ уѣхалъ изъ Россіи и его должность исправлялъ совѣтникъ прусскаго посольства Гуттель. Черезъ два-же мѣсяца, въ депешѣ отъ 2-го декабря, Гуттель доносилъ королю, что русскій дворъ очень недоволенъ гр. Гёрцемъ, котораго онъ обвиняетъ въ сообщеніи многихъ „домашнихъ и придворныхъ дѣлъ“, которыя были оглашены въ газетахъ, что въ Петербургѣ не желаютъ его возвращенія и что оно будетъ вредно для интересовъ короля [2]). Гр. Гёрцъ былъ замѣненъ барономъ Келлеромъ, но въ особомъ рескриптѣ молодой король Фридрихъ-Вильгельмъ поручалъ ему „по прежнему“ сообщать о „домашнихъ дѣлахъ“ и предписывалъ „по преимуществу стараться получить довѣріе великаго князя цесаревича Павла, подробно извѣщая о всѣхъ личностяхъ, приближенныхъ къ наслѣднику и имѣющихъ на него вліяніе, особенно-же о положеніи вюртембергской семьи“ [3]). Келлеръ добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе и въ его депешахъ разсѣяно много извѣстій о принцѣ Фридрихѣ вюртембергскомъ, изъ которыхъ видно, что принцесса Августа не пользовалась особенною любовью великокняжескаго двора, какъ, въ свою очередь, принцъ Фридрихъ не нравился Екатеринѣ. Между прочимъ, Келлеръ доносилъ, что императрица давно уже ненавидитъ принца Фридриха, котораго подозрѣваетъ во вредномъ вліяніи на великаго князя Павла Петровича [4]). Цесаревичъ всегда отно-

---

[1]) Берлин. Архивъ, Rep. XI, депеша Гёрца отъ 25 августа, P. S. ad. № 627.

[2]) Депеша Гуттеля отъ 2 декабря, P. S. ad relationem 18.

[3]) Lettre du roi au Baron de Keller, отъ 4 сентября 1786 г., въ Берлин. Архивѣ, Repos. X, vol. XII.

[4]) L'impératrice haïssait depuis longtemps le prince Frédéric de Wurtemberg qu'elle soupçonnait d'inspirer plus de fermeté au grand duc, qu'elle ne lui en croit naturellement. Депеша Келлера, отъ 29 декабря 1786 г. въ Берлинск. Архивѣ, Repos. XI, № 27.

сился съ полнымъ довѣріемъ къ представителямъ Пруссіи и отличалъ ихъ особымъ вниманіемъ; онъ даже съ Гуттелемъ имѣлъ чрезвычайно интимный разговоръ по поводу „новаго короля" [1]). Принцъ Фридрихъ былъ давно уже за-границею, а принцесса Августа въ Лоде, когда баронъ Келлеръ послалъ королю слѣдующую депешу:

„С.-Петербургъ, 3-го (14-го) февраля 1787 г.

„Государь! Пользуюсь случаемъ представить вашему величеству подробный отчетъ о двухъ бесѣдахъ, которыя я имѣлъ недавно съ русскимъ великимъ княземъ и о которыхъ я упоминалъ въ предыдущей депешѣ. Въ первую нашу бесѣду великій князь самъ началъ говорить о принцѣ Фридрихѣ вюртембергскомъ, котораго онъ восхвалялъ за его умъ, познанія и трудолюбіе, но порицалъ при этомъ за надменность и вспыльчивость, вслѣдствіе чего съ самаго вступленія его въ русскую службу можно было уже предвидѣть, что онъ не долго удержится въ ней. Его императорское высочество сознался, что всегда такъ смотрѣлъ на принца, но тѣмъ не менѣе объявилъ мнѣ, что его глубоко огорчили какъ грубый способъ увольненія принца, такъ и особенно мотивы, которыми руководствовалась императрица при высылкѣ его изъ Россіи. „Какимъ образомъ могли опасаться (это подлинныя слова великаго князя) какихъ-либо движеній въ мою пользу со стороны иностраннаго принца, не имѣющаго здѣсь своихъ друзей? Они должны были знать, что я никогда не одобрю чего-либо подобнаго. Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное 24 года назадъ. Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая понынѣ царствуетъ надъ нимъ; была-ли эта присяга искренняя или нѣтъ—не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности. Это дѣло лежитъ на совѣсти людей того времени; что-же касается меня, я хочу жить въ ладахъ съ моею! Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго моей совѣсти и это счастье я предпочитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ предстоять мнѣ въ исторіи, которой, не знаю, будетъ-ли передано мое имя. Таковы мои чувства; ихъ должны-бы знать и не забывать тотъ случай, при которомъ я открыто высказалъ ихъ". Я полагалъ, что великій князь говоритъ о томъ сборищѣ и восторженныхъ кликахъ, которые были въ Москвѣ, когда онъ появился во главѣ своего полка; но онъ сказалъ мнѣ, что народъ всегда привѣтствовалъ его во все время его пребыванія

[1]) Депеша отъ 15-го (26) сентября 1786 г. въ Берлинск. архивѣ, Repos. X I, № 95.

въ древней столицѣ, но что то, о чемъ онъ говоритъ, было въ Петербургѣ, во дворцѣ, когда онъ могъ успокоить императрицу насчетъ всѣхъ страховъ, которые она могла имѣть относительно его. Полагая, что этотъ фактъ долженъ быть извѣстенъ вашему величеству, я не полюбопытствовалъ узнать его, опасаясь, что это можетъ не понравиться великому князю, но поздравилъ его высочество съ общею къ нему любовью, выразивъ, что это должно доставлять ему внутреннее удовлетвореніе, на что онъ отвѣчалъ мнѣ: „Ну, я не знаю еще насколько народъ желаетъ меня; я въ этомъ отношеніи не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій! Многіе ловятъ рыбу въ мутной водѣ и пользуются безпорядками въ нынѣшней администраціи, принципы которой, какъ многимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, совершенно расходятся съ моими“. Его императорское высочество окончилъ этотъ разговоръ словами, обращенными ко мнѣ: „Я говорилъ съ вами прямо, откровенно. Это моя исповѣдь представителю государя, къ которому я наиболѣе привязанъ“.

„Второй разговоръ тоже начался съ принца Фридриха вюртембергскаго, по поводу его переговоровъ съ тестемъ, причемъ его высочество во многомъ обвинялъ принцессу Августу и закончилъ такъ: „Прошу васъ, не сообщайте по почтѣ ничего, о чемъ мы говорили—нѣтъ надобности, чтобы кто-нибудь зналъ о сообщеніяхъ, мною вамъ сдѣланныхъ; но воспользуйтесь первою-же надежною оказіею, чтобы увѣрить его величество короля, что я всегда буду разсчитывать на его помощь, что̀ со мною ни случилось-бы“. Это послѣднее выраженіе, въ связи съ нѣкоторыми фразами великаго князя въ первой бесѣдѣ и съ выраженіемъ физіономіи, которымъ оно сопровождалось, заставляетъ меня предполагать, что его высочество не остановится ни передъ чѣмъ, если голосъ народа провозгласитъ его своимъ избранникомъ.

„Обѣ эти бесѣды съ великимъ княземъ происходили на Каменномъ Острову, въ его дворцѣ.

„Флигель-адъютантъ принца Фридриха вюртембергскаго, нѣкто Герсдорфъ, арестованный, нѣсколько дней спустя послѣ опалы принца, по возвращеніи изъ Выборга, куда онъ былъ посланъ принцемъ, все еще содержится въ Шлюссельбургѣ. Этотъ молодой человѣкъ, прибывшій изъ Штутгардта вмѣстѣ съ принцемъ, вполнѣ ему довѣрявшимъ, нерѣдко выражался довольно легкомысленно; но кромѣ этой неосторожности, никто не знаетъ за нимъ никакого иного преступленія“ [1]).

---

[1]) Берлин. Архивъ, Repos. XI, № 37. Депеша приведена нами въ извлеченіи.

Такимъ образомъ, слухи, сообщенные современниками, подтвердились во всѣхъ частяхъ: сообщенные Д. Ѳ. Кобеко три указа Екатерины II къ Циглеру, шлюссельбургскому коменданту, вполнѣ отвѣчаютъ слуху „яко-бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся"; слова великаго князя Павла Петровича съ лихвою свидѣтельствуютъ о государственномъ преступленіи принца Фридриха вюртембергскаго—работая въ пользу мужа своей сестры, принцъ Фридрихъ весьма могъ обратиться къ шведскому королю [1]), и Екатерина, извѣщенная о такой перепискѣ, дѣйствительно, „опасной здѣшнему государству", легко могла послать графа Ангальта въ Финляндію для провѣрки этого извѣстія. Происходило-ли это дѣйствительно такъ или какъ-нибудь иначе—это въ данномъ случаѣ безразлично; главный, существенный вопросъ заключается въ несомнѣнности преступныхъ относительно предержащей власти замысловъ принца Фридриха вюртембергскаго. Въ виду этой несомнѣнности, Екатерина II не только имѣла право, но была обязана принять строгія мѣры противъ принца Фридриха, какъ государственнаго преступника, и называть его высылку изъ Россіи „нѣсколько безцеремонною" [2])—по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Списывать въ хронологическомъ порядкѣ извѣстія, помѣщенныя въ разныхъ изданіяхъ, конечно, не легко, что̀ и доказалъ г. Брюкнеръ, пропустившій въ своей „Зельмирѣ" всѣ извѣстія о Герсдорфѣ; но гораздо труднѣе подвергать эти извѣстія вѣрной оцѣнкѣ и дѣлать изъ нихъ правильные выводы....

В. А. Вильбасовъ.

---

[1]) Бахвальство Густава III весною 1788 года не было-ли отзвукомъ нашептываній принца Фридриха? См. „Екатерина II во время войны съ Швеціею", въ „Русской Старинѣ", т. LX, стр. 552.

[2]) „Историч. Вѣстникъ", XLI, 562.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ДМИТРІЙ ИЛЬИНЪ,

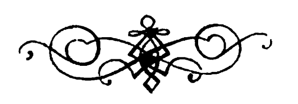
герой Чесменской битвы

1770 г.

Въ недавнее время нашъ военный флотъ обогатился быстроходнымъ крейсеромъ, наименованнымъ „Лейтенантъ Ильинъ". Въ память кого дано такое имя боевому судну и именно крейсеру, то, вѣрно, знаетъ каждый морякъ, но гдѣ и какъ покоятся останки воскресшаго для флота лейтенанта Ильина, то навѣрное изъ нихъ знаютъ лишь нѣкоторые; между тѣмъ, мѣсто погребенія Ильина не для однихъ моряковъ должно быть дорого,—его подвигъ составилъ славу нашего флота и для Россіи великую услугу. Почтить память героя Чесмы сооруженіемъ на его могилѣ памятника, достойнаго его подвига, вотъ цѣль этого очерка.

Проживая въ мѣстности, гдѣ оканчивалъ свое земное поприще доблестный Ильинъ, мнѣ довелось собрать о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя и ввѣряю достойнѣйшей редакціи „Русской Старины",—увѣренный, что она, столь отзывчивая ко всему, что служитъ къ сохраненію славы Отечества, помѣститъ на своихъ страницахъ помянутыя свѣдѣнія и тѣмъ подвигнетъ общество къ пожертвованіямъ на благолѣпіе храма, при которомъ покоится прахъ героя Ильина, а также на сооруженіе ему памятника.

М. Ѳ. Лодыгинъ.



I.

Дмитрій Сергѣевичъ Ильинъ, происхожденіемъ изъ бѣдныхъ дворянъ нынѣшней Тверской губерніи, родился въ 1738 году и скончался 65 лѣтъ, въ 1803 году 19 іюля, какъ то значится въ церковныхъ метрическихъ книгахъ и въ надписи на могильной плитѣ.

Соверша свой изумительный подвигъ въ 1770 году, въ турецкой бухтѣ Чесма, послужившій къ погибели всего стоявшаго тамъ турецкаго флота и доставивъ тѣмъ историческую славу нашему русскому флоту, лейтенантъ Ильинъ, по приходѣ эскадры съ графомъ Орловымъ въ мирныя воды, по повелѣнію императрицы Екатерины II, былъ долженъ представиться ея величеству и ожидалъ быть осыпаннымъ наградами отъ ея монаршихъ щедротъ. Боязнь, что Д. С. Ильинъ, по своей доброй, чистой натурѣ, умалитъ въ глазахъ государыни тѣхъ, кто захватилъ всю славу Чесменскаго боя, заставила ихъ обратить вниманіе на Ильина, по пріѣздѣ его въ Петербургъ. Молодой человѣкъ, 32-хъ лѣтъ, никогда не вращавшійся среди знати, попавъ въ ея кружокъ, былъ совершенно очарованъ оказываемымъ ему вниманіемъ, и предался къ радости ихъ—кутежамъ. Ильинъ былъ совершенно въ чаду. Въ одинъ изъ такихъ-то дней ему выпадаетъ счастіе быть представленнымъ государынѣ. Пріемъ добродушнаго Ильина не былъ продолжителенъ; при видѣ государыни, вмѣсто словъ, онъ палъ къ ногамъ ея величества и отъ душевнаго волкенія не могъ скоро подняться, а недоброжелатели Д. С. не приминули это отнести къ пьяному его состоянію и поспѣшили его убрать изъ дворца, да и убрали навсегда. Д. С., не погибшій въ чесменскомъ бою, погибъ отъ тѣхъ, кто захватилъ его славу, а тѣ, въ свою очередь, выбросивъ Ильина, торжествовали. Д. С., имѣвшій право ожидать тріумфальнаго шествія, очутился въ кибиткѣ, удаленъ со службы, какъ пьяница, и былъ отправленъ на жительство въ свое маленькое имѣніе, находившееся тогда въ Новогородскомъ уѣздѣ, при церкви погоста Застижья. Сжегши турецкіе корабли, сжегъ и лично свои! Слава о немъ померкла, и до смерти онъ влачилъ свою жизнь въ полнѣйшей бѣдности и похороненъ при церкви с. Застижья, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, отъ которой бывшая его усадьба менѣе, чѣмъ въ полуверстѣ. На могилѣ Д. С. его почитавшими со-

сѣдями-посѣщиками тогда-же была положена плита (сѣрый камень), на которой теперь имѣются весьма слабые признаки слѣдующей надписи:

„Подъ Камнемъ симъ. положено тело Капи
„тана. перваго ранга. Дмитрія Сергѣевича.
„Ильина. который сжегъ турецкій флотъ.
„при чесмѣ. жилъ 65 лѣтъ. скончался 1803 года“.

Какъ атрибуты надгробной плиты, вверху надъ надписью—восьмиконечный крестъ, а внизу—мертвая голова и подъ ней на-крестъ двѣ кости. Плита, по длиннымъ ребрамъ, имѣетъ 2 арш., въ изголовьи 1 арш. 2 вер. и въ ногахъ 1 арш.; она почти вся ушла въ землю и одинъ ея уголъ углубился въ могильную яму; плита поросла мохомъ и высѣченную на ней надпись, какъ вывѣтрившуюся, съ трудомъ можно разобрать. Сама могила не имѣетъ, какъ видно, никакого надзора; грозитъ въ скоромъ времени полнымъ разрушеніемъ; отдѣльной рѣшетки вокругъ нея никогда не было, словомъ, предана забвенію! Общій видъ крайне тяжелъ, а въ могилѣ покоятся останки человѣка, которому обязаны славной чесменской побѣдой!

Прямаго потомства у Дмитрія Сергѣевича Ильина, какъ видно, нѣтъ; двѣ его дочери, вышедшія въ свое время замужъ, какъ надо полагать, оставили свои семьи въ бѣдности, такъ что ихъ дѣтямъ и внучатамъ заботиться о мѣстѣ упокоенія своего прародителя — не приходится. Его подвигъ, во славу Россіи, даетъ указаніе почтить его память всему потомству,—такъ пусть оно и откликнется въ благодарность имъ сдѣланнаго, болѣе сотни лѣтъ тому назадъ, въ свое время изумившаго его современниковъ.

Миръ праху твоему, достойный памяти чесменскій герой!

Съ кончиною Дмитрія Сергѣевича Ильина въ 1803 году, знавшіе его при жизни и почтившіе его память, скорбя о бѣдственномъ положеніи его дочери Екатерины Дмитріевны, приняли мѣры къ доведенію о томъ до свѣдѣнія императора Александра I, избравъ для этого представленіе записки государю, написанной къ дочери умершаго Гавріиломъ Васильевичемъ Гераковымъ. Копія съ этой записки сохранилась здѣсь въ одномъ изъ семействъ, и вотъ ее мнѣ и довелось получить;—сообщаю ее безъ малѣйшаго измѣненія.

II.

Дѣвица Ильина [1]).

„Я сказалъ, утверждаю и всегда твердить буду: въ Россіи болѣе, нежели гдѣ, достоинства отличенія бываютъ и сіе отличіе простирается и на потомство. Доказательствомъ сему служитъ возвышенная награда потомкамъ великаго Ломоносова. И онъ былъ долго, очень долго забытъ государями, коихъ украшалъ царствованіе Другъ людей, другъ изящнаго—Ахвердовъ вскрылъ завѣсу, скрывающую потомство Ломоносова. Императоръ Павелъ узрѣлъ истину, вспомнилъ человѣка, воспѣвшаго предковъ его, и съ душевнымъ удовольствіемъ подписалъ указъ [2]), облегчающій навсегда долю потомковъ Русскаго Пиндара.

„Я сказалъ и въ вѣкъ твердить буду: весело, утѣшительно видѣть благодарныя души, радостныя слезы. Государи болѣе всѣхъ владѣютъ симъ правомъ; но только нужно представить имъ несчастныхъ, угнетенныхъ. Почему все существо мое въ восторгѣ отъ одной мысли—и дѣвица Ильина будетъ обрадована благостію нашего монарха. Онъ узнаетъ—и память славнаго, мужественнаго Ильина, родителя ея, пребудетъ, останется въ роды родовъ.

„Почтенный Херасковъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, увѣковѣчилъ уже имя Ильина въ своей превосходной поэмѣ—Чесменской бой. Онъ такъ говоритъ:

. . . .
Какъ бытто несъ главу Горгоны къ нимъ въ рукахъ,
Окамененье имъ Ильинъ [3]) навелъ и страхъ,
Онъ бросилъ молнію въ ихъ плавающіе домы,
Ударили со всѣхъ сторонъ отъ россовъ громы;
Тамъ бомба, на корабль упавъ, разорвалась,
И смерть, которая внутри у ней неслась,
Покрыта искрами, изъ оной вылетаетъ

---

[1]) Екатерина Дмитріевна постояннаго жилища не имѣетъ и болѣе проводитъ печальные дни свои, Тверской губ., Вышневолоцкаго уѣзда, въ дер. колежск. асессора Степана Петровича Лодыгина, въ нѣдрѣ дружественнаго ей семейства.

Гераковъ.

[2]) 22-го августа 1798 года.

[3]) Подошедъ къ турецкому кораблю и сцѣпясь съ нимъ, зажегъ брандеръ, отъ чего всѣ потому загорѣлись корабли.

Херасковъ.

Рукою корабли, другой людей хватаетъ,
Къ чему ни коснется, все гибнетъ и горитъ;
Огонь небесну твердь, пучину кровь багритъ;
Подъемлютъ якори, отъ смерти убѣгаютъ;
Но кроясь отъ огня, другъ друга зажигаютъ.

„И такой человѣкъ забытъ и такого человѣка дочь проливаетъ ежедневно слезы, не осушаетъ опыхъ надъ бѣднымъ дерновымъ возвышеніемъ, гдѣ зарыто тѣло, вмѣщавшее духъ мужественнаго Ильина. Нѣтъ! это ужъ слишкомъ много! Какъ, Ильинъ, при Чесменскомъ заливѣ сжегшій турецкій флотъ, не имѣетъ не только памятника,—но не покрытъ даже камнемъ прахъ его. И дочь, дочь забытаго героя, въ бѣдности, въ горести, таетъ, ежедневно проводитъ жизнь въ горькихъ стенаніяхъ, увядаетъ, сохнетъ, приближается къ смерти въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Боже! за что такъ люди охолодѣли къ себѣ подобнымъ, за что преждевременно оземленѣло существо ихъ!

„Клевета, зависть,—вы довольно насытились, заживо преслѣдуя почтеннаго Ильина: прекратите гоненія свои, скройте самихъ отъ себя, не безпокойте прахъ друга души моей!

„Ты-же, духъ героя Ильина, ты, исполни долгъ россіянина, долгъ бодрствующаго за Отечество, ты покойся на лонѣ Безначальнаго. Миръ праху твоему!

„Дочь нѣжная, дочь неустрашимаго героя, къ тебѣ обращаю рѣчь мою; я не знаю тебя, почтенная россіянка, но не разъ лилъ слезы по тебѣ; живи, кроткая душа, Ангелъ твой да сохранитъ тебя! Стоны твои достигнутъ престола Александра Перваго, императора нашего, государя милосердаго, ты навсегда отрешь слезы и покой навсегда поселится въ душѣ Ангельской твоей.

„Гаврило Васильевичъ Гераковъ".

На оборотѣ сочинителемъ написано къ подающему письмо о семъ тако: „другу страждущихъ Михайлѣ Степановичу Лодыгину" и подписано „только что человѣку".

Тамъ-же замѣтка. „Сіе сочиненіе переходило изъ рукъ въ руки, наконецъ дошло до императора Александра I, почему оная дѣвица Ильина нынѣ и получаетъ ежегодной пенсіи по 400 р. по смерть, да положено на имя ея въ банкъ 5,000 р. съ тѣмъ, дабы оную сумму и съ процентами выдать ей при вступленіи въ бракъ [1]); да и г. Гeракову за сіе сочиненіе пожаловано по смерть по 400 р. въ годъ пенсіи.

[1]) Екатерина Дмитріевна Ильина впослѣдствіи вышла замужъ за помѣщика Устюжскаго уѣзда Ефимьева. Г. Г.

III.

Сообщивъ о лейтенантѣ Дмитріи Сергѣевичѣ Ильинѣ и его могилѣ, нахожу вполнѣ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и о той церкви, при которой въ 1803 году погребено тѣло героя чесменскаго боя. Погостъ Застижье относятъ къ весьма отдаленнымъ временамъ, что показываетъ и само его названіе и окружающая мѣстность. Невдалекѣ отъ церкви, близъ Подборовскаго озера, имѣются два насыпные кургана (сопки), по всей вѣроятности скрывающіе въ себѣ кости какихъ-нибудь застигнутыхъ здѣсь неудачниковъ во времена новгородцевъ или бѣжавшихъ отъ татарскихъ или литовскихъ погромовъ. Право на такое сужденіе даетъ обиліе кургановъ въ этой мѣстности вообще, изъ которыхъ два-три при селѣ Сарогожскомъ, будучи раскапываемы въ 1850—1860 годахъ помѣщикомъ Н. А. Ушаковымъ, дали весьма много предметовъ глубокой старины.

Находящаяся теперь церковь построена въ 1823 году иждивеніемъ бывшаго прихожанина, помѣщика Ѳедора Егоровича Ирецкаго, и до 1861 года содержалась отъ его имѣнія, а съ того времени пользуется доходомъ отъ приписанныхъ къ ней 300 душъ крестьянъ сосѣднихъ деревень; въ виду маломѣрности прихода и затрудненій въ содержаніи отъ этого церкви, епархіальнымъ начальствомъ, года два тому назадъ, добавлено въ прихожане къ ней еще до сотни душъ.

Навѣщающимъ эту церковь бросается въ глаза ея бѣдность; благолѣпіе храма заключается лишь въ удивительной въ немъ чистотѣ, которой, казалось-бы, немало должна мѣшать обваливающаяся мѣстами отъ сырости штукатурка, а съ ней вмѣстѣ и стѣнная живопись; вслѣдствіе сырости происходитъ необходимость сдѣлать новую желѣзную кровлю, оконные переплеты и т. п.; въ расширеніи храма, по числу его прихожанъ, нѣтъ надобности, но въ матеріальной его поддержкѣ настоитъ полнѣйшая необходимость; въ немъ, у Св. Престола, совершаются молитвы и за раба Божія Димитрія, разумѣя Дмитрія Сергѣевича Ильина, героя Чесмы! Да и мѣсто его упокоенія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви.

Отставной артиллеріи генералъ-маіоръ **Мих. Ѳед. Лодыгинъ**.

Приложеніе.

Выписка изъ церковной записи о бракосочетавшихся 1780 года.

(Погостъ Застижье).

Въ февралѣ 9-го. Морскаго флота капитанъ перваго ранга и кавалеръ Димитрій Сергѣевъ сынъ Ильинъ, вдовецъ, первобрачной, Устюжскаго уѣзда, дубровскаго погоста, села Дубровки, отставнаго капитана Андрея Петрова сына Колюбакина, здочерью ево девицей Ириной, полувторымъ бракомъ.

О умершихъ 1802 года.

Въ іюлѣ 19-го. Господинъ капитанъ и кавалеръ Дмитрей Сергеевичъ Ильинъ телосіе предано земли, по церковному чиноположенію, священникомъ сороговскаго погоста Павломъ Васильевымъ села Застижья, съ дьячкомъ Андреемъ Павловымъ и пономаремъ Родіономъ Ивановымъ при застижской церкви.

Предкончиною исповедыванъ и святыхъ таинъ сподобленъ сороговскаго погоста священникомъ Павломъ Васильевымъ.

Неизвѣстною болѣзнью померъ.

Означенный Ильинъ въ 1780 году писанъ: морскаго флота капитанъ перваго ранга, а въ 1781 году—морскаго флота отставной полковникъ; въ 1782 году опять: вотчины отставнаго капитана Дмитрія Сергѣева сына Ильина; въ 1785 году—вотчины полковника Дмитрія Сергѣева сына Ильина; въ 1786 году—полковника и кавалера и т. д. до 1800 года, гдѣ опять писано: господина капитана и кавалера; въ 1802 году: господинъ капитанъ и кавалеръ.

1 арш. 2 вершка.

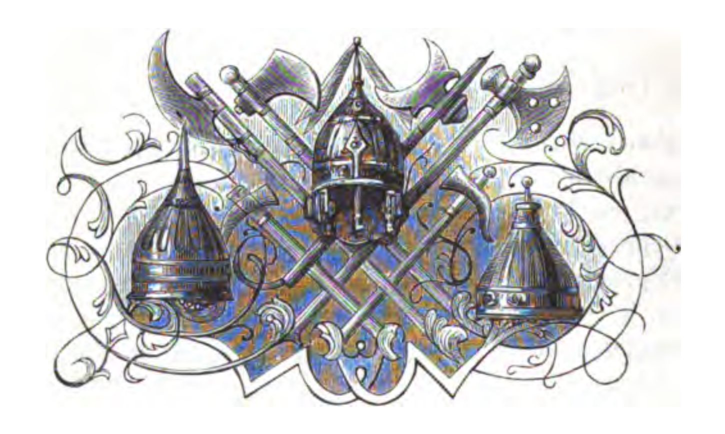
ПОДЪ КАМНЕМЪ СИМЪ
ПОЛОЖЕНО ТЕЛО КАПИТАНА
ПЕРВАГО РАНГА
ДМИТРІЯ СЕРГЕЕВИЧА
ИЛЬИНА
КОТОРЫЙ СЖЕГЪ ТУРЕЦКІЙ
ФЛОТЪ ПРИ ЧЕСМѢ
ЖИЛЪ 65 ЛѢТЪ
СКОНЧАЛСЯ 1803 ГОДА

Безъ $^1/_2$ вершка 2 арш.

1 арш.

Плита почти ушла въ землю, поросла мохомъ и высѣченную надпись съ трудомъ можно разобрать; плита сдѣлана изъ сѣраго камня.

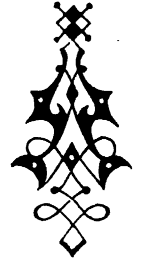
Священникъ с. Застижья **А. Троицкій.**



СЭРЪ ВИЛЬЯМЪ УАЙТЪ

въ варшавской слѣдственной комиссіи.

I.



екабря 16-го 1891 г., въ Берлинѣ, отъ инфлуэнцы, умеръ англійскій посолъ въ Константинополѣ сэръ Вильямъ Уайтъ. Дѣятельность покойнаго на Востокѣ, направленная исключительно противъ русскихъ интересовъ, хорошо знакома нашему обществу, но, вѣроятно, не многимъ извѣстно, что свою служебную карьеру онъ началъ въ англійскомъ консульствѣ въ Варшавѣ, гдѣ и проявилъ свою враждебность ко всему русскому донесеніями о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ за время съ 1857 по 1865 гг. Если припомнить, что въ этотъ періодъ Англія была особенно нѣжна къ полякамъ и дѣлала всякія попустительства вожакамъ возстанія, то легко представить себѣ въ какомъ родѣ редактировались донесенія Уайта и что̀ они въ себѣ заключали.

Еще менѣе извѣстно, что онъ родился у насъ въ Царствѣ Польскомъ и до поступленія на службу въ англійское консульство, занимался сельскимъ хозяйствомъ, арендуя въ Радомской губерніи незначительный фольваркъ.

Во всѣхъ странахъ свѣта, и едва-ли не во всѣхъ без исключенія государствахъ, встрѣчается не мало англійскихъ семей, которыя проживаютъ въ нихъ продолжительное время, занимаясь торговлею, промышленностью и вообще разнаго рода предпріятіями. Строго сохраняя свою національность и воспитывая своихъ дѣтей по возможности въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подобныя семьи тѣсно сходятся съ мѣстнымъ обществомъ и охотно роднятся съ нимъ, женя своихъ сыновей на мѣстныхъ уроженкахъ или выдавая дочерей за мѣстныхъ жителей. Члены такихъ семействъ достав-

ляютъ англійскому правительству надежнѣйшихъ агентовъ для распространенія его вліянія и отличный матеріалъ для пополненія личнаго состава посольствъ и особенно консульствъ. Англія широко этимъ пользуется и между ея дипломатами и консулами, сплошь и рядомъ, можно встрѣтить замѣчательныхъ людей, досконально знающихъ: языкъ, условія жизни и администрацію тѣхъ мѣстностей, гдѣ они являются представителями и защитниками англійскихъ интересовъ.

Покойный Уайтъ принадлежалъ именно къ одной изъ такихъ семей. Отецъ его пріѣхалъ въ Царство Польское въ 1819 году и поселился въ Пулавахъ, что нынѣ уѣздный городъ Ново-Александрія въ Люблинской губерніи. Въ 1823 г. онъ женился тамъ на дочери William Neville Gardiner, бывшаго послѣднимъ англійскимъ посланникомъ при королѣ Станиславѣ Августѣ въ Варшавѣ. Эта молодая особа, извѣстная подъ именемъ „Лилли", жила съ своею матерью въ Пулавахъ и воспитывалась, вмѣстѣ съ другими благородными дѣвицами, въ домѣ князя Чарторыйскаго, въ ультра-католическомъ духѣ.

Молодые супруги жили сперва въ Пулавахъ, а потомъ взяли въ аренду, лежащій на противоположномъ берегу Вислы, фольварокъ Гура-Пулавская, принадлежащій теперь на маіоратномъ правѣ семейству генерала Рейнталя. Въ 1824 году у нихъ родился сынъ Вильямъ-Артуръ, къ коему относится настоящая замѣтка. Послѣ выѣзда въ 1831 году князей Чарторыйскихъ въ Высоцкъ (Галиція), туда послѣдовала за ними и г-жа Уайтъ съ сыномъ. Воспитанный сперва матерью, а потомъ іезуитами въ Вѣнѣ, молодой Уайтъ поступилъ на 18-мъ г. жизни въ Оксфордскій университетъ. 23-хъ лѣтъ онъ возвратился въ Царство Польское и арендовалъ въ Опоченскомъ уѣздѣ Радомской губерніи фольваркъ Цетень, гдѣ жилъ въ тѣсной дружбѣ съ монахами сосѣдняго монастыря Филиппиновъ въ Студзянѣ. Часто бывалъ онъ въ гостяхъ и у тогдашняго радомскаго губернатора Бялоскурскаго, бывшаго прежде офицеромъ генеральнаго штаба. Вѣроятно, сельское хозяйство не везло Уайту, и онъ въ 1857 г. бросилъ его для должности секретаря англійскаго генеральнаго консульства въ Варшавѣ. Переименованный потомъ въ вице-консулы, онъ находился въ Варшавѣ во все время безпорядковъ въ краѣ и въ самое возстаніе 1863—1864 гг.

Англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ, во время возстанія, былъ полковникъ Стантонъ, послѣ отозванія котораго и впредь до прибытія новаго консула полковника Мансфильда, Уайтъ болѣе года управлялъ консульствомъ. Отлично зная Царство Поль-

ское и имѣя въ немъ многочисленныя связи во всѣхъ слояхъ общества, гдѣ въ немъ видѣли почти поляка и патріота, Уайтъ явился самымъ ревностнымъ собирателемъ подходящихъ для англійскаго правительства свѣдѣній, и былъ съ самой выгодной для него стороны замѣченъ своимъ начальствомъ. Отсюда и пошла его извѣстность, доставившая ему впослѣдствіи назначеніе на выдающійся постъ англійскаго посла въ Константинополѣ. Въ русскомъ обществѣ Варшавы его совсѣмъ не было видно. Уайтъ превосходно говорилъ по-польски и совершенно прилично объяснялся по-русски. Въ Варшавѣ онъ былъ холостымъ и женился въ Данцигѣ на дочери мѣстнаго промышленника, нѣмца или поляка—не знаю.

Въ 1864 г., когда Уайтъ, въ ожиданіи Мансфильда, управлялъ генеральнымъ консульствомъ, ему пришлось играть щекотливую для него роль въ одномъ выдающемся эпизодѣ, о которомъ я сейчасъ и разскажу.

II.

Вечеромъ, во вторникъ, 28-го мая 1863 г., къ тогдашнему помощнику намѣстника и главнокомандующаго графу Бергу явился варшавскій окружной интендантъ генералъ Хоментовскій и доложилъ, что казначей, посланный имъ въ главное казначейство, за полученіемъ денегъ, вернулся съ пустыми руками, потому что казначейство оказалось разграбленнымъ на громадную сумму, въ нѣсколько милліоновъ рублей. Бывшій при этомъ докладѣ капитанъ Мих. Ник. Анненковъ тотчасъ былъ посланъ графомъ Бергомъ къ великому князю намѣстнику Константину Николаевичу съ докладомъ о новой продѣлкѣ жонда народоваго.

На слѣдующее утро стоило только сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ, чтобы убѣдиться, что вся Варшава знала уже о случившемся. Все было весело, ликовало и съ мальчишескимъ задоромъ посматривало на насъ, военныхъ, своими мундирами явно выдававшихъ свою принадлежность къ московскому наѣзду.

Я былъ съ ранняго утра въ пріемной намѣстника и видѣлъ, какъ съѣзжались въ замокъ главнѣйшіе представители мѣстной гражданской администраціи: маркизъ Велепольскій, статсъ-секретарь Энохъ, главный директоръ финансовъ Багневскій.... Всѣ впечатлѣнія этого дня подробно были мною тогда-же записаны, а потомъ я записалъ послѣдовательно и всѣ обстоятельства дѣла о покражѣ милліоновъ, въ точности мнѣ извѣстнаго, потому что приказомъ намѣстника отъ

12-го іюня 1863 г., я былъ назначенъ однимъ изъ четырехъ членовъ (д. с. с. Пономаревъ и Чистилинъ, полковники Анучинъ и Тухолка) особаго военнаго суда, учрежденнаго, подъ предсѣдательствомъ свиты его величества генералъ-маіора Краснокутскаго, для разсмотрѣнія дѣла и сужденія виновныхъ. Когда нибудь замѣтки эти появятся въ печати, теперь-же скажу о покражѣ милліоновъ самое главное, необходимое для уясненія дальнѣйшаго разсказа.

Непосредственными исполнителями самой покражи были: главный кассиръ Станиславъ Яновскій, начальникъ бухгалтеріи Станиславъ Гебда и трое возныхъ (присяжныхъ) казначейства: Бѣлинскій, Тышковскій и Колтуновскій. Изъ этихъ лицъ, ко дню открытія покражи, первые четверо бѣжали, а послѣдній лишилъ себя жизни. Затѣмъ, виновными въ упущеніяхъ по службѣ и единственно представшими на судъ были: членъ комиссіи финансовъ д. с. с. Янишовскій, помощникъ главнаго кассира Оржелъ (Орелъ) и кассиры Расинскій и Шимборскій.

Разслѣдованіе порядковъ, существовавшихъ въ главномъ казначействѣ, показало, что Яновскій и Гебда имѣли полную возможность, обратившуюся на практикѣ въ неизмѣнное право, ходить въ главную кладовую когда имъ было угодно и производить тамъ вклады или выемки суммъ. Названные выше возные состояли при Яновскомъ, и именно имъ всегда поручалось вносить въ кладовую и выносить изъ нея и изъ самаго казначейства значительныя суммы денегъ, какъ въ монетѣ, такъ и въ бумагахъ. Поэтому, вышеназванные пятеро чиновниковъ, при взаимномъ между собою согласіи, могли, не возбуждая ни въ комъ никакого сомнѣнія, вынести изъ скарбца все, что имъ было угодно. А такъ какъ они всѣ пятеро исчезли, то этимъ и доказывалось, что покража денегъ совершена была при ихъ содѣйствіи.

Вопросъ о томъ, участвовалъ-ли въ этомъ „жондъ народовый" вскорѣ разъяснился въ утвердительномъ смыслѣ. Двумя печатными плакатами, появившимися въ Варшавѣ 3-го (15) и 10-го (22) іюня, жондъ объявилъ: первымъ, что чиновники Станиславъ Яновскій и Станиславъ Гебда, передавъ изъ главнаго казначейства въ кассу жонда 24.012.992 злотыхъ 20 грошей (т. е. 3.601.948 р. 90 к.), „оказали большую услугу краю и, по повелѣнію жонда, отправлены за-границу съ особымъ порученіемъ", а вторымъ, что большую-же услугу оказали краю и возные Бѣлинскій, Тышковскій и Колтуновскій, помогая дѣяніямъ казначея и бухгалтера.

Въ промежуткѣ между выпускомъ этихъ плакатовъ, 4-го (16) іюня бѣжавшій бухгалтеръ Гебда написалъ изъ Любека къ маркизу Веле-

польскому письмо, въ которомъ, заявляя о своихъ дѣйствіяхъ по „спасенію остатковъ народныхъ капиталовъ отъ беззаконнаго грабежа московскаго правительства“, говорилъ, что на поступокъ этотъ онъ рѣшился съ цѣлью искупить свое продолжительное, болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее, беззаконное участіе въ финансовыхъ операціяхъ правительства.

Слѣдуетъ еще сказать, что: 1) 17-го (29) мая 1863 г., за нѣсколько дней до покражи, произведена была внезапная ревизія главнаго казначейства и всѣ суммы (свыше 9 милл. руб.) найдены были на лицо полностью; 2) въ послѣдній разъ въ кассу ходили 25-го мая въ субботу, а затѣмъ до новаго ея открытія 28-го мая, во вторникъ, она была заперта, и 3) что Яновскій и Гебда выѣхали изъ Варшавы съ законными паспортами.

Вся совокупность этихъ фактовъ показываетъ, что Яновскій и Гебда, заручившись свидѣтельствомъ внезапной ревизіи о неприкосновенной цѣлости состоявшихъ подъ ихъ охраненіемъ капиталовъ и запасшись паспортами, совершенно свободно передали агентамъ жонда значительную часть бывшихъ въ главномъ казначействѣ суммъ, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія. Впрочемъ, можетъ быть, что въ моментъ передачи денегъ, въ казначейство явились вооруженные агенты жонда и угрозою стрѣлять изъ револьверовъ удержали въ страхѣ присутствующихъ, заставя ихъ видѣть въ дѣйствіяхъ казначея, бухгалтера и возныхъ пассивное исполненіе приказанія жонда.

За побѣгомъ четырехъ дѣйствовавшихъ лицъ и смертью пятаго, военному суду были преданы: членъ комиссіи финансовъ Янишовскій и трое изъ второстепенныхъ казначейскихъ чиновниковъ.

Янишовскій былъ обвиняемъ въ томъ, что, имѣя ключъ отъ скарбца (главная кладовая), никогда не присутствовалъ при открытіи и закрытіи кладовой, а по установившемуся съ давнихъ поръ обычаю, передавалъ свой ключъ главному бухгалтеру. Это повторилось и въ роковой день покражи милліоновъ. Янишовскому было 71 г. Онъ жилъ исключительно замкнутою жизнью чиновника и былъ, между прочимъ, извѣстенъ тѣмъ, что въ 1830 году одинъ изъ всего состава финансоваго вѣдомства не присягнулъ на вѣрность тогдашнему народному правительству.

По точнымъ разсчетамъ повѣрявшихъ деньги и счеты казначейства, изъ него Яновскимъ и Гебдою украдено было:

золотомъ	54.075	р.	— к.
русскими кредитными билетами	328.000	„	— „
польскими „ „	171.000	„	— „

заставными листами земскаго кредитнаго общества	3.027.945 р. — к.
купонами къ этимъ листамъ . . . . , . . .	673.242 „ 90 „
Всего . .	4.254.262 р. 90 к.

Изъ всей этой массы украденныхъ цѣнностей въ ходъ немедленно могли быть пущены: золото, кредитные билеты и 61.203 р. 90 к. купоновъ за первое полугодіе 1863 г., выходившихъ 22-го іюня и уже обращавшихся въ публикѣ. Всего имѣвшаго курсъ было на сумму 614,278 р. 90 к. [1]).

Заставные листы земскаго кредитнаго общества пользовались отличнымъ курсомъ, охотно принимались на главнѣйшихъ европейскихъ биржахъ и могли быть легко реализованы въ томъ случаѣ, если-бы было упущено время на повсемѣстное оповѣщеніе объ ихъ пропажѣ. Что касается до купоновъ за послѣдующее время, то было весьма серьезное опасеніе, что они, по мѣрѣ ихъ выхода (по 120.408 руб. въ годъ), будутъ свободно обращаться въ публикѣ и сдѣлаютъ не мало жертвъ по невозможности для частнаго лица, при каждомъ пріемѣ купона, справляться съ таблицею. Въ теченіе пяти лѣтъ, на которые имѣлись при заставныхъ листахъ купоны, такихъ потерь публики можно было ожидать на сумму 612.040 р.

Бухгалтеръ Гебда, передавъ деньги жонду, захватилъ съ собою за-границу подлинные списки хранившимся въ главномъ казначействѣ закладнымъ листамъ. Поэтому немедленное опубликованіе номеровъ украденныхъ листовъ было крайне затруднительно. Тѣмъ не менѣе, наше финансовое вѣдомство, при содѣйствіи министерства иностранныхъ дѣлъ, успѣло всюду за-границею сообщить о свершившейся кражѣ и получило отъ главнѣйшихъ банкировъ заявленіе, что они, впредь до появленія таблицы украденнымъ листамъ, воздержатся отъ сдѣлокъ съ закладными листами и тѣмъ не дадутъ злоумышленникамъ способа къ немедленной ихъ продажѣ. Отданный подъ судъ дѣйств. статскій совѣтникъ Янишовскій съумѣлъ, однако, отыскать черновыя таблицы и изъ нихъ составилъ полный списокъ, который былъ напечатанъ и опубликованъ. Предупреждая

---

[1]) Какъ ни ловко была обставлена эта передача денегъ, видно, что дѣйствовавшія лица не были спокойны; въ скарбцѣ остались не замѣченными или забытыми: 15 мѣшковъ съ тысячью полуимперіаловъ въ каждомъ; 4 свертка съ 400 полуимп. и 1 свертокъ, въ которомъ было 17 полуимп. Всего послѣ кражи, въ скарбцѣ оставалось золота 15.417 полуимп., не говоря о 4-хъ милл. заставными листами. Д. А.

размѣнъ самихъ заставныхъ листовъ за-границею, не подозрѣвали, что злоумышленникамъ удастся новая дерзкая шутка съ купонами и притомъ въ самой Варшавѣ. Въ сентябрѣ того-же 1863 года, въ главное кредитное общество явился нѣкій Моргенбессеръ и предъявилъ къ размѣну массу купоновъ на 40 тысячъ рублей. Чиновники, разумѣется, сразу замѣтили, что предъявленные купоны отъ краденныхъ билетовъ, но... деньги по нимъ выдали, а о Моргенбессерѣ сообщили полиціи въ то время, когда уже и слѣдъ его простылъ. Предсѣдатель кредитнаго общества, Кретковскій, былъ за это уволенъ отъ должности, а со всего состава главной дирекціи взыскана выданная за купоны сумма. Наконецъ, 31-го марта 1864 года послѣдовалъ высочайшій указъ о выпускѣ дубликатовъ вмѣсто украденныхъ заставныхъ листовъ и, такимъ образомъ, какъ казалось, съ этимъ дѣломъ навсегда было покончено.

Между тѣмъ, украденные заставные листы находились за-границею, и агенты жонда принимали различныя мѣры къ ихъ помѣщенію. Перевозились эти листы изъ одного государства въ другое; предъявлялись различнымъ банкирамъ, но никто изъ нихъ не соглашался купить листы. Наконецъ, дошли они до Лондона. Здѣсь пошли съ ними тѣ-же розыски добродушнаго банкира, котораго удалось-бы обмануть или который-бы охотно купилъ ихъ, какъ завѣдомо краденные, въ разсчетѣ на спекуляцію. Надо полагать, что лица, въ рукахъ коихъ находились заставные листы, были мало знакомы съ мѣстными обстоятельствами, потому что въ одинъ прекрасный день они предъявили эти листы банкиру, состоявшему постояннымъ и долголѣтнимъ комиссіонеромъ нашего генеральнаго консула въ Лондонѣ. Банкиръ просилъ оставить листы въ его конторѣ и далъ знать консулу. Консуломъ въ Лондонѣ былъ тогда камергеръ Бергъ, родной братъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Немедленно полетѣла изъ Лондона телеграмма въ Варшаву, сообщавшая о задержкѣ листовъ и просившая скорѣйшаго отвѣта, что дѣлать, такъ какъ банкиръ, задержавшій листы, обязанъ былъ въ 24 или 48 часовъ времени возвратить ихъ предъявителю или представить суду.

Изъ Варшавы немедленно отвѣтили, что слѣдуетъ начать судебное дѣло и что всѣ необходимыя свѣдѣнія для разъясненія обстоятельствъ покражи заставныхъ листовъ будутъ присланы вслѣдъ за симъ. Банкиръ передалъ листы судебнымъ властямъ въ Лондонѣ, противная сторона принесла жалобу тѣмъ-же властямъ на захватъ листовъ банкиромъ, и дѣло началось. Наше генеральное

консульство приняло въ немъ дѣятельное участіе и пригласило для защиты одного изъ извѣстныхъ мѣстныхъ адвокатовъ.

Въ это время, когда въ Лондонѣ совершенно неожиданно началось дѣло о выкраденныхъ заставныхъ листахъ и сами они, въ полной почти суммѣ, находились въ рукахъ англійскихъ судебныхъ властей, въ Варшавѣ слѣдственныя комиссіи давно уже знали всѣ обстоятельства ихъ покражи изъ главнаго казначейства. Въ декабрѣ 1864 г. въ Варшавѣ былъ задержанъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго мятежа бывшій студентъ (не окончилъ курса) петербургскаго университета Александръ Вашковскій. Послѣ арестованія Траугута и бѣгства Бржезинскаго, бывшихъ послѣдними начальниками жонда, вся власть революціонной партіи сосредоточилась въ городскомъ совѣтѣ или, лучше сказать, въ лицѣ его предсѣдателя Александра Вашковскаго, безумной энергіи котораго удалось продлить дни издыхавшей революціи.

Это былъ очень красивый юноша, энергическаго характера, съ крайне развитымъ тщеславіемъ и самообольщеніемъ. Гордясь тѣмъ, что онъ, какъ и было доказано слѣдствіемъ, лично не участвовалъ ни въ одномъ убійствѣ, Вашковскій съ юношескимъ задоромъ говорилъ о своихъ подвигахъ и, видимо, наслаждался своими разсказами.

Когда слѣдствіе надъ нимъ было окончено, и онъ былъ освобожденъ отъ дальнѣйшихъ допросовъ, Вашковскій, по примѣру огромнаго большинства лицъ, принадлежавшихъ къ революціонной организаціи, не исключая и самыхъ выдающихся членовъ, такъ называемаго „жонда народовего“, сидя въ одиночествѣ, почувствовалъ стремленіе къ разнымъ раскрытіямъ и сперва словесно, а потомъ и письменно изложилъ извѣстныя ему и давно уже разслѣдованныя подробности о началѣ и развитіи безпокойствъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ это время, совершенно случайно, изъ показаній другихъ лицъ, открылось, что Вашковскій былъ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ покражѣ денегъ изъ Главнаго Казначейства, На сдѣланный ему вопросъ по этому поводу, онъ далъ самыя подробныя показанія. Изъ его провѣреннаго разсказа оказалось, что эта покража была задумана и исполнена исключительно имъ самимъ, не только не по приказанію жонда, но даже противъ его желанія. Видя смуты въ составѣ жонда и бездѣйствіе революціонныхъ властей, Вашковскій, на свой страхъ, задумалъ разграбленіе главнаго казначейства и, найдя полное содѣйствіе со стороны чиновниковъ Яновскаго и Гебды, дѣйствительно ограбилъ кассу. Захваченныя имъ деньги нѣсколько дней никто изъ членовъ жонда не

хотѣлъ принимать, и Вашковскій хранилъ ихъ у себя. Наконецъ, деньги переданы были жонду, который, черезъ недѣлю послѣ покражи, объявилъ печатными плакатами благодарность чиновникамъ, совершившимъ кражу.

Всѣ выясненныя по этому данныя были сообщены въ Лондонъ и переданы суду. Въ судѣ одна сторона доказывала, что край находится въ возстаніи, повинуется своему революціонному правительству и что никакой покражи въ главномъ казначействѣ не было, а совершена только, по приказанію временнаго правительства, передача денегъ изъ одной кассы въ другую. Нашъ адвокатъ утверждалъ противное, отрицалъ существованіе какого-либо другаго правительства, кромѣ нашего, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ, что самая покража была даже не дѣломъ, такъ называемаго, жонда, а преступленіемъ одного лица, дѣйствовавшаго по собственной своей инициативѣ.

При рѣшеніи дѣла весьма важное значеніе могло имѣть показаніе самого Вашковскаго. Очевидно, что если-бы онъ показалъ, что совершилъ покражу денегъ изъ главнаго казначейства по собственному почину, то дѣло это и въ предупрежденномъ англійскомъ судѣ приняло-бы простой уголовный характеръ. Судъ потребовалъ показанія Вашковскаго. Для этого надлежало снова допросить его, причемъ данное имъ показаніе могло имѣть для суда значеніе только тогда, когда оно было-бы дано въ присутствіи англійскаго консула.

Такимъ образомъ, явилась необходимость допроса Ляндовскаго въ Варшавѣ, въ присутствіи англійскаго консула, для чего, за неприбытіемъ еще вновь назначеннаго Мансфильда, былъ уполномоченъ Вильямъ Уайтъ.

III.

Допросъ Вашковскаго долженъ былъ произойти въ слѣдственной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ полковника Тухолки. Кромѣ обычнаго состава комиссіи, на допросѣ назначены были присутствовать еще два лица: я, для подробнаго сообщенія графу Бергу всего того, что произойдетъ на засѣданіи, и директоръ дипломатической канцеляріи намѣстника, гр. В. Д. Остенъ-Сакенъ, для приданія дѣлу полной оффиціальности. Онъ-же долженъ былъ привести съ собою и Уайта.

Вся суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы Вашковскій повторилъ при Уайтѣ то свое показаніе, какое было дано имъ раньше.

Можно было опасаться, что, узнавъ о производящемся въ лондонскомъ судѣ дѣлѣ, онъ откажется отъ своего первоначальнаго показанія. Очевидно, что предупредить это не было никакой возможности. Вообще, рѣшено было предоставить дѣлу вполнѣ правильное теченіе и до послѣдней минуты, т. е. до вызова Вашковскаго въ слѣдственную комиссію въ присутствіи Уайта, ничего ему не говорить и ни о чемъ его не предупреждать.

Довольно рано утромъ, въ назначенный для допроса день, я былъ уже въ большой варшавской слѣдственной тюрьмѣ на Павей улицѣ, извѣстной въ городѣ подъ названіемъ „Павяка". Вскорѣ пріѣхалъ туда и графъ Остенъ-Сакенъ съ Уайтомъ.

Англичанинъ, какъ мнѣ потомъ передавалъ Остенъ-Сакенъ, ѣхалъ съ нескрываемою надеждою „наконецъ-то проникнуть въ тайны обращенія нашихъ властей съ политическими арестантами"; былъ очень оживленъ и не скрывалъ, что весьма доволенъ выпавшимъ на его долю случаемъ побывать въ столь страшномъ „Павякѣ".

Зала засѣданій комиссіи была очень обширна, оконъ въ пять на улицу. Третья ея часть по длинѣ была отдѣлена низенькою полированною рѣшеткою, за которою стоялъ столъ, окруженный креслами для членовъ комиссіи. Посрединѣ рѣшетки были дверцы, передъ которыми, лицомъ къ судейскому столу, стоялъ пюпитръ для адвоката, скамья для привлеченныхъ къ слѣдствію и столъ для секретарей. Затѣмъ въ залѣ никакой болѣе мебели не было.

Поздоровавшись съ вошедшими гостями, графомъ Остенъ-Сакеномъ и Уайтомъ, предсѣдатель познакомилъ ихъ съ членами комиссіи, а потомъ кратко объяснилъ цѣль предстоящаго засѣданія и разрѣшилъ Уайту обратиться къ Вашковскому съ заявленіемъ, что онъ, Уайтъ, назначенъ англійскимъ правительствомъ присутствовать при дачѣ Вашковскимъ показанія по производившемуся въ Лондонѣ дѣлу о покражѣ денегъ, совершенной въ 1863 г. изъ варшавскаго главнаго казначейства, съ предупрежденіемъ, что показаніе должно быть совершенно добровольное и непринужденное.

Послѣ этого послали за Вашковскимъ, который, выйдя уже изъ подъ вѣдѣнія слѣдственной комиссіи, состоялъ въ распоряженіи военнаго суда. Уайтъ потомъ разсказывалъ, что, ожидая появленія Вашковскаго, онъ думалъ увидѣть его закованнымъ въ цѣпи, изнуреннымъ и озлобленнымъ. Одинъ наружный видъ Вашковскаго долженъ былъ уже свидѣтельствовать о страданіяхъ, претерпѣваемыхъ арестованными повстанцами.

За стѣною, бывшею слѣва отъ стола, послышались шаги, дверь

въ залу комиссіи растворилась и въ нее вошелъ цвѣтущій здоровьемъ молодой человѣкъ, прилично одѣтый въ пиджачную пару. Это былъ Александръ Вашковскій.

Не будучи предупрежденъ о томъ, для чего и куда его ведутъ, онъ совершенно неожиданно увидалъ себя передъ слѣдственною комиссіею, съ членами которой не расчитывалъ уже болѣе встрѣчаться. Удивленіе выразилось на его лицѣ, и онъ не могъ удержаться отъ восклицанія по-польски:

„Ахъ, гг. судьи, какъ я радъ снова васъ увидѣть".

Стоявшій у самой рѣшетки членъ комиссіи, Гришинъ, подалъ Вашковскому руку. Потомъ подошелъ другой членъ и тоже поздоровался съ нимъ рукопожатіемъ, и, наконецъ, самъ строгій предсѣдатель, Ф. Л. Тухолка также сталъ здороваться съ вошедшимъ. Поочередно раздавались возгласы: „Господинъ судья! Господинъ презесъ!"

Я, гр. Остенъ-Сакенъ и Уайтъ стояли нѣсколько поодаль, все это видѣли и слышали. Уайтъ какъ-то торопливо произносилъ: „что это такое? какъ это?" Я посмотрѣлъ на него—лицо его было самое неопредѣленное, недоумѣвающее.

„Кто это такой?" спросилъ онъ, наконецъ, Остенъ-Сакена.

— „Развѣ вы не догадываетесь—это Вашковскій".

„Можетъ-ли быть?"

— „Навѣрное, онъ; вотъ подойдемъ и спросимъ".

„Вѣдь это Вашковскій?" спросилъ Остенъ-Сакенъ Тухолку.

— „Онъ самый".

„Вотъ видите", обратился Сакенъ къ Уайту.

— „Я рѣшительно ничего не понимаю, отозвался тотъ и, обращаясь къ предсѣдателю, спросилъ: „Позвольте мнѣ сдѣлать Вашковскому нѣсколько частныхъ, къ дѣлу не относящихся, вопросовъ".

„Сдѣлайте одолженіе".

— „Вы Вашковскій?" спросилъ его Уайтъ.

„Вашковскій, а вы англійскій вице-консулъ Уайтъ, неправда-ли? Я васъ давно зналъ въ лицо".

— „Я дѣйствительно Уайтъ и попрошу васъ отвѣтить на нѣсколько вопросовъ".

„Отчего-же нѣтъ".

— „Вы тотъ Вашковскій, который былъ революціоннымъ начальникомъ Варшавы?"

„Да, я былъ начальникомъ города Варшавы и членомъ жонда во время покушенія на жизнь графа Берга. Послѣднее время я одинъ всѣмъ распоряжался."

— „Теперь вы подъ военнымъ судомъ и знаете, что̀ васъ ожидаетъ?“

„Конечно, знаю, меня повѣсятъ“.

— „И вы... вы.... Уайтъ судорожно тыкалъ пальцемъ по направленію къ членамъ комиссіи, такъ симпатично съ ними встрѣчаетесь? Вѣдь это они посылаютъ васъ на казнь?“

„Господа судьи всегда были очень добры ко мнѣ; они исполняли свои обязанности; а я поплачусь за свои дѣла. Извѣстно, что всѣхъ членовъ жонда, и при этомъ Вашковскій самодовольно улыбнулся, приговариваютъ къ смерти“.

— „Я присланъ сюда королевою Викторіею и вы, давая ваши отвѣты...“

„Не довольно-ли, г. Уайтъ, вмѣшался предсѣдатель, это уже не частные вопросы и когда мы приступимъ къ дѣлу, вы будете имѣть время сказать Вашковскому что̀ нужно. Начнемте засѣданіе“.

— „Нѣтъ, это просто невѣроятно, я тутъ ничего не понимаю, говорилъ Уайтъ, направляясь къ своему креслу. У насъ въ Англіи немыслимы подобныя отношенія между судьями и преступниками“.

Всѣ сѣли вокругъ стола. Вашковскій остался за рѣшеткою.

„Вашковскій, началъ Ф. Л. Тухолка, вы вызваны сюда, чтобы дать показаніе по дѣлу о покражѣ изъ главнаго казначейства. Готовы вы дать показаніе?“

— „Но я уже все сказалъ объ этомъ моемъ дѣлѣ и даже написалъ“.

„Я помню это, но теперь по судебному дѣлу, производящемуся въ Лондонѣ, необходимо выслушать ваше показаніе, въ присутствіи англійскаго консула, котораго вы здѣсь видите. Такъ готовы дать показаніе?“

— „Совершенно готовъ, панъ презесъ, извольте спрашивать“.

„Г. Уайтъ, теперь вы можете обратиться къ подсудимому съ вашимъ заявленіемъ“.

— „Пане Вашковскій, началъ Уайтъ, меня прислала сюда королева Викторія присутствовать при вашемъ показаніи и я предваряю васъ, что показаніе ваше должно быть совершенно добровольное и невынужденное. Вы можете и не отвѣчать, если...“

„Отчего-же мнѣ не отвѣчать, я сказалъ уже господину презусу, что готовъ отвѣчать, и скажу все“.

— „Но вы можете...“ продолжалъ Уайтъ.

„Вы высказали уже все, что слѣдовало, остановилъ его Ф. Л. Тухолка, позвольте теперь говорить Вашковскому. Вашковскій,

разскажите намъ все, что касается до вашего личнаго участія въ дѣлѣ покражи заставныхъ листовъ изъ главнаго казначейства".

— „Въ маѣ 1863 года въ народовой организаціи были большія несогласія. Жондъ и начальникъ города во многомъ между собою не сходились. Тогда я, будучи полнымъ хозяиномъ города, рѣшился дѣйствовать самъ и забрать деньги изъ главнаго казначейства..."

„Что онъ говоритъ, ворочался Уайтъ на своемъ креслѣ около меня, онъ ничего не понимаетъ..."

— „Жондъ, боясь усиленныхъ преслѣдованій со стороны правительства, не одобрилъ моего намѣренія и не давалъ никакого согласія; я вынужденъ былъ сдѣлать все самъ по личному почину..."

„Господа, сказалъ Ф. Л. Тухолка, я полагаю, что для насъ будетъ гораздо удобнѣе получить отъ Вашковскаго не словесное, а письменное показаніе; онъ хорошо владѣетъ перомъ и мы подпишемъ его показаніе. Вамъ не трудно будетъ, Вашковскій, дать письменное показаніе".

— „Совсѣмъ не трудно и я напишу его охотно".

„Помилуйте, возразилъ Уайтъ, зачѣмъ ему писать, онъ только задержитъ насъ".

— „Нѣтъ, не задержу нисколько, я напишу скоро".

„Но зачѣмъ вамъ писать, настаивалъ Уайтъ, довольно и словеснаго показанія".

— „Пусть пишетъ, сказалъ Ф. Л. Тухолка, а мы тѣмъ временемъ побесѣдуемъ. Вашковскій, пишите ваше показаніе, да покороче. Гг., объявляю перерывъ засѣданія".

Вашковскій сѣлъ писать показаніе, а члены комиссіи встали съ своихъ мѣстъ и между ними начались разговоры. Уайтъ казался очень сконфуженнымъ; онъ откровенно говорилъ, что просто не понимаетъ нашего обращенія съ политическими арестантами; что онъ никогда не предполагалъ ничего подобнаго и пораженъ довѣріемъ, съ которымъ Вашковскій обращался къ комиссіи. Уайтъ не находилъ словъ выразить свое изумленіе отъ всего имъ видѣннаго и слышаннаго.

„Нѣтъ, не этого ожидалъ я отъ сегодняшняго допроса".

Когда Вашковскій кончилъ писать и громко прочелъ намъ свое показаніе, всѣ нашли его удовлетворительнымъ и подписали какъ его, такъ и составленный о всемъ засѣданіи краткій протоколъ.

Уайтъ не хотѣлъ уѣзжать до отпуска Вашковскаго изъ залы и снова былъ свидѣтелемъ радушнаго разставанія членовъ слѣдственной комиссіи съ однимъ изъ своихъ кліентовъ.

Показаніе Вашковскаго дало должное направленіе судебному дѣлу. Судъ призналъ уголовный характеръ покражи и украденные заставные листы переданы были русскому посольству и потомъ уничтожены.

Ну, а какимъ образомъ совершена была самая кража денегъ, пожелаютъ узнать читатели?

Вашковскій показалъ, что получивъ отъ возныхъ Бѣлинскаго и Тышковскаго слѣпокъ съ ключа отъ кладовой, онъ сдѣлалъ подходящій ключъ, и въ три дня, 24, 25 и 27 мая, по окончаніи и до начала присутствія, ходилъ въ кладовую и вмѣстѣ съ третьимъ вознымъ, Колтуновскимъ (зарѣзался), выносилъ деньги. У наружныхъ дверей казначейства хотя и стоялъ часовой, но онъ ихъ не останавливалъ. Объяснилъ также Вашковскій, что на дверяхъ не было печати.

За содѣйствіе по этому дѣлу, казначей Яновскій и бухгалтеръ Гебда получили по 3,600 руб. каждый, а возные по 4,500 руб. Разницу въ вознагражденіи означенныхъ лицъ Вашковскій объяснялъ тѣмъ, что первые двое бѣжали за-границу и впослѣдствіи могли пользоваться помощію народнаго правленія, а возные остались въ краѣ.

Д. Г. Анучинъ.

31-го декабря 1891 года.
С.-Петербургъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ СТОЯНОВСКІЙ,

полувѣковая его государственная дѣятельность

1841—1891 гг.

> **Великое дѣло судебной реформ (1864 г.) есть такое преобразованіе, съ которымъ немногое можетъ сравниться изъ того, что совершилось прежде, и немногое изъ того, что можетъ намъ обѣщать впереди самый широкій прогрессъ.**
>
> **М. Н. Катковъ, «Моск. Вѣд.», 17-го апр. 1866г.**

Въ минувшемъ, 1891-мъ, году имѣли мѣсто два событія, заставившія съ признательностью вспомнить имя одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи, нынѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, сенатора Николая Ивановича Стояновскаго. Событія эти были двадцатипятилѣтіе открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, въ устройствѣ которыхъ Николай Ивановичъ принималъ самое дѣятельное участіе, и пятидесятилѣтіе государственной службы его, исполнившееся 17-го іюня 1891 г.

Не многіе изъ дѣятелей судебной реформы имѣли такую правильную, школьную и всестороннюю практическую подготовку, какъ Н. И. Стояновскій. Въ отличіе отъ двухъ виднѣйшихъ ея дѣятелей С. И. Зарудняго и Н. А. Буцковскаго,

не получившихъ школьнаго юридическаго образованія (первый кончилъ курсъ по математическому факультету, второй въ главномъ инженерномъ училищѣ [1]), Н. И. Стояновскій—юристъ по воспитанію. Онъ кончилъ курсъ въ 1841 г. въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ черезъ пять лѣтъ онъ уже преподавалъ сперва уголовное, а съ 1851 г. гражданское судопроизводство.

Службу свою Н. И. началъ въ сенатѣ въ 1841 г. и здѣсь онъ пріобрѣлъ громадный судебный опытъ, проходя разнообразныя должности до должностей оберъ-секретаря и оберъ-прокурора включительно. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ, призванныхъ, хоть нѣсколько, очистить авгіевы конюшни стараго суда, полнаго „черною неправдою", т. е., говоря по-просту, переполненнаго невѣжественными взяточниками. Какая rara avis былъ въ то время въ составѣ нашихъ судовъ юристъ, получившій высшее юридическое образованіе, можно судить по тому, что даже въ сенатѣ, въ годъ поступленія Н. И. Стояновскаго, было всего только шесть юристовъ. Благодаря своему трудолюбію и юридическимъ познаніямъ, онъ принесъ много пользы въ сенатѣ дѣлу правосудія.

Но съ воцареніемъ Александра II, когда надъ Россіею занялась заря новой освободительной эпохи, для Н. И. открылось обширное, законодательное поприще.

Государственный секретарь В. П. Бутковъ въ то время вербовалъ въ государственную канцелярію талантливыхъ молодыхъ людей, хорошо подготовленныхъ и вполнѣ сочувственно настроенныхъ къ начинавшему либеральному движенію (С. М. Жуковскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, К. И. Домонтовичъ, П. А. Зубовъ, С. И. Зарудный, М. А. Буцковскій, Я. Г. Есиповичъ и др.). Въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, которому и пришлось принять участіе, прежде всего, въ устройствѣ слѣдственной части. Положеніе 8-го іюня 1860 г. о судебныхъ слѣдователяхъ, выдѣлившее слѣдственную часть изъ функцій полиціи и тѣмъ положившее первое начало къ отдѣленію власти судебной отъ административной, почти цѣликомъ принадлежитъ перу Н. И. Стояновскаго.

---

[1]) См. статью мою Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ въ „Вѣстн. Европы" 1889 г., № 12.

Затѣмъ онъ связалъ свое имя съ великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 г. Н. И., помимо участія въ трудахъ государственной канцеляріи, состоялъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой комиссіи, выработавшей проектъ уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій. За труды по освобожденію крестьянъ, коего онъ всегда былъ и остается однимъ изъ горячихъ поборниковъ, Н. И. получилъ золотую медаль. Будучи убѣжденнымъ участникомъ всѣхъ вообще реформъ прошлаго царствованія, Н. И. Стояновскій словомъ и дѣломъ ратовалъ за нихъ во все время своей государственной и общественной дѣятельности. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привесть мѣсто изъ рѣчи его, произнесенной 3-го февраля 1880 г. въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ обществѣ.

„Для устраненія препятствій и успѣшнаго продолженія преобразованій, безъ уклоненій отъ прямаго, указаннаго преобразователемъ пути, необходимо, сказалъ онъ, отъ времени до времени оглядываться назадъ и переноситься мыслью къ тому, что было до вступленія на этотъ путь“. Затѣмъ Н. И. продолжалъ: „двадцать-пять лѣтъ—короткій періодъ въ жизни народа, но какъ измѣнилась эта жизнь въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Въ доказательство, продолжалъ онъ, приведу, изъ недалекаго прошлаго, нѣсколько примѣровъ, имѣющихъ связь съ освобожденіемъ крестьянъ. Обращаюсь для этого, преимущественно, къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ, въ томъ убѣжденіи, что для правильной оцѣнки совершающихся реформъ существенно важно не только то, что было написано въ законахъ или въ оффиціальныхъ бумагахъ, но и то, что происходило въ дѣйствительности, но, вслѣдствіе полнаго отсутствія гласности, было извѣстно не многимъ.

„19-го февраля 1861 года, 19 лѣтъ тому назадъ, оправдалось пророческое предсказаніе поэта-наставника, что воцарившійся въ 1855 году государь, „и на чредѣ высокой не забудетъ святѣйшаго изъ званій—человѣкъ“. Слѣдуя своей мысли, что „лучше, чтобъ преобразованія совершались сверху, чѣмъ снизу“, Царь-Освободитель сдѣлалъ полноправными, надѣленными землею, людьми болѣе двадцати-пяти милліоновъ душъ земледѣльцевъ. „Своевременно-ли?“ спрашивали тогда нѣкоторые. Вопросъ этотъ былъ предметомъ жаркихъ споровъ. Не стану его разсматривать

подробно—онъ уже сдѣлался достояніемъ исторіи—укажу только на одинъ примѣръ того, что дѣлалось „внизу".

„Въ 1841 году, въ уголовныхъ департаментахъ правительствующаго сената были собираемы свѣдѣнія о дѣлахъ по обвиненію крестьянъ въ убійствѣ ихъ помѣщиковъ, и оказалось, что въ одной изъ западныхъ губерній, дѣла которой производились въ моемъ столѣ, въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ, было одиннадцать убійствъ.

„Положеніе 19 февраля прекратило этотъ ужасный самосудъ крестьянъ надъ ихъ судьями-помѣщиками, уничтоживъ поводы къ нему, т. е. тѣ безобразныя явленія, которыя на оффиціальномъ языкѣ назывались жестокимъ обращеніемъ" [1]).

II.

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ и подъ его непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ[2]) начались или, лучше сказать, возобновились работы по судебной реформѣ. Будучи превосходно знакомъ съ безобразнымъ состояніемъ нашихъ старыхъ судовъ, Н. И. Стояновскій всегда считалъ необходимымъ ихъ коренное преобразованіе. Вспоминая впослѣдствіи дореформенный судъ, Н. И., въ вышеупомянутой рѣчи, характеризовалъ его слѣдующими неприглядными чертами. „Для двадцати-пяти милліоновъ крестьянъ, говорилъ онъ, почти единственными судьями были помѣщики; они имѣли право налагать всѣ виды наказаній, кромѣ отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ (до 1846 года) или плетьми установленнаго образца (послѣ 1846 года).

„Общіе суды, по закону, считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные, и возлагалъ на секретаря отвѣтственность за правильное изложеніе даннаго такими судьями, по доложеннымъ имъ дѣламъ, рѣшенія, но въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ также

---

[1]) См. Журн. Гражд. и Уголовн. Права, изд. 1881 г., № 1.

[2]) См. мой трудъ: „Основы Судебной реформы". М., изд. 1891 г., гл. вторая.

большая часть членовъ были или неграмотные или малограмотные. Въ судахъ второй степени, гдѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, дѣла обыкновенно рѣшались безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя, единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства, — и въ послѣднее до реформы время, юристомъ, — всѣ прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное рѣшеніе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ. Не смотря на такой составъ суда и на такой порядокъ постановленія приговора, законъ (до 1846 года), предоставляя суду рѣшать вопросы о виновности и о наказаніи обвиненныхъ, не опредѣлялъ ни высшаго предѣла числа лѣтъ каторжной работы и другихъ высшихъ наказаній, ни числа ударовъ кнутомъ или плетью, почему и случалось, что въ двухъ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершенно тождественныхъ, однимъ приговоромъ назначалось пять ударовъ, а другимъ—шестьдесятъ ударовъ кнутомъ. До изданія въ 1833 году свода законовъ случалось, что въ основаніе приговора приводились такіе указы и высочайшія повелѣнія, которыхъ никогда не существовало. Естественно, что при заочномъ судѣ самымъ надежнымъ доказательствомъ считалось собственное признаніе подсудимаго, не смотря на то, что требовавшаяся дѣйствовавшими тогда законами повѣрка „совершенно-ли оно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ и показаны-ли притомъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно“ — была почти невозможна, такъ какъ весьма трудно было знать, насколько протоколы, составленные производившими слѣдствіе становыми приставами, а чаще всего ихъ письмоводителями, согласны съ дѣйствительностью.

„Къ 1855 году составъ судовъ значительно улучшился, но производители слѣдствія остались тѣ-же; въ этомъ году, въ 6-мъ департаментѣ сената, гдѣ я былъ тогда оберъ-прокуроромъ, производилось, по высочайшему повелѣнію, слѣдствіе о виновныхъ въ составленіи на трехъ страницахъ протокола о собственномъ сознаніи государственнаго крестьянина въ убійствѣ жены, которая, черезъ годъ послѣ наказанія подсудимаго плетьми и ссылки его въ каторжныя работы, оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ. Протоколъ этотъ былъ подписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ: семью должност-

ными лицами, составлявшими временное отдѣленіе земскаго суда, въ томъ числѣ исправникомъ, становымъ приставомъ, уѣзднымъ стряпчимъ, депутатомъ со стороны государственныхъ имуществъ и священникомъ, увѣщевавшимъ подсудимаго. Оказалось, что протоколъ написанъ письмоводителемъ становаго пристава и ложенъ отъ перваго слова до послѣдняго" [1]).

Таковъ былъ нашъ, не доброй памяти, старый судъ. Какъ только стало возможнымъ уничтожить его, всѣ просвѣщенные люди принялись горячо за это дѣло. Въ этомъ отношеніи 1862 г. составляетъ поворотный пунктъ. Въ январѣ состоялось высочайшее повелѣніе о составленіи „основныхъ положеній" преобразованія судебной части. Государственная канцелярія горячо принялась за дѣло и дала ему прочную постановку. Такъ какъ, согласно высочайшему повелѣнію, при составленіи основныхъ положеній разрѣшено было пользоваться не только проектами гр. Блудова, во многомъ недостаточными, а также началами, несомнѣнное достоинство коихъ признано наукою европейскихъ государствъ [2]), то явилась возможность создать то цѣльное, стройное, разумное и согласованное во всѣхъ частяхъ судебное законодательство, о которомъ въ одномъ оффиціальномъ актѣ не давно справедливо говорилось, что оно „составляетъ гордость нашу и славу минувшаго царствованія". Для усиленія государственной канцеляріи были, по высочайшему повелѣнію, прикомандированы извѣстнѣйшіе юристы и въ числѣ ихъ былъ и Н. И. Стояновскій, принимавшій самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи „главныхъ основаній", такъ и въ подробныхъ и краснорѣчиво мотивированныхъ соображеніяхъ государственной канцеляріи. Какъ извѣстно, судъ присяжныхъ, точное установленіе судебной несмѣняемости и другія основы новаго суда были впервые или высказаны или точно формулированы въ этихъ „главныхъ основаніяхъ" преобразованія судебной части въ Россіи, кои были составлены государственною канцеляріею и высочайше утверждены 29-го сентября 1862 г.

Съ конца 1862 г. Н. И. Стояновскій изъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта назначается товарищемъ министра

---

[1]) См. „Основы судебной реформы". М. 1891 г.

[2]) См. три части XVIII-го тома. Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи.

юстиціи, каковую должность въ то время занималъ Д. Н. Замятнинъ. Хотя этотъ послѣдній былъ, по своимъ убѣжденіямъ, вполнѣ преданъ дѣлу судебной реформы, но настоящею душею министерства сдѣлался Н. И. Стояновскій. Къ чести Замятнина должно сказать, что онъ не только не мѣшалъ, но и самъ выдвигалъ впередъ своего товарища, талантливая и энергическая дѣятельность коего оставляла его самого нѣсколько въ тѣни. Н. И. Стояновскій при Д. Н. Замятнинѣ игралъ такую-же роль, какую Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ во время составленія Положеній 19-го февраля о крестьянахъ.

Когда составлены были проекты судебныхъ уставовъ при министерствѣ юстиціи, была образована спеціальная комиссія для подробнаго разбора проектовъ. Редактированіе замѣчаній министерства было возложено на Н. И. Стояновскаго.

Чтобы дать понятіе о количествѣ понесенныхъ имъ, въ этой стадіи судебной реформы, трудовъ, достаточно сказать, что отъ министерства юстиціи было сдѣлано до 1,100 замѣчаній по существу, а именно: до 600 на статьи уст. гражд. суд., до 300 уголовнаго, до 80 на статьи проекта о проступ., подвѣдомств. мир. суд., и до 120 на статьи проекта устава гражд. суд. мѣстъ[1]). А объ обстоятельности этихъ замѣчаній можно судить по тому, что одни только замѣчанія на уст. гражд. суд. занимаютъ почти 300 страницъ in-folio [2]). По поводу этихъ интересныхъ замѣчаній мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ [3]), здѣсь отмѣтимъ только, что, благодаря имъ, были внесены значительныя улучшенія въ текстъ судебныхъ уставовъ, въ особенности въ постановленіяхъ объ организаціи прокурорскаго надзора.

Но и сказаннымъ не исчерпывается участіе Н. И. Стояновскаго въ подготовкѣ судебныхъ уставовъ. Въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, на него возложена была обязанность присутствовать при разсмотрѣніи проектовъ судебныхъ уставовъ въ государственномъ совѣтѣ, съ правомъ голоса и давать словесныя объясненія въ развитіе мыслей, высказанныхъ въ министерскихъ замѣчаніяхъ.

---

[1]) См. Журналъ Министерства Юстиціи, 1866 г., № 4, стр. 31.

[2]) См. т. LX. Дѣла о преобраз. суд. части Зам. министер. юстиціи, составл. Н. И. Стояновскимъ.

[3]) См. мою книгу: „Страница изъ исторіи судебной реформы (Д. Н. Замятнинъ). М. 1883 г., стр. 32—67.

III.

Съ утвержденіемъ судебныхъ уставовъ далеко еще не были окончены работы по судебной реформѣ. Предстояли еще обширныя, частью законодательныя, частью распорядительныя, работы по введенію въ дѣйствіе уставовъ. Особенно горячія[1] пререканія вызвалъ вопросъ о порядкѣ введенія ихъ въ дѣйствіе. Одно мнѣніе, поддерживаемое самыми горячими поборниками судебной реформы: С. И. Зарудн**ымъ**, Н. А. Буцковскимъ и О. И. Квистомъ (въ шутку противники ихъ называли русскою тройкою: „авось, небось и какъ-нибудь"), стояло за одновременное повсемѣстное введеніе новаго суда съ-тѣмъ, чтобы составъ его пополнялся постепенно. Главнымъ мотивомъ, хотя и неудобнымъ для оффиціальной аргументаціи, а потому въ ней не упоминаемой, было желаніе однимъ разомъ и безповоротно покончить съ дѣломъ открытія новаго суда, которое, такъ или иначе, могло растянуться на много лѣтъ, благодаря обычному у насъ охлажденію, быстро наступающему въ видѣ реакціи, послѣ кратковременнаго духовнаго подъема. Обстоятельства послѣдующаго времени показали, что опасеніе это было основательно: вмѣсто предположенныхъ четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ рѣшено было закономъ 19-го октября 1865 г. ввести новый судъ въ Европейской Россіи, онъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ (черезъ 25 лѣтъ) не вездѣ въ ней введенъ!...

Но министерство юстиціи, на которое всецѣло падала прямая отвѣтственность и вся обширная практическая сторона введенія новаго суда, признавало такой планъ не осуществимымъ, по недостатку моральныхъ и матеріальныхъ средствъ, и стояло вмѣстѣ съ Н. И. Стояновскимъ за открытіе на первое время только двухъ судебныхъ округовъ (С.-Петербургскаго и Московскаго) и за постепенное открытіе впослѣдствіи другихъ округовъ. Это мнѣніе одержало верхъ и получило высочайшее утвержденіе 19 октября 1865 г.

---

[1]) Въ дѣлѣ о преобразованіи судебной части. Работы по введенію въ дѣйствіе суд. уст. занимаютъ 7 томовъ (LXIII—LXIX).

Послѣ этого, подъ главнымъ руководствомъ Н. И. Стояновскаго, въ министерствѣ юстиціи началась кипучая, сложная и разносторонняя работа, по составленію правилъ о скорѣйшей ликвидаціи старыхъ судебныхъ учрежденій, объ окончаніи или переносѣ старыхъ дѣлъ въ новые суды, а также о введеніи гласности и нѣкоторыхъ началъ новаго суда въ старыя судебныя учрежденія (законъ 11 октября 1865 г.). Кромѣ того, предстояло озаботиться приспособленіемъ зданій для новыхъ судебныхъ установленій при новой обстановкѣ гласнаго судоговоренія. Наконецъ, слѣдовало принять самыя энергичныя мѣры къ привлеченію на новыя судебныя должности достойнаго персонала. И тутъ Н. И. Стояновскій, благодаря своему обширному знакомству съ судебнымъ вѣдомствомъ, сослужилъ новому суду великую службу, привлекши въ его ряды дѣятелей, которые доселѣ составляютъ гордость новаго суда и его лучшіе образцы. Они создали добрыя традиціи новаго суда, которыя и доселѣ поддерживаютъ въ немъ его основной духъ и энергію, не смотря на окружающія неблагопріятныя обстоятельства.

Весною 1866 г. открыты были новые суды, но при не добрыхъ ауспиціяхъ состоялось это торжество. Главное руководство новымъ судомъ отошло отъ людей искренно преданныхъ его основнымъ началамъ. Съ 1867 г. Н. И. Стояновскій покидаетъ постъ товарища министра юстиціи и назначается сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Въ этой стадіи своей служебной дѣятельности Н. И. Стояновскій поработалъ также очень много для проведенія въ жизни тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется наше новое судебное законодательство. Равноправность сторонъ, уваженіе въ подсудимомъ его человѣческой личности, непоколебимость судебныхъ рѣшеній, полное устраненіе отъ вмѣшательства въ судебныя дѣла и другіе новые принципы судебной реформы—безпрестанно приходили въ столкновеніе съ старыми вѣковыми навыками. Нужна была вся твердость первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ, чтобы удержать новыя судебныя учрежденія на пути, указанномъ судебными уставами. Духъ ихъ, невидимо витавшій надъ первыми судебными дѣятелями, давалъ имъ вѣрный ключъ къ распознанію путей правды, каковой ключъ, къ сожалѣнію, впослѣдствіи

иногда бываетъ утерянъ или испорченъ. Здѣсь не мѣсто исчислять многочисленныя, превосходныя кассаціонныя рѣшенія, состоявшіяся по докладу и внушенію Н. И. Стояновскаго. Сошлюсь на одно. Въ самомъ началѣ кассаціонной практики сенату пришлось встрѣтиться съ вопросомъ—можетъ-ли быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ опредѣленіе судебной палаты объ исключеніи изъ сословія присяжнаго повѣреннаго? Сенатъ, по докладу Н. И. Стояновскаго [1]), слѣдуя духу судебныхъ уставовъ, не усомнился предоставить подсудимому эту гарантію, хотя она прямо не установлена закономъ. Но tempora mutantur и сенатъ впослѣдствіи, безъ достаточныхъ основаній, измѣнилъ свою практику [2]).

Въ заключеніе замѣтимъ, что Н. И. Стояновскій всегда поддерживалъ тѣсное общеніе съ юридическою наукою и литературою. Онъ давно уже состоитъ почетнымъ членомъ нашего старѣйшаго юридическаго общества Московскаго, и предсѣдателемъ С.-Петербургскаго,—съ самаго его основанія.

Интересны для характеристики недавняго времени обстоятельства, при которыхъ состоялся литературный дебютъ Н. И. Стояновскаго. Въ 1850 г. цензура желала задержать его „Практическое руководство по уголовному судопроизводству“ по мотиву, впервые высказанному за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ калифомъ Омаромъ, сжегшимъ Александрійскую библіотеку. Въ сочиненіи Н. И. Стояновскаго встрѣчались нѣсколько „собственныхъ“ соображеній автора. Вотъ это именно обстоятельство и послужило причиною задержки пропуска книги! „Все, что нужно знать о законахъ, разсуждалъ цензоръ, помѣщено въ Сводѣ Законовъ, а чего въ немъ нѣтъ, то лишнее и въ опубликованіи его нѣтъ надобности“... Это говорилось въ то время, когда въ основаніи общественной жизни лежало крѣпостное право, въ судахъ господствовало повальное взяточничество; кнутъ и вообще тѣлесное наказаніе господствовали въ уголовномъ правѣ, а во всей

---

[1]) См. сбор. рѣш. угол. касс. депар., 1868 г., № 201.

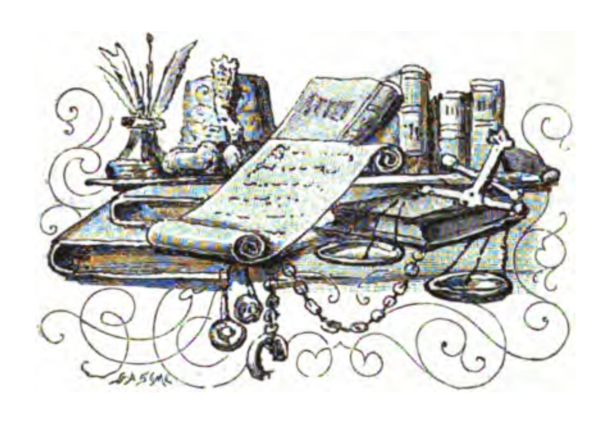
[2]) Сенатъ сослался на законъ 25-го мая 1885 г., но, какъ я старался доказать, къ данному вопросу онъ никакого отношенія не имѣетъ. (См. мои: „Вопросы адвокат. дисципл.“, стр. 22.

Россіи слышалось, какъ выразился И. С. Аксаковъ, одно только молчаніе и... возгласъ: все обстоитъ благополучно.

Дѣйствительно, свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!..

Григ. Авет. Джаншіевъ.

Москва.
20-го ноября 1891 г.



Русскіе писатели въ картинѣ Чернецова

въ 1832 г.

Въ моей галлереѣ, между другими картинами, есть одна, въ которой изображены въ одной группѣ четыре знаменитые отечественные писатели: Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ и Пушкинъ; эта весьма интересная картина писана съ натуры въ 1832 г. Григоріемъ Чернецовымъ. Съ этой-то картины исполненъ, по заказу редакціи „Русской Старины", фотографическій снимокъ фирмою Шереръ-Набгольцъ въ Москвѣ; снимокъ приложенъ къ настоящей книгѣ „Русской Старины".

Портреты эти сдѣланы съ натуры для помѣщенія въ картинѣ (кажется „Военный парадъ на Марсовомъ полѣ"), заказанной художнику императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1832 году. Я пріобрѣлъ эту замѣчательную картину-портретъ въ 1883 году отъ покойнаго Николая Дмитріевича Быкова.

Пав. Мих. Третьяковъ.

Москва.

От Ред. Приносимъ глубочайшую благодарность искренно уважаемому Павлу Михайловичу Третьякову за любезное разрѣшеніе сдѣлать снимокъ съ помянутой картины Чернецова. Ред.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ Л. Л. ЛЕОНИДОВА.

Къ портрету-группѣ русскихъ артистовъ

1858 г.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Новые товарищи.—Дебюты И. Ѳ. Горбунова.—Реформа театра.—Комиссія съ секретаремъ.—Гр. В. А. Саллогубъ.—Старое по старому.—Новые контракты.—Театрально-литературный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ С. Ф. Жихарева.—Отказъ артистовъ.—Новые директора.—Письмо къ П. И. Григорьеву (отвѣтъ въ стихахъ).—Африканскій трагикъ Айра-Ольдриджъ. — Шекспировскій праздникъ въ день его бенефиса. — Привѣтъ отъ артистовъ. — Адресъ ему и стихи. — Портретъ-группа артистовъ, безъ участія въ ней В. В. Самойлова.—Воспоминаніе о выбывшихъ актрисахъ.—Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ.—Обличительная публицистика.

1854—1858 гг.

I.

Не съ убѣжденіемъ въ занимательности моихъ очерковъ, но по желанію симпатичныхъ соревнователей къ театральному прошлому, для разъясненія личностей, помѣщенныхъ въ портретѣ-группѣ драматическихъ артистовъ [1]), рѣшился я продолжать мои воспоминанія.

Составъ первой фотографической группы, въ которой я принималъ участіе, потребуетъ предварительнаго знакомства съ нѣко-

---

[1]) Воспроизведена въ фототипическомъ снимкѣ съ фотографіи 1858 года г. Деньера и приложена къ „Русской Старинѣ" изд. 1891 г., томъ LXXIII, январь. Ред.

торыми моими новыми товарищами и потому начну съ моего возвращенія на петербургскую сцену.

Я уже передавалъ въ своихъ „Запискахъ", что назначеніе мое на амплуа В. А. Каратыгина смущало меня [1]) предстоящею перемѣною въ общей обстановкѣ, и я даже предлагалъ вновь появившемуся изъ провинціи трагику К. Н. Полтавцеву (изображенному въ группѣ) воспользоваться свободнымъ амплуа на Александринской сценѣ, гдѣ и состоялся его дебютъ; но мое назначеніе о переводѣ, удостоившись высочайшаго вниманія, все-таки осталось за мною.

Тогда, великимъ постомъ, въ мартѣ 1854 г., пріѣхалъ за мною юный актеръ Степановъ, съ новою ролью для меня изъ народной драмы А. А. Потѣхина: „Судъ людской—не Божій", за подписью главнаго режиссера А. А. Яблочкина (см. портретъ его въ группѣ), и съ усердною просьбою безотлагательно пожаловать на петербургскую сцену для ожидающихъ меня репетицій.

Петръ Степановичъ Степановъ—мой бывшій избранникъ изъ московской гимназической среды, обладая выразительною физіономіею, звучнымъ голосомъ, ясною дикціею и оказавъ свое недюжинное дарованіе, отправился для практики въ Тверь; а оттуда уже съ запасомъ репертуара въ Питеръ, гдѣ вскорѣ и сдѣлался дублеромъ А. М. Максимова, на амплуа первыхъ любовниковъ.

Зная мое расположеніе къ его артистической карьерѣ и не забывая оказанныхъ ему услугъ, Степановъ вызвался сюрпризомъ пожаловать за мною въ Бѣлокаменную, чтобы сопровождать меня на Невскій берегъ, отъ имени бывшихъ моихъ товарищей, куда мы и отправились, захвативъ съ собою молодаго артиста Е. И. Климовскаго, для попытки сценическаго счастья при новыхъ заправилахъ.

Дебюты мои, какъ извѣщали тогдашнія рецензіи, безъ сравненія съ бывшимъ любимцемъ, прошли вполнѣ удовлетворительно; но потерявъ свой московскій репертуаръ, а шекспировскій раздѣливъ со старыми актерами,—мнѣ пришлось, сидя у моря, ждать новыхъ ролей, какъ ясной погоды, что̀ при петербургскомъ туманѣ, съ наплывомъ протекціонныхъ тучъ, очень рѣдко появлялось и очень было тогда затруднительно.

---

[1]) См. „Воспоминанія Л. Л. Леонидова за полсотню лѣтъ" 1835—1843 гг. „Русская Старина", изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 217 — 242; см. тамъ-же стр. 243—272; изд. 1889 г. т. LXIII, октябрь, стр. 715—717; его портретъ при „Рус. Ст." 1888 г., т. LXVIII, апрѣль, стр. 1.

Но не падая духомъ, въ бесѣдахъ съ моими соратниками по сценическому искусству, вмѣстѣ и ранѣе меня прибывшими, — Е. И. Климовскій, пѣвецъ сердца въ пьесахъ Островскаго, М. П. Владиславлевъ (впослѣдствіи первый теноръ Москвы) и Ѳ. А. Бурдинъ, не пожелавшій оставаться въ Москвѣ суфлеромъ, послѣ провинціальныхъ попытокъ, такъ-же съ моего благословенія, пустился пытать фортуну въ сѣверной Пальмирѣ и оказался избраннымъ въ составѣ группы,—всѣ мы съ пылкою увѣренностью строили зàмки будущаго.

Въ это же время прибылъ въ Петербургъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, юмористическій разсказчикъ, за годъ передъ тѣмъ выступившій на сценѣ московскаго театра, въ бенефисъ П. М. Садовскаго, въ піесѣ Владыкина: „Образованность“. Осенью (16-го ноября 1855 г.) онъ дебютировалъ въ моемъ бенефисѣ, въ піесѣ Становича „Ночное“.

Итакъ, московскій кружокъ нашъ съ прибывающею молодежью увеличивался, а театральныя дѣла съ современнымъ направленіемъ и управленіемъ ослабѣвали при перемѣнѣ директоровъ.

Въ 1850-хъ, а также и послѣдующихъ годахъ, при министрахъ двора графахъ Адлербергахъ, упорно держалось общественное мнѣніе о реформахъ театра, но не переходили долго въ дѣло.

Ожидалось разрѣшеніе публичныхъ представленій на частныхъ сценахъ; преобразованіе театральнаго училища; сокращеніе бенефисовъ съ разовою платою и увеличеніе содержанія артистовъ въ общемъ итогѣ, и много другихъ необходимыхъ измѣненій и улучшеній...

Наконецъ, въ удовлетвореніе всевозможныхъ требованій и пожеланій устныхъ и печатныхъ, была составлена особая комиссія о пересмотрѣ старыхъ уставовъ, въ которой секретарствовалъ графъ В. А. Саллогубъ. Извѣстный авторъ „Чиновника“, изучавшій европейскіе театры, графъ Саллогубъ представилъ пространную записку о перемѣнѣ театральнаго управленія, которую, по обсужденіи въ министерствѣ, препроводили въ дирекцію для исполненія.

Въ новомъ проектѣ, къ полному нашему огорченію, проводился болѣе всего экономическо-дефицитный вопросъ: бюджета по училищу, сокращеніе труппы, измѣненія формы контракта, прекращеніе бенефисовъ, уменьшеніе разовой платы, даже монтировочныхъ расходовъ и уничтоженіе экипажнаго заведенія.

Оппонентами этихъ грустныхъ предписаній явились управляющій училищемъ П. С. Ѳедоровъ и главный режиссеръ Е. И. Вороновъ.

Послѣдній нашелъ многія нововведенія крайне неисполнимыми.

Во-первыхъ, труппу заявилъ слишкомъ недостаточною для постановки шекспировскихъ и драматическихъ хроникъ на двухъ театрахъ: Александринскомъ и Маріинскомъ. Во-вторыхъ, экипажное заведеніе находилъ необходимымъ при нашемъ климатѣ и скудномъ содержаніи выходныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ особенности въ женскомъ персоналѣ. И заключилъ суть экипажнаго вопроса режиссерскою театральною почтою, при случайныхъ и экстренныхъ перемѣнахъ въ Императорскихъ театрахъ.

Итакъ комиссія потерпѣла полную неудачу и все пошло наоборотъ проекту. Театральное училище, не переходя спеціально въ танцовальную школу, сохранило всѣ свои прежнія права, съ увеличеннымъ драматическимъ классомъ, къ которому по женскому отдѣленію приглашена была Вѣра Васильевна Самойлова (въ замужествѣ Мичурина). Для пополненія труппы поступили изъ провинціи гг.: Озеровъ, Пронскій, Өедоровъ, Петровскій, Журинъ, Васильевъ 2, Милославскій, Виноградовъ и многіе другіе. Новые контракты современныхъ удачниковъ начали утверждаться съ бо́льшимъ окладомъ, съ увеличенною разовою платою, съ обезпеченнымъ числомъ ролей и бенефисомъ, и съ оговоркою: на первыя роли; все это ко вреду сценическаго ансамбля и къ разладу въ труппѣ. Далѣе, большимъ поводомъ къ неудовольствію (какъ бенефисный гнетъ) послужилъ, съ цѣлью уничтоженія переводныхъ мелодрамъ возродившійся въ 1856 году театрально-литературный комитетъ въ квартирѣ П. С. Өедорова, который избралъ чтецомъ Ивана Өедоровича Горбунова.

Въ нѣкоторыхъ драмахъ и комедіяхъ приглашали лекторами В. П. Петрова и А. А. Яблочкина. Выработаннымъ правиломъ для субботнихъ вечеровъ постановлено было безвозмездное очередное посѣщеніе первыми сюжетами драматической труппы. На дѣлѣ, однако, это потерпѣло неудачу. А. М. Максимовъ 1-й заявилъ, что онъ въ субботу посвящаетъ себя молитвѣ и послѣ всенощнаго бдѣнія никуда не ходитъ, памятуя писаніе: „блаженъ мужъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ“.

И. И. Сосницкій отозвался, что у него издавна въ этотъ день собираются друзья и знакомые на обѣдъ, а по вечерамъ очень часто занимаются чтеніемъ, какъ и въ былое время выслушивали извѣстныхъ авторовъ: Гоголя, Бахтурина, Полеваго и Кукольника.

А. Е. Мартыновъ повторилъ то-же, съ добавленіемъ ссылки на семейный отдыхъ послѣ трудовой недѣли.

П. А. Каратыгинъ и П. И. Григорьевъ I—что свободными днями они пользуются для подготовленія пьесъ къ своимъ бенефисамъ и также прочитываніемъ цѣлаго склада различныхъ театральныхъ произведеній юныхъ сочинителей, обращающихся къ нимъ съ покорною просьбою исправлять ихъ первыя попытки для сцены.

Остались В. В. Самойловъ и я.

Женскій персоналъ заключался въ лицѣ П. И. Орловой.

Явившись на первое засѣданіе, въ присутствіи А. В. Никитенко, Ив. Ив. Лажечникова, А. А. Краевскаго и П. С. Ѳедорова, В. В. Самойловъ, не досидѣвъ перваго акта комедіи, кольнулъ меня невозможнымъ чтецомъ и, прибавивъ: „ты его и слушай“, удалился и болѣе никогда не посѣщалъ собранія, предоставивъ мнѣ терпѣливо выслушивать всевозможную дребедень, а иногда и пасквиль, съ умысломъ написанную въ насмѣшку надъ комитетомъ.

Но я выдержалъ сезонъ, изъ соревнованія къ будущему моему репертуару, и получилъ дипломъ отъ имени министра В. Ѳ. Адлерберга, за подписью предсѣдателя комитета, С. Ѳ. Жихарева, съ легкимъ укоромъ моимъ товарищамъ, не посѣщавшимъ литературныхъ вечеровъ.

Надъ чѣмъ они много подтрунивали надо мною, съ насмѣшливою просьбою оказать имъ въ будущемъ протекцію... которая впослѣдствіи дѣйствительно возрасла до крайнихъ предѣловъ, но только уже безъ моего присутствія.

Подъ предсѣдательствомъ въ комитетѣ П. И. Юркевича, были избраны постоянные артисты для засѣданій: гг. Бурдинъ, Яблочкинъ и Зубровъ, чтецомъ г. Сосновскій, и приглашенъ главный режиссеръ Е. И. Вороновъ. А для соревнованія къ дѣлу, начали выдавать подарки за акуратное посѣщеніе субботнихъ собраній. По другому мотиву вознаграждать ихъ не слѣдовало.

Театры получили свое опредѣленіе: Большой — итальянская опера и балетъ, Маріинскій — русскія большія комедіи и опера, Александринскій (народный) —трагедіи, драматическія хроники и бытовыя представленія, съ значительно уменьшенною платою за мѣста въ залѣ... Браво! Но только не надолго.

Въ то время былъ также поднятъ вопросъ о двухъ годахъ благодарности, по окончаніи 20-ти лѣтней службы; но новый директоръ А. И. Сабуровъ (1858 г.), съ помощью правой руки А. М. Климченко (замѣнившаго секретаря комиссіи графа В. А. Саллогуба), свелъ дѣло на старый ладъ и отстоялъ его въ виду казеннаго интереса, не желая быть новаторомъ. А себя не отстоялъ и вскорѣ

былъ удаленъ отъ соблазнительныхъ прекрасныхъ музъ, припѣвая опереточный современный куплетецъ: „Je ne suis pas incapable“.

Графъ Борхъ (1862 г.), въ непродолжительное его управленіе, ввелъ музыкантамъ въ оркестрѣ бѣлые галстухи для приличія; актерамъ запретилъ играть на клубныхъ сценахъ, какъ недостойныхъ императорскихъ артистовъ, и дозволилъ въ Михайловскомъ театрѣ, въ фойе, повѣсить свой портретъ „pour le bon ton“.

Степанъ Александровичъ Гедеоновъ (1867 г.), талантливо написавшій драму: „Смерть Ляпунова“, съ выдающимися народными сценами,—возстановилъ для меломановъ на Большомъ театрѣ итальянскую оперу съ Маріо и сочинилъ программу балета съ Петипа. Для Маріинской сцены написалъ „Василису Мелентьеву“ съ А. Н. Островскимъ. А на Александринскомъ театрѣ возродилъ офенбаховскую „Прекрасную Елену“ съ Лядовою. Сборы вообще усилилъ. Словомъ, воздалъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, но только для нашей братіи, ожидающей въ новостяхъ улучшенія, не совладалъ съ баронскою (Кистера) фантазіею по дефициту и отошелъ отъ дѣлъ театральнаго вѣдомства, передавъ оныя барону Кистеру (1876 г.).

Главный контролеръ министерства двора съ новымъ своимъ помощникомъ, по хозяйственной части, Н. А. Лукашевичемъ и, съ открытіемъ Малаго театра, усердно увеличивая цѣны на мѣста, тѣснилъ партеръ, а сокращая цифру расхода, тѣснилъ артистовъ, не лишая ихъ, впрочемъ, надежды утѣшаться обѣщаніями въ скоромъ будущемъ новыхъ перемѣнъ.

Объ этомъ будущемъ скажутъ послѣдствія.

II.

Такъ какъ я не веду записокъ со систематическою послѣдовательностью, а въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ упоминаю о томъ, что можетъ интересовать читателя въ прошломъ, по отношенію къ столичному театру, то мнѣ кажется, что передъ фотографическою группою, воспроизведенною уважаемою „Русскою Стариною“, кстати будетъ прочесть мое письмо къ П. И. Григорьеву, имѣвшему обыкновеніе переписываться стихами; это, такъ сказать, анонимно-шутливый обзоръ тогдашней драматической труппы, въ славянскомъ стилѣ, и можетъ догадливымъ напомнить о дѣлахъ актеровъ, снятыхъ съ натуры въ двухъ группахъ въ 1858 году.

ИНОСКАЗАТЕЛЬНАЯ СЛАВЯНЩИНА

театральнаго мірка прошедшихъ годовъ.

Письмо П. И. Григорьеву.

Вотъ тебѣ поэтъ на видъ
Шлетъ отвѣтный Алфавитъ
Твой усердный Леонидъ.

Механикъ съ лицедѣемъ *Азъ*
Своихъ сценическихъ проказъ
Не ставятъ свѣту на показъ.
Разбогатѣвшій риторъ *Буки*
Миссъ Фанни предлагаетъ обѣ руки;
Въ затѣѣ этой выйдутъ буки—
Не одолѣетъ такой штуки...
А Вѣди В, охотники лихіе,
Стрѣляютъ дичь, какъ въ дни былые.
Многоглаголивый *Глаголь*,
Не вѣруя, что въ немъ-же нѣсть спасенья, —
Готовитъ для себя такую роль,
Чтобъ разыграть ее безъ всякаго ученья...
Добро ему покуда *Есть*;
Но какъ на свѣтѣ
Поэтомъ скорбнымъ по*Живете*,—
Зело зазубришь средь кулисъ,
Кому данъ зимній бенефисъ,
Иже И разовая спѣсь.
Вотъ *Како*, *Люди*, какъ всѣ люди,
Грѣшатъ; но, говорятъ, однако,
Что Како съ молодежью кака...
Ну, тутъ иноплеменныхъ кляка...
Мыслете М
Наскучилъ и себѣ и всѣмъ,—
Брался за все, а выходилъ ничѣмъ...
Онъ мысленно себя, быть можетъ, и прославилъ,
Что смѣлость шаткую въ наслѣдіе представилъ.
Приходится нерѣдко въ труппѣ зрѣти,
Какъ словомъ авторскимъ играютъ словно дѣти,
(Рисуя по канвѣ мыслете)...
Безнравственные, зловѣщи путы эти!
Нашъ, *Онъ*, *Покой*—примѣромъ увлекаютъ,
Рцы, *Слово*, *Твердо*—отвергаютъ.
Улиссъ [1]) на выходахъ ихъ часто тѣмъ шпигуетъ.

---

[1]) Улиссъ Антонолини—выходной артистъ.

Что изъ провинцій вѣтеръ дуетъ;
А *Фертъ*, злодѣй, все громче суфлеруетъ...
Ихъ дѣло къ *Херу* посылая,
Цензуру общую съ приличьемъ забывая
Червь авторства еще, въ числѣ нововведеній,
Мутитъ подчасъ пѣвцовъ куплетныхъ обличеній.
Иной *Еры*га-шутъ начнетъ *Ш*антажъ словцомъ,
Не*Щ*адно топчетъ въ грязь и *Ерь* и *Ять* лицомъ—
И *Э*хо злостное растетъ какъ снѣжный комъ...
*Ю*питеръ комитетскій полагаетъ,
Что *Я*блочкомъ такимъ раздоръ онъ не вселяетъ?!
Но заключительно съ начальною *Ѳитой*,
Протекціонной, мягкой и пустой...
Возропщетъ гласный судъ стоустною молвой...
И лишь тогда познаемъ мы Кириллицу,
Когда пропишутъ *Ижицу*.

III.

Я слишкомъ увлекся воспоминаніемъ и отдалился отъ цѣли — поясненія лицъ въ группѣ русскихъ артистовъ императорскихъ театровъ,—группѣ, мастерски воспроизведенной отличнымъ и однимъ изъ старѣйшихъ фотографовъ-художниковъ въ С.-Петербургѣ. Начнемъ съ уважительной причины, возродившей его.

Африканскій трагикъ Айра Ольдриджъ, побывавъ въ Шотландіи, Ирландіи, Германіи, далъ нѣсколько представленій въ Стокгольмѣ со шведскими актерами и былъ принятъ великолѣпно, какъ мѣстными аристократами, такъ и всею публикою.

Затѣмъ Айра пожаловалъ въ Ригу, гдѣ, послѣ восторженнаго пріема, получивъ отъ князя А. А. Суворова убѣдительнѣйшую рекомендацію къ министру двора, графу Адлербергу, появился съ здѣшнею нѣмецкою труппою, на сценѣ Маріинскаго театра, въ 1858 году.

Первый выходъ Айра Ольдриджа былъ въ „Отелло", въ наполненномъ театрѣ артистами, любителями Шекспира, и съ перваго-же представленія онъ овладѣлъ всею массою почитателей. Въ его страсти, своеобразномъ толкованіи Шекспира, избыткѣ чувства, многозначительной мимикѣ, съ преобладаніемъ естественности... и въ чемъ у нѣмцевъ онъ встрѣчалъ упрекъ за его представленія, по ихъ выраженію „zu natürlich", въ томъ русскіе артисты признали у него выдающійся талантъ. Въ день его бенефиса, артисты устроили ему овацію, очень рѣдко бывалую въ ихъ средѣ, въ особенности тридцать лѣтъ тому назадъ.

Нарядный женскій персоналъ помѣщался въ трехъ крайнихъ ложахъ бель-этажа съ букетами для героя праздника.

И. И. Сосницкій изъ оркестра, при громѣ рукоплесканій, подалъ бенефиціанту: лавровый вѣнокъ, адресъ въ русскомъ стилѣ, работы Шарлеманя, съ привѣтственнымъ стихотвореніемъ на русскій ладъ:

Пойдемте, братцы, цѣлымъ міромъ
Спасибо русское снесемъ
Тому, кто насъ дарилъ Шекспиромъ—
Съ натурой, чувствомъ и умомъ.
Его Отелло нѣжно-страстный,
Ревнивымъ тигромъ ужасалъ...
Его Шейлокъ кредиторъ страшный,
И ножъ точилъ и сердце рвалъ...
Онъ былъ капризно-властнымъ Лиромъ
„Король отъ головы до ногъ".
Такъ скажемъ въ путь ему мы съ миромъ,
Подавши лавровый вѣнокъ:
„Такіе гости очень рѣдки,
Ольдриджъ, мы бьемъ тебѣ челомъ
И просимъ милости напредки
Съ Евреемъ, Мавромъ, Королемъ!"

Въ этомъ поэтическомъ порывѣ высказалась моя восторженность отъ видѣннаго мною, впервые, сценичнаго представленія съ такимъ обиліемъ выразительной мимики, до глубины души потрясающихъ звуковъ голоса и заставлявшихъ меня содрагаться въ воспроизводимыхъ Ольдриджомъ моментахъ любовной ревности.

Въ роли Отелло, до него, я смотрѣлъ воинственнаго, въ полной силѣ, В. А. Каратыгина и вдохновеннаго, но уже слабосильнаго на сценѣ П. С. Мочалова, но не видалъ я въ нихъ любвеобильной страсти съ горячими слезами ревности и самобичеванія, въ ярости, чѣмъ поражалъ меня, въ своихъ представленіяхъ, африканскій трагикъ Айра Ольдриджъ. И я перешелъ съ горячею любовью къ искусству на его сторону, болѣе и болѣе вдумываясь въ произведенія великаго Шекспира и по всевозможнымъ коментаріямъ стараясь изучать ихъ.

На обѣдѣ, данномъ Ольдриджу актерами, онъ, раздавая на память свою литографію съ факсимиле, заявилъ желаніе имѣть портреты всѣхъ присутствующихъ, для утѣхи его дальнѣйшихъ путешествій, что̀ и было исполнено артистами въ двухъ группахъ, но безъ участія В. В. Самойлова, не согласившагося признать вмѣстѣ съ товарищами торжество африканскаго трагика и остав-

шагося одинокимъ въ тѣни, при нашемъ блестящемъ освѣщеніи Шекспировскаго празднованія.

Въ первой группѣ знаменуется посрединѣ прозванный дѣдомъ русскаго театра, будущій 60-ти лѣтній юбиляръ, Иванъ Ивановичъ Сосницкій († 1871 г.), обнимающій правою рукою многоталантливаго А. Е. Мартынова († 1860 г.), а слѣва у него, вполнѣ зрѣлый, первый любовникъ А. М. Максимовъ († 1861 г.).

Рядомъ съ моею меланхолическою фигурою [1], съ лѣваго края, помѣщенъ П. С. Степановъ († 1885 г.), надъ нимъ выдающаяся фигура моего московскаго замѣстителя К. Н. Полтавцева († 1864 г.). Съ правой стороны комикъ Ѳ. А. Бурдинъ († 1887 г.), а позади его мои однокашники на амплуа простаковъ и фатовъ С. Я. Марковецкій († 1884 г.) и А. А. Яблочкинъ.

Во второй группѣ на первомъ планѣ: П. А. Каратыгинъ, П. И. Григорьевъ, М. А. Максимовъ, П. И. Малышевъ, И. Ѳ. Горбуновъ; на второмъ: А. А. Алексѣевъ и И. Е. Чернышевъ, а мѣсто капризнаго товарища (В. В. Самойлова), замѣнилъ въ общемъ составѣ И. И. Сосницкій [2]).

Жаль, что у нашего, въ то время лучшаго, фотографа Деньера не красовался предъ публикою женскій персоналъ съ именами: Ф. А. Снѣтковой, Е. В. Владиміровой, Е. Ѳ. Ѳедоровой, Н. В. Самойловой, Е. М. Левкѣевой, Ю. Н. Линской, П. И. Орловой и П. К. Громовой, и тѣмъ лишилъ возможности своихъ почитателей и понынѣ любоваться картиною съ воспоминаніемъ о быломъ въ русскомъ театрѣ.

IV.

Да не покажется особенно страннымъ, если я въ моемъ заключительномъ очеркѣ 1854—1858 гг. перелечу въ конецъ 1870-хъ гг., но упоминая о разныхъ директорахъ императорскихъ петербургскихъ театровъ прошедшихъ лѣтъ, нельзя обойти молчаніемъ главное дѣйствующее и сильно вліятельное лицо въ тогдашнемъ министерствѣ театральнаго міра.

---

[1]) Леонидъ Львовичъ Леонидовъ умеръ 5-го августа 1889 года.

[2]) Этотъ второй портретъ-группа русскихъ сценическихъ артистовъ 1858 г. будетъ приложенъ къ одной изъ слѣдующихъ книгъ „Русской Старины", изд. 1892 г. Ред.

Павелъ Степановичъ Θедоровъ, инспекторъ училища и членъ репертуарной части всѣхъ труппъ, родившійся въ 1800 году, былъ женатъ на бывшей актрисѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Мироновой и имѣлъ единственную дочь, не особенно красивую, но прекрасную музыкантшу и художницу по портретной живописи.

Самъ лично Павелъ Степановичъ не походилъ на артистическую, бойкую натуру,—это былъ типъ петербургскаго чиновника, долго служившаго въ почтовомъ вѣдомствѣ: приглаженный, выбритый, въ золотыхъ очкахъ, онъ всегда ласково выслушивалъ просителя и обнадеживалъ всѣхъ и каждаго именемъ директора, высшаго начальника.

Какъ человѣкъ мягкосердечный, онъ любилъ ласкающихся къ нему приближенныхъ и терпѣть не могъ противорѣчія или нововведенія, выслушивая ихъ всегда очень хмуро, изъ подлобья поглядывая на новатора.

Не мстилъ, но и не забывалъ того, кто не соглашался съ его рутиннымъ убѣжденіемъ, стараясь удалять отъ себя такого неугомоннаго неслуха. Штрафами только пугалъ, но почти не бралъ, потому что любилъ прощать повинную голову, а непреклоннаго характера подвергалъ взысканію, по приказанію директора. До вступленія своего въ должность инспектора, трудовую жизнь свою проводилъ съ артистами, занимаясь переводами и передѣлками по водевильной части, что̀ при новомъ управленіи его и посѣяло неудовольствіе различныхъ толковъ. Прежніе пріятели его стали почти требовательны на вознагражденія, капризничали, не хотя исполняли его распоряженія и, словомъ, доказывали на дѣлѣ, что трудно начальствовать по пріятельски. Видя разногласіе въ своихъ старыхъ друзьяхъ, онъ началъ окружать себя новыми прислужниками изъ молодыхъ. Любилъ иногда немножко полиберальничать, но какъ важный исполнитель-чиновникъ въ генеральскомъ званіи, тотчасъ одумывался и принималъ видъ хладнокровнаго слушателя.

Курилъ, и потому всѣмъ подчиненнымъ въ его присутствіи куреніе не воспрещалось, что тогда считалось большою свободою и даже вольностью. При встрѣчѣ каждому протягивалъ два пальца и предлагалъ ласково папиросу, чѣмъ, конечно, смягчалъ угрюмаго просителя. Каждый, выходя отъ него, оставался имъ доволенъ, потому что онъ ни съ кѣмъ не входилъ ни въ какія служебныя разъясненія и никому категорически не отказывалъ, а всякому обѣщалъ переговорить о его дѣлѣ съ директоромъ, къ которому и отправлялся съ туго набитымъ портфелемъ и дѣлалъ докладъ, по своему усмотрѣнію. Но какъ человѣкъ очень добрый, лично

передавалъ только благоволенія, а отказъ черезъ своихъ подчиненныхъ, себя отстраняя отъ строптивыхъ, обидчивыхъ и слезливыхъ просителей и просительницъ. Въ домашнемъ быту былъ очень обходительный и простой человѣкъ, но какъ сановный сибаритъ тѣшилъ себя музыкою и развлекался отъ служебныхъ занятій, окруженный своими любимцами, самымъ невиннымъ препровожденіемъ времени—за лото и за разсказами... Для этого имѣлъ при себѣ большихъ мастеровъ сказки сказывать и представлять всю труппу на лицо, съ закулисными переходами.

Въ числѣ такихъ избранниковъ-артистовъ были у него самые искуснѣйшіе трое, которыхъ можно назвать вполнѣ счастливчиками, какъ въ разсказахъ своего сочиненія, такъ и составленіи своей карьеры. Одинъ получилъ капиталъ въ сто тысячъ по загадочному наслѣдству, другой выигралъ въ тиражъ семьдесятъ пять тысячъ, а третій получилъ первый окладъ.

Какъ я уже сказалъ выше, Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ не принадлежалъ къ бойкой артистической натурѣ, пролагающей себѣ дорогу, а напротивъ, самый тихій и не велерѣчивый, исполнительный характеръ, только случайностію обстоятельствъ составляющій себѣ карьеру въ чинахъ и лентахъ театральнаго дѣлопроизводства.

При немъ сильно развилась протекціонная система, которая съ партіею недовольныхъ при гласности, вооружилась на него обличительною литературою въ каррикатурѣ, стихахъ и прозѣ.

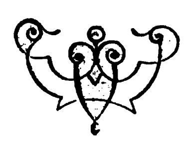
Но чѣмъ больше распускалось про Павла Степановича Ѳедорова злыхъ слуховъ къ его низверженію, тѣмъ тверже онъ стоялъ на своемъ посту и больше получалъ административныхъ, съ арендами, наградъ. Отпраздновавъ 50-ти-лѣтній юбилей, онъ почти послѣднимъ изъ своей семьи мирно покончилъ земное существованіе 11-го марта 1879 года. И если за нимъ, по словамъ гоголевскаго городничаго, и были кое-какіе грѣшки, зато онъ каждое воскресенье ходилъ въ церковь и всю обѣдню выстаивалъ въ нравственный примѣръ своимъ питомцамъ и подчиненнымъ.

Придерживаясь латинской пословицы: „De mortuis aut bene, aut nihil“, я про Павла Степановича Ѳедорова въ моихъ воспоминаніяхъ ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго.

Finis coronat opus.

Л. Л. Леонидовъ.

Мартъ 1889 г. († 5-го августа 1889 г.).



И. А. Крыловъ, В. А. Жуковскій, А. С. Пушкинъ, Н. И. Гнѣдичъ

въ 1832 году.

Подлинникъ въ собраніи картинъ П. М. Третьякова въ Москвѣ.

Приложеніе къ журналу „Русская Старина" изд. 1892 года. т. LXXIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ

(при офицерскомъ собраніи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады. Спб., Литейная ул., д. 26).

Втораго ноября 1896 года 2, 3, 4, 5 и 6-я батареи л.-гв. 1-й [1]), л.-гв. 2-я и гв. конно-артиллерійскія бригады съ высочайшаго утвержденія будутъ праздновать столѣтній юбилей со дня сформированія гвардейскаго артиллерійскаго баталіона 9-го ноября 1796 года.

9-го ноября 1796 г. императоръ Павелъ I, только-что взошедшій на престолъ, но уже задолго до того подготовившій успѣхъ нижеупоминаемому преобразованію, отдѣлилъ отъ гвардейскихъ полковъ (Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго) ихъ уже достаточно обезличенную послѣ Петра I артиллерію и, придавъ къ ней свою гатчинскую, образовалъ совершенно самостоятельную артиллерійскую часть, гвардейскій артиллерійскій баталіонъ.

Не стяжать-бы гвардейской артиллеріи той славы въ борьбѣ съ Наполеономъ, не занять-бы ей первенствующаго мѣста среди русской артиллеріи, если-бы не новая ея организація 9-го ноября 1796 года, благодаря которой гвардейская артиллерія быстро стала въ ряду лучшихъ артиллерій того времени.

9-е ноября 1796 года, поистинѣ, есть день возрожденія гвардейской артиллеріи.

---

[1]) 1-я батарея его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, происходящая отъ бомбардирской роты, праздновала свой 200-лѣтній юбилей 23-го мая 1883 года.

Раздѣленіе гвардейскаго артиллерійскаго баталіона на три самостоятельныя бригады не умалило значенія этихъ частей, изъ которыхъ каждая въ день своего столѣтняго юбилея 9-го ноября 1896 года, не краснѣя развернетъ предъ очами своего монарха картину славнаго своего вѣковаго прошлаго.

Чтобы собрать возможно больше матеріаловъ, въ видѣ рукописей, портретовъ, батальныхъ картинъ, книгъ (весьма интересно было-бы собрать всѣ сочиненія лицъ, служившихъ въ гв. артиллеріи) и различныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ гвардейской артиллеріи, общество офицеровъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, какъ старѣйшей части, имѣющей въ числѣ своихъ батарей бывшую бомбардирскую роту и обладающей архивомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона и многими историческими памятниками, имѣющими отношеніе ко всей гв. артиллеріи, на общемъ собраніи 1890 г. единогласно постановило просить командира бригады ходатайствовать объ открытіи при офицерскомъ собраніи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады историческаго музея гвардейской артиллеріи. Многія лица, служащія и служившія въ гв. артиллеріи, а также родственники служившихъ въ послѣдней обѣщали, по открытіи музея, сдѣлать весьма цѣнные для гв. артиллеріи вклады.

Въ началѣ 1891 года послѣдовало разрѣшеніе ихъ императорскихъ высочествъ генералъ-фельдцейхмейстера и главнокомандующаго войсками с.-петербургскаго военнаго округа на открытіе Историческаго Музея гвардейской артиллеріи при офицерскомъ собраніи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады.

Имѣя честь довести до свѣдѣнія лицъ, служащихъ и служившихъ въ гв. артиллеріи, объ открытіи въ настоящее время Историческаго музея гв. артиллеріи, прошу не отказать принести въ даръ означенному учрежденію свои портреты, фотографіи, дневники, записки о прохожденіи службы, сочиненія.

Прошу также и родственниковъ гвардейскихъ артиллеристовъ не отказать, въ память послѣднихъ, принести тѣ-же предметы Историческому музею.

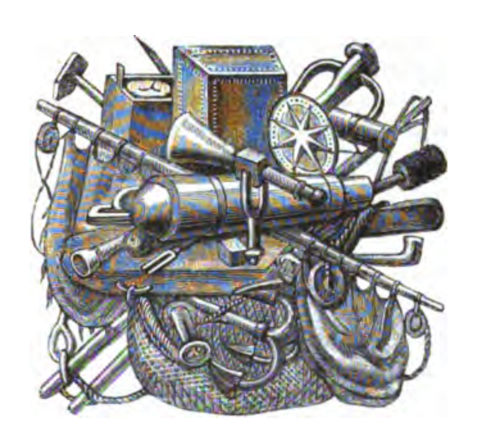
Историческій музей гв. артиллеріи собираетъ всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ гв. артиллеріи, со времени основанія ея въ 1683 году, какъ-то: предметы, напоминающіе о войнахъ, въ которыхъ участвовала послѣдняя, батальныя и бытовыя картины, портреты гв. артиллеристовъ, ихъ сочиненія, рескрипты, грамоты и награды, полученныя гв. артиллеристами, формы одеждъ и вооруженія, модели матеріальной части, старинныя сочиненія по артиллеріи и уставы и т. п.

Мы убѣждены, что ко дню столѣтняго юбилея, безъ особыхъ затратъ, составится музей, картинно рисующій славное прошлое гвардейской артиллеріи.

Историческій музей гв. артиллеріи, открытый для всѣхъ желающихъ, издающій печатно, періодически, описаніе поступающихъ предметовъ съ указаніемъ, отъ кого именно они поступили, собирающій и любовно хранящій все дорогое для гвардейской артиллеріи (и будучи отъ того звеномъ различныхъ поколѣній артиллеристовъ) со временемъ сослужитъ службу и для всей полевой артиллеріи.

Просимыя свѣдѣнія и предметы прошу адресовать: С.-Петербургъ, Литейная улица, домъ № 26, Историческій музей гв. артиллеріи, штабсъ-капитану Потоцкому.

Завѣдующій музеемъ штабсъ-капитанъ **Потоцкій.**



МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Умолкнулъ бѣсъ, и говоритъ поэтъ:
Не чаялъ я прервать разсказъ на этомъ.
Но отъ длиннотъ хоть спасъ его запретъ,
Отечески блюдящій надъ поэтомъ.
А все мнѣ жаль, что заключенья нѣтъ,
Что чиркая безъ смысла и воззрѣнья,
Похерили и соль нравоученья.
Вѣдь чуть мой даръ распуститъ крылья, глядь —
Цензура ихъ обрѣзала опять.
Но я всегда былъ образцомъ смиренья:
Пусть будетъ мой разсказъ безъ заключенья.

Перев. съ нѣмецкаго **В. П. Авенаріусъ.**

Примѣчаніе. Въ 1852 г. въ Берлинѣ былъ изданъ нѣмецкій переводъ Боденштедта многихъ стихотвореній Лермонтова; въ числѣ ихъ оказались 19 мелкихъ стихотвореній якобы Лермонтова, неизвѣстныхъ на русскомъ языкѣ. Пьесы эти были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г., т. VII, стр. 394 — 402, по-нѣмецки и въ прозаическомъ переводѣ Г. С. Чирикова, а въ другой разъ въ стихахъ, въ переводѣ П. А. Висковатова; нынѣ мы помѣстили выше переводъ заключительной строфы нѣмецкаго текста Боденштедта Лермонтова: „Сказки для дѣтей“.

Ред

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ,

заслуженный профессоръ с.-петербургскаго, почетный членъ казанскаго и бывшій ректоръ варшавскаго университетовъ.

Полувѣковая годовщина его ученой и общественной дѣятельности

въ 1842 $\frac{\text{13-го}}{\text{февраля}}$ 1892. гг.

I.

Февраля 13-го текущаго 1892 года минетъ полъ-вѣка съ того дня, какъ одинъ изъ современныхъ весьма уважаемыхъ русскихъ ученыхъ и профессоровъ—Н. М. Благовѣщенскій, блистательно, съ золотою медалью, окончивъ курсъ на филологическомъ факультетѣ главнаго педагогическаго института, всецѣло посвятилъ себя служенію науки. Двадцатичетырехъ лѣтъ профессоръ университета, впослѣдствіи ректоръ одного изъ университетовъ, Николай Михайловичъ всюду пріобрѣлъ себѣ многочисленныхъ почитателей со стороны учениковъ и слушателей, равно и со стороны сотоварищей по наукѣ и сослуживцевъ, а также и своихъ подчиненныхъ по службѣ своей въ Варшавѣ. Глубокая любовь къ наукѣ, обширныя знанія и, въ особенности, мягкій, гуманный характеръ Н. М. Благовѣщенскаго — достойнаго представителя славной учено-литературной плеяды сороковыхъ годовъ, — всегда и всюду вызывали къ нему чувства искренняго и глубокаго уваженія, каковыя и хранятъ къ нему всѣ, кто его знаетъ... Въ виду полувѣковой годовщины служенія Н. М. Благовѣщен-

скаго наукѣ и дѣлу образованія и руководительства юношества, мы напомнимъ на страницахъ „Русской Старины" нѣсколько интересныхъ, въ особенности для многочисленныхъ почитателей Николая Михайловича, данныхъ изъ его біографіи.

Сынъ законоучителя Маріинскаго института, крестникъ императрицы Маріи Ѳеодоровны († 1828 г.), Николай Михайловичъ родился въ С.-Петербургѣ 2-го апрѣля 1821 г., и поступилъ въ 1832 г. въ открывшееся тогда при главномъ педагогическомъ институтѣ малолѣтнее отдѣленіе, въ которомъ, подъ строгимъ и неутомимымъ контролемъ директора института, Ѳ. И. Миддендорфа, преподавали (преимущественно древніе языки) воспитанники старшихъ курсовъ. Между этими воспитанниками-преподавателями было нѣсколько такихъ лицъ, которыя впослѣдствіи составили себѣ почетную извѣстность на поприщѣ науки, таковы были: знаменитый юристъ Иванишевъ, Меншиковъ, В. Лешковъ, Спасскій. Между двумя отдѣленіями Педагогич. Института находился еще „предварительный курсъ", и въ каждомъ изъ нихъ преподаваніе продолжалось по три года. Не безъ успѣха прошелъ Н. М. эту тяжелую, но хорошую школу, гдѣ и окончилъ, въ 1842 году, курсъ на филологическомъ факультетѣ, съ золотою медалью. — 13-го февраля 1842 г., Н. М., какъ студентъ, съ отличіемъ кончившій курсъ, былъ назначенъ въ заграничное, для довершенія высшей научной подготовки, путешествіе, и съ этого дня начинается его служба. „Не лишнимъ считаю замѣтить при этомъ, говоритъ Н. М. въ своей автобіографической запискѣ [1]), что моя „alma mater" была однимъ изъ полезнѣйшихъ и наиболѣе достойныхъ памяти учрежденій. Недостаточно оцѣненный въ свое время и вскорѣзатѣмъ забытый, Главный Педагогическій институтъ далъ, сравнительно при небольшомъ числѣ своихъ питомцевъ, не мало людей замѣчательныхъ, принесшихъ Россіи великую пользу на всѣхъ ступеняхъ ея народнаго образованія. Всего, въ теченіе своего тридцатилѣтняго существованія, институтъ далъ нашимъ университетамъ 48 профессоровъ, среднимъ учебнымъ заведеніямъ 377 и низшимъ 262 наставниковъ. Достойно вниманія, что до 30 молодыхъ людей изъ педагогическаго института были вызваны, въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, на службу въ сѣверо-западный край и тамъ прекрасно послужили русскому дѣлу въ среднихъ и народныхъ школахъ. Въ первой изъ означенныхъ категорій выдвинулось очень значительное число не только видныхъ представителей, но и корифеевъ нашей науки,

---

[1]) Напечатана въ изданномъ нами: Альбомѣ редакціи журнала „Русская Старина": „Знакомые". Спб., изд. 1888 г., стр. 355—359.

каковы: Д. И. Мейеръ, Дм. Ив. Менделѣевъ, бывшій ректоръ кіевскаго университета Иванишевъ, В. Г. Васильевскій (нынѣ академикъ, знаменитый византологъ) и друг. Не мало было усердныхъ, полезныхъ и вполнѣ подготовленныхъ дѣятелей и въ остальныхъ двухъ изъ названныхъ разрядовъ, особенно во второмъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что цѣлая ихъ масса достигла званія директора или инспектора въ нашихъ гимназіяхъ и обогатила нашу учебную литературу множествомъ разнородныхъ и хорошихъ руководствъ. Затѣмъ изъ питомцевъ института не мало было лицъ, достигшихъ званія попечителей и ихъ помощниковъ, по управленію разными учебными округами, а также званія ректора. Изъ видныхъ журналистовъ и литераторовъ, питомцевъ Педагогическаго Института, можно указать на: Н. А. Добролюбова, Н. Н. Страхова, Е. П. Карновича, Феликса Толля (составителя „Настол. Энциклопед. словаря"), а изъ общественныхъ дѣятелей—на А. И. Ходнева, когда-то блистательнаго профессора химіи въ харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ столь извѣстнаго, въ теченіе двадцати лѣтъ, секретаря вольнаго экономическаго общества, и К. В. Кедрова, одного изъ достойнѣйшихъ питомцевъ сего учрежденія, нынѣ директора императорскаго с.-петербургскаго историко-филологическаго института (основанъ въ 1867 году), который, въ свою очередь, далъ много дѣльныхъ педагоговъ и замѣчательныхъ ученыхъ, между прочими и такихъ, какъ столь извѣстный въ ученомъ мірѣ эллинистъ, членъ нашей академіи наукъ и ректоръ с.-петербургскаго университета В. Н. Никитинъ, профессоръ русской словесности Н. П. Ждановъ. Наконецъ, изъ студентовъ прежняго института, въ недавнее время, вошелъ въ самыя высокія сферы нашей администраціи бывшій студентъ института (VI-го выпуска 1851 года), магистръ математическихъ наукъ, Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій. Все это сказано мною мимоходомъ и далеко не въ надлежащей полнотѣ, но и сказаннаго достаточно для убѣжденія въ томъ, что главный педагогическій институтъ современемъ займетъ одну изъ самыхъ красивыхъ страницъ въ исторіи нашей цивилизаціи".

По окончаніи курса, Н. М. Благовѣщенскій былъ командированъ за-границу, для продолженія занятій по древне-классической филологіи. Эта командировка продолжалась три года, въ теченіе которыхъ онъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ, а затѣмъ въ гейдельбергскомъ университетѣ, впервые, между прочимъ, знакомясь съ исторіею древняго искусства, подъ руководствомъ Адольфа Беккера и все еще вдохновеннаго Крейцера (въ Гейдельбергѣ), хотя онъ уже, по старости,

не являлся въ университетъ, а читалъ у себя на дому. Аудиторію его составляли въ это время не болѣе пяти слушателей, почти исключительно иностранцы. „Это, сколько помнится мнѣ, замѣчаетъ Н. М., былъ послѣдній курсъ знаменитаго автора „Символики“, записанный мною, какъ и многіе другіе курсы, на нѣмецкомъ языкѣ“. По возвращеніи въ Россію г. Благовѣщенскій получилъ каѳедру римской словесности и древностей въ казанскомъ университетѣ, которую и занималъ семь лѣтъ, до перевода, въ 1852 году, на каѳедру того-же предмета въ петербургскій университетъ и въ главный педагогическій институтъ. Впослѣдствіи, конецъ 1862 и бо́льшую часть 1863 г., по случаю временнаго закрытія петербургскаго университета, Н. М. провелъ въ Италіи, преимущественно въ Римѣ и въ Неаполѣ, усердно занимаясь своимъ любимымъ предметомъ—исторіей античнаго искусства.

Вотъ въ какихъ сердечныхъ выраженіяхъ говоритъ въ своемъ воспоминаніи (1891 г.) извѣстный и весьма уважаемый профессоръ Н. Н. Буличъ о Н. М. Благовѣщенскомъ, за время профессорства Н. М. въ Казани:

— „Н. М. Благовѣщенскій былъ первымъ въ казанскомъ университетѣ русскимъ профессоромъ латинской словесности. Онъ принесъ съ собою интересъ къ наукѣ. Онъ умѣлъ занять своихъ слушателей предметомъ и оставилъ, несмотря на краткость своего пребыванія въ Казани, глубокій слѣдъ въ тѣхъ немногихъ слушателяхъ, которые имѣли счастье учиться у него. Недаромъ казанскій университетъ въ недавнее время включилъ Н. М. въ число своихъ почетныхъ членовъ. Намъ, знавшимъ его въ тѣ далекіе годы, когда начиналась его ученая карьера, въ 1845 году, живо припомнилось то одушевленіе, которое вносилъ онъ въ свою аудиторію, когда мы прочитали его послѣднюю книжку о позднихъ эпохахъ греческой скульптуры. Онъ остался вѣренъ самому себѣ и тому направленію науки, которое онъ усвоилъ въ строгой германской школѣ. Ничего подобнаго до него не было въ казанскомъ университетѣ. Онъ первый заговорилъ о художественныхъ о̀бразахъ классической скульптуры, съ которыми только что познакомился въ европейскихъ музеяхъ и, несмотря на скудость имѣвшихся тогда пособій въ университетѣ для знакомства съ этою стороною классической древности, онъ умѣлъ вызвать интересъ къ ней въ своихъ слушателяхъ. Эта сторона изученія древняго міра была пропущена прежними университетскими уставами, и только уставы 1863 и 1884 годовъ ввели ее въ университетское преподаваніе“. („Волж. Вѣстн.“, 19-го марта 1891 г.).

Въ Петербургѣ Н. М. одновременно занималъ каѳедру римской словесности въ университетѣ (1852—1873 гг.) и въ главномъ педагогическомъ институтѣ (1852—1859 гг.). Въ послѣднемъ онъ и состоялъ на службѣ до самаго закрытія его, въ 1859 году, и постоянно велъ преподаваніе на латинскомъ языкѣ. Въ 1860 г. Благовѣщенскій былъ назначенъ членомъ ученаго комитета (м. н. пр.), въ которомъ оставался до назначенія его, 29-го декабря 1872 г., ректоромъ варшавскаго университета. Въ этой послѣдней должности Н. М. прослужилъ до 20-го августа 1883 г., когда, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку, а затѣмъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, въ которомъ и состоитъ нынѣ членомъ совѣта министра.

II.

Глубоко искренній поклонникъ античнаго искусства, много сдѣлавшій и словомъ и перомъ для выясненія его значенія для всей культуры человѣчества и вліянія художества на развитіе вообще цивилизаціи, Н. М. Благовѣщенскій (съ 1864 г. почетный вольный общникъ И. Акад. художествъ) всегда, во всю полувѣковую ученую и общественную дѣятельность, ратовалъ за насажденіе искусствъ въ Россіи и за упроченіе и развитіе ихъ въ нашемъ отечествѣ; такъ, напр., достойно вниманія, что Н. М. первымъ по времени является горячимъ поборникомъ мысли объ учрежденіи въ Россіи губернскихъ художественныхъ музеевъ. Напомнимъ здѣсь, въ небольшой выпискѣ, одну изъ его статей по сему вопросу, помѣщенную еще въ 1864-мъ году въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ тогда газетъ („Голосъ“, 1864 года, № 326),—статью тѣмъ болѣе знаменательную, что она была отчасти обращена къ только что вызванному къ жизни земству — созданными по волѣ Царя-Освободителя земскими учрежденіями (1864 г.).

...„Самое лучшее средство помочь нашимъ художникамъ, т. е. обезпечить сбытъ добросовѣстнымъ и сколько-нибудь замѣчательнымъ произведеніямъ русской живописи, состоитъ, по моему убѣжденію, въ учрежденіи провинціальныхъ или губернскихъ музеевъ. Разумѣется, я не имѣю въ виду вызвать наши строительныя комиссіи къ возведенію во всѣхъ губернскихъ городахъ особыхъ зданій для такихъ музеевъ. Этого вовсе не нужно, да и потребовало-бы огромныхъ издержекъ, необходимыхъ въ настоящее время на удовлетвореніе самымъ вопіющимъ нуждамъ, вызваннымъ нашими повсюдными реформами (1864 г.). Я думаю, что дѣло учрежденія провинціальныхъ музеевъ

можетъ и должно быть устроено гораздо проще, безъ обремененія казны новыми расходами. Очевидно, что эти расходы должно принять на себя само общество. Помѣщеніемъ для провинціальныхъ музеевъ могутъ служить, на первый разъ, общественныя зданія, преимущественно городскія думы и дома дворянскихъ собраній, гдѣ найдется довольно залъ съ голыми стѣнами. Въ средствахъ для украшенія ихъ произведеніями русской живописи также, безъ сомнѣнія, не будетъ недостатка; нашлись-бы только люди, хорошо понимающіе всю важность и пользу распространенія въ нашихъ печальныхъ провинціяхъ эстетическаго вкуса и художественнаго образованія. Лишь только общество проникнется убѣжденіемъ въ этой пользѣ, наши губерніи не останутся, какъ теперь, вовсе лишенными той художественной обстановки, которая на западѣ Европы давно уже сдѣлалась первымъ условіемъ и необходимою принадлежностію всякаго, сколько-нибудь значительнаго, города. Несмотря на обиліе тамошнихъ музеевъ, усилія общества постоянно и теперь направлены къ увеличенію ихъ числа. Для примѣра укажу на музей, который, несмотря на близость дрезденскихъ и другихъ художественныхъ собраній, въ недавнее время возникъ въ Лейпцигѣ, стараніями консула Шлеттера и нѣкоторыхъ другихъ частныхъ лицъ, большею частію очень небогатыхъ. Едва-ли, впрочемъ, найдутся у насъ въ провинціи свои Шлеттеры, и потому мы нисколько не разсчитываемъ на то, чтобъ именно этимъ средствомъ на первый разъ устроились по нашимъ губерніямъ художественныя собранія.

„Но если у насъ нѣтъ пока своихъ Шлеттеровъ, то, съ другой стороны, нѣтъ недостатка въ общественныхъ капиталахъ и въ такъ называемыхъ жертвователяхъ. Намъ кажется, что хотя незначительную часть тѣхъ денегъ, которыя изливаются изъ означенныхъ источниковъ на общественныя нужды, можно и уже давно пора удѣлять на пріобрѣтеніе произведеній искусства. Наши жертвователи обыкновенно принадлежатъ къ купеческому сословію. Если сдѣлать къ нимъ воззваніе во имя эстетическихъ потребностей общества, то изъ этого, разумѣется, ничего не выйдетъ: такой языкъ огромному большинству нашихъ жертвователей еще вполнѣ непонятенъ. Но въ душѣ даже простаго русскаго человѣка есть струны, которыя отзовутся и на подобный призывъ: это—его религіозное и патріотическое чувство. Простой русскій человѣкъ охотно раскошелится на содѣйствіе пріобрѣтенію хорошей картины религіознаго содержанія. Смыслъ подобнаго приглашенія совершенно понятенъ нашимъ жертвователямъ. Употребляютъ-же они теперь огромныя деньги на постройку и украшеніе храмовъ. Они не будутъ справляться о качествѣ пріобрѣтенныхъ картинъ, зная, что жертвуютъ на хорошее, святое дѣло. Въ такой-же мѣрѣ будетъ понятенъ русскому человѣку смыслъ пріобрѣтенія картинъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ отечественной исторіи, особенно, если оно будетъ имѣть отношеніе къ той мѣстности, гдѣ живетъ жертвователь. Отчего-бы, напримѣръ, не украсить зданія казанской городской думы картиною, изображающею взятіе Казани Іоанномъ Грознымъ? Отчего-бы не пріобрѣсти для Пскова копію съ знаменитой, хотя и неоконченной, картины Брюлова, содержаніе которой имѣетъ такое близкое отношеніе къ исторіи этого города? Затѣмъ можно было-бы найти въ нашей исторіи множество самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ, понятныхъ и близкихъ душѣ каждаго русскаго человѣка. Что-же касается высшихъ, то есть образованныхъ, классовъ общества, то они могутъ уже дѣйствовать или пріучаться дѣйствовать, въ разсматриваемомъ случаѣ, во имя чисто-художественныхъ потребностей.

„Впрочемъ, въ случаѣ нужды, можно было-бы обойтись и безъ пожертвованій. Я уже выше замѣтилъ, что на образованіе и первое обзаведеніе нашихъ провинціальныхъ музевъ слѣдовало-бы употребить и постоянно издерживать часть общественныхъ капиталовъ, которые до сихъ поръ такъ часто тратились у насъ на излишніе и вовсе непроизводительные расходы. Въ настоящее время естественнѣе и законнѣе, чѣмъ когда-нибудь, надежда на то, что наши городскія общества будутъ обращаться съ своими капиталами бережливѣе и лучше, чѣмъ въ прежнюю и еще очень недавнюю пору. Не одно только купечество, но всѣ классы общества призваны у насъ теперь къ участію въ земскихъ дѣлахъ. Неужели-же и теперь между представителями нашего земства, даже въ отдаленныхъ провинціяхъ, не найдется людей просвѣщенныхъ настолько. чтобъ понимать, какая великая сбразовательная сила заключена въ произведеніяхъ искусства? Можно даже утверждать, что въ этомъ отношеніи скульптура и живопись имѣютъ для массы народа едва-ли не больше значенія, чѣмъ самая литература.

„Въ этой мысли, несмотря на ея парадоксальный характеръ, заключается, по моему убѣжденію, много правды. Дѣйствительно, литературныя произведенія, за исключеніемъ развѣ только драматическихъ—и то далеко не всѣхъ,—не имѣютъ того общаго значенія, какое выпало на долю живописи и ваянія. Литература, какъ извѣстно, представляетъ почти такія-же кастовыя раздѣленія, какъ и самое общество, и почти каждый разрядъ его имѣетъ свою литературу. По крайней мѣрѣ, высокія созданія литературы, даже у самыхъ развитыхъ и образованныхъ націй, почти никогда не проникаютъ въ низшіе классы народа. Относительно живописи и скульптуры этого не бываетъ тамъ, гдѣ, при помощи всѣмъ и каждому доступныхъ музеевъ, искусство дѣлается общимъ достояніемъ и мало-по-малу очищаетъ испорченный вкусъ простонародья, выражающійся въ лубочныхъ и тому подобныхъ мараньяхъ. Мнѣ почему-то кажется, что эти музеи особенно благодѣтельно должны подѣйствовать на развитіе эстетическаго образованія именно въ нашемъ народѣ, который такъ щедро надѣленъ отъ природы художественнымъ чутьемъ и такъ блистательно заявилъ свою способность къ искусству, въ обширномъ значеніи этого слова. Это тотъ самый народъ, который создалъ столько поэтическихъ, истинно-художественныхъ памятниковъ слова, еще такъ не давно обратившихъ на себя вниманіе русской науки, создалъ такіе чудные напѣвы, подобныхъ которымъ не легко встрѣтить гдѣ-бы то ни было, не исключая и самой прославленной Италіи. Какъ часто, бродя по безчисленнымъ музеямъ Европы и встрѣчая тамъ толпы простолюдиновъ, съ сожалѣніемъ вспоминалъ я о даровитомъ нашемъ народѣ, для котораго не существуетъ и тѣни подобной роскоши! Нерѣдко также поражался я, при этомъ, простодушнымъ и тупымъ выраженіемъ, которое очень рѣзко отражалось на лицахъ едва-ли не большинства подобныхъ любителей искусства, и соображая, въ то-же время, вообще ихъ неразвитость, невольно удивлялся тому, какъ мало еще до сихъ поръ огромныя и вѣковыя средства искусства и науки подѣйствовали, даже въ самыхъ образованныхъ государствахъ Западной Европы, на развитіе народныхъ массъ. Неужели и нашъ даровитый народъ, принимая эти слова въ тѣсномъ смыслѣ, такъ-же мало воспользовался-бы такими сокровищами искусства? Не онъ-ли выдвинулъ изъ своей среды столько замѣчательныхъ художниковъ? Масса ихъ, разумѣется, увеличилась-бы очень значительно, еслибъ наша провинція представляла хотя какія-нибудь средства для развитія эстетическаго образованія.

„Въ вѣрности этого замѣчанія едва-ли кто-нибудь усомнится; но все-же, для подтвержденія его, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о заграничной моей встрѣчѣ съ однимъ замѣчательнымъ русскимъ живописцемъ, который, подобно многимъ изъ своихъ товарищей, пришелъ когда-то въ Петербургъ чуть не пѣшкомъ, изъ одной отдаленной губерніи, съ неодолимымъ желаніемъ учиться въ академіи художествъ. Къ довершенію интереса этой встрѣчи, нужно еще прибавить, что почтенный мой знакомецъ и до сихъ поръ числится раскольникомъ. „Скажите мнѣ, пожалуйста, И. А., спросилъ я его однажды: что побудило васъ сдѣлаться художникомъ и рѣшиться на такую дальнюю дорогу?“ — „Случилось это вотъ какъ, отвѣчалъ мнѣ почтенный И. А. Въ Оренбургской Губерніи, невдалекѣ отъ той деревни, откуда я родомъ, находится село, которое когда-то принадлежало поэту Державину. Здѣсь, въ сельской церкви, есть нѣсколько иконъ, написанныхъ, по просьбѣ Державина, близкимъ его пріятелемъ, Владиміромъ Лукичемъ Боровиковскимъ, который и до сихъ поръ удерживаетъ за собою славу одного изъ лучшихъ нашихъ представителей религіозной живописи. Эти иконы—прибавилъ И. А. (съ точностію передаю смыслъ его словъ) считаются въ нашемъ околодкѣ не только религіозною, но и художественною святынею. Окрестный народъ толпами ходитъ въ сельскую церковь не только для того, чтобъ помолиться этимъ иконамъ, но и для того, чтобъ полюбоваться ими, какъ высокими художественными произведеніями. Имя Боровиковскаго пользуется въ этомъ околодкѣ большою популярностію между простолюдинами. Здѣсь-то, заключилъ почтенный мой знакомецъ, и я получилъ первое понятіе о живописи и неодолимое къ ней влеченіе.

„Я привелъ этотъ случай, между прочимъ, съ цѣлью показать, что нѣтъ настоятельной необходимости въ обширныхъ музеяхъ, для пробужденія въ посѣтителяхъ ихъ художественнаго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемые наши губернскіе музеи, не смотря на всю ихъ скромность, изъ которой они, безъ сомнѣнія, выйдутъ еще не скоро, принесутъ свою долю пользы. Намъ далеко еще до западной художественной роскоши; но это нисколько не должно насъ останавливать отъ учрежденія, хотя-бы и миніатюрныхъ, особенно вначалѣ, картинныхъ галлерей. Разумѣется, не только относительно количества, но и качества художественныхъ произведеній, онѣ еще очень долго будутъ уступать западнымъ музеямъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что эти музеи исключительно наполнены образцовыми произведеніями. Такихъ художественныхъ собраній, какъ флорентинская „трибуна“, вездѣ немного, и едва-ли не бо́льшая часть картинъ, наполняющихъ въ особенности второстепенныя галлереи Западной Европы, вовсе не отличается какими-нибудь особенными достоинствами, т. е. не блестятъ ни совершенствомъ техники, ни глубиною внутренняго содержанія. Тѣмъ не менѣе, каждое государство на Западѣ Европы ревниво оберегаетъ все или почти все, что произвело его искусство. Произведенія, даже не очень замѣчательныя, въ художественномъ отношеніи, тщательно хранятся тамъ, какъ имѣющія значеніе для исторіи искусства той или дру ой страны. Намъ-бы также слѣдовало подражать, въ этомъ случаѣ, мудрому обычаю Запада. Пора уже подумать, чтобы хоть сколько-нибудь озарить нашу однообразную губернскую жизнь свѣтомъ искусства.

„Мнѣ пришлось, въ ранней моей молодости, прожить нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ нашихъ провинціальныхъ

городовъ, гдѣ теперь уже болѣе 50-ти лѣтъ существуетъ университетъ. Казалось-бы, что здѣсь скорѣе, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, можно было натолкнуться на слѣды европейской жизни. И что-же? Въ цѣломъ городѣ нельзя было, въ то время, найти ни одной картины (не говорю уже о произведеніяхъ скульптуры), передъ которою-бы стоило остановиться на пять минутъ! И какою жалкою показалась мнѣ эта жизнь, съ ея мишурою, притязаніями на великосвѣтскій тонъ и гоньбою до истерики за послѣднею, хотя и запоздалою модою".

Затѣмъ Н. М. возвратился къ этой темѣ въ 1881 г. въ своемъ замѣчательномъ очеркѣ „Родосская школа", (стр. 44), каковой очеркъ сначала былъ написанъ въ формѣ публичной лекціи, читанной Н. М. въ Варшавѣ, въ пользу мѣстнаго отдѣла „Общества Краснаго Креста", котораго г. Благовѣщенскій состоялъ довольно дѣятельнымъ членомъ. Въ настоящее время вопросъ о музеяхъ, къ общему нашему удовольствію, изъ области мечтаній перешелъ въ дѣйствительность и ожидаетъ дальнѣйшаго развитія.

III.

Выше мы сказали, что Н. М. Благовѣщенскій, въ концѣ 1872 г., былъ назначенъ ректоромъ варшавскаго университета. На этотъ высокій и весьма трудный постъ Н. М. былъ приглашенъ покойнымъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ, который, 23-го декабря 1872 г., обратился къ г. Благовѣщенскому съ слѣдующимъ письмомъ:

„М. г. Николай Михайловичъ! Позвольте предложить вамъ должность ректора варшавскаго университета. Вы знаете, какъ я всегда цѣнилъ и цѣню какъ ваши личныя достоинства, такъ и ваши ученые труды, а потому былъ весьма радъ, когда узналъ отъ попечителя варшавскаго округа [1]), что мы можемъ разсчитывать на согласіе ваше принять это мѣсто. До какой степени оно важно, какъ въ политическомъ, такъ и въ ученомъ отношеніи, было-бы излишне распространяться, потому то никакого я не знаю лица, которое достойнѣе васъ могло-бы его занять. Искренно уважающій васъ гр. Дмитрій Толстой".

„23-го декабря 1872 г.".

Н. М. Благовѣщенскій, въ продолженіе своей свыше десятилѣтней службы въ Варшавѣ, вполнѣ оправдалъ выборъ министра и утвердившаго этотъ выборъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра II.

---

[1]) Ѳ. Ѳ. Витте.

Николай Михайловичъ былъ вторымъ по времени ректоромъ созданнаго волею Монарха университета въ Варшавѣ — ректоромъ. горячо любящимъ науку и много ей послужившимъ (его предшественникомъ былъ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, извѣстный славистъ). Любя и служа наукѣ, Благовѣщенскій всегда любилъ и молодежь; отношенія его къ ней были преисполнены гуманности и такта,—и то и другое особенно потребовалось, вмѣстѣ съ твердостью и съ ясною программою дѣйствій, въ такомъ городѣ, какъ Варшава, все еще тогда стоявшемъ, такъ сказать, на вулканической почвѣ...

Предѣлъ нашей статьи не позволяетъ намъ останавливаться на этомъ замѣчательномъ періодѣ въ жизни Николая Михайловича, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести здѣсь почти цѣликомъ первую рѣчь, сказанную ученымъ ректоромъ на торжественномъ актѣ варшавскаго университета, 30-го августа 1873 г.:

....„Объективность и всесторонность—вотъ тѣ два начала, которыя мы стараемся положить въ основу нашего университетскаго преподаванія. Они должны замѣнить собою прежнюю, нерѣдко діаметрально противоположную имъ, педагогическую систему, которая господствовала въ былое время въ Царствѣ Польскомъ и, очевидно, не могла быть для края благотворною ни въ научномъ, ни въ общественномъ отношеніи. Объективность и всесторонность образованія— вотъ въ чемъ Варшавскій университетъ такъ давно нуждался, вотъ та настоятельная потребность, удовлетвореніе которой составляетъ благородную и высокую цѣль нашего университета.

„Не для того коснулся я этого важнаго, жизненнаго вопроса, чтобы обвинять прошлое, сложившееся, конечно, подъ вліяніемъ многихъ историческихъ условій. Миръ и любовь, а не вражду и запоздалыя пререканія должны мы, дѣятели Варшавскаго университета, приложить къ тому святому дѣлу, которому всецѣло отдали наши силы, но тѣмъ не менѣе, во имя этого самаго дѣла, мы обязаны честно и нелицемѣрно заявить наши убѣжденія и цѣли. Нисколько не отрицая великаго значенія субъективности въ наукѣ, мы убѣждены въ томъ, что и для нея означенныя начала представляютъ хорошую почву. Здѣсь, однако, рѣчь идетъ не о тѣхъ путяхъ, на которыхъ наука наиболѣе быстро подвигается впередъ, а о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она наиболѣе благотворно дѣйствуетъ на молодое поколѣніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, воспитательное значеніе упомянутыхъ педагогическихъ началъ несомнѣнно и даже незамѣнимо въ тѣ моменты жизни того или другаго народа, когда онъ нуждается въ нравственномъ перерожденіи.

„Maxima debetur puero reverentia“, замѣтилъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ и благородныхъ писателей древности, говоря о дурномъ вліяніи на юношу окружающей среды. Въ чемъ-же должно выражаться это уваженіе къ юношѣ въ годы его воспитанія? Въ правильномъ и гармоническомъ развитіи его нравственныхъ силъ, его мыслительной способности, въ пріученіи его къ возможно сознательному воспріятію истины, что достигается всестороннимъ изученіемъ того или другаго вопроса изъ области знанія. Понятно, что такое изученіе несовмѣстимо съ навязываніемъ юношѣ, въ видѣ непреложной догмы, разныхъ субъективныхъ взглядовъ, такъ часто не имѣющихъ ничего общаго съ наукою. Неразумно и нечестно поступаетъ тотъ, кто намѣренно калѣчитъ нравственную природу молодаго поколѣнія, кто завѣдомо вноситъ въ науку ложныя идеи, разжигаетъ страсти своего питомца и, вслѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ цѣлей, скрываетъ отъ него правду даже тамъ, гдѣ она очевидна. Говоря такъ, я преимущественно имѣю въ виду вопросы, а такихъ немало въ наукѣ, которые непосредственно соприкасаются съ жизнью, тѣ жгучіе вопросы, которые, какъ говорится, составляютъ злобу дня. Новая педагогическая система, которой мы служимъ, конечно, прежде всего постарается избѣжать указанныхъ недостатковъ. Безъ сомнѣнія, и она, какъ все человѣческое, не изъята отъ разныхъ несовершенствъ, но мы, по крайней мѣрѣ, можемъ надѣяться, что ни одинъ добрый отецъ и ни одна добрая мать не упрекнутъ насъ со временемъ тѣмъ, что мы загубили ихъ дѣтище.

„Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, не мало найдется также людей, несогласныхъ съ нашими педагогическими взглядами. И это тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что университетъ не исключительно вліяетъ на нравственное и умственное развитіе своихъ питомцевъ, такъ какъ, кромѣ того, они необходимо находятся подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды. Насъ не должно, однако, смущать это явленіе; наша энергія не должна подавляться тѣми препятствіями, которыхъ мы, конечно, не мало встрѣтимъ на пути къ нашей цѣли. Борьба мнѣній и взглядовъ, безъ которой не проникаетъ въ жизнь ни одна новая идея, борьба упорная, хотя-бы и скрытая, неизбѣжна, и мы должны напрячь всѣ наши силы для того, чтобы явиться на это ратное поле въ духовномъ всеоружіи. И пусть насъ при этомъ поддерживаетъ и одушевляетъ мысль, что не только въ предѣлахъ нашего отечества, но и во всей остальной Европѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе признается культурное значеніе Россіи, которое уже не разъ, и притомъ въ фор-

махъ высоко гуманныхъ, такъ блистательно заявило себя не только на отдаленномъ востокѣ, но и въ западныхъ нашихъ окраинахъ. Мы не можемъ не чувствовать, что для покрытой побѣдными лаврами Россіи окончательно наступила завоевательная пора также въ области мысли и духа.

„И пусть не кажутся эти мои не только искренно прочувствованныя, но и зрѣло обдуманныя слова преждевременнымъ самовосхваленіемъ. Предвидя обычное, хотя и не особенно глубокомысленное возраженіе, которое они легко могутъ вызвать съ разныхъ сторонъ, я считаю достаточнымъ, въ отвѣтъ на него, ограничиться замѣчаніемъ, что высокое и культурное значеніе того или другаго народа не столько опредѣляется количествомъ грамотныхъ его представителей, сколько степенью присущей ему нравственной силы. Самымъ культурнымъ народомъ до сихъ поръ еще являются въ исторіи древніе римляне, а у нихъ, какъ хорошо всякому извѣстно, отъ начала до конца народныя массы постоянно коснѣли въ невѣжествѣ. Притомъ, нужно-ли прибавлять, что у насъ такое печальное явленіе временное и переходное, что, можетъ быть, скоро наступитъ пора, когда оно обратится въ преданіе.

„Вотъ тѣ убѣжденія, которыя, мы надѣемся, все болѣе и болѣе будутъ проникать и въ среду нашихъ польскихъ соплеменниковъ, такъ какъ новымъ ихъ поколѣніямъ суждено развиваться, умственно и нравственно, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, сравнительно съ поколѣніями предшедшими. Въ виду того неизбѣжнаго антагонизма, на который указано мною выше, для насъ, какъ педагоговъ, во всякомъ случаѣ, было-бы отрадно, если-бы наши питомцы, какъ можно чаще имѣли поводъ повторять тѣ прекрасныя слова, съ которыми Персій въ былое время обратился къ благородному своему наставнику, Корнуту: „Et premitur ratione animus vincique laborat“, то есть: „духъ мой подавляется твоимъ разумомъ и дѣлаетъ усилія для того, чтобы остаться побѣжденнымъ“.

IV.

Учено-литературная дѣятельность Н. М. началась еще въ Казани, гдѣ онъ прослужилъ болѣе семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ пріобрѣлъ обѣ высшія ученыя степени: магистра римской словесности и доктора философіи и древней филологіи (въ 1847 и 1851 гг.). Для полученія ихъ требовался тогда, между прочимъ, письменный и устный экзаменъ почти по всѣмъ факультетскимъ

предметамъ. Магистерская и докторская его диссертаціи („De hieratica, quae dicitur, artis Graecorum statuariae periodo“ и „De Romanorum tragoedia“) остались въ рукописи, равно какъ и читанная имъ, по возвращеніи изъ-за границы, публичная лекція: „De veterum Graecorum pictura parietum. Изъ печатныхъ трудовъ Н. М. на латинскомъ языкѣ извѣстна брошюра: „De carminibus convivalibus eorumque in vetustissima Romanorum historia condenda momento“, Petrop. 1853 г.

Первый печатный трудъ Н. М. „О судьбахъ римской трагедіи“ появился въ 1848 г., въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ (№ 6-й). Затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ его монографій, очерковъ и ученыхъ замѣтокъ, перечень которыхъ подробно обозначенъ въ „Исторіи спб. университета“, Спб., 1870 г., на стр. 235 и 408, и въ до сихъ поръ еще не появлявшейся въ продажѣ брошюрѣ извѣстнаго московскаго профессора—И. В. Цвѣтаева: „Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго“, С.-Петербургъ, 1888.

„Вслѣдъ за первымъ моимъ литературнымъ опытомъ, говоритъ Н. М. въ указанной выше автобіографической запискѣ, я сдѣлался довольно усерднымъ сотрудникомъ извѣстнаго профессора Московскаго университета, П. М. Леонтьева, который началъ свои „Пропилеи“ моимъ изслѣдованіемъ: „О гіератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ“. Въ 1850-хъ-же годахъ печаталась въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и друг. изданіяхъ, цѣлая серія моихъ статей о Гораціи, въ которыхъ онъ разсматривается какъ политическій дѣятель, глава литературной школы и частный человѣкъ. Въ 1864 г. всѣ эти статьи собраны были въ одну книгу, подъ заглавіемъ „Горацій и его время“.

Не мало изслѣдованій Н. М. посвятилъ Ювеналу, о которомъ въ 1859 году онъ читалъ въ университетѣ публичныя лекціи, бывшія тогда въ Петербургѣ въ полномъ разгарѣ. Лично Н. М. главнымъ своимъ ученымъ подвигомъ считаетъ переводъ сатиръ Персія, — самаго труднаго для перевода и самаго темнаго изъ древнихъ писателей; переводъ Персія, исполненный Благовѣщенскимъ, сначала печатался въ министерскомъ журналѣ, а затѣмъ, въ 1873 году, былъ изданъ отдѣльною книгою. До этого времени сатиры Персія были у насъ вовсе неизвѣстны, такъ какъ русская переводная литература, которая еще въ Екатерининскую и Александровскую эпохи такъ внимательно относилась къ древнимъ классикамъ, вовсе не коснулась этого автора. очевидно, по необыкновенной трудности его пониманія. Такъ смотритъ на

Персія и западная наука. Въ предисловіи къ своей книгѣ „Сатиры Персія“ Н. М. указалъ на смѣшное и неудавшееся предсказаніе аббата Монньe (онъ перевелъ Персія еще въ 1771 г.), который, повторяя и теперь столь обычную фразу о непроницаемой темнотѣ этого автора, прибавляетъ, что русскій его переводъ можетъ появиться развѣ только черезъ двадцать столѣтій. Впрочемъ, не лишнимъ будетъ замѣтить, что самое имя знаменитаго сатирика или, вѣрнѣе, моралиста Неронова вѣка оставалось въ Россіи невѣдомымъ до очень недавняго времени. По крайней мѣрѣ, массѣ образованныхъ читателей оно могло сдѣлаться извѣстнымъ не ранѣе 1866 г., когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ появилась статья Н. М. Благовѣщенскаго „Римскій сатирикъ Персій“.

Къ позднѣйшему времени авторства Н. М. относится: переводъ четырехъ сатиръ Ювенала (III, VII, VIII и X), напечатанный въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (1884, 4; 1885, 1; 1886, 2 и 1890 г.) и три изслѣдованія изъ области античной скульптуры: 1) Родосская школа, 2) Пергамская школа, 3) О художественномъ значеніи позднихъ эпохъ античной скульптуры (помѣщенныя въ I, II и III т. „Вѣстника изящныхъ искусствъ“), и потомъ изданныя (въ 1891 г.) отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры“. Къ этимъ изслѣдованіямъ побудило Н. М. открытіе Гуманомъ пергамской „гигантомахіи“, съ которою Благовѣщенскій ознакомился въ Берлинѣ, въ 1881 г. „Сначала я хотѣлъ ограничиться описаніемъ этого знаменитаго памятника, замѣчаетъ Н. М., но затѣмъ расширилъ мою тему до размѣровъ монографіи о греческомъ искусствѣ въ эпоху діадоховъ (преемниковъ Александра Македонскаго), съ цѣлью указать на высокое значеніе его въ эту пору, отвергаемое Винкельманомъ и его послѣдователями“. Объ этомъ трудѣ Н. М. Благовѣщенскаго дали самый лестный отзывъ почти всѣ наши періодическія изданія и, между прочими, извѣстный казанскій ученый Н. Н. Буличъ [1]). Наиболѣе полный учено-библіографическій перечень и обзоръ трудовъ Н. М. Благовѣщенскаго, за время съ 1848 по 1888 гг., составилъ проф. Вл. И. Цвѣтаевъ въ выше названной своей брошюрѣ [2]). Превосходный отзывъ объ изданіи Н. М. сатиръ Персія данъ извѣстнымъ ученымъ И. В. Помяловскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1873 г., № 2). Оба нѣкогда

[1]) „Волжскій Вѣстникъ“ 19-го марта 1891 г.

[2]) Нѣсколько экземпляровъ этой брошюры находится въ книжномъ магазинѣ „Русской Старины“, откуда и могутъ желающіе получить ее, выславъ три почтовыя марки на пересылку.

слушатели Н. М. Благовѣщенскаго — гг. Помяловскій и Цвѣтаевъ—съ честью занимаютъ каѳедры римской словесности въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ (послѣдній изъ нихъ недавно перешелъ на каѳедру археологіи). Къ нимъ-же принадлежатъ І. А. Шеборъ, который раздѣляетъ преподавательскій трудъ вмѣстѣ съ И. В. Помяловскимъ; также В. И. Модестовъ— одесскій профессоръ и авторъ еще перваго у насъ, по времени, обширнаго и замѣчательнаго труда „Исторія римской литературы". Изъ умершихъ слѣдуетъ припомнить Іонина и Ястребова, изъ которыхъ первый преподавалъ означенный предметъ въ Историко-филологическомъ институтѣ, а второй—въ Варшавскомъ университетѣ.

Наиболѣе полное опредѣленіе значенія ученыхъ заслугъ Н. М. Благовѣщенскаго мы находимъ въ запискѣ, представленной 8-го февраля 1891 г. историко-филологическимъ факультетомъ казанскаго университета, въ совѣтъ сего университета. Эта записка есть единогласное представленіе факультета о возведеніи Н. М. въ почетные члены казанскаго университета. Избраніе это, также единогласно состоявшееся въ совѣтѣ сего университета, утверждено 25-го февраля 1891 года.

Приводимъ небольшую выдержку изъ означеннаго представленія факультета:

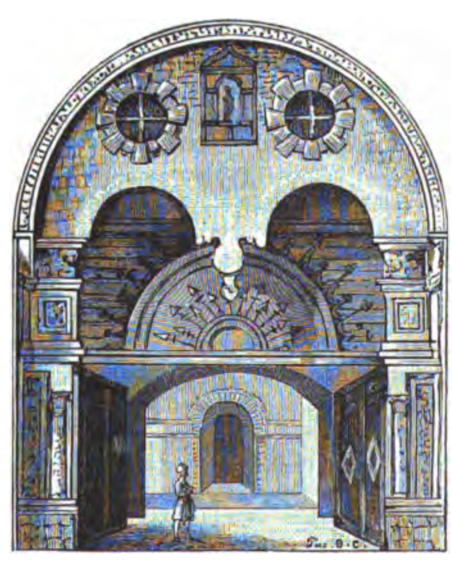
..."На профессорской каѳедрѣ и въ литературѣ Н. М. Благовѣщенскій обнаруживалъ выдающуюся энергію въ разработкѣ разнообразныхъ вопросовъ избранной спеціальности, а его блестящія дарованія, огромный литературный талантъ, въ связи съ тщательностью отдѣлки въ каждой работѣ, давно завоевали ему видное мѣсто въ исторіи русской науки и просвѣщенія. Заслуги Благовѣщенскаго получаютъ тѣмъ большее значеніе и даютъ ему тѣмъ бо̀льшее право на признательность современниковъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ піонеровъ живаго, всесторонняго изученія античной культуры, что онъ на всемъ пути многолѣтней практической и ученой дѣятельности остался неизмѣнно вѣренъ широкимъ, просвѣтительнымъ началамъ этого изученія. Читайте его послѣдніе труды: „Римскіе кліенты Домиціанова вѣка" („Русская Мысль", 1890 г., апрѣль), „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры" (Спб. 1891 г.) или немного болѣе раннее изданіе „Сатиръ Персія",—здѣсь вы чувствуете то-же горячее увлеченіе предметомъ, какое отличало его первые учено-литературные опыты, посвященные римской трагедіи и комедіи, древне-греческому искусству, римской исторіографіи, и обезпечило широкую извѣстность за его монографіями о Гораціи, Ювеналѣ и другихъ предметахъ науки объ античномъ мірѣ, за его изящными переводами труднѣйшихъ латинскихъ писателей и научными комментаріями къ нимъ. Начитанность Николая Михайловича въ древнихъ писателяхъ, знаніе современной ученой литературы, даръ блестящаго изложенія всегда служили для него средствомъ къ достиженію одной и той-же

цѣли: усвоить русскому образованному обществу живое пониманіе того, что есть просвѣтительнаго и облагораживающаго въ литературныхъ и вещественныхъ памятникахъ античной жизни, что способно поднять уровень гуманнаго образованія въ нашей странѣ. Вотъ почему читатель Николая Михайловича извлекаетъ изъ его ученыхъ трудовъ не одно спеціальное знаніе трактуемаго предмета,—въ немъ онъ находитъ опытнаго руководителя, дающаго ему и твердыя точки опоры, и вѣрную нить для того, чтобы разобраться во множествѣ подробностей, уловить ихъ внутреннюю связь и получить ясную картину цѣлой эпохи. Гуманистъ-ученый, Николай Михайловичъ Благовѣщенскій является самымъ достойнымъ выразителемъ въ Россіи того направленія въ изученіи древняго міра, которое повсюду сопровождалось подъемомъ интересовъ въ обществѣ къ наукѣ, просвѣщенію и къ главному разсаднику ихъ, университету".

Этою справедливою оцѣнкою, сдѣланною представителями казанскаго университета, ученыхъ заслугъ Николая Михайловича Благовѣщенскаго, мы заканчиваемъ нашъ очеркъ его полувѣковой дѣятельности какъ ученой, такъ и общественной, и сердечно привѣтствуемъ высокоуважаемаго профессора и дѣятеля трехъ университетовъ.

Ред.

25-го января 1892 г.
Спб.



Рисов. проф. Ѳ. Солнцевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

А. Турцевичъ. Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. 1892 г. 776 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Преподавателю одной изъ виленскихъ гимназій и виленской римско-католической духовной семинаріи, г. Турцевичу, пришла счастливая мысль составить хрестоматію по исторіи Западной Россіи, которая могла бы служить пособіемъ при преподаваніи исторіи въ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составитель въ высшей степени добросовѣстно исполнилъ поставленную имъ себѣ задачу, и какъ учителя гимназій, такъ и самостоятельно занимающіеся исторіею молодые люди найдутъ въ этой книгѣ обильный матеріалъ для дополненія и оживленія сухихъ и недостаточныхъ данныхъ учебника. Составитель не ограничивается внѣшнею исторіею, но даетъ не мало статей, почерпнутыхъ изъ трудовъ лучшихъ изслѣдователей внутренняго состоянія общества и народа. Мы встрѣчаемъ здѣсь отрывки изъ сочиненій Антоновича, Костомарова, Владимірскаго-Буданова, Новицкаго, Кулиша, Соловьева, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Васильевскаго и многихъ другихъ; иной разъ составитель приводитъ отрывки изъ трудовъ этихъ авторовъ въ сокращеніи или самъ составляетъ по нимъ очеркъ, или, наконецъ, заимствуетъ его изъ такихъ прекрасныхъ популярныхъ историческихъ книгъ, какъ „Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка“ В. И. Водовозова. Наконецъ, значительное мѣсто отведено и первоначальнымъ источникамъ, каковы, напр., „Судебникъ“ короля Казиміра Ягайловича (1468 г.), „Литовскій статутъ“, „Инвентари XVI вѣка“, „Уставъ львовскаго братства“ и проч.

Книга г. Турцевича несомнѣнно облегчитъ трудъ преподавателя и будетъ содѣйствовать какъ улучшенію преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края, такъ и распространенію историческихъ знаній среди той публики, которой недоступны спеціальныя историческія изслѣдованія. **В. И. С.**

Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Доржи Банзарова (съ портретомъ и біографіею). Издано на средства частныхъ жертвователей въ пользу восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географ. Общества. Подъ редакціею Г. И. Потанина. Спб. 1891. XL+129.

Для читателей-неспеціалистовъ всего болѣе интересна въ этой книгѣ біографія Доржи Банзарова, бурята, получившаго образованіе въ казанскомъ университетѣ и затѣмъ въ 1840-хъ годахъ ставшаго въ ряды нашихъ ученыхъ оріенталистовъ. Личность Банзарова можетъ заслуживать вниманія не только людей, интересующихся исторіею науки и жизнію замѣчательныхъ дѣятелей въ этой области, но еще болѣе соплеменниковъ Банзарова—бурятъ, среди которыхъ, по свидѣтельству г. Потанина, уже появляются лица съ среднимъ образованіемъ; нѣкоторые буряты начинаютъ даже принимать участіе въ мѣстной сибирской прессѣ, другіе примыкаютъ къ восточно-сибирскому отдѣлу Географическаго Общества. Этой едва нарождающейся молодой бурятской интеллигенціи книга, редактированная извѣстнымъ путешественникомъ Г. Н. Потанинымъ, будетъ пріятнымъ подаркомъ, такъ какъ разыскивать біографію и труды Банзарова въ мало-распространенныхъ ученыхъ изданіяхъ было-бы весьма затруднительно. „Пріобщеніе бурятскаго племени къ общей русской духовной жизни, говоритъ г. Потанинъ, лучше всего можетъ быть до

стигнуто научною разработкою быта бурятъ и ихъ старины и изданiемъ книжекъ, посвященныхъ описанiю ихъ родины, ихъ исторiи и современной жизни. Такая литература создаетъ духовное общенiе между русскою интеллигенцiею и бурятскою средою". Пожелаемъ съ своей стороны, чтобы буряты-нехристiане не подвергались преслѣдованiю въ религiозной области со стороны нѣкоторыхъ, не въ мѣру усердныхъ, мѣстныхъ администраторовъ и чтобы сближенiе ихъ съ русскимъ населенiемъ Сибири происходило добровольно, а не насильственно. „Для русскаго патрiота и для человѣка, по добротѣ сердца интересующагося судьбою инородцевъ", говоритъ авторъ бiографiи, „истиннымъ огорченiемъ должно казаться, что вмѣсто внутренняго родства, коренящагося въ общности духовныхъ интересовъ, единственною связью, соединяющею инородцевъ съ русскимъ обществомъ, служитъ одно только чувство общей административной зависимости" (стр. XXXII). Въ бiографiи Банзарова мы встрѣчаемъ нѣсколько свѣдѣнiй и о другомъ образованномъ человѣкѣ, вышедшемъ изъ среды сибирскихъ инородцевъ — киргизѣ Валихановѣ, и, между прочимъ, узнаемъ, что его политическiя убѣжденiя сложились подъ влiянiемъ Дурова, сосланнаго въ Сибирь по дѣлу М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Любопытно, что даже теперь среди якутовъ попадаются отдѣльныя развитыя личности, первыми руководителями которыхъ были политическiе ссыльные.

В. И. С.

Очеркъ исторiи смертной казни въ Россiи. Рѣчь, читанная 5-го ноября 1891 года въ торжественномъ годичномъ собранiи Императорскаго Казанскаго университета ордин. проф. Н. П. Загоскинымъ. Казань. 1892 г., въ 8 д., стр. 102. Ц. 60 к.

Первыя наши историческiя хроники и древнѣйшие разсказы иностранцевъ описываютъ Россiю на той стадiи развитiя, когда еще въ ней вовсе не существовало смертной казни. Происходило это не оттого, чтобы наши отдаленные предки отличались особенною гуманностью и незлобивостью, но исключительно вслѣдствiе слабости государственной власти, не могшей сначала захватить въ свои руки привилегiю самораспpавы. Этому перiоду господства частнаго воззрѣнiя на преступленiе и наказанiе соотвѣтствовалъ институтъ „кровавой мести", широко примѣнявшiйся въ жизни и въ свое время санкцiонированный во всѣхъ договорахъ русскихъ съ иностранцами. Усиленiе и развитiе государства повело сначала къ отдѣльнымъ случаямъ примѣненiя судомъ постановленной смертной казни, а затѣмъ и къ установленiю этого наказанiя законодательнымъ путемъ. Первое такое постановленiе находимъ мы въ двинской уставной грамотѣ отъ 1398 года, гдѣ смертная казнь чрезъ повѣшанiе назначается вору, совершившему троекратную кражу. Разъ принятое нововведенiе получило тотчасъ широкую примѣняемость, и затѣмъ вплоть до середины XVIII-го вѣка развивалось безостановочно, постоянно усиливаясь въ жестокости. Императрица Елисавета Петровна, на время своего царствованiя, прiостановила дѣйствiе смертныхъ приговоровъ, но ея преемниками они, попрежнему, приводились въ силу и находили себѣ опору въ законѣ. Нѣкоторыя попытки ограничить область примѣненiя смертной казни сдѣланы были въ царствованiе Александра I-го; проектъ новаго уголовнаго уложенiя въ 1824 году вызвалъ въ Государственномъ Совѣтѣ горячiя пренiя, причемъ адмиралъ Мордвиновъ явился благороднымъ защитникомъ совершенной отмѣны такого рода карательной мѣры. „Имѣетъ-ли человѣкъ право, спрашивалъ онъ, отнимать у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впослѣдствiи, онъ не въ силахъ ему возвратить?... Нравственный и всеобщiй законъ, воспрещающiй убивать безоружнаго, долженъ-ли измѣниться въ своей правости въ примѣненiи къ обществу, а окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности его быть долѣе вреднымъ, — не есть-ли жертва безполезная и невинная?"

Существенныя ограниченія смертной казни встрѣчаемъ мы только въ Сводѣ Законовъ и въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 года. Смерть, согласно имъ, влекутъ за собою важнѣйшія государственныя и карантинныя преступленія. Такимъ-же точно образомъ вопросъ разрѣшается и въ нынѣ дѣйствующемъ уголовномъ правѣ.

Источникомъ, откуда наше отечество позаимствовалось смертною казнью, проф. Загоскинъ считаетъ Византію [1]) и въ этомъ обстоятельствѣ старается найти оправданіе для русскаго духа и утѣшеніе національной гордости. Плохое оправданіе и слабое утѣшеніе! Прочитавши хотя-бы только очеркъ проф. Загоскина и въ немъ особенно стр. 53—58, никому-бы, вѣроятно, самому не пришли въ голову слова, которыя мы, однако, съ удивленіемъ встрѣчаемъ во главѣ настоящаго-же очерка. Вотъ они: „Великимъ народамъ не подобаетъ закрывать глаза передъ своимъ прошлымъ. Они не должны (!) стыдиться этого прошлаго, чтобы тѣмъ самымъ имѣть право гордиться (?) своимъ настоящимъ...“ Нѣтъ, не всегда, далеко не всегда, похвала является своевременно, иная лесть производитъ впечатлѣніе какъ разъ обратное тому, на которое разсчитываетъ...

Не представляя собою ничего оригинальнаго и самостоятельнаго, обширная актовая рѣчь проф. Загоскина заслуживаетъ полнаго вниманія какъ сочиненіе популярное. Интересно и живо написанная, она можетъ быть съ пользою прочитана и тѣмъ, кто никогда не удосужился-бы заглянуть въ нѣкоторые спеціальные курсы, и тѣмъ, кто захочетъ воскресить въ своей памяти соотвѣтственные факты изъ исторіи русскаго права.

Н. В. В.

---

[1]) Мысль, обстоятельно доказанная еще проф. В. И. Сергѣевичемъ въ его классическомъ трудѣ по исторіи русскаго права: „Лекціи и изслѣдованія“. Спб. 1883. На сочиненіе это, кстати сказать, совершенно напрасно не обращено вниманія проф. Загоскинымъ. **Н. В.**

Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта М. Лаврецкаго. Ревель. 1891 г., въ 8 д., стр. 55. Ц. 50 к.

Книжка составлена изъ отдѣльныхъ очерковъ, печатавшихся сначала во „Всемірной Иллюстраціи“ за 1889 годъ. Въ полубеллетристической формѣ авторъ разсказываетъ о домашней и корпоративной жизни студентовъ, объ ихъ забавахъ и праздникахъ, о товарищескомъ судѣ, объ отношеніяхъ къ профессорамъ. Разсказъ ведется не стройно и послѣдовательно, а безпорядочно, случайными сценами, несжиданными скачками. Внѣшняя, показная сторона жизни скорѣе всего бросается въ глаза, потому и г. Лаврецкій описываетъ, по преимуществу, кутежи и попойки студентовъ, совсѣмъ умалчивая объ ихъ научныхъ занятіяхъ и очень мало касаясь самаго университета. Только нѣсколько словъ говоритъ онъ о пріемѣ студентовъ и при этомъ, хотя въ нѣсколько странныхъ выраженіяхъ, вѣрно отмѣчаетъ одну симпатичную, спеціально дерптскую, черту. „Сколько задушевной теплоты, восклицаетъ авторъ, и истинно патріархальнаго, простаго и братскаго, въ этомъ пріемѣ новичка!.. Если у него есть старые грѣхи и недоимки въ видѣ двухлѣтняго пребыванія на одномъ курсѣ, если онъ по горячности поссорился съ своимъ прежнимъ начальствомъ, если, наконецъ, онъ — horribile dictu! — „заблуждался и увлекался“ различными теоріями, очаровавшись объятіями коварной дѣвы-политики (!), — это все ничего. Старый Дорпатъ и его еще болѣе (?) старый университетъ, изъ-за достоинства и уваженія къ себѣ, не захотятъ копаться въ его прошломъ, превращаясь въ старыхъ сплетницъ. Они вѣрятъ на честное слово будущему своему студенту...“ (стр. 6).

Русское общество такъ мало знакомо съ оригинальными порядками своего нѣмецкаго университета, оно имѣетъ такое превратное понятіе о корпоративной жизни студентовъ, что очерки г. Лаврецкаго являются совершенно кстати. Можно пожалѣть только, что многое въ нихъ писано,

очевидно, съ чужихъ словъ и потому не всегда вѣрно и точно; авторъ самъ подчеркиваетъ вымышленность всѣхъ встрѣчающихся у него именъ и названій; мы думаемъ, что замѣчаніе это надо еще нѣсколько распространить: не одни имена, а, по правдѣ сказать, и нѣкоторыя сцены и описанія носятъ характеръ непосредственнаго творчества, приходившаго къ автору на помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюденій и фактовъ оказывалось у него недостаточно. Разговорная форма очерковъ вызвана, вѣроятно, требованіями газетной работы; мы ничего противъ нея не возразили-бы, если-бы только она была удачно проведена, а то вѣдь теперь по г. Лаврецкому выходитъ такъ, что нѣмецкіе бурши плохо владѣютъ своимъ роднымъ языкомъ и всего чаще отдѣлываются стереотипными словечками: „o ja, ja wohl!“ или „danke sehr“. Языкъ книжки свидѣтельствуетъ вообще о слабости беллетристическихъ способностей автора и о безплодности его потугъ дать поэтическія описанія природы.

Во всякомъ случаѣ, „Бытовыя картинки стараго Дерпта“ мы отмѣчаемъ съ удовольствіемъ, какъ, если и не безусловно, то въ общемъ правдивое изображеніе студенческой жизни и — что еще важнѣе — какъ книжку, написанную съ любовью къ университету и къ его старымъ порядкамъ; а послѣднее такъ рѣдко встрѣчается въ наше время...

Н. В. В—въ.

Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Выпускъ 1: Норвежскіе писатели. Перев. М. В. Лучицкой. Кіевъ. 1891 г., въ 12 д., 292 стр. Ц. 1 р.

Въ послѣднее время взоры читающей публики невольно обратились къ Норвегіи. Мало кому извѣстная до тѣхъ поръ изящная литература этой страны обогатилась вдругъ произведеніями двухъ писателей, имена которыхъ разнеслись по всѣмъ странамъ Европы и вызвали къ себѣ повсюду самое сочувственное вниманіе. Мы говоримъ о Бьернстернѣ-Бьернсонѣ и о Генрикѣ Ибсенѣ въ особенности. Романы перваго и драмы втораго появились на Западѣ въ многочисленныхъ переводахъ, возбудили оживленные толки среди читателей и со стороны критики удостоились единодушныхъ похвалъ. Россія не осталась чужда этому движенію. Изъ произведеній Бьернсона переведенъ былъ его очень оригинальный и смѣлый по замыслу романъ—„Новыя вѣянія“; что же касается Ибсена, то мы не только имѣемъ теперь переводъ всѣхъ его главныхъ драмъ, но даже можемъ ихъ видѣть на сценѣ. И наша періодическая печать тотчасъ отозвалась на такое „новое вѣяніе“: во многихъ газетахъ и журналахъ появились критическіе этюды и отзывы о произведеніяхъ норвежскихъ писателей: интересующіеся найдутъ тамъ-же и ихъ біографическіе очерки. „Сборникъ“ г-жи Лучицкой, отвѣчаетъ, такимъ образомъ, уже существующему запросу и будетъ принятъ, вѣроятно, съ полнымъ сочувствіемъ. Центральное мѣсто въ немъ занимаетъ драма Ибсена „Нора“ и повѣсть Бьернсона „Веселый малый“. „Нора“ называется иначе „Кукольнымъ домомъ“ и изображаетъ семью, въ которой мужъ несетъ всѣ тягости по добыванію средствъ для существованія и въ то-же время всѣ преимущества сознательной интеллигентной жизни; напротивъ, жена нарочно устраняется мужемъ отъ всякихъ заботъ и отъ всѣхъ серьезныхъ разговоровъ; въ ней онъ хочетъ имѣть только игрушку, красивую куклу. Однако, ихъ карточный домикъ мгновенно рушится, едва внѣшнія обстоятельства заставляютъ Нору критически взглянуть на своего мужа; она видитъ, что тотъ разсуждаетъ и чувствуетъ совсѣмъ не такъ, какъ долженъ-бы разсуждать и чувствовать любимый ею человѣкъ, что она не имѣетъ ничего общаго съ этимъ ограниченнымъ эгоистомъ, и тотчасъ покидаетъ и безъ того потухшій очагъ семейной жизни. Драма написана удивительно просто и рельефно, конецъ безъ всякихъ натяжекъ вытекаетъ изъ начала, оригинальная фигура Норы такъ

и стоитъ передъ читателями во всей прелести своего чуткаго сердца и едва пробудившагося ума. Повѣсть Бьернсона рисуетъ трогательный романъ двухъ молодыхъ людей изъ крестьянъ; она немного длинновата, но зато мѣстами высоко художественна. Мелкія вещицы того-же автора довольно типичны. Но совсѣмъ не понравились намъ разсказы Гарборга и Килланда, кажется, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ приходится больше винить выборъ, сдѣланный переводчицею, чѣмъ самихъ авторовъ, пользующихся почетною извѣстностью за другія свои, болѣе крупныя, произведенія.

За настоящимъ первымъ выпускомъ, который, отчасти благодаря хорошему, литературному переводу, читается съ большимъ удовольствіемъ, должно послѣдовать еще два, гдѣ будутъ даны образцы шведской и датской беллетристики. Пожелаемъ успѣха этому хорошему начинанію.

Н. В—въ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки Н. Котляревскаго. Спб. 1891 г., въ 8 д., стр. 295. Ц. 2 р.

Лермонтовскій юбилей прошлаго года не много далъ въ дѣлѣ изученія произведеній умершаго поэта. Книжный рынокъ обогатился, правда, новыми изданіями его сочиненій, но все значеніе этихъ изданій заключается, прежде всего, въ ихъ крайней дешевизнѣ, а затѣмъ въ мелкихъ, подчасъ просто типографскихъ и грамматическихъ, исправленіяхъ текста. Такого научнаго изданія, гдѣ-бы сочиненія эти обставлены были хорошими историко-литературными комментаріями, не было раньше, не вышло и въ юбилейномъ году, не нашлось теперь также ни новыхъ рукописей, ни существенныхъ варіантовъ къ старымъ, уже извѣстнымъ, вещамъ. Исключеніе могъ-бы составить новый списокъ „Демона", включенный въ изданіе Риккера, но онъ уже раньше былъ обнародованъ проф. Висковатовымъ, да къ тому-же подлинность его въ настоящее время оспаривается. Наши журналы отозвались на юбилей очень немногими статьями и притомъ блѣдными, неопредѣленными, точно авторы ихъ, не имѣя ничего новаго прибавить къ тому, что уже много разъ говорилось на ту-же тему, считаютъ своимъ долгомъ, однако, принести на могилу поэта нѣсколько печатныхъ страницъ [1]). На такомъ сѣромъ фонѣ книга г. Котляревскаго ярко выдѣляется, какъ самая солидная, самая оригинальная работа о Лермонтовѣ. Авторъ очень серьезно смотритъ на свою задачу и, не довольствуясь сопоставленіемъ и толкованіемъ отдѣльныхъ стихотвореній, старается дать общую оцѣнку лермонтовской поэзіи и указать на ея значеніе въ исторіи русской литературы. Подводя итогъ всему, что сдѣлано предшественниками нашего поэта, г. Котляревскій замѣчаетъ: „Пусть многое въ поэзіи Лермонтова повторяло или развивало то, что уже давно было сказано Пушкинымъ въ періодъ его увлеченія Байрономъ, пусть эта поэзія менѣе пластична и менѣе объективно-спокойна, чѣмъ поэзія Пушкина, менѣе нравственна, чѣмъ поэзія Жуковскаго, менѣе глубока по мыслямъ, чѣмъ поэзія Баратынскаго, менѣе жизнерадостна, чѣмъ муза Языкова, пусть она была туманна по настроенію, безпринципна въ окончательныхъ своихъ выводахъ, иногда безъ причины задорна, — все-таки поэзія Лермонтова для молодаго поколѣнія того времени носила въ себѣ больше элементовъ жизни, больше побужденій къ дѣятельности, къ движенію впередъ, чѣмъ поэзія старшаго поколѣнія". Ея прогрессивное значеніе состояло въ томъ, что „она отвергла безотчетное поклоненіе старому, не позволяла людямъ засыпать въ довольствѣ настоящимъ, толкала ихъ впередъ, учила строгому суду надъ самимъ

[1]) Особое мѣсто занимаетъ только, появившаяся раньше, любопытная статья г. Герасимова: „Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ". „Вопросы философіи и психологіи", книга третья. Н. В.

собою и была въ ихъ глазахъ художественно воплощеннымъ принципомъ вѣчнаго стремленія...“ (стр. 236 и 267). Эта общественная роль Лермонтова выяснена г. Котляревскимъ очень хорошо, но выставленная имъ вмѣстѣ съ тѣмъ схема волнообразнаго колебанія въ настроеніяхъ и мысляхъ всего русскаго общества — кажется намъ въ настоящемъ ея видѣ односторон-нею и точно не вполнѣ продуманною. Авторъ отмѣчаетъ, что 1820-е, 1840-е и 1860-е годы были у насъ временемъ примиренія съ жизнью, на почвѣ-ли эстетическихъ воззрѣній или на почвѣ активной борьбы, тогда какъ промежуточныя десятилѣтія „тревожной растерянности духа“ знаменовали собой крушеніе старыхъ и исканіе новыхъ идеаловъ. Сближая настоящее время съ эпохою, когда жилъ Лермонтовъ, г. Котляревскій радуется, что мы не довольствуемся ближайшимъ наслѣдіемъ отцовъ, возвращаемся къ лермонтовскимъ темамъ и все чего-то ищемъ, ищемъ хотябы и ощупью, хотя-бы въ потьмахъ. Въ этихъ, яко-бы естественныхъ, отливахъ и приливахъ общественнаго движенія г. Котляревскій не отмѣтилъ главнаго фактора, вліяніемъ котораго они производятся. Бо̀льшая или меньшая степень свободы въ примѣненіи тѣхъ или иныхъ идеаловъ къ жизни—вотъ причина, отчего мы то растерянно ищемъ, то примиряемся съ дѣйствительностью. А если такъ, то ни отвлеченное исканіе, ни потемки не знаменуютъ собою ничего, кромѣ внѣшней скованности общества, состоянія, которое прогрессивнымъ ни въ какомъ смыслѣ названо быть не можетъ. Другую слабую сторону настоящей книги мы видимъ въ томъ, что г. Котляревскій захотѣлъ написать нѣчто исчерпывающее о Лермонтовѣ: всѣмъ главнымъ произведеніямъ поэта онъ отвелъ особые очерки, стараясь ничего не пропустить безъ своего спеціальнаго напутствія; между тѣмъ нѣчто новое авторъ имѣлъ сказать только о Лермонтовѣ вообще, а въ критикѣ отдѣльныхъ произведеній онъ не проявилъ никакой самостоятельности. Это ему не мѣшало, однако, и старыя мысли высказывать отъ своего лица, игнорируя всю предшествующую литературу вопроса.

Нашими замѣчаніями мы хотимъ не умалить, а только выяснить значеніе настоящей работы, которая, конечно, займетъ почетное мѣсто въ критической литературѣ о Лермонтовѣ. Пріятная особенность г. Котляревскаго — его блестящій слогъ и мѣткія сравненія. Для примѣра укажемъ на сопоставленіе Онѣгина съ Печеринымъ, Лермонтова съ Демономъ и др. (стр. 210, 42). Даже звучныя лермонтовскія строфы г. Котляревскому удается передавать такою красивою прозою, что невольно дивишься стилистическимъ способностямъ молодаго автора. **Н. В. В.**

Стихотворенія А. Ѳ. Иванова-Классика. Спб. Изд. Ѳедорова. 1891 г., въ 8 д., 187 стр. Цѣна не обозначена.

Среди унылой поэзіи нашего времени пріятно встрѣтить сборникъ, отъ рифмованныхъ строчекъ котораго вѣетъ не хандрою и печалью, но веселою бодростью здороваго человѣка. Въ этомъ все значеніе стихотвореній г. Иванова-Классика. Поэтическими красотами они не блещутъ, глубиною мысли—тоже. Нѣсколько изящныхъ пейзажей, двѣ-три прочувствованныхъ „думки“—вотъ все, что̀ остановитъ на себѣ вниманіе читателя. Что-же касается переводовъ, то между ними есть весьма недурные: очень оригинально и красиво первое стихотвореніе Ж. Рако (современнаго французскаго поэта)—„Звѣзды сердца“ и затѣмъ его-же — „Кукла“ Особенною поэтическою задушевностью и прелестью проникнуты иные переводы с малороссійскаго. **Н. В. В—въ.**

глядно обрисовать, такимъ путемъ, духовно-нравственныя личности литературныхъ дѣятелей, имѣвшихъ несомнѣнное и крупное вліяніе на наше умственное движеніе...". Отечественные писатели, идеи которыхъ внесены въ эту книгу, суть слѣдующіе: Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Салтыковъ, гр. Л. Толстой...

Ред.

Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Спб. 1891 г.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда палеографія, археографія и иконографія безсильны опредѣлить точно время недатированныхъ рукописи, книги, гравюры и т. п., важнымъ вспомогательнымъ средствомъ служитъ рѣшеніе вопроса о бумагѣ разсматриваемаго памятника. Исторія видовъ бумаги, попеременно употреблявшихся въ Московскомъ государствѣ, и излагается въ сочиненіи г. Лихачева. Такъ какъ у насъ долго могла употребляться бумага привозная — хорасанская, персидская, итальянская, французская, голландская, германская и польская, то авторъ сообщаетъ документальныя свидѣтельства по исторіи бумаги восточной и западно-европейской, пользуясь признаками, служащими къ опредѣленію ея происхожденія, въ особенности водяными рисунками (филигренями), употребленіе которыхъ замѣчается еще съ XIV вѣка, т. е. со времени привоза въ Москву западно-европейской бумаги. Домашнее производство ея, начавшись малоудачными попытками при Грозномъ и Алексѣѣ Михайловичѣ, укрѣпилось у насъ только при Петрѣ I, о чемъ также сообщаются въ книгѣ точныя данныя. Къ сочиненію приложенъ альбомъ изъ 116 таблицъ съ изображеніями бумажныхъ водяныхъ знаковъ; при помощи этого альбома облегчается опредѣленіе періода производства и употребленія бумаги документа. Авторъ положилъ много труда надъ изученіемъ предмета, умѣло воспользовался обширною иностранною литературою и русскими архивными и рукописными матеріалами. Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній по этому вопросу намъ пришлось привести въ историческомъ изслѣдованіи „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій" (М. 1890 г.), гдѣ въ главѣ о службѣ иностранцевъ и о заимствованіяхъ съ Запада, сообщили (стр. 716—717), между прочимъ, указанія на количество привозной бумаги чрезъ Архангельскъ въ 1621 году и на время основанія подъ-московной, на рѣкѣ Пахрѣ, бумажной мельницы голландцемъ фанъ-Сведеномъ, смѣлымъ инціаторомъ разныхъ начинаній въ Москвѣ по обрабатывающей и первоначальной промышленности.

Проф. Д. А. Цвѣтаевъ.

Хронологія русской военной исторіи. Хронологическій указатель войнъ, сраженій и дѣлъ, въ которыхъ участвовали русскія войска отъ Петра I до новѣйшаго времени. Сост. помощникъ библіотекаря Главнаго штаба А. С. Лацинскій. Спб. 1891 г., 8 д., стр. 289. Ц. 1 р. 50 к.

Эта книга должна сдѣлаться настольною у занимающихся отечественною и въ особенности военно-отечественною исторіею, въ высшихъ и среднихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ полковыхъ библіотекахъ и библіотекахъ разныхъ военныхъ учрежденій,—какъ хорошая справочная книга, безъ которой не можетъ обойтись ни изучающій военно-русскую исторію, ни въ особенности посвящающій ей какое-либо свое изслѣдованіе — военно-историческій очеркъ, исторію полка и т. п. «На континентѣ Европы, замѣчаетъ почтенный составитель книги, нѣтъ страны, за исключеніемъ Испаніи и Португаліи, куда не проникали-бы побѣдоносныя русскія войска или въ качествѣ непріятеля, или въ качествѣ союзниковъ... Въ странахъ Азіи (Кавказъ, Персія, Туркестанъ) Россія также вела многія войны»... Сказанія и описанія этихъ войнъ, со временъ Петра Великаго, составили обширную историческую литературу. И вотъ А. С. Лацинскій выбралъ изъ нея наилучшія историческія изслѣдованія и составилъ, на основаніи ихъ, не существовавшую до сихъ поръ подробную и весьма обстоятельную «Хронологію русской военной исторіи»; книга эта даетъ полныя справки по своему предмету.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). **Н И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ *біографіямъ* достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ **1870** г., третье изд., *(15 экз.)*, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1876** г., второе изд., (*60 экз.*), съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1877** г., **12** книгъ (*33 экз.*), съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1878** г., **12** книгъ (*31 экз.*), съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1880** г., второе изд. (*61 экз.*), съ **12** портрет., **8** руб.
„Русская Старина“ **1881** г., **12** книгъ (*30 экз.*), съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1884** г., **12** кн. изд. второе (*57 экз.*), съ портр., **9** руб.
„Русская Старина“ **1885** г., **12** книгъ (*52 экз.*), съ портретами, **9** руб.
„Русская Старина“ **1888** г., **12** книгъ (*70 экз.*), съ портретами, **9** руб.
„Русская Старина“ **1889** г., двѣнадцать книгъ съ портретами, **9** руб.
„Русская Старина“ **1890** г., двѣнадцать книгъ съ портретами, **9** руб.
„Русская Старина“ **1891** г., **12** книгъ (*57 экз.*), съ портретами, **9** руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать третій. **МАРТЪ.** 1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ писателя и профессора **Николая Васильевича Берга** († 1884 года). — II. Изображеніе **Н. М. Пржевальскаго** въ гробу и видъ его могилы. — III. Два вида памятника **графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому.** Гравиров. И. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1892.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1892 г.

Энциклопедическій Словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона.

Съ августа по конецъ 1891 года вышли 7-й, 8-й и 9-й выпуски этого важнаго и высоко-полезнаго изданія; 9-й выпускъ заканчивается статьею „Вальтеръ". Преемниками покойнаго И. Е. Андреевскаго, въ трудахъ общаго редактированія Словаря, согласились быть К. К. Арсеньевъ и заслуженный проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, имена которыхъ давно пріобрѣли почетную извѣстность въ нашей наукѣ и литературѣ. Редакцію особыхъ отдѣловъ приняли на себя: профес. А. Н. Бекетовъ — біологическія науки, С. А. Венгеровъ—исторія литературы, профес. А. И. Воейковъ—географія, проф. Н. И. Карѣевъ—исторія, Н. Н. Ореусъ—военный отдѣлъ, проф. Д. И. Менделѣевъ — химико-техническій и фабрично-заводскій отдѣлъ, проф. В. Т. Собичевскій—сельское хозяйство и лѣсоводство, Владим. С. Соловьевъ — философія, проф. П. Ѳ. Соловьевъ—музыка. — Веденіе дѣла такими силами можетъ вполнѣ служить надежною порукою его основательности и многосторонней поучительности. Въ числѣ сотрудн. Энцикл. Слов., каковыхъ теперь уже до 100 человѣкъ, встрѣчается тоже не мало такихъ лицъ, имена которыхъ извѣстны всей образованной части русскаго общества. Въ появившихся до настоящаго времени выпускахъ Словаря помѣщено много статей, по обширности своей представляющихъ цѣлыя монографіи, крайне занимательныя и поучительныя, по своему содержанію, какъ напр.: Библейская исторія, библейскіе переводы, библейскія общества въ Россіи, библіографія, библіотека, Бисмаркъ, богословіе, Болгарія, ботаника, буддизмъ, Вавилонія и многія другія. Внѣшнія достоинства изданія, по прежнему, вполнѣ удовлетворительны, а рисунки, къ нему прилагаемые, особенно нѣкоторые, очень изящны. Вообще это изданіе вполнѣ хорошее.

Въ предисловіи къ 9-му выпуску сказано, между прочимъ, отъ лица редакціи, слѣдующее: „Въ началѣ изданія нашего Словаря предполагалось близко слѣдовать Брокгаузу (его изданію „Conversations-Lexicon), въ большинствѣ случаевъ переводить его; но уже въ первыхъ вышедшихъ книжкахъ началось отступленіе отъ этого плана. Согласившись принять редакцію Словаря и познакомившись съ содержаніемъ вышедшихъ книгъ, мы не сочли полезнымъ возвратиться къ первоначальному предположенію, но рѣшились дать еще большій перевѣсъ самостоятельнымъ статьямъ, какъ вообще, такъ и въ особенности по всѣмъ предметамъ, относящимся до Россіи.... Различіе между составомъ обоихъ Словарей объясняется не пренебреженіемъ къ иностранному, а вполнѣ естественнымъ стремленіемъ собрать въ русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ какъ можно больше русскаго или касающагося Россіи.... При всемъ томъ, Словарь, будучи русскимъ по преимуществу, долженъ сохранить все иностранное, сколько-нибудь важное, замѣчательное или необходимое для справокъ".

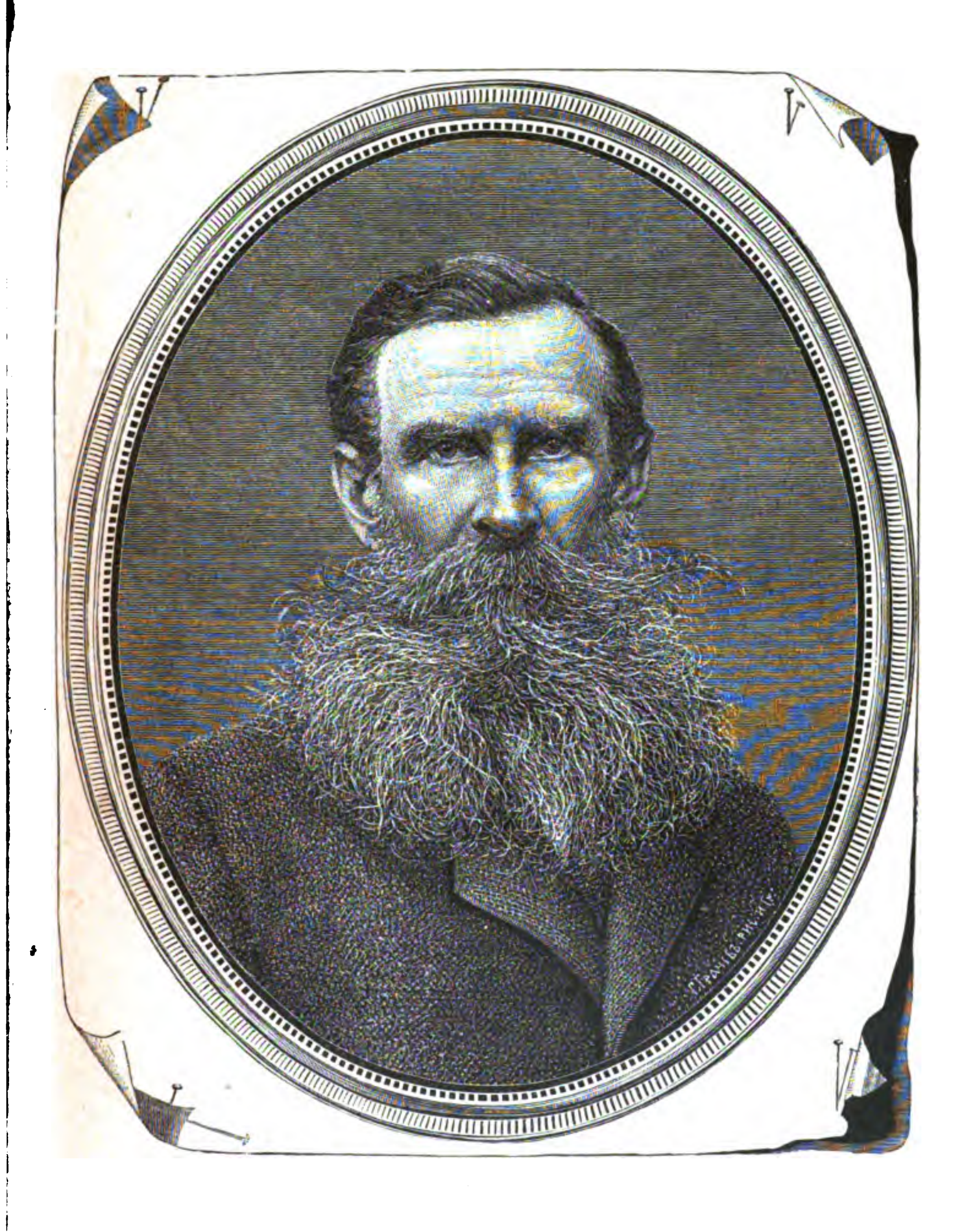
Къ подобнымъ намѣреніямъ новой редакціи, конечно, должно отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ.

Прибавимъ кстати, что возможность пріобрѣтенія этого капитальнаго изданія въ настоящее время значительно облегчена, даже и для людей со скромными средствами. Издатели нашли возможность избавить ихъ отъ одновременной уплаты 27 р. за всѣ 9 выпусковъ, и допустить постепенное пріобрѣтеніе вышедшихъ книгъ, въ сроки, наиболѣе для покупателей удобные. Объ условіяхъ подобнаго пріобрѣтенія можно справиться въ конторѣ редакціи Энциклопедическаго Словаря (С.-Петербургъ, Прачешный переулокъ, д. № 6). Остается пожелать, чтобы какъ можно большее число лицъ и учрежденій воспользовались этимъ.

А. П.

1866—1891 гг. Двадцатипятилѣтіе врачей. Выпускъ изъ Императорской медико-хирургической академіи 1866 г. Составилъ Н. П. Черепнинъ. Спб. 1891. Стр. 48.

Первый таковой „Сборникъ" вышелъ въ 1885 году. Затѣмъ, послѣ пяти лѣтъ, появился второй выпускъ, составленный Н. А. Воронихинымъ, въ 1890 г. Выпускъ 1885 года озаглавленъ: „1860—1885. На память дорогимъ товарищамъ. Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окон-



НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БЕРГЪ

1823 $\frac{\text{р. 24-го марта}}{\text{† 16-го іюня}}$ 1884 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 апрѣля 1890 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

КНЯЗЬ де-ЛИНЬ ВЪ РОССІИ

въ 1780 и 1787—1788 гг.

II [1]).

Князь де-Линь о русскомъ войскѣ.

Умѣющіе писать рѣдко заглядываютъ въ казармы; посѣщающіе казармы рѣдко умѣютъ писать" [2])—такое мнѣніе князя де-Линь было имъ-же самимъ опровергнуто: мѣняя шпагу на перо, онъ оставилъ 32 тома своихъ сочиненій, и военная наука отдаетъ честь его перу не менѣе, чѣмъ военное искуство его шпагѣ.

Онъ былъ воинъ прежде всего, какъ и его предки за много поколѣній. Сформированный его прадѣдомъ „драгунскій полкъ князя де-Линь" просуществовалъ два вѣка и только революціонное движеніе конца XVIII вѣка упразднило его. Онъ родился въ 1735 г., когда его отецъ, фельдмаршалъ императорской службы, былъ на войнѣ. Не няньки, старые драгуны роднаго полка убаюкивали ребенка разсказами о походахъ принца Евгенія; восьми лѣтъ, онъ, изъ оконъ отцовскаго дворца, слѣдилъ за осадою Брюсселя. Ему было 15 лѣтъ, когда онъ задумалъ уже бѣжать, подъ чужимъ именемъ, въ полкъ, на войну, и на всѣ отговоры старыхъ воиновъ отвѣчалъ стихомъ Вольтера: Rose et Fabert ont ainsi commencé [3]). „Мнѣ при

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1892 г., т. LXXIII, февраль, стр. 275—312.

[2]) Oeuvres, I, 4.

[3]) Enfant prodigue, acte IV, scène 3.

этомъ живо представлялся Тюреннь, который, будучи десяти лѣтъ, спалъ уже на лафетѣ пушки; Аннибалу было всего девять лѣтъ, когда онъ поклялся отомстить римлянамъ“ [1]).

Ни Тюреннь, ни Аннибалъ не помогли, и только по окончаніи полнаго курса въ страсбургской военной школѣ, въ 1752 году, князь де-Линь былъ опредѣленъ въ полкъ своего имени. „Я облачился въ военную форму, причастился величайшему изъ призваній человѣческихъ!“ Это не фраза съ его стороны: князь де-Линь создалъ себѣ особый культъ военнаго искусства, боготворилъ военное званіе и высоко держалъ знамя военнаго сословія. Въ своихъ „Fantaisies militaires“ онъ обращается съ слѣдующимъ увѣщаніемъ къ молодымъ людямъ, вступающимъ въ военную службу:

„Если вы происходите отъ героевъ, если вы происходите даже отъ боговъ, но если вы не бредите неустанно военною славою— не вступайте въ ряды воиновъ. Не говорите, что вамъ нравится военная служба: изберите лучше какую-нибудь другую. Не обманывайте себя: быть можетъ, вы безупречно исполняете свои обязанности, даже усвоили нѣкоторые принципы военнаго искусства— вы все-таки ремесленникъ, способный, дѣльный, но не артистъ. Любите военное ремесло превыше всего, любите его со страстью, да, именно со страстью. Пусть воодушевленіе горячитъ ваши головы, пусть честь электризуетъ ваши сердца, пусть огонь побѣды блеститъ въ вашихъ глазахъ. Если вы не мечтаете всечасно о восторгѣ стать воиномъ, если вы не пожираете военныхъ книгъ, не изучаете плановъ битвъ, если вы не умиляетесь при разсказахъ старыхъ солдатъ объ ихъ походахъ— бросьте военный мундиръ, который вы только позорите. Если васъ не чаруетъ батальонное ученіе, если вы разсѣянно слѣдите за маневрами—уступите свое мѣсто другому юношѣ, который удовлетворилъ-бы высказанному мною идеалу, который цѣнилъ-бы искусство Морица Саксонскаго“ [2])

Съ такимъ восторгомъ и увлеченіемъ вступилъ кн. де-Линь въ ряды своихъ драгунъ. Съ ними дѣлилъ онъ свою первую кампанію въ Семилѣтнюю войну, когда впервые и проявилъ безумную храбрость. Онъ дрался подъ Бреславлемъ, бился близъ Лейтена, и за побѣду при Гохкирхенѣ былъ возведенъ въ полковники. Въ это время вся императорская армія знала уже о его военныхъ подвигахъ, дивилась его беззавѣтной храбрости [3]). Передавая ему патентъ

[1]) Oeuvres, X, 2.

[2]) Aux commençans. Oeuvres, II, 3.

[3]) Du plus ou moins de mepris de la vie. Oeuvres, I. 231. „Смерть отъ

на чинъ полковника, Марія-Терезія сказала: „Не щадя своей жизни, вы погубили мнѣ цѣлую бригаду въ прошлую кампанію; не погубите двѣ въ будущую—поберегите себя для государства и для меня“. Въ 1765 году, князь де-Линь, будучи 30 лѣтъ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

„Я сдѣлалъ 12 кампаній, участвовалъ въ 27 битвахъ, а счетъ мелкихъ стычекъ и схватокъ я давно уже потерялъ“. Кн. де-Линь подробно описалъ всѣ эти кампаніи, битвы, стычки, и, что особенно важно, эти описанія составлены имъ по дневнымъ запискамъ [1]), которыя онъ велъ во время похода, на бивакахъ, во время дневокъ или при роздыхѣ послѣ сраженія. Вся исторія Семилѣтней войны писана имъ „больше на сѣдлѣ, чѣмъ иначе“ [2]); такъ-же составлена имъ „Семимѣсячная война“ за баварское наслѣдство въ 1778 г. и „Семидневная“ 1784 г. въ Австрійскихъ Нидерландахъ [3]), только наша вторая турецкая война, въ которой кн. де-Линь также участвовалъ, изображена имъ въ письмахъ къ французскому послу въ Петербургѣ графу Сегюру и въ реляціяхъ къ императору Іосифу II.

Въ Семилѣтнюю войну, въ третью кампанію, 3-го октября 1759 г., князь де-Линь, находясь съ своимъ корпусомъ близъ Сорау, въ Бранденбургѣ, впервые увидѣлъ русскія войска. Авангардъ корпуса графа Салтыкова выслалъ развѣдчиковъ-казаковъ, доходившихъ до Сорау. „Казаки не скакали, а летѣли, сами не зная куда, озирались во всѣ стороны и быстро развѣдали всю окружавшую насъ мѣстность“ [4]). Годъ спустя, въ октябрѣ 1760 г., впервые сошелся онъ, при занятіи Берлина, съ русскими военачальниками. Сообщаемыя имъ подробности о взятіи Берлина очень интересны, особенно для

вражьей пули славнѣе, завиднѣе смерти отъ ошибки аптекаря, отъ нечистаго ножа хирурга, отъ невѣжества врача и отъ тысячи случайностей“—таковъ тезисъ князя де-Линь.

[1]) Nous étions formés en arrière près du village de (effacé dans mes tablettes)... Oeuvres, XV, 83.

[2]) J'ai écrit tout ceci plus à cheval qu'autrement. Oeuvres, XIV, préface.

[3]) Исторія Семилѣтней войны составлена по диспозиціямъ, причемъ авторъ указываетъ и мотивируетъ всѣ отступленія отъ диспозицій; въ исторіи-же Семимѣсячной и Семидневной войны всѣ диспозиціи и распоряженія помѣщены въ приложеніи, вслѣдствіе чего разсказъ выигрываетъ въ живости, но теряетъ въ точности. La Guerre de Sept-Jours явилась послѣдстіемъ стремленія Іосифа II promѣнять Бельгію на Баварію, была вызвана правомъ плаванія по Шельдѣ и привела къ уничтоженію голландскаго гарнизона въ бельгійскихъ крѣпостяхъ. Oeuvres, XVII, 87.

[4]) Oeuvres, XV, 34; XVI, 128.

характеристики генерала Тотлебена, котораго кн. де-Линь обвиняетъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ, именно съ принцемъ Виртембергскимъ [1]). Само собою разумѣется, что кн. де-Линь съ негодованіемъ говоритъ о перемѣнѣ русской политики, вызванной воцареніемъ Петра III, когда „русскія войска, союзники Австріи, перешли на сторону пруссаковъ" [2]). За этою перемѣною вскорѣ послѣдовала, какъ извѣстно, новая перемѣна: съ воцареніемъ Екатерины II русскія войска получили приказаніе возвратиться въ Россію. Кн. де-Линь отмѣтилъ и то зло, какое нанесъ австрійской арміи графъ Чернышевъ несвоевременнымъ исполненіемъ этого приказанія.

Въ рескриптѣ отъ 28-го іюня 1762 года, Екатерина писала гр. Чернышеву: „Тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотмѣнно, чтобы вы, получа сіе, немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію... Ежели-же его величество, король прусскій, въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы цесаревы римской" [3]). Графъ Чернышевъ не вывелъ своихъ войскъ, не соединился съ австрійскою арміею, а поступилъ прямо вопреки приказанію [4]): въ теченіе трехъ дней, съ 8-го по 11-е іюля, онъ оставался при прусской арміи, чѣмъ значительно облегчилъ движеніе Фридриха II на высоты Буркерсдорфа и Лейтмансдорфа—австрійцы, не зная еще о распоряженіи Екатерины, не могли ввести въ дѣло лѣвое крыло Дауна, стоявшее противъ корпуса Чернышева [5]).

Такимъ образомъ, первая встрѣча князя де-Линь съ русскими военачальниками, Тотлебеномъ и Чернышевымъ, въ Семилѣтнюю войну не могла расположить его въ пользу русскаго генералитета. Въ Семимѣсячной войнѣ за баварское наслѣдство, кн. де-Линь только слышалъ о дипломатическихъ способностяхъ русскаго генерала князя Н. В. Репнина.

19-го декабря 1777 года умеръ бездѣтный курфирстъ баварскій Максимильянъ. Не смотря на несомнѣнныя права курфюрста Пфальцскаго, явилось нѣсколько претендентовъ на Баварію и въ числѣ ихъ, прежде другихъ, императоръ. Желая подкрѣпить свои притязанія, Іосифъ II началъ стягивать свои войска въ Чехію. Фрид-

[1]) Oeuvres, XVI, 44.
[2]) Ibid., XVI, 117.
[3]) Сборникъ, VII, 104.
[4]) Oeuvres, XXIV, 160.
[5]) Ibid., XVI, 140.

рихъ II двинулъ свои въ Силезію. Враждебныя войска, предводимыя самими государями, сошлись близъ Кенигсгреца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, въ наши дни, былъ рѣшенъ вѣковой споръ Австріи и Пруссіи. Въ 1778 году, Іосифъ II и Фридрихъ II спокойно стояли другъ противъ друга, ничего не предпринимали, и только любезно переписывались. Въ тайнѣ отъ императора, его мать Марія-Терезія противодѣйствовала предстоявшей войнѣ, хлопотала о мирѣ [1]) и просила русскую императрицу быть посредницею. Екатерина II поручила кн. Репнину эту „медіацію къ возстановленію мира". Конгрессъ открылся 10-го апрѣля, а 13-го мая 1779 г. былъ заключенъ миръ.

Война за баварское наслѣдство—оригинальная, небывалая война. Пфальцскій домъ, въ интересахъ котораго война была предпринята, не принималъ въ ней участія; Баварія, изъ-за которой возгорѣлся споръ, не была театромъ войны; курфюрстъ пфальцскій, высказавшійся противъ Пруссіи, Фридриху II былъ обязанъ выгодами мира. Этою войною безъ битвъ не былъ доволенъ кн. де-Линь. „И не одинъ я: Марія-Терезія была недовольна, что миръ заключенъ не такъ скоро, какъ она желала; Іосифъ II былъ недоволенъ тѣмъ, что миръ заключенъ помимо его воли; Фридрихъ II тѣмъ, что, потерявъ 25 мильоновъ талеровъ, не могъ дѣлать то, что желалъ; принцъ Генрихъ прусскій тѣмъ, что братъ во всемъ ему перечилъ" [2]).

Едва окончилась „война, въ которой не воевали", какъ князь де-Линь отправился, въ 1780 г., въ Россію. Онъ пробылъ въ Петербургѣ около двухъ мѣсяцевъ, познакомился съ Екатериною, подружился съ княземъ Потемкинымъ, не успѣлъ узнать ни Россіи, ни русскихъ, и поѣхалъ въ Польшу. Только пять лѣтъ спустя, князь де-Линь имѣлъ случай видѣть Россію, русскихъ, ближе познакомиться съ русскимъ войскомъ и вполнѣ оцѣнить русскаго солдата. Болѣе двухъ лѣтъ провелъ онъ въ Россіи: въ 1787 году, онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею изъ Петербурга, черезъ Кіевъ, по Днѣпру, въ Крымъ и обратно, черезъ Харьковъ, Тулу и Москву; въ 1788 г., онъ велъ вмѣстѣ съ кн. Потемкинымъ войну противъ турокъ, находясь то въ главной квартирѣ, въ Елизаветградѣ или Каменцѣ, то въ траншеяхъ подъ Очаковымъ, то въ стоянкѣ у Рябой Могилы.

Екатерина, всѣмъ обязанная Россіи, даже до имени, рѣшилась Россіи-же посвятить 25-й годъ своего царствованія и предприняла

---

[1]) Oeuvres, XVII, 37.
[2]) Ibid., XVII, 71.

въ 1787 году путешествіе по русскимъ землямъ, „путь на пользу", какъ сказано на медали, выбитой въ память этого путешествія [1]). Оно извѣстно подъ названіемъ „таврическаго" путешествія, такъ какъ главная цѣль и наиболѣе интересная его сторона заключалась въ посѣщеніи новопріобрѣтенной Тавриды и обозрѣніи „государственнаго домостроительства" кн. Потемкина.

Ни для кого изъ участниковъ этого путешествія не было тайною, что если не Екатерина, то кн. Потемкинъ желаетъ довести до разрыва съ Портою, что война съ Турціею неизбѣжна. Князь Потемкинъ создалъ черноморскій флотъ, настроилъ крѣпостей, сформировалъ войска, заготовилъ склады, наполнилъ магазины, на что потребовались огромныя затраты—не для того-же трудился князь Потемкинъ, чтобъ кто-нибудь другой пожалъ плоды его трудовъ! Между тѣмъ, ходили слухи, проникшіе и въ заграничную печать, что устройство южныхъ губерній и Крыма, которымъ хвалился кн. Потемкинъ, значится только на бумагѣ; говорили даже, будто „вновь сформированныхъ" легкоконныхъ полковъ вовсе не существуетъ и что роль ихъ будутъ играть переодѣтые гусары и пикинеры. Слухи были извѣстны кн. де-Линь [2]), знала ихъ и Екатерина. Понятно, поэтому, какъ поражена была императрица 30-го мая 1787 г., когда, высадившись въ Кременчугѣ, она увидѣла 50 или 60 эскадроновъ, въ карьеръ мчавшихся на встрѣчу своей повелительницѣ.

„— О, какъ люди злы! какъ имъ хотѣлось обмануть меня", сказала Екатерина князю де-Линь и, указывая на бравую конницу тотчасъ-же прибавила: „Съ такими войсками нельзя не презирать турокъ".

„Императрица вынула изъ кармана табакерку съ портретомъ Петра Великаго и голосомъ, диктовавшимъ уже отвѣтъ, спросила меня, какъ всегда: „что сказалъ-бы онъ, что сдѣлалъ-бы онъ, еслибъ былъ здѣсь"? Понятно, что отвѣчалъ *я*, желая сказать ей пріятное, мечтая только о войнѣ.—„А французы?"—„Имъ не до Турціи: они заняты дефицитомъ, національнымъ собраніемъ, быть можетъ, революціею".—„А пруссаки?" сказала императрица.—„Торопитесь, ваше

---

[1]) L'Impératrice nous a donné hier ainsi qu'à toutes les personnes qui ont l'honneur de l'accompagner une médaille d'or qu'elle a fait frapper. D'un côté de la médaille est son portrait et de l'autre la carte du voyage. L'inscription russe rappelle que cette année est la 25-e de son règne et que le grand voyage auquel elle l'a consacrée a été entrepris pour l'utilité publique. Депеша графа Сегюра, отъ 24-го іюля 1787 года, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 217. Храповицкій, 41. Сборникъ, XXVII, 417.

[2]) Oeuvres, XXIV, 3.

величество, императоръ возьметъ Бѣлградъ, вы—Очаковъ, Бендеры, Аккерманъ прежде, чѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ узнаетъ, что война объявлена".

Во время путешествія, кн. Потемкинъ не разъ начиналъ рѣчь о томъ-же съ императоромъ Іосифомъ II, но никогда не рѣшался произнести слово война. Князь Потемкинъ просилъ князя де-Линь переговорить откровенно съ императоромъ. „Я переговорилъ.—„Я не понялъ хорошенько, сказалъ мнѣ императоръ, чего хочетъ отъ меня Потемкинъ. Мнѣ показалось, что они удовлетворятся, если я сдѣлаю то-же, что сдѣлалъ для пріобрѣтенія Крыма. Но что-же они сдѣлаютъ для меня, если въ одинъ прекрасный день я объявлю войну Пруссіи?"—„Все, государь, по крайней они такъ обѣщаютъ, и уже теперь говорятъ: за услугу въ данномъ случаѣ всякое желаніе вашего величества будетъ исполнено".—„Мое желаніе—Силезія, а война съ Турціею не дастъ мнѣ ея. Впрочемъ, мы еще увидимъ".

Близь Перекопа, конвой императрицы увеличился сотнями казаковъ. На другой день, для въѣзда въ Тавриду, татарская гвардія, вся составленная изъ молодыхъ мурзъ, окружила карету императрицы. Іосифъ II не могъ налюбоваться на ихъ молодцоватость, и пришелъ въ неописанный восторгъ отъ ихъ джигитовки, въ Иккерманѣ, во время обѣда. „Въ данный моментъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, мурзы разсыпались въ разныя стороны, ряды донцовъ раздвоились и мы увидѣли въ морѣ севастопольскую эскадру. Пушечная пальба съ судовъ, ружейный залпъ казаковъ. Вдругъ все стихло. Императрица поднялась съ своего мѣста, окинула насъ огненнымъ взглядомъ и провозгласила, указывая на императора: „Пью здоровье лучшаго моего друга" [1]). Императоръ цѣлуетъ ея ручку, принцъ нассаускій и я въ восторгѣ, что предстоитъ война, гр. Сегюръ въ недоумѣніи, Фицгербертъ философски равнодушенъ, гр. Кобенцль ищетъ уловить взглядъ императора, придворные застыли съ раскрытыми ртами" [2]).

Мало по-малу и Іосифъ II понялъ чего отъ него хотѣли. За нѣсколько дней до отъѣзда, онъ обратился къ князю де-Линь: „Что это они мнѣ поютъ! Они собираются въ Константинополь? Что имъ дѣлать въ Константинополѣ?"—„Воскресить греческую республику", отвѣчалъ я, улыбаясь.— „Повѣрьте мнѣ: когда они добьются своего, когда вступятъ въ Константинополь, они будутъ еще въ бòльшемъ затрудненіи, чѣмъ я. Впрочемъ, эта женщина въ рубашкѣ родилась".

---

1) Храповицкій, 36.
2) Oeuvres, XXIV, 7 sqq.

Вскорѣ по отъѣздѣ императора, Екатерина спросила князя де-Линь, почему-то на нѣмецкомъ языкѣ: „Какъ вы думаете, если вашъ государь, мой дорогой союзникъ, будетъ занятъ какимъ-либо сосѣдомъ, одна я, безъ его помощи, справлюсь?"—„Всеконечно, ваше величество, отвѣчалъ я, прибавивъ: императоръ желалъ-бы причаститься вашей славы, не вашихъ пріобрѣтеній. Слава Богу, намъ ничего не нужно". — „Что сказалъ-бы онъ? Что сдѣлалъ-бы онъ?" спросила императрица, смотря на портретъ Петра Великаго.—„Онъ отомстилъ-бы, отвѣчалъ я, свою прутскую капитуляцію. Очевидно, его Екатерина также обезчестила Россію, какъ наша прославила".

8-го іюня князю Потемкину пожалованъ титулъ Таврическаго. „О, еслибъ не Франція, говорилъ мнѣ не разъ Таврическій, мы сейчасъ-же начали-бы войну съ турками".—„Очень вѣрю, отвѣчалъ я, но ваша пѣхота, пушки, боевые запасы, магазины?..."—„Все готово, сказалъ кн. Потемкинъ: сто тысячъ человѣкъ ждутъ только моего: впередъ!"

Если такъ говорили съ императоромъ. Іосифомъ II и княземъ де-Линь, то не трудно себѣ представить какія инструкціи отъ императрицы и какія указанія отъ Потемкина получалъ Я. И. Булгаковъ, русскій посланникъ при Портѣ, прибывшій въ Севастополь для встрѣчи императрицы. Только въ іюлѣ Булгаковъ возвратился въ Константинополь [1]). Два обстоятельства позволяли, однако, надѣяться, что потемкинское „впередъ" не будетъ произнесено: голодъ въ Россіи, охватившій наиболѣе плодородныя области, и безпорядки въ Нидерландахъ, отвлекавшіе силы союзника, императора Іосифа II. Эти надежды были разрушены Портою.

По возвращеніи въ Константинополь, Булгаковъ вскорѣ замѣтилъ большую перемѣну въ настроеніи Порты. Великій визирь, при первомъ-же свиданіи, предъявилъ ему невозможныя требованія [2]), явно свидѣтельствовавшія о желаніи разрыва; рейсъ-эффенди едва выслушивалъ представителя Россіи [3]). Было очевидно, что происки

---

[1]) Par les dernières nouvelles qu'on a reçues de Crimée m-r de Bulgakow était encore à Sébastopol et n'avait pas pu metre à la voile pour se rendre à sa destination. Депеша гр. Сегюра, отъ 24-го іюля 1787 г., въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 218.

[2]) L'exagération de quelques unes de ces demandes et surtout l'aigreur dont elles ont été accompagnées sont des preuves trop évidentes des intentions du ministère, qui veut absolument la guerre. Депеша гр. Шуазёль-Гуффье, отъ 3-го августа, въ Парижскомъ Архивѣ, Turquie, vol. 27, f. 420.

[3]) Le 26 juillet l'envoyé de Russie eut une conférence dans laquelle il comptait exposer les demandes de sa Cour, mais le reis-effendi ne voulu jamais le lui permettre. Ibib., f. 419.

англійскаго посланника [1]) и личное положеніе великаго визиря [2]) одержали въ Портѣ верхъ надъ благоразуміемъ. 13-го августа 1787 г. Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ.

Въ Петербургѣ ожидали чего-либо подобнаго. Въ половинѣ іюля, кн. де-Линь предполагалъ отправиться въ Вѣну, Екатерина удержала его: „Я ожидаю курьера изъ Константинополя, который привезетъ мнѣ или объявленіе войны, или низверженіе великаго визиря“. Когда-же, въ воскресенье,. 29-го августа, пришло извѣстіе о войнѣ, всѣ были поражены, не исключая императрицы; только для князя де-Линь это былъ счастливѣйшій день въ его жизни [3]).

„Я отправился во дворецъ, желая поздравить ея величество съ этою радостною вѣстью, и былъ пораженъ ея растерянностью. На всѣ мои заявленія, что наступаетъ давно жданная пора великихъ событій, громкихъ побѣдъ, она повторяла одно: „Я буду защищаться; ничего кромѣ этого я дѣлать не могу. На меня нападаютъ. Я буду защищаться, какъ могу“. Я не сомнѣвался, что кн. Потемкинъ прислалъ ей отчаянныя письма; ему чудилось уже, что турки жгутъ Царское Село, а что у него нѣтъ то того, то другаго“.

Князь де-Линь вскорѣ лично убѣдился, что у кн. Потемкина, дѣйствительно, многаго нѣтъ.

Еще въ Крыму, императоръ Іосифъ II говорилъ кн. де-Линь: „Мнѣ кажется, что они хотятъ войны. Но готовы-ли они къ войнѣ? Я думаю—нѣтъ; во всякомъ случаѣ, я не готовъ. Я видѣлъ ихъ

---

[1]) Les perfides conseils du chevalier Ainslier, qui dans la même journée anime le vizir, le presse de faire la guerre, et court ensuite offrir bassement ses services à l'envoyé de Russie. Ibid., f. 422. Графъ Безбородко, кромѣ англійскаго, называлъ еще прусскаго посланника: Le comte de Besborodko me fit le détail des ressorts que les ministres de Prusse et d'Angleterre avaient fait jouer pour porter les Turcs à la guerre (Депеша гр. Сегюра, отъ 12-го сентября, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 272). Самъ-же Булгаковъ имѣлъ случай убѣдиться, что злѣйшимъ врагомъ Россіи въ Константинополѣ былъ французскій посланникъ гр. Шуазёль-Гуффье. Бантышъ-Каменскій. Словарь, I, 214.

[2]) La guerre devient nécessaire à la conservation de ce premier ministre. Les ennemis l'ont accusé d'avoir épuisé le Tresor pour des armements inutiles et en même temps il a reçu la nouvelle d'une sédition parmi les troupes rassemblées sur les frontières et qui demandent qu'on les renvoie ou qu'on les mène à l'ennemi... Il sacrifie l'intérêt public à sa conservation personnelle et se decide pour le parti qui en reculant sa perte lui permet encore l'espérance d'un succès. Депеша гр. Шуазёль-Гуффье, отъ 3-го августа, въ Парижскомъ Архивѣ, Turquie, vol. 27, f. 420.

[3]) Oeuvre, XXIV, 11.

корабли, ихъ крѣпости—все это едва начато, только чтобъ пустить пыль въ глаза. Ничего прочнаго, все сдѣлано наскоро, какъ-нибудь. Они обманываютъ императрицу" [1]). Императрица настолько „была обманута", что сама желала войны съ турками. Въ половинѣ августа, за нѣсколько дней до полученія извѣстія о заточеніи Булгакова [2]), Екатерина писала Потемкину: „Всякія слабыя мѣры дѣйствительны быть не могутъ; тутъ не слова, но дѣйствіе нужно, нужно, нужно, чтобъ сохранить честь, славу и пользу государя и государства" [3]). Когда-же Порта объявила Россіи войну, Екатерина съ безпокойствомъ спрашивала у князя де-Линь о возможной помощи со стороны ея единственнаго союзника, Іосифа II. Вопросъ существенно важный и вполнѣ естественный: революціонное движеніе, охватившее Фландрію, Брабантъ и Голландію заставило уже императора послать въ Австрійскіе Нидерланды 30,000 корпусъ и въ ближайшемъ будущемъ можетъ вполнѣ отвлечь его вниманіе отъ Турціи. Кн. де-Линь былъ, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что Іосифъ II не въ состояніи оказать императрицѣ дѣятельнаго содѣйствія. Екатерина спрашивала: „Какъ вы полагаете, что сдѣлаетъ императоръ?" Кн. де-Линь отвѣчалъ: „Можетъ-ли ваше величеетво сомнѣваться въ немъ? Онъ пришлетъ вамъ свои добрыя пожеланія и, быть можетъ, своихъ солдатъ. Такъ какъ пожеланія пересылаются скорѣе и удобнѣе, то письмо императора будетъ переполнено ими". Князь де-Линь ошибся: при первомъ-же извѣстіи о войнѣ, вѣрный союзникъ Екатерины „готовитъ 120 тысячъ, съ коими дѣйствовать намѣренъ, и множество генераловъ пожаловалъ, въ числѣ которыхъ и Лигніе [4]).

Лигніе, т. е. кн. де-Линь, которому Іосифъ II назначалъ видный постъ въ дѣйствующей противъ Турціи арміи. Кн. де-Линь никакъ этого не ожидалъ, и „по глупости" отказался отъ командованія австрійскою арміею. „Много дѣлалъ я дурачествъ въ моей жизни, и кончилъ глупостью. Глупость эта состояла въ томъ, что я, никакъ не ожидавшій, чтобъ императоръ такъ скоро началъ

---

[1]) Oeuvres, XXIV, 5.

[2]) Cette nouvelle inattendue arriva ici le dimanche matin, 9 septembre. Les lettres adressées au comte de Cobentzl avaient été envoyées ouvertes au prince Potemkin, par m-r Hertbert, et le prince les ayant renvoyées sur le champ à l'impératrice. Elle les fit remettre à l'ambassadeur après les avoir lues. Депеша гр. Сегюра, отъ 12-го сентября, въ Парижскомъ Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 273.

[3]) Сборникъ. XXVII, 421.

[4]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 463, 468. Сборникъ, XXVII. 426.

войну съ Турціею, особымъ письмомъ просилъ его величество разрѣшить мнѣ состоять при русской арміи въ качествѣ его корреспондента—для выработки плана войны, для согласованія дѣйствій обѣихъ армій, русской и австрійской, когда она откроетъ кампанію, для подготовки плановъ сраженій и т. п. Только-что я отправилъ свое письмо въ Вѣну, какъ узнаю, что императоръ мобилизовалъ уже 100,000-ный корпусъ, что я назначенъ фельдцейгмейстеромъ (что у русскихъ зовется генералъ-аншефъ), что на меня возложено командованіе всею пѣхотою и, въ случаѣ отсутствія императора или фельдмаршала Ласси, даже всею арміею. Я хочу отказаться отъ русской службы. Поздно. Императрица не желаетъ. Она проситъ императора объ официіальномъ моемъ назначеніи къ русской арміи. Письма наши скрещиваются. Императоръ ловитъ меня на словѣ. И вотъ я въ мундирѣ русскаго генералъ-аншефа, съ турецкою саблею на боку, въ ожиданіи случая употребить въ дѣло турецкую саблю, пользуюсь австрійскимъ перомъ въ качествѣ дипломатическаго жокея лучшаго изъ пословъ, графа Кобенцля, день и ночь только думающаго о славѣ обѣихъ имперій, Австріи и Россіи“ [1]).

Такъ разсказываетъ кн. де-Линь, не такъ смотрѣла на это Екатерина. Она интересовалась назначеніемъ князя де-Линь, зная его беззавѣтную храбрость и воинскую опытность, но она никого не просила о разрѣшеніи состоять при русской арміи. Императрица извѣщаетъ кн. Потемкина, отъ 12-го октября: „Линь все еще здѣсь и отъ своего двора ни о своемъ произвожденіи и ни о чемъ не извѣстенъ“; но спустя недѣлю, въ письмѣ отъ 18-го октября, уже прямо пишетъ: „Сего утра Линь получилъ отъ цезаря повелѣніе ѣхать къ вамъ; онъ думалъ имѣть команду, взять Бѣлградъ, а вмѣсто того, его шпіономъ опредѣляютъ. Если онъ вамъ будетъ въ тягость, то чаю его отправить можно въ Вѣну съ условіемъ о будущей или нынѣшней кампаніи, чтобы истолковалъ возможность или невозможность того, что вы разсудите, что вамъ дѣлать или не дѣлать. Онъ отправляется завтра къ вамъ и самъ весьма недоволенъ“ [2]).

Сидя въ Петербургѣ, легко, конечно, брать Бѣлградъ или Очаковъ. Въ городѣ распространялись такія невѣроятныя вѣсти: „Публика лжетъ въ свою пользу, и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складываетъ, и Царьградъ бомбардируетъ“, писала Екатерина еще отъ 24-го сентября [3]). Быть можетъ, въ насмѣшку надъ желаніемъ

---

[1]) Oeuvres, VII, 151; XXIV, 13.
[2]) Сборникъ, XXVII, 439, 440.
[3]) Ibid., 426.

князя де-Линь „взять Бѣлградъ", императрица не разъ спрашивала у него: палъ-ли Бѣлградъ? Кн. де-Линь отвѣчалъ: „Паша очаковскій слишкомъ любезенъ и не допуститъ, чтобы бѣлградскій паша былъ вѣжливѣе его—онъ скорѣе повѣсится съ досады [1])".

19-го октября кн. де-Линь выѣхалъ изъ Петербурга и только чрезъ мѣсяцъ прибылъ въ Елизаветградъ, въ главную квартиру екатеринославской арміи [2]). Въ дорогѣ, отъ Петербурга до Елизаветграда, онъ написалъ: „Mémoires sur la guerre des turcs depuis 1736 jusqu'en 1739", полагая, что „опытъ, пережитый 50 лѣтъ назадъ, поможетъ избѣжать прежнихъ ошибокъ". Эти записки, составленныя во время пути, „почти по памяти", любопытны потому особенно, что въ нихъ кн. де-Линь воспользовался разсказами кн. М. Н. Волконскаго [3]), состоявшаго адъютантомъ при генералъ-фельдмаршалѣ Ласси.

Болѣе года оставался кн. де-Линь при русской арміи, то подъ Кинбурномъ и Очаковомъ, то въ Елизаветградѣ и Яссахъ. Онъ писалъ довольно часто серьезныя реляціи своему императору Іосифу II, шутливыя письма своему другу гр. Сегюру въ Петербургъ, оффиціальныя депеши гр. Кауницу въ Вѣну, и въ этихъ реляціяхъ, депешахъ и письмахъ сохранилъ мною любопытныхъ подробностей, высказалъ много мѣткихъ замѣчаній, передалъ отдѣльные эпизоды, нарисовалъ мастерскіе портреты. Можно положительно утверждать, что для исторіи второй турецкой войны сообщенія князя де-Линь представляются источникомъ чрезвычайно важнымъ, какъ сообщенія очевидца, обладавшаго серьезною подготовкою для сужденія о всемъ имъ видѣнномъ и пережитомъ.

Въ Елизаветградѣ, особенно-же въ траншеяхъ подъ Очаковымъ, впервые увидѣлъ кн. де-Линь и научился уважать русскаго солдата. „Русскіе солдаты поютъ и пляшутъ въ траншеяхъ, гдѣ остаются безсмѣнно. Подъ градомъ пуль и ядеръ, въ снѣгу, въ грязи, они всегда ловки, внимательны, послушны. Они смотрятъ въ глаза своимъ офицерамъ, стараясь угадать и немедленно исполнить ихъ желаніе". Отъ такого опытнаго воина, какъ кн. де-Линь, не укрылось, конечно, что замѣченныя имъ превосходныя качества русскаго солдата не столько созданы обученіемъ, выправкою, сколько даны самою природою русскаго человѣка, русскаго мужика. „Я вижу русскихъ людей, которымъ говорятъ: будьте тѣмъ-то, и

---

1) Oeuvres, XXIV, 15.
2) Ibid., VII, 151.
3) Ibid., VI, 8.

они дѣлаются тѣмъ-то. Они изучаютъ искусства, какъ „Le médecin malgré lui“ изучалъ медицину. Они—пѣхотинцы, матросы, стрѣлки, попы, драгуны, музыканты, инженеры, актеры, кирасиры, живописцы, хирурги, словомъ, на всѣ руки“ [1]). Въ своихъ сообщеніяхъ кн. де-Линь ставитъ русскаго солдата чрезвычайно высоко, дивится его выносливости, благоговѣетъ предъ его преданностью долгу. Князь де-Линь высказываетъ убѣжденіе, что съ русскимъ солдадомъ можно взять не только Очаковъ, но самый Цареградъ, что русское войско „только тогда не одерживаетъ побѣды, когда его не ведутъ въ бой“. Въ этомъ случаѣ кн. де-Линь только повторилъ слова Екатерины, сказанныя ею 25 лѣтъ назадъ: „Знающимъ древнюю исторію нашего отечества, писала она еще въ 1762 году, довольно извѣстно, что воинство россійское, когда еще и просвѣщеніе регулъ военныхъ ему не поспѣшествовало, войска мужественнаго имя носило; но видѣвшимъ вѣка нашего настоящія уже времена, когда къ храбрости его природной дисциплина военныхъ присоединилась, доказательно и неоспоримо, что оружіе россійское тамъ только славы себѣ не пріобрѣтаетъ, гдѣ руки своей не подъемлетъ“ [2]).

Послѣ русскаго солдата, русскій главнокомандующій болѣе всего поразилъ князя де-Линь. Много уже лѣтъ зналъ онъ кн. Потемкина; но только въ Елизаветградѣ онъ сошелся съ нимъ, сблизился. Военный шпіонъ, по словамъ Екатерины, дипломатическій жокей, по его собственному опредѣленію, князь де-Линь сталъ теперь другомъ кн. Потемкина. Австрійскій „генералъ-аншефъ“ высоко цѣнилъ умъ и дарованія кн. Потемкина, но не признавалъ его способнымъ командовать батальономъ, не только арміею. Русскій главнокомандующій, по мнѣнію князя де-Линь—„ребенокъ, къ тому-же большой, властный и своенравный ребенокъ“ [3]), которому нужна еще нянька.

„— Неужели вы предполагали, спросилъ Потемкинъ князя де-Линь, что, пріѣхавъ сюда, вы будете водить меня за носъ?“

„— Неужели вы думаете, отвѣчалъ кн. де-Линь, что я пріѣхалъ-бы къ вамъ, еслибъ не предполагалъ этого? Для васъ, князь, столь лѣниваго и неопытнаго, самое лучшее—довѣриться человѣку, который такъ дорожитъ вашею славою и славою обѣихъ имперій. Вамъ очень малаго не достаетъ, чтобъ стать совершенствомъ; но и геніаль-

---

[1]) Oeuvres, VII, 176, XX, 256, XXI, 19; XXIV, 91; Сборникъ, XXIII, 487.

[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1762 г., № 80-й, отъ 4-го октября; Указы Екатерины, 111; П. С. З., № 11,688.

[3]) Oeuvres, XXIV, 45.

ность ваша ни къ чему не послужитъ, если не будетъ поддержана довѣріемъ и дружбою.

„— Пусть императоръ вашъ перейдетъ Саву, тогда я перейду Бугъ.

„— Что за церемоніи: точно передъ дверьми въ залъ! Мой императоръ уступаетъ вамъ первенство. Противъ него цѣлая турецкая армія; противъ васъ—никого.

„— Какъ вы думаете, согласился-бы императоръ прислать намъ ордена Маріи-Терезіи и получить отъ насъ ордена св. Георгія для отличившихся въ союзныхъ арміяхъ?

„Я понялъ куда онъ мѣтитъ. У него страсть къ орденамъ. У него ихъ съ дюжину. Я увѣрилъ его, что взятіе Очакова стоитъ ордена Маріи-Терезіи".

Этотъ разговоръ сообщенъ въ реляціи князя де-Линь императору Іосифу II изъ Елизаветграда, отъ февраля 1788 года; спустя полгода, въ письмѣ къ гр. Сегюру изъ лагеря подъ Очаковымъ, отъ 1-го августа, кн. де-Линь набросалъ слѣдующій портретъ князя Г. А. Потемкина:

„Это самый необыкновенный человѣкъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ. Съ виду лѣнивый, онъ неутомимо трудится; онъ пишетъ на колѣни, чешется пятернею, вѣчно валяется на постели, но не спитъ ни днемъ, ни ночью—его вѣчно тревожитъ желаніе угодить императрицѣ, которую онъ обожаетъ. Каждый пушечный выстрѣлъ, нимало ему не угрожающій, безпокоитъ его потому уже, что можетъ стоить жизни нѣсколькихъ солдатъ. Трусливый за другихъ, онъ самъ очень храбръ: онъ останавливается подъ выстрѣлами и спокойно отдаетъ приказаніе. При всемъ томъ, онъ напоминаетъ скорѣе Улисса, чѣмъ Ахилла. Онъ очень озабоченъ въ ожиданіи опасности, но веселится среди опасности и скучаетъ среди удовольствій. Несчастный отъ слишкомъ большаго счастья, разочарованный во всемъ — ему скоро все надоѣдаетъ. Угрюмъ, непостояненъ; то глубокій философъ, искусный министръ, великій политикъ, то десятилѣтній ребенокъ [1]). Онъ вовсе не мстителенъ, онъ извиняется въ причиненномъ горѣ, старается исправить несправедливость. Онъ воображаетъ, что любитъ Бога, а самъ боится дьявола, котораго считаетъ сильнѣе и могущественнѣе самого Потемкина. Одною рукою онъ подаетъ условные знаки женщинамъ, которыя ему нравятся, а другою набожно крестится; то, скрестивши руки,

---

[1]) Vous étes impatient comme un enfant de cinq ans, писала Екатерина кн. Потемкину въ началѣ второй турецкой войны. Сборникъ, XXVII, 434.

стоитъ передъ образомъ Богоматери, то обнимаетъ ими своихъ любовницъ. Императрица осыпаетъ его своими милостями, а онъ дѣлится ими съ другими; получая отъ нея земли, онъ или возвращаетъ ихъ ей, или уплачиваетъ ея расходы, не говоря ей объ этомъ. Купитъ имѣніе, устроитъ въ немъ колонаду, или разобьетъ въ немъ англійскій паркъ, и продастъ. То играетъ день и ночь, то не беретъ картъ въ руки; любитъ дарить, но не любитъ платить долги; страшно богатъ и постоянно безъ гроша; недовѣрчивъ и добродушенъ, завистливъ и признателенъ, скученъ и веселъ. Его легко убѣдить какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ, но онъ также точно легко и разубѣждается. Съ генералами онъ говоритъ о богословіи, съ архіереями — о войнѣ. Онъ никогда ничего не читаетъ, но старается все выпытать у собесѣдника, входя для этого даже въ споръ. Онъ умѣетъ придавать лицу то свирѣпое, то мягкое выраженіе: манеры его то отталкиваютъ, то привлекаютъ; онъ то гордый сатрапъ Востока, то любезнѣйшій изъ придворныхъ Людовика XIV. Подъ личиной грубости, онъ скрываетъ очень нѣжное сердце; онъ не знаетъ часовъ, причудливъ въ пирахъ, въ отдыхѣ и во вкусахъ; какъ ребенокъ всего желаетъ и какъ взрослый умѣетъ отъ всего отказаться; онъ воздерженъ, хотя кажется жаднымъ; вѣчно грызетъ ногти, яблоки или рѣпу, ворчитъ или смѣется, передразниваетъ или бранится, дурачится или молится, насвистываетъ или размышляетъ; зоветъ адъютантовъ, или прогоняетъ ихъ, опять призываетъ и ничего имъ не приказываетъ; легко переноситъ жару, вѣчно толкуя о прохладительныхъ ваннахъ, и любитъ морозы, вѣчно кутаясь въ шубы. Онъ появляется то въ рубашкѣ, то въ мундирѣ, расшитомъ золотомъ по всѣмъ швамъ; то босикомъ, то въ туфляхъ съ блестками; безъ шляпы, безъ фуражки, какъ я видѣлъ его даже подъ выстрѣлами; то въ рваномъ халатишкѣ, то въ великолѣпномъ камзолѣ, въ звѣздахъ и лентахъ, съ портретомъ императрицы, осыпаннымъ брильянтами, служащими мишенью для непріятельскихъ пуль. Сгорбленный, съеженный, невзрачный, когда остается дома, онъ выпрямляется, вскидываетъ надменно голову, онъ гордъ, прекрасенъ, величественъ, увлекателенъ, когда является передъ своей арміей, точно Агамемнонъ въ сонмѣ греческихъ царей" [1]).

---

[1]) Oeuvres, VII, 171. Кромѣ этого внѣшняго очерка, въ письмахъ князя де-Линь разсѣяно много данныхъ для обрисовки внутренняго облика князя Потемкина. Ограничимся однимъ примѣромъ. „На мое заявленіе о возможности стать господаремъ Молдавіи и Валахіи, князь Потемкинъ отвѣчалъ: „Плевать мнѣ на это; я былъ-бы уже королемъ польскимъ, если-бъ пожелалъ;

Князь де-Линь сообщаетъ о нѣсколькихъ случаяхъ безстрашія кн. Потемкина, не обращавшаго вниманія ни на пули, ни на ядра[1]). Отдавая въ этомъ отношеніи полную справедливость кн. Потемкину, онъ указываетъ цѣлый рядъ промаховъ и ошибокъ главнокомандующаго, вовсе не подготовленнаго къ столь высокому и отвѣтственному посту [2]). Когда кн. Репнинъ, принцъ Нассау или кто-либо изъ генераловъ дѣлалъ какое-либо предложеніе, даже не въ видѣ совѣта, кн. Потемкинъ отвѣчалъ: „Что-же я глупъ или ребенокъ? Я знаю лучше, чѣмъ кто-либо, что надо дѣлать". Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ къ отзывамъ кн. де Линь должно относиться осторожно, нельзя довѣрять ему вполнѣ; но не принимать ихъ во вниманіе или отвергать справедливость многихъ изъ его замѣчаній было-бы тоже большою ошибкою. Несомнѣнно только, что кн. де-Линь отдавалъ должное и главнокомандующему всякій разъ, когда, по его мнѣнію, представлялся къ тому достаточный поводъ.

Съ большимъ безпристрастіемъ и съ свойственнымъ ему добродушіемъ описываетъ кн. де-Линь осаду Очакова. Изъ его реляцій, писемъ и депешъ вырисовывается полная картина одной изъ важнѣйшихъ операцій кампаніи 1788 года. Многія подробности, имъ сообщенныя, весьма интересны. Насколько намъ извѣстно, только кн. де-Линь сообщилъ обстоятельства, при которыхъ былъ раненъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, будущій Смоленскій:

„29-го августа, турки въ числѣ не болѣе сорока, прокравшись вдоль моря, взобрались по эскарпамъ и открыли ружейную пальбу по батареѣ принца Ангальта, смѣнившаго генерала Кутузова, того самаго, который въ послѣднюю войну былъ раненъ въ голову на вылетъ: пуля прошла сзади глазъ и, по какому-то необыкновенному случаю, не задѣла ихъ. Генералъ этотъ почти также былъ опять раненъ вчера въ голову, пониже глазъ, и долженъ, по моему мнѣнію, умереть не сегодня, такъ завтра. Я смотрѣлъ сквозь амбразуру на начало вылазки; онъ хотѣлъ послѣдовать моему примѣру и вдругъ былъ опрокинутъ" [3]).

Этихъ подробностей нѣтъ ни въ письмахъ Потемкина, ни въ реляціяхъ главнокомандующаго, не смотря на то, что Екатерина

я отказался отъ герцогства Курляндскаго—я выше всего этого". Oeuvres, XXIV, 182.

[1]) Oeuvres, VII, 194; XXIV, 97.

[2]) Ibid., XXIV, 49 sqq.

[3]) Ibid., XXIV, 136.

интересовалась раною Кутузова и не разъ упоминаетъ о ней въ письмахъ къ Потемкину: „Отпиши, каковъ Кутузовъ и какъ онъ раненъ и отъ меня прикажи навѣдываться“ [1]).

Оставляя отдѣльные эпизоды и мелкія подробности, изъ донесеній князя де-Линь явствуетъ, что, по его мнѣнію, осада Очакова велась неправильно и что, упустивъ время, князь Потемкинъ дозволилъ туркамъ усилить очаковскій гарнизонъ. Это-же мнѣніе высказывали принцъ Нассау и А. В. Суворовъ [2]). Князь Потемкинъ былъ иного мнѣнія, и когда Екатерина указала ему на Очаковъ, какъ на главную задачу кампаніи, отвѣчалъ: „Кому больше на сердцѣ Очаковъ, какъ не мнѣ? Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня обращаются. Не стало-бы за доброю волею моею, если-бъ я видѣлъ возможность. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада, по позднему времени, быть не можетъ — и къ ней столь много приготовленій! Очаковъ намъ нужно, конечно, взять, и для того должны мы употребить всѣ способы, вѣрные для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ раззоренъ въ прошлую войну; въ мирное время турки укрѣпляли его безпрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, по таковой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ турки слабѣе. Еслибъ слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты; но сохраненіе людей, столь драгоцѣнныхъ, обязываетъ идти вѣрными шагами и не дѣлать сомнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря въ нѣсколько тысячъ пойдетъ, не взявши, и разстроитъ такъ, что, уменьша старыхъ солдатъ, будемъ слабѣе на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятеля въ полѣ, какъ приступимъ къ городамъ? Полевое дѣло съ турками можно назвать игрушкою; но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны“.

Эти и подобныя соображенія кн. Потемкинъ не разъ, вѣроятно, высказывалъ князю де-Линь въ долгіе мѣсяцы стоянки въ Елизаветградѣ. Тамъ, въ ежедневныхъ бесѣдахъ, „друзья“ обсуждали всевозможные военные вопросы; и теперь, какъ годъ назадъ, князь де-Линь высказывалъ довольно откровенно тѣ-же мнѣнія, интересовавшія кн. Потемкина настолько, что онъ тогда-же просилъ его изложить свои соображенія на письмѣ [3]). Такимъ образомъ, явилась

[1]) Сборникъ, XXVII, 520, 522, 530.

[2]) Храповицкій, 210.

[3]) Mémoire que me demanda le prince Potemkin sur l'armée russe en général et particulièrement au sujet d'une guerre avec les turcs, dont il avait bien envie et moi aussi. Oeuvres, XXI, 299.

„Записка о русскомъ войскѣ.

„Русскій народъ, наиболѣе воинственный изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, достоинъ только удивленія. Очень немного подлежитъ измѣненію въ побѣдоносной арміи, съ самаго начала столѣтія, благодаря урокамъ Карла XII, ставшей непобѣдимою. Но другъ проситъ моего мнѣнія, главнокомандующій требуетъ совѣта—я повинуюсь.

„Я полагалъ-бы: каждый пѣхотный полкъ, въ составѣ 4,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на четыре батальона; кавалерійскій—въ 2,000 коней, раздѣленныхъ на десять эскадроновъ. Въ каждомъ полку необходимо имѣть пять офицеровъ генеральнаго штаба; число строевыхъ офицеровъ можно оставить нынѣшнее. Необходимо увеличить денежную дачу солдатамъ и уменьшить доходы полковниковъ. Всѣ поставки снарядовъ, провіанта, фуража и аммуниціи должны производиться правительствомъ, во избѣжаніе воровства.

„Я уважаю религію, но мнѣ казалось-бы возможнымъ уменьшить посты во время походовъ и совершенно уничтожить ихъ въ госпиталяхъ, гдѣ я видѣлъ паціентовъ, готовыхъ скорѣе умереть, чѣмъ оскоромиться бульономъ въ постный день. Я люблю музыку, но у васъ слишкомъ ужъ много солдатъ берется въ музыканты. Изъ нихъ у васъ составится маленькая армія. Слѣдовало-бы ограничить: 12 музыкантовъ на полкъ. Я всегда за женщинъ, но 12 на батальонъ, 3 на эскадронъ совершенно достаточно въ военное время: во время мира—сколько угодно.

„Одежда русскаго солдата превосходна: удобна, здорова, красива. Мнѣ казалось-бы необходимымъ измѣнить только головной уборъ, чтобъ удобнѣе было спать и чтобъ можно было закрывать уши. Вашъ проектъ глухихъ жилетовъ, подбитыхъ для зимы мерлушкою, очень хорошъ. Петръ Великій далъ вамъ много европейскаго, особенно-же въ одеждѣ.

„Ваша конница безподобна. Для Россіи большая выгода, что она не нуждается уже въ покупкѣ лошадей за-границею: въ Германіи, Даніи, Голштиніи. Ваши фуры для раненыхъ и больныхъ очень хороши. Но вамъ необходимы врачи; въ каждомъ полку необходимъ одинъ главный докторъ. Русскіе такъ способны, что если вы выпишите искусныхъ профессоровъ изъ Франціи или Англіи, то они скоро создадутъ вамъ по врачу на батальонъ.

„Трезвость и умѣренность—хорошія вещи, и въ необходимыхъ случаяхъ должны практиковаться; но хорошій бульонъ въ госпиталяхъ и говядина для солдата, по крайней мѣрѣ, два раза въ

недѣлю тоже необходимы. Ваши сухари, вашъ ржаной хлѣбъ всегда приводили меня въ восторгъ.

„По моему, гарнизонъ долженъ быть только въ Петербургѣ и состоять изъ гвардейскихъ полковъ; остальные-же пусть стоятъ въ деревняхъ, по воинскому постою. Быть можетъ, каждый полкъ могъ-бы составить свою деревню, при чемъ лѣтъ черезъ 15, каждая такая деревня могла-бы создать новую деревню, что значительно способствовало-бы развитію культуры и приросту населенія. Эти солдаты-землепашцы не отрывались-бы отъ плуга и призывались-бы ежегодно на мѣсяцъ, на два, для ученья, для маневровъ. Четыре инспектора въ каждой губерніи переѣзжали-бы изъ деревни въ деревню для надзора за комплектомъ и продовольствіемъ солдатъ.

„Пусть князья и всякіе родовитые люди служатъ въ гвардіи, если это имъ нравится; но во главѣ дивизій, бригадъ и полковъ должны находиться люди недостаточные, нуждающіеся въ службѣ. Тогда не будетъ этихъ обременительныхъ обозовъ, стѣсняющихъ движеніе части и увеличивающихъ расходъ по фуражу и продовольствію. Вы взяли этотъ примѣръ съ турокъ, но вамъ легко отъ него отказаться, разъ навсегда точно опредѣливъ число подводъ на полкъ.

„Необходимо освободить полки отъ малолѣтнихъ, причисленныхъ и сверхштатныхъ офицеровъ, отъ множества адъютантовъ, не знающихъ даже чьи они адъютанты, отъ всякихъ волонтеровъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, отъ всѣхъ иностранцевъ, французскихъ и итальянскихъ авантюристовъ, нерѣдко негодяевъ, высланныхъ съ родины, отъ гувернеровъ разныхъ барчуковъ, отъ ихъ секретарей и писцовъ, отъ банкометовъ, знатныхъ путешественниковъ и другой сволочи.

„Особенно-же необходимо разъ на всегда покончить съ камергерами и камеръ-юнкерами въ чинѣ генералъ-маіора, которые не могутъ быть генералами и потому уже, что не въ силахъ покинуть Петербургъ хотя-бы на полгода разъ во всю жизнь! Невозможно давать военные чины гражданскимъ чиновникамъ. Я хорошо знаю, что кучеръ императрицы не полковникъ, какъ ходили слухи, но не слѣдуетъ давать хотя-бы малѣйшій поводъ къ насмѣшкѣ надъ военною службою. Необходимо уничтожить самое названіе „штатъ“ генерала: этотъ штатъ не всегда получаетъ жалованье и присужденъ питаться отъ злоупотребленій.

„Возвратите, князь, вашей прекрасной арміи ея прежнюю дисциплину, которую, какъ я вижу теперь, ослабила ваша доброта. Привычка къ почитанію и послушанію такъ вкоренена въ русскихъ, что

ваши генералы, офицеры и солдаты не тяготятся дисциплиною. Вы не любите, чтобы били людей. Наши палочные удары гораздо страшнѣе вашихъ батоговъ. Оставьте батожье противъ вольнодумцевъ, если таковые встрѣтятся, противъ пьяницъ и вообще неисправимыхъ, и не кляните прибѣгающихъ по нуждѣ къ батогу.

„Вы спрашиваете, что я думаю о войнѣ съ Турціею, которая не сегодня—завтра можетъ начаться? Вотъ что:

„Если желательно разъ на всегда изгнать турокъ изъ Европы, необходимо сдѣлать сильный и быстрый натискъ на невѣрныхъ. Ихъ надо огорошить, оглушить сразу, и тогда они поймутъ, что Магометъ покинулъ ихъ, и что есть пророкъ, превосходящій Магомета. Какъ это сдѣлать—можетъ сказать военный геній, воевавшій уже съ турками; я-же никогда турокъ даже не видѣлъ, хотя и желалъ-бы ихъ видѣть; къ тому-же, каюсь, я всегда думалъ, что вы, въ качествѣ князя Россійской Имперіи, ищете только предлога, чтобъ бить турокъ. Мнѣ кажется, однако, что двѣ такія имперіи, какъ Россія и Австрія, могли-бы въ полгода очистить Европу отъ турокъ, еслибъ рѣшительно и смѣло двинули каждая корпусъ въ 90.000 человѣкъ. Если оба корпуса будутъ надвигаться съ двухъ противоположныхъ сторонъ и, все разрушая, все разбивая, искать и бить непріятеля, уже ослабленнаго партизанскими набѣгами вашихъ казаковъ и нашихъ гусаръ, повѣрьте, о туркахъ будутъ только вспоминать въ Европѣ, но видѣть ихъ въ ней не придется уже болѣе [1]).

„Возвращаюсь къ улучшеніямъ вашей арміи.

„Вы отлично сдѣлали, князь, что преобразовали вашихъ гусаръ, которые были только подобіемъ гусаръ и никогда не могли владѣть такъ пикою, какъ казаки, которыхъ вы такъ любите. Казаки неоцѣнимы, когда они, какъ осы, набрасываются на отдѣльныя части арміи, тревожатъ, безпокоятъ ее всю, не давая возможности вздохнуть; они обезсиливаютъ непріятельскую армію прежде, чѣмъ она вступитъ въ бой съ врагомъ. Они очень хороши и для рекогносцировки, но ихъ необходимо научить держать связь съ арміею: они пускаются въ путь, многое узнаютъ, но подвигаются всегда впередъ и армія рѣдко бываетъ въ состояніи воспользоваться добытыми ими свѣдѣніями.

„Созданная вами легкая конница никогда не сравнится въ этомъ отношеніи съ казаками, и дѣлать разницу между ею и драгунами, право, не стоитъ. Мнѣ гораздо болѣе нравится другое ваше созда-

---

[1]) Подробный планъ войны съ турками изложенъ княземъ де-Линь въ письмахъ къ гр. Сегюру, отъ 1-го сентября 1788 г., изъ лагеря подъ Очаковымъ. Oeuvres, VII, 179—193.

ніе—стрѣлки. Я увѣренъ, князь, что въ первую-же войну съ турками стрѣлки окажутъ вамъ большую услугу.

„Необходимо улучшить вашъ инженерный корпусъ. Для этого, быть можетъ, потребуется въ началѣ помощь иностранцевъ. Было-бы хорошо соединить инженерный корпусъ съ артиллерійскимъ, чтобы покончить съ вѣчными раздорами этихъ двухъ корпусовъ.

„Такъ какъ, по моему мнѣнію, и въ администраціи, какъ въ литературѣ, не можетъ быть плагіата — подражать хорошему всегда позволительно—то, подобно Австріи и Пруссіи, распредѣлите полки между богатыми родами, чтобы каждый родъ заботился о своемъ полку.

„Не давайте, въ видѣ награды, военнымъ гражданскихъ мѣстъ. Вы этимъ только ослабляете военное сословіе. Наоборотъ: дурныхъ офицеровъ, въ видѣ наказанія, распредѣляйте по гражданскимъ должностямъ.

„Я часто вижу, что ваши офицеры мѣняютъ форму, иногда по три, по четыре раза въ годъ. Сегодня кавалеристъ, завтра инженеръ, потомъ стрѣлокъ или артиллеристъ. Едва-ли это хорошо. Офицеръ долженъ знать, что служба военная вездѣ почтенна и что только постояннымъ трудомъ въ одномъ направленіи достигается совершенство.

„Ваши гренадерскіе полки превосходны. Люди подобраны крѣпкіе, здоровые, по большей части старослуживые, но иногда слишкомъ ужъ рослые. По формѣ, трудно узнать, что они гренадеры — имъ нужно дать болѣе высокую каску и съ мѣхомъ. Возьмите свой красный карандашъ, что съ вами часто случается, и набросайте рисунокъ каски, столь же красивой, какъ наша гренадерская, но болѣе удобной.

„Ваши ружья могли-бы быть менѣе длинны, болѣе легки и стрѣлять также далеко. Вы можете поручить ружейному заводу въ Тулѣ произвесть опыты и я убѣжденъ, что они будутъ успѣшны.

„По моему, слѣдуетъ короче стричь волосы вашихъ солдатъ — они очень длинны, а длинные волосы или требуютъ излишняго ухода, или остаются грязными.

„Я хотѣлъ-бы, чтобъ всѣ ваши кавалерійскіе полки маневрировали также, какъ вашъ полкъ и полкъ великаго князя—съ нѣмецкою точностью и русскою живостью. Въ другихъ полкахъ я замѣтилъ только живость и никакого равненія. Я хотѣлъ-бы назвать еще третій полкъ образцовымъ, но такого не видѣлъ. Изъ семидесяти эскадроновъ, видѣнныхъ мною въ Полтавѣ, не было, какъ я тогда-же сообщилъ вамъ, ни одного, который зналъ-бы равненіе

и въ которомъ люди или лошади оставались-бы спокойными. Какой-нибудь мѣсяцъ упражненія легко исправить эти недостатки, и ваши войска, и теперь уже стяжавшія себѣ почетную извѣстность, станутъ еще совершеннѣе.

„Четыре пѣхотныхъ полка, въ 4,000-номъ составѣ каждый, въ губерніи; такъ какъ губерній 42, то на каждую губернію придется 16,000 человѣкъ, а на всю имперію 672,000 пѣхоты. Полагая по одному кавалерійскому полку на губернію и полкъ въ 2,000 коней, на всю имперію придется 84,000 конницы. Вотъ сколько требуется войска, чтобъ поддержать такой колоссъ, какъ Россія, которая прежде была тощею, а теперь съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе жирною. Войска двухъ губерній составятъ одинъ лагерь; всего въ имперіи 21 лагерь, по 36,000 въ каждомъ.

„Кромѣ доблестей многихъ изъ вашихъ генералъ-аншефовъ, доказавшихъ уже свои военные таланты, какъ безподобный князь Репнинъ, князь Григорій Долгорукій, Текели, храбрые графы Салтыковъ и Мусинъ-Пушкинъ, пылкій Каменскій и славный Суворовъ, внушающій довѣріе, въ русской арміи много генераловъ, которые, я увѣренъ, окажутъ вамъ большія услуги во время войны. Принцъ Ангальтъ, напримѣръ, Кутузовъ, маленькій Волконскій, Горичъ, Ферзенъ, вашъ племянникъ, князь Сергѣй Голицынъ, Спренгпортенъ. Я также очень высокаго мнѣнія о генералѣ Паленѣ: держу пари, что это будетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ.

„Вотъ, любезный князь, все, что внушаетъ мнѣ ваша дружба и моя любовь къ вашей славѣ и къ славѣ Россіи, которою я отъ всего сердца моего интересуюсь и гдѣ я каждый день получаю новые знаки милости ко мнѣ“.

Князь де-Линь много писалъ о военномъ дѣлѣ; онъ много и съ различныхъ сторонъ изучалъ военное искусство. Мы не можемъ входить въ оцѣнку его знаній въ этомъ отношеніи—это дѣло спеціалистовъ [1]); намъ извѣстно, однако, что герцогъ Веллингтонъ очень цѣнилъ военныя сочиненія князя де-Линь и что пруссаки имъ зачитывались [2]). Кн. Потемкинъ едва-ли даже прочелъ „Записку о русскомъ войскѣ“; для насъ-же она важна, какъ свидѣтельство лица во всякомъ случаѣ вполнѣ компетентнаго о состояніи русской арміи наканунѣ второй турецкой войны.

---

[1]) Первый выпускъ „Записокъ по исторіи военнаго искусства въ Россіи“, проф. Масловскаго, обрывается 1762 годомъ, можно надѣяться, что во второмъ выпускѣ мы прочтемъ уже отзывъ спеціалиста.

[2]) Sainte-Beuve, VII, 192; Oeuvres, XXVI, 195.

Эта война велась не по плану, предложенному княземъ де-Линь [1]). Онъ даже былъ убѣжденъ, что она велась безъ всякаго плана и что, благодаря частымъ войнамъ съ турками, „русскіе сами стали турками въ военномъ дѣлѣ" [2]). Вслѣдствіе этого, въ его донесеніяхъ и письмахъ разсѣяно много указаній на стратегическія и тактическія ошибки русскихъ полководцевъ, особенно-же по поводу осады Очакова, при началѣ которой онъ самъ участвовалъ. Очаковъ палъ вскорѣ по отъѣздѣ князя де-Линь изъ русской арміи. За предѣлами Россіи никто, конечно, не былъ такъ обрадованъ взятіемъ Очакова, какъ кн. де-Линь; онъ тотчасъ-же отправилъ особаго курьера въ Петербургъ, для поздравленія императрицы съ одержанною побѣдою. Екатерина отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ:

„Изъ письма вашего отъ 16-го января, которое я только-что получила, я вижу радость вашу, по случаю взятія Очакова. Прежде чѣмъ приступить къ штурму, фельдмаршалъ князь Потемкинъ, разумѣется, испыталъ всѣ другія средства. Самымъ удобнымъ временемъ для этого предпріятія было неоспоримо то, когда покрытый льдомъ Лиманъ дѣлалъ невозможною помощь осажденнымъ со стороны моря, взятіе-же города предоставляло время для принятія необходимыхъ предосторожностей въ будущемъ. Но нетерпѣніе молодыхъ людей, полныхъ отваги, но болѣе или менѣе легкомысленныхъ, завистниковъ, враговъ открытыхъ и тайныхъ, конечно, невыносимо въ подобныхъ случаяхъ и подвергло безконечнымъ испытаніямъ непоколебимую твердость и настойчивость фельдмаршала, что и доставляетъ ему въ моихъ глазахъ самую большую честь. Между прочими прекрасными и даже великими качествами его души, я всегда видѣла въ немъ способность прощать своимъ врагамъ и воздавать имъ добромъ; этимъ-то именно онъ и умѣлъ одерживать верхъ надъ ними. На этотъ разъ онъ въ полтора часа разбилъ и турокъ, и тѣхъ, кто его осуждалъ; теперь говорятъ, что онъ могъ-бы взять Очаковъ ранѣе; это правда, но никогда онъ не могъ-бы взять его съ меньшею невыгодою" [3]).

---

[1]) Je ne fus ni écouté, ni entendu. Oeuvres, XXIV. 24.

[2]) Oeuvres. XXIV, 18, 34, 39, 51, 61, 64 sqq. Cet empire si despote se met en république dès que la guerre commence. Sa majesté l'impératrice, à qui m-r de Czernichef a désobéi le premier jour de son règne, continue à l'être par les deux maréchaux, Potemkin et Romanzow. autant que l'impératrice Anne par m-r de Münnich. Ibid.. 160.

[3]) Сборникъ, XLII. 3.

Едва-ли подъ „завистниками“ и „врагами“ Екатерина разумѣла князя де-Линь; если-же разумѣла, то ошибалась. Князь де-Линь не написалъ императрицѣ ни одного письма изъ русскаго лагеря, и не скрывалъ отъ себя, что Екатерина пойметъ это молчаніе. „Императрица удивится, не получая отъ меня писемъ, но пойметъ со временемъ, что не могу-же я жаловаться на князя Потемкина, которому обязанъ милостями императрицы, и что я настолько правдивъ, что не могу одобрить дѣйствій князя“ [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда по ходу дѣла требовалось повелѣніе императрицы, князь де-Линь писалъ все-таки не ей, а графу Кобенцлю, императорскому послу въ Петербургѣ, который передавалъ просьбу князя де-Линь въ видѣ собственныхъ соображеній [2]). Не смотря на временныя размолвки, на противоположность взглядовъ, на частые споры, кн. Потемкинъ всегда относился къ князю де-Линь съ довѣріемъ и никогда не видалъ въ немъ ни врага, ни завистника. Въ письмѣ къ императрицѣ отъ 5-го мая 1788 года, когда князь Потемкинъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи, онъ писалъ: „Дѣла много, оставляю злобствующихъ и надѣюсь на васъ, матушка. Принцъ де-Линь, какъ ветрянная мельница: у него я то Терцитъ, то Ахиллесъ“ [3]). Князь де-Линь не могъ быть врагомъ кн. Потемкина и не былъ способенъ быть его завистникомъ: русская и австрійская арміи „тянули одну борозду“, шли къ одной и той-же цѣли—успѣхи арміи князя Потемкина могли только радовать князя де-Линь. Даже болѣе: въ „австрійскихъ“ интересахъ князя де-Линь было желать наибольшихъ успѣховъ русской арміи и, такимъ образомъ, отвлекать турецкія силы отъ арміи австрійской [4]). Наконецъ, относительно именно Очакова, Екатерина читала въ перлюстраціи письма князя де-Линь къ графу Кобенцлю, какъ онъ оправдываетъ кн. Потемкина [5]).

Князь де-Линь былъ, по природѣ, человѣкъ прямой, откровенный; менѣе всего его можно обвинить въ коварствѣ. Австрійская

---

[1]) Письмо къ Іосифу II, апрѣля 1788 г., изъ Елизаветграда. Lettres, 99. Si j'avais voulu lui écrire une seule fois du bien du prince Potemkin et de ses opérations, j'aurais reçu des averses de paysans et de diamans. Catherine II eut été bien aise que je la trompasse, c'eut été bien plus commode pour elle de croire que tout allait bien. Percy, I. 345.

[2]) Oeuvres, XXIV, 68. 75. 150.

[3]) Храповицкій. 81.

[4]) Oeuvres, XXIV, 39, 40, 60, 69.

[5]) Oczakow se porte encore très bien. Le prince Potemkin est arrêté par des murailles. Храповицкій. 184.

дипломатія, всегда подозрительная, никогда не дѣйствовавшая прямо, прислала ему въ Елизаветградъ шифровые ключи для переписки. „Мнѣ прислали шифровую азбуку. Смѣшны вы мнѣ съ вашими выдумками! Самъ чертъ тутъ ничего не пойметъ, а я и подавно. Я предпочитаю отправлять курьеровъ или пользоваться казачьею почтою. Откровенно говоря, почту я предпочитаю всему: это самый вѣрный способъ открывать свои тайны и высказывать радость и неудовольствіе, не прибѣгая ни къ лести, ни къ сатирѣ. Почта—mezzo termine между приторнымъ мадригаломъ и язвительною эпиграммою, избавляющее отъ увѣщаній или совѣтовъ и нисколько не компрометтирующее. Впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ придется писать одно только хорошее. И, наконецъ, какъ-бы я ни ухитрялся, меня всегда легко дешифрировать“ [1]). Такъ князь де-Линь и не послалъ ни одной шифрованной депеши, о чемъ прямо и заявилъ императору: „Прошу, ваше величество, избавить меня отъ непріятныхъ столкновеній съ военнымъ совѣтомъ и государственною канцеляріею. Если-бы я и желалъ, то не нашелъ-бы о чемъ писать имъ, такъ какъ мы находимся въ совершенномъ бездѣйствіи. Къ тому-же искренній и задушевный другъ вашей августѣйшей особы, императрица всероссійская, не желаетъ, чтобъ вашимъ министрамъ и другимъ дворамъ было извѣстно то, что она мнѣ передаетъ или пишетъ“ [2]).

Поведеніе князя де-Линь въ русскомъ лагерѣ было настолько въ этомъ отношеніи безукоризненно, что онъ могъ смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза, не опасаясь потерять ни дружбы князя Потемкина, ни уваженія императрицы Екатерины. „Если мое стараніе извлечь изъ всего пользу и мои упреки обоимъ фельдмаршаламъ за ихъ бездѣйствіе и посѣятъ тѣнь неудовольствія между нами, то это скоро должно исчезнуть, потому что императрица знаетъ насколько я благоговѣю передъ нею и удивляюсь ей. Надѣюсь, что благосклонность Екатерины II и дружба князя Потемкина не допустятъ фельдмаршаловъ смотрѣть на мои поступки такъ, какъ-бы они смотрѣли на поступки всякаго другаго“ [3]). Къ тому-же, князь де-Линь былъ крайне остороженъ. „Никогда не писалъ я ни Екатеринѣ, ни Іосифу, не говоря уже объ ихъ министрахъ, о тѣхъ ежедневныхъ ошибкахъ и даже нелѣпостяхъ, которыя позволялъ себѣ говорить и даже дѣлать князь Потемкинъ. Я никому не жаловался, никому не сообщалъ ничего дурнаго о главнокомандую-

[1]) Oeuvres. VII, 158.
[2]) Ibid., XXIV, 48, 66.
[3]) Lettres, 106.

щемъ русскою арміею. Если я теперь рѣшаюсь писать о немъ правду и выставить его въ настоящемъ свѣтѣ, то потому лишь, что это появится въ печати уже послѣ его смерти“ [1]).

Въ своихъ донесеніяхъ и письмахъ князь де-Линь былъ, прежде всего, правдивъ и незлобивъ. Онъ писалъ то, что самъ видѣлъ, хорошее или дурное. Въ своихъ отзывахъ онъ равно относился къ русскимъ и къ австрійцамъ. Какъ извѣстно, въ началѣ второй турецкой войны австрійцы терпѣли значительно болѣе пораженій, чѣмъ русскіе. Австрійская армія, подъ начальствомъ Вартенлебена, предназначенная прикрывать Банатъ, была смята турецкою арміею, предводимою Юссуфъ-пашею. Три раза, при Мегади, Слатинѣ и Лугошѣ, австрійцы были разбиты на голову; австрійская армія должна была отступить къ Темешвару; турки овладѣли всѣмъ Дунаемъ до Бѣлграда. „Я получаю отъ нашихъ очень дурныя извѣстія. Наши генералы наглупили въ Банатѣ“. Въ письмѣ къ императору, онъ прямо называетъ дѣйстія четырехъ австрійскихъ генераловъ въ Босніи и Банатѣ „глупостями“, а не „промахами“, какъ титуловалъ ихъ Іосифъ II [2]). Нельзя, слѣдовательно, и удивляться, если, говоря о такихъ-же „промахахъ“ русскихъ генераловъ, кн. де-Линь называетъ ихъ „глупостями“. Онъ рѣзокъ въ осужденіи, но и щедръ на похвалы. Во все время своего пребыванія при русской арміи, князь де-Линь не переставалъ восхищаться русскимъ солдатомъ. „Это образецъ исполнительности, выносливости и послушанія. Я еще не встрѣтилъ ни одного пьянаго солдата, не видѣлъ ни одного вольнодумца, не слышалъ ни о ссорахъ между солдатами, ни о небреженіи ихъ къ службѣ. Къ сожалѣнію, никто съ солдатами не занимается, никто о нихъ не заботится“ [3]). Въ письмѣ къ сыну князь де-Линь объяснилъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ заботою о солдатѣ: „Нѣтъ такой ничтожной хижины, въ Богеміи называемой халупой, гдѣ помѣщены хотя-бы четыре солдата, которую я не посѣщалъ бы: я пробую ихъ супъ, смотрю хорошъ-ли хлѣбъ, взвѣшиваю отпускаемую ему говядину, строго слѣжу, чтобъ солдатъ не обманывали поставщики продовольствія. Съ каждымъ солдатомъ я разговариваю о его нуждахъ, каждому помогаю, чѣмъ могу“ [4]).

Екатерина не выносила дурныхъ отзывовъ о дѣйствующей арміи; она хорошо знала, что не все идетъ гладко, но не любила, чтобы

---

[1]) Oeuvres, XXIV, 24.

[2]) Oeuvres, VII, 196; Lettres, 120.

[3]) Oeuvres, XXIV, 91.

[4]) De mon quartier général de Bezesnow, ce juin 1778. Perey, I, 219.

объ этомъ говорили. „Замѣчена въ перлюстраціи видимая къ намъ злоба принца де-Линь, въ которой, можетъ быть, участвуетъ и графъ Кобенцель, ибо къ нему и къ графу Сегюру пишетъ принцъ изъ Яссъ, что обѣ наши арміи многочисленны только больными и умирающими. Вся тягость войны пала на австрійцевъ, гдѣ ошибки шести генераловъ самъ императоръ умомъ и присутствіемъ своимъ долженъ былъ исправить" [1]). Такъ записанъ въ „Дневникѣ" Храповицкаго, подъ 17-мъ декабремъ 1788 г., отзывъ Екатерины о „злобѣ къ намъ" князя де-Линь. Разберемся, кто правъ, кто виноватъ.

Что въ началѣ второй турецкой войны турки обратили преимущественное вниманіе на австрійцевъ, направивъ противъ нихъ изъ Ниша 70,000-ный корпусъ Юссуфъ-паши, это уже настолько доказано, что по этому вопросу двухъ мнѣній быть не можетъ. Остаются больные. Не въ декабрѣ, изъ Яссъ, а еще въ іюнѣ, изъ лагеря подъ Очаковымъ, князь де Линь доносилъ Іосифу II: „Можно считать до 200 больныхъ на баталіонъ; если съ ними будутъ такъ обращаться, какъ теперь обращаются, то они, конечно, всѣ перемрутъ: ихъ помѣщаютъ въ повозки англійскаго образца, которыя ваше величество изволили видѣть и при которыхъ нѣтъ ни докторовъ, ни медикаментовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь усиливается, ихъ отправляютъ въ вагенбургъ, за нѣсколько верстъ; безнадежно больныхъ отсылаютъ въ Елизаветградъ, на дорогѣ куда они и умираютъ" [2]). Князя де-Линь императрица упрекаетъ въ „злобѣ къ намъ" за сообщеніе, что въ русской арміи много больныхъ; но такою-же „злобою" отличаются и донесенія князя Потемкина. „Что у тебя больныхъ много, сіе весьма мнѣ печально слышать"; или: „что у тебя больныхъ много, о томъ весьма жалѣю"— вотъ обычный припѣвъ въ каждомъ почти письмѣ Екатерины къ Потемкину съ самаго начала войны, точнѣе съ 24-го сентября 1787 года [3]).

Злобы у князя де-Линь никогда и ни къ кому не было. Это писатель вполнѣ „незлобивый". Онъ иногда ѣдокъ, но всегда откровененъ, всегда добродушенъ, даже въ своей ѣдкости. Въ пись-

---

[1]) Храповицкій, 214.

[2]) Oeuvres, XXIV, 91.

[3]) Сборникъ, XXVII, 427, 442, 443, 452, 465, 469, 475, 478, 479, 480, 482, 484 sqq. На это-же указываютъ извѣстія о некомплектѣ въ полкахъ и жалобы самой Екатерины на „недостатокъ и дороговизну въ хлѣбѣ", отчего затрудняется „кормленіе" екатеринославской арміи. Сборникъ. XXVII, 443, 476, 477, 479.

махъ къ сыну, гдѣ онъ наиболѣе искрененъ, гдѣ онъ изливалъ свою душу, это добродушіе не можетъ быть уже заподозрѣно. Вотъ что писалъ онъ своему сыну въ письмахъ изъ русскаго лагеря:

„Если ты спросишь меня, дорогой Карлуша, какъ я поживаю, я отвѣчу тебѣ: по старому. Летаю отъ одной арміи къ другой, отъ одного фельдмаршала къ другому, желая вывести ихъ изъ бездѣйствія, начать военныя операціи, но, несмотря на ихъ крестныя знаменія, по русскому обычаю, дьяволъ связалъ ихъ по рукамъ и ногамъ и они не двигаются. Все та-же бездѣятельность, объясняемая страхомъ, злобою и невѣжествомъ.

„Надъ нашимъ лагеремъ разразился страшный ураганъ, окончившійся ливнемъ, затопившимъ всѣ палатки. Молнія убила какого-то маіора. Каждый день здѣсь молнія убиваетъ кого-нибудь. А тарантулы? Надняхъ одному офицеру отняли руку, укушенную тарантуломъ. Ужасная мѣстность! Но и люди ужасные. Вотъ тебѣ небольшая черточка къ характеристикѣ князя Репнина, благороднаго, гуманнаго, лучшаго изъ здѣшнихъ генераловъ. Русская военная служба отличается низостью младшихъ и наглостью старшихъ. Когда князь Потемкинъ уронитъ что-нибудь, двадцать генераловъ бросаются поднимать. Надняхъ, семь или восемь генераловъ хотѣли помочь князю Репнину, снимавшему мундиръ; онъ ихъ остановилъ: „Не безпокойтесь, господа, не заставляйте краснѣть кн. де-Линь". Это былъ деликатный, но хорошій урокъ, который едва-ли исправитъ генераловъ.

„Тутъ чертовская скука, несмотря на присутствіе Сарти [1]) съ его огромнымъ оркестромъ и прелестною музыкою. У насъ иногда нѣтъ хлѣба, но бисквитовъ и макаронъ—сколько угодно; нѣтъ масла, но есть мороженое; нѣтъ воды, но всевозможныя вина; нѣтъ дровъ для кухни, нѣтъ угля для самовара, но ѳиміама много. Это какая-то чепуха невообразимая. Здѣсь красивая жена Павла Потемкина, прелестная Скавронская, тоже племянница визиря или, лучше, патріарха князя Потемкина, такъ какъ онъ и въ религіи падишахъ, и еще третья племянница, еще болѣе очаровательная госпожа Самойлова. Здѣсь, въ степи, для этихъ дамъ устраиваются спектакли, балы, карты, иллюминаціи, фейерверки" [2]).

---

[1]) Joseph Sarti, 1730—1802, извѣстный итальянскій композиторъ. Въ 1785 г. Екатерина вызвала его въ Петербургъ. Ему особенно покровительствовалъ Потемкинъ. Въ 1790 г. онъ былъ назначенъ директоромъ консерваторіи въ Екатеринославѣ съ жалованьемъ въ 35,000 р., готовою квартирою и 15,000 р. на путевые издержки. Онъ былъ возведенъ въ русское дворянство.

[2]) Perey, I, 346, 349; Oeuvres, VII, 155, 166, 196; XXIV, 24.

До поздней осени русскія войска „бездѣйствовали“ и только 6-го декабря былъ взятъ Очаковъ. За это время, союзница Россіи, Австрія, не могла похвалиться тѣмъ-же. Война съ Турціею стоила ей 30,000 убитыми и 40,000 умершими отъ болѣзней, и повела къ вторженію турокъ въ Банатъ и къ пораженію австрійцевъ въ Босніи. Іосифъ II, усталый отъ работъ, раздраженный пораженіями, встревоженный фландрскимъ возстаніемъ, возвратился въ Вѣну совсѣмъ убитый. Онъ вызвалъ изъ Россіи князя де-Линь и поручилъ ему вмѣстѣ съ Лаудономъ продолженіе турецкой войны. Весною 1789 года, оба князя де-Линь, отецъ и сынъ, отправились на театръ войны. 8-го октября Бѣлградъ былъ взятъ [1]), причемъ князь Карлъ первый вступилъ въ крѣпость. Императоръ пожаловалъ князю-отцу орденъ Маріи-Терезіи 1 й степени [2]), причемъ написалъ ему холодное, сухое письмо. Іосифъ II подозрѣвалъ князя де-Линь въ потворствѣ фландрскимъ мятежникамъ!

Императоръ Іосифъ II долго не придавалъ никакого значенія жалобамъ, доходившимъ до него отъ фландрскихъ патріотовъ. „Іосифъ II, писала Екатерина, зналъ много, зналъ все, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о революціонномъ настроеніи Нидерландовъ. Я была свидѣтельницею, какъ онъ убивался, получивъ при мнѣ первую вѣсть о возстаніи. Онъ спрашивалъ моего совѣта, называлъ это движеніе пустяками; но я осмѣлилась посовѣтовать ему обратить самое серьезное вниманіе на эти пустяки“ [3]). Когда возстаніе вспыхнуло и стало разростаться, Іосифъ II думалъ утишить его безполезными уступками, которыя были принимаемы за знакъ слабости и только еще болѣе ободряли патріотическую партію. Раздраженный неудачами, Іосифъ II, упрямо не признававшій своихъ ошибокъ, сталъ заподозривать другихъ въ измѣнѣ, даже своего вѣрнаго друга князя де-Линь. Между тѣмъ, князь-отецъ на блестящія предложенія, сдѣланныя ему Фанъ-дер-Ноотомъ съ приглашеніемъ принять командованіе арміею патріотовъ, отвѣчалъ въ обычномъ своемъ шутливомъ тонѣ: „Благодарю васъ за чужія области, которыя вы дарите мнѣ, но я никогда не начинаю возстанія зимою“. Князь де-Линь ненавидѣлъ всякія революціонныя движенія, и о возстаніи Нидерландовъ писалъ: „Еслибъ я былъ во Фландріи, я увѣщевалъ-бы толпу сперва какъ патріотъ, хотя это слово становится уже мнѣ ненавистнымъ, потомъ какъ гражданинъ (тоже

---

[1]) Mémoire sur le siège de Belgrade. Oeuvres, XXIV, 216.

[2]) Oeuvres, XXVI, 289.

[3]) Сборникъ, XXIII, 484, 523, 646. Это подтверждаетъ и кн. де-Линь. Oeuvre, XXII, 97.

изуродованное слово!), и еслибъ меня не послушались, я сталъ-бы говорить какъ австрійскій генералъ—я повѣсилъ-бы одного архіепископа, одного жирнаго монаха, одного профессора, одного кабатчика, одного адвоката, и возстаніе утихло-бы". Іосифъ II скоро понялъ всю нелѣпость своего заподозриванія князя де-Линь и написалъ ему письмо, въ которомъ извинялся и просилъ его немедленно пріѣхать къ нему въ Вѣну. Пока кн. де-Линь ѣхалъ изъ Бѣлграда въ Вѣну, инсургенты овладѣли Гентомъ и Брюсселемъ; 2-го декабря 1789 г. они объявили Іосифа II лишеннымъ власти въ Нидерландахъ. Императоръ, уже больной, не вынесъ такого „оскорбленія" и, 20-го февраля 1790 г., скончался.

Леопольдъ II, наслѣдовавшій отцу, явился ярымъ его порицателемъ. Онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ, кого приблизилъ къ себѣ Іосифъ II. Въ день коронованія Леопольда II, въ этотъ день „великихъ милостей", кн. де-Линь не получилъ фельдмаршальскаго жезла, на что имѣлъ право по своимъ военнымъ заслугамъ. Справедливо оскорбленный такимъ невниманіемъ, онъ подалъ просьбу объ отставкѣ и просьба была принята. Князь-отецъ ушелъ со сцены, остался князь-сынъ, но перешелъ на другую сцену—изъ австрійской арміи въ русскую.

Политика новаго царствованія ни въ чемъ не должна была напоминать царствованіе предшествовавшее. Іосифъ II велъ войну съ Турціею—Леопольдъ II спѣшитъ заключеніемъ мира: 27 го іюля 1790 г., въ Рейхенбахѣ была подписана конвенція, которою Австрія уполномочила Пруссію заключить миръ съ Турціею на условіи statu quo ante bellum. Изъ этихъ конвенцій военные люди ясно видѣли, что они скоро останутся не у дѣла, и князь де-Линь-сынъ перешелъ на русскую службу. Екатерина II назначила его въ армію Суворова, въ Бессарабію, и писала князю-отцу, отъ 26-го марта 1791 года: „Начиная съ фельдмаршала князя Потемкина, во всей русской арміи слышится одинаковый отзывъ о вашемъ сынѣ князѣ Карлѣ—всѣ отзываются о немъ съ изысканною похвалою" [1]). Князь Карлъ участвовалъ въ осадѣ и штурмѣ Измаила [2]).

Измаилъ давно уже былъ обложенъ, но не сдавался. 11-го декабря 1790 г. Суворовъ повелъ войска на штурмъ съ суши; со стороны

---

[1]) Сборникъ, XLII, 147; Perey II, 127.

[2]) Измаилъ, на берегу Килійскаго рукава Дуная, 26-го іюля 1770 года сдался кн. Репнину и по кучукъ-кайнарджійскому миру возвращенъ туркамъ; 11-го декабря 1790 г. былъ взятъ штурмомъ Суворовымъ и опять возвращенъ Турціи по ясскому миру. Наконецъ, 14-го декабря 1809 г. Измаилъ сдался генералу Зассу и по бухарестскому миру навсегда присоединенъ къ Россіи.

Дуная оперировала русская флотилія подъ начальствомъ генерала де-Рибаса. Штурмъ длился десять часовъ. Турки защищались съ отчаянною храбростью и на валахъ, и въ городскихъ зданіяхъ. Князь Карлъ одинъ изъ первыхъ шелъ на приступъ, несмотря на полученную рану. Рибасъ писалъ его отцу:

„Измаилъ, 15-го декабря 1790 г.

„Любезный князь! Напоминая о себѣ вашей свѣтлости, долгомъ считаю поздравить васъ съ пріобрѣтенною вашимъ сыномъ храбростію при штурмѣ Измаила, гдѣ онъ командовалъ отрядомъ, который первый пошелъ на штурмъ, слѣдуя за своимъ командиромъ. Несмотря на рану въ ногѣ, онъ первый выскочилъ изъ баркаса и подъ убійственнымъ огнемъ взялъ приступомъ валъ. Онъ-же потомъ овладѣлъ турецкимъ фрегатомъ, который сильно безпокоилъ насъ, и управлялъ батареею, причинившею наибольшій вредъ непріятелю".

Екатерина поблагодарила князя Карла де-Линь слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ [1]):

„Князь де-Линь!

„Пусть увѣряютъ меня, что всѣ люди равны: если ежедневный опытъ доказываетъ мнѣ, что они не равны и что есть люди какъ сильные, такъ и слабые, то я никогда не повѣрю ничему, кромѣ того, что сама вижу; но еще болѣе убѣждаетъ меня въ этомъ то, что мнѣ извѣстны роды, въ которыхъ мужество и военныя доблести всегда передаются отъ отца къ сыну — таковъ и вашъ родъ, князь де-Линь. Происходя отъ отца, столь-же любезнаго, какъ доблестнаго и богатаго познаніями, вы унаслѣдовали его счастливыя дарованія: вы блистательно проявили ихъ на глазахъ у тѣхъ прославившихся воиновъ, съ которыми раздѣляли опасности, взбираясь безъ открытыхъ траншей, безъ пробитыхъ брешей, на приступъ грозной крѣпости Измаила, гдѣ заперлась цѣлая армія враговъ христіанства. Корпусъ войскъ, овладѣвшій этою арміею, уступалъ ей въ числѣ, но не въ рвеніи и храбрости.

„Орденъ св. Георгія, статутъ котораго основанъ на законахъ чести и мужества, всегда спѣшитъ, въ силу своего учрежденія, причислить къ своимъ храбрымъ кавалерамъ того, кто проявилъ воинскія доблести. Примите-же, князь де-Линь, крестъ св. Георгія и ленту, при семъ прилагаемые, для ношенія на шеѣ, въ засвидѣтельствованіе вашихъ подвиговъ среди моихъ войскъ. Примите ихъ и въ знакъ моего уваженія и расположенія, заслуженныхъ вашими

---

[1]) Сборникъ, XLII, 155. Отвѣтъ князя-отца см. Oeuvres, XXII, 82.

дѣйствіями, вашею почетною раною, и продолжайте подавать міру полезный и необходимый въ настоящее время примѣръ того, что добродѣтели переходятъ отъ отца къ сыну въ родахъ, издавна знаменитыхъ услугами своихъ предковъ и своею преданностью ихъ законному государю. Впрочемъ, молю Бога принять васъ подъ свою святую и достойную защиту. „Екатерина".

Вслѣдъ за паденіемъ Измаила, Екатерина повела секретные переговоры о мирѣ съ турками. Озабоченная событіями во Франціи, еще болѣе въ Польшѣ, императрица спѣшила окончить войну, которая истощала казну и отвлекала военныя силы имперіи къ границамъ турецкимъ. Князь Карлъ де-Линь, узнавъ о переговорахъ, просилъ объ увольненіи и получилъ разрѣшеніе покинуть русскую службу. Онъ отправился къ отцу, въ Вѣну, везя съ собою, какъ трофеи, турецкій оркестръ изъ 12-ти музыкантовъ, богатое оружіе и арабскихъ коней—подарки графа Суворова и князя Потемкина.

Этимъ обрываются всѣ связи князей де-Линь, отца и сына, съ русскою арміею. Въ Россіи вскорѣ была получена вѣсть о смерти князя-сына, георгіевскаго кавалера: находясь въ Шампаньи съ отрядомъ генерала Клерфэ, онъ былъ убитъ пулею при защитѣ одного изъ дефиле аргоннскаго лѣса, атакованнаго отрядомъ французской арміи, подъ начальствомъ Дюмурье. „Среди многоразличныхъ несчастій, принесенныхъ этимъ годомъ, писала Екатерина князю де-Линь, потеря, которую вы оплакиваете, наиболѣе опечалила меня и тяжело отозвалась въ моемъ сердцѣ. Если васъ можетъ, хотя нѣсколько, утѣшить то участіе, которое я принимаю въ этомъ горестномъ событіи, будьте увѣрены, что мое сожалѣніе равняется тому уваженію, которое внушаютъ воинскія заслуги князя Карла, вашего достойнаго сына" [1]).

Князь де-Линь посвятилъ всю свою жизнь военному дѣлу. Онъ былъ въ это время военнымъ авторитетомъ, признаннымъ всею Европою. Только война, только военныя занятія могли развлечь его, если не утѣшить въ горѣ, причиненномъ смертью сына. Между тѣмъ, именно въ это время, во время войны, онъ остался не у дѣлъ. Военачальниковъ нѣтъ, войска терпятъ пораженія, а лучшій изъ военачальниковъ сидитъ безъ дѣла. Что это значитъ? Вотъ, какъ самъ кн. де-Линь объясняетъ это: „Какія-то бабьи сплетни, какіе-то слухи и толки охладили ко мнѣ эрцгерцогиню [2]) и она

[1]) Сборникъ, XLII, 230.

[2]) Эрцгерцогиня Марія-Христина, дочь Маріи-Терезіи, правила Нидерландами совмѣстно съ своимъ супругомъ герцогомъ Альбертомъ Саксенъ-Тешенскимъ.

воспользовалась вздорною случайностью и придала значеніе пустой путаницѣ. Адъютантъ мой, Деттингеръ, перепуталъ мнѣ письма: письмо къ матери вложилъ въ конвертъ, адресованный принцу Альберту, а письмо къ принцу заслалъ къ матери. Я сообщалъ матушкѣ, что пригласилъ эрцгерцога Фердинанда съ супругою въ Бель-Эль, когда тамъ будутъ и ихъ брюссельскія высочества, при чемъ прибавлялъ: „такимъ образомъ, мы сразу отдѣлаемся отъ этого герцогскаго нашествія“. Прочтя послѣднія два слова, принцъ Альбертъ обидѣлся и устранилъ меня отъ командованія. Себя лично я могу упрекнуть только въ дурной шуткѣ, которую, къ счастью, немногіе, впрочемъ, слышали: въ первый-же разъ, когда я увидѣлъ принца Альберта послѣ пораженія его при Жемаппѣ, онъ спросилъ меня, какъ я нахожу его послѣ болѣзни, которую онъ перенесъ, на что я отвѣчалъ: „Вы имѣете, ваше высочество, видъ нѣсколько помятый“.

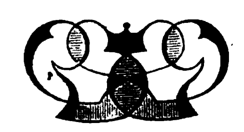
Остается только пожалѣть, что такіе чисто личные мотивы устранили князя де-Линь отъ командованія арміею. Онъ самъ тяготился этимъ и такъ излилъ свое горе: „Глупость или коварство власть имѣющихъ, дурной выборъ, ими дѣлаемый, ихъ пренебреженіе къ знаніямъ и опытности—уничтожили мою ревность къ военному дѣлу. Я разбилъ наиболѣе дорогой моему сердцу кумиръ — славу, и рѣшился никогда уже не брать шпаги въ руку“.

Лишенный возможности примѣнить свои военныя познанія на дѣлѣ, кн. де-Линь принялся описывать тѣ кампаніи, въ которыхъ самъ участвовалъ. Для насъ, русскихъ, особенно интересны нарисованныя имъ картины Семилѣтней и второй Турецкой войны—его живопись не утеряла своихъ красокъ до настоящаго времени.

Проф. **В. А. Бильбасовъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправка. Въ предыдущей главѣ настоящаго очерка В. А. Бильбасова—„Русская Старина“ 1892 г., февраль, на стр. 280, по недосмотру типографіи, три строки, начиная съ 16-й по 18-ю сверху включительно (отъ слова: Трактатъ до слова: кальвинист-), поставлены не на мѣстѣ, а должны быть на той-же страницѣ перенесены ниже, черезъ шесть строкъ, въ концѣ текста, надъ выносками. Ред.



ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ДАЛЬ

ЕГО СТИХОТВОРЕНІЕ 1827 Г.

Совѣтъ молодымъ моимъ друзьямъ.

Братья, если вамъ встрѣтить случится
Нѣжные глазки, миленькой взоръ,
Слово и дѣло тотчасъ влюбиться!
Тетушекъ, мамушекъ слушаться вздоръ!
Братья, примите отъ дружбы совѣтъ;
Скажете: молодъ, не знаю я свѣтъ?..
Пусть мнѣ и двадцать только свершилось,
Сердце любовью за то просвѣтилось!

***

Вѣрить хотите вы старымъ брюзгливцамъ:
Сердцу безъ искры, душѣ безъ огня!
Лучше повѣрьте вы юнымъ счастливцамъ,
Лучше, о други, спросите меня.
Я вамъ отъ сердца воскликну: влюбляйтесь;
Дважды вамъ праздникъ судьба не пошлетъ;
Вамъ старики говорятъ: опасайтесь!
Лгутъ старики, ихъ зависть беретъ.

***

Трижды ура!—и нѣжно любите!
Чистый барышъ съ обѣихъ сторонъ;
Если примѣръ вы видѣть хотите,
Я не таюсь, я смертельно влюбленъ!
Сердцемъ, душою жизнью всею,
Рѣзвую Лилу люблю я мою;
Что-же? люблю и счастливъ я ею;
Счастливъ, люблю я и пѣсни пою!

Дерптъ. В. Даль.

Въ ряду статей и воспоминаній о В. И. Далѣ не лишена интереса статья его товарища по службѣ во флотѣ г. Завалишина, помѣщенная въ № 254 газеты „Сынъ Отечества“ 1873 года въ извлеченіи изъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Напомнимъ, что у Владиміра Ивановича Даля находился знаменитый кабалестическій перстень, которымъ нѣкогда весьма дорожилъ А. С. Пушкинъ. Объ этомъ перстнѣ П. В. Анненковъ писалъ такъ:

„Поэтическая способность Пушкина должна была ему самому казаться неизъяснимымъ предопредѣленіемъ, потому что, если обширное чтеніе, образованность, размышленіе давали ей матеріалы и пищу, то породить ее были не въ силахъ. Онъ такъ хорошо чувствовалъ это, что, по извѣстной склонности своей къ суевѣрію, соединялъ даже талантъ свой съ участью перстня, испещреннаго какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимаго имъ. Перстень этотъ находится теперь (1855 г.) во владѣніи В. И. Даля. (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 1855 г., томъ I, стр. 179).

Любопытно знать — куда поступилъ этотъ перстень послѣ кончины В. И. Даля,—кажется, въ Румянцевскій музей въ Москвѣ.

Сообщ. 28-го января 1873 г. **И. Н. Божеряновъ.**

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ въ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

VII [1]).

Когда г. Ширяй отпустилъ всѣхъ своихъ гостей, онъ взялъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ подлѣ себя и сказалъ, что очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ, такъ какъ онъ имѣетъ надобность посовѣтоваться со мною насчетъ его больнаго брата, уже двадцать пять лѣтъ умалишеннаго. Онъ разсказалъ мнѣ, что ихъ было только два брата, состояніе ихъ слѣдовало раздѣлить между ними поровну, если-бы не помѣшательство его старшаго брата, нѣкогда служившаго при дворѣ императрицы Екатерины II. Съ тѣхъ поръ, что братъ его лишился разсудка, онъ содержитъ его въ отдѣльномъ строеніи, гдѣ къ нему приставлены сторожа, надзирающіе за нимъ и днемъ и ночью. Г. Ширяй полагалъ, что, спустя столько лѣтъ, выздоровленіе брата его невѣроятно, и доктора признали его неизлечимымъ. Но для того, чтобы состояніе ихъ перешло въ его руки, необходимо медицинское удостовѣреніе черниговскаго физиката

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475; т. LXXII, октябрь, стр. 39 — 60; декабрь, стр. 565 — 586; изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 51—58; февраль, стр. 339—363.

въ неизлечимости больнаго,—удостовѣреніе, которое долженъ подтвердить и губернаторъ. Для этого надлежитъ больнаго везти въ Черниговъ; между тѣмъ, въ настоящую пору помѣшанный еще и нездоровъ; такъ въ состояніи-ли онъ будетъ совершить путешествіе въ двѣсти верстъ? И г. Ширяй повелъ меня затѣмъ къ брату.

Я нашелъ въ немъ мужчину очень похожаго на брата своего, и только годомъ его моложе. На немъ былъ халатъ, котораго онъ не замѣнялъ другимъ платьемъ во всѣ двадцать-пять лѣтъ. При входѣ моемъ, онъ вѣжливо подошелъ ко мнѣ и спросилъ по-французски о здоровьѣ императрицы Екатерины; упрашивалъ меня увѣрить ея величество въ преданности ея слуги, такъ какъ мнѣ она непремѣнно повѣритъ. Я не зналъ, что сказать. Онъ, между тѣмъ, продолжалъ болтать свое о временахъ Екатерины: называлъ имена Потемкина, Орлова, Румянцова, Завадовскаго; потомъ увѣрялъ меня, что изъ всѣхъ любимцевъ государыни, я самый для нея дорогой. Говорилъ, что наканунѣ онъ завтракалъ съ графомъ Орловымъ, и что черезъ два часа графъ привезетъ ему указъ императрицы о пожалованіи его въ канцлеры. Но тутъ онъ внезапно пришелъ въ ярость, заговорилъ по-русски и по-нѣмецки, и громко приказывалъ дать кому-то 600 ударовъ розогъ. Стихнувъ понемногу, онъ снялъ со стѣны скрипку и заигралъ не дурно насколько осталось у него прежняго музыкальнаго таланта. Изъ всего, что я могъ примѣтить, я заключилъ о полнѣйшемъ помѣшательствѣ, въ связи съ неотступнымъ воспоминаніемъ объ императрицѣ Екатеринѣ.

По желанію г. Ширяя, я произвелъ діагнозъ состоянія здоровья больнаго, который не противился этому испытанію, и я нашелъ, что онъ расположенъ къ водяной. Мы хотѣли уже идти, какъ онъ снова подозвалъ меня, называя меня государыни любимцемъ, и просилъ увѣрить императрицу въ его преданности.

Когда мы вышли отъ него, г. Ширяй спросилъ меня, какъ я нашелъ его брата. Я отвѣчалъ, что надѣюсь облегчить его положеніе, а что касается до желаемой поѣздки въ Черниговъ, то, благодаря хорошей весенней погодѣ, больной легко выдержитъ это путешествіе, кромѣ того, что оно можетъ еще принести ему пользу. Онъ признался мнѣ, что было время, когда братъ его казался въ такой опасности и такъ близокъ къ концу своему, что онъ уже велѣлъ приготовить все нужное для его погребенія. Онъ повелъ меня въ чуланъ, гдѣ все это было собрано: бархатный пунцовый гробъ съ позолотою, парчевой покровъ, погребальныя свѣчи, служи-

тельскіе траурные плащи и круглыя шляпы съ широкими полями и чернымъ крепомъ. Видъ этихъ предметовъ такъ меня поразилъ, что я подумалъ, ужъ не зараженъ-ли и другой братъ нѣкоторымъ помѣшательствомъ?

Въ тотъ-же день г. Ширяй и жена его предложили мнѣ ѣхать съ ними въ Черниговъ, но какъ я не могъ дать согласія безъ вѣдома г. Скорупы, то послѣдній и разрѣшилъ мнѣ ѣхать съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи изъ Чернигова, ѣхать опять къ нему. На другое утро гг. Скорупа и Скляревичъ выѣхали изъ имѣнія г. Ширяя, а я остался при немъ.

Дѣлались приготовленія къ дорогѣ. Больнаго надлежало посадить въ карету съ тремя слугами. Жена г. Ширяя ѣхала съ дѣтьми въ одной коляскѣ, а самъ онъ со мною въ другой. За нами слѣдовали еще люди въ разныхъ повозкахъ. Взято было двадцать восемь почтовыхъ лошадей. Немалаго труда стоило одѣть больнаго въ непривычное для него платье. Такъ какъ онъ упрямился, то прибѣгли къ выдумкѣ. Сочинили мнимый указъ императрицы, которымъ она жаловала его въ канцлеры, одѣли родственника дома въ старый генеральскій костюмъ и, давъ ему въ помощь нѣсколько солдатъ, стоявшихъ въ деревнѣ на квартирахъ, впустили его къ больному съ сочиненнымъ указомъ и заставили сказать, что императрица требуетъ его немедленно въ Петербургъ. Больной распечаталъ указъ, прочелъ его и готовъ былъ тотчасъ ѣхать. Но какъ онъ все-таки не хотѣлъ одѣваться, то приказано было солдатамъ, въ видѣ угрозы, ударить ружьями объ полъ. Стукъ этотъ испугалъ больнаго; онъ присмирѣлъ и далъ себя одѣть. Въ дорогѣ не разъ нападало на него бѣшенство и приходилось его укрощать. Но зато прохожимъ онъ не давалъ покоя, ругая встрѣчнаго всякими словами. По временамъ онъ успокоивался и смотрѣлъ молча на встрѣчавшіеся предметы. Разъ утромъ, при смѣнѣ лошадей въ какомъ-то городкѣ, одинъ обыватель съ любопытствомъ осматривалъ остановившіеся экипажи. Глядя на первую карету, онъ не воображалъ, конечно, какого рода особа въ ней заключена; какъ вдругъ помѣшанный напустился на него съ самыми обидными ругательствами. Тотъ вознегодовалъ, объявляя, что онъ дворянинъ и почетное лицо, и велитъ его арестовать. Съ трудомъ увѣрили мы этого господина, что тотъ, кто его ругаетъ,—сумасшедшій. Послѣ нѣскольких другихъ подобныхъ случаевъ, мы прибыли въ Черниговъ.

Губернаторъ и съ нимъ члены физиката посѣтили больнаго. Спустя три дня, готово было и законное свидѣтельство о гражданской смерти брата г. Ширяя, и послѣ новыхъ сопротивленій боль-

наго, мы привезли его обратно въ Гордѣевку. Меня очень благодарили за мои услуги и проводили затѣмъ въ Мглинъ.

Предводитель и братъ его обрадовались моему возвращенію и, нѣсколько недѣль сряду, мы провели въ городѣ. Въ это время, въ одно утро, подъѣзжаетъ къ предводителю въ каретѣ шестернею пожилой полякъ, по фамиліи Галинскій, одѣтый въ свой національный костюмъ. Какъ мнѣ разсказывали послѣ, онъ пріѣзжалъ благодарить предводителя за донесеніе, сдѣланное этимъ императору Александру о томъ, что черезъ уѣздный городъ, находящійся въ его вѣдѣніи, и мимо его дома провозили награбленное казаками, по приказанію графа Петра Гудовича, въ имѣніи Галинскаго всякаго рода имущество. Я разскажу этотъ случай такъ, какъ передавали его мнѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1812 г. графу Николаю Гудовичу поручено было набрать до 40,000 людей въ ополченіе, въ имѣніяхъ помѣщиковъ Черниговской губерніи, и назначить офицерами въ этотъ корпусъ нѣсколькихъ дворянъ. Въ то время употреблялись всевозможные способы для отраженія французовъ, и всякій, по желанію, могъ вступить въ партизаны. Такимъ образомъ, братъ Николая Гудовича, генералъ-маіоръ Петръ Гудовичъ, вызвался быть его помощникомъ и назвалъ себя дежурнымъ генераломъ. Какъ ни просты были обмундировка и вооруженіе этого ополченія, однако, все-таки, нельзя было его устроить въ очень короткое время; къ тому-же, не доставало лошадей. Оттого, когда фельдмаршаломъ Кутузовымъ повелѣно было графу Николаю Гудовичу въ назначенный имъ день быть въ Могилевѣ для того, чтобы помѣшать отступленію французовъ, графъ рѣшился съ 30,000 набранными казаками двинуться по назначенію, предоставляя брату пополнить это число 10 тысячами и затѣмъ присоединиться къ нему. Такъ и было сдѣлано. Но едва младшій Гудовичъ вступилъ съ войскомъ своимъ въ Литву, какъ началъ грабить польскихъ помѣщиковъ, обирая ихъ дочиста и отправляя награбленное въ свое имѣніе, лежавшее за Мглиномъ. Тутъ было все: оружіе, серебро, мебель, экипажи, съѣстные припасы, водка, стада, заводскія лошади, полотна и сукна фабричныя и т. д. Между прочимъ, похищена была дорогая, украшенная брильянтами сабля въ 60 тысячъ рублей, даръ Петра Великаго дѣду Галинскаго, подъ предлогомъ, что она можетъ послужить оружіемъ противъ русскихъ. Офицеры ополченія не отставали отъ своего начальника и также безсовѣстно грабили на свою руку. Г. Галинскій исчислилъ предводителю всѣ свои потери, предлогомъ этого грабежа служило намѣреніе не оставлять ничего

въ добычу французамъ и помѣшать полякамъ въ поданіи помощи непріятелю; но вѣдь Галинскій былъ преданъ императору Александру и четверо его сыновей служили въ гвардіи; наконецъ, весь его образъ дѣйствія въ трудномъ положеніи, въ которомъ находились поляки, угрожаемые и французами и русскими, не обнаружилъ и тѣни измѣны съ его стороны. Какъ-бы ни было, въ настоящихъ обстоятельствахъ для Галинскаго важно было свидѣтельство графа Гудовича, что въ помѣстьяхъ его не было сдѣлано никакихъ приготовленій для пріема французовъ. Но графъ отнѣкивался, не давалъ свидѣтельства, по крайней мѣрѣ, по извѣстной жадности своей, согласился дать его только съ однимъ условіемъ, чтобы Галинскій отдалъ ему десять пудовъ своего серебра. Гудовичъ воображалъ, что Галинскій станетъ просить уступки, и очень удивился, когда тотъ согласился на условіе, не сдѣлавъ ни одного возраженія. Бумага была подписана и серебро доставлено. Но когда при вѣшаніи серебра оказался недостатокъ въ нѣсколько фунтовъ, которые графъ требовалъ пополнить, то Галинскій заплатилъ деньгами цѣнность недостающаго. Все это происходило въ имѣніи Галинскаго, въ его домѣ, которымъ графъ завладѣлъ. Наконецъ, графъ уѣхалъ, а Галинскій со свидѣтельствомъ отправился въ другое свое имѣніе. Тутъ онъ замѣтилъ, что въ свидѣтельствѣ не доставало какой-то формальности. Предвидя, что графъ и эту даромъ не выполнитъ, онъ надѣлъ на палецъ дорогой перстень въ пять тысячъ рублей, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ графу. Изъ опасенія какой-нибудь новой плутни, Галинскій, не слѣзая съ лошади, просилъ вызвать графа на балконъ, но графъ, какъ и ожидалъ того Галинскій, не согласился исправить свидѣтельство. Тогда Галинскій обѣщалъ подарить ему перстень, если онъ исполнитъ его просьбу. Графъ взялъ бумагу, а когда вернулся съ нею, не хотѣлъ давать ее Галинскому прежде нежели этотъ не вручитъ ему перстня; наконецъ, оба обмѣнялись тѣмъ, что держали въ рукахъ. Галинскій отъѣхалъ на нѣкоторое разстояніе, потомъ сталъ и громко закричалъ Гудовичу: „Прощай, графъ, теперь ты въ моихъ рукахъ: черезъ эту бумагу мнѣ воротятъ все то, что ты у меня награбилъ". И затѣмъ онъ ускакалъ.

Гг. Скорупа обошлись съ Галинскимъ съ большимъ уваженіемъ; онъ пробылъ у нихъ цѣлый день. По отъѣздѣ его, предводитель, разсказавъ мнѣ какъ дѣло было, прибавилъ:

„Трудно повѣрить, что этотъ графъ, который низостями своими безчеститъ русское дворянство, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ достойнѣйшей фамиліи, члены которой служили государству

съ отличіемъ и преданностію. У него пять братьевъ. Старшій былъ генералъ-адъютантомъ при особѣ Петра III, и былъ чрезвычайно ему преданъ; другой, фельдмаршалъ, побѣдитель при Анапѣ; третій, генералъ-лейтенантъ, живетъ въ отставкѣ въ нашемъ уѣздѣ, мы уважаемъ его глубоко за честный и прямой его характеръ; четвертый тотъ, что въ Могилевѣ, безъ вѣдома котораго братъ его поступилъ такъ безсовѣстно съ Галинскимъ. Но онъ будетъ строго наказанъ. Говорятъ, будто императоръ Александръ сказалъ, что онъ заслуживаетъ висѣлицы; онъ будетъ разжалованъ; изъ имѣнія его будетъ выплачено все награбленное у Галинскаго, а остальное перейдетъ къ братьямъ его".

6-го мая г. Скорупа получилъ отъ жены г. Ширяя письмо, въ которомъ она просила его отпустить меня къ ней для поданія помощи ея заболѣвшему мужу. Присланъ былъ и экипажъ. Г. Скорупа просилъ меня отправиться немедленно. Къ вечеру я уже былъ въ Гордѣевкѣ. Я нашелъ домъ освѣщеннымъ, почти какъ въ день бала, но это освѣщеніе было похоронное.

Я вошелъ въ залу, въ которой стоялъ катафалкъ, окруженный множествомъ зажженныхъ свѣчей. Въ гробу лежало тѣло покойнаго, одѣтаго въ бѣлый гвардейскій мундиръ, и надъ нимъ священникъ читалъ молитвы. Полъ былъ устланъ ельникомъ, и много крестьянъ толпилось въ залѣ. Вдова съ семействомъ своимъ удалилась въ сосѣднее имѣніе, а за ними послѣдовалъ и полковникъ Эскюдье. Меня принялъ дворецкій и еще какіе-то незнакомые мнѣ господа, съ которыми меня посадили ужинать. Мнѣ разсказали, что покойникъ умеръ наканунѣ отъ удара, послѣ посѣщенія черниговскаго архіепископа, который былъ возведенъ въ санъ петербургскаго митрополита. Проѣздомъ въ столицу, это духовное лицо остановилось въ имѣніи г. Ширяя, съ которымъ оно было въ дружбѣ. Хозяинъ угощалъ его и свиту въ теченіе трехъ дней; потомъ проводилъ гостей до первой станціи. Но едва архіепископъ отъѣхалъ, какъ съ г. Ширяемъ случился ударъ. Его повезли домой еще съ признаками жизни, а черезъ нѣсколько часовъ, не смотря на поданную мѣстнымъ врачемъ помощь, онъ умеръ. Такимъ образомъ, всѣ сдѣланныя имъ для брата похоронныя приготовленія были употреблены для него.

Я навѣстилъ помѣшаннаго Ширяя и нашелъ его въ лучшемъ состояніи здоровья. Какъ въ первый разъ, онъ признавалъ меня за фаворита Екатерины и повторилъ тѣ-же сцены мономаніи. Онъ понятія не имѣлъ о смерти брата.

На другой день я возвратился въ Мглинъ, но не засталъ тамъ

господъ Скорупа; оба брата уѣхали на свадьбу къ какимъ-то сосѣдямъ. Дворецкому было приказано быть внимательнымъ ко мнѣ, и этотъ полякъ служилъ мнѣ, какъ-бы я былъ его баринъ. Нѣсколько дней я провелъ одинъ, навѣщая только нашихъ офицеровъ, съ которыми прогуливался по городу. Одинъ изъ нашихъ, квартировавшій у богатаго купца [1]), выучился у него читать по русски, и мало по малу въ состояніи былъ разговаривать съ своимъ хозяиномъ. Этотъ-же купецъ то и дѣло, что разсказывалъ ему разные ужасы о войнѣ. То Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ и въ цѣпяхъ привезенъ въ Москву, то будто ему оторвало ногу ядромъ, то онъ застрѣлился, наконецъ, маршалы Ней, Макдональдъ, Викторъ и другіе убиты, и проч. и проч. Я, конечно, успокоилъ офицера, зная очень хорошо, что все это были выдумки. Въ домъ г. Скорупа извѣстія доходили вѣрныя.

Въ одно утро, гуляя съ товарищами по улицѣ, я услыхалъ звонъ колокольчика дорожнаго экипажа; а какъ мы уже прошли улицу, откуда раздавался звонъ, то я полюбопытствовалъ посмотрѣть, кто-бы это пріѣхалъ въ городъ, не господинъ-ли Скорупа, и воротился.

Дѣйствительно, это былъ онъ: я узналъ его коляску. Увидавъ меня, онъ подозвалъ меня и сказалъ, что пріѣзжалъ за мною, но, не заставъ меня, поѣхалъ было одинъ, а именно къ сосѣднему помѣщику г. Рославцу, съ которымъ хотѣлъ меня познакомить. Я отвѣчалъ, что, не будучи прилично одѣтъ, не могу въ сію минуту ѣхать съ нимъ. Тогда онъ возвратился со мною домой, гдѣ я облекся въ мундиръ, послѣ чего мы поѣхали. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, какъ о причинѣ послѣдствій, измѣнившихъ

---

[1]) Этотъ купецъ торговалъ пенькою, которой очень много выдѣлываютъ въ Малороссіи; каждая деревня тамъ окружена конопляными полями. Было время, особенно, когда англичане не утвердились еще въ Восточной Индіи, эта статья давала обильный доходъ. Пеньку отправляли въ порты Балтійскаго и Чернаго морей. Потомъ эта торговля упала, такъ какъ въ Азіи оказалось огромное количество пеньки. Разсказываютъ, что въ царствованіе Екатерины II, англійскія суда пришли въ Петербургъ для закупки пеньки, но цѣна, которую спрашивалъ здѣшній купецъ, показалась имъ высока, и они собрались уѣхать, будто-бы въ увѣренности, что найдутъ пеньку дешевле и въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, купецъ попросилъ позволенія сжечь половину товара; это дошло до Екатерины и она согласилась. Англичане, увидавъ пожаръ, воротились и согласились на уступки. Но купецъ требовалъ теперь уже двойную цѣну, и англичане, находясь тогда въ войнѣ съ Франціею, принуждены были выплатить тѣ самые два милліона, которые требовалъ купецъ первоначально. Авт.

мою участь. Если-бъ не звонъ колокольчика, который заставилъ меня воротиться, я не имѣлъ-бы случая познакомиться съ семействомъ, черезъ чье покровительство миновала для меня опасность дальней ссылки и положеніе мое значительно улучшилось. Такъ иногда въ жизни человѣческой какое-нибудь ничтожнѣйшее обстоятельство влечетъ за собою перемѣну судьбы!

15-го мая (1813 г.), проѣхавъ верстъ пятнадцать, прибыли мы въ большое село, на концѣ котораго стоялъ старинный господскій домъ, въ два этажа, осѣняемый высокими деревьями. Мы въѣхали въ большой дворъ, окруженный службами и различными строеніями. Хозяинъ дома, г. Рославецъ, полковникъ ополченія, принялъ предводителя съ большимъ радушіемъ. Я былъ представленъ какъ французскій врачъ и другъ его. Эта рекомендація прибавила въ немъ уваженіе ко мнѣ. Г. Рославецъ былъ мужчина пятидесяти лѣтъ, сѣдой. Жена его казалась одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ. Какъ она, такъ и бывшія съ нею дамы оказывали мнѣ много учтиваго вниманія. Я очень обрадовался, встрѣтивъ тутъ и нашего маіора Бретона. Онъ представилъ меня сыну хозяина, молодому человѣку лѣтъ 18-ти, по имени Жозефъ. Бретонъ расхваливалъ мнѣ это семейство, въ которомъ его почитали какъ роднаго. Онъ сообщилъ мнѣ, что на другой день будутъ имянины хозяйки, и по этому случаю съѣдется большое общество. Комнаты были довольно просторны, но меблированы просто и лишены всякаго украшенія. За домомъ былъ большой и красивый садъ.

На другое утро начали съѣзжаться гости, иные въ щегольскихъ экипажахъ шестернею съ форейторомъ, по обычаю знатныхъ людей, и, наконецъ, набралось до шестидесяти человѣкъ. Изъ дамъ особеннымъ вниманіемъ пользовалась молодая дѣвица лѣтъ 25-ти, графиня Гудовичъ, родственница хозяина дома. Не отличаясь особенною красотою, блондинка, она привлекала кротостью выраженія голубыхъ глазъ и всей физіономіи. Какъ она была ко всѣмъ внимательна, такъ и къ ней были предупредительны. Послѣ закуски направились въ столовую. Графиню повелъ хозяинъ дома, прочихъ дамъ другіе господа, и, какъ обыкновенно, дамы сѣли по одну сторону, мужчины по другую. Обѣдъ былъ обильный, но не изысканный, и столъ не былъ богатъ серебромъ, что доказывало посредственное состояніе г. Рославца. Зато между гостями господствовало веселье и провозглашено было много тостовъ. Послѣ обѣда, когда всѣ перешли въ гостиную, полковникъ Рославецъ попросилъ меня подойти къ графинѣ, такъ какъ она желала поговорить со мною. Она очень любезно посадила меня около себя и стала говорить,

что, слышавъ обо мнѣ отъ г. Скорупы, она желала со мною познакомиться, чтобъ просить меня побывать у ея отца, который, уже нѣсколько лѣтъ сряду, нездоровъ. Я благодарилъ искренно за все это вниманіе, но объяснилъ, что не вправѣ никуда отлучиться безъ вѣдома предводителя. Она тотчасъ-же подозвала его къ себѣ. Они заговорили по-русски и я замѣтилъ, что просьба графини была принята, какъ приказаніе, потому что г. Скорупа поспѣшилъ ее увѣрить, что онъ самъ отправитъ меня къ ея отцу.

Вскорѣ въ залѣ послышалась музыка. Оркестръ этотъ принадлежалъ дядѣ графини, тому самому Петру Гудовичу, который грабилъ поляковъ. Между гостями было много хорошенькихъ дѣвицъ, отличавшихся нряднымъ туалетомъ и свѣтскостью. Балъ открыли полонезомъ. Въ первой парѣ находились хозяинъ дома съ графинею. Послѣ полонеза пошли танцы, въ которыхъ и меня съ маіоромъ просили принять участіе. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что графиня мнѣ не откажетъ, если я ее ангажирую, и я имѣлъ честь протанцовать съ нею вальсъ. Балъ былъ очень оживленъ; продолжался и послѣ ужина.

VIII.

Приглашеніе графа Гудовича.—Я поселяюсь въ его домѣ.—Графъ ручается за меня.—Я забываю и не чувствую своего плѣна.—Посѣщенія съ графинею сосѣдей.—Ивановка-село, принадлежащее Петру Гудовичу: готическій замокъ и китайскій домикъ.—Посѣщеніе г. Покровскаго: собраніе карикатуръ на французовъ; домашній шутъ.—Кампанія 1813 г.—Прокламація шведскаго наслѣднаго принца Бернадота о всеобщемъ европейскомъ союзѣ противъ Франціи.—Дрезденское сраженіе.—Маршалъ Моро.—Убійство помѣщика крѣпостными людьми.—Лейпцигское сраженіе.—Князь Понятовскій.—Сраженіе подъ Парижемъ.—Всеобщій миръ.—Освобожденіе плѣнныхъ.—Французы-плѣнники готовятся къ отъѣзду во Францію. — Маіоръ Бретонъ и я выражаемъ графу Гудовичу и дочери его глубочайшую признательность за ихъ гостепріимство.—Бретонъ посвящаетъ имъ благодарственное стихотвореніе.—Прощаніе съ графомъ Гудовичемъ и его дочерью.

1813 $\frac{\text{мая 18-го}}{\text{іюня 5-го}}$ 1814 гг.

На второй день по возвращеніи въ Мглинъ, 18-го мая, я отправился къ графу Гудовичу, отблагодаривъ г. Скорупу за доброе его расположеніе ко мнѣ [1]). Я думалъ найти прекрасный господскій домъ,

---

[1]) Графъ Василій Васильевичъ Гудовичъ, о которомъ разсказываетъ здѣсь и далѣе Де-ла-Флизъ, возведенъ въ графское достоинство 12-го декабря

но вмѣсто того, проѣхавъ деревню, очутился передъ низкимъ домомъ въ одинъ этажъ, но приличный и окруженный службами, передъ которыми, какъ и передъ домомъ, посажены были деревья, тогда какъ середину двора занималъ большой лугъ. Графъ встрѣтилъ меня съ необыкновенною любезностью. Это былъ старикъ съ побѣлѣвшими волосами, высокаго росту, лѣтъ 64; онъ былъ въ гражданскомъ платьѣ, не смотря на чинъ генералъ-лейтенанта. Онъ повелъ меня черезъ большую залу въ гостиную; комнаты были меблированы не богато, но со вкусомъ, обиты изящными обоями, и стѣны украшены гравюрами. Графъ повторилъ мнѣ то, что говорила мнѣ его дочь о его желаніи со мною познакомиться, и благодарилъ меня за посѣщеніе. Вскорѣ вышла графиня, и оба во время бесѣды очаровали меня своею любезностью и вниманіемъ ко мнѣ. Дворецкій доложилъ объ обѣдѣ; графъ извинялся, что не можетъ отобѣдать съ нами, такъ какъ по болѣзни онъ соблюдаетъ діэту. Графиня предложила мнѣ свою руку и мы вышли въ столовую. Изъ всей обстановки стола, накрытаго голландскою скатертью и украшеннаго серебряными вазами, видно было, что хозяинъ знатный господинъ, не смотря на то, что состояніе его было ограниченнѣе многихъ другихъ богатыхъ, но не такого склада помѣщиковъ. Намъ прислуживали лакеи въ военной формѣ, по обычаю, заведенному въ домахъ, которыхъ хозяева служатъ въ военной службѣ. Послѣ обѣда, графъ повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ и сообщилъ мнѣ подробности своей хронической болѣзни, не позволяющей ему далекихъ отлучекъ изъ дому. Я обѣщалъ помочь ему всѣми силами.

Я провелъ самый пріятный вечеръ въ обществѣ почтеннаго старика и его дочери, и не могъ нарадоваться моему счастію жить подъ одною кровлею съ такими прекрасными людьми. Графъ отдалъ въ мое распоряженіе хорошенькую комнату, по близости его спальни. Я прописалъ графу леченіе, и удивлялся довѣрію и аккуратности, съ какими онъ исполнялъ всѣ мои предписанія, хотя онъ едва зналъ меня. Эта самая точность принесла ему желаемую пользу, особенно замѣтную спустя нѣсколько недѣль, но радикальное излеченіе казалось мнѣ невозможнымъ, по причинѣ престарѣлости больнаго. Но я затрудняюсь описать, какъ велика была благодарность

1809 г., былъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и отъ брака съ Евдокіею Константиновною Лисаневичъ имѣлъ трехъ дочерей: Анастасію—за Андр. Ив. Маркевичемъ; Екатерину—за Павломъ Григорьевичемъ Галаганомъ и графиню Варвару Васильевну, и двухъ сыновей: генер.-маіора гр. Василія Васильевича и генер.-маіора Михаила Васильевича Гудовичъ. Ред.

графа и дочери ко мнѣ за ту пользу, которую я принесъ; каждый день я получалъ новые знаки ихъ великодушія ко мнѣ.

У графа было пятеро дѣтей, которыхъ онъ нѣжно любилъ. Старшій сынъ былъ полковымъ командиромъ, и женатъ на дочери генерала Энгельгардта; подъ Можайскомъ раненъ пулею въ подбородокъ съ раздробленіемъ челюсти, однако рана его уже заживала; второй сынъ служилъ капитаномъ въ гвардіи. За ними слѣдовали три дочери: одна изъ нихъ была за предводителемъ дворянства въ Прилукахъ, г. Маркевичемъ; другая, дѣвица, жила въ Петербургѣ у одного изъ дядей своихъ; третья-же, новая Антигона, посвятила себя попеченію объ отцѣ.

Я провелъ въ домѣ графа уже нѣсколько недѣль, и еще болѣе убѣдился въ томъ, какъ уважали его сосѣди. Изъ уваженія къ нему общество, собиравшееся у него, оказывало и мнѣ вѣжливое вниманіе. Разъ только случилось мнѣ испытать непріятности со стороны одного отставнаго раненаго поручика, по фамиліи Александровича, который, ни съ того, ни съ сего, далъ мнѣ почувствовать свое презрѣніе къ французамъ, ругалъ Наполеона, хвасталъ, что повѣсилъ у себя портретъ его вверхъ ногами. Ясно было, что этотъ поручикъ не получилъ никакого воспитанія. На всѣ его выходки я отвѣчалъ усмѣшкою и тоже нелестными для него отзывами. Я думалъ, что этимъ и кончится; нѣтъ, онъ продолжалъ приставать ко мнѣ съ новыми грубостями, такъ что я готовъ былъ вспылить, какъ ни было мнѣ непріятно производить сцены въ такомъ почтенномъ домѣ. Однако, графъ Гудовичъ успѣлъ замѣтить мое неудовольствіе и, неожиданно для поручика, кликнулъ его; потомъ, взявъ его въ сторону, выговаривалъ ему его обращеніе со мною, потомъ принудилъ его извиниться передо мною. Такъ какъ въ Россіи, по заведенному военному чинопочитанію, младшій обязанъ повиноваться старшему, а тѣмъ болѣе, человѣку въ чинѣ генералъ-лейтенанта, то мой поручикъ, смущенный, подошелъ ко мнѣ, не зная, что мнѣ сказать; но какъ я отошелъ отъ него съ презрѣніемъ, онъ рѣшился остановить меня и сказалъ: „Извините, если я погорячился, его сіятельство правъ, говоря, что вы не можете быть нашимъ непріятелемъ, коль скоро вы безоружны. Я виноватъ; я не полагалъ, чтобы васъ здѣсь такъ любили. Такъ извините меня“.

Тутъ графъ самъ подошелъ къ намъ, прося меня не сердиться на поручика, который, какъ онъ прибавилъ, потому озлобленъ противъ французовъ, что ихъ оружіемъ онъ раненъ; потомъ продолжалъ: „Я никому не позволю забыться передъ вами въ моемъ домѣ. А теперь, какъ вашъ противникъ раскаивается въ своихъ словахъ,

простите ему". И, по желанію графа, мы пожали другъ другу руки. Не только графъ, но и вообще всѣ гости, особенно дамы, заступились за меня; поручикъ такъ былъ пристыженъ, что не замедлилъ удалиться, послѣ чего я уже никогда болѣе его не видалъ.

Давно уже я не имѣлъ никакихъ извѣстій о предводителѣ и его братѣ, какъ, 30-го числа мая, призвалъ меня къ себѣ графъ и объявилъ, что г. Скорупа писалъ ему о необходимости вызвать меня обратно въ Мглинъ, откуда высшимъ начальствомъ повелѣно отправить колонну плѣнныхъ въ Житомиръ. Это извѣстіе крайне меня огорчило, но не менѣе, какъ я замѣтилъ, было чувствительно и графинѣ. Она стала по-русски упрашивать отца постараться удержать меня у себя, такъ какъ я содѣйствовалъ поправленію его здоровья. Тогда графъ сказалъ мнѣ: „Я сдѣлаю все возможное, чтобы вы насъ не оставляли все время, что будете считаться въ плѣну; я поручусь за васъ". Въ ту-жъ минуту онъ послалъ за своимъ секретаремъ и продиктовалъ ему письмо, которое и было отправлено въ Черниговъ съ нарочнымъ. Я искренно благодарилъ графа за его милости, но еще не смѣлъ надѣяться на успѣхъ, и тревожился Графиня старалась меня успокоить, увѣряя, что едва-ли такому лицу, какъ ея отецъ, откажутъ въ докторѣ, кто-бы онъ ни былъ. Она не ошиблась. Пять дней спустя, изъ Чернигова пріѣхалъ нарочный и привезъ пакетъ отъ губернатора, въ которомъ заключался ордеръ мглинскому предводителю объ оставленіи меня при графѣ, генералъ-лейтенантѣ, Василіи Гудовичѣ, и при этомъ частное письмо къ графу на французскомъ языкѣ, съ котораго я, съ позволенія графа, списалъ копію. Оно было слѣдующаго содержанія:

„Черниговъ, 4-го іюня, 1813 г. Графъ Василій Васильевичъ, прилагаю при семъ ордеръ предводителю дворянства Мглинскаго уѣзда Александру Павловичу Скорупѣ, который прошу васъ немедленно переслать къ нему о томъ, чтобы французскій врачъ, которымъ вы интересуетесь, согласно съ желаніемъ вашимъ, оставался-бы при васъ до заключенія мира.

Я счастливъ тѣмъ, что могу оказать услугу вашему сіятельству, тѣмъ болѣе, что вы изволите мнѣ писать о той пользѣ, которую докторъ этотъ принесъ вашему здоровью, и никто болѣе меня не желаетъ вамъ этого блага Я никогда не забуду того милостиваго расположенія, которое вы изволили мнѣ оказывать во время моего служенія подъ вашимъ начальствомъ. Честь имѣю быть и пр. Б. Бутовичъ".

Я не умѣлъ найти довольно сильныхъ словъ, чтобы выразить графу мою благодарность. Графиня ликовала, говоря, что она не сомнѣвалась въ успѣхѣ. Итакъ я уже безусловно могъ оставаться въ домѣ графа до тѣхъ поръ, пока не кончится война.

Графъ получалъ нѣсколько русскихъ газетъ, а для меня онъ выписалъ французскую С.-Петербургскую газету, которая называла себя безпристрастною; но на самомъ дѣлѣ слѣдовалобы откинуть первый слогъ слова и замѣнить его словомъ: очень (impartial—très-partial), такъ какъ въ ней проявлялись раздраженіе и ложь. Читая газету, я очень огорчался оборотомъ, который принимали дѣла. Если въ новой кампаніи успѣхъ былъ на сторонѣ французовъ, то газета такъ извращала ходъ сраженій, что выходило всегда, будто союзники брали верхъ. Убійственное сраженіе подъ Люценомъ, въ Саксоніи, газета выдавала за пораженіе Наполеона, такъ какъ побѣда его стоила ему 10,000 убитыхъ; кавалерія его погибла и вообще онъ не жалѣлъ людей, и сраженія его были не что иное, какъ безпощадная рѣзня. Извѣстіе о занятіи принцемъ Евгеніемъ и Макдональдомъ Дрездена доказывало, что Наполеонъ успѣлъ занять дороги въ Силезію, и, вѣроятно, одержалъ не одну побѣду, не смотря на потерю въ 12,000 людей и нѣсколькихъ пушекъ, случившуюся въ сраженіяхъ, данныхъ съ 19-го по 21-е мая 1813 г. въ Лузаціи. Во время чтенія этихъ газетъ, графъ, какъ бывалый воинъ, замѣтилъ мнѣ, что Наполеонъ и тутъ впадалъ въ такія-же ошибки, какія ознаменовали его прошлогодній походъ, такъ какъ упорнымъ преслѣдованіемъ русскихъ и пруссаковъ, отступавшихъ въ совершенномъ порядкѣ съ многочисленною кавалеріею, онъ удалялся отъ своихъ подкрѣпленій, между тѣмъ какъ союзники сближались съ своими.

Вскорѣ послѣ полученія письма черниговскаго губернатора, я узналъ, что наши плѣнные выѣхали изъ Мглина. Я жалѣлъ, что не успѣлъ проститься съ ними, особенно съ честнымъ Бретономъ, съ которымъ я было сдружился. Но какъ-же я удивился, когда онъ внезапно является ко мнѣ и объявляетъ, что г. Рославецъ испросилъ для него у черниговскаго губернатора позволеніе остаться при немъ, такъ какъ онъ, Бретонъ, по болѣзни, не въ состояніи слѣдовать за плѣнными. Итакъ, мы двое только изъ плѣнныхъ оставались въ Мглинскомъ уѣздѣ. Съ Бретономъ пріѣхалъ и молодой Рославецъ. Графъ и дочь его приняли Бретона съ большимъ уваженіемъ, а какъ онъ былъ человѣкъ умный, то имъ понравилось и общество его. Когда рѣчь зашла о политикѣ, безъ которой не обходился ни одинъ разговоръ, Бретонъ выражалъ свое мнѣніе такъ сдержанно, что графъ не могъ не остаться доволенъ имъ, хотя, какъ русскій, онъ не скрывалъ своей ненависти къ Наполеону. Коснулись и пожара Москвы. Графъ слишкомъ хорошо былъ извѣщенъ о томъ, что происходило, чтобы обвинять

въ пожарѣ французовъ, какъ вообще распространяли объ этомъ слухъ. Бретонъ говорилъ, что лично слышалъ, какъ Наполеонъ приказывалъ гвардіи отстаивать зданія отъ огня, и что безъ нихъ Воспитательный домъ, Кремль и много другихъ зданій сгорѣли-бы до тла, и еще болѣе спасли-бы, еслибъ пожарныя трубы не были раньше вывезены изъ Москвы. Однако, графъ не прощалъ Наполеону взрыва Кремля. По его мнѣнію, сожженіе Москвы было совершенно лишнею мѣрою противъ французовъ, потому что они и безъ этого не могли-бы удержаться въ этой столицѣ. Онъ увѣрялъ, что виновникомъ этого возмутительнаго рѣшенія былъ губернаторъ Ростопчинъ; никогда не было ему дано на это согласія императоромъ Александромъ.

„Мой братъ фельдмаршалъ [1]), говорилъ графъ, бывшій губернаторомъ въ Москвѣ до Ростопчина, увѣрялъ меня, что еслибъ онъ оставался начальникомъ города, то скорѣе наложилъ-бы на себя руки, нежели допустилъ-бы до такого посягательства на цѣлость столицы, каковому дѣянію постыдно давать названіе патріотизма“.

Разговоръ былъ прерванъ пріѣздомъ гостей. Пріѣхала помѣщица сосѣдней деревни, госпожа Туманская, съ двумя дочерьми, хорошенькими дѣвушками, съ голубыми глазами и черноволосыми. въ щегольскихъ туалетахъ. Онѣ были радушно приняты графомъ, и какъ дѣло было передъ обѣдомъ, то и попросили ихъ къ столу. Послѣ кофе пошли гулять въ садъ, и мы послѣдовали за дамами въ бесѣдку, гдѣ обыкновенно пили вечерній чай. Между дамами завязался веселый разговоръ. Пріѣзжія дѣвицы были воспитанницы Смольнаго монастыря, въ Петербургѣ, гдѣ, судя по ихъ любезности и граціи, онѣ получили отличное воспитаніе. Молодой Рославецъ, изъ желанія быть любезнымъ, впадалъ въ смѣшныя выходки, которыя забавляли дѣвицъ и вызывали ихъ умныя возраженія. Замѣтивъ на дѣвицахъ модные кожаные пояса, съ изображеніемъ скачущаго казака, Рославецъ спросилъ ихъ—любятъ-ли онѣ казаковъ? „Конечно, мы ихъ любимъ, отвѣчали онѣ, потому что они защищали свою родину. Сдѣлайтесь казакомъ, и мы васъ будемъ любить; въ настоящее время каждый русскій, тѣмъ болѣе молодой, долженъ служить своему государю: а тѣ, которые, подобно вамъ, остались подъ отцовскою кровлею, заслуживаютъ такого подарка: прялку и веретено, завернутыя въ зайчью шкурку“. Молодой человѣкъ понялъ, что шутки хороши въ извѣстныхъ

---

[1]) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (р. 1741 г., † 22-го янв. 1821 г.).

предѣлахъ, и потому оправдывалъ свое бездѣйствіе тѣмъ, что отецъ его еще находится на службѣ, а онъ, какъ сынъ, обязанъ оставаться при матери; но что онъ не дождется времени, когда ему позволено будетъ носить оружіе въ защиту своего отечества. Дѣвицы, разумѣется, похвалили его за это.

Я искалъ глазами нашего маіора Бретона, но онъ куда-то пропалъ. Разговоръ на тему защиты русскихъ отъ непріятеля продолжался, какъ вдругъ гдѣ-то недалеко раздался звукъ охотничьяго рога. Никто не понималъ, откуда эта музыка. Звуки очень явственно передавали извѣстную мнѣ охотничью арію изъ оперы: Генрихъ IV. Я подумалъ, что исполнитель какой-нибудь домашній музыкантъ, однако, графиня увѣряла, что такого въ ихъ домѣ нѣтъ. Молодой Рославецъ одинъ улыбкою своею доказывалъ, что музыкантъ ему извѣстенъ, хотя онъ тоже притворялся удивленнымъ. Любопытство заставило дамъ идти по направленію звуковъ, и что-же? Музыкантомъ, скрывавшимся за рощею, оказался Бретонъ. Я тѣмъ болѣе былъ удивленъ этому открытію, что никогда, съ тѣхъ поръ, что̀ я его зналъ, онъ не говорилъ о своемъ талантѣ. Онъ досталъ себѣ этотъ рогъ во время пребыванія своего въ домѣ Рославца, а намъ хотѣлъ сдѣлать пріятный сюрпризъ. Дамы попросили его повторить балладу. Музыка эта вызвала и графа изъ кабинета. Вскорѣ потомъ все общество возвратилось въ комнаты. Дамы перешли на половину графини, а мы остались съ графомъ. Разговоръ зашелъ о дѣвицахъ Туманскихъ. Бретонъ увѣрялъ, что онъ рѣдко встрѣчалъ во Франціи такихъ умныхъ, милыхъ и образованныхъ дѣвушекъ; онѣ говорили на четырехъ языкахъ и знали музыку.

Графъ разсказалъ намъ, что дѣвицы эти—дочери умершаго статскаго совѣтника, а вдова его владѣетъ небольшимъ помѣстьемъ по сосѣдству. Этому Туманскому Павломъ I поручено было везти въ ссылку въ Сибирь извѣстнаго нѣмецкаго писателя Коцебу, автора „Ненависти къ людямъ и Раскаянія“ и другихъ сочиненій. Туманскій обходился съ несчастною жертвою суровости и причудливости этого государя какъ прилично благородному человѣку. Потомъ, когда императоръ убѣдился въ несправедливости этой ссылки, тому-же Туманскому было поручено привезти его оттуда. „Въ настоящее время“, прибавилъ графъ, „Коцебу принимаетъ дѣятельное участіе въ составленіи манифестовъ и дипломатическихъ нотъ въ кабинетѣ императора Александра. По представленію Коцебу, помнящаго великодушное обращеніе съ нимъ Туманскаго, послѣдній былъ награжденъ чиномъ и дочери его

опредѣлены на казенный счетъ въ императорскій институтъ (Смольный монастырь). Отецъ ихъ умеръ два года тому, оставивъ очень посредственное состояніе, такъ что для молоденькихъ дѣвицъ до сихъ поръ еще не представлялись случаи выйти замужъ".

На другой день гости хотѣли было ѣхать домой, но графъ и графиня упросили ихъ остаться, и такимъ образомъ мы провели съ ними еще нѣсколько пріятныхъ дней. Время проходило въ музыкѣ и въ прогулкахъ.

По отъѣздѣ гостей, въ домѣ водворилась тишина, но время проходило безъ скуки. Я любилъ слушать графа, когда онъ разсказывалъ о турецкомъ походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, и анекдоты объ императрицѣ Екатеринѣ II, при которой онъ служилъ пажемъ.

Въ концѣ іюля 1813 г. газеты извѣстили, что маршалъ Даву и генералъ Вандомъ, 30-го мая, снова заняли городъ Гамбургъ, очищенный 12-го марта; 1-го іюня генералъ Лористонъ завладѣлъ Бреславлемъ, а 4-го заключено въ Плешвицѣ перемиріе между Наполеономъ и союзниками. По мнѣнію графа, это перемиріе могло только повредить Наполеону, хотя съ другой стороны оно было ему необходимо, чтобы имѣть время вызвать изъ Франціи подкрѣпленіе настолько значительное, насколько можно было-бы съ помощью его вознаградить свои потери, да еще прибавить новыя завоеванія. Впрочемъ, и силы союзниковъ огромны. Вся Германія возстала, рейнская конфедерація отпадаетъ: народъ сильно возбужденъ въ Голландіи, Швеціи, Тиролѣ и Италіи, и Велингтонъ беретъ верхъ въ южной Франціи. Изъ всѣхъ этихъ сообщеній надобно было заключить, что въ будущемъ предстоятъ большія несчастія. Эта мысль не давала мнѣ покоя, несмотря на безмятежную деревенскую жизнь, которую я велъ въ домѣ графа.

Однажды графиня предупредила меня, что черезъ недѣлю она будетъ праздновать имянины отца. Къ этому дню соберутся многіе родные и большое общество знакомыхъ, а какъ домъ не достаточно просторенъ, то на дворѣ разобьютъ военную палатку, бывавшую въ походахъ съ ея отцомъ. Ей хотѣлось для этого дня убрать столовую, и я вызвался помочь ей. Я предложилъ ей, такъ какъ пора была самая лѣтняя, убрать залу гирляндами живыхъ цвѣтовъ, которыми графскій садъ былъ полонъ. Наканунѣ имяинъ мы съ графинею занялись этимъ дѣломъ, когда графъ уже удалился въ свои комнаты. Было уже поздно, когда мы, съ помощью слугъ, окончили развѣшиваніе гирляндъ и вѣнковъ, и въ это-же время подъѣхали дочь и зять графа, Маркевичи, съ сыномъ

двѣнадцати лѣтъ. Съ ними пріѣхали еще двѣ родственницы. Графиня обрадовалась имъ, но не будила отца. Подали ужинъ и затѣмъ всѣ улеглись спать.

На другое утро я присоединился къ членамъ семейства для принесенія поздравленій графу. Это была трогательная сцена, такъ какъ дѣти его обожали и онъ былъ нѣжнѣйшимъ для нихъ отцомъ. Я познакомился съ г. Маркевичемъ, Андреемъ Ивановичемъ, предводителемъ дворянства Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Это былъ мужчина тридцати пяти лѣтъ, обыкновеннаго роста, съ благородною физіономіею. Графиня представила меня его женѣ, не красавицѣ, но очень пріятной и любезной дамѣ. Ихъ сынокъ говорилъ изрядно по-французски и, повидимому, былъ очень любознателенъ, потому что не выпускалъ изъ рукъ книги. Обѣ родственницы были молоденькія дѣвицы, одну звали Софьей Маркевичъ, другую Маріей (Машенькой) Аграновичъ. Обѣ были брюнетки, только первая была умнѣе. Къ полудню наѣхало много сосѣдей, изъ нихъ нѣкоторые очень богатые люди. Я запомнилъ нѣсколько фамилій: два брата Покорскіе, Ляшкевичъ, Савицкій, Соколовскій, Губчицъ, Рославецъ (три семейства), господа Скорупа. Словомъ, наѣхало до 60 человѣкъ. Все это общество, несмотря на нѣкоторую пестроту, отличалось хорошимъ тономъ.

Въ одно время съ Рославцами и Туманскими пріѣхалъ и капитанъ Бретонъ. Я весьма былъ радъ видѣть господъ Скорупа, которымъ я столько обязанъ; они жалѣли о моемъ отсутствіи изъ ихъ дома и просили меня навѣстить ихъ. Въ столовой всѣ любовались ея убранствомъ. Между прочимъ, отличался огромный вензель графа, составленный изъ васильковъ, что соотвѣтствовало и самому имени графа: Василій. Графиня и волоса свои убрала васильками, что очень было ей къ лицу. За обѣдомъ играла музыка. Здѣсь, не такъ какъ у г. Ширяя, общество не раздѣляли никакія несогласія; учтивости и любезности были искренни; не было такихъ группъ, гдѣ въ однѣхъ острили-бы насчетъ другихъ, возбуждая досаду и гнѣвъ.

Послѣ обѣда гуляли, покуда музыка не подала знака къ балу. Всѣ воротились въ домъ и начались танцы: кадрили, котильоны, мазурки, и я провальсировалъ съ графинею, которая совѣтовала мнѣ тоже ангажировать дѣвицу Маркевичъ и представила меня ей. Балъ продолжался до свѣта. Гости разъѣхались весьма довольные оказаннымъ имъ пріемомъ.

На другой день оставались только Бретонъ съ молодымъ Рославцемъ, семейство Туманскихъ, да семейство Маркевичъ.

Они оставались нѣсколько дней, и время проведено было очень пріятно въ веселой бесѣдѣ и музыкѣ. Когда Маркевичи уѣзжали, графиня вызвалась проводить ихъ верстъ двадцать пять и, взявъ съ собою компаньонку, просила позволеніе у отца отпустить и меня. Мнѣ случилось ѣхать въ обществѣ дѣвицъ Маркевичъ и Аграновичъ, которыя умною и любезною бесѣдою своею заставили меня забыть долгую дорогу. Онѣ говорили мнѣ, что мы ѣдемъ въ село Ивановку, имѣніе графа Петра Гудовича, гдѣ находился большой господскій домъ [1]). Въ этомъ самомъ домѣ насъ приняла полная, красивая нѣмка, женщина, которую графъ содержалъ и сдѣлалъ хозяйкою дома. Она повела насъ черезъ богатыя комнаты въ египетскую залу, такъ названную по отдѣлкѣ и убранству въ египетскомъ вкусѣ: тутъ были картины, изображавшія пирамиды, были сфинксы, и подъ ними іероглифическія надписи. Вскорѣ по входѣ нашемъ, раздалась музыка. Намъ подали чай на серебряномъ сервизѣ. Я обратилъ вниманіе на лежавшій передъ нами большой серебряный подносъ съ гербомъ, изображавшимъ три стрѣлы и надъ ними корону. Это не былъ гербъ семейства Гудовичъ, такъ какъ ихъ гербъ: разрушенная крѣпость и литера А (т. е. Анапа), былъ мнѣ знакомъ. Я спросилъ графиню, что значатъ эти стрѣлы, на что она отвѣчала мнѣ вполголоса и съ видимымъ отвращеніемъ, что это гербъ семейства Голинскихъ, того, что Петръ Гудовичъ ограбилъ во время своей экспедиціи въ Польшу. Г. Маркевичъ предложилъ мнѣ осмотрѣть съ нимъ весь домъ. [2])

Длинные и темные коридоры вели въ различныя, довольно богато меблированныя комнаты, украшенныя картинами и статуями. Все вмѣстѣ представляло нѣчто въ родѣ лабиринта, а нѣкоторыя комнаты едва освѣщались маленькимъ стрѣльчатымъ окномъ въ одно стекло. Казалось, архитекторъ этого зданія хотѣлъ соорудить подобіе средневѣковаго зáмка. Воротившись къ обществу въ садъ, мы осмотрѣли тамъ китайскій домикъ въ три крошечные этажа, выстроенный по образцу жилища мандарина, съ позолоченною кровлею и крылатымъ дракономъ на верхушкѣ. Всѣ комнатки были убраны въ китайскомъ вкусѣ. Потомъ насъ повели посмотрѣть роскошную русскую баню. Комнаты были вымощены бѣлымъ мрамо-

---

[1]) Графъ Петръ Вас. Гудовичъ служилъ дѣйств. статск. совѣтникомъ.

[2]) Гербъ графовъ Гудовичевыхъ описанъ въ Общемъ Росс. Гербовникѣ (ч. IV, № 8, и ч. IX, № 4), см. въ Россійской Родословной книгѣ, П. В. Долгорукаго. Спб. 1855 г., ч. II, стр. 193. Упоминаніе Де-ла-Флиза о гербѣ Гудовичевыхъ не точно и не полно. Ред

ромъ, стѣны выложены изразцами, а частью и сплошными зеркалами. Мы еще долго прогуливались по саду; случилось мнѣ зайти въ бесѣдку, куда дѣвицы Маркевичъ и Аграновичъ присѣли отдохнуть, и между нами зашелъ разговоръ, которому я подалъ поводъ, спросивъ у этихъ дѣвицъ, кто такая та красивая полная нѣмка, которая насъ приняла? Маркевичъ какъ будто затруднялась мнѣ отвѣтить и покраснѣла, но подруга ея очень развязно объяснила мнѣ, что эта дама дѣвица Шварцъ, экономка или смотрительница дома графа Петра Гудовича... Она прибавила, что женщины нѣмецкой расы вообще отличаются умѣньемъ вести хозяйство и особенно полезны какъ надзирательницы надъ прядильнымъ и ткацкимъ заведеніями, въ которыхъ работаютъ простые крестьяне и крестьянки. Она продолжала разсказывать, что дядя ея точно также отдаетъ справедливость и голландскимъ женщинамъ въ ихъ умѣньи вести ткацкое дѣло, и поэтому въ другой его деревнѣ, гдѣ ткутъ отличное столовое бѣлье, опредѣлена такая-же красавица голландка. Но графъ Петръ Вас. Гудовичъ, по словамъ моей собесѣдницы, нарочно держитъ обѣихъ женщинъ на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга; онъ не хотѣлъ даже, чтобы онѣ знали другъ друга, иначе могла-бы возникнуть между ними зависть и повредить успѣху занятій, хотя графъ, какъ дѣятельный помѣщикъ, слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ его помѣстьяхъ, и для того постоянно живетъ одно время въ одной деревнѣ, потомъ въ другой. Словомъ, дѣвица Аграновичъ хотѣла меня увѣрить, что въ дѣйствіяхъ ея дяди нѣтъ ничего своеобразнаго, а просто онъ знатокъ и цѣнитель хорошаго ткацкаго производства.

Я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на всю эту рѣчь, притворяясь убѣжденнымъ въ необыкновенныхъ достоинствахъ нѣмокъ и голландокъ. Дѣвица-же Маркевичъ, все время молчавшая, казалось была другаго мнѣнія, и нѣсколько разъ улыбалась наивностямъ родственницы. Послѣдняя не подозрѣвала, что она вполнѣ утвердила меня въ мнѣніи о ея дядѣ, какъ о человѣкѣ безъ чести и безъ совѣсти, пренебрегающемъ общественнымъ мнѣніемъ и живущемъ открыто въ глазахъ всего уѣзда съ двумя красавицами, которыхъ тиранству подчинилъ цѣлое населеніе крестьянъ и крестьянокъ. Послѣ этого я узналъ о новой низости Петра Гудовича. Во время грабежа своего въ Польшѣ, онъ захватилъ самовольно двухъ плѣнныхъ, одного фламандца, другаго голландца, посадилъ ихъ въ своей Ивановкѣ въ тюрьму и заставилъ ихъ даромъ учить крестьянъ ткацкому дѣлу. И оба эти несчастные плѣнные остались-бы у него въ вѣчной кабалѣ, такъ какъ графъ тихонько перевелъ ихъ

въ другую деревню, еслибъ они не были отысканы, благодаря тщательному розыску предводителя Скорупы.

Долго оставались мы при лунномъ свѣтѣ въ саду, пока не позвали насъ ужинать. Столъ былъ накрытъ въ залѣ, убранной по турецки, и все время играла музыка. Экономка очень старалась угодить своимъ гостямъ. На другое утро рано гости стали разъѣзжаться.

Когда мы подъѣзжали къ нашему дому, мы увидали графа Вас. Вас. Гудовича, который шелъ на встрѣчу дочери: мы вышли изъ экипажа и дошли до дому пѣшкомъ. Графъ сообщилъ мнѣ, что перемиріе продлится до 10-го августа 1813 г., а въ петербургскомъ журналѣ я прочелъ, что уполномоченные Пруссіи, Австріи и Россіи 12-го іюля положили ограничить имперію Наполеона Рейномъ и Альпами. Но чего я не прочелъ въ газетахъ, а сообщено мнѣ было графомъ, это странное извѣстіе, что генералъ Моро, бѣжавшій, въ іюнѣ 1804 г., въ Америку, послѣ приговора его къ ссылкѣ, былъ нынѣ вызванъ оттуда Бернадотомъ для содѣйствія союзникамъ въ операціяхъ противъ Наполеона, и прибылъ уже въ Швецію. Когда графъ прочелъ, что Наполеонъ не согласился на ограниченіе своей имперіи, то онъ очень порицалъ его за это, потому что, принявъ условія Пражскаго конгресса, Наполеонъ чрезъ это удалилъ-бы отъ Европы новыя бѣдствія; но допуская себя жертвовать безъ оглядки и безъ мѣры своими огромными средствами, какъ и свѣжимъ молодымъ войскомъ, Наполеонъ доказываетъ, что у него на умѣ одинъ лишь личный разсчетъ, хотя-бы изъ-за этого гибла вся Франція.

Августъ мѣсяцъ 1813 г., былъ на исходѣ; поля были сжаты и хлѣбъ убранъ въ амбары, урожай оказался обильный. Крестьяне находили въ этомъ случаѣ оправданіе старинной поговорки, что земля, вспаханная мечемъ, плодоносна.

Въ одно воскресенье графиня (Варвара Вас. Гудовичъ) собралась ѣхать въ гости къ Покорскимъ, сосѣдямъ ихъ; для этого она пригласила дѣвицъ Туманскихъ, пославъ за ними, и предложила и мнѣ ѣхать, къ чему склонилъ меня и графъ. Дамы сѣли въ карету, а я слѣдовалъ за ними въ коляскѣ. Сперва мы заѣхали къ брату того помѣщика, куда собственно направлялась графиня.

Этотъ Покорскій, очень богатый человѣкъ, былъ мужчина 40 лѣтъ, провинціялъ съ простоватыми манерами, смотрѣвшій на меня свысока, хотя я и былъ представленъ ему графинею. Жена его, почти одних лѣтъ съ нимъ, довольно дурная собою, корчила барыню, тогда какъ въ ней не проявлялось ничего благороднаго.

У нихъ была куча маленькихъ дѣтей, очень шумливыхъ и дурно воспитанныхъ, да цѣлая арава комнатныхъ собачекъ. Графинѣ В. В. Гудовичъ хозяева оказывали подобострастную учтивость. Здѣсь мы должны были отобѣдать, а ночевать у брата Покорскаго, такъ какъ на другой день жена послѣдняго была имянниница. Впрочемъ, замѣтила мнѣ графиня, оба брата живутъ въ такой враждѣ другъ съ другомъ, что уже лѣтъ двадцать прекратили между собой всякія сношенія.

Домъ Покорскаго имѣлъ только одинъ этажъ, но ни снаружи, ни внутри не отличался никакимъ изяществомъ; мебель была самая простая. Въ гостиной надъ диваномъ, на который посадили графиню и дѣвицъ Туманскихъ, висѣлъ портретъ императора Павла I во весь ростъ; а по сторонамъ этого портрета висѣли двѣ гравюры, изображавшія одна видъ Везувія, другая видъ Этны. Это положеніе портрета между двухъ вулкановъ, сосѣдство которыхъ, казалось, пугало его, имѣло въ себѣ нѣчто аллегорическое. Но хозяинъ, какъ недальняго ума человѣкъ, конечно, не имѣлъ въ мысляхъ ничего подобнаго; онъ даже не догадывался, что такою выставкою онъ обнаруживалъ недостатокъ политическаго чутья.

Замѣтивъ, что я осматриваю эти картины, хотя онъ сказалъ мнѣ, что у него въ другой комнатѣ есть гравюры, которыя стòитъ мнѣ посмотрѣть, и я замѣтилъ, что онъ очень желалъ мнѣ ихъ показать,— онъ повелъ меня въ эту комнату и съ холодною усмѣшкою представилъ мнѣ цѣлый рядъ раскрашенныхъ карикатуръ, развѣшанныхъ на стѣнахъ. Въ серединѣ висѣло плохое изображеніе покорителя Измаила и Праги, генералъ-аншефа Суворова, въ генеральскомъ мундирѣ и орденахъ и съ волосами въ безпорядкѣ, точно онъ присутствовалъ при сценахъ ужаса, происходившихъ въ Турціи и Польшѣ. Все остальное были карикатуры на французовъ. Хозяинъ чуть не прыгалъ отъ удовольствія, что привелось ему показать ихъ кровному французу, а онъ ненавидѣлъ нашу націю, и даже, какъ увѣрялъ, гнушался говорить на нашемъ языкѣ. Однако, опасаясь, чтобы я не понялъ смысла нѣкоторыхъ карикатуръ, онъ употреблялъ французскія слова для моего уразумѣнія, и каждое объясненіе сопровождалъ шумнымъ и глупымъ смѣхомъ, крайне обиднымъ. Я не могъ отвѣчать ему иначе, какъ пренебреженіемъ къ его дурачеству; тѣмъ не менѣе я съ любопытствомъ разсматривалъ карикатуры. Между ними было много такихъ, которыя лишены были всякаго смысла, доказывая только ненависть къ націи. Другія-же, напротивъ, были мѣтки до жестокости[1]). Это была кар-

[1]) Вѣроятно, то были карикатуры знаменитаго Теребенева. Ред.

тина всѣхъ бѣдствій московскаго отступленія, и до того вѣрная въ самомъ преувеличеніи, что она представляла уже не вымыселъ, а горькую дѣйствительность И эти сцены, вмѣсто жалости, возбуждали дикій хохотъ въ русскомъ помѣщикѣ.

Бо̀льшая часть этихъкарикатуръ представляли Наполеона въ презрѣнномъ, униженномъ, подавленномъ видѣ. Одна изображала статую славы въ маскѣ, носившей черты Наполеона, въ одной рукѣ она держала у рта длинную трубу, въ другой лавровые вѣнки. Передъ этой статуею, на грудѣ человѣческихъ костей и череповъ, стоялъ русскій гренадеръ и концомъ штыка приподымалъ маску, а изъ-подъ нея выглядывало безобразное лице демона. Съ правой стороны русскій крестьянинъ, стоя на кучѣ снѣгу, засыпалъ имъ внутренность трубы, а слѣва казакъ нагайкою сшибалъ съ вѣнковъ листья, оставляя одни голые прутья.

Другая карикатура изображала дьявола съ хвостомъ и рогами, держащаго Наполеона въ видѣ младенца въ пеленкахъ, съ трехцвѣтною лентою, къ концу которой прикрѣплена была звѣзда почетнаго легіона; дьяволъ убаюкивалъ его, говоря: „вотъ сынъ мой возлюбленный: на него возлагаю всю мою надежду".

На третьей: король Мюратъ, вице-король Евгеній, маршалы Мармонъ, Ней и Макдональдъ стояли по горло въ снѣгу, почтительно спрашивая Наполеона, что̀ прикажетъ онъ сказать въ бюллетенѣ?—„Скажите, отвѣчалъ онъ, что мы находимся теперь на зимнихъ квартирахъ".

Еще одна представляла Наполеона за азбукою съ сынкомъ его, королемъ римскимъ. Онъ показывалъ ему буквы, и дитя, по поводу Пражскаго конгресса, говорило: „Папа, А, В, С, (abaissé — т. е. униженъ), Папа С, Д (cédez — т. е. уступи)". Но всѣхъ не перечтешь.

Хозяинъ дома въ восторгѣ, что успѣлъ показать мнѣ свою коллекцію, повелъ меня въ другую комнату, гдѣ у него развѣшаны были портреты собакъ, любимыхъ его животныхъ, и между ними портретъ сына Наполеона. Въ этомъ случаѣ Покорскій показалъ себя подлѣе и лукавѣе, нежели въ мысли поставить упомянутый выше портретъ между двумя вулканами. Я отошелъ съ отвращеніемъ. Покорскій повелъ меня снова въ гостиную и, обращаясь къ графинѣ В. В. Гудовичъ, съ громкимъ смѣхомъ разсказалъ ей объ удовольствіи, которое онъ мнѣ доставилъ созерцаніемъ его музея. Однако, графиня, сколько я могъ понять, приняла эти шутки серіозно и говорила, что еслибъ она знала, что гостя ея отца ожидаютъ здѣсь грубости, то она прямо направила-бы меня мимо его дома, къ брату

его, Покорскаго. Хозяинъ, озадаченный, сталъ извиняться передъ нею, цѣлуя ей руки.

Тутъ позвали къ обѣду, который былъ очень простъ; вина замѣняли домашняго приготовленія напитки (наливки). Видно было, что хозяинъ столько-же скупой, сколько отсталый въ образованности, несмотря на большое состояніе. Разговоръ за обѣдомъ вертѣлся около пошлыхъ предметовъ, и я все время молчалъ. Вскорѣ послѣ обѣда мы уѣхали. Черезъ часъ мы были у старшаго Покорскаго.

Этотъ господинъ нисколько не походилъ на своего брата. Онъ и жена его были внимательны ко мнѣ. Они недавно только поселились въ деревнѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ; оба были образованы и вполнѣ приличны. Домъ ихъ не отличался роскошью, но не было замѣтно и скупости. Хозяйка и графиня, какъ и дѣвицы Туманскія, повидимому, были очень дружны. Покуда онѣ уходили на половину хозяйки смотрѣть работы въ пяльцахъ, которыми занимались молодыя служанки, я оставался съ хозяиномъ, двумя молодыми офицерами, его родственниками, и двумя гувернерами дѣтей. Немного погодя, входитъ въ комнату старикъ лѣтъ шестидесяти, въ придворномъ, вышитомъ серебромъ, кафтанѣ; я вообразилъ, что это важная особа, и поклонился ему, привставъ съ мѣста; однако, кромѣ меня, никто не оказалъ ему этой чести. Важною походкою старикъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ; я отвѣчалъ ему тѣмъ-же; онъ просилъ меня не безпокоиться, и, сѣвъ подлѣ меня, заговорилъ на непонятномъ языкѣ, примѣшивая къ нему нелѣпыя французскія слова. Я не зналъ. что ему сказать, какъ замѣтилъ, что собесѣдники мои улыбаются моему смущенію. Вдругъ старикъ вскакиваетъ со стула, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и громкимъ голосомъ запѣваетъ пѣтухомъ, потомъ мычитъ какъ корова и ржетъ какъ лошадь. Я принялъ его за помѣшаннаго, но г. Покорскій поспѣшилъ мнѣ объяснить, что старикъ этотъ—домашній шутъ, принадлежавшій еще отцу его, такъ какъ по старому еще обычаю во многихъ домахъ держатъ шутовъ, одѣвая ихъ въ вычурное платье и позволяя имъ дѣлать разныя дурачества. За чаемъ шутъ обращался къ каждому отдѣльно съ какими-нибудь забавными выходками, возбуждая смѣхъ общества, но я не могъ понять того, что онъ говорилъ. За ужиномъ шутъ снова явился, но уже въ другомъ костюмѣ, въ старинномъ генеральскомъ, въ которомъ онъ очень былъ смѣшенъ; онъ ходилъ вокругъ стола, отпуская дамамъ любезности и подражая минѣ и манерамъ нѣкоторыхъ изъ знако-

мыхъ дому, между прочимъ, и брату хозяина дома, чѣмъ онъ очень смѣшилъ общество.

Мы выѣхали отъ Покорскихъ ночью; впереди насъ двое людей ѣхали верхами, держа въ рукѣ по длинной палкѣ, съ зажженною паклею, насмоленною и намотанною на концѣ, и освѣщали намъ дорогу.

Осень была дождливая и нѣсколько времени нельзя было никуда выѣхать; по причинѣ дурнаго состоянія дорогъ и къ намъ никто не показывался. Я постоянно находился въ общесгвѣ графа Василія Гудовича; мы говорили съ нимъ о политикѣ и усердно читали газеты. Наступали важныя событія, долженствовавшія измѣнить все положеніе Европы. Зато ужъ мы съ графомъ съ нетерпѣніемъ поджидали новыхъ извѣстій и, не смотря на то, когда они приходили изъ Петербурга, оказывалось, что евреи уже ранѣе разгласили ихъ въ краѣ черезъ свою секретную полицію.

Въ началѣ сентября 1813 г. до насъ дошло извѣстіе, что Наполеонъ положительно отвергъ миръ и перемиріе кончилось. Графъ заключалъ изъ этого о началѣ ожесточенной войны. Французская армія, по словамъ газетъ, была раздѣлена на четырнадцать корпусовъ, состоявшихъ изъ французовъ, италіанцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, всего числомъ 280,000 человѣкъ, но изъ нихъ половину составляли рекруты, не бывавшіе еще въ огнѣ. Австрія оффиціально объявила свое присоединеніе къ союзу Россіи и Пруссіи. Россія, Австрія, Пруссія и Швеція вмѣстѣ выставили войско въ 520,000 человѣкъ.

Графъ изумлялся, что, несмотря на это превосходство непріятеля, Наполеонъ упорно держался своей позиціи въ Дрезденѣ и намѣревался дать сраженіе на Эльбѣ. Въ с.-петербургскомъ журналѣ я прочелъ прокламацію шведскаго наслѣднаго принца, генералиссимуса сѣверной арміи, объявленную близъ Берлина. Она такъ меня поразила, что я списалъ съ нея копію.

Спустя восемь дней послѣ этой прокламаціи, Бернадотъ превосходными силами своими разбилъ маршала Удино, взялъ у него въ плѣнъ 15,000 человѣкъ и 20 пушекъ. Въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 26-го—27-го августа, Наполеонъ съ 100,000 человѣкъ взялъ въ плѣнъ 20,000 австрійцевъ, отнялъ 20 пушекъ и огромный обозъ. Тѣмъ не менѣе, это дѣло, выказавшее храбрость французовъ и искусство маршаловъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ, Мортье и Виктора въ результатѣ не принесло никакой пользы побѣдителю, напротивъ, это торжество укрѣпило его въ его колоссальныхъ идеяхъ. Еще одинъ случай содѣйствовалъ другому успѣху Наполеона. Вызван-

ный изъ Новаго Свѣта генералъ Моро, прибывъ въ главную квартиру союзниковъ въ Прагѣ, склонилъ ихъ къ нападенію на Дрезденъ, взятіемъ котораго Наполеону нанесенъ былъ-бы послѣдній ударъ. Между тѣмъ, въ то время, какъ Моро разговаривалъ съ императоромъ Александромъ подлѣ прусской батареи, ядро оторвало ему обѣ ноги; побѣда осталась за Наполеономъ. Маршалъ Макдональдъ, отступая отъ границъ Силезіи, былъ настигнутъ и разбитъ генераломъ Блюхеромъ, потерялъ отъ 10 до 12 тысячъ людей и часть своей артиллеріи, отнятой непріятелемъ. 30-го августа, генералъ Вандамъ, во главѣ значительнаго корпуса, преслѣдуя непріятельскую дивизію, зашелъ слишкомъ далеко въ Богемскія ущелья, близь Кульма, и былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ съ 12,000 человѣкъ. Всѣ приведенныя мною извѣстія доказывали, что Наполеонъ упрямствомъ своимъ и потерями приближался къ гибели.

Что-же ожидало насъ, доблестныхъ французовъ! Эти мысли отравляли жизнь мою. Графъ Гудовичъ увѣрялъ, что Наполеону нечего болѣе ожидать, и полагалъ, что миръ можетъ состояться только по взятіи Парижа; но мнѣ казалось невѣроятнымъ вступленіе непріятеля во Францію. Русскіе были убѣждены, что Парижъ будетъ взятъ союзниками, и смѣялись надъ моимъ сомнѣніемъ. Графъ и графиня Гудовичи, видя мое безпокойство, утѣшали меня, говоря, что я могу оставаться въ Россіи, гдѣ я гораздо безопаснѣе, нежели во Франціи, угрожаемой большими переворотами. Изъ признательности къ нимъ, не могу умолчать о тѣхъ знакахъ дружбы и расположенія, которые они мнѣ оказывали.

Я какъ-то сказалъ разъ, что намѣренъ купить себѣ бѣлья, какъ спустя нѣсколько времени, воротясь къ себѣ, нашелъ въ комнатѣ большой сундукъ съ ключемъ у замка и полный бѣлья. Добрая графиня сама потрудилась велѣть изготовить его своимъ служанкамъ. Я былъ весьма тронутъ этимъ вниманіемъ и благодарилъ, какъ умѣлъ. Около того-же времени, я замѣтилъ, что графъ ежедневно наблюдаетъ за починкою коляски (въ имѣніи его были мастеровые всякаго рода), а когда она была готова, онъ велѣлъ запречь въ нее четверку лошадей, и все это подарилъ мнѣ. Всего чувствительнѣе для меня была деликатность графа и графини Гудовичъ въ такихъ случаяхъ щедрости.

Въ половинѣ октября (1813 г.) случилось происшествіе, огорчившее графа и графиню и дающее понятіе о мщеніи русскихъ крестьянъ надъ господами, когда эти обращаются съ ними жестоко.

Сосѣдній помѣщикъ Лашкевичъ, фамилію котораго я упомя-

нулъ при описаніи именинъ графа, былъ человѣкъ очень богатый, обладалъ тысячью крестьянъ, но былъ безъ всякаго образованія и скупой. Жена его, рожденная Дунина-Борковская, была, напротивъ, характера благороднаго и любима графинею Гудовичъ. Лашкевичъ жестоко обращался съ своими людьми и заставлялъ иныхъ крестьянъ работать въ полѣ съ цѣпями на ногахъ. Они и порѣшили отдѣлаться отъ своего господина. Поваръ, кучеръ и камердинеръ сговорились между собою и въ соучастницы взяли горничную госпожи. Лашкевичъ имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда отдыхать. Жена его, въ назначенный заговорщиками день, велѣла при себѣ варить варенье, въ небольшомъ отдѣльномъ домикѣ въ саду, не близко отъ жилаго дома. Надобно было удержать ее тутъ подольше, чтобы дать время совершиться преступленію, и съ этою цѣлью горничная графини замедляла варку, подливая въ варенье воды; но хозяйка примѣтила это и разбранила горничную, нисколько не подозрѣвая цѣли этого дѣйствія. Лашкевичъ строилъ церковь и въ домѣ его писали образа для иконостаса, причемъ онъ очень любилъ смотрѣть на работу живописца. Въ эту мастерскую надобно было проходить черезъ столярную, къ потолку которой, посредствомъ веревокъ, привѣшаны были массивные бруски дерева. Эти-то бруски заговорщики намѣревались спустить на голову своего барина, въ ту минуту, какъ онъ станетъ проходить; но какъ они замѣшкались, а Лашкевичъ успѣлъ пройти безъ вреда, то положили поджидать его возвращенія въ спальню; они пошли за нимъ, бросились на него, стали душить подушкою и бритвою порѣзали ему горло. Положивъ бритву ему въ руку, убійцы заперли снутри дверь на крючекъ, потомъ снаружи закрыли ставни и ушли. Когда-же Лашкевичъ возвратилась въ домъ, она удивилась, что мужъ ея еще не всталъ, тогда какъ она-же еще замѣшкалась за вареньемъ. Было 5 часовъ, время чая. Она приказала разбудить мужа. Ей пришли сказать, что дверь заперта снутри; когда-же открыли наружныя ставни, увидали убитаго на постели въ крови и съ бритвою въ рукѣ. Полиція произвела слѣдствіе и было рѣшено, что помѣщикъ лишился жизни самоубійствомъ. Трупъ схоронили въ полѣ, безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ. При первомъ извѣстіи объ этомъ несчастіи, графъ Гудовичъ поручилъ дочери навѣстить вдову и пригласить ее на время къ нимъ. Съ нею пріѣхала и ея горничная, варившая варенье.

Спустя недѣлю, въ мѣстную харчевню пріѣхалъ секретно изъ Мглина полицейскій офицеръ. Онъ приказалъ схватить горничную и посадить ее въ тюрьму. Г-жа Лашкевичъ не понимала, куда

дѣвалась ея горничная, какъ, спустя нѣсколько дней, ей объявили, что мужъ ея умеръ не своею смертью, но былъ зарѣзанъ ея людьми. Преступленіе это открылось такимъ образомъ. Убійцы сидѣли въ деревенскомъ кабачкѣ и заговорили о смерти своего барина; одинъ изъ нихъ при этомъ напомнилъ пословицу, что лучше убить змѣю, чѣмъ дать ей укусить насъ, а слышавшій эти слова бывшій тутъ человѣкъ побѣжалъ объявить о томъ мглинскому протопопу, этотъ далъ знать полиціи—и убійцъ арестовали. Всѣ они, спрошенные отдѣльно, сознались въ своемъ преступленіи. Тогда прибылъ архіепископъ и, велѣвъ вырыть тѣло Лашкевича, съ большою церемоніею похоронилъ его въ склепѣ его церкви. Убійцъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь.

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1813 г. наступила зима, но не такая суровая, какъ прошлогодняя. Было не болѣе 18-ти градусовъ мороза; снѣгу тоже было не слишкомъ много, такъ что установилась отличная санная дорога. Коляску мою поставили на полозья, и въ ней я дѣлалъ частые визиты маіору Бретону.

Всѣ извѣстія отъ сентября и октября мѣсяцевъ были печальны для насъ. Въ половинѣ ноября 1813 г. получили извѣстіе о лейпцигскомъ сраженіи и о вступленіи союзниковъ въ городъ. Отступленіе французской арміи происходило въ порядкѣ, какъ случилось неожиданное происшествіе: взорвало мостъ черезъ Эльбу и отрѣзало сообщеніе,—войскомъ овладѣла паника. Цѣлыя тысячи французовъ были взяты въ плѣнъ или утонули; тутъ-же утонулъ и князь Понятовскій. Генералы Ренье и Лористонъ были взяты въ плѣнъ. Потери въ этотъ день и въ слѣдующій были неисчислимы. Мы съ Бретономъ погоревали обо всѣхъ этихъ несчастіяхъ, обвиняя Наполеона въ ослѣпленіи и упрямствѣ.

Подошло Рождество. Колокольный звонъ деревянной церкви возвѣстилъ о праздникѣ. Графъ и графиня отправились ко всенощной, и я послѣдовалъ за ними. Кромѣ того, сюда съѣхались и сосѣди. Послѣ службы, насъ ожидалъ дома постный ужинъ, состоявшій изъ всякаго рода рыбы, наловленной за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ рѣкѣ подъ льдомъ. Пока мы сидѣли за столомъ, на дворѣ дѣти славили пѣснями Рождество Христа.

1814 годъ.

1-го января я собрался, рано утромъ, поздравить графа и графиню Гудовичъ съ новымъ годомъ, пожелать имъ всякаго благополучія и возобновить выраженія моей признательности къ нимъ. Они тоже пожелали мнѣ всего хорошаго, а графъ, обнимая меня, предупреждалъ меня, что я скоро получу свободу, такъ какъ результатомъ всѣхъ ошибокъ Наполеона будетъ скорый миръ. Чуть не все село пришло поздравить графа и графиню съ новымъ годомъ. Охотники играли на своихъ рожкахъ; батальонъ, стоявшій на ту пору въ селѣ, разыгрывалъ маршъ; оркестръ изъ Ивановки трубилъ веселыя аріи; куча дѣтей ввалилась въ комнаты, засыпая полъ пшеномъ въ знакъ пожеланія довольства и избытка, и громко поздравляя. Къ двѣнадцати часамъ наѣхало много сосѣдей въ щегольскихъ экипажахъ. Мужчины были въ мундирахъ и при шпагахъ. Пріѣхали и господа Скорупа, семейство Рославецъ и съ ними Бретонъ, такъ что всего на всего съ дамами и дѣвицами набралось до шестидесяти человѣкъ гостей. Какъ обыкновенно, данъ былъ роскошный обѣдъ съ музыкою, а вечеромъ начались танцы. Разошлись уже позднею ночью.

Посреди этого празднества Бретонъ и я не переставали грустить объ участи Франціи, нашей несчастной родины. Бретонъ даже говорилъ, что онъ совѣстится участвовать въ радостяхъ нашего непріятеля, покуда братья наши страдаютъ подъ гнетомъ всякихъ бѣдствій. Всѣ новѣйшія извѣстія о войнѣ представляли рядъ величайшихъ неудачъ нашихъ соотечественниковъ. Такъ протянулось время до 3-го мая 1814 г.,—день въѣзда Людовика XVIII въ Парижъ.

По этому поводу Бретонъ говорилъ мнѣ: „Итакъ палъ Наполеонъ, этотъ необыкновенный изъ необыкновенныхъ людей, прошедшихъ по землѣ и безсмертныхъ въ исторіи. Какое событіе для насъ—воиновъ—паденіе этого человѣка! Мы расточали для него наше мужество, проливали за него кровь, шли на смерть по первому его мановенію! Нашими подвигами онъ пріобрѣлъ славу; а мы и не догадывались, что онъ повлечетъ насъ за собою въ бездну. Какъ жестоко подумать, что все наше мужество, вся наша доблесть не заслужили у него ни тѣни благодарности. Невѣдомый намъ король завладѣлъ престоломъ того, кого мы признали своимъ императо-

ромъ. Въ глазахъ этого Бурбона всѣ наши побѣды покажутся оскорбленіемъ его величества, мы сами—мятежниками противъ его законной власти, солдатами похитителя его престола. Пойметъ-ли онъ насъ, когда мы ему отвѣтимъ, что мы сражались за отечество? Не унизительно-ли это будетъ представиться ему въ нѣкоторомъ смыслѣ съ раскаяніемъ, о томъ, что служили корсиканцу и побѣдами нашими замедлили вступленіе его, Людовика, на престолъ покойнаго брата"?

Я спросилъ Бретона, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ поступить намъ, плѣннымъ? „Не оставить-же намъ, говорилъ я, нашу мать-родину; во всякомъ случаѣ, хотя-бы не признавали за нами никакой славы, мы должны оставаться между своими, и, въ ожиданіи лучшей поры, раздѣлять съ ними горести".

Наше возвращеніе во Францію было рѣшено. Это извѣстіе о свободѣ обратило насъ въ какихъ-то новыхъ людей. Но не ожидаетъ-ли насъ другаго рода неволя въ подданствѣ скипетру короля, который ни во что не ставитъ наши великія жертвы?

30-го мая (1814 г.) мы рѣшились начать приготовленія къ отъѣзду. Графъ Василій Гудовичъ сообщилъ намъ, что императоръ Александръ повелѣлъ выдать каждому французскому офицеру 300 рублей на дорогу. Мы ѣздили за этими деньгами въ Мглинъ.

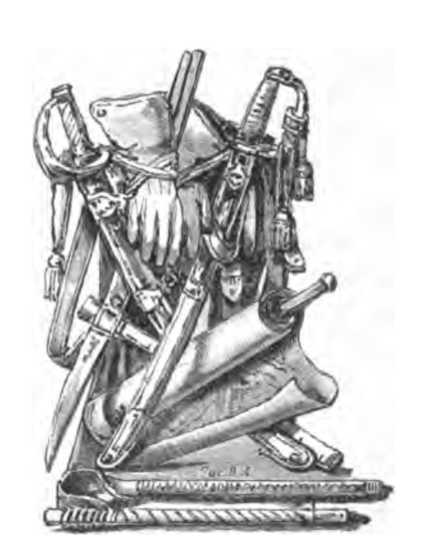
Графиня Гудовичъ откровенно признавалась мнѣ, что сожалѣетъ о моемъ отъѣздѣ, такъ какъ я очень былъ полезенъ ея отцу; она боялась за его жизнь въ мое отсутствіе. Но она опасалась также за меня, чтобы во Франціи меня не преслѣдовали какъ бонапартиста, и оттого совѣтовала обождать еще нѣкоторое время въ Россіи, гдѣ я буду пользоваться гораздо бо̀льшею свободою. Она очень упрашивала меня остаться у нихъ. Чувствительно благодарный ей за это вниманіе и заботливость обо мнѣ, я, однако, не могъ принять ея предложенія, но предупреждалъ, что въ случаѣ непріятностей, которыя могутъ для меня встрѣтиться отъ новаго порядка вещей, я возвращусь къ графу. Передъ отъѣздомъ своимъ я составилъ записку о болѣзни графа съ тѣмъ, чтобы представить ее въ Парижѣ извѣстному доктору Буайе (Boyer) и испросить у него совѣта насчетъ леченія графа. Этимъ я хотѣлъ доказать графу мое желаніе быть ему полезнымъ. Графъ созвалъ гостей на прощальный обѣдъ.

5-го іюня 1814 г. я и Бретонъ собрались уѣхать. На прощаніе, Бретонъ сочинилъ въ честь графа и графини Гудовичъ небольшое стихотвореніе, которое и прочелъ передъ ними и собравшимся обще-

ствомъ. Оно заслужило общія похвалы и благодарность хозяевъ. Послѣ самаго трогательнаго прощанія, мы разстались и направились въ Мглинъ, гдѣ намъ надлежало получить паспорты. Я еще разъ отъ всего сердца благодарилъ господъ Скорупа за все добро, которое они мнѣ оказали.

Де-ла Флизъ.

Конецъ.



ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1871 г. [1]).

Январь 1. Пятница. Заѣзжалъ къ графинѣ Блудовой. Встрѣтилъ у ней Каткова, пріѣхавшаго на нѣсколько дней изъ Москвы хлопотать у министра за классицизмъ. Катковъ поздоровался со мною, какъ со старымъ пріятелемъ. Хотя у меня и была причина лично негодовать на него, однако, я давно объ этомъ забылъ изъ уваженія къ его несомнѣннымъ достоинствамъ и услугамъ, которыя онъ, во всякомъ случаѣ, оказалъ своею газетою народному русскому дѣлу. Катковъ скоро ушелъ, сказавъ, что непремѣнно хочетъ побывать у меня. Затѣмъ къ графинѣ вдругъ неожиданно вошелъ

[1]) См. „Русскую Старину" изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 27—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160, августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX. январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—686; изд. **1892** г., т. LXXIII, январь, стр. 151—174; февраль, стр. 395—422.

государь Александръ Николаевичъ, въ полной формѣ и лентѣ, поздравить ее съ новымъ годомъ; я, разумѣется, тотчасъ отправился во-свояси, но по пути заѣхалъ еще къ Княжевичамъ.

2. Суббота. Ко мнѣ заѣзжалъ Катковъ, но не засталъ меня дома. Безконечные толки о Скарятинѣ, который нечаянно нанесъ себѣ смертельную рану во время царской охоты, вблизи самого государя. Охота была на медвѣдя. Скарятинъ успѣлъ только сказать государю: „ваше величество, я умираю". Государь, говорятъ, чрезвычайно этимъ огорченъ.

3. Воскресенье. Поутру сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, въ томъ числѣ Платову, отъ котораго получилъ великолѣпно переплетенный экземпляръ исторіи Михайловской академіи, по случаю ея пятидесятилѣтняго юбилея и выбитую въ честь того-же событія бронзовую медаль. Заѣзжалъ къ Каткову, но также не засталъ его дома. Онъ сегодня уже обратно ѣдетъ въ Москву.

Одна только глубокая и праведная скорбь о безчисленныхъ человѣческихъ бѣдствіяхъ можетъ спасать многоопытный умъ отъ презрѣнія къ людямъ.

7. Четвергъ. Есть люди, которые ни передъ чѣмъ не блѣднѣютъ, да ни отъ чего и не краснѣютъ.

Единственная, дѣйствительная, мудрость и мораль жизни— та, которой мы научаемся изъ собственныхъ нашихъ ошибокъ и паденія. Къ сожалѣнію, эта мудрость и эта мораль даютъ намъ результаты своихъ уроковъ тогда, когда уже поздно ими пользоваться.

10. Воскресенье. Вечеръ у Я. К. Грота. Споръ о Карамзинѣ. Нѣкоторые защищали статью о немъ (Ник. Ник.) Страхова, написанную противъ (Алексан. Ник.) Пыпина. Надняхъ мой Орестъ Миллеръ имѣлъ сильное препирательство съ авторомъ статьи, уничтожая ее въ прахъ, но въ жару спора очень крѣпко отозвался и о Карамзинѣ.

11. Понедѣльникъ. Девять академиковъ, должно быть по числу музъ, сегодня обѣдали у Донона. Тутъ былъ и я, одинъ среди естественниковъ, и вступилъ въ преніе съ Чебышевымъ и Веселовскимъ въ защиту идеала.

Вечеромъ въ комиссіи о центральной типографіи. Протестовали противъ слiянія типографій министерства: военное, мор-

ское, путей сообщенія и народнаго просвѣщенія, котораго я представитель. Предсѣдатель сенаторъ Брунъ, кажется, тянетъ на сторону сліяній всѣхъ типографій въ одну. Впрочемъ, сегодня были только предварительныя пренія.

14. Четвергъ. Опять послѣ теплой погоды двадцатиградусные морозы.

Вечеръ у одной изъ моихъ бывшихъ ученицъ, Елены Карловны Богдановой. До сихъ поръ мнѣ неизвѣстный поэтъ Апухтинъ читалъ свои стихи „Гадальщица" и „Севастополь". Я вообще мало довѣряю стихамъ нынѣшнихъ новыхъ поэтовъ, но настоящіе, къ моему удовольствію, оказались прекрасными, особенно „Севастополь". Собраніе было большое для маленькихъ комнатъ хозяйки. Разговоръ вертѣлся около Ферзена, который, какъ оказывается, теперь убилъ нечаянно Скарятина на царской охотѣ, и около Франціи. И здѣсь, какъ почти во всѣхъ обществахъ, гдѣ мнѣ случается бывать, выражались непріязнь къ побѣдоносным пруссакамъ и сочувствіе къ бѣдствіямъ Франціи. Отъ мала до велика мужчины и женщины, люди простые и образованные, всѣ единомышленны въ этомъ отношеніи. Одинъ артиллерійскій генералъ разсказалъ мнѣ слѣдующее, ручаясь за правдивость своихъ словъ. Нѣкто изъ его знакомыхъ недавно проѣзжалъ черезъ Германію и видѣлся тамъ съ однимъ весьма извѣстнымъ ученымъ нѣмцемъ, съ которымъ онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ. Зашелъ между ними разговоръ о войнѣ. „Знаете-ли вы", сказалъ русскому путешественнику нѣмецкій ученый, „кто виноватъ во всѣхъ ужасахъ и въ продолжительности этой варварской войны?—Вы!"—„Какъ мы?" воскликнулъ нашъ россіянинъ.—„Да, вы! Еслибъ вы въ самомъ началѣ этой бойни приняли твердое положеніе и стали въ позицію настоящаго, а не притворнаго нейтралитета, думали только объ истинныхъ интересахъ своихъ и Европы, держась здравой политики, то, повѣрьте, этихъ ужасовъ не было-бы. Тутъ не было никакой нужды въ дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ войну со стороны Россіи. Дѣла были такого свойства, что одно разумно и твердо сказанное Россіею слово остановило-бы притязанія военнаго властолюбія и далѣе намѣченной его черты пруссаки не пошли-бы".—„Вотъ какъ судятъ сами нѣмцы!" Заключилъ свой разсказъ артиллерійскій генералъ.

Въ качествѣ противника связанныхъ съ радикальными переворотами кровавыхъ потрясеній, я иногда видѣлъ въ Наполеонѣ III если и зло, то зло необходимое для отвращенія другаго бо́льшаго зла—кровавыхъ анархическихъ оргій. Каюсь, я жестоко ошибался. Видно, плохо клинъ клиномъ выбивается. Этотъ человѣкъ своимъ грубымъ эгоизмомъ погубилъ Францію. Подобныхъ ему..... немного найдется въ исторіи. А теперь на мѣсто его въ Европѣ распоряжается Бисмаркъ, конечно, одаренный несравненно бо́льшимъ умомъ, но такой-же эгоистъ и представитель матерьяльной силы. И вотъ кто двигатели исторіи и властелины народныхъ судебъ. На Пруссію хотя и надѣли императорскую корону, но Бисмаркъ ее держитъ и ведетъ куда угодно.

18. Понедѣльникъ. Собраніе у Ильи Ильича Ростовцева для разбора и приготовленія къ изданію сочиненій, оставшихся послѣ Щербины. Въ собраніи участвовали, кромѣ хозяина: И. П. Корниловъ, Н. М. Благовѣщенскій, Николаевскій, Т. И. Филипповъ и я.

20. Среда. Смотри корреспонденцію изъ Пермской губерніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Пермская губернія является въ ней сценою такого административнаго произвола, который кажется несбыкновеннымъ... А, между тѣмъ, наши (дѣятели) стараются, какъ можно больше, увеличить въ губерніяхъ, т. е. сдѣлать тамъ почти неограниченною власть губернаторовъ и полиціи.

24. Воскресенье. Вечеромъ у Т. И. Ф**. Толпа народу. Какъ и всегда, въ толпѣ почувствовалъ себя тоскливо и скоро ушелъ.

25. Понедѣльникъ. У меня была на разсмотрѣніи для Уваровской преміи комедія Потѣхина: „Рыцари". Несмотря на кое-какія достоинства, я не нашелъ ее достойною преміи. Недавно она была поставлена на сцену и, говорятъ, превосходно, не безъ успѣха разыграна, но уже подъ другимъ названіемъ: „Мутная вода". Въ комедіи, между прочимъ, два главныя дѣйствующія лица: баронесса нѣмка и нѣмецъ Кукукъ—оба мошенники, оплетающіе и надувающіе русскихъ. Театральное начальство признало это непозволительнымъ и велѣло нѣмцевъ преобразовать въ русскихъ, изъ чего выходитъ, что русскіе могутъ быть подлецами, а нѣмцы нѣтъ. Такъ поняла это публика и объ этомъ много говорятъ.

26. Вторникъ. Любопытно знать, какъ исторія и философское глубокомысліе объяснятъ паденіе Франціи. Нѣмецкіе философы, вѣроятно, скажутъ, что человѣчество должно много отъ этого выиграть и, конечно, порадуется этой смѣнѣ всемірнаго значенія французовъ въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ прусско-германскою грубою матерьяльною силою. Францію, скажутъ, развратили идеи, а она развратила міръ. Назначеніе Пруссіи—возвратить его разуму и здравымъ понятіямъ, конечно, не иначе, какъ посредствомъ крови, желѣза и казарменной дисциплины. Подъ сѣнью благодѣтельныхъ прусскихъ штыковъ міръ успокоится и всѣ вопросы, волнующіе общества, будутъ разрѣшаться въ главномъ прусскомъ штабѣ.

„Я не вижу Европы", сказалъ Бейстъ, и сказалъ на этотъ разъ очень вѣрно. Дѣйствительно, мудрено видѣть то, чего нѣтъ. Нынѣшняя Европа—это страна мертвыхъ, умирающихъ и только начинающихъ еще жить, но начинающихъ подъ ферулою тѣхъ, которые захотятъ ими командовать и ихъ учить.

Религія поучаетъ насъ покоряться волѣ Божіей, философія—закону необходимости. Да и что-же, въ самомъ дѣлѣ, остается, какъ не покориться такому ничтожному существу, какъ человѣкъ? Но можно-ли оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ человѣческимъ? Можно-ли спокойно смотрѣть на милліоны погибшихъ и гибнущихъ человѣческихъ существъ въ предположеніи, что эта гибель необходима для устроенія лучшаго порядка вещей, для достиженія благой цѣли? Ужели въ чувствѣ глубокаго состраданія къ нимъ не позволено спросить: почему одни должны такъ жестоко страдать, чтобы другіе немного лучше пожили. Да, много надо вѣры, почти больше, чѣмъ можетъ вмѣстить въ себѣ сердце человѣческое, чтобы согласить все это съ идеею безпредѣльнаго милосердія и всемогущества.

29. Пятница. Итакъ, Франція гибнетъ, и гибнетъ не потому только, что ее сокрушаетъ матерьяльная внѣшняя сила, но потому, что, благодаря Наполеону, въ ней самой недостатокъ великаго духа, способнаго отстаивать свою честь и самостоятельность. Она должна склонить голову передъ позорнымъ условіемъ мира, который ей предписываетъ Бисмаркъ, должна потому, что въ ней нѣтъ единства, нѣтъ моральной силы, которая

въ минуту опасности одушевила-бы ея сыновъ. Одинъ Гамбетта, но одинъ въ полѣ не воинъ, да онъ и не воинъ. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, историческая роль Франціи кончена? Нѣтъ, быть не можетъ. Она воспрянетъ, должна воспрянуть и снова занять передовое мѣсто въ кругу европейской семьи. Но когда, какимъ путемъ, какія жертвы и страданія ожидаютъ ее еще впереди?!

30. Суббота. Большая конфузія, по поводу напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статей о дѣлахъ, чинившихся въ Пермской губерніи администраціею. Разыскивается, кто сообщилъ въ московскую газету свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ, которыя почему-то должны были считаться секретомъ даже тогда, когда о нихъ производилъ разслѣдованіе сенаторъ Клушинъ.

Самое прискорбное явленіе нашей эпохи это то, что принципы, казавшіеся способными одушевлять людей въ дни кризисовъ, т. е. патріотизмъ, свобода, оказываются несостоятельными передъ напоромъ грубой матерьяльной силы. Франція— эта классическая страна чести, патріотизма и свободы—склоняется въ прахъ передъ Пруссіею. Сорокамилліонный народъ не можетъ соединиться и настроиться въ одномъ духѣ, чтобы отстоять свое, чѣмъ могъ онъ, по справедливости, гордиться или, чтобы имѣть право сказать вмѣстѣ съ Францискомъ I: „все погибло, кромѣ чести“. Прусскіе плѣнные офицеры въ Ліонѣ ведутъ себя на улицахъ съ непозволительнымъ нахальствомъ, а французскіе граждане тѣшатъ себя остроумными противъ нихъ выходками на словахъ.

31. Воскресенье. Напрасно полагаютъ, что съ (оскудѣніемъ) дворянства у насъ образуется настоящая демократія, а съ нею вмѣстѣ и свобода. Забываютъ при этомъ одно, что у насъ не можетъ быть сплошной демократіи, что народъ нашъ всегда раздѣлялся и всегда или еще, по крайней-мѣрѣ, очень долго, будетъ раздѣлятся на народъ собственно, и на чиновничество или бюрократію, которая и будетъ стоять во главѣ.

Февраль 2. Вторникъ. Въ лицѣ Бисмарка Европа подпадаетъ подъ власть, подобную той, хотя въ другой формѣ, которая тяготѣла надъ нею въ лицѣ Меттерниха. Тамъ былъ священный союзъ властителей противъ ихъ народовъ, прикрытый идеями человѣчности и христіанства. Здѣсь выдвигается впередъ

Пруссія въ союзѣ съ грубою матерьяльною силою. Но о чемъ они бьются—всѣ эти обскуранты? О томъ, чтобы властвовать безпрепятственно. Но на какой-же конецъ? Они прикрываются желаніемъ содѣйствовать благу народовъ посредствомъ всякаго рода угнетеній и воспрещеній. Но развѣ возможно благо на этомъ основаніи? Бюрократія (въ Германіи) бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы задушить участіе народа въ собственныхъ дѣлахъ при самомъ его рожденіи, обѣщая власти спокойное возлежаніе на его прерогативахъ, а народу—безмятежное пребываніе во снѣ, которые она считаетъ величайшимъ благомъ. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что судьба, если и смѣется надъ усиліями людей окончательно выбиться изъ-подъ ига грубаго произвола, то, съ другой стороны, она не меньше издѣвается и надъ усиліями этого произвола въ конецъ поработить себѣ духъ человѣческій.

Я имѣю привычку каждый день передъ сномъ пересматривать и контролировать все, что я дѣлалъ, говорилъ и даже думалъ въ теченіе дня. Всегда почти оказывается, что я имѣю причину быть недовольнымъ собою въ одномъ изъ этихъ отношеній, а чаще всего—во всѣхъ трехъ. Хуже всего, что контроль этотъ не мѣшаетъ и въ слѣдующіе дни иногда повторяться тѣмъ-же ошибкамъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ методъ обращаться съ самимъ собою нельзя считать совсѣмъ безплоднымъ. Если наканунѣ произнесенный мною надъ самимъ собою приговоръ не ускользаетъ при обычномъ житейскомъ волненіи изъ моей памяти, то онъ содѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, уменьшенію глупости, готовой повториться. Значитъ, надо особенно налечь на память.

4. Четвергъ. Въ 1855—1860-мъ годахъ я былъ плѣненъ прекрасными и благородными начатками, обѣщавшими Россіи лучшій порядокъ вещей, безъ потрясеній и жертвъ. Способнымъ людямъ было тогда стыдно и преступно не помогать правительству въ его благихъ намѣреніяхъ, и такъ какъ меня тоже считали въ числѣ людей способныхъ и вызывали на дѣятельность, то я съ жаромъ устремлялся на подобныя призванія, помимо моей ученой и литературной карьеры. Воодушевленный этими стремленіями, я находился при министрѣ Норовѣ, принималъ участіе въ комитетѣ изъ графа В. Ѳ. Адлерберга, * * * и Н. А. Муханова, взялся за основаніе оффиціальной газеты и проч., несмотря на порицанія крайней партіи. Но немного времени

прошло, какъ мнѣ пришлось разочароваться. Можетъ быть, и я самъ дѣйствовалъ не съ тѣмъ тонкимъ благоразуміемъ, которое въ борьбѣ различныхъ мнѣній, интересовъ и страстей все-таки успѣваетъ что-нибудь пріобрѣсти въ пользу добра. Но съ другой стороны, что дѣлать, когда цѣлая система на васъ напираетъ и увлекаетъ за собою всѣ высшія силы, располагающія судьбою дѣлъ? Хоть-бы вы и умѣя дѣйствовали, а въ концѣ концовъ все-таки вамъ придется быть устраненнымъ. Такъ было и со мною. Весьма естественно, что въ общемъ ходѣ вещей меня нашли неспособнымъ идти общею дорогою. Я и самъ пришелъ къ подобному-же заключенію, но полагаю, что это не столько по духу сопротивленія и обдуманному плану, сколько по инстинктивнымъ влеченіямъ моей природы, что, конечно, не доказываетъ большой мудрости.

А, между тѣмъ, все это такъ просто и естественно... Что изъ всего этого выйдетъ?

8. Понедѣльникъ. Нынѣшняя зима приводитъ всѣхъ въ изумленіе своею лютостью и своимъ постоянствомъ. Почти весь январь и февраль по нынѣшній день морозъ держится между двадцатью и двадцатью-пятью градусами, а въ мѣстахъ болѣе открытыхъ доходитъ и до тридцати.

Сколько-бы ты ни пріобрѣлъ друзей, а все-таки при концѣ твоей жизни ты останешься одинъ съ своею совѣстью.

Говорятъ, Бисмаркъ есть только орудіе исторической Немезиды, карающей французовъ за ихъ легкомысліе, тщеславіе, за тревоги, какія они возбуждали въ народахъ своею революціонною пропагандою и проч. Допустимъ, что это такъ, но развѣ завидная доля быть палачемъ?

14. Воскресенье. На актѣ въ университетѣ. Рѣчь Хвольсона о семитическихъ народахъ. Онъ полагаетъ, что народы семитическіе стоятъ выше арійскихъ. Впрочемъ о семитическихъ народахъ вообще онъ говорилъ мало. Вся диссертація его посвящена почти исключительно восхваленію высокой образованности и качествамъ евреевъ. Хвольсонъ — самъ еврей. Много натяжекъ, много поверхностнаго въ его рѣчи. Одно мѣсто, однако, вызвало громкія рукоплесканія. Это то мѣсто, гдѣ ораторъ, восхваляя мирныя доблести евреевъ, неблагосклонно выражается о воинственныхъ стремленіяхъ европейцевъ и изъявляетъ желаніе,

„чтобы пушки и ружья передѣланы были въ плуги, а казармы—въ школы“. Жаль только, что это было приведено въ рѣчи, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, а только ради эффекта.

17. Среда. Актъ православной духовной академіи. Актъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ первый торжественный и публичный актъ въ этой академіи. Ректоръ Янышевъ прочиталъ отчетъ, искусно составленный, въ которомъ не было недостатка въ любезностяхъ....... Потомъ проф. (Мих. Ос.) Кояловичъ прочиталъ рѣчь „о безвѣріи въ нашемъ обществѣ въ настоящее время“. Рѣчь вышла довольно слабая: въ ней вмѣсто безвѣрія нашего времени было говорено о ересяхъ XIV, XV и XVI вѣковъ. Авторъ, кажется, не сообразилъ, что эти ереси были не безвѣріемъ, а разногласіемъ въ вѣрѣ, тогда какъ безвѣріе нашего времени, если ужъ на то пошло, идетъ вообще противъ принципа всякаго вѣрованія, въ чемъ большая разница. Впрочемъ, Кояловичъ вовсе не коснулся послѣдняго, такъ что рѣчь оказалась не тѣмъ, что обѣщало ея заглавіе. Я, между прочимъ, познакомился здѣсь съ извѣстнымъ протоіереемъ Богословскимъ и съ двумя профессорами академіи (Иллар. Алексѣев.) Чистовичемъ и Нильскимъ.

Миръ Пруссіи съ Франціею или, вѣрнѣе, перемиріе, потому что бисмарковскія условія, на которыя Франція въ настоящую минуту принуждена согласиться, таковы, что ни одинъ народъ, не погибшій окончательно, не можетъ считать ихъ для себя навсегда обязательными. Можно только бояться, чтобы французы, по пылкости своего темперамента, не покусились свергнуть съ себя оковы этого невозможнаго мира прежде, чѣмъ они вполнѣ приготовятся къ новой войнѣ.

18. Четвергъ. Сегодня похороны (Валеріана Алексѣевича) Татаринова, бывшаго государственнаго контролера. Это одинъ изъ тѣхъ дѣятелей нашей высшей администраціи, какихъ у насъ немного. На мѣсто его назначенъ (Александръ Аггіевичъ) Абаза.

Если есть честный, не фальшивый человѣкъ, не лицемѣръ, не лжецъ, въ нынѣшнемъ политическомъ мірѣ, такъ это Бисмаркъ. Онъ не прячетъ своихъ цѣлей подъ цвѣтами вымышленныхъ добродѣтелей и мнимо-гуманныхъ стремленій. Онъ прямо и смѣло дѣлаетъ то, что хочетъ. У него желѣзная воля

и желѣзная рука; онъ прямо простираетъ ее надъ Европою, не заботясь даже одѣть ее въ бархатную перчатку.

21. Воскресенье. Храмовой праздникъ въ Римско-Католической академіи и обѣдъ. Превосходная рыба, множество любезностей и улыбокъ, гимнъ „Боже, Царя храни“ и въ заключеніе даже тостъ за меня.

22. Понедѣльникъ. У графини Блудовой, гдѣ опять поспорилъ съ нею и съ братомъ ея за французовъ, которыхъ они считаютъ скверными и вполнѣ достойными постигшей ихъ участи. Но нельзя-же смотрѣть на народъ такъ односторонне, только со стороны его недостатковъ и ошибокъ, въ противномъ случаѣ—куда-бы и намъ дѣваться?

Мартъ 7. Воскресенье. Красные и Наполеонъ III, кажется рѣшились соперничать кто изъ нихъ вѣрнѣе погубитъ Францію

8. Понедѣльникъ. Двѣ враждебныя силы атакуютъ Петербургъ: эпидемическая оспа и эпидемическая холера. Послѣдняя какъ-то вдругъ поднялась и выросла. Первою жертвою ея былъ сынъ принца Ольденбургскаго, а тамъ пошла она косить. Да какая свирѣпая—въ три, въ четыре часа кончаетъ дѣло смерти, точно пруссакъ, въ шесть мѣсяцевъ разгромившій Францію. Оспа, хотя не такъ смертоносна, однако, всѣ пустились прививать ее себѣ. Хорошее времячко: люди и природа спорятъ другъ съ другомъ кто больше истребитъ людей.

А вотъ и во Франціи новая революція.

12. Пятница. Умеръ Александръ Григорьевичъ Тройницкій, членъ государственнаго совѣта. Это потеря и для общества и лично для меня. Онъ былъ честный, благородный человѣкъ и просвѣщенный администраторъ. Мнѣ онъ былъ близкій человѣкъ, понималъ меня и любилъ. Онъ нѣсколько времени тому назадъ, мѣсяца три, былъ очень боленъ, но совсѣмъ оправился. Недѣли за двѣ я былъ у него и мы проговорили съ нимъ часа два, по обыкновенію очень дружески и пріятно. Въ среду онъ почувствовалъ припадки холеры, а въ пять часовъ утра его уже не было на свѣтѣ.

13. Суббота. Похороны Тройницкаго. Безчисленное множество звѣздъ и лентъ. Были: государь, наслѣдникъ, великіе князья Константинъ и Николай. Я проводилъ моего стараго пріятеля отъ его дома до Владимірской церкви. Его повезли на Волково.

Пихлеръ, обокравшій публичную библіотеку,—говорятъ, онъ укралъ болѣе 4000 томовъ,—посаженъ подъ арестъ и преданъ суду.

16. Вторникъ. „Московскимъ Вѣдомостямъ“ дано предостереженіе—уже второе. Онѣ, по обыкновенію своему, сильно и справедливо говорили о сепарастическихъ стремленіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ, но, къ сожалѣнію, по обыкновенію-же своему, впали въ черезчуръ рѣзкій и заносчивый тонъ. Въ обществѣ нашемъ, вообще, сильно распространено мнѣніе, что у насъ слишкомъ покровительствуютъ нѣмцамъ и пруссакамъ, даже въ подрывъ русскимъ народнымъ интересамъ. Недавно какой-то варшавскій жидъ, какъ говорятъ, въ союзѣ съ берлинскими капиталистами, едва не овладѣлъ всѣмъ волжскимъ судоходствомъ, подъ предлогомъ очистки засорившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русла рѣки. Это грозило страшною монополіею, которая должна была обратить въ ничто все наше пароходство на Волгѣ. Рейтерну принадлежитъ честь, что онъ разрушилъ этотъ замыселъ, на который было согласились, по ходатайству (м-ра пут. сообщенія) графа Бобринскаго. Но Рейтернъ больной поѣхалъ къ государю и объяснилъ ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Государь былъ этимъ очень огорченъ и сдѣлалъ выговоръ Бобринскому, причемъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ очень дурно окруженъ. Бобринскій захворалъ и больше не управляетъ министерствомъ. Говорятъ, что по вѣдомству путей сообщенія открыто много злоупотребленій.

18. Четвергъ. Литература наша скачетъ на одной ногѣ, глядитъ однимъ глазомъ.

27. Суббота. Страшно за Францію. Она, въ данную минуту, точно перестала быть народу отечествомъ, государствомъ и становится страною, территоріею. Въ ней есть соціалисты, коммунисты, конституціонисты, легитимисты, орлеанисты, имперіалисты, но нѣтъ французовъ. Замѣчательно, что въ разныхъ воззваніяхъ вы рѣдко встрѣтите обращеніе къ французамъ, а почти всегда къ идеямъ партіи, отъ которой идетъ воззваніе. Партіи раздираютъ Францію и каждая тянетъ къ себѣ кусокъ, не заботясь объ остальномъ.

Англія предлагала Пруссіи: не желаетъ-ли она спасти Парижъ и Францію отъ ужасовъ междуусобной войны. Францію могутъ спасти только французы, найдутся-ли они?

Апрѣль 8. Четвергъ. Всѣ сильно заняты одесскимъ происшествіемъ. Непостижимы дѣйствія или, лучше сказать, бездѣйствія мѣстной администраціи. Она не только не позаботилась предотвратить народнаго волненія противъ евреевъ, чего можно было опасаться по прежнимъ примѣрамъ, но дала разгорѣться настоящему бунту, который свирѣпствовалъ цѣлыхъ три дня и почти повсемѣстно сопровождался грабежемъ. Говорятъ, генералъ-губернаторъ Коцебу игралъ здѣсь жалкую роль. Существуетъ подозрѣніе, что (мѣстная полиція) умышленно бездѣйствовала. Враждуя съ судами, она, будто-бы, притворилась, что они парализовали ея власть и ссылалась на то, что полицейскіе чины потому и не смѣли принять энергическихъ мѣръ. Впрочемъ, мѣстная полиція приняла ихъ: спустя три дня, она подвергла наказаніямъ и праваго и виноватаго, кто только подвернулся ей подъ руку. Однимъ словомъ, не обобраться слуховъ.

10. Воскресенье. На диспутѣ въ духовной академіи. Профессоръ (Илларіонъ Алексѣевичъ) Чистовичъ искалъ степени доктора. Возраженія ему были довольно полновѣсныя, но докторантъ защищался съ замѣчательною ловкостью и достоинствомъ. Вообще, это человѣкъ съ умомъ, большими свѣдѣніями и съ талантомъ. Предметъ былъ трудный и любопытный: „историческое изложеніе идеи безсмертія въ древнемъ мірѣ и въ христіанствѣ“. Главное положеніе заключалось въ томъ, что идея безсмертія у древнихъ была безличная—христіанство первое установило безсмертіе лица. Вообще диспутъ былъ очень занимателенъ и неутомителенъ, несмотря на свою продолжительность. Тутъ встрѣтилъ я много своихъ знакомыхъ, между прочими, Макарія, архіепископа виленскаго, (Василія Борисовича) Бажанова, Д. и проч.

Парижская коммуна требуетъ совершенной перестройки или, лучше сказать, замѣны государства конфедераціею общинъ, т. е. полнаго осуществленія соціалистическихъ теорій. Государство, по мнѣнію этихъ великихъ реформаторовъ и учителей, отжило и начинается жизнь общинъ. А что-же вы сдѣлаете изъ государствъ и большихъ нынѣ существующихъ государствъ, которыхъ, все-таки, не мало найдется на бѣломъ свѣтѣ? Какъ, что? Мы ихъ разрушимъ; для этого-то и слѣдуетъ учредить всемірную революцію, а затѣмъ, что будетъ — не наше дѣло. Едва-ли въ

исторіи человѣчества было другое подобное безуміе. Бѣдные люди! И все это дѣлается на счетъ ихъ крови. Вѣдь и Пруссія не мало пролила ея во имя германскаго единства.

14. Среда. Природа скупо до скаредства отпускаетъ намъ тепло. Ни одного дня не было теплаго во весь мартъ и въ апрѣлѣ по сихъ поръ. Таковъ-то сей парадизъ Петра Великаго.

Вотъ мы пріятели съ N. N. Но стоитъ мнѣ не согласиться въ разговорѣ съ его мнѣніемъ, хотя-бы дѣло шло о жителяхъ луны, онъ, непремѣнно, сдѣлается моимъ врагомъ. Такова терпимость мыслей у русскихъ образованныхъ людей.

А вотъ насъ нѣсколько человѣкъ засѣдаетъ въ комиссіи, которой поручено разсмотрѣть такое-то дѣло и дать о немъ свое заключеніе. Господинъ N. N. составилъ себѣ такое-то мнѣніе; но случись на бѣду, что другой господинъ N. N. на двѣ минуты предупредилъ перваго и высказалъ свое мнѣніе, совершенно сходное съ мнѣніемъ товарища. Что-же дѣлать этому? Согласиться,—какъ можно! Самолюбіе воспрещаетъ. Онъ на скоро выдумываетъ другое мнѣніе или пристаетъ къ мнѣнію третьяго, вполнѣ противоположному его собственному убѣжденію, чтобы только не признать чьего-нибудь первенства. Таковъ духъ ассоціаціи почти во всѣхъ нашихъ общественныхъ собраніяхъ....

15. Четвергъ. Умы сильно возбуждены борьбою между классицизмомъ и такъ называемымъ реализмомъ въ дѣлѣ нашего образованія. Дѣло это разсматривается въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Д. А. Толстой, по внушенію Каткова и Леонтьева, отстаиваетъ проектъ въ пользу классицизма, состоящій въ томъ, что университетъ долженъ быть доступенъ только тѣмъ, которые кончили курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, т. е. изучали греческій и латинскій языки. Для прочихъ учреждается реальное училище. Была учреждена комиссія, для составленія устава этихъ училищъ, комиссія изъ лицъ, извѣстныхъ по разнымъ отраслямъ науки. Они начертали проектъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, который давалъ-бы общее и реальное образованіе безъ древнихъ языковъ. Каткову и Леонтьеву показалось, что училища, основанныя по этому плану, отнимутъ молодыхъ людей у классическихъ гимназій и составили свой проектъ, на основаніи котораго реальныя училища получаютъ характеръ техническо-ремесленныхъ заведеній. Графъ Толстой раздѣ-

ляетъ мнѣнія Каткова и Леонтьева; ихъ-то проектъ онъ и внесъ въ государственный совѣтъ. Тутъ надняхъ разразилась страшная буря. Противъ министра народнаго просвѣщенія возстали Милютинъ, графъ Панинъ, Грейгъ, Головнинъ, Гротъ, Чевкинъ.... Выше эти лица требовали для реальныхъ училищъ права для поступленія въ университетъ и находили нужнымъ допустить въ нихъ латинскій языкъ. Публика съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ, чѣмъ все это кончится; газеты сильно спорятъ. Противъ исключительнаго и односторонняго классицизма энергически возстаютъ „Голосъ" и „Спб. Вѣдомости", особенно послѣднія, которыя убѣдительно и остроумно отстаиваютъ права общаго образованія съ допущеніемъ въ университетъ....

Между тѣмъ, Катковъ почти безвыходно сидитъ у графа Толстого и дѣйствуетъ въ пользу своего проекта, а Маркевичъ и ** пишутъ задорныя статьи въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", которыя почему-то стали на сторону классицизма.

23. Пятница. Въ старости, большею частью, уже не дѣлаютъ новыхъ умственныхъ и нравственныхъ пріобрѣтеній, а живутъ запасомъ или капиталомъ, добытымъ прежде.

Наклонность къ розни едва-ли не лежитъ въ основѣ русскаго духа: на этомъ и покоится незыблимо...

29. Четвергъ. Разбирая безпристрастно, безъ всякихъ предубѣжденій, проектъ Каткова и Леонтьева, вотъ къ какому, кажется, результату должно придти. Намѣреніе ихъ, можетъ быть, очень хорошее: они хотятъ положить основаніе прочному и серьезному образованію и думаютъ достигнуть этого посредствомъ классицизма. До сихъ поръ это очень хорошо. Но капитальная ошибка ихъ въ томъ, что, требуя отъ гимназій исключительнаго изученія древнихъ языковъ, и только воспитанникамъ этихъ гимназій открывая двери въ университетъ и затворяя ихъ передъ учениками такъ называемыхъ реальныхъ училищъ, они низводятъ реальное образованіе почти до степени ремесленнаго. Но, разумѣется, они это дѣлаютъ потому, что, съ возвышеніемъ реальныхъ училищъ, ихъ классическія гимназіи могутъ подвергнуться опустѣнію, а это убило-бы самую сущность ихъ классическаго проекта. Вотъ это-то невниманіе къ реальнымъ наукамъ, угрожающее имъ рѣшительнымъ упадкомъ,

и вооружаетъ противъ Толстого съ Катковымъ и Леонтьевымъ все общественное мнѣніе и всѣхъ естественниковъ.

Въ состояніи-ли классическія гимназіи приготовлять учащихся въ нихъ къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ, такъ, какъ онѣ могутъ приготовлять къ высшему ученому образованію въ университетахъ? Конечно, нѣтъ. Но и реальныя училища, въ томъ видѣ, какой хотятъ имъ дать Катковъ и Леонтьевъ, тоже не въ состояніи этого сдѣлать. И такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мы не будемъ имѣть людей, вполнѣ и основательно образованныхъ для множества реальныхъ цѣлей въ обществѣ, и лишимъ послѣднее способовъ преуспѣвать во всемъ, что составляетъ его силу и богатство. Полезно-ли это?

Крайніе приверженцы классицизма опасаются, что у насъ вовсе не будутъ учиться классическимъ предметамъ, если открыть путь въ университетъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ— разумѣется съ латинскимъ языкомъ. И вотъ находятъ нужнымъ употребить принужденіе—насильно привлекать молодыхъ людей въ классическія гимназіи. Едва-ли это хорошо.

30. Пятница. Завтра май и ни малѣйшихъ признаковъ чего-нибудь похожаго на весну. Каждый день то дождь со снѣгомъ, то дождь съ вѣтромъ, не способнымъ внушать никакихъ весеннихъ мыслей. Мосты на Невѣ до сихъ поръ не наведены: ладожскій ледъ тянется по рѣкѣ сплошными массами,—его, кажется, станетъ на цѣлое лѣто. Пастухи покусились, было, на Георгіевъ день, по обычаю, вывести коровъ въ поле. Но тамъ не оказалось еще ни стебля травы, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ призывная труба, сзывающая стадо на улицѣ, смолкла. Словомъ все, какъ слѣдуетъ тому быть по принципу наивеличайшей гадости.

Когда нѣтъ предметовъ для разговора, лучше молчать, чѣмъ болтать вздоръ.

Май 1. Суббота. Вотъ и май, въ которомъ и тѣни нѣтъ ничего майскаго въ семъ парадизѣ, какъ Петръ Великій называлъ новостроющійся Петербургъ. Вчера и сегодня Нева покрыта льдомъ, который не перестаетъ тянуться изъ Ладожскаго озера.

Вечеръ у И. П. К. Встрѣтился съ Катковымъ. Онъ, по обыкновенію, обнялъ меня, какъ стараго пріятеля, но отъ откровенной бесѣды уклонился, очевидно опасаясь услышать

отъ меня мысли, несогласныя съ его крайне классическими убѣжденіями и неодобрительныя для крутости, съ какою хотятъ ломать головы и приноравлять ихъ къ классической мѣркѣ.

7. Пятница. Стоитъ поближе всмотрѣться въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей нашего времени, чтобы невольно почувствовать къ нимъ особаго рода сожалѣнія, не лишеннаго доли презрѣнія. Правда, они много говорятъ, и даже очень громко, о низшихъ классахъ, о пріумноженіи вещественныхъ благъ послѣднихъ, о свободѣ просвѣщенія, о наилучшемъ устройствѣ обществъ и разныхъ отраслей управленія. Они либеральны съ головы до ногъ. Но либерализмъ этотъ, исходя изъ ихъ головы, оканчивается у ихъ собственныхъ ногъ. Крича, что есть мочи, о всемъ вышеупомянутомъ, они дѣйствительно, съ полнымъ усердіемъ, работаютъ надъ пріумноженіемъ своихъ собственныхъ матеріальныхъ благъ. Какъ высокомѣрны они, какъ напыщенны! Съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ они на все, что не входитъ въ программу ихъ собственныхъ дѣйствій. Эти либералы и провозвѣстники свободы готовы растерзать всякаго, кто осмѣлится предъявить свое мнѣніе, несогласное съ ихъ мнѣніями. Если эти передовые люди таковы, то что-же сказать о тѣхъ, которые стоятъ или идутъ позади ихъ.

Есть потокъ нравовъ, который увлекаетъ малодушныхъ людей и дѣлаетъ изъ нихъ вовсе не то, чѣмъ они могли-бы быть, предоставленные природнымъ своимъ наклонностямъ.

Да проститъ намъ высокодаровитый писатель, но этотъ характеръ (бабушки въ „Обрывѣ“) въ заключеніе является психологическою фальшью и клеветою на русскую женщину.

13. Четвергъ. Коммуна перестала существовать. Версальцы въ Парижѣ. Но бунтовщики успѣли зажечь его въ разныхъ мѣстахъ, опрокинуть Вандомскую колонну и разрушить домъ Тьера. Самое ужасное послѣдствіе дикихъ злодѣйствъ—это позоръ, который они наложили на всякое стремленіе къ общественному усовершенствованію и обновленію. Такой оргіи самыхъ постыдныхъ и нелѣпыхъ злодѣйствъ — оргіи опьянѣвшаго грубаго своеволія и разнузданныхъ страстей, подъ видомъ любви ко всеобщему благу, свѣтъ еще никогда не видалъ. И если Франція послѣ этого не образумится, не покончитъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, на очень долго со своимъ любимымъ время-

провожденіемъ, то придется согласиться, что она обречена на гибель.

Проклятая коммуна совсѣмъ скомпрометтировала дѣло свободы. Не было и не будетъ бóльшаго торжества деспотизма, какъ то, которое она ему доставила своими отвратительными оргіями.

16. Воскресенье. Вчера было окончательное засѣданіе государственнаго совѣта по дѣлу объ учебной реформѣ. Къ шести прежнимъ голосамъ въ комиссіи присоединилось двѣнадцать. Всѣхъ присутствующихъ было двадцать семь. Если вычесть 18 голосовъ изъ 27—т. е. 18, оказавшихся противъ классицизма—то на сторонѣ послѣдняго окажется меньшинство въ 9 голосовъ.

Сегодня былъ у меня Г. П. Н. Онъ-то и передалъ мнѣ то, что происходило вчера въ государственномъ совѣтѣ. Милютинъ, военный министръ, произнесъ блистательную рѣчь противъ исключительно классическаго образованія. Говорили еще графъ Панинъ и Головнинъ—тоже противъ. Съ ними за одно были и князь Горчаковъ и (кн. П. П.) Гагаринъ.

. . . .

Но я боюсь другаго, другой опасности. По проекту графа Толстого, реальныя училища должны сообщать самое поверхностное знаніе въ наукахъ, такъ называемыхъ, реальныхъ — лишь настолько, чтобы приготовлять ремесленниковъ и техниковъ. Здѣсь будетъ учиться множество юношей средняго и бѣднаго сословія и получать образованіе самое поверхностное. А такое образованіе способно не столько укрѣплять умы, сколько раздражать ихъ и при дѣйствіи духа времени и при расположеніи умовъ въ обществѣ, оно чуть-ли не является главною закваскою такъ называемаго нигилизма, который думаютъ устранить классическими гимназіями.

Высокомѣріе есть порокъ смѣшной и глупый, а извѣстно, что поверхностное знаніе, да еще безъ другихъ хорошихъ качествъ, удивительно располагаетъ къ высокомѣрію.

23. Воскресенье. Дожди и холода, холода и дожди. Многіе, уже переѣхавшіе на дачу, опять возвращаются въ городъ.

24. Понедѣльникъ. Человѣкъ исправляется отъ многихъ пороковъ по мѣрѣ того, какъ теряетъ къ нимъ вкусъ и способность.

Есть шайки воровъ и разбойниковъ, которыя такъ и называются, но есть такія, которыя носятъ имена прусскихъ солдатъ, соціалистовъ, коммунистовъ, національныхъ гвардейцевъ (въ Парижѣ, во время коммуны) и т. д. Соціалисты, подобно испанцамъ, огнемъ и мечемъ проповѣдывавшимъ въ Америкѣ христіанство, навязываютъ людямъ свою общественную систему. А не хочешь—такъ голову долой!

Чѣмъ лучше этихъ испанцевъ поступали въ Парижѣ тѣ, которые керосиномъ и петролеумомъ крестили людей, съ цѣлью насильственно обращать ихъ въ свою политическую вѣру?

Не великая-ли нелѣпость стремиться превращать отдаленное и сомнительное будущее въ настоящее?

Іюнь 1. Вторникъ. Хорошее въ жизни кажется мнѣ до того исключительнымъ, что когда оно, въ рѣдкихъ случаяхъ, выпадаетъ на мою долю, мнѣ становится какъ-то неловко и совѣстно передъ самимъ собою и людьми, точно я незаконно урвалъ его у судьбы.

. . . .

Коммуна хочетъ законъ естественнаго развитія, который царитъ надъ всѣмъ міромъ, замѣнить катастрофами и потопить въ крови все содѣянное этимъ закономъ въ прошломъ.

11. Пятница. Сегодня Б—скій привелъ ко мнѣ француза, перешедшаго въ православіе и сдѣлавшагося священникомъ, отца Виктора, который отправляетъ лѣтомъ церковную службу въ здѣшней (въ Павловскѣ) полковой церкви. Его оправославилъ нашъ бывшій русскій священникъ въ Парижѣ Васильевъ. Не знаю, насколько отецъ Викторъ обширно образованъ, но на первый взглядъ онъ мнѣ показался то, что называется добрый малый. По-русски онъ говоритъ, какъ настоящій русскій.

Отнынѣ университеты доступны только тѣмъ, которые, учась по-латыни, учатся и по-гречески. Такъ слѣдовало и ожидать.

30. Среда. За человѣчество глупо отчаяваться. Рѣжется-ли оно, истребляетъ-ли оно вѣковые памятники своей исторіи, воруетъ-ли оно и грабитъ, во имя военной славы и разнаго рода объединеній и уравненій и проч. и проч.—оно все равно живетъ и не умираетъ. Вѣдь это главное въ видахъ природы.

Нужно, чтобы было пугало, иначе вороны и всякія хищныя

птицы выклюютъ всѣ зерна, посѣянныя трудомъ человѣка. Пугала-же, увы, обыкновенно, дѣлаются изъ чего-нибудь безобразнаго, иначе, оно и не было-бы пугаломъ.

Іюль 4. Воскресенье. Жары чрезвычайныя. Вѣроятно, на долю ихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, слѣдуетъ отнести отсутствіе душевной и тѣлесной энергіи, какую я ощущаю.

Вчера въ Павловскѣ (гдѣ провожу лѣто) военная команда изъ дѣтей, набранныхъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, брала приступомъ крѣпость и ночевала на бивакахъ вокругъ пруда. Гремѣла пушечная пальба, пускались ракеты. Была масса зрителей.

5. Понедѣльникъ. Общественное вниманіе сильно возбуждено процессомъ Нечаева. Газеты только о немъ и толкуютъ.

14. Среда. Нечаевскій процессъ продолжаетъ волновать общество.

18. Воскресенье. Извлечь изъ данной силы все, что въ ней есть, не злоупотребляя ею — это и есть задача художественной обработки ея.

Возбуждать полудикій народъ къ возстанію, давать ему въ руки топоры—не есть-ли это политическое безуміе? Наше время слагается въ нашей странѣ изъ невѣжества, заносчивости ученыхъ и не ученыхъ естествоиспытателей, самонадѣянныхъ поборниковъ классицизма, изъ деморализаціи и безтолковости общества....

22. Четвергъ. Въ обществѣ самыя противорѣчивыя сужденія о судѣ по нечаевскому дѣлу. Одни находятъ его торжествомъ новаго судопроизводства, другіе сильно порицаютъ его за слабость и потворство. Послѣдніе особенно недовольны дѣйствіями предсѣдателя Любимова[1]). Онъ, говорятъ они, не останавливалъ защитниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ тѣ развивали свои черезчуръ либеральныя тенденціи и касались вопросовъ, не относящихся къ дѣлу. Послѣднее, особенно, приписывается рѣчи С**, который сдѣлалъ изъ нея лекцію о томъ, какъ происходятъ революціонныя движенія и какъ сила обстоятельствъ невольно увлекаетъ на путь, гдѣ очутились подсудимые. Сверхъ того, предсѣдателя еще не хвалятъ за слова, сказанныя имъ четыремъ

---

[1]) Впослѣдствіи сенаторъ, умеръ. Ред.

оправданнымъ, что ихъ мѣсто отнынѣ между ними судьями, разумѣя подъ этимъ, конечно, общество.

30. Пятница. Катковъ въ № 161-мъ „Московскихъ Вѣдомостей" очень умно и талантливо говоритъ много дѣльнаго и правдиваго относительно нечаевскаго дѣла, но онъ все-таки не договорился до всей правды. Что всѣ эти возстанія и агитаціи юношей есть бредъ полуобразованія и т. п.—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но не слѣдуетъ забывать и того, какую грустную и скверную школу они проходятъ съ дѣтства. Что слышатъ и видятъ они безпрестанно вокругъ себя въ обществѣ.... Въ одномъ полное отсутствіе честности, уваженія къ закону, чувства долга всякаго рода кутежи и развраты и т. д. ... Да вѣдь нельзя-же этого уничтожить вдругъ, особенно тѣми средствами. къ какимъ прибѣгаетъ, такъ называемый, нигилизмъ. Конечно. Но говоря о причинахъ нашихъ печальныхъ волненій, нельзя не сказать того... И можно-бы только желать, чтобы они не бросались, очертя голову, на то, что съ одной стороны превосходитъ ихъ силы, а съ другой, приводитъ этихъ юношей къ преступнымъ и безнравственнымъ цѣлямъ.

Августъ 7. Суббота. Если-бы жизнь цѣнилась исключительно по тѣмъ благамъ, которыхъ мы жаждемъ и которыхъ не получаемъ, какъ немногимъ изъ живущихъ не пришлось-бы желать скорѣе отъ нея избавиться. Нѣтъ! Цѣна жизни въ ней самой. Жить, т. е. мыслить, чувствовать, дѣйствовать — этого одного довольно, чтобы заставить человѣка любить жизнь.

8. Воскресенье. Любовь пріобрѣтается заслугами. Какое я право имѣю на исключительное чувство привязанности ко мнѣ существа, подобнаго мнѣ, если я ничего для него не сдѣлалъ, чего для него не могли или не хотѣли сдѣлать другіе? Конечно, я говорю не о той любви, которая основана на инстинктѣ, какъ любовь родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ или любовь половая. Объ этихъ любвяхъ нечего сказать: сила и степень ихъ зависитъ отъ разныхъ случайностей, отъ темперамента и пр.

12. Четвергъ. Надо всячески избѣгать споровъ, въ нихъ невольно разгорячишься и непремѣнно скажешь или глупость или рѣзкость, о которой послѣ пожалѣешь.

28. Суббота. Много толковъ по поводу неудовольствія на суды за то, вопервыхъ, что предсѣдатель велъ себя слишкомъ

гуманно и любовно съ подсудимыми по нечаевской исторіи и что онъ не останавливалъ адвокатовъ тамъ, гдѣ они слишкомъ распространялись въ общихъ понятіяхъ о сущности и различіи заговора и тайныхъ обществъ. Вовторыхъ, за то, что судъ оправдываетъ нѣкоторыхъ, а не всѣхъ приговариваетъ къ карѣ.

Происшествіе въ Павловскѣ. Въ девять часовъ вечера кто-то выстрѣлилъ въ темнотѣ изъ револьвера и ранилъ одного изъ двухъ проходившихъ по аллеѣ разнощиковъ-гребенщиковъ. Это случилось у Солдатской слободки, возлѣ пруда, не далеко отъ дачъ, откуда еще не всѣ съѣхали. У гребенщика оказались три раны. Опасаются за его жизнь, такъ какъ одна пуля засѣла гдѣ-то далеко и ее не могутъ найти. Происшествіе навело панику на жителей Павловска, но, кажется, напрасно. Тутъ, какъ оказывается по нѣкоторымъ соображеніямъ, дѣйствовали вовсе не злоумышленники съ цѣлью грабежа. Около самаго того мѣста, гдѣ послѣдовалъ выстрѣлъ, живетъ какой-то господинъ, у котораго, говорятъ, два взбалмошныхъ сына. Одинъ изъ нихъ потѣшался съ револьверомъ и хотѣлъ выстрѣлить въ темнотѣ по деревьямъ, а попалъ въ человѣка.

Сентябрь 12. Воскресенье. Хлѣбъ приготовляется для того, чтобы его ѣсть; факты приводятся въ извѣстность для того, чтобы давать пищу разсужденіямъ, обобщеніямъ и дѣланію изъ нихъ выводовъ — словомъ, они должны служить средствомъ для извѣстныхъ дѣйствій, а не служить конечною цѣлью.

Судьба народа зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ онъ одаренъ способностью сопротивленія. Эта способность, въ силу которой предметъ можно гнуть только до нѣкоторой степени, ибо онъ всегда можетъ снова выпрямиться и принять должное направленіе; но если этой способности у народа нѣтъ, то что вы съ нимъ ни дѣлайте, онъ годенъ только на то, чтобы служить орудіемъ въ рукахъ другаго.

Лучшее свойство хорошаго ума состоитъ въ томъ, чтобы подъ благовидностью истины угадывать ложь.

15. Среда. Всеобщее возбужденіе въ Петербургѣ, по причинѣ непомѣрной дороговизны квартиръ и дровъ. Домовладѣльцы страшно возвышаютъ цѣны на квартиры: кто прежде платилъ, напримѣръ, 700 рублей, съ того требуютъ 1.000 и больше.

Дрова съ четырехъ рублей и 4 р. 50 к. дошли до семи рублей за сажень и угрожаютъ дойти до десяти. Цѣны небывалыя въ Петербургѣ. И вообще, всѣ предметы потребленія страшно вздорожали.

20. Понедѣльникъ. Провидѣніемъ Петербурга въ данную минуту является (Өед. Өед.) Треповъ. Едва оправясь отъ тяжкой болѣзни и вступивъ въ отправленіе своей должности, онъ уже принимаетъ рѣшительныя мѣры къ облегченію бѣднѣйшаго класса жителей, посредствомъ закупки въ большихъ массахъ дровъ и распродажи ихъ по удешевленной цѣнѣ. Говорятъ, что дрова такъ вздорожали отъ стачки мошенниковъ дровяныхъ торговцевъ.

Октябрь 2. Суббота. Первый вечеръ, послѣ лѣтняго отдыха, у И. П. К. на нейтральной почвѣ, какъ справедливо выразился Б. Кого тутъ не было и сколько людей тутъ было! И каждый со своими тенденціями политическими, литературными, общественными. Но это, само собой, разумѣется: сколько головъ, столько умовъ. Не въ этомъ и дѣло. Разнообразіе въ Божьемъ мірѣ неисчерпаемо, а разномысліе и разноголосица въ русскомъ мірѣ безконечны. Но вотъ бѣда: самолюбія въ этомъ разногласіи ненасытныя. Вступая въ разговоръ съ другимъ, каждый сначала, какъ будто, готовъ на компромиссъ; онъ любезно приглашаетъ васъ высказать ваше мнѣніе, повидимому для того, чтобы придти съ вами въ соглашеніе или, по крайней мѣрѣ, признать за вами право на ваше собственное мнѣніе. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встрѣтите такой отпоръ, какъ будто нанесли вашему собесѣднику личное и кровное оскорбленіе. И что за хаосъ мнѣній! Какъ легко распространяются самые нелѣпые слухи! Какъ во всемъ господствуютъ пристрастіе и личные виды. Ходишь въ этой толпѣ, какъ въ чаду съ отягченною головою.

6. Среда. Поднимается великая буря на академію наукъ въ кругу интеллигентнаго общества за избраніе въ адъюнкты ея по креслу исторіи (Александра Николаевича) Пыпина. Избраніе это, впрочемъ, состоялось еще только въ отдѣленіи и пройдетъ-ли оно въ общемъ собраніи—это еще вопросъ. Говорятъ: „какъ можно было избрать (А. Н.) Пыпина по части исторіи за одну только статью, напечатанную имъ въ „Вѣстникѣ Европы“ объ Александрѣ I и Карамзинѣ?“ И далѣе: „Почему-же не избрали (Н. И.) Костомарова, который и есть настоящій дѣятель по русской исторіи?“

Особенно кричатъ и вопятъ тѣ, которые недружелюбно относятся къ „Вѣстнику Европы". Къ нимъ, разумѣется, примыкаетъ и партія (классиковъ). (Дѣлаютъ) замѣчанія, въ силу которыхъ Пыпинъ, пожалуй, окажется неутвержденнымъ. Такъ думаютъ * и **. Скандалъ большой. Правда, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Не Пыпина, а Костомарова, дѣйствительно, слѣдовало избрать на кресло исторіи. Заслуги Костомарова и его дарованія въ этой области всѣми признаны, и (А. Н.) Пыпинъ, конечно, не можетъ быть не только предпочтенъ ему, но и поставленъ съ нимъ наряду. Между тѣмъ, послѣдній могъ-бы быть по всѣмъ правамъ и по всей справедливости избранъ во II отдѣленіе по части исторіи русской словесности—и это, конечно, никого не удивило-бы, не обидило и не озлобило. Теперешнее избраніе приписываютъ интригамъ Пекарскаго и **. Оно можетъ быть и такъ. Посмотримъ, что сдѣлаетъ общее собраніе.

Вотъ уже явилась и статья въ „Голосѣ" противъ избранія (Александра Николаевича) Пыпина.

7. Четвергъ. Главная причина нравственныхъ безпорядковъ нашего времени въ усилившейся страсти къ наслажденіямъ и въ отсутствіи понятія о долгѣ, которое должно умѣрять и обуздывать эту страсть.

15. Пятница. Всѣмъ извѣстно, что между крайностями есть середина, но немногіе видятъ и понимаютъ истину, которая лежитъ въ этой серединѣ.

Была у меня З. А. Кельсіева. Эта бѣдная женщина провела свою лучшую жизни въ приключеніяхъ, которыя выпадаютъ большею частію половину женщинѣ, богато одаренной красотою и блестящими способностями, но лишенной разумнаго воспитанія и руководства. Съ семилѣтняго возраста она жила въ Италіи, гдѣ, между прочимъ, пріобрѣла отличное музыкальное образованіе, но не пріобрѣла благоразумія. Два раза она была замужемъ сомнительнаго свойства и, наконецъ, въ Петербургѣ влюбилась въ Вас. Ив. Кельсіева, только что возвратившагося изъ эмиграціи, по высочайшему разрѣшенію. Такъ какъ ей по сердцу было все необыкновенное, то, вѣроятно, ее прельстила необыкновенная судьба этого политическаго авантюриста, дѣйствительно не лишеннаго способностей, но въ высшей степени легкомысленнаго и сумасброднаго, какъ многіе изъ нашихъ молодыхъ политическихъ либераловъ съ красною окраскою. Она соединилась съ Кельсіевымъ,

думая найти въ немъ чуть не великаго человѣка, а вмѣсто того нашла человѣка, совершенно неспособнаго къ какому-либо производительному дѣлу и къ тому-же человѣка, преданнаго пьянству. Около двухъ лѣтъ возилась она съ нимъ и, наконецъ, какъ она говоритъ, принуждена была оставить его на произволъ его жалкой судьбы. Все это она мнѣ объяснила сегодня. Она, очевидно, желаетъ снова попасть въ тотъ кругъ, гдѣ признаются умъ и талантъ. Она желаетъ заняться литературнымъ трудомъ, и что она къ нему способна, она доказала это своими переводами и разнообразнымъ сотрудничествомъ у Краевскаго который не нахвалится ея усердіемъ и умѣніемъ. Прежде чѣмъ она, на свое горе, познакомилась съ Кельсіевымъ, она въ теченіе двухъ лѣтъ занималась у Краевскаго, зарабатывая до двухъ тысячъ въ годъ. Кельсіевъ отвлекъ ее отъ этихъ занятій, и теперь она находится въ большомъ затрудненіи [1]).

19. Вторникъ. N. N. говоритъ противъ выбора (А. Н.) Пыпина въ адъюнкты академіи. На дняхъ, за обѣдомъ у себя, онъ, въ присутствіи многихъ лицъ, расточалъ ужасные укоры на академію за этотъ выборъ и съ обыкновенною своею горячностью объявилъ, что (А. Н.) Пыпинъ не сядетъ на академическое кресло. За что такая непріязнь къ этому человѣку? Въ данномъ случаѣ виноватъ не онъ, а тѣ любители интригъ, которые поставили его въ неловкое положеніе. Самъ онъ человѣкъ почтенный и почтенный ученый. Онъ участвуетъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, который находится въ оппозиціи съ гр. Толстымъ, и притомъ Пыпинъ не приверженецъ классицизма и Каткова: ужъ не въ этомъ-ли вся вина его въ глазахъ нѣкоторыхъ?

Кстати о Катковѣ. Во время преній о классицизмѣ и реализмѣ, когда NN, защищая классицизмъ, выходилъ изъ себя, и непомѣрно его восхвалялъ, Ч**, по окончаніи чтенія, обратился къ NN, сказалъ:

— „Вы не дочитали всего, что Катковъ говоритъ объ этомъ“.

Вся жизнь человѣческая состоитъ изъ переходныхъ и безпрерывно измѣняющихся моментовъ, а мы привязываемся къ разнымъ предметамъ и положеніямъ, какъ будто все вокругъ насъ и мы сами были тверды и долговѣчны, какъ гранитъ.

[1]) Оба, и мужъ и жена, не бывшіе, впрочемъ, въ законномъ бракѣ, умерли.
Ред.

24. Воскресенье. Обѣдъ у министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Послѣ обѣда составился около него кружокъ. Онъ много говорилъ о томъ, въ какомъ блестящемъ состояніи нашелъ онъ преподаваніе классическихъ языковъ въ Германіи, во время лѣтней своей поѣздки. Я замѣтилъ сидѣвшему около меня Д**, что у насъ этого ожидать невозможно. Въ Германіи нѣсколько вѣковъ приготовили эти успѣхи и, притомъ, такое изученіе въ духѣ германскаго народа. „Увѣрены-ли вы", прибавилъ я, „что ваша система можетъ надолго устоять?" Графъ говорилъ хорошо...

27. Среда. Если мнѣ что-нибудь скажутъ дурнаго о томъ или другомъ лицѣ, особенно о томъ, что это лицо говорило обо мнѣ, то это немножко почешетъ мое ухо, но я тотчасъ кладу въ него затычку глубочайшаго презрѣнія ко всѣмъ толкамъ и слухамъ и успакоиваюсь.

Ноябрь 12. Пятница. (А. Н.) Пыпинъ избранъ въ адъюнкты Академіи Наукъ по русской исторіи въ сегодняшнемъ общемъ собраніи: онъ получилъ 25-ть шаровъ избирательныхъ и 9-ть отрицательныхъ. Въ пользу его, кажется, много послужили (нападки) „Московскихъ Вѣдомостей" и „Голоса" на Академію, особенно первыхъ. Многіе изъ членовъ, вѣроятно, не хотѣли показать, что они какъ-бы испугались этихъ (нападокъ). Извѣстно также, что гр. Толстой былъ сильно противъ этого избранія.

Въ этомъ-же собраніи объявлено было высочайшее согласіе на постановку портрета Литке въ залѣ академической, о чемъ просили академики или, лучше сказать, Буняковскій и В. Каждый пожертвовалъ для этого 16 рубл., нѣкоторые, однако, подписались на этотъ портретъ, по предложенію Буняковскаго, и не совсѣмъ охотно; другіе считаютъ такую овацію непристойною лестью. Слѣдовало-бы тоже подумать о графѣ Блудовѣ. Я говорилъ объ этомъ Буняковскому, но онъ сказалъ, что „тотъ уже умеръ, а этотъ живой". Буняковскій отъ имени членовъ сказалъ президенту рѣчь, на которую тотъ отвѣчалъ изъявленіями благодарности.

20. Суббота. Шидловскій назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ на мѣсто Обухова, который уволенъ. На мѣсто Шидловскаго назначенъ М. Н. Лонгиновъ, орловскій губернаторъ, который въ публикѣ извѣстенъ какъ отъявленный

противникъ освобожденія крестьянъ, судебнаго новаго устройства, земскихъ учрежденій и всѣхъ вообще улучшеній, какія начаты въ нынѣшнее царствованіе. Разумѣется, отъ него ожидаютъ самыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ печати......... Репутація его была всегда репутаціею весельчака, крикуна, человѣка, неспособнаго ни къ какому серьезному дѣлу. Въ литературѣ онъ извѣстенъ какъ собиратель разныхъ историческихъ и литературныхъ мелочей. Особенно-же онъ прославился стихотвореніями самаго..... (страннаго) содержанія. Есть его непечатная поэма „Отецъ ***“, въ которой..... доведены до nec plus ultra. Самъ Барковъ покраснѣлъ-бы отъ стыда, читая эту поэму. Но стихи въ ней замѣчательно хороши.

Я давно знакомъ съ Лонгиновымъ. Мы были вмѣстѣ членами комитета въ обществѣ посѣщенія бѣдныхъ.

22. Понедѣльникъ. Вечеръ у Литке. Собрались всѣ академики и кромѣ ихъ А. И. Левшинъ, Г. П. Небольсинъ и нѣкоторые другіе. Разбились, какъ обыкновенно, на кружки. Нѣтъ, нѣтъ, да и наткнешься на разговоръ объ (А. Н.) Пыпинѣ. Вотъ странная судьба его постигла! Утвердятъ-ли Пыпина или нѣтъ? — вопросъ, всѣхъ занимающій.

Заходилъ днемъ въ Публичную библіотеку порыться тамъ въ бумагахъ Сперанскаго съ тѣмъ, что не найду-ли чего-нибудь для моего очерка о немъ, который готовлю къ академическому акту. Мнѣ нужны были его философскія мысли, однако ничего не нашелъ. Много богословскаго. Между прочимъ, черновая рукопись перевода Ѳомы Кемпійскаго, который занималъ его еще въ 1808 году. Картонъ, заключающій въ себѣ его переписку, особенно любопытенъ, но некогда было заняться имъ.

У Литке разговоръ также о назначеніи Лонгинова на мѣсто Шидловскаго.

Есть два рода пороковъ: одни пороки нашего несовершенства, другіе пороки нашей воли.

Декабрь 2. Четвергъ. Нездоровится больше обыкновеннаго. Во избѣжаніе прилива къ головѣ, сидя въ креслахъ, откинувшись на спинку, пишу карандашемъ о Сперанскомъ къ академическому акту.

3. Пятница. Общее собраніе Академіи. Избраны въ почетные члены находящійся здѣсь прусскій генералъ Мольтке и въ

экстраординарные академики Бутлеровъ. Первый получилъ изъ 30 голосовъ 25, а второй 29.

Обѣдалъ у Пинто (лектора итальянскаго языка при петербургскомъ университетѣ). Встрѣтилъ тамъ старыхъ знакомыхъ Н. Н. Тютчева и К. Д. Кавелина. Съ послѣднимъ долго бесѣдовалъ. Онъ все тотъ-же, умный, живой, пылкій, увлекающійся человѣкъ. Несмотря на эти нѣкоторыя его увлеченія, онъ все-таки одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ нашихъ людей.

Въ умномъ человѣкѣ всякая глупость замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ менѣе умныхъ людей. Это все равно, что скверная заплата на пышномъ нарядѣ.

9. Четвергъ. Усиліе пріобрѣсти расположеніе къ себѣ всѣхъ, съ которыми мы обращаемся, похоже на желаніе, чтобы погода не измѣнялась и каждый день былъ-бы похожъ на другой.

Прекрасная поговорка, замѣченная мною вь одномъ изъ журналовъ, переведенная съ французскаго: „если нельзя имѣть того, что любишь, то надобно любить то, что имѣешь".

Наряжена комиссія изъ гр. Строгонова, гр. Толстаго, графа Шувалова, Валуева и графа Литке для изслѣдованія имѣетъ-ли (А. Н.) Пыпинъ право на академическое кресло?

12. Воскресенье. Диспутъ въ университетѣ. Скворцовъ защищалъ диссертацію на доктора. Диссертація трактовала о діалогѣ Платона о дикціи. Оппонировали отецъ Сидонскій и профессоръ Владиславлевъ. Докторантъ защищался довольно вяло и вообще для доктора не слишкомъ удовлетворительно. Разумѣется, ему присуждена докторская степень.

20. Понедѣльникъ. Дѣло объ (А. Н.) Пыпинѣ рѣшилось: комиссія не знала какъ сладить съ этимъ дѣломъ и признала за лучшее, чтобы (А. Н.) Пыпинъ отказался самъ отъ званія члена Академіи. Это онъ и сдѣлалъ; итакъ: и сѣно цѣло и козы сыты.

Вотъ какъ объясняютъ пыпинское дѣло: его устроилъ В. съ (А. В.) Головнинымъ [1]....

---

[1]) Такъ или иначе, но двадцать одинъ годъ спустя, воздано должное замѣчательно трудолюбивому и почтенному ученому и писателю: Александръ Николаевичъ Пыпинъ избранъ въ члены кореспонденты Императорской Академіи Наукъ, о чемъ возвѣщено на годичнымъ ея актѣ, 29-го декабря 1891-го года, а 5-го февраля 1892 г. императорское русское географическое общество дало А. Н. Пыпину большую золотую медаль за одинъ изъ его монументальныхъ трудовъ—„Исторію русской этнографіи".

Ред.

29. Среда. Актъ въ Академіи Наукъ. Я держалъ рѣчь, по поводу столѣтняго юбилея Сперанскаго. Надъ рѣчью этою я работалъ очень усердно, справлялся, между прочимъ, въ бумагахъ его въ Публичной библіотекѣ и проч. Эта великая личность меня очень занимала.

Затѣмъ, по обыкновенію, въ пять часовъ собрались академики въ гостинницѣ Донона. Тутъ, между прочимъ, В** выразилъ свое неблаговоленіе ко мнѣ и, правду сказать, очень страннымъ образомъ. Были предложены разные тосты. В** провозгласилъ тостъ вь честь Я. К. Грота и отнесъ на долю послѣдняго то, что слѣдовало отнести ко мнѣ, то есть, что „каждый разъ Я. К. дѣлаетъ честь академіи, произнося отчеты и рѣчи на актахъ“, то есть, то самое, что каждый годъ дѣлаю я. Я. К. Гротъ почувствовалъ неприличіе этого поступка В** и поспѣшилъ предложить тостъ за меня. Я принялъ его съ подобающею признательностью. Многіе встали со своихъ мѣстъ и подошли ко мнѣ чокаться. Смѣшно было какъ В**, пріискивая слова для своего тоста, до того запутался, что трудно было понять, что̀ онъ хотѣлъ сказать. Я. К. Гротъ, вѣроятно, озадаченный такою любезностью В., тоже запутался.

Но что за причина непріязни ко мнѣ В**? Развѣ Пекарскій передалъ ему мои слова, что я нахожу ошибкою предложеніе (А. Н.) Пыпина въ члены на кресло исторіи, такъ какъ послѣдній имѣлъ всѣ права на мѣсто въ нашемъ, а не въ историческомъ отдѣленіи, и что это, должно быть, работа В**. Но вѣдь и самъ Пекарскій говорилъ то-же, а я ни отъ кого не скрывалъ моего мнѣнія насчетъ Пыпина и моихъ сожалѣній по поводу медвѣжьей услуги, ему оказанной. . . . . . .

31. Пятница. Конецъ 1871 года.

А. В. Никитенко.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г.

VII [1]).

Предложеніе намѣстника гр. Берга. — Начало занятій. — Чтеніе записки. — Объѣздъ военныхъ отдѣловъ.—Придирки.—Арестъ въ Краковѣ. — Архивныя занятія.—Посѣщеніе архива Александровской цитадели.—Передъ отправленіемъ въ Литву.—Моя историческая записка.

Въ началѣ 1864 года я услыхалъ отъ моихъ знакомыхъ, имѣвшихъ сношенія съ замкомъ, что „намѣстникъ Бергъ желаетъ поручить мнѣ составленіе исторической записки о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ, съ предоставленіемъ мнѣ находящихся въ его распоряженіи матеріаловъ“.

Въ то время я питалъ чрезвычайное отвращеніе ко всему (заказному, офиціальному), и потому предложеніе намѣстника меня не особенно заинтересовало. Къ тому-же легко было угадать, чего хочется старому дипломату: я долженъ былъ разыграть для него роль втораго Шмита, прославить его подвиги въ той-же Польшѣ, спустя тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, что описывалъ Шмитъ (см. характеристику Берга въ т. III, гл. XIII, стр. 150—152). Но между моими понятіями и понятіями Шмита о томъ, какъ пишется исторія, была большая разница: я рѣзко

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 293—319; мартъ, стр. 579—600; изд. 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 229—279.

выставлялъ на видъ все некрасивое, неловкое, бездарное и недобросовѣстное въ нашихъ генералахъ и другихъ чинахъ арміи. Шмитъ столь-же рѣзко все это пряталъ, а гдѣ не доставало, почему-либо, матеріала—бралъ цѣликомъ изъ Мохнацкаго, (тогда никому изъ русскихъ неизвѣстнаго и недоступнаго) и ни разу не признался, что это переводъ, а не оригиналъ. Я такихъ фортелей выкидывать никакъ не могъ.

Оттого я былъ нѣсколько изумленъ, почему именно на меня палъ выборъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, приглашавшіе меня къ работѣ знали не все, мною написанное по исторической части или предполагали, что я измѣню моимъ убѣжденіямъ, что когда будутъ предложены хорошія условія, а вдали будетъ показанъ маіоратъ, въ родѣ того, какой получили дѣти Шмита,—„дѣти Шмита!", а вѣдь тутъ не „дѣти", а самъ „отецъ"...

Что до самого намѣстника, онъ ровно ничего не зналъ о томъ, что̀ мною написано и въ какомъ духѣ, т. е. не читалъ формально ни одной моей строки.

Размышляя обо всемъ объ этомъ, я не спѣшилъ представиться намѣстнику, какъ его историкъ. Но замокъ продолжалъ налегать, я надѣлъ, наконецъ, фракъ, бѣлыя перчатки, бѣлый галстухъ и явился. Намѣстникъ встрѣтилъ меня нѣмецкою фразою, безъ сомнѣнія предполагая, что я нѣмецъ и рѣзну ему понѣмецки исправно. Но я отвѣчалъ по-русски. И съ этихъ поръ у насъ установился навсегда только одинъ русскій разговоръ.

Я благодарилъ, конечно, за оказанную мнѣ честь и потомъ сказалъ, что считаю необходимымъ съѣздить въ Россію и переговорить тамъ съ моими друзьями о предложеніи, которое получилъ, что безъ друзей не могу рѣшиться на такой важный для меня шагъ.

— „Поѣзжайте, поѣзжайте, это ваше дѣло. Тутъ не можетъ быть никакихъ принужденій, ничего не искренняго!" проговорилъ графъ Бергъ.

Я отправился въ Петербургъ. Всѣ наиболѣе близкіе ко мнѣ люди благословляли меня обѣими руками.

„Помилуй, дѣлается нѣчто небывалое: намѣстникъ, высшая власть Царства Польскаго, сообщаетъ тебѣ матеріалы тотчасъ послѣ совершившихся событій. А ты еще задумываешься и пятишься! Бери, хватай, садись и пиши!"

Воротясь въ Варшаву, я объявилъ намѣстнику, что „готовъ приступить къ занятіямъ“.

Мнѣ отвели въ замкѣ особую комнату, при квартирѣ помощника генералъ-полиціймейстера, флигель-адъютанта А**, куда я приходилъ ежедневно часовъ въ 10 утра и оставался до поздняго обѣда. Матеріялы доставлялись помощникомъ А**.

Это были, главнѣйшимъ образомъ, донесенія тайной полиціи, дѣла начальниковъ городскихъ отдѣловъ при князѣ М. Д. Горчаковѣ, изданія и плакаты жонда; слѣдственныя дѣла и наконецъ: записки и показанія замѣчательныхъ повстанцевъ, сидѣвшихъ въ цитадели. Такъ какъ читалось все это по мѣрѣ доставленія, а доставлялось безъ всякаго порядка, то я никакъ не могъ сейчасъ-же оріентироваться въ дѣлѣ, очень мало мнѣ, да и всѣмъ намъ, со стороны мелкихъ подробностей, знакомомъ. Можно было громоздить любопытные факты одинъ на другой, но писать исторію возстанія было невозможно въ такихъ условіяхъ. Между тѣмъ, наблюдавшій за моими работами ** требовалъ стройнаго и цѣлаго отрывка, начала труда или хоть приступа къ нему, чтобы прочесть намѣстнику и его заинтересовать. Другими словами: доказать, какъ можно скорѣе, что во мнѣ не ошиблись, что я опытный и добросовѣстный писатель и историкъ, умѣю справиться со всякими сырыми матеріалами, устраивать изъ нихъ занимательный разсказъ и, главное, не гуляю. Входить въ подробныя объясненія о принятыхъ во всемъ свѣтѣ пріемахъ всякихъ литературныхъ работъ историческаго свойства было странно. Имъ хотѣлось, во что-бы то ни стало, увидѣть сейчасъ-же первую главу, черезъ недѣлю—вторую, тамъ третью и т. д. Они боялись, что „нанятый ими авторъ“ затянетъ, пожалуй, дѣло на многіе годы умышленно; будетъ, Богъ знаетъ за что, получать назначенное ему содержаніе... начнетъ и не окончитъ. Оставалось или бѣжать, или придумать какой-нибудь особый маневръ писанія, которое-бы удовлетворяло требованіямъ замка и въ то-же время не мѣшало дѣлу. Я рѣшился на послѣднее: написалъ нѣсколько разсказовъ, по имѣвшимся въ моемъ распоряженіи матеріаламъ, не думая, что это такое: начало, конецъ, середина или просто ничего, что нужно послѣ бросить. Разсказы эти выслушивались въ замкѣ намѣстникомъ и разными генералами, которыхъ онъ собиралъ

на чтенія и производили сносное впечатлѣніе. Потомъ генералы перестали ходить. Слушалъ меня одинъ намѣстникъ съ **, а вскорѣ затѣмъ и ** исчезъ. Мы съ намѣстникомъ остались совершенно одни. Я садился подлѣ него на диванѣ и читалъ. Намѣстникъ слушалъ мои доклады, иногда дремалъ, но нельзя было полагаться на эту дремоту и воображать, что намѣстникъ ничего не видитъ и не слышитъ: онъ все видѣлъ и слышалъ, и когда я пропускалъ иныя строки подъ чертою, являлась сбоку рука графа Берга и проѣзжала по пропущеннымъ строкамъ: это значило нужно также прочесть, и я прочитывалъ. Иное вызывало небольшія замѣчанія намѣстника, не то онъ спрашивалъ значеніе слова, не такъ ему знакомаго, напримѣръ, однажды спросилъ, что значитъ нагромоздить, другой разъ: джигитъ. Былъ случай, что намѣстникъ замѣчалъ о генералѣ Треповѣ, (котораго личность, по его мнѣнію, слѣдовало выдвинуть впередъ, сдѣлать замѣтною), что „жена его была православная и семейство большое".

Я сказалъ: „какое-же дѣло исторіи до этихъ подробностей?"

— „Все-таки напишите", сказалъ намѣстникъ.

Я подошелъ къ письменному столу, взялъ карандашъ и написалъ.

— „Покажите"!

Я показалъ.

— „Зачѣмъ-же карандашемъ? Напишите чернилами!"

Я написалъ чернилами и въ концѣ прибавилъ, въ скобкахъ: Вставлено по замѣчанію намѣстника". Онъ опять прочелъ.

— „Ну, это послѣднее напрасно!"... Однако, такъ и осталось.

Тѣмъ временемъ, какъ эти странныя чтенія происходили съ самыми неопредѣленными антрактами,—недѣли въ двѣ, въ три чтеніе,—я изучалъ предметъ, сколь возможно поспѣшнѣе, по всякимъ источникамъ, скакалъ на почтовыхъ, смѣло перепрыгивая черезъ пропасти, оставляя все непонятное и туманное разрѣшеніямъ будущаго времени... Увидѣвъ чрезвычайную бѣдность, а иногда и сбивчивость свѣдѣній въ журналѣ военныхъ дѣйствій, который составленъ на живую нитку при главномъ штабѣ, по рапортамъ начальниковъ отрядовъ и по какимъ случится матеріаламъ, я испросилъ у намѣстника разрѣшеніе отправиться въ объѣздъ всѣхъ военныхъ отдѣловъ и собрать свѣдѣ-

нія тамъ на мѣстѣ отъ участниковъ, видѣвшихъ все собственными глазами.

Намѣстнику это понравилось. Онъ велѣлъ снабдить меня особымъ открытымъ листомъ, въ силу котораго я могъ не только требовать всякихъ свѣдѣній отъ начальниковъ отдѣловъ, но и письменныхъ матеріаловъ, рисунковъ, плакатовъ и всего прочаго, чѣмъ они располагали. Чемоданы мои никто не смѣлъ осматривать по дорогѣ. Для этого былъ у меня другой охранный листъ.

Какъ надобно было ожидать, я показался въ отдѣлахъ нѣсколько таинственнымъ лицомъ. Повторилось случившееся со мною на Востокѣ, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ и со своими деталями.

Инымъ была даже подозрительна самая моя фамилія: не родня-ли-де какая? Стало, еще ближе къ намѣстнику, чѣмъ чужой! Начальники отдѣловъ, ихъ адъютанты и разные офицеры разсказывали мнѣ все съ плеча, шли дальше, чѣмъ было нужно. Въ иныхъ была даже склонность къ любезностямъ такого рода, что они предлагали мнѣ въ подарокъ повстанское оружіе, штуцеры... Чтенія мои въ замкѣ получили совершенно другую, болѣе правильную, физіономію и окраску. Я вышелъ изъ системы холостыхъ выстрѣловъ, писалъ уже до нѣкоторой степени то, что можно было назвать исторіею; намѣстникъ слушалъ иное съ видимымъ интересомъ. Явленіе записокъ члена нѣсколькихъ жондовъ, Авейде, потомъ Маевскаго, Вашковскаго и другихъ важнѣйшихъ преступниковъ,—что передано было мнѣ намѣстникомъ лично, въ его кабинетѣ,—составило заключительный матеріалъ: неясное сдѣлалось яснымъ, тайны разоблачились, если не всѣ, то многія.

Въ числѣ генераловъ, которые въ началѣ приглашались намѣстникомъ на чтенія въ замокъ, было нѣсколько такихъ, кто питалъ ко мнѣ враждебныя чувства; они боялись, что литераторъ, человѣкъ чужой въ машинѣ управленія, будучи допущенъ ко всякимъ секретамъ, читая слѣдственныя дѣла, признанія повстанцевъ и разъѣзжая по военнымъ отдѣламъ съ открытымъ листомъ намѣстника, неизбѣжно придетъ къ уразумѣнію многихъ вещей, которыхъ не слѣдуетъ разумѣть литераторамъ, по крайней мѣрѣ, такъ скоро. Въ числѣ такихъ лицъ стояли на первомъ планѣ: генералъ-полицiймейстеръ Треповъ,

начальникъ штаба Минквицъ и до нѣкоторой степени предсѣдатель слѣдственной комиссіи, генералъ Тухолка, съ нѣсколькими жандармами. Позже Треповъ настроилъ на тотъ-же ладъ и оберъ-полиціймейстера Фредерикса (†). Всѣ эти господа косились на меня при всякой встрѣчѣ въ замкѣ и гдѣ случится, но этимъ покамѣстъ все и кончилось. Разъяснять Бергу его ошибку, ссорить насъ никто не рѣшался. Всѣ знали, что Бергъ былъ чрезвычайно упоренъ въ преслѣдованіи своихъ мыслей и интересовъ. Но нѣсколько позже кто-то растолковалъ ему все это дѣло такимъ образомъ, что онъ также сталъ меня побаиваться и можетъ статься, былъ-бы радъ, если-бы меня вдругъ, какъ-нибудь, прилично, не стало въ Варшавѣ. Гнать со скандаломъ, безъ всякаго основанія, онъ не могъ, по своимъ привычкамъ, особенно послѣ открытыхъ листовъ и всякихъ другихъ нѣжностей.

Пріятели мои, замѣтивъ нѣкоторое измѣненіе мыслей въ намѣстникѣ и, можетъ быть, угадывая, чтó онъ думаетъ и чего ищетъ, прибѣгли къ такому маневру: у меня былъ просроченъ взятый въ Петербургѣ паспортъ. Лицамъ съ такими паспортами, вслѣдствіе тогдашнихъ распоряженій варшавской полиціи, предлагали обыкновенно выѣхать изъ Варшавы для выправки другаго въ томъ мѣстѣ, гдѣ паспортъ былъ взятъ, но выправить его вновь не всегда и не всякому удавалось. Приставъ XI цыркула, гдѣ я жилъ, поручикъ Ватацци, прислалъ мнѣ на сѣромъ клочкѣ бумаги предписаніе въ самыхъ грубыхъ формахъ, чтобы, „съ полученіемъ сего, вслѣдствіе такого-то обстоятельства, я немедленно выѣхалъ изъ Варшавы“.

На конвертѣ стояли только слова: „господину Бергу“. Я написалъ съ другой стороны бумаги, что „меня удивляетъ такое предписаніе г-на пристава, который долженъ знать подробно, кто и зачѣмъ живетъ въ его цыркулѣ“. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ эти строки были мною отправлены въ цыркулъ съ надписью на конвертѣ: „господину Ватацци“, я получилъ отъ него вторичное предписаніе въ томъ-же духѣ. Надѣлъ фракъ и отправился въ замокъ, гдѣ показалъ полученную мною бумагу намѣстнику, испрашивая распоряженіе, чтобы полиція не могла меня безпокоить подобными оригинальными предписаніями. Намѣстникъ улыбнулся и сказалъ бывшему тогда

въ кабинетѣ полковнику генеральнаго штаба (Дм. Гавр.) Анучину: „распорядитесь, чтобы ему былъ выданъ паспортъ для свободнаго и безпрепятственнаго проживанія въ Варшавѣ на неопредѣленный срокъ“.

Въ тотъ-же день мнѣ былъ доставленъ изъ XI цыркула видъ на свободное пребываніе въ Варшавѣ, на неопредѣленное время.

Интриганы, однако-же, на этомъ не остановились. Было придумано слѣдующее: ко мнѣ явился однажды прусскій полицейскій офицеръ, поручикъ Кнорръ, и рекомендовался на нѣмецкомъ языкѣ. Я сказалъ, что „продолжать разговора на этомъ языкѣ не могу, а если поручику угодно, могу объясняться съ нимъ только по-русски или по-польски“.

— „Такъ будемъ говорить по-польски, сказалъ Кнорръ, и тутъ-же объявилъ мнѣ, что „зная черезъ своего генеральнаго консула, барона Рейхенберга, чѣмъ теперь я занятъ, онъ рѣшается предложить мнѣ совмѣстную товарищескую работу, что онъ самъ немного литераторъ и послѣ датской войны напечаталъ брошюру, которая дала ему, за всѣми расходами по типографіи, двѣ тысячи талеровъ чистаго дохода, маленькая брошюрка! У васъ выйдутъ томы; притомъ польское возстаніе любопытнѣе для Европы, чѣмъ датская война: мы-бы зашибли съ вами на этомъ дѣлѣ тысячъ двадцать талеровъ, по крайней мѣрѣ! Разумѣется, надо печатать по-нѣмецки. Переводъ и всѣ издержки по изданію я беру на себя. Все, что́ будетъ выручено продажею экземпляровъ, которую я постараюсь устроить какъ можно практичнѣе, мы раздѣлимъ пополамъ. Согласны вы?“
— „Согласенъ, отвѣчалъ я, но мнѣ должно переговорить объ этомъ съ намѣстникомъ. Придите дня черезъ три“.

Кнорръ всучилъ мнѣ зачѣмъ-то свою фотографическую карточку, на которой снятъ былъ во весь ростъ, въ полной полицейской формѣ, и вышелъ.

Я тогда-же отправился къ намѣстнику и разсказалъ ему всю сцену свиданія моего съ прусскимъ полицейскимъ офицеромъ. Графъ Бергъ улыбнулся точно также, какъ при жалобѣ моей на поручика Ватацци и сказалъ: „если Кнорръ придетъ къ вамъ еще разъ, будьте съ нимъ вѣжливы и больше ничего!“

Кнорръ, однако, больше у меня не былъ.

Понятное дѣло, что если-бы я, соблазнившись выгоднымъ

предложеніемъ, принялъ его условія и передалъ ему для перевода на нѣмецкій языкъ обработанную часть моей записки, графъ Бергъ имѣлъ-бы полное право счесть меня измѣнникомъ правительственнымъ интересамъ и выслать изъ Варшавы. Записка составлялась для кабинета намѣстника по матеріаламъ, пока никому неизвѣстнымъ, и не могла никоимъ образомъ кому-либо сообщаться,—тѣмъ болѣе иностранцу. Интриганы не смутились и этимъ. Они написали въ Краковъ, что „я кажусь для русскаго правительства нѣсколько подозрительнымъ лицомъ, а потому нельзя-ли меня, какъ только я покажусь въ Краковѣ, арестовать, придравшись къ какимъ-либо пустякамъ, и произвести подробную ревизію моимъ вещамъ“.

На что другое, а на подобныя дѣянія австрійская полиція всегда очень способна. Услуживъ такимъ образомъ русской полиціи, она могла, при случаѣ, расчитывать на подобную-же услугу нашей полиціи на нашей территоріи.

Гостинница, гдѣ я обыкновенно останавливался въ Краковѣ (Дрезденская на рынкѣ) была одно время мѣстомъ сборища повстанцевъ высшаго разряда. Говорили даже, что тамъ помѣщался, въ концѣ 1863-го и началѣ 1864-го, цѣлый Краковскій жондъ, т. е., собственно говоря, Краковское отдѣленіе Варшавскаго жонда. Въ февралѣ 1864-го года, радикально измѣнивъ свою политику, австрійское правительство сочло нужнымъ захватить членовъ этого жонда въ сказапной гостинницѣ. Арестовали и меня. Это было раннимъ утромъ, именно, какъ говорится: „въ одно прекрасное утро“. Солдаты въ бѣлыхъ мундирахъ, съ ружьями и примкнутыми къ нимъ штыками, явились въ коридоръ. Двое полицейскихъ (изъ которыхъ одинъ былъ комиссаромъ того цыркула, гдѣ находилась Дрезденская гостинница) въ шапкахъ и куря сигары, вошли безцеремонно въ мой номеръ и, рѣшительно ничего мнѣ не объявивъ, зачѣмъ они и кто они, замаршировали къ комоду, на которомъ лежалъ мой бумажникъ, портъ-моне́ и еще кое-какія вещи, и начали все это вертѣть и разсматривать. Изъ бумажника вынуто было все, кромѣ денегъ. Потомъ попросили открыть чемоданы, взяли всѣ находившіяся тамъ бумаги, фотографическія карточки, книги, остальное разбросали по полу и не дали мнѣ убрать, объявляя, что я арестованъ и долженъ за ними слѣдовать. Я надѣлъ теплое

пальто, шляпу и спустился вмѣстѣ съ полицейскими чинами внизъ, гдѣ стояла у крыльца карета, въ которую мы сѣли и отправились въ криминальную тюрьму на Гродской улицѣ. Тутъ я былъ посаженъ вмѣстѣ съ разными повстанцами, въ числѣ которыхъ былъ „начальникъ города Кракова“ и „начальникъ полиціи“, скоро со мною познакомившіеся.

Подробности этого заключенія разсказаны мною въ свое время печатно („Библіотека для Чтенія“, 1864 г., февральская книжка). Я не объяснялъ только настоящей причины ареста. Такъ какъ при ревизіи у меня формально ничего подозрительнаго не оказалось, то понятное дѣло, отношенія мои къ высшей власти Царства Польскаго измѣниться не могли. Воротясь въ Варшаву, я по-прежнему писалъ и читалъ намѣстнику написанное. Непріятели мои стали травить меня шпіонами. Въ мой номеръ то и дѣло стучались разныя лица. Надо было объясняться о какихъ-нибудь пустякахъ, терять, Богъ знаетъ на что, время. Извѣстный (въ то время) всей Варшавѣ, полицейскій агентъ Грабовскій приходилъ ко мнѣ два раза просить для прочтенія книгъ моего сочиненія.

Другой разъ былъ тоже извѣстный въ Варшавѣ многимъ замковый агентъ, курляндскій нѣмецъ, который просилъ меня пристроить его сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ „Жандармы-вѣшатели“. Онъ такъ громко сморкался за порогомъ моей двери, что я могъ принять его въ коридорѣ и тамъ окончательно съ нимъ объясниться.

Въ Цѣхоцинкѣ,—гдѣ я собиралъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Мирославскаго подъ Кршивосондземъ и въ окрестностяхъ,—ко мнѣ былъ приставленъ жидъ, который слѣдилъ каждый мой шагъ и даже подходилъ иногда къ двери номера, въ гостинницѣ Миллера, гдѣ я жилъ, и подслушивалъ, что я говорю съ разными лицами, меня посѣщавшими. Поймавъ этого жидка три раза въ такомъ упражненіи и сдѣлавъ ему приличное замѣчаніе, я весьма серьозно его побилъ, когда поймалъ въ четвертый разъ и думалъ, что у меня будетъ по этому поводу объясненіе съ инспекторомъ полиціи: ничуть не бывало, никто ко мнѣ не пришелъ. Жидъ отсталъ и если встрѣчалъ меня въ цѣхоцинскомъ саду, то прятался въ кусты, а стойновы на улицахъ и въ паркѣ стали дѣлать мнѣ съ этого времени подъ козырекъ.

Половой города N. уважалъ Чичикова за громкое сморканье. Во мнѣніи цѣхоцинскихъ стойновыхъ имѣлъ особенное значеніе тотъ, кто дрался: стало-быть, онъ имѣлъ на это право, стало-быть—онъ начальникъ!.. Въ Россіи и Польшѣ мнѣ не разъ случалось убѣждаться, что низшій классъ народа уважаетъ только поступающихъ съ нимъ грубо, а не мягко.

Въ Европейской гостинницѣ, въ Варшавѣ, гдѣ я жилъ долгое время (около десяти лѣтъ), въ 63-мъ номерѣ втораго этажа, и считалъ его уже не номеромъ, а постоянною своею квартирою, въ дверяхъ моихъ, снаружи сверхъ обыкновеннаго замка, былъ еще особый англійскій, который отворить поддѣльнымъ ключемъ было очень трудно, если не сказать: вовсе невозможно.

Въ новый 1867 годъ представленіе намѣстнику разныхъ чиновъ кончилось какъ-то скорѣе обыкновеннаго и я очутился передъ своимъ номеромъ въ Европейской гостинницѣ раньше, чѣмъ думалъ. Смотрю: какой-то засаленный мальчуганъ хлопочетъ у моего англійскаго замка. Я спросилъ у него, что онъ тутъ дѣлаетъ: мальчикъ отвѣчалъ спокойно, что „приказано поддѣлать секретный ключъ (taj emniczy klucz), вотъ я и поддѣлываю“.

Такія приказанія, разумѣется, могла отдавать только полиція (?): замокъ поддѣлывали среди бѣла дня,—и никто изъ прислуги этому не мѣшалъ. Спросивъ у мальчика имя и мастерскую, откуда онъ присланъ, я отправился къ оберъ-полицеймейстеру и имѣлъ съ нимъ объясненіе, которое привело къ тому, что мнѣ сталъ подавать чай и завтраки переряженный полиціантъ. Потомъ, насупротивъ, помѣстили на цѣлый мѣсяцъ соглядатая подъ фамиліею Малевскаго, которому прислуживалъ извѣстный, переизвѣстный въ городѣ, полицейскій агентъ Веге, сидѣвшій постоянно въ коридорѣ и слѣдившій за приходящими въ мой номеръ, а когда я уходилъ изъ гостинницы, Веге спускался внизъ и сидѣлъ въ швейцарской до тѣхъ поръ, пока я не возвращался домой, затѣмъ онъ подымался снова наверхъ и усаживался въ коридорѣ, подлѣ моего номера.

Однажды, послѣ поѣздки внутрь края, я нашелъ мою англійскую машинку у дверей изломанною: значитъ пробовали отворять, но не отворили, а только испортили.

Все это было, конечно, очень скучно. „Пріятели“ мои хотѣли

меня допечь подобными мерзостями, заставить бросить историческія занятія и уѣхать изъ Варшавы, но я не поддался. Переварилъ все и довелъ записку до конца. Она обнимала время возстанія отъ манифестаціонныхъ годовъ 1861 и 1862-го до 1864-го года включительно. Я просилъ намѣстника прислать мнѣ хорошихъ писарей; между ними очутился одинъ молодой развязный жандармъ, даже въ жандармской формѣ, который въ припадкѣ откровенности разболталъ мнѣ, что ему извѣстны коекакія подробности ухаживанія моего за одною оперною актрисою.

Еще въ числѣ писарей былъ агентъ генерала Тухолки, одинъ полковой писарь, котораго, впослѣдствіи, за особыя услуги, полиція рекомендовала университету въ смотрителя университетскихъ зданій, но онъ зашелъ въ своихъ смотрѣніяхъ такъ далеко, что былъ меньше, нежели черезъ годъ, прогнанъ ректоромъ.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ переписки моего сочиненія, я долженъ былъ не отходить отъ писарей ни на шагъ. Они писали, а я прохаживался по комнатѣ изъ угла въ уголъ, и добился, что ни одна страница не переписана вдвойнѣ.

Переплетъ книгъ происходилъ также у меня на дому и сдѣланъ былъ сносно. Я представилъ намѣстнику (въ началѣ 1868-го года) четыре огромныхъ тома и просилъ позволенія пополнить этотъ трудъ описаніемъ всего того, что случилось въ Польшѣ, въ томъ-же революціонномъ духѣ, тотчасъ послѣ возстанія 1831-го года, затѣмъ въ 1846, 1848 и 1849 годахъ до Крымской кампаніи и въ самую Крымскую кампанію. Матеріалы для этого я надѣялся найти въ архивахъ втораго, т. е. Варшавскаго военнаго округа. Намѣстникъ разрѣшилъ это, и я сталъ ходить въ архивъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ московскаго палацца, но скоро замѣтилъ недочетъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Причиною этому было уничтоженіе 50,000 дѣлъ въ 1865-мъ году, по распоряженію особой комиссіи, состоявшей, всего на все, изъ одного генералъ-маіора Савина. Въ 1868-мъ году, когда я началъ тамъ заниматься, наряжена была новая точно такаяже комиссія, для пересмотра дѣлъ въ архивѣ варшавскаго военнаго округа, состоявшая изъ одного генералъ-маіора Менгдена. Не знаю, чѣмъ руководствовался генералъ Савинъ, человѣкъ русскій и образованный, но нѣмецъ Менгденъ (съ которымъ я

скоро встрѣтился въ архивѣ, и работалъ за однимъ столомъ), не знавшій хорошо ни польскаго, ни русскаго языка, ни нашей, ни польской исторіи, ничѣмъ не руководствовался. Придя въ архивъ въ первомъ часу, онъ требовалъ каталогъ, садился за столъ, закуривалъ сигару и ставилъ черточки карандашемъ противъ дѣлъ, которыя, по его мнѣнію, надо было сжечь или уничтожить другимъ какимъ-нибудь образомъ. Однажды я спросилъ по катологу, очень важное дѣло,—сказали, что баронъ Менгденъ уже назначилъ его сжечь, и оно поэтому свалено въ кучу, со всѣми такими дѣлами, въ углу одной комнаты. По счастію, это было такъ недавно, что мы съ смотрителемъ архива, армейскимъ поручикомъ польскаго происхожденія, немного порывшись въ кучѣ, обреченной Менгденомъ къ сожженію, нашли интересовавшее меня дѣло, и я выписалъ изъ него, что требовалось. По рѣшенію комиссіи, состоявшей изъ Менгдена, обречено было на сожженіе 9.000 пудовъ дѣлъ. Но ихъ не сожгли, а продали жидамъ.

Въ другой разъ смотритель сказалъ мнѣ, что дѣло, которое я желалъ видѣть (о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Краковѣ, въ 1846-мъ году, при диктаторѣ Тиссовскомъ), находится на квартирѣ у барона Менгдена, потому что онъ былъ въ то время дѣйствующимъ лицомъ. До этого дѣла я никогда не могъ добраться. Было-ли тамъ что-либо невыгодное для Менгдена или онъ его просто за просто затерялъ—ужъ не знаю.

Дѣло о повстанцѣ 1846-го года Мирецкомъ оказалось на квартирѣ этого Мирецкаго, такъ какъ онъ былъ зятемъ смотрителя архива и хозяйничалъ тамъ, какъ дома. Это дѣло легко было вытребовать.

Такое печальное положеніе архива заставило меня навести справки, нѣтъ-ли въ Варшавѣ другаго какого архива, въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, куда не залетали никакія бури, въ образѣ комиссій изъ одного генерала; оказалось, что есть такой архивъ при X павильонѣ въ Варшавской Александровской цитадели.

Я просилъ намѣстника разрѣшить мнѣ посѣщеніе этого архива, находившагося въ вѣдѣніи слѣдственной комиссіи, иначе сказать, страшнаго генерала Тухолки (†). Намѣстникъ разрѣшилъ, но Тухолкѣ это не понравилось. Онъ сдѣлалъ все отъ него зави-

сѣвшее, чтобы мои прогулки въ цитадель были для меня непріятны. Прежде всего, мнѣ былъ присланъ билетъ, въ которомъ по печатному бланку прописано, что „такой-то обыватель города Варшавы требуется въ слѣдственную комиссію по извѣстному дѣлу". Вслѣдствіе этого, придя въ павильонъ, я долженъ былъ зайти въ жандармское управленіе, показать жандармскому офицеру билетъ, послѣ чего мнѣ дали двухъ жандармовъ, которые (одинъ впередъ, другой сзади), ввели меня черезъ большія желѣзныя ворота, гдѣ стоялъ вѣчный часовой съ ружьемъ, а иногда и два, внутрь ограды, обнесенной вокругъ всего павильона, потомъ еще черезъ ворота, гдѣ стояло два жандарма, съ обнаженными саблями, въ садъ, примыкавшій къ павильону и служившій мѣстомъ для прогулки преступниковъ, затѣмъ сквозь кучу солдатъ, съ ружьями, въ сѣни двухъ-этажнаго зданія, по лѣстницѣ, въ комиссію, которая помѣщалась въ первомъ этажѣ. Тутъ жандармы сдали „преступника" комиссіи; она дала новаго проводника изъ жандармовъ, сидѣвшихъ на лавкахъ въ коридорѣ. Этотъ жандармъ отвелъ меня въ казематъ. Любопытно, что сказали-бы: Погодинъ, Соловьевъ, Костомаровъ... еслибъ имъ предложили въ такой формѣ разрабатываніе серьезныхъ историческихъ матеріаловъ?..

Когда мнѣ принесли потребованное мною по каталогу дѣло, и я сталъ его читать и дѣлать выписки, я замѣтилъ, что въ дверное окошечко заглядываетъ ко мнѣ время отъ времени жандармская физіономія. Затѣмъ пришелъ Тухолка и освѣдомился какое именно дѣло меня интересуетъ. Мы проговорили о разныхъ пустякахъ, минутъ 20—30. На другой день—та-же исторія, двѣ капли воды. На третій день жандармская физіономія уже не заглядывала въ дверное окошечко каземата. Но Тухолка приходилъ, по прежнему, освѣдомляться о моихъ работахъ и болтать со мною около четверти часа. Потомъ былъ у меня въ казематѣ, можетъ статься, еще разъ или два и уже не показывался до конца моихъ путешествій въ цитадель, которыя продолжались мѣсяца три. Я пріѣзжалъ часовъ въ 10 и уѣзжалъ часа въ 4. Иной разъ въ казематѣ и закусывалъ.

Жандармскія физіономіи, бряканье ружей и сабель, путешествіе по коридорамъ арестантовъ, подъ конвоемъ солдатъ—все это мнѣ пріѣлось, ко всему этому я привыкъ. Жандармы въ кори-

дорѣ, кажется, стали угадывать, что я не преступникъ, а что-то другое, но все-таки совершали однообразно выпроваживаніе меня изъ павильона за чугунныя ворота.

Записка о событіяхъ между 1831-мъ годомъ и временемъ Крымской кампаніи была, наконецъ, готова.

Я предложилъ намѣстнику выслушать написанное. Онъ назначилъ день и часъ, и пригласилъ на чтеніе своего помощника, командующаго войсками Варшавскаго военнаго отдѣла, генералъ-адъютанта, барона Рамзая, который былъ снова призванъ на службу, по уходѣ Корфа. Оба старика слушали меня очень внимательно. Бергъ ни разу не задремалъ. Время отъ времени дѣлалъ замѣчанія, вставки подробностей, ему хорошо извѣстныхъ, такъ какъ онъ самъ принималъ участіе въ тогдашнихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ галиційскихъ повстанцевъ, будучи генералъ-квартирмейстеромъ нашей польской арміи.

При послѣднемъ чтеніи (черезъ недѣлю или двѣ послѣ того, на которомъ присутствовалъ Рамзай), прибылъ совершенно случайно генералъ-полиціймейстеръ [1]), который имѣлъ у Берга вечерній докладъ. Бергъ пригласилъ его послушать. Онъ сѣлъ... Чтеніе его, видимо, нисколько не занимало.

Когда я кончилъ, то сказалъ намѣстнику, что считаю полезнымъ съѣздить въ Вильну, дабы ознакомиться тамъ, на мѣстѣ, съ матеріалами, имѣющими непосредственную связь съ описанными уже мною событіями Царства Польскаго (1860—1865 гг.): такъ-ли, не такъ-ли въ Вильнѣ было, до прибытія Муравьева и нѣкоторое время при немъ, хорошо формированное отдѣленіе варшавскаго жонда. Не сказать ровно ничего о возстаніи на Литвѣ было невозможно, а если сказать, то ужъ по документамъ.

Намѣстникъ нашелъ мою поѣздку въ Литву весьма нелишнею. Я просилъ его сдѣлать распоряженіе, чтобы мнѣ выданы были такой-же открытый и охранный листы, какіе я имѣлъ для объѣзда Царства. Бергъ, обратясь къ генералъ-полиціймейстеру и директору его канцеляріи, сидѣвшему тутъ-же, сказалъ: „устройте это!“ Оба эти лица отвѣчали поклономъ. Прошло, однако, около

---

[1]) Нынѣ покойный Ѳ. Ѳ. Треповъ.

недѣли, ничего не устраивалось; я не получалъ на поѣздку ровно никакихъ бумагъ!

Обѣдая однажды въ клубѣ, рядомъ съ директоромъ канцеляріи генералъ-полиціймейстера, я спросилъ его, почему мнѣ не шлютъ такъ долго бумагъ, которыя приказалъ выдать намѣстникъ тогда-то?

„Да ихъ вовсе вамъ не пришлютъ, отвѣчалъ спрошенный, потому что намѣстникъ отдалъ приказаніе не совсѣмъ ясно".

— „Не совсѣмъ ясно? И вы смѣете это говорить, когда я самъ присутствовалъ при этомъ! сказалъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ: сказанное намѣстникомъ генералъ-полиціймейстеру и вамъ черезъ столъ не совсѣмъ ясно? Стало-быть, мнѣ придется просить намѣстника о повтореніи приказанія пояснѣе".

„Какъ хотите"!

Я тотчасъ-же отправился въ замокъ, но не нашелъ намѣстника дома. Въ пріемной комнатѣ былъ только одинъ любимый адъютантъ его, ротмистръ Валь. Я объяснилъ ему все дѣло и, кромѣ того, написалъ небольшую записку, на клочкѣ бумаги, какъ-бы для памяти адъютанту, но само собою разумѣется, что Валь, вмѣсто всякой бесѣды, подастъ намѣстнику эту бумажку —родъ жалобы, однако и не жалобу.

Такъ и вышло. Бергъ потребовалъ меня къ себѣ на другой день въ 8 часовъ утра. Я прибылъ и нашелъ въ пріемной генералъ-полиціймейстера съ портфелемъ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Я поклонился, подошелъ къ окну и началъ въ него смотрѣть. Немного погодя подошелъ къ тому-же окну и генералъ-полиціймейстеръ и сталъ за мною.

„Какая хорошая погода"! сказалъ онъ.

— „Это, въ особенности, пріятно для меня, отвѣчалъ я, такъ какъ я долженъ ѣхать въ Вильну. Я жду только необходимыхъ для этого бумагъ: открытаго и охраннаго листовъ. Вашъ директоръ сказалъ мнѣ: будто-бы намѣстникъ отдалъ вамъ не совсѣмъ ясное приказаніе, такъ я пріѣхалъ просить его повторить это приказаніе пояснѣе".

„Вотъ вы, господа литераторы, постоянно нами недовольны, завелъ генералъ-полиціймейстеръ, постоянно на насъ жалуетесь, обижаетесь, а виноваты сами! Почему-бы вамъ не напомнить объ этомъ запиской?"

— „Да на что-же тутъ записка, излишняя потеря времени, сказалъ я, когда дѣло было такъ просто: намѣстникъ приказалъ вамъ черезъ столъ, вы оба поклонились, казалось, все кончено! Нѣтъ, пиши еще какую-то записку! Литераторъ никогда не пойметъ, что это нужно“.

„Да, вѣдь, это такъ не трудно. Напишите нѣсколько строкъ: вотъ вамъ и бумага и перо!“ сказалъ почти умоляющимъ голосомъ генералъ-полицiймейстеръ.

Я увидѣлъ, что дѣло это было слажено передъ моимъ приходомъ, въ бесѣдѣ намѣстника съ генералъ-полицiймейстеромъ, что тутъ въ писанiи записки столько-же намѣстникъ, сколько и генералъ-полицiймейстеръ,—стало, спорить не приходится. Я присѣлъ и написалъ нѣсколько словъ, придумывая въ раздраженiи возможно-грубыя формы. Когда я кончилъ, адъютантъ отворилъ дверь въ кабинетъ намѣстника, и мы увидѣли быстрошагающую къ намъ фигуру фельдмаршала съ листомъ въ рукѣ. Онъ шелъ прямо на меня, не смотря по сторонамъ.

„Кланяйтесь Константину Петровичу (т. е. Кауфману) и отдайте ему это письмо. Надѣюсь, что вамъ будутъ открыты всѣ архивы“.

Потомъ, повернувшись къ генералъ-полицiймейстеру, прибавилъ: „Тутъ нужны кое-какiя бумаги, уладьте!“

— „Мы ужъ переговорили объ этомъ съ господиномъ Бергомъ, сказалъ генералъ-полицiймейстеръ, все будетъ сдѣлано сегодня-же“.

Въ самомъ дѣлѣ, я получилъ всѣ необходимыя бумаги въ тотъ-же самый день. Такая-то во всемъ была игра въ скачку съ препятствiями!...

Кауфманъ принялъ меня любезно и познакомилъ съ генераломъ В. Ѳ. Ратчемъ, писавшимъ тогда о событiяхъ въ Литвѣ и знавшимъ гдѣ какiе документы лежатъ. Бо̀льшая ихъ часть находилась въ кабинетѣ генерала. Онъ передалъ мнѣ все, что я потребовалъ; я взялъ это съ собою въ европейскую гостинницу, гдѣ стоялъ, просмотрѣлъ въ самое короткое время и сдѣлалъ выписки.

Въ Вильнѣ за мною сильно наблюдали, не знаю только: по предписанiю-ли изъ Варшавы или по распоряженiю мѣстныхъ

властей. Одинъ полицейскій литераторъ, Циловъ, добивался моего знакомства, но не добился. Телеграмму, пришедшую ко мнѣ однажды, подпечатали. Я хотѣлъ пожаловаться Кауфману, но потомъ подумалъ: „а какъ эти шалости устраиваются по его приказанію?“ Махнулъ рукою и уѣхалъ.

Въ Варшавѣ я употребилъ всѣ мѣры, чтобы написанное мною получило поскорѣе, хотя въ самомъ сокращенномъ видѣ, печатную огласку. Испросить позволеніе у намѣстника на печатаніе моей записки въ какомъ-либо изъ русскихъ повременныхъ изданій—было не трудно: онъ самъ хотѣлъ скорѣйшаго оглашенія моего труда. Напечатали часть до VIII главы включительно въ „Русскомъ Архивѣ“ и потомъ издали отдѣльною книгою.

Откровенное и смѣлое изображеніе мною бывшаго главнокомандующаго южной арміи, потомъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, князя М. Д. Горчакова, со всѣми его недостатками и неловкостью, которая привела къ событіямъ 1863-го года,—поразило многихъ, особенно всю родню безталаннаго князя. Это было первое такое, по смѣлости и откровенности, распечатаніе высокаго лица. Поднялись крики. Въ особенности громко кричали: дочь князя Горчакова, Панкратьева, и генералъ Докудовскій, женатый на отдаленной родственницѣ кн. М. Д. Горчакова. Крики эти достигли до варшавскаго королевскаго замка. Намѣстникъ Бергъ просилъ меня напечатать отъ себя статью съ объясненіемъ, какъ происходило все дѣло составленія записки: какъ намѣстникъ, не желая стѣснять автора замѣчаніями, которыя могли быть принимаемы за приказанія, молчалъ при слушаніи записки, хотя очень часто не раздѣлялъ взглядовъ автора на то или другое событіе, на то или другое лицо, вообще вполнѣ солидаренъ съ авторомъ никогда не былъ и считаться таковымъ не можетъ“. Я написалъ проектъ такой статьи и далъ прочесть намѣстнику, который поправилъ собственноручно два-три слова, что-то, сверхъ того, замаралъ. Остальное было напечатано. („Русскій Архивъ“ 1872 г.).

Графу Бергу собственно хотѣлось отдѣлаться какъ-нибудь отъ крикуновъ, чтобы возстановилась тишина. А какъ я отношусь къ тому или другому генералу или къ полковнику — это было для него все едино. Горчакова онъ не уважалъ никогда. При Паскевичѣ они даже нерѣдко ссорились (что разсказывается

въ моей книгѣ). Въ душѣ Бергъ былъ доволенъ, что я отдѣлалъ его „пріятеля“ и выставилъ ярко всю запутанность дѣлъ послѣ его управленія краемъ, гдѣ Бергъ призванъ былъ, высочайшею волею, возстановить порядокъ, и возстановилъ. Чѣмъ хуже было до него, чѣмъ болѣе замѣчалось безпорядковъ, тѣмъ выше его заслуга. Онъ дожидался съ нетерпѣніемъ оглашенія того мѣста записки, гдѣ изображалось прямо его царствованіе, и давалъ мнѣ знать разными путями, чаще всего черезъ адъютантовъ Валя и Гольдмана, что желательно было-бы увидѣть въ печати продолженіе. „Когда-же дальше, когда-же дальше?“ говорили мнѣ эти господа при встрѣчахъ и осыпали похвалами начало.

Я самъ былъ не прочь печатать далѣе, т. е. главы IX, X до XIV включительно, но въ IX главѣ изображались всѣ неловкости, позволившія народной организаціи укрѣпиться и устроить возстаніе, съ которымъ мы возились полтора года. Какъ было протащить такую мудреную главу въ печать?

Въ 1879 году, редакторъ-издатель „Русской Старины“ М. И. Семевскій предложилъ мнѣ перескочить черезъ главу IX и печатать далѣе съ X-й. Это пошло на страницахъ „Русской Старины“. Поднялись новые крики: выступили защитники и друзья Муравьева. Новая, болѣе подробная, статья моя о князѣ М. Д. Горчаковѣ тоже нашла противниковъ. Наконецъ, вооружились адъютанты графа Берга, который былъ описанъ мною совершенно въ томъ-же духѣ, какъ и его предмѣстники, съ тою-же смѣлостью и откровенностью.

Я не позволилъ себѣ смутиться всѣмъ этимъ карканьемъ людей немудрыхъ, неотесанныхъ азіатовъ, тѣмъ болѣе, что все дѣйствительно-серьезное, европейское въ обществѣ было за меня. Иные подходили ко мнѣ на улицѣ и благодарили громко.

Я думалъ только о томъ, какъ-бы дополнить, по возможности, все недостающее въ главахъ моей записки, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Русской Старинѣ“, вставить цѣлую IX главу, передѣлать, что было не такъ вслѣдствіе недостатка матеріаловъ, освѣтить кое-какіе факты иначе, новыми документами и разоблаченіями, явившимися въ Краковѣ, Львовѣ и въ другихъ городахъ Европы, привести все это въ лучшій порядокъ и напечатать безъ цензуры, а потомъ дать на просмотръ высшимъ властямъ печатнаго дѣла въ Россіи. Постановленіе, въ силу

котораго можно печатать безъ цензуры только въ двухъ пунктахъ обширной нашей имперіи, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дѣлало для меня недоступнымъ исполненіе моей мысли: я жилъ въ Варшавѣ, по обязанностямъ службы; дни проходили за днями; трудъ мой лежалъ почти доведенный до той полноты, какъ мнѣ хотѣлось. Я могъ раньше умереть, нежели-бы увидѣлъ хоть одну строку новаго изданія записки, стоившей мнѣ тяжкихъ многолѣтнихъ трудовъ, борьбы, возни, какой не дай Богъ никому изъ пишущихъ. Мои потомки не справились-бы съ горами рукописей, замѣтокъ, выносокъ, приложеній, гдѣ иное требовало неизбѣжнаго, окончательнаго удара кисти, что дѣлаетъ всегда самъ авторъ, уже при печатаніи. Извѣстно, какъ печатное слово озаряетъ всю работу и подсказываетъ подробности, которыя никоимъ образомъ не придутъ въ ту-же самую голову, пока рукопись—рукопись, а не печать.

Меня убивала мысль, что все это писано Богъ вѣдаетъ зачѣмъ, чтобы сгнить въ моихъ бумагахъ, которыя послѣ меня останутся. Не можетъ-же быть, чтобы труды и усилія столькихъ лѣтъ, изслѣдованія самыя истинныя и добросовѣстныя, по матеріаламъ очень рѣдкимъ, которые не скоро будутъ доступны исторіи, да и будутъ-ли?—не можетъ быть, чтобы тутъ не нашлось чего-либо полезнаго для моихъ отдаленныхъ читателей! Кто знаетъ, можетъ не одинъ будущій правитель Польши почерпнетъ въ этихъ строкахъ уроки для управленія мудренымъ краемъ, избѣгнетъ ошибокъ своихъ предшественниковъ... Да и, наконецъ, всякому трудившемуся надъ чѣмъ-нибудь литературнымъ честно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, позволительно желаніе увидѣть это въ печати. Хорошо это или дурно, вѣрны эти портреты или невѣрны—пусть рѣшаетъ будущее!... Пушкинъ не даромъ сказалъ, поощряя всякіе дневники, мемуары, записки: „помните, господа, что ваше слово, пока вы живы, много, много значитъ".

Я сталъ хлопотать въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, гдѣ тогда былъ просвѣщеннѣйшій начальникъ—Николай Савичъ Абаза, дабы мнѣ было дозволено начать печатаніе моей книги въ Варшавѣ, внѣ существующихъ правилъ, т. е. безъ предварительной цензуры. Мнѣ подавали надежды, что это устроится...

Начинать новыя хлопоты я не рѣшился, а просто-за-просто началъ печатаніе въ Познани, въ типографіи Крашевскаго.

Это было осенью 1881 г. Корректуры присылались ко мнѣ въ Варшаву по почтѣ на тонкой китайской бумагѣ, въ обыкновенныхъ письмахъ. Я отправлялъ продержанную корректуру въ письмахъ франкированныхъ. Были кое-какія задержки въ сообщеніи мнѣ пришедшихъ корректуръ, но пропало только два письма въ теченіе всего времени печатанія четырехъ большихъ томовъ, in 8°, въ 500 приблизительно страницъ каждый.

Въ 1884 году печатаніе кончилось.

Я рѣшаюсь выпустить напечатанное въ свѣтъ.

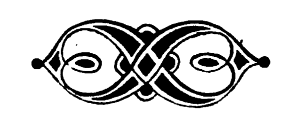
Пусть судятъ меня, кто можетъ судить.

Совѣсть моя спокойна: я нигдѣ, ни въ одной строкѣ, не покривилъ душею. Я смѣло выставилъ недостатки правительственныхъ распоряженій и ошибки частныхъ лицъ — кто-бы это ни былъ и какъ-бы высоко ни стоялъ! Я руководствовался единственно пользою, какую можетъ принести такая честная смѣлость и откровенность моимъ соотечественникамъ, если не теперь, то послѣ... когда-нибудь. Я могу сказать, положа руку на сердце, что я писалъ, какъ русскій патріотъ, и полагаю, нигдѣ не сбился съ дороги. Во всѣхъ этихъ десяткахъ, даже можетъ и сотняхъ тысячъ строкъ, европейскій читатель не усмотритъ ни одной строки непатріотической, а до азіатовъ и ихъ взглядовъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я писалъ не для нихъ.

Н. В. Бергъ.

† 16-го іюня 1884 года.

Примѣчаніе. Намъ не случилось видѣть напечатанный въ Познани обширный трудъ Н. В. Берга по исторіи возстаній Польши, но покойный писатель 21-го января 1883 года принесъ въ даръ архиву „Русской Старины" два обширныхъ тома перваго (1873 г.) изданія своего труда: „О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ (1831—1862 гг.) и полный оттискъ статей его-же въ „Русской Старинѣ" (изд. 1879 г.); „Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.", со множествомъ собственноручныхъ вставокъ и дополненій Н. В. Берга на бѣлыхъ листахъ, переплетенныхъ съ печатнымъ текстомъ. Ред.



НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

† 9 ч. утра 20 окт. 1889 г. въ г. Караколѣ.

МОГИЛА Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

(видъ на западъ).

Приложеніе къ журналу «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1892 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 декабря 1891 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

въ 1878 — 1888 гг.

Воспоминанія В. И. Роборовскаго [1]).

VI.

Хотя жизнь въ „Слободѣ" въ 1883-мъ году имѣла для Николая Михайловича много привлекательнаго и соотвѣтствовала его вкусамъ и привычкамъ, но, зная его подвижной характеръ, его страсть къ путешествіямъ, можно было заранѣе предсказать, что онъ не усидитъ долго въ имѣньи, что онъ соскучится по Азіи, гдѣ оставалась неизслѣдованною огромная площадь, въ 20,000 кв. миль. Дѣйствительно, едва Н. М. пообжился нѣсколько въ Слободѣ и отдохнулъ, какъ его неотступно стала преслѣдовать мысль о новомъ путешествіи, но обширность предпринятаго имъ труда, по описанію своего третьяго путешествія, задержала его въ деревнѣ до января мѣсяца 1883 года, когда онъ могъ отправиться въ Петербургъ и приступить къ печатанію своей книги. Въ то-же время онъ началъ дѣятельно готовиться къ новой экспедиціи, для изслѣдованія сѣвернаго Тибета.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1883 г., было окончено Пржевальскимъ изданіе его книги, вышедшей подъ заглавіемъ: „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и въ верховье Желтой рѣки"; книга эта обратила вниманіе не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ увлекательнымъ изложеніемъ и богатствомъ научнаго содержанія. Вес-

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 217—238.

ною-же былъ утвержденъ планъ и составъ предстоявшей четвертой экспедиціи Пржевальскаго; ближайшими помощниками Н. М. были назначены: я, Эклонъ и вольноопредѣляющійся 2-го Софійскаго Е. В. полка, Козловъ; но, передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Эклонъ, собираясь жениться, неожиданно отказался отъ участія въ экспедиціи; въ лицѣ его мы лишились опытнаго и испытаннаго товарища нашей путевой жизни, и Н. М—чу пришлось ограничиться попрежнему только двумя помощниками.

Въ началѣ августа 1883 г., мы выѣхали изъ Петербурга и почти два мѣсяца спустя, именно 26-го сентября, прибыли въ Кяхту, гдѣ мы остановились на цѣлый мѣсяцъ, снаряжаясь въ экспедицію; Н. М. выбиралъ въ это время солдатъ изъ линейнаго батальона и обучалъ ихъ стрѣльбѣ.

Изъ Кяхты мы направились, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 г., въ Ургу и на девятнадцатый день путешествія вступили въ пустыню Гоби. Имя Пржевальскаго, его слава, какъ человѣка рѣшительнаго и настойчиваго, были причиною того, что китайцы, которые относились къ намъ вообще недружелюбно, не пытались открыто задерживать насъ; сининскій амбань (начальникъ) не противился даже нашему движенію на Кукуноръ и въ Цайдамъ, но отказывался только дать намъ проводника на истоки Желтой рѣки, говоря, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей, которые-бы знали эту мѣстность.

1-го мая 1884 г. мы прибыли къ хырмѣ[1]) Дзунъ-Засакъ, откуда предполагали начать изслѣдованіе невѣдомыхъ мѣстностей Тибета.

Владѣтельный князь Дзунъ-Засака наотрѣзъ отказался продать намъ верблюдовъ, барановъ и ячменя для лошадей, всячески отговаривалъ насъ отъ путешествія въ Тибетъ, пытался даже задержать насъ подъ предлогомъ охоты; какъ мы догадались впослѣдствіи, это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы, увлекшись охотою, мы пропустили удобное время для перехода черезъ горы, такъ какъ перевалъ завалило-бы въ скоромъ времени снѣгомъ на всю зиму и намъ, волею-неволею, пришлось-бы отказаться отъ посѣщенія Тибета.

Когда мы прижали князя, требуя, чтобы онъ объяснилъ намъ причину своего отказа, то онъ показалъ намъ двѣ бумаги, изъ коихъ въ одной говорилось, чтобы онъ исполнялъ всѣ наши требованія, а въ другой ему запрещалось дѣлать что-либо для насъ,

---

[1]) Хырма—жилье, обнесенное квадратною глиняною стѣною, для защиты отъ разбойниковъ.

подъ угрозою, что если онъ будетъ угождать намъ, то его потребуютъ въ Сининъ для объясненія и наказанія.

Пришлось употребить крутыя мѣры: арестовать князя, привести его на бивуакъ, а главнаго его совѣтника привязать на веревку и продержать такъ три дня. Ему было объявлено, что мы даемъ ему три дня срока и что если къ этому времени не будетъ верблюдовъ и проводника, то мы возьмемъ ихъ силою, разыщемъ дорогу сами, а его поведемъ съ собою, чтобы онъ узналъ дорогу и могъ служить вожакомъ для будущихъ путешественниковъ.

Разумѣется, все требуемое нами явилось къ назначенному сроку. Надобно сказать, что китайскія власти относились къ экспедиціи крайне недоброжелательно и старались всячески задерживать насъ. Не довѣряя намъ и не понимая смысла и цѣли нашей экспедиціи, хотя мы и старались выяснить ихъ: показывали имъ птицъ, растенія и т. п., они полагали, что собираніе коллекцій дѣлается нами только для отвода глазъ, что мы идемъ съ завоевательною цѣлью, что мы ищемъ золота, такъ какъ для ловли бабочекъ, птичекъ и для собиранія растеній не стоило, по ихъ мнѣнію, тратить деньги, рисковать жизнью, переносить всѣ невзгоды мѣстной природы и преодолѣвать такія трудности и препятствія, которыя и туземцамъ не подъ силу. Къ тому-же, у насъ былъ паспортъ отъ китайскаго правительства, въ которомъ было сказано, что русскій офицеръ отправляется „для прогулки", слѣдовательно цѣль нашего путешествія не была ясна и для ихъ министерства, поэтому весьма естественно, что китайцы относились къ намъ подозрительно, упрашивали и умоляли насъ не ходить въ мѣста заповѣдныя, а чиновники ихъ, съ вѣдома своего правительства, дѣлали намъ всевозможныя гадости.

Зато русскія пограничныя власти относились къ намъ весьма предупредительно и постоянно снабжали Н. М. всевозможными открытыми листами и требованіями къ туземнымъ властямъ, такъ что столкновеній съ ними у насъ нигдѣ не было, да и Николай Михайловичъ держалъ себя съ ними совершенно иначе, чѣмъ всѣ. Онъ ко всѣмъ ѣздилъ съ визитами, даже къ маленькимъ чиновникамъ, какъ равный къ равному, чѣмъ, разумѣется, располагалъ ихъ въ свою пользу, и поэтому всякій, помимо приказаній высшаго начальства, старался угодить ему.

Къ китайцамъ Николай Михайловичъ не могъ относиться дружелюбно, его возмущала ихъ лживость и притворство; они устраивали намъ такія штуки: въ глаза говорятъ любезности, напр.,

какой-нибудь амбань увѣряетъ: „я счастливъ и дѣти мои счастливы, что я, отецъ ихъ, видѣлъ такого человѣка, какъ вы", а тутъ-же отдаетъ чиновнику приказаніе испортить дорогу, по которой намъ придется идти, сломать мостъ, угнать верблюдовъ и т. п. Нашъ переводчикъ понималъ по-китайски, слышалъ эти приказанія и передавалъ ихъ Н. М. Разумѣется, такого рода пріемы возмущали его и онъ никакъ не могъ къ нимъ привыкнуть; зная китайцевъ, онъ старался избѣгать всякой встрѣчи съ ними и говорилъ, что отъ нихъ не увидишь ничего, кромѣ непріятностей.

Съ другими азіатцами, напр. съ монголами, можно говорить; монголъ будетъ уклоняться отъ исполненія вашей просьбы, но, въ концѣ концовъ, онъ уступитъ требованію, высказанному съ твердостью, а китаецъ всегда найдетъ уловку, чтобы надуть, а если не надуть, то ловко выгородить себя передъ высшимъ начальствомъ.

Въ Сининѣ, напр., насъ стращали разбойниками и невозможностью переплыть Желтую рѣку.

— „Хотя войско выставятъ, я все-таки пойду", сказалъ Н. М. амбаню.

— „Я не буду вамъ мѣшать, заявилъ тогда амбань, только дайте мнѣ записку, что вы снимаете съ меня вину, въ случаѣ нападенія на васъ разбойниковъ или иной неудачи".

Подобная записка, конечно, была выдана ему.

Добившись отъ князя Дзунъ-Засака проводника, верблюдовъ и отличныхъ барановъ, мы оставили часть нашего багажа на храненіе въ сосѣдней съ нимъ хырмѣ и двинулись въ Тибетъ.

Въ бассейнѣ Голубой рѣки на рѣкѣ Бё-чю мы встрѣтились съ тангутами одного мирнаго племени; ловкій выстрѣлъ по грифу, сдѣланный въ ихъ присутствіи, такъ заинтересовалъ ихъ, что они стали осматривать наши ружья, просили насъ показать, какимъ образомъ изъ нихъ стрѣляютъ, продали намъ барановъ, которыхъ помогли прогнать черезъ рѣку, заходили въ наши юрты, палатки, вполнѣ довѣрились намъ и показывали даже раны, полученныя ими въ дракахъ съ сосѣдями. Мы могли съ ними объясняться, такъ какъ съ нами былъ переводчикъ китаецъ, понимавшій немного тангутскій языкъ. На обратномъ пути, дойдя до Желтой рѣки, мы изслѣдовали, въ теченіе іюля, ея истоки и большія озера ея верхняго теченія, и тутъ на плоскогоріи Тибета, на разстояніи 3,000 верстъ отъ нашей границы, дважды подверглись нападенію дикихъ тангутовъ, пытавшихся преградить намъ путь. Первый разъ нападеніе было произведено на насъ, 11-го іюля, партіею разбойниковъ человѣкъ въ триста, а второй разъ

на насъ напало, 19-го іюля, двѣсти человѣкъ голыковъ; это разбойничье населеніе изъ племени тангутовъ, живущее по берегу Желтой рѣки. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ; разбойники, не смотря на ихъ численное превосходство, были обращены нами въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Череповъ этихъ убитыхъ мы не взяли, чтобы не подвергнуться нареканію, будто мы стрѣляли по нимъ съ цѣлью получить эти черепа, но какъ предметы интересные съ этнографической точки зрѣнія, мы взяли ихъ патронташъ, одну сумку, ружье и пику и то не всю, а только ея наконечникъ; ружье тангутовъ калибра берданки, не особенно тяжелое, хотя оно имѣетъ довольно толстый литой стволъ; длиною оно примѣрно два аршина, прикладъ у него узенькій, длинный и въ него помѣщается свернутый довольно длинный пеньковый фитиль, который распутывается, по мѣрѣ того какъ сгораетъ; онъ вставляется въ курокъ, а снизу собачка нажимаетъ на полку. Когда фитиль гаснетъ, то его прикрываютъ кожанымъ чехольчикомъ. Пуля летитъ на разстояніе 300 шаговъ.

Тангуты, напавшіе на насъ, съ цѣлью грабежа, были все здоровяки, народъ крѣпкій, широкогрудый; они существуютъ исключительно разбоемъ, дѣлаютъ набѣги даже на китайскія провинціи; говорятъ, будто они ходятъ грабить верстъ за 1000, партіями отъ полутораста до пятисотъ человѣкъ; иной разъ они раздѣляются на маленькіе отряды, человѣкъ въ пятнадцать, и угоняютъ у другихъ племенъ скотъ.

Отбившись отъ разбойниковъ, мы направились обратно въ Цайдамъ, гдѣ были оставлены нами нѣкоторые запасы подъ присмотромъ казака Иринчинова; намъ необходимо было отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ и запастись новыми лошадьми, такъ какъ во время стычки мы потеряли восемь лошадей: испугавшись выстрѣловъ, онѣ сорвались съ привязи и убѣжали, и одна изъ нихъ была убита.

Во время нашей остановки въ Цайдамѣ, Николай Михайловичъ былъ чрезвычайно озабоченъ вопросомъ: идти-ли оттуда въ Хлассу и въ восточную провинцію Тибета, Камъ, или повернуть на Лобъ-Норъ?

Было основаніе предполагать, что населеніе Тибета, поголовно намъ враждебное, послѣ двукратнаго побитія тангутовъ, еще рѣшительнѣе воспротивиться вступленію нашему въ ихъ страну. Этотъ вопросъ чрезвычайно волновалъ Пржевальскаго, такъ какъ въ Камъ не доходилъ ранѣе его ни одинъ европеецъ, и эта провинція представляетъ громадный интересъ въ естественно-историческомъ отно-

шеніи. Тибетское плоскогорье спускается тутъ къ Индо-Китаю, образуя массу глубокихъ балокъ, въ нѣсколько тысячъ футъ глубины, въ которыхъ встрѣчается самая разнообразная растительность и животныя.

Естествоиспытатели французы, посѣщавшіе сосѣднія съ Камомъ провинціи, привозили оттуда замѣчательнѣйшія коллекціи: тутъ были все новые виды растеній и такія роскошныя южныя формы, что Пржевальскому страстно хотѣлось посѣтить и изслѣдовать эту мѣстность.

Когда у Николая Михайловича бывала на душѣ какая-нибудь тревога или у него возникало какое-нибудь сомнѣніе и ему надобно было что-либо серьезно обдумать, то онъ не имѣлъ обыкновенія высказывать намъ свои мысли, чтобы не смущать насъ и команду, а уходилъ въ поле и, присѣвъ на камушкѣ, предавался размышленіямъ.

— „Знаешь-ли, почему я уходилъ?“ спросилъ онъ меня, вернувшись однажды изъ прогулки въ окрестностяхъ Цайдама,—„меня занималъ вопросъ: куда идти—въ Камъ или на Лобъ-Норъ? Въ Камъ мы, пожалуй, не дойдемъ: туда можно пройти только черезъ Хлассу; на этомъ пути большія рѣки,—съ верблюдами пройти будетъ трудно, придется снарядиться иначе,—пойти черезъ китайскіе города и запастись мулами, а въ случаѣ неудачи, ежели тибетцы опять не допустятъ насъ въ свою столицу, всѣ эти снаряженія будутъ сдѣланы напрасно. Съ другой стороны, мнѣ хотѣлось-бы пройти на Лобъ-Норъ. Мнѣ много разсказывали о Гасѣ (урочище, удобное для склада), я слышалъ и на Лобъ-Норѣ, и въ Цайдамѣ, что это прекрасное мѣсто: говорятъ, что тамъ есть долина, слѣдовательно есть и горы, которыя совершенно неизвѣстны и представляютъ поэтому большой интересъ. Кромѣ того, я сомкну, такимъ образомъ, мои прежніе пути, поэтому я рѣшилъ идти на Лобъ-Норъ и Гасъ“.

Такимъ образомъ, отдохнувъ въ Цайдамѣ двѣ недѣли и запасшись свѣжими верблюдами, мы выступили, 26-го августа 1884 г., въ дальнѣйшій путь на Лобъ-Норъ.

Урочище Гасъ, о которомъ мы такъ много слышали, совершенно не соотвѣтствовало этимъ разсказамъ; намъ говорили, что тамъ есть громадное озеро, длиною чуть не во сто верстъ, съ берегами, поросшими густымъ камышомъ, что тамъ водятся тигры, дикія лошади съ большими гривами и растетъ ягодное растеніе хармыкъ, есть и чистая вода и прекрасный кормъ для лошадей; на основаніи этихъ разсказовъ, мы предполагали устроить въ Гасѣ складъ, но, пришедши туда, увидѣли озеро, длиною всего въ 30 верстъ; восточные, сѣверные и западные берега его—солончаковые, совершенно

лишенные растительности; съ запада въ него впадаетъ рѣка Зайсанъ-сайту, въ дельтѣ которой дѣйствительно растетъ много камыша, но все-же не въ такомъ количествѣ, какъ говорили. Хотя разсказы оказались преувеличенными, но все-таки эта мѣстность была одна изъ лучшихъ, какія попадались намъ до сихъ поръ. Тутъ имѣлась прекрасная вода, были дрова и кормъ для верблюдовъ и лошадей, но не было ни селенія, ни жилья, а виднѣлись только стѣны стараго города, куда я заходилъ одинъ; по невысокой, полуразрушенной стѣнѣ этого покинутаго города бѣгало штукъ полтораста хулановъ (ословъ); они избрали это мѣсто, вѣроятно, потому, что оно было имъ удобно для обзора мѣстности. Кромѣ хулановъ, въ Гасѣ оказалось много утокъ, тибетскихъ медвѣдей и маленькихъ антилопъ.

Изъ Гаса Николай Михайловичъ отправилъ большой разъѣздъ отыскивать дорогу на Лобъ-Норъ; по разсчету, туда было верстъ около двухъ-сотъ. Казаки ѣздили двѣ недѣли изъ одного ущелья въ другое, но не могли найти спуска, наконецъ, они отыскали одно ущелье, по которому было удобно пройти, сдѣлали памятныя замѣтки и возвратились въ Гасъ.

Дождавшись ихъ, Николай Михайловичъ оставилъ въ урочищѣ Чонъ-Яръ шесть человѣкъ казаковъ подъ начальствомъ Иринчинова, съ баранами и лишними вещами, и отправился съ нами на-легкѣ изслѣдовать Тибетъ.

Мы прошли вверхъ по р. Зайсанъ-сайту, любопытной тѣмъ, что, пробѣжавъ нѣкоторое время, она совершенно исчезаетъ въ землѣ, затѣмъ снова появляется въ видѣ большой, сильной рѣки и вскорѣ опять пропадаетъ, такъ что вы и не подозрѣваете тутъ присутствія воды,—передъ вами разстилается безплодная пустыня. Однако, проѣхавъ по этой пустынѣ нѣсколько верстъ, вы снова видите рѣку; поэтому мы дѣлали разъѣзды, высматривали ее въ бинокль, и такимъ образомъ оріентировались.

Пройдя довольно большое пространство вдоль р. Зайсанъ-сайту, мы нашли на высотѣ 13,000 ф. озеро, которое Николай Михайловичъ назвалъ „незамерзающимъ", потому что оно не было еще замерзши въ декабрѣ мѣсяцѣ. Тутъ, на возвышенномъ плато Тибета, были открыты нами большіе горные хребты, которые Пржевальскій назвалъ именами: Колумбъ, Московскій хребетъ (главная гора Кремль) и Цайдамскій хребетъ; былъ еще одинъ хребетъ, посѣтить который намъ не удалось; Николай Михайловичъ предполагалъ изслѣдовать его въ слѣдующее путешествіе и назвалъ „Загадочнымъ"; но, по возвращеніи его въ Петербургъ, въ главномъ штабѣ

рѣшили назвать этотъ хребетъ именемъ Пржевальскаго. Суровая зима, наступившая въ декабрѣ мѣсяцѣ, и ближайшій осмотръ плато сѣвернаго Тибета, ограниченнаго съ юга безплодными холмами, за которыми возвышались снѣжные хребты, заставили насъ повернуть обратно къ оставленному нами складу, куда мы добрались 11-го января 1885 года.

Отдохнувъ здѣсь трое сутокъ, обчистившись и обсушившись, мы оставили прекрасную стоянку въ Чонъ-ярѣ и направились къ сѣверу на Лобъ-Норъ по пути, который былъ найденъ нашими казаками въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1884 г. На Лобъ-Норъ экспедиція прибыла въ концѣ января. Н. М. предполагалъ пробыть тутъ довольно долго и наблюдать за весеннимъ прилетомъ птицъ, поэтому мы расположились бивуакомъ на правомъ берегу р. Тарима со всевозможнымъ удобствомъ; сдѣлавъ въ этой мѣстности, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, массу весьма интересныхъ наблюденій, мы направились, въ концѣ марта 1885 г., въ Черченъ, гдѣ предполагали освѣжить запасы и достать проводника. Мѣстныя власти отказали намъ въ томъ и другомъ, получивъ отъ китайскаго правительства секретное предписаніе не давать намъ проводниковъ и не входить вообще ни въ какія сношенія съ русскими. Опять пришлось пустить въ ходъ угрозы, которыя, по обыкновенію, подѣйствовали— и мы получили все необходимое.

Въ маѣ 1885 г. экспедиція достигла оазиса Нія, гдѣ мы нашли прекрасную стоянку, съ хорошею водою и обиліемъ корма для животныхъ. Изъ Нія, черезъ плодоносный оазисъ Кэрію, Н. М. намѣревался пробраться на сосѣднее плато Тибета, но для этой цѣли было необходимо замѣнить верблюдовъ лошадьми, а китайскія власти, по прежнему, всячески старались помѣшать нашему движенію въ Тибетъ, поэтому экспедиція, продолжавшаяся почти цѣлый мѣсяцъ, не привела къ желаемой цѣли; мѣстность, по которой намъ пришлось идти, лежала на высотѣ 10—12-ти тысячъ футъ и представляла собою холмы, горы и рѣчныя ущелья, крайне затруднявшія движеніе; погода была все время дождливая, такъ что и лошади и люди крайне измучились и Николай Михайловичъ рѣшилъ спуститься съ горъ на Кэрійско-хотанскую дорогу, направиться къ Хотану, внизъ по Хотанской рѣкѣ на Аксу, къ Тянь-шану, и, отказавшись отъ посѣщенія Хлассы, вернуться обратно въ Россію.

29-го августа 1885 г., мы прибыли въ Хотанъ, отстоящій отъ нашей границы на разстояніи 600 верстъ, и расположились въ одномъ изъ садовъ этого города. Николай Михайловичъ послалъ тотчасъ

нашего переводчика Абдулку къ хотанскому губернатору извѣстить его о нашемъ прибытіи. Абдулка былъ допущенъ совершенно свободно къ губернатору, визировалъ паспортъ и отправился обратно, какъ вдругъ въ воротахъ крѣпости на него напали солдаты-китайцы и избили такъ, что онъ вернулся на бивакъ весь въ синякахъ.

Узнавъ объ этой весьма враждебной намъ выходкѣ со стороны китайцевъ и опасаясь, что дѣло этимъ не ограничится, Николай Михайловичъ поручилъ мнѣ выбрать для бивака другое, болѣе удобное, мѣсто въ окрестностяхъ Хотана, на ровной и открытой мѣстности, гдѣ было-бы удобно обороняться.

Когда подходящее мѣсто было найдено, мы перекочевали туда и Пржевальскій послалъ меня съ десятью казаками „прогуляться" въ городѣ передъ китайцами, чтобы показать имъ, что мы ихъ нисколько не боимся. Онъ приказалъ имъ надѣть красныя рубахи, взять съ собою винтовки и по сто патроновъ въ карманы и нагайки въ голенища сапогъ приказалъ употребить ихъ въ дѣло, если китайцы будутъ ругаться, и стрѣлять по нимъ, если они пустятъ въ ходъ оружіе.

Мы вошли въ Хотанъ, распѣвая русскія пѣсни; казаки шли въ ногу и видимо произвели эффектъ на туземцевъ, но китайцы всѣ попрятались. Мы прошли мимо губернаторскаго дома до противоположныхъ городскихъ воротъ, гдѣ была приготовлена китайцами пушка, — горное орудіе, установленное прямо на табуреткѣ, около казармъ; тутъ-же лежало штукъ восемь фитильныхъ ружей, но солдатъ не было ни души; пушка была поставлена поперегъ дороги, такъ что если-бы изъ нея выстрѣлить, то ядро полетѣло-бы прямо въ казармы.

У воротъ, гдѣ начинается базаръ, мы купили фруктовъ, съ полъчаса отдохнули въ городѣ и съ пѣснями возвратились на бивакъ; туземцы на обратномъ пути казаковъ пристроивались къ намъ и старались идти съ солдатами въ ногу.

Ночью китайцы много шумѣли, били въ барабаны и трещотки, но не тревожили насъ, а на утро къ намъ пріѣхалъ чиновникъ, съ извиненіемъ по поводу поступка солдатъ. Н. М. требовалъ, чтобы ихъ наказали, но чиновникъ заявилъ, что солдаты ему не подчинены и что онъ отправилъ ихъ уже въ Яркендъ для наказанія. Вслѣдъ затѣмъ явился къ Н. М. съ визитомъ и самъ губернаторъ; Пржевальскій отвѣтилъ ему тѣмъ-же, взявъ, однако, изъ предосторожности, конвой изъ восьми человѣкъ казаковъ.

Такимъ образомъ, это столкновеніе окончилось благополучно обмѣномъ взаимныхъ вѣжливостей.

Пополнивъ наши запасы въ Хотанѣ, мы выступили, 5-го сентября, въ Аксу, оттуда направились въ Караколъ, черезъ оазисъ Учь-Турфанъ, и далѣе къ горной цѣпи Тянь-Шаня. 29-го октября 1885 года, нашъ караванъ поднялся на Бедель, гдѣ пролегаетъ пограничная черта между Россіею и Китаемъ; мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю, благополучно окончивъ наше двухлѣтнее путешествіе, важное въ научномъ отношеніи тѣмъ, что нами были изслѣдованы совершенно неизвѣстные до тѣхъ поръ истоки Желтой рѣки.

VII.

Возвратившись въ Петербургъ, въ январѣ 1886 г., Пржевальскій поспѣшилъ уѣхать раннею весною въ свою „Слободу", чтобы тамъ, въ тишинѣ сельскаго уединенія, обработать матеріалъ, накопившійся за наше двухлѣтнее путешествіе.

Однако, это лѣто онъ мало подвинулъ свою работу, а болѣе проводилъ время въ лѣсу, на охотѣ, отдыхая и отъ путешествія и отъ двухмѣсячнаго пребываиія въ столицѣ. Осенью того-же 1886 года, ему пришлось съѣздить въ Петербургъ, чтобы выставить свои коллекціи для обзора публики.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Пржевальскій снова уѣхалъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1887 г., въ Слободу и вплотную присѣлъ за описаніе своего четвертаго путешествія въ Среднюю Азію, отвлекаясь отъ работы только заботами по устройству усадьбы и постройкѣ дома, который сооружался по его собственному плану.

Лѣтомъ 1887 г. домъ былъ оконченъ вчернѣ; въ немъ было шесть комнатъ внизу и мезонинъ, гдѣ была помѣщена большая библіотека Николая Михайловича; у него была масса сочиненій, преимущественно на иностранныхъ языкахъ, по литературѣ путешествій, съ которою онъ былъ отлично знакомъ; онъ хорошо владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языками, могъ читать на этихъ языкахъ разныхъ авторовъ совершенно свободно, лишь изрѣдка обращаясь къ лексикону; память у него была рѣдкая, поэтому заучиваніе словъ ему ничего не стоило. По-англійски Н. М. также могъ читать, но говорить не могъ, такъ какъ онъ выучился этому языку самоучкою, послѣ путешествія въ Уссурійскій край, съ цѣлью прочесть нѣкоторыя англійскія сочиненія о Тибетѣ.

Необходимость заставила его учиться говорить по-монгольски, по-тюркски и немного по-китайски; онъ могъ составить на этихъ

языкахъ всѣ обыденныя фразы, напр. спросить воды, куда ведетъ дорога и т. п., и, такимъ образомъ, въ случаѣ крайности и безъ переводчика могъ обойтись.

Во время постройки дома, Н. М. жилъ въ маленькой „хаткѣ", состоявшей изъ трехъ комнатъ, которая находилась въ саду его усадьбы; въ ней онъ постоянно работалъ, въ ней началъ и окончилъ описаніе своего четвертаго путешествія.

Въ началѣ марта 1888 года этотъ трудъ былъ оконченъ, и Н. М. отправился въ Петербургъ, съ цѣлью приступить къ печатанію своей книги. Онъ представилъ въ то-же время совѣту географическаго общества программу своего будущаго пятаго путешествія въ Среднюю Азію, избравъ его исходнымъ пунктомъ г. Караколъ Семирѣченской области, а конечною цѣлью — изслѣдованіе сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго Тибета къ югу и юго-западу отъ Гаса.

Въ случаѣ удачи, если-бы намъ посчастливилось на этотъ разъ проникнуть въ Хлассу, Н. М. предполагалъ пройти и въ восточную провинцію Тибета—Камъ, которая давно подстрекала его любопытство. Этотъ разъ составъ экспедиціи былъ многочисленнѣе предыдущихъ: кромѣ меня, съ Пржевальскимъ отправлялись Козловъ, два препаратора, два переводчика, пятнадцать человѣкъ солдатъ и семь казаковъ.

Желая выѣхать изъ Петербурга какъ можно скорѣе, Н. М. торопился изданіемъ книги, которая печаталась въ типографіи Василія Степановича Балашова, которою Пржевальскій былъ весьма доволенъ: въ теченіе одного мѣсяца было набрано, выправлено и отпечатано 35 листовъ, такъ что многіе не хотѣли вѣрить, чтобы частная типографія могла такъ быстро работать; печать была прекрасная и книга издана вообще превосходно, что при быстротѣ работы дѣлаетъ большую честь В. С. Балашеву. Двѣ послѣднія корректуры держалъ самъ Николай Михайловичъ.

Сборы въ дорогу и печатаніе книги требовали такъ много времени, что Николай Михайловичъ передъ отъѣздомъ совсѣмъ не имѣлъ отдыха и спалъ весьма мало; въ то-же время ему пришлось усиленно хлопотать о китайскомъ паспортѣ для экспедиціи. Переписка, возникшая по этому поводу съ китайскимъ министерствомъ, въ высшей степени любопытна. Китайцы дѣлали Пржевальскому всевозможныя затрудненія, увѣщевали его не брать съ собою конвоя изъ 24 человѣкъ, какъ онъ предполагалъ, а взять только 16 спутниковъ: „если русскій офицеръ Пржевальскій желаетъ взять съ собою 24 человѣка, писали изъ ихъ министерства, и ежели это

составляетъ военный конвой, то китайское правительство не можетъ согласиться на пропускъ столькихъ вооруженныхъ людей, если-же это прислуга, то для чего ему такая многочисленная свита? Не лучше-ли взять съ собою только 16 человѣкъ, такъ какъ многочисленный караванъ будетъ привлекать любопытныхъ и въ народѣ можетъ произойти волненіе".

Всѣ эти проволочки и препирательства крайне раздражали Николая Михайловича; онъ готовъ былъ идти и безъ всякаго паспорта, если-бы получилъ на то свыше разрѣшеніе; переписка окончилась тѣмъ, что охранный листъ, для путешествія нашего въ Тибетъ, былъ выданъ китайцами всего на 16 человѣкъ, но Пржевальскій рѣшилъ не уменьшать числа своего конвоя, расчитывая, что въ Китаѣ не рѣшатся дѣлать ему за это придирки.

Въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Пржевальскому также пришлось имѣть, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, объясненія. Н. М — ча обвиняли въ томъ, что, возвращаясь изъ четвертой экспедиціи, мы разрушили одно китайское укрѣпленіе и что это могло вызвать столкновеніе съ китайцами.

Дѣло произошло такъ: когда мы переходили черезъ Бедель, на самомъ пути намъ попалось укрѣпленьице; пройти съ верблюдами тутъ не было никакой возможности, иначе, какъ пройдя черезъ крѣпость; обойти ее не позволяла мѣстность, а какъ идти далѣе безъ верблюдовъ? бросить ихъ съ поклажею невозможно, поэтому казаки живо сняли ворота укрѣпленія, китайцы, разумѣется, попрятались и мы прошли никого не трогая. Китайцы сами виноваты, что строятъ укрѣпленія на самой караванной дорогѣ.

„Какую вы тамъ крѣпость сломали", спрашивалъ Николая Михайловича министръ иностранныхъ дѣлъ.

— „Была будка выстроена, отвѣчалъ Н. М., такъ мы сломали ворота, чтобы провести верблюдовъ!"

Хороши и защитники, которые даютъ ломать крѣпость!

Собираясь въ пятое путешествіе, которое Николай Михайловичъ считалъ для себя послѣднимъ, онъ съ завистью смотрѣлъ на насъ.

— „Вотъ вы счастливые, говорилъ онъ, вы только что начинаете жить, передъ вами многое впереди, а для меня эта экспедиція послѣдняя, она кончится и я не буду въ состояніи болѣе путешествовать; тяжело будетъ, не тѣ года, а что я стану дѣлать дома? Правда, у меня работа найдется, будетъ писаніе кое-какое, но это все не то, все-таки душею я буду жить тамъ, въ Азіи, а тѣло будетъ меня удерживать здѣсь; жизнь предстоитъ мнѣ самая скучная: я не могу спокойно работать, зная,

что еще много есть мѣстъ въ центральной Азіи, мною не изслѣдованныхъ.

„За три мѣсяца до своего отъѣзда изъ Петербурга, въ маѣ 1888 года, Николай Михайловичъ получилъ письмо отъ казака Иринчинова, неизмѣннаго спутника его первыхъ четырехъ путешествій. Иринчиновъ извѣщалъ Николая Михайловича, что онъ состарѣлся, чувствуетъ себя не настолько здоровымъ и бодрымъ, чтобы выдержать еще одно трудное путешествіе и поэтому считаетъ за лучшее остаться дома, чтобы не быть бременемъ для экспедиціи, чтобы съ нимъ не было возни дорогою.

„Иринчиновъ умнѣе меня, онъ во-время остается“, сказалъ Николай Михайловичъ, давая намъ прочесть это письмо.

— „Почему-же? замѣтилъ я, вы здоровы, слава Богу, какъ дай Богъ каждому“.

„Да, возразилъ Н. М., это только такъ кажется“.

Дня за два до выѣзда изъ Москвы, 21-го августа 1888 г., Пржевальскій получилъ извѣстіе о смерти своей старушки няни, которую онъ очень любилъ. Хотя эта старушка и не была такою хорошею личностью, какою Н. М. считалъ ее, но онъ очень довѣрялъ ей, и няня лично ему была весьма предана, но, какъ женщина хитрая, она изучила его слабыя стороны, пользовалась ими и изъ ревности устраняла отъ него всѣхъ остальныхъ служащихъ.

Извѣстіе о смерти няни чрезвычайно потрясло Пржевальскаго. Это неожиданное огорченіе, въ связи съ утомленіемъ, которое было вызвано изданіемъ книги, и сборами въ дорогу, и съ волненіемъ, и досадою, которую доставила ему переписка съ китайскимъ министерствомъ, было причиною того, что Николай Михайловичъ уѣхалъ этотъ разъ изъ Россіи далеко не въ томъ бодромъ, веселомъ настроеніи, какъ бывало прежде.

24-го августа 1888 г., мы выѣхали съ нимъ изъ Москвы и черезъ Нижній, по Волгѣ и Каспійскому морю добрались до закаспійской желѣзной дороги, чтобы по ней отправиться въ Самаркандъ.

Желѣзная дорога произвела на Николая Михайловича весьма пріятное впечатлѣніе. „Словно въ сказкѣ, несешься въ вагонѣ по сыпучимъ пескамъ, или по безплодной и безводной соляной равнинѣ“, описывалъ онъ свои впечатлѣнія генералу Фельдману (письмо отъ 10 сент. 1888 г.).

11-го сентября мы выѣхали изъ Самарканда въ Ташкентъ; 23-го числа прибыли въ Пишпекъ, уѣздный городъ, съ тремя тысячами жителей; тутъ-то Николай Михайловичъ и простудился.

Дня два спустя по пріѣздѣ въ Пишпекъ, Николай Михайловичъ

отправился со мною въ Вѣрный за китайскимъ серебромъ, котораго намъ не удалось однако получить въ достаточномъ количествѣ. Это сильно раздражило Пржевальскаго, равно какъ и то обстоятельство, что мы не могли достать необходимое намъ число верблюдовъ: вмѣсто 120, мы набрали ихъ всего 88.

На обратномъ пути изъ Вѣрнаго у Н. М. выпалъ зубъ; это было сочтено имъ за дурное предзнаменованіе.

Возвращаясь въ Пишпекъ 3-го октября, мы видѣли по пути массу фазановъ; на разстояніи двухъ верстъ, мы насчитали ихъ штукъ 28, поэтому Николай Михайловичъ, чувствуя себя на слѣдующій день хорошо, рѣшилъ ѣхать на охоту.

Мы отправились съ нимъ въ разныя мѣста, онъ въ одну сторону, а я въ другую; когда мы сошлись вечеромъ послѣ охоты, то онъ говорилъ, что ужасно усталъ и сильно вспотѣлъ (это случилось съ нимъ первый разъ на охотѣ), такъ что напился изъ арыка.

— „Выпилъ я изъ арыка гадости, говорилъ онъ, вотъ придемъ домой, выпьемъ запивка" [1]).

Дѣйствительно, прійдя на бивакъ, Николай Михайловичъ выпилъ болѣе бутылки этой запивки; потомъ подали самоваръ, мы поѣли баранины, которую Н. М. запилъ полъ стаканомъ бѣлаго вина, и легли спать. Ночью онъ вставалъ, ему казалось жарко, онъ вышелъ на дворъ.

— „Посмотри, Воля, какая прекрасная ночь", позвалъ онъ меня.

— Лѣнь подниматься, отвѣчалъ я, я и отсюда вижу, что хороша".

Рано утромъ мы опять пошли на охоту, вернулись часовъ въ одиннадцать. Это было 6-го октября 1888 г.

До 8-го числа мы выбирали верблюдовъ; Н. М. былъ все время не въ духѣ, такъ что даже поселился въ отдѣльной юртѣ, сказавъ: „полежать мнѣ охота, а тутъ ко мнѣ все приходятъ, принимайте вы киргизовъ".

8-го числа было рѣшено ѣхать въ Караколъ, находящійся въ 360 верстахъ отъ Пишпека. Это уѣздный городъ съ пятью тыс. жителей, на берегу озера Иссыкуля. Такъ какъ на этомъ трактѣ мало лошадей, кажется всего одна тройка, то мы ѣхали порознь съ Н. М., онъ выѣхалъ изъ Пишпека въ 8 час. утра, а мы въ 3 часа дня. Казакъ, ѣхавшій съ Пржевальскимъ, жаловался, что „генералъ устаетъ сильно и что ему жарко", хотя жары не было, по крайней мѣрѣ, мы ея не испытывали.

---

[1]) Такъ называли мы жидкій чай съ лимонною кислотою, съ сахаромъ или съ клюквеннымъ морсомъ. Мы всегда брали это питье въ дорогу, чтобы не пить сырую воду. В. Р.

Эти 360 в. до Каракола мы ѣхали, противъ обыкновенія, весьма медленно, цѣлыхъ три дня, останавливаясь на ночлегъ, чего прежде никогда не случалось.

Н. М. пріѣхалъ въ Караколъ вечеромъ 10-го октября, а мы 11-го числа утромъ, и тотчасъ въ 8-мъ часу отправились къ нему на квартиру. Онъ уже былъ совершенно одѣтъ, вымытъ, выбритъ, причесанъ и въ новой тужуркѣ, такъ что это поразило насъ.

„Какимъ вы франтомъ, Николай Михайловичъ", замѣтили мы, здороваясь съ нимъ.

— „Да, отвѣчалъ онъ, я такимъ худымъ, старымъ, страшнымъ, гадкимъ видѣлъ себя въ зеркало, какъ никогда, въ особенности теперь, когда зубъ вывалился, такъ что я взялъ да и побрился".

Дѣйствительно, онъ выглядѣлъ нехорошо: глаза у него были мутные, настроеніе духа плохое, все ему не нравилось—и квартира и самый городъ.

— „Мнѣ хотѣлось-бы на просторъ, говорилъ онъ, на свободу,— домъ для меня неволя, сидишь прямо, какъ въ гробу,—мнѣ хотѣлось-бы въ юрты".

12-го октября онъ призвалъ меня и говоритъ: „завтра утромъ съѣзди, посмотри—нѣтъ-ли подходящаго мѣста для юрты, чтобы была охота близко".

Я отправился на поиски, заѣхавъ предварительно въ казначейство; тамъ есть одинъ чиновникъ, который всѣ окрестныя мѣста знаетъ. Я разспросилъ его и онъ указалъ мнѣ дѣйствительно прекрасное мѣсто, старое стрѣльбище, въ ущельѣ; тутъ было все необходимое для удобной стоянки: свѣжая вода, ровное прекрасное мѣсто для верблюдовъ.

— „Отлично, сказалъ Н. М., когда я сообщилъ ему объ этихъ удобствахъ,—я пожалуй тоже посмотрю", и мы поѣхали вмѣстѣ. Мѣстность ему понравилась, такъ что онъ велѣлъ разставить тутъ юрты и 14-го октября рѣшилъ перекочевать въ ущелье.

Эти дни онъ ѣлъ безъ всякаго апетита.

— „Ужасно, говорилъ онъ, невкусно все приготовлено". Въ Караколѣ особеннаго повара у насъ не было, а готовила Феофаниха знаменитая въ офицерскомъ собраніи стряпуха.

Мы перекочевали въ юрты; въ ночь съ 14-го на 15-е выпалъ порядочный снѣгъ; въ юртѣ было холодно. Тутъ Н. М. сталъ пощупывать голову, пульсъ и, кажется, принялъ хинины.

Я говорю ему: „лучше позвать доктора".

— „Дѣйствительно, я нездоровъ, сознался Н. М., приму хины на ночь, будетъ лучше".

Мы помѣстились въ отдѣльной юртѣ, чтобы не мѣшать ему, а обыкновенно онъ спалъ въ одной юртѣ съ нами; теперь съ нимъ былъ только Нефедовъ, его слуга, а со мною вмѣстѣ помѣщался Козловъ; 15-го числа утромъ мы съ Козловымъ опять совѣтывали ему позвать доктора.

— „Нѣтъ, говорилъ Н. М., пустяки“.

Но вечеромъ, когда пріѣхали казаки, остававшіеся въ городѣ, съ верблюдами, онъ противъ обыкновенія не вышелъ изъ юрты взглянуть на нихъ,—значитъ, дѣйствительно, ему нездоровилось. Бывало, вечеромъ, всегда выйдетъ посмотрѣть, какого звѣря убили дорогою, что привезли, а тутъ не видѣлъ казаковъ нѣсколько дней, а между тѣмъ къ нимъ не вышелъ.

На ночь онъ принялъ хины.

16-го октября утромъ я нашелъ, что Н. М. выглядѣлъ еще хуже и говорю Козлову:

„Знаешь, предложимъ доктора Николаю Михайловичу; если онъ откажется, то я съѣзжу къ Крыжановскому,—пусть пріѣдетъ, какъ-бы съ визитомъ, я предупрежду его въ чемъ дѣло, тогда онъ обратитъ вниманіе“.

Ночь Н. М. провелъ недурно, но жаръ у него былъ значительный, онъ самъ измѣрялъ температуру.

„Лучше все-таки доктора позвать“, говорю я Н. М., когда мы пришли по утру въ его юрту.

— „Да тутъ порядочныхъ докторовъ нѣтъ, какой-нибудь коновалъ“.

„Тутъ четыре доктора, надо спросить который лучше“.

—„Ну хорошо, пожалуй, съѣзди къ Ваулину, (батальонный командиръ), пусть кого-нибудь порекомендуетъ“.

Я поѣхалъ, мнѣ сказали, что докторъ Крыжановскій считается лучшимъ, лечитъ удачно и пользуется хорошею репутаціею.

Я привезъ его къ Пржевальскому; онъ началъ его изслѣдовать, выслушивать.

„Вамъ надобно перебраться въ другое мѣсто, сказалъ онъ, а тутъ дуетъ изъ ущелья холодный вѣтеръ въ юрту, вы можете простудиться при подробномъ осмотрѣ“.

Изъ словъ доктора я заключилъ, что Николаю Михайловичу надобно лежать, такъ какъ при болѣзни, особенно простудной, важно, чтобы температура въ комнатѣ больнаго была ровная а въ юртѣ соблюсти этого невозможно: пока горитъ огонь — жарко, а когда погаснетъ—становится холодно.

„Вамъ надобно переѣхать въ баракъ“, заключилъ свой совѣтъ докторъ, прописывая лекарства.

—„Нѣтъ, ни за что, ни подъ какимъ видомъ", отвѣчалъ Н. М.

Къ вечеру ему стало легче, хотя жаръ былъ порядочный. Мы переночевали въ юртѣ.

17-го октября я только что проснулся и хотѣлъ идти къ Н. М., какъ вижу идетъ мнѣ на встрѣчу Нефедовъ и говоритъ:

„У Н. М. кровь сильно идетъ, никакъ нельзя остановить".

Смотрю, Н. М. сидитъ на ящикѣ, внѣ юрты, кровь идетъ у него носомъ, а на лицѣ лежитъ снѣгъ.

— „Это, говоритъ онъ, пустое, изъ одной только ноздри".

Когда немного уняли кровь, онъ ушелъ въ юрту, а я сейчасъже поѣхалъ за докторомъ Крыжановскимъ. Онъ пріѣхалъ съ докторомъ Барсовымъ, захвативъ съ собою инструменты, чтобы сжимать носъ, но когда они пріѣхали, то кровь уже почти остановилась. Оба доктора изслѣдовали больнаго и рѣшили, что ему необходимо оставить юрту, что лечиться въ юртѣ невозможно.

— „Я переѣду, сказалъ Н. М., если найдете помѣщеніе, гдѣ-бы вблизи могли помѣщаться люди, но только, чтобы не въ центрѣ города, а на окраинѣ".

Оказалось, что на окраинѣ города былъ глазной баракъ, принадлежащій каракольскому госпиталю; онъ стоялъ пустой, но отапливался въ ожиданіи больныхъ; этимъ баракомъ завѣдывалъ Барсовъ.

„Завтра, говорилъ онъ, баракъ будетъ готовъ, я велю его выбѣлить, вымыть полъ и топить всю ночь".

Доктора пробыли у Н. М. часа полтора и сказали намъ, что болѣзнь у него простудная, но что̀ именно—еще опредѣлить нельзя, потому что подробно изслѣдовать больнаго въ юртѣ невозможно: для этого его нужно раздѣть, а въ юртѣ это немыслимо, потому что простуда можетъ ухудшиться.

17-го октября, вечеромъ, докторъ заѣхалъ вторично. Мы сидѣли около Н. М., а онъ полулежалъ, не раздѣваясь, и увѣрялъ, что ему легче.

— „Недомоганье было, а теперь ничего, какъ будто лучше", говорилъ онъ.

Сознанія о серьезности болѣзни у него не было ни малѣйшаго.

Ночь съ 17-го на 18-е онъ спалъ плохо; при немъ были Нефедовъ и Телешовъ; я хотѣлъ также остаться, но онъ этому воспротивился:

— „Ни подъ какимъ видомъ, говорилъ онъ, я буду знать, что другіе люди изъ-за меня безпокоятся, и самъ не буду спать".

Онъ жаловался на боль въ затылкѣ, но желтымъ не выглядѣлъ, а желудокъ у него дѣйствовалъ плохо; уже съ 14-го числа онъ

ничего не ѣлъ. Вечеромъ заѣхалъ докторъ, посмотрѣлъ сколько онъ принялъ лекарства; температура больнаго была къ вечеру 38°.

Все это время въ ущельѣ дулъ вѣтеръ и лежалъ снѣгъ, но 18-го октября была очень теплая, хорошая погода. По утру пріѣхали доктора и Барсовъ объявилъ, что баракъ будетъ готовъ къ 12-ти часамъ. При нихъ у больнаго былъ сильный пароксизмъ лихорадки и обильный потъ.

Н. М. трясло, а онъ смѣется. „Не могу, говорилъ онъ, удержаться—и не холодно, а трясетъ“.

Доктора выждали окончаніе пароксизма, затѣмъ я съѣздилъ къ батальонному командиру за экипажемъ для перевозки Н. М., а гг. Барсовъ и Козловъ отправились съ Нефедовымъ, чтобы устроить постель въ баракѣ, отстоявшемъ отъ нашихъ юртъ не болѣе какъ въ полутора верстахъ.

Когда все было готово, докторъ Крыжановскій, Нефедовъ и я завернули Н. М. въ шубу, надѣли на него теплые сапоги и перевезли въ баракъ. Тамъ онъ сталъ снова сильно потѣть; на немъ все перемѣнили.

Въ баракѣ былъ хорошій воздухъ; его выбѣлили наканунѣ и болѣе сутокъ топили.

— „Я-бы съѣлъ что-нибудь“, заявилъ Н. М. вскорѣ послѣ того. какъ мы перевезли его въ баракъ.

Докторъ Крыжановскій разрѣшилъ только куриный бульонъ: Н. М. скушалъ нѣсколько ложекъ и оставилъ.

— „Я не могу спать на кровати“, заявилъ онъ; дѣйствительно, онъ не любилъ спать на кровати, и даже въ деревнѣ предпочиталъ лежать на полу, на войлокѣ, въ углу.

Мы завѣсили двери барака и устроили ему постель въ углу, на нѣсколькихъ войлокахъ.

18-го октября, послѣ пароксизма, Н. М. чувствовалъ себя хорошо, но къ вечеру ему стало хуже, онъ едва стоялъ на ногахъ; съ 18-го на 19-е, всю ночь оставались при немъ фельдшеръ и докторъ, клали ему ледъ, вытирали его горчичнымъ спиртомъ, но ванны не дѣлали, а ставили нѣсколько клистировъ, давали ему пить молоко, красное вино по ложечкѣ и, черезъ опредѣленный промежутокъ времени, по глотку питья съ клюквеннымъ морсомъ. Для того чтобы предупредить второй сильный пароксизмъ лихорадки, больному давали хинину, но подъ утро 19-го числа, пароксизмъ все-таки повторился, однако, кровь носомъ болѣе не пошла и Н. М. былъ довольно веселъ. Его навѣстили батарейный командиръ, полковникъ Ваулинъ, уѣздный начальникъ, и они нашли, что ему замѣтно лучше.

„Вотъ что значитъ въ баракъ перешли, говорили они; въ юртѣ нельзя было долѣе оставаться, вы сегодня гораздо лучше выглядите".

Но вечеромъ температура сильно поднялась, до 41°, и когда фельдшеръ измѣрялъ ее, то Н. М. самъ взялъ термометръ и посмотрѣлъ:

— „Да, много", сказалъ онъ.

Однако, онъ не забывался.

Въ 9 часовъ вечера, 19-го числа, опять послали за докторомъ; когда онъ пріѣхалъ, у Н. М. сильно пошла кровь носомъ и докторъ не могъ остановить ее до втораго часа ночи. Закроетъ одну ноздрю, изъ другой идетъ, обѣ закроетъ, тогда запекшаяся кровь выскакиваетъ изо рта и больному становится тяжелѣе. Наконецъ, кровь удалось остановить. Въ ночь на 20-е октября, на головѣ у Н. М. все время лежалъ ледъ.

Въ третьемъ часу ночи, мы всѣ стояли возлѣ него; тутъ были всѣ старые солдаты-спутники Пржевальскаго: Нефедовъ, Телешовъ, Безсоновъ, Джоржіевъ, Ивановъ, Протопоповъ, докторъ и фельдшеръ, который находился при немъ безотлучно; Н. М. былъ имъ очень доволенъ; раньше при немъ былъ другой фельдшеръ, но онъ его прогналъ потому, что тотъ умничалъ, началъ ему по-латыни врать, разыгрывалъ ученаго, а второй фельдшеръ былъ хорошій человѣкъ.

— „Если я выздоровѣю, то выхлопочу ему награду", говорилъ больной.

Н. М. полулежалъ, полусидѣлъ, опираясь на подушки, такъ какъ лежать ему было трудно; я его поддерживалъ за спину; онъ облокотился на меня, нервно подергивая рукою:

— „Подержи мою руку, говоритъ онъ, мнѣ такъ ловчѣе".

У него былъ сильный жаръ и постоянная жажда, притомъ на лбу выступалъ обильный потъ; то я, то Козловъ поперемѣнно вытирали ему лобъ; надобно было удивляться, какъ скоро онъ потѣетъ; бѣлье ему смѣняли нѣсколько разъ.

Въ третьемъ часу ночи Н. М. говоритъ мнѣ:

— „Если-бы не животъ, мнѣ было-бы совершенно хорошо, но только мнѣ кажется, что организмъ мой очень надорванъ; если даже я и выздоровѣю, такъ въ путешествіе скоро нельзя будетъ ѣхать: надобно будетъ цѣлый годъ отдыхать; это болѣзнь не простая, а очень трудная. Но это ничего, лѣто мы здѣсь проживемъ, я буду жить на дачѣ или поѣду на теплыя Аксуйскія воды (деревня Аксуйка, съ горячими источниками, отстоитъ въ 8 верстахъ отъ Каракола), а васъ буду посылать къ Тянь-Шану; на Иссыкулѣ

соберемъ коллекціи,—наше время не пропадетъ. Ну что-же, годомъ позже, годомъ раньше"...

— Если, дѣлать нечего, суждено умереть, продолжалъ онъ нѣсколько минутъ спустя, то передай Владиміру [1]), чтобы имѣнье перешло въ маіоратъ племяннику Володѣ... если-же Володя откажется, потому что онъ человѣкъ обезпеченный, тогда моей племянницѣ Евгеніи (Лёлѣ); потомъ, чтобы Нефедова пристроили навсегда въ Слободѣ... Ефиму Сергѣевичу чтобы дали 300 рублей награды,—онъ умѣлъ угодить и былъ честный человѣкъ"...

Все это онъ говорилъ съ большими перерывами,—скажетъ и отдохнетъ.

— „Если я умру.... похороните на Иссыкулѣ, ... продолжалъ онъ твердымъ голосомъ,—что-же вы плачете, какъ бабы? На меня только выпала доля раньше другихъ умереть"...

Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

„Сними съ меня фотографію съ ланкастеромъ въ рукахъ (винтовка, которую поднесли ему офицеры генеральнаго штаба), похороните меня въ походной формѣ, какъ на экспедиціи, а не въ военной формѣ. Ланкастеръ возьмешь себѣ на память... книги мои передай Бюхнеру"...

Отдохнувъ, онъ обратился къ доктору:

— „Да вы навѣрно скажите о моемъ положеніи,—долженъ-ли я умереть?.. скажите откровенно, ... я смерти не боюсь ... готовъ умереть, я не разъ былъ лицомъ къ лицу со смертью, но мнѣ многое надобно сказать".

— „Да вы не въ такомъ положеніи, чтобы умирать, успокоивалъ его докторъ,—тѣ, которые умираютъ, такъ не говорятъ: въ васъ такая масса жизни, что вы какую угодно болѣзнь можете перенести".

— „Да, но не все-же мой организмъ можетъ перенести... Ну, завтра поговоримъ, ... завтра и телеграммы пошлемъ... Мнѣ теперь хорошо, попробую лечь; кровь, вѣроятно, не пойдетъ"...

Это было въ 4 часа. Дѣйствительно, кровь не пошла. Я остался сидѣть при немъ; всѣ прочіе вышли. Козловъ и докторъ прилегли тутъ-же на войлокѣ.

„Ты иди спать", говоритъ мнѣ Н. М.

— „Я спать не хочу, еще посижу".

„Нѣтъ, иди, ты вчера не спалъ".

Я ушелъ, чтобы не раздражать больнаго, и прилегъ за перегородкою наполу. Н. М. слышалъ, что двери не скрипнули, значитъ я не вышелъ, и черезъ нѣсколько времени окликнулъ меня:

[1]) Брату—Владиміру Михайловичу Пржевальскому.

— „Воля, ты развѣ не ушелъ?"...

Я говорю: „нѣтъ".

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, уйди, ... мнѣ совсѣмъ ... хорошо, а если изъ-за меня не спятъ, ... то и я не могу уснуть".

Я ушелъ къ себѣ въ юрту, прилегъ, но мнѣ не спалось; немного погодя, я пошелъ опять въ баракъ,—вижу докторъ и Козловъ на ногахъ и въ первомъ отдѣленіи слышу кто-то говоритъ: „поди".

„Что такое?"

— „Температура возвысилась совершенно неожиданно, говоритъ мнѣ докторъ, тогда какъ она должна быть меньше къ утру; я послалъ за другимъ докторомъ".

Николай Михайловичъ въ это время бредилъ и все объ экспедиціи, объ ишакахъ (ослахъ):

— „Подите ... посмотрите, ... нѣтъ-ли худыхъ ... говорилъ онъ въ бреду, а то дрянь всучатъ, ... надобно вьюки пригнать на лошаковъ", и т. п.

Вдругъ онъ говоритъ: „я хочу привстать".

„Нѣтъ, полежите, вамъ лучше лежать", замѣтилъ Крыжановскій.

— „Нѣтъ, ... встану, ... помогите".

Мы хотѣли помочь ему, но онъ вырвался изъ нашихъ рукъ, твердо всталъ на ноги, совершенно ясно посмотрѣлъ вокругъ, на всѣхъ насъ.

— „Теперь,—сказалъ онъ,—я лягу"...

Мы помогли ему лечь на правый бокъ; лицо его исказилось; онъ черезъ силу опустилъ на кровать руки, вздохнулъ тяжело, сталъ желтѣть и скончался, испустивъ нѣсколько глубокихъ, частыхъ вздоховъ. Это было ровно въ 9-ть часовъ утра, 20-го октября 1888-го года.

Какъ разъ въ этотъ моментъ подоспѣли еще три доктора: Мансвѣтовъ, Велепольскій и Барсовъ, но было уже поздно; они опредѣлили смерть отъ желчнаго тифоида; это мѣстный брюшной тифъ съ осложненіемъ,—въ моментъ смерти всегда разливается желчь; отъ этого тифа умираетъ много туземцевъ и нашихъ солдатъ, и онъ считается заразительнымъ; поэтому тѣло Н. М. не позволили поставить въ церковь, пока гробъ не запаяли въ другой металлическій гробъ; только въ день похоронъ его отвезли въ церковь, а до этихъ поръ онъ стоялъ въ баракѣ, и фотографію съ него сняли въ баракѣ.

Команда была въ совершенномъ отчаяніи; мы всѣ рыдали; вмѣстѣ съ нами плакалъ и докторъ, хотя онъ зналъ Н. М. всего четыре дня.

— „Я никогда не видѣлъ человѣка наканунѣ смерти такого бодраго, говорилъ онъ, который такъ твердо могъ-бы говорить о смерти, и не вѣрилъ, чтобы онъ могъ скончаться; мнѣ казалось, что ему лучше, но послѣ того, какъ онъ поспалъ полтора часа, онъ совершенн о неожиданно сталъ бредить и температура стала подыматься. Причина смерти та, что сердце не могло выдержать столь высокой температуры“,

Прочіе доктора говорили, что леченіе велось правильно, только больному слѣдовало давать хересъ или мадеру, вмѣсто краснаго вина, для поддержанія дѣятельности сердца.

Казаки и солдаты рѣшили никого не допускать къ дорогому для насъ всѣхъ праху, сами омыли его, одѣли въ походную одежду и положили въ переднемъ углу барака. Затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ отправились искать мѣсто для могилы и выбрали его въ 12-ти верстахъ отъ города, на крутомъ, обрывистомъ берегу Иссыкъ-куля.

27-го октября 1888 г., послѣ обѣдни и отпѣванія, безцѣнный прахъ Николая Михайловича Пржевальскаго былъ опущенъ нами въ свѣже вырытую могилу. Исполнилось завѣтное желаніе покойнаго: тѣло его осталось навсегда въ Средней Азіи,—въ странѣ, изслѣдованію которой онъ посвятилъ послѣднія семнадцать лѣтъ своей жизни. Славный мужественный путешественникъ Н. М. Пржевальскій покоится у подножія Небесныхъ горъ.

Всеволодъ Ив. Роборовскій.

Спб. 1891 г.

Примѣчаніе. Въ годичномъ торжественномъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—5-го февраля 1892 года, — вице-президентъ Общества — сенаторъ П. П. Семеновъ,—при всеобщихъ рукоплесканіяхъ собранія, заявилъ о присужденіи Совѣтомъ Общества—большихъ серебрянныхъ медалей имени Н. М. Пржевальскаго его ближайшимъ помощникамъ и сподвижникамъ въ его славныхъ экспедиціяхъ Всеволоду Ивановичу Роборовскому и Петру Козьмичу Козлову. Ред.

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ XVII ВѢКА.

X [1]).

Попъ Свинобой.

Въ 1622—1623 гг. въ московскихъ приказахъ (Холопья суда, Володимерскомъ судномъ и др.) производилось „судное дѣло“ Леонтія Степановича Плещеева съ Ѳедоромъ Константиновичемъ Дементьевымъ о бѣглыхъ крѣпостныхъ людяхъ [2]). Дѣло возникло изъ-за „дѣвки“ Дементьева Каптелинки Глѣбовой, въ которую, по его словамъ, „вклепался“ Плещеевъ и для обладанія ею составилъ на нее „воровскую запись“. Запись писалъ московскій „площадной подьячій“ Мишка Андреевъ, „стакався съ воромъ старцомъ Свинобоемъ“ (л. 77). Въ челобитной царю Дементьевъ пишетъ: „а тотъ, государь, вѣдомой воръ Свинобой приложилъ руку къ той записи воровски, а назвался той дѣвки отцомъ духовнымъ, а въ тѣ, государь, годы съ нево и скуѳья снята, а служилъ воровствомъ, и про тово, государь, вѣдомово вора старца Свинобоя прислапа память отъ отца твоего... патріарха Филарета... объ ево воровствѣ, въ Холопей приказъ...“ (л. 100).

Эта „память“, дѣйствительно, сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности о. Свинобоя въ смутное время, именно: „августа въ 31 день, съ патріарша двора въ памяти, за приписью

---

[1]) См. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г., т. LXXIII, февраль, стр. 449—458.

[2]) Моск. Архивъ Мин—ва Юстиціи: Разряднаго приказа Помѣстнаго стола столбецъ № 1, лл. 1—498.

дьяка Микиѳора Шипулина, написано: въ прошломъ-де во 125 г. по указу великого государя, святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича московского и всеа Русіи, про тово старца Селиверста, что былъ въ мірѣ Степанъ, прозвище Свинобой—сыскивано, что онъ до Московского разоренья былъ отъ святѣйшаго Ермогена, патріарха московского и всеа Русіи въ запрещеньѣ и скуфья съ него снета была, а послѣ московского разоренья объявился онъ опять въ скуѳьѣ. И въ сыску про того попа московскіе соборные протопопы, и ключари, и попы, и дьяконы, и иные стороннiе люди сказали, что до московского разоренья скуѳья съ того попа была снята и тотъ-де попъ ходилъ обритъ, и съ панами ѣздилъ въ загоны на грабежъ, въ саадакѣ, и вмѣстѣ съ литовскими людьми на грабежѣ въ загонѣ съ русскими людьми бился, и ево, попа Степана, на бою ранили. А послѣ того объявился онъ опять въ скуѳьѣ собою. И въ прошломъ въ 128 г. ноября въ 10 день, великій государь, святѣйшій Ѳиларетъ, патріархъ московскій и всеа Русіи съ того попа Степана за то его воровство, что онъ послѣ патріарха Ермогенова запрещенья ходилъ безъ скуѳьи и побритъ и воровалъ, съ Литвою ѣздилъ на грабежъ и русскихъ людей грабилъ и побивалъ, велѣлъ съ него скуѳью снять и впередъ ему попомъ быть не велѣлъ, и такихъ воровъ въ сылкахъ въ свидѣтелехъ не ставить" (лл. 1—2).

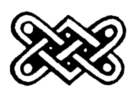
На допросѣ въ Холопьемъ приказѣ попъ Свинобой показалъ, между прочимъ, что, до послѣдняго своего пріѣзда въ Москву (гдѣ онъ жилъ (л. 27) „за Яузою, у убогихъ домовъ"), онъ былъ „вологодскимъ благовѣщенскимъ старцемъ", а „пришелъ онъ-де къ Москвѣ тому другой годъ, въ попѣхъ, и на Москвѣ-де онъ постригся" (въ монахи) (л 34). О своей боевой дѣятельности въ смутное время Свинобой скромно умолчалъ...

Л. Плещеевъ доказывалъ, что Каптелинка не крѣпостная дѣвка Дементьева, а дочь вологодскаго пушкаря Глѣба Яковлева. Въ то-же время Плещеевъ старался защитить и Свинобоя (какъ рукоприкладчика на „записи" о Каптелинкѣ), утверждая, что „попъ Степанъ, что нынѣ въ чернцахъ Селиверстъ, на Вологдѣ былъ въ попѣхъ со 122 г. по 128 г. и съ святою водою къ государю, къ Москвѣ, ежегодъ пріѣзжалъ, и воеводы и дьяки, которые на Вологдѣ были въ тѣ годы, ево знали и къ тому храму, гдѣ онъ служивалъ, прихаживали. А въ тѣ годы, будучи въ попѣхъ, былъ отецъ духовной многимъ людемъ и у многихъ-де крѣпостей рука того попа есть, а лжива по ся мѣста не бывала. И та-де ево бѣглая раба (Каптелинка), съ отцомъ зъ Глѣбкомъ и съ матерью и

зъ братомъ была у него (попа) на духу въ тѣхъ-же годѣхъ, да тотъ-же попъ.... крестилъ многихъ младенцевъ и свадьбы многія вѣнчалъ“ (лл. 133—134).

Но если все это и вѣрно относительно вологодской жизни попа Свинобоя въ 122—128 гг., то все-же нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться и въ правдивости собранныхъ патріаршимъ приказомъ отъ „многихъ людей“ свѣдѣній о своеобразной дѣятельности Свинобоя въ смутное время.

Источники, къ сожалѣнію, не объясняютъ, откуда взялось у этого попа такое оригинальное и не свойственное духовному чину прозвище.



XI.

Рядная запись 1617 г.

Списокъ съ рядной слово въ слово.

Се язъ, Богданъ Ондрѣевъ, сынъ Мусинъ, да язъ, Павелъ Ѳедоровъ, сынъ Клементьевъ, зговорили есма за Ѳедора Костентиновича Дементьева — я, Богданъ сестру свою двоюродную, а я, Павелъ теткою своею (sic, т. е. тетку свою) вдовою Домною Ивановою дочерью, Офонасьевскою женою Царевского, и благословляемъ, я, Богданъ сестру свою, а я, Павелъ тетку свою Домну, Божіимъ милосердьемъ 6 образовъ окладныхъ, да приданого даемъ за нею платья: опашень полушарлатъ, пугвицы серебряные позолочены, да лѣтникъ желтъ, камка куѳтерь, да шубку накладную червчату, сукно багрецъ, да лѣтникъ таѳта двоеличная, да тѣлогрѣя таѳта аланаку ни...., пашивка золотная, да тѣлогрѣю киндячную червчату, на бѣлкахъ, да ожерелье жемчужное съ пугвицы, да серьги яхонты са... золотые, да 2 шапки шитыхъ—одна по червчатой землѣ, а другая по зеленой землѣ, да 2 чарки серебряныхъ, да 2 ковша серебряные, да постель зъ головьемъ, да одѣяло лисье, да домъ московской на Покровкѣ, со всѣмъ дворовымъ строеньемъ, а людей съ нею моего Павлова да... отца моего Ѳедора Семеновича

Клементьева и моихъ старинныхъ, искони вѣчныхъ — вдова Лукерьица Прокофьева дочь, да Манька Кирилова дочь, а тое Маньку тетка моя Домна выдала замужъ за Сеньку Васильева сына Корчагина, при прежнемъ мужѣ своемъ при Офанасьѣ Царевскомъ. А на то послуси: Иванъ Ѳедоровъ да Кузьма Самойловъ. А рядную писалъ Тиханко Михайловъ, сынъ Олферовъ, лѣта 7125 году.

А назади рядной пишетъ: къ сей рядной записи Богданъ Мусинъ руку приложилъ; къ сей рядной записи Павелъ Ѳедоровъ, сынъ Клементьевъ, руку приложилъ; послухъ Иванко руку приложилъ; послухъ Куземка руку приложилъ". (Разряднаго приказа Помѣстнаго стола столбецъ № 1, л. 263).

XII.

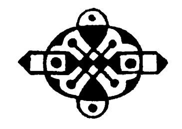
Ревнитель „церковнаго благочинія"

1653 г.

Царю государю... бьетъ челомъ богомолецъ твой государевъ Симіонъ, архіепископъ сибирскій и тобольскій: въ прошломъ, государь, во 161 году, въ Сибири въ Красной слободѣ (Тюменскаго уѣзда) московской прикащикъ, Прокопей Протопоповъ священника билъ до полусмерти ослопы за церковное единогласное пѣніе: велитъ пѣть по своему угодію во многіе голосы, и налогу тому священнику большую чинитъ, и жену ево билъ до полусмерти. И въ томъ, государь, мѣстѣ, въ Красной слободѣ, прилучилось быть мнѣ, богомольцу твоему: по городѣмъ ѣздилъ для ради церковного благочинія досматривать, и я ему, Прокопью, про то говорилъ, что про што священника билъ и безщиновалъ? И онъ, Прокопей, и ко мнѣ обезстыдился — отказывалъ мнѣ всякими невѣжливыми словесами: „гдѣ-де вамъ—ханжамъ! нынѣ не старая время! и не у тебя-де я подъ судомъ"! И мнѣ, богомольцу твоему, съ такимъ озорникомъ и пьяницею и безстрашникомъ жить не возможно. Милосердый государь-царь!.... пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, того Прокопья перемѣнить и мнѣ на такого

безстрашника дать свою государеву царскую оборонь, чтобъ, государь, впредь церквамъ Божіимъ въ божественномъ пѣніи отъ таковыхъ безстрашниковъ и священникомъ налоги и бою не было, и о томъ вели, государь, мнѣ дать свою государеву грамоту. Царь-Государь! смилуйся, пожалуй!

Приговоръ: „162 году, ноября въ 15 день, послать государева грамота въ Сибирь въ Тобольскъ, къ стольнику и воеводамъ и къ діякомъ ко кн. Василью Хилкову съ товарищи, а велѣть того прикащика Прокофья Протопопова изъ Ницынской слободы (Красная Ницынская сл.) взять и отослать ко архіепискупу за его невѣжество, что онъ архіепископа обезчестилъ, (выдать) головою, и къ архіепискупу о томъ государева грамота послатижъ не замотчавъ, съ сибирскими, съ тобольскими служилыми людьми, а прикащикъ на ево Прокофьево мѣсто приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичь Трубецкой (т. е. „начальный человѣкъ" Сибирскаго приказа) отпустить Микиту Иванова сына Мерліева". (Сибир. приказа столбецъ № 342).



XIII.

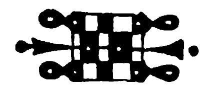
Ерофѣй Павловъ Хабаровъ

1654 г.

Въ бумагахъ архива министерства юстиціи имѣется челобитная знаменитаго амурскаго дѣятеля XVII вѣка Ерофѣя Хабарова, именно его челобитная царю, которую въ іюлѣ 1654 года енисейскій воевода Аѳанасій Пашковъ прислалъ въ Москву. Въ этой любопытной челобитной „новой Даурской земли приказной человѣкъ", Ер. Хабаровъ, излагаетъ свою „жалобу" на стольника Дм. Ив. Зиновьева, присланнаго въ 1653 г. къ Даурію „съ государевымъ жалованьемъ зъ золотыми" даурскимъ служилымъ людямъ, а также для досмотра Даурской земли и смѣны Хабарова съ „приказа". Хабаровъ отказался подчиниться

Зиновьеву, потому что тотъ не представилъ обычной въ этихъ случаяхъ „государевой грамоты о роспискѣ“ съ Хабаровымъ (т. е. о сдачѣ „приказа“). Хабаровъ жаловался, что когда онъ потребобалъ у Зиновьева этой грамоты, то Зиновьевъ его „билъ и за бороду дралъ...“ Проживши у Хабарова 4 недѣли, Зиновьевъ поѣхалъ въ Москву, отобравши у Хабарова и его товарищей многіе „животы...“ Вообще Зиновьевъ чинилъ Хабарову „всякое насильство и пакость и побои“ и проч. Хабаровъ проситъ за его службу, что онъ „кровь свою за тебя, государя, проливалъ и раны терпѣлъ“ и „4 земли привелъ“ подъ государеву руку: Даурскую, Дючюрскую, Нацкую и Гиляцкую, проситъ вернуть ему отобранные Зиновьевымъ „животы“ и „ясырь“ (рабовъ) — 2 „женокъ“ и 2 „робятъ...“

Подпись читается такъ: „к сей челобитной Ерофийко Хоборовъ руку приложилъ“. (Ibid. столбецъ № 344).



XIV.

Отголоски въ Сибири московскихъ смутъ

1649 г.

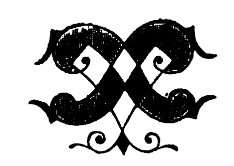
Въ 1650 г. въ Тобольскѣ производилось „розыскное дѣло“ о „непристойныхъ рѣчахъ“ сургутскихъ служилыхъ людей. Послѣдніе утверждали на розыскѣ, что сургутскій воевода Смирной Демской говорилъ имъ въ съѣзжей избѣ такія рѣчи: „грѣхомъ учинился на Москвѣ пожаръ большой, и въ Бѣломъ городѣ за Неглинною многіе дворы выгорѣли. Да въ тѣжъ-де поры заворовали черные люди и стрѣльцы убили до смерти 3 человѣкъ: окольничево Петра Траханіотова, да Левонтья Плещѣева, да думного дьяка Назара Чистого, и многіе домы пограбили!..“ Отъ того-же Демскаго нѣкоторые служилые люди слышали (другіе отвергали это), что во время этой „шатости“, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, „черные люди“ и стрѣльцы „многихъ бояръ, и окольничихъ, и дворянъ, и гостей, и женъ ихъ побили, а иныхъ лошадьми раздергивали и младенцевъ на копья встыкали, а впередъ чаятъ на Москвѣ и

по городамъ и больши того дурна будетъ"... Во время бунта будто-бы было разграблено на Москвѣ народомъ „больши 70 дворовъ"...

Изъ Сургута вѣсти о московскомъ бунтѣ дошли въ Нарымскій острогъ. Тамошній воевода Аѳанасій Нарбековъ говорилъ на „розыскѣ", что когда услышалъ отъ пріѣхавшихъ въ Нарымъ сургутскихъ казаковъ тѣ „воровскія вѣсти", то не рѣшился отдать ихъ „за пристава", такъ какъ „въ то время была въ Нарымѣ во всякихъ людѣхъ отъ тѣхъ воровскихъ вѣстей шатость большая и воровской заводъ, и онъ-де боялся отъ нихъ смертново убойства. А въ Томскомъ-де и до такихъ вѣстей была шатость". Объ этой „шатости" писалъ и томскій воевода кн. Осипъ Щербатой. Нарбековъ прибавляетъ: „а въ иныхъ сибирскихъ городѣхъ такіе-жъ воровскіе вѣсти былижъ"...

Позже Нарбековъ подалъ „челобитную", въ которой жаловался, что нарымскіе казаки, наслушавшись воровскихъ рѣчей, приходили къ нему въ съѣзжую избу „съ шумомъ и съ невѣжествомъ, и говорили съ грозами такіе непристойные рѣчи, чтобы я, холопъ твой, велѣлъ имъ съ ясачными людьми торговать прежъ твоего государева ясочнаго збору" и проч. Когда назначенъ былъ „сыскъ" по этому дѣлу въ Нарымѣ, служилые люди опять приходили къ воеводѣ „скопомъ и заговоромъ, и грозили смертнымъ убойствомъ, для того, чтобъ мнѣ, холопу твоему, на нихъ къ тебѣ, государю, не писать. А нарымскіе, государь, ясачные люди меня, холопа твоего, не послушали и твоего государева ясаку не платили по ихъ (служилыхъ людей) воровскому наученью..". (Ibid. столбецъ № 365).

„Розыскное дѣло" о непослушаніи Нарбекову нарымскихъ служилыхъ и ясачныхъ людей производилось въ томъ-же 1650 г. Изъ него видно, что служилые люди, между прочимъ, говорили Нарбекову: „не старая-де пора вамъ воровать и надъ нами наругатца! И на Москвѣ-де которые надъ ихъ братьею наругались—и они сами, и жены ихъ, и дѣти отъ ихъ братьи побиты до смерти, и домы ихъ розграблены... И всѣмъ-де вамъ тожъ будетъ"!.... (Ibid., столбецъ № 370).



XV.

Вольный справщикъ церковныхъ книгъ

1649 г.

Красноярскій воевода Михаилъ Дурново въ 1649 г. прислалъ въ Сибирскій приказъ „отписку", въ которой сообщаетъ: „въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, объявился вновѣ еретикъ — сынъ боярской Елизарей Розинковъ: чернилъ псалтырь, печать московскую, въ Давидовыхъ псалмахъ и въ пѣснѣхъ пророческихъ, во многихъ статьяхъ, и приписывалъ"... Донесъ о томъ воеводѣ Преображенской церкви бѣлой попъ Дмитрій Климантовъ. „Псалтырь" Розинкова отправили въ Москву.

Въ приложенныхъ къ отпискѣ „распросныхъ рѣчахъ" читаемъ, что воевода, между прочимъ, спрашивалъ Розинкова: „съ кѣмъ ты умышлялъ и сидѣлъ и думалъ—псалтырь чернилъ и приписывалъ?.." Розинковъ отвѣчалъ: „ни съ кѣмъ я, Елизарей, не думывалъ и не сиживалъ.... Псалтырь была въ рѣчахъ не исполнена и я... исполнялъ — чернилъ и приписывалъ, а расколу во псалтыри никакова не сдѣлалъ..." „Приписывалъ" Розинковъ въ московской псалтыри „съ литовскіе псалтыри"... (Ibid. столбецъ № 377).

Сообщ. **Н. Н. Оглоблинъ.**

Рисов. Ө. Солнцевъ.

ССОРА ДВУХЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЕЙ ПАЛАТЪ ВЪ ГОРОДѢ КОЛЫВАНИ

въ 1791—1793 гг. [1]).

I.

Февраля 15-го 1791 года въ I-й департаментъ сената поступило отъ предсѣдателя колыванской палаты уголовнаго суда надворнаго совѣтника Семена Шалимова „всенижайшее прошеніе", въ которомъ онъ приносилъ жалобу на личное оскорбленіе, причиненное ему надворнымъ совѣтникомъ Ахвердовымъ, исполнявшимъ должность колыванскаго вице-губернатора и, одновременно съ этимъ, занимавшимъ мѣсто предсѣдателя тамошней казенной палаты. Въ началѣ своей просьбы Шалимовъ заявлялъ, что заводить ссоры съ чиновниками, вообще, и особенно съ равными ему по положенію, какъ Ахвердовъ, не въ его характерѣ и противорѣчитъ его взглядамъ на службу и взаимныя отношенія служащихъ и что лишь крайне рѣзкіе поступки Ахвердова заставили его ходатайствовать передъ сенатомъ о защитѣ. „Я поставлялъ себѣ всегда правиломъ, говорилъ проситель, наблюдать всякое спокойствіе и отвращать несогласіе въ общежитіи и не входилъ въ такія противорѣчія, по дѣламъ казеннымъ, кои останавливаютъ настоящее ихъ теченіе, будучи всегда приверженъ ко всякой благопристойности, почитанію и учтивству для

[1]) Колывань до 1796 года губернскій городъ Колыванскаго намѣстничества; съ 1796 года безуѣздный городъ Томской губерніи; отъ Спб. въ 4835, отъ Москвы—4107 верстахъ. Словарь географ. А. Щекатова, М. 1804 г., ч. III, стр. 696—697. Ред.

чиноначалія и къ равнымъ себѣ, единою должностью вмѣнялъ служеніе свое отправлять со усердіемъ". Несмотря, однако, „на всѣ таковыя расположенія", Шалимовъ не могъ избѣгнуть обстоятельствъ, причинившихъ ему „чувствительную" обиду. Виновникомъ послѣдней оказался вышепомянутый Ахвердовъ. По прибытіи въ Колывань, онъ не замедлилъ выказать дурныя стороны своего характера, „обидѣвъ чувствительнымъ образомъ многихъ находившихся здѣсь чиновниковъ и, въ томъ числѣ, его, Шалимова". Не удовольствовавшись этимъ, новоприбывшій „принялъ другія несоотвѣтствующія благоустройству мѣры", чтобы оскорбить неповинныхъ ни въ чемъ людей. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми колыванскими чиновниками, людьми „одинаковаго съ нимъ свойства", Ахвердовъ сочинилъ на присутствіе палаты уголовнаго суда „піесу". Произведеніе это, „наполненное самыми ругательными выраженіями", онъ переслалъ въ Тобольскъ въ типографію купца Корнильева для напечатанія въ журналѣ, издававшемся этою типографіею, подъ названіемъ „Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену" [1]). „Піеса" была напечатана и стала ходить въ Колывани по рукамъ [2]). Вотъ ея содержаніе:

От рѣки Муаръ [3]) къ Иртышу, превращающемуся въ Иппокрену [4]).

Ты превращаешься въ Иппокрену, слѣдовательно, стараешься содѣлаться угоднымъ музамъ и Минервѣ нашей, стремишься разгонять тьму невѣжества, искоренять жестокія его исчадія, грубость и злобу въ окрестностяхъ твоихъ. Минерва и музы внимать станутъ твоему теченію, иногда, можетъ быть, изображать ихъ будешь въ струяхъ твоихъ: о, какъ ты благополученъ! Поученія и законы

---

[1]) Журналъ „Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену" былъ первымъ періодическимъ изданіемъ въ Сибири: онъ сталъ выходить въ Тобольскѣ въ 1790 г. См. И. В. Щеглова „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири". Иркутскъ, 1884 г., стр. 321.

[2]) Печатный экземпляръ „піесы" былъ представленъ Шалимовымъ въ сенатъ при прошеніи и сохранился при дѣлѣ. Отсюда она приводится въ текстѣ.

[3]) Муаръ—татарское названіе р. Оби, на которой стоитъ г. Колывань. При Иртышѣ расположенъ г. Тобольскъ, гдѣ находилась типографія Корнильева, къ которому послалъ Ахвердовъ, для напечатанія, свое сочиненіе.

[4]) Иппокрена (Ἵππου κρήνη или Ἱπποκρήνη) источникъ на вершинѣ главной цѣпи Геликона въ Беотіи, служившій для музъ источникомъ вдохновенія. Его произвелъ Пегасъ ударомъ копыта. Близь него находилась украшенная величественными статуями роща музъ. См. „Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру", изданный с.-петербургскимъ обществомъ Филологіи и Педагогіи, вып. II, с. 631.

И. И. Ш.

истины достигли и до моихъ источниковъ, и хотя начали оказываться благотворныя ихъ дѣйствія, но невѣжество и жестокосердіе, столь долговременно прекрасные мои берега отягощавшія, и нынѣ печалить ихъ не вовсе перестали. Въ доказательство сему посылаю къ тебѣ одно нынѣшняго времени на берегахъ моихъ происшествіе. Порокъ любитъ скрываться, нагота являетъ его, въ свойственномъ ему видѣ, мерзкимъ, а ядъ его укрощаетъ. Притомъ для несчастныхъ и то утѣшеніе, что бѣдствія ихъ извѣстны, и чувствительные сожалѣть объ нихъ будутъ. Пріими прилагаемую быль въ Иппокрену; симъ поразишь порокъ, а печали подашь отраду.

Волкъ-судья или наказанныя злость и невѣжество.

Чудесъ наполненъ свѣтъ,
Сомнѣнія въ томъ нѣтъ.
Случилось быть судьей дѣлъ уголовныхъ волку;
Онъ, къ вольчьей злобѣ, былъ безграмотенъ и глупъ,
И мерзокъ харею, и какъ обухъ, такъ тупъ;
Какому быть въ томъ толку?
Однако-жъ за сукно, пыхтя, онъ въ креслы сѣлъ,
Оскалилъ кровію запекшіеся зубы,
Которыхъ долготу закрыть не могутъ губы,
И брюхо вытуля, онъ страшно заревѣлъ:
„На силу я дорвался,
Чего такъ домогался!
Могу губить я смертныхъ родъ;
Благодѣянье—пустошь, збродъ (sic),
Достойны всѣ, достойны смерти
Мужья и жены ихъ и дѣти
За то, что, не спросясь меня,
Дерзаютъ жить на свѣтѣ,
Познаютъ власть мою стеня.
Какія тамъ дѣла лежатъ у васъ въ подклѣти?“

Тутъ секретарь суда, трусливая сова,
„Все, все, сударь, визжитъ, все слѣдственны дѣла“.
„Пиши на все одну мою ты резолюцу:
Имѣнье обобравъ, послать всѣхъ кучею въ полицу,
И приказать
Съ нихъ кожу драть“.
Сочлены, набожна и постница гагара,
Верблюдъ горбунъ, до ссоръ, до шума, дракъ и свара
Охотница свинья,
И жаба волку другъ, морская дура,
Обрюзгла и широкая фигура,
Восхитившись, кричатъ: „какой ты волкъ судья!

Хитрѣе во сто кратъ премудра Соломона,
И дивенъ во судьяхъ: достоинъ царска трона!"
Но звѣри умные и съ ними старый левъ,
Услыша страшный ревъ
Той волчія дружины,
Узнавъ восторга ихъ причины,
Всѣ стали хохотать,
И на уродовъ тѣхъ перстами
Публично всѣмъ казать:
„Знать велѣно судьбами,
Такими шалунами
За праотцевъ грѣхи насъ здѣсь понаказать".

Затрепеталъ нашъ волкъ, отъ злобы сталъ терзаться,
Онъ сталъ честныхъ звѣрей повсюду удаляться,
Возненавидя всѣхъ,
И нужны въ обществѣ учтивости законы,
Престалъ благодарить поклономъ за поклоны.
А чтобы разсуждать о дѣлѣ безъ помѣхъ.
Онъ съ жабою въ норѣ своей сталъ запираться
И, злясь на умный свѣтъ, лишь спиртомъ отдуваться.
Тамъ жаба нѣкогда,
Захлопавши глазами,
Забывъ, что иногда
Волкъ лютъ и со друзьями,
Осмѣлилась сказать:
„Охти, мнѣ чудится, конечно, ты испорченъ,
Возлюбленный мой другъ, твой лобъ что-то наморщенъ,
Твой взоръ, отъ коего привыкла я дрожать,
Теперь туманенъ, тупъ, и пузо пучитъ,
Ужъ-ли любовь тебя или отмщенье мучитъ?"

Волкъ жабѣ тутъ: „бѣшусь, не знаю, что начать;
Готовъ-бы все ломать, терзать, глотать,
Да лихъ боюсь побоевъ,
Намъ много здѣсь злодѣевъ.
Ты знаешь, жабушка, каковъ мой умъ остеръ,
Чудитеся вы всѣ, какъ я на мысли скоръ.
Какія мудрыя я дѣлаю проказы,
Какіе длинные черкаю всѣмъ указы,
Не думавъ ничего,
Которыхъ и никто не понимаетъ.
Однако-же никто не признаваетъ
Ума здѣсь моего:
Зовутъ безграмотнымъ всѣ фалелѣемъ,
Другой—дубиною, а больше—дуралѣемъ.
О, какъ объ этомъ мнѣ, мой другъ, не потужить!
Какъ въ школѣ, помнишь-ли, мы нѣкогда учились?
То правда, что съ сердцовъ мы оба согласились,

Чтобы намъ никакихъ наукъ въ вѣкъ не учить,
Когда проклятая цыфирь намъ не далася,
Но о грамматикѣ я съ роду не слыхалъ,
Божусь, что и въ глаза ее я не видалъ,
А нынѣ гдѣ она, чортъ вѣдаетъ, взялася.
Однако, все твердятъ,
Что, будто, я дуракъ, и ничего не знаю,
И что я не пишу, а только повираю,
Грамматикѣ учиться мнѣ велятъ,
Учиться мнѣ, подумай, мнѣ, когда я все, все знаю!
Я внѣ себя, мой другъ, отъ ярости дрожу,
Въ отчаяньи, бѣшусь, мятуся, умираю".

Здѣсь жаба прервала: „я способъ покажу,
Позволь, грамматику ты можешь безъ науки,
Головки не ломавъ, скоренько и безъ скуки
Хоть въ три мига узнать:
Осла вели позвать.
Вишь онъ на все источникъ,
Отецъ мой—его школьникъ,
Ты ужъ знаешь, батюшка какой былъ грамотей.
Войди-ка куманекъ, пожалуй, не робѣй
И волку окажи презнатную услугу".

„Ахъ"! волкъ вскричалъ, тебѣ, какъ истинному другу,
Повѣдаю, оселъ, я сердца моего горчайшую кручину
И требую совѣта твоего.
Я крайне огорченъ".—„Скажи-же мнѣ причину".

„А вотъ причина вся: я знанье презиралъ
И завсегда считалъ
Науку для умовъ высокихъ вещью мерзкой,
За ядъ опаснѣйшій и за прескучный сбродъ,
Но тихій прежній нашъ, довольный всѣмъ народъ,
Наукой превратясь въ бунтующій и дерзкій,
Не хочетъ титуломъ премудраго судьи
Никакъ меня почтить. Пожалуй, посуди.
Да и за что? что я грамматику не знаю!"
„Бездѣлица, сказалъ оселъ, и увѣряю,
Что завтра-жъ лучше всѣхъ ты будешь здѣсь писать.
Не хвастаясь, могу вамъ про себя сказать,
Что мастеръ я большой водиться какъ съ глупцами.
Вели винца подать!
Выучивалъ ихъ такъ, они что даже сами,
Да и никто другой не понимали,
Что написали,
Записывались такъ сердечушки порой...
Кума, давай-ка по другой!
Я много шалуновъ наукой вывелъ въ люди".

„Поди, взревѣлъ нашъ волкъ, поди къ моей ты груди
И дай себя облобызать;
Скажи-же поскорѣй, мнѣ какъ все то узнать".

„А вотъ какъ, примѣчай: сколь можно словъ пречудныхъ,
Неслыханныхъ и трудныхъ,
Невнятныхъ, безобразныхъ
Побольше набирай,
Все въ кучу поспихай.
Да нѣту до того и дѣла,
Чтобъ смыслъ вся рѣчь имѣла,
Но лишь въ герундіяхъ глаголы всѣ разставь,
Чтобъ кончились на *вши*, *ая*, *ча*, *ща*, *ивъ*, *авъ*,
Да всюду разбросай ораторское „*ибо*";
То письмена твои такъ въ свѣтѣ прогремятъ,
Что витоватымъ всѣ тебя провозгласятъ".

„О, знаю, знаю все, ахъ, другъ ты мой, спасибо!
Я благодарностью къ тебѣ свѣтъ удивлю,
Тебя изъ всѣхъ живыхъ послѣдня задавлю;
О радость, мщенье!
Какое утѣшенье
Всѣхъ по грамматикѣ карать!
Не станете меня вы звать
Ужъ болѣе, злодѣи,
Набитымъ дуракомъ:
Я краснорѣчія всѣ выучилъ затѣи,
Секретъ мнѣ весь знакомъ".
Потомъ, заскрежетавъ зубами,
Пустился рысью въ судъ
И, огрызнувшися на бывшихъ тутъ,
Вскричалъ совѣ: „тащись, скорѣй тащись съ дѣлами",
И тотчасъ сталъ пороть въ порядкѣ вотъ какомъ [1]).
„По дѣлу ибо явствуя,
Хотя и не участвуя
Въ злоумышленіи и ничего не кравъ,
Такъ долговременно на казначеяхъ бывъ,
Но ибо онъ, баранъ, не мнивъ,
Мы яко-бъ слабо такъ ущербы наблюдая,
И стереженіе въ семъ развѣ сохраняя,

---

[1]) Слѣдуютъ двѣ резолюціи Шамилова: 1) по дѣлу о наложеніи запрещенія на имѣніе губернскаго казначея Курдюмова, который былъ оправданъ палатою въ взводимомъ обвиненіи на него какимъ-то лицомъ, изображеннымъ въ произведеніи Ахвердова подъ именемъ барана. Чтобы не утомлять вниманіе читателя, здѣсь приведено только начало резолюціи, а значительная ея часть опущена; 2) по дѣлу о таможенномъ надзирателѣ Порываевѣ, который пропускалъ черезъ таможню товары безъ осмотра и наложенія клейма.
И. Ш.

Ибо предобижденіе барану не чиня,
И дѣло въ видѣ семъ предоставляя,
На всю имперію прежъ справку учиня,
Дабы съ рожденія объ немъ кто-либо знавши,
Что неравно, когда и что-либудь укравши,
То-бъ ясно то все описавъ,
По первой почтѣ къ намъ прославъ".
. . . .
. . . .
„Какая перемѣна, какой и смыслъ и складъ:
Ну! тутъ-то безъ вины бранъ ужъ виноватъ".
„Прошу, прошу молчать, еще не расходитесь
И дѣльцо нужное обсуживать садитесь;
Но напередъ скажу, я споровъ не люблю,
Кто пикнетъ вопреки, на вѣки погублю.
Мнѣ сватушку козла отъ бѣдъ избавить надо.
И вотъ съ какого быть рѣшенью должно лада:
„Но какъ ужъ слѣдствьемъ (sic) объясня,
Что, въ огородѣ состоявши
Козелъ смотрителемъ, ущерба не чиня"
. . . .
. . . .
Ну, ладно-ль будетъ такъ, возлюбленный оселъ?"
„Охъ, ладно, хорошо!" весь глупый сонмъ ревѣлъ,
Какая сила,
Какая красота,
Какая острота!"
„Вотъ что, сказалъ оселъ, герундья смастерила",
„Сбирай-же, волкъ вопилъ, скорѣй сова пиши,
Что-бъ къ вечеру-жъ послать указы намъ сегодня,
И, что я самъ писалъ, смотри-жъ, всѣмъ разскажи".

Лишь только волчій судъ—неслыханныя бредни—
Въ мѣста судебныя въ извѣстіе дошли,
Всѣ копіи писать приказные пошли,
Весь городъ полонъ сталъ бумагами такими,
Всѣ волка мучили насмѣшками презлыми.
Съ тѣхъ поръ ужъ не слыхалъ другихъ себѣ имянъ,
Ни въ городѣ, ни дома,
Какъ лишь безграмотный ерёма.
Дурында и болванъ,
Несмысленна скотина,
Нетесана дубина.

Какъ тутъ разалился волкъ, описывать нѣтъ словъ:
Чрезъ длинный рядъ зубовъ кипѣла пѣна клубомъ,
Отъ ярости изъ глазъ текли не слезы, кровь,
И жестка шерсть, какъ лѣсъ, на немъ взодралась дыбомъ!
Въ отчаяньи забывъ и трусость всю свою,

Не разбирая ничего, онъ сталъ на всѣхъ метаться.
От взора тотъ его старался укрываться,
Кто не надеженъ былъ съ нимъ устоять въ бою;
Но прочи звѣри всѣ, кто лапой, кто рогами,
Копытомъ, носомъ и зубами
Изранили всего
И въ нору съ хохотомъ загнали,
А сверхъ того
Начальника просить всѣ стали,
Въ смирительный чтобъ домъ зла волка заключить,
И тѣмъ въ немъ бѣшенство и наглость укротить,
Подобнымъ-же волкамъ оставить въ немъ примѣры.
На завтра караулъ къ горѣ его пошолъ,
Но ужъ нашелъ
Висяща волка тамъ удавленна на двери.

До подлыхъ лишь друзей дошла печальна вѣсть,
Почувствовавъ, что въ немъ подпоры всей лишились,
Не мысля и о томъ, чтобъ тѣло хоть погресть,
На горбъ котомки взявъ, въ свояси потащились.
Что-жъ значитъ, скажутъ мнѣ, пречудный этотъ волкъ,
Какой сей басни толкъ?
Читайте, вамъ конецъ загадку всю развяжетъ,
Простая русская пословица тутъ скажетъ:
Знай сверчокъ
Свой шестокъ.

Отъ рѣки Муаръ къ рѣкѣ Иртышу.

Принявъ одно, прими и другое, дражайшій Иртышъ! Злобный волкъ, коего начало, продолженіе и конецъ жизни вкратцѣ тебѣ извѣстны, и по смерти своей долго обитателей моихъ безпокоилъ: смердящій прахъ его наполнялъ атмосферу, тревожилъ обоняніе и производилъ злопамятство; струи мои влекли множество благовонныхъ травъ, но воображеніе о прошедшемъ столь сильно дѣйствовало на умы, что и балзамическій запахъ онымъ ничего не помогалъ. Вотъ, порокъ, колико слѣдствія твои вредны во странѣ, гдѣ до сего пребывали миръ и согласіе: ты внѣдрилъ вражду и негодованіе въ странѣ, гдѣ до сего носящееся надъ волнами моими эхо, кромѣ восклицаній и радостей, ничего не повторяло, нынѣ-же сіе эхо повторяетъ жалобы и проклятіе. Но какъ-бы то ни было, жителямъ-ли смиреннаго Муара воздавать зломъ за зло... Нѣтъ! они предоставятъ вѣчности рѣшить дѣла жизни волка, и память о немъ погибнетъ съ шумомъ. Разсуждая такимъ образомъ, приняла я намѣреніе воскресить миръ и успокоить жителей. Произведенный

мною по семъ въ водахъ моихъ ревъ, привлекъ ко вниманію, и въ ужасномъ шумѣ произнесъ я сіи слова: „любезные обитатели Муара! волкъ уже мертвъ, почерпайте полезный для себя примѣръ изъ его жизни, и знайте, что воспоминаніе о порокѣ нужно для того токмо, чтобъ не быть порочнымъ“. Сія краткая рѣчь имѣла желаемый успѣхъ: жаръ негодованія потухъ, и мѣсто онаго заступило сожалѣніе. Надъ прахомъ, съ начертаніемъ слѣдующихъ строкъ, воздвигнутъ памятникъ:

Эпитафія.

Хотя здѣсь скрытый волкъ
Порочно жизнь влачить до смерти не умолкъ,
Хоть онъ невѣжда былъ и въ свѣтѣ слылъ судьей,
И много дѣлъ рѣшилъ по выгодѣ своей,
Науки презиралъ, съ глупцами въ жизни знался,
И умнымъ злобствовалъ, а честныхъ удалялся,
Поносно кончивъ жизнь къ отрадѣ добрыхъ всѣхъ,
На мѣсто горести доставилъ тьму утѣхъ.
Но ты, прохожій, стой!
На прахъ, что подъ тобой,
Хоть каплю слезъ пролей:
О добрыхъ не грусти, о злыхъ жалѣть умѣй.

II.

Въ содержаніи вышеизложенной „піесы“ не было, по заявленію Шалимова сенату, „ни малѣйшей правды“, потому что „дѣла палаты уголовнаго суда никогда не были въ такомъ безпорядкѣ“, какъ въ ней описано, „равно нѣтъ и не было, чтобы къ ближнему употребляема была какая-либо жестокость, кромѣ одного соблюденія законнаго порядка и самой справедливости“. Доказательствомъ этого могло служить дѣлопроизводство палаты и отношеніе къ ней „вышняго начальства“, которое не замедлило-бы въ противномъ случаѣ „принять мѣры по предписаннымъ въ законѣ правиламъ“. Наоборотъ, дѣятельность авторовъ „піесы“ имѣетъ на себѣ темныя пятна: такъ, самъ Ахвердовъ „всю добродѣтель, повидимому, полагаетъ въ безпорядкѣ, съ какимъ отправляетъ дѣла по казенной палатѣ“, а одинъ изъ его сотрудниковъ, бывшій совѣтникъ Колыванскаго намѣстническаго правленія Хвостовъ, „зазвавъ однажды къ себѣ въ домъ горнаго оберъ-офицера Риддера, изсѣкъ его

мучительнымъ образомъ“ и не потерпѣлъ за это никакого наказанія, такъ какъ находится въ родствѣ съ правителемъ намѣстничества Миллеромъ.

Въ доказательство того, что сочиненіе Ахвердова, Хвостова и другихъ имѣетъ въ виду осмѣяніе чиновниковъ, именно. палаты уголовнаго суда, Шалимовъ приводилъ слѣдующія соображенія: 1) въ предисловіи къ „піесѣ“ говорится, что она „прислана въ типографію отъ рѣки „Муаръ“; это слово татарское, а по-русски значитъ „Обь“, на которой имѣютъ расположеніе присутственныя мѣста г. Колывани; 2) подъ названіями животныхъ, выведенныхъ въ произведеніи Ахвердова, нельзя не узнать членовъ палаты: подъ гагарой—Гагарина, верблюдомъ-горбуномъ—Горбунова и подъ совою—секретаря Савинскаго; 3) помѣщенныя въ „піесѣ“, въ доказательство изящности судебнаго слога волка (т. е. судьи), два его опредѣленія взяты изъ дѣлъ палаты уголовнаго суда: а) о наложеніи запрещенія на имѣніе губернскаго казначея Курдюмскаго и б) о таможенномъ надзирателѣ Порываевѣ, который пропускалъ черезъ таможню товары безъ осмотра и наложенія клейма; это подтверждается многими подлинными словами и выраженіями, встрѣчающимися въ помянутыхъ дѣлахъ и въ „піесѣ“; 4) надворный совѣтникъ Сѣрбинъ свидѣтельствуетъ, что когда отпечатанная піеса была получена изъ Тобольска, Ахвердовъ выражалъ передъ чиновниками по поводу этого свое удовольствіе и „съ таковымъ-же удовольствіемъ разсылалъ ее чиновникамъ по домамъ“; 5) одинъ изъ служащихъ въ намѣстническомъ правленіи, Лобачевскій, читалъ произведеніе еще до отсылки его въ типографію; по отпечатаніи-же правитель намѣстничества Миллеръ показывалъ ему книжку, „какъ любопытную какую вещь“; 6) самъ Ахвердовъ однажды, несмотря на то, что встрѣтился съ Шалимовымъ въ церкви, дозволялъ себѣ „произносить въ отношеніи его ругательныя слова изъ этого сочиненія“ и въ домѣ Миллера похвалялся, что напишетъ другую „піесу“, гдѣ выставитъ Шалимова не волкомъ, а медвѣдемъ, и свое обѣщаніе привелъ въ исполненіе.

Въ заключеніе жалобы Шалимовъ писалъ, что „не осмѣлился-бы утруждать сенатъ просьбою, если-бы дѣло шло только о личной обидѣ“, но, въ данномъ случаѣ, нанесена „обида цѣлому присутственному мѣсту, которое обругано, разославлено и повсюду распубликовано; такое злословіе судебнаго мѣста умаляетъ его важность и должное по законамъ уваженіе“. Въ виду изложеннаго, Шалимовъ „всенижайше“ просилъ сенатъ „оказать милостивное покровительство и защищеніе цѣлому присутственному мѣсту и

собранію его, которое обругано и разославлено безъ всякихъ причинъ, дабы и впредь онъ, Ахвердовъ, съ товарищами таковыми сочиненіями не могъ заниматься, поелику оное болѣе никакого дѣйствія не имѣетъ, какъ только нарушеніе въ общежитіи тишины и спокойствія и помѣшательства во отправленіи государственныхъ дѣлъ".

Выслушавъ просьбу Шалимова, І-й департаментъ сената положилъ на нее слѣдующую резолюцію: „къ правящему должность иркутскаго и колыванскаго генералъ-губернатора господину генералъ-порутчику и кавалеру Пилю отписать, что:

„Сенатъ, разсматривая присланное отъ предсѣдателя колыванской палаты уголовнаго суда Шалимова прошеніе, о защищеніи его, по случаю изданной въ Тобольской губерніи піесы, якобы на него, предсѣдателя, и прочихъ съ нимъ присутствующихъ, отъ коихъ однакоже подобной жалобы не вступило, находитъ, что разборъ и разрѣшеніе таковой партикулярной жалобы до сената не принадлежитъ; ибо онъ, предсѣдатель, хотя и пишетъ, что якобы сочинителемъ сея піесы оказался правящій должность вице-губернатора Ахвердовъ и надворный совѣтникъ Хвостовъ, но точнаго на то доказательства не представилъ, да и въ самой той піесѣ не видно, почему ее на лица той палаты относить можно; впрочемъ-же, какъ по силѣ узаконеній предоставлено всѣмъ и каждому въ личной обидѣ и оскорбленіи приносить жалобы съ надлежащими доказательствами въ надлежащія мѣста, а не прямо въ сенатъ, то и предоставить ему, предсѣдателю, просить, буде пожелаетъ, гдѣ надлежитъ, на основаніи законовъ, о чемъ ему и объявить; а между тѣмъ, онъ, господинъ генералъ-порутчикъ, съ своей стороны внушилъ-бы служащимъ во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, дабы каждый изъ нихъ не вдавался въ таковыя праздныя сочиненія, занимался-бы прямою своею должностью, требующею не малаго усердія и ревности къ достодолжному выполненію возложеннаго на каждаго служенія; а о томъ къ нему, господину генералу-порутчику, послать указъ" [1]).

Узнавъ о доносѣ, Ахвердовъ вызвалъ Шалимова на поединокъ. но этотъ отказался принять его. Правитель намѣстничества Миллеръ пытался примирить ихъ, но напрасно: Шалимовъ „отозвался, что къ примиренію приступить не можетъ". Не теряя надежды уронить Ахвердова въ мнѣніи сената, но уже не имѣя права обращаться къ нему съ личною просьбою, минуя генералъ-губернатора, Шалимовъ постарался придать дѣлу оффиціальный характеръ.

---

[1]) Моск. арх. министст. юст. дѣла правит. сената I департ. по „Приказному столу" за 1791 г., кн. № част. 1084, общ. 4655, л.л. 4—25.

Одно за другимъ поступили въ сенатъ уже не просьбы Шалимова, а донесенія палаты уголовнаго суда. Въ первомъ изъ нихъ палата доводила до свѣдѣнія сената, что, когда было получено его предписаніе, запрещавшее колыванскимъ чиновникамъ заниматься праздными сочиненіями, то Ахвердовъ „безъ должнаго уваженія со вспыльчивостію“ будто-бы произнесъ такія слова: „сіе сдѣлано безъ всякаго разсмотрѣнія, и никто не запретитъ мнѣ упражняться въ такихъ сочиненіяхъ“. Подлинность выраженія предсѣдатель брался подтвердить подъ присягою.

Затѣмъ, въ ноябрѣ 1792 года, сенатъ вторично слушалъ донесеніе палаты о томъ, что Ахвердовъ, пренебрегая запрещеніемъ, продолжалъ свои литературныя упражненія въ прежнемъ духѣ. „Несмотря на предложеніе генерала-губернатора“, указывала палата въ донесеніи, „чтобы чиновники не занимали себя праздными сочиненіями піесъ“, Ахвердовъ „остается въ одинаковомъ своемъ упражненіи и старается сдѣланныя свои піесы распространять въ публику, какъ видно, на тотъ предметъ, дабы только одно наивящее предобижденіе и поношеніе тѣмъ сдѣлать“. Предсѣдатель палаты Шалимовъ, будто-бы, получилъ даже одну изъ „піесъ“, гдѣ собственною рукою Ахвердова были сдѣланы различныя поправки. Поэтому палата просила сенатъ охранить ее отъ сочиненій Ахвердова, „вредительныхъ къ поношенію и нарушающихъ тишину.“ Сенатъ былъ вынужденъ поручить Пилю произвести слѣдствіе по донесеніямъ палаты и увѣдомить о его результатахъ [1]).

Отчетъ Пиля былъ доложенъ въ сенатѣ 17-го января 1793 г. Произнесеніе Ахвердовымъ словъ, оскорбительныхъ для сената, было подтверждено только однимъ Шалимовымъ, губернскій-же прокуроръ Строевъ, на свидѣтельство котораго Шалимовъ, между прочимъ, ссылался, прямо заявилъ, что не слыхалъ отъ Ахвердова вышеприведенныхъ словъ, а чиновники, собравшіеся въ домѣ правителя намѣстничества Миллера, „имѣли разговоръ въ такомъ содержаніи: предписаніе правительствующаго сената состоитъ не въ одномъ томъ, чтобы чиновники не занимались впредь таковыми праздными сочиненіями, но что сила его также въ томъ, чтобы не было на тѣ піесы жалобъ, дабы тѣмъ болѣе не утруждать начальство“. Другіе свидѣтели подтвердили только существованіе между Шалимовымъ и Ахвердовымъ ссоры, но отрицали произнесеніе послѣднимъ словъ, показанныхъ въ донесеніи палаты сенату. Миллеръ при этомъ показалъ, что старался примирить ссорящихся, но

[1]) Моск. арх. минис. юст., журналы и протоколы правит. сената по I-му департ. за 1792 г., кн. № част. 1146, общ. 4717, л.л. 301—303.

Шалимовъ, изъявившій сначала согласіе на примиреніе, все откладывалъ свиданіе съ Ахвердовымъ и, наконецъ, рѣшительно заявилъ, „что не можетъ приступить къ примиренію, такъ какъ крайне обиженъ на публикѣ". Изъ донесенія Пиля сенатъ заключилъ, что Ахвердовъ о его предписаніи „не дѣлалъ дерзновеннаго отзыва съ непристойными выраженіями" и что, напротивъ, Шалимовъ, „показаніями своими, безъ крѣпкихъ доводовъ", затрудняетъ сенатъ и причиняетъ хлопоты генералъ-губернатору. Поэтому, Пилю было предписано объявить палатѣ и ея предсѣдателю, чтобы они подъ „опасеніемъ взысканія по законамъ, удержались отъ неосновательныхъ представленій и неимовѣрныхъ доносовъ". Кромѣ того, сенатъ поручилъ Пилю объявить предсѣдателю палаты Шалимову, что въ отказѣ его примириться съ Ахвердовымъ, онъ „усматриваетъ неспокойный его характеръ и намѣреніе къ продолженію вражды, хотя ссору съ Ахвердовымъ началъ онъ самъ". Шалимову было рекомендовано „ограничить свое поведеніе до того, чтобы оное не могло служить впредь чиновникамъ ни малѣйшимъ поводомъ къ какому-либо званія его предосужденію". Ахвердову сенатъ объявилъ, чтобы онъ, занимаясь нынѣ толь важною должностью, уклонялся елико можно, отъ сочиненія піесъ, не приносящихъ ему кромѣ ссоры и неудовольствій ни малѣйшей чести". Сенатъ желалъ, „чтобы тотъ и другой, пребывая въ добромъ между собою согласіи, старались-бы оказывать усердіе и ревность въ достодолжномъ выполненіи возложеннаго на каждаго изъ нихъ служенія. Если-же они и впредь станутъ по личнымъ своимъ несогласіямъ продолжать подобныя вышеписаннымъ жалобы и переписки и оными занимать начальниковъ и правительства, то неминуемо подвергнутъ себя не токмо отрѣшенію отъ мѣстъ, но и преданы будутъ надлежащему по законамъ сужденію" [1]).

Угрозы были достаточно внушительны, такъ что Ахвердовъ прекратилъ сочиненіе „піесъ" на Шалимова, а послѣдній составленіе доносовъ на Ахвердова.

Сообщ. 22-го іюня 1889 г. **И. И. Шимко.**

[1]) Моск. архивъ минис. юст., журналы и протоколы правит. сената по I-му департ. за 1793 г. кн. № част. 1174, общ. 4745, лл. 78—81.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

1857 г.

Въ метрической книгѣ Одигитріевской церкви, города Кузнецка, Томской губерніи, записано подъ № 17-мъ шестаго февраля 1857 года (пятьдесятъ седьмаго года) «Повѣнчаны: служащій въ Сибирскомъ линейномъ баталіонѣ № 7-й, прапорщикъ Ѳеодоръ Михайловъ Достоевскій, православнаго вѣроисповѣданія, первымъ бракомъ, 34 лѣтъ. Невѣста его: вдова Марія Дмитріевна, жена умершаго засѣдателя по корчемной части, коллежскаго секретаря Александра Исаева, православнаго вѣроисповѣданія, вторымъ бракомъ. Подлинную метрическую запись подписали: священникъ Евгеній Тюменцевъ, діаконъ Петръ Лашковъ, дьячекъ Петръ Углянскій и пономарь Иванъ Слобѣдскій».

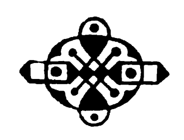
Вѣрно, свидѣтельствую священникъ Евгеній Тюменцевъ.

Сообщ. **В. И. Семевскій.**

Поправки.

(„Русск. Ст." изд. 1892 г., т. LXXIII, февраль).

Стр. 313, заглавіе статьи читай: Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ;—стр. 318, строка 11 сверху, вмѣсто Іосафа читай: Іоасафъ; здѣсь-же, строка 15 снизу, напечатано: отъ консисторіи, читай: изъ консисторіи;—стр. 319, строка 4 сверху, напечатано: игумена, читай: игумену;—стр. 320, стр. 19 сверху, напечатано: коренномъ, слѣдуетъ: Коренномъ.



ПАВЕЛЪ КОНЮШКЕВИЧЪ,

митрополитъ тобольскій

1758—1768 гг.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ О НЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

Въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» (изд. 1891 г., сентябрь-октябрь) помѣщена статья А. Н. Львова: «Архивныя данныя по дѣлу преосвященнаго Павла Конюшкевича, митрополита тобольскаго».

Статья эта вызываетъ на нѣкоторыя объясненія и замѣчанія.

Несомнѣнно авторъ оказалъ услугу исторіи, напечатавъ изложеніе дѣла объ удаленіи митрополита тобольскаго Павла на покой въ Кіево-Печерскую лавру по документамъ синодальнаго архива съ 25-го октября 1764 г. по 4-е іюня 1768 г. († 1770 г.). Сводъ этихъ данныхъ привелъ автора къ заключенію, которое естественно вытекаетъ изъ всего хода дѣла. Онъ говоритъ: «Ознакомившись подробно въ архивѣ св. синода съ дѣлами какъ Арсенія Мацѣевича, такъ и преосвящ. Павла Конюшкевича можно съ увѣренностью сказать, что въ этихъ документахъ рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ для заключенія, что дѣло послѣдняго началось вслѣдствіе протеста его по поводу секвестра монастырскихъ имѣній. Изъ вышеприведеннаго видно, что оно начинается и развивается съ одной стороны вслѣдствіе постоянно доходящихъ до синода и даже до государыни жалобъ на преосвященнаго, справедливыхъ или несправедливыхъ—это другой вопросъ, а съ другой — и потому, что самъ преосвященный дѣйствительно не давалъ своевременныхъ и требуемыхъ закономъ объясненій по тѣмъ дѣламъ, которыя производились о немъ въ св. синодѣ. Правда, въ дѣлѣ есть одинъ штрихъ, который можетъ наводить на мысль, не было-ли еще какого-нибудь неоффи-

ціальнаго факта, ускорившаго развязку его»... Такимъ обстоятельствомъ г. Львовъ считаетъ, на основаніи тѣхъ-же дѣлъ, «оффиціальныя и неоффиціальныя свѣдѣнія о томъ, что преосвященный Павелъ поноситъ всячески членовъ св. синода». Совершенно справедливо замѣчаетъ затѣмъ авторъ, что сообщаемыя въ печати свѣдѣнія о томъ, будто-бы преосвященный былъ въ Петербургѣ, призывался неоднократно къ государынѣ, приговоренъ къ лишенію сана, что ему давали какія-то деньги, а онъ отъ нихъ отказывался и т. п., очевидно, невѣрны и относятся къ области фантазіи (стр. 263—264).

И наоборотъ, совершенно несправедливо утверждаетъ авторъ, что въ нашей исторической литературѣ является какъ-бы вполнѣ установившимся тотъ фактъ, что преосвященный Павелъ Конюшкевичъ принадлежалъ къ числу активныхъ противниковъ секвестра церковныхъ имуществъ, за что былъ судимъ и лишенъ каѳедры и сана (стр. 255). Мало этого: онъ неоднократно повторяетъ свое мнѣніе о неосновательности существующихъ въ печатной литературѣ свѣдѣній о Павлѣ тобольскомъ, какъ основанныхъ на непровѣренныхъ критикою фактахъ, что разсказы о немъ въ такомъ видѣ передалъ г. Абрамовъ, а за нимъ повторили ихъ и послѣдующіе историки (стр. 263, 265). Правда, перечень статей о митрополитѣ Павлѣ у г. Львова не идетъ далѣе очерковъ Н. Абрамова («Странникъ», 1868 г.), гр. М. В. Толстого (Чтенія въ Общ. исторіи и древн. россійск., 1870, II) и А. А. Титова («Историч. Вѣстн.», 1888), большею частью, какъ онъ и самъ признаетъ, повторяющихъ другъ друга. Это показываетъ, что авторъ не считалъ необходимымъ познакомиться предварительно съ литературою своего вопроса, а одна ссылка (на статью: «Митрополитъ Иннокентій на крайнемъ Востокѣ», И Сугорскаго, «Русскій Вѣстн.», 1888, № 11) убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ не находилъ нужнымъ обратиться и къ печатнымъ источникамъ, которые, съ одной стороны, подкрѣпляютъ данныя синодальнаго архива, а съ другой—болѣе рельефно освѣщаютъ ихъ.

Прежде всего замѣтимъ, что тѣ-же самыя «архивныя данныя» еще въ 1877 году послужили предметомъ чтенія о Павлѣ Конюшкевичѣ Ф. А. Тернавскаго въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца въ Кіевѣ, и затѣмъ были напечатаны въ изданіи послѣдняго («Чтенія», кн. I, 1879 г., стр. 203—210). «Жалобъ въ теченіе девятилѣтняго управленія (1758—1768) митрополита Павла набралось 30» (стр. 204), говоритъ Терновскій. Очевидно, это тѣ-же жалобы, о которыхъ сообщаетъ и г. Львовъ (до 30, стр. 260). Въ числѣ этихъ жалобъ находимъ и доношеніе двухъ кіевопечерскихъ іеромонаховъ, вызванныхъ Павломъ для преподаванія въ семинаріи, о которомъ г. Львовъ не упоминаетъ. Въ названной выше статьѣ покойный Терновскій именно старался доказать отсутствіе связи между дѣломъ митрополита Павла и отобраніемъ церковныхъ имуществъ: «въ дѣйствительности было не такъ, замѣчаетъ онъ. Уже самая хронологія событій говоритъ противъ высказаннаго

предположенія» («Чтенія», стр. 203). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Терновскій отвергаетъ и тѣ легенды, которыя сложились о митрополитѣ Павлѣ, по поводу указанныхъ отношеній (стр. 208—210).

Одновременно съ сообщеніемъ Терновскаго появился XXVII томъ «Исторіи Россіи» (1877 г.) С. М. Соловьева, въ которомъ, на стр. 158—160, на основаніи дѣлъ Государственнаго архива, сообщается объ обнаруженныхъ злоупотребленіяхъ при обращеніи инородцевъ въ христіанство. Обращеніе ихъ по большей части было лишь формальное, но оно сопровождалось частыми наѣздами миссіонеровъ, спаиваньемъ, чрезвычайными поборами и умышленнымъ обвиненіемъ новокрещенныхъ въ отпаденіи отъ церкви, за которымъ обыкновенно слѣдовали розыски. Въ такомъ именно видѣ представлялъ положеніе этого дѣла сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ, который заявлялъ, что «подобный безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ сибирскую митрополію человѣка, который могъ-бы въ эти дѣла благоразумно вникать» [1]). Значеніе его донесенія въ дѣлѣ митрополита Павла выясняется изъ слѣдующихъ данныхъ. Еще ранѣе императрица Екатерина II получила свѣдѣнія объ управленіи митрополита Павла, въ неблагопріятномъ для него смыслѣ, отъ ѣздившаго въ Китай курьера Кропотова, который слышалъ отъ крестьянъ деревни, принадлежащей дому митрополита Павла, великія жалобы на несносныя работы, бывшія прежде при домѣ архіерейскомъ, и чрезвычайныя наказанія, чиненныя имъ экономомъ архимандритомъ Іакинѳомъ (Кашперовъ) [2]), причемъ называлъ послѣдняго, въ своемъ донесеніи «кровожаждущимъ». «Свѣдѣнія эти, замѣчаетъ Екатерина, подтверждены ему тогдашнимъ губернаторомъ Соймоновымъ (1757—1763 гг.; съ 1763—1766 гг. сенаторъ), съ прибавленіемъ еще многихъ дѣлъ, въ которыхъ, по совѣтамъ эконома и другихъ совѣтниковъ, архіерей незаконно поступалъ» [3]). Далѣе, въ запискѣ слѣдуетъ перечень дѣлъ, вошедшихъ въ докладъ синода, напечатанный у автора [4]). Записка эта, оставшаяся неизвѣстною г. Львову,

---

[1]) Столкновенія между свѣтскою администраціею и митрополитомъ Павломъ были причиною того, что Чичеринъ прекратилъ съ нимъ сношенія. (Словарь Бантыша-Каменскаго, V, 279). Донесеніе послѣдняго извѣстно г. Львову въ извлеченіи И. Н. Сугорскаго (182—183), со взглядомъ котораго на этотъ вопросъ можно согласиться.

[2]) О немъ см. ст. іеромонаха Макарія („Москвитянинъ", 1852, III) и „Пермскій Сборн.", II. 23—34. Убитъ крестьянами, не безъ участія монаховъ, въ 1792 году.

[3]) Екатерина II любила обращаться къ Ѳ. И. Соймонову по дѣламъ Сибири, какъ отлично знавшему этотъ край (Бантышъ-Каменскій, III. 277). Недавніе-же бунты среди монастырскихъ крестьянъ должны были вызывать опасенія со стороны правительства.

[4]) Сборн. русск. историч. общ., X. 275—276. Докладъ синода (Львовъ, 260—262). В. И.

занесена была Екатериною въ ея журналъ и затѣмъ сообщена митрополиту новгородскому Димитрію Сѣченову и оберъ-прокурору князю Ал. Сем. Козловскому [1]). Она-то и подала поводъ къ первому слѣдствію надъ митрополитомъ Павломъ, которое тянулось въ синодѣ, по причинѣ разныхъ справокъ и сношеній съ митрополитомъ, до 1765 г. «Послѣ этого, говоритъ г. Львовъ, всѣ дѣла и вопросы о преосвященномъ Павлѣ прерываются на цѣлыхъ два года и только 7-го мая 1767 г. является опять журнальная статья объ учиненіи новаго экстракта дѣлъ о немъ» и т. д. (стр. 258). Новымъ поводомъ къ возбужденію дѣла, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать донесеніе губернатора Чичерина [2]), которое и вызвало назначеніе нарочной комиссіи, по предложенію оберъ-прокурора Мелиссино, но уже помимо синода [3]), изъ Д. Сѣченова, Иннокентія, епископа псковскаго, и Теплова, рѣшившей участь митрополита Павла. Комиссія опредѣлила смѣнить его, а на будущее время дать инструкцію миссіонерамъ, которая и была составлена въ совершенно противоположномъ духѣ [4]). Приведенныя выше данныя были въ свое время сообщены нами въ двухъ изданіяхъ—въ «Русской Старинѣ» (въ статьѣ «Арсеній Мацѣевичъ», 1879, XXVI, № 9, стр. 30—34) и «Чтеніяхъ въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца (кн. II, стран. 32—34: «О причинахъ удаленія митрополита Павла Конюшкевича изъ Тобольска по новымъ матеріаламъ»); но статьи эти также остались неизвѣстными г. Львову.

Что-же касается легенды о явленіи во снѣ Димитрію Сѣченову митрополита Павла, къ которому онъ обратился будто-бы съ «грозными словами» по поводу отобранія церковныхъ имуществъ, то это, безъ сомнѣнія, только варіантъ извѣстнаго разсказа объ угрозѣ Д. Сѣченову и другимъ членамъ суда, приписываемой обыкновенно Арсенію Мацѣевичу. Совершенно справедливо, однако, замѣчаетъ г. Львовъ, что «толки объ энергическомъ протестѣ, о лишеніи сана и прочія детали могли явиться на почвѣ того недовольства, которое въ то время существовало не только среди духовенства, но и у многихъ свѣтскихъ лицъ, вслѣдствіе секвестра церковныхъ имуществъ. Несо-

---

[1]) Кн. Козловскій состоялъ оберъ-прокуроромъ съ 1758--1763 гг. („Русскій Архивъ", 1866 г., стр. 601), а потому помѣта записки Екатерины въ „Сборникѣ" 1768 г. сдѣлана неправильно. Какъ видно изъ хода дѣла, этотъ документъ долженъ стоять выше.

[2]) Такъ слѣдуетъ заключать по обозначенію главы II-й у Соловьева (томъ XXVII): „1767—1768 гг.". Д. И. Чичеринъ состоялъ губернаторомъ 1763—1780 гг.

[3]) Оберъ-прокуроръ предлагалъ объ учрежденіи комиссіи синоду, но послѣдній рѣшилъ составить экстрактъ изъ всѣхъ дѣлъ (см. у Львова, стр. 258). Г. Львовъ полагаетъ, что синодъ оказывалъ тѣмъ самымъ поддержку митрополиту Павлу (стр. 264). Однако изъ хода дѣла этого не видно.

[4]) Рѣшеніе комиссіи и инструкція напечатаны у Соловьева (XXVII, 160).

мнѣнію, что и митрополитъ Павелъ не могъ сочувственно относиться къ этой реформѣ» (стр. 264). Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на сторонниковъ Арсенія Мацѣевича въ такомъ именно смыслѣ («Русская Старина» 1879, № 9, стр. 27—30; № 10, стр. 194—198); а требованіе со стороны правительства составленія описныхъ книгъ монастырскаго и церковнаго имущества, вызывало даже смуты среди монаховъ и штатныхъ служителей, какъ было въ 1771 г. въ одномъ изъ болѣе значительныхъ монастырей—Волоколамскомъ [1]). Самый разсказъ о протестѣ митрополита Павла, выразившемся будто бы въ угрозѣ Д. Сѣченову, на латинскомъ языкѣ [2]), очевидно, сложился въ южной Россіи, какъ можно заключать по мѣсту пребыванія митрополита Павла послѣ удаленія изъ Сибири (въ Кіево-Печерской лаврѣ) и по обстоятельствамъ его передачи. Съ распространеніемъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ на Малороссію (1786 г.), здѣсь также возникли неудовольстія въ средѣ духовенства и получили своеобразный колоритъ [3]).

Наконецъ, г. Львовъ не обратилъ вниманія на замѣчательную, по фактическимъ даннымъ, монографію И. Я. Сырцова: «Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, составленную по дѣламъ тобольской духовной консисторіи и напечатанную въ «Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1887—1888 гг., а затѣмъ вышедшую и отдѣльно. Значительная часть этой монографіи посвящена (стр. 65—91) дѣятельности митрополита Павла въ отношеніи раскольниковъ въ Сибири. Къ этому времени относится учрежденіе въ Екатеринбургѣ (въ 1760 г.) особой комиссіи изъ духовныхъ лицъ, которой поручено было привести въ извѣстность всѣхъ незаписныхъ раскольниковъ. Но члены комиссіи не ограничились этою цѣлью и своими дѣйствіями на первыхъ-же порахъ вызвали вмѣшательство правительства. Въ своихъ розыскахъ комиссія пользовалась услугами военной команды; она возила съ собою «множество ножныхъ желѣзъ», а наиболѣе энергическій изъ ея членовъ, священникъ Алексѣевъ, чтобы не быть узнаннымъ раскольниками, наряжался въ офицерскій кафтанъ съ камзоломъ и шпагою, подобравъ

---

[1]) Лѣтопись Волоколамскаго монастыря, по архивнымъ документамъ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1887г ., кн. II, стр. 4 и 108).

[2]) Въ статьяхъ Н. Абрамова („Странникъ“, 1868, № 11) и графа М. В. Толстого (Чтенія въ общ. исторіи и древностей, 1870, II).

[3]) См. Кіевская пертурбація 1786 г. („Кіев. Стар.“, 1883, V, 895—899). Письмо митрополита Самуила (Миславскаго) къ графу П. А. Румянцову сопровождается примѣчаніемъ (по рукописи Кіево-Софійской библ.) митрополита Евгенія, который сообщилъ и разсказъ о протестѣ митрополита Павла (см. въ статьѣ гр. М. В. Толстого). См. также „Плачъ кіевскихъ монаховъ“, сатира въ виршахъ XVIII стол., по рукоп. 1792 г. („Русская Старина“, 1891, XXXII, стр. 435—444) и документы 1786 г. („К. Стар.“ 1882, III, 329—337).

В. И.

и завязавъ свои волосы въ пукли. Комиссіи, сопровождаемой военною командою, приходилось иногда вступать въ открытый бой съ раскольниками и сѣтовать на то, что свѣтскія власти вовсе не оказываютъ ей необходимаго содѣйствія. Духовныя лица, заподозрѣнныя въ послабленіи раскольникамъ, подлежали отрѣшенію; забранные въ комиссію раскольники, скованные по рукамъ и по ногамъ, подвергались пыткамъ и жестокимъ наказаніямъ плетьми и палками, не исключая даже малолѣтныхъ. Число виновныхъ, захваченныхъ комиссіею, простиралось до нѣсколькихъ сотенъ; другіе (до 600 чел.) бѣжали съ заводовъ въ лѣса или уходили въ Польшу (300 человѣкъ), а третьи предавались самосожженію: такъ, въ 1761 году сгорѣло 70 человѣкъ, а въ другой разъ до 150 чел., въ 1763 году — 52 чел., мужчинъ, женщинъ и дѣтей [1]). По поводу дѣйствій комиссіи митрополиту Павлу пришлось имѣть объясненія съ сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, а заводскіе раскольники нашли себѣ защиту въ лицѣ своихъ сильныхъ владѣльцевъ: графа Р. Л. Воронцова и гр. Строганова, благодаря заступничеству которыхъ, сенатъ распорядился въ августѣ 1761 г. черезъ сибирскую и оренбургскую губернскія канцеляріи и канцелярію главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ о защитѣ жителей отъ притѣсненій, чинимыхъ командами, о запрещеніи давать военныя команды и оказывать какое-либо содѣйствіе духовной комиссіи... По вступленіи-же на престолъ императора Петра III, вслѣдствіе указа 28-го февраля, были освобождены и остальные содержавшіеся раскольники [2]).

Учрежденіе екатеринбургской комиссіи несомнѣнно основывалось на предшествовавшихъ правительственныхъ указахъ о розысканіи раскольниковъ (Сырцовъ, 85), а самыя дѣйствія ея мало чѣмъ отличались отъ мѣръ, имѣвшихъ мѣсто при предшественникѣ митрополита Павла — Сильвестрѣ Гловатскомъ (Ibid., стр. 35—65) и отъ употреблявшихся раскольничьими комис-

---

[1]) Сырцовъ, стр. 86, а также очерки: В. В. Нечаева „Раскольническая контора“ (описаніе документовъ и бумагъ хранящ. въ моск. архивѣ мин. юст., книга VII, 43) и Д. И. Сапожникова: „Самосожженіе въ русскомъ расколѣ со 2-й половины XVII в. до конца XVIII в.“, по докум. того же архива (Чтенія въ общ. исторіи и древн. рас. 1891, кн. III, стр. 132). Строгое сужденіе по этимъ дѣламъ выражено было въ сенатскихъ указахъ отъ 19 іюня и 10 августа 1761 г., въ которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендовалось, для обращенія заблудшихся, употребленіе „меча духовнаго, а не гражданскаго“ (Полн. собр. законовъ, т. XV, №№ 11277 и 11305). Замѣтимъ кстати, что оба автора, посвятившіе свои труды вопросу о самосожженіи, высказываютъ противоположные взгляды на происхожденіе и причины этого явленія.

[2]) Сырцовъ, стр. 90—91. Отдѣльные случаи самосожженія встрѣчаются, впрочемъ, и послѣ (стр. 96—97, 101, 106; ср. „Русск. Старину“, 1879, XXVI; Самосожигатели и самоутопленники въ Сибири 1782—1783 гг.“, стран. 336—340). **В. И.**

сіями XVIII стол. вообще (см. Дѣла слѣдственныхъ о раскольникахъ комиссій 1738—1757 гг., В. В. Нечаева, въ Описаніи документовъ и бумагъ московск. архива минист. юстиціи); но въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны и въ царствованіе Петра III отношеніе правительства къ расколу существенно измѣняется (В. В. Нечаевъ, Раскольническая контора, 43; Д. И. Сапожниковъ, 132—133) и въ томъ-же духѣ составляются указы сената и синода 1760—1761 гг. къ мѣстнымъ властямъ (Сырцовъ, 84). Екатерина II слѣдовала этой политикѣ.

Таковы оффиціальныя данныя по разсматриваемому нами вопросу. Но ими не исчерпываются свѣдѣнія, имѣющіяся въ печатной литературѣ Въ 1761 г. посѣтилъ Тобольскъ, для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ дискъ солнца, аббатъ Шаппъ. Онъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ митрополитомъ Павломъ и въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи въ Сибири отзывается о послѣднемъ, какъ о человѣкѣ, исполненномъ нравственности, всегда готовомъ на помощь несчастнымъ, хорошемъ латинистѣ, вѣжливомъ въ обращеніи, но не вѣрившемъ въ движеніе земли и суровомъ въ своихъ религіозныхъ требованіяхъ (XVIII вѣкъ, изд. Бартеневымъ, IV, 341—342, 353). Понятно, что Екатерина II, проникнутая духомъ своего вѣка, не могла сочувственно относиться къ нѣкоторымъ явленіямъ прежняго времени. Въ 1768 г. появилось въ Парижѣ «Путешествіе» аббата Шаппа, и Екатерина (которой приписывается возраженіе на него, подъ заглавіемъ «Антидотъ»; для насъ безразлично, будемъ-ли мы считать послѣдній ея произведеніемъ или коллективнымъ трудомъ), стараясь на каждомъ шагу защитить Россію и въ частности русское духовенство отъ нападокъ аббата, не оставила безъ вниманія и приведеннаго отзыва автора «Путешествія». При этомъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что возраженія Екатерины проникнуты духомъ горячей полемики и потому естественно грѣшатъ преувеличеніями какъ въ ту, такъ и въ другую сторону; но для насъ они имѣютъ значеніе, какъ выраженіе ея взгляда на настоящій вопросъ, притомъ высказаннаго вскорѣ послѣ событія. Упомянувъ о «нетерпимости» и «гордости» (быть можетъ, намекъ на отношенія митрополита Павла къ властямъ), она замѣчаетъ: «вотъ недостатки, за которые онъ недавно былъ вынужденъ оставить свою епархію»... Но нѣсколько далѣе она прибавляетъ: «Онъ былъ-бы довольно хорошимъ человѣкомъ, если-бы не усвоилъ этихъ правилъ въ польскихъ католическихъ училищахъ» (митрополитъ Павелъ былъ родомъ изъ Галиціи и учился въ кіевской духовной академіи [1])—

[1]) Екатерина II была предубѣждена противъ малороссійскаго духовенства. Въ „наставленіи", данномъ гр. П. А. Румянцову, при назначеніи его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1764 г.), она говоритъ: „А къ тому-же не безъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ, какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ

такъ, повидимому, желала Екатерина объяснить «излишнюю ревность прелата» и свое отношеніе къ этому дѣлу. (Антидотъ въ сборникѣ XVIII вѣкъ, стр. 334, 342, 347, 353—354; ср. Voyage en Sibérie, по амстердамск. изд., 212, 219, 253, и то-же изд. Антидота, I, 245; II, 6).

Само собою ясно, что въ приведенныхъ данныхъ нѣтъ и намека на протестъ митрополита Павла по поводу отобранія церковныхъ имуществъ, и на этой точкѣ зрѣнія стоятъ позднѣйшія изслѣдованія, а слѣдовательно и возраженіе автора разсматриваемой нами статьи, направленное противъ русскихъ историковъ, какъ неправильно понимающихъ значеніе настоящаго эпизода, лишено всякаго основанія [1]).

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не имѣли въ виду входить въ подробности вопроса или дѣлать оцѣнку изложенныхъ выше мнѣній, но мы сочли необходимымъ не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство, дающее такъ сказать, тонъ всему дѣлу. Какъ извѣстно, не задолго до возникновенія послѣдняго, закончился первый процессъ Арсенія Мацѣевича, а не задолго до выхода въ свѣтъ «Путешествія» аббата Шаппа состоялось вторичное осужденіе его. Поэтому неудивительно, что Екатерина не могла забыть о немъ и въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ (1765—66 г.) не разъ возвращается къ Арсенію на излюбленныя темы «о единовластіи» и религіозной терпимости [2]). Понятно, что подъ живымъ еще впечатлѣніемъ дѣла Арсенія, близкій этому послѣднему по происхожденію и воспитанію митрополитъ Павелъ не могъ ожидать болѣе благосклоннаго отношенія со стороны Екатерины. «Малороссы, занимавшіе доселѣ всѣ важнѣйшіе іерархическіе посты, замѣчаетъ П. В. Знаменскій, казались ей проникнутыми клерикальными тенденціями», и однимъ изъ первыхъ дѣлъ ея царствованія было—дать ходъ новымъ лицамъ въ церковной іерархіи, лицамъ великорусскаго происхожденія и школы. Это были—Иннокентій Нечаевъ, Гавріилъ Петровъ [3]), Платонъ Левшинъ и др., о которыхъ она

и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи европейскія" (Сборн. русск. историч. общ., VII. 378).

[1]) Въ извѣстномъ трудѣ П. В. Знаменскаго (Руководство къ русской церковной исторіи), соотвѣтственно этимъ даннымъ сдѣлано измѣненіе во взглядѣ на дѣло митрополита Павла (ср. изд. 1876, стр. 409, и изд. 1888 г., стр. 363).

[2]) „Русская Старина" 1879, XXVI, стр. 184—185. Еще въ 1764 г. были уничтожены новокрещенская контора (см. изслѣд. Е. Малова „О новокрещенской конторѣ 1731—1764", „Прав. Собесѣдникъ" 1878, № 12) и раскольническая контора („Раскольнич. контора 1725—1764", В. В. Нечаева, Опис. докум. и дѣлъ моск. архива мин. юст., кн. VII).

[3]) Преемникомъ митрополита Павла въ Тобольскѣ назначенъ былъ, въ санѣ епископа, родной братъ Гавріила—Варлаамъ Петровъ (съ окт. 1768 г., съ

съ большою похвалою отзывается и въ своей перепискѣ [1]), и въ своихъ возраженіяхъ на книгу аббата Шаппа [2]).

Професс. **В. С. Иконниковъ.**

18-го ноября / 30-го декабря 1891 г.
г. Кіевъ.

1792 г. архіеп., † 1802), который умѣлъ ладить и съ отличавшимся горячностью нрава Чичеринымъ (Бантышъ-Каменскій, V, 277—279).

[1]) „Русск. Стар." 1879, XXV, 606—607.

[2]) XVIII вѣкъ Бартенева, IV, 332. **В. И.**

КОРВЕТЪ „НАВАРИНЪ“ въ 1853 году.

(Посвящается П. И. Тыртову).

Весной 1853 года, я, въ числѣ четырехъ гардемариновъ, былъ назначенъ на парусный корветъ „Наваринъ“, отправлявшійся въ кругосвѣтное плаваніе, подъ командою капитанъ-лейтенанта Павла Ивановича Истомина [1]). По окончаніи переводныхъ экзаменовъ, насъ перевезли въ Петергофъ, гдѣ мы, живя на корпусной эскадрѣ, каждое утро съѣзжали на берегъ и занимались до вечера астрономіею и магнитными наблюденіями, подъ руководствомъ Н. П. Буцкаго, а иногда оставались на обсерваторіи и на ночь, ради полярной звѣзды и лунныхъ разстояній [2]). Веселое было то время! Прекрасное лѣто, относительная свобода, и въ перспективѣ—три года плаванія въ экваторіальныхъ моряхъ! Но вотъ, наконецъ, послѣдній coup de brôsse—поѣздка на Пулковскую обсерваторію, и затѣмъ переѣздъ въ Кронштадтъ, гдѣ „Наваринъ“, стоя на маломъ рейдѣ, съ лихорадочною торопливостію кончалъ расчеты съ портомъ. Два слова о суднѣ: „Наваринъ“ очень старое судно, только-что вышедшее изъ тимбировки [3]). Командовалъ имъ адъютантъ его высочества генералъ-адмирала—князь Голицынъ.

Выйдя на палубу, мы застали страшную суету: со всѣхъ сторонъ боченки, тюки, бухты, ящики. Нашъ наставникъ, добрѣйшій

[1]) Родной братъ извѣстнаго севастопольскаго героя.

[2]) Ночныя наблюденія для опредѣленія мѣста.

[3]) Капитальное исправленіе.

Дм. Серг. А., чинно выстроилъ насъ на шханцахъ, куда сейчасъ-же подошелъ капитанъ П. И. И., еще молодой, красивый блондинъ, съ огромными усами, придававшими его лицу строгое, почти свирѣпое, выраженіе.

„Здравствуйте, господа, сказалъ онъ, по недостатку мѣста, вы не будете имѣть особой каютъ-компаніи, и я, къ сожалѣнію, долженъ разрѣшить вамъ быть въ общемъ офицерскомъ помѣщеніи; но я прошу васъ помнить разницу, оставаться въ каютъ-компаніи поменьше, разговаривать еще меньше и побольше соблюдать дисциплину. К. П., обратился онъ къ старшему офицеру, распишите ихъ по вахтамъ... А это что?“

— „Это, сказалъ старшій офицеръ, гардемаринскіе сундуки, и они не проходятъ въ гротъ-люкъ“.

„Такъ разбейте ихъ“, и съ этими словами капитанъ отошелъ отъ насъ.

Подошли матросы, разломали сундуки и выбросили на палубу все наше имущество; намъ указали на кубрикъ, маленькую каюту, съ четырьмя койками; подъ каждой изъ нихъ былъ ящикъ, и мы поспѣшили кое-какъ уложить свои вещи. Сейчасъ-же началась тяжелая служба. „Гардемаринъ, поѣзжайте туда-то! Гардемаринъ, пойдите туда-то“ и т. д. Приходилось ходить безъ фуражки, такъ часто надо было ее снимать. Ни одна шлюпка не отваливала отъ борта безъ гардемарина, и, просидѣвъ нѣсколько часовъ на пристани, возвращаешься, бывало, на корветъ мокрый и голодный, и тотчасъ вступаешь на вахту. О томъ, чтобы дать гардемарину поѣсть и отдохнуть, никто не заботился. Такъ прошло нѣсколько дней.

21-го августа пріѣхалъ къ намъ великій князь, генералъ-адмиралъ, простился съ командою, и въ три часа дня мы подняли якорь. Какъ только спустили подвахтенныхъ внизъ, я поспѣшилъ въ свою каюту, чтобы разобрать свои вещи, но, смотря на казенные мундиры и бѣлье, задумался и горько заплакалъ. Припомнилось мнѣ все, что̀ я оставилъ за собою и что̀ такъ мало цѣнилъ: вспомнилъ я о корпусѣ, съ которымъ сроднился, о грубоватомъ добрякѣ благороднѣйшемъ П. Я. Терентьевѣ [1]), о чудесномъ баронѣ [2]) о незабвенномъ А. И. [3]) и о всѣхъ, которыхъ такъ недавно еще считалъ своими притѣснителями. Простите мнѣ и теперь, черезъ

---

[1]) Батальонный командиръ.

[2]) А. А. Де-Ридель; я былъ у него въ ротѣ унтеръ-офицеромъ.

[3]) Зачѣмъ называть? Кто не унесъ благоговѣйнаго воспоминанія объ этомъ благороднѣйшемъ человѣкѣ и любимомъ инспекторѣ классовъ.

38 лѣтъ, дорогія тѣни! Почти никого изъ васъ уже нѣтъ въ живыхъ, и пусть тѣ горькія дѣтскія слезы, которыя я проливалъ, сидя въ своей тѣсной и смрадной каютѣ, будутъ данью не понимавшаго и не цѣнившаго васъ мальчика! Глупою, неотесанною деревенщиною попалъ я въ ваши руки изъ нѣдръ Украйны; воспитали вы меня на казенный счетъ, выкормили на 17 коп. въ день; были вы и строги, и дирали нѣкоторыхъ изъ насъ, но вы всегда были человѣчны ко мнѣ—ребенку и свято исполняли волю моего незабвеннаго благодѣтеля, да воздастъ ему Богъ за его любовь и попеченія „о малыхъ сихъ"! Въ рогожной кибиткѣ на „долгихъ", съ крѣпостнымъ старикомъ лакеемъ, послѣ мѣсячнаго странствованія, прибылъ я въ столицу, и изъ убогаго помѣщичьяго домика попалъ въ роскошныя палаты: воздуху много, паркетные полы, огромныя залы, великолѣпныя постели, совершенно достаточная пища. И я смѣлъ еще брезгать „вечорками" [1]) и считать ихъ годными только для подсвѣчниковъ, и я смѣлъ съ отвращеніемъ относиться къ „говядкѣ", въ сущности очень хорошему, хотя и небольшому, ломтику мяса. А здѣсь-то гоняютъ цѣлый день, ѣсть не даютъ и добраго слова никто не скажетъ. Припомнился мнѣ тотъ, рѣшившій на всю жизнь мое политическое направленіе, день, когда я впервые увидѣлъ государя Николая Павловича; это было въ 1849 году; онъ прибылъ въ корпусъ вскорѣ послѣ извѣстнаго „бунта" гардемариновъ. Государь былъ очень гнѣвенъ или, вѣрнѣе, казался такимъ; видъ его былъ грозенъ, глаза сверкали. Проходя по нашей ротѣ, гдѣ мы стояли по кроватямъ, онъ замѣтилъ меня новичка безъ погоновъ и спросилъ фамилію и мѣсто родины. Смотря прямо въ глаза государю, я ясно увидѣлъ, что глаза эти смягчились, глядя на меня, неповиннаго мальчика, и съ тѣхъ поръ не могу я забыть этихъ чудныхъ, глубокихъ глазъ. Много разъ послѣ того я замѣчалъ, что когда Николай Павловичъ проходилъ по фронту, каждому казалось, что онъ смотритъ только на него одного,—такъ выразителенъ и проницателенъ былъ этотъ взглядъ.

Мысли мои были прерваны свисткомъ, и я выскочилъ на палубу, гдѣ была уже ночь. Какъ страннымъ показалось мнѣ, что судно плыветъ въ темнотѣ и въ нахтоузахъ [2]) зажженые фонари. Я привыкъ плавать на „Вѣрности" [3]) только днемъ. Я вступилъ на

---

[1]) Круглыя булки.

[2]) Помѣщенія для путевыхъ компасовъ на палубѣ.

[3]) Корпусный фрегатъ.

вахту подъ начальство Вл. Н. Б—на, отправился, по его приказанію, на бакъ,—и съ этой минуты началась настоящая моя морская служба. На другой день, въ 7-мь часовъ утра, я явился въ каютъ-компанію напиться чаю, и, черезъ открытый люкъ, услышалъ жалобные вопли: то капитанъ наказывалъ линьками въ чемъ-то провинившагося фельдшера. Наказаніе было жестокое и продолжительное и такъ подѣйствовало на меня, что я во все время моей морской службы ни одного разу не употребилъ линька.

Плаваніе было очень благопріятное, и я совсѣмъ не замѣтилъ, какъ прошло время до Копенгагена. На этомъ переходѣ я совершенно освоился со своимъ положеніемъ въ каютъ-компаніи; офицеры всѣ были прекрасные и благовоспитанные люди, кромѣ старшаго штурмана Бак—на [1]), который къ своей спеціальности прибавилъ еще добровольно обязанности шпіона и наушника передъ капитаномъ; а какъ П. И. любилъ выпить, и въ это время душа у него была на распашку, то кляузы Б. часто выходили наружу; особенно, не взлюбилъ капитанъ нашего прелестнаго наставника Д. С. А—ва, истиннаго джентльмена, по происхожденію и образованію цѣлою головою стоявшаго выше всѣхъ офицеровъ; этому нерасположенію, конечно, больше всего способствовалъ тотъ-же Б., не переносившій той брезгливой учтивости, съ которою относился къ нему А. Какъ-бы то ни было, дѣла въ каютъ-компаніи шли мирно и весело; содержателемъ офицерскаго стола былъ избранъ докторъ Ц., который пригласилъ помощникомъ нашего пятаго товарища, юнкера Бреверна—аккуратнѣйшаго изъ нѣмцевъ.

Къ концу нашей стоянки въ Копенгагенѣ погода испортилась, и между офицерами ходили разговоры, изъ которыхъ я пришелъ къ заключенію, что намъ непремѣнно придется считаться съ равноденствіемъ въ Нѣмецкомъ морѣ.

10-го сентября (1853 г.), мы подошли къ Скагену, за которымъ стали на якорь, такъ какъ жестокій вѣтеръ не позволялъ обогнуть мысъ; 11-го, наконецъ, выбрались въ море, которое встрѣтило насъ ужасною качкою, продолжавшеюся всю ночь. Утромъ 12-го вдругъ стихло, и корветъ, на огромной мертвой зыби, тоскливо скрипѣлъ и хлопалъ парусами; солнце взошло темнокраснымъ матовымъ шаромъ и какъ-то зловѣще освѣщало пустынный горизонтъ; ни одного судна въ виду не было; барометръ падалъ съ ужасающею быстротою; воздухъ былъ удушливъ и всѣ находились въ какомъ-то томительномъ состояніи; чайки, во множествѣ, рѣяли надъ водою и

[1]) Давно умеръ.

своимъ зловѣщимъ хохотомъ еще болѣе раздражали нервы. На палубѣ безмолвно шла тревожная и торопливая работа: укрѣпляли гребныя суда, найтовили [1]) якоря, пригоняли брезенты къ глухимъ люкамъ; Б. безпрестанно бѣгалъ въ капитанскую каюту на совѣщаніе. Обѣдъ прошелъ натянуто; даже старый балагуръ-докторъ сидѣлъ угрюмо; не было на суднѣ ни одного человѣка, который не чувствовалъ-бы, что будущая ночь даромъ не пройдетъ.

Среди мертвой тишины, солнце скрылось за горизонтомъ, такимъ-же матовымъ багровымъ шаромъ, какъ и взошло. При спускѣ флага, убрали верхніе паруса и взяли два рифа у марселей [2]). Мнѣ приходилось на вахту съ 6-ти часовъ до полуночи, и я спустился въ каюту, чтобы приготовить вахтенный костюмъ; но едва успѣлъ я надѣть большіе сапоги, какъ сверху раздался отчаянный боцманскій свистокъ и крикъ: „пошелъ всѣ наверхъ, третій рифъ брать!“ Опрометью бросился я на свой гротъ-марсъ, спотыкаясь на выблинкахъ и стараясь тщетно обогнать старыхъ марсовыхъ [3]). Шквалъ налетѣлъ мгновенно и страшно ревѣлъ надъ лежавшимъ на боку корветомъ. „Марса шхоты травить“! [4]), закричалъ старшій офицеръ, и я почувствовалъ, что судно выпрямилось; но въ то-же время началась страшная, стремительная качка. Среди воя бури и хлопанья парусовъ, уцѣпившись обѣими руками за вахты, я рѣшительно не понималъ, какъ это наши марсовые полѣзутъ на рею; однакожъ, полѣзли, и я даже съ ужасомъ увидѣлъ, что старикъ Сагайдачный сидитъ верхомъ на нокѣ и вяжетъ штыкъ-болтъ [5]). „Кричите, готово!“ сказалъ мнѣ боцманматъ Овсянниковъ, но у меня захватило духъ отъ страшныхъ размаховъ, и я только пропищалъ что-то. „Съ марсовъ долой“! раздалась команда, и я проворно спустился по бакштагу, чуть не зацѣпивъ капитана, стоявшаго у борта, на вахтенномъ банкетѣ. Капитанъ тутъ-же распекъ меня и сказалъ, что въ такой штормъ не слѣдуетъ спускаться по снастямъ. Между тѣмъ штормъ крѣпчалъ; спустили брамъ-стеньги, закрѣпили марселя и остались подъ зарифленнымъ фокомъ и фокъ-

[1]) Найтовъ—прочное прикрѣпленіе канатомъ.

[2]) Марсель—второй снизу парусъ. Взять рифъ — уменьшить площадь парусности.

[3]) Марсъ — площадка при соединеніи мачты съ продолженіемъ ея стеньгою. Выблинки—веревочныя ступеньки.

[4]) Ослабить натянутый парусъ.

[5]) Нокъ—конецъ реи. Штыкъ-болтъ—веревка, прикрѣпляющая къ реѣ верхній уголъ паруса. Штыкъ-болтные—самые лихіе матросы.

стакселемъ[1]). Къ 10-ти часамъ достали штормовую бизань и закрѣпили фокъ; корветъ страшно качало; штормъ усиливался до урагана, но было видно, что сдѣлано все зависѣвшее отъ человѣка и науки, и что оставалось только терпѣливо ждать смягченія бури. Въ 11-ть часовъ, вахтенный начальникъ послалъ меня осмотрѣть огни въ палубѣ, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заглянуть въ свою каюту, находившуюся какъ разъ противъ гротъ-люка; въ ней никого не было, и я уже хотѣлъ отойти, какъ огромная волна вкатилась въ люкъ и оттуда въ нашу каюту, такъ что меня отбросило и ударило головою объ якорную цѣпь; ошеломленный, я вылетѣлъ наверхъ и ничего не донесъ вахтенному,—да ему не до меня и было... Когда все успокоилось, капитанъ спустился въ каюту надѣть сухое бѣлье. Прошло минутъ пять безъ особенныхъ приключеній; вѣтеръ, казалось, достигъ высшаго напряженія, но корветъ держался довольно покойно, лежа правымъ галсомъ на NW, какъ вдругъ я почувствовалъ страшный толчекъ въ грудь, и меня отбросило на подвѣтренную сторону. На бакѣ поднялся огромный столбъ воды и раздался громовой трескъ; въ ту-же минуту, изъ люка, какъ привидѣніе, показался капитанъ. Никогда не забуду я его вида: безъ фуражки, въ одной незастегнутой бѣлой рубахѣ, босой и съ своими страшными усами... Едва успѣлъ онъ въ темнотѣ найти вахтенный банкетъ, какъ его сильно ударило какимъ-то обломкомъ, и онъ почти упалъ мнѣ на руки. Оказалось, что съ носа вкатился „девятый валъ", который однимъ ударомъ сорвалъ и перекинулъ на палубу запасный якорь, снесъ сѣтки съ койками до самаго планшира и повредилъ рулевой аппаратъ. Руль пересталъ дѣйствовать, и корветъ, поставленный поперегъ волненія, сталъ черпать бортами. Не знаю ужъ какъ у Павла Ивановича зародилась мысль, какъ она перешла въ дѣйствіе, но не прошло и минуты, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на сорванномъ якорѣ и сбивалъ желѣзное яблоко на концѣ штока; а еще черезъ нѣсколько ужасныхъ минутъ, этотъ штокъ уже былъ вставленъ въ руль и корветъ приведенъ къ вѣтру. Управившись съ этою, по истинѣ невозможною при данныхъ условіяхъ, работою, П. И., все еще въ своемъ легкомъ костюмѣ, позвалъ насъ, гардемариновъ, и поздравилъ съ настоящимъ штормомъ, выразивъ надежду, что этотъ случай навсегда останется у насъ въ памяти, какъ доказательство того, что въ морѣ никогда не должно теряться, и что гибель судна

[1]) Стаксель и бизань—штормовые паруса малой площади.

очень часто зависитъ не отъ стихій, а отъ недостатка распорядительности.

Пробило двѣ склянки (часъ ночи), и капитанъ, спускаясь внизъ, пригласилъ къ себѣ вахтеннаго начальника и меня, отстоявшихъ вахту. По пути я хотѣлъ надѣть хоть сухой мундиръ, но оказалось, что все наше имущество плавало въ водѣ, гулявшей по кубрику. Возвратясь въ капитанскую каюту, я, по предложенію капитана, съ наслажденіемъ выпилъ рюмку водки съ рижскимъ бальзамомъ. На столѣ лежалъ кусокъ сыра и копченые оленьи языки; все это было привязано къ столу и, чтобы отрѣзать кусокъ, надо было стать на колѣни, держась лѣвою рукою за столъ, а правою рѣзать и класть въ ротъ. Послѣ этого лукулловскаго ужина, я поднялся опять наверхъ — все равно спать было негдѣ, да и не до сна было...

Съ разсвѣтомъ положеніе корвета оказалось критическимъ: мы подходили къ Хорнскому рифу, на который насъ несло съ страшною быстротою теченіе, а хода впередъ, при малой парусности, почти не было; дипъ-лотъ [1]) показывалъ все меньше и меньше глубины и хотя я еще не понималъ страшной опасности, угрожавшей намъ, но по лицамъ офицеровъ видѣлъ, что творится нѣчто очень серьезное; наконецъ, капитанъ рѣшился рискнуть: поставили всѣ три марселя въ два рифа; стеньги гнулись „въ лучекъ“ и трещали, но мы благополучно прошли траверсъ рифа. Когда стоявшій на лотѣ старшій рулевой Сарафанниковъ провозгласилъ: „восемнадцать футъ“, капитанъ обнялъ его и поздравилъ унтеръ-офицеромъ.

Штормъ не стихалъ. Въ корветѣ открылась течь, для уменьшенія которой потребовалась усиленная работа всѣми помпами; въ этихъ обстоятельствахъ капитанъ рѣшился зайти въ Христіанзандъ. У маяка выѣхалъ лоцманъ, чтобы провести насъ черезъ шхеры, но не могъ пристать къ корвету; началось чрезвычайно трудное маневрированіе между скалами, по сигналамъ, съ лоцманскаго бота; корветъ подвигался, буквально окруженный со всѣхъ сторонъ бурунами, рискуя разбиться, при малѣйшей оплошности, но, благодаря искусному управленію парусами самого капитана и бравой командѣ, корветъ благополучно выбрался и сталъ на якорь на превосходномъ Христіанзандскомъ рейдѣ. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ Павелъ Ивановичъ Истоминъ, со слезами, перекрестился, проходя мимо маяка, у котораго нѣкогда

[1]) Гиря съ веревкою для измѣренія болѣе значительныхъ глубинъ.

разбился корабль „Ингерманландъ“, и погибъ Алексѣй Ивановичъ Истоминъ, родной братъ капитана.

Съ первою шлюпкою, посланною на берегъ, поѣхалъ и я, какъ очередный гардемаринъ. Сердце мое сжалось, когда я оглянулся на корветъ: вмѣсто чистенькаго, щегольскаго судна, еще такъ недавно восхищавшаго копенгагенскую публику, глазамъ моимъ представилась жалкая лайба, съ кривымъ рангоутомъ, обломаннымъ бортомъ, ржавыми цѣпями и засохшею солью на бортахъ. Возвратясь на корветъ, я нашелъ многое уже исправленнымъ, но между офицерами шли разговоры о томъ, что старый „Наваринъ“ разошелся по всѣмъ швамъ, и что, по приходѣ въ Англію, его необходимо ввести въ докъ.

Пять дней стоянки въ Христіанзандѣ были употреблены на исправленія и окраску, и вотъ мы опять въ морѣ, на этотъ разъ тихомъ и спокойномъ. Быстро прошли мы Доггеръ-банку и Галоперскіе маяки, и въ одинъ тихій вечеръ вошли на Спидгетскій рейдъ, гдѣ застали англійскую эскадру (Channel squadron), подъ флагомъ адмирала Корри, на кораблѣ St. Jean d'Acre. На другой день мы вошли въ гавань и стали около Трафальгарскаго ветерана, корабля „Victory“, на которомъ убитъ Нельсонъ. Тотчасъже приступили къ исправленіямъ, которыя возможно было сдѣлать, не вводя судна въ докъ. Нельзя сказать, чтобы мы весело проводили время въ Портсмутѣ: общественное мнѣніе, въ виду готовившихся политическихъ событій, страшно было возбуждено противъ насъ, и невозможно было показаться на улицѣ, безъ риска подвергнуться брани со стороны уличныхъ мальчишекъ и, вообще, черни. Впрочемъ, насъ, молодежь, это не смущало и мы свободные вечера посвящали плохому театру, причемъ не замедлили влюбиться въ хорошенькихъ актрисъ, Miss Rollin и miss Mortimmer.

Наконецъ, скучныя три недѣли прошли и мы съ радостью оставили Портсмутъ, но, увы, не надолго. При первой-же качкѣ, течь удвоилась, и капитанъ ясно увидѣлъ, что такъ продолжать плаваніе нельзя. Зашли въ бухту Торбей (Torbay) и подробно осмотрѣли подводную часть, въ которую вода била фонтанами. Пришлось возвратиться въ Портсмутъ и на этотъ разъ войти въ докъ. Команда и офицеры перебрались на блокшифъ, бывшій фрегатъ „Blonde“. Въ это время пребываніе наше въ Англіи сдѣлалось весьма затруднительнымъ: были получены извѣстія о подробностяхъ Синопскаго боя, и мы съ каждымъ днемъ ожидали объявленія войны. Наконецъ, вышли изъ дока и оставили Англію, но направились уже не въ тропики, а въ Голландію. Не буду описывать

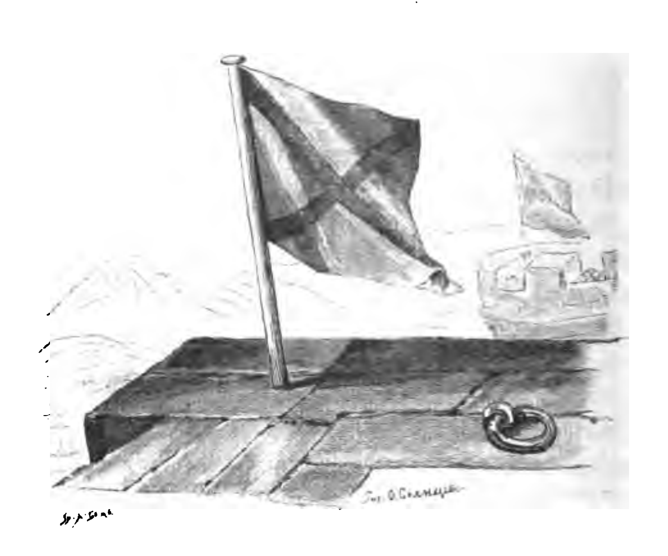
послѣдняго ужаснаго перехода. Тѣ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, наваринцевъ, которые прочтутъ эти строки, конечно, съ содроганіемъ вспомнятъ Дувръ, Диль, Донджеnесъ, Нордъ-Форландъ, гдѣ мы, съ своею утлою ладьею, не разъ были на волосъ отъ гибели; скажу только, что не одно сердце радостно забилось, когда мы увидѣли Вестъ-Каппель и Флиссингенскія дюны—конецъ нашихъ страданій.

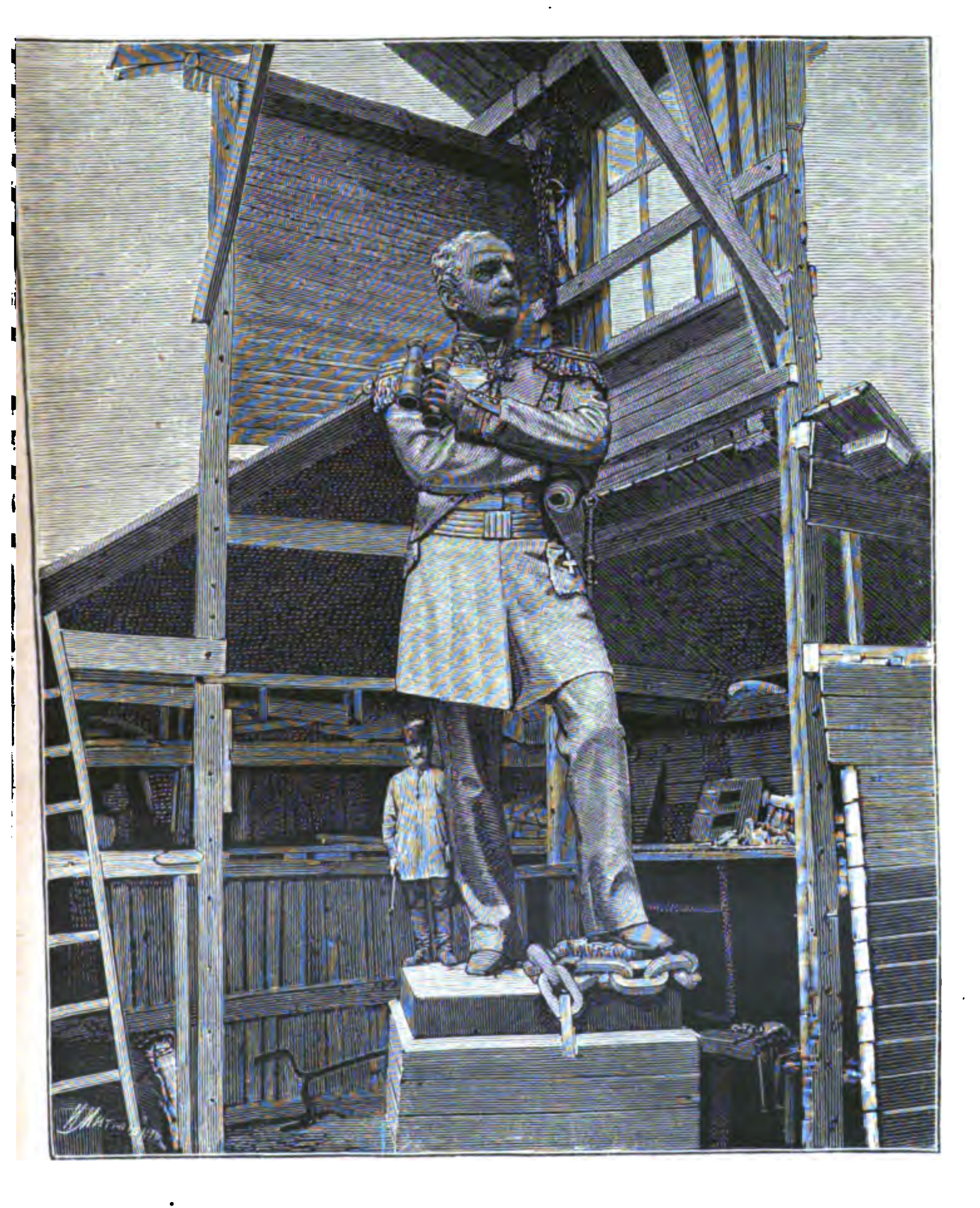
Присланный изъ Петербурга флигель-адъютантъ Аркасъ призналъ корветъ никуда негоднымъ, и мы сухимъ путемъ возвратились въ Россію, сдавъ корветъ голландскому правительству.

Трудно, конечно, описать наше разочарованіе: въ то время, какъ мы, по негодности, безславно спускали флагъ и потомъ тряслись на перекладныхъ, товарищи наши на „Аврорѣ“ отличились въ Петропавловскѣ и украсились Георгіями... Но нѣтъ горя безъ утѣшенія: мы вернулись въ корпусъ вполнѣ обстрѣленными моряками, пройдя въ короткое время всю школу паруснаго флота, и я увѣренъ, что тотъ, кому я посвящаю эти воспоминанія, во время своихъ блестящихъ плаваній, не разъ вспоминалъ о службѣ своей на „Наваринѣ“.

С. В. Акимовъ.

Деревня Ефимовка.
августъ 1890 г.





ГРАФУ Н. Н. МУРАВЬЕВУ-АМУРСКОМУ.

ПАМЯТНИКЪ ВО ВРЕМЯ НАХОЖДЕНІЯ

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ПАМЯТНИКЪ ГРАФУ Н. Н. МУРАВЬЕВУ-АМУРСКОМУ

въ Хабаровкѣ.

[Посвящается всѣмъ, принимавшимъ участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ].

I.

Описаніе кругосвѣтнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, которыя были первою книгою, прочитанною мною въ раннемъ дѣтствѣ. Я зачитывался ею, будучи еще десятилѣтнимъ ребенкомъ. Потомъ любимымъ моимъ чтеніемъ были воспоминанія Араго и всѣ вообще путешествія и описанія дальнихъ странъ. Давая массу новыхъ свѣдѣній, подобныя книги производили на меня глубокое впечатлѣніе и внушали мнѣ сильное желаніе самолично видѣть все то, о чемъ я читалъ. Америка и Океанія влекли меня къ себѣ неудержимо. Однако, подъ вліяніемъ чисто русскаго воспитанія, желаніе ѣхать за море, въ чужія земли, становилось слабѣе и напротивъ все сильнѣе и сильнѣе возникало стремленіе изучить наши окраины: Кавказъ и Сибирь. Смѣло могу сказать, что я прочелъ добрую половину всего, что было написано о нихъ по-русски и по-французски. Всякая новая книга, брошюра и статья объ этихъ мѣстностяхъ разыскивались мною и прочитывались съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ.

Понятно, что не одна природа этихъ странъ влекла меня къ себѣ, я восхищался и дѣятелями, прославившими тамъ свое имя патріотическими дѣйствіями, способствовавшими развитію русскаго

могущества и силы. Ермоловъ, Пасекъ, Невельской, Муравьевъ —вотъ мои герои, которыхъ я чтилъ, которымъ удивлялся. Амурскіе походы, плаванія Невельскаго, спасеніе Муравьевымъ сибирской флотиліи наиболѣе останавливали на себѣ мое вниманіе.

Результаты подобнаго чтенія очень пригодились мнѣ впослѣдствіи, такъ какъ судьба привела меня, многіе годы моей службы, провести именно на окраинахъ Россіи: на Кавказѣ, въ Привислянскомъ краѣ и въ Сибири. На Кавказѣ я былъ офицеромъ генеральнаго штаба, въ Привислянскомъ краѣ—губернаторомъ, а на нашемъ крайнемъ востокѣ, въ концѣ 1879 г., былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири.

Мечты моей юности сбылись и притомъ въ размѣрахъ нежданныхъ и колоссальныхъ. Принять въ свое управленіе вмѣстѣ съ Восточною Сибирью и юный Амурскій край, присоединенный Муравьевымъ, было задачею большой важности и очень трудною, но обстоятельства, въ которыхъ этотъ край находился при моемъ назначеніи, значительно облегчили задачу. Трудно было-бы быть непосредственнымъ преемникомъ графа Муравьева-Амурскаго: тогда надо было обладать особымъ даромъ: вѣрно понять его цѣли и смѣло продолжать его работу. Не то требовалось въ 1880 году. При самомъ вступленіи моемъ въ новую должность, я, еще не уѣзжая изъ Петербурга, знакомясь съ дѣломъ, убѣдился, что край этотъ былъ совершенно забытъ. Мѣстныя власти, послѣ генерала Корсакова, совсѣмъ почти о немъ не заботились отчасти по своимъ личнымъ взглядамъ, но болѣе потому, что постоянно ожидали его изъятія изъ ихъ управленія и передачи въ вѣдѣніе морскаго министерства на правахъ колоній европейскихъ государствъ. Проекты объ этомъ давно уже созрѣвали въ умахъ многихъ столичныхъ дѣятелей, и именно къ началу 1880 г. приняли болѣе осязательную форму. Владивостоку грозила участь Николаевска; его предполагали оставить и не для того, чтобы вывести нашъ флотъ на бо́льшій просторъ, но чтобы запереть въ крошечной и трудно доступной гавани Св. Ольги. На перенесеніе туда порта и устройства новыхъ учрежденій исчислялись милліоны.

Глубоко благоговѣя передъ памятью Муравьева и рѣшительно. впредь до изученія вопроса на мѣстѣ, отклонивъ свое участіе въ дѣлѣ перевода порта изъ Владивостока въ Ольгу, я сразу увидѣлъ, что мнѣ предстоитъ задача вполнѣ опредѣленная и ясная—взять въ свои руки заброшенныя амурскія дѣла, энергично заняться ими, привлечь на нихъ вниманіе кого слѣдуетъ и вывести край изъ того запущенія, въ которомъ онъ такъ долго находился. Амурскому

краю надо только помочь стать на ноги, его естественныя силы и богатства докончатъ дѣло.

Условія тогдашней внѣшней политики поблагопріятствовали моимъ намѣреніямъ и китайцы помогли Амуру во многомъ. На Амуръ снова обратили вниманіе и на этотъ разъ безповоротное. Для Амурскаго края настала новая эра; мысль объ образованіи изъ него какой-то колоніи оставлена и, вмѣсто отторженія его, приступлено къ окончательному слитію его съ имперіею посредствомъ колонизаціи русскими людьми и проведенія сплошной, транзитной дороги черезъ всю Сибирь. Но объ этомъ лишь къ слову [1]). Мнѣ хотѣлось сказать, что, едва вступя въ управленіе Восточною Сибирью, я на фактахъ убѣдился, какъ замѣчательна была дѣятельность графа Муравьева-Амурскаго и какъ жестоко искажались послѣ него его взгляды и мысли. Мое почитаніе графа еще болѣе усилилось и я видѣлъ возможность послужить его памяти.

II.

По пріѣздѣ въ западную часть Восточной Сибири, въ старую Сибирь, я былъ удивленъ холоднымъ отношеніемъ иркутянъ къ дѣятельности Муравьева. О немъ хорошо помнили, но его мало вспоминали добромъ. Тріумфальныя ворота, поставленныя когда-то въ Иркутскѣ для встрѣчи присоединителя Амура, едва не грозили паденіемъ, неостроумныя вирши съ припѣвомъ:

Прощай, Иркутскъ, въ началѣ мая,
А въ октябрѣ прощай Амуръ!

представляли его вѣчно отсутствующимъ. За эту-то любовь къ новому краю, кажется, и не любили его сибиряки или, по крайней мѣрѣ, руководители общественнаго мнѣнія, смотрѣвшіе, преимущественно, съ узкой точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ и мало заботившіеся объ общихъ государственныхъ цѣляхъ.

Въ Забайкальи холодность эта переходила даже въ нѣкоторую враждебность. Тамъ не забывали еще, что для новаго края Муравьевъ широкою рукою черпалъ въ Забайкальи не только матеріальныя

[1]) О положеніи нашего крайняго востока въ 1880 г. и начатыхъ съ того времени новыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ насчетъ Амурскаго края многія свѣдѣнія находятся въ 1-мъ и 8-мъ томахъ изданнаго мною въ Иркутскѣ „Сборника главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью“. Д. А.

средства, но и живую силу, отправя тысячи семей въ составъ вновь организованнаго имъ Амурскаго казачьяго войска.

Не такого отношенія къ Муравьеву ожидалъ я отъ сибиряковъ. Впрочемъ, обсудивъ дѣло хладнокровно, я призналъ, что, можетъ быть, старые сибиряки по своему правы: Иркутскъ не прощалъ ему явнаго предпочтенія къ Амуру и амурскимъ дѣламъ, а Забайкалье обвиняло его въ истощеніи ихъ области для нуждъ чего-то совершенно посторонняго, по ихъ мнѣнію, и для области и для Россіи.

Но вотъ картина перемѣнилась съ той самой минуты, когда передо мною покатилъ свои мутныя воды великій Амуръ. Здѣсь все получило начало при Муравьевѣ, все обязано ему своимъ существованіемъ, все отъ мала до велика чтитъ его память и передаетъ массу легендъ героическихъ и благодарныхъ, въ которыхъ личность графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго представляется въ чудномъ свѣтѣ, какъ личность богатыря и несравненнаго патріота. Наслушавшись разныхъ небывальщинъ въ Иркутскѣ и Забайкальи, я опасался, что амурскіе казаки встрѣтятъ меня жалобами, протестами, заговорятъ о возвратѣ на родину... Не тутъ-то было.

Въ 1881 г., когда я объѣзжалъ Амуръ, дѣйствительную казачью службу начали уже отбывать тѣ казаки, которые родились на Амурѣ, для которыхъ Амуръ былъ дорогою родиною. На мои вопросы къ молодежи: хорошо-ли имъ живется здѣсь, всѣ они и во всѣхъ станицахъ отвѣчали единодушными похвалами Амуру и рѣшительными заявленіями, что имъ лучшихъ мѣстъ не нужно. „Ну, а что вы скажете?“ обратился я къ старикамъ.—„Да что намъ сказать, мы свой вѣкъ прожили, намъ и умирать пора; жить здѣсь придется дѣтямъ нашимъ и внукамъ; если имъ хорошо, то мы отъ нихъ не уйдемъ“.

Видно было, что Амуръ принадлежалъ уже не силою поселеннымъ на немъ забайкальскимъ казакамъ, а своему собственному населенію, здѣсь народившемуся и здѣсь выросшему на просторѣ и свободѣ. Амурскій край изъ нѣдръ своихъ воздвигъ себѣ защитниковъ и для многихъ тысячъ людей сталъ родиною, на защиту которой охотно принесутся всѣ ихъ силы и самая жизнь. Также восторженно относились къ Амуру и пришедшіе туда (на Бурею и Зею) крестьяне и горожане Благовѣщенска, не говоря уже о болѣе интеллигентныхъ слояхъ общества, хорошо устроившихся въ дѣвственномъ краѣ, быстро развивающемся, почти на маперъ американскій.

По мѣрѣ углубленія въ край, я убѣждался, что тамъ все дышетъ благодарною памятью къ Муравьеву и высоко цѣнитъ его госу-

дарственныя заслуги. Мнѣ пріятно было находиться между единомышленниками, славящими незабвеннаго патріота графа Николая Николаевича.

Знакомясь подробно съ Благовѣщенскомъ, я узналъ, что благодарные Муравьеву горожане, дѣйствуя, впрочемъ, въ полномъ единеніи со всѣми амурцами, разумѣя подъ этимъ словомъ жителей всего Амурскаго бассейна, давно уже носятся съ мыслью о сооруженіи ему памятника. Осуществленіе этой мысли при жизни графа было неудобно, но за то всѣ надѣялись, что желаніе ихъ осуществится немедленно по смерти чтимаго ими патріота. Наиболѣе смѣлые проповѣдники этой идеи видѣли возможность осуществить ее и монументомъ, и полезнымъ благотворительнымъ дѣломъ. Для постановки памятника указывали даже и мѣста. Одно за городомъ не въ далекомъ отъ него разстояніи, а другое въ самомъ Благовѣщенскѣ, въ общественномъ саду, при распланированіи котораго оставлена была площадка для будущаго памятника.

Можетъ быть оба мѣста не были особенно удачно выбраны. Первое лежало внѣ города и памятникъ стоялъ-бы на пустырѣ. Второе было уже очень скромно, давало мало простора и ставило-бы фигуру Муравьева лицемъ внутрь города, оставляя Амуръ за спиною. Во всякомъ случаѣ, я не могъ не признать, что мысль амурцевъ о памятникѣ Муравьеву дѣйствительно прекрасная мысль и что благодарные благовѣщенцы, по своей иниціативѣ и чувствамъ, имѣютъ право видѣть подобный монументъ въ своемъ городѣ или въ ближайшихъ его окрестностяхъ.

На большомъ обѣдѣ, данномъ мнѣ тогдашнимъ амурскимъ губернаторомъ г.-м. І. Г. Барановымъ, присутствовали всѣ власти и мѣстная интеллигенція. Спичи и тосты слѣдовали другъ за другомъ и по разнымъ поводамъ, но рѣчь, въ концѣ концовъ, сводилась все на тотъ-же главный предметъ... на Муравьева. Да и гдѣ-же было говорить о немъ, какъ не здѣсь, на Амурѣ! Подъ впечатлѣніемъ происходившаго, я послалъ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому телеграмму, въ которой выразилъ чувства, одушевлявшія наше собраніе, и свидѣтельствовалъ о глубокой къ нему привязанности амурцевъ, свято хранящихъ его завѣты, вѣрныхъ ему въ настоящемъ и думающихъ о томъ, чтобы въ будущемъ на вѣки закрѣпить о немъ память въ Благовѣщенскѣ достойнымъ его славы монументомъ.

Копіи съ этой телеграммы я не нашелъ въ моихъ бумагахъ, но отвѣтная телеграмма гр. Николая Николаевича отъ 1-го іюня 1881 г. изъ Парижа сохранилась. Вотъ ея содержаніе: „Profondement

touché de votre bon souvenir et de celui de chers Sibiriens; vous en remercie tous sincerement".

Такимъ образомъ, еще въ маѣ 1881 г., амурцы, чрезъ мое посредство, довели до свѣдѣнія графа Муравьева свои намѣренія о постановкѣ ему памятника въ Благовѣщенскѣ. Во время дальнѣйшаго путешествія по Амуру я убѣдился, что на всемъ его пространствѣ живетъ свѣтлая память о Муравьевѣ и объ его подвигѣ. Мысль о постановкѣ ему памятника у всѣхъ амурцевъ созрѣла вполнѣ сознательно и осуществленіе ея было только вопросомъ времени. Не предвидѣлъ я тогда, что очень скоро, всего черезъ какіе-нибудь полгода, мнѣ придется приняться за выполненіе этого дѣла.

III.

Окончивъ обозрѣніе Амура, я въ ту-же осень пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и получена была телеграмма о смерти графа Николая Николаевича въ Парижѣ, въ ночь съ 18-го на 19-е ноября 1881 г. Немедленно сообщивъ это скорбное извѣстіе въ Сибирь, я черезъ нѣсколько дней получилъ оттуда не мало телеграммъ объ отслуженныхъ вездѣ панихидахъ о знаменитомъ покойникѣ.

Въ Петербургѣ парадная панихида, собравшая многочисленную публику, была отслужена въ церкви Пажескаго корпуса, гдѣ воспитывался Н. Н. Муравьевъ. На этой панихидѣ я, между прочимъ, встрѣтился съ моимъ давнимъ пріятелемъ по Варшавѣ, генер. штаба генералъ-маіоромъ М. Ѳ. Мирковичемъ, который представилъ мнѣ молодаго своего племянника (сынъ сестры), вольноопредѣляющагося л.-гв. Преображенскаго полка В. В. Муравьева, къ которому, по особому высочайшему соизволенію, переходили титулъ и фамилія покойнаго [1]). Я тогда-же передалъ Мирковичу, что, въ виду высказанныхъ мнѣ, лѣтомъ текущаго года, желаній амурцевъ о сооруженіи памятника графу Николаю Николаевичу, я намѣренъ немедленно заняться этимъ вопросомъ. Въ оживленной по этому случаю бесѣдѣ, высказана была Мирковичемъ мысль о томъ, что вполнѣ цѣлесообразно было-бы перевезти на Амуръ прахъ Муравьева и похоронить его на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ, который сдѣлается, такимъ образомъ, не только монументомъ, но и мавзолеемъ.

---

[1]) Графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій нынѣ служитъ капитаномъ генеральнаго штаба.

М. Ѳ. Мирковичъ взялъ на себя увѣдомить о моемъ намѣреніи графиню Муравьеву-Амурскую и просить ее сообщить—будетъ-ли она согласна на перевозку тѣла ея покойнаго мужа на Амуръ.

Графиня Муравьева, горячо благодаря за желаніе увѣковѣчить память ея мужа монументомъ, прибавляла, что съ удовольствіемъ согласится на перевозку тѣла Николая Николаевича на Амуръ, въ ожиданіи чего, временно похоронитъ его въ семейномъ склепѣ. Какъ пишетъ въ „Русской Старинѣ“ М. И. Венюковъ (ноябрь 1891 г., стр. 475), прахъ графа Николая Николаевича покоится на Монмартскомъ кладбищѣ, въ склепѣ фамиліи de-Richemond, изъ которой происходитъ до нынѣ здравствующая вдова покойнаго [1]).

Не предрѣшая еще вопроса о томъ, гдѣ поставить памятникъ и не говоря ни слова о перевозкѣ на Амуръ праха графа Николая Николаевича, я, письмомъ отъ 2-го декабря 1881 г. № 66, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьева исходатайствовать высочайшее соизволеніе объ открытіи добровольной подписки на сооруженіе памятника. Ходъ подписки долженъ былъ показать: осуществится-ли и въ какой формѣ сооруженіе памятника, и впереди было много времени для обсужденія подробностей. Въ письмѣ я писалъ

„Въ ночь съ 18-го на 19-е ноября, въ Парижѣ, скончался бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири генералъ-адъютантъ графъ Муравьевъ-Амурскій. Имя покойнаго связано съ однимъ изъ блестящихъ событій минувшаго царствованія и по волѣ въ Бозѣ почившаго императора Александра II, даровавшаго Муравьеву титулъ графа Амурскаго, навсегда будетъ свидѣтельствомъ его заслугъ по присоединеніи къ Россіи Приамурскаго края.

„Во всей Восточной Сибири, а особливо на Амурѣ, графъ Муравьевъ-Амурскій пользовался большими симпатіями общества, а въ Благовѣщенскѣ давно уже благодарными гражданами этого города приготовлено мѣсто, на которомъ поклонники покойнаго желали-бы видѣть воздвигнутый въ честь его памятникъ.

„Немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ графа Николая Николаевича, въ Восточной Сибири возникла мысль о собраніи, посредствомъ добровольной подписки, извѣстной суммы для сооруженія покойному памятника и учрежденія, если окажется возможнымъ, какого-либо благотворительнаго заведенія для увѣковѣченія его памяти въ краѣ, на пользу коего онъ столько потрудился.

---

[1]) М. И. Венюковъ ошибается, говоря, что фамилію семейства графини надо писать съ окончаніемъ на t, а не на d. По заявленію князя Волконскаго, знающаго это изъ самаго точнаго источника, графиня Муравьева-Амурская происходитъ изъ фамиліи de-Richemond. Д. А.

„Какъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, считая долгомъ быть вѣрнымъ истолкователемъ желаній населенія, ввѣреннаго мнѣ края, честь имѣю обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою повергнуть вышеизложенное на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе и исходатайствовать соизволеніе его величества на открытіе въ Восточной Сибири добровольной подписки съ вышеизложенною цѣлью, съ разрѣшеніемъ принимать подписку и отъ другихъ почитателей гр. Муравьева-Амурскаго, находящихся нынѣ въ другихъ частяхъ имперіи.

„Увѣренный, что в. с., какъ одинъ изъ сотрудниковъ покойнаго. сочувственно отнесетесь къ настоящему дѣлу, прошу принять“ и проч.

21-го декабря 1881 г. № 14,463, графъ Н. П. Игнатьевъ сообщилъ мнѣ, „что государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу, въ 17-й день декабря, высочайше соизволилъ разрѣшить сборъ въ Восточной Сибири и въ другихъ мѣстахъ имперіи добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе бывшему генералъ-губернатору Восточной Сибири графу Муравьеву-Амурскому въ г. Благовѣщенскѣ памятника и учрежденіе, если окажется возможнымъ, какого-либо благотворительнаго заведенія для увѣковѣченія его памяти въ краѣ, на пользу котораго онъ столько потрудился“.

Вслѣдъ за тѣмъ (19-го января 1882 г. № 6) министерство внутреннихъ дѣлъ разослало генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ циркуляръ о подпискѣ и направленіи жертвуемыхъ денегъ въ Иркутскъ на имя генералъ-губернатора въ главное управленіе Восточной Сибири.

Сборъ пожертвованій собственно въ Петербургѣ взялъ на себя товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь М. С. Волконскій, искренній почитатель графа Николая Николаевича, начавшій при немъ свою службу и побывавшій съ нимъ въ Якутскѣ и на Амурѣ и издавшій недавно превосходную біографію графа.

Къ концу 1882 года подписка достигла почти 40 т. рублей, а къ концу ноября 1883 г. равнялась 48,962 р. 11 к. По ходу подписки слѣдовало предполагать, что далѣе она не пойдетъ и что возрастаніе капитала будетъ происходить только отъ наростанія процентовъ. Такъ потомъ и оказалось въ дѣйствительности. Ко времени открытія памятника, въ маѣ 1891 г., вся подписная сумма, съ наросшими процентами, составляла 62 т. руб. Составъ этой суммы (48.962 р. 11 к.), соотвѣтствуя вышеописанному мною настроенію общества въ различныхъ частяхъ Восточной Сибири былъ таковъ:

Въ Амурской области собрано	28,532	р.	91	к.
» С.-Петербургѣ	6,280	»	65	»
» Иркутскѣ	5,170	»	15	»
» Забайкальской области	5,128	»	73	»
» Европейской Росссіи	1,593	»	99	»
» Иркутской губерніи	856	»	28	»
» Якутской области	580	»	78	»
» Приморской	529	»	58	»
» Енисейской губерніи	157	»	52	»
» Западной Сибири	131	»	52	»
Всего	48,962	р.	11	к.

Въ Иркутскѣ подписали: П. А. Сиверсъ—2,000 р., И. С. Хаминовъ и В. П. Сукачевъ по 1,000 р., прочія лица (по большей части чиновники и офицеры)—827 р. и, наконецъ, городская дума дала всего 343 р.

Поступленіе изъ Амурской области бо̀льшей половины всѣхъ пожертвованій еще болѣе убѣдило меня, что памятникъ графу Муравьеву-Амурскому слѣдуетъ поставить въ Благовѣщенскѣ. Поручивъ мѣстному губернатору обсудить это дѣло въ особомъ комитетѣ, я просилъ его представить свои соображенія о томъ, какъ лучше поступить съ собранными деньгами. Тотъ-же мѣстный комитетъ обязывался разузнать есть-ли на мѣстѣ каменный матеріалъ для пьедестала подъ статую, которую полагалось заказать въ Петербургѣ, и найдутся-ли въ области опытные камнегесы.

Первоначально было только намѣчено желаніе устроить пансіоны для казачьихъ дѣтей при благовѣщенскихъ гимназіяхъ (мужской и женской) и богадѣльню для престарѣлыхъ амурскихъ казаковъ, сподвижниковъ графа, а потомъ явилось предположеніе объ учрежденіи ремесленной школы. При этомъ въ Благовѣщенскѣ вообще склонялись къ тому, чтобы памятникъ поставить скромный, а большую часть капитала обратить на благотворительное дѣло. Камень, годный для пьедестала, могъ быть найденъ на Амурѣ, но камнетесовъ не оказывалось.

Идея употребленія большей части собранныхъ денегъ на благотворительныя цѣли была мнѣ весьма симпатична и я лично склонялся къ тому, чтобы на статую для памятника употребить всего 15 тысячъ руб., пьедесталъ сдѣлать на мѣстныя средства, а 25 тысячъ руб. обратить на благотворительное дѣло немедленно или впослѣдствіи, когда собранный капиталъ значительно увеличится процентами и обезпечитъ существованіе учрежденія болѣе серьезнаго, чѣмъ можно бы было основать на наличныя средства.

Въ этихъ видахъ я обратился къ содѣйствію князя М. С. Волконскаго, прося его, по соглашенію съ компетентными лицами, выяснить: можно-ли на 15 тысячъ руб. воздвигнуть монументъ. достойный памяти покойнаго графа? Въ письмѣ по этому дѣлу, отъ 31-го августа 1882 г., я разъяснялъ, что хотя желательно-бы поставить въ Благовѣщенскѣ, на память грядущимъ поколѣніямъ, изображеніе энергичной фигуры графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, но, при недостаточности наличныхъ средствъ, можно-бы ограничиться колонною или вообще чѣмъ-либо другимъ, требующимъ меньшихъ расходовъ. Въ этихъ-же видахъ сокращенія издержекъ указывалось мною на полную возможность устроить безплатную перевозку памятника по желѣзнымъ дорогамъ до Одессы, а далѣе до Владивостока на одномъ изъ судовъ Добровольнаго флота. Перевозка статуи въ предѣлахъ Сибири, къ мѣсту постановки, была-бы уже дѣломъ домашнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ разъяснить вопросъ о конкурсѣ.

Князь Михаилъ Сергѣевичъ съ полною охотою принялъ на себя всякаго рода хлопоты по дѣлу о постановкѣ памятника графу Муравьеву-Амурскому, и уже съ 1882 г. началъ хлопотливую и отвѣтственную дѣятельность, которая окончилась лишь въ январѣ 1891 г. отправкою на Амуръ совершенно готовой статуи графа.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, памятникъ Пушкина въ Москвѣ потребовалъ трехъ конкурсовъ, что обошлось въ 10,200 р.; отливка фигуры стоила 15,000 р., а пьедесталъ и постановка всего памятника обошлись въ 62,000. Всего было издержано 87,200 р.

Тотъ-же самый академикъ А. М. Опекушинъ, который исполнилъ статую Пушкина, соглашался изготовить и фигуру гр. Муравьева, вышиною въ 5 аршинъ, за 15,000 р.

Передавая мнѣ эти данныя, кн. М. С. Волконскій высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Памятникъ долженъ непремѣнно представлять выразительную фигуру гр. Н. Н. Муравьева. Онъ долженъ имѣть грандіозный характеръ и потому, если сумму, предполагаемую на учебныя заведенія, придется уменьшить на нѣсколько тысячъ, то лучше было-бы на этомъ не останавливаться, такъ какъ на учебныя заведенія найдутся деньги и впослѣдствіи, а памятникъ. разъ сдѣланный и не вполнѣ отвѣчающій мысли, служащей ему основаніемъ, навсегда такимъ и останется. Всѣ мои сибирскіе знакомые того мнѣнія, что было-бы лучше поставить памятникъ не въ Благовѣщенскѣ—мѣстности, которая прождетъ для своего развитія, быть можетъ, еще цѣлое столѣтіе, а въ Иркутскѣ, гдѣ задумывались широкіе планы графа Муравьева и откуда они приводились въ исполненіе“.

Мысли князя о постановкѣ Муравьеву памятника грандіознаго вполнѣ меня убѣдили, но насчетъ Благовѣщенска я остался при прежнемъ моемъ мнѣніи, еще болѣе укрѣпившемся вслѣдствіе крайне ничтожнаго участія иркутскаго общества въ подпискѣ. Во всякомъ случаѣ окончательное предрѣшеніе вопроса мнѣ показалось преждевременнымъ, такъ какъ возникло предположеніе объ образованіи новаго Приамурскаго генералъ-губернаторства и рѣшеніе подробностей, по праву, принадлежало новому начальнику края. Поэтому, когда въ половинѣ 1884 г. раздѣленіе Восточной Сибири состоялось, вся переписка по дѣлу о памятникѣ, вмѣстѣ съ собранными деньгами, передана была мною первому приамурскому генералъ-губернатору барону А. Н. Корфу.

Въ концѣ 1886 года собранный капиталъ возросъ до 51,895 р. и баронъ А. Н. Корфъ, прибывшій тогда въ Петербургъ, имѣлъ возможность приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса о возведеніи памятника. Многіе изъ бывшихъ сотрудниковъ графа Муравьева-Амурскаго, подчиненныхъ и почитателей его заслугъ, собравшись въ Петербургѣ, 3-го марта 1886 г., въ XXV годовщину такъ называемыхъ „амурскихъ обѣдовъ“, служившихъ тоже мѣстомъ для сбора пожертвованій, рѣшили избрать изъ своей среды комитетъ, на предметъ обсужденія подробностей исполненія задуманнаго дѣла сооруженія памятника, въ составѣ четырехъ лицъ: адмирала генералъ-адъютанта П. В. Казакевича, товарища министра народнаго просвѣщенія князя М. С. Волконскаго, тайнаго совѣтника М. Н. Галкина-Враскаго и отставнаго статскаго совѣтника Ѳ. А. Анненкова [1]).

При выборѣ комитета, князю Волконскому поручено было войти въ предварительное съ барономъ Корфомъ сношеніе и выяснить, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ о самомъ мѣстѣ постановки памятника, такъ какъ указанный для сего г. Благовѣщенскъ, по своему низменному положенію, затопляемый Амуромъ, и по пограничнымъ условіямъ мѣстности, представлялся менѣе отвѣчающимъ цѣли, чѣмъ, напримѣръ, городъ Хабаровка, какъ нынѣшній центръ управленія краемъ, лежащій при сліяніи Амура съ Уссури, или-же конечный пунктъ присоединеннаго края портовый городъ Владивостокъ.

На первомъ своемъ засѣданіи, 27-го октября 1886 г., комитетъ, по выслушаніи сообщенныхъ барономъ Корфомъ данныхъ и обсуж-

---

[1]) На засѣданіи 31-го марта 1887 г. комитетъ выбралъ своимъ предсѣдателемъ барона А. Н. Корфа, вице-предсѣдателемъ князя М. С. Волконскаго, и пригласилъ меня въ число своихъ членовъ. Д. А.

деніи ихъ въ связи съ приведенными выше соображеніями, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Поставить памятникъ надлежитъ въ Хабаровкѣ, въ городскомъ саду, на утесѣ, господствующемъ надъ мѣстностью и упирающимся въ р. Амуръ.

2) Мотивомъ для памятника избрать извѣстный портретъ въ иркутскомъ клубѣ, изображающій графа Муравьева-Амурскаго во весь ростъ [1]), въ мундирѣ, на палубѣ военнаго судна въ водахъ Амура.

3) Для составленія проекта назначить двѣ преміи: одну въ 1,200 р. и другую въ 800 р.

4) Независимо публикаціи, спеціально пригласить къ участію въ выработкѣ проектовъ извѣстныхъ художниковъ Антокольскаго, Микѣшина и Опекушина.

5) За покрытіемъ расходовъ по сооруженію памятника, на предвидимый въ соотвѣтственномъ размѣрѣ остатокъ, построить у памятника домъ, для помѣщенія двухъ—трехъ инвалидовъ изъ мѣстныхъ казаковъ, для окарауливанія памятника.

6) Обезпечить содержаніе этихъ инвалидовъ доходомъ съ капитала, который былъ-бы для сего удѣленъ.

7) Въ случаѣ остатка, за производствомъ всѣхъ указанныхъ расходовъ, обратить таковой на образованіе казачьихъ стипендій въ мѣстномъ начальномъ училищѣ.

8) Предварительно распоряженій по приведенію изложеннаго въ исполненіе, испросить, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшее соизволеніе на постановку памятника, взамѣнъ Благовѣщенска, въ Хабаровкѣ.

Вслѣдствіе доклада графа Д. А. Толстаго, государь императоръ, 27-го ноября 1886 г., высочайше соизволилъ на постановку памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому въ г. Хабаровкѣ, на утесѣ городскаго сада.

6-го декабря, комитетъ выработалъ слѣдующее объявленіе о конкурсѣ:

„Комитетъ по сооруженію памятника графу Муравьеву-Амурскому въ Хабаровкѣ (Приморской области) приглашаетъ гг. скульпторовъ принять участіе въ конкурсѣ, назначаемомъ съ этою цѣлью на слѣдующихъ основаніяхъ:

[1]) Портреты, принадлежащіе иркутскому собранію, изображаютъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, въ натуральную величину, но не во весь ростъ, а ниже колѣнъ. Д. А.

1) Срокъ представленія модели—31-го марта 1887 г. [1]).

2) Модели должны быть доставлены по адресу: князю М. С. Волконскому, Гагаринская набережная, собств. домъ, подъ извѣстными девизами и съ приложеніемъ запечатанныхъ конвертовъ, на которыхъ должны быть повторены тѣ-же девизы и гдѣ должны заключаться имена и адреса гг. исполнителей.

3) Модели требуются не менѣе 1 аршина вышиною.

4) За лучшія изъ нихъ будутъ выданы преміи: первая въ 1,000, вторая въ 600, а третья въ 400 р.

5) Модель, одобренная къ исполненію, становится собственностью комитета.

6) Памятникъ долженъ состоять изъ стоящей фигуры графа, въ генералъ-адъютантской формѣ, и напоминать собою дѣятельность графа въ Сибири, по званію генералъ-губернатора.

7) При исполненіи впослѣдствіи модели въ натуральную величину, статуя должна быть не менѣе 5 аршинъ вышиною и отлита изъ бронзы въ Петербургѣ, а пьедесталъ къ ней долженъ представлять искусственную скалу и быть пріобрѣтенъ въ Хабаровкѣ.

8) Стоимость исполненія модели въ натуральную величину, отливка ея изъ бронзы и постановка на мѣсто не должны превышать суммы въ 25,000 руб., расходы-же по доставкѣ статуи въ Хабаровку и по поѣздкѣ художника на мѣсто будутъ уплочены отдѣльно.

9) Для разсмотрѣнія имѣющихъ быть представленными моделей, для опредѣленія ихъ относительнаго достоинства и цѣлесообразности и присужденія премій, въ помощь комитету будутъ приглашены спеціалисты-художники по различнымъ отраслямъ искусства.

10) Памятникъ предполагается къ постановкѣ на скалѣ, возвышающейся надъ уровнемъ р. Амура на 15 саженъ, а надъ ближайшею мѣстностью на 1 сажень.

11) Описаніе мѣстности, портретъ [2]) и біографическія свѣдѣнія о графѣ можно получить отъ кн. М. С. Волконскаго.

Осмотръ и оцѣнка представленныхъ статуй были назначены на

---

[1]) По ходатайству нѣкоторыхъ изъ гг. художниковъ, срокъ представленія моделей отсроченъ былъ до 10-го апрѣля 1887 г., о чемъ и оповѣщено въ газетахъ 20-го марта.

[2]) За образецъ, какъ уже сказано выше, принятъ былъ портретъ графа, писанный Маковскимъ и находящійся въ Иркутскѣ въ общественномъ собраніи. Копія этого портрета, работа того-же художника, имѣлась въ С.-Петербургѣ у Н. П. Аносова. Фотографическая копія съ иркутскаго портрета была доставлена мною кн. М. С. Волконскому. Д. А.

11-е апрѣля и въ помощь комитета были приглашены: графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій, Я. П. Полонскій, Д. В. Григоровичъ. А. Н. Майковъ, А. И. Резановъ, И. Е. Рѣпинъ, Р. А. Гедике. М. В. Харламовъ, П. П. Чистяковъ и М. П. Боткинъ [1]).

Всѣ присланные проекты памятника были выставлены въ залѣ князя М. С. Волконскаго. Моделей было 18 и одинъ рисунокъ. Одна изъ моделей была прислана изъ Тамбова, а другая изъ Парижа отъ художника Тургенева, сына извѣстнаго Н. И. Тургенева. Нашелся и шутникъ, приславшій комично-безобразную копію съ памятника кн. Аргутинскому-Долгорукову въ Шурѣ.

Собравшись на засѣданіе 11-го апрѣля, всѣ присутствующіе признали необходимымъ выбрать предсѣдателя, причемъ единогласно предсѣдателемъ былъ избранъ кн. М. С. Волконскій.

Такъ какъ, на основаніи 6 п. объявленія, представленію на конкурсъ подлежали только модели памятника, то представленный на конкурсъ рисунокъ былъ отстраненъ отъ разсмотрѣнія.

Затѣмъ поставлены были слѣдующіе вопросы: 1) имѣетъ-ли комитетъ право измѣнять детали избранныхъ проектовъ? 2) свободенъ-ли комитетъ въ выборѣ заказа? и 3) что собственно подлежитъ оцѣнкѣ: исполненіе проекта или также и мысль, выраженная въ немъ, хотя-бы въ исполненіи ея и были замѣчены значительные недостатки.

По обсужденіи этихъ вопросовъ, собраніе пришло къ тому заключенію, что 1) комитету принадлежитъ полное право измѣнять, въ чемъ онъ признаетъ необходимымъ, премированный проектъ: 2) что комитетъ вполнѣ свободенъ какъ въ выборѣ заказа, который можетъ быть сдѣланъ и помимо премированныхъ проектовъ. какъ и въ выборѣ и лицъ, которымъ онъ можетъ быть данъ, и 3) что оцѣнкѣ можетъ подлежать и мысль, выраженная въ проектѣ, хотя-бы онъ и заключалъ въ себѣ нѣкоторые недостатки.

М. П. Боткинъ, по ознакомленіи, по фотографіи, съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ предположена постановка памятника, указалъ на то, что менѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе на пьедесталъ статуи, такъ какъ естественный пьедесталъ—скала уже есть. Но размѣръ статуи въ пять аршинъ вышины онъ признавалъ недостаточнымъ. По его мнѣнію, статуя должна быть не менѣе 8 аршинъ вышиною. Только при такомъ ея размѣрѣ, памятникъ будетъ хорошъ,

---

[1]) По болѣзни и отсутствію изъ Петербурга, изъ числа приглашенныхъ на засѣданіе 11-го апрѣля 1887 г. не были: А. И. Резановъ, Д. В. Григоровичъ и И. Е. Рѣпинъ. Д. А.

если смотрѣть на него съ рѣки Амура. Собраніе признало такое замѣчаніе М. П. Боткина вполнѣ правильнымъ и рѣшило принять его къ свѣдѣнію, поставивъ въ зависимость отъ имѣющихся въ распоряженіи комитета средствъ.

Оцѣнка и премированіе проектовъ произведены были двойнымъ голосованіемъ посредствомъ писанныхъ записокъ. Сперва были выбраны три лучшихъ проекта, достойные преміи преимущественно предъ другими, а потомъ между этими тремя проектами распредѣлены преміи.

Какъ оказалось потомъ, по распечатаніи конвертовъ, первая премія, 13-ю голосами, т. е. единогласно, присуждена академику А. М. Опекушину, вторая, 11-ю голосами, академику П. П. Забѣлло и третья досталась профессору скульптуры М. П. Попову.

Проектъ академика Опекушина, удостоенный первой преміи былъ весьма хорошъ. На высокомъ, отлично украшенномъ пьедесталѣ, поставлена въ горделивой, но вполнѣ естественной позѣ фигура графа Николая Николаевича. Непокрытая голова съ лицемъ, дышащимъ энергіею, и смѣлымъ взглядомъ, была повернута влѣво, руки скрещены на груди, причемъ въ правой была зрительная трубка а въ лѣвой—свитокъ съ картою или хартіею мирнаго договора; лѣвая нога выдвинута впередъ и опиралась на верхушку вбитой сваи въ ознаменованіе того, что графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ положено твердое основаніе устройству Амурскаго края. Сваю въ нѣсколько рядовъ обвивала цѣпь отъ лежащаго у ногъ статуи якоря. Согласно конкурсу, графъ былъ изображенъ въ генералъ-адъютантскомъ двубортномъ мундирѣ. Работа А. М. Опекушина въ художественномъ цѣломъ была олицетвореніемъ энергіи и силы и имѣла тѣ самыя качества, которыми долженъ былъ отличаться памятникъ, назначенный стоять на рубежѣ съ Китаемъ, на берегу возвращеннаго въ наше владѣніе Амура.

При подробномъ осмотрѣ выставленныхъ моделей, члены комитета и эксперты, вполнѣ одобряя проектъ академика Опекушина въ общемъ, высказывали, между прочимъ, что, при исполненіи проекта, слѣдовало-бы сдѣлать нѣкоторыя измѣненія какъ въ смыслѣ улучшенія тѣхъ или другихъ деталей, такъ и въ смыслѣ его удешевленія. Всѣ эти замѣчанія, принятыя потомъ комитетомъ, сводились къ слѣдующему: 1) пьедесталъ, по массѣ украшеній, представлялся слишкомъ дорогимъ и не могъ быть выполненъ на мѣстѣ за отсутствіемъ опытныхъ мастеровыхъ, а потому признавалось цѣлесообразнымъ взять изъ проекта А. М. Опекушина одну лишь статую, поставя ее на менѣе дорогой пьедесталъ изъ мѣстныхъ матеріаловъ; 2) нѣсколько болѣе повернуть голову влѣво, и 3) сложен-

ную вокругъ сваи цѣпь предположено спустить свободнымъ концемъ внизъ и соединить съ якоремъ, положеннымъ не у ногъ статуи, а у подножія всего монумента.

14-го февраля 1888 г. проектъ академика Опекушина представленъ былъ въ Аничковомъ дворцѣ, на обозрѣніе государя императора. Одобривъ проектъ, его величество благоволилъ указать только на необходимость замѣны мундира, въ которомъ былъ изображенъ графъ Муравьевъ, казачьимъ чекменемъ.

IV.

Высказавъ особую осторожность и осмотрительность при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ моделей, комитетъ, съ такою-же внимательностью, приступилъ и къ исполненію премированнаго проекта.

Послѣ многихъ переговоровъ князя М. С. Волконскаго съ нѣкоторыми скульпторами и литейщиками,—переговоровъ, показавшихъ комитету сколько еще предстоитъ ему преодолѣть различныхъ трудностей и хлопотъ, комитетъ убѣдился, что желательно исполненіе проекта во всемъ его объемѣ, т. е. по лѣпкѣ, отливкѣ и установкѣ статуи на мѣстѣ поручить одному и тому-же контрагенту и пріятно контрагентомъ этимъ имѣть самого автора проекта. Отъ него можно было ожидать и большей любви къ дѣлу и лучшаго успѣха при исправленіи деталей для совершеннѣйшаго выраженія основной мысли. Привлеченіе къ работѣ самого автора устраняло, наконецъ, возможность допущенія такихъ погрѣшностей исполненія, которыя потомъ могли-бы быть отнесены къ недостаткамъ, присущимъ самому проекту.

Польщенный непосредственнымъ къ нему обращеніемъ, А. М. Опекушинъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ комитета и сдѣлалъ многія уступки исключительно потому, что желалъ не выпустить изъ своихъ рукъ выполненія дорогаго ему дѣла.

При такихъ обстоятельствахъ соглашеніе скоро состоялось и 27-го апрѣля 1887 г. академикъ Опекушинъ обязался: 1) вылѣпить сформировку изъ гипса и вылить изъ бронзы статую, въ 7 аршинъ вышиною, за 22,000 руб., считая въ томъ числѣ расходы на вознагражденіе и поѣздку мастера, который долженъ быть посланъ контрагентомъ на мѣсто для сборки и постановки фигуры, и 2) статую сдать въ окончательномъ видѣ и упакованною для отправки, не позже 1-го января 1889 года.

Условія эти, однако, не были выполнены къ опредѣленному

сроку. Для лѣпки статуи такихъ громадныхъ размѣровъ, академику Опекушину пришлось строить новую каменную мастерскую; на первую зиму она была сыра, художникъ простудился и болѣлъ довольно продолжительное время. Затѣмъ явились другія непредвидѣнныя затрудненія и только лѣтомъ 1890 г. статуя была передана въ отливку бронзо-художественной и чугунно-литейной мастерской В. З. Гаврилова (Болотная ул., № 13). Здѣсь тоже произошла случайная задержка.

Статуя отливалась по частямъ; отдѣльно въ отливку шли: голова, корпусъ, ноги и подставка, не говоря о мелкихъ частяхъ: руки, эполеты, шашка и проч. Когда подставка и обѣ ноги были уже готовы, приступили къ отливкѣ громадной средней части фигуры. Расплавленный металлъ съ такою силою устремился въ форму, что пробилъ опоку и фонтаномъ брызнулъ внаружу. Эта неудача могла имѣть самыя печальныя послѣдствія, но, къ счастью, никто изъ присутствовавшихъ не пострадалъ и все окончилось еще бо̀льшимъ промедленіемъ.

20-го ноября 1890 г. комитетъ, въ составѣ оберъ-гофмейстера кн. Волконскаго и сенатора Анучина и экспертовъ академиковъ М. П. Боткина и Н. А. Кошелева, осмотрѣлъ уже совершенно готовую статую на заводѣ г. Гаврилова. При осмотрѣ присутствовали также: академикъ Опекушинъ, графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій и генеральнаго штаба полковникъ Волошиновъ, принявшій на себя заботы по спѣшной доставкѣ статуи отъ Владивостока до Хабаровки. По тщательномъ осмотрѣ статуи, эксперты и и всѣ присутствовавшія лица нашли, что работа выполнена какъ скульпторомъ, такъ и литейщикомъ вполнѣ художественно и согласно заключенному съ г. Опекушинымъ контракту.

Вышеизложенныя задержки, въ свое время, были крайне непріятны для комитета, но въ концѣ концовъ, благодаря именно тому, что изготовленіе статуи опоздало почти на два года, представилась возможность памятникъ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому открыть въ Хабаровкѣ 30-го мая 1891 года, во время достопамятнаго для Сибири пребыванія въ этомъ краѣ его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича Николая Александровича.

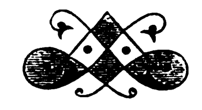
Обстоятельство это, весьма счастливое для дѣла, заставило, однако, совершенно измѣнить порядокъ отправки статуи графа Муравьева въ Хабаровку. Чтобы успѣть все приготовить къ заранѣе точно опредѣленному сроку открытія, статуя должна была находиться на мѣстѣ не позже средины мая, а какъ въ это время

устья Амура еще покрыты льдомъ, то статую приходилось изъ Владивостока до Хабаровки везти гужемъ. Для этого требовалось раздѣлить ее на возможно большее число частей, чтобы облегчить перевозку на лошадяхъ. Все это было весьма успѣшно сдѣлано литейщикомъ г. Гавриловымъ, причемъ расклепка статуи стоила 600 рублей.

Для ознакомленія жителей Петербурга съ новымъ произведеніемъ академика Опекушина и для доставленія возможности интересующимся ходомъ у насъ скульптуры и литейнаго дѣла — видѣть только-что оконченную статую графа Муравьева, она съ 11-го по 16-е января 1891 г. была выставлена въ Михайловскомъ манежѣ и, наконецъ, уложенная въ четыре ящика, 20-го января отправлена, черезъ Москву и Одессу, во Владивостокъ. Благодаря любезному содѣйствію управляющаго морскимъ министерствомъ вице-адмирала Н. М. Чихачева (сотрудникъ графа Н. Н.) и директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ С. Ю. Витте, статуя безплатно перевезена по желѣзнымъ дорогамъ до Одессы и далѣе, на пароходѣ Добровольнаго флота „Орелъ“, во Владивостокъ.

Отправя статую по назначенію, комитетъ не счелъ своей работы оконченною. Находя, что въ воспоминаніе государственныхъ заслугъ графа Муравьева-Амурскаго было-бы необходимо присутствіе при открытіи монумента одного изъ ближайшихъ потомковъ покойнаго. подобно тому, какъ это было при открытіи памятниковъ князю варшавскому, графу Тотлебену, Пушкину и др., кн. М. С. Волконскій, отъ имени комитета, обратился къ военному министру съ ходатайствомъ о командированіи въ Хабаровку племянника покойнаго генеральнаго штаба капитана графа В. В. Муравьева-Амурскаго.

Ходатайство это было уважено генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ, и наслѣдникъ титула и единственный представитель покойнаго графа имѣлъ возможность присутствовать въ Хабаровкѣ при торжествѣ открытія памятника его знаменитому дядѣ.



V.

Въ то время, когда въ Петербургѣ изготовлялась статуя, въ Хабаровкѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора барона А. Н. Корфа, шли работы по возведенію пьедестала памятника [1]).

Отказавшись отъ дорого стоющаго пьедестала, проектированнаго А. М. Опекушинымъ, предположено было фигуру памятника основать на каменномъ столбѣ, вокругъ котораго должна быть присыпана земля, образуя четырехгранную усѣченную пирамиду, имѣющую 4 сажени въ основаніи при 4 саженяхъ-же высоты, съ тремя гранитными ступенями подъ статуею.

Оказалось, однако, что вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій Хабаровки (сильные дожди и морозы) земля не можетъ держать крутыхъ уклоновъ, а такъ какъ было мало надежды добыть на мѣстѣ хорошій тесовый камень, то въ мартѣ 1888 года, при участіи академика Опекушина, петербургскій комитетъ остановился на мысли вести кладку пьедестала изъ грубо околотаго бутоваго камня на цементѣ. Стоимость такого пьедестала опредѣлялась въ 18,000 р., а земляной стоилъ-бы не менѣе 11,000 даже при даровой земляной работѣ и даровой доставкѣ гранита для подножія статуи.

Во всякомъ случаѣ рѣшено было употребить на мѣстѣ всѣ усилія къ тому, чтобы раздобыться годнымъ для постройки камнемъ и, въ благопріятномъ случаѣ, возвести пьедесталъ съ облицевкою чисто-тесанымъ камнемъ.

Въ 1889 г., осенью, было найдено мѣсто рожденія свѣтло-сѣраго сіенита, который могъ добываться изъ скалы въ кускахъ желаемыхъ размѣровъ. Работы по добычѣ камня были крайне тяжелы; приходилось на людяхъ спускать его съ высокой и крутой горы въ долину, работая въ почти необитаемой мѣстности. Эта находка рѣшила вопросъ въ пользу постройки пьедестала съ каменною облицевкою.

Рабочими и мастеровыми при возведеніи пьедестала памятника были преимущественно китайцы; русскіе плотники работали при

---

[1]) Подробности о сооруженіи пьедестала, наружномъ его видѣ, надписяхъ на немъ и исчисленіе всѣхъ издержекъ, произведенныхъ изъ собранныхъ суммъ, взяты изъ изданной въ Хабаровкѣ брошюры: „Памятникъ графу Муравьеву-Амурскому въ Хабаровкѣ“.

устройствѣ лѣсовъ, а ссыльно-каторжные—по нагрузкѣ на баржи и выгрузкѣ бутоваго камня и на земляной работѣ.

До постройки памятника, въ Хабаровкѣ не было вовсе камнетесныхъ работъ и не имѣлось камнетесовъ, которыхъ пришлось нанимать во Владивостокѣ. Никто изъ этихъ рабочихъ никогда не исполнялъ подобныхъ чистыхъ работъ и большинство ихъ не отличалось даже и хорошимъ знаніемъ обыкновенной каменной работы. Но при извѣстной точности и исполнительности въ работѣ, китайцы постепенно пріобрѣтали навыкъ и осваивались съ предъявляемыми имъ требованіями.

27-го октября 1888 г. состоялась торжественная закладка памятника, въ присутствіи генералъ-губернатора, съ участіемъ войскъ, представителей всѣхъ находившихся въ Хабаровкѣ военныхъ и гражданскихъ учрежденій, учебныхъ заведеній и большей части городскаго населенія.

Обрывистый берегъ Амура, на которомъ поставленъ памятникъ, возвышается надъ среднимъ уровнемъ рѣки почти на 15 саженъ.

Пьедесталъ [1]) начинается землянымъ курганомъ 4-хъ-аршинной высоты. Посрединѣ кургана квадратная, по 4 сажени въ сторонѣ и 12 вершк. толщиною, площадка, въ видѣ ступени, служитъ основаніемъ цоколя, сложеннаго изъ сѣро-синеватаго песчаника и имѣющаго двѣ сажени въ сторонѣ. Высота цоколя съ нижнею ступенью и карнизомъ —2 арш. 6 верш.

Сверху цокольнаго карниза 4-хъ вершковой толщины ступень образуетъ уступъ, на которомъ четырехъ-гранная призматическая часть пьедестала, имѣющая въ основаніи 5 аршинъ въ квадратѣ и $1^1/_2$ арш. высоты; она возведена изъ свѣтло-сѣраго сіенита.

Далѣе кверху пьедесталъ постепенно переходитъ въ четырехстороннюю усѣченную пирамиду $3\ ^3/_4$ аршина высотой, по $3^3/_4$ арш. въ сторонѣ основанія и по $2^3/_4$ арш. въ вершинѣ. Наконецъ, пирамидальная часть переходитъ снова въ призматическую, которая заканчивается вѣнчающимъ пьедесталъ карнизомъ и 11-ти-вершковой толщины ступенью, на которой установлена статуя.

По четыремъ угламъ земляного кургана, у подножія каменнаго пьедестала, поставлены четыре пушки.

---

[1]) Пьедесталъ и инвалидный домикъ возведены, въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніи, подъ наблюденіемъ начальника Амурской инженерной дистанціи, инженеръ-подполковника Александрова. Сборка статуи на пьедесталѣ исполнена присланнымъ изъ Петербурга, съ завода г. Гаврилова, мастеромъ Рейконенъ.

Цѣпь, сложенная у ногъ фигуры, свободнымъ концомъ свѣшивается съ верхней части пьедестала и, какъ видно по снятой въ Хабаровкѣ фотографіи, не соединяется съ якоремъ, какъ это предполагалось.

Пьедесталъ съ землянымъ подножіемъ имѣетъ 5 саженъ и 1 арш. высоты, а фигура—7 аршинъ. Весь памятникъ имѣетъ 7 саженъ и 2 арш. высоты.

На передней сторонѣ (обращенной на югъ) пирамидной части пьедестала укрѣплены три бронзовыя доски, съ надписью:

Графу
Муравьеву-Амурскому
1891.

На такихъ-же доскахъ, утвержденныхъ по четыремъ сторонамъ цоколя, написано:

1) Съ южной стороны.

Участвовали въ первыхъ двухъ экспедиціяхъ на Амуръ въ 1854 и 1855 гг.:

генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ
генералъ-губернаторъ,

полковникъ М. С. Корсаковъ, капитанъ 2-го ранга П. В. Казакевичъ, колл. асс. Н. Д. Свербеевъ, А. И. Бибиковъ; полевые инженеры: капитанъ К. О. Мравинскій, штабсъ-капитанъ О. Ѳ. Рейнъ, лейтенанты: Я. Н. Купреяновъ, А. С. Сгибневъ; есаулъ Г. Д. Скобельцинъ, горный инженеръ Н. П. Аносовъ, поручикъ артиллеріи К. Н. Бакшеевъ, подпоручикъ Н. А. фонъ-Гленъ, докторъ Н. А. Касаткинъ, полковникъ А. А. Назимовъ, подполковникъ А. М. Ушаковъ, капитанъ-лейтенантъ князь А. В. Оболенскій, подполковникъ А. Н. Сеславинъ, маіоръ князь А. Н. Енгалычевъ, титул. совѣтникъ князь М. С. Волконскій, докторъ медицины Вейрихъ, лейтенантъ А. М. Линденъ, полевой инженеръ поручикъ П. П. Егоровъ и другіе. Участники ученыхъ экспедицій: Л. И. фонъ-Шренкъ, К. И. Максимовичъ, Р. К. Маакъ, Герстфельдтъ, поручикъ корп. меж. инж. Рожковъ, прапорщикъ корп. топогр. Зондгагенъ, чиновникъ Кочетовъ.

Супруга генералъ-губернатора Екатерина Николаевна Муравьева.

Амурскаго, Забайкальскаго и Уссурійскаго. Тутъ-же находился старикъ якутъ, служившій покойному графу проводникомъ; на немъ былъ жалованный кафтанъ и медаль на Андреевской лентѣ. Среди депутатовъ особенно выдѣлялся подполковникъ Скобельцынъ, 75-ти лѣтній старикъ, знаменитый своими рекогносцировками на Амурѣ до начала походовъ, и своимъ участіемъ въ дѣлѣ при Де-Кастри, когда онъ явился съ сотнею во-время, чтобы отбить дессантъ союзниковъ. На немъ былъ мундиръ амурскаго войска временъ графа Муравьева.

Съ другой стороны памятника размѣстились мѣстныя учебныя заведенія, въ томъ числѣ новосозданная военная школа и чиновничество.

Хабаровскій баталіонъ сталъ отъ бульвара фронтомъ къ памятнику, а флангомъ къ Амуру. Роты стали развернутыя по порядку нумеровъ. Горная батарея расположилась въ боевомъ порядкѣ, т. е. съ орудіями, снятыми съ передковъ, позади палатки.

На лѣстницѣ, ведущей къ площадкѣ на верху холма, гдѣ поставленъ памятникъ, стали парными часовыми два станичные атамана амурскаго казачьяго войска со своими булавами въ рукахъ.

На самой площадкѣ, близь памятника, два часовые отъ мѣстнаго баталіона.

Ровно въ 10 ч. изволилъ прибыть къ мѣсту церемоніи Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, встрѣченный громкимъ „ура“ войскъ и народа.

Его Высочество прослѣдовалъ прямо въ палатку, гдѣ тотчасъ и началось молебствіе. Его совершалъ ветеранъ амурскихъ походовъ, нынѣ благовѣщенскій соборный протоіерей, отецъ Александръ Сизыхъ, сказавшій прекрасную прочувствованную рѣчь на тему знаменитыхъ словъ митрополита Иннокентія: „ . . . если-бы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша православная церковь“,—сказанныхъ графу по возвращеніи въ Иркутскъ въ 1858 году, по присоединеніи Амура къ Россіи. Затѣмъ, послѣ провозглашенія многолѣтія царствующему дому и вѣчной памяти графу Николаю Николаевичу, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ предшествіи духовенства, поднялся на верхнюю площадку около памятника и обошелъ его кругомъ. Отецъ Александръ Сизыхъ окропилъ памятникъ святою водою.

Въ это самое время войска взяли на караулъ, артиллерія произвела установленный салютъ, а музыка, вмѣсто обычнаго въ этихъ

случаяхъ встрѣчнаго марша, заиграла, такъ называемый, Амурскій маршъ, т. е. кавалерійскій генералъ-маршъ, которымъ всегда начинался день на Амурѣ при графѣ Муравьевѣ. Баронъ Корфъ и я, бывшіе позади Его Высочества, поспѣшили объяснить причину этой своеобразной почести, отданной молодыми Амурскими войсками, своему первому вождю.

Обойдя вокругъ памятника, Его Высочество положилъ къ его подножію вѣнокъ изъ ландышей. Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Отъ памятника Его Высочество изволилъ пѣшкомъ пройти къ инвалидному дому, построенному на часть собраннаго капитала и гдѣ помѣщаются ветераны, которымъ ввѣрено наблюденіе за памятникомъ.

Въ числѣ вѣнковъ, положенныхъ къ подножію статуи, находился и присланный отъ Л.-гв. Финляндскаго полка серебряный вѣнокъ съ слѣдующею надписью: „Отъ общества офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка памяти графа Муравьева-Амурскаго, доблестно начавшаго службу въ рядахъ Финляндскаго полка, С.-Петербургъ, 1891 г.“. Вѣнокъ этотъ, по порученію командира Финляндскаго полка, былъ мною привезенъ въ городъ Хабаровку“.

По открытіи памятника, приамурскій генералъ-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ и предсѣдатель петербургскаго комитета князь М. С. Волконскій, столь много потрудившіеся при исполненіи этого дѣла, обмѣнялись между собою слѣдующими телеграммами:

1) Князю Волконскому, изъ Хабаровки, 31-го мая 1891 г.

„Вчера, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, достойно почтена память графа Муравьева-Амурскаго освященіемъ воздвигнутаго ему памятника. Фигура, пьедесталъ и мѣсто постановки памятника чрезвычайно удачны. Не откажите сообщить членамъ комитета. Баронъ Корфъ“.

2) Барону Корфу изъ С.-Петербурга, 1-го іюня 1891 г.

„Комитетъ по устройству памятника графу Муравьеву Амурскому и всѣ сочувствующіе этому дѣлу, имѣющему историческое значеніе, просятъ ваше высокопр—во повергнуть предъ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ ихъ глубочайшую и горячую признательность за милостивое присутствіе при освященіи и молятъ Бога о благополучномъ его прослѣдованіи по пути, Муравьевымъ проложенному. Князь Волконскій“.

Дм. Г. Анучинъ.

Графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому
въ Хабаровкѣ
1891.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ И БОЛГАРСКІЕ ПАТРІОТЫ

въ 1877 году.

Въ декабрьской книгѣ журнала „Русскій Вѣстникъ" за 1890 годъ напечатана статья подъ названіемъ „Записка князя В. А. Черкаскаго о Болгаріи". Въ этой статьѣ авторъ, говоря о болгарскихъ патріотахъ, неблагопріятно относящихся къ памяти князя Черкаскаго и печатающихъ по его адресу статьи, упоминаетъ и обо мнѣ, утверждая, будто я писалъ заявленія такого-же (т. е. обличительнаго) характера, по поводу отказа князя принять болгарскую депутацію и содѣйствовать распространенію воззванія болгарскаго настоятельства въ Одессѣ къ болгарскому народу. Дальнѣйшія слова помянутой статьи какъ бы набрасываютъ на меня тѣнь, будто и я принадлежалъ къ числу тѣхъ болгаръ, которые желали „за спиною у русской арміи вести свою политику". Наконецъ, въ той-же статьѣ говорится: „не касаясь вопроса какъ слѣдовало отнестись къ вышеуказанному воззванію болгарскаго настоятельства, я позволяю себѣ лишь обратить вниманіе, что, по свидѣтельству ближайшаго сотрудника князя, генерала Д. Г. Анучина, болгаре уже тогда проявляли рѣшительныя стремленія къ политическимъ затѣямъ и желали играть въ политику. Извѣстно, говорится еще далѣе, — что въ нашей главной квартирѣ, вслѣдъ за объявленіемъ войны, появилась масса болгарскихъ патріотовъ самыхъ различныхъ направленій, которые высказывали странную претензію, опираясь на русскіе штыки, вести свою политику, рекламируя себя прокламаціями болгарскому народу".

Всякій читатель, не знающій ни меня, ни моей дѣятельности и не читавшій упомянутаго воззванія, можетъ, опасаюсь, подумать, что все, что въ вышесказанныхъ словахъ названной статьи говорится о болгарскихъ политиканахъ, относится и ко мнѣ.

Въ виду этого считаю необходимымъ на страницахъ уважаемой „Русской Старины“, давшей столь много матеріаловъ, между прочимъ къ исторіи событій 1877—1878 гг., не входя въ полемику. отмѣтить тѣ ошибочныя заявленія статьи „Русскаго Вѣстника“, которыя касаются собственно меня и Одесскаго болгарскаго настоятельства, котораго я состою членомъ [1]).

Прежде всего, ошибочно заявленіе автора статьи о какой-то предполагавшейся мною болгарской депутаціи. Утверждаю, что никакой депутаціи я не проектировалъ. Видѣлся я съ княземъ Черкаскимъ только два раза, въ Кишиневѣ, 5-го и 6-го мая 1877 г., когда наши войска только что перешли границу, и вотъ по какому поводу. Желая оказать посильную помощь князю Черкаскому, Одесское Болгарское Настоятельство препроводило къ нему, составленную по моей инициативѣ и по моимъ указаніямъ, записку о тѣхъ административныхъ и финансовыхъ порядкахъ, съ которыми долженъ былъ встрѣтиться князь Черкаскій по занятіи Болгаріи русскими войсками и знакомство съ которыми, конечно, необходимо было устроителю гражданской части въ этой странѣ.

Получивъ по телеграфу благодарность князя за сообщеніе этой записки (на которую есть ссылки въ изданныхъ, по порученію князя, матеріалахъ для изученія Болгаріи), я былъ имъ вызванъ въ Кишиневъ для личныхъ объясненій. Здѣсь я сообщилъ князю Черкаскому о проектѣ воззванія Одесскаго болгарскаго настоятельства. одобренномъ преосвященнымъ Наѳанаиломъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ случаѣ, по должности викарія херсонской епархіи, въ качествѣ заступающаго мѣсто попечителя названнаго общества, каковымъ тогда состоялъ присутствовавшій въ то время въ св. синодѣ Платонъ, архіепископъ херсонскій и одесскій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій и галицкій. Уже это обстоятельство, уже это одобреніе воззванія такимъ лицомъ должно-бы, казалось, предупредить всякое подозрѣніе въ томъ, будто-бы между воззваніемъ настоятельства и тѣми прокламаціями, при посредствѣ которыхъ

---

[1]) Не могу, однако, мимоходомъ не замѣтить, что данныя, сообщенныя въ статьѣ „Русск. Вѣстн.“ объ И. С. Ивановѣ, рѣшительно не вяжутся съ тѣми свѣдѣніями, которыя я имѣю объ общихъ воззрѣніяхъ и дѣятельности этого близко и издавна мнѣ знакомаго болгарскаго патріота.

Н. П.

нѣкоторые болгаре высказывали странную претензію, „опираясь на русскіе штыки, вести свою политику, рекламируя себя болгарскому народу“, есть что-либо общее. Еще болѣе въ этомъ убѣждаетъ самый текстъ и характеръ этого воззванія. Не касаясь вопроса, скажу, подобно автору статьи „Р. В.“, и я, какъ слѣдовало отнестись къ воззванію Болгарскаго Настоятельства; въ одномъ только могу завѣрить, именно въ томъ, что упомянутымъ воззваніемъ ни я, ни тѣмъ болѣе Одесское Болгарское Настоятельство, съ одобренія его преосвященства г. попечителя, и не помышляли о какой-либо политикѣ и рекламѣ; напротивъ, воззваніемъ этимъ именно и имѣлось, между прочимъ, въ виду парализовать рекламы такъ называемой „болгарской омладины“, дабы она не мѣшала русскимъ совершить свое святое дѣло [1]). Можно, пожалуй, смотрѣть на дѣло такъ, что болгаре, оглушенные громомъ орудій и ослѣпленные 250.000 штыковъ, ничего затѣмъ уже не могли и не должны были ни видѣть, ни слышать. Но едва-ли воззваніе учрежденія, къ имени котораго достаточно привыкло болгарское ухо съ половины XIX-го вѣка, воззваніе, проникнутое чувствами безпредѣльной благодарности къ Царю-Освободителю и надежды на спасительные для болгаръ подвиги его вѣрныхъ и храбрыхъ воиновъ,—едва-ли такое воззваніе, наполненное данными на понятномъ болгарамъ языкѣ совѣтами о томъ, какъ они должны помогать своимъ избавителямъ и облегчать ихъ тяжелый подвигъ,—едва-ли, повторяю, такое воззваніе можно ставить на одну доску съ прокламаціями и рекламами Стамбулова и комп., проектировавшими какое-то особое временное болгарское правительство. Какъ-бы, однако. ни было состоявшимся по вышесказанному поводу свиданіемъ моимъ съ княземъ Черкаскимъ личное соприкосновеніе мое съ нимъ и ограничивается. Пробывъ тогда два дня въ Кишиневѣ. я возвратился къ мѣсту моей службы въ Одессу; въ Болгарію не ѣздилъ и никакою политикою не занимался.

Еще одна поправка. Вопреки утвержденію составителя той-же статьи въ „Р. Вѣстн.“, скажу, что до сихъ поръ я отнюдь не печаталъ заявленій обличительнаго противъ князя Черкаскаго характера, а попытался засвидѣтельствовать истину объ одномъ эпизодѣ моей бесѣды съ княземъ,—эпизодѣ, о которомъ возникли пререканія въ печати. Желающимъ убѣдиться въ этомъ рекомендую

[1]) Смотр. мою замѣтку въ „Русской Старинѣ“, изд. 1888 г., книга декабрь, стр. 763—765. Н. П.

прочитать вышеуказанную мою въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г. замѣтку, при которой, кстати скажу, напечатанъ переводъ не разъ упомянутаго воззванія Одесскаго Болгарскаго Настоятельства.

Н. Х. Палаузовъ.

Одесса.
21-го декабря 1891 г.

Примѣчаніе отъ редакціи. Печатая настоящую замѣтку Н. Х. Палаузова, согласно желанію этого заслуженнаго и вполнѣ уважаемаго болгарскаго дѣятеля, считаемъ не лишнимъ прибавить, во избѣжаніе дальнѣйшей полемики, что г. Палаузовъ въ своемъ заявленіи, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ за 1888 г. (декабрьская книга), подтвердилъ разсказъ о неделикатномъ отвѣтѣ кн. Черкаскаго въ Кишиневѣ (5-го мая 1877 г.) на предложеніе о распространеніи воззванія болгарскаго настоятельства. Въ виду такого заявленія, авторъ статьи „Русск. Вѣстника“ имѣлъ нѣкоторый поводъ отнести послѣднее къ неблагопріятнымъ или, какъ онъ выразился, обличительнымъ отзывамъ о кн. Черкаскомъ.

При этомъ необходимо замѣтить, что въ статьѣ „Русскаго Вѣстника“, въ числѣ болгаръ, желавшихъ за спиною русской арміи вести свою политику, Н. Х. Палаузовъ вовсе не указанъ, и никакого порицанія составленнаго болгарскимъ настоятельствомъ въ Одессѣ воззванія — не содержится.

Ред.

Пальникъ, прапоры, ружья, сошка и холодное оружіе 1647 г. Проф. Ѳ. Н. Солнцева.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

въ перепискѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ

въ 1834—1835 гг.

Знакомые съ личностью И. И. Срезневскаго, знакомые съ его несочувственными взглядами, какъ на самого Гоголя, такъ и на его литературную дѣятельность, вѣроятно, удивятся, прочитавъ печатаемыя здѣсь ихъ дружескія, радушныя письма [1]). Объясненіе такой близости Срезневскаго и Гоголя заключается въ овладѣвшемъ тогда ими обоими увлеченіи Украйною, стремленіи изучить ея старину, ея бытовыя особенности, желаніи собрать и записать пѣсни и думы ея бандуристовъ.

Въ 1834 году, когда началась переписка Гоголя съ Срезневскимъ—Гоголь, возбужденный своими литературными успѣхами, увлеченный занятіями по исторіи, подстрекаемый друзьями и пріятелями, рѣшился ознакомить публику съ планомъ своего труда по исторіи Малороссіи. Сознавая невозможность собрать весь необходимый ему матеріалъ и совладалъ съ нимъ безъ посторонней помощи, онъ напечаталъ въ нѣсколькихъ журналахъ извѣстное объявленіе „объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ". Это объявленіе заканчивалось такими словами: „...обра-

[1]) Подлинныя письма И. И. Срезневскаго къ Гоголю, къ сожалѣнію, не найдены; одно печатаемое здѣсь случайно уцѣлѣло въ черновикѣ среди его бумагъ. Письма Н. В. Гоголя къ И. И. Срезневскому, надо думать, сохранились всѣ, такъ какъ вообще всѣ письма, которыя получалъ И. И. Срезневскій, имъ тщательно сберегались и до сихъ поръ хранятся въ его архивѣ.

Вс. С.

щаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе-бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги... прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ". Этихъ словъ было довольно для Срезневскаго. Живой, энергичный, увлекающійся всѣмъ, что касается науки, любящій какъ родину Украйну, гдѣ онъ прожилъ почти безвыѣздно съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ спѣшитъ откликнуться на вызовъ Гоголя, спѣшитъ хотя письменно познакомиться съ человѣкомъ однихъ съ нимъ взглядовъ, одинаково любящаго и стремящагося изучить Малороссію; онъ пишетъ Гоголю письмо, въ которомъ предлагаетъ помощь своими трудами, предоставляетъ на пользованіе источники, находящіеся подъ его руками и т. д. и т. д. Гоголь былъ обрадованъ этимъ предложеніемъ. Эта радость вполнѣ понятна: въ лицѣ И. И. Срезневскаго онъ пріобрѣталъ хорошаго, богатаго познаніями помощника. И. И. Срезневскій въ это время уже получилъ извѣстность въ Харьковѣ; его сборникъ „Запорожская Старина", полный массы новаго, неизвѣстнаго дотолѣ матеріала по исторіи и литературѣ Украйны [1]), обратилъ на него общее вниманіе. Сборникъ этотъ увлекъ и Гоголя, и его первое письмо къ Срезневскому все написано подъ вліяніемъ предисловія къ „Запорожской Старинѣ", существенно измѣнившаго его прежніе взгляды на изученіе исторіи Украйны. Такъ началось знакомство Гоголя съ Срезневскимъ [2]).

Черезъ годъ въ жизни Гоголя произошла перемѣна, нѣкоторымъ образомъ повліявшая на измѣненіе его отношеній къ Срезневскому. Это было оставленіе Гоголемъ университета, оставленіе непріятное, даже нѣсколько вообще неловкое [3]). Онъ „расплевался съ университетомъ", по его словамъ, и уѣхалъ въ Малороссію [4]). Письмо его къ Срезневскому, написанное во время этой поѣздки, уже не похоже на его прежнія два письма; Гоголь видимо охладѣлъ къ занятіямъ исторіею и пересталъ ими интересоваться; этимъ письмомъ оканчивается переписка его съ Срезневскимъ.

Знакомство ихъ возобновилось только черезъ четыре года. Они встрѣтились въ сентябрѣ 1839 года въ Москвѣ у М. П. Погодина,

---

[1]) Изданіе ея началось съ 1833 г.

[2]) См. „Запорож. Стар." I, стр. 6, 7, особ. 8, 9.

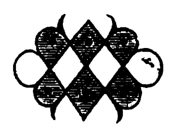
[3]) Воспоминанія о Грановскомъ, В. В. Григорьева (Рус. Бес. 1856 г.); Дневн. А. В. Никитенко („Рус. Стар." изд. 1889 г.).

[4]) См. Н. В. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина". IV, 275.

незадолго предъ тѣмъ вернувшагося, вмѣстѣ съ Гоголемъ, изъ-за границы. Изм. Ив. Срезневскій былъ въ это время въ Москвѣ на пути въ славянскія земли, куда, въ числѣ знаменитыхъ четырехъ избранниковъ [1]), онъ былъ командированъ для изученія славянскихъ нарѣчій и усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ. Это былъ уже человѣкъ выдвинувшійся изъ общей среды, уже извѣстный своими учеными трудами по статистикѣ, своими работами по изслѣдованію нарѣчій славянскихъ, исторіи и народной словесности Украйны. Ученый міръ Москвы заинтересовался молодымъ путешественникомъ и принялъ его съ большимъ радушіемъ. Срезневскій увидѣлъ Москву во всемъ ея тогдашнемъ блескѣ; панораму этого города, полную очерковъ представителей учености и литературы, онъ изобразилъ въ письмахъ къ своей матери Е. И. Срезневской [2]). Въ этихъ письмахъ попадаются замѣтки и о Гоголѣ. Изъ нихъ видно, что въ это время взглядъ Срезневскаго на Гоголя значительно измѣнился въ сравненіи съ 1834 г.; этотъ взглядъ приблизился къ тому, который извѣстенъ въ литературѣ, какъ странность Срезневскаго: „Очень молодой человѣкъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все славянское, все малороссійское, но съ перваго виду мало обѣщающій“; вотъ какимъ является въ письмахъ этотъ „русскій испанецъ“, какъ называетъ Гоголя въ тѣхъ-же письмахъ Срезневскій. Малороссія какъ будто ихъ еще сближала; когда Срезневскій, заѣхавъ къ Погодину однажды не засталъ дома Гоголя (Гоголь жилъ у Погодина), Погодинъ говорилъ, что Гоголь „будетъ его бранить“ и „будетъ жалковать“.

На прощанье, при отъѣздѣ Срезневскаго, Гоголь написалъ ему нѣсколько словъ, въ которыхъ высказывалъ желанія успѣха его путешествію. Эти пожеланія были послѣднимъ проявленіемъ ихъ знакомства. Когда-то сблизившее ихъ общее увлеченіе Украйною скоро охладѣло у нихъ обоихъ; такимъ образомъ, точекъ соприкосновенія ихъ интересовъ уже болѣе не оставалось...

Вс. С.



[1]) Другіе три: П. И. Прейсъ, В. И. Григоровичъ и О. М. Бодянскій.
[2]) Печатаются въ сборникѣ „Живая Старина“, изд. 1892 г.

I.

И. И. Срезневскій—Н. В. Гоголю.

Харьковъ. 1834 г.. февр. 16-го дня.

Милостивый Государь, Николай Васильевичъ! И я, въ числѣ, вѣроятно, многаго множества другихъ, читавшихъ № [1] Сѣверной Пчелы, былъ сердечно обрадованъ извѣстіемъ, что тотъ самый Писатель, который столь мило, столь искусно забавлялъ многочисленныхъ читателей поэтическими разсказами объ Украинѣ подъ именемъ Рудаго Панька, хочетъ подарить Украинцевъ и трудомъ важнымъ,—трудомъ, въ которомъ, дѣйствительно, передается наша историческая литература—Исторіей Козаковъ войска Запорожскаго. Дай Богъ, чтобы эта Исторія появилась какъ можно скорѣе, и какъ можно болѣе оправдала надежды любителей,—иными словами: что-бы сочинитель оной былъ награжденъ за свое благородное предпріятіе отъ всѣхъ, имѣющихъ какіе-нибудь матеріалы касательно ея Исторіи, довѣренностью и радушіемъ.—Я съ своей стороны, какъ любитель народностей Запорожско-Украинскихъ, первымъ долгомъ почелъ представить Вамъ услуги свои, свою готовность дѣлиться матеріалами, но... я осмѣливаютъ надѣяться, Вы согласитесь, что это но для меня почти необходимо.

Можетъ быть, Вямъ уже извѣстно, что я предпринялъ изданіе Запорожской Старины,—изданіе, посредствомъ котораго намѣренъ представить: 1) важность народной словесности Запорожской въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ, 2) отношеніе, какое имѣютъ произведенія сей словесности къ лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ. Подъ именемъ Запорожской старины я разумѣю, какъ можно видѣть изъ двухъ первыхъ книжекъ моего изданія, старину не однихъ только отребій войска Запорожскаго, извѣстныхъ, вообще, подъ именемъ разбойн(ик)овъ или гайдомакъ Запорожскихъ, а старину всего войска Запорожскаго, которое Вамъ угодно было, слѣдуя общепринятому мнѣнію, (назвать) Малороссійскими Козаками. Изъ

---

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ (письмо печатается съ черновика); здѣсь подразумѣвается № 34, въ которомъ было напечатано извѣстное объявленіе Гоголя „Объ изданіи Исторіи Малороссійскихъ казаковъ“. **Вс. П.**

этого видно, что матеріалы для Вашей Исторіи и моей Старины—одни и тѣ-же, съ тою разницею, что сіи матеріалы въ моемъ изданіи останутся попрежнему матеріалами или сводомъ матеріаловъ, а въ Вашей Исторіи преобразуются въ стройное цѣлое. Хотя одинаковость матеріаловъ для многихъ становится двухстороннимъ щитомъ соперничества, однако. этого соперничества съ моей стороны быть не можетъ—по причинѣ и разности направленія труда Вашего и моего и моего образа мыслей. Можете быть вполнѣ увѣрены, что, со всею возможною полнотою и усердіемъ, буду исполнять всѣ Ваши требованія, отвѣчать на всѣ Ваши запросы и пр. Одного только не могу обѣщать—пересылать цѣликомъ, а развѣ въ выпискахъ и сводахъ, матеріалы такъ назыв. длинной руки, ибо самъ имѣю въ нихъ нужду почти ежедневно. Вотъ первая причина моего но.

Легко можетъ быть, что иные и даже многіе изъ матеріаловъ, составляющ(ихъ) мою Запорожско-Украинскую скрыню, находятся и у Васъ. Пересылка ихъ была бы излишнею. Не зная же, что̀ есть уже у Васъ и въ чемъ нуждаетесь, не могу попасть на нужное для Васъ. Вотъ и вторая причина моего но.

Теперь къ дѣлу.

Повторяя свое обѣщаніе служить вамъ по мѣрѣ силъ моихъ и возможности, прошу Васъ всепокорнѣйше, если Вамъ только не непріятно мое усердное желаніе служить вамъ, объяснить мнѣ, что̀ именно нужно Вамъ, и чѣмъ именно могу Вамъ служить. По полученіи отъ васъ извѣстія и объясненія требованій, я немедленно начну приводить ихъ въ исполненіе со всею горячностію человѣка, который осмѣливается неизмѣнно питать признательность къ предпріятію вашему и надежду увидѣть его. сколь возможно. болѣе совершен(нымъ).

Повѣряя себя Вашей благосклонности, имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Измаилъ Срезневскій.

II.

Н. В. Гоголь—И. И. Срезневскому [1]).

Спб.. марта 6-го 1834 г.

Ваше пріятное для меня письмо я получилъ 2-го Марта. Отъ всей души благодарю васъ за вашу готовность помогать мнѣ въ трудѣ моемъ и крѣпко пожимаю вашу руку. Вы правы: намъ одинаково нужны матеріалы; но хотя бы ваша книга [1]) превратилась въ Исторію, мы и тогда бы не были соперниками. Я радъ всему, что ни появляется о нашемъ краѣ. и еслибы я узналъ, что въ эту минуту кто нибудь готовитъ тоже исторію Украйны, я бы пріостановилъ свое изданіе до тѣхъ поръ, покамѣсть ему нужно для сбыта своей книги. Чемъ (sic) больше попытокъ и опытовъ, тѣмъ для меня лучше, тѣмъ моя исторія будетъ совершеннѣе. Я увѣренъ, что въ образѣ мыслей не встрѣчусь съ другими, денежной прибыли отъ нее (sic) не ищу—стало быть у меня нѣтъ соперниковъ! Вы уже здѣлали мнѣ важную услугу изданіемъ Запорожской Старины.—Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ? Всѣ думы, и особенно повѣсти бандуристовъ ослѣпительно хороши. Изъ нихъ только пять были мнѣ извѣстны прежде, прочія для меня были новость! Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ бы отыскать. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями. Народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движеній, котораго невольно (еслибы онъ даже былъ совершено [sic] недѣятеленъ отъ природы) сосѣди, положеніе земли, опасность бытія выводили на дѣла и подвиги, этотъ народъ... Я недоволенъ Польскими историками. они очень мало говорятъ объ этихъ подвигахъ; впрочемъ они могли знать хорошо только со времени Уніи. но и тамъ ни одного лѣтописца съ нечерствою душею, мыслями. Если бы Крымцы и Турки имѣли Литературу, я бы былъ увѣренъ,

---

[1]) Запорожская Старина; изданіе ея начато въ 1833 г.; въ этомъ письмѣ Н. В. Г. говоритъ только о двухъ первыхъ выпускахъ ея (третій разрѣшенъ цензурою 25 мая 1834 г.). Вс. С.

что ни одного самостоятельнаго тогда народа въ Европѣ не была бы такъ интересна исторія, какъ козаковъ. И потому то каждый звукъ пѣсни мнѣ говоритъ живѣе о прошедшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи, если можно назвать лѣтописями не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступила мѣсту забвенію. Эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались съ рѣзкою физіономіею, съ характеромъ: какъ, напримѣръ, Кониской, который выхватилъ хоть горсть преданій и зналъ о чемъ онъ пишетъ. Но всѣ другія такъ пусты, такъ безцвѣтны! и вмѣсто того, чтобы дослушиваться къ умирающему голосу послѣднихъ воспоминаній, они обезьянски переписывали другъ у друга вырванные листки не произшествій, а развѣ оглавленія произшествій. Еслибы нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсень—я бы никогда не писалъ Исторіи его, потому что я не постигнулъ бы и не имѣлъ понятія о прошедшемъ или исторія моя была-бы совершенно не та, что я думаю съ нею сдѣлать теперь. Эти то пѣсни заставили меня съ жадностью читать всѣ лѣтописи и лоскутки какого-бы [1]) то ни было вздору. Я имѣлъ случай многія перечесть и, къ сожалѣнію, пропустилъ случай многія переписать. Изъ означенныхъ вами въ Запорожской старинѣ мнѣ неизвѣстны двѣ: пространная повѣсть объ Украйнѣ до смерти Хмельницкаго. Заглавіе этой рукописи мнѣ показалось незнакомымъ [2]). Увѣдомите (sic) меня, имѣется-ли въ ней что нибудь новое противъ лѣтописей Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана? если на мое счастье въ ней окажется новое, то я буду надѣяться на снисхожденіе ваше и попрошу васъ отдать ее теперь же понемногу переписывать. Мнѣ хочется имѣть ее всю, тогда я могу въ ней отыскать можетъ быть другими незамѣченное, или не казавшееся важнымъ, что случалось со мною довольно часто. Я очень знаю, что наши списки лѣтописей иногда между собою разнятся: у однихъ выпучено (sic) что нибудь и у другихъ прибавленно (sic). Иногда одна прибавка стоитъ всей лѣтописи. Потому то я имѣю и стараюсь имѣть по нѣскольку списковъ. Для этого то я и не означалъ, какія находятся у меня матеріалы, зная, что

---

[1]) Въ подл.: какихъ-бы то ни было вздору...

[2]) Объ этой рукописи упомянуто въ предисловіи къ II-й кн. Запорожск. Стар. (ч. I) при перечисленіи рукописныхъ источниковъ (стр. 10), коими пользовался И. И. С. для составленія „Замѣчаній", помѣщенныхъ въ этой книжкѣ (стр. 35—131); здѣсь она названа такъ: пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти Гетмана Хмѣльницкаго. **Вс. С.**

тогда я не получу многихъ списковъ. Печатныя есть у меня почти всѣ тѣ, которыми пользовался Бандышъ (sic) Каменскій. Пѣсенъ я знаю и имѣю много. Около 150 пѣсенъ я отдалъ прошлый годъ Максимовичу, совершенно ему неизвѣстныхъ. Послѣ того я пріобрѣлъ еще около 150. У Максимовича теперь уже 1200. Но я бьюсь объ чемъ угодно, что теперь же еще можно сыскать въ каждомъ хуторѣ, подальше отъ большой дороги и разврата, десятка два неизвѣстныхъ другому хутору. Если я управлюсь съ моими дѣлами, то, можетъ быть, лѣтомъ буду въ Малороссію и буду благодарить васъ, можетъ быть, лично за ваше радушіе и готовность. А между тѣмъ ожидаю съ нетерпѣніемъ страшнымъ выхода въ свѣтъ вашей старины 3 и 4 книжки. Я увѣренъ, что тамъ будетъ много для меня пищи. Но—до слѣдующаго письма! Я хотѣлъ вамъ еще о чемъ-то писать, но небольшой случай перебилъ мои мысли.

Чувствуя вполнѣ ваше благорасположеніе, остаюсь всегда вашимъ покорнѣйшимъ и благодарнымъ слугою

Н. Гоголь

III.

Н. В. Гоголь—И. И. Срезневскому.

1834. 1 іюня. Спб.

Не сердитесь на меня, почтеннѣйшій Измаилъ Ивановичъ, что долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Оно залежалось въ лавкѣ у Смирдина. Я тоже былъ въ отсутствіи... Очень благодаренъ вамъ за вашу память обо мнѣ. Поблагодарите также земляка нашего (о которомъ вы упоминаете въ письмѣ вашемъ, какъ о пишущемъ исторію Малор.) за его благородный трудъ. Я очень радъ, что не одинъ я занимаюсь этимъ. Я хотѣлъ было сдѣлать нѣсколько замѣчаній и оцѣнку съ своей стороны Вашей Запорожской Старины [1]) и уже приступъ къ этому подъ заглавіемъ О малоросс. пѣсняхъ отослалъ въ Журналъ Просвѣщенія [2]), но лѣнь проклятая одолѣла, и я сѣлъ

[1]) Въ подлинникѣ написано: Стороны.

[2]) Напечатано было въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1834 г., ч. I; объ этой статьѣ въ письмѣ Н. В. Гоголя къ М. А. Максимовичу читаемъ слѣд.: Недавно С. С. (Уваровъ) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія такъ-же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ—твоемъ и Цертелева. Что-жъ я сдѣлалъ? Я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не

на одномъ приступѣ: лѣтомъ я ничего больше не дѣлаю, кромѣ лежанья; къ тому-же еще и болѣзнь меня безпокоитъ... Вы тамъ-же найдете и кусокъ изъ первой части моей исторіи [1]). Не налягайте (sic) слишкомъ на нее: я нарочно выбралъ самое начало, въ которомъ показана только перспектива того, что будетъ впереди.—Конисскому я также, какъ и вы, во многомъ не вѣрю, но я говорилъ совсѣмъ не касательно достоинства лѣтописца. Всѣ произшествія его со времени Петра записаны. Справедливость многихъ я узналъ, нашедши доказательства въ здѣшнемъ архивѣ.

Да выпускайте скорѣе свою Старину, я жажду. Пожалуйста, не дожидайтесь мнѣній рецензентовъ. Охота же вамъ наконецъ услышать, что запятую вамъ нужно поставить не въ томъ мѣстѣ, а въ другомъ и что не Запорожскою, а какою-нибудь другою стариною нужно было назвать вашу книгу.—Другого вы ничего не услышите. Ваша мысль напечатать пѣсни обрядовыя очень хороша. Недурно бы ихъ было помѣстить совершенно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другою во время обрядовъ, съ объясненіемъ при какихъ обстоятельствахъ. Это была бы очень нужная вещь, и вѣрно бы всѣ понимающіе важность этого дѣла были бы вамъ очень благодарны. Свидѣтельствуя съ своей стороны Вамъ истинное мое уваженіе остаюсь весь вашъ

Н. Гоголь.

IV.

Н. Р. Гоголь—И. И. Срезневскому.

1835. 11 іюля. Д. Василевка.

Милостивый Государь, Измаилъ Ивановичъ. Пріятное для меня письмо ваше я получилъ. Благодарю васъ за Ваше поздравленіе и душевно жалѣю, что не могу никакимъ образомъ быть у васъ въ Харьковѣ. Маршрутъ мой теперь на Кіевъ, куда призываютъ меня кое-какія гербовыя заботы, а между прочимъ нужно видѣться и съ нашимъ землякомъ, моимъ старымъ пріятелемъ, вамъ извѣстнымъ

сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья уже была отпечатана (Соч. и письма, изд. Кулиша, V, 212).

[1]) „Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи. Томъ I, книга I, глава I". (Журн. М. Нар. Пр. 1834, ч. 2). Вс. С.

Максимовичемъ, которому я уже далъ слово. Эти же три недѣли которыя остаются мнѣ, я намѣренъ отдохнуть послѣ поѣздки моей въ Крымъ, гдѣ странствовалъ для здоровья и для того, чтобы повидать его.

Итакъ мнѣ остается заочно привѣтствовать васъ и говорить съ вами.

Очень радъ, что вы, наконецъ, отпечатали 4 книжки разомъ вашей Старины и съ нетерпѣніемъ жажду читать ихъ, благодаря заранѣе за вашу доброту, обѣщающуюся мнѣ прислать ихъ. Адресуйте мнѣ такъ, какъ адресовали письмо: въ Полтаву, а оттуда въ Д. Василевку. Чемъ (sic) скорѣе пришлете, тѣмъ лучше. Желая вамъ всего хорошаго: трудовъ, охоты, здоровья и денегъ

остаюсь вамъ преданный Николай Гоголь.

Сообщ. **Вс. Из. Срезневскій.**

Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ Изм. Ив. Срезневскимъ,

замѣтки В. И. Шенрока.

Помѣщенныя выше письма Гоголя къ извѣстному славису—профессору Измаилу Ивановичу Срезневскому занимаютъ совершенно своеобразное мѣсто въ перепискѣ нашего поэта начала 1830-хъ годовъ. Если впослѣдствіи, особенно подъ конецъ жизни, письменныя сношенія Гоголя являются поразительно обильными, то до выѣзда изъ Россіи за-границу, они почти исключительно ограничивались немногими избранными лицами изъ числа наиболѣе короткихъ и близкихъ людей [1]) Срезневскій, конечно, не только не

[1]) Двѣ записки къ Конст. Степ. Сербиновичу („Русскій Архивъ", 1876 г., т. III, стр. 202), какъ дѣловыя, здѣсь не могутъ идти въ счетъ.

принадлежалъ къ послѣднимъ, но и вообще былъ для Гоголя постороннимъ человѣкомъ, и едва-ли даже знакомство ихъ не было пока лишь заочнымъ. При всемъ томъ, въ связи съ прочими данными біографіи, эти письма къ Срезневскому получаютъ большой интересъ, открывая намъ нѣсколько новыхъ любопытныхъ подробностей.

Важно прежде всего то, что одно изъ этихъ писемъ показываетъ ясно и несомнѣнно, что къ началу 1834 года въ Гоголѣ замѣтно стала угасать не надолго пробудившаяся жажда къ самостоятельному изслѣдованію историческихъ источниковъ, которое онъ уже тогда былъ склоненъ замѣнять однимъ изученіемъ украинскихъ пѣсенъ, Во всѣхъ очеркахъ и замѣткахъ, посвященныхъ имъ исторіи Малороссіи, въ Гоголѣ сказался художникъ, увлеченный не столько научною, сколько поэтическою стороною въ изученіи прошлаго. Пренебрежительное отношеніе къ „сухой“ наукѣ ясно видно изъ дружескихъ писемъ Гоголя, гдѣ онъ, напр., не стѣсняясь, заклинаетъ Максимовича „отцовскими могилами“ не сидѣть надъ книгами и даже утверждаетъ, что „совѣстно слишкомъ много трудиться“ надъ составленіемъ лекцій [1]). То-же самое выразилось не разъ, но въ сдержанной и осторожной формѣ, и въ печатныхъ статьяхъ, что̀ опять указываетъ на степень восторженнаго увлеченія произведеніями народной поэзіи въ ущербъ кропотливой, строго научной работѣ. Въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ Гоголь говорилъ: „Онѣ — надгробный памятникъ былаго, болѣе нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи“ [2]). Въ письмѣ къ Максимовичу сходное сравненіе выражено уже рѣзче и опредѣленнѣе: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни, какъ я васъ люблю! Что̀ всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями“ [3]). Такъ писалъ Гоголь въ концѣ 1833 года, а въ мартѣ слѣдующаго года онъ уже признавался Срезневскому: „Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что̀ хотѣлъ-бы отыскать“. Признаніе это даетъ ключъ къ уясненію отношенія Гоголя къ историческимъ источникамъ: очевидно, повинуясь инстинкту художника, Гоголь не останавливался строгими требованіями науки и въ разрѣзъ съ ними, единственно по отголоскамъ пѣсенъ, рѣшалъ, что̀, по его мнѣнію,

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 215.
[2]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 287.
[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 188.

должны были дать ему лѣтописи, причемъ соображенія его въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отчасти напоминаютъ мысли, высказанныя около того же времени въ статьѣ: „Взглядъ на составленіе Малороссіи" и позднѣе въ первой главѣ исправленной редакціи „Тараса Бульбы" [1]). Но нигдѣ не выразилось такъ ясно и свободно самоувѣренное пренебреженіе Гоголя ко всему, что въ лѣтописяхъ не могло удовлетворить его эстетическаго чувства, какъ въ энергическомъ и образномъ сравненіи ихъ съ „хозяиномъ, прибившимъ замо̀къ къ своей конюшнѣ, когда лошади были уже украдены". Впрочемъ, Гоголь не могъ не сознавать своей научной некомпетентности и потому такъ-же быстро спѣшитъ признать болѣе справедливымъ мнѣніе своего авторитетнаго корреспондента о Конисскомъ, какъ въ другой разъ легко отказался отъ рѣзко высказаннаго мнѣнія о Геренѣ въ письмѣ къ Погодину. Недостатокъ Гоголя, какъ историка, былъ въ томъ, что онъ увлекался въ прошедшемъ только яркими картинами и жгучими искрами поэзіи, которыя находилъ въ пѣсняхъ, но которыхъ съ преувеличеннымъ и обманутымъ ожиданіемъ хотѣлъ искать и въ лѣтописяхъ. Но зато съ какимъ восторженнымъ увлеченіемъ онъ говоритъ, что желалъ бы пересмотрѣть сборникъ пѣсенъ Ходаковскаго „съ жадностію жида, считающаго червонцы"; съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ дождался выхода въ свѣтъ „Запорожской Старины!" Онъ даже сердится на Срезневскаго: „До сихъ поръ нигдѣ не могу ея достать. Какъ не прислать ни одному книгопродавцу! Кой-же чортъ будетъ у него покупать"! [2]). Намъ нѣтъ нужды пояснять, что минутная досада Гоголя относилась никакъ не къ личности Срезневскаго, а вызывалась лишь нетерпѣливымъ ожиданіемъ книги.

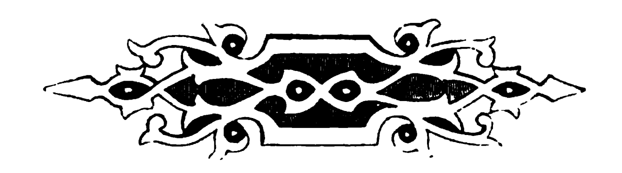
Съ такимъ-же нетерпѣніемъ ждалъ Гоголь и извѣстнаго сборника галицкихъ пѣсенъ Вацлава З'Олеска и буквально рвался отъ досады, когда какой-то пріятель, выпросивъ у него эту книгу на нѣсколько часовъ, долженъ былъ почему-то, не возвративъ ее, вскорѣ выѣхать изъ города. При такомъ пламенномъ интересѣ къ пѣснямъ, Гоголь, естественно, рѣшился, наконецъ, обратиться къ самому издателю „Запорожской Старины", отъ котораго, судя по его письму, получилъ теплый и дружескій отзывъ собрата по историческимъ лите-

[1]) При этомъ сопоставленіи мы имѣемъ въ виду слова: „народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движенія" и пр. Ср. „Соч. Гог.", изд. X, т. V, стр. 19), и т. I, стр. 251—252.

[2]) „Письма Гоголя къ Максимовичу", стр. 5, и „Соч. и Письма Гоголя", т. V, стр. 198. В. Ш.

ратурнымъ интересамъ. Съ Срезневскимъ, какъ съ человѣкомъ сходныхъ интересовъ, онъ дѣлится и назрѣвшими мыслями, и выводами, можетъ быть, провѣряя ихъ и ожидая дальнѣйшаго обмѣна [1]). Между тѣмъ, собственно къ личности Срезневскаго у него едва-ли могъ быть интересъ, и если онъ, напр., писалъ: „можетъ быть, буду въ Малороссіи и буду благодарить васъ лично", то вскорѣ. получивъ возможность свиданія, Гоголь, кажется, не воспользовался ею. Въ письмѣ отъ 11-го іюля 1835 г. Гоголь выражалъ сожалѣніе, что не можетъ заѣхать къ Срезневскому (по пути) въ Харьковъ, потому что ѣдетъ на Кіевъ для свиданія съ Максимовичемъ; между тѣмъ, по разсказу его спутника, А. С. Данилевскаго, сдѣлавъ большой крюкъ въ Кіевъ, онъ все-таки проѣхалъ черезъ Харьковъ [2]). Могло быть также, конечно, что въ Харьковъ онъ, напротивъ, заѣзжалъ именно ради Срезневскаго, но этотъ вопросъ, легко разрѣшимый при жизни Данилевскаго, теперь остается открытымъ.

В. И. Шенрокъ.



[1]) Срезневскому, какъ и другимъ, Гоголь говорилъ, между прочимъ, и о предполагавшемся трудѣ по исторіи Малороссіи, который, по своей самонадѣянности, онъ представлялъ уже близкимъ къ осуществленію.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1890 г., I, 105. В. Ш.

Японцы въ Россіи въ 1736 году.

ЗАМѢТКА.

Въ октябрьской книгѣ „Русской Старины", изд. 1891 г., въ интересной статьѣ Н. Н. Оглоблина: „Первый японецъ въ Россіи, 1701—1705 гг." упоминаются японцы Кузьма Шульцъ и Дамьянъ Поморцевъ. Что эти японцы были лица дѣйствительно существовавшія—видно изъ официальнаго документа, напечатаннаго въ 1-мъ полномъ собраніи законовъ. Въ сенатскомъ указѣ 10-го мая 1736 г. (№ 6956) говорится слѣдующее:

„Правительствующій сенатъ, по мнѣнію тайнаго совѣтника и кавалера графа Михайла Гавриловича Головкина, приказали: 1) прежде бывшимъ японцамъ Козьмѣ Шульцу и Демьяну Поморцову, которые воспріяли вѣру греческаго исповѣданія, быть при академіи наукъ обоимъ вмѣстѣ, чтобъ они природнаго своего языка позабыть не могли и поручить ихъ въ особливое смотрѣніе изъ россійскихъ людей человѣку искусному, кому та академія заблагоразсудитъ, дабы они завсегда были въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ, и для обученія того японскаго языка опредѣлить къ нимъ с.-петербургской гарнизонной школы изъ солдатскихъ дѣтей двухъ человѣкъ, грамотѣ умѣющихъ, кои постарѣе; а чтобъ они прилежнѣе по тому языку обучали, прибавить имъ Шульцу и Поморцову жалованья къ прежней дачѣ еще по 5 коп., а съ прежнимъ по 15 коп. на день человѣку и давать изъ штатсъ-конторы, а, между тѣмъ, для лучшаго въ вѣрѣ греческаго исповѣданія утвержденія, велѣть имъ ходить къ обрѣтающемуся въ кадетскомъ корпусѣ іеромонаху, которому ихъ къ познанію закона наставлять и въ чтеніи книгъ прилежное смотрѣніе имѣть. И о томъ, куда надлежитъ, послать указы. Также по объявленію вышеписаннаго Поморцова въ Иркутскъ послать указъ, велѣть немедленно сыскать японское судно, на которомъ они были и при томъ и книги на томъ языкѣ кто изъ россійскихъ людей взяли, и тѣ книги у кого нынѣ обрѣтаются, и сколько тѣхъ книгъ или писемъ какихъ на японскомъ языкѣ отыскано будетъ, оныя прислать въ сенатъ немедленно".

Сообщ. **П. А. Мулловъ.**

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ іюлѣ 1841 г.

Искреннѣйше благодаримъ г. В. Аккерблома за сообщеніе въ „Русскую Старину" копіи весьма интереснаго документа — письма Екатерины Быховецъ, отъ 5-го августа 1841 г., о послѣднихъ дняхъ жизни поэта Лермонтова. При весьма любезномъ посредствѣ г. директора самарскаго реальнаго училища, А. П. Херувимова, редакція получила и подлинникъ этого новаго матеріала къ біографіи поэта.

Письмо это, согласно желанію г. Аккерблома, передано нами въ Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ.

10-го февраля 1892 г. мы прочитали письмо Е. Быховецъ посѣтившему насъ профессору П. А. Висковатову и уважаемый біографъ Лермонтова нашелъ документъ весьма интереснымъ дополненіемъ тѣхъ, къ сожалѣнію, все еще недостаточныхъ свѣдѣній, каковыя имѣетъ исторія отечественной литературы о послѣднихъ дняхъ славнаго поэта М. Ю. Лермонтова.

„Проѣзжая (15-го іюля 1841 г.) изъ Желѣзноводска въ колонію Каррасъ, Лермонтовъ нашелъ m-lle Быховецъ, прозванную la belle noire, съ теткою ея Пряништиковою, ѣхавшихъ въ Желѣзноводскъ" — вотъ что говоритъ П. А. Висковатовъ, описывая въ своей обширной біографіи Лермонтова послѣдніе дни въ жизни поэта (Соч. Лермонтова, изд. 1891 г., ч. 6-я, стр. 421, и см. также стр. 422, 430).

Нынѣ предъ нами подлинное письмо этой самой г-жи Быховецъ, писанное нѣсколько дней спустя послѣ кончины Михаила Юрьевича. Какое значеніе имѣетъ этотъ документъ въ ряду матеріаловъ къ сказанію о послѣднихъ дняхъ жизни поэта, пусть судятъ его біографы, но оно, между прочимъ, упоминаетъ о различныхъ фактахъ, на которыхъ останавливаются П. А. Висковатовъ и другіе, писавшіе объ этихъ дняхъ, и передаетъ ихъ хотя довольно близко къ тексту разсказа П. А. Висковатова, но иные—нѣсколько подробнѣе.

Во всякомъ случаѣ, печатаемое ниже письмо—весьма характерное сказаніе одной изъ близкихъ знакомыхъ М. Ю. Лермонтова, и по времени, къ которому относится, и по тону, въ которомъ оно изложено—должно вызвать вниманіе и интересъ со стороны почитателей безвременно погибшаго великаго таланта.

Подлинникъ письма—на двухъ листкахъ почтовой бумаги въ 8-ю долю: всѣ восемь страницъ исписаны; чернила весьма выцвѣли.

Ред.

Покупая книги на толчкѣ въ Самарѣ, въ 1891-мъ году, у букиниста, я нечаянно нашелъ въ книгѣ письмо, на которое сперва не обратилъ никакого вниманія и думалъ, что оно просто какое-то ненужное. Но, прочитавъ его, увидѣлъ, что оно заключаетъ въ себѣ описаніе послѣднихъ дней жизни Лермонтова.

Письмо это написано въ Пятигорскѣ, спустя 19 дней послѣ смерти Лермонтова, въ 1841 году, 4-го августа, въ понедѣльникъ, дальнею родственницею поэта, г-жею Екатериною Быховецъ. Письмо было завернуто въ небольшую бумажку, на которой надпись:

„Письмо Катеньки Быховецъ, нынѣ г-жи Ивановской, съ описаніемъ послѣднихъ дней жизни Лермонтова“.

Сообщаю этотъ вполнѣ интересный документъ на страницы „Русской Старины“, которая сохранила для исторіи отечественной литературы, между многими другими матеріалами, большое собраніе данныхъ къ жизнеописанію славнаго русскаго поэта—М. Ю. Лермонтова.

г. Самара 1892 г.

В. Акербломъ.

Пятигорскъ, 1841 г. августа 5-го, понедѣльникъ.

Безцѣнный мой дружочекъ, Лизочка! Какъ я тебѣ позавидовала, моя душка, что ты была въ Успенскомъ. О! какъ-бы я дорого дала, чтобы провести это время съ вами: какъ-бы мы пріятно его провели; воображаю, какъ мамаша тебѣ обрадовалась, моему милому дружочку; она съ такой радостью мнѣ описываетъ, что Манюшка къ ней очень ласкова. Вашъ балъ былъ очень хорошъ; тебя удивляетъ, что все такъ перемѣнилось. Я не знаю, что сдѣлалось съ Тарусскимъ уѣздомъ, откуда Татьянушка учится этимъ гримасамъ, и такъ ужъ она на гримасу похожа, некому безъ меня ее остановить.

Какъ-же я весело провела время. Этотъ день [1]) молодые люди дѣлали намъ пикникъ въ гротѣ, который былъ весь убранъ шалями: колонны обвиты цвѣтами и люстры всѣ изъ цвѣтовъ; танцовали мы на площадкѣ около грота; лавочки были обиты прелестными коврами; освѣщено было чудесно; вечеръ очаровательный; небо было такъ чисто; деревья отъ освѣщенья необыкновенно хороши

[1]) 8-го іюля 1841 года. Ред.

были, аллея также была освѣщена и въ концѣ аллеи была уборная прехорошенькая; два хора музыки. Конфектъ, фруктъ, мороженнаго безпрестанно подавали; танцовали доупада; молодежь была такъ любезна, занимала своихъ гостей; ужинали; послѣ ужина опять танцовали; даже Лермонтовъ, который не любилъ танцовать, и тотъ былъ такъ веселъ; оттуда мы шли пѣшкомъ. Всѣ молодые люди насъ провожали съ фонарями; одинъ изъ нихъ началъ немного шалить. Лермонтовъ, какъ cousin, предложилъ сейчасъ мнѣ руку; мы пошли скорѣй и онъ до дому меня проводилъ.

Мы съ нимъ такъ дружны были—онъ мнѣ правнучатный братъ—и всегда называлъ cousine, а я его cousin, и любила какъ роднаго брата. Такъ меня здѣсь и знали подъ именемъ charmante cousine Лермонтова. Кто изъ молодежи пріѣзжалъ сюда, то сейчасъ его просили, чтобы онъ ихъ познакомилъ со мной.

Этотъ пикникъ послѣдній былъ: ровно чрезъ недѣлю мой добрый другъ убитъ, а давно-ли онъ мнѣ этого изверга, его убійцу, рекомендовалъ какъ товарища, друга!

Это Мартыновъ глупъ ужасно, всѣ надъ нимъ смѣялись; онъ ужасно самолюбивъ; каррикатуры (на него) его безпрестанно [1]) прибавлялись; Лермонтовъ имѣлъ дурную привычку острить. Мартыновъ всегда ходилъ въ черкескѣ и съ кинжаломъ; онъ его назвалъ при дамахъ M-r le Poignard и sauvage'омъ. Онъ (т. е. Мартыновъ) тутъ ему сказалъ, что при дамахъ этого не смѣетъ говорить, тѣмъ и кончилось. Лермонтовъ совсѣмъ не хотѣлъ его обидѣть, а такъ посмѣяться хотѣлъ, бывши такъ хорошъ съ нимъ.

Это было въ одномъ частномъ домѣ. Выходя оттуда, Мартынка глупой вызвалъ Лерм. Но никто не зналъ. На другой день Лермонтовъ былъ у насъ ничего веселъ; онъ мнѣ всегда говорилъ, что ему жизнь ужасно надоѣла, судьба его такъ гнала, Государь его не любилъ; Великій князь (Михаилъ Павловичъ?) ненавидѣлъ, (они?) не могли его видѣть—и тутъ еще любовь: онъ (Лермонтовъ) былъ страстно влюбленъ въ В. А. Бахметьеву; она ему была кузина; я думаю, онъ и меня отъ того любилъ, что находилъ въ насъ сходство, и объ ней его любимый разговоръ былъ.

Чрезъ четыре дня, онъ [2]) (Лермонтовъ) поѣхалъ на Желѣзныя; былъ въ этотъ день нѣсколько разъ у насъ и все меня упрашивалъ пріѣхать на Желѣзныя; это 14 верстъ отъ сюда. Я ему обѣщала и

---

[1]) Это слово въ подлинникѣ не вполнѣ разборчиво.

[2]) Зачеркнуто: „былъ“.

15-го (іюля) мы отправились въ шесть часовъ утра, я съ Обыденной (sic) въ коляскѣ, а Дмитревскій [1]) и Бенкендорфъ и Пушкинъ— братъ сочинителя—верхами.

На половинѣ дороги, въ колонкѣ [2]) мы пили кофе и завтракали. Какъ пріѣхали на Желѣзныя, Лерм. сейчасъ прибѣжалъ; мы пошли въ рощу и все тамъ гуляли. Я все съ нимъ ходила подъ руку. На мнѣ было бандо. Ужъ не знаю, какими судьбами коса моя распустилась и бандо свалилось, которое онъ взялъ и спряталъ въ карманъ. Онъ при всѣхъ былъ веселъ, шутилъ, а когда мы были вдвоемъ, онъ ужасно грустилъ, говорилъ мнѣ такъ, что сейчасъ можно догадаться, но мнѣ въ голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та-же [3]); уговаривала его, утѣшала какъ могла, и съ полными глазами слезъ (онъ меня) благодарилъ, что я пріѣхала, умаливалъ, чтобъ я пошла къ нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поѣхали назадъ, онъ поѣхалъ тоже съ нами.

Въ колонкѣ обѣдали. Уѣзжавши онъ цѣлуетъ нѣсколько разъ мою руку и говоритъ:

— „Cousine, душенька, щастливѣе этого часа не будетъ больше въ моей жизни".

Я еще надъ нимъ смѣялась; такъ мы и отправились.

Это было въ пять часовъ, а (въ) 8 пришли сказать, что онъ убитъ.

Никто не зналъ, что у нихъ дуэль, кромѣ двухъ молодыхъ мальчиковъ, которыхъ они заставили поклясться, что никому не скажутъ; они такъ они и сдѣлали.

Лерм. такъ жизнь надоѣла, что ему надо было первому стрѣлять, онъ не хотѣлъ, и тотъ извергъ (Мартыновъ) имѣлъ духа долго цѣлиться и пуля навылетъ! Ты не повѣришъ, какъ его смерть меня огорчила, я и теперь не могу его вспомнить.

Прощай, мой милый другъ, грустно и пора на почту. Сестра и братъ вамъ кланяются. Я тебя и дѣтишекъ цѣлую безсчетно разъ. Не забывай вѣрнаго твоего друга и обожающую тебя сестру

Катю Быховецъ.

Сейчасъ смотрѣла на часы, на почту еще рано и я еще съ тобой поговорю. Дмитревскій меня раздосадовалъ ужасно: бандо

---

[1]) Дмитревскій — вице-губернаторъ Кавказской области—пріѣхавшій въ лѣто 1841 въ Пятигорскъ изъ Тифлиса. Ред.

[2]) Колонія Каррасъ или Шотландка. П. В.

[3]) Т. е. любовь къ В. А. Бахметьевой. Ред.

мое, которое было въ крови Лерм., взялъ, чтобъ отдать мнѣ, и потерялъ его: такъ грустно, это бы мнѣ была память. Мнѣ отдали шнурокъ, на которомъ онъ всегда носилъ крестъ.

Я была на похоронахъ: съ музыкой его хоронить не позволили, и священника насила уговорили его отпѣть.

Онъ мертвый былъ такъ хорошъ, какъ живой. Портретъ его сняли.

Я теперь принялась пользоваться; у меня такая жестокая боль въ боку. что я двѣ недѣли, кромѣ блузы, не могу ничего надѣть; только, душка, не пиши къ мамашѣ, это пройдетъ, все прежняя моя болѣзнь, воды мнѣ помогаютъ. Прощай.

Сообщ. **В. Акербломъ.**

Къ разсказу о взятіи парохода «Тигръ»

30-го апрѣля 1854 года.

I.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., кн. XI, помѣщенъ разсказъ г. Абакумова: Взятіе парохода „Тигръ“ 30-го апрѣля 1854 г.

Какъ бывшій участникъ въ этомъ дѣлѣ, правда, не какъ строевой боевой товарищъ г. Абакумова, а какъ фельдшеръ той батареи, въ которой служилъ и г. Абакумовъ, считаю необходимымъ исправить его описку, а именно: въ разсказанномъ имъ дѣлѣ участвовала батарея не 17-й артиллерійской бригады, а батарейная № 2-й батарея 16-й артиллерійской бригады, въ которой служилъ и г. Абакумовъ. Полковникъ Горановичъ, прежде командовавшій легкою батареею 17-й бригады, переведенъ былъ командиромъ нашей батареи предъ крымскою кампаніею.

Владиміръ Милашевскій,
отставн. фельдшеръ, коллеж. регистраторъ.

Близъ Саратова, село Маріинское.

II.

Принадлежа къ числу постоянныхъ читателей и почитателей дорогаго для насъ, русскихъ, журнала „Русская Старина“, я встрѣтилъ въ XI книгѣ этого изданія за 1891 годъ нѣкоторую неточность, которую и спѣшу исправить.

Въ указанной книгѣ „Русской Старины“, въ разсказѣ „Взятіе парохода Тигръ 30-го апрѣля 1854 г.“, авторъ упоминаетъ объ уланскомъ эскадронѣ, который, по его словамъ, присутствовалъ при взятіи „Тигра“, и называетъ уланъ Симбирскими. Слѣдуетъ читать: полкъ Сибирскій, но и онъ расформированъ, кажется, въ 1851 или 1852 году и часть его вошла въ Чугуевскій уланскій полкъ. Дивизіонъ этого-то полка, Чугуевскаго, и участвовалъ во взятіи „Тигра“. Это уже не эскадронъ, а два эскадрона. Въ послужныхъ спискахъ такъ и сказано: „участвовалъ“; да и призовыя отъ продажи на сломъ парохода достались, по морскимъ законамъ, въ извѣстной долѣ, и чугуевскимъ уланамъ. Оно, конечно, забавно: уланы брали пароходъ! А вѣрно.

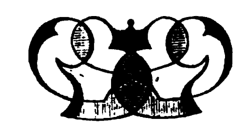
Авторъ пишетъ: „англійскій пароходъ-фрегатъ Тигръ взялъ я, со взводомъ артиллеріи“.—Это также не точно: принудилъ къ сдачѣ—это такъ, а взялъ — нѣтъ. Пароходъ сидитъ на мели, двѣ пушки съ берега громятъ его, экипажъ въ 170 человѣкъ садится на гребныя суда и съѣзжаетъ на берегъ... Если-бы взводъ артиллеріи съ 24-ю или 30-ю человѣками прислуги (ружей и револьверовъ у нихъ не было)—не имѣлъ прикрытія, то 170 человѣкъ, высадившихся на берегъ матросовъ, едва-ли-бы стали много разговаривать съ 30-ю пѣшихъ артиллеристовъ. Артиллерія—оружіе вспомогательное и позиціонное, она стоитъ на мѣстѣ и подготовляетъ успѣхъ пѣхотѣ или кавалеріи. На ходу она молчитъ. Въ нашей исторіи я знаю только два примѣра, что артиллеристы дѣйствительно сами ходили въ атаку, бросивъ свои пушки.

Въ дѣлѣ подъ Краснымъ въ 1812 г. командиръ конной батареи полк. Никитинъ (впослѣдствіи графъ, шефъ Чугуевскаго уланскаго полка и начальникъ южныхъ военныхъ поселеній), съ конными нумерами бросился на французское каре, съ саблями на голо, врубился, взялъ знамя и, кажется, два или четыре орудія, а пѣхота сдалась въ плѣнъ. Это, дѣйствительно, можно сказать „взялъ“. Другой случай—въ прошлую турецкую войну, во время первой осады Карса, прерванной Зивинскою неудачею. Тамъ тоже прислуга съ нашихъ осадныхъ батарей, безъ всякаго разрѣшенія, изъ лихости и удальства, подкралась къ турецкимъ контръ-батареямъ, вынесеннымъ турками впередъ изъ-за линіи укрѣпленія (со стороны фронта Карадахъ-Арабъ), взяла эти батареи, утащила замки, т. е. запирающіе механизмы, и благополучно воротилась назадъ. Это также „взяла“.

А внѣ такихъ исключительныхъ, молодецкихъ подвиговъ артиллерія можетъ разбить, взорвать, принудить къ сдачѣ, но взять сама, при незначительномъ числѣ живой силы, ворочающей мертвыми машинами,—не можетъ.

М. Терентьевъ.

27-го дек. 1891 г. Варшава.



НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕНЪ

въ перепискѣ съ Александрою Григорьевною Кліентовою

1834—1840.

Александра Григорьевна Клiентова была подругою дѣтства Натальи Александровны Герценъ, рожденной Захарьиной. Отецъ Александры Григорьевны былъ священникомъ въ Москвѣ при церкви Воскресенія Словущихъ, на Вронной. Отсутствіе средствъ и большая семья не позволили ему должнымъ образомъ озаботиться о воспитаніи и образованіи дочерей. Но, не смотря на это, дѣвочки, какъ-бы въ силу врожденной любви къ книгѣ, сами старались, сколько возможно, образовать себя, учились узнавали что могли, и всѣми силами стремились развиться. Между всѣми дочерьми особенно выдѣлялись двѣ, какъ по своей красотѣ, такъ и по стремленію ко всему прекрасному: средняя—Антонина Григорьевна, и старшая—Александра Григорьевна.

Антонина Григорьевна была натура поэтическая, полная добрыхъ и благородныхъ стремленій, тонкая, изящная. Она страстно любила поэзію и, какъ современница Лермонтова, не только восхищалась и зачитывалась его произведеніями, но и, вдохновляемая его поэзіею, сама писала стихи. Писала, разумѣется, для себя, складывая все въ завѣтную шкатулку или раздавая написанное сестрамъ, двоюроднымъ братьямъ. Такъ разошлись по рукамъ и исчезли навсегда эти юношескія пѣсни, полныя искренняго чувства и музыкальной гармоніи. Только одно изъ стихотвореній уцѣлѣло, напечатанное когда-то давно, не то въ «Современникѣ», не то въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я, будучи ребенкомъ, помню, сочла его за Лермонтовское и выучила наизусть. Вотъ оно, воспроизведенное по памяти:

А годы проходятъ, а годы летятъ—
И вотъ ужъ полжизни осталось за мною.
И страшно, и грустно взглянуть мнѣ назадъ:

Тамъ споръ безнадежный съ людьми и съ судьбою;
Тамъ рядъ безуспѣшныхъ усилій ума,
Ошибокъ, утратъ, огорченій;
Тамъ все, что постигла минувшаго тьма,
Что сгибло въ туманѣ сомнѣній.
Найдите, кому-бы я могъ уступить
Мой вѣкъ молодой, своевольный.
Вѣдь, многимъ-же весело, радостно жить,
И многіе жизнью довольны.
А мнѣ въ мірѣ скучно, мнѣ жизнь не нужна,
Ее я отдамъ, не жалѣя.
Чѣмъ свѣтитъ, чѣмъ блещетъ, чѣмъ грѣетъ она,
Возьмите, возьмите скорѣе—
И мѣсто на солнцѣ, и радостный день.
И нѣгу вечерней прохлады...
Хотите страданья? и ихъ вамъ отдамъ.
Отдамъ вамъ и слезы и стоны.
А дайте взамѣнъ мнѣ, взамѣнъ лишь одно:
Забвенье, забвенье, забвенье...

Дальше не припомню. Но и приведенныхъ строкъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ несомнѣнно большомъ дарованіи рано погибшей молодой дѣвушки. Она умерла не старше двадцати лѣтъ, и никто не зналъ, что вмѣстѣ съ нею погибъ недюжинный талантъ. Только недавно профессоръ Новороссійскаго университета, И. С. Некрасовъ, въ своей публичной рѣчи о Лермонтовѣ упомянулъ и объ Антонинѣ Григорьевнѣ Кліентовой, какъ объ одной изъ талантливыхъ послѣдовательницъ Лермонтова. Онъ съ большою теплотою отнесся къ ея памяти и тутъ-же привелъ ея стихотвореніе.

Александрѣ Григорьевнѣ, какъ старшей въ семьѣ, выпала иная доля: рано лишившись матери, ей пришлось всѣ хлопоты и заботы о сестрахъ, а впослѣдствіи и о племянникахъ, взять на себя. Зато ей на долю досталась въ молодости встрѣча съ такими людьми, какъ Наталья Александровна и Александръ Ивановичъ Герцены, а нѣсколько позднѣе и встрѣча, хотя, правда, мимолетная, съ другимъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ—Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ.

По ея словамъ, она и сейчасъ хорошо помнитъ, какъ старая княгиня Марья Алексѣевна Хованская, у которой воспитывалась Наталья Александровна, ходила къ нимъ въ церковь къ Воскресенію Словущихъ, хотя сама и жила на Поварской, въ собственномъ домѣ. «Важная была, такая строгая. Разъ она увидала меня въ церкви, разсказываетъ Александра Григорьевна: мнѣ было тогда лѣтъ десять, увидала и велѣла приходить. Пригласила къ себѣ въ домъ, конечно, для того, чтобы Наташѣ одной не скучно было играть и учиться. Наташа была добрая, милая, стройная, красивая дѣвочка, только одно ее портило—веснушки. Она была года на три меня старше».

Извѣстно, какъ одинока, тяжела и грустна была жизнь Натальи Александровны въ домѣ ея тетки, княгини Хованской. А. И. Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что только присутствіе горничной княгини, молодой крѣпостной Саши, смягчало тоску и одиночество сироты-племянницы, взятой въ княжескій домъ. Но, оказывается, кромѣ Саши Вырлиной, обожавшей барышню, какъ обожала ее въ домѣ вся дворня, возлѣ нея, лѣтъ черезъ пять послѣ ея переселенія изъ родной семьи въ домъ тетки, очутилась другая Саша—Александра Григорьевна Кліентова.

Княгиня Хованская, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, а все-же учила свою воспитанницу и русскому языку, и Закону Божію, для чего въ домъ былъ приглашенъ какой-то дьяконъ, и французскому, и музыкѣ, а впослѣдствіи взяла къ ней гувернантку, молоденькую дѣвушку, только что кончившую въ институтѣ, Эмилію Михайловну Аксбергъ. А когда подросла Наталья Александровна, ее развивать принялась «карчевская кузина», Татьяна Петровна Пассекъ,—привозила ей книги, нашептывала новыя мысли, рисовала дамскіе идеалы.

И вотъ съ такою тринадцатилѣтнею дѣвочкою встрѣчается десятилѣтняя дочь приходскаго священника, необразованная, невоспитанная, но полная страстнаго желанія учиться, идти впередъ, добрая, мягкая, кроткая, любящая.

Наталья Александровна давно, какъ только стала учиться, мечтала быть художницею и непремѣнно имѣть учениковъ. Но этого ей не удалось; зато теперь, съ появленіемъ въ домѣ Сашеньки Кліентовой, явилась возможность просвѣщать, учить, а также и возможность дѣлиться мыслями. И Наталья Александровна съ жаромъ привязывается къ новой подругѣ. Хотя подруга и учится вмѣстѣ съ нею за класснымъ столомъ, вмѣстѣ съ нею беретъ уроки музыки у Егора Ивановича, брата А. И. Герцена, а впослѣдствіи занимается у гувернантки, Эмиліи Михайловны Аксбергъ, но зато послѣ уроковъ Наталья Александровна долго толкуетъ съ дѣвочкою, разъясняетъ непонятное. А кончены уроки—у нея есть теперь слушательница всѣхъ ея завѣтныхъ думъ и желаній. Теперь ей есть кому разсказать и повѣрять свое горе одиночества, есть кого поцѣловать, приласкать, приголубить.

Сашенька Кліентова съ первыхъ-же дней привязывается всею силою своей дѣтской любящей души къ Натальѣ Александровнѣ, во всемъ покоряется ей, слушаетъ ее, какъ оракула. Н. А. чѣмъ дальше, тѣмъ больше наставляетъ пріятельницу, совѣтуетъ больше думать, трудиться, любить всѣхъ, а прежде всего Бога, на Него во всемъ полагаться и уповать... И такія рѣчи, случается, ведутся далеко за полночь, — дочь священника часто остается ночевать въ домѣ княгини.

Этотъ наставительный тонъ, отношеніе старшаго къ младшему продолжаютъ сохраняться во всей силѣ, даже и въ предлагаемой перепискѣ, которая относится къ 1834—1840 гг., т. е. когда Александра Григорьевна была

уже вполнѣ взрослымъ человѣкомъ. Молодая дѣвушка, видимо, обожала Наталью Александровну, жила ея радостями и тосковала ея горемъ. Она принимала горячее участіе въ положеніи своей подруги у княгини Хованской. Глазами своего друга смотрѣла на многое. Подъ ея вліяніемъ привыкла уважать и чуть не благоговѣть передъ умомъ и нравственною силою ея двоюроднаго брата, Александра Ивановича. Послѣ этого вполнѣ понятно, что зародившуюся любовь къ нему Наталья Александровна не скрыла отъ своего юнаго друга. Она, повѣрявшая ей все, повѣрила и это. И разъ вмѣстѣ съ нею подъ неизбѣжнымъ присмотромъ княгининой компаньонки, Марьи Степановны, черезъ которую Натальѣ Александровнѣ въ юности пришлось вытерпѣть много непріятностей, она ѣздила съ нею на скачки, гдѣ, встрѣтившись съ Александромъ Ивановичемъ, всѣ вмѣстѣ прошли погулять на Ваганьково кладбище. Это было послѣднее свиданіе брата и сестры на волѣ. Александра Григорьевна была свидѣтельницею этого свиданія. Оно происходило 21-го іюля 1834 г.

Долго не могла забыть объ этомъ днѣ Н. А. Черезъ мѣсяцъ она описываетъ это свиданіе и свои чувства въ письмѣ къ пріятельницѣ, какъ-бы для того, чтобы лучше запечатлѣть обѣимъ этотъ знаменательный день и фактъ свиданія. Вмѣстѣ съ письмомъ, которое писано въ тетрадкѣ, она въ той-же тетрадкѣ посылаетъ списанныя ею стихотворенія Козлова, которыя, по ея словамъ, нравились тогда ея дорогому брату, теперь оторванному отъ нея. Но въ письмѣ нѣтъ и тѣни отчаянія, оно полно вѣры въ возможность лучшаго будущаго: «Вѣрю, пишетъ она, что нѣкогда я увижусь съ братомъ, что будетъ время счастья, и мы, счастливые, прославимъ имя милосердаго Бога!»

И Наталья Александровна не ошиблась. Прошли четыре мучительныхъ года разлуки, во время которыхъ ей пришлось перенести и переиспытать много тяжелаго, и 8-го мая 1838 года, когда за нею въ Москву явился изъ Владиміра, тайкомъ, дорогой братъ, давно жданное счастье было уже близко: на другой день, именно 9-го мая, во Владимірѣ, въ Ямской загородной церкви, она вѣнчалась съ дорогимъ человѣкомъ. 10-го мая она уже извѣщала свою московскую пріятельницу дѣтства, посвященную во всѣ тайны приготовленія къ побѣгу изъ дома княгини Хованской: «Сашенька! Вчера въ 8 час. вечера мы обвѣнчались. Довольно!»

Память о добромъ любящемъ сердцѣ, оставленномъ въ Москвѣ, не заглушалась и невыразимо счастливыми днями, полными небеснаго восторга и прелести, которые настали теперь для Натальи Александровны во Владимірѣ: не смотря на первый мѣсяцъ замужней жизни, она часто пишетъ подругѣ. Передъ нами ея письма отъ 10-го, 18-го и 21-го мая 1838 г. Въ письмѣ отъ 21-го мая она заставляетъ даже сдѣлать приписку самого Александра Ивановича, котораго смущалась и конфузилась Александра Григорьевна, какъ необыкновенно умнаго человѣка. «Безсовѣстная Сашенька, не стыдно-ли не написать хотя строчку-бы? Я-же говорила тебѣ, что Александра бояться нечего,

ты, можетъ быть, и не повѣришь, ну такъ онъ самъ скажетъ, съ какимъ удовольствіемъ читалъ онъ всѣ твои письма и восхищался твоею любовью ко мнѣ»...

Приписка рукою Александра Ивановича, долженствовавшая разсѣять въ Александрѣ Григорьевнѣ страхъ, чрезвычайно характерна для его тогдашняго настроенія. Я возьму изъ середины ея только нѣсколько строкъ: «...и какъ-же вамъ бояться всего суда, суда земнаго человѣка, когда вы не боялись приблизиться къ ней, къ ангелу небесному?»

Другія приписки Александра Ивановича въ письмахъ жены болѣе ничтожны: онѣ ограничиваются или подписомъ одной его фамиліи или посланіемъ поклона, или... Впрочемъ, одна, сдѣланная въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти матери Александры Григорьевны, очень любопытна, такъ какъ она свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ религіозномъ чувствѣ, какимъ былъ полонъ въ тотъ періодъ А. И. Герценъ. Вотъ что приписывалъ онъ въ утѣшеніе дѣвушкѣ, у которой умерла мать.

«Принимая искреннее участіе въ горести, постигнувшей васъ, я надѣюсь, что вы найдете столько силъ, чтобы безропотно покориться Богу и его волѣ». Извѣстно, что Герценъ въ крутицкихъ казармахъ зачитывался Четьи Минеями, и плодомъ этого чтенія и религіознаго настроенія явилась его превосходная «Легенда о св. Θеодорѣ».

Но и изъ Владиміра Наталья Александровна не переставала поддерживать въ своей подругѣ любовь къ просвѣщенію: «Занимаешься-ли ты чтеніемъ? спрашиваетъ она. Не зарывай своихъ талантовъ, Саша». Въ другомъ письмѣ говоритъ: «Береги свою свѣтлую душу, береги ее отъ земли, отъ людей, а болѣе всего отъ дремоты; помнишь, какъ мы объ этомъ говорили часто и много».

Переписка становится нѣсколько рѣже, когда Наталья Александровна готовится сдѣлаться матерью. Но въ каждомъ письмѣ она не нарадуется на свою жизнь, на свое счастье, и постоянно повторяетъ: «хороша жизнь наша, Саша!» или: «я съ нимъ—и довольна!»... «Вотъ это гармонія, вотъ та молитва, та жизнь ангеловъ, о которой мнѣ мечталось, снилось, ожиданіемъ которой я жила двадцать лѣтъ»..

Таковы отзывы о жизни во Владимірѣ съ братомъ и другомъ были въ первое время. Но они не менѣе восторженны и позднѣе: «Вотъ ужъ скоро два года! пишетъ она, и ни облачка на нашемъ небѣ, ни пылинки на душѣ!... Я не перестаю говорить: хороша жизнь! хороша жизнь! Слава въ вышнихъ Богу!...» Послѣднія слова уже писаны изъ Петербурга, по возвращеніи изъ Владиміра.

Сообщаетъ Наталья Александровна и о своемъ первенцѣ Александрѣ, о томъ, что ради него читаетъ, учится.

«Я очень много занимаюсь, читаю Шиллера и Гёте. Теперь я, Сашенька,

кормилица и няня, хочется быть и учительницею его, хотя сначала, и потому я учусь сама».

Александра Григорьевна аккуратно отвѣчаетъ на всѣ письма. Кое - что сообщаетъ изъ своей жизни, но это «кое-что» почти всегда грустное: или ей свтаютъ какого-нибудь «урода», хотятъ выдать замужъ, когда мечты влекутъ ее въ другую сторону; или сообщаетъ горькую вѣсть, сперва о болѣзни, а потомъ и о смерти своей матери, послѣ которой на ея рукахъ остались три младшія сестры; между ними была и наша поэтесса, Антонина Григорьевна, о которой говорилось въ началѣ.

Вскорѣ послѣ смерти матери, Александру Григорьевну все-же выдали за молодаго семинариста, учителя въ школѣ при Донскомъ монастырѣ, Михаила Алексѣевича Лаврова, которому дано было мѣсто дьякона въ церкви Іоанна-воина, что на Шаболовкѣ, въ Москвѣ. Послѣ выхода замужъ переписка ея съ Натальею Александровною разомъ обрывается. Что помѣшало корреспондировать московской подругѣ? почему она вдругъ замолкла? опредѣленнаго отвѣта переписка не даетъ, не помнитъ хорошо и сама Александра Григорьевна. Потому приходится ограничиться предположеніемъ: переписка прекратилась, должно быть, потому, что отъ мужа стало труднѣй, чѣмъ отъ отца, скрыть переписку съ ссыльными, съ ссыльною подругою. Вотъ единственно возможное предположеніе.

Но Наталья Александровна не можетъ помириться съ безпричиннымъ разрывомъ. Она изъ Петербурга въ іюлѣ 1840 года пишетъ пріятельницѣ и повторяетъ, что не перестаетъ любить ее. «А я люблю тебя все попрежнему, все попрежнему вспоминаю и думаю о тебѣ часто, и теперь пишу тебѣ, не сомнѣваясь, что строки мои принесутъ тебѣ хотя сколько-нибудь удовольствія». И несмотря на упорное молчаніе пріятельницы, она все-же вводитъ ее въ курсъ своей жизни, разсказываетъ о Петербургѣ, о морѣ, о Невѣ, о своихъ прогулкахъ въ лодкѣ вмѣстѣ съ мужемъ.. «мы очень часто катаемся по ней (т. е. по Невѣ), поздно вечеромъ, одни въ маленькой лодочкѣ... я не перестаю говорить: хороша жизнь!»

Для Натальи Александровны очень горько, что она ничего не знаетъ о пріятельницѣ, объ ея новой жизни; ей горько, что замужество Александры Григорьевны какъ-бы оттѣснило отъ нея всѣхъ прежнихъ друзей, и она съ горечью прибавляетъ: «Или все милое прошедшее, исполненное священнаго и поэтическаго. уже не существуетъ для тебя болѣе?...»

Этимъ грустнымъ письмомъ и заканчивается переписка.

Таковы въ общемъ характеръ и содержаніе печатаемыхъ ниже писемъ. Въ нихъ ни слова нѣтъ о внутренней жизни молодыхъ Герценовъ, ни слова объ ихъ духовныхъ интересахъ, которыми полна была ихъ жизнь во Владимірѣ.

Отчего-же Наталья Александровна такъ упорно молчитъ обо всемъ этомъ?

Можетъ быть, она считаетъ пріятельницу недоразвитою для пониманія того, чѣмъ жила она съ своимъ мужемъ? Но такое предположеніе опровергаетъ какъ первое письмо, писанное въ тетрадкѣ и посланное вмѣстѣ съ стихами еще въ Москвѣ съ Поварской на Бронную, такъ и послѣднее, писанное изъ Петербурга. Въ первомъ, которое походитъ больше на воспоминаніе, чѣмъ на письмо, на воспоминаніе, нарочно писанное для друга на память, здѣсь говорится обо всемъ, что волнуетъ молодую душу, о своемъ горѣ, о горѣ брата, у котораго отняли друга (Огарева), высказывается негодованіе, недовольство... Несомнѣнно, такое письмо писано къ другу, который въ силахъ понять многое...

Въ послѣднемъ-же письмѣ, изъ Петербурга, Наталья Александровна проситъ пріятельницу вернуть ей, черезъ Сашу Вырлину, «тетрадку Огаревскихъ стиховъ». «Зачѣмъ ты не возвратила мнѣ ихъ, какъ я была въ Москвѣ?» прибавляетъ она. Значитъ, она довѣрила ихъ подругѣ, этотъ завѣтный плодъ того времени? значитъ, говорила съ нею о поэтѣ, его стихахъ? Говорила, навѣрно, и въ свой проѣздъ черезъ Москву изъ Владиміра въ Петербургъ, когда видѣлась съ Александрою Григорьевною, тогда уже не Кліентовою, а Лавровою. (Отъ этого пребыванія въ Москвѣ, въ предлагаемой перепискѣ встрѣчаются двѣ маленькія записочки Натальи Александровны).

Нѣтъ, въ отношеніяхъ къ Александрѣ Григорьевнѣ со стороны Натальи Александровны было больше, чѣмъ простая ласка и снисхожденіе. Наталья Александровна посвящала пріятельницу въ свои нравственные интимные интересы, дѣлилась съ нею своими симпатіями, читала съ нею Огаревскіе стихи и даже давала ей ихъ на домъ: «Зачѣмъ ты не вернула ихъ, какъ я была въ Москвѣ?»

Надо думать, что единственно ради осторожности, въ силу предупредительной заботливости о своемъ другѣ, Наталья Александровна не трогала въ письмахъ изъ Владиміра «иныхъ» вопросовъ, а не потому, чтобы считала ее неспособною понять.

Послѣ своего побѣга во Владиміръ, къ брату-жениху, о чемъ пріятельница знала заранѣе, Наталья Александровна боится, какъ-бы пріятельницѣ не досталось отъ родныхъ за дружбу къ бѣглянкѣ, сдѣлавшейся черезъ мужа ссыльною. Въ третьемъ письмѣ, изъ Владиміра, она тревожно спрашиваетъ: «Интересно знать, какъ принялъ это твой папенька. Напиши, не досталось-ли тебѣ?»

Такъ вотъ что удерживало Наталью Александровну отъ писемъ другаго характера, а никакъ не недостатокъ развитія пріятельницы. Встрѣча съ такими людьми не прошла для Александры Григорьевны даромъ, а въ особенности съ такимъ идеально-хорошимъ человѣкомъ, какимъ была Наталья Александровна. Затронутая въ юности идеями добра и гуманности, Александра Григорьевна на своемъ вѣку много поработала и пожила для другихъ. Сперва заботилась

о сестрахъ, потомъ ходила за больнымъ мужемъ, который черезъ годъ послѣ женитьбы умеръ отъ чахотки. Вернувшись вдовою въ родную семью, она отдала всю себя заботѣ объ отцѣ и сестрахъ, изъ которыхъ самую младшую выдала замужъ, похоронивъ двухъ остальныхъ, въ томъ числѣ и поэтессу Антонину Григорьевну. А по смерти младшей замужней сестры, взяла къ себѣ ея дочь сироту, и всею силою своей любящей души привязалась къ племянницѣ, замѣнила ей и мать, и умную воспитательницу; сама репетировала съ нею всѣ предметы, когда та по вечерамъ возвращалась домой изъ гимназіи. Выдавши племянницу замужъ, она теперь, старенькая старушка, живетъ одна, сохраняя до сихъ поръ интересъ къ литературѣ, читаетъ газеты, журналы. Имена Герцена, его жены, ихъ друга Огарева до сихъ поръ звучатъ для нея, какъ дорогое прошлое, милы ей, близки ея сердцу, какъ свѣтлые дни дорогой, невозвратной юности.

Но я сказала раньше, что Александрѣ Григорьевнѣ пришлось встрѣтиться въ своей жизни на одинъ, на два дня и съ другимъ общественнымъ дѣятелемъ, болѣе поздняго періода, съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ.

Эта встрѣча такъ характерна для духовныхъ нравовъ того времени, и притомъ она отмѣчаетъ и одну изъ выдающихся чертъ характера Николая Гавриловича, его мягкость и деликатность, что я разскажу ее здѣсь, и этимъ закончу свою замѣтку.

То было въ 1846 году, когда мать Николая Гавриловича Чернышевскаго, Евгенія Егоровна, повезла своего сына изъ Саратова, для поступленія въ петербургскій университетъ. Мать и сынъ выѣхали въ путь на собственныхъ лошадяхъ, на тройкѣ. Москва для нихъ была чужой, незнакомый городъ; они рѣшили въ ней отдохнуть, остановиться на нѣсколько дней, но гдѣ? куда направить путь, въѣхавши въ заставу? Если въ гостинницу? Но это и дорого, и непривычно для саратовской матушки, никуда не выѣзжавшей, да и боязно какъ-то. Еще въ Саратовѣ, собираясь въ дорогу, она вмѣстѣ съ мужемъ надумала остановиться отдохнуть и переночевать въ Москвѣ у своего земляка, Григорія Степановича Кліентова, священника при церкви Воскресенія Словущихъ. Но надо замѣтить, что никто изъ Чернышевскихъ, ни отецъ, ни мать, ни, еще менѣе, самъ Николай Гавриловичъ, никогда въ глаза не видали священника Кліентова. Но, по тогдашнимъ нравамъ, это ничего не значило: вѣдь, они знакомы съ его родственниками, знаютъ, что онъ родомъ изъ Саратова, и этого совершенно достаточно, чтобы, въѣхавъ въ Москву, направиться на Малую Бронную.

Семья священника Кліентова сидѣла вся въ сборѣ, когда послышалось на дворѣ громыханіе въѣзжающей тройки. «Кто тамъ? Никакъ гости?..» И дѣйствительно, растворилась дверь и на порогѣ показалась укутанная по дорожному неизвѣстная женщина, съ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ. Женщина отрекомендовалась женою саратовскаго священника Чернышевскаго, назвала

нѣсколько общихъ знакомыхъ именъ изъ земляковъ, отрекомендовала сына и самымъ добродушнымъ образомъ спросила позволеніе ночевать и поставить на дворѣ своихъ лошадей.

Обычай гостепріимства и царственная патріархальность требовали со стороны хозяевъ привѣта и радушнаго пріема пріѣхавшимъ землякамъ. Чернышевскіе были приняты радушно, хотя и не безъ откровенныхъ, шутливыхъ остротъ и поговорокъ, которыми всегда изобиловала рѣчь хозяина. Они переночевали. Евгенія Егоровна Чернышевская рѣшила на другой день везти сына къ Троицѣ Сергію, чтобы помолиться угоднику передъ поступленіемъ сына въ университетъ. Ей очень понравилась старшая дочь хозяина, молодая вдовушка, Александра Григорьевна, замѣнявшая въ домѣ хозяйку и мать. Она стала просить, чтобы отецъ отпустилъ дочь съ ними къ Троицѣ. Александра Григорьевна была уже вдовою, но, по тогдашнимъ нравамъ, не смѣла безъ позволенія отца не только уѣхать къ Троицѣ, но даже и выйти изъ дому. Хоть и не безъ труда, но Евгеніи Егоровнѣ все-же удалось получить согласіе.

И опять на той-же тройкѣ, на которой мать и сынъ прибыли изъ Саратова, поѣхали теперь всѣ трое на богомолье къ Троицѣ Сергію.

Изъ этой дороги Александрѣ Григорьевнѣ припоминается теперь только необычайная любовь и заботливость матери о Николаѣ Гавриловичѣ. Мать ежеминутно то укрывала, то укутывала сына, безпокоилась, какъ-бы его дорогою не обдуло: она прикрывала его со стороны вѣтра то собственною ладонью, то всѣмъ своимъ тѣломъ, то платкомъ, распустивъ его по воздуху и придерживая обѣими руками.

Такъ доѣхали до Сергіевскаго посада. Остановиться на этотъ разъ пришлось на постояломъ дворѣ. Евгенія Егоровна взяла одну комнату. Днемъ отъ такого совмѣстнаго помѣщенія неудобствъ не представлялось, но какъ быть ночью? Хотя какъ ни патріархальны были нравы того времени, все-же нельзя было ложиться спать молодой вдовѣ въ присутствіи молодаго человѣка. Если взять еще другую комнату, то это слишкомъ дорого... Но Евгенія Егоровна нашлась, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, не дѣлая никакихъ лишнихъ затратъ. Когда пришло время ложиться спать, она сказала сыну: «А ты, Николя, полѣзай-ка подъ кровать, да тамъ и усни. А мы обѣ на кровать ляжемъ. Намъ такъ удобно будетъ и спать и раздѣваться».

Николай Гавриловичъ ни чуть не смутился неудобствомъ помѣщенія, спокойно, безъ всякихъ возраженій, полѣзъ подъ кровать, и тамъ расположился на ночлегъ.

На другой день Чернышевская проснулась рано, разбудила Александру Григорьевну: «Вставай, къ заутрени пора!»

Разбуженный скрипомъ кровати, а, можетъ быть, и разговоромъ матери, Николай Гавриловичъ завозился въ своемъ импровизированномъ помѣщеніи. «А ты, Николя, смотри, погоди вылѣзать-то! крикнула она ему. Полежи, пока мы одѣнемся».

«Такъ онъ, бѣдненькій, и пролежалъ подъ кроватью, пока мы одѣлись, разсказывала Александра Григорьевна. А какъ вылѣзъ оттуда—весь перепачканный въ пуху,—словно шутъ. Дорогой, когда мы возвращались, продолжала она, Николай Гавриловичъ много говорилъ о Гегелѣ, о своихъ литературныхъ планахъ. Онъ очень благоволилъ ко мнѣ... Прощаясь и уѣзжая въ Петербургъ, онъ сказалъ: «Первую книгу, которую напишу, посвящу непремѣнно вамъ!... Да такъ и не посвятилъ... Забылъ?» грустно закончила свой разсказъ семидесятилѣтняя старушка.

Е. С. Некрасова.

Письма Натальи Алексан. Герценъ къ Александрѣ Григорьевнѣ Кліентовой.

I.

1834 г. августа 22-го дня.

Саша! читай эти стихи [1]) и вспоминай моего брата [2]) (они ему нравились); вспоминай прелестнѣйшаго человѣка, его дивную, прекрасную душу, его возвышенныя, благородныя чувства,—вспоминай, и это воспоминаніе навѣетъ на тебя желаніе стремиться къ прекрасному. Въ бесѣдѣ его я была выше толпы, меня окружавшей; слушая его рѣчи, казалось, онѣ стирали тусклыя пятна земнаго дыханія съ души моей, и оставалось лишь одно свѣтлое, чистое зеркало! И этотъ дивный человѣкъ, этотъ чистый юноша гонимъ подозрѣніемъ... Вѣрь, Саша, что одна вѣра въ Провидѣніе, одна надежда на Его милосердіе утѣшаетъ меня, облегчаетъ мою горесть. Третьяго дня былъ ровно мѣсяцъ, какъ мы съ нимъ были на скачкѣ; помнишь-ли ты, какъ мы ходили по кладбищу? [3]). Думала-ли я, что это въ послѣдній разъ,

---

[1]) Это письмо писано въ тетрадкѣ, гдѣ Наталья Александровна, будучи еще въ дѣвушкахъ, собственноручно списала слѣдующіе стихи: 1) Псаломъ Давида („Какъ съ пылкой жаждой слить...“): 2) Вечерній звонъ—Козлова: 3) Была пора—они любили, и 4) „Добрая ночь“, Козлова.

[2]) То-есть Александра Ивановича Герцена, который доводился братомъ Натальѣ Александровнѣ Захарьиной и за котораго она потомъ вышла замужъ.

[3]) Александра Григорьевна Кліентова вмѣстѣ съ компаніонкою кн. Хованской, Маріею Степановною, и съ Натальею Александровною были на скачкахъ, оттуда прошли на Ваганьково кладбище. Туда-же со скачекъ пришелъ съ ними и А. И. Герценъ. Въ своихъ запискахъ онъ вспоминаетъ о посѣщеніи этого кладбища. Онъ говоритъ, что Natalie, какъ онъ звалъ Наталью Александровну, тогда свою двоюродную сестру: „разставаясь со мною на кладбищѣ, сказала мнѣ: „до завтра“. Это было 21-го іюля 1834 года.

Е. Н.

что я разстанусь съ нимъ такъ надолго? [1]). Впрочемъ, Саша, кажется, тогда было все грустно. Богатое кладбище, богатые памятники надъ прахомъ богачей свидѣтельствовали о ничтожности земнаго, съ холоднымъ привѣтомъ угрюмо радовались живому гостю и мертвымъ языкомъ приглашали въ свои мрачныя могилы. Можетъ быть, изъ насъ были и такіе, которые радостно смотрѣли на предѣлъ земныхъ страданій; но тому, кто еще не знакомъ съ жизнью, кто живетъ однѣми мечтами, одною надеждою на будущее, кто еще однимъ воображеніемъ понялъ свѣтлый міръ счастья — грустно думать о смерти. И Александръ [2]) былъ что-то скученъ. И солнце садилось что-то грустно, и какой-то грустный туманъ стлался, и, какъ безумная, толпа разсыпалась, столбы густой пыли покрывали пыльныхъ безумцевъ [3]), — все грустно! А какъ, простясь съ грустнымъ кладбищемъ, шли мы по полю къ заставѣ, горесть, ужасная горесть изображалась въ чертахъ Александра, даже въ голосѣ его я замѣтила перемѣну: томно и отрывисто разсказывалъ онъ, какъ отняли у него друга [4]). Бѣлая, какъ снѣгъ, башня виднѣлась вдали и, глядя на нее, я дивилась, какая награда ожидаетъ на землѣ великихъ! У заставы [5]) мы простились, мнѣ что-то грустно было разстаться съ нимъ; пока кареты наши ѣхали рядомъ, я смотрѣла на него, потомъ они поскакали впередъ, я посмотрѣла имъ вздъ, какъ-будто простилась [6]), и слышала только одинъ грустный шумъ ихняго экипажа. Такъ, Саша, въ послѣдній разъ я видѣла моего брата, въ послѣдній разъ я слушала нашего соловья, въ послѣдній разъ глядѣла на нашего ненагляднаго! Сегодня ровно мѣсяцъ, какъ его отняли у друзей. Нѣтъ, Саша, у тебя нѣтъ такого брата, ты не любишь такъ, не можешь понять этой ужасной горести, и ты плакала о немъ, какъ-же роднымъ его, его друзьямъ, которые его лишились (не плакать?). Я получила отъ него записку; кажется, онъ спокоенъ, а вѣра его, Сашенька, подкрѣпляетъ и мою вѣру [7]), въ ней ясно изображается его геній—терпѣніе въ высочайшей степени; теперь я спокойна, надѣюсь на Провидѣніе, вѣрую, что оно покровительствуетъ гонимымъ, подкрѣпляетъ ихъ и

[1]) На другой день А. И. Герценъ былъ взятъ, посаженъ въ крутицкія казармы, а затѣмъ уѣхалъ въ Пермь, въ Вятку, откуда былъ переведенъ во Владиміръ, и только 8-го марта 1838 года увидалась съ нимъ снова Наталья Александровна.

[2]) Александръ Ивановичъ Герценъ.

[3]) Это, должно быть, относится къ скачкамъ.

[4]) Рѣчь идетъ объ арестѣ Огарева.

[5]) Прѣсненская застава.

[6]) Это было въ 10-мъ часу 21-го іюля 1834 г.

[7]) Александръ Ивановичъ писалъ въ запискѣ: „Но нѣтъ, здѣсь въ душѣ горитъ вѣра—сильная, живая. Есть Провидѣніе! Я читаю съ восторгомъ Четьи-Минеи — вотъ примѣры самоотверженія, вотъ были люди!“ Плодомъ этого чтенія, какъ извѣстно, было созданіе „Легенды о св. Ѳеодорѣ“, напечатанной въ „Русской Мысли“ за декабрь 1881 года. Ю. Н.

утѣшаетъ; вѣрую, что нѣкогда и я увижусь съ братомъ, что будетъ время счастья, и мы счастливые прославимъ имя милосердагс Бога!

Прощай, родная моя Саша, будь счастлива, люби друзей,—это единственная отрада въ горести, если тебѣ суждено ее испытать. Будешь несчастлива, вѣруй въ Провидѣніе, что оно вознаградитъ тебя тамъ!

Прочти иногда эти строчки и вспомни 22-е іюля—ужаснѣйшій день [1]) въ моей жизни, вспомни и меня, искренняго твоего друга.

Наталья Захарьина.

2.

Владиміръ, 1838 г. мая 10-е.

Сашенька! Вчера въ 8 часовъ вечера мы обвѣнчались—довольно!

Наталья Герценъ.

Пиши непремѣнно.

[На обратной сторонѣ записки рукою А. И. Герцена написано: Александръ].

3.

Владиміръ, 1838 г. мая 18-е.

Сашенька, Сашенька! Вотъ это гармонія, вотъ та молитва, то небо, та жизнь ангеловъ, о которой мнѣ мечталось, снилось, ожиданьемъ которой я жила до 20 лѣтъ...

Не смѣю разсказывать,—страшно! Это значило-бы измѣрять вѣчность часами, Бога — душою... Нѣтъ, Сашенька, не могу, душенька, говорить о блаженствѣ, ты пойми сама, насколько можешь...

Дивно было наше вѣнчаніе. Въ одной каретѣ ѣхали мы съ Александромъ, рука съ рукою вошли во храмъ, и священникъ [2]) поэтъ вѣнчалъ съ чувствомъ, съ торжествомъ...

О, какъ все хорошо было! На третій день губернаторъ присылалъ за нами карету, потомъ мы были у архіерея [3]), который оказалъ мнѣ вниманіе чрезвычайное [4]), весь городъ хочетъ меня видѣть, какъ какое чудо. Ахъ, какъ-бы

---

[1]) 22-го іюля Наталья Александровна узнала, что Герценъ взятъ, это было въ день именинъ княгини Хованской; Н. А., какъ услыхала такую вещь, такъ тутъ-же упала безъ чувствъ.

[2]) Священника звали отецъ Іоаннъ. Вѣнчаніе происходило въ ямской церкви, въ верстахъ въ трехъ отъ города Владиміра.

[3]) Владимірскаго архіерея звали Парѳеній.

[4]) Архіерей самъ повелъ ихъ въ садъ, самъ нарѣзалъ молодымъ букетъ цвѣтовъ и совѣтовалъ молодой заниматься хозяйствомъ. Е. Н.

я желала, чтобы ты взглянула на насъ... Прощай, душенька, время летитъ незамѣтно; я буду все понемножку писать тебѣ, много—некогда. Цѣлую тебя, маменькѣ [1]) кланяюсь. Н. Герценъ.

Приписка сбоку. Пиши мнѣ, я повелѣваю тебѣ.

4.

Владимiръ, 1838 мая 21-e.

Безсовѣстная Сашенька! Не стыдно-ли не написать, хотя строчку-бы? Я-же говорила тебѣ, что Александра [2]) бояться нечего, ты, можетъ быть, и не повѣришь, ну, такъ онъ самъ скажетъ тебѣ, съ какимъ удовольствiемъ читалъ онъ всѣ твои письма и восхищался твоею любовью ко мнѣ.

Ежели не напишешь, я разсержусь; да не вздумай хитрить и умничать, (пиши) просто, какъ прежде. Будто ты не знаешь, что онъ — я, чего-же бояться? Да увѣдомь, что твое сватовство? Намъ интересно знать все, все о тебѣ.

Мы на новой квартирѣ, превосходной [3]), гуляемъ много, далеко, какъ все дивно, хорошо, свято!... Благодари Бога, душенька, нечего желать больше.

Приписка сбоку: Интересно знать, какъ принялъ это [4]) твой папенька [5])? Напиши, не досталось-ли тебѣ.

Маменька, вѣрно, знаетъ, такъ ей поклонъ.

Приписка рукою А. И. Герцена:

Помилуйте, Александра Григорьевна, да что я за цѣпная собака, что вы боитесь меня; нѣтъ, Александръ Наташинъ не страшенъ для той, которая такъ пламенно ее любила, и какъ-же вамъ бояться моего суда, суда земнаго человѣка, когда вы не боялись приблизиться къ ней, къ ангелу небесному? Ну, дайте-же ручку и прощайте, а, вѣдь, я, право, не кусаюсь.

А. Герценъ.

---

[1]) Мать А. Г. Клiентовой звали Елизаветою Алексѣевною.

[2]) Т. е. А. И. Герцена.

[3]) Въ первое время послѣ свадьбы молодая чета занимала холостую квартиру А. И Герцена, состоявшую изъ маленькихъ трехъ комнатъ и помѣщавшуюся у Золотыхъ воротъ. Потомъ они переѣхали въ огромный запущенный княжескiй домъ за Лыбедью, гдѣ была огромная зала, а при домѣ большой запущенный садъ.

[4]) Н. А. боится, что ея подругѣ достанется отъ отца за то, что она, Наталья Александровна, бѣжала и повѣнчалась съ сосланнымъ.

[5]) Отецъ А. Г. Лавровой былъ священникомъ въ Москвѣ при церкви Воскресенiя Словущихъ, что въ Малой Бронной. Его звали—Григорiй Степановичъ Клiентовъ. Е. Н.

5.

Владиміръ, 1838 г. іюня 12-е.

Ну ты что, моя душка, Сашенька? Вижу, смѣешься, плачешь отъ радости [1]). О, моя милая Сашенька, желала-бы я хоть на мигъ тебя во Владиміръ. Радуюсь отъ всей души, что уродъ [2]) отсталъ отъ тебя. Ты достойна участи лучшей,—блины и пироги не твоя доля, но да будетъ воля Его!

Я живу въ небѣ на землѣ,—довольна! Знаю, и тебѣ не нужны подробности. Посылаю тебѣ свою карточку [3]); знаю, что ты ее разцѣлуешь, обольешь слезами... Радостно и въ этомъ безмѣрномъ блаженствѣ воспоминаніе симпатіи твоей.

Цѣлую тебя.

Наталья Герценъ.

Приписки сбоку: Маменькѣ нашъ поклонъ.

Отошли Сашѣ [4]) ту записку осторожно.

Александръ тебѣ кланяется.

6.

Владиміръ, 1838 г. іюля 12-е.

Что, Сашенька, грустно тебѣ, душенька? Пуста Москва и Поварская [5]), безъ смысла, одно воспоминаніе, и изъ Загорья [6]) не ждешь .... за то

---

[1]) То-есть оттого, что узнала о свадьбѣ подруги съ любимымъ человѣкомъ.

[2]) Александрѣ Григорьевнѣ сватали какого-то жениха, который ей не нравился.

[3]) По всему вѣроятію, здѣсь говорится о карточкѣ пригласительной на свадьбу, которую она прислала подругѣ, но которая теперь затерялась.

[4]) Саша Вырлина жила горничною у княгини Марьи Алексѣевны Хованской, доводилась племянницею няни, ходившей за Натальею Александровною, когда она была взята въ домъ княгини. Сашѣ Наталья Александровна читала первую книгу, попавшуюся ей—Евангеліе, съ нею дѣлила свои мысли. А. И. Герценъ находилъ, что Саша была очень развита. „Я Сашу потомъ зналъ очень хорошо", говоритъ А. И. Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Гдѣ и какъ умѣла она развиться, родившись между кучерскою и кухнею, не выходя изъ дѣвичьей, я никогда не могъ понять, но развита была она необыкновенно..."

[5]) Домъ княгини Хованской, у которой жила и воспитывалась Наталья Александровна Герценъ, помѣщался на Поварской.

[6]) Загорье—имѣніе подмосковное княгини Хованской, гдѣ часто вмѣстѣ съ Натальею Александровною гащивала Александра Григорьевна. Загорье находилось близъ села Царицына. Е. Н.

совершилось твое желаніе, услышана молитва, не ропщи, благодари, Саша, благодари.

Можетъ быть, скоро увидимся и одинъ часъ искупитъ нѣсколько мѣсяцевъ разлуки.

Что ты дѣлаешь, что поешь? Я думаю альбомъ [1]) не покидаетъ форте-пьяно, и ты вспоминаешь безпрестанно, какъ я аккомпанировала тебѣ.

Да пиши-же мнѣ, неужели ужъ нѣтъ возможности украсть нѣсколько минутъ, особенно съ помощію маменьки.

Я ликую Саша, я въ небѣ, я съ нимъ .... Люблю вспоминать тѣ вечера, тѣ ночи—помнишь? «Ахъ, ma bonne ami, и не думайте, этого не возможно» [2]), душка моя, помнишь? Будетъ, будетъ время, когда ты также-рядомъ, также рука съ рукою сядемъ и будемъ говорить не о тогда, а о теперь!!...

Занимаешься-ли ты также чтеніемъ? Не зарывай своихъ талантовъ, Саша. Не стану писать, какъ мы живемъ, да знаю и ты не потребуешь этого. Люблю тебя, помню, я съ нимъ и довольна!

Наталья Герценъ.

Приписка: Александровъ поклонъ тебѣ.

7.

Владиміръ, 1838 г., сентября 20-е.

Маленькій листокъ тебѣ, милая Сашенька! но зато обширное на немъ чувство.... Благодарю за письмо. Я съ большою радостью вижу, что сѣмена падали не на камень [3]), ты все то-же милое, прелестное дитя. Береги свою свѣтлую душу, береги ее отъ земли, отъ людей, а болѣе всего отъ дремоты, ты помнишь, какъ мы объ этомъ говорили часто и много?

Пиши мнѣ, душенька, о себѣ всѣ подробности, не отдаютъ-ли тебя замужъ? Бываешь-ли у княгини [4]), что Саша [5]) и проч.

Теперь мы нанимаемъ прелестный домъ, сидимъ у камина, вспоминаемъ

---

[1]) Это альбомъ съ нотами, часть которыхъ была переписана для подруги Натальею Александровною.

[2]) А. Г. Кліентова звала Наталью Александровну ma bonne amie—и въ своихъ разговорахъ не допускала возможности, чтобы когда-нибудь удалось Натальѣ Александровнѣ соединиться съ А. И. Герценъ. Объ этомъ и вспоминаетъ теперь Наталья Александровна.

[3]) Наталья Александровна имѣла большое вліяніе на свою подругу, которая была года на три моложе ея.

[4]) Т. е. у княгини Марьѣ Алексѣевнѣ Хованской.

[5]) Саша—подруга и горничная Натальи Александровны. Е. Н.

друзей и наслаждаемся настоящимъ[1]). Вообрази, Сашенька, что мы съ Александромъ разстаемся недѣли въ двѣ на одинъ только часъ. О, душенька, какъ я счастлива! Обнимаю, обнимаю тебя.

Наталья Герценъ.

8.

Прочти Сашино письмо[2]), душа моя, Саша Кліентова! Прибавить о себѣ нечего, да и ей-Богу не могу, устала и грудь болитъ. Пиши мнѣ о себѣ. Вѣдь ты все-таки-же моя Сашенька, мой ребенокъ. А я твоя

Наташа.

9.

(Владиміръ, 1839).

Ну, душенька Саша, какъ я виновата передъ тобой, прости, прости. Люблю тебя, ей-Богу, также, часто говоримъ о тебѣ съ Александромъ, но лѣнь писать теперь[3]), не сердишься? Вѣдь, ты моя Сашенька, тебѣ сомнѣнье не придетъ въ сердце, и такъ аминь, аминь!

Вотъ тебя прошу написать мнѣ поскорѣе, что съ тобою происходитъ. Саша пишетъ, что у тебя есть женихъ, страшно за тебя: я такъ живо воображаю урода какого-нибудь. Напиши, душка, пожалуйста.

У насъ была Emilie[4]). Какъ пріятно встрѣтить друга несчастья[5]) въ

---

[1]) Говоря про этотъ періодъ своей жизни, А. И Герценъ прибавляетъ: „Но въ этомъ одиночествѣ грудь наша не была замкнута счастьемъ, а напротивъ была больше, чѣмъ когда-либо раскрыта всѣмъ интересамъ; мы много жили тогда и во всѣ стороны, думали и читали, отдавались всему и снова сосредоточивались въ нашей любви; мы свѣряли наши думы и мечты и съ удивленіемъ видѣли, какъ безконечно шло наше сочувствіе, какъ во всѣхъ тончайшихъ, пропадающихъ изгибахъ и развѣтвленіяхъ чувствъ и мыслей, вкусовъ и антипатій, все было родное, созвучное".

[2]) Т. е. письмо, написанное къ горничной Сашѣ.

[3]) По всему вѣроятію, подчеркнутое теперь есть намекъ на беременное положеніе.

[4]) Emilie—Эмилія Михайловна, русская гувернантка, которую княгиня Хованская взяла въ домъ для своей воспитанницы Натальи Александровны, когда послѣдняя была еще дѣвочкою. Emilie окончила курсъ въ институтѣ. Вотъ что говоритъ про нее А. И. Герценъ: „Разсѣянная, милая Эмилія склонилась передъ сильнымъ существомъ и совершенно подчинилась ученицѣ: видѣла ея глазами, думала ея мыслями, жила ея улыбкою, ея дружбою"...

[5]) Эмилія Михайловна, оставивъ мѣсто у кн. Хованской, все-таки изрѣдка заходила къ Натальѣ Александровнѣ, навѣщала ее въ самыя тяжелыя минуты,

счастьи, все вспомнили, все... Хороша жизнь наша, Саша, хочется видѣть и разсказать, а писать не хочется.

Мы въ Москву не скоро еще будемъ. И такъ ужъ я увижу тебя попадьею,— горько! А, можетъ, онъ и хорошій человѣкъ, дай Богъ тогда, чтобы это исполнилось [1]).

Что продолжаешь-ли ты посѣщать гробъ [2]), изъ котораго я воскресла, какъ Христосъ? Александръ кланяется тебѣ. Пиши-же мнѣ все, прощай, Господь съ тобою.

Твоя Н. Герценъ.

Приписки:

3-е марта. Саша, Саша, вспомните этотъ день!... [3]).

Душка, Сашенька, передай Сашѣ чернильницу ея работы, которая у тебя подъ сохраненіемъ. А ты, Саша Вырлина, перешли ее къ маменькѣ [4]), оказіи бываютъ часто.

10.

(Владиміръ, 1839 г., мая 1).

Совсѣмъ я тебя не забыла, душка моя, и не смѣй этого думать: къ Сашѣ не дошло письмо, въ которомъ была къ тебѣ записочка. А вотъ тебѣ такъ не простительно не писать мнѣ. И что твои женихи, не стыдно-ли не увѣдомить? И что ты дѣлаешь? Меня все также, какъ и прежде, интересуетъ и заботитъ все, что до тебя касается, гадкая ты, Сашенька, право!

когда княгиня, изо всѣхъ силъ, старалась выдать воспитанницу замужъ противъ ея желанія и воли. „Вчера, пишетъ какъ разъ въ этотъ тяжелый періодъ Наталья Александровна къ своему любимому брату А. И. Герцену въ ссылку, была у меня Эмилія, вотъ что она сказала: „Еслибъ я услышала, что ты умерла, я-бы съ радостью перекрестилась и поблагодарила-бы Бога“..

[1]) Но эта свадьба не состоялась: А. Г. Кліентова вышла впослѣдствіи за Михаила Алексѣевича Лаврова, съ которымъ жила всего годъ. Онъ былъ дьякономъ у церкви Іоанна Воина на Шаболовкѣ.

[2]) Это намекъ на домъ княгини М. А. Хованской, гдѣ Наталья Александровна прожила ужасные дни и откуда бѣжала, при помощи Н. Христофоровича Кетчера къ К. И. Герцену, который и привезъ ее, какъ свою невѣсту во Владиміръ.

[3]) Третье марта (1838 г.) былъ знаменательный день въ жизни Н. А. Герценъ: ея любимый братъ Александръ, теперь мужъ, пріѣзжалъ изъ Владиміра въ Москву только затѣмъ, чтобы повидать ее. И она видѣлась съ нимъ въ этотъ день раннимъ утромъ, когда въ домѣ княгини всѣ спали, видѣлась на нѣсколько минутъ послѣ 4-лѣтней разлуки.

[4]) Мать А. И. Герцена. Е. Н.

У меня семейство, дѣло домашнее, кухня, матушка, и то, и се. а у тебя что? — Погоди, душка, вотъ какъ совсѣмъ выздоровѣю [1]), много, много напишу тебѣ. Теперь прощай, обнимаю тебя.

Н. Герценъ.

Александръ тебѣ кланяется, а я маменькѣ [2]).

11.

Что-же отъ тебя ни словечка, моя душка? Отъ меня тебѣ объятія и крѣпкій, исполненный любви поцѣлуй. Александръ уѣхалъ на мѣсяцъ въ Петербургъ, скоро мы совсѣмъ туда переселимся, весною увидимся.

Саша разскажетъ тебѣ то, что Матвѣй [3]) ей разскажетъ объ насъ, о нашемъ малюткѣ [4]). Если писать, то писать все, а всего много.

Пиши мнѣ о своихъ обстоятельствахъ (преуморительное выраженіе!), что твой женихъ и все, все.

Ну, обнимаю тебя, моя душа!

Твоя Н. Герценъ.

Люблю, люблю тебя.

На другой страницѣ сдѣлана рукою А. И. Герцена приписка:

Мое вамъ почтеніе. А. Герценъ.

12.

(Владиміръ. 1840).

Получила я твое письмо, моя душечка Сашенька, оно меня ужасно огорчило [5]): душѣ моей близка твоя радость и горе. Спѣшу отвѣчать тебѣ, увѣрена, что мое письмо принесетъ сколько-нибудь утѣшенія, увѣрена и въ томъ, что въ тебѣ довольно твердости и вѣры въ Бога, чтобы не предаться со-

---

[1]) Т. е. когда разрѣшится отъ бремени.

[2]) Т. е. матери Александры Григорьевны.

[3]) Матвѣй—слуга, жившій у А. И. Герцена и вмѣстѣ съ нимъ ѣздившій изъ Владиміра въ Москву за невѣстою, т. е. Натальею Александровною. Этотъ-же Матвѣй оставался при А. И. и послѣ женитьбы послѣдняго. Судьба Матвѣя была несчастная: онъ утонулъ въ деревнѣ. Вотъ что писалъ объ этомъ событіи А. И. Герценъ: „Жаль, очень жаль намъ было Матвѣя. Матвѣй въ нашей небольшой семьѣ игралъ такую близкую роль, былъ такъ тѣсно связанъ со всѣми главными событіями ея послѣднихъ пяти лѣтъ и такъ искренно любилъ насъ, что потеря его не могла легко пройти“.

[4]) Т. е. о первомъ ребенкѣ молодой четы, объ Александрѣ Александровичѣ, который въ настоящее время профессоръ въ лозанскомъ университетѣ.

[5]) Въ немъ Александра Григорьевна сообщала о болѣзни своей матери у которой сдѣлался ракъ желудка. Ю. Н.

вершенно горести. Ты должна помнить, что ты подпора твоему родителю и почти вторая мать троимъ малюткамъ [1]), ради всего этого должна беречь себя и не терять присутствія духа, а потомъ ищи утѣшенія въ молитвѣ—она неисчерпаемый источникъ.

Не стану писать тебѣ о постороннихъ предметахъ, теперь тебѣ, вѣрно, не до нихъ. Мы-же всѣ здоровы, малютка [2]) нашъ ростетъ, утѣшаетъ насъ безъ мѣры. Счастье мое все также безпредѣльно, безмятежно, также свято и чисто. Жизнь полна, полна . . . на душѣ такъ свѣтло и такъ легко, такъ хорошо, хорошо....

Я не смѣю болѣе Ему молиться, я пою гимнъ. Иногда мы перебираемъ съ Александромъ всю нашу жизнь [3]) и плачемъ, Сашенька, плачемъ слезами истиннаго счастья и благодарности Небесному Отцу. Вотъ уже скоро два года!... И ни облачка на нашемъ небѣ, ни пылинки на душѣ...

Душка моя, перекрестись, читая эти строки.

Тебя, моя Сашенька, моя милая Сашенька, я люблю все также много, все также истинно, часто думаю о тебѣ, читаю твои письма, да ты не вѣришь? Но это *я* говорю. Боже мой, какъ хотѣлось-бы вотъ такъ крѣпко тебя обнять, поговорить съ тобою много, много, посмотрѣть хоть-бы какъ ты пройдешь по нашему полу.

Я очень много занимаюсь, читаю Шиллера и Гете. Теперь я, Сашенька, кормилица и няня, хочется быть и учительницею его, хоть съ начала, и потому я учусь сама. Въ теперешней моей жизни не тратится ни минуты даромъ, она отдана большому Александру и маленькому, а потомъ, я учу Катеньку [4]) по-французски и на фортепіано.

Прощай, моя душечка, дай Богъ, чтобъ это письмо нашло васъ всѣхъ совершенно здоровыми. Прошу тебя, увѣдомь меня поскорѣе касательно здоровья твоей маменьки. Божье милосердіе надъ всѣми вами.

Твоя Нат.

Приписка сбоку: Большой Александръ кланяется тебѣ, а маленькій—обнимаетъ своими маленькими рученками.

Папенькѣ мое глубочайшее почтеніе.

---

[1]) Т. е. роднымъ сестрамъ Александры Григорьевны.

[2]) Первый сынъ Александръ.

[3]) А. И. Герценъ не разъ упоминаетъ объ этихъ разговорахъ; онъ говоритъ, что любилъ въ тихія и кроткія минуты слушать разсказы жены объ ея прошлой жизни, о томъ, какъ она вмѣстѣ съ горничною Сашею выходила на воздухъ молиться за притѣснявшую ее кн. М. А. Хованскую.

[4]) По словамъ Александры Григорьевны, надо думать, что Катенька—одна изъ сестеръ Натальи Александровны. Е. Н.

13.

Владиміръ, 1840. Февраля 20-е.

Ну что я скажу тебѣ, Сашенька? Если-бы я была въ Москвѣ, то я взяла-бы твою руку, прижала-бы тебя къ моей груди, пролила-бы вмѣстѣ съ тобою горькія слезы, и тебѣ стало-бы легче; а писанныя слова, что принесутъ они тебѣ, моя душенька? [1]).

Кто вѣруетъ въ Провидѣніе, тотъ не отчаивается и въ ужасныхъ горестяхъ. Я желала-бы знать, здорова-ли ты? Если можешь, напиши мнѣ нѣсколько строкъ, хоть черезъ Сашу. О, какъ-бы я желала быть теперь въ Москвѣ! Я-бы ходила къ тебѣ, моя Сашенька. Душечка моя, какъ мнѣ хочется поплакать съ тобою!

Что папенька? Скажи ему мое почтеніе. Береги себя, утѣшай его.

Прощай; право теперь не нахожу ничего сказать тебѣ интереснаго. Малютка нашъ здоровъ, милъ, обнимаетъ тебя крошечными ручонками. Господь да сохраняетъ тебя и всѣхъ васъ!

Твоя Н. Герценъ.

Приписка А. И. Герцена: Принимая искреннее участіе въ горести [2]), постигнувшей васъ, я надѣюсь, что вы найдете столько силъ, чтобы безропотно покориться Богу и Его волѣ.

А. Герценъ.

14.

(1840 года, Москва).

Гдѣ ты, что ты, моя Сашенька? Я здѣсь, ужасно желаю тебя видѣть, напиши, что лучше: мнѣ къ тебѣ или тебѣ ко мнѣ? Душа моя, моя милая, Боже! перемѣнилась ты или нѣтъ?... Я все та-же, та-же.

Твоя Н. Герценъ.

15.

(Москва, 1840 года).

Я не знаю, къ чему приписать то, что ты не идешь ко мнѣ, душечка, Сашенька! Вѣроятно, ты давно знаешь, что я здѣсь. Я-бы сама пришла къ тебѣ, но мой малютка не позволяетъ мнѣ, я сама кормлю.

---

[1]) Это письмо писано въ отвѣтъ на извѣщеніе о смерти Елизаветы Алексѣевны Кліентовой, матери Александры Григорьевны.

[2]) Т. е. смерти матери. Е. Н.

Напиши-же, жива-ли ты, здорова-ли? и когда придешь. Я съ нетерпѣніемъ жду тебя.

Мое почтеніе папенькѣ и маменькѣ [1]).

Если тебѣ не съ кѣмъ придти, напиши, я пришлю за тобою нянюшку. Нѣтъ сомнѣнья, что папенька твой позволитъ тебѣ.

Твоя Н.

16.

(С.-Петербургъ, іюль 1840 г.).

Сашенька, ты не чувствовала необходимости быть у меня, вышедши замужъ [2]), ни даже обмѣняться словомъ, хоть письменно. Препятствія, я увѣрена, на это не могло быть. Ну, Богъ съ тобою. А я люблю тебя все попрежнему, все попрежнему вспоминаю и думаю о тебѣ часто, и теперь пишу тебѣ, не сомнѣваясь, что строки мои принесутъ тебѣ хоть сколько-нибудь удовольствія; ни горе, ни счастье, ничто не можетъ вытѣснить изъ моего сердца того, кто разъ вошелъ въ него.

Августа.

Это письмо было начато утромъ въ тотъ день, какъ нашъ милый малютка сильно занемогъ, тутъ все было оставлено и забыто, кромѣ [н]его, вотъ скоро этому 3 недѣли, теперь онъ, слава Богу, поправляется, и мы съ Александромъ воскресли. Можетъ быть, Богъ приведетъ тебя когда-нибудь быть матерью, и тогда ты поймешь все, (что) чувствуется при улыбкѣ и при слезахъ ребенка,— море горя и радостей.

Теперь о нашей жизни здѣсь,—она все та-же тихая, свѣтлая, уединенная. Много новыхъ наслажденій открылось душѣ въ Петербургѣ. Что всего болѣе поразило ее—это море, описывать не стану какое оно, такъ много говорено о немъ, и кто не видывалъ его въ своемъ воображеніи со всѣми ужасами его и во всемъ величіи; потомъ Нева... Мы очень часто катаемся по ней поздно вечеромъ, одни, въ маленькой лодочкѣ... Я не перестаю говорить: хороша жизнь! хороша жизнь! Слава въ вышнихъ Богу!!!...

Желалось-бы мнѣ очень знать о тебѣ, но ты, вѣроятно, не соберешься написать мнѣ. Я спрашивала о тебѣ Сашу, но и она ничего не знаетъ о тебѣ, неужели нѣтъ тебѣ возможности навѣстить ее? Или все милое прошедшее, исполненное святаго и поэтическаго, уже не существуетъ для тебя болѣе?...

---

[1]) Н. А. ошиблась: матери въ это время уже не было въ живыхъ.

[2]) Алекс. Григор. Кліентова вышла замужъ за Михаила Алексѣевича Лаврова. Е. Н.

Теперь я прошу тебя вотъ о чемъ, прошу, умоляю ради Бога: не медля какъ можно скорѣе, отошли къ Сашѣ [1]) тетрадку Огаревыхъ стиховъ, они намъ крайне нужны, и зачѣмъ ты не возвратила мнѣ ихъ, какъ я была въ Москвѣ; повторяю, какъ можно скорѣе, Александръ проситъ тебя объ этомъ.

Прощай, моя душечка, обнимаю тебя, поклонись усердно твоему супругу. Желаю вамъ всѣхъ благъ, да осѣняетъ и сохраняетъ васъ благодать Божія на всякій день и часъ.

Твоя Нат. Герценъ.

Адресъ: Сашенькѣ, бывшей Кліентовой, теперь не знаю—какой.

Сообщ. **Е. С. Некрасова.**

[1]) Она намъ перешлетъ.

НОВЫЕ ТРУДЫ Д. А. РОВИНСКАГО

I.

Дмитрій Александровичъ Ровинскій представляетъ собою очень рѣдкій у насъ примѣръ. Онъ одинъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ, но все-таки существующихъ на свѣтѣ русскихъ людей, которые, взявъ на свои плечи, еще въ молодости, важное и значительное дѣло, никогда не отступали отъ него въ продолженіе всей своей жизни, никогда ему не измѣняли, никуда не перебѣгали и не перескакивали, никому не позволяли сманивать себя на сторону, и постоянно снимали съ любовью возращаемаго ими дерева все новые и новые драгоцѣнные плоды.

Свою службу художеству и исторіи Россіи Дм. А. Ровинскій началъ еще юношей, когда ему было всего 20 съ небольшимъ лѣтъ, и вотъ теперь, когда ему изрядно за 60, онъ все тотъ-же, бодрый, храбрый и неутомимый, онъ все продолжаетъ гнать впередъ свое дѣло, ничѣмъ не развлекаясь, не глазѣя никуда по сторонамъ, не праздничая и не покладая рукъ [1]). Всего лѣтъ черезъ десять послѣ вы-

[1]) „Дмитрій Александровичъ Ровинскій род. 16-го августа 1824 г., въ Москвѣ; учился въ Училищѣ Правовѣдѣнія; кончилъ курсъ въ 1844 году... Участвовалъ въ трудахъ по составленію законоположеній объ освобожденіи крестьянъ, — отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; въ составленіи судебныхъ уставовъ 1864 г. Съ 1870 г.—сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго департамента; съ 1882 года—почетный членъ Императорской академіи наукъ; съ 1879 года почетный членъ Императорской академіи художествъ; членъ-корреспондентъ русскаго отдѣла академіи наукъ; почетный членъ Императорской Публичной библіотеки, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Московскаго Юридическаго общества“. См. Альбомъ ред. „Русской Старины“—„Знакомые“, изд. Спб., 1888 г., стр. 54 и 309. Годъ рожденія Д. А. Р—го—1824 г., а не 1826 г., какъ ошибочно показано въ альбомѣ. Ред.

пуска изъ училища правовѣдѣнія, онъ кончилъ въ 1856 г. свою „Исторію русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка", которую тотчасъ-же съ почетомъ напечатало на страницахъ своихъ „Записокъ" наше археологическое общество; въ 1870 году—многолѣтній и капитальный трудъ свой: „Русскіе граверы и ихъ произведенія"; два года спустя, въ 1872 году, не менѣе важную и сложную работу: „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ".

Въ теченіе 1870-хъ и 1880-хъ годовъ онъ издаетъ біографіи четырехъ значительныхъ русскихъ граверовъ, съ воспроизведеніемъ всѣхъ ихъ произведеній: въ 1878 году — „Русскій граверъ Чемесовъ" (17 гравюръ); въ 1884 году — „Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія" (33 гравюры); вслѣдъ затѣмъ—„Өедоръ Ивановичъ Іорданъ, его жизнь и перечень произведеній"; въ 1886 году—„Одиннадцать гравюръ И. А. Берсенева".

Въ то-же время, не ограничиваясь этими четырьмя послѣдними работами, и, повидимому, находя ихъ для себя еще слишкомъ легкими и не наполняющими всей его дѣятельности, Д. А. Ровинскій съ начала 1880-хъ годовъ началъ издавать въ свѣтъ самыя монументальныя, самыя громадныя и многосложныя свои изданія. Въ 1881 году появились его „Русскія народныя (лубочныя) картинки", изслѣдованіе въ 5-ти томахъ in 8°, съ атласомъ въ большой листъ, содержащимъ болѣе 800 картинокъ; въ 1882 году — „Матеріалы для русской иконографіи" (13 томовъ, съ 527 картинами); въ 1886 году—„Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ" (4 тома, in 8°, съ 700 фототипными портретами); въ 1890 г. —„Полное собраніе гравюръ Рембрандта, со всѣми рисунками въ отпечаткахъ: 1000 фототипій безъ ретуши (одинъ томъ текста, in 4°, и атласъ—въ трехъ томахъ, въ листъ).

Это все такія капитальныя, такія истинно вѣковыя изданія, которыя кажутся невозможными для усилій одного и того-же человѣка, да еще человѣка, занятаго обязательною государственною службою: въ началѣ своей карьеры Д. А. Ровинскій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся прокуроровъ нашихъ и принималъ громадное участіе въ приготовленіи и осуществленіи судебной нашей реформы; въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ онъ состоитъ сенаторомъ. И, однако-же, не смотря на такую свою постоянную занятость, Д. А. Ровинскій находилъ всегда столько времени, сколько нужно было для того, чтобъ заниматься самыми обширными, сложными и идущими до послѣднихъ мелочей изслѣдованіями, разысканіями; путешествія по Европѣ и Азіи, работа въ иностранныхъ галлереяхъ и коллекціяхъ, также уносили пропасть времени—и

все-таки Дм. Ал. Ровинскій успѣвалъ со всѣмъ этимъ справляться и издавать, безъ всякой чужой помощи и на одни собственныя средства, тѣ многочисленные томы за томами, ту огромную историческо-художественную галлерею, которая на вѣки останется связанною съ его именемъ.

II.

Мнѣ не разъ уже случалось говорить въ русской печати о необычайной дѣятельности Дм. Ал. Ровинскаго, и даже иногда, по приглашенію академіи наукъ, я давалъ ей подробный отчетъ о великомъ достоинствѣ его трудовъ, о которыхъ, къ великому моему сожалѣнію, наша публика все еще такъ мало знаетъ. Но на этотъ разъ мнѣ хочется дать моимъ читателямъ понятіе о самыхъ послѣднихъ изданіяхъ Ровинскаго, только немного недѣль тому назадъ явившихся въ свѣтъ. Это тѣмъ болѣе будетъ, мнѣ кажется, кстати, что и объ этихъ изданіяхъ никто у насъ въ печати ни слова не говоритъ, какъ будто они ровно ничего не стоятъ. Это, конечно, довольно удивительно. Попробуй кто-нибудь сказать, что у насъ „знатоковъ“ и „свѣдущихъ людей“ по такой-то или такой-то части нѣтъ. Ухъ, какіе вопли тотчасъ поднимутся. „Какъ—у насъ нѣтъ?! У насъ все есть, у насъ есть знатоки и доки по всѣмъ частямъ, по любой, по какой угодно. Да еще такіе, которые всякихъ другихъ за поясъ заткнутъ“.—Прекрасно, отвѣчаешь имъ. Да что-же они все молчатъ, особливо въ самыхъ важныхъ случаяхъ? Вотъ, напримѣръ, хоть-бы по части всѣхъ этихъ изданій Дм. Ал. Ровинскаго за послѣднія 10—15 лѣтъ. Никто ни слова. Вѣдь это просто убійственно. Гдѣ-же эти „знатоки?“ Сидятъ, видно, по своимъ угламъ и только все пыжатся. Я, молъ, то̀, я, молъ, сё, мы съ товарищами звѣзды съ неба руками хватаемъ. А какъ дѣло дѣлать, какъ опредѣлительное и точное мнѣніе о важныхъ явленіяхъ чужаго труда сказать — тутъ молчокъ, тутъ насъ дома нѣтъ. А уже какой оказіи лучше нажить, какъ такія изумительныя, по богатству содержанія матерьяла, изданія, какъ „Русскія лубочныя картинки“, иллюстрированный „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, „Полное собраніе гравюръ Рембрандта“, или, наконецъ, „Матеріалы для русской иконографіи“.

Это послѣднее изданіе начало появляться въ свѣтъ, отдѣльными томами, въ 1882 году. Самый первый томъ носитъ особое заглавіе, именно: „Достовѣрные портреты московскихъ государей: Ивана III,

Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени". Но вмѣстѣ съ первымъ-же томомъ Дм. Ал. Ровинскій оставилъ совершенно въ сторонѣ такое неудовлетворительное заглавіе: неудовлетворительно оно было потому, что въ этомъ изданіи вовсе не появлялись только такіе портреты, которые были достовѣрны, „т. е. портреты, писанные съ натуры", какъ объяснялъ авторъ въ первыхъ-же строкахъ своего объяснительнаго текста. Тутъ, напротивъ, было на лицо много такихъ портретовъ, про которые никто на свѣтѣ не имѣлъ-бы возможности сказать и доказать, какъ они писаны или рисованы, съ натуры или изъ воображенія художника. А между тѣмъ, никакъ нельзя было оставлять ихъ въ сторонѣ: они слишкомъ были интересны и важны въ разныхъ отношеніяхъ. Сверхъ того, Дм. Ал. Ровинскій скоро убѣдился, что изданіе русскихъ иконографическихъ изображеній въ систематической формѣ представляетъ слишкомъ много затрудненій, а потому тотчасъ-же и покинулъ эту неудобную форму. Прежнее заглавіе: „Достовѣрные портреты" онъ замѣнилъ заглавіемъ: „Матеріалы для русской иконографіи", а систематическій порядокъ—случайнымъ.

Въ предисловіи къ новому своему изданію (1884 г.) авторъ говоритъ: „Матеріаловъ для каждаго изъ предположенныхъ мною отдѣловъ накопилось уже довольно много; но въ ряду ихъ есть все еще значительные пробѣлы, до пополненія которыхъ изданіе въ свѣтъ „систематическихъ отдѣловъ иконографіи" было-бы преждевременно. Всего досаднѣе, что иногда почти готовый уже отдѣлъ не можетъ быть выпущенъ въ свѣтъ изъ-за нѣсколькихъ недостающихъ листовъ, которые приходится разыскивать по частнымъ собраніямъ и за-границею. Время, между тѣмъ, уходитъ; рѣдкіе и цѣнные листы, изготовленные для изданія и представляющіе, каждый въ отдѣльности, живой историческій интересъ, лежатъ въ безвѣстности; любители и собиратели старины жалуются и негодуютъ... Назидательный примѣръ Бекетова убѣдилъ меня въ справедливости ихъ требованій [1]), и я рѣшился приступить къ „предварительному" изданію собранныхъ мною снимковъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Матеріалы для русской иконографіи", отложивъ, до поры до времени, изданіе систематическихъ отдѣловъ".

Прошло десять лѣтъ, и громадное предпріятіе доведено до конца самымъ великолѣпнымъ и блестящимъ образомъ. Съ 1884 года

---

[1]) Платонъ Петр. Бекетовъ скопилъ огромное количество русскихъ портретовъ и, домогаясь все большей и большей полноты, не успѣлъ издать ихъ при своей жизни; послѣ-же его смерти, заготовленныя имъ доски распроданы и весь собранный матеріалъ почти пропалъ безслѣдно. Д. Р.

выпущено въ свѣтъ 12 большихъ томовъ, а считая и предыдущій, „Достовѣрные портреты", ихъ всего 13; послѣдніе 6 томовъ вышли зимою, предъ началомъ 1892-го года. Во всѣхъ 13-ти томахъ помѣщено 527 картинъ или изображеній. Но исполнены они такъ, что лишь къ безпредѣльной скромности автора можно отнести тѣ его слова, гдѣ онъ, какъ будто, сравниваетъ свое изданіе съ изданіемъ Бекетова. Конечно, Пл. Петр. Бекетовъ былъ человѣкъ почтенный и своею энергичною дѣятельностью, какъ собиратель и издатель, принесъ много пользы изученію русской исторіи и старины. Но 70 лѣтъ тому назадъ, еще мало имѣли у насъ понятія о художественной точности изданій, и всѣ гравированные портреты изданія Бекетова отличаются малою достовѣрностью, потому что выполнены плохимъ, но тогда моднымъ способомъ—пунктиромъ, со значительными прихорашиваніями и подслащиваніями оригиналовъ, быть можетъ, уже и такъ не очень-то вѣрныхъ. Какое сравненіе съ ними—портреты, рисунки и всякія вообще изображенія, воспроизводимыя въ изданіяхъ Дм. Ал. Ровинскаго уже по нынѣшнему, т. е. съ безконечною заботою о вѣрности и неизмѣнности противъ оригиналовъ! Здѣсь всѣ снимки сдѣланы, во-первыхъ, въ одну мѣру съ подлинниками,—этого прежде никогда не дѣлалось: вѣчно всѣ размѣры уменьшали и сокращали, какъ придетъ, бывало, въ голову издателю и граверу; во вторыхъ, они сдѣланы не по произволу, по капризу глазъ и рукъ гравера, а нынѣшними точнѣйшими техническими способами: посредствомъ способа художника Г. Н. Скамони, альбертотипіи, фотогіалотипіи, иногда—фотолитографіи. Зритель имѣетъ предъ глазами все равно что подлинный оригиналъ. При томъ-же самыя рамки изданія теперь у Д. А. Ровинскаго совсѣмъ другія: онъ взялъ въ свою программу массу такихъ русскихъ историческихъ портретовъ и изображеній, начиная съ XVI вѣка, о которыхъ, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, никакой собиратель и любитель или ученый и знатокъ не имѣлъ еще понятія.

Въ 13-ти томахъ собранія Д. А. Ровинскаго изданы, вопервыхъ, всѣ извѣстные гравированные, по большей части рѣдчайшіе, портреты Ивана III, Василія Ивановича, Ивана Грознаго и знаменитыя изображенія посольствъ XVI-го вѣка: Герберштейна (1517—1518), Племянникова и Истомы (1518), Колычева (1567), князя Сугорскаго (1576). Нѣкоторые изъ нихъ такъ громадны, что отпечатаны на 4 листахъ. Это все—въ томѣ „достовѣрныхъ портретовъ".

Въ слѣдующихъ затѣмъ 12-ти томахъ воспроизведены: всѣ извѣстные гравированные портреты Дмитрія Самозванца и Марины Мнишекъ и копіи съ 8-ми картинъ — коронованіе Лже-

димитрія, въѣздъ въ Москву и др., находящихся въ Московскомъ историческомъ музеѣ и Оружейной палатѣ; 20 портретовъ русскихъ царей и патріарховъ, внутри богатыхъ орнаментальныхъ рамокъ, сочиненныхъ старинными русскими граверами-серебряниками, изъ знаменитой громадной рукописи съ картинами называемой „Корень россійскихъ государей", и исполненныхъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, въ 1672 году. Въ числѣ ихъ, чрезвычайно замѣчательные по своей достовѣрности, портреты царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, патріарха Никона и четырехъ вселенскихъ патріарховъ, судившихъ Никона. Эти послѣдніе чрезвычайно типичны и писаны несомнѣнно съ натуры. Далѣе, слѣдуютъ всѣ портреты, упоминаемые въ знаменитомъ дѣлѣ Шакловитаго, въ томъ числѣ портретъ царевны Софіи, въ царскомъ одѣяніи (работы голландскаго гравера Блотелинга), и который отбирался подъ страхомъ смертной казни, а теперь извѣстенъ всего въ трехъ экземплярахъ на свѣтѣ; драгоцѣнный портретъ Андрея Денисовича Виніуса, основателя тульскихъ заводовъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, работы Вишера, по словамъ Дм. Ал. Ровинскаго, это—„рѣдчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый красивый и самый цѣнный листъ въ собраніи русскихъ портретовъ"; портретъ и картинки изъ рѣдчайшей кіевской брошюрки „Вирши на погребъ гетмана Сагайдачнаго", 1622 года; два портрета, одинъ въ ростъ, другой грудной, знаменитаго русскаго посла, конца XVII вѣка, Петра Ивановича Потемкина; „Котъ царя Алексѣя Михайловича", съ оригинала чеха Вячеслава Голлара, 1661 года; около 50 рѣдчайшихъ портретовъ—Петра Великаго; портреты гетмановъ Жолкевскаго и Сапѣги; императора-младенца Іоанна Антоновича на парадной кровати; арестъ правительницы Анны Леопольдовны" и т. д. Всѣ эти вещи, кромѣ гравюръ нашихъ серебряниковъ — работы иностранныхъ граверовъ.

Изъ многочисленныхъ работъ русскихъ художниковъ воспроизведено здѣсь также много замѣчательнаго, по рѣдкой или высокой художественности. Напримѣръ, снимокъ съ принадлежащаго графу Дм. Ив. Толстому единственнаго извѣстнаго портрета Бориса Петровича Шереметева — „генералъ ѳелть моршалка и ковалера", гравированный черною манерою Адріаномъ Шхонебекомъ, около 1700 года [1]); снимки съ двухъ наирѣдчайшихъ

[1]) По поводу этого портрета необходимо указать на одну маленькую неточность Дм. Ал. Ровинскаго. Въ текстѣ, сопровождающемъ этотъ портретъ (выпускъ V, № 162), онъ говоритъ: „Особенно замѣчательна подпись подъ портретомъ, свидѣтельствующая о томъ, что Шхонебекъ гравировалъ его по

гравюръ царскаго иконописца Симона Ушакова, 1665 года: „Отечество“ и „семь смертныхъ грѣховъ“; нѣсколько снимковъ со столько же рѣдкихъ листовъ старинныхъ русскихъ „граверовъ-серебренниковъ“, цѣлыя книги: „Апокалипсисъ іерея Прокопія“ (1646—1647 гг.) и „Букварь монаха Каріона Истомина“, сочиненный въ 1692 году для обученія царевича Алексѣя Петровича и награвированный „граверомъ-серебряникомъ“ Леонтіемъ Бунинымъ въ 1694 году; снимки съ портретовъ Меншиковыхъ, матери и дочери, гравированныхъ черною манерою Алексѣемъ Зубовымъ (два единственныхъ извѣстныхъ экземпляра находятся въ Берлинскомъ музеѣ); снимки съ гравюръ Берсенева, Чемесова, Скородумова, знаменитаго Ѳедора Калмыка, Кипренскаго, Радига; копіи съ рѣдчайшихъ портретовъ: поэта Жуковскаго (работы Вендрамини), Сумарокова (работы Валькера), отпечатки съ подлинныхъ досокъ, нынѣ принадлежащихъ Д. А. Ровинскому: Шмидта—графъ Разумовскій, и Осипова—митрополитъ Андрей Мацѣевичъ и Карабановъ.

Въ этомъ-же изданіи явилось значительное количество громадныхъ такъ называемыхъ „тезисовъ“, почти всегда съ рѣдкими портретами знаменитыхъ историческихъ личностей; затѣмъ, огромное количество изображеній древнихъ народныхъ русскихъ костюмовъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, военныхъ и обыденныхъ, нарисованныхъ и награвированныхъ какъ русскими, такъ и иностранными художниками; множество видовъ русскихъ монастырей начала XVIII в.; видъ Коломенскаго дворца—съ единственнаго извѣстнаго экземпляра, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ, работы Гильфердинга; громадные листы: видъ Москвы, занимающій съ монастырями мѣсто въ цѣлую квадратную сажень; видъ Заяузья и похороны канцлера Петра I, Головина, (полные оригиналы этихъ гравюръ извѣстны всего въ двухъ, трехъ экземплярахъ)[1].

повелѣнію Петра I; такой подписи ни на одномъ еще портретѣ не встрѣчается“. Это ошибка: подъ портретомъ Петра Великаго, въ ростъ, и съ арапомъ позади, работы того же Шхонебека, находится точно также, какъ на портретѣ Шереметева, подпись: „Повелѣнию Его Цр'кого величества грыдоровалъ Адріанъ Шхонбекъ“. Буквы шрифта, и притомъ съ акцентами, какъ по-славянски, совершенно тожественны съ буквами на Шереметьевскомъ портретѣ. **В. С.**

[1]) Нѣкоторыя изъ рѣдчайшихъ гравюръ Петровскаго времени, воспроизведенныхъ въ превосходномъ изданіи Д. А. Ровинскаго, съ его обязательнаго разрѣшенія, переданы, по нашему заказу, на стекла: онѣ вошли въ большую коллекцію фотографическихъ на стеклѣ снимковъ, которыми мы, сопровождали, читанныя нами въ 1890 и 1891 годахъ, публичныя лекціи объ эпохѣ Петра Великаго въ аудиторіи Педагогическаго музея военно-учебныхъ

Наконецъ, въ высокой степени любопытенъ и важенъ отдѣлъ русскихъ и иностранныхъ каррикатуръ и всяческихъ сатирическихъ листовъ, начиная съ „Мыши кота погребаютъ" (продолженіе и дополненіе подобныхъ-же листовъ, изображенныхъ въ изданіи: Народныя (лубочныя) картинки"), идя сквозь весь XVIII вѣкъ, особенно эпоху Екатерины II, и продолжаясь въ теченіе всей первой четверти настоящаго вѣка (времена Павла I и Александра I). Этотъ громадный отдѣлъ, разсѣянный по множеству томовъ изданія, содержитъ свыше 120 листовъ.

III.

Предпринимая, какъ я уже не разъ высказывалъ въ печати, „Матеріалы для русской иконографіи" — это истинно монументальное изданіе, приносящее нашему отечеству столько-же пользы, сколько и чести, Дм. Ал. Ровинскій боялся, повидимому, что, пожалуй, не успѣетъ кончить его при своей жизни. Въ „Предисловіи" онъ говорилъ, восемь лѣтъ тому назадъ (въ 1884 году): „Если-бы мнѣ и не удалось довести до конца задуманную мною русскую иконографію, потеря будетъ не велика: главное дѣло въ изданіяхъ этого рода представляютъ снимки, а разъ они будутъ изданы, текстъ можетъ быть написанъ къ нимъ и другими изслѣдователями...." Дм. Ал. Ровинскій заблуждается громадно. „Потеря" была-бы не только велика, но просто незамѣнима для русской науки и искусства старой нашей національности. Скоро-ли окажется на лицо другой еще такой человѣкъ, который употребилъ-бы столько лѣтъ жизни, чтобы узнать, найти, полюбить, и, по нынѣшнему вѣрно, сохранить, для будущихъ поколѣній то, что Дм. Ал. Ровинскій узналъ, отыскалъ, оцѣнилъ и издалъ! Онъ, такъ сказать, навѣки застраховалъ весь этотъ драгоцѣнный матеріалъ отъ пропажи, погибели, забвенія. А чтобы написать текстъ къ такому матеріалу, какое-же надо знаніе, приготовленное долгими годами труда и изысканій!

„Потеря была-бы не велика!!!"

заведеній и въ залѣ I-го кадетскаго корпуса. Каталогъ этихъ фотографическихъ снимковъ для волшебнаго фонаря, воспроизводящаго ихъ на экранѣ, изданъ нами въ 1891 г. Спб., 8 д., стр. 29.

(Каталогъ напечатанъ всего въ 100 экз.).

Ред.

Напротивъ, мы протестуемъ противъ того, чтобы Дм. Ал. Ровинскій заговѣлся на тѣхъ 13-ти томахъ „Матеріаловъ", которые до сихъ поръ имъ такъ блистательно изданы. Пусть онъ ни на кого не надѣется, не предоставляетъ ни какому неизвѣстному „будущему" чести еще дальше вести свое чудесное дѣло. А за матеріаломъ никогда дѣло у него не станетъ. Онъ слишкомъ много узналъ въ разныхъ чужихъ собраніяхъ, государственныхъ и частныхъ, онъ слишкомъ много накопилъ въ своемъ собственномъ, великолѣпномъ и истинно несравненномъ собраніи, стоившемъ столькихъ трудовъ, хлопотъ, развѣдокъ, путешествій, денегъ.

Я-бы даже рѣшился напомнить Дм. Ал. Ровинскому (хотя, навѣрное, онъ и самъ лучше меня знаетъ, что у насъ есть еще важнаго и интереснаго), что такое онъ, по-моему, долженъ былъ-бы ввести въ составъ будущихъ своихъ томовъ. Я хочу это попробовать, чтобъ еще болѣе возбудить его издательскую энергію и предпріимчивость.

IV.

Во-первыхъ, я думаю, необходимо было-бы издать одну картинку изъ той-же самой „космографіи" Тевэ (La cosmographie universelle d'André Thevet, Paris, 1575), откуда взятъ имъ замѣчательный портретъ Ивана III. Это, именно, находящаяся на стран. 847-й II-го тома, картинка съ подписью: „Statue de Slata-Baba adoreé du simple peuple". Эта „Златая Баба", находящаяся, по словамъ Тевэ, въ Обдорскомъ краѣ, есть, конечно, одна изъ тѣхъ „каменныхъ бабъ", которыя такъ интересуютъ въ настоящее время нашу археологію. Положимъ, по обычаямъ XVI вѣка, эта „Баба" представлена у Тевэ очень условно, равно какъ и весь пейзажъ и городъ вдали; однако-же, все-таки необходимо издать этотъ древній историческій документъ, тѣмъ болѣе, что тутъ интересны костюмы сѣверныхъ людей, на колѣняхъ обожающихъ „Златую Бабу".

Затѣмъ, необходимо издать всѣ картинки изъ описанія посольства датчанина Ульфельда, бывшаго въ Россіи при Иванѣ Грозномъ въ 1575 и 1578 годахъ (Jacobi, nobilis Dani, Friderici II Regis legati, Hodoeporicon Ruthenicum. Francofurti, 1608). Картинокъ всего пять, но каждая изъ нихъ заключаетъ важный интересъ, потому что представляетъ такія русскія сцены и вещи, которыхъ мы не находимъ ни въ какихъ другихъ рисункахъ и гравюрахъ XVI-го вѣка. А именно: 1) Московскій Кремль, внутри котораго двумя дорожками, къ двумъ дворцамъ, построились русскіе бояре, такъ чтобъ

внутри этихъ живыхъ шпалеръ прошло къ царю датское посольство, со своими конями и драгоцѣнными подарками; 2) пріемъ посольства въ Грановитой Палатѣ: Иванъ Грозный сидитъ на тронѣ, подъ балдахиномъ, со скипетромъ и державою въ рукахъ; по правую его руку—его старшій сынъ, съ отцовскимъ посохомъ въ рукѣ; кругомъ бояре, сидящіе на скамейкахъ, но не въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ, какъ въ XVII вѣкѣ, напримѣръ, у Олеарія, а въ шапкахъ сравнительно низенькихъ; три главныхъ члена посольства сидятъ передъ Иваномъ, на особой скамьѣ, остальные посольскіе стоятъ въ другой палатѣ, за дверьми. Но что̀ еще придаетъ особую значительность картинкѣ, это та, неизвѣстная до сихъ поръ, подробность, что 4 рынды (пажа) стоятъ около Ивана Грознаго, взмахнувъ вверхъ, надъ головами, свои серебряныя сѣкиры; 3) обѣдъ у царя. За особымъ столомъ (безъ всякаго балдахина вверху) сидитъ Иванъ Грозный въ царскомъ вѣнцѣ и кафтанѣ съ застежками; рядомъ съ нимъ его старшій сынъ, Иванъ, въ мѣховой шапкѣ; передъ ними столъ нагруженъ весь блюдами; 11 царскихъ приспѣшниковъ идутъ по палатѣ съ другими еще блюдами; на трехъ особыхъ столахъ обѣдаютъ, среди оживленныхъ разговоровъ, русскіе бояре; всѣ они въ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Съ непокрытыми головами сидятъ одни пять иностранцевъ посольства, на краю стола, недалеко отъ царя. Въ высокой степени замѣчательна изразцовая печь, съ горельефными фигурами и огромный поставецъ съ огромными парадными блюдами; 4) Грановитая палата: царь Иванъ, сойдя съ трона и снявъ шапку, подтверждаетъ договоръ съ Даніею, положивъ руку на крестъ; послы передъ нимъ — также безъ шляпъ, но всѣ бояре вокругъ — въ мѣховыхъ шапкахъ; 5) Царская золотая съ камнями держава, и поставецъ для нея въ тронной залѣ. Замѣчу при этомъ, что съ одной изъ этихъ рѣдчайшихъ гравюръ, именно № 2, „пріемъ пословъ", была воспроизведена (очень худо и невѣрно, съ большими измѣненіями), гравюра въ путешествіи венгерца Какаша (Iter Persicum von Stephano Kakasch von Zalokemen (1602), Altenburg, 1609, 1610). Ее воспроизвелъ въ своихъ „Матеріалахъ" и Д. А. Ровинскій (выпускъ X, № 386), но не обратилъ почему-то вниманія на коренной оригиналъ Ульфельда, 1575 года, и время Ивана Грознаго, и потому думалъ, что тутъ изображенъ пріемъ посольства самого Какаша, царемъ Борисомъ Годуновымъ, 19-го іюля 1604 года.

Послѣ того, я полагаю, что надо издать всѣ картинки изъ рѣдкой книги Т а н н е р а: „Legatio Polonico-Lithuanica in Moscoviam, ...anno 1678,... suscepta, nunc descripta a Bernh. Leop. Franc. Tannero. Norim-

bergae, 1689“. Въ этой книгѣ особенно любопытны: 1) два отряда русскихъ всадниковъ, съ копьями, въ мѣховыхъ шапкахъ, кафтанахъ и съ большими крыльями за плечами. Такое изображеніе русскихъ крылатыхъ всадниковъ было уже представлено въ извѣстномъ сочиненіи Висковатова: „Историческое описаніе одежды и вооруженіе россійскихъ войскъ, составленное по высочайшему повелѣнію“, часть I, но тутъ оно было очень невѣрно; 2) убранство русскаго коня, съ цѣпями отъ узды, съ браслетами на ногахъ, и съ двумя конюхами по сторонамъ; 3) изображеніе, на стр. 35, русскагѳ „таракана“ (karacan): на этихъ животныхъ посольство Таннера часто должно было жаловаться; 4) изображеніе, на стр. 99, „свайки“, въ которую русскіе очень любили играть, сидя на плечахъ одинъ у другаго; 5) изображеніе русскихъ обуха и бердыша; наконецъ, 6) виды Москвы, Кремля, Успенскаго собора, русскихъ костюмовъ, русскихъ народныхъ увеселеній, по Олеарію.

Русскіе древніе виды городовъ, и ихъ зданій, деревень, бытовыхъ сценъ и костюмовъ, уже и теперь богато представленные въ изданіяхъ Ровинскаго: „Матеріалы иконографіи“ и „Народныя (лубочныя) картинки“, могли быть значительно пополнены изъ путешествій Олеарія, Мейерберга, де-Брюина и другихъ, а также изъ знаменитаго и превосходнаго изданія: „Civitates orbis terrarum“, Брауна и Гогенберга, Кёльнъ, 1572. Здѣсь есть: 1) большой видъ Москвы, съ конными и пѣшими фигурами изъ Герберштейна, санями и дугами, и изображеніями зубра; 2) воспроизведеніе, въ уменьшенномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ, громадной и рѣдчайшей гравюры съ видомъ Гродно: „Vera designatio urbis in Littavia Grodnae“, съ посольствомъ Ивана Грознаго къ польскому королю Сигизмунду, 1568 года; далѣе, 3) виды: Вильно, 1581 года (т. III); 4) Люблина, 1618 года (т. VI), 5) Замостья (того-же года) и другихъ городовъ съ русскими церквами и жильями.

Потомъ еще, слѣдовало-бы воспроизвести, въ „Матеріалахъ русской иконографіи“, карту Россіи, 1614 года, награвированную съ оригинала, сдѣланнаго по распоряженію Ѳедора Борисовича Годунова, и посвященную Гесселемъ и Герардомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, подъ заглавіемъ: „Tabula Russiae, ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris“ etc. Дм. Ал. Ровинскій говоритъ объ этой картѣ въ своихъ „Народныхъ (лубочныхъ) картинкахъ“, томъ IV, стр. 590, но, къ сожалѣнію, не воспроизвелъ въ „Матеріалахъ“. На этой картѣ есть любопытные маленькіе виды: Москвы и Архангельска, и изображенія трехъ русскихъ, въ костюмахъ конца XVI или начала XVII вѣковъ.

Наконецъ, въ числѣ видовъ и осадъ городовъ, превосходно былъ бы изобразить осаду Смоленска, въ 1609 году, поляками и нѣмцами, изображенную на рѣдчайшей гравюрѣ (находящейся въ собраніи картъ и видовъ Императорской Публичной Библіотеки), подъ заглавіемъ: „Warhafftige Bericht und Abbildung der Statt Smolenska wie sie von ihr Königliche Majestet ausz Polen belegert und hart zugesetzt wirdt...“ На этомъ видѣ, подъ буквой С. изображено какъ осажденные русскіе зажгли и покинули предмѣстье, а подъ буквой D.—какъ на выручку русскихъ подходитъ отрядъ изъ 1000 человѣкъ.

Впрочемъ, Дм. Ал. Ровинскій найдетъ, конечно, кромѣ всего этого, еще множество интереснаго и важнаго для продолженія великолѣпнаго своего изданія.

V.

Можно сказать, черезъ немного недѣль, чуть не дней, послѣ выпуска въ свѣтъ послѣднихъ шести томовъ своихъ „Матеріаловъ“, Дм. Ал. Ровинскій выпустилъ въ свѣтъ еще новое изданіе. Какова энергія, какова необычайная дѣятельность, какова несравненная иниціатива! И еще, еслибъ это было изданіе, предпринятое и выполненное какъ-нибудь на-скоро, поверхностно и небрежно. Такъ вѣдь нѣтъ-же, новая книга исполнена, во всѣхъ отношеніяхъ, такъ солидно и прочно, какъ только можно. Эта новая книга: „Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія. 60 фототипій съ его картинъ безъ ретуши. Текстъ Н. П. Собко. Изданіе Д. А. Ровинскаго, Спб. 1892“.

Издателю такой массы истинно-народныхъ созданій всего болѣе шло къ лицу издать полное собраніе художественныхъ произведеній того русскаго живописца, котораго онъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ жизни, признавалъ высокимъ и истинно-русскимъ художникомъ.

Перовъ — это одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые во всей глубинѣ и полнотѣ всегда выражали нашу коренную, своеобразную народность. На одной изъ незабвенныхъ своихъ страницъ, Крамской говорилъ (въ 1881 году):

— „Было время (до Петра), когда мы, появляясь въ Европѣ, вели себя по своему. Хороши-ли мы были или дурны, это вопросъ другой, но мы были сами по себѣ. Вотъ уже два столѣтія, какъ въ Европѣ мы усиленно стараемся, чтобы насъ не отличали отъ иностранцевъ. Раса, однако, насъ всегда выдавала и выдаетъ. Европейцы, видя

наши для нихъ комическія усилія: подправить свой носъ, упрятать скулы, съузить свое лицо и т. д., только съ сожалѣніемъ смотрѣли на насъ, а за собственное наше презрѣніе къ своей физіономіи презирали насъ вдвойнѣ. Но къ чести нашей надобно сказать: мы въ это-же время учились у нихъ, и, слава Богу, что природа оказалась прочнѣе".

Всѣ эти слова точно именно про Перова сказаны. Цѣлую жизнь этотъ великій русскій художникъ только о томъ и заботился, какъ-бы повѣрнѣе, поближе и поглубже нарисовать въ своихъ картинахъ сущую правду русской жизни, наперекоръ скверной нашей привычкѣ и хлопотамъ послѣднихъ 200 лѣтъ казаться иностранцами, подправить свой носъ, упрятать скулы, съузить свое лицо. Онъ, какъ Гоголь, говорилъ: „Каковы мы есть, таковы и есть. Нечего притворяться, постыдно прятаться, подло вымазывать рожу румянами. Искусство не побрекушка, оно—дѣло святое и важное, оно должно казать не то, что въ пустой и жеманной головѣ мерещится, а отражать въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ то, что̀ въ самомъ дѣлѣ есть.

Вотъ Перовъ и вышелъ черезъ то тѣмъ глубоко-народнымъ художникомъ — по счастью онъ не одинъ, — на котораго не только одни иностранцы всегда смотрѣли, смотрятъ и будутъ съ почтеніемъ смотрѣть, но даже иные и изъ русскихъ. Конечно, вотъ уже почти 35 лѣтъ, звенитъ на всю Россію солидный и благонамѣренный трезвонъ: „Перовъ, это — тенденція; Перовъ, это — преувеличеніе, Перовъ, это—клевета на нашу родину!", но вѣдь, однако, не всѣ-же наши тутъ, есть и другіе, менѣе твердые въ художественной добродѣтели и живописномъ фарисействѣ. Д. А. Ровинскій одинъ изъ нихъ, и слава Богу. Ему Перовъ милъ, дорогъ и близокъ сердцу, вотъ онъ и поторопился издать его шесть десятковъ картинъ, такъ какъ, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, прошедшихъ со дня смерти Перова, никто еще не хватился этого сдѣлать.

Изданіе превосходно. Фототипіи сдѣланы, частью г. Классеномъ, въ Петербургѣ, частью фирмою Шиндлеръ и Мей въ Москвѣ (бывшая фирма Шереръ и Набгольцъ), значитъ, лучшими нашими фототипическими силами, а текстъ написанъ Н. П. Собко, который, глубоко обожая Перова, уже нѣсколько разъ издавалъ и его біографію, и списки его произведеній (всякій разъ все болѣе и болѣе полные), и обширные указатели всего написаннаго о немъ (какихъ это трудовъ и розысканій стоило!), и, сверхъ всего этого, устраивалъ въ Петербургѣ, скоро послѣ смерти Перова, какую только возможно было полную посмертную выставку произведеній Перова. Нынче біографія этого крупнаго нашего художника является въ такой обста-

новкѣ новыхъ и интересныхъ фактовъ, что, кажется, наврядъ-ли впослѣдствіи возможно будетъ еще прибавить что-либо къ этой біографіи. Итакъ, сильно позаботившись о снимкахъ, Д. А. Ровинскій столько-же позаботился и о текстѣ историческомъ и библіографическомъ, который столько придаетъ важнаго значенія и интереса его превосходному изданію.

Но его заботы о Перовѣ не остановились только на этомъ.

Въ концѣ своего „Предисловія" Д. А. Ровинскій говоритъ: „Снимки съ рисунковъ Перова (числомъ 16, изготовленныхъ еще во время бывшей посмертной выставки произведеній Перова въ Петербургѣ, въ 1883 году) остались покуда неизданными; этотъ отдѣлъ требуетъ еще значительныхъ разысканій и добавленій; рисунковъ найдется еще не мало въ папкахъ московскихъ и губернскихъ любителей. Не теряю надежды издать ихъ со временемъ особымъ томомъ, вмѣстѣ съ литературными трудами В. Г. Перова и его письмами".

Это обѣщаніе великолѣпно. Дай Богъ ему поскорѣе осуществиться. Впрочемъ, нечего подталкивать и двигать Дм. Ал. Ровинскаго: онъ такой человѣкъ, что что̀ задумалъ, то немедля начнетъ дѣлать, а потомъ, смотришь, послѣ небольшаго антракта, дѣло уже и сдѣлано. Такъ было и съ „Лубочными картинками", и „Матеріалами для русской иконографіи", и съ „Иллюстрированнымъ словаремъ русскихъ портретовъ", даже съ „Рембрандтомъ". Вотъ, наконецъ, теперь и съ „Перовымъ".

Такимъ образомъ, рисунки, статьи и письма Перова будутъ уже изданы. А какъ это будетъ хорошо, какъ это необходимо! У Перова пропасть такихъ рисунковъ, такихъ набросковъ, которые сто̀ятъ добрыхъ картинъ. А почему? Потому, что все — съ натуры, все — результаты впечатлѣній, сильно поразившихъ художника. Притомъ-же, кромѣ портретовъ, чудныхъ, характерныхъ, часто изумительныхъ по правдѣ, но тутъ-же выказавшихъ Перова также и отличнымъ колористомъ, кромѣ нихъ онъ почти нигдѣ не беретъ, въ нашемъ чувствѣ и воображеніи, сильной ноты своими красками. Онѣ у него почти всегда сѣры и мутны. Весь упоръ у него въ мысли, въ сценѣ, въ характерахъ, въ безчисленныхъ чертахъ внѣшнихъ, рисующихъ бездонный, безконечный міръ внутренній. Значитъ, тѣмъ менѣе рисунки Перова могутъ много терять въ сравненіи съ его картинами, и, я думаю, что кто еще помнитъ петербургскую Перовскую выставку 1883-го года, тотъ согласится со мною, что въ рисункахъ Перова заключается цѣлый русскій міръ, глубокій и живописный, выраженный художествомъ, которому давно пора сдѣлаться общимъ достояніемъ.

— „Отправленіе къ заутренѣ на Пасху", „Погребеніе Гоголя

его героями", „Птицеловъ" (иначе, чѣмъ на знаменитой и общеизвѣстной картинѣ), „Сельскій крестный ходъ" (тоже), „Проводы покойника" (тоже), „Въ ссудной кассѣ" (тоже), „Толкучій рынокъ въ Москвѣ", „Дѣлежъ наслѣдства въ монастырѣ" (истинный chef-d'oeuvre!), фигуры изъ „Тараса Бульбы", „Репетиція трагедіи", „Свиданіе будочника съ кухаркою", „Нищіе на паперти", „Въ Ножевой линіи въ Москвѣ", „Чтеніе письма дьячкомъ", „Хлысты на бдѣніи", „Передъ грозою",—„Наушница", „Бесѣда студента съ монахомъ", „Просители" и множество другихъ, — все это произведенія художника, въ которыя вложено безконечно много правды, наблюдательности и таланта.

Перова писемъ уцѣлѣло мало, онъ сильно не долюбливалъ писаніе писемъ, а въ послѣднее время жизни прямо диктовалъ женѣ то, что надо было по почтѣ сообщать другимъ. Тѣмъ не менѣе, у него было на своемъ вѣку нѣсколько писемъ такихъ, касающихся русскаго художества, русскихъ художниковъ и художественныхъ дѣлъ, которыя должны быть передъ глазами у всѣхъ, кто любитъ русское искусство и нуждается въ немъ. Въ числѣ этихъ писемъ важную роль играютъ, напримѣръ, одно къ Крамскому и три ко мнѣ, теперь уже напечатанныя, но все еще мало извѣстныя.

Наконецъ, меня восхищаетъ перспектива видѣть собранными вмѣстѣ всѣ уже тамъ и сямъ напечатанныя, а также и ненапечатанныя статьи Перова художественнаго содержанія.

Перовъ не былъ такой художественный первостепенный критикъ, какъ, напримѣръ, Крамской; но въ воспоминаніяхъ Перова изъ временъ юности и въ его взглядахъ много заключается и художественнаго, и сильно интереснаго, и значительнаго.

И все это скоро дастъ намъ въ руки Дмитрій Александровичъ Ровинскій, въ дополненіе къ данному имъ уже теперь, для окончательной оцѣнки Перова и для постановки его на настоящій, на вѣки, пьедесталъ! Наша благодарность великодушному издателю, благодарность насъ всѣхъ, будетъ безмѣрна.

В. В. Стасовъ.

Русскіе во «Французскомъ институтѣ» въ 1892 г.

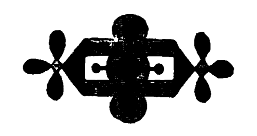
Парижская академія наукъ, въ засѣданіи 3-го (15-го) февраля 1892 г., избрала своимъ членомъ-корреспондентомъ генерала А. А. Тилло, отдавъ ему предпочтеніе предъ такими географами, какъ Рихтгофенъ и Швейнфуртъ.

Это избраніе Алексѣя Андреевича Тилло доводитъ число русскихъ членовъ парижской академіи наукъ до четырехъ, именно: одного иностраннаго сочлена (associé étranger, какихъ у академіи всего есть восемь)—математика П. Л. Чебышева, и трехъ членовъ-кореспондентовъ: астронома О. В. Струве, минералога Н. И. Кокшарова и географа А. А. Тилло.

Цифра 4, какъ видимъ, небольшая; но если взять всѣхъ русскихъ, принадлежащихъ къ составу „Французскаго института", т. е. пяти академій, его составляющихъ, то получится тринадцать лицъ, именно, къ названнымъ 4-мъ нужно прибавить: оріенталистовъ: гг. Бретшнейдера, Наука и Радлова, политиковъ: гг. Побѣдоносцева, Половцева и Рафаловича, и артистовъ: гг. Рубинштейна (музыканта), Семирадскаго (живописца) и Антокольскаго (ваятеля). Послѣдній, подобно г. Чебышеву, есть associé étranger по академіи изящныхъ искусствъ, а остальные—члены-кореспонденты.

Парижъ.

М. И. Венюковъ.



ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

освобожденія крестьянъ

1861 19-е февраля **1892.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1892.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

1861 — 19-е февраля — 1892 [1]).

I.

Ежегодный обычный обѣдъ 19-го февраля, въ память великаго акта освобожденія крестьянъ, соединилъ нынѣ кружокъ, изъ году въ годъ рѣдѣющій, какъ непосредственныхъ участниковъ въ трудахъ по составленію Положеній 19-го февраля—членовъ извѣстныхъ редакціонныхъ комиссій, такъ и лицъ, трудившихся по крестьянскому дѣлу въ разныхъ учрежденіяхъ или вводившихъ Положенія на мѣстѣ, въ званіяхъ доброй памяти мировыхъ посредниковъ перваго призыва.

Въ этомъ году собралось девятнадцать лицъ подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота [2]).

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1884 г., т. XLI, стр. 669—734; изд. 1885 г., т. XLV, стр. 757—758; изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 760—765; изд. 1887 г., т LIV, стр. 180; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 659—666; изд. 1890 г., т. LXV, стр. 873—880; изд. 1891 г., LXIX, стр. 781—790.

[2]) А именно: Д. Г. Анучинъ, В. А. Арцимовичъ, Е. И. Барановскій, Н. Н. Биппенъ, К. К. Гротъ, Н. Н. Колошинъ, Ѳ. П. Корниловъ, А. Н. Куломзинъ, Е. И. Ламанскій, П. Ѳ. Лиліенфельдъ-Тоаль, С. А. Мордвиновъ, И. А. Новиковъ, П. П. Семеновъ, М. И. Семевскій, А. И. Скребицкій, Н. И. Стояновскій, П. А. Шульцъ, А. Д. Шумахеръ и Н. П. Щепкинъ.

На обѣдѣ, вслѣдъ за первымъ тостомъ, провозглашеннымъ предсѣдателемъ и сопровождавшимся восторженными кликами, за здоровье Государя Императора, К. К. Гротъ провозгласилъ послѣдовательно пять традиціонныхъ на этихъ сходкахъ, 19-го февраля, тостовъ:

II. Въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянскихъ реформъ — покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

III. За великое дѣло 19-го февраля 1861 г.

IV. За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

V. Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ,

и VI. За благоденствіе Россіи.

Каждый годъ, собирающійся въ день 19-го февраля кружокъ участниковъ въ трудахъ по великому дѣлу освобожденія крестьянъ чествуетъ память отшедшихъ въ иной міръ тружениковъ этого дѣла. Въ нынѣшнемъ году сошелъ въ могилу ближайшій сотрудникъ и сподвижникъ Царя-Освободителя въ его славнѣйшей реформѣ—великій князь Константинъ Николаевичъ.

Приглашая присутствующихъ поднять бокалы въ память Августѣйшаго предсѣдателя Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и затѣмъ Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія великаго князя Константина Николаевича, К. К. Гротъ посвятилъ его памяти нѣсколько глубоко прочувствованныхъ словъ, выслушанныхъ собраніемъ стоя въ благоговѣйномъ молчаніи, и затѣмъ болѣе подробную характеристику самоотверженной, многолѣтней дѣятельности великаго князя, посвященной крестьянскому дѣлу, Константинъ Карловичъ предоставилъ изложить П. П. Семенову, имѣвшему счастіе особенно близко знать его императорское высочество и его государственную дѣятельность по крестьянскому вопросу.

Вотъ рѣчь П. П. Семенова:

— „Тяжкую утрату понесъ, 13-го января 1892-го года, все болѣе и болѣе тѣсный кругъ дѣятелей великой эпохи освобожденія крестьянъ. Не стало бывшаго предсѣдателя главнаго коми-

тета по крестьянскому дѣлу — великаго князя Константина Николаевича.

„Немного осталось въ живыхъ изъ непосредственныхъ свидѣтелей его дѣятельности по дѣлу освобожденія крестьянъ, и вотъ почему, согласно желанію нѣкоторыхъ старѣйшихъ нашего круга, я принялъ на себя скромный трудъ разсказать вамъ, милостивые государи, все то, что мнѣ близко было извѣстно объ этой дѣятельности.

„Когда въ исходѣ 1856 г. императоръ Александръ II принялъ великодушную рѣшимость осуществить задуманное еще въ Бозѣ почившимъ его родителемъ освобожденіе крестьянъ, первою его заботою было найти достойныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ въ предстоявшей ему тяжелой задачѣ.

„Выбрать такихъ сотрудниковъ было дѣло нелегкое. Недовѣрчиво и, можно сказать, несочувственно къ предстоявшему и еще совершенно невыяснившемуся великому дѣлу относилось большинство сановниковъ, какъ присутствовавшихъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и непосредственно окружавшихъ государя. Близко и хорошо зналъ это государь, потому что самъ предсѣдательствовалъ въ двухъ послѣднихъ изъ шести секретныхъ комитетовъ, одинъ за другимъ учреждавшихся императоромъ Николаемъ Павловичемъ по этому дѣлу.

„Тѣмъ не менѣе, въ январѣ 1857 года, Государь Александръ Николаевичъ рѣшился открыть, подъ своимъ предсѣдательствомъ, секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, состоявшій первоначально изъ 10-ти, а вскорѣ потомъ изъ 11-ти членовъ, изъ которыхъ князь А. Ѳ. Орловъ заступалъ мѣсто государя въ предсѣдательствованіи комитетомъ. Скоро государю пришлось убѣдиться, что изъ 11 членовъ комитета только 4 были болѣе или менѣе чистосердечными сторонниками освобожденія крестьянъ и что только одинъ изъ нихъ, младшій по лѣтамъ, І. И. Ростовцевъ (ему было 53 года), готовъ былъ всею душею отдаться и дѣятельно работать по великому дѣлу. Но Ростовцевъ, въ началѣ своей дѣятельности въ этомъ дѣлѣ не могъ еще быть твердою опорою для государя, потому что, мало знакомый съ условіями крестьянскаго быта, онъ, при всемъ своемъ умѣ и лучшихъ намѣреніяхъ, еще не уяснилъ

самому себѣ ни способовъ, ни путей къ осуществленію задуманнаго государемъ освобожденія крестьянъ.

„Послѣ полугодоваго и, можно сказать, почти безплоднаго существованія секретнаго комитета, оказалось, что комитетъ этотъ не содѣйствуетъ благимъ намѣреніямъ государя, а только боязливо тормозитъ ихъ.

„Потому весьма естественно было императору Александру II искать не только утѣшенія, но и нравственной поддержки внѣ комитета и въ особенности въ своей семьѣ, въ которой онъ нашелъ двухъ горячихъ и безбоязненныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ. Это были — великій князь **Константинъ Николаевичъ** и великая княгиня **Елена Павловна**.

„Въ бесѣдахъ съ ними Государь могъ вылить всю свою душу, высказать и свои благія желанія, и свои тревоги и огорченія, и даже свои колебанія и сомнѣнія, и всегда находилъ въ нихъ глубокое, чуткое и отзывчивое сочувствіе къ своимъ великодушнымъ намѣреніямъ.

„Этимъ объясняется почему императоръ Александръ II, въ іюлѣ 1857 г., рѣшился оживить составъ секретнаго комитета, назначеніемъ въ него членомъ великаго князя Константина Николаевича.

„Вступленіе въ комитетъ великаго князя оживило весь ходъ дѣла. Комитетъ принужденъ былъ выйти изъ своей пассивной роли и, по настойчивой иниціативѣ великаго князя, приступилъ, наконецъ, къ обсужденію будущаго плана своихъ дѣйствій. Впрочемъ, первая отважная кампанія великаго князя не увѣнчалась успѣхомъ. Въ трехъ бурныхъ засѣданіяхъ, въ августѣ 1857 г., великій князь остался въ меньшинствѣ. Большинство комитета, отчасти прикрываясь необходимостью осмотрительности и осторожности въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ, отчасти не имѣя никакого установившагося взгляда на предстоявшую ему задачу, выработало такую неопредѣленную программу дѣйствій, которая только могла имѣть цѣлью затемнить дѣло и затянуть его осуществленіе на неопредѣленное время. Но хотя большинство комитета, по высочайшемъ утвержденіи его мнѣнія, считало великое дѣло освобожденія крестьянъ надолго похороненнымъ, какъ это было успѣшно достигаемо и 6-ю секретными комитетами предшедшаго царствованія, великій

князь не потерялъ бодрости духа и выжидалъ только случая, который далъ-бы ему возможность оказать содѣйствіе болѣе благопріятному повороту дѣла.

„И случай этотъ скоро представился. Самъ государь, еще весною 1857 г., при проѣздѣ своемъ черезъ Вильно, въ разговорахъ съ когда-то близко къ нему стоявшимъ и глубоко ему преданнымъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, бросилъ доброе сѣмя, которое уже къ осени принесло счастливый плодъ. Назимову, дѣйствовавшему согласно указаніямъ самого государя, удалось, въ октябрѣ 1857 года, представить ему выраженіе желаній самихъ помѣщиковъ трехъ губерній сѣверо-западнаго края объ упраздненіи въ ихъ краѣ крѣпостнаго права.

„Точка опоры для рычага, которымъ можно было поднять и двинуть все великое дѣло, была найдена. Въ восьми-дневный срокъ, властно и настойчиво данный государемъ комитету, былъ въ немъ составленъ знаменитый рескриптъ государя Назимову и вслѣдъ затѣмъ, по энергичному настоянію великаго князя, комитетъ согласился на посылку ко всѣмъ губернаторамъ циркуляра м-ра внутреннихъ дѣлъ, имѣвшаго цѣлью вызвать дворянства другихъ губерній къ заявленіямъ о желаніи ихъ улучшить бытъ крестьянъ. Большинство комитета, однако-же, само испугалось принятой мѣры и рѣшилось испросить высочайшее разрѣшеніе на пріостановленіе разсылки циркуляра. Но было уже поздно; циркуляръ былъ разосланъ.

„Дѣло освобожденія крестьянъ вошло въ новый фазисъ. Нижегородское дворянство первое откликнулось на призывъ своего государя. Вслѣдъ за нимъ понемногу пошли и другія дворянства и одинъ за другимъ, почти безостановочно, посылались высочайшіе рескрипты объ образованіи мѣстныхъ дворянскихъ комитетовъ для составленія проектовъ Положеній объ устройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ.

„Когда получены были ходатайства объ учрежденіи комитетовъ изъ многихъ губерній, пылкій и преданный всею душою дѣлу освобожденія крестьянъ великій князь настаивалъ на томъ, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дворянства еще медлили своими ходатайствами, комитеты были учреждены и безъ этого ходатайства. Это обстоятельство и подало поводъ противникамъ и недоброжелателямъ великаго князя пустить въ ходъ распростра-

нившійся въ то время по всей Россіи слухъ о томъ, что это настояніе великаго князя было облечено въ обидную для дворянства форму. Единогласныя удостовѣренія С. С. Ланскаго и К. В. Чевкина, поддерживавшихъ мнѣніе великаго князя, гр. Д. Н. Блудова и I. И. Ростовцева, бывшаго въ этомъ, именно, случаѣ самымъ рѣшительнымъ его противникомъ, категорически свидѣтельствуютъ, что великимъ княземъ никогда приписываемыя ему слова произнесены не были. Всѣ лица, близко знавшія великаго князя, помнятъ, что онъ всегда любилъ признавать себя русскимъ дворяниномъ и именно въ этомъ качествѣ считалъ себя въ правѣ въ иныхъ случаяхъ и порицать дѣйствія дворянства той или другой губерніи, въ особенности если не находилъ ихъ совмѣстными съ извѣстнымъ девизомъ дворянской чести: „noblesse oblige“.

„Вѣрнымъ, однако-же, остается только то, что, послѣ весьма горячихъ споровъ, предложеніе великаго князя принято не было, но, уступая настойчиво выраженному имъ мнѣнію, комитетъ согласился на приданіе всему дѣлу, и въ особенности министерскимъ циркулярамъ, полной гласности, и это удостоилось и высочайшаго утвержденія. Непосредственнымъ результатомъ этой гласности было переименованіе „Секретнаго комитета“ въ „Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу“ въ январѣ 1858 года и полученіе до 1-го іюля того-же года заявленій дворянствъ всѣхъ губерній о желаніи ихъ приступить къ освобожденію крестьянъ.

„Только этимъ шагомъ освобожденіе крестьянъ въ общемъ своемъ принципѣ было рѣшено безповоротно. Оставалось найти способы его осуществленія. Обильный матеріалъ къ этому, конечно, должны были представить проекты Положеній работавшихъ въ 46-ти губерніяхъ имперіи дворянскихъ комитетовъ. Для разсмотрѣнія этихъ проектовъ, поступленіе которыхъ началось понемногу лѣтомъ 1858 года, была выдѣлена, въ іюлѣ этого года, изъ состава Главнаго комитета комиссія изъ четырехъ его членовъ. Само собою разумѣется, что комиссія эта, по разсмотрѣніи первыхъ-же проектовъ, убѣдилась въ необходимости установленія какихъ-бы то ни было главныхъ началъ для составленія общаго положенія объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

„Послѣ слабой попытки установленія этихъ началъ въ засѣ-

даніи 26-го октября 1858 г., въ декабрѣ того-же года Ланскимъ и Ростовцевымъ были внесены въ Главный комитетъ нѣкоторыя предположенія по этому вопросу, а великому князю удалось достигнуть ихъ сліянія въ одно цѣлое въ замѣчательномъ и крайне оживленномъ засѣданіи 4-го декабря, въ которомъ героями дня были: великій князь Константинъ Николаевичъ и I. И. Ростовцевъ. Основанія будущаго положенія были изложены въ 12-ти пунктахъ, которые, оставляя самый широкій просторъ будущимъ составителямъ законопроекта, послужили впослѣдствіи не только исходною точкою, но и твердою опорою для учрежденныхъ вскорѣ послѣ того, и именно въ началѣ 1859 года, подъ предсѣдательствомъ I. И. Ростовцева, Редакціонныхъ комиссій.

„Съ открытіемъ ихъ въ мартѣ 1859 года, центръ тяжести всѣхъ работъ по крестьянскому дѣлу перешелъ въ эти комиссіи, вслѣдствіе чего дѣятельность Главнаго комитета и выдѣленной изъ него комиссіи изъ 4-хъ членовъ почти совершенно прекратилась на 19 мѣсяцевъ, но великій князь не терялъ времени. Онъ, одинъ изъ всѣхъ членовъ Главнаго комитета, не считая, разумѣется, предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, слѣдилъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ законопроекта, при дѣятельномъ содѣйствіи А. В. Головнина, который будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ большинства выдающихся членовъ комиссій, всегда зналъ, чтó въ нихъ происходило, и служилъ, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ С. М. Жуковскимъ, живою связью между великимъ княземъ и комиссіями. Этимъ и объясняется то, что когда въ октябрѣ 1860 г. законопроектъ, составленный редакціонными комиссіями, былъ внесенъ въ главный комитетъ, то изъ всѣхъ его членовъ, не исключая даже графа В. Н. Панина, великій князь ближе всѣхъ былъ знакомъ не только съ подробностями проекта, но и съ мотивами, руководившими его составителями, что было тѣмъ болѣе важно, что подробной объяснительной записки редакціонныя комиссіи, вслѣдствіе поспѣшности ихъ закрытія, составить не успѣли, и запискою этою впослѣдствіи сдѣлался журналъ Главнаго комитета.

„Одинъ только разъ, въ періодъ дѣятельности редакціонныхъ комиссій, имя великаго князя Константина Николаевича было на устахъ многихъ. Когда дѣло шло о назначеніи предсѣдателя

комиссій на мѣсто скончавшагося въ началѣ 1860 г. І. И. Ростовцева многіе полагали, что на великаго князя будетъ возложено это предсѣдательство. Слухъ этотъ сильно встревожилъ противниковъ освобожденія крестьянъ, не останавливавшихся ни передъ какими средствами противодѣйствія такому назначенію. Но императоръ Александръ II, такъ тщательно освѣдомлявшійся о взглядахъ Ростовцева на отношеніе къ крестьянскому дѣлу каждаго изъ тогдашнихъ его дѣятелей, очень хорошо зналъ, что умирающій Ростовцевъ возлагалъ всѣ свои надежды на великаго князя Константина Николаевича, какъ на желаннаго предсѣдателя главнаго комитета, но находилъ невозможнымъ назначеніе его предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, такъ какъ такое назначеніе обрушило-бы на голову члена императорской фамиліи всѣ тѣ чувства вражды, злобы и всѣ тѣ клеветы и нареканія, которыя такъ быстро свели въ могилу пылкаго душою перваго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій.

„По этимъ-то соображеніямъ государь съ перваго раза устранилъ всякую мысль о предсѣдательствѣ великаго князя въ редакціонныхъ комиссіяхъ, но за то, по окончаніи ихъ занятій, на докладной запискѣ гр. Панина объ ихъ закрытіи, на возбужденный имъ вопросъ о томъ, кто долженъ замѣнить въ предсѣдательствѣ главнымъ комитетомъ уже умиравшаго въ то время кн. Орлова—старшій-ли изъ членовъ комитета, или лицо особо назначенное его императорскимъ величествомъ, государь, не колеблясь, начерталъ: „великій князь Константинъ Николаевичъ“.

„Великій князь, какъ выразился впослѣдствіи самъ Государь въ своемъ къ нему рескриптѣ, подписанномъ 19 февраля 1861 г., вполнѣ оправдалъ его довѣріе. Съ необыкновеннымъ умомъ и тактомъ велъ онъ крестьянское дѣло, во время его прохожденія черезъ главный комитетъ, поставивъ себѣ единственною задачею провести проекты редакціонныхъ комиссій по возможности безъ всякихъ измѣненій. При тогдашнемъ составѣ комитета, кромѣ великаго князя, только три его члена: С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ и гр. Д. Н. Блудовъ чистосердечно сочувствовали дѣлу освобожденія крестьянъ и составляли съ великимъ княземъ одну единодушную группу, остальные-же шесть членовъ относились по прежнему боязливо или несочувственно къ дѣлу освобожденія, а къ законопроекту, составленному редакціонными комиссіями, даже

болѣе или менѣе враждебно. Не сочувствовалъ проекту даже и второй предсѣдатель редакціонныхъ комиссій гр. В. Н. Панинъ, вполнѣ добросовѣстно исполнявшій возложенное на него государемъ порученіе предсѣдательствовать редакціонными комиссіями, съ которыми однако-же рѣзко разошелся и разсорился незадолго до окончанія ихъ работъ, вслѣдствіе чего и не сознавалъ своей солидарности съ законопроектомъ, внесеннымъ комиссіями въ главный комитетъ.

„Потому неудивительно, что, при обсужденіи главной части законопроекта, а именно поземельнаго устройства крестьянъ, мнѣнія въ главномъ комитетѣ раздѣлились. За проектъ редакціонныхъ комиссій, кромѣ великаго князя, стояло только 3 члена, составившихъ вмѣстѣ съ нимъ очень слабое большинство лишь вслѣдствіе того, что остальные 6 членовъ разбились на три мнѣнія. Изъ нихъ 3 члена, съ М. Н. Муравьевымъ во главѣ, устраняли въ сущности почти весь проектъ поземельнаго устройства, выработанный редакціонными комиссіями, отвергая оставленіе за крестьянами существующихъ надѣловъ въ предѣлахъ высшаго и низшаго, и предоставляя губернскимъ учрежденіямъ каждой губерніи опредѣленіе указныхъ надѣловъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ, а также повинностей за нихъ, да и вообще установленіе всѣхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Еще далѣе шло мнѣніе двухъ членовъ, съ кн. П. П. Гагаринымъ во главѣ; оно, устраняя уже весь проектъ редакціонныхъ комиссій и даже дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ сословій, допускало только, въ видахъ улучшенія ихъ быта, предоставленіе крестьянамъ дарственнаго надѣла въ размѣрѣ не болѣе одной дес. на душу. Наконецъ, гр. Панинъ, принимая вообще весь проектъ редакціонныхъ комиссій, расходился съ нимъ на многихъ пунктахъ первостепенной важности и, между прочимъ, на цифрахъ высшихъ надѣловъ. Горячо и ясно доказывалъ Великій Князь, что, при осуществленіи предположеній гр. В. Н. Панина, у крестьянъ отойдетъ треть обезпечивавшихъ ихъ бытъ при крѣпостномъ правѣ надѣловъ; что, при предположеніяхъ М. Н. Муравьева, будетъ отобрана у нихъ большая половина этихъ надѣловъ, а, при предположеніи кн. П. П. Гагарина три четверти ихъ, и бытъ крестьянъ такимъ образомъ улучшенъ не будетъ, но всѣ три меньшинства оставались при своихъ мнѣніяхъ.

„Хотя между этими тремя мнѣніями, казалось, не могло быть почвы для компромиссовъ, но умный М. Н. Муравьевъ, пользуясь сильною непріязненностью гр. Панина и кн. Гагарина къ редакціоннымъ комиссіямъ, все-таки надѣялся путемъ нѣкоторыхъ уступокъ собрать всѣ три меньшинства въ одно большинство главнаго комитета. Понятно, почему Великій Князь, согласно желаніямъ самого Государя, направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы согласить гр. Панина съ большинствомъ комитета.

„Никогда не изгладятся изъ моей памяти тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ, послѣ двухъ часовыхъ горячихъ споровъ, происходившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось, наконецъ, убѣдить гр. Панина присоединиться къ мнѣнію большинства комитета, послѣ чего соединеніе двухъ меньшинствъ сдѣлалось уже безцѣльнымъ, а такъ какъ одинъ изъ членовъ комитета—графъ В. Ѳ. Адлербергъ также перешелъ отъ мнѣнія кн. П. П. Гагарина къ большинству, во главѣ котораго стоялъ Великій Князь, то, кромѣ мнѣнія большинства состоявшаго уже изъ шести членовъ, осталось по поземельному устройству только мнѣніе меньшинства трехъ членовъ, а отдѣльное мнѣніе кн. Гагарина совсѣмъ даже не вошло въ печатный журналъ Главнаго комитета.

„Въ такомъ видѣ проектъ Положеній и былъ внесенъ въ общее собраніе Государственнаго совѣта, гдѣ большинство въ пользу законопроекта составилось единственно благодаря необыкновенно твердой и крайне опредѣленной незабвенной рѣчи лично предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ (28-го января 1861 г.) императора Александра II. Въ этой рѣчи Государь, между прочимъ, заявилъ, что не отступитъ ни въ какомъ случаѣ ни отъ одного изъ тѣхъ положеній, которыя были изложены въ посмертной записке І. И. Ростовцева и составляютъ все существо труда редакціонныхъ комиссій [1]).

„Такимъ образомъ государь, послѣ четырехъ-лѣтней борьбы со всевозможными препятствіями, привелъ самъ въ 1861 г. къ концу,

---

[1]) Эта вполнѣ историческая рѣчь явилась впервые въ печати лишь въ 1880-мъ году, а именно на страницахъ „Русской Старины" (изд. 1880-го года, т. XXVII, кн. февраль, стр. 375—379), на что воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Николаевича.

Ред.

начатое имъ исключительно по собственной иниціативѣ, великое дѣло. Предсѣдателю государственнаго совѣта гр. Блудову и предсѣдателю главнаго комитета великому князю Константину Николаевичу оставалось только, при дальнѣйшемъ и детальномъ обсужденіи законопроекта, оградить его отъ какихъ-бы то ни было искаженій въ частностяхъ.

„Вотъ какимъ путемъ проектъ редакціонныхъ комиссій, по державной волѣ Царя-Освободителя и подъ умѣлою охраною Великаго Князя Константина Николаевича съ немногими и несущественными измѣненіями, сдѣлался Положеніемъ 19-го февраля 1861 г.

„Осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ, и, вмѣстѣ со своимъ Государемъ, призвалъ Божіе благословеніе на свой свободный трудъ—залогъ своего домашняго благополучія и блага общественнаго".

„Наступилъ затѣмъ трудный и многолѣтній періодъ осуществленія Положеній 19-го февраля 1861 г., и цѣлаго ряда неотразимо и неизбѣжно вызванныхъ великимъ событіемъ освобожденія крестьянъ преобразованій, касающихся не только поземельнаго, но и административнаго, судебнаго и финансоваго устройства, многомилліонныхъ народныхъ массъ, а также отбыванія ими воинской и другихъ повинностей, и въ этомъ великомъ и сложномъ дѣлѣ на долю великаго князя Константина Николаевича выпала видная и многотрудная роль, такъ какъ въ періодъ этотъ онъ былъ предсѣдателемъ Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, стоявшаго почти четверть вѣка на стражѣ добросовѣстнаго и согласнаго съ духомъ закона приведенія въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 года и государственнаго совѣта, обсуждавшаго проекты всѣхъ преобразованій великой исторической эпохи, начавшейся съ 1857 года.

„Не доживемъ мы до той поры, когда судъ исторіи и потомства оцѣнитъ спокойно и безстрастно всю эту живую и знаменательную эпоху русской исторіи, но, какъ свидѣтели дѣятельности Великаго Князя Константина Николаевича, скажемъ мы единогласно, что въ осуществленіе великаго дѣла обновленія Россіи онъ вносилъ всю энергію своего высокаго ума, всю силу своихъ выдающихся дарованій, всю любовь свою къ родной землѣ. Впрочемъ, несравненно бо́льшее значеніе, чѣмъ наши показанія, имѣетъ

внесенное уже на страницы исторіи свидѣтельство о дѣятельности Великаго Князя, заключающееся въ рескриптѣ къ нему главнаго двигателя великаго дѣла освобожденія крестьянъ — императора Александра II.

— „Я и по влеченію моего сердца и по долгу моему, сказано въ высочайшемъ рескриптѣ великому князю, подписанномъ государемъ 19-го февраля 1861 г., желаю въ этотъ самый достопамятный для Россіи день изъявить вамъ мою живѣйшую и глубокую признательность за точное, скорое и вполнѣ моей волѣ и моимъ ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе сего государственнаго дѣла“.

„Нѣсколько далѣе слѣдуетъ:

„Глубоко, тщательно, изучивъ все, относящееся къ важнымъ разнообразнымъ вопросамъ, долженствовавшимъ возникнуть при обсужденіи какъ сихъ предначертанныхъ уже, такъ и могущихъ служить къ ихъ усовершенствованію мѣръ, вы, съ пламеннымъ ко благу общему усердіемъ, посвящали ежедневно трудамъ въ главномъ комитетѣ всѣ ваши усилія и все ваше время“.

„Еще далѣе:

„Я не забуду, и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ какъ ваше императорское высочество, такъ и другіе члены комитета. Будущее извѣстно Единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его Святой всегда благостной воли. Но мы можемъ нынѣ-же съ спокойною совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены всѣ бывшія во власти нашей средства и со смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна“.

„Прошло четверть вѣка послѣ дня написанія этого рескрипта. Отошелъ въ вѣчность Царь-освободитель, окончилъ навсегда свою дѣятельность главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Утомленный своими долголѣтними и тяжкими трудами, великій князь удалился отъ дѣлъ и доживалъ свои дни въ покоѣ и уединеніи.

„Но когда 19-го февраля 1886 г. наступило 25-лѣтіе незабвеннаго для всѣхъ насъ дня, великій князь оживился. Онъ собралъ на домашнюю, и можно сказать семейную, трапезу оставшихся еще въ живыхъ, старыхъ своихъ сотрудниковъ по крестьян-

скому дѣлу. Кромѣ августѣйшей подруги лучшихъ дней его жизни, принимавшей такое живое и согрѣтое любовью участіе въ тревогахъ и заботахъ этихъ дней, кромѣ дѣтей великаго князя и двухъ его братьевъ, единственныхъ изъ остававшихся тогда въ живыхъ членовъ государственнаго совѣта состава 1861 г., Великій Князь Константинъ Николаевичъ пригласилъ на эту семейную трапезу всѣхъ знакомыхъ ему членовъ комиссій, работавшихъ по крестьянскому дѣлу, и нѣкоторыхъ чиновъ бывшей канцеляріи Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія [1]).

„Ласково и привѣтливо встрѣтилъ великій князь каждаго изъ насъ. Свѣтелъ и радостенъ былъ онъ во весь этотъ день. Великодушно забылъ онъ все тяжелое и горькое, имъ пережитое въ трудную эпоху его дѣятельности, живо шла за столомъ бесѣда съ нами великаго князя и ярко возстановляла его бойкая память одни свѣтлыя воспоминанія пережитаго, а особенно свѣтлы они были потому, что великій князь и въ свои старые годы не утратилъ своей пылкой вѣры въ будущность русскаго государства и русскаго народа.

---

[1]) На этотъ достопамятный завтракъ были приглашены и присутствовали, кромѣ упомянутыхъ особъ Августѣйшей семьи и двухъ придворныхъ лицъ (графиня Келлеръ и П. Е. Кеппенъ), слѣдующія лица: Н. Х. Бунге, Г. П. Галаганъ, А. В. Головнинъ, К. К. Гротъ, К. И. Домонтовичъ, С. И. Зарудный, Е. И. Ламанскій, М. Н. Любощинскій, М. И. Семевскій, П. П. Семеновъ и Н. И. Стояновскій.

Мы сохраняемъ на память изящно исполненную роспись блюдъ этого завтрака—на русскомъ языкѣ, вверху отлично выполненный снимокъ съ золотой медали, данной лицамъ участвовавшимъ въ составленіи „Положенія", съ извѣстною надписью надъ портретомъ Государя Александра II: „Благодарю" и внизу: „19 февраля 1861 г.", а на оборотѣ: „За труды по освобожденію крестьянъ". Вокругъ снимковъ двухъ сторонъ медали развивается красная александровская лента и золотомъ-же, какъ и медаль, вытиснуты года:

$$18\frac{19}{II}61 — 18\frac{19}{II}86.$$

XXV.

Внизу, на углу росписи кушаній, напечатано: „Константиновскій Дворецъ. $18\frac{19}{II}86$". Всѣ приглашенные Его Высочествомъ присутствовали въ тотъ день на молебствіи въ $12^1/_4$ ч. дня въ Мраморномъ Константиновскомъ дворцѣ и затѣмъ на завтракѣ у Его Императорскаго Высочества. Собраніе разошлось въ $2^1/_4$ часа пополудни.

Прошло съ того дня лишь шесть лѣтъ—и уже семерыхъ лицъ изъ небольшаго собранія бывшаго въ Мраморномъ дворцѣ 19-го февраля 1886-го г.— нѣтъ въ живыхъ. Ред.

„И эти воспоминанія и эта вѣра были его послѣднею лебединою пѣснью до того роковаго дня, когда поразилъ его страшный недугъ, нынѣ сведшій его въ могилу.

„Вслѣдъ за годами и десятилѣтіями, непрерывною цѣпью исчезающими въ вѣчность, пройдутъ и вѣка одни за другими. Изгладится многое изъ памяти народной, но останутся въ ней всѣ свѣтлые образы русской исторіи. И чѣмъ болѣе издалека будутъ смотрѣть на нихъ грядущія поколѣнія, тѣмъ болѣе исчезнутъ въ этихъ обликахъ всѣ присущія всякой вещественной формѣ тѣни и тѣмъ болѣе свѣтлымъ и неземнымъ блескомъ будутъ сіять они, подобно тому, какъ сіяютъ передъ нами излюбленные русскимъ народомъ историческіе образы: христіанскаго просвѣтителя древней Руси св. Владиміра, Владиміра Мономаха, Дмитрія Донскаго, Минина и Пожарскаго. И вѣчно помнить будетъ народъ русскій, что своею свободою и вызваннымъ ею самобытнымъ развитіемъ своей внутренней экономической и духовной жизни онъ обязанъ императору Александру II.

„Не забудетъ Россія, какъ это всенародно было выражено Царемъ-Освободителемъ, и того участія, которое принималъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія народа Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и навсегда свяжутъ наши потомки его имя съ вѣчною памятью о великомъ днѣ 19-го февраля 1861 года".

Рѣчь П. П. Семенова была выслушана съ глубочайшимъ вниманіемъ. Она была заключена предложеніемъ К. К. Грота— выразить въ телеграммѣ къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ глубокое сочувствіе собранія къ тяжкой скорби, поразившей Ея Высочество съ потерею Ея Августѣйшаго супруга.

Собраніе съ сердечною отзывчивостью приняло предложеніе предсѣдателя, и къ Ея Императорскому Высочеству была отправлена слѣдующая телеграмма:

„Участники въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ глубокою скорбію въ сердцѣ почтительнѣйше докладываютъ Вашему Императорскому Высочеству, что нынѣшнее ихъ собраніе 19-го февраля было главнѣйше посвящено драгоцѣннымъ воспо-

минаніямъ о высокомъ и незабвенномъ дѣятелѣ по крестьянской реформѣ, Августѣйшемъ сотрудникѣ Императора Александра II, почившемъ великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ.

„Миръ праху его высочества!

„Отъ имени участниковъ собранія Константинъ Гротъ“.

На эту телеграмму К. К. Гротъ имѣлъ счастье получить отъ Ея Императорскаго Высочества слѣдующій отвѣтъ:

„Мраморный дворецъ. Статсъ-секретарю К. К. Гроту:“

— „Лучшее утѣшеніе въ постигшей утратѣ—добрая память о трудахъ и заслугахъ дорогаго почившаго. Съ искреннимъ убѣжденіемъ и глубокою вѣрою трудился онъ въ благомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Сочувственныя воспоминанія достойныхъ сотрудниковъ моего великаго князя въ его дѣятельности меня трогаютъ и утѣшаютъ. Васъ и всѣхъ участниковъ собранія 19-го февраля—сердечно благодарю. Александра“.

II.

Въ этомъ-же 1892-мъ году, 10-го февраля, скончался сенаторъ Ѳ. Л. Барыковъ. Рано посвятивши себя трудамъ по крестьянскому дѣлу, первоначально какъ небольшой чиновникъ въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ какъ управляющій этимъ отдѣломъ, наконецъ, какъ сенаторъ, членъ „крестьянскаго“ (втораго) департамента правительствующаго сената, Ѳ. Л. Барыковъ оставилъ по себѣ память даровитаго труженика.

Товарищъ въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ по службѣ Ѳ. Л. Барыкова, товарищъ его-же и по сенату—П. А. Шульцъ (нѣкогда совѣщательный членъ редакціонныхъ комиссій) въ рѣчи, посвященной памяти Ѳедора Лаврентьевича, представилъ характеристику этого довольно замѣчательнаго человѣка, умнаго, глубоко знавшаго и свое дѣло, и лицъ, у власти стоявшихъ,—по природѣ своей несомнѣнно доброжелательнаго, всецѣло отдававшагося принятымъ на себя обязанностямъ и въ то же время зачастую старавшагося казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ

былъ; а именно—фактъ весьма рѣдкій, Барыковъ старался казаться съ дурныхъ сторонъ, каковыхъ у него или не было, или если онѣ и были, то не въ такой степени. Въ общемъ нравственный обликъ своеобразнаго, не только умнаго, но и остроумнаго, энергическаго Ѳ. Л. Барыкова — рельефно былъ очерченъ его товарищемъ и сослуживцемъ.

Приводимъ рѣчь П. А. Шульца:

—„Покойный сенаторъ Ѳедоръ Лаврентьевичъ Барыковъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ, постоянныхъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу, которому онъ служилъ непрерывно, съ 1857 года до самой своей кончины, слишкомъ 34 года. При образованіи, въ 1857 году, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Земскаго Отдѣла, для собранія свѣдѣній и разработки предположеній по устройству быта крестьянъ, Ѳедоръ Лаврентьевичъ былъ опредѣленъ въ этотъ отдѣлъ младшимъ редакторомъ. При всемъ его умѣ, образованности (онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ самое блестящее его время)—способности и готовности къ упорному и добросовѣстному труду,—начало службы далось ему не легко, такъ какъ, поступивъ въ министерство изъ учителей гимназіи, онъ не былъ вовсе знакомъ ни съ предстоявшими ему занятіями, ни вообще съ требованіями и условіями министерской службы и канцелярскаго дѣлопроизводства. Не смотря на то, онъ успѣлъ такъ скоро и хорошо съ этимъ освоиться, что уже черезъ три мѣсяца онъ былъ мнѣ, какъ старшему редактору, отличнымъ помощникомъ. При первомъ-же усиленіи состава Земскаго Отдѣла, Ѳ. Л. Барыковъ былъ назначенъ старшимъ редакторомъ. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ управляющимъ земскимъ отдѣломъ и занималъ эту должность много лѣтъ, при пяти смѣнившихъ другъ друга министрахъ, которые, при всемъ различіи въ ихъ личныхъ взглядахъ и требованіяхъ, одинаково цѣнили въ немъ человѣка дѣла, добросовѣстнаго труженика, незамѣнимаго по знанію и пониманію ввѣреннаго ему дѣла. Въ 1882-мъ году Ѳедоръ Лаврентьевичъ назначенъ былъ присутствовать въ учрежденномъ, при закрытіи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, крестьянскомъ отдѣленіи 1-го департамента, переименованномъ потомъ во 2-й департаментъ правительствующаго

сената, гдѣ Барыковъ былъ чрезвычайно полезенъ по своей опытности, по близкому знакомству со всей сущностью и со всѣмъ ходомъ и развитіемъ дѣла устройства крестьянскаго быта, по тому добросовѣстному, неутомимому вниманію, какое онъ прилагалъ къ изученію каждаго сложнаго дѣла и къ выясненію и правильному разрѣшенію возникающихъ вопросовъ, преслѣдуя одну цѣль: достиженіе послѣдовательности, законности и цѣлесообразности сенатскихъ рѣшеній, не допуская односторонняго увлеченія предвзятыми идеями. Такъ онъ продолжалъ трудиться еще за нѣсколько дней до кончины. При всемъ томъ, Ѳ. Л. Барыковъ вселилъ во многихъ, и при томъ весьма уважаемыхъ, лицахъ нѣкоторое противъ себя предубѣжденіе. Его считали остроумнымъ собесѣдникомъ, несомнѣнно умнымъ и способнымъ человѣкомъ, но человѣкомъ безъ нравственныхъ идеаловъ, безъ твердаго и неуклоннаго направленія, — человѣкомъ, преслѣдующимъ личныя свои только цѣли и готовымъ мѣнять, по обстоятельствамъ, свои взгляды. Ѳ. Л. Барыковъ былъ на самомъ дѣлѣ гораздо лучше той репутаціи, какую онъ себѣ составилъ отчасти по собственной винѣ. Ненавидя лицемѣріе, осмѣивая попытки людей выставить себя лучше, чѣмъ они есть, Ѳ. Л. Барыковъ впадалъ въ противоположную крайность и съ какимъ-то превратно направленнымъ самолюбіемъ старался выставить свое пренебреженіе къ общепринятымъ требованіямъ, свое равнодушіе къ нравственнымъ идеаламъ и къ неуклонной стойкости въ убѣжденіяхъ. Но это было у него напускное; это были слова, противорѣчившія его собственной дѣятельности. Конечно, съ годами и жизненнымъ опытомъ, улеглись у него юношескія увлеченія; онъ сталъ во взглядахъ зрѣлѣе и практичнѣе. Но за время его управленія земскимъ отдѣломъ, развѣ дѣйствительная дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ колебалась въ разныя стороны настолько, насколько можно было того ожидать, при различіи во взглядахъ министровъ, если-бы управляющій земскимъ отдѣломъ думалъ о томъ только, чтобы угодить начальнику и усердствовать безъ мѣры въ его духѣ; а не о томъ, чтобы, уступая въ формѣ и въ частностяхъ, не раздражая начальника принципіальными возраженіями, сохранить, по возможности, послѣдовательность и разумность въ распоряженіяхъ? Въ сенатской-же дѣятельности Ѳедора Лаврентьевича колебанію во взглядахъ на дѣло, въ угоду кому-либо, не могло быть и мѣста.

„Свободное отъ службы время Ѳ. Л. Барыковъ посвящалъ безмездной общественной дѣятельности въ довольно широкихъ размѣрахъ, и послѣ длившагося до 6 часовъ засѣданія въ сенатѣ отправлялся, къ 8 часамъ вечера, въ собраніе общества трезвости или вольноэкономическаго общества. Эгоистъ, преслѣдующій однѣ личныя цѣли, не жертвуетъ такъ своимъ трудомъ и временемъ. Нѣтъ, Ѳедоръ Лаврентьевичъ Барыковъ былъ полезный труженикъ и хорошій человѣкъ".

III.

Послѣ поминокъ опочившихъ тружениковъ въ области освобожденія и устроенія многомильоннаго крестьянскаго населенія нашего дорогаго отечества, М. И. Семевскій напомнилъ присутствовавшимъ, что, въ текущемъ 1892-мъ году, однимъ изъ бывшихъ членовъ Редакціонныхъ комиссій, сенаторомъ Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ (обычнымъ участникомъ обѣда 19-го февраля, но нынѣ, по нездоровью, на немъ не присутствовавшимъ) окончено составленіемъ и изданіемъ въ свѣтъ четвертая и послѣдняя книга его долголѣтняго труда:

— „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II: хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Н. П. Семенова". Спб., въ б. 8-ю д., томъ III, часть 2-я, стр. 847".

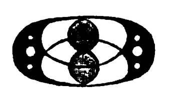
— „Многознаменательный и въ высокой степени интересный трудъ Н. П. Семенова, вполнѣ нынѣ законченный, сказалъ, между прочимъ, М. И. Семевскій, по общему признанію,—навсегда пребудетъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ къ исторіи дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи. Трудъ этотъ является въ высшей степени благовременно: прошло уже болѣе тридцати лѣтъ со времени обнародованія Положеній 19-го февраля; изъ числа непосредственныхъ участниковъ въ составленіи ихъ, членовъ Редакціонныхъ комиссій, осталось весьма немного;—настаетъ время исторіи вступить въ свои права и на своихъ скрижаляхъ—начертать дѣянія минувшей славной эры, и вотъ для нея „лѣтопись", составлявшаяся Н. П. Семеновымъ поденно, съ поразительною энергіею и настойчивостью, записанная имъ,—однимъ

изъ дѣятельныхъ участниковъ реформы—является въ высокой степени драгоцѣннымъ историческимъ памятникомъ. Настоящему кружку лицъ—наиболѣе всѣхъ прочихъ—подобаетъ выразить привѣтъ и благодарное сочувствіе своему постоянному сочлену Н. П. Семенову—за блестящее окончаніе труда, потребовавшаго длиннаго ряда годовъ,—труда упорнаго, кропотливаго, состоявшаго не только изъ воспроизведенія почти ежедневныхъ, въ теченіе болѣе нежели девятнадцати мѣсяцевъ (въ 1859—1860 гг.) вносимыхъ Николаемъ Петровичемъ записей, но и обставленныхъ массою весьма важныхъ документовъ, примѣчаній составителя хроники, характеристиками упоминаемыхъ въ хроникѣ дѣятелей и портретами главнѣйшихъ изъ нихъ".

М. И. Семевскій предложилъ собранію нижеслѣдующее привѣтственное письмо къ составителю „Хроники дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу", каковое письмо единодушно было одобрено собраніемъ и всѣми присутствовавшими подписано:

„Участники въ трудахъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи, чествуя тридцать первую годовщину великаго дѣла 19-го февраля, шлютъ привѣтъ лѣтописцу Редакціонныхъ комиссій,—многоуважаемому Николаю Петровичу, и поздравляютъ его съ доведеніемъ до конца его лѣтописи и изданіемъ оной въ свѣтъ; этотъ монументальный и долголѣтній трудъ, по справедливому выраженію автора, передастъ отдаленному потомству живыя черты одного изъ самыхъ крупныхъ событій въ исторической жизни русскаго народа".

Подлинный подписали: К. Гротъ, В. Арцимовичъ, Н. Стояновскій, П. Семеновъ, Е. Ламанскій, А. Шумахеръ, П. Шульцъ, Н. Колошинъ, Ѳ. Корниловъ, Е. Барановскій, Н. Биппенъ, П. Лиліенфельдъ-Тоаль, Н. Щепкинъ, С. Мордвиновъ, Д. Анучинъ, И. Новиковъ, А. Куломзинъ, М. Семевскій, А. Скребицкій [1]).



[1]) Это привѣтственное письмо было доставлено Н. П. Семенову, по порученію собранія, 19-го-же февраля однимъ изъ подписавшихъ письмо, и было принято Николаемъ Петровичемъ, по его выраженію, „какъ драгоцѣнный для него отъ товарищей по трудному дѣлу знакъ вниманія".

IV.

Затѣмъ, бесѣда перешла къ воспоминаніямъ о лицахъ, которыхъ, по справедливости, можно назвать главарями славной памяти Редакціонныхъ комиссій, именно о Ю. Ѳ. Самаринѣ, Н. А. Милютинѣ и кн. В. А. Черкасскомъ; при этомъ Егоръ Ивановичъ Барановскій,—нѣкогда, въ началѣ 1860-хъ годовъ, бывшій губернаторъ первоначально Оренбургской, а затѣмъ Саратовской губерній, въ каковыхъ Егоръ Ивановичъ „имѣлъ истинное счастье“, какъ онъ выразился, вводить Положенія 19-го февраля,—посвятилъ отъ души сказанное слово памяти Юрія Ѳедоровича Самарина, котораго зналъ весьма близко.

Приводимъ рѣчь Е. И. Барановскаго:

— „Нами выслушаны были прочувствованные, дорогіе намъ всѣмъ, воспоминанія объ августѣйшемъ ближайшемъ сотрудникѣ Царя-Освободителя въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—покойномъ Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ.

„Добрымъ сердечнымъ словомъ помянулъ сошедшаго надняхъ въ могилу не мало потрудившагося по дѣламъ упроченія быта уже свободныхъ крестьянъ и по устроенію земскихъ всесословныхъ дѣлъ—Ѳ. Л. Барыкова—П. А. Шульцъ, одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго.

„Нашъ лѣтописецъ М. И. Семевскій сообщилъ намъ, что громадный историческій трудъ Н. П. Семенова—„Хроника дѣятельности Комиссій по крестьянскому дѣлу“—приведенъ къ концу.

„Позвольте-же мнѣ сказать нѣсколько словъ объ отшедшемъ уже въ вѣчность одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ, никогда не занимавшемъ виднаго положенія въ государственной службѣ, но силою свѣтлаго, строго логическаго ума, твердою волею и упорнымъ трудомъ принесшемъ дѣлу освобожденія вполнѣ существенную пользу,—я говорю о покойномъ Юріи Ѳедоровичѣ Самаринѣ.

„Не о трудахъ покойнаго Юрія Ѳедоровича Самарина, въ качествѣ члена Самарскаго губернскаго комитета и, затѣмъ, члена редакціонныхъ комиссій, хочу я сказать нѣсколько словъ; эти труды ближе и лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстны многимъ здѣсь присутствующимъ и оцѣнены, по достоинству, всѣми, кто сочув-

ствовалъ великому дѣлу, составлявшему одну изъ существеннѣйшихъ цѣлей его жизни. Я считаю долгомъ своимъ передать вамъ извѣстныя мнѣ обстоятельства изъ жизни Ю. Ѳ. Самарина, служившія подготовленіемъ для дѣятельности его, по освобожденію крестьянъ, еще въ то время, когда мысль объ этомъ великомъ дѣлѣ составляла государственную тайну, доступную весьма немногимъ, избраннымъ волею государя Николая Павловича. То, о чемъ я буду говорить, относится ко времени давно прошедшему, къ 1840-мъ годамъ.

„Принадлежа, по происхожденію, къ древнему, чисто русскому дворянскому роду, широко обезпеченному обширными помѣстьями во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, Ю. Ѳ. Самаринъ изъ воспитанія своего въ почтенной семьѣ и изъ среды, къ которой принадлежалъ, вынесъ глубокую религіозность, на основахъ православія, привычку къ упорному труду, при строгомъ прирожденномъ логическомъ умѣ, и сознательное отношеніе къ исполненію обязанностей. Эти задатки развились на научной, самой благопріятной почвѣ, по вступленіи Ю. Ѳ. Самарина въ Московскій университетъ, процвѣтавшій подъ управленіемъ графа С. Г. Строгонова.

„Получивши основательное высшее научное образованіе, Ю. Ѳ. Самаринъ, по волѣ отца, вступилъ въ государственную службу, и въ 1846 году поступилъ на весьма скромную должность дѣлопроизводителя комисссіи, назначенной для ревизіи городскаго управленія въ Ригѣ и въ другихъ города Прибалтійскаго края.

„Со свойственною Ю. Ѳ. Самарину добросовѣстностію, онъ приступилъ къ историческимъ изслѣдованіямъ въ архивахъ города Риги, по подлиннымъ документамъ, постепеннаго развитія средневѣковыхъ цеховыхъ городскихъ учрежденій, сохранившихся до 1840-хъ годовъ во всей неприкосновенности и тормазившихъ не только развитіе городовъ Балтійскаго края, но и стѣснявшихъ русскую внѣшнюю торговлю.

„Громадный трудъ разбора и приведенія въ систематическій порядокъ изслѣдованій по городскому хозяйству смѣло могъ быть приравненъ къ извѣстнымъ трудамъ средневѣковыхъ бенедиктинцевъ. Исчерпавши этотъ предметъ, Ю. Ѳ. Самаринъ съ изумительнымъ трудолюбіемъ обратился къ изученію еще болѣе

близкаго ему задушевнаго дѣла—изслѣдованія, по историческимъ документамъ и на основаніи тогдашняго дѣйствительнаго положенія крестьянъ Балтійскихъ губерній, поземельныхъ и бытовыхъ ихъ отношеній. Ю. Ѳ. Самаринъ явился въ Ригу уже съ выработанными и жизнію, и наукой, и глубокою его религіозностію убѣжденіями въ томъ, что крѣпостное состояніе отживало свое время, будучи противно и христіанскимъ началамъ и правильному государственному развитію.

„Въ Балтійскомъ краѣ ему представилась полная возможность повѣрить на дѣлѣ зародившееся въ свѣтломъ умѣ его сомнѣніе, подкрѣпляемое прекраснымъ сердцемъ, о томъ: возможно-ли и справедливо-ли будетъ личное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—безъ обезпеченія ихъ землею? Балтійское крестьянство, освобожденное отъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ еще въ 1818 году, но прикрѣпленное къ территоріямъ губерній, дало ему ясный и опредѣленный отвѣтъ, когда онъ изучилъ несчастное положеніе многочисленнаго класса батраковъ, лишеннаго не только земли, но и домашняго очага и ютившагося даже по зимамъ въ овинахъ. Вопросъ для Ю. Ѳ. Самарина былъ окончательно рѣшенъ еще въ 1840-хъ годахъ, въ пользу надѣленія крестьянъ землею. Но самое дѣло освобожденія русскихъ крестьянъ представлялось, въ то время, въ отдаленномъ будущемъ, и вотъ тутъ-то сказалась любвеобильная, высокая, христіанская душа этого человѣка. Онъ въ Ригѣ жилъ какъ бѣдный студентъ, не позволялъ себѣ ни малѣйшей роскоши ни въ чемъ; получая отъ богатой своей семьи значительныя средства, онъ откладывалъ всѣ свои сбереженія, съ предвзятою цѣлью никогда не быть владѣльцемъ крѣпостныхъ, и если не послѣдуетъ общаго ихъ освобожденія—освободить крестьянъ въ его помѣстьяхъ и обезпечить ихъ бытъ надѣломъ. Вотъ что, главнымъ образомъ, я хотѣлъ высказать предъ вами, соучастниками Ю. Ѳ. Самарина въ великомъ дѣлѣ освобожденія. Удалившись отъ служебной дѣятельности уже три года тому назадъ, по разстроенному здоровію, и проводя жизнь въ полномъ уединеніи, въ родовомъ нашемъ имѣніи, я считаю себя счастливымъ, что сегодня нахожусь въ Петербургѣ и принимаю участіе въ обычныхъ, въ знаменательный день 19-го февраля, бесѣдахъ

немногихъ дѣятелей освобожденія крестьянъ, конечно болѣе меня послужившихъ вполнѣ великому дѣлу" [1]).

„Такъ какъ Ю. Ѳ. Самаринъ, бывшій уже, во время занятій по дѣлу освобожденія крестьянъ, значительнымъ симбирскимъ землевладѣльцемъ, естественно явился однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ представителей того меньшинства дворянъ, которые были убѣждены въ необходимости, съ освобожденіемъ, и надѣленія крестьянъ землею, то я, какъ бывшій начальникъ Оренбургской, въ прежнемъ ея составѣ, а затѣмъ Саратовской губерній, вводившій въ нихъ Положенія 19-го февраля, долгомъ считаю, въ заключеніе моихъ словъ о Ю. Ѳ. Самаринѣ, высказать то мнѣніе, что преимущественно изъ этого меньшинства дворянства во всѣхъ губерніяхъ вышли мировые посредники перваго призыва, которые, такъ сказать, на своихъ плечахъ, вынесли эту государственную реформу, честно осуществивъ Положенія 19-го февраля, созданныя державною волею Царя-Освободителя ко благу Россіи".

А. Н. Куломзинъ, принадлежавшій къ числу мировыхъ посредниковъ перваго призыва, вполнѣ сочувствуя высказанному Е. И. Барановскимъ, возобновилъ, въ оживленномъ разсказѣ, въ памяти присутствовавшихъ на обѣдѣ представленіе какъ и о дѣятельности первыхъ мировыхъ посредниковъ, такъ и о томъ радостномъ спокойствіи, съ которымъ русскій народъ встрѣтилъ и воспріялъ дарованную ему свободу.

Е. И. Ламанскій (бывшій членъ Редакціонныхъ комиссій) подѣлился воспоминаніями о своихъ сочленахъ по этимъ комиссіямъ— Ю. Ѳ. Самаринѣ, Н. А. Милютинѣ и кн. В. А. Черкасскомъ.

К. К. Гротъ, съ своей стороны, сообщилъ весьма любопытныя и мало извѣстныя данныя изъ трудовой жизни Ю. Ѳ. Самарина въ званіи члена Самарскаго дворянскаго комитета, по составленію проекта Положенія этой губерніи объ освобожденіи крестьянъ, начальникомъ въ каковой губерніи до 1861 г. былъ К. К. Гротъ. Наконецъ, Д. Г. Анучинъ сообщилъ воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.

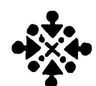
---

[1]) Е. И. Барановскій въ 1847 и 1848 годахъ занималъ должность правителя канцеляріи генералъ-губернатора Балтійскихъ губерній, во время управленія этимъ краемъ генераломъ-отъ-инфантеріи Евгеніемъ Александровичемъ Головинымъ. По служебному своему положенію Егоръ Ивановичъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ громадными трудами Ю. Ѳ. Самарина по историческому изученію края. Ред.

Бывши ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ князя В. А. Черкасскаго въ 1877—1878 годахъ, т. е. въ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ періодовъ служенія кн. Черкасскаго Государю и Россіи, Д. Г. Анучинъ въ пространной рѣчи охарактеризовалъ личность кн. В. А. Черкасскаго и его дѣятельность въ Болгаріи, и ярко обрисовалъ тѣ великія задачи, каковыя стремился осуществить покойный князь, выполняя волю державнаго Освободителя единоплеменнаго народа.

Собраніе заключилось просьбою къ К. К. Гроту передать привѣтъ участниковъ сего обѣда отсутствовавшему на немъ, по нездоровью, Н. Х. Бунге (бывшему члену Редакціонныхъ комиссій).

Съ пожеланіемъ добраго здоровья высокоуважаемому предсѣдателю К. К. Гроту и другъ другу, дабы сойтись въ будущемъ 1893 году вновь на товарищескую поминку великаго дѣла 19-го февраля, присутствовавшіе разошлись въ 10-ть часовъ вечера.



Въ память о незабвенномъ участникѣ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ—Николаѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ—на ежегодное въ сей день собраніе приглашается обыкновенно его сынъ—Юрій Николаевичъ Милютинъ. Находясь нынѣ на службѣ въ Тифлисѣ, Ю. Н. привѣтствовалъ оттуда участниковъ собранія слѣдующею телеграммою:

„Тифлисъ. — Крѣпкій благотворною памятью прошлаго и несокрушимою вѣрою въ будущее, подымаю, вмѣстѣ съ вами, бокалъ въ память великаго Виновника освобожденія крестьянъ, за всѣхъ трудившихся по крестьянскому дѣлу и за благоденствіе Россіи. Юрій Милютинъ“.

Собраніе отвѣчало Юрію Николаевичу Милютину благодарственною телеграммою за его сочувственную память о сегодняшнемъ днѣ.

Ред.

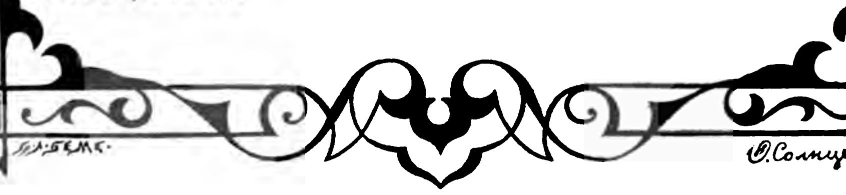
19-го февраля 1892 г.
Спб.

ВИССАРІОНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЯПУНОВЪ

† 10-го февраля 1892 г.

Семья немногочисленныхъ, уцѣлѣвшихъ еще, доблестныхъ участниковъ славной обороны Севастополя (1854—1855 гг.) понесла новую потерю: 10-го февраля, въ клиническомъ военномъ госпиталѣ, тихо почилъ отставной подполковникъ Виссаріонъ Ивановичъ Ляпуновъ. Воспитанникъ Дворянскаго полка, онъ произведенъ въ офицеры, въ армейскую пѣхоту, въ 1838 году (19-ти лѣтъ отъ роду) и до 1859 года съ отличіемъ служилъ въ строю, принявъ участіе въ венгерской войнѣ и въ крымской кампаніи.

Въ Севастополѣ Виссаріонъ Ивановичъ перенесъ всѣ тягости достопамятной 349-ти дневной обороны: пережилъ тѣ страшныя бомбардированія, которыми громили англо-французы этотъ многострадальный городъ со своихъ осадныхъ батарей и съ флота; побывалъ въ неоднократныхъ вылазкахъ гарнизона, дрался съ непріятелемъ и въ нашихъ передовыхъ редутахъ...; наконецъ, тяжелая рана въ плечо временно пріостановила боевую дѣятельность Ляпунова, но не прекратила ея: онъ оставался въ рядахъ защитниковъ Севастополя до перехода нашихъ войскъ съ южной стороны города на сѣверную и за штурмъ 27-го августа 1855 года получилъ одно изъ высшихъ военныхъ отличій — золотое оружіе. Впослѣдствіи рана сильно пошатнула здоровье Виссаріона Ивановича и заставила его покинуть военную службу, относительно еще въ молодыхъ лѣтахъ (1859 г.).



Послѣ того Ляпуновъ исполнялъ должность перваго призыва мироваго посредника въ Медынскомъ и Боровскомъ уѣздахъ Калужской губерніи, по выбору дворянства, а послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Николаевской Чесменской богадѣльнѣ.

Какъ истый воинъ, Виссаріонъ Ивановичъ Ляпуновъ отличался замѣчательною скромностью; въ своихъ воинскихъ заслугахъ, далеко не ординарныхъ. онъ видѣлъ лишь прямое исполненіе долга, завѣщаннаго ему традиціями бывшаго Дворянскаго полка — нынѣ Константиновское военное училище — и этотъ почтенный ветеранъ, до послѣднихъ минутъ, не переставалъ утѣшать себя мечтою вновь вступить на боевое поприще, чтобы еще хоть разъ, на полѣ битвы, сразиться съ врагомъ Россіи, которую любилъ такъ, какъ можетъ любить только истинно русскій. Несмотря на непригляднyю матеріальную обстановку, Виссаріонъ Ивановичъ не роптал, не жаловался на судьбу и умѣлъ довольствоваться незначительною пенсіею (169 руб. въ годъ). Да, такихъ безкорыстныхъ, неприхотливыхъ, безупречно честныхъ людей, всегда отзывчивыхъ къ своимъ товарищамъ и сослуживцамъ, весьма рѣдко можно встрѣтить.

Вѣчная память тебѣ, старый служака, много испытавшій на своемъ вѣку и горя и лишеній, и честно послужившій отечеству и на ратномъ полѣ и въ великомъ дѣлѣ введенія Положеній 19-го февраля 1861 г. въ жизнь освобожденнаго русскаго народа.

Н. Германъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Томы третій и четвертый. Изд. Павленкова. С.-Пб., 1892 г., въ 12 д., стр. 353 и 327. Цѣна по 1 рублю за томъ.

Извѣстность г. Потапенка—происхожденія очень недавняго. Теперь онъ и читается сильно, и журналы охотно помѣщаютъ его произведенія, и критика не скупится на вниманіе къ нему и на похвалы. А всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это-же самое имя, появлявшееся не разъ на страницахъ „Дѣла“ и друг. повременныхъ изданій, оставалось для читающей публики пустымъ звукомъ, не больше. Въ 1885 году въ „Вѣст. Европы“ напечатана была его повѣсть — „Святое искусство“. Повѣсть имѣла успѣхъ, только къ сожалѣнію — успѣхъ скандала. Правильно или нѣтъ, судить не беремся, но въ ея дѣйствующихъ лицахъ узнали тогда кое-кого изъ современныхъ литераторовъ; въ ту минуту это, конечно, подогрѣло интересъ къ повѣсти, однако, не создало ея автору ни популярности, ни славы. Но вотъ, ровно полтора года тому назадъ, г. Потапенко выступилъ съ новымъ произведеніемъ—„На дѣйствительной службѣ“, и сразу уже имъ однимъ завоевалъ себѣ видное мѣсто среди нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Польщенный успѣхомъ, онъ взялся за писательство болѣе, чѣмъ усердно: съ тѣхъ поръ появилась неисчислимая масса его романовъ, повѣстей, разсказовъ и сценъ, разбросанныхъ по различнымъ журналамъ, ежедневнымъ и еженедѣльнымъ газетамъ. Тѣ четыре томика „Повѣстей и разсказовъ“, которые г. Потапенко выпустилъ до сихъ поръ, далеко не исчерпываютъ всего того, что̀ было имъ напечатано за этотъ сравнительно ничтожный промежутокъ времени. Такая необыкновенная плодовитость не могла не отразиться на достоинствѣ самыхъ писаній. Надо сказать, что талантъ г. Потапенко оказался необыкновенно разностороннимъ, его знаніе жизни — разнообразнымъ и широкимъ. Всего ближе присмотрѣвшись къ домашнему быту нашего духовенства, онъ съ не меньшею увѣренностью описываетъ и чиновничью среду, и крестьянскую жизнь, и міръ театральный. Тѣмъ не менѣе, никакой талантъ не выдержалъ-бы того непрестаннаго истощенія, какому подвергалъ себя г. Потапенко. Въ подтвержденіе этого скоро потянулись романы („Здравыя понятія“, „Не герой“), гдѣ искусственная, вычурная интрига и необыкновенное изобиліе ни къ чему ненужныхъ сценъ наглядно свидѣтельствовали о томъ, что авторъ, игнорируя всѣ границы художественности, изъ всѣхъ силъ добивается лишь одного: возможно бо̀льшаго расширенія размѣровъ своихъ произведеній. Въ то-же самое время, однако, у него появлялись и небольшіе очерки, гораздо болѣе свѣжіе и оригинальные; стало замѣтно вообще, что съ романомъ, къ которому и требованія больше, гдѣ и замыселъ долженъ быть глубже, г. Потапенко справляется хуже... Но публика, не взирая ни на что, продолжаетъ интересоваться всѣми, безъ разбору, вновь появляющимися его вещами, а это такъ естественно, потому что небрежность писанія, длинноты и другіе недостатки всегда выкупаются у г. Потапенко легкою, игривою формою и здравымъ, неприкрашеннымъ реализмомъ. Помогало ему также и то, что, такъ недавно, повидимому, выступивши на литературное поприще, онъ тотчасъ получилъ и теперь продолжаетъ пользоваться въ дѣйствительности не идущею къ нему кличкою — „писателя начинающаго“; какъ начинающій, г. Потапенко кажется „подающимъ надежды“; потому-то на него всѣ и надѣялись, надѣятся до сихъ поръ, все ждали чего-то и

продолжаютъ ждать. Надежды эти совершенно напрасны. Что дастъ г. Потапенко, — предсказать трудно, но всего труднѣе, видя бо́льшую слабость его послѣднихъ произведеній, разсчитывать еще на что-нибудь крупное и выдающееся. Онъ сказалъ намъ свое слово, каково-бы оно ни было, будемъ говорить только о немъ...

Мы замѣтили выше, что г. Потапенко обладаетъ наблюдательностью и знаніемъ жизни. Герои его принадлежатъ къ различнымъ классамъ общества и всегда имѣютъ свойство заинтересовывать собою читателя. Но отношеніе самого автора къ его героямъ положительно неуловимо. Онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ, съ полнѣйшею безстрастностью рисуетъ и отъявленнаго злодѣя, и наивнаго простака, и смѣлаго борца за истину. Точно для г. Потапенко всѣ люди равны, точно онъ ничего не любитъ, ничему не поклоняется! Вотъ черта, которою пишущій разъ навсегда отрѣзываетъ себѣ возможность такъ или иначе воздѣйствовать на читателя. Чувство состраданія, которое прорывается въ нѣкоторыхъ разсказахъ („Ахметка саратовскій“, „Деревенскій романъ“), проникновеніе въ душу иныхъ героевъ и какъ-бы сліяніе съ ихъ интересами („Шестеро“, „Генеральская дочь“) не возвышаются у него ни разу до настоящей любви, а потому, затрогивая подчасъ хорошія струны въ душѣ читателя, не пробуждаютъ и въ немъ того активнаго чувства, которое насъ заставляетъ трудиться на благо страждущихъ и угнетенныхъ. То-же надо сказать и объ юморѣ г. Потапенко. Безразличная, безпринципная иронія есть вмѣстѣ съ тѣмъ иронія безсильная; она не достигаетъ у него той высоты, при которой безобидный юморъ переходитъ въ сатиру и получаетъ уже общественное значеніе.

Принявши во вниманіе достоинства и недостатки нашего автора и желая точнѣе опредѣлить его мѣсто въ современной литературѣ, мы позволимъ себѣ закончить нашу замѣтку такою параллелью. Если по величинѣ своего поэтическаго таланта г. Потапенко значительно уступаетъ Вл. Короленко, если его психологическій анализъ не достигаетъ проницательности и силы Гаршина, если произведенія его не носятъ печати того особеннаго сочувствія къ народнымъ массамъ, какимъ проникнуты сочиненія Златовратскаго, то и во всѣмъ тѣмъ г. Потапенко оказывается разностороннѣе нѣкоторыхъ изъ названныхъ писателей, онъ глубже Чехова, талантливѣе Мамина (сибиряка) и ближе къ жизни, правдивѣе А. Михайлова... Хотѣлось-бы вѣрить, что это не послѣдняя ступень, на которую суждено ему стать, но самъ онъ, повидимому, и не думаетъ о дальнѣйшемъ усовершенствованіи; да и какое возможно усовершенствованіе, когда г. Потапенко, не желая знать никакихъ обязанностей ни передъ самимъ собою, ни передъ обществомъ, безжалостно насилуетъ свой талантъ и беззаботно разбрасываетъ его направо и налѣво, какъ-будто самый источникъ его творчества неистощимъ и вѣченъ!...

А. Рубинштейнъ. Музыка и ея представители. Разговоръ о музыкѣ. С.-Пб. Изд. Юргенсона, 1891 г. Въ м. 8 д., стр. 185. Цѣна 1 рубль 50 коп.

Къ великимъ людямъ мы привыкли относиться съ живѣйшимъ интересомъ. Все въ нихъ служитъ предметомъ нашего вниманія: ихъ наружность, ихъ домашняя жизнь, ихъ взгляды и мнѣнія. Въ какой-бы отрасли знанія или искусства ни проявился великій человѣкъ, публика спѣшитъ запастись его фотографической карточкой, и отыскать въ журналахъ критическую о немъ статью, воспоминанія его друзей, его біографическій очеркъ. Ант. Григ. Рубинштейнъ, величайшій піанистъ нашего времени, принадлежитъ несомнѣнно къ группѣ такихъ лицъ, своими талантами привлекающихъ къ себѣ общественное вниманіе. Извѣстно, что публика не пропускаетъ случая выразить ему свои симпатіи: историческіе концерты Рубинштейна были однимъ сплошнымъ тріумфомъ для исполнителя, пятидесятилѣтіе его артистической дѣятельности доставило юбиляру неисчислимую

ссу поздравленій со всѣхъ концовъ свѣ-. Если послѣ того Ант. Григ. самъ вы-упаетъ съ разсказомъ о своей жизни [1], нынѣ со своими музыкальными maximes pensées, то никто не усмотритъ тутъ ни амомнѣнія, ни навязчивости со своей ерсоной, а всякій, наоборотъ, признаетъ го справедливой отплатой публикѣ за ея олгую и необыкновенную благосклонность.

Обращаясь къ обзору лежащей теперь передъ нами изящно изданной книжки, мы олжны прежде всего отмѣтить тотъ серьезный взглядъ на музыку, который отличаетъ автора-музыканта. Въ звукахъ ищетъ онъ не забавы и развлеченія, но воплощенія извѣстныхъ идей, отголоска данной исторической эпохи. Мы приведемъ сейчасъ примѣръ того, какъ авторъ проводитъ свою мысль; оговоримся сначала, что нѣкоторыя натяжки настоящаго отрывка ничуть не вредятъ вѣрности основной мысли. „Наше столѣтіе", читаемъ мы на стр. 181, начинается или съ 1789 г. т. е. съ франц. революціи (музыкально съ Бетховена), или-же 1815 годъ слѣдуетъ считать концомъ 18-го ст.—т. е. исчезновеніе Наполеона съ полит. горизонта, реставрацію (въ музыкѣ схоластически-виртуозное время, Гуммель, Мошелесъ). Провожу параллель далѣе: процвѣтаніе новѣйшей философіи (третій періодъ Бетховена). Іюльская революція, паденіе легитимизма, провозглашеніе королемъ сына Филиппа Эгалите, новая династія, выставленіе конституціонныхъ принциповъ съ задней мыслью монархизма свыше, подготовленіе къ 1848 г. снизу (Берліозъ). Торжество буржуазіи... (капельмейстерская музыка). Эолофа арфа польскаго возстанія (Шопенъ). Романтизмъ вообще и его побѣда надъ лжеклассицизмомъ (Шуманъ), процвѣтаніе искусствъ и наукъ (Мендельсонъ). Луи-Наполеонъ дѣлается императоромъ (Листъ—сочинителемъ ораторій и симфоній). Его царствованіе (оперетка). Нѣмецко-франц. война. Единство Германіи. Европейскій миръ основанъ на арміи изъ 10 милл. солдатъ; перемѣна всѣхъ прежде существовавшихъ политическихъ правилъ (Вагнеръ). Нынѣшнее положеніе Европы, общая неувѣренность въ полит. будущемъ и чувство несостоятельности политическаго настоящаго (переходное состояніе, ожиданіе музык. генія, боязнь и предчувствіе гибели музык. искусства). Борьба между партіями (представительство всевозможныхъ музык. настроеній: классицизма, романтизма, новшества, нигилизма и борьба между ними). Стремленіе разныхъ народовъ и расъ къ автономіи, федераціи, полит. самостоятельности (стремленіе къ преднамѣренному націонализму въ музыкѣ)". Такая точка зрѣнія не покидаетъ автора, пока онъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ всей исторіи музыки и характеризуетъ отдѣльныхъ ея представителей. По недостатку мѣста, мы не можемъ остановиться на этихъ любопытныхъ характеристикахъ, хотя въ нихъ, какъ разъ, центръ тяжести всего „разговора". Отмѣтимъ только, что любимцами автора являются: Бахъ, Бетховенъ, Шубертъ, Шопенъ и Глинка, и что онъ несочувственно и строго относится къ новшествамъ Вагнера, также какъ и къ композиціямъ Листа. Вообще новая музыка не пользуется расположеніемъ Ант. Гр.: за смертью Шопена и Шумана—finis musicae, по его мнѣнію; это видно изъ того, что „колоритъ теперь беретъ верхъ надъ рисункомъ, техника надъ мыслью"... Спеціально о молодой русской школѣ мы находимъ въ его книгѣ слѣд. суровый, но вѣрный на нашъ взглядъ приговоръ: „Ея творчество также основано на совершенномъ обладаніи техникой и на мастерскомъ колоритѣ, но съ полнымъ отсутствіемъ рисунка и съ преобладающею безформенностью. Глинка, написавшій нѣсколько оркестровыхъ вещей на народныя пѣсни и танцы, служитъ имъ какъ образецъ и они теперь пишутъ на народные мотивы, обнаруживая этимъ бѣдность собственной изобрѣтательности и прикрывая ее именами: „національность", „новая школа" и т. д. Минуя другія сужденія автора о разныхъ музыкальныхъ явленіяхъ, мы приведемъ еще

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1889 г., книга 11-я.

небольшую выписку, чтобъ показать читателямъ, какими иногда мѣткими афоризмами выражается нашъ знаменитый виртуозъ. „Публика, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 129), такъ часто читала и слышала о своей неспособности признавать геніевъ при жизни ихъ, что она готова нынѣ каждаго признать за генія, изъ боязни навлечь на себя упрекъ въ непризнаваніи"...

Не будучи литераторомъ по призванію, Рубинштейнъ избралъ для своихъ мыслей такую форму, относительно которой можно было-бы сдѣлать нѣсколько возраженій. Легко замѣтить, напр., что разговоръ, продолжающійся на протяженіи 185 страницъ, и сухія реплики собесѣдницы, мало напоминаютъ разговоръ настоящій; не станемъ, однако, придираться къ формѣ, показавшейся автору болѣе удобной и легкой, не станемъ слишкомъ придираться и къ тому, что онъ роняетъ свои мысли, не всегда заботясь о ихъ доказательности и даже самъ называя ихъ парадоксами. Мы можемъ вѣдь сохранить за собой право соглашаться или не соглашаться съ авторомъ, а въ то-же время живо интересоваться не только сужденіями и взглядами великаго виртуоза, но даже его симпатіями или антипатіями... Вотъ почему небольшая книжка Авт. Григ. Рубинштейна доставитъ истинное наслажденіе всѣмъ любителямъ музыки.

Капитанъ арміи спасенія (Captain Lob). Романъ Джона Лау. Пер. съ англійскаго. Изд. редакціи „Недѣля". С.-Пб. 1892 г., въ м. 8 д., стр. 204. Ц. 75 коп.

Горячо рекомендуемъ всѣмъ нашимъ читателямъ этотъ прекрасный романъ, рисующій трущобную жизнь англійскаго пролетаріата и филантропическую дѣятельность извѣстнаго религіозно-нравственнаго общества В. Бутса. Авторъ, видимо, хорошо знакомъ съ тѣмъ, что̀ описываетъ, и въ погонѣ за правдой не щадитъ ни красокъ, ни нервовъ своихъ читателей. Въ романѣ дѣйствуетъ цѣлый рядъ обитателей Истъ-Энда и Вайтчапля, нищихъ, пьяницъ, рабочихъ безъ работы, соревнующихъ другъ другу въ убожествѣ и оброшенности, а вмѣстѣ съ ними—немногіе, но упорные подвижники благотворительности: фанатическіе послѣдователи генерала Бутса, англиканскій священникъ, одна убѣжденная соціалистка, демократъ-докторъ и др. Все это мѣтко очерченные, живьемъ стойкіе люди, которыхъ авторъ приводитъ въ столкновеніе, сблизившіи ихъ на почвѣ служенія обездоленному классу общества. Если-бы мы захотѣли дать понятіе о сценахъ, характеризующихъ домашнюю и уличную жизнь трущобныхъ героевъ Дж. Лау, о внѣшнемъ видѣ ихъ комнатъ, о ихъ рабочихъ и увеселительныхъ домахъ, намъ-бы пришлось выписывать изъ романа цѣлые десятки страницъ. По невозможности этого сдѣлать, отсылаемъ нашихъ читателей къ первоисточнику, который, къ тому-же, кромѣ своего бытоваго значенія, не лишенъ и многихъ художественныхъ достоинствъ. Тяжелое, грустное чувство выносится, правда, изъ этого чтенія, но вѣдь не можемъ-же мы ограничивать наши впечатлѣнія только веселыми да пріятными!..

С. М. Дубновъ. Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. С.-Пб. 1891 г., въ 8 д., 91 стр. Ц. 35 коп.

„Не знать исторіи—значитъ всегда быть младенцемъ". Этимъ прекраснымъ изреченіемъ Цицерона начинаетъ свою брошюру г. Дубновъ. Для еврейскаго народа, не имѣющаго своей территоріи, своей государственной власти, самое сознаніе національной общности вытекаетъ, главнымъ образомъ, изъ его историческаго прошлаго. Историческое знаніе дѣлается, такимъ образомъ, источникомъ народнаго самосознанія, оно какъ-бы отождествляется съ національной идеей. Но если еврейская исторія имѣетъ такое великое значеніе для евреевъ, то, занимая во всемірной исторіи необыкновенно видное мѣсто, она не можетъ остаться чуждой и всякому образованному человѣку. „Вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ она представляетъ собою единственный примѣръ исторіи безъ государственнаго народа, который съ лишеніемъ своей территоріи не лишился, однако, своей культурной и духовной самобытности. Это

непрерывная цѣпь фактовъ внутренней жизни націи, осѣненной терновымъ вѣнцомъ мученичества. Это единственная исторія безъ внѣшнихъ войнъ, безъ государственныхъ переворотовъ, безъ политики дипломатіи, словомъ, безъ всего того, что наполняетъ исторію другихъ народовъ и поражаетъ своею однообразностью, подчасъ даже безъидейностью... Дѣйствительно, исторія евреевъ есть самая философская, идейная и нравоучительная часть всеобщей исторіи"... (стр. 7 — 8). На Западѣ это сознается многими. Напомнимъ хотя-бы Ренана, родомъ не еврея, и тѣмъ не менѣе такъ много сдѣлавшаго для древнѣйшей исторіи евреевъ. Въ Германіи мы находимъ цѣлый рядъ подобныхъ трудовъ, во главѣ которыхъ надо поставить обстоятельную, одиннадцатитомную „Исторію Евреевъ", составленную Грецомъ и обнимающую собою не только соціально-политическія событія, но и духовную жизнь народа. Если съ Запада мы перенесемъ теперь свои взоры въ Россію, насъ поразитъ невольно бѣдность той исторической литературы, которая должна освѣтить болѣе, чѣмъ восьмивѣковое существованіе нашего еврейскаго населенія. Г. Дубновъ, съ видимымъ знаніемъ дѣла, перебираетъ всю литературу вопроса и не находитъ такого труда, который-бы отвѣчалъ вполнѣ требованіямъ научной основательности и полноты. Ему приходится еще указывать на цѣлыя залежи богатѣйшаго матеріала, до сихъ поръ почти или вовсе не тронутаго историками и заключающагося въ спеціально-еврейской архивной письменности (синагогальные Пинкосы), въ государственныхъ и юридическихъ актахъ, хранящихся въ различныхъ оффиціальныхъ архивахъ (напр., Метрика Литовская), въ польско-литовскихъ сводахъ и собраніяхъ законовъ, въ русскихъ лѣтописяхъ, въ еврейскихъ національныхъ сказаніяхъ, обычаяхъ и надгробныхъ памятникахъ старинныхъ кладбищъ. Все это лежитъ въ пыли и забвеніи, подобно тому, какъ лежали въ пустынѣ сухія, заброшенныя кости Іезекіиля, тогда какъ кости эти, по слову Іеговы, весь домъ Израилевъ! Собрать ихъ, одѣть въ плоть и воскресить къ жизни—вотъ дѣло, къ которому съ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ призываетъ своихъ соотечественниковъ г. Дубновъ. И нельзя не пожелать ему успѣха въ этомъ благородномъ, по истинѣ національномъ, призывѣ! Можно надѣяться, что и русскіе ученые, уже явившіе примѣръ историка, отдавшагося изученію судебъ литовскаго еврейства (проф. Бершадскій), снова и снова подадутъ руку помощи своимъ еврейскимъ собратіямъ; они этимъ только выразятъ чувства, питаемыя лучшею частью нашей интеллигенціи и вылившіяся недавно въ слѣд. прекрасныхъ словахъ графа Толстого: „...Основа нашего отвращенія отъ мѣръ угнетенія еврейской національности одна и та-же: сознаніе братской связи со всѣми народами и тѣмъ болѣе съ евреями, среди которыхъ родился Христосъ и которые такъ долго страдали и продолжаютъ страдать отъ языческаго невѣжества такъ называемыхъ христіанъ"...

Бьёрнстерне-Бьёрнсонъ. Единобрачіе и многобрачіе. Призывъ къ сѣверной молодежи. Перевелъ съ датскаго П. Ганзенъ. Съ приложеніемъ біографіи автора и его портрета. Спб. Изд. Ледерле, въ 8 д., стр. 55. Ц. 40 к.

Пораженный невоздержанною, безнравственною жизнью скандинавскаго юношества, Б.-Бьёрнсонъ, извѣстный норвежскій беллетристъ, задумалъ всѣми силами бороться противъ этого столь распространеннаго въ массахъ порока и для того составилъ настоящую рѣчь, которую и читалъ много разъ во всѣхъ главныхъ городахъ Норвегіи. Точка зрѣнія автора, по преимуществу, нравственная. Онъ предостерегаетъ отъ половой невоздержанности, указывая на то, что слѣдствіемъ ея является извращеніе чувства любви и красоты, пробужденіе тщеславія и жестокости („сладострастіе и жестокость идутъ рука объ руку!"). Привычка потворствовать своимъ страстямъ ведетъ къ нравственной распущенности, къ ослабленію воли; такимъ-же путемъ пріобрѣтаются и

недуги физическіе. Между тѣмъ, воздержаніе, вопреки укоренившемуся мнѣнію, не можетъ считаться вреднымъ для здоровья: во врачебной статистикѣ существуетъ, правда, особая графа: „душевнобольные отъ половой воздержанности“, но она почти постоянно пустуетъ. „Блѣдная дѣвичья нѣмочь“, спасенье отъ которой видятъ, обыкновенно, въ замужествѣ, имѣетъ въ дѣйствительности, по изслѣдованіямъ д-ра Вирхова, совсѣмъ другой источникъ. Такова въ общихъ чертахъ аргументація автора; бороться-же со зломъ онъ предлагаетъ воспитаніемъ и словомъ. „Особенно важную роль играетъ откровенность воспитанниковъ съ воспитателями. Откровенность обязательна не для одной только стороны, нѣтъ, она должна быть обоюдна, и воспитатель долженъ говорить съ воспитанникомъ открыто обо всемъ, даже о такихъ наслѣдственныхъ или иныхъ вліяніяхъ въ немъ самомъ, которыя ему слѣдовало-бы побороть. Словомъ, воспитаніе должно сдѣлаться тщательною совмѣстною работою“ (стр. 39). Устами-бы автора да медъ пить; къ сожалѣнію, только о такихъ воспитателяхъ что-то до сихъ поръ еще не было слышно! „Еслибы въ дни нашей молодости“, читаемъ мы ниже: „старики обратились къ намъ съ такою рѣчью, съ какою я пытаюсь обратиться къ современной молодежи, то, я думаю, мы иначе-бы распорядились своею жизнью, и многое въ обществѣ пошло-бы иначе, чѣмъ теперь“ (стр. 54). Въ этомъ мы позволимъ себѣ немного усумниться. Прекрасны намѣренія автора, спору нѣтъ, но не такими рѣчами, думается намъ, да и не рѣчами вообще достигаются результаты въ родѣ того, о которомъ мечтаетъ Б.-Бьернсонъ (уничтоженіе тайнаго и явнаго многоженства). Половая распущенность молодежи можетъ объясняться только низменностью ея интересовъ: пробудите въ юношѣ высшія духовныя потребности, укажите ему цѣль въ жизни и заставьте вѣчно трудиться для ея достиженія, вмѣстѣ съ тѣмъ вы оторвете его и отъ однихъ чувственныхъ наслажденій.... А сдѣлать это должно не случайно брошенное слово: систематическое воспитаніе, и не [illegible] воспитаніе, но также соотвѣтствен[illegible] среда и, въ особенности, благопріят[illegible] общественныя условія, при котор[illegible] индивидуальной дѣятельности человѣ[illegible] дается необходимый и должный простор[illegible]

Брошюра г. Бьернсона написана ле[illegible] и просто, но, къ сожалѣнію, изобилуетъ то общими мѣстами, то рискованными, подчасъ невѣрными, положеніями. Напрасно думаетъ, напр., авторъ, что „о переворотѣ, сдѣлавшемъ главою семьи и общества... мужчину, мы ничего достовѣрнаго не знаемъ“ и совершенно напрасно предполагаетъ, „что его произвела какая-нибудь великая религіозная (?) реформа“. Едва-ли слѣдуетъ также учить своихъ молодыхъ читателей такимъ огульнымъ обвиненіямъ, какъ напр., слѣдующее: „Взгляните на французовъ. У нихъ молодежь открыто предается многоженству“. Не станемъ умножать этихъ примѣровъ и въ противовѣсъ имъ укажемъ на теплое чувство участія къ юношеству, какимъ проникнута вся рѣчь норвежскаго писателя. Біографія его, составленная переводчикомъ, слишкомъ коротка и недостаточна, о чемъ, конечно, мы не можемъ не пожалѣть.

В. Д. Сиповскій. **Къ вопросу о школьной дисциплинѣ.** Спб., 1891 г., въ 8 д., стр. 39. Ц. 15 к.

„Кому не приходилось слышать фразу: „Въ школѣ дисциплина прежде всего!“ Кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слыхалъ жалобъ на трудность установить надлежащую дисциплину въ школѣ, и кто-же не знаетъ, что ей, этой дисциплинѣ, словно Ваалу какому-то, больше всего приносится жертвъ, притомъ жертвъ человѣческихъ, въ видѣ удаленныхъ изъ заведенія шалуновъ, грубіановъ, буяновъ и всякихъ другихъ, не могущихъ ни коимъ образомъ удержаться въ указанныхъ рамкахъ“ (стр. 1). „Что-же такое эта дисциплина?“ спрашиваетъ г. Сиповскій, и отвѣчаетъ такъ: „дисциплина — это повиновеніе требованіямъ школы, а главное средство добиться этого повиновенія—страхъ наказанія“. Но

ъ требованія школы различны: они утъ быть разумны и неразумны, исполны и неисполнимы. По тщательномъ смотрѣніи оказывается, что въ большинствѣ-то случаевъ школьныя требованія и неразумны, и трудно исполнимы. лушай внимательно, сиди смирно!", говоритъ, напр., педагогъ своему ученику, того не замѣчаетъ, что внѣшнія условія гутъ мѣшать выполненію его приказа. ь чему станетъ школьникъ сосредоточиться на безконечныхъ отвѣтахъ товарищей, когда все это ему и безъ того рошо извѣстно, какъ можетъ онъ внимательно слѣдить за урокомъ, не подстрекающимъ вовсе его любознательности? А ъ другой стороны возможно-ли живому ебенку просидѣть неподвижно пять-шесть уроковъ, отдѣленныхъ только коротеньими „перемѣнами", во время которыхъ „шалить" ему все-же не дозволяется. Да разумно-ли говорить: „повинуйся!", когда собственнаго стимула для повиновенія у мальчика оказывается недостаточно. Вѣдь тѣ-же самые педагоги не говорятъ ученику: „пойми!", когда тотъ не понимаетъ; какъже не видятъ они полной безплодности и втораго своего, вполнѣ аналогичнаго, требованія? Факты это доказываютъ всего убѣдительнѣе. Сами сторонники дисциплины не скрываютъ того любопытнаго явленія, что новички — самый послушный въ школѣ народъ: они во-время являются на уроки, соблюдаютъ въ классѣ тишину, слушаютъ и слушаются учителя. Нарушенія правилъ и разныя шалости начинаются только съ того времени, когда школьникъ уже отвѣдаетъ хваленой дисциплины и немного освоится съ ея представителями. Ну, не безплодны-ли, значитъ, всѣ требованія повиноваться тому режиму, который самъ не способенъ внушить къ себѣ достаточнаго уваженія? И ужъ, конечно, требованія эти не дѣлаются разумнѣе, когда ихъ сопровождаетъ угроза наказанія. Много писалось о томъ, что страхъ — плохое вообще педагогическое средство; онъ сдерживаетъ отъ проступка на время, но не внушитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прочнаго нравственнаго чувства; трусость, притворство и злоба— вотъ обычные спутники страха. Если въ силу этого даже отъ взрослыхъ людей законъ требуетъ повиновенія „не токмо за страхъ, но и за совѣсть", то ужъ отъ дѣтей особенно странно добиваться послушанія, не вытекающаго изъ „совѣсти". Но какъ достигнуть такого послушанія? Надо сказать, что порядокъ въ классѣ находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ урока. Когда школьники интересуются тѣмъ, что̀ говоритъ имъ учитель, когда они и сами могутъ принять участіе въ урокѣ, но не однимъ отвѣтомъ заученнаго, а нѣкоторою самостоятельною работою ума, тогда не является и надобности поддерживать дисциплину искусственнымъ образомъ: въ классѣ и безъ того водворяется тишина, которую не позволитъ себѣ нарушить самый отчаянный шалунъ. Кромѣ дисциплины, такимъ путемъ достигаются хорошія отношенія между учащими и учащимися. Учитель, который интересно разсказываетъ, да еще не прибѣгаетъ къ мѣрамъ строгости, всегда пользуется расположеніемъ дѣтей. У нихъ исчезаетъ желаніе шалить на его урокахъ, вырабатывается своего рода внутренній контроль, болѣе сильный, чѣмъ всякая внѣшняя дисциплина. „Если содержаніе урока", говоритъ г. Сиповскій (стр. 15): „само по себѣ заключаетъ внутренній интересъ и соотвѣтствуетъ силамъ учащихся, если преподаваніе ведется такъ, что вносится наглядность, разнообразіе и вызывается самодѣятельность учащихся и, наконецъ, если учитель, владѣя вполнѣ своимъ предметомъ, относится къ урокамъ съ живымъ интересомъ, къ дѣтямъ доброжелателенъ и справедливъ, то не придется жаловаться на недостатокъ вниманія учениковъ, не придется и заботиться объ ихъ поведеніи". Все, что̀ сказано выше о дисциплинѣ въ классѣ, вполнѣ приложимо и къ дисциплинѣ въ интернатѣ. Здѣсь также авторитетъ школьныхъ требованій поддерживается только страхомъ наказанія: карцеромъ или штрафнымъ журналомъ. Имъ противопоставляетъ г. Сиповскій полезныя раз-

влеченія, которыя должны занять все свободное время школьниковъ и уничтожить ту скуку, которая является отличительною чертою интернатской жизни и главною виновницею всевозможныхъ проступковъ. Развлеченія могутъ состоять въ играхъ, въ занятіяхъ искусствами, въ чтеніи занимательныхъ книгъ... Но еще больше значенія можетъ имѣть личный авторитетъ воспитателя, находящагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ гимназистами, и своимъ вмѣшательствомъ, словомъ и убѣжденіемъ устраняющаго такъ часто встрѣчающіяся теперь недоразумѣнія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ изложили мы взгляды г. Сиповскаго на роль воспитателя и на значеніе школьной дисциплины. Во всемъ соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ, выразимъ пожеланіе, чтобы и другіе наши педагоги, особенно педагоги-практики, прониклись тѣми-же убѣжденіями и чтобы воспитаніе тогда, выражаясь словами Жанъ-Поля, перестало „менѣе развивать способности ребенка, чѣмъ обезпечивать спокойствіе воспитателя“.

Н. В. Водововъ.

Въ Сербіи. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877 — 1878 гг. Генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта Г. И. Бобрикова. Спб. 1891 г.

Прошлая русско-турецкая война чрезвычайно бѣдна печатными матеріалами на русскомъ языкѣ, а потому каждое, вновь выходящее, сочиненіе объ этой кампаніи обязательно возбуждаетъ живой интересъ.

Кромѣ этого общаго положенія, разбираемая книга обращаетъ на себя особое вниманіе какъ по блестящему и правдивому изложенію событій, такъ равно и потому, что она написана тонкимъ знатокомъ Балканскаго полуострова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицомъ, руководившимъ военными операціями сербовъ по порученію августѣйшаго главнокомандующаго.

Авторъ замѣчательно искусно сгруппировалъ событія какъ политическія, такъ и военныя въ одну общую стройную и живую картину, и какъ руководитель этого дѣла освѣтилъ внутренній смыслъ событій. Начавъ съ описанія положенія Сербіи въ августѣ 1877 года, онъ выяснилъ постепенную организацію боевыхъ силъ, объ[явленіе] войны Турціи, изложилъ планъ [кам]паніи и постепенный ходъ военныхъ [дѣй]ствій, весьма успѣшныхъ для сербовъ.

Нельзя пройти молчаніемъ два обсто[я]тельства крайне назидательныхъ: 1) у[ка]заніе на характеръ веденія главныхъ во[ен]ныхъ операцій (глава I) на Балканско[мъ] полуостровѣ, выведенное на основаніи оп[ы]та прежнихъ войнъ съ Турціей и 2) [у]спѣшное выполненіе щекотливаго поли[ти]ческаго порученія, описаніе котораго ос[о]бенно важно для лицъ, могущихъ и въ бу[ду]щемъ оказаться въ подобномъ положе[ніи].

Въ общемъ надо сказать, что появле[ніе] въ нашей литературѣ о прошлой войнѣ пр[о]изведеній подобныхъ прекрасному труду ге[]нерала Бобрикова очень желательно въ ви[ду] несомнѣнной назидательности для будущ[аго].

П. Н. Вороновъ.

Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. (Матеріалы для біографіи). Ивана Барсукова. М. 1891 г., въ 8 д., кн. первая, стр. IV+672. съ портретомъ графа и раскраш. картою Восточной Сибири 1850-хъ гг.; кн. втор., стр. 321.

Собраніе матеріаловъ для возможно-подробнаго жизнеописанія — такихъ именно достопамятныхъ людей земли русской, какъ графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, этихъ воплотителей мощи духовныхъ силъ русскаго народа—есть дѣло въ высшей степени полезное, а изданіе ихъ — заслуга не только предъ обществомъ, но и предъ государствомъ. Сердечная благодарность русскихъ людей князю М. С. Волконскому за то, что онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ на собраніе этихъ матеріаловъ, не остановился предъ хлопотами, заботами и большими издержками для сего дѣла и, наконецъ, издалъ ихъ. Обработку матеріаловъ или правильную систематизацію князь М. С. предоставилъ приглашенному имъ сотруднику Ив. Барсукову, который выполнилъ это дѣло съ посильнымъ усердіемъ. Громадный сборникъ ляжетъ въ основу будущей біографіи гр. Муравьева-Амурскаго.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1892 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

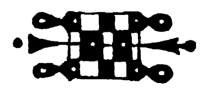
Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Исторія русской литературы.

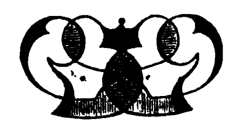
Исторія художествъ.

Портреты.



Библіографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1888 годъ. Спб. 1892. (На обертк̂ѣ I-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
2. Подолія. Историческое описаніе. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 1 хромолитографіею, 2 фототипіями, 46 гравюрами и 2 картами. Спб. 1892 г. (На обертк̂ѣ II-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
3. Сборникъ въ пользу голодающихъ. Изданіе ред. журнала „Русская Мысль“. Москва. 1892 г., въ 8 д., стр. 279. (Напечатано 3,000 экз.). Складъ изданія въ Москвѣ, въ редакціи „Русской Мысли“. (Тамъ-же).
4. Л. Д. Бражниковъ. Идеи русскихъ писателей XIX вѣка. Матеріалы къ исторіи русской литературы. Спб. 1892 г., въ 8 д., стр. VIII+357. (Тамъ-же).
5. Н. П. Лихачевъ. Бумаги и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Спб. 1891 г. (Тамъ-же).
6. Хронологія русской военной исторіи. Хронологическій указатель войнъ, сраженій и дѣлъ, въ которыхъ участвовали русскія войска отъ Петра I до новѣйшаго времени. Сост. А. С. Лацинскій. Спб. 1891 г., 8 д., стр. 289. (Тамъ-же).
7. Энциклопедическій словарь. Изданіе Брокгауза и Ефрона. (На обертк̂ѣ III книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
8. 1861—1891 гг. Двадцатипятилѣтіе врачей. Выпускъ изъ Имп. медико-хирургической академіи 1866 г. Сост. Н. П. Черепнинъ. (Тамъ-же).
9. Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. Книга пятая. Спб., 1891 г., стран. XIII+250. (Тамъ-же).
10. А. Турцевичъ. Христоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. 1892 г. 776 стр. (Въ текстѣ II книги „Русск. Ст.“ изд. 1892 г., стр. 535).
11. Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова (съ портретомъ и біографіею) Издано на средства частныхъ жертвователей въ пользу восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географ. Общества. Подъ редакціею Г. И. Потанина. Спб. 1891. XL + 129. (Тамъ-же).
12. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Рѣчь, читанная 5-го ноября 1891 г. въ торжественномъ годичномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета ордин. проф. Н. П. Загоскинымъ. Казань. 1892 г., въ 8 д., стр. 102. (Тамъ-же, стр. 536).
13. Городъ студентовъ. Бытовыя картинки стараго Дерпта М. Лаврецкаго. Ревель. 1891 г., въ 8 д., стр. 55. (Тамъ-же, стр. 537).
14. Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Выпускъ 1: Норвежскіе писатели. Перев. М. В. Лучицкой. Кіевъ. 1891 г., въ 12 д., 292 стр. (Тамъ-же, стр. 538).



КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB.* *Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Агинъ, А. Сто рисунковъ къ поэмѣ Н. В. Гоголя «Мертвыя души». Спб. 1892. Ц. 3 р.

Альманахъ «Русскаго охотника» на 1892 годъ. М. Ц. 50 к.

Аристофанъ. «Всадники». Комедія. Перевелъ Ан. Станкевичъ. Спб. 1892. Ц. 75 к.

* **«Артистъ».** Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 19, № 20. Спб. 1892. Ц. кажд. №—2 р.

Барановъ, А., и **Горѣновъ,** Н. Географія Россійской имперіи. Курсъ средн. учебн. заведеній (48 картъ въ текстѣ). Спб. Ц. 1 р.

Барсовъ, К. А. Магометъ, его жизнь и ученіе. М. 1892. Ц. 20 к.

* **Барсуковъ,** Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга пятая. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Белляриминовъ, И. Курсъ всеобщей исторіи. Изд. 2-е, съ рисунками и картами. Спб. Ц. 80 к.

— Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Спб. Ц. 90 к.

Бемъ, Е. Портретъ А. Г. Рубинштейна. Съ автографомъ. Ц. 1 р.

Беръ, Поль, проф. Лекціи зоологіи. Переводъ съ франц. д-ра Л. Н. Симанова. Анатомія и физіологія. Спб. Ц. 2 р.

Боголюбовъ, М. Д-ръ. Новыя врачебныя средства, вошедшія въ медицину въ 1891 г. М. 1892. Ц. 60 к.

Боголюбовъ, М. Д-ръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Изд. 4-е, дополн. М. 1891. Ц. 15 к.

— Совѣты матерямъ (гигіено-діэтическіе). Изд. 2-е. М. 1892. Ц. 10 к.

* **Борзенко,** Александръ. Литературная собственность въ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ. М. 1892. Ц. 30 к.

* — Право автора на переводъ. М. 1892. Ц. 40 к.

Бреаль, М. проф. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перев. Н. Сперанскій. М. 1892. Ц. 75 к.

Брянцевъ, П. Д. Польскій мятежъ 1863 г. Вильна, 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Бушъ, Н. О самозарывающихся плодахъ нашей мѣстности. Казань, 1891. Ц. 50 к.

Вагнеръ, Р. Химическая технологія. Обработано Ф. Фишеромъ. Вып. 5-й. Спб. 1892. Ц 1 р.

Веденяпинъ, А. Курсъ отопленія и вентиляціи для Николаевской инженерной академіи. Спб. Цѣна за 2 тома съ атласомъ 7 р.

Вержбовскій, Ѳ. Н. Сельскохозяйственный винокуренный заводъ (проектъ) и условія винокуренія. Спб. Ц. 2 р.

Вернеръ, Е. Блуждающіе огни. Романъ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Вильчинскій. Начало Руси по сказаніямъ

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семевскаго („Русской Старины").

современниковъ и курганамъ. Спб. 1892 г. Ц. 80 к.

Владиміровъ, П. В. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова. Кіевъ, 1892. Ц. 35 к.

Гамсунъ, К. Голодъ. Романъ. Переводъ Вс. Чешихина. Спб. 1892. Ц. 60 к.

Германъ, В. Проектъ вѣтрянаго двигателя съ зубчатой передачей. Спб. Ц. 60 к.

Горбовъ, Н. Русская исторія для начальныхъ школъ. М. Ц. 20 к.

Градовскій, А. проф. Начало русскаго государственнаго права. Т. I. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Грассъ, Л. I. Страхованіе сельскохозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая. Казань, 1892. Ц. 5 р.

Данилевскій, А., проф. Пища и характеръ. 1891. Ц. 60 к.

* **Джаншіевъ**, Гр. Изъ эпохи великихъ реформъ (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлеснаго наказанія. — Цензурная реформа.—Новый судъ и пр.). Историческія справки. М. 1892. Ц. 1 р. (Въ пользу голодающихъ).

Друммондъ, Г. Самое великое въ мірѣ; миръ съ вами; какъ преобразовать нашу жизнь. Три рѣчи. Перев. съ англійскаго. М. 1892. Ц. 80 к.

Dujardin-Beaumetz, проф. Лѣченіе болѣзней желудка. Вып. I (лекціи 1—8). Спб. Ц. 1 р. 50 к.

* **Ежегодникъ** Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1890—91 гг. Спб. 1892. Ц. 3 р. 50 к.

Езерскій, Ѳ. В. Капитальная книга разсчетливаго человѣка съ календаремъ-счетоводъ на 1892 г. Спб. Ц. 60 к.

Еремѣевъ, М. Проектъ деревянной двусрубной церкви. Спб. Ц. 60 к.

Жуковскій, В. П. Д-ръ. Острая пузырьная сыпь новорожденныхъ. Спб. Ц. 25 к.

Зандронъ, А. Разсказы, эпизоды и сцены. Изъ воспоминаній бывалаго человѣка. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Знаменскій, П. Исторія Казанской духовной академіи за первый періодъ ея существованія (1842—1870 гг.). Казань, 1891. Ц. 2 р.

Зарубинъ, И. Альманахъ-путеводитель по С.-Петербургу. Съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

* **Извѣстія Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи** при Императ. Казанскомъ университетѣ. Т. X, вып. I. Казань, 1892. Ц. выпуска 1 р.

Иловайскій, Д. И. Краткіе очерки русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. М. Ц. 1 р.

— Руководство ко всеобщей исторіи. Часть 1-я. Древній міръ. М. Ц. 75 к.

Карповъ, И. И. Руководство къ изученію практической фотографіи. Изданіе 4-е, переработанное и дополненное. Спб. 1892. Ц. 2 р.

Кизенковъ, С. Объ орошеніи полей снѣговою водою. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Конрадъ Мейеръ. Святой. Повѣсть, перев. съ нѣмецк. Спб. 1891. Ц. 75 к.

* **Костромская Старина**. Сборникъ, издаваемый костромскою губернскою ученою архивною комиссіею. Вып. 2-й. Кострома, 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, В. Г. О воздѣлываніи хлѣбовъ: ржи, пшеницы, полбы, ячменя, овса, проса, могара, росички, сорго и кукурузы. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1892. Ц. 30 к.

Котовщиковъ, Н. И., профес. Таблицы важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ внутреннія болѣзни. Изд. 3-е. Казань, 1892. Ц. 75 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. I. Съ портретомъ автора. Спб. 1892. Цѣна по подпискѣ за 5 томовъ 12 руб.

Кулешовъ, П. проф. Коневодство. Съ рисунками. М. 1892. Ц. 1 р. 30 к.

Лизандеръ-фонъ, Д. Передъ закатомъ. М. 1892. Ц. 1 р.

Май, Оскаръ. Производство электрическаго освѣщенія. Кіевъ, 1892. Ц. 30 к.

Майковъ, Валеріанъ. Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ. Къ исторіи литературныхъ вліяній. Спб. 1892. Ц. 50 к.

Максимовъ, С. М. Крылатыя слова. Спб. Цѣна 3 рубля.

Максимовъ, В., и **Сивковъ**, П. Ракъ и его ловля. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Малининъ, А. Руководство прямолинейной тригонометріи для гимназій и реальныхъ училищъ. М. Ц. 60 к.

Масперо, М. Древняя исторія: Египетъ. Ассирія. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 2 р.

Медвѣдевъ, Ѳ. Химія безъ лабораторіи. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Медвѣдевъ, Ѳ. Календарь флоры. Спб. 1891. Ц. 50 к.

* **Межовъ**, В. И. Сибирская библіографія. Изд. И. М. Сибирякова. Спб. 1892. Ц. 1 р. 75 к.

Месновскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Вып. III. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Михайловскій, В. М. Шаманство. Сравнительно-этнографич. очерки. (Извѣст. Импер. общ. любит. естествозн., антропол. и этнограф. Т. LXXV. Труды этногр., отд. т. XII). М. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

* **Модричъ**, І. Н. Черная гора. Соколиное гнѣздо. Петроградъ, 1892. Ц. 50 к.

* **Муравьевъ**, И. Обученіе военной гимнастикѣ учениковъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, народныхъ школъ, а также и солдатъ. Бердянскъ, 1891. Ц. 25 к.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Издан. 11-е Спб. 1892. Ц. 2 р.

Н. Д. Іерархія Всероссійской церкви, отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени. М. 1892. Ц. 1 р. 75 к.

Невѣжинъ, П. М. Изъ жизни мелкихъ людей. Юмористическіе очерки. М. 1892. Ц. 1 р.

Нерингъ, І. Проектъ кольцеобразной кирпичеобжигательной печи системы Гофмана. Спб. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Сборникъ исполнительныхъ рисунковъ токарныхъ работъ. М. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Носенко, Д. А. Производство судебно-межевыхъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ. Спб. 1892. Ц. 60 к.

Паукеръ, Г. Е. Строительная механика. Курсъ Николаевской инжен. академіи. Подъ редакціей Н. Л. Кирпичева. Спб. 1891. Ц. 5 р., въ перепл. 5 р. 50 к.

Планте, Г. Электрическія явленія въ атмосферѣ. Пер. съ французскаго. А. Анисимова. Спб. Ц. 1 р.

Постниковъ, А. П. Основанія электро техники. Ч. I. М. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Потѣхинъ, А. А. Послѣ освобожденія Разсказы изъ крестьянскаго быта. (Томъ I: Хай-дѣвка.—На міру. Томъ II: Хворая.—Иванъ да Марья. Томъ III. Порченая.—Деревенскіе міроѣды.—Дѣдушка Николай.—Старый Покровскій дьяконъ). Ц. за 3 тома 4 р.

Преображенскій, В. Хр., священ. Фотій, патріархъ константинопольск. Тысячелѣтіе со дня кончины его. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Преображенскій В. Хр., свящ. Борьба за иконопочитаніе въ Византійской имперіи. М. 1890. Ц. 30 к.

Преображенскій, В. свящ. Раздѣленіе церкви на двѣ половины—Восточную и Западную. М. 1891. Ц. 40 к.

* **Пыпинъ**, А. Н. Исторія русской этнографіи. Томъ III: Этнографія малорусская, Спб. 1891. Ц. 3 р.

* — Исторія русской этнографіи. Т. IV: Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892. Ц. 3 р.

Рачинскій, С. А. Сельская школа. Сборникъ статей. Съ предисловіемъ Н. Горбова. Изданіе 2-е. М. 1892. Ц. 1 р. 25 к.

Рождественскій, С. Отечественная исторія въ разсказахъ. Для низшихъ школъ и вообще для дѣтей старшаго возраста. Спб. Ц. 60 к.

Рудаковъ, В. Е. Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ профес. Спб. университета И. Е. Андреевскаго. Спб. 1892. Ц. 45 к.

Русская военная сила. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени. Съ рисунками, картами и планами. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. подъ редакціею А. Н. Петрова. М. 1892. Ц. за 2 т. 6 р.

* **Русская историческая библіотека**, издаваемая археографическою комисс. Т. 13-й: Памятники древней рус. письменности,

относящіеся къ смутному времени. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Саліасъ, гр. Тятинъ-Балтійскій. Историческая повѣсть. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Сборникъ узаконеній и распоряженій о пенсіяхъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Спб. 1891. Ц. 2. р.

* **Семеновъ**, Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Изд. М. Е. Комарова. Спб. 1892. Т. III, часть вторая и послѣдняя.

Сенека, Л. Анней. Сатира на смерть императора Клавдія. Съ латинск. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчан. Спб. 1891. Ц. 30 к.

Серебренниковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892. Ц. 2 р. 25 к.

Симоновъ, Л., д-ръ. Паяніе и покрытіе однихъ металловъ другими, съ особыми отдѣлами гальваническаго покрытія и металлохроміи. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 1 р. 25 к.

Слабошевичъ, Б. Проектъ мукомольной мельницы о 2-хъ поставахъ и сукновалки съ дерев. турбиною въ 18 силъ. Спб. Ц. 2 р.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судопроизводство. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Случевскій, К. Профессоръ безсмертія. Разсказъ. Спб. 1892. Ц. 50 к.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Спб. Ц. 1 р.

Снѣгиревъ, В. А. проф. Религіозная идея (Психологич. очеркъ). Харьковъ. Ц. 20 к.

Соболевскій, А. И. проф. Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Вс. С. Великій Розенкрейцеръ. Романъ XVIII вѣка. Спб. 1892. Ц. 2 руб.

Соловьевъ, Вс. С. Новые разсказы. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика. Пере[...] съ латинскаго. М. 1892. Ц. 2 р.

Сталинскій, Е. С. Бродячія идеи и гр[...] Толстой. М. 1892. Ц. 60 к.

Стоюнинъ, В. Я. Педагогическія сочи[...]нія. Спб. 1892. Ц. 3 р.

Стояновъ, А. Н., проф. Изъ исторіи у[...]верситетовъ западной Европы (Истори[...] культурный очеркъ). Харьковъ, 1891. Ц. 30 коп.

Студенческая пѣсня «Gaudeamus igit[ur]». Латинскій текстъ, переводъ и ноты. Из[д.] врача Н. Н. Вакуловскаго. Спб. Ц. 40 к.

Сундквистъ, О. и **Лазарева**, М. Учебникъ практической и научной методы кройки. М. 1892. Ц. съ атласомъ 3 р.

Тихомировъ, Е. Н. Учебникъ ариѳметики для начальныхъ училищъ. М. Ц. 30 к.

Толстой, гр. Левъ Ник. О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. М. 1892. Ц. 30 к.

Троицкій, Н. Собиратель грибовъ. Спб. 1891. Ц. 50 к.

Т—нъ. Н. Картонная модель печи-калорифера Собольщикова. Спб. Ц. 60 к.

Успенскій, Е. И., д-ръ. Введеніе къ паталогіи неврозовъ. Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Феноменальные люди (по Гюйо-Добэ). Спб. 1891. Ц. 50 к.

Фурдуевъ, В. И. Бактеріологія и агрономія. Харьковъ, 1891. Ц. 50 к.

Фушэ, Поль. Права любви. Романъ. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Хлуденевъ, инж. Проектъ духовой зерносушилки. Спб. Ц. 60 к.

* **Цвѣтаевъ**, Дм. Вл. Баллады Шиллера. Опытъ объясн. ихъ. В. 1882. Ц. 1 р. 10 к.

* — Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вв. М. 1885. Ц. 80 к.

* — Генералъ Бауманъ и его дѣло. М. 1884. Ц. 75 к.

По желанію г. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ коленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» (Мих. Ив. Семевскаго) безъ малѣйшаго замедленія.

чившихъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1860 году. Составленъ П. Плинскимъ" 192 стр. Этотъ выпускъ украшенъ портретомъ бывшаго президента академіи Дубовицкимъ († 30-го марта 1868 г.), а въ текстѣ помѣщены еще портреты: проф. Руднева († 27-го января 1881 г.) и проф. Горвица († 29-го марта 1883 г.). Оба они принадлежали къ выпуску 1860 года).

Сборникъ, составл. докторомъ Н. А. Ворониxинымъ, выпущенъ въ количествѣ 300 экземпл. и изданъ на средства товарищей-однокурсниковъ. Въ немъ 272 стр. Сборникъ украшенъ: на одномъ листѣ портретами: президента академіи—Дубовицкаго, вице-президента—Глѣбова и ученаго секретаря—Зинина. Въ текстѣ помѣщены портреты: проф. Доброславина и проф. Коломнина. Оба они принадлежали къ выпуску врачей 1865 г. Біографіи Доброславина и Коломнина отпечатаны затѣмъ отдѣльными изданіями, причемъ 2-ое изданіе біографіи Доброславина вышло въ дополненномъ видѣ.

Сборникъ 1891 г., составл. г. Черепнинымъ, содержитъ въ себѣ лишь I-ю часть; въ предположенную къ выпуску II-ю часть войдутъ автобіографіи. Сборникъ украшенъ портретами Дубовицкаго, Глѣбова и Зинина,—повтореніе приложенія въ 1890 году.

Мысль объ изданіи таковыхъ сборниковъ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія. Желательно, дабы и другія высшія учебно-научныя учрежденія, подобно тому, какъ это дѣлаютъ нынѣ питомцы медико-хирургической академіи, подводили таковые итоги дѣятельности своихъ „выпусковъ", напр., за четверть вѣка, принадлежащихъ къ одному и тому-же періоду; много полезнаго, много назидательнаго внесли-бы въ сознаніе русскаго образованнаго общества взгляды разныхъ дѣятелей, развившихся подъ сѣнью одного и того-же учрежденія,—взгляды на пережитое, передуманное, содѣянное и предположенное къ совершенію на пользу науки и дорогаго отечества. Жаль только, что на содѣйствіе таковымъ сборникамъ туго откликаются; такъ г. Черепнинъ замѣчаетъ, что лишь 1/4 однокурсниковъ его прислала о своей дѣятельности свѣдѣнія. А. П.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. Книга V. Спб. 1892 г.

Н. П. Барсуковъ неуклонно продолжаетъ свой трудъ; кто имѣетъ малѣйшее понятіе о томъ, какъ писалъ Мих. Петр. Погодинъ, что такое изображаетъ его ужасный почеркъ,—вся его манера писанія съ недописками, его предложенія зачастую безглагольныя, нерѣдко одни лишь намеки на то, что складывалось въ его пытливомъ умѣ и что онъ хотѣлъ сказать и что лишь отмѣчалъ въ своихъ записныхъ книжкахъ, тотъ только можетъ понять какого упорнаго труда требуетъ разборъ, прочтеніе, приведеніе въ стройный порядокъ—всей массы написаннаго Погодинымъ... Н. П. Барсуковъ не страшится этой громадной работы и одушевляемый глубокимъ и непреложнымъ чувствомъ уваженія—къ самобытному русскому человѣку, прямо вышедшему изъ самой сердцевины русскаго народа и оказавшему отечеству рядъ несомнѣнно значительныхъ услугъ,—ведетъ читателя отъ книги къ книгѣ, отъ года къ году, отъ группы дѣятелей общественныхъ, научныхъ и литературныхъ къ новымъ лицамъ — съ кѣмъ только соприкасался въ своей кипучей дѣятельности М. П. Погодинъ. Въ настоящей книгѣ предъ нами 1837 — 1840-ые года. Связующею нитью всѣхъ изложенныхъ за эти годы событій, конечно, служатъ жизнь и труды М. П. Погодина, какъ профессора, замѣчательнаго изслѣдователя въ области русской исторіи древнихъ ея періодовъ, какъ слависта, установившаго прочныя и во всю его жизнь продолжавшіяся связи съ Славянскимъ міромъ и, наконецъ, какъ издателя и журналиста. Упреки за то, что Н. П. Барсуковъ сохраняетъ на страницахъ жизнеописанія Погодина (излагаемаго подборомъ выписокъ изъ статей, писемъ и дневниковъ самого Михаила Петровича) массу мелочей, не основательны. Многотомный и долголѣтній трудъ Н. П. Барсукова въ такомъ видѣ, какъ онъ имъ создается, останется навсегда первоисточникомъ, обильнымъ свѣдѣніями самыми разнообразными для исторіи русскаго образованнаго общества и литературно-научныхъ его кружковъ преимущественно за время царствованія императора Николая Павловича. А. П.

„РУССКАЯ СТАРИНА“
1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 26, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

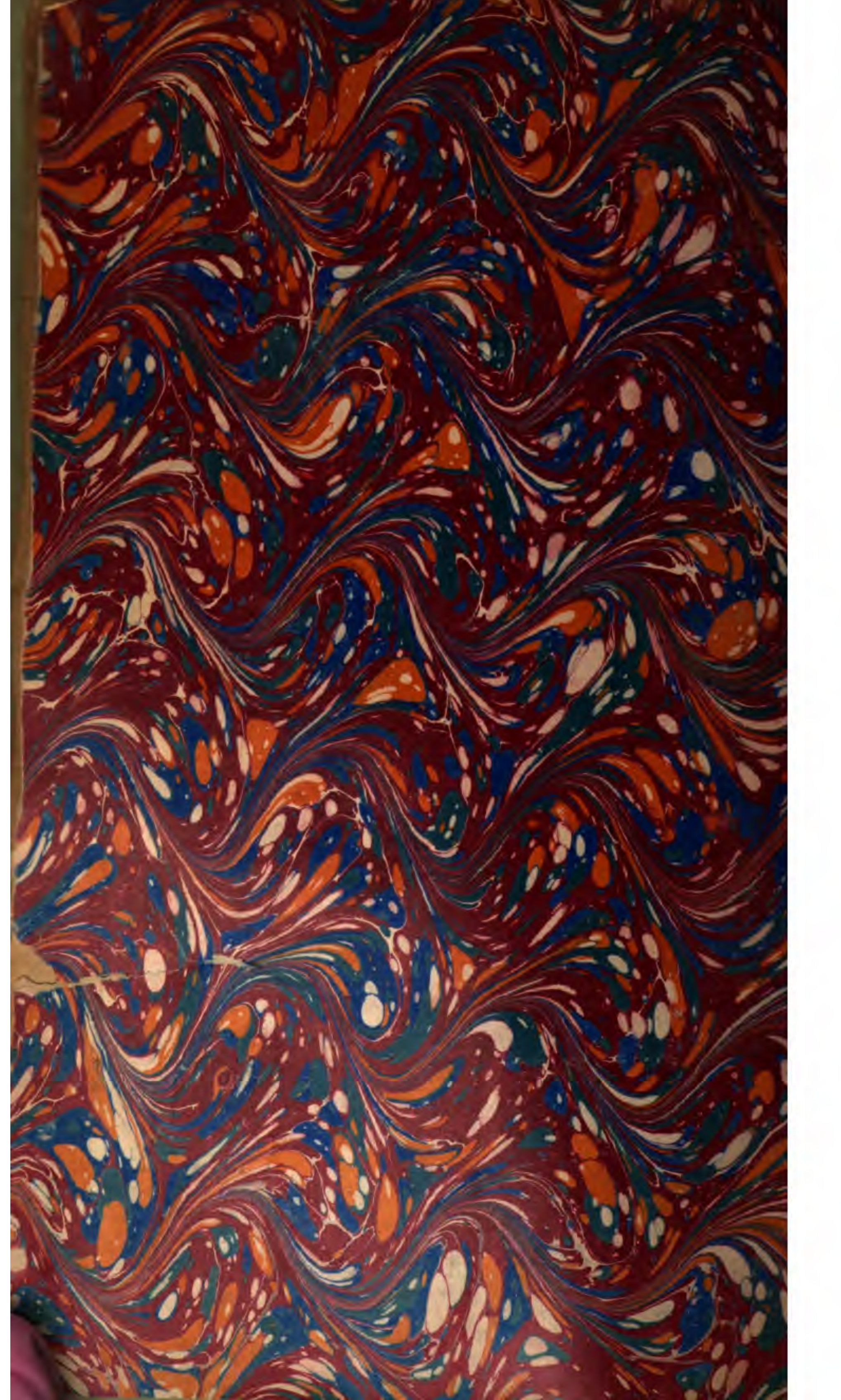
Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ **1870** г., третье изд., *(15 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1876** г., второе изд., *(60 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1877** г., 12 книгъ *(33 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1878** г., 12 книгъ *(31 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1880** г., второе изд. *(61 экз.)*, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ **1881** г., 12 книгъ *(30 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ **1884** г., 12 кн. изд. второе *(57 экз.)*, съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ **1885** г., 12 книгъ *(52 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ **1888** г., 12 книгъ *(70 экз.)*, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ **1889** г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ **1890** г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ **1891** г., 12 книгъ *(57 экз.)*, съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій**



3 2044 014 837 520
FEB 1 '61 H
CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE
WIDENER
STALL-STUDY
APR 1 4 1999
CHARGE
CANCELLED